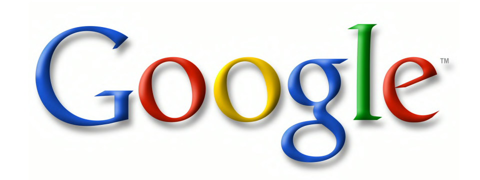

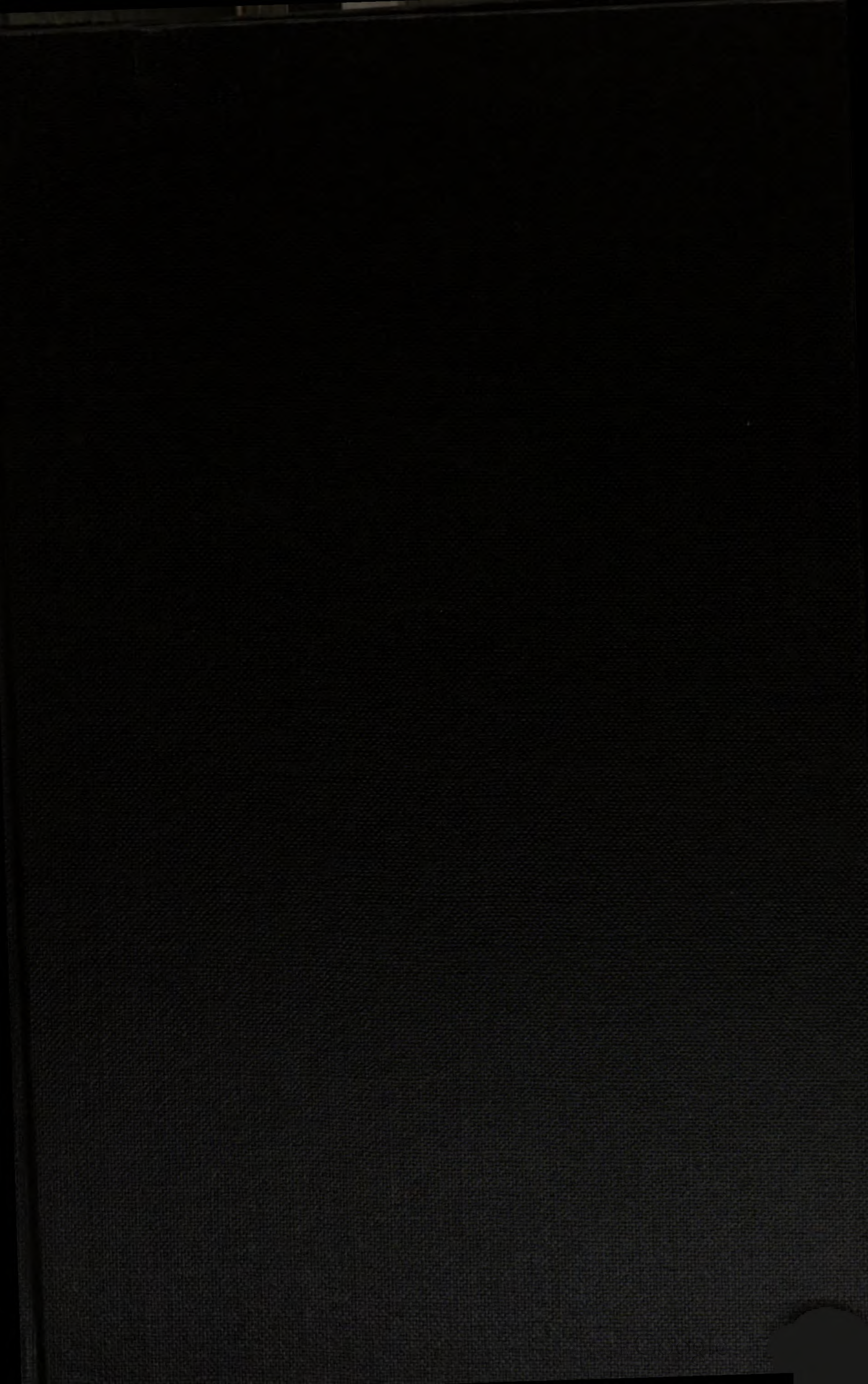

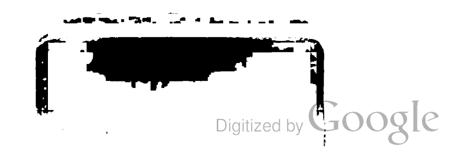

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1856.

ІЮЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

10 листовъ

Подписка на *Христіанское Чтеніе* принимается въ Правленіи С. Петербургской Духовной Академіи, во всѣхъ Правленіяхъ иногородныхъ Семинарій, въ духовныхъ уѣздныхъ и приходскихъ Училищахъ. Цѣна за годовое изданіе безъ доставки 6 р. с., а съ доставкою и пересылкою 7 р. 50 к. сер.

Въ Редакціи *Христіанскаго Чтенія* и въ Канцеляріи Правленія С. Петербургской Духовной Академіи еще продаются полные экземпляры *Христіанскаго Чтенія* за прежніе годы, именно: 1822, 1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1833, 1836, 1837, 1839, 1840, 1841, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853 и 1854. Каждый экземпляръ отдѣльно — по 6 р. сер. безъ пересылки, а съ пересылкою по 7 руб. 50 к. с. Кто пожелаетъ выписать имѣющіеся экземпляры за всѣ годы въ совокупности, или съ 1822 по 1827, и съ 1833 по 1847 включительно; тому будетъ уступленъ каждый экземпляръ одного года по 4 р. 40 к. с. безъ пересылки, за которую нужно прилагать на пять фунтовъ для каждаго экземпляра. Цѣна за экземпляръ *Христіанскаго Чтенія* 1849, 1850, 1851, 1852, 1853 и 1854 годовъ остается прежняя.

Въ Редакціи же *Христіанскаго Чтенія* и въ Канцеляріи Правленія С. Петербургской Дух. Акад. продаются книги:

1) Исторія Русскаго Раскола, извѣстнаго подъ именемъ Старообрядства, соч. *Макарія*, Епископа Винницкаго, Ректора С. Петербургской Духовной Академіи. Цѣна 2 р. с. съ перес.

2) Введеніе въ Православное Богословіе, соч. того же автора. *Второе, исправленное изданіе*. Цѣна 2 р. 50 к. с. съ перес.

БЕСѢДА 87.

Ѳома же, единъ отъ обоюнадесяте, глаголемый близнецъ, не бѣ съ ними, егда пріиде Іисусъ. Глаголаху же ему друзіи ученицы: видѣхомъ Господа. Онъ же рече имъ: аще не вижу... не иму вѣры, и пр. (Іоан. 20, 24. 25).

Какъ вѣровать просто и безъ разбора—дѣло легкомыслія; такъ сверхъ мѣры испытывать и больше, чѣмъ нужно, изслѣдывать — дѣло ума крайне упорнаго. Поэтому-то и Ѳома подвергается порицанію. Когда Апостолы сказали ему: *видѣхомъ Господа,*—онъ не повѣрилъ, не столько по недовѣрію къ нимъ, сколько по тому, что считалъ невозможнымъ это дѣло, то есть, воскресеніе изъ мертвыхъ. Онъ не сказалъ: я не вѣрю вамъ, но: *аще не вложу руку мою, не иму вѣры.* Но отъ чего въ то время, какъ всѣ были собраны, не было его одного? Вѣроятно, онъ тогда не возвратился еще изъ прежде бывшаго разсѣянія. А ты, когда видишь этого ученика невѣрующимъ, подумай о человѣколюбіи Господа, который и ради одной души показываетъ Себя въ ранахъ, приходитъ и для спасенія одного, хотя и болѣе другихъ упорнаго. Въ самомъ дѣлѣ, (Ѳома) искалъ себѣ удостовѣренія посредствомъ самаго грубаго чувства и не вѣрилъ даже глазамъ. Онъ не сказалъ: если не

увижу, но: если не осяжу, дабы узнать, не призракъ ли то, что я вижу. Безъ сомнѣнія, и ученики, возвѣстившіе (о явленіи Господа), были уже достойны вѣры, равно какъ и Самъ (Господь), обѣщавшій это; тѣмъ не менѣе однакожъ, поелику Ѳома искалъ себѣ бо́льшаго (удостовѣренія), то Христосъ не отказалъ ему и въ этомъ. Для чего же Онъ является ему не тотчасъ, а спустя восемь дней? Для того, чтобы Ѳома, внимая въ теченіе этого времени убѣжденіямъ учениковъ и слыша одно и тоже, воспламенился бо́льшимъ желаніемъ и сдѣлался болѣе твердымъ въ вѣрѣ на будущее время. Но откуда онъ зналъ, что и ребра (Христовы) прободены? Слышалъ это отъ учениковъ. Отъ чего же этому онъ повѣрилъ, а тому не повѣрилъ? Отъ того, что то было событіе совершенно необыкновенное и чудесное. Но ты замѣть правдолюбіе Апостоловъ: они не скрываютъ недостатковъ ни своихъ, ни чужихъ, но описываютъ ихъ со всею истиною. Итакъ снова является Іисусъ и не ожидаетъ, пока (Ѳома) станетъ просить Его или скажетъ что нибудь подобное, но еще прежде, чѣмъ тотъ сказалъ что нибудь, исполняетъ его желаніе, показывая тѣмъ, что Онъ былъ съ учениками и въ то время, какъ (Ѳома) говорилъ съ ними. Онъ употребилъ тѣже самыя слова (какія Ѳома произнесъ), сильно укоряя его и вразумляя на будущее время. Сказавъ: *принеси перстъ твой сѣмо, и виждь руцѣ мои: и вложи руку твою въ ребра моя,*— прибавилъ: *и не буди невѣренъ, но вѣренъ*

(ст. 27). Видишь ли, что сомнѣніе происходило отъ невѣрія? Но такъ было прежде, чѣмъ (ученики) получили Духа Святаго; а послѣ—не такъ: они уже были совершенны. И не этими только словами Христосъ укорилъ (Ѳому), но и дальнѣйшими. Когда Ѳома, удостовѣрившись, успокоился и воскликнулъ: *Господь мой и Богъ мой*,—Христосъ сказалъ: *яко видѣвъ мя вѣровалъ еси: блажени не видѣвшіи и вѣровавше* (ст. 28. 29). Вѣра въ томъ, дѣйствительно, и состоитъ, чтобы принимать невидимое: *есть вѣра уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. 11, 1). А блаженными Онъ называетъ здѣсь не однихъ только учениковъ, но и тѣхъ, которые увѣруютъ послѣ нихъ. Но вѣдь ученики, скажешь, увидѣли и увѣровали? Однакожъ, они ничего подобнаго не требовали, но отъ погребальныхъ пеленъ тотчасъ приняли слово о воскресеніи и прежде, чѣмъ увидѣли самаго Христа, уже показали полную вѣру. Итакъ, если кто въ настоящее время скажетъ: какъ бы я желалъ жить въ тѣ времена и видѣть Христа чудодѣйствующаго! — тотъ пусть подумаетъ, что *блажени не видѣвшіи и вѣровавше*. При этомъ случаѣ справедливо можно придти въ недоумѣніе, какимъ образомъ тѣло нетлѣнное имѣло на себѣ язвы гвоздинныя, и какъ можно было касаться его смертною рукою? Но не смущайся: это было дѣломъ снисхожденія. Тѣло столь тонкое и легкое, что вошло сквозь затворенныя двери (ст. 26), очевидно, чуждо было всякой

дебелости; но (Христосъ) показываетъ его такимъ для того, чтобы увѣрить въ воскресеніи и научить, что именно Онъ былъ распятъ, и не другой воскресъ вмѣсто Его. Поэтому-то Онъ воскресъ, имѣя на Себѣ знаки креста; поэтому же Онъ вкушаетъ и пищу. И Апостолы очень часто представляли это, какъ свидѣтельство воскресенія, говоря: *иже съ нимъ ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. 10, 41). Посему, какъ до распятія мы видимъ Его ходящимъ по волнамъ и однако же не говоримъ, что тѣло Его было другаго естества, а не нашего: такъ и послѣ воскресенія, видя на Немъ язвы, не станемъ называть Его тлѣннымъ; потому что Онъ показывалъ ихъ для ученика. *Многа же и ина знаменія сотвори Іисусъ* (ст. 30). Такъ какъ этотъ Евангелистъ сказалъ (о чудесахъ) меньше другихъ (Евангелистовъ), то говоритъ, что и всѣ прочіе сказали не все, но столько, сколько нужно было для привлеченія слушающихъ къ вѣрѣ. А еслибы, говоритъ, все было описано, то думаю, что и міръ не вмѣстилъ бы книгъ (21, 25).

2. Отсюда явно, что (Евангелисты) не изъ хвастовства сказали о чудесахъ, которыя они описали, но единственно—для пользы. Ибо какъ возможно, чтобы они описали эти (чудеса) изъ хвастовства, когда бóльшую часть опустили? Но почему же они не о всѣхъ разсказали? Преимущественно—по множеству (чудесъ); а потомъ они думали и то, что, кто не довѣритъ сказанному, тотъ не повѣритъ и боль-

шему, а кто приметъ это, тому ничего больше не нужно будетъ для утвержденія въ вѣрѣ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что здѣсь (Евангелистъ) говоритъ только о знаменіяхъ, бывшихъ послѣ воскресенія; почему и замѣчаетъ: *предъ ученики своими* (ст. 30). Какъ до воскресенія нужны были многія (чудеса) для того, чтобы увѣровали, что Христосъ есть Сынъ Божій; такъ послѣ воскресенія—для того, чтобы убѣдились, что Онъ воскресъ. Поэтому (Евангелистъ) и присовокупилъ: *предъ ученики своими,* такъ какъ послѣ воскресенія (Христосъ) обращался только съ ними, почему и говорилъ: *міръ ктому не увидитъ мене* (Іоанн. 14, 19). Потомъ, дабы ты зналъ, что все это было сдѣлано только ради учениковъ, (Евангелистъ) прибавляетъ: *и да вѣрующе животъ* вѣчный *имате во имя его* (ст. 31). Здѣсь Онъ обращаетъ рѣчь вообще къ людямъ и показываетъ, что сказалъ объ этомъ не ради Того, въ кого мы вѣруемъ, но преимущественно для нашей собственной пользы. *Во имя его*, то есть, чрезъ Него; потому что Онъ есть *животъ* (Іоан. 14, 6). *Посемъ явися ученикомъ на мори Тиверіадстѣмъ* (Іоан 21, 1). Видишь, что Онъ не постоянно обращается съ ними и не такъ, какъ прежде? Явился вечеромъ, и скрылся; потомъ — еще однажды, спустя восемь дней, и опять скрылся; затѣмъ (является) теперь на морѣ, и опять (явленіе его сопровождается) великимъ страхомъ. Но что значитъ: *явися?* Изъ этого видно, что, еслибы Онъ не снизшелъ, то не былъ

бы видимъ, такъ какъ тѣло Его было уже нетлѣнно и безсмертно. А для чего (Евангелистъ) упомянулъ о мѣстѣ? Дабы показать, что Христосъ избавилъ (учениковъ) отъ ихъ чрезмѣрнаго страха, такъ что они выходили уже изъ дома и ходили повсюду. Они уже не сидѣли, запершись въ домѣ, но, избѣгая опасности отъ Іудеевъ, отправились въ Галилею. И вотъ Симонъ идетъ ловить рыбу. Такъ какъ Христосъ не постоянно находился съ ними, а Духъ Святый еще не былъ имъ дарованъ, и они оставались тогда безъ всякаго порученія; то, не имѣя никакого дѣла, они обратились къ своему (прежнему) промыслу. *Бяху вкупѣ Симонъ и Ѳома, и Наѳанаилъ*, призванный Филиппомъ, *и сыны Зеведеовы и ины два* (ст. 2). Такъ какъ, говорю, у нихъ не было никакого дѣла, то они пошли ловить рыбу и занимались этимъ ночью, потому что боялись. О ловлѣ же рыбы говоритъ и Лука (гл. 5, ст. 1—10), но разумѣетъ не это событіе, а другое. Прочіе ученики пошли (за Петромъ), такъ какъ они уже не разлучались другъ отъ друга, а вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли посмотрѣть на ловлю и съ пользою употребить свободное время. Итакъ они трудятся, и когда утомились,—имъ предстаетъ Іисусъ, но не тотчасъ обнаруживаетъ Себя, а сначала входитъ съ ними въ разговоръ. Онъ говоритъ имъ: *еда что снѣдно имате* (ст. 5)? — вступаетъ въ разговоръ совершенно по-человѣчески, какбы намѣреваясь что-нибудь купить у нихъ. Когда же они отозвались, что у нихъ нѣтъ ни-

чего,—Онъ повелѣлъ имъ бросить (мрежу) на право: они бросили и получили уловъ. А когда они узнали Его, то ученики Петръ и Іоаннъ опять обнаруживаютъ особенности своихъ характеровъ. Тотъ былъ пламеннѣе, а этотъ возвышеннѣе; тотъ стремительнѣе, а этотъ проницательнѣе. Поэтому Іоаннъ первый узналъ Іисуса, а Петръ первый пошелъ къ Нему, — такъ какъ не малыя были при этомъ и знаменія. Какія же именно?—Во-первыхъ,—поймано было множество рыбы, потомъ,—мрежа не разорвалась, далѣе, — они нашли готовыми уголья *и рыбу лежащу и хлѣбъ* (ст. 9) прежде, чѣмъ достигли (берега). Теперь Христосъ творилъ уже не изъ готоваго вещества, какъ по нѣкоему смотрѣнію творилъ прежде креста. Итакъ Петръ, какъ только узналъ Его, бросилъ все— и рыбу, и мрежи, и препоясался. Видишь и почтительность, и любовь? Хотя ученики были въ разстояніи двухъ сотъ лактей (отъ берега), но Петръ, несмотря и на это, не захотѣлъ ожидать, пока придетъ на суднѣ, но поспѣшилъ (ко Христу) вплавь. Чтоже Іисусъ? *Пріидите,* говоритъ, *обѣдуйте. Ни единъ же смѣяше истязати его* (ст. 12). Теперь они уже не имѣли своей обычной смѣлости, не дерзали, какъ прежде, и не обращались къ Нему съ рѣчью, но въ молчаніи, съ великимъ страхомъ и благоговѣніемъ сидѣли и смотрѣли на Него. Они знали, *яко Господь есть* (ст. 12), и потому не спрашивали: *кто еси?* Видя измѣнившееся лице, исполненное необычайнаго величія,

они были очень изумлены и хотѣли бы что-нибудь спросить объ этомъ; но страхъ и сознаніе, что это былъ не другой кто, а именно Онъ, удерживали ихъ отъ вопроса, и они лишь вкушали то, что Онъ создалъ своею высокою властію. Здѣсь Онъ уже не взираетъ на небо и не дѣлаетъ ничего человѣческаго, какъ это было прежде, показывая, что и тогда это дѣлалось по снисхожденію. А что Онъ не постоянно и не такъ, какъ прежде, обращался съ учениками, объ этомъ говоритъ (Евангелистъ): *се уже третіе явися (Іисусъ ученикомъ своимъ) воставъ отъ мертвыхъ* (ст. 14). Христосъ повелѣваетъ принести и часть (пойманной) рыбы, дабы показать (ученикамъ), что видимое ими—не призракъ. Впрочемъ, здѣсь не говорится, чтобы Онъ самъ ѣлъ съ ними, но Лука въ другомъ мѣстѣ говоритъ объ Немъ: *съ ними же и ядый* (Дѣян. 1, 4). Какъ это было,— мы не можемъ сказать. Безъ сомнѣнія, это происходило какъ нибудь чудесно, не по тому, чтобы естество (Христово) еще нуждалось въ пищѣ, но — по снисхожденію, для доказательства воскресенія.

3. Слушая объ этомъ, вы, можетъ быть, воспламенились (желаніемъ видѣть Христа) и назвали блаженными тѣхъ, которые обращались съ Нимъ, равно какъ и тѣхъ, которые будутъ въ общеніи съ Нимъ въ день общаго воскресенія. Употребимъ же всѣ мѣры къ тому, чтобы узрѣть Его чудное лице. Если теперь, когда только слышимъ объ этомъ, мы такъ воспламеняемся и

желали бы жить въ тѣ дни, когда и Онъ жилъ на землѣ, слышать Его голосъ, видѣть лице, приходить къ Нему, касаться Его и служить Ему; то подумай, что значитъ — видѣть Его, когда Онъ уже не въ смертномъ тѣлѣ и дѣйствуетъ не по-человѣчески, но дориносится Ангелами, когда и мы сами будемъ въ безсмертномъ тѣлѣ и, созерцая Его, будемъ наслаждаться и прочимъ блаженствомъ, превосходящимъ всякое слово. Поэтому-то, умоляю васъ, будемъ всячески стараться о томъ, чтобы не лишиться такой славы. И въ этомъ нѣтъ ничего труднаго, если только мы захотимъ,—ничего тягостнаго, если будемъ внимательны; ибо, *аще терпимъ, съ нимъ и воцаримся* (2 Тим. 2, 12). Что же значитъ: *аще терпимъ?* Если будемъ переносить скорби, гоненія, если будемъ идти тѣснымъ путемъ. Тѣсный (путь) самъ по себѣ труденъ, но отъ нашей рѣшимости и надежды на будущее дѣлается легкимъ. *Еже бо нынѣ легкое печали (нашея) по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ: не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. 4, 17. 18) Итакъ возведемъ очи наши на небо и будемъ постоянно представлять и созерцать (блага) небесныя. Если мы всегда будемъ имѣть ихъ въ мысляхъ, то и здѣшнія удовольствія не будутъ для насъ привлекательны, и горести не будутъ тягостны. И надъ этимъ, и надъ (всѣмъ) подобнымъ мы будемъ смѣяться, и уже ничто не въ состояніи будетъ ни поработить, ни возгордить насъ, если

только мы желаніемъ своимъ устремимся туда и будемъ взирать на ту любовь. И что я говорю: не будемъ скорбѣть при настоящихъ бѣдствіяхъ? Мы не будемъ даже замѣчать ихъ: таково уже свойство любви. Кого мы любимъ и кто находится не вмѣстѣ съ нами, но вдали отъ насъ, того-то именно мы и представляемъ себѣ каждый день. Велика, поистинѣ, сила любви: она устраняетъ душу отъ всего и привязываетъ къ любимому предмету. Если мы такъ возлюбимъ Христа, то все здѣшнее будетъ казаться намъ тѣнью, все—только образомъ и сномъ. Тогда и мы скажемъ: *кто ны разлучитъ отъ любве* Христовы? *Скорбь ли или тѣснота* (Рим. 8, 35)? Не сказалъ (Апостолъ): имущество, богатство, красота, такъ какъ все это крайне ничтожно и презрѣнно, но указалъ на то, что почитается тяжкимъ,—на голодъ, гоненія, смерть. Онъ и это презрѣлъ, какъ ничего не значущее, а мы изъ-за денегъ разлучаемся съ нашею жизнію и устраняемся отъ свѣта. Павелъ предпочитаетъ любовь къ Нему и смерти, и жизни, и настоящему, и будущему, и всякой вообще твари; а мы, лишь только увидимъ немного золота, тотчасъ воспламеняемся (жадностію) и попираемъ законы Христовы. Если (вамъ) непріятно слышать объ этомъ, то тѣмъ менѣе надобно терпѣть это на дѣлѣ. Но въ томъ-то и бѣда, что мы, когда слышимъ это,—ужасаемся, а когда дѣлаемъ,—не ужасаемся; напротивъ, мы и легкомысленно клянемся, и преступаемъ клятвы, и хищничаемъ, и требуемъ лих-

венныхъ процентовъ, и нерадимъ о цѣломудріи, и оставляемъ прилежную молитву, и преступаемъ бо̀льшую часть заповѣдей, и ради денегъ не обращаемъ никакого вниманія на своихъ собратій. Да, кто пристрастенъ къ богатству, тотъ причиняетъ тысячу золъ ближнему, а вмѣстѣ съ нимъ и себѣ самому. Онъ легко раздражается, поноситъ (ближняго), называетъ его уродомъ, клянется, преступаетъ клятву и не соблюдаетъ даже того, что предписываетъ ветхозавѣтный законъ. Кто любитъ богатство, тотъ не будетъ любить даже ближняго, а между тѣмъ, намъ заповѣдано ради царствія любить самыхъ враговъ. И если мы, исполняя древнія заповѣди, не можемъ достигнуть царства небеснаго, *аще не избудетъ правда* наша *паче* тѣхъ заповѣдей (Мат. 5, 20); то, преступая и ихъ, какъ получимъ оправданіе? Пристрастный къ богатству не только не станетъ любить враговъ, но и на самыхъ друзей будетъ смотрѣть, какъ на враговъ.

4. И что я говорю о друзьяхъ? Пристрастные къ богатству часто не признаютъ самой природы. Такой человѣкъ ни родства не знаетъ, ни знакомства не помнитъ, ни возраста не почитаетъ, никого не имѣетъ другомъ, но ко всѣмъ являетъ расположеніе враждебное, больше же всѣхъ — къ самому себѣ, — не по тому только, что губитъ душу свою, но и по тому, что обременяетъ себя безчисленными заботами, трудами, печалями. Онъ рѣшается на путешествія, подвергается непріятностямъ, опаснос-

тямъ, козням и всему подобному, лишь бы только имѣть у себя корень золъ и насчитать много золота. Что можетъ быть ужаснѣе такой болѣзни! Человѣкъ, одержимый ею, отказывается и отъ роскоши, и отъ всякаго удовольствія, изъ-за которыхъ такъ много грѣшатъ люди, и лишаетъ себя славы и чести. Любящій богатство всѣхъ подозрѣваетъ и имѣетъ множество обвинителей, завистниковъ, клеветниковъ и злоумышленниковъ. Тѣ, которые обижены имъ, ненавидятъ его, потому что потерпѣли отъ него зло; тѣ, которые еще ничего не потерпѣли, вооружаются противъ него, изъ опасенія потерпѣть и изъ соболѣзнованія къ потерпѣвшимъ; а наконецъ, и люди великіе и могущественные, частію по негодованію на него изъ состраданія къ низшимъ, а частію и по зависти, также становятся его врагами и ненавидятъ его. И что я говорю о людяхъ? Противъ кого самъ Богъ вооруженъ,—какая остается тому надежда, какое утѣшеніе, какая отрада? Пристрастный къ богатству никогда не будетъ въ состояніи пользоваться имъ; онъ будетъ рабомъ и стражемъ его, но не господиномъ. Стараясь всегда увеличивать, онъ никогда не захочетъ тратить его, но будетъ изнурять себя, будетъ бѣднѣе всѣхъ нищихъ, потому что никогда не удовлетворитъ своей страсти. А вѣдь деньги существуютъ не для того, чтобы беречь ихъ, но для того, чтобы ими пользоваться. Если же мы станемъ зарывать ихъ отъ другихъ, то что можетъ быть жалче насъ, когда мы всюду бѣ-

гаемъ и стараемся все захватить, чтобы запереть у себя въ дому и изъять изъ общаго употребленія! Есть, впрочемъ, и другой недугъ, не меньше этого. Одни зарываютъ деньги въ землю, а другіе расточаютъ для чрева, на роскошь и пьянство, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ наказаніемъ за неправду навлекаютъ на себя наказаніе за сластолюбіе. Одни употребляютъ ихъ на тунеядцевъ и льстецовъ, другіе на игру и блудницъ, а третьи на другія подобныя издержки, и такимъ образомъ пролагаютъ себѣ безчисленные пути, ведущіе въ геенну, и оставляютъ прямый и законный путь, ведущій къ небу, между тѣмъ какъ этотъ путь не только доставляетъ выгоду, но и пріятнѣе тѣхъ путей. Кто даетъ блудницамъ, тотъ сдѣлается смѣшнымъ и позорнымъ; онъ будетъ имѣть много ссоръ, а удовольствіе краткое, лучше же сказать — даже и краткаго не получитъ. Сколько бы ни давалъ онъ отверженнымъ женщинамъ, онѣ ничуть не будутъ благодарны ему: *сосудъ бо сокрушенъ чуждій домъ* (Прит. 23, 27). Притомъ же этотъ родъ безстыденъ, и Соломонъ любовь такой женщины уподобилъ аду. Она тогда только успокоивается, когда увидитъ своего любовника ничего уже не имѣющимъ. Лучше же сказать,—она и тогда не успокоивается, но еще больше величается, попираетъ лежащаго, предастъ его великому осмѣянію и столько дѣлаетъ ему зла, что и описать нельзя. Не таково удовольствіе спасаемыхъ. Здѣсь никто не имѣетъ соперника въ любви, но всѣ ра-

дуются и веселятся — какъ тѣ, которые благодѣнствуютъ, такъ и тѣ, которые смотрятъ на нихъ. Ни гнѣвъ, ни печаль, ни стыдъ, ни поношеніе не смущаютъ души такого человѣка; напротивъ, тамъ великое спокойствіе совѣсти и великая надежда на будущее, свѣтлая слава и великая честь, полное благоволеніе Божіе и безопасность. Нѣтъ тамъ ни одного утеса и никакой опасности, напротивъ,—недоступное для волнъ пристанище и тишина. Представляя себѣ все это и сравнивая одно удовольствіе съ другимъ, изберемъ для себя лучшее, чтобы сподобиться и будущихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 88.

Егда же обѣдоваше, глагола Симону Петру Іисусъ: Симоне Іонинъ, любиши ли мя паче сихъ; глагола ему: ей, Господи, ты вѣси, яко люблю тя (Іоан. 21, 15).

Многое и другое можетъ доставить намъ дерзновеніе предъ Богомъ и сдѣлать насъ славными и достопочтенными; но преимущественно предъ всѣмъ, мы пріобрѣтаемъ благоволеніе свыше— попеченіемъ о ближнихъ. Вотъ этого и Христосъ требуетъ отъ Петра. Когда трапеза учениковъ приходила къ концу,—*глагола Симону Петру Іисусъ: Симоне Іонинъ, любиши ли*

мя паче сихъ; глагола ему: ей, Господи, ты вѣси, яко люблю тя. Глагола ему: паси овцы моя (ст. 15. 16). Почему же (Христосъ), помимо другихъ учениковъ, бесѣдуетъ объ этомъ съ Петромъ? По тому, что онъ былъ избранный изъ Апостоловъ, уста учениковъ, верховный въ ихъ ликѣ, отъ чего й Павелъ приходилъ нѣкогда видѣть его преимущественно предъ другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ поручаетъ ему попеченіе о братіи и для того, дабы показать, что отнынѣ онъ долженъ имѣть дерзновеніе, такъ какъ отреченіе его предано забвенію. Не воспоминаетъ (Христосъ) объ его отреченіи и не порицаетъ его за то, что было; но говоритъ: если ты любишь Меня, то заботься о братіи; покажи теперь ту горячую любовь, которую ты всегда обнаруживалъ и которою утѣшался; душу свою, которую ты обѣщалъ положить за Меня, предай за моихъ овецъ. Будучи спрошенъ въ первый и во второй разъ, Петръ призвалъ въ свидѣтели (своей любви) самаго Вѣдущаго сокровенныя тайны сердца. Когда же потомъ спрошенъ былъ и въ третій разъ, то смутился, убоявшись, чтобы опять не случилось того же, что было прежде; потому что и тогда онъ говорилъ съ увѣренностію, но послѣдствія опровергли его. Поэтому снова прибѣгаетъ ко Христу и говоритъ: *ты вѣси вся*, то есть, и настоящее, и будущее. Видишь, какъ онъ исправился и сталъ благоразумнѣе? Уже не упорствуетъ въ своемъ мнѣніи и не противорѣчитъ. Поэтому-то онъ и смутился. «Можетъ

быть, я думаю только, будто люблю, а на самомъ дѣлѣ не люблю, какъ и прежде я много думалъ о себѣ и говорилъ съ увѣренностію, но послѣдствія опровегли меня.» А троекратно Христосъ спрашиваетъ его и троекратно заповѣдуетъ ему одно и тоже, дабы показать, какъ высоко Онъ цѣнитъ попеченіе о своихъ овцахъ, и что это въ особенности служитъ знакомъ любви къ Нему. Сказавъ ему о любви къ Себѣ, Христосъ предрекаетъ ему и мученичество, которому онъ подвергнется, и тѣмъ показываетъ, что то, что Онъ говорилъ ему, говорилъ не по недовѣрію къ нему, а напротивъ, по совершенной увѣренности въ немъ, желая показать образецъ любви къ Себѣ и научить насъ, какимъ образомъ преимущественно мы должны любить Его. Вотъ почему говоритъ: *егда былъ еси юнъ, поясался еси самъ, и ходилъ еси, аможе хотѣлъ еси. Егда же состарѣешися, воздѣжеши руцѣ твои,* и иные *тя* пояшутъ и ведутъ, *аможе не хощеши* (ст. 18). Несомнѣнно, что Петръ самъ этого хотѣлъ и желалъ; потому Христосъ и возвѣстилъ ему это. Онъ неоднократно говорилъ: *душу мою за тя положу* (Іоан. 13, 37), и: *аще ми есть и умрети съ тобою, не отвергуся тебе* (Мат. 26, 33); поэтому Христосъ и устроилъ по его желанію. Что же значитъ: *аможе не хощеши?* Христосъ говоритъ здѣсь о свойствѣ (нашего) естества, о необходимомъ законѣ плоти, о томъ, что душа не охотно разрѣшается отъ тѣла, такъ что, хотя бы произволеніе было и твердое,

но и при этомъ природа обнаруживаетъ себя. Никто безъ страданія не разстается съ тѣломъ, и это Богъ устроилъ, какъ я и прежде говорилъ, для пользы, чтобы немного было насильственныхъ смертей. Ибо, если и при этомъ діаволъ успѣваетъ побуждать къ самоубійству и весьма многихъ доводитъ до стремнинъ и пропастей, то, еслибы не такова была любовь души къ тѣлу, многіе тотчасъ устремлялись бы къ этому даже отъ самой ничтожной печали. Итакъ слова: *аможе не хощеши* означаютъ естественную любовь (души къ тѣлу). Но почему Христосъ, сказавъ: *егда былъ еси юнъ*, говоритъ потомъ: *егда же состарѣешися*? Этимъ показываетъ, что Петръ тогда былъ уже не молодъ, какъ это и справедливо, но и не старъ, а — въ совершенномъ возрастѣ. Для чего же Онъ напомнилъ ему о прежней жизни? Дабы показать, что таковы Его дѣла. Въ житейскихъ дѣлахъ человѣкъ молодой бываетъ полезенъ, а состарѣвшійся безполезенъ; а въ моихъ дѣлахъ, говоритъ, не такъ: напротивъ, съ наступленіемъ старости доблесть (бываетъ) блистательнѣе и мужество славнѣе, не встрѣчая никакихъ препятствій отъ возраста. И это Онъ говорилъ не съ тѣмъ, чтобы устрашить (Петра), но для того, чтобы одушевить его; потому что Онъ зналъ его желаніе, зналъ, что онъ издавна пламенно стремился къ этому благу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ указываетъ здѣсь и на образъ его смерти. Такъ какъ Петръ всегда хотѣлъ быть въ опасностяхъ за Него, то Онъ говоритъ: будь

спокоенъ; Я исполню твое желаніе, -такъ что, чего ты не потерпѣлъ въ юности, то потерпишь въ старости. Далѣе, Евангелистъ, возбуждая слушателя, прибавилъ: *сіе же рече, назнаменуя, коею смертію прославитъ Бога* (ст. 19). Не сказалъ: умретъ, но: *прославитъ Бога*, дабы ты зналъ, что страданія за Христа составляютъ славу и честь для страждущаго. *И сія рекъ, глагола ему: иди по мнѣ*. Здѣсь Христосъ опять указываетъ на свое попеченіе о немъ и на свое великое расположеніе къ нему. Если же кто спроситъ: почему же престолъ іерусалимскій получилъ Іаковъ; то я отвѣчу, что Петра Христосъ поставилъ учителемъ не для этого престола, но для вселенной. *Обращся же Петръ, видѣ ученика, егоже любляше Іисусъ, во слѣдъ идуща, иже и возлеже на вечери на перси его, и глагола: Господи, сей же что* (ст. 20, 21).

2. Для чего (Евангелистъ) напомнилъ намъ о бывшемъ тогда возлежаніи? Не просто и не безъ причины, но—чтобы показать, какое Петръ имѣлъ дерзновеніе послѣ своего отреченія. Прежде онъ не смѣлъ спросить (Христа), но поручилъ это другому, а теперь ему ввѣрено даже попеченіе о братіи. Теперь онъ не только не поручаетъ другому того, что до него касается, но уже и самъ за другаго спрашиваетъ Учителя: Іоаннъ молчитъ, а онъ говоритъ. Здѣсь же Евангелистъ показываетъ и любовь къ нему (Петра). Дѣйствительно, Петръ очень любилъ Іоанна; это видно и изъ послѣдующихъ событій,

да и вообще во всемъ евангеліи и въ Дѣяніяхъ (апостольскихъ) обнаруживается ихъ взаимная любовь. Итакъ, поелику Христосъ предсказалъ Петру величіе, вручилъ ему вселенную, предвозвѣстилъ мученичество и засвидѣтельствовалъ, что его любовь больше любви другихъ (учениковъ); то Петръ, желая имѣть своимъ общникомъ и (Іоанна), говоритъ: *сей же что? Не пойдетъ ли и онъ однимъ съ нами путемъ?* Какъ прежде, не дерзая самъ спросить (Господа), поручилъ это Іоанну; такъ теперь, платя ему тѣмъ же и думая, что онъ хотѣлъ бы спросить о себѣ, но не смѣетъ, самъ беретъ на себя предложить о немъ вопросъ. Что же Христосъ? *Аще хощу, да той пребываетъ, дондеже пріиду, что къ тебѣ* (ст. 22)? Такъ какъ Петръ говорилъ по крайней заботливости и не желая разлучиться съ Іоанномъ, то Христосъ, показывая, что сколько бы онъ ни любилъ его, но его любовь не сравняется съ любовію самаго Христа,— говоритъ: *аще хощу, да той пребываетъ, что къ тебѣ?* Этимъ Онъ научаетъ насъ не сокрушаться (о будущемъ) и не любопытствовать больше, чѣмъ сколько Ему угодно. Петръ всегда былъ пылокъ и скоръ на такіе вопросы, а потому Христосъ этими словами снова обуздываетъ его горячность и научаетъ не быть сверхъ мѣры любопытнымъ. *Изыде же слово се къ братіи*, то есть, къ ученикамъ, *яко (ученикъ) той не умретъ. И не рече (ему) Іисусъ, яко не умретъ, но: аще хощу тому пребывати дондеже пріиду, что къ тебѣ.*

(ст. 23). Не думай, говоритъ, что Я одинаково устрою вашу судьбу. А это Онъ сдѣлалъ по тому, что теперь неблаговременна была ихъ взаимная любовь. Такъ какъ они должны были принять на себя попеченіе о вселенной, то имъ уже не слѣдовало быть вмѣстѣ другъ съ другомъ: это было бы весьма вредно для вселенной. Поэтому-то Христосъ и говоритъ Петру: тебѣ поручено дѣло; заботься о немъ, совершай его, терпи и подвизайся. Что̀ (тебѣ), если Я хочу, чтобъ Іоаннъ здѣсь пребывалъ? Ты смотри за своимъ дѣломъ и о немъ заботься. А ты замѣть и здѣсь скромность Евангелиста. Сказавъ о мнѣніи учениковъ, онъ исправляетъ его, такъ какъ они не уразумѣли того, что Христосъ сказалъ. *Не рече*, говоритъ, *Іисусъ, яко не умретъ, но: аще хощу тому пребывати* (ст. 23). *Сей есть ученикъ свидѣтельствуяй о сихъ, иже и написа сія, и* вѣмы, *яко истинно есть свидѣтельство его* (ст. 24). Почему онъ одинъ такъ говоритъ, тогда какъ никто другой этого не дѣлаетъ, и уже въ другой разъ самъ свидѣтельствуетъ о себѣ, между тѣмъ какъ это непріятно слушателямъ? Какая тому причина? Говорятъ, что онъ послѣ всѣхъ приступилъ къ написанію (евангелія), бывъ на то подвигнутъ и возбужденъ Богомъ. Поэтому онъ постоянно указываетъ на любовь Его къ себѣ, намекая тѣмъ на причину, по которой рѣшился писать. Поэтому же часто упоминаетъ и о томъ (что его свидѣтельство истинно), придавая чрезъ то до-

стовѣрность своему слову и показывая, что онъ приступилъ къ этому (дѣлу) по побужденію свыше: *и вѣмъ*, говоритъ, *яко истинно есть* то, о чемъ онъ повѣствуетъ. Если же многихъ это не увѣритъ, то имъ можно увѣриться изъ слѣдующаго. Изъ чего же? Изъ того, что сказано далѣе. *Суть же*, говоритъ (Евангелистъ), *и ина многа, яже сотвори Іисусъ, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню (всему міру) вмѣстити пишемыхъ книгъ* (ст. 25). Отсюда видно, что я писалъ безъ пристрастія. Если при такомъ множествѣ (дѣлъ Іисуса) я не сказалъ даже и столько, сколько другіе, но, опустивъ большую часть ихъ, выставилъ на видъ козни Іудеевъ и разсказалъ, какъ они бросали въ Него камни, какъ ненавидѣли Его, оскорбляли и поносили, какъ именовали Его даже бѣсноватымъ и обманщикомъ; то явно, что я писалъ безъ лести. Кто льститъ, тотъ обыкновенно поступаетъ напротивъ, все позорное—скрываетъ, а дѣла блистательныя — излагаетъ. Итакъ, поелику онъ съ совершенною увѣренностію написалъ то, что написалъ; то не отказывается выставить свое собственное свидѣтельство, вызывая (всѣхъ) разсмотрѣть и изслѣдовать каждое въ отдѣльности событіе. Вѣдь и у насъ есть обыкновеніе, когда мы считаемъ что-нибудь несомнѣнно-вѣрнымъ, не отказываться отъ собственнаго о томъ свидѣтельства. Если же это дѣлаемъ мы, то тѣмъ болѣе (могъ сдѣлать) онъ, писавшій по внушенію Духа. Такъ говорили, проповѣдуя, и

другіе Апостолы: *мы есмы свидѣтели* тому, что проповѣдуемъ, *и Духъ, егоже даде (Богъ) повинующимся ему* (Дѣян. 2, 32). Притомъ Іоаннъ присутствовалъ при всѣхъ (событіяхъ), не оставлялъ Христа и во время распятія, и ему поручена была Матерь: все это (служитъ) знакомъ, что (Христосъ) любилъ его и что онъ зналъ все въ точности. Если же онъ сказалъ, что знаменій было совершено такъ много, — ты этому не удивляйся, но подумай о неизреченной силѣ Творящаго и прими съ вѣрою сказанное. Какъ для насъ легко говорить, такъ, или еще гораздо легче для Него, дѣлать то, что Ему угодно. Ему довольно было восхотѣть, и— все исполнялось.

3. Будемъ же тщательно внимать сказанному (въ евангеліи) и не перестанемъ читать и изъяснять его. Отъ частаго его чтенія мы получимъ много пользы; чрезъ это мы въ состояніи будемъ очистить жизнь свою и истребить въ себѣ терніе. Таковы-то именно грѣхи и житейскія заботы, — безплодны и болѣзненны. Какъ терніе, съ какой бы стороны ни коснулись его, уязвляетъ касающагося: такъ и житейскія дѣла, съ какой стороны ни приступишь къ нимъ, всегда наводятъ печаль на того, кто связываетъ себя ими и заботится о нихъ. Но духовныя дѣла не таковы; напротивъ, они похожи на драгоцѣнный камень, который, какъ ни обратишь его, — отвсюду увеселяетъ зрѣніе. Напримѣръ, сотворилъ ли кто милостыню? Онъ не только питается надеждою на

будущее (воздаяніе), но наслаждается и здѣшними благами: онъ ничего не опасается и все дѣлаетъ съ великимъ дерзновеніемъ. Преодолѣлъ ли кто злое вожделѣніе? Еще прежде наступленія царствія, онъ уже здѣсь получаетъ плодъ, слыша похвалу и одобреніе отъ всѣхъ, а прежде всего отъ собственной совѣсти. Да таково и каждое доброе дѣло, между тѣмъ какъ дѣла злыя, еще прежде геенны, здѣсь уже мучатъ совѣсть. Если ты грѣшишь, то, подумаешь ли о будущемъ, поражаешься страхомъ и трепетомъ, хотя никто не наказываетъ тебя; подумаешь ли о настоящемъ, — (видишь), что имѣешь много враговъ и живешь въ подозрѣніи, и не можешь даже прямо и посмотрѣть на обидѣвшихъ тебя, лучше же сказать, и на тѣхъ, которые не обидѣли. Отъ грѣха не столько получаемъ мы удовольствія, сколько скорби: тутъ и совѣсть вопіетъ, и посторонніе люди осуждаютъ, и Богъ прогнѣвляется, и геенна угрожаетъ поглотить насъ, и мысли не могутъ успокоиться. Тяжекъ, поистинѣ тяжекъ и невыносимъ грѣхъ,—тяжелѣе всякаго свинца. Кто сознаетъ его за собою, тотъ отнюдь не можетъ смотрѣть прямо, хотя бы былъ и очень безчувственъ. Такъ Ахаавъ, хотя былъ крайне нечестивъ, но, почувствовавъ грѣхъ, ходилъ съ поникшею главою, сокрушался и скорбѣлъ. Потому-то онъ и вретище возложилъ на себя, и проливалъ источники слезъ. Если и мы будемъ это дѣлать, если будемъ плакать, какъ Ахаавъ, и сложимъ съ себя грѣхи, какъ Закхей; то и мы получимъ

прощеніе. Какъ при опухоляхъ и язвахъ, сколько бы кто ни прилагалъ къ нимъ лекарствъ, не остановивъ напередъ притекающей и растравляющей рану матеріи,—все бываетъ напрасно: потому что не остановленъ источникъ зла; такъ бываетъ и съ нами: если мы не удержимъ рукъ отъ любостяжанія и не прервемъ этого нечистаго потока, то, хотя бы стали давать и милостыню,—все будетъ напрасно. Что уврачуетъ милостыня, то затопитъ, испортитъ и сдѣлаетъ еще худшимъ любостяжаніе. Итакъ перестанемъ сначала хищничать, и тогда уже станемъ подавать милостыню. Если же мы сами будемъ стремиться въ пропасть,—какую будемъ имѣть возможность остановиться? Когда человѣка падающаго одинъ станетъ тянуть вверхъ (что дѣлаетъ милостыня), а другой будетъ увлекать внизъ; то отъ такой борьбы не произойдетъ ничего болѣе, кромѣ того, что этотъ человѣкъ будетъ разорванъ. Итакъ, чтобы намъ не потерпѣть этого и чтобы милостыня не оставила и не покинула насъ въ то время, какъ любостяжаніе влечетъ насъ долу,—облегчимъ себя и воспаримъ горѣ. Тогда, освободившись отъ дѣлъ злыхъ и сдѣлавшись совершенными чрезъ упражненіе въ дѣлахъ добрыхъ, мы сподобимся вѣчныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со св. Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ

176. Что знаменуетъ омофоръ?

Потомъ, какъ поставленнаго пастыремъ Христовыхъ овецъ и по благодати содѣлавшагося образомъ Христа, архіепископъ украшаетъ рукополагаемаго омофоромъ, который означаетъ воплощеніе Спасителя, — т. е., благословляя его и цѣлуя рукополагаемаго, возлагаетъ его на выю, возглашая: ἄξιος (достоинъ), что̀ трижды громогласно поется и внутри, и внѣ алтаря, въ знакъ того, что всѣ вѣруютъ въ благодать сію, подтверждаютъ вмѣстѣ съ горними чинами и весьма радуются ей. Омофоръ же ясно означаетъ, какъ мы сказали, воплощеніе Бога Слова, какъ Онъ, обрѣтши насъ — погибшее овча, возложилъ на рамена свои, облекшись всецѣлымъ естествомъ человѣческимъ, соединивъ его съ собою и обоживъ, принесши сей принятый составъ нашъ за насъ Отцу своему крестомъ и смертію, воскресивши и вознесши насъ. Посему (омофоръ) и имѣетъ на себѣ кресты, бываетъ изъ волны и полагается вокругъ выи архіерея на раменахъ: обыкновенно въ другое время (полагается) онъ вокругъ раменъ, и спереди, и сзади; а теперь какъ бы слегка, какъ иго божественное, (рукополагаемый) принимаетъ его на выю: потому, что надобно снять его спустя немного времени, при чтеніи евангелія.

177. Что̀ означаетъ, что архіерей снимаетъ омофоръ во время чтенія евангелія и при совершеніи божественнаго священнодѣйствія?

Это снятіе омофора во время чтенія евангелія означаетъ покорность и подчиненіе Спаси-

телю. Тогда архіерей не дерзаетъ облекаться имъ, свидѣтельствуя, что Самъ воплотившійся, пострадавшій и живущій говоритъ, когда читаются слова Его, и, снимая омофоръ, какбы возвѣщаетъ: я служитель и рабъ Его, и обложенъ Его благодатію—симъ знакомъ воплощенія, страданія и жизни Его: посему и не дерзаю облекаться въ него, но только—смотрѣть на него, носимаго предо мною, дабы воспоминать о самомъ (Спасителѣ) и трепетать при столь чудныхъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, при чтеніи евангелія и при совершеніи таинственнаго священнодѣйствія, отъ евангелія до возношенія божественныхъ таинствъ, онъ такъ дѣлаетъ по вышесказанной причинѣ: потому, что сіе священнодѣйствіе есть дѣло самаго Спасителя нашего, который самъ чрезъ насъ, іереевъ Его и рабовъ, есть приносящій и приносимый. Въ началѣ же литургіи и при возношеніи божественнаго хлѣба, во время рукоположеній и другихъ священныхъ дѣйствій, всегда архіерей облекается имъ на раменахъ вокругъ выи, какъ сказано.

178. Что значитъ слово: ἄξιος, возглашаемое о рукополагаемомъ, также цѣлованіе священнаго престола и перваго архіерея въ десницу и въ ланиту, а прочихъ въ уста?

Принявъ омофоръ отъ перваго архіерея, рукоположенный надѣваетъ его себѣ на выю, и тогда возглашается: ἄξιος (достоинъ), такъ какъ онъ сдѣлался достойнымъ предъ Богомъ, по-

знанъ Ангелами и человѣками, и долженъ вести себя достойно сего дѣла; и потому сіе слово: ἄξιος онъ принимаетъ какбы молитву, (да будетъ достоинъ). Потомъ іерархъ цѣлуетъ его, какъ возлюбленнаго своего, ради великаго дара благодати и какъ сдѣлавшагося равночиннымъ чрезъ даръ, освященнаго во Христѣ и соединеннаго съ нимъ; а онъ, поцѣловавъ священный престолъ, чествуя его, какъ мѣсто совершенія благодати, на которомъ и принялъ посвященіе и рукоположеніе, цѣлуетъ и рукоположившую десницу, какъ также освященную и облагодатствованную, имѣющую силу — сообщать благодать, совершающую во Святомъ Духѣ, преподающую благословеніе и сообщающую божественные дары, чрезъ которую и онъ самъ рукоположенъ и поставленъ во архіерея. Кромѣ того, цѣлуетъ еще ланиту іерарха, какъ органъ слова, какъ орудіе молитвословій, также— ради любви и единенія. Ибо и онъ съ любовію принимаетъ благодать сообщающаго, и столь же истинно любитъ и почитаетъ его во Христѣ, единомъ возлюбленномъ, сколько самъ любимъ и почитаемъ; также (выражаетъ этимъ), что онъ даетъ не ложное цѣлованіе, какъ Іуда, и не заушаетъ въ ланиту, какъ богоубійцы, но напротивъ—почитаетъ ее и признаетъ святою и любезнѣйшею, и что и онъ сталъ въ одномъ чинѣ съ іерархомъ, хотя и въ подчиненіи у него, что и выражаетъ, цѣлуя руку и ланиту, а не уста его. Прочихъ же архіереевъ цѣлуетъ въ уста, какъ равныхъ ему по чину и достоин-

ству, и они, съ своей стороны, цѣлуютъ его, какъ соединившагося съ ними, какъ возлюбленнѣйшаго, какъ получившаго божественную благодать, какъ равночиннаго, удостоившагося равныхъ во всемъ даровъ, какъ любящаго и любимаго, единомысленнаго и содѣйственнаго, и сослужащаго имъ въ дѣлахъ божественныхъ.

179. О томъ, какъ совершается цѣлованіе при рукоположеніи патріарха?

Посему при рукоположеніи архіепископовъ, т. е., патріарховъ, рукоположенный патріархъ не цѣлуетъ рукоположившаго въ руку и въ ланиту; но, поцѣловавъ напередъ божественный престолъ, восходитъ на подножіе его и совершаетъ цѣлованіе по обычаю, при чемъ рукоположившій его, поцѣловавъ напередъ священный престолъ, какъ источникъ священныхъ дѣйствій, цѣлуетъ потомъ руку рукоположеннаго патріарха, какъ ставшаго первымъ въ Божественномъ Духѣ и патріархомъ ихъ, также въ уста—ради единенія, или въ ланиту—въ знакъ подчиненія; подобнымъ же образомъ (поступаютъ) и прочіе архіереи, вмѣстѣ съ нимъ рукоположившіе его.

180. О чинѣ патріарховъ, архіепископовъ и епископовъ.

Ибо, хотя и одна благодать, и сила, и чинъ епископства отъ Бога, перваго и единаго Отца и Епископа; но имѣетъ въ себѣ и отчества, и сыновства, и различныя дарованія благодати, какъ

и всякій чинъ. Такъ и Божество есть Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ. И хотя въ Троицѣ—одно существо, но Отецъ есть единое виновное Лице, которому Сынъ и Духъ во всемъ подчиняются, и единая есть воля ихъ, едино движеніе и сила. А отъ Троицы происходитъ всякое благочиніе и въ горнемъ, и въ дольнемъ мірѣ. Посему и каждый изъ горнихъ чиновъ заключаетъ въ себѣ первую, среднюю и низшую степень, и между ними есть учители учителей и отцы отцевъ.

181. Противъ латинянъ о томъ, что въ Троицѣ одно только виновное Лице—Отецъ, дабы иначе не допустить въ Ней различныхъ началъ.

Такъ и въ несліянной, предвѣчной, единосущной и равночестной Троицѣ есть чиноначаліе, какъ мы сказали: Отецъ безвиновенъ, а прочія Лица отъ Него заимствуютъ свое начало; одно раждается и есть Сынъ, другое исходитъ и есть Святый Духъ, и, между тѣмъ, Троица нераздѣльна, и едино есть Ея существо и сила; а отъ Нея всякое отечество, какъ говоритъ Павелъ, и чинъ, какъ на небѣ, такъ и на землѣ.—Поелику же мы, съ помощію Божіею, дошли до этого: то разсмотримъ нѣсколько, какъ совершается и рукоположеніе патріарха, и именно—какъ поставляется патріархъ, когда онъ изъ епископовъ и когда еще не есть епископъ: ибо и это достойно разсужденія. Впрочемъ, напередъ окончимъ вкратцѣ касающееся епископа. Послѣ священнаго цѣлованія, когда іерархъ, поцѣловавъ опять священный престолъ, взойдетъ на

сопрестоліе, какбы Христосъ на небо, и рукоположенный, поцѣловавъ его, входитъ туда же и становится по правую руку перваго архіерея, получая первое мѣсто предъ прочими епископами, какъ недавно рукоположенный благодатію; но послѣ поминовенія Царей и перваго архіерея онъ становится подлѣ прочихъ епископовъ, какъ тоже подчиненный.

182. Чтд означаетъ преподаніе мира во время чтенія Апостола, и для чего рукоположенный принимаетъ благословеніе отъ перваго епископа, чтобы преподать миръ?

Когда архіереи и священники сядутъ предъ тѣмъ временемъ, какъ надобно читать апостольскія изреченія, то рукоположенный подходитъ и принимаетъ благословеніе отъ архіепископа, дабы преподать миръ читающему. Это преподаніе мира есть священнодѣйствіе и совершается какбы отъ Бога; и ему нельзя дѣлать этого безъ позволенія истиннаго архіерея, въ церкви его, и притомъ—въ присутствіи его — перваго епископа и архипастыря. Такимъ образомъ чрезъ благословеніе онъ получаетъ дозволеніе и, по прочтеніи Апостола, преподаетъ миръ читающему, занимая второе мѣсто послѣ архіепископа: ибо самъ архіепископъ обыкновенно преподаетъ миръ предъ евангеліемъ; и такимъ образомъ совершается божественная литургія, въ которой рукоположенный стоитъ выше всѣхъ сослужащихъ епископовъ и произноситъ первый возгласъ послѣ молитвы оглашенныхъ и прочія молитвы по порядку.

183 О томъ, что во время пріобщенія рукоположенный занимаетъ первое мѣсто, и какъ совершается пріобщеніе?

Во время же божественнаго пріобщенія рукоположенный первый принимаетъ руками божественный хлѣбъ отъ архіепископа и пріобщается вмѣстѣ съ нимъ. Потомъ онъ преподаетъ архіепископу божественную кровь изъ священной чаши, а тотъ—обратно ему: ибо, хотя божественные дары намъ преподаются другъ отъ друга по человѣколюбію Бога, но Онъ одинъ есть дѣйствующій чрезъ всѣхъ и преподаваемый; и въ пріобщеніи блага прежде всѣхъ участвуютъ первые и ближайшіе по достоинству: ибо все держится порядкомъ и ничто не бываетъ безъ порядка. Послѣ божественнаго пріобщенія архіепископъ преподаетъ всѣмъ божественный хлѣбъ, преломивъ его, по примѣру Спасителя; рукоположенный же архіерей, принявъ прежде всѣхъ божественную чашу, преподаетъ ее подходящимъ архіереямъ и прочимъ. Потомъ, умывъ руки, онъ раздѣляетъ народу священный антидоръ по повелѣнію архіепископа, являясь и свидѣтельствуя предъ народомъ, что онъ уже рукоположенъ, и преподавая всѣмъ освященіе вмѣстѣ съ антидоромъ.

184. О томъ, что посажденіе рукополагаемаго на престолъ послѣ рукоположенія знаменуетъ утвержденіе его на каѳедрѣ его церкви.

Потомъ рукоположенный, вошедши въ нѣкоторую часть храма около предложенія, посаж-

дается на приготовленный тамъ архіерейскій престолъ, во образъ посажденія на престолъ церкви его. Это посажденіе на престолъ прежде совершалось великолѣпно, какъ нынѣ патріаршее, именно — архіерей былъ посаждаемъ на престолъ въ церкви, при собраніи епископовъ епархіи, совершавшихъ посажденіе по граматѣ архіепископа. Нынѣ же оно прекратилось по причинѣ варварскихъ набѣговъ и постигшихъ церкви искушеній и смятеній, а совершается только въ одной великой церкви слѣдующимъ образомъ. По приготовленіи престола, на которомъ обыкновенно садится архіепископъ, и обычнаго украшенія, по прочтеніи молитвы и трисвятаго священникомъ, въ присутствіи всѣхъ слугъ епископскихъ со свѣщами и при собравшемся народѣ, рукоположенный архіерей посаждается первымъ, или вторымъ изъ священниковъ, трижды на престолъ, подобно какъ и патріарха священники посаждаютъ на сопрестоліе и восклицаютъ: ἄξιος (достоинъ). Потомъ, между тѣмъ, какъ онъ сидитъ, многолѣтствуютъ благочестивымъ Царямъ, архіепископу и самому рукоположенному, и затѣмъ дѣлаютъ отпустъ. Народъ же, равно какъ и священники, приступая, цѣлуютъ руку рукоположеннаго и получаютъ благословеніе, притекая съ вѣрою: потому что новорукоположенный весь очищенъ и просвѣщенъ, и отъ новопосвященнаго благодать изливается обильнѣе на пріемлющихъ ее свыше. Въ это время онъ можетъ безпрепятственно давать благословеніе, хотя бы поставленъ былъ

въ епископа другаго города: ибо онъ имѣетъ и это дозволеніе, какъ недавно рукоположенный. Тогда же онъ получаетъ и мантію съ источниками, какъ учитель, при чтеніи молитвы: *отъ небесъ пріялъ еси божественную благодать*...: потому что съ небесъ изливается къ намъ благодать. Также получаетъ енколпій (Ἐγκόλπιον), или панагію, какъ божественный залогъ, въ знакъ того, что онъ представляетъ лице Христа и во Христѣ перваго архіерея, что онъ содѣлался женихомъ Церкви Христовой, и во время брака сего имѣетъ всякую свободу — благословлять и молиться, какъ и самъ истинный архіерей, впрочемъ—не рукополагать; да и благословляетъ съ такою свободою только въ одинъ этотъ день.

185. Для чего рукоположенный выѣзжаетъ въ городъ и благословляетъ его?

Посему и послѣ трапезы, возсѣдши на коня, онъ объѣзжаетъ городъ, въ сопровожденіи свиты своей, и запечатлѣваетъ всѣхъ, и благословляетъ, освящая городъ сею печатію, молясь о немъ, какъ новосодѣлавшійся архіерей, сообщая ему новоизліянную божественную благодать и чрезъ благословеніе преподавая освященіе.

186. Что̀ значило, что новорукоположенный архіерей приходилъ къ Царю и молился, и какъ это совершалось прежде?

Посему же новопоставленный архіерей, какъ имѣющій дерзновеніе и сильный предъ Богомъ

по рукоположенію, посылается къ Царю — молиться за него, и вмѣстѣ, какъ Христосъ Господень, (помазанный) Духомъ, благословить и укрѣпить молитвами своими Христа Господня, (помазаннаго) мνромъ. Для сего, пришедши къ Царю, онъ молится о потребномъ къ его спасенію. Древній обычай состоялъ въ слѣдующемъ: былъ посылаемъ референдарій вмѣстѣ съ архіереемъ въ царскій дворецъ и, по полученіи дозволенія отъ благочестиваго Царя, архіерей входилъ и, по возглашеніи діакономъ: *Господу помолимся*, читалъ молитву. Потомъ, по приготовленіи кадила, какъ пишется въ житіи святаго Амфилохія (а нынѣ патріархъ дѣлаетъ это въ пятый день по поставленіи), архіерей бралъ кадило и кадилъ на Царя, сообщая ему божественную благодать и освященіе; Царь преклонялъ главу, какъ говорится въ житіи святаго Амвросія, и архіерей давалъ ему благословеніе, какъ новорукоположенный и новоосвященный Духомъ, и могущій во Христѣ благословлять и освящать. Потомъ онъ цѣловалъ Царя во уста, ради мира во Христѣ, любви и освященія: ибо архіерей святъ отъ пріобщенія таинствъ и рукоположенія. Равно и какъ имѣющій общеніе съ Царемъ по рукоположенію, архіерей дѣлалъ это: ибо благочестивый Царь святъ по мνропомазанію, а архіерей святъ по рукоположенію. Послѣ цѣлованія архіерей, преклонивъ главу предъ Царемъ ради его мірской власти, удалялся. Многіе же изъ благочестивыхъ Царей дѣлали и подарки ему, какъ

молившемуся за нихъ, и чествовали, какъ освященнаго: напр. Константинъ Великій, который не только святаго Сильвестра, но и всѣхъ почти, бывшихъ на Соборѣ, чествовалъ, почиталъ и наградилъ подарками, уважая честные члены ихъ, пострадавшіе за Христа.

187. О томъ, что рукополагаемый архіерей совершаетъ цѣлованіе трижды, и какъ происходитъ каждое изъ нихъ?

Рукоположенный же архіерей, воздавъ послѣднее цѣлованіе собору (епископовъ) и занявъ свое мѣсто, болѣе уже не имѣетъ нужды въ другихъ дѣйствіяхъ надъ нимъ по уставу, но, какъ архіерей, печется о нуждахъ своей церкви, также принимаетъ участіе и въ священныхъ дѣлахъ, представляясь собору или самъ отъ себя, когда нужно, или по его приглашенію. Цѣлованіе рукополагаемаго, кромѣ совершаемаго въ алтарѣ, бываетъ трижды. Во первыхъ— послѣ нареченія, когда онъ сдѣлался женихомъ церкви, которая ему ввѣряется: тогда, безъ всякаго благоуханія, т. е., безъ ѳиміама и розовой воды, между тѣмъ, какъ архіепископъ возсѣдитъ и прочіе архіереи сидятъ по обѣ стороны его, рукополагаемый приводится и покланяется трижды; потомъ, поцѣловавъ колѣно, руку и ланиту іерарха, а прочихъ архіереевъ въ уста, и также сѣдящихъ (ибо онъ еще не епископъ), по повелѣнію ихъ садится, но не на престолѣ епископскомъ, а особо, на нѣкоторомъ мѣстѣ, устроенномъ ниже, показывая чрезъ

это, что онъ только избранъ Церковію и получилъ начатокъ обрученія, а не есть еще мужъ, или обрученникъ ея. Посему, отдавая только предварительныя обязательства и начатки залоговъ, совершаетъ выраженія дружбы съ друзьями и братьями Невѣсты, цѣлуетъ ихъ, какъ уже другъ ихъ, садится съ ними и совѣщается съ ними; но садится не на одномъ съ ними мѣстѣ: потому что еще не достигъ престола ихъ и не получилъ чести и достоинства отца Церкви;—и не дѣйствуетъ вмѣстѣ съ ними: потому что еще не можетъ рукополагать, а только подаетъ совѣтъ, или мнѣніе, и печется о благахъ Невѣсты и дѣлахъ Церкви. Второе цѣлованіе бываетъ тогда, когда будутъ совершены брачныя обязательства, когда онъ отдастъ и самъ получитъ залоги, предбрачные дары и взаимныя условія съ отцемъ, т. е., когда, исповѣдавъ правую вѣру и обѣщавшись точно соблюдать ввѣряемую ему церковь, получитъ начатки обрученія, и малою печатію, какбы въ залогъ, она будетъ ввѣрена ему. И въ это время онъ совершаетъ цѣлованіе безъ мνра и ѳиміама. Бываетъ и еще цѣлованіе послѣ рукоположенія внутри алтаря, которое есть совершительное цѣлованіе обрученія и соединенія: потому что тогда онъ становится уже мужемъ и обрученникомъ Церкви; но объ немъ мы сказали въ рѣчи о рукоположеніи. А теперь говоримъ о третьемъ, совершающемся внѣ алтаря, подобно прочимъ цѣлованіямъ, и въ соборѣ, послѣ рукоположенія. Тогда новорукоположенный, во-

шедши въ собраніе архіепископа и архіереевъ сѣдящихъ, покланяется трижды великому архіерею, выражая свою покорность и чествуя Троицу. Потомъ, подошедши къ архіепископу, который немного привстаетъ, почитая его, какъ архіерея, и къ прочимъ архіереямъ стоящимъ (ибо онъ уже равенъ и равночиненъ имъ), совершаетъ цѣлованіе по обычаю, цѣлуя архіепископа въ колѣно и въ руку, и въ ланиту, а архіереевъ стоящихъ—въ уста. И потомъ, ставши опять посреди ихъ и поклонившись архіепископу, по приглашенію ихъ садится, и садится на мѣсто своей церкви, которое уже получилъ. Потому бываетъ и цѣлованіе сіе, чтобы онъ занялъ свой престолъ и былъ провозглашенъ сопрестольнымъ съ соборомъ и судіею наравнѣ съ ними, такъ что по достоинству престола своего получаетъ и честь, и садится, и подаетъ мнѣнія, и совершаетъ все прочее.

188. Для чего при третьемъ и послѣднемъ цѣлованіи приносится ѳиміамъ съ розовою водою? Также—объ актѣ, или граматѣ, удостовѣряющей рукоположеніе.

Такъ какъ онъ получилъ все это по благодати Божіей, то приносятся и благоуханія, именно—розовая вода и ѳиміамъ, распорядителемъ благочинія, который и предшествуетъ, и во всемъ этомъ руководитъ рукоположеннаго. Такимъ образомъ рукоположенный, сдѣлавшись архіереемъ, исполнилъ все установленное, во удосто-

вѣреніе чего и получаетъ письменную запись объ немъ, т. е., грамату, которая изображаетъ все,—происхожденіе его, священство, жизнь, избраніе, и кѣмъ избранъ, и какъ получилъ архіерейство по правиламъ церковнымъ; архіепископъ подписываетъ эту грамоту и запечатываетъ собственною печатію, дабы поставленіе его во епископа было засвидѣтельствовано.

189. О поставленіи и рукоположеніи патріарха.

Поелику и патріархъ есть епископъ, то, разсуждая о рукоположеніи епископовъ, скажемъ и о томъ, что касается патріарха. Когда патріархъ воззванъ будетъ къ Богу, то никто изъ архіереевъ отнюдь не входитъ въ великую церковь, дабы не показаться предвосхитителемъ (сего сана). Но такъ какъ Царь, какъ защитникъ Церкви, имѣетъ издревле отъ божественныхъ Отцевъ власть — созывать для сей цѣли священный соборъ архіереевъ: то самъ Царь приглашаетъ указами ближайшихъ архіереевъ. Когда они соберутся всѣ, какъ бывшіе прежде въ великомъ городѣ, такъ и прибывшіе извнѣ, которымъ возможно прибыть, потому что по правиламъ церковнымъ слѣдовало бы быть всѣмъ: тогда по указу Царя они собираются вмѣстѣ въ нѣкоторомъ священномъ мѣстѣ. И это есть древній обычай, чтобы они составляли собраніе не сами по себѣ, дабы не произошло какихъ либо раздѣленій и смятенія. Собираются же не въ великомъ храмѣ патріархіи, потому что па-

тріарха нѣтъ, и никому не позволительно входить туда, но—въ божественномъ храмѣ святыхъ Апостоловъ, ради благодати апостольской и потому, что сіе служеніе есть апостольское. Вокругъ становятся иконы Апостоловъ, подобно какъ и въ мѣстѣ избранія (епископовъ) изображаются Апостолы пріемлющими Духа свыше. По окончаніи молитвы, при которой возжигаются три свѣщи и курится ѳиміамъ, и по совершеніи поминовенія (кого слѣдуетъ на эктеніи) и отпуста первымъ архіереемъ, при участіи и прочихъ въ пѣніи и молитвахъ, они садятся въ порядкѣ своихъ степеней въ присутствіи изъ постороннихъ одного только хартофилакса, и по обычаю совершаютъ избраніе по голосамъ, какъ мы сказали, трехъ лицъ; хартофилаксъ съ двумя архіереями представляетъ эти приговоры Царю. Ибо ему, какъ Царю помазанному, издревле Отцами предоставлено право — избирать одного изъ трехъ, какъ уже избранныхъ соборомъ и признанныхъ достойными.

190. Объявленіе избранія новоизбранному патріарху.

Избранный такимъ образомъ изъ числа трехъ и извѣщенный о семъ, или и лично самимъ Царемъ убѣжденный къ принятію сана: ибо такъ и по большей части бываетъ по важности дѣла и потому, что избираемые обыкновенно отрицаются отъ столь великаго назначенія, изъ благоговѣнія къ нему,—рѣшившись, наконецъ, и

изъявивъ согласіе, въ опредѣленный день принимаетъ нареченіе въ полномъ собраніи архіереевъ, священниковъ, архимандритовъ, игуменовъ, клира и множества народа, — такъ какъ рукополагается общій всѣхъ отецъ,—и въ присутствіи всѣхъ начальниковъ со свѣщами. По совершеніи молитвы, какъ сказано, преднареченнымъ патріархомъ, и по отпустѣ, совершается объявленіе (избранія) чрезъ важнѣйшія правительственныя лица, которыя представляютъ лице Царя. А Царь содѣйствуетъ дѣяніямъ собора, какъ помазанникъ Господень и богопоставленный защитникъ и поборникъ Церкви, къ чему обязалъ себя обѣтомъ при помазаніи.

191. Какъ совершается объявленіе (избранія)?

Объявляющіе избраніе говорятъ такъ: «державный и святый нашъ самодержецъ и Царь, и божественный, священный и великій соборъ приглашаютъ святѣйшество твое на высочайшій престолъ патріаршества константинопольскаго». Чрезъ это они свидѣтельствуютъ, что Царь не самъ по себѣ нарекаетъ, но согласно съ соборомъ и вмѣстѣ съ соборомъ, и только содѣйствуетъ.

192. Противъ утверждающихъ, будто Царь поставляетъ патріарха.

Посему заблуждаются тѣ нововводители, которые по внушенію ненависти утверждаютъ,

будто Царь поставляетъ патріарха. Отнюдь не Царь, а здѣсь дѣйствуетъ соборъ; Царь же, какъ благочестивый, только содѣйствуетъ, какъ сказано, не только потому, что онъ есть защитникъ Церкви и Царь помазанный, но и чтобы, помогая и содѣйствуя, защищать и дѣлать твердыми распоряженія Церкви, такъ какъ и это должно соблюдаться у православныхъ для мира Церкви.—Когда избранный сдѣлаетъ приличный отвѣтъ и пріиметъ Церковь, то всѣ архіереи приближаются къ нему и приносятъ поклоненіе, равно какъ и клирики, и міряне. Потомъ, если онъ изъ архіереевъ, то не имѣетъ нужды въ рукоположеніи, а только въ возведеніи на престолъ; а если изъ священниковъ, то рукополагается и возводится на престолъ.

193. О томъ, что, если избранный не былъ прежде священникомъ, то сначала посвящается во священника, а потомъ принимаетъ нареченіе; также о производствѣ (πρόβλησις) въ патріарха.

Если же избранный не былъ священникомъ, когда согласился быть (патріархомъ), то, чтобы ему быть возведену на сію степень по чину, онъ напередъ рукополагается во священника и тогда принимаетъ нареченіе. А послѣ нареченія, но прежде рукоположенія, или возведенія на престолъ, бываетъ нѣкоторое особенное дѣйствіе, называемое *производствомъ* (πρόβλησις). Это есть исповѣданіе Царя собственными устами и честь, воздаваемая имъ Церкви, въ знакъ того, что онъ почитаетъ избраннаго ею и назначен-

наго, и согласившагося пасти Церковь, и что въ той же Святой Троицѣ, которая ему самому даровала царство, онъ принимаетъ и архіепископа Константинополя, новаго Рима, и вселенскаго патріарха. Но самъ онъ не совершаетъ и не даетъ ему ничего, а только соглашается и помогаетъ въ этомъ дѣлѣ. А что онъ ничего не даетъ, но скорѣе принимаетъ и есть какбы сотрудникъ въ дѣлѣ Церкви, видно изъ того, что онъ, вручивъ избранному священный жезлъ собственною рукою, приближается къ нему и преклоняетъ главу, обнажая ее по обычаю, принимаетъ благословеніе и цѣлуетъ руку избраннаго. Еще очевиднѣе это, т. е., что онъ ничего самъ не даетъ, но дѣлаетъ сіе для защищенія и утвержденія дѣлъ Церкви,—изъ того, что, когда избранный патріархъ есть архіерей и не имѣетъ нужды въ архіерейскомъ рукоположеніи, и тогда бываетъ тоже самое, и именно потому, что Царь чтитъ Церковь, а не господствуетъ надъ нею.

194. О томъ, что Царь посылаетъ избранному патріарху мантію и панагію, а посохъ вручаетъ собственною рукою.

Царь прежде, нежели увидится съ избраннымъ патріархомъ, выражаетъ ему свое благорасположеніе, посылаетъ ему мантію съ источниками и панагію церковную, которая есть какбы залогъ и которую онъ самъ хранитъ, какъ слуга и стражъ Церкви. Потомъ и жезлъ, какъ даръ честнѣйшій и знакъ пастырской власти,

даетъ ему собственною рукою, ради чести и бо̀льшей вѣрности, и чрезъ то показываетъ всѣмъ, что и онъ самъ почитаетъ сего пастыря, котораго избралъ Богъ. А чтобы засвидѣтельствовать это еще яснѣе, по его приказанію приготовляется конь, убранный разными украшеніями, на котораго избранный садится и, между тѣмъ, какъ царскій всадникъ идетъ пѣшкомъ, придерживая коня за узду, вмѣсто самаго Царя, какъ сдѣлалъ великій Константинъ съ святымъ Сильвестромъ, — онъ ѣдетъ чрезъ весь царскій дворъ и по главной улицѣ до патріаршескаго дома. Если у Царя есть сынъ, то и онъ слѣдуетъ верхомъ на конѣ, и весь сенатъ. Такъ и съ такою цѣлію совершается такъназываемое производство, ради чести Церкви, которая относится ко Христу. Если же избранный есть архіерей, какъ мы сказали, то послѣ нареченія онъ есть уже патріархъ и ни въ какомъ другомъ дѣйствіи не имѣетъ нужды, кромѣ только одного возведенія на престолъ. А по производствѣ, онъ отправляется въ церковь и, вошедши въ храмъ и въ святый алтарь, надѣваетъ епитрахиль и омофоръ. Потомъ, взявъ кадило и благословивъ ѳиміамъ, кадитъ вокругъ священнаго престола и горняго мѣста, какъ ввѣреннаго ему, и опять вокругъ священнаго престола, цѣлуетъ святое евангеліе и престолъ, какъ Христа и Церковь, которую принялъ. Затѣмъ, отдавъ кадило діакону, принимаетъ отъ него кажденіе и, по наступленіи времени, благословляетъ Бога, сподобившаго его толикихъ

благъ: потому что принявшій церковь долженъ начинать съ молитвы, и молитва есть соединеніе со Христомъ, которому принадлежитъ церковь. Посему, по пропѣтіи молитвы трисвятаго, діаконъ читаетъ ектенію на амвонѣ и поминаетъ Царей и самаго патріарха, а патріархъ, сотворивъ про себя молитву, возглашаетъ послѣ ектеніи: *яко милостивъ*... и, сдѣлавъ отпустъ и осѣнніе при пѣніи: εἰς πολλα ετη..., для долгоденствія архіерейства его, уходитъ.

195. О возведеніи на престолъ и миръ, преподаваемомъ архіереемъ, и воздаяніи ему отъ народа, сколько онъ можетъ.

Въ воскресный день, въ присутствіи Царей и начальниковъ, и почти всего народа, великолѣпно совершается литургія патріархомъ вмѣстѣ со всѣми архіереями, клиромъ и священниками города. Ибо надобно, чтобы всѣ присутствовали при возведеніи на престолъ пастыря ихъ и видѣли его на престолѣ, какбы самаго Господа нашего Іисуса Христа, Сына Бога живаго, были благословлены имъ въ особенности тогда, въ началѣ (его патріаршества), и приняли отъ него миръ съ святѣйшаго престола, и отъ себя пожелали ему того же. Это—миръ Спасителя нашего, превосходящій всякій умъ, наслѣдіе наше, вожделѣнное слово, вѣчное чаяніе, дабы мы были едино съ Нимъ, и съ Отцемъ Его, и Духомъ, какъ Онъ молился,—миръ, соединяющій насъ съ Богомъ и Ангелами, и доставляющій намъ блага и въ настоящей, и въ будущей жиз-

ни. Сему миру Іисусову нѣтъ предѣла, и его Онъ, шествуя на страданіе, оставилъ намъ въ наслѣдіе, какъ сказано, и по воскресеніи прежде всего изрекъ, преподалъ и насадилъ въ насъ. Сей божественный миръ желая услышать отъ іерарха, древніе ревнители вѣры и истинные христіане, знавшіе, что̀ значитъ изреченіе мира, и живыхъ святыхъ архіереевъ просили возсѣдать на престолъ и изрекать имъ миръ, какъ пишется въ житіи великаго Петра александрійскаго, который, впрочемъ, часто колебался дѣлать это, изъ благоговѣнія къ силѣ, являемой на престолѣ, которую самъ часто испытывалъ, какъ чистый сердцемъ,—и по смерти ихъ искали съ великою ревностію, желая и мертвыхъ пастырей своихъ видѣть на престолѣ, и вѣруя, что и тогда они сподобятся божественнаго мира.

196. О томъ, что божественныхъ и великихъ архіереевъ—Петра александрійскаго и Іоанна Златоустаго посаждали на престолы и послѣ смерти ихъ, ради вышняго мира.

Это было по смерти упомянутаго святаго Петра въ Александріи и въ царствующемъ христолюбивомъ градѣ со отцемъ Златоустымъ, котораго, спустя долгое время послѣ смерти, сажали на престолъ, и онъ, говорятъ, по благодати Божіей, разверзъ уста и произнесъ: *миръ вамъ*. Нынѣ же, я не знаю, какъ это пренебрегается, хотя и престолъ есть, и запечатлѣніе свыше совершается, и священное сѣдалище поставляется, и архіерей говоритъ: *миръ всѣмъ*,

и діаконъ напередъ возглашаетъ: *вонмемъ*. Но никто объ этомъ не заботится и не желаетъ слышать, и не отвѣчаетъ: *и духови твоему*, хотя Григорій Богословъ почитаетъ и уважаетъ сей достолюбезный миръ, называетъ его вожделѣннымъ предметомъ и словомъ, и въ молитвѣ совѣтуетъ давать и воздавать его. Кажется, это происходитъ отъ незнанія, что, хотя сіе слово и не велико, но заключаетъ въ себѣ величайшую силу; и отъ того вошло въ обычай даже и не слушать его, такъ что и діаконъ какбы напрасно говоритъ: *вонмемъ*, и архіерей про себя и какъ-то невнятно и небрежно произноситъ: *миръ всѣмъ*, или: *миръ вамъ*. Нѣтъ, надобно быть внимательными и сохранять преданное, особенно преданное отъ Христа, который есть миръ нашъ и о мирѣ котораго и Петръ молится для насъ, и Павелъ вездѣ, и лики всѣхъ учениковъ ихъ и священниковъ; надобно внимать, чтобы по нерадѣнію, или пренебреженію сего дара, или по невѣдѣнію величайшихъ благодѣяній его, или по навѣту врага, который старается удалить насъ отъ мыслей и исканія сего мира, подобно какъ всегда домогается охладить въ насъ любовь и единеніе во Христѣ,—чтобы этого не случилось съ нами. Посему, когда іерархъ сядетъ на престолѣ, то всѣ, ввѣренные ему, священные и мірскіе люди пусть, стоя, внимательно взираютъ на него, какъ на самаго Христа, сѣдящаго на небѣ; и, когда діаконъ скажетъ: *вонмемъ*, то архіерей пусть громогласно произноситъ; *миръ всѣмъ*, или: *миръ вамъ*,

а всѣ отвѣчаютъ: *и духови твоему,* преклонивъ главы. Это и есть единеніе со Христомъ и Святыми Его, и миръ. Такимъ образомъ архіереи пусть возсѣдятъ, а прочіе стоятъ по чину.

197. О возведеніи патріарха на престолъ.

Возведеніе на престолъ патріарха происходитъ слѣдующимъ образомъ: если онъ уже рукоположенъ въ архіерея, то, послѣ производства прибывъ въ великій храмъ Премудрости Божіей и помолившись, и сотворивъ поминовеніе, какъ сказано, уходитъ. Потомъ, по наступленіи воскреснаго дня, когда всѣ соберутся, опять приходитъ, облачается въ архіерейскія одежды съ саккосомъ и начинаетъ литургію; а митрополиты, по обычаю поклонившись, облачаются въ священныя одежды въ обыкновенномъ мѣстѣ и приглашаются, по обычаю, во время входа. Послѣ входа многолѣтіе совершается не внизу, но, подобно какъ при рукоположеніи архіерея, на сопрестоліи. Послѣ трисвятаго и молитвы бываетъ раздаваніе свѣчей, и зажигается множество свѣчъ ради благодати Духа, обновляющейся въ іерархѣ къ устроенію и управленію каѳолической Церкви, чрезъ священное возведеніе его на божественный престолъ патріаршескій. Ибо должно вѣрить, что въ немъ обитаетъ высшая благодать, дабы укрѣпить его на высшее дѣло служенія Богу въ святой Церкви Его: потому что высшее просвѣщеніе, и благодать, и

сила сообщается каждому, соотвѣтственно съ служеніемъ. *Имуще*, говоритъ Апостолъ, *дарованія по благодати данный намъ различна: аще пророчество, по мѣрѣ вѣры, аще служеніе, въ служеніи*, и прочее, что̀ дальше прибавляетъ (Римл. 12, 6). Посему и патріархъ, хотя также есть епископъ, но, по мѣрѣ служенія своего, получаетъ бо̀льшую благодать, особенно во время поставленія. Итакъ, по возженіи свѣчей, когда всѣ станутъ на своихъ мѣстахъ по чину, онъ возводится двумя первыми архіереями, которые берутъ его съ обѣихъ сторонъ и посаждаютъ на святительскомъ престолѣ, и восклицаютъ: ἄξιος (достоинъ), что̀ поется трижды и внутри алтаря всѣми священнослужителями, и внѣ трижды пѣвцами и клириками. Потомъ во вторый разъ поднимаютъ и сажаютъ его, восклицая: ἄξιος, и опять тоже поется трижды и внутри, и внѣ. Подобнымъ образомъ и въ третій разъ посаждаютъ его, и ἄξιος произносится и поется трижды,—священнослужителями внутри и пѣвцами внѣ. Потомъ бываетъ многолѣтствіе, которое есть священное дѣйствіе Христа, побѣдившаго крестомъ и смертію, воскресшаго плотію и вознесшагося, и привлекшаго міръ къ вѣрѣ своей: ибо *сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша*, говоритъ возлюбленный ученикъ Христовъ (1 Іоан. 5, 4). Она чрезъ архіереевъ Христовыхъ подчинила Христу царство, прежде гнавшее Христа; посему величаются и Цари благочестивые, но не невѣрные и не инославные, и говорится имъ:

многая лѣта, для всегдашняго ихъ пребыванія, такъ какъ и царствію Христову не будетъ конца. Вмѣстѣ съ царскою властію величается и архіерейство: потому что и архіерейство подчинило царство Христу, и имъ держится царство христіанское, и Христово архіерейство вѣчно. *Ты іерей*, говорится, *во вѣкъ*, т. е., всегда, *по чину Мельхиседекову*, а не по закону (Евр. 5, 6). Когда діаконъ возгласитъ: *премудрость, вонмемъ*,—патріархъ говоритъ: *миръ всѣмъ*, при чемъ, какъ мы сказали, всѣмъ надобно быть внимательными, архіереи и священники должны стоять и отвѣчать ему: *и духови твоему*, и потомъ садиться, и народъ также, принявъ миръ, долженъ говорить: *и духови твоему*. Это есть наслѣдіе и даръ намъ отъ Спасителя, послѣдняя молитва Его, да будемъ едино съ Нимъ, и первое слово послѣ воскресенія: *миръ вамъ*. Потому и бываетъ столь торжественно посажденіе патріарха на сопрестоліи, дабы, возсѣдши, какъ Спаситель на небесахъ, онъ оттуда даровалъ и проповѣдалъ всѣмъ миръ; оттуда онъ и благословляетъ трикиріемъ, какбы съ небеснаго престола, даруя благодать и озареніе Троицы чрезъ Спасителя. Послѣдующее бываетъ, какъ во всѣхъ литургіяхъ. Такъ совершается возведеніе на престолъ патріарха, если онъ былъ архіереемъ.

198. Какъ совершается рукоположеніе патріарха, если онъ не былъ прежде того епископомъ?

А когда избранный — пресвитеръ, а не архіерей; то рукополагается сначала во епископа, и

потомъ уже возводится на (святительскій) престолъ — принадлежность епископа, такъ какъ собственно епископъ облеченъ силою Христовою. Рукоположеніе же совершается такъ: вошедши въ святѣйшій алтарь, избранный патріархъ поклоняется предъ священною трапезою и цѣлуетъ ее, и, дошедши до ступеней божественнаго сопрестолія, трижды поклоняется къ востоку. Потомъ облачается въ первосвятительскія (одежды), между тѣмъ какъ церковные служители (діаконы), какбы Ангелы, взявъ сначала у него благословеніе, облачившись въ священныя одежды, прислуживаютъ ему въ этомъ. Архіереи при этомъ стоятъ въ однѣхъ мантіяхъ. Итакъ, надѣвши всѣ первосвятительскія (одежды),—стихарь съ источниками, въ знакъ чистоты и учительства, — епитрахиль, въ ознаменованіе вышней благодати, — поясъ и палицу, въ знакъ цѣломудрія и силы надъ смертію, и побѣды,—поручи и саккосъ, въ знакъ божественной крѣпости и неповрежденности отъ страстей, —не надѣваетъ одного омофора: потому что онъ составляетъ отличіе епископа.

199. О томъ, что и патріархъ подчиненъ правиламъ (церковнымъ), и предъ рукоположеніемъ во епископа даетъ Церкви свое исповѣданіе (вѣры).

Итакъ, облеченный въ саккосъ, онъ стоитъ, показывая этимъ, что онъ — еще не епископъ; стоятъ и всѣ архіереи, и клирики; и онъ исполняетъ то, (что положено) правиломъ, и предъ

всѣми произноситъ свое исповѣданіе, предъявляя вѣру правую, какъ чистый даръ обрученія. Когда въ патріарха производится архіерей, — онъ не имѣетъ нужды снова произносить исповѣданіе, такъ какъ представилъ его при рукоположеніи (во епископа); но этому нужно предъ рукоположеніемъ дать его Церкви, потому что онъ еще не сдѣлался епископомъ; и онъ произноситъ его внутри алтаря, какъ поставляемый начальникомъ въ Духѣ и отцемъ всѣхъ, кто принадлежитъ алтарю. Произноситъ же онъ то самое (исповѣданіе), которое произносятъ и всѣ, избираемые въ архіереи, за исключеніемъ только подчиненія патріарху: потому что, когда рукополагаемый — самъ патріархъ, то кому онъ будетъ подчиняться?—развѣ только (церковнымъ) правиламъ, которыя онъ и обѣщаетъ соблюдать. Послѣ того, какъ исповѣданіе будетъ окончено, собственноручно надписано и подписано, архіереи поклоняются (избранному) въ знакъ подчиненія, такъ какъ онъ сталъ обручникомъ великой Церкви, и, принимая отъ него благословеніе, отходятъ на обычныя мѣста внѣ алтаря и облачаются во всѣ архіерейскія (одежды). И пресвитеры также принимаютъ благословеніе въ то время, какъ второй изъ іереевъ совершаетъ по обычаю проскомидію; и начинается литургія. Во время перваго входа (малаго) діаконы и священники, прошедши чрезъ храмъ и совершивши молитву входа, входятъ по обычаю въ божественный алтарь попарно.

200. О томъ, что, при рукоположеніи патріарха, архіереи не срединою входятъ (въ алтарь), но идутъ стороною.

Архіереи же, призываемые и предводимые хартофилаксомъ и находящимися при немъ, входятъ въ алтарь правою стороною и, кланяясь попарно еще только избранному, становятся по порядку. И когда розданы будутъ свѣчи и зажжено множество огней, въ знаменіе, какъ часто говорили мы, просвѣщенія божественнаго и присутствія, и озаренія Духа, и величайшаго торжества и радости объ этомъ на небѣ и на землѣ, — избраннаго берутъ съ той и другой стороны два первые архіерея; прочіе же идутъ за ними позади, а всѣ клирики — напереди. И при торжественномъ пѣніи: *святіи мученицы*, совершается по обычаю троекратно торжественное шествіе вокругъ божественной трапезы, въ знакъ небеснаго веселія о торжествѣ; и при этомъ всѣ, и избранный, совершаютъ поклоненіе предъ священною трапезою, какъ престоломъ Божіимъ.

201. О томъ, что, если присутствуетъ (митрополитъ) ираклійскій, то онъ рукополагаетъ патріарха; а если нѣтъ, то — первый изъ другихъ архіереевъ.

Вслѣдъ затѣмъ архіерей ираклійскій, если онъ присутствуетъ здѣсь, совершаетъ рукоположеніе патріарха; это—потому, что, какъ говорятъ, Царь Северъ подчинилъ Византію Иракліи, и она была епископіею (митрополита) ирак-

лійскаго до самаго Константина Великаго. Итакъ, взошедши на ступень (у престола), при чемъ всѣ архіереи содѣйствуютъ ему и соприкасаются къ рукополагаемому и другъ къ другу, въ знакъ того, что всѣ согласны (на рукоположеніе), такъ какъ вмѣстѣ и избрали, и рукополагаютъ во Святомъ Духѣ рукополагаемаго, — ираклійскій сначала по обычаю трижды знаменуетъ его, творя начало рукоположенію. Если же ираклійскаго нѣтъ, то другой архіерей, первенствующій между остальными, совершаетъ вмѣстѣ съ прочими рукоположеніе. Потомъ рукополагаемый преклоняетъ колѣна и полагаетъ лице и голову на божественной трапезѣ; и рукополагающій возлагаетъ на нее руку, и прочіе также прикасаются (къ ней). Затѣмъ рукополагающій читаетъ (слова призыванія) Духа, то есть: *божественная благодать*. Затѣмъ онъ вторично запечатлѣваетъ его во время пѣнія: κύριε ἐλέησον. Потомъ, когда рукополагаемый приметъ на голову и на выю раскрытое евангеліе,—между тѣмъ, какъ рука рукополагающаго все еще лежитъ на немъ, — читается первая молитва, по окончаніи которой второй архіерей говоритъ прошенія (эктеніи). Затѣмъ также рукополагающій произноситъ и вторую молитву, и, знаменавъ его въ третій разъ, во образъ Троицы и въ знакъ совершенія рукоположенія (такъ какъ единая Троица совершаетъ таинства), беретъ евангеліе и полагаетъ на трапезѣ, и поднимаетъ рукоположеннаго, какъ превознесеннаго благодатію. Взявъ омофоръ и знаменавъ

его, облагаетъ имъ рукоположеннаго, возглашая: ἄξιος (достоинъ): такъ какъ Распятый содѣлалъ его достойнымъ; — это торжественно поется по три раза внутри и внѣ (алтаря), такъ какъ всѣ согласны съ этимъ и веселятся, и подтверждаютъ дѣйствіе благодати. Такимъ образомъ рукоположившій, совершивъ свое дѣло, сходитъ со ступени; а восходитъ на нее рукоположенный патріархъ, какъ посвященный во епископа и какъ первенствующій между всѣми.

202. Какъ при рукоположеніи патріарха совершается лобзаніе?

А потому, ради соблюденія чина, въ то время, какъ онъ (патріархъ) положитъ руку на священную трапезу, приходитъ самъ рукоположившій его, какъ подчиненный, и, облобызавши священную трапезу, лобызаетъ руку самаго имъ рукоположеннаго, какъ патріарха, и ланиту, или уста,—а затѣмъ и всѣ прочіе архіереи. И такимъ образомъ патріархъ, и всѣ они, снова лобызавъ священную трапезу, какъ источникъ благодати и гробъ Христовъ, восходятъ вверхъ на сопрестоліе, какъ на небо, и на священныя ступени, знаменуя вышніе чины. Тогда совершается, какъ выше писано, (обрядъ) посажденія на престолѣ, поминовеніе Царей и новаго патріарха (какъ сказано). Затѣмъ читается Апостолъ послѣ того, какъ ираклійскій (митрополитъ), взявъ благословеніе, преподастъ миръ; потомъ читается божественное Евангеліе, послѣ преподаянія мира самимъ патріархомъ; послѣ

сего самъ патріархъ совершаетъ, по обычаю, дальнѣйшее послѣдованіе божественной литургіи.

Вотъ что, сколько могли узнать, о божественныхъ рукоположеніяхъ изложили мы, братіе, и подробно написали, какбы въ историческомъ изображеніи. Ради вашей это просьбы и въ наставленіе не знающимъ. Итакъ—довольно сказаннаго.

Клир. Достаточно, владыко, и то, что ты сказалъ, весьма радуетъ насъ: потому что мы узнали то, чего не знали, и удивляемся благочинію Церкви.

203. О томъ, что все, относящееся къ каждой степени священства, Спаситель совершилъ самъ на Себѣ.

Арх. Поистинѣ, дивно все церковное (благоустройство). Дивны и необычайны дѣла Бога—*Создателя*, но еще болѣе—дѣла Его домостроительства, какъ совершительныя и спасительныя для всего міра. Что касается до этихъ рукоположеній, Спаситель, какъ сказали мы, явилъ ихъ на Себѣ, и самъ исполнилъ относящееся къ каждой степени (священства). Самъ онъ содѣлался основаніемъ и первообразомъ всего благаго въ Церкви своей, такъ какъ Онъ единъ есть и Начальникъ жизни и спасенія нашего, и священноначальникъ, и священнослужитель, и священнодѣйствующій, и священнодѣйствуемый, и самосовершенный. Такимъ образомъ, какъ ради насъ воспріялъ Онъ крещеніе и миро, пріявши свыше Духа во время своего крещенія; такъ, соотвѣтственно всѣмъ степенямъ, испол-

нилъ и (дѣла) священства, совершая предъ крещеніемъ и послѣ крещенія (дѣло) чтеца, когда, едва имѣя двѣнадцать лѣтъ, возсѣдалъ *посредѣ учителей*, слушалъ ихъ и вопрошалъ ихъ (Лук. 2, 46),—и потомъ, когда посреди синагоги читалъ народу, какъ написано у Луки: *и воста чести, и даша ему книгу Исаіи пророка* (4, 16—17), и прочее. (Дѣло) иподіакона и діакона исполнялъ Онъ, когда, повинуясь нареченному отцу и истинной Матери, служилъ имъ и вмѣстѣ съ ними ходилъ на праздникъ въ храмъ, также—когда изгонялъ изъ храма торжниковъ, (что составляетъ обязанность иподіаконовъ), *и не даяше, да кто мимонесетъ сосудъ сквозѣ церковь* (Марк. 11, 16), и когда предложилъ трапезу и умылъ ноги ученикамъ, и называлъ себя служителемъ (διάκονος—Лук. 22, 27). А (дѣло) пресвитера и учителя (исполнилъ), когда, тотчасъ послѣ крещенія, пріялъ Духа и свидѣтельствованъ былъ отъ Отца возлюбленнымъ Сыномъ: потому что былъ и совершеннаго тѣлеснаго возраста, *лѣтъ тридесять, начиная, сый*, какъ написано (Лук. 3, 23);—когда вскорѣ выступилъ на подвигъ, упражняясь въ постѣ и молитвахъ, и, претерпѣвъ троекратное искушеніе отъ противника—діавола, совершенно побѣдилъ его за насъ, низложилъ его и воздвигъ трофей;—когда избралъ и приблизилъ къ Себѣ учениковъ, проповѣдалъ покаяніе, призывалъ къ нему, совершалъ множество знаменій, назидалъ души и, обращая грѣшниковъ, примирялъ съ Собою. А все это—(дѣло) священства.

204. О томъ, что Христосъ и іереемъ, и учителемъ, и архіереемъ рукоположенъ по человѣчеству отъ Отца.

Потомъ Онъ пріялъ и другое великое свидѣтельство (своего священства), именно—рукоположеніе. Ибо, когда Онъ преобразился и открылъ божественную славу Божества своего, сколько можно было видѣть людямъ: тогда надъ божественнымъ просіявшимъ тѣломъ явился Божественный Духъ въ видѣ облака, среди котораго былъ (Христосъ), и съ неба былъ слышанъ гласъ отъ Отца: *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ*: *того послушайте* (Матѳ. 17, 5). Это: *того послушайте*—многозначительнѣе (событій) крещенія и гласа, бывшаго съ неба тогда, и есть знаменіе архіерейства. И, хотя Онъ есть Іерей вѣчный, но и Отецъ свидѣтельствовалъ о Немъ; и что̀ Онъ говорилъ ученикамъ: *слушаяй васъ, мене слушаетъ* (Лук. 10, 16), то̀ Отецъ говоритъ и о Немъ: *того послушайте*,—свидѣтельствуя о Немъ, что Онъ—Учитель и Пастырь нашъ, и Архіерей,—живый образъ Его самаго, какъ Слово и ѵпостасная Премудрость, и образъ ѵпостаси Его,—и повелѣваетъ слушать Его. А что Христосъ явилъ въ Себѣ и (силу) священнослуженія, и священносовершенія, и просвѣщенія, что различаетъ въ освящаемыхъ Діонисій; то (первую явилъ) до крещенія, повинуясь отцу и Матери, совершая хожденія въ храмъ, читая народу и совершая дѣла служенія. По крещеніи и послѣ пріятія Духа явилъ (силу)

21

священносовершительную: потому что крестилъ учениковъ и посылалъ ихъ исцѣлять и помазывать елеемъ, а самъ совершалъ знаменія и исцѣленія. Просвѣтительную же явилъ здѣсь, когда преобразился, былъ совершеннѣе свидѣтельствованъ отъ Отца, имѣлъ при Себѣ Духа и просвѣщеніе Духа сообщилъ ученикамъ, подобно тому, какъ еще въ полнѣйшей мѣрѣ (сообщилъ) послѣ, въ явленіи огненныхъ языковъ, даровавъ и имъ благодать просвѣщенія, дабы они могли передавать другимъ то, что сами получили;—когда избранныхъ Апостоловъ сдѣлалъ самовидцами этого преображенія и проповѣдниками явленія и откровенія (по мѣрѣ силы видѣвшихъ) Божества Его, и естественнаго свѣта, и благодати, и силы, и свидѣтелями совершеннѣйшаго свидѣтельства Всевышняго Отца, свидѣтелями рукоположенія, знаменованнаго облакомъ, и провозглашенія (подобнаго тому, какое бываетъ при посвященіяхъ)—во гласѣ свыше. Когда былъ тотъ гласъ, — Онъ, какъ говоритъ Лука (9, 33—35), оставался одинъ, потому что одинъ Онъ былъ свидѣтельствуемый и являемый. Вмѣстѣ съ Апостолами, Онъ имѣлъ и другихъ славныхъ свидѣтелей, избранныхъ отъ Пророковъ, составляя себѣ свидѣтельство изъ ветхаго и новаго (завѣта), и показывая истину. И изъ (завѣта) сѣни приводитъ двухъ свидѣтелей: потому что образъ — несовершенъ и прикровенъ; а изъ (завѣта) благодати—трехъ: потому, что возсіяла благодать и истина, и потому, что Церковь возвѣщаетъ познаніе совер-

шительной Троицы и стяжала совершеннѣйшее познаніе и силу Божію. А потому Христосъ, совершеннымъ образомъ преобразившись и бывъ свидѣтельствованъ отъ Отца и Духа, и явивъ (силу) Божества, тотчасъ сообщаетъ первое просвѣщеніе главнѣйшимъ изъ учениковъ и дѣлаетъ ихъ причастниками благодати и озаренія Божества. И потому *падоша ницы,* говоритъ (Евангелистъ—Мат. 17, 6), такъ какъ не могли тѣлесными очами выносить свѣта Божества.

205. О томъ, что послѣ преображенія Христосъ, какбы рукоположивши двѣнадцать и семьдесять учениковъ, послалъ ихъ проповѣдать предъ лицемъ своимъ.

Потомъ (Христосъ) вмѣстѣ съ ними избралъ и другихъ. Ибо послѣ преображенія, какъ Лука говоритъ тотчасъ (вслѣдъ за описаніемъ его)' великій и единый Архіерей, все содержащій въ Себѣ и всѣмъ содѣлавшійся ради насъ, поставилъ первыхъ іерархами, а вторыхъ—іереями, и послалъ ихъ проповѣдать предъ лицемъ своимъ. А наконецъ, принесъ въ жертву самъ Себя и даровалъ таинства, и, пожершись за насъ на крестѣ, умерши и воскресши, примирилъ насъ съ Отцемъ и дуновеніемъ сообщилъ начатки Духа, и окончательно потомъ рукоположилъ учениковъ по вознесеніи, посредствомъ тѣхъ, раздѣленныхъ имъ, огненныхъ языковъ Духа' которые и сѣли на каждомъ изъ нихъ порознь, почему и пріяли всѣ равную благодать, и всѣ исполнились Святаго Духа. Ибо ученики вначалѣ

избраны были и посланы ко овцамъ погибшимъ, и получили даръ, и повелѣно имъ было раздавать даръ; но еще не были они совершены, потому, что еще не было принесено Отцу умилостивленіе и вольное за всѣхъ закланіе, и нескверная жертва,—самъ, пожершійся за насъ, благій Богъ нашъ, который, воплотившись ради насъ, содѣлался начаткомъ естества нашего. Но, какъ скоро, по благоутробію, соединился Онъ съ нами, тотчасъ даровалъ намъ и дары благодати. И прежде всего, святую свою Матерь Дѣву Онъ содѣлалъ наитіемъ Духа способною къ чревоношенію, исполнивъ ее благодатныхъ даровъ своихъ и давъ силу, при которой она могла (во чревѣ) носить Его, неизреченно воплотившагося изъ нея, и соблюдши ее Дѣвою и до рождества, и въ рождествѣ, и чистою по рождествѣ. Потомъ даровалъ Онъ, по благодати, познать таинство Іосифу. Затѣмъ открылъ Себя посредствомъ звѣзды волхвамъ, находившимся далеко и жившимъ въ язычествѣ и беззаконно, и лежалъ въ вертепѣ и ясляхъ, какъ и явился и Ангеламъ, и простымъ пастырямъ — въ знакъ одинаковости положенія: потому, что и самъ, несмотря на то, что Онъ Господь душъ и словесныхъ овецъ, какъ Творецъ и Пастыреначальникъ ихъ, — содѣлался пастыремъ и стражемъ, какъ Попечитель и какъ неусыпный ради насъ Промыслитель,—потому что Онъ безсмертенъ. Затѣмъ послѣ этого Онъ предвозвѣщенъ былъ Симеону, какъ праведнику, явился младенцемъ и познанъ былъ, какъ Богъ, равно какъ

и Аннѣ; яснѣе же — Крестителю и возлюбленному предвѣстнику и Предтечѣ во всемъ, даже и въ смерти; и еще очевиднѣе—ученикамъ своимъ, которыхъ, приготовляя къ апостольству и всемірной ловитвѣ, называлъ ловцами человѣковъ, свѣтомъ міру, солію, судіями и пастырями, и проч.,—и, мало по малу даровавъ имъ, сколько было возможно, дары благодати, наконецъ, принесъ Себя въ жертву за всѣхъ и, разоривъ вражду, поправъ смерть, вознесшись къ Отцу и вознесши Ему жертву, и превознесши божескою честію естество человѣческое, послалъ, наконецъ, намъ, примиреннымъ чрезъ Него съ Отцемъ, благодать совершеннѣйшую. И между нами явился источникъ дарованій — Утѣшитель, не отступавшій (и прежде), потому что Онъ — вездѣ, какъ все животворящій и содержащій;—но явившій Себя, и очищеннымъ и преобразованнымъ чрезъ Сына, по благоволенію Отца и при Его собственномъ содѣйствіи, явственнѣе открывшійся, какъ соестественный и содѣтельный (Имъ), и всецѣло, такъ сказать, благодатію вселяющійся и раздѣляемый въ каждомъ (изъ насъ), и въ тоже время остающійся нераздѣлимымъ и тѣмъ же. Благодатію, сказали мы, вселяется Онъ, а не ѵпостасію, хотя по существу Онъ присутствуетъ вездѣ и не ограниченъ ничѣмъ: потому что Онъ не воплощается ѵпостасію и не пребываетъ между нами, подобно какъ и Отецъ, но вселяется, пребываетъ и дѣйствуетъ благодатію. Воплотился одинъ Сынъ; но ѵпостасно и Онъ обитаетъ не въ насъ,

а только въ воспринятой плоти (προσλήμματι), такъ что мы отъ Начатка нашего, какъ отъ источника, родственнымъ путемъ получаемъ благодать и чрезъ Него становимся законными чадами Отцу. Впрочемъ, Онъ—Сынъ по естеству; а мы — по усыновленію и благодати. Видишь таинство? Съ нами Богъ — Еммануилъ, чтобы обожились и мы; но самъ Онъ — Богъ и Сынъ по природѣ, а мы — боги по усыновленію и по благодати. Посему Отецъ есть и Отецъ Его, но—по естеству; и Отецъ нашъ, но—по благодати; подобно тому, какъ Онъ—Богъ Его, ради воспріятія Имъ отъ насъ (плоти), а Богъ нашъ, какъ Творецъ. И это Онъ изрекъ по воскресеніи: *восхожду ко Отцу моему и Отцу вашему, и Богу моему и Богу вашему* (Іоан. 20, 17).

Клир. Возвышенно сказанное и божественно, и много просвѣтило мысль нашу.

Арх. Оно—(дѣло) Его благодати, а благодать Его — просвѣщеніе: потому что Онъ — *свѣтъ истинный* (Іоан. 1, 7). Благодать въ Немъ просвѣщаетъ и меня, и васъ, подобно какъ свѣтъ въ лампадѣ освѣщаетъ и того, кто держитъ ее, и стоящихъ около него. Итакъ, благодареніе Богу, сподобившему насъ смиренныхъ возвѣстить братіямъ (дѣла) Его! Теперь скажемъ и о прочихъ рукоположеніяхъ.

Клир. Да, владыко: потому что стóитъ узнать и о всѣхъ. Научи же насъ, какія онѣ.

206. О различныхъ рукоположеніяхъ внѣ алтаря,—настоятелей и чиновъ церковныхъ: и во первыхъ — о (рукоположеніи) великаго иконома.

Арх. (Это — рукоположенія) протопресвитеровъ, архидіаконовъ, настоятелей и прочихъ, (находящихся) въ различныхъ служеніяхъ, называемыхъ чинами (ὀφφίκιον),—которые исправляютъ церковныя службы и которыхъ и чины, и обязанности различны. Такъ, одинъ изъ нихъ рукополагается въ иконома, который имѣетъ попеченіе объ имуществахъ, доходахъ и расходахъ: потому что и объ этомъ нужно заботиться для общей пользы и для благоустройства церковнаго (имѣнія): свидѣтель этого—икономія Стефана и прочихъ діаконовъ, служившихъ и ученію, и проповѣди, какъ Стефанъ и Филиппъ, а притомъ и нуждамъ, и общимъ трапезамъ братій.

207. О великомъ сакелларіѣ и великомъ сосудохранителѣ (скевофилаксѣ).

Другой же заботится только о священныхъ мѣстахъ и наблюдаетъ за находящимся въ нихъ, и, сколько можетъ, изслѣдуетъ ихъ (качества). А иной — бережетъ сосуды, печется о священныхъ (вещахъ) и наблюдаетъ за тѣмъ, что относится къ пѣснопѣнію и храму. Ему же ввѣрено попеченіе и о святительскихъ одеждахъ, и всѣхъ другихъ священныхъ (облаченіяхъ).

208. О великомъ хартофилаксѣ и сакелліѣ.

А другой надзираетъ за дѣлами (іереевъ), наблюдаетъ за ними и изслѣдуетъ то, что до нихъ касается; испытываетъ приходящихъ и приводитъ къ посвященію; заботится также о законномъ совершеніи браковъ; управляетъ, съ вѣдома іерарха, дѣлами епископовъ и подчиненныхъ судебныхъ мѣстъ; хранитъ дѣловыя бумаги и, вообще, онъ — правая рука іерарха. А слѣдующій за нимъ смотритъ за (принадлежностями) священныхъ зданій въ городѣ и печется о благочиніи въ нихъ, а въ особенности — за (принадлежностями) жертвенника и алтаря, чтобы не дѣлалось чего нибудь излишняго, или не было нерадѣнія о священномъ.

209. О протэкдикѣ.

Иного же должность состоитъ въ томъ, чтобы принимать снова обращающихся послѣ отреченія (отъ вѣры). Онъ защищаетъ божественные и священные законы; испытывая впадшихъ въ преступленіе убійства, или въ другой проступокъ, дѣлаетъ то, что̀ (можетъ служить) для помощи имъ, или помилованія. Они и рукополагаются въ судіи особеннымъ образомъ, принимая въ руки божественное евангеліе, которое есть лучшее руководство, и суть приближенные архіерея и первые его споспѣшники.

210. О всѣхъ вмѣстѣ прочихъ клирикахъ.

Кромѣ этихъ, весьма много и другихъ, изъ которыхъ одинъ пріемлетъ то, другой—другое священное служеніе. Всѣ они дѣйствуютъ не просто и какъ случилось, но получая благодать Духа, дабы чрезъ благодать имѣть и благословеніе іераршеское, и освященіе, и дарованіе, и силу для дѣйствованія: потому что и это—отъ Апостоловъ, какъ и написано о Варнавѣ и Павлѣ, что Апостолы, помолившись, возложили на нихъ руки и послали на дѣло (Дѣян. 13, 3).

211. Почему внутри алтаря, при рукоположеніи епископа, пресвитера и діакона, говорится: божественная благодать; *а внѣ, при (рукоположеніи) чиновъ (церковныхъ):* благодать Всесвятаго Духа?

А потому совершаются рукоположенія и здѣсь, только не въ алтарѣ, а внѣ его: потому что внутри алтаря бываютъ, какъ мы сказали, только три рукоположенія: діакона, пресвитера и епископа, при которыхъ и говоритъ архіерей: *божественная благодать*, — ради совершенной благодати, (даруемой) тогда. Ибо и рукоположеніе это—совершеннѣйшее, вселенское, а не частное: потому что всѣ діаконы имѣютъ благодать единую и совершенную въ отношеніи къ діаконству; и пресвитеры также имѣютъ единую силу и мощь для совершенія священнодѣйствій, и единую силу и мощь для совершенія (дѣйствій) архіерейскихъ (имѣютъ) всѣ епископы, хотя и есть степени въ престолахъ и начальствѣ. А потому при тѣхъ вселенскихъ и общихъ руко-

положеніяхъ и призывается всеобщая благодать Святыя Троицы, и (это бываетъ) у священной и божественной трапезы. При этихъ же, совершаемыхъ внѣ алтаря, такъ какъ (онѣ суть рукоположенія) въ различныя внѣшнія служенія, такъ не говорится; но, когда рукополагаемый преклонитъ по указанію хартофилакса голову, имѣя ее обнаженною, въ знакъ того, что онъ пріемлетъ чрезъ архіерея отъ Христа и покоряется Ему, — и хартофилаксъ скажетъ: *повелите:* тогда возстаетъ іерархъ, какъ являющій дѣло Божіе и потому, что онъ сообщаетъ даръ, и, простерши руку, говоритъ: *благодать Всесвятаго Духа проручествуетъ* тебя или въ иконома, или въ другой какой либо (чинъ) нашей святѣйшей Церкви, и тотчасъ знаменуетъ его (крестнымъ знаменіемъ). Архіерей садится, а пѣвцы поютъ: εἰς πολλὰ ἔτη (на многая лѣта),— благодаря Бога и молясь, чтобы Онъ всегда чрезъ архіереевъ способствовалъ преуспѣянію Церкви и ниспосылалъ благодатные дары. Рукоположенный же приходитъ и лобызаетъ колѣно архіерея, въ знакъ подчиненія, — правую руку, какъ посвятившую его,—и ланиту, въ знакъ единенія и любви. Потомъ лобызаетъ и (лицъ) одного съ собою чина: если онъ (принадлежитъ) къ первому чину, то — первыхъ;—ко второму—вторыхъ, такъ какъ онъ сталъ одного съ ними чина. И такимъ образомъ, снова остановившись и поклонившись архіерею въ благодарность за сообщеніе дара, отходитъ на свое мѣсто, на которое рукоположенъ.

212. О томъ, что рукополагаемые въ первые (чины) и въ судіи принимаютъ отъ архіерея въ руки и евангеліе.

Если бываетъ рукоположеніе судей и первыхъ (чиновъ), то архіерей, прежде лобзанія, даетъ ему (рукополагаемому) и евангеліе, говоря при этомъ: «Господь сказалъ : *имже судомъ судите, судятъ и вамъ*» (Матѳ. 7, 2): ибо отвѣтъ страшенъ, потому что, какъ кто судитъ, такъ и судимъ будетъ; и потому что судить нужно по Евангелію и, какъ Самъ сказалъ, — судить не на лице, но праведный судъ. И такимъ образомъ совершается лобзаніе. Итакъ слова: *божественная благодать Всесвятаго Духа*—выражаютъ не всеобщее какое-либо и совершенное дарованіе, возводящее изъ ѵподіакона въ діаконскую степень, или изъ діакона во пресвитера; но то, что остающагося діакономъ, или пресвитеромъ, ко благочинію Церкви, производятъ въ какое-либо священное служеніе, которое онъ пріемлетъ отъ благодати Духа, или отъ различныхъ дарованій, сообщаемыхъ каждому чину, по мѣрѣ преуспѣянія, и которое есть (служеніе) частное и (поручается) одному: потому что другой того же степени и чина получаетъ въ свою очередь другое, и словомъ — всѣ оне — (служенія) церковныя.

213. О томъ, что (обязанности) церковныхъ чиновъ должны исполнять освященные, а не міряне, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и какъ въ Трапезунтѣ.

Эти священныя служенія должны лежать на освященныхъ, діаконахъ и пресвитерахъ, а не на

лицахъ мірскихъ и не имѣющихъ священства: потому что онѣ священны и совершаются посредствомъ архіерейскаго знаменованія и благодати Духа. И не получившимъ рукоположенія не должно принимать ихъ, какъ это дѣлается въ митрополіи трапезунтской: потому что это—не по чину, тѣмъ болѣе, что весьма многія изъ этихъ должностныхъ лицъ стоятъ впереди и многихъ іереевъ; а не рукоположенному отнюдь не слѣдуетъ стоять впереди кого нибудь освященнаго.

214. О томъ, что не должно поставлять духовниками простыхъ монаховъ.

Подобнымъ образомъ и служеніе духовныхъ отцевъ не должно ввѣрять простымъ монахамъ, вовсе не имѣющимъ рукоположенія. Ибо это (служеніе) столь священно, что принадлежитъ однимъ епископамъ и пресвитерамъ, какъ говорятъ правила (церковныя). Даже, если его исполняютъ пресвитеры, то это бываетъ по необходимости только и съ разрѣшенія епископа, и когда его нѣтъ, когда онъ въ отсутствіи. И бо̀льшую часть винъ, каковы: отреченіе отъ вѣры, грѣхъ убійства, паденія лицъ священныхъ, должно представлять на сужденіе епископа; — сколько и разныхъ другихъ (грѣховъ) ускользаетъ отъ вѣдѣнія выслушивающаго ихъ! — и все (надобно) дѣлать съ согласія епископа: потому что это—дѣло собственно епископа.

ХРИСТІАНСКОЕ

ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

1856.

От Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Іюня 22 дня, 1856 года.

Цензор *Архимандрит Кирилл*.

СОСТОЯНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ СО ВРЕМЕНИ ИЗБРАНІЯ МИТРОПОЛИТА КЛИМЕНТА ДО МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА II.

II.

МОНАСТЫРИ.

Высокое значеніе монастырей, какое пріобрѣли они въ русской Церкви со времени основанія кіево-печерской обители, продолжалось и теперь; особенно настоятели монастырей, послѣ іерарховъ, являются главными дѣйствующими лицами въ событіяхъ церковныхъ, а иногда и гражданскихъ. Но судьба самихъ монастырей, съ измѣненіемъ обстоятельствъ Церкви и отечества, не мало измѣнилась: жизнь иноческая, которая прежде утвердилась и процвѣла преимущественно въ Кіевѣ и вообще въ предѣлахъ южно-русскихъ, нашла теперь для себя новое поприще въ области суздальской и другихъ мѣстахъ средней полосы Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивалась болѣе и болѣе въ области новгородской и нѣкоторыхъ сѣверныхъ, ей сопредѣльныхъ.

I.

Во главѣ кіевскихъ и вообще южно-русскихъ обителей стояла, какъ и прежде, знаменитая обитель кіево-печерская. Это видно изъ того, что настоятели ея въ ряду другихъ настоятелей занимали всегда первое

мѣсто, а вмѣстѣ изъ того, что они только одни во всей южной Россіи начали называться архимандритами, не оставляя впрочемъ и прежняго своего имени—игумена: послѣднимъ именемъ выражалось ихъ начальственное отношеніе къ своему монастырю, а наименованіемъ архимандрита—ихъ отношеніе къ прочимъ настоятелямъ и первенство надъ ними ([65]). Съ какого времени и по какому праву кіево-печерскіе игумены усвоили себѣ имя архимандрита, неизвѣстно: но въ первый разъ это имя встрѣчается за ними въ 1174 году. Согласиться, будто имя архимандріи далъ кіево-печерской обители Андрей Боголюбскій еще въ 1159 году, возведши ее вмѣстѣ на степень *лавры и ставропигіи великокняжеской и патріаршей*, т. е., независимой отъ кіевскаго митрополита, мы не можемъ, несмотря на уцѣлѣвшую копію съ мнимой граматы Боголюбскаго ([66]). Грамата эта написана такимъ языкомъ, какимъ писали въ Кіевѣ только къ концу XVI и въ XVII вѣкѣ, подъ вліяніемъ языка и владычества польскаго: здѣсь неоднократно встрѣчаются выраженія: *на вѣчные часы, подлугъ* узаконенія патріаршаго.., *на потомъ* въ роды и роды, *маетъ* или *не маетъ* быти *инако, зрушити* сію данину и под.; опредѣляется даже кіево-печерскому монастырю брать съ одного села семьдесятъ *грошей польскихъ*. Въ содержаніи граматы еще болѣе несообразностей. Въ первыхъ

([65]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 194; II, 107. 128. 152. Такое сочетаніе двухъ названій—игумена и вмѣстѣ архимандрита употреблялось настоятелями нѣкоторыхъ знаменитѣйшихъ монастырей и въ Греціи еще во дни VII вселенскаго собора (*Binii* Concil. t. III, part. 1, sect. 1, p. 522. 598).

([66]) Свѣдѣнія объ этой граматѣ сообщены въ «Описаніи Кіево-печерской Лавры», стр. 47—51, изд. 2, а самая грамата напечатана въ «Прибавленіяхъ къ Описанію», № 1.

строкахъ ея говорится, что Андрей Боголюбскій, какъ только началъ княжить «въ пренменитомъ стольномъ городѣ Кіевѣ», тотчасъ, по завѣщанію своего отца Юрія Долгорукаго, далъ эту грамату печерскому монастырю; а въ концѣ замѣчено (не цыфрами, а словами), что она дана въ 1159 году. Но извѣстно, что Андрей Боголюбскій тогда еще не владѣлъ Кіевомъ и что, овладѣвши имъ уже въ 1169 году, никогда самъ не княжилъ въ Кіевѣ. Далѣе говорится, что грамата дана за благословеніемъ константинопольскаго патріарха *Кгръ Силивестра*, между тѣмъ, какъ патріархомъ въ Константинополѣ былъ тогда Лука Хрисовергъ. Еще далѣе Боголюбскій объясняетъ, что онъ далъ города Василевъ и Мическъ съ разными угодьями кіево-печерскому монастырю, между прочимъ, для того, да не угасаетъ свѣча «у гроба святого отца нашего Θеодосія и идѣже мощи отца моего великаго князя Юрія Владиміровича лежатъ»: но Юрій Долгорукій погребенъ былъ не въ печерскомъ монастырѣ, а въ спасскомъ берестовскомъ, который былъ тогда самостоятельнымъ монастыремъ (67). Кіево-печерской лаврѣ граматою подчиняются четыре монастыря: пустынный-николаевскій кіевскій, елецкій черниговскій, свѣнскій подъ Брянскомъ и спасскій Новгорода Сѣверскаго: но надъ Черниговомъ Боголюбскій никогда не имѣлъ власти, а свѣнскій монастырь подъ Брянскомъ основанъ уже въ 1288 г. сыномъ св. Михаила, князя черниговскаго, Романомъ (68). Мы отнюдь не отвергаемъ, что Андрей

(67) П. Собр. Р. Лѣт. I, 149. 194; II, 81.

(68) Повѣсть о началѣ свѣнскаго монастыря въ Древн. Росс. Вивліоѳ., изд. 2, XIX, 284. О княженіи Романа Михаиловича въ Брянскѣ—*Карамз*. IV, 37, изд. 2.

Боголюбскій могъ дать кіево-печерскому монастырю грамату на обладаніе разными угодьями и самымъ городомъ Василевымъ, которымъ, дѣйствительно, впослѣдствіи владѣла лавра; не отвергаемъ, что грамата эта могла сгорѣть во время пожара въ 1590 г., какъ увѣрялъ тогда настоятель лавры. Но говоримъ только, что извѣстная нынѣ копія съ этой граматы, снятая, по просьбѣ кіевопечерскихъ властей, въ 1592 г. будто бы съ другаго подлиннаго списка, хранившагося въ патріаршемъ константинопольскомъ архивѣ, и засвидѣтельствованная патріархомъ Іеремією, не можетъ быть признана подлинною: патріархъ, по его собственнымъ словамъ, поручалъ сдѣлать справку въ архивѣ своему логоѳету Іераксу и, не зная самъ русскаго языка, при довѣріи къ логоѳету, могъ ненамѣренно засвидѣтельствовать подложную грамату (69). Надобно прибавить, что до нашествія на Россію Монголовъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ посланіяхъ св. Симона и Поликарпа, которые сами были постриженцы кіево-печерскаго монастыря и писали о печерскихъ подвижникахъ въ первой половинѣ XIII вѣка, ни въ другихъ какихъ либо памятникахъ, монастырь этотъ не называется нигдѣ лаврою и ставропигіею (70). Напротивъ, изъ лѣтописи из-

---

(69) Слова патріарха о снятіи граматы напечатаны въ предисловіи къ граматѣ (Приб. къ Опис. К—печер. Лавры № 1). Изъ нихъ видно, что помянутый Іераксъ увѣрялъ еще патріарха, будто въ архивахъ патріаршихъ хранились тогда многія жалованныя граматы самаго св. Владиміра кіевскаго и даже бабы его Ольги, данныя русскимъ епископамъ, монастырямъ и вообще русскому духовенству. Какимъ монастырямъ и какому русскому духовенству могла дать эти граматы св. Ольга?

(70) Только въ посланіи къ кіево-печерскому архимандриту Василію (поставл. 1182), которое съ вѣроятностію усвояется св. Кириллу туровскому, кіево-печерскій монастырь названъ однажды лаврою (Приб. къ

вѣстно, что въ 1168 г. кіевскій митрополитъ Константинъ II, самъ съ своимъ соборомъ, безъ сношенія съ цареградскимъ патріархомъ, осудилъ на заточеніе кіево-печерскаго игумена Поликарпа, — чего не могло бы быть, еслибы монастырь печерскій считался патріаршею ставропигіею.

Въ ряду архимандритовъ кіево-печерскихъ первымъ былъ этотъ самый Поликарпъ (съ 1174 г.). Онъ пользовался особеннымъ уваженіемъ вел. князя Ростислава и другихъ князей и нерѣдко исполнялъ ихъ важныя порученія. Подвергся заточенію по случаю происходившихъ тогда споровъ о постѣ въ среду и пятокъ: но весьма скоро (упом. уже 1170 и 1171 г.) возвратился съ честію въ свою обитель, какъ страдавшій невинно, и продолжалъ управлять братіею. Скончался въ 1182 г., и нетлѣнныя мощи его, доселѣ почивающія въ кіевскихъ пещерахъ, служатъ живымъ свидѣтельствомъ его высокихъ добродѣтелей ([71]). По

Твор. св. Отд. X, 347). Но не внесено ли это названіе позднѣйшимъ переписчикомъ посланія въ замѣнъ слова: монастырь, подобно тому, какъ въ позднѣйшихъ спискахъ житія преп. Θеодосія онъ именуется не только игуменомъ, но и архимандритомъ всея Россіи, а въ похвальномъ словѣ ему называется основателемъ кіево-печерской лавры? Впрочемъ, принимая во вниманіе, что имя лавры (Λάυρα — цѣлый кварталъ домовъ) издавна употреблялось на востокѣ, не какъ какое либо почетное названіе, даваемое монастырямъ властію, а усвоялось обыкновенно монастырямъ, отличавшимся множествомъ зданій, многолюдствомъ, — равно и то, что также у насъ впослѣдствіи лаврами были называемы многолюдные монастыри: Чудовъ, Антонія Римлянина, Кирилло-Бѣлозерскій, Глушицкій и другіе, можемъ согласиться, что и кіево-печер. монастырю еще въ XII вѣкѣ, безъ всякой грамоты отъ Боголюбскаго, за одно многолюдство могли приписывать имя лавры.

([71]) П. Соб. Р. Лѣт. I, 151; II, 95. 98. 100. 101. 107. 126; Никон. Лѣт. II, 201; *Татищ.* III, 160.

смерти Поликарпа, случившейся 24 іюля, въ субботу, произошло въ печерскомъ монастырѣ сильное волненіе: братія никакъ не могли избрать себѣ новаго настоятеля, и была общая скорбь и великая печаль. Потому во вторникъ братія ударили въ било, сошлись въ церковь и начали молиться Пресв. Богородицѣ; въ это время, къ общему изумленію, многіе единогласно изрекли: «пошлемъ къ священнику Василію, что́ на горѣ Щековицѣ, да будетъ онъ нашимъ игуменомъ». И, пришедши, поклонились Василію и сказали: «мы, всѣ братія — черноризцы, кланяемся тебѣ и хочемъ имѣть тебя своимъ отцемъ и игуменомъ». Пораженный этимъ, священникъ, также поклонившись, отвѣчалъ: «отцы и братія! признаюсь, что сдѣлаться черноризцемъ я уже помышлялъ въ сердцѣ своемъ: но какъ вы вздумали предлагать мнѣ недостойному игуменство»? И долго противился имъ и отрекался. Наконецъ, братія взяли его и привели въ обитель въ пятницу, а въ воскресенье прибылъ туда же самъ митрополитъ Никифоръ и съ нимъ епископы: туровскій Лаврентій и полоцкій Николай, и всѣ игумены. Митрополитъ своею рукою постригъ Василія и поставилъ его игуменомъ Ѳеодосіева монастыря ([72]). Каковъ былъ архимандритъ Василій, отчасти видно изъ посланія къ нему, съ вѣроятностію приписываемаго святителю туровскому Кириллу. Здѣсь святитель, между прочимъ, говоритъ: «всечестный, богоблаженный Василій, поистинѣ славный и великій во всемъ мірѣ архимандритъ, отецъ отцевъ, великій для всѣхъ путеводитель къ горнему, душа, проникающая тонкимъ умомъ своимъ всѣ богодухновенныя пи-

([72]) П. Собр. Р. Лѣт. II, 126.

санія,—вторый Өеодосій, игуменъ печерскій, хотя не по имени, но по дѣламъ и вѣрѣ, равный ему святостію, но и болѣе того возвеличенный Христомъ, какъ угодный Ему рабъ и Его Матери слуга: ибо Өеодосій, начавъ строить церковь, позванъ былъ Богомъ и къ Нему отошелъ; тебѣ же даровалъ Богъ не только церковь устроить, но и создать *каменную ограду вокругъ лавры,* гдѣ жилища святыхъ и дворы преподобныхъ... Ты какбы спрашиваешь меня о великомъ и святомъ образѣ схимы, въ который издавна желаешь облечься. Конечно, не по невѣдѣнію вопрошаешь о семъ, но испытуешь мое убожество, какъ учитель ученика и господинъ раба... Ты въ бѣльцахъ и въ иночествѣ велъ жизнь богоугодную и душеполезную» ([73]). Изъ преемниковъ Василія (скончал. послѣ 1197 г.) достопамятны Досиөей и Акиндинъ. Первый принесъ въ Россію съ св. горы аөонской чинъ о пѣніи дванадесяти псалмовъ и написалъ отвѣтъ на предложенные ему вопросы о жизни аөонскихъ иноковъ, доселѣ уцѣлѣвшій въ рукописяхъ ([74]). Послѣдняго св. Симонъ, епископъ владимірскій, называетъ «мужемъ святымъ», и, по его-то порученію, черноризецъ Поликарпъ написалъ (ок. 1228 г.) извѣстное посланіе о подвижникахъ печерскихъ, въ память и назиданіе послѣдующимъ черноризцамъ. По-

([73]) Посланіе напечатано въ Приб. къ Тв. св. Отц. X, 341—357.

([74]) Надъ чиномъ о пѣніи дванадесяти псалмовъ, который обыкновенно печатается при Псалтыри, доселѣ означается, что онъ принесенъ съ Аөона печерскимъ архимандритомъ Досиөеемъ. А такъ какъ объ употребленіи этого чина въ Россіи упоминается уже въ посланіи Симона къ Поликарпу, пис. ок. 1225 года: то значитъ, что Досиөей жилъ прежде. Отвѣтъ его о жизни аөонскихъ иноковъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (Приб. къ Тв. св. Отц. VI, 134).

сланіе это писано въ пятнадцатое лѣто игуменства Акиндина: слѣдов. онъ сдѣлался игуменомъ ок. 1213 г. А кончина его послѣдовала послѣ 1131 года ([75]).

Въ какомъ состояніи находилась тогда жизнь иноческая въ печерской обители, свѣдѣній почти не сохранилось. Изъ многочисленныхъ подвижниковъ печерскихъ, о которыхъ повѣствуютъ въ своихъ посланіяхъ Симонъ и Поликарпъ, только два могутъ быть съ достовѣрностію относимы къ настоящему періоду, именно — Аѳанасій и Ареѳа ([76]). Впрочемъ, судя по общимъ выраженіямъ св. Симона, печерская обитель все еще пользовалась высокимъ уваженіемъ. Онъ называетъ ее «мѣстомъ святымъ, блаженнымъ, честнымъ, спасеннымъ», уподобляетъ морю, которое «не держитъ въ себѣ ничего гнилаго, но извергаетъ вонъ», и, обращаясь къ Поликарпу, говоритъ: «пойми, братъ, какъ велика слава этого монастыря, и, устыдясь, покайся и возлюби тихое и безмятежное житіе, къ которому Господь привелъ тебя. Я бы радъ оставить епископство и служить игумену (печерскому): но знаешь, что удерживаетъ меня. И кто не знаетъ меня, грѣшнаго епископа Симона, и этой соборной церкви владимірской, красоты города, и другой суздальской церкви, которую я создалъ? Сколько онѣ имѣютъ городовъ и селъ? И десятину собираютъ по всей землѣ той, и

([75]) Памятн. Росс. Слов. XII в., стр. 247. 253.

([76]) Сказавъ о кончинѣ преп. Аѳанасія и объ исцѣленіи отъ мощей его одного брата—Вавилы, Симонъ замѣчаетъ: «и се слышахъ отъ слышавшихъ у того Вавилы исцѣленнаго». А объ Ареѳѣ повѣствуетъ, какъ современникъ и бывшій сожитель въ обители, выражаясь напримѣръ: «*мы же вси моляхомся ему.....*, *мы*, *сія слышавше*, *прославихомъ* Бога», и проч.

всѣмъ тѣмъ владѣетъ наша худость. Но предъ Богомъ скажу тебѣ: всю сію славу и власть я за уметы вмѣнилъ бы, еслибы мнѣ хотя коломъ торчать за воротами или соромъ валяться въ печерскомъ монастырѣ и быть попираему людьми. День одинъ въ дому Божіей Матери лучше тысячи лѣтъ временной чести, и я гораздо охотнѣе согласился бы пребывать въ немъ, нежели жить въ селеніяхъ грѣшничихъ» (77). Можно думать, что особенно процвѣла тогда въ кіево-печерской обители жизнь затворническая. О затворахъ въ Кіевѣ, бывшихъ въ то время, не разъ упоминаютъ лѣтописи, и въ пещерахъ кіевской лавры донынѣ нетлѣнно почиваютъ весьма много св. затворниковъ, которые извѣстны только по имени (78). Къ чести печерскаго монастыря служило и то, что онъ, по прежнему, продолжалъ давать изъ среды своихъ иноковъ достойныхъ іерарховъ для русской Церкви (79).

Средствами для своего содержанія кіево-печерскій монастырь, безъ сомнѣнія, былъ не скуденъ. Мы видѣли, что уже въ первые годы свои онъ владѣлъ селами и разными угодіями, что владимірскій князь Ярополкъ Изяславичъ пожаловалъ ему три волости, а другіе князья дѣлали на него большіе денежные вклады. Теперь супруга минскаго князя Глѣба Всеславича,

(77) Памятн. Росс. Слов. XII в. стр. 253. 257.

(78) П. Собр. Р. Лѣт. I, 156. II, 29. 75. 111; Опис. Кіево-печер. Лавры, стр. 108. 110.

(79) Св. Симонъ замѣчаетъ, что, кромѣ 30 епископовъ, вышедшихъ изъ печерскаго монастыря, имена которыхъ были записаны въ старой ростовской лѣтописи, потомъ вышло еще изъ того же монастыря около 20 епископовъ, если считать съ прекращенія означенной лѣтописи до него — Симона (ум. 1226).

Анастасія Ярополковна, завѣщавшая предъ кончиною своею (въ 1158 г.) похоронить себя въ печерской обители близъ гроба преп. Ѳеодосія, пожертвовала этой обители еще пять селъ со всѣми слугами и имуществомъ ([80]). Но не мало пришлось испытать печерскому монастырю и бѣдствій. Въ 1151 г. онъ, вмѣстѣ съ другими окрестными кіевскими монастырями, былъ ограбленъ Торками и Берендеями. Въ 1169 г., при разграбленіи всего Кіева войсками Боголюбскаго, былъ зажженъ Берендеями. Въ 1203 г., при новомъ опустошеніи Кіева Рюрикомъ Ростиславичемъ и Половцами, еще болѣе ограбленъ, при чемъ одни изъ иноковъ были убиты, а другіе отведены въ плѣнъ къ иноплеменникамъ. Наконецъ, въ 1240 г., по взятіи Кіева Монголами, обитель пр. Ѳеодосія подверглась окончательному раззоренію: окружавшая ее каменная стѣна и всѣ келліи разрушены до основанія; соборная церковь ниспровергнута съ верху до половины и совершенно опустошена; бо́льшая часть иноковъ перебиты, а немногіе, оставшіеся въ живыхъ, разбѣжались ([81]).

О другихъ кіевскихъ монастыряхъ лѣтописи говорятъ весьма кратко. Продолжали существовать монастыри прежніе: Ѳеодоровскій, Янчинъ или Андреевскій, Спасскій на Берестовѣ, Симеоновскій, Выдубицкій: о послѣднемъ замѣчено, что въ 1199 г. кіевскій князь Рюрикъ Ростиславичъ построилъ въ немъ со стороны Днѣпра каменную стѣну, составлявшую предметъ удивленія для современниковъ, и что мастеромъ при этомъ былъ русскій человѣкъ — Петръ Мило-

(80) Полн. Собр. Р. Лѣт. II, 82.
(81) Тамъ же I, 143. 176. 201; II, 100; Опис. Кіевопеч. Лавры стр. 21.

нѣгъ ([82]). Вновь основаны въ Кіевѣ или, точнѣе, въ первый разъ упоминаются только три монастыря: Кирилловскій, Васильевскій и Воскресенскій. Первый основанъ кіевскимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ, скончавшимся въ 1146 г., и считался *отнимъ* или *отчимъ* въ его потомствѣ ([83]); два послѣдніе кѣмъ и когда основаны, неизвѣстно ([84]). Всѣ тѣ бѣдствія, какимъ подвергался отъ враговъ кіево-печерскій монастырь, начиная съ 1151 г., раздѣляли вмѣстѣ съ нимъ и прочіе кіевскіе монастыри, которые, наконецъ, были разорены Монголами.

Такъ же скудны свѣдѣнія и о прочихъ монастыряхъ южно-русскихъ. Упоминаются только по имени: Михайловскій въ Переяславлѣ, Борисоглѣбскій въ Черниговѣ, Іоанновскій въ Галичѣ, Лелесовъ близъ Галича, Синеводскій въ стрыйскомъ округѣ, Борисоглѣбскій близъ Турова ([85]). Вообще должно сказать, что посреди непрестанныхъ междоусобій, главнымъ позорищемъ которыхъ была южная Россія, при частыхъ нападеніяхъ со стороны дикихъ Половцевъ, Торковъ и Берендеевъ, иноческія обители тамъ едва продолжали существовать: прежде основанныя подвергались

---

(82) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 146. 154. 194; II, 81. 90. 96. 138. 152—153.

(83) Тамъ же I, 173; II, 143—144. Супруга Всеволода Святославича Чермнаго, Марія Казиміровна, дочь польскаго короля, построила въ Кирилловскомъ монастырѣ, вѣроятно, только одну церковь, въ которой въ 1179 г. и была погребена, постригшись въ схиму (II, 121).

(84) Тамъ же I, 194.

(85) Тамъ же I, 134. 194; II, 91. 138. 152. 178. Борисоглѣбскій монастырь близъ Турова упоминается только въ «Сказаніи о Мартинѣ мнисѣ» (см. выше примѣч. 44).

раззоренію и опустошеніямъ, а новыя почти не возникали.

II.

Тѣмъ съ большею силою начала-было развиваться и процвѣтать жизнь иноческая въ новомъ великомъ княженіи владимірскомъ и другихъ сопредѣльныхъ областяхъ, болѣе спокойныхъ и вообще при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Прежде мы знали въ предѣлахъ средней полосы Россіи только четыре монастыря: Спасскій въ Муромѣ, Авраамієвъ въ Ростовѣ, Георгіевскій во Владимірѣ и Смядинскій-Борисоглѣбскій близъ Смоленска. Теперь въ этихъ предѣлахъ возникаютъ вновь болѣе двадцати монастырей, преимущественно въ городахъ княженія владиміро-суздальскаго.

Еще Юрій Долгорукій, пока оставался суздальскимъ княземъ (до 1155 г.), основалъ въ четырехъ верстахъ отъ Суздаля на берегахъ рѣки Нерли Борисоглѣбскій монастырь въ мѣстечкѣ Кидекши, гдѣ было когда-то «становище» благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба, когда они странствовали въ Кіевъ, одинъ изъ Ростова, другой изъ Мурома,—почему и самый монастырь впослѣдствіи назывался кидекшанскимъ или кидекоцкимъ ([86]). Древняя церковь этого монастыря, уже давно упраздненнаго, сохранилась донынѣ. Но истинное начало умноженію монастырей въ землѣ суздальской положилъ сынъ Долгорукаго, Андрей Боголюб-

---

([86]) Здѣсь въ 1159 г. погребенъ былъ сынъ Юрія Долгорукаго, князь Борисъ, и потомъ погребены жена Борисова и дочь (П. Собр. Р. Лѣт. I, 149. 175; II, 82; Степ. кн. I, 252).

скій, истинный основатель великаго княженія владимірскаго: онъ одинъ, по свидѣтельству мѣстнаго современнаго лѣтописца, создалъ здѣсь «монастыри многи» (87), хотя, къ сожалѣнію, намъ извѣстны только два изъ нихъ: Боголюбовъ и Покровскій.

Весьма замѣчательно обстоятельство, послужившее поводомъ къ основанію монастыря Боголюбова. Въ 1155 г. Андрей Боголюбскій, переселяясь изъ волости своей Вышгорода на свою родину—въ страну суздальскую, взялъ съ собою изъ вышгородскаго женскаго монастыря чудотворный образъ Богоматери, принесенный изъ Греціи и, по преданію, писанный евангелистомъ Лукою. Съ этимъ образомъ князь прибылъ во Владиміръ на Клязьмѣ и встрѣченъ былъ всѣми жителями съ величайшею радостію. Потомъ, продолжая путь свой, отправился къ Ростову. Но въ десяти съ половиною верстахъ отъ Владиміра, внизъ по теченію рѣки Клязьмы, лошади, везшія кіотъ съ чудотворною иконою, остановились и не шли впередъ. Другія лошади, запряженныя по волѣ князя, также не могли двинуться съ мѣста. Тогда Андрей приказалъ пѣть молебенъ предъ иконою Богоматери и самъ, повергшись на землю, со слезами молился Пресвятой Дѣвѣ и далъ обѣтъ на этомъ мѣстѣ воздвигнуть въ честь ея каменный храмъ. Съ наступленіемъ ночи князь вошелъ въ шатеръ и, продолжая свою пламенную молитву, ровно въ полночь удостоился видѣнія Пресв. Богородицы, которая повелѣла ему не носить ея чудотворнаго образа въ Ростовъ, а поставить его во Владимірѣ, на мѣстѣ же настоящаго видѣнія со-

(87) П. Собр. Р. Лѣт. I, 156; II, 112.

орудить храмъ во имя рождества ея и учредить обитель. Андрей немедленно заложилъ на томъ мѣстѣ церковь и, призвавъ искусныхъ иконописцевъ, повелѣлъ имъ изобразить Богоматерь въ томъ видѣ, въ какомъ она ему явилась. Когда церковь была готова и освящена: князь установилъ въ память чудеснаго явленія Богоматери совершать ежегодно праздникъ 18-го Іюля; внесъ въ церковь обѣ иконы—и принесенную изъ Вышгорода, сдѣлавшуюся впослѣдствіи извѣстною подъ именемъ владимірской Богоматери, и вновь написанную; эту послѣднюю назвалъ иконою Божіей Матери Боголюбивыя, мѣсто, гдѣ явилась ему Пресв. Дѣва, назвалъ Боголюбивымъ и самъ началъ прозываться Боголюбскимъ. Потомъ близъ новосозданной церкви и обители построилъ городъ Боголюбовъ и свой княжескій домъ, который сдѣлался самымъ любимымъ его мѣстопребываніемъ. Все это происходило около 1158 г., когда Андрей Боголюбскій былъ уже великимъ княземъ. Первымъ игуменомъ новой обители былъ Сергій, избранный самимъ княземъ, и для украшенія ея князь не щадилъ никакихъ издержекъ. Подлѣ рождественской церкви онъ построилъ другую каменную во имя св. муч. Леонтія; создалъ каменныя ворота для монастыря и на нихъ каменную церковь во имя св. апостола Андрея Первозваннаго; а для содержанія монастыря пожертвовалъ лучшія свои села съ ихъ даньми. Но вскорѣ, по убіеніи Боголюбскаго злодѣями (1174 г.), обитель Боголюбова была разграблена рязанскимъ княземъ Глѣбомъ и Половцами (1177 г.). Впрочемъ, продолжала еще существовать: въ 1214 г. сюда удалился на покой ростовскій епископъ Іоаннъ. Окончательно же разрушена,

вѣроятно, уже вмѣстѣ съ городомъ Боголюбовымъ, при нашествіи Татаръ въ 1237 г. Нынѣ Боголюбовъ рождественскій монастырь существуетъ въ обновленномъ видѣ ([88]).

Въ разстояніи одной съ четвертью версты отъ монастыря Боголюбова, на устьѣ рѣки Нерли, Боголюбскій создалъ другой монастырь съ церковію во имя Покрова Пресв. Богородицы. Монастырь этотъ заложилъ князь по смерти сына своего Изяслава (1165 г.), когда, предаваясь глубокой скорби о скончавшемся, тѣмъ съ большею ревностію старался совершать богоугодныя дѣла. На сооруженіе покровской церкви употреблёны были камни изъ каменоломень болгарскихъ, которые, послѣ знаменитой побѣды Боголюбскаго надъ Болгарами (1164 г.), вывозимы были, по его приказанію, въ землю суздальскую впродолженіе двухъ лѣтъ и послужили здѣсь для многихъ важныхъ построекъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и покровскій монастырь испыталъ отъ враговъ одинакую участь съ Боголюбовымъ: но древняя церковь покровская сохранилась донынѣ и одиноко стоитъ на мѣстѣ бывшей обители ([89]).

Основываясь на несомнѣнномъ свидѣтельствѣ, что Боголюбскій создалъ въ странѣ суздальской «монастыри многи», изъ которыхъ мы знаемъ только два, можемъ думать, что имъ же, можетъ быть, основаны

([88]) Тамъ же I, 148. 157. 162. 185; II, 78. 111. 114. 115. Обстоятельства основанія Боголюбова монастыря изложены въ рукописномъ Житіи св. князя Андрея Боголюбскаго. Выписки изъ этого житія помѣщены въ сочиненіи г. Доброхотова: «Древній Боголюбовъ городъ и монастырь», Моск. 1852, стр. 6. 7. 16 и др. Тамъ же—и подробныя историко-статистическія свѣдѣнія о самомъ монастырѣ.

([89]) *Доброхот.* въ томъ же соч. стр. 67. 70—73.

въ этой странѣ и другіе монастыри, случайно упоминаемые въ лѣтописи, происхожденіе которыхъ неизвѣстно, именно: а) Косьмодаміанскій суздальскій, коего игуменъ Арсеній, по убіеніи Боголюбскаго (1174 г.), первый рѣшился внести тѣло его въ церковь и отпѣть надъ нимъ панихиду ([90]); б) Богородичный владимірскій, коего игуменъ Өеодулъ перенесъ съ своими клирошанами тѣло убіеннаго князя Андрея изъ Боголюбова во Владиміръ и здѣсь похоронилъ въ соборномъ храмѣ ([91]); в) Вознесенскій владимірскій, упоминаемый въ 1187 г., когда здѣсь останавливался черниговскій епископъ Порфирій; г) Петровскій ростовскій, гдѣ три-

---

([90]) П. Собр. Р. Лѣт. II, 115. Мысль, будто Косьмодаміанскій монастырь основанъ ростовскимъ епископомъ Іоанномъ, который потомъ здѣсь же будто бы жилъ на покоѣ и скончался (*Анан. Өедоров.* О градѣ Суздалѣ: Времени. Москов. Истор. Общества, XXII, отд. II, стр. 23), противна древней лѣтописи. Іоаннъ сдѣлался епископомъ ростовскимъ только въ 1190 г. (—I, 172) и жилъ съ 1214 г. на покоѣ въ Боголюбовомъ монастырѣ (I, 185), а Косьмодаміанскій монастырь существовалъ еще въ 1174 году (—II, 115).

([91]) П. С. Р. Лѣт. I, 157; II, 115. Впрочемъ, такъ какъ Өеодулъ называется здѣсь игуменомъ *святой Богородицы володимерской*, а владимірскою Богородицею обыкновенно называлась и называется извѣстная ея чудотворная икона, которая стояла въ соборномъ владимірскомъ храмѣ Пресв. Богородицы, построенномъ Андреемъ Боголюбскимъ: то можно думать, что Өеодулъ не былъ игуменомъ собственно какого-либо Богородичнаго монастыря во Владимірѣ, а жилъ при владимірскомъ соборѣ въ качествѣ намѣстника ростовскаго епископа и завѣдывалъ духовенствомъ и имѣніями собора; потому-то, можетъ быть, и сказано въ лѣтописи, что Өеодулъ отправлялся за тѣломъ Боголюбскаго не съ черноризцами, а только съ клирошанами Св. Богородицы, и Владимірцы обращались къ этому игумену, какъ къ главному духовному лицу въ ихъ городѣ (тамъ же). Но предполагать, чтобы Өеодулъ могъ быть игуменомъ Рождество-Богородицкаго владимірскаго монастыря, который уже въ 1192 г. создалъ вел. князь Всеволодъ Юрьевичъ (—I, 172. 184), было бы, очевидно, несправедливо.

надцать лѣтъ былъ игуменомъ Пахомій, духовникъ ростовскаго князя Константина, избранный въ 1214 г. во епископа Ростову; д) Дмитріевскій суздальскій, откуда, по смерти епископа Пахомія, изведенъ былъ (1216) на ростовскую каѳедру черноризецъ Кириллъ и куда, спустя тринадцать лѣтъ, снова удалился онъ съ епископіи для высшихъ подвиговъ, принявъ схиму съ именемъ Киріака; е) Спасскій владимірскій, игуменъ котораго Ѳеодосій упоминается въ 1237 г., при разореніи Владиміра Монголами ([92]).

Существовали иноческія обители и въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, во второй половинѣ XII вѣка, хотя неизвѣстно, кѣмъ основанныя. Это видно изъ житія пр. Никиты столпника, переяславскаго чудотворца ([93]). Онъ родился и получилъ воспитаніе въ Переяславлѣ. Достигнувъ зрѣлаго возраста, завелъ дружбу съ сборщиками податей и городскими судіями и, пользуясь своими связями, дѣлалъ много зла людямъ, бралъ съ нихъ неправедную мзду и тѣмъ содержалъ себя съ женою. Послѣ многихъ лѣтъ такой жизни Никита зашелъ однажды въ церковь и тамъ услышалъ чтеніе изъ пророка Исаіи: *измыйтеся и чисти будете, отъимите лукавства отъ душъ вашихъ... Взыщите суда,*

([92]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 170. 185—186. 192. 198. Церковь св. Спаса во Владимірѣ, вокругъ которой, вѣроятно, находился этотъ монастырь, дѣйствительно, построена еще во дни Боголюбскаго, именно въ 1164 г. (—I, 150).

([93]) Житіе по слогу древнее и встрѣчается во многихъ рукописяхъ, напримѣръ: Соб. новг. соф. библ. № 410, л. 424; Сборн. моей библіотеки № 2, л. 167; № 7, л. 55; № 39, л. 177; въ печатномъ Прологѣ оно помѣщено въ сокращеніи.

избавите обидимаго, судите сиру и оправдите вдовицу... Аще же не хощете, ниже послушаете мене, мечъ вы поястъ... и пр. (Ис. 1, 16—21). Слова Божіи поразили грѣшника: онъ вспомнилъ свои неправедныя дѣла и, воротившись домой, не могъ заснуть всю ночь отъ безпокойства о самомъ себѣ. На другой день, чтобы развлечься, онъ отправился къ друзьямъ своимъ, пригласилъ ихъ къ себѣ на вечеръ, купилъ все нужное для угощенія и приказалъ женѣ приготовить. Когда жена начала обмывать и варить мясо: ей все видѣлись въ сосудѣ только пѣна и кровь, сколько она ихъ ни снимала, и потомъ разные члены человѣческаго тѣла. Жена сказала мужу, который увидѣлъ тоже самое своими очами и пришелъ въ изступленіе. Долго стоялъ онъ въ молчаніи, произнося только: горе мнѣ, великому грѣшнику! Потомъ, взывая изъ глубины сердца къ Богу, вышелъ изъ дома и изъ города, пришелъ въ близъ лежащій монастырь *св. великомученика Никиты,* повергся предъ игуменомъ, открылъ ему свои беззаконія и страшное видѣніе и просилъ себѣ пострижепія въ монашество. Тогда игуменъ, чтобы испытать послушаніе Никиты, велѣлъ ему три дня стоять у вратъ монастыря и оплакивать грѣхи свои. Никита сталъ у монастырскихъ воротъ и со слезами исповѣдывалъ грѣхи свои предъ всѣми входившими и исходившими. На другой день, увидѣвъ вблизи монастыря болотистое мѣсто, окруженное камышемъ, гдѣ было множество насѣкомыхъ, Никита подумалъ: тѣломъ грѣшилъ я, тѣломъ долженъ и страдать. И, снявъ съ себя всѣ одежды, сѣлъ въ тростникѣ и отдалъ тѣло свое на терзаніе насѣкомыхъ. Спустя три дня, игуменъ послалъ инока узнать о Никитѣ; инокъ нашелъ его въ трост-

никѣ всего израненнаго насѣкомыми и изнемогшаго отъ истеченія крови и донесъ игумену. Игуменъ вмѣстѣ съ братіею поспѣшилъ взять Никиту, постригъ его въ иночество и затворилъ въ тѣсной келліи. Чрезъ нѣсколько времени новый инокъ, съ благословенія игумена, надѣлъ на себя тяжелыя желѣзныя вериги и, проводя день и ночь въ пѣніи псалмовъ, въ чтеніи житій Святыхъ, въ молитвѣ, любилъ и трудъ тѣлесный: своими руками ископалъ два колодца, одинъ *близъ монастыря святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба,* другой—близъ потока Студенаго или Слуднаго (94); самъ поставилъ для себя столпъ, въ которомъ, съ благословенія игумена, началъ подвизаться, и вырылъ подъ стѣною узкій проходъ, которымъ ходилъ на молитву. Богъ прославилъ своего Угодника даромъ чудесныхъ врачеваній. Въ числѣ другихъ недужныхъ къ св. Никитѣ приходилъ изъ Чернигова юный князь Михаилъ Всеволодовичъ и, удостоившись получить исцѣленіе отъ тяжкой болѣзни, повелѣлъ поставить на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ исцѣленъ, крестъ «въ лѣто 6694 (т. е. 1186), мѣсяца маія въ 16, индикта въ 8». Много еще лѣтъ подвизался въ своемъ столпѣ преп. Никита. Однажды пришли къ нему два родственника за благословеніемъ и, принявъ его свѣтлыя вериги за серебряныя, умертвили его ночью, а съ веригами бѣжали къ Ярославлю. Здѣсь увидѣли они свою ошибку и бросили вериги въ Волгу.

Далѣе въ Житіи преп. Никиты повѣствуется, что тогда (къ концу XII в.) существовалъ въ Ярославлѣ

(94) «Студенаго»—читается въ Сборн. моей библ. №№ 2 и 7; «Слуднаго»—въ двухъ другихъ Сборникахъ (см. пред. примѣч.).

близъ рѣки Волги *монастырь св. ап. Петра и Павла,* что въ этомъ монастырѣ жилъ благочестивый старецъ Симонъ, которому чудесно указано было мѣсто, гдѣ лежали въ рѣкѣ вериги св. Столпника, и что потомъ онѣ, по распоряженію игумена монастыря, торжественно извлечены были изъ воды. Другой монастырь въ Ярославлѣ, вмѣстѣ съ церковію *во имя Преображенія Господня,* основанъ былъ вел. княземъ ростовскимъ Константиномъ Всеволодовичемъ въ 1216 г. Церковь окончена сыномъ Константина Всеволодомъ и освящена ростовскимъ епископомъ Кирилломъ въ 1225 г. (95).

Между тѣмъ, во Владимірѣ и Суздалѣ возникали новые монастыри: во Владимірѣ—рождественскій мужескій и успенскій женскій, въ Суздалѣ—ризположенскій женскій.

Монастырь во имя Рождества Пресв. Богородицы основанъ былъ во Владимірѣ вел. княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ въ 1192 году на прекрасномъ, возвышенномъ мѣстѣ близъ рѣки Клязьмы. Надѣливъ эту обитель всѣми средствами для содержанія, князь желалъ, чтобы она, какъ находящаяся въ столицѣ великокняжеской, считалась старѣйшею въ ряду прочихъ: почему и игуменъ ея, одинъ изъ всѣхъ настоятелей средней полосы Россіи, носилъ имя архимандрита, какъ на югѣ Россіи — игуменъ кіево-печерскій. Настоятели рождественскаго монастыря нерѣдко избирались во епископы, каковы были: св. Симонъ и Митрофанъ владимірскіе и Кириллъ ростовскій. Обитель эта вмѣстѣ съ городомъ много пострадала отъ Татаръ въ 1238 г.

---

(95) П. Собр. Р. Лѣт. I, 186. 190.

и отъ послѣдующихъ пожаровъ: но каменная церковь ея, построенная Всеволодомъ, уцѣлѣла донынѣ и сохранила нѣкоторые остатки своей древности ([96]).

Около того же времени, какъ Всеволодъ устроялъ мужескій рождественскій монастырь, супруга вел. князя Марія основала во Владимірѣ монастырь женскій во имя Успенія Пресв. Богородицы, который и назывался *княгининымъ*. Въ 1200—1202 г. основательница создала въ немъ, вмѣстѣ съ супругомъ своимъ, каменную церковь, а въ 1206 г. сама приняла постриженіе въ монашество. Трогательно было это постриженіе. Вел. князь Всеволодъ съ своими дѣтьми, ростовскій епископъ Іоаннъ со всѣми игуменами, пресвитерами и чернецами, всѣ бояре и боярыни и всѣ жители города провожали Марію изъ княжескихъ палатъ до монастыря, и всѣ обливались слезами: потому что княгиня была крайне добра ко всѣмъ и, будучи издѣтства воспитана въ страхѣ Божіемъ, любила правду, оказывала честь и вспомоществованіе епископамъ, пресвитерамъ и черноризцамъ, была нищелюбива, страннолюбива, утѣшала больныхъ и скорбящихъ. Но, вступивъ въ монастырь, Марія провела въ немъ только осьмнадцать дней и скончалась: потому что еще до постриженія своего она восемь лѣтъ находилась въ тяжкой болѣзни, которую переносила съ терпѣніемъ Іова. Тѣло усопшей

([96]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 172. 174. 184. 185. 190. 192. 198; Истор. Росс. Іерарх. II, 527 — 530; Русск. Старина въ памятн. зодчества, изд. *Мартыновымъ*, тетр. IX, стр. 87—90. Въ послѣдней книгѣ замѣчено, что у западныхъ дверей древней рождественской церкви уцѣлѣла слѣдующая часть надписи, вырѣзанной въ глубь на камнѣ: «начало Рж҃ствеи мнстьря лѣта 6699 (т. е. 1192)». Имя архимандрита за настоятелемъ этого монастыря въ первый разъ встрѣчается по лѣтописи въ 1230 г. (—I, 192).

погребено въ созданномъ ею монастырскомъ храмѣ, гдѣ еще прежде положены были ея сестра и дочь ([97]).

Монастырь ризположенскій суздальскій, т. е., съ церковію *положенія* честныя *ризы* Пресв. Богородицы во Влахернѣ, неизвѣстно кѣмъ основанный, существовалъ въ первой половинѣ XIII вѣка. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ сохранились въ житіи преп. Евфросиніи суздальской ([98]). Она была дочь черниговскаго князя Михаила, впослѣдствіи пострадавшаго въ Ордѣ. Испрошенная молитвами своихъ родителей, съ дѣтства воспитанная благочестивою матерію въ строгомъ благочестіи, обученная граматѣ и книжной мудрости высоко-образованнымъ бояриномъ Ѳеодоромъ, который впослѣдствіи пострадалъ вмѣстѣ съ Михаиломъ, Ѳеодулія съ юныхъ лѣтъ чувствовала влеченіе къ иноческимъ подвигамъ. И потому, когда слава о разумѣ и красотѣ ея привлекла къ ней многихъ жениховъ и когда родители положили выдать ее за суздальскаго князя Мину Ивановича, потомка знаменитаго князя варяжскаго Шимона или Симона ([99]): Ѳеодулія, хотя не про-

---

([97]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 175. 176. 178.

([98]) Житіе это находится въ рукописяхъ (рук. Рум. муз. №№ 167 и 371, л. 315) и сокращенно помѣщено въ печатномъ прологѣ подъ 25 числомъ сентября. Оно составлено въ началѣ XVI вѣка инокомъ Спасо-Евѳиміева суздальскаго монастыря Григоріемъ.

([99]) Въ Суздалѣ, дѣйствительно, жилъ сынъ этого Симона Варяга, занимая должность тысяцкаго ок. 1130 г. (П. Собр. Р. Лѣт. II, 12). Мина, вѣроятно, былъ его внукомъ или правнукомъ. Но, безъ сомнѣнія, Мина могъ называться княземъ только по происхожденію своему отъ князя варяжскаго Шимона, и суздальскимъ только потому, что жилъ въ Суздалѣ или занималъ въ немъ какую либо правительственную должность. А настоящимъ княземъ суздальскимъ и владимірскимъ былъ тогда вел. кн. Георгій II Всеволодовичъ.

тивилась волѣ родителей, но пламенно молила Бога сохранить ее въ дѣвствѣ. Молитва чистой души была услышана. Въ то время, какъ черниговская княжна была уже на пути въ Суздаль, женихъ ея скончался, и она, не возвращаясь болѣе къ отцу и матери, рѣшилась вступить въ иноческую ризположенскую обитель, находившуюся близъ самаго Суздаля. Это случилось въ 1227 г. При постриженіи Ѳеодулія названа Евфросиніею и съ величайшею ревностію предалась иноческимъ обѣтамъ. Пищу принимала разъ въ день, иногда черезъ день, а иногда и разъ въ недѣлю. Съ совершенною покорностію исполняла волю старшихъ и несла разныя послушанія. Ночи нерѣдко проводила безъ сна въ чтеніи слова Божія и молитвахъ. Неопустительно ходила въ церковь, гдѣ пѣла и читала такъ, что привлекала въ обитель многихъ богомольцевъ изъ города. Испытанная мудрость Евфросиніи была причиною того, что игуменья иногда повелѣвала ей произносить даже въ церкви наставленія сестрамъ. Эти наставленія и особенно высокая святость пр. Евфросиніи производили необыкновенное дѣйствіе: многія вдовы и дѣвицы поступали въ монастырь, чтобы учиться у нея благочестію, а обитательницы монастыря смотрѣли на нее, какъ на образецъ для себя во всѣхъ отношеніяхъ. Вообще, замѣчаетъ жизнеописатель Преподобной, ризположенскій монастырь находился тогда въ самомъ цвѣтущемъ состояніи: во всей великой Россіи не было такого монастыря по устроенію благочинія, и нигдѣ нельзя было найти такихъ строгихъ и богобоязненныхъ черноризицъ, какія подвизались здѣсь и между которыми Евфросинія сіяла, какъ денница посреди звѣздъ. Монастырь раздѣлялся стѣною на двѣ

половины: на одной жили вдовы, на другой дѣвицы. Но для молитвы тѣ и другія собирались сначала вмѣстѣ въ одинъ храмъ, а потомъ для женъ построена была отдѣльная церковь во имя Пресв. Троицы. Жены имѣли у себя особую начальницу, и дѣвицамъ запрещено было бесѣдовать съ бывшими въ замужествѣ. При нашествіи Татаръ на Россію въ 1238 г., когда Батый взялъ Суздаль и разорилъ въ немъ храмы и монастыри, обитель ризположенская была сохранена отъ враговъ молитвами преп. Евфросиніи, которая уже славилась тогда даромъ чудотвореній ([100]). Долго еще подвизалась Преподобная въ своей обители, имѣла скорбь и вмѣстѣ радость слышать о мученической кончинѣ въ Ордѣ своего отца, князя Михаила, и своего достойнаго наставника — боярина Өеодора (1246) и около 1250 г. предала духъ свой Богу, причтенная впослѣдствіи Церковію къ лику Святыхъ ([101]).

Еще въ двухъ мѣстахъ великаго княженія владиміро-суздальскаго явились тогда монастыри: св. Богородицы въ Нижнемъ Новгородѣ и Спасо-запруденскій въ Костромѣ. Первый основанъ вел. кн. Георгіемъ Всеволо-

---

([100]) Объ этомъ замѣчено и въ Русск. Временникѣ: «церкви и монастыри пожгоша (Татары), точію сохраня Господь дѣвичь монастырь Положенія Ризы Богоматери, въ немъ же иноческое бореніе прохождаше страдательно блаженная Өеодулія, дщи вел. кн. Михаила черниговскаго и мученика, нареченная въ иноческомъ чину Евфросинія». Отсюда уже видно, что Өеодулію не должно смѣшивать съ Маріею, другою дочерью черниговскаго князя Михаила, находившеюся въ супружествѣ за ростовскимъ княземъ Василькомъ Константиновичемъ, — тѣмъ болѣе, что послѣдняя еще не могла быть инокинею при нашествіи Татаръ, когда мужъ ея только убитъ Татарами во время этого нашествія (*Карамз.* III, примѣч. 364. 366).

([101]) Мощи Преподобной открыты въ 1700 г. сентября 15, спустя 450 лѣтъ послѣ ея кончины, которая слѣдов. послѣдовала въ 1250 г.

довичемъ и упоминается въ 1229 — 1239 годахъ ([102]). Послѣдній основанъ княземъ костромскимъ Василіемъ Квашнею въ 1239 г. при рѣкѣ Запруденкѣ, по случаю явленія тамъ чудотворной иконы Божіей Матери, извѣстной нынѣ подъ именемъ Ѳеодоровской ([103]).

Внѣ предѣловъ княжества суздальскаго, однакожъ въ той же средней полосѣ Россіи, процвѣтала тогда жизнь иноческая въ Смоленскѣ и Полоцкѣ.

Изъ лѣтописей мы знаемъ только о двухъ монастыряхъ въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ: о монастырѣ Отрочѣ, котораго игуменъ, вмѣстѣ съ смоленскимъ епископомъ Михаиломъ, пріѣзжалъ посломъ отъ смоленскаго князя Мстислава къ вел. кн. Всеволоду въ 1206 г. ([104]), и о монастырѣ Борисоглѣбскомъ на Смядинѣ, основанномъ еще въ предшествующій періодъ: здѣсь въ 1177 г. совершилось чудесное событіе, обратившее на себя вниманіе современниковъ. Два брата Ростиславичи, Мстиславъ и Ярополкъ, взятые въ плѣнъ и ослѣпленные во Владимірѣ на Клязьмѣ, отпущены были въ южную Россію. Когда ихъ привели къ Смоленску, и они вошли въ смядинскую борисоглѣбскую церковь, чтобы помолиться: то внезапно прозрѣли въ самый день убіенія св. Глѣба на Смядинѣ, т. е., 5 сентября ([105]).

([102]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 192. 200.

([103]) «Рукоп. повѣсть о иконѣ Пресв. Богородицы Одигитрія, Ѳеодоровскія, иже на Костромѣ, нарицаемыя» (Сбор. моей библ. № 7 л. 82). Событіе случилось не задолго предъ нашествіемъ Татаръ на Кострому.

([104]) Впрочемъ, Михаилъ въ одномъ спискѣ лѣтописи названъ епископъ смоленскій, а въ другомъ—игуменъ отроча монастыря (П. Собр. Р. Лѣт. I, 178).

([105]) Тамъ же III, 17; IV, 15; Никон. лѣт. II, 296.

Но о нѣсколькихъ другихъ смоленскихъ монастыряхъ сохранилась память въ жизнеописаніи пр. Авраамія смоленскаго, подвизавшагося къ концу XII и въ началѣ XIII в. ([106]). Авраамій родился въ Смоленскѣ отъ богатыхъ и благочестивыхъ родителей; былъ воспитанъ въ страхѣ Божіемъ и наученіи книжномъ. Когда онъ пришелъ въ возрастъ: родители предлагали ему вступить въ бракъ, но юноша не согласился, чувствуя въ себѣ влеченіе къ иноческой жизни. По смерти родителей, вскорѣ послѣдовавшей, онъ роздалъ все ихъ имущество церквамъ, монастырямъ и нищимъ, облекся въ рубище и ходилъ, какъ нищій и юродивый, моля Бога указать ему путь ко спасенію. Путь этотъ былъ указанъ: Авраамій поступилъ въ *монастырь Пресв. Богородицы*, находившійся въ пяти верстахъ отъ Смоленска на мѣстѣ, которое называлось Селище, и тамъ постригся. Здѣсь, проходя разныя монастырскія послушанія и украшаясь всѣми иноческими добродѣтелями, Авраамій съ любовію предавался чтенію отеческихъ писаній, особенно св. Іоанна Златоустаго и Ефрема Сирина, также житій святыхъ: Антонія Великаго, Евѳимія, Саввы, Ѳеодосія палестинскихъ, Антонія и Ѳеодосія печерскихъ и другихъ. Видя добродѣтели Авраамія, игуменъ убѣдилъ его принять священническій санъ, а зная его мудрость и опытность въ

([106]) Житіе пр. Авраамія смоленскаго написано инокомъ Ефремомъ, который называетъ себя его ученикомъ и нѣсколько разъ въ своемъ сказаніи ссылается на свидѣтелей очевидцевъ. Оно существуетъ въ рукописяхъ (Макар. Четн-Мин. подъ 21 числомъ августа и въ рук. Рум. музеум. № 161) и сокращенно помѣщено въ печатн. Четн-Мин. подъ 21 числомъ августа.

духовныхъ писаніяхъ, дозволилъ ему принимать къ себѣ притекающихъ и преподавать имъ наставленія. Это было во дни смоленскаго князя Мстислава. Но вскорѣ настали для Праведника искушенія, преимущественно отъ своей же братіи. Нѣкоторые, завидуя его славѣ и тому, что его высокое ученіе и краснорѣчіе привлекали къ нему многихъ, какъ иноковъ, такъ и мірянъ изъ города, начали измышлять на Преподобнаго разныя клеветы и причинять ему разныя огорченія, которыя онъ переносилъ съ величайшею кротостію впродолженіе 5 лѣтъ, не переставая трудиться въ назиданіи приходившихъ къ нему силою своего слова. Наконецъ, и самъ игуменъ исполнился завистію къ Авраамію, запретилъ ему учить и даже удалилъ изъ монастыря. Тогда праведникъ перешелъ въ городъ и поселился въ бѣдномъ и малолюдномъ *монастырѣ св. креста*. Здѣсь еще болѣе начали стекаться къ Авраамію; монастырская церковь всегда была полна богомольцевъ, жаждавшихъ слышать его поученія; многіе приносили ему свои пожертвованія, которыя онъ употреблялъ на украшеніе монастыря и церкви и раздѣлялъ братіи и нищимъ. Зависть и здѣсь не оставила Преподобнаго въ покоѣ: на Авраамія возстало почти все городское духовенство, огорчаясь тѣмъ, что онъ привлекалъ къ себѣ такъ много духовныхъ чадъ. Мало по малу начали распускать слухи, будто онъ еретикъ, читаетъ голубиныя книги, живетъ нечисто, прикрываясь внѣшнею святостію, и, наконецъ, произвели такое волненіе въ народѣ, что всѣ жители города обратились къ своему епископу Игнатію и просили подвергнуть суду Авраамія. Епископъ послалъ за нимъ своихъ слугъ, и въ то время, какъ слуги съ

безчестіемъ влекли Праведника по улицамъ города, одинъ благочестивый инокъ, по имени Лука Прусинъ, совершавшій девятый часъ молитвы *въ монастырѣ св. Архангела Михаила*, слышалъ съ неба гласъ, что Авраамій страждетъ невинно. На судѣ епископа, совершавшемся въ присутствіи самаго князя, дѣйствительно оказалось, что всѣ обвиненія, какія взводились на Авраамія, были клеветою. Но, чтобы успокоить мятущійся народъ, Игнатій повелѣлъ Авраамію удалиться въ Богородицкій монастырь, гдѣ онъ былъ постриженъ, и запретилъ ему священнослуженіе. Чрезъ нѣсколько дней одинъ смоленскій священникъ, по имени Лазарь, бывшій впослѣдствіи преемникомъ Игнатія на епископской каѳедрѣ, пришелъ къ этому іерарху и сказалъ, что городъ будетъ строго наказанъ за несправедливое гоненіе на человѣка Божія. Страшная засуха, наступившая вскорѣ въ странѣ смоленской, оправдала это предсказаніе. Напрасно совершались молебствія о дождѣ и крестный ходъ вокругъ города: дождя не было. Тогда епископъ, призвавъ къ себѣ Авраамія, разрѣшилъ ему священнодѣйствіе, испросилъ у него прощеніе себѣ и всѣмъ гражданамъ и просилъ его помолиться о низпосланіи дождя. Угодникъ Божій, смиренно исповѣдавъ свое недостоинство, не отказался однакожъ исполнить архипастырское повелѣніе. И прежде, нежели онъ достигнулъ своей обители, возсылая на пути теплыя молитвы къ Богу, сильный дождь напоилъ жаждущую землю. Всѣ увидѣли въ этомъ силу молитвы Праведника, всѣ сознавали его невинность и спѣшили просить у него прощенія. А епископъ Игнатій, построивъ близъ города новый *монастырь въ честь положенія ризы Пресв. Бо-*

городицы, поручилъ настоятельство въ немъ Авраамію и удостоилъ его своей дружбы. По прежнему начали стекаться къ нему бояре и простолюдины, богатые и убогіе, чтобы пользоваться его наставленіями. Много было желавшихъ поступить въ его обитель: но Преподобный принималъ съ великою разборчивостію и послѣ предварительныхъ испытаній, такъ что у него считалось только семнадцать человѣкъ братіи. Авраамій пережилъ друга своего и благодѣтеля епископа Игнатія и, послѣ пятидесяти лѣтъ иноческой жизни, мирно почилъ о Господѣ ([107]).

Какъ въ житіи преп. Авраамія смоленскаго сохранилась память о нѣкоторыхъ монастыряхъ, бывшихъ въ Смоленскѣ: такъ въ житіи преп. Евфросиніи полоцкой сохранились свѣдѣнія о нѣкоторыхъ монастыряхъ полоцкихъ ([108]). Евфросинія, въ мірѣ Предслава, была внука владѣтельнаго князя полоцкаго Всеслава Брячиславича (ум. 1101) и дочь младшаго изъ сыновей его

([107]) Жизнеописатель самъ прямо не означаетъ времени жизни преп. Авраамія, но даетъ основаніи къ приблизительному опредѣленію этого времени. Онъ говоритъ, что Авраамій подвизался при смоленскомъ епископѣ Игнатіѣ, преемникомъ котораго былъ Лазарь: а Лазарь былъ епископомъ смоленскимъ въ первой четверти XIII в., какъ видно изъ посланія современника Симона къ Поликарпу (Пам. Росс. Слов. XII в., стр. 255). Слѣд. Авраамій подвизался въ началѣ XIII или въ концѣ XII вѣка. Говоритъ еще, что Авраамій сдѣлался іеромонахомъ во дни смоленскаго князя Мстислава: а въ Смоленскѣ, дѣйствительно, къ концу XII и въ началѣ XIII вѣка былъ княземъ Мстиславъ Романовичъ (1197 — 1215). Долго ли Авраамій оставался инокомъ до рукоположенія своего во іеромонаха, опредѣлить нѣтъ возможности: но, вѣроятно, долго, если кончины его не переносить за предѣлы первой четверти XIII вѣка.

([108]) Это житіе помѣщено въ макаріевской Четьи-Минеи подъ 24 числомъ мая и напечатано въ Степ. Кн. I, 269—282, а сокращенно и въ Четьи-Минеи св. Димитрія ростовскаго.

Георгія-Святослава. Въ дѣтствѣ она обнаружила такую любовь къ ученію, что удивляла своихъ родителей. А въ двѣнадцать лѣтъ, когда многіе изъ окрестныхъ князей начали искать руки ея и родители помышляли уже обручить ее достойнѣйшему изъ нихъ, она почувствовала въ себѣ непреодолимое влеченіе къ иноческой жизни, тайно удалилась въ одинъ *женскій монастырь* (неизвѣстный по имени), гдѣ жила инокинею родная тетка ея, супруга князя Романа Всеславича, и, по неотступной просьбѣ, была облечена въ ангельскій образъ подъ именемъ Евфросиніи. Нѣсколько времени пребывала юная подвижница въ монастырѣ, повинуясь игуменьѣ и сестрамъ и превосходя всѣхъ постомъ и молитвами, и нощнымъ бдѣніемъ. Потомъ упросила полоцкаго епископа Илію, чтобы онъ позволилъ ей жить въ одной пристроенной къ каѳедральному софійскому собору келліи или такъ - называемомъ голубцѣ. Въ этомъ затворѣ, предаваясь всецѣло обѣтамъ иночества, Преподобная любила въ часы досуга списывать собственными руками священныя книги и плату, какую получала за нихъ, употребляла на пособіе нищимъ. Для большаго уединенія епископъ благословилъ Евфросинію переселиться въ одно загородное мѣсто, принадлежавшее епископской каѳедрѣ и называвшееся Сельце, гдѣ существовала церковь во имя Спасителя, и само мѣсто подарилъ Преподобной съ тѣмъ, чтобы она основала на немъ женскую обитель. Это происходило въ присутствіи отца преп. Евфросиніи Георгія и дяди ея, тогдашняго полоцкаго князя Бориса, который, какъ извѣстно, скончался въ 1128 г. ([109]). Обитель

([109]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 5. Около этого времени и надобно полагать начало игуменства преп. Евфросиніи.

во имя *Всемилостиваго Спаса* не замедлила устроиться, и въ ней, подъ начальственнымъ руководствомъ преп. Евфросиніи, въ числѣ другихъ, приняли постриженіе: родная сестра ея Гордислава, въ иночествѣ Евдокія, двоюродная — Звенислава, въ иночествѣ Евпраксія, и впослѣдствіи—двѣ племянницы, съ благословенія полоцкаго епископа Діонисія (ум. 1183), изъ которыхъ одна названа была Агаѳіею, а другая — Евѳиміею. Преп. настоятельница вскорѣ создала въ своемъ монастырѣ новую, каменную церковь, во имя Спасителя, сохранившуюся донынѣ, устроивъ въ ней по обѣ стороны хоровъ двѣ тѣсныя келліи, гдѣ предавалась богомыслію и уединенной молитвѣ. Украсивъ свой спасскій монастырь и надѣливъ его всѣмъ нужнымъ, Евфросинія пожелала учредить и дѣйствительно учредила не въ дальнемъ разстояніи отъ него другой *монастырь мужескій* съ каменною церковію во имя *Пресв. Богородицы*. Когда оба монастыря достигли цвѣтущаго состоянія, сдѣлались великими и богатыми: Преподобная, оставивъ имъ свой подробный уставъ и поручивъ главное начальство надъ обоими сестрѣ своей Евдокіи, сама отправилась, вмѣстѣ съ другою сестрою Евпраксіею и братомъ Давидомъ, къ святымъ мѣстамъ палестинскимъ. Господь благословилъ доброе предпріятіе. На пути Евфросинія посѣтила Константинополь, приняла благословеніе отъ патріарха, помолилась во храмѣ св. Софіи и другихъ церквахъ предъ мощами св. Угодниковъ и достигла Іерусалима. Тамъ, остановившись въ русскомъ монастырѣ Пресв. Богородицы, благочестивая княжна нѣсколько разъ имѣла величайшую радость поклониться Живоносному Гробу, поставила на немъ золотую кадильницу и со слезами молила

Господа, чтобы Онъ сподобилъ ее и скончаться въ святомъ городѣ. Молитва ея была услышана. Евфросинія занемогла и, послѣ двадцати четырехъ дней болѣзни, предала духъ свой Богу 23-го мая 1173 г. Тѣло скончавшейся, по ея завѣщанію, погребено было въ палестинской обители Θеодосія, но впослѣдствіи перенесено въ кіевскія пещеры преп. Θеодосія, гдѣ нетлѣнно почиваетъ донынѣ. Время игуменства преп. Евфросиніи, въ продолженіе котораго она успѣла соорудить двѣ многолюдныя обители и довести ихъ до цвѣтущаго состоянія, продолжалось болѣе сорока лѣтъ.

III.

Ни въ одномъ изъ русскихъ городовъ, даже въ Кіевѣ и Владимірѣ суздальскомъ, не было столько монастырей, сколько въ Новгородѣ. Ихъ извѣстно здѣсь до двадцати: одиннадцать мужескихъ и девять женскихъ. Семь изъ этихъ монастырей основаны прежде, но продолжали существовать и въ настоящій періодъ; тринадцать возникли вновь.

Какъ въ южной Россіи главнѣйшимъ монастыремъ считался кіево-печерскій, а въ странѣ суздальской—рождественскій: такъ между новгородскими монастырями первое мѣсто занималъ монастырь юрьевскій. Настоятель этого монастыря назывался игуменомъ св. Георгія и *архимандритомъ новгородскимъ* (110); другихъ архимандритовъ въ Новгородѣ не было. Изъ настоятелей юрьевскихъ въ лѣтописяхъ упоминаются: а) Діонисій (1158—1194), который (1165) ѣздилъ въ Кіевъ, по

(110) П. Собр. Р. Лѣт. III, 42.

порученію Новгородцевъ, чтобы испросить титулъ архіепископа ихъ владыкѣ, и при которомъ создана (1166—1173) каменная церковь во имя Спаса на монастырскихъ воротахъ; б) Савватій, управлявшій обителію болѣе тридцати лѣтъ, подобно своему предшественнику (1194—1226); в) Савва, а по мірскому имени Грьцинъ, мужъ благой, кроткій, смиренный, незлобивый, богобоязненный: онъ избранъ былъ изъ священниковъ приходской церкви св. Константина и Елены и 2 марта 1226 г. постриженъ, а 8 марта поставленъ игуменомъ, но почему-то въ 1230 г. лишенъ настоятельства и низведенъ въ простую келлію, гдѣ, пролежавъ шесть недѣль въ болѣзни, преставился 16 марта; г) Арсеній, переведенный на мѣсто Саввы въ томъ же году изъ хутынскихъ игуменовъ, мужъ кроткій и смиренный (111).

Еще болѣе краткія, хотя тѣмъ не менѣе достовѣрныя, свѣдѣнія сохранили мѣстныя лѣтописи о прочихъ монастыряхъ новгородскихъ, основанныхъ въ предшествовавшій періодъ, какъ-то: а) о монастырѣ Антоніевомъ: въ немъ настоятелями были послѣ преп. Антонія Римлянина ученикъ его и потомъ духовникъ Андрей (1147—1157), Алексій (1157—116), Мануилъ (поставленъ 1162), Моисей (ум. 1187) и Власій (по-

---

(111) П. Собр. Р. Лѣт. III, 13. 16. 22. Говоря объ избраніи Саввы, лѣтопись называетъ его только Грьциномъ («выведете Грьцина попа святую Костянтину и Елены»), а говоря о низведеніи его съ настоятельства, называетъ Саввою (—42. 47). Что же значитъ имя *Грьцинъ?* Въ новгородской Соф. библіотекѣ есть писанная этимъ Саввою на пергаминѣ «Тріодь постная» въ 4-ку, на 187 листахъ (№ 5 или 43), въ концѣ которой находится слѣдующая приписка киноварью: «азъ попинъ грѣшный *Сава*, а *мирское* ми *Грьцинъ*, написахъ книгы сия святыма царьма Константина и Олены. А который попинъ станетъ по мнѣ, да поминаетъ мя просфорою въ субот

ставл. 1187) ([112]); б) о монастырѣ бѣлониколаевскомъ: здѣсь въ 1165 г. архіепископъ Іоаннъ повелѣлъ игумену Антонію учредить общежитіе ([113]); в) о монастырѣ Пантелеимоновомъ: здѣсь въ 1207 г. нѣкто Ѳеодоръ Пинещеничъ соорудилъ новую церковь во имя св. Пантелеимона ([114]); г) о монастырѣ Варвариномъ: въ немъ были игуменьями Анна (ум. 1167 г.), Маримьяна (поставл. 1167 г.), Христина (ум. 1195), Варвара (поставл. 1195), и построена (1218—1219) новая каменная церковь во имя св. Варвары ([115]); д) о монастырѣ Звѣриномъ покровскомъ: упоминается въ 1192 г. игуменья его Евфросинія ([116]); е) о монастырѣ воскресенскомъ: здѣсь были игуменьи Марія: (умер. 1192) и Евдокія (поставл. 1192), и сооружены двѣ церкви—во имя св. Іоанна Милостиваго на монастырскихъ воротахъ (1193) и главная каменная, во имя Воскресенія Христова (1195) ([117]).

Обращаясь къ монастырямъ, вновь появившимся въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, видимъ, что одни изъ этихъ монастырей основаны или благоустроены новгородскими князьями, другіе—новгородскими архипастырями, третьи—игуменами, четвертые мірянами, пятые—лицами неизвѣстными.

своего дѣла спасенія». Слѣд. Савва назывался Саввою еще до постриженія своего въ монашество, нося въ тоже время мірское имя Грьцина,—и слово—*Грьцинъ*, неоднократно встрѣчающееся у того же новгородскаго лѣтописца (—23 45), по крайней мѣрѣ, не всегда значитъ—*Грекъ*, а было однимъ изъ мірскихъ названій, употреблявшихся въ Новгородѣ.

([112]) Тамъ же III, 10. 12. 13. 19.

([113]) Тамъ же III, 214. 215.

([114]) Тамъ же III, 30. 128. 219; IV, 19.

([115]) Тамъ же III, 13. 14. 22. 36. 37; IV, 26.

([116]) Тамъ же III, 21. 124.

([117]) Тамъ же III, 21. 22. 127. 217.

Къ числу первыхъ монастырей относятся два: а(спасскій нередицкій, съ церковію во имя Преображенія Господня, построенный 1198 г. княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ въ трехъ верстахъ отъ Новгорода къ югу, на правомъ берегу Волховца, на возвышенномъ и красивомъ мѣстѣ, которое называлось Нередица, и б) Михалицкій женскій, съ церковію во имя Рождества Пресв. Богородицы, построенный въ 1199 г. на торговой сторонѣ города у землянаго вала, на улицѣ Молотковѣ, супругою князя Ярослава Еленою, по случаю явленія Михаила Малеина и чуда отъ образа Божіей Матери (118).

Два также монастыря устроены новгородскими владыками. Въ 1170 г. архіепископъ Іоаннъ съ братомъ своимъ Гавріиломъ. основалъ въ трехъ верстахъ отъ Новгорода при озерѣ Мячинѣ монастырь благовѣщенскій, въ которомъ потомъ соорудилъ каменную церковь во имя Благовѣщенія (1179) и другую каменную на воротахъ во имя Богоявленія (1180) (119). Въ 1197 г. архіепископъ Мартирій построилъ монастырь Николаевскій островскій съ каменною церковію во имя Николая, въ семи верстахъ отъ Новгорода къ востоку, на островѣ между рѣками Вишерою и Вельею (120).

Два монастыря устроено игуменами: Аркажскій и и Хутынь. Первый находился въ трехъ верстахъ отъ Новгорода къ югу и назывался такъ по имени основателя своего игумена Аркадія, впослѣдствіи епископа

---

(118) Тамъ же III, 24. 25. 38, 217; IV, 18.

(119) Тамъ же III, 15. 17. [illegible]. 126.

(120) Тамъ же III, 24. 127. 217.

новгородскаго, который въ 1153 г. соорудилъ на означенномъ мѣстѣ деревянную церковь во имя Успенія Пресв. Богородицы и собралъ братію. Нѣкто Симеонъ Дыбачевичъ создалъ въ этомъ монастырѣ (1188) каменную церковь во имя Успенія, а сынъ посадника новгородскаго Михалки Твердиславъ создалъ (1206) другую во имя св. Симеона столпника на монастырскихъ воротахъ. Изъ настоятелей монастыря Аркажскаго извѣстны: Герасимъ и Панкратій (упом. 1194) ([121]). Начало Хутыню монастырю положилъ Варлаамъ, бывшій въ немъ первымъ игуменомъ. Варлаамъ, въ мірѣ Алексѣй Михайловичъ, родился въ Новгородѣ отъ богатыхъ родителей и съ дѣтства имѣлъ влеченіе къ книжному ученію и постничеству. А по смерти родителей, раздавъ все имѣніе ихъ нищимъ, принялъ иноческое постриженіе отъ наставника своего священноинока Порфирія и началъ искать мѣста для уединенныхъ подвиговъ. Болѣе всего понравилась юному черноризцу прекрасная возвышенность на правомъ берегу Волхова, въ десяти верстахъ отъ Новгорода, къ сѣверу отъ кремля, называвшаяся Хутынь, — и Варлаамъ поселился здѣсь и построилъ себѣ келлію. Вѣсть о святой жизни пустынника распространилась повсюду, и многіе, князья и бояре, и простые люди, стекались къ нему просить наставленій. Въ числѣ прочихъ приходилъ къ нему новгородскій князь Ярославъ, которому онъ предсказалъ рожденіе сына, и который, когда предсказаніе исполнилось, избралъ старца въ воспріемника новорожденному. Мало по малу собра-

([121]) Тамъ же III, 11. 19. 20. 22. 29.

лось вокругъ Варлаама множество иноковъ, желавшихъ имѣть его своимъ руководителемъ. Тогда онъ построилъ каменную церковь во имя Преображенія Госнодня, которую освятилъ (1192) новгородскій архіепископъ Гавріилъ, благословивъ быть при ней святой обители. Самъ Варлаамъ былъ въ этой обители игуменомъ около года и, предчувствуя свое отшествіе къ Богу, завѣщалъ ей села, земли и другія угодья, пожертвованныя новгородскимъ княземъ Ярославомъ, передалъ настоятельство другу своему Антонію и скончался въ ноябрѣ 1193 года ([122]).

Четыре монастыря основаны или только обновлены и украшены нѣкоторыми благочестивыми мірянами. И именно: а) петропавловскій женскій, находившійся въ двухъ съ половиною верстахъ отъ новгородскаго кремля къ юго-западу, на Синичей горѣ: здѣсь въ 1185 г. Новгородцы Лукиничи заложили каменную церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла, хотя нельзя сказать, существовалъ ли монастырь прежде, или только теперь получилъ начало ([123]); б) Кирилловъ въ трехъ верстахъ отъ Новгорода къ юго-востоку, на островѣ Нелезенѣ или Силезневѣ, окруженномъ рѣками—съ одной стороны Волховцемъ, а съ другой Левошнею: въ этомъ монастырѣ уже существовавшемъ,

---

([122]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 20. 127. 217; IV, 17. 177; V, 169; Житіе прев. Варлаама Хутынскаго — рукописн. въ Сборн. библіотеки Спб. дух. академіи № 270, том. 1, и въ Сборн. моей библіотеки № 1, л. 42; печатн.—въ Прологѣ подъ 6 числомъ ноября. Грамата прев. Варлаама монастырю напечатана въ Ист. Росс. Іерарх. VI, 617, и въ Дополн. къ Акт. Истор. I, № 5.

([123]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 18. 126; IV, 16. Снес. Ист. Росс. Іерарх. V, 537.

неизвѣстно съ какого времени, два брата Константинъ, бывшій намѣстникомъ, да Димитрій Кораванковичи соорудили въ 1196 г. каменную церковь во имя св. Кирилла, при игуменѣ Онисимѣ ([124]); в) Евѳиміинъ женскій, находившійся въ самомъ Новгородѣ на торговой сторонѣ, въ никольскомъ плотническомъ концѣ: тутъ жена Полюда Городнича, дочь Жирошкина, построили въ 1197 г. каменную церковь во имя св. Евѳиміи, а по сказанію одной изъ лѣтописей, основала и самый монастырь ([125]); г) Варецкій Павловъ женскій, находившійся также въ самомъ Новгородѣ на торговой сторонѣ въ Словенскомъ концѣ, на Варецкой улицѣ: здѣсь въ 1224 г. нѣкто Семенъ Борисовичъ воздвигъ каменную церковь во имя св. Исповѣдника Павла, патріарха цареградскаго, съ придѣлами св. Симеона Богопріимца и св. царя Константина и матери его Елены, да на хорахъ съ придѣломъ св. муч. Бориса и Глѣба, а въ 1238 г. жена Семена Борисовича устроила при этой церкви женскій монастырь ([126]).

Монастыри, неизвѣстно кѣмъ и когда основанные: а) Свято-Духовъ мужескій: упоминается въ 1162 г. ([127]); б) Христорождественскій мужескій находился близъ Новгорода въ полуверстѣ къ востоку отъ большаго землянаго вала и упоминается въ 1162 г. ([128]); в) Іоанно-Предтечевъ женскій: находился въ самомъ Нов-

---

([124]) Тамъ же III, 23. 24. 217; IV, 18.

([125]) Тамъ же III, 24. 217.

([126]) Тамъ же III, 41. 50. 212; IV, 27.

([127]) Тамъ же III, 13.

([128]) Упоминается подъ этимъ годомъ въ житіи сокольницкихъ Чудотворцевъ (Ист. Росс. іерарх. V, 692).

городѣ на софійской сторонѣ, въ Неровскомъ концѣ, и упоминается въ 1179 г. ([129]).

Кромѣ великаго Новгорода, который такимъ образомъ былъ не только наполненъ, но и какбы опоясанъ св. обителями, существовали монастыри и въ другихъ сѣверныхъ городахъ Россіи, находившихся въ епархіальной зависимости отъ Новгорода или сопредѣльныхъ его владѣніяхъ.

Въ Псковѣ видимъ два монастыря: Спасскій Завеличскій, основанный въ 1154 г. новгородскимъ епископомъ Нифонтомъ на Завеличьѣ, съ каменною церковію, и Спасскій Мирожскій, на устьѣ рѣки Мирожи, устроенный тѣмъ же епископомъ и вмѣстѣ игуменомъ монастыря Аврааміемъ, скончавшимся въ 1158 г. ([130]).

Въ Старой Русѣ — одинъ монастырь Спасо-преображенскій, основанный въ 1192 г. игуменомъ Мартиріемъ, который, сдѣлавшись новгородскимъ архіепископомъ, соорудилъ здѣсь (1198) каменную церковь во имя св. Преображенія ([131]).

Въ Старой Ладогѣ—монастырь Георгіевскій Застѣнный, неизвѣстно кѣмъ построенный въ стѣнахъ каменной ладожской крѣпости въ XII—XIII вѣкѣ ([132]).

Въ пятнадцати верстахъ отъ Тихвина, при озерѣ Дымскомъ,—монастырь Антоніевъ дымскій, построен-

---

([129]) П. Соб. Р. Л. III, 17; Истор. Росс. Іерарх. IV, 310.

([130]) П. Собр. Русск. Лѣт. III, 12. 19; IV; 10; Ист. Рос. Іер. IV, 123; V, 62. Объ одномъ изъ этихъ спасскихъ монастырей упоминается въ лѣтописи (—III, 19).

([131]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 20. 24. 25; IV, 17.

([132]) Истор. Р. Іер. IV, 136.

ный въ началѣ XIII в. ученикомъ и преемникомъ Варлаама Хутынскаго—Антоніемъ Дымскимъ ([133]).

Близъ Вологды—Свято-троицкій кайсаровскій, основанный преп. Герасимомъ послѣ 1147 г. на ручьѣ Кайсаровѣ, впадающемъ въ рѣку Вологду ([134]).

Въ Великомъ Устюгѣ — Архангельскій, основанный преп. Кипріаномъ, который былъ прежде богатымъ поселянином, а, постригшись въ монашество, построилъ въ 1212 г. двѣ церкви—во имя Архангела Михаила и Введенія во храмъ Пресв. Богородицы, собралъ вокругъ нихъ иноковъ, пожертвовалъ новой обители все свое движимое и недвижимое имѣніе, села, деревни, земли и былъ въ ней первымъ настоятелемъ ([135]).

Какого устава держались новгородскіе, равно какъ и всѣ прочіе русскіе монастыри, свѣдѣній не сохранилось. Знаемъ только, что для благовѣщенскаго новгородскаго монастыря, который основанъ архіепископомъ Іоанномъ, списанъ былъ уставъ студійскій, уцѣлѣвшій донынѣ ([136]). И, принимая во вниманіе, что позднѣйшіе наши монастыри всего естественнѣе могли устрояться по образцу древнѣйшихъ, въ которыхъ, по свидѣтельству преп. Нестора, до начала XII в. исключительно господствовалъ уставъ студійскій, можемъ думать, что этотъ же уставъ оставался дѣйствующимъ и въ послѣдующихъ нашихъ монастыряхъ XII и пер-

---

([133]) Ист. Р. Іер. IV, 71. Преп. Антоній Дымскій сдѣлался игуменомъ Хутыня монастыря еще въ 1193 г.; слѣд. могъ основать свой дымскій монастырь въ началѣ или, по крайней мѣрѣ, въ первыя четыре десятилѣтія XIII вѣка.

([134]) О преп. Герасимѣ—рукопись нашей Акад. Библ. № 270, Т. II, ст. 12.

([135]) *Карамз.* III, примѣч. 186; Ист. Росс. Іер. III, 312.

([136]) Перган. рукоп. моск. синод. библ. № 330.

вой половины XIII в., если не во всѣхъ, по крайней мѣрѣ во многихъ. Извѣстно еще, что преп. Варлаамъ, основатель хутынскаго монастыря, далъ своей обители особый письменный уставъ, изъ котораго дошла до насъ только статья объ избраніи настоятелей, и то въ сокращеніи одного иностраннаго писателя. «Сперва, пишетъ онъ, братія бьютъ челомъ вел. князю о избраніи имъ достойнаго настоятеля и руководителя по заповѣдямъ Господнимъ. Избранный, до утвержденія въ званіи своемъ отъ правительства, обязуется клятвою и подпискою въ обители той жить по правиламъ св. Отецъ честно и благоговѣйно; ко всякой должности и ко всякому монастырскому послушанію опредѣлять людей вѣрныхъ и быть заботливымъ о пользѣ монастырской; о нуждахъ и дѣлахъ, или о исправленіи монастырскомъ совѣтоваться съ тремя или четырьмя изъ старѣйшей братіи, а потомъ дѣло предлагать на общее разсужденіе всей прочей братіи и не иначе исполнять, какъ съ общаго ихъ согласія; жизнь вести трезвую и ничего лишняго противъ прочихъ для продовольствія своего у себя не держать, а потому присутствовать всегда въ общей трапезѣ и довольствоваться пищею общею съ братіей; всѣ годовые приходы и расходы вести неопустительно и прибытки полагать въ монастырскую казну безъ утайки. Все это блюсти и исполнять обѣщается онъ подъ опасеніемъ взысканія отъ правительства и лишенія своего званія. Въ тоже время и старѣйшіе изъ братіи даютъ клятву въ ненарушимомъ съ ихъ стороны соблюденіи всего вышесказаннаго и въ совершенномъ повиновеніи и послушаніи своему настоятелю» (137). Достойны также замѣчанія

(137) *Herberstein*. Rerum. Moscovit. Comment., p. 20, ed. *Startschevsky*.

ъв настоящемъ случаѣ два извѣстія лѣтописи, относящіяся къ юрьевскому новгородскому монастырю. Когда въ 1226 г. юрьевскій архимандритъ Савватій готовился къ смерти: онъ призвалъ къ себѣ владыку Антонія, посадника Иванка и всѣхъ Новгородцевъ и просилъ братію свою и Новгородцевъ: изберите себѣ игумена. И они избрали Савву, священника церкви св. Константина и Елены. Когда потомъ въ 1230 г. этотъ Савва почему-то сдѣлался неугоднымъ: князь Ярославъ, владыка Спиридонъ и весь Новгородъ вывели изъ Хутыня монастыря игумена Арсенія и дали ему игуменство у св. Георгія, а Савву лишили игуменства и посадили въ келліи (138). Это показываетъ, что въ юрьевскомъ монастырѣ, а вѣроятно, и въ другихъ новгородскихъ, какъ избраніе игумена, такъ и лишеніе его власти, зависѣло не только отъ братіи монастырской, но и отъ владыки и отъ гражданской власти.

---

(138) П. Собр. Р. Лѣт. III, 42. 47.

БЕСѢДА

СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНИНОМЪ ОБЪ ИСПОВѢДИ.

Прихожанинъ. Благослови меня, отецъ духовный.

Священникъ (благословляетъ и говоритъ): во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Вотъ, любезный сынъ мой, спасибо тебѣ! Ты все еще не перестаешь называть меня духовнымъ отцемъ: благослови, говоришь, меня, отецъ духовный.

Прих. Да какъ же мнѣ, батюшка, называть-то теб я Вѣдь ты отецъ нашъ духовный...

Свящ. Такъ, разумѣется, да ты-то, я думалъ, совсѣмъ ужъ забылъ, что я — отецъ твой духовный: гляжу я въ церкви, — тебя, мой другъ, рѣдко, рѣдко вижу тамъ; перечитываю книги, куда вписываются исповѣдывающіеся, и уже года три, четыре не вижу тебя, чадо мое, въ числѣ дѣтей моихъ духовныхъ. Господи! думалъ я про себя со скорбію, куда-то дѣвался мой N. N.? въ стадѣ ли ужъ онъ моемъ, или онъ — овца заблудшая?..

Прих. Что ты, батюшка!.. Куда намъ грѣшнымъ бѣжать отъ тебя, да отъ храма Божія? Но знаешь?.. Наши крестьянскіе недосуги, наши недостатки, наши...

Свящ. Знаю, знаю, все знаю: потому что не отъ перваго тебя слышу про ваши недосуги, недостатки и прочее, и прочее, изъ-за чего вы часто оставляете храмъ Божій и рѣдко бываете на исповѣди. Но выслушай же, другъ мой, со вниманіемъ все то, что̀ я теперь, при помощи Божіей скажу, тебѣ, и ты увидишь, что всѣ ваши отговорки—пустыя слова.

Прих. Говори, батюшка: кто жъ насъ и поучитъ, какъ не ты?

Свящ. Ты рѣдко бываешь на исповѣди: но́ размышлялъ ли ты когда нибудь, что̀ такое исповѣдь и что такое грѣхъ?

Прих. Гдѣ намъ, батюшка? Что послышишь, то и ладно: мы люди темные, да рабочіе: голова у насъ совсѣмъ не тѣмъ занята.

Свящ. Если не размышлялъ: то размыслимъ теперь съ тобою. Что же такое исповѣдь? Исповѣдь есть такое таинство, въ которомъ грѣшникъ исповѣдуетъ, т. е., открываетъ грѣхи свои священнику, а священникъ выслушиваетъ его, потомъ дѣлаетъ приличное наставленіе, потомъ молится о немъ и, наложивъ на голову его епитрахиль, отпускаетъ ему грѣхи, какіе кающійся выскажетъ на исповѣди, и въ эту самую минуту и самъ Богъ оставляетъ ему грѣхи, такъ что грѣхи, высказанные на исповѣди и отпущенные духовникомъ, не вспомянутся ему никогда, ни здѣсь, ни на томъ свѣтѣ. Вотъ какъ важна для насъ исповѣдь. Это таинство, какъ и всѣ прочія таинства (а ихъ всѣхъ у насъ седмь) установилъ самъ Іисусъ Христосъ,

да притомъ какъ? Для этого, между прочимъ, Ему — Сыну Божію надобно было сдѣлаться человѣкомъ, надобно было пожить на землѣ между грѣшниками, надобно было пострадать, пролить безцѣнную кровь свою и умереть иа крестѣ... Вотъ чего стоило нашему Господу установить для насъ таинства!.. А между тѣмъ, многіе изъ насъ такъ легко ими пренебрегаютъ!..

Прих. Господи, спаси и помилуй!

Свящ. Теперь размысли, что такое грѣхъ, и прежде всего вспомни, предъ кѣмъ ты грѣшишь? Грѣшишь предъ Богомъ. А Богъ-то кто? Я ужъ не говорю о томъ, что Онъ—Творецъ видимаго и невидимаго, Царь, котораго слушаютъ небо, земля и адъ, Судія живыхъ и мертвыхъ; не говорю о томъ, что Его славословятъ благоговѣйно Ангелы и трепещутъ демоны... Какъ страшно оскорбить грѣхомъ такое высочайшее Существо! Но я ужъ не говорю о томъ: вспомни только о Богѣ, какъ о своемъ величайшемъ Благодѣтелѣ. Мы были ничто: Онъ далъ намъ бытіе, далъ образъ свой, далъ душу безсмертную; для насъ Онъ воплотился, для насъ страдалъ и умеръ на крестѣ; насъ грѣшныхъ содѣлалъ своими чадами чрезъ святое крещеніе, для насъ устроилъ царство небесное... Боже мой, Боже мой! Что сдѣлано для насъ!.. Но посмотри еще на себя: у тебя есть умъ,—умъ отъ Бога; у тебя есть воля,—она отъ Бога; у тебя есть сердце,—оно отъ Бога; ты ходишь по землѣ: *Господня есть земля и исполненіе ея* (Псал. 23, 1); тебѣ нужна вода: Богъ посылаетъ *источники въ дебряхъ* (Псал. 103, 10); ты нуждаешься въ въ пищѣ: Богъ тебѣ даетъ... словомъ—все, все—Его. Кажется, скорѣе сосчитаешь звѣзды на небѣ, чѣмъ милости Божіи на человѣкѣ.

А доброму человѣку тяжело оскорблять и всякаго человѣка, еще тяжелѣ оскорблять благодѣтеля своего: какъ же, подумай, тяжко должно быть для человѣка оскорблять грѣхами Бога, который осыпалъ и осыпаетъ его отъ ногъ до головы своими милостями! Ибо каждый грѣхъ есть оскорбленіе Бога. Значитъ, кто оскорбляетъ Бога грѣхами и даже не чувствуетъ того: тотъ, видимо, не добрый человѣкъ...

Но посмотри еще на грѣхъ съ другой стороны. Вѣдь за каждый грѣхъ, если онъ не будетъ прощенъ отъ Бога, послѣдуетъ наказаніе, да какое?.. Пусть бы за какой грѣхъ Богъ велѣлъ заключить человѣка въ темницу на сто лѣтъ; тяжело, — но сто лѣтъ кончатся. Пусть бы Богъ велѣлъ послать человѣка въ ссылку куда нибудь на тысячу лѣтъ; тяжело, — но пройдетъ и тысяча лѣтъ. Пусть бы Богъ велѣлъ наказывать его тысячу тысячъ лѣтъ; тяжело,—но когда нибудь и это время кончится... А то, подумай, Богъ за грѣхъ опредѣляетъ такую муку, которая никогда не перестанетъ; пройдутъ тысячи и тысячи тысячъ лѣтъ, и все это будетъ только началомъ мученію, которому никогда не будетъ конца... Сердце обливается кровью, какъ только подумаешь объ этомъ... А между тѣмъ, что требуется отъ человѣка, чтобы могъ онъ избѣжать этой страшной участи послѣ смерти?

Одинъ военачальникъ сирійскій, по имени Нееманъ, страдалъ отъ жестокой болѣзни, называемой проказою. Чего онъ не дѣлалъ, чтобъ только исцѣлиться отъ ней: но все было напрасно. Наконецъ, отправляется онъ съ слугами своими къ пророку Божію Елисею. Пророкъ велѣлъ сказать ему: «погрузись только седмь разъ въ рѣку Іорданъ, и ты исцѣлишься» (4 Цар. 5, 10).

Что же Нееманъ?.. Послушался? Куда! и слушать не хотѣлъ!.. Что это, говоритъ онъ, Пророкъ не прочиталъ и молитвы надо мной, не возложилъ и руки на меня, чтобы очистить меня отъ проказы, а велѣлъ только погрузиться во Іорданъ? Развѣ у насъ, въ Дамаскѣ, мало рѣкъ, развѣ онѣ хуже Іордана? Князь, говорили ему благоразумные слуги, еслибы Пророкъ требовалъ отъ тебя чего нибудь труднаго, напримѣръ: издержать все твое богатство, либо ѣхать куда нибудь далеко, далеко искать источниковъ и рѣкъ: ужели бы ты поупрямился? А то смотри: Іорданъ подлѣ тебя: отъ чего же не погрузиться туда? Что гнуснѣе проказы, а между тѣмъ какое лекарство легче того, которое предлагаетъ тебѣ Елисей?.. Нееманъ послушался, погрузился и исцѣлился (4 Цар. 5, 12. 13).

Другъ мой! Страшная болѣзнь—проказа: но наша болѣзнь духовная, т. е., грѣхъ несравненно страшнѣе проказы. Грѣхъ свергнулъ ангела съ неба, выгналъ Адама изъ рая, сожегъ жителей Содомы и Гоморры, потопилъ разъ всю землю, грѣхъ грозитъ всѣмъ и каждому вѣчнымъ мученіемъ... Еслибы Богъ для прощенія насъ въ грѣхахъ велѣлъ намъ раздать все имѣніе или цѣлую жизнь проплакать въ пустынѣ: не надлежало ли бы намъ сдѣлать и это съ радостію? Но Онъ такъ къ намъ милосердъ, что этого отъ насъ и не требуетъ; Онъ говоритъ только намъ, какъ прокаженнымъ, о которыхъ упоминаетъ Евангеліе: *шедше покажитеся священникомъ* (Лук. 17, 14), которые такіе же люди, какъ и вы, откройте имъ всю вашу болѣзнь: они, по данной имъ отъ Меня власти: *елика аще разрѣшите на земли, разрѣшена будутъ на небесѣхъ* (Матѳ. 18, 18), разрѣшатъ васъ отъ грѣховъ, и въ тоже время

и Я разрѣшу васъ отъ нихъ. Есть ли средство столько легкое къ исцѣленію отъ болѣзни, и болѣзни такой тяжкой, какъ средство предлагаемое исповѣдью?

Значитъ, кто рѣдко бываетъ на исповѣди, тотъ или не знаетъ и знать не хочетъ, что такое исповѣдь, или мало думаетъ о Богѣ, какъ о своемъ Благодѣтелѣ и Судіи, или ни во что ставитъ грѣхи свои, или то, другое и третье вмѣстѣ. Къ какому разряду ты принадлежишь, сынъ мой, не знаю: но, видно, принадлежишь къ которому нибудь изъ нихъ, когда рѣдко ходишь на исповѣдь.

Прих. Батюшка! чувствую, что я грѣшенъ передъ Господомъ Богомъ. Впрочемъ, хоть я и рѣдко бываю на исповѣди, а все-таки помню грѣхи свои и прошу у Бога прощенія себѣ на молитвѣ: ужели же Богъ ни во что поставитъ эту молитву мою потому только, что я не часто бываю на исповѣди? Да и на исповѣди-то я желалъ бы быть почаще: но знаешь? наши недосуги, недостатки, наши хлопоты да заботы...

Свящ. Прекрасно дѣлаешь, что помнишь о грѣхахъ своихъ и молишься Богу, чтобы Онъ простилъ ихъ тебѣ. Такъ поступай и всегда: самъ Спаситель заповѣдалъ намъ молиться: *остави намъ долги наши*, т. е., грѣхи наши. Но въ тоже время и помни всегда, что твоя частная молитва все же не можетъ замѣнить исповѣди. Въ самомъ дѣлѣ, кто же скажетъ тебѣ, что Богъ простилъ тебѣ въ томъ или другомъ грѣхѣ, о которомъ ты молился? Ангелъ? Но кто осмѣлится даже желать, чтобы Ангелъ прилеталъ послѣ каждой нашей молитвы съ вѣстію, простилъ или не простилъ намъ Богъ грѣхъ, о которомъ мы молились?—Пророкъ? Но для этого не достало бы всѣхъ пророковъ. — Добрые

люди, заслужившіе наше довѣріе? Но ктожъ изъ людей возьмется за это дѣло, когда никому изъ нихъ, кромѣ пастырей Церкви, Богъ не далъ на то власти?—Совѣсть твоя? Совѣсть... Но ужели ты думаешь, что, если совѣсть твоя спокойна, то это и значитъ, что Богъ простилъ тебя? И у самыхъ грѣшныхъ и нечестивыхъ людей совѣсть часто бываетъ очень спокойна отъ того, что она слишкомъ слабо въ нихъ дѣйствуетъ: ужелижъ это значитъ, что Богъ простилъ и прощаетъ имъ грѣхи? А праведники иногда глазъ своихъ не осушаютъ отъ слезъ о грѣхахъ своихъ: ужели же это значитъ, что Богъ не внималъ имъ, когда они молились ему о грѣхахъ? Нѣтъ, другъ мой, обойди хоть цѣлый свѣтъ, ты нигдѣ не найдешь для себя вѣрнаго, успокоительнаго отвѣта на то, простилъ или не простилъ тебѣ Богъ; ты найдешь этотъ отвѣтъ только въ храмѣ Божіемъ, у святаго аналоя, предъ св евангеліемъ и крестомъ: тутъ тебѣ скажетъ вѣрный отвѣтъ пастырь Церкви, потому что только ему одному Богъ далъ власть вязать и рѣшить грѣхи человѣка: *имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся* (Іоан. 20, 22). Итакъ, повторяю, частная твоя молитва объ отпущеніи грѣховъ—все не то, что исповѣдь, и никогда не можетъ замѣнить ее.

Теперь на досугѣ займемся съ тобой вашими недосугами. «Рады бы мы, говорите вы, часто ходить на исповѣдь, да недосугъ».—Но, подумай, въ году у насъ 52 недѣли: ужели же у насъ такъ много дѣла, что изъ 52 недѣль нельзя намъ удѣлить Богу, Который даетъ намъ дни и ночи, мѣсяцы и годы, удѣлить Ему недѣлю, одну только недѣлю, и то не для Него, а для насъ самихъ, для нашей же пользы?.. Если къ тебѣ во

время твоей работы за пазуху заползла змѣя: не безразсуденъ ли бы ты былъ, еслибы сказалъ: «больно мнѣ, да выбросить ее мнѣ недосугъ: пусть грызетъ она тѣло мое»?.. А вотъ грѣхъ, какъ ядовитѣйшій змѣй, грызетъ твою душу, ты и чувствуешь его угрызеніе, а все не хочешь выбросить его и говоришь: «недосугъ мнѣ». Еслибы ты слѣлался боленъ: не безразсуденъ ли бы ты былъ, еслибы, не оставляя своихъ работъ, началъ говорить: «совсѣмъ я изнемогъ: надо бы полечиться, да теперь недосугъ»?.. Болѣзнь и не важная отъ твоего небреженія можетъ усилиться и преждевременно уложить тебя въ могилу. Не тоже ли бываетъ и съ душевною нашею болѣзнію, со грѣхомъ? Каждая наша привычка грѣховная день ото дня, часъ отъ часу, все становится въ насъ сильнѣе и сильнѣе, такъ что, если пренебрежешь ею, то ужъ трудно будетъ тебѣ съ нею сладить, какъ съ застарѣлою болью.

«Недосугъ, говорите вы, намъ каяться: у насъ очень много нуждъ, которыя надо исправить». — А будто покаяніе не есть для человѣка нужда, и нужда самая главная? Повѣрь, другъ мой: кто пріучилъ себя довольствоваться немногимъ, тому послѣ дневныхъ работъ для тѣла всегда останется много времени для души. Если онъ здоровъ, сытъ, одѣтъ и въ теплѣ: для него и довольно; онъ уже благодаритъ Бога. Недосугъ было и званнымъ на вечерю, упоминаемымъ въ Евангеліи, придти къ звавшему ихъ господину. «Извини насъ предъ господиномъ своимъ, говорили они приглашавшему: мы рады бы всею душею раздѣлить вечерю съ нимъ, да, право, нельзя. Вотъ я купилъ новое поле, говоритъ одинъ, и иду осмотрѣть его; а я, говоритъ другой, купилъ себѣ пять паръ воловъ и иду

сейчасъ испробовать ихъ; а я, говоритъ третій, недавно женился и потому не могу придти на вечерю» (Лук. 14, 18—20). Вотъ у каждаго были свои причины, каждому было недосугъ: но господинъ, приглашавшій ихъ къ себѣ, не принялъ однако въ уваженіе ихъ отговорокъ. А не походятъ ли на нихъ и всѣ наши отговорки да недосуги? Недосугъ было и одному богачу, упоминаемому также въ Евангеліи, позаботиться о покаяніи, когда онъ то и дѣло разорялъ однѣ житницы и строилъ другія болѣе просторныя, да говорилъ душѣ своей: душа! много у тебя лежитъ добра на многіе годы: покойся, ѣшь, пей, веселись... Но бѣдный богачъ вдругъ слышитъ голосъ: «безумный! Въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя: кому же достанется то, чтó ты заготовилъ» (Лук. 12, 16—21)? Что, если внезапно раздастся такой же голосъ надъ тѣмъ изъ насъ, который все заботится о житницахъ своихъ, а о покаяніи и не думаетъ; исповѣдь все отлагаетъ, да отлагаетъ; душа какъ будто для него дѣло стороннее: были бы житницы полны, а въ душѣ хоть бы ни одной добродѣтели?.. Страшно и подумать объ этомъ: вѣдь въ адѣ нѣтъ ужъ покаянія во грѣхахъ, а грѣхи-то и влекутъ насъ въ адъ...

И надобно замѣтить, что живущіе безъ покаянія очень часто и умираютъ безъ покаянія. Бываетъ и то, что такіе люди хоть предъ смертью и каются, но покаяніе ихъ какое-то холодное, безжизненное. И не мудрено: что за покаяніе, когда вся лучшая, цвѣтущая пора жизни отдана была на служеніе міру да плоти, а одна только старость да немощи отдаются на служеніе Богу, когда тѣло бодрое и здоровое все упражнялось въ суетахъ земныхъ, а тѣло дряхлое, полумертвое должно совершать подвигъ священный? Это

ли жертва Богу? Что за покаяніе, когда въ головахъ у больнаго стонетъ жена, вокругъ плачутъ дѣти, а его самаго терзаютъ болѣзни тяжелыя?.. Гдѣ тутъ спокойное состояніе души, которое необходимо для покаянія? Нѣтъ, видно, правду говоритъ русская пословица: «куй желѣзо, пока горячо». Кайся, пока есть возможность каяться; живъ ты сегодня: но кто сказалъ тебѣ, что ты живъ будешь и завтра?

Ссылаетесь вы иногда на какіе-то свои недостатки, которые будто не позволяютъ вамъ ходить часто на исповѣдь. Но я, право, даже не знаю, какъ надо разумѣть ваши недостатки?

Прих. Ахъ, батюшка! тебѣ, видно, не доводилось терпѣть нашихъ недостатковъ, такъ и говоришь: не знаю, какъ понимать ихъ. А еслибы довелось-то: вѣрно, не сказалъ бы такъ; сытый голоднаго не разумѣетъ. У меня, наприм., большая семья; вѣдь я — отецъ, долженъ же объ ней позаботиться; и вотъ, наприм., въ великій постъ собираешься говѣть, а потомъ исповѣдаться да причаститься св. Таинъ: а тутъ какъ на грѣхъ откроется какой нибудь случай для пожитковъ, либо промыселъ какой, либо работа выгодная... Былъ бы богатъ, бросилъ бы все и пошелъ бы молиться: а тутъ что дѣлать? По неволѣ оставляешь храмъ и идешь на промыселъ; вѣдь жаль упустить выгодное дѣло; ты самъ сказалъ: «куй желѣзо, пока горячо». Такъ вотъ наши недостатки домашніе часто мѣшаютъ намъ исполнять долгъ христіанскій! Притомъ я—христіанинъ православный: стыдно же мнѣ приходить въ храмъ Божій съ пустыми руками; надо принести что нибудь на свѣчи; надо на масло, надо на украшеніе церкви Божіей: а откуда все это возьмешь?

По неволѣ идешь на работу, когда только представляется къ тому возможность.

Свящ. Ты, другъ мой, сталъ что-то горячо вступаться за свои недостатки; видно, ты убѣжденъ въ нихъ крѣпко: а я все-таки тебѣ скажу, что твои недостатки совсѣмъ недостаточны для того, чтобы оправдать тебя. Прекрасное дѣло, что ты заботишься о семьѣ своей: кому же и заботиться о семействѣ, какъ не отцу семейства? Но знаешь ли, что ложка дегтя всю кадку меда портитъ? Скажи, пожалуй, ужели обязанности семейнаго человѣка никакъ ужъ нельзя согласить съ обязанностями исправнаго христіанина? Ужели для того, чтобы успѣшно исполнить однѣ, надо непремѣнно бросить другія? Если такъ: то, значитъ, семейному человѣку и спастись нельзя?.. У тебя много дѣтей; у Саломіи, матери Маккавеевъ, было ихъ семеро: однакожъ это не помѣшало ей сдѣлаться праведною. Ты ремесленникъ и работаешь цѣлый день; св. Іосифъ, обручениикъ Божіей Матери, былъ тоже древодѣль, т. е., по нашему, плотникъ: и это однакожъ не помѣшало ему быть въ ликѣ Святыхъ за свои добродѣтели. Ты—отецъ семейства: но это-то особенно и должно побуждать тебя исполнять долгъ христіанскій. Подумай: вотъ настанетъ праздникъ; церковь благовѣстомъ своимъ зоветъ къ себѣ православныхъ, и добрые христіане спѣшатъ туда, къ ней; а ты какъ будто не слышишь благовѣста: люди на молитву, ты на работу; люди въ церковь, ты—на торжище... Настаетъ великій постъ: церковь и благовѣстомъ, и службою своею, даетъ знать всѣмъ православнымъ: «пора, дѣти мои, пора вамъ подумать о душѣ, о покаяніи», и люди добрые думаютъ и каются, а ты все дальше да дальше отъ

храма Божія, идешь куда-то на промыселъ или на работу. Скажи самъ: это ли примѣръ отца для дѣтей?.. Ты лѣнивъ на молитву: будетъ ли и сынъ твой, видя всегда лѣность твою, усерденъ къ молитвѣ? Ты не исполняешь долга христіанскаго: будетъ ли и дочь твоя исправная христіанка? А вѣдь ты, ты—отецъ, долженъ будешь отвѣчать за нихъ Богу! Не большая еще для нихъ польза, когда, по твоимъ объ нихъ заботамъ, тѣло ихъ и сыто и въ теплѣ, а душа и голодна и холодна!..

Надо еще и то помнить, что сказано въ Писаніи: *аще не Господь созиждетъ* (домъ), *всуе трудишася зиждущіи.* А будетъ ли Богъ благословлять труды твои, когда ты предпринимаешь ихъ въ то время, которое Онъ опредѣлилъ на молитву? Ты оставишь Бога, и Богъ тебя оставитъ: чтожъ тогда съ тобою будетъ? Всѣ труды твои не благословенные будутъ не въ прокъ, а только въ грѣхъ. Ты будешь походить на безразсуднаго человѣка, который, весь измученный, въ потѣ лица, то и дѣло вскатываетъ на гору камень, который, коснувшись вершины, валится внизъ и заставляетъ несчастнаго труженика снова браться за работу. Развѣ Богъ не знаетъ твоихъ недостатковъ? Повѣрь, Онъ знаетъ и знаетъ несравненно лучше тебя, и всегда готовъ помочь тебѣ исправить ихъ,—и поможетъ, только работай тогда, когда Онъ тебѣ велитъ, и не работай, когда Онъ тебѣ не велитъ: а Онъ не велитъ тебѣ работать въ праздничные и воскресные дни, и особенно во время богослуженія, на которое и ты долженъ приходить непремѣнно.

Ты говоришь: «я—христіанинъ православный: стыдно же мнѣ приходить въ храмъ Божій съ пустыми

руками». Слыша эти слова, я и радуюсь, и печалюсь. Радуюсь потому, что ты не хочешь ходить въ храмъ Божій съ пустыми руками,—и хорошо дѣлаешь. Самъ Спаситель не отказался отъ подаянія во храмъ, когда сборщики предложили ему чрезъ апостола Петра подать что нибудь (Матѳ. 17, 24—27): намъ ли отказываться, когда во храмѣ Божіемъ мы находимъ для себя все, что̀ только потребно для нашей души? Но вмѣстѣ и печалитъ меня то, что ты съ пустыми руками какъ будто и не смѣешь войти въ церковь. Церковь, сынъ мой, не требуетъ отъ тебя непремѣнно какого нибудь приноса. Нѣтъ у тебя ничего въ рукахъ,—принеси туда сердце сокрушенное и смиренное: *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. 50, 19). Смиренный мытарь ничего не принесъ въ церковь, кромѣ молитвенныхъ вздоховъ да слезъ, а вышелъ оттуда оправданнымъ: и ты, если не можешь ничего принести въ церковь, подражай мытарю и выйдешь оттуда оправданнымъ.

Итакъ видишь, что всѣ ваши отговорки — пустыя слова; но нѣтъ ли у тебя еще чего нибудь на душѣ такого, что хотѣлъ бы ты сказать мнѣ въ оправданіе себя?

Прих. Только у меня и на душѣ теперь, батюшка, что окаянный я грѣшникъ; вижу, что одна лѣность моя въ молитвѣ да жадность къ земнымъ прибыткамъ, —вотъ все, что̀ удерживаетъ меня отъ исполненія христіанскаго долга! Съ этихъ поръ я рѣшаюсь всегда поступать по глаголу твоему. Помоги только, Господи! Благодарю тебя, батюшка, за разумныя рѣчи твои.

Свящ. Благодарить меня не за что, любезный сынъ мой. Благодареніе Господу; я помню слова Его: *аще*

не возвѣстиши, беззаконникъ въ беззаконіи своемъ умретъ, крове же его отъ руки твоея взыщу. Аще возвѣстиши, еже не согрѣшити, и той не согрѣшитъ, праведный жизнію поживетъ, яко воспретилъ еси тому, и ты свою душу избавиши (Iезек. 3, 18. 21); *проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли* (2 Тимоѳ. 4, 2). Значитъ, вразумить неразумнаго, остановить грѣшника,—это первый долгъ пастыря Церкви. Но запомни и ты слова Спасителя: *овцы гласъ пастыря слышатъ* (Iоан. 10, 27): значитъ, кто слушаетъ пастыря своего, тотъ—овца Христова, а кто не слушаетъ пастырскаго гласа, тотъ—не овца, а козлище; а помнишь, кого сравниваетъ Онъ съ овцами и кого съ козлищами, и что̀ Онъ скажетъ на страшномъ судѣ первымъ, и что̀ послѣднимъ?.. Помни же, другъ мой, теперешнюю бесѣду нашу да передавай ее и дѣтямъ своимъ. Прощай; иди съ миромъ; Господь Богъ да благословитъ тебя!..

ВНЕЗАПНЫЯ ПЕРЕМѢНЫ ВЪ ЖИЗНИ.

Благая и злая, животъ и смерть, нищета и богатство отъ Господа суть (Сир. 11, 11—14).

Еслибы теченіе нашей жизни было всегда такъ ровно и правильно, что мы могли бы предвидѣть все, имѣющее случиться съ нами: тогда для насъ было бы легче всякую счастливую перемѣну въ жизни встрѣчать безъ излишняго увлеченія, и всякую несчастную переносить съ твердостію. Но большею частію перемѣны постигаютъ насъ неожиданнымъ образомъ, и эти-то внезапныя перемѣны весьма часто имѣютъ рѣшительное вліяніе на всю нашу жизнь. Наше спокойствіе, наша невинность и добродѣтель, наша вѣра и благочестіе подвергаются сильной опасности, если, застигнутые внезапными перемѣнами въ жизни, мы не умѣемъ вести себя съ истинно-христіанскою мудростію. Кто не знаетъ, какъ вредно бываетъ иногда внезапное счастіе, какъ оно отуманиваетъ человѣка, какъ сильно возбуждаетъ и развиваетъ порочныя склонности, какъ скоро искореняетъ добрые навыки и правила? Кто съ скорбію сердца не замѣчалъ и не слѣдилъ этой печальной перемѣны со многими добрыми людьми, когда, неожиданно для нихъ самихъ, измѣнялись къ лучшему

не возвѣстиши, беззаконникъ въ беззаконіи своемъ умретъ, кровь же его отъ руки твоея взыщу. Аще возвѣстиши, еже не согрѣшити, и той не согрѣшитъ, праведный жизнію поживетъ, яко воспретилъ еси тому, и ты свою душу избавиши (Iезек. 3, 18. 21); *проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли* (2 Тимоѳ. 4, 2). Значитъ, вразумить неразумнаго, остановить грѣшника,—это первый долгъ пастыря Церкви. Но запомни и ты слова Спасителя: *овцы гласъ пастыря слышатъ* (Iоан. 10, 27): значитъ, кто слушаетъ пастыря своего, тотъ—овца Христова, а кто не слушаетъ пастырскаго гласа, тотъ—не овца, а козлище; а помнишь, кого сравниваетъ Онъ съ овцами и кого съ козлищами, и что̀ Онъ скажетъ на страшномъ судѣ первымъ, и что̀ послѣднимъ?.. Помни же, другъ мой, теперешнюю бесѣду нашу да передавай ее и дѣтямъ своимъ. Прощай; иди съ миромъ; Господь Богъ да благословитъ тебя!..

ВНЕЗАПНЫЯ ПЕРЕМѢНЫ ВЪ ЖИЗНИ.

Благая и злая, животъ и смерть, нищета и богатство отъ Господа суть (Сир. 11, 11—14).

Еслибы теченіе нашей жизни было всегда такъ ровно и правильно, что мы могли бы предвидѣть все, имѣющее случиться съ нами: тогда для насъ было бы легче всякую счастливую перемѣну въ жизни встрѣчать безъ излишняго увлеченія, и всякую несчастную переносить съ твердостію. Но большею частію перемѣны постигаютъ насъ неожиданнымъ образомъ, и эти-то внезапныя перемѣны весьма часто имѣютъ рѣшительное вліяніе на всю нашу жизнь. Наше спокойствіе, наша невинность и добродѣтель, наша вѣра и благочестіе подвергаются сильной опасности, если, застигнутые внезапными перемѣнами въ жизни, мы не умѣемъ вести себя съ истинно-христіанскою мудростію. Кто не знаетъ, какъ вредно бываетъ иногда внезапное счастіе, какъ оно отуманиваетъ человѣка, какъ сильно возбуждаетъ и развиваетъ порочныя склонности, какъ скоро искореняетъ добрые навыки и правила? Кто съ скорбію сердца не замѣчалъ и не слѣдилъ этой печальной перемѣны со многими добрыми людьми, когда, неожиданно для нихъ самихъ, измѣнялись къ лучшему

ихъ обстоятельства? Столько же вреднымъ бываетъ иногда и неожиданное несчастіе: оно колеблетъ убѣжденія человѣка, разрушаетъ его мужество, ослабляетъ рѣшимость къ добру, притупляетъ нравственное чувство и нерѣдко ведетъ къ такому образу мыслей и такому роду поступковъ, которые бываютъ началомъ самаго страшнаго развращенія. Въ чемъ же состоитъ та спасительная христіанская мудрость, которая необходима человѣку на случай внезапныхъ перемѣнъ въ жизни?

Пусть никакая перемѣна въ жизни не будетъ для насъ неожиданною; ко всему надобно быть готовымъ съ твердою вѣрою въ Бога и твердымъ повиновеніемъ Его волѣ: вотъ первый и главный совѣтъ христіанской мудрости! Онъ прежде всего запрещаетъ намъ смотрѣть на наше положеніе въ мірѣ, какое бы оно ни было, какъ на наше неотъемлемое наслѣдіе, а на самихъ себя, какъ на самовластныхъ устроителей собственной участи. И намъ ли, которые на каждомъ шагу сталкиваемся съ вещами, превышающими наши силы, такъ что, по слову Спасителя, никакими стараніями не можемъ *приложити возрасту своему лакоть единъ* (Матѳ. 6, 27), которые не можемъ знать, что случится съ нами чрезъ день, чрезъ часъ, чрезъ минуту, которые весьма часто безсильны даже отвратить опасности, видимымъ образомъ угрожающія нашему достоянію или жизни,—намъ ли питать гордыя мысли, что въ нашихъ рукахъ наша участь? Скажемъ ли, что мысль о несчастіяхъ будущихъ отравила бы радости настоящія, и что жизнь вообще такъ скупо надѣляетъ насъ радостями и такъ щедро разнообразными скорбями и огорченіями, что не надобно мрачными представленіями потемнять немно-

гихъ свѣтлыхъ дней или годовъ, удѣленныхъ жизнью? Это, во-первыхъ, рѣчи людей, для которыхъ одна цѣль и забота жизни — наслажденіе: а христіанину не слѣдуетъ забывать, что не для однѣхъ радостей живетъ онъ въ этомъ мірѣ; во-вторыхъ—лживыя рѣчи. Разумный взглядъ на жизнь, отъ котораго за свѣтлыми не ускользаютъ никогда и мрачныя ея стороны, и который среди радостей настоящаго не перестаетъ простираться въ будущее со всѣми его случайностями, ни отравитъ радостей, ни помѣшаетъ наслаждаться дарами счастія. Созерцая вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ, онъ только научаетъ насъ не ожидать отъ радостей и благъ жизни больше того, что онѣ на самомъ дѣлѣ могутъ дать намъ, не допускаетъ до увлеченія и самозабвенія, ограждаетъ отъ чрезмѣрной радости и печали, изъ которыхъ одна непремѣнно преемствуетъ другой и обѣ равно могутъ быть пагубны, и дѣлаетъ насъ ровными во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, сообщая нашему поведенію характеръ, приличный христіанину. Не будемъ говорить также, что постоянно содержимая въ умѣ мысль о возможной безуспѣшности нашихъ трудовъ, о неудачѣ самыхъ расчитанныхъ плановъ и зрѣлыхъ соображеній, о потерѣ всѣхъ благъ жизни, снискиваемыхъ и охраняемыхъ не безъ усилій и заботъ, убила бы всякую энергію въ человѣкѣ и отняла бы у его дѣятельности то неудержимое стремленіе впередъ, которое заставляетъ его дорожить временемъ, упражняетъ и развиваетъ его силы и служитъ залогомъ успѣха во всемъ. Не слышится ли и здѣсь голосъ людей, для которыхъ одна цѣль всякаго дѣла — снисканіе или охраненіе благъ жизни, одна цѣль всей жизни—самая жизнь? Не насъ, христіанъ, должна

бы возмущать и тревожить мысль о возможномъ неуспѣхѣ нашихъ трудовъ: потому что первою цѣлію всякаго дѣла у насъ должно служить исполненіе воли Божіей, благословитъ ли, или не благословитъ Господь желаемымъ успѣхомъ наши труды. Не намъ, христіанамъ, должна бы казаться страшною мысль о безуспѣшномъ искательствѣ или возможной потерѣ уже бывшихъ въ нашемъ обладаніи благъ жизни: потому что не эти блага, но высшія блага жизни небесной должны быть предметомъ нашихъ стремленій.

Но одна мысль объ измѣнчивости всего земнаго не укроетъ еще отъ опасностей человѣка среди внезапныхъ перемѣнъ въ жизни: посему-то и внушается ему быть готовымъ ко всякимъ перемѣнамъ съ твердою вѣрою въ Бога и твердымъ повиновеніемъ Его волѣ. Въ комъ нѣтъ вѣры въ Бога и Его всеуправляющій промыслъ, тому всѣ перемѣны представляются въ ложномъ свѣтѣ; онъ судитъ объ нихъ по своему, и это заблужденіе, лишая его истинной опоры и руководства, усиливаетъ несчастіе, обращаетъ во вредъ счастіе. Чѣмъ будетъ казаться тогда для человѣка внезапное счастіе, какъ не игрою случая, или плодомъ его собственнаго благоразумія, или должнымъ воздаяніемъ за воображаемыя заслуги? Въ первомъ случаѣ онъ является легкомысленнымъ, во второмъ самонадѣяннымъ, въ третьемъ надменнымъ гордецомъ, выставляющимъ, какъ заслугу, свое счастіе. Что другое будетъ для него внезапное бѣдствіе, какъ не дѣйствіе какой-то воображаемой неотвратимой судьбы или слѣдствіе недоброжелательства враждебныхъ людей? И не будетъ ли онъ съ горькимъ ропотомъ склоняться подъ желѣзную руку этой судьбы и чувствовать себя остав-

леннымъ всѣмъ и всѣми, или, со злобою въ сердцѣ, готовить мщеніе людямъ, которые были невинными орудіями божественнаго Промысла или даже вовсе не причастными къ дѣлу? Кто, напротивъ, видитъ во всемъ дѣйствіе силы Божіей, въ живомъ убѣжденіи, что безъ воли Божіей не падаетъ волосъ съ головы нашей (Матѳ. 10, 30);. кто во всѣхъ случаяхъ жизни обращаетъ взоръ свой къ Богу, который путями, недовѣдомыми для насъ, ведетъ насъ къ лучшему: тотъ всегда будетъ достаточно приготовленъ ко всему, что бы ни случилось съ нимъ. При всякой непредвидѣнной перемѣнѣ первою мыслію такого человѣка будетъ мысль о Богѣ; къ Нему прежде всего съ молитвою обратится взоръ его: и съ этою вѣрою и съ этимъ упованіемъ не злоупотребитъ онъ дарами счастія, не падетъ и подъ бременемъ несчастія.

Старайтесь заблаговременно, съ юныхъ лѣтъ воспитывать въ себѣ живую вѣру въ Бога Промыслителя и постоянно утверждать ее въ себѣ. Кто знаетъ, когда можетъ застигнуть насъ буря внезапныхъ перемѣнъ въ жизни? Допустимъ ли, чтобы она застигла насъ неготовыми и безоружными? Но, если съ раннихъ поръ въ сердцѣ нашемъ не будетъ посѣяно страха Божія, если заведенный порядокъ жизни и принятыя правила поведенія не будутъ проникнуты вѣрою въ Бога Вседержителя, внезапная счастливая перемѣна нашихъ обстоятельствъ не удалитъ ли еще болѣе нашихъ мыслей отъ Бога и не утвердитъ ли на ложномъ пути, ведущемъ къ погибели? Такъ-называемые неожиданные удары судьбы пробуждаютъ иногда невольно мысли о Богѣ, и по той мѣрѣ, какъ падаютъ однѣ за другими всѣ внѣшнія опоры, на которыхъ думаемъ

основать свое благополучіе, или отнимаются самыя дорогія привязанности, по той мѣрѣ располагаемся искать утѣшенія въ Богѣ. Жалкое состояніе! Эти люди, которые не добровольно ищутъ, но только послѣднею крайностью вынуждаются, такъ сказать, искать утѣшенія вѣры, въ состояніи ли будутъ, въ минуту внезапной бѣды, обсудить свое новое положеніе? Не скорѣе ли впадутъ они въ жалкое лихорадочное состояніе, въ которомъ теряется всякая правильность и ясность мысли? Самое утѣшеніе вѣры принесетъ ли успокоеніе человѣку, который воспитанъ въ другихъ, можетъ быть, совсѣмъ противоположныхъ началахъ? Такимъ образомъ благая мысль о вседѣйствующемъ Промыслѣ Божіемъ не можетъ ни водворить въ немъ необходимаго покоя, ни притупить чувство скорби, ни остановить слово ропота или отчаянія.

Вмѣстѣ съ вѣрою въ Бога и Его промыслъ старайтесь также воспитать въ себѣ твердое повиновеніе Его волѣ. Живая вѣра въ Бога предохранитъ отъ опасныхъ заблужденій ума и сердца; твердое повиновеніе волѣ Божіей дастъ силу пройти невредимо среди внезапныхъ приливовъ счастія и несчастія. Никакой, не только внезапной, перемѣны въ жизни не можетъ встрѣтить, какъ должно, тотъ, для кого не воля Божія, но собственный произволъ, служеніе не Богу, но міру и страстямъ, служатъ началомъ дѣятельности, и кто не прилагаетъ надлежащаго попеченія объ исправленіи своего сердца, о жизни, сообразной съ требованіями закона Божія. Пороки растутъ въ насъ сами собою, а доброе надобно насаждать, воспитывать, охранять. Часто наши добрыя стремленія и правила остаются цѣлыми оттого только, что насъ не постигали искушенія, и

наша добродѣтель не приходила въ столкновеніе съ соблазнами или житейскими невзгодами. Часто порокъ молчитъ въ насъ потому только, что мы не имѣемъ средствъ къ удовлетворенію страстей. Что же будетъ съ нами, когда благопріятная перемѣна нашихъ обстоятельствъ дастъ намъ возможность удовлетворять скрывающимся въ душѣ нашей порочнымъ стремленіямъ? Не возстанутъ ли они тѣмъ съ большею силою, чѣмъ долѣе должны были ожидать благопріятнаго времени? Не разовьютъ ли изъ себя новыхъ, какихъ прежде не было въ насъ, порочныхъ наклонностей, подобно гусеницѣ, которая, пожирая листъ дерева, въ тоже время производитъ изъ себя многихъ другихъ себѣ подобныхъ? Что будетъ съ нами и въ томъ случаѣ, когда застигнетъ насъ внезапное бѣдствіе? Наше порочное сердце, наши необузданныя наклонности не будутъ ли давать намъ чувствовать его вдвойнѣ? Горе, постигшее насъ, не станутъ ли дѣлать горьче упреки совѣсти? Далеки ли мы будемъ отъ искушенія помочь себѣ порочными средствами и чрезъ то сдѣлаться еще несчастнѣе? Быть на все готовымъ, быть въ состояніи съ благоразуміемъ принимать радость и горе, счастіе и несчастіе, даже при самыхъ внезапныхъ перемѣнахъ управлять и послѣ самыхъ сильныхъ потрясеній скоро овладѣвать собою можетъ только тотъ, кто привыкъ творить волю Божію, кто не внимаетъ другому голосу, кромѣ голоса своей совѣсти и закона, у кого первая и главнѣйшая забота состоитъ въ томъ, чтобы остаться вѣрнымъ предъ Богомъ и заслужить благоволеніе Божіе. *Надѣющіися на Господа, яко гора Сіонъ* (Псал. 124, 1), взываетъ одинъ изъ такихъ людей, и въ обстоятельствахъ его собственной жизни находимъ оправ-

даніе его словъ. Съ какимъ смиреніемъ, приписывая все Богу и ничего собственнымъ заслугамъ или достоинствамъ, говоритъ онъ напр. о своемъ чудномъ возвышеніи изъ пастыря овецъ въ царя израильскаго народа: *малъ бѣхъ въ братіи моей и юншій въ дому отца моего: пасохъ овцы отца моего... Самъ Господь, самъ услышитъ: самъ посла Ангела своего, и взятъ мя отъ овецъ отца моего, и помаза мя елеемъ помазанія своего* (Псал. 151); или — о своемъ единоборствѣ съ иноплеменнымъ великаномъ: *благословенъ Господь Богъ мой, научаяй руцѣ мои на ополченіе, персты моя на брань... Господи, что есть человѣкъ, яко познался еси ему, или сынъ человѣчъ, яко вмѣняеши его* (Псал. 143)! Съ какимъ мужествомъ и упованіемъ на помощь Божію, съ какою заботливостію о благѣ не собственной только души, но самыхъ враговъ, обращается къ Богу тотъ же Давидъ въ ту пору тяжкаго испытанія, когда Саулъ окружилъ домъ его, съ цѣлію умертвить его: *державу мою, Господи, къ тебѣ сохраню, яко ты, Боже, заступникъ мой еси. Богъ мой, милость его предваритъ мя: Богъ мой явитъ мнѣ на вразѣхъ моихъ. Не убій ихъ, да не когда забудутъ законъ твой. Расточи я силою твоею, и низведи я, защитниче мой Господи* (Псал. 58); также—въ то время, когда онъ долженъ былъ бѣжать отъ собственнаго сына: *азъ уснухъ и спахъ, востахъ, яко Господь заступитъ мя. Не убоюся отъ темъ людей, окрестъ нападающихъ на мя... Господне есть спасеніе, и на людехъ твоихъ благословеніе твое* (Псал. 3)!

Когда дѣйствительно постигнетъ васъ какая либо внезапная перемѣна: надобно стараться прежде всего съ возможнымъ хладнокровіемъ обсудить ее. Послѣ-

дуетъ ли внезапно благопріятная перемѣна вашихъ обстоятельствъ: не предаваясь безотчетной радости, изслѣдуйте прежде всего, въ чемъ состоитъ произшедшая перемѣна, чѣмъ именно она улучшаетъ ваше состояніе, какія выгодныя и невыгодныя стороны должно имѣть ваше новое положеніе. Этотъ первый шагъ поставитъ васъ на истинный путь и предохранитъ отъ многихъ опасностей: умѣритъ опасный пылъ первыхъ впечатлѣній, не дастъ образоваться слишкомъ преувеличеннымъ понятіямъ о выгодахъ и преимуществахъ новаго положенія и съ перваго раза укажетъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыя невыгоды его и опасности. Постигнетъ ли внезапное бѣдствіе: не предаваясь безотчетной печали, старайтесь также внимательно обсудить, въ чемъ именно измѣнилось ваше положеніе, что отнимаетъ у васъ и къ чему должна повести постигшая васъ перемѣна, которую вы называете бѣдствіемъ. Какъ бы ни были непріятны и прискорбны послѣдствія, которыми должно сопровождаться для васъ новое положеніе, лучше обдумать ихъ напередъ. Можетъ быть, вы увидите, что вашъ страхъ напрасенъ, что опасность не такъ велика, какъ кажется, и что ваше новое положеніе вовсе не такъ безотрадно, какъ показалось вамъ въ первыя минуты; можетъ быть, вамъ представятся средства отвратить или, по крайней мѣрѣ, уменьшить прискорбныя слѣдствія постигшаго васъ удара. Благо намъ, если, застигнутые внезапными перемѣнами, мы будемъ имѣть столько власти надъ собою, что будемъ въ состояніи управлять своими мыслями, и ни радость, ни горе, не помрачатъ намъ разсудка. Но здѣсь-то прежде всего и поможетъ намъ живая и твердая вѣра въ Бога, при которой никакая перемѣна не будетъ для насъ

неожиданною и никакая радость, ни горе, не могутъ быть безотчетными.

Съ спокойнымъ размышленіемъ встрѣчая постигающія васъ внезапныя перемѣны, старайтесь, во-вторыхъ, переносить ихъ съ твердостію и достоинствомъ: въ счастіи будьте умѣренны, въ несчастіи мужественны. Великимъ искушеніямъ неминуемо подвергаетъ всякая благопріятная перемѣна, чего бы она ни касалась. Сколько опасныхъ искушеній приноситъ напр. съ собою богатство, когда оно достается послѣ многихъ годовъ лишеній и тяжкой борьбы съ нуждою! «Зачѣмъ больше трудиться и напрягать свои силы, представляется тогда намъ, если и безъ труда мы можемъ теперь жить лучше, чѣмъ жили до сихъ поръ? Зачѣмъ отказывать себѣ въ какихъ бы то ни было удовольствіяхъ, когда имѣемъ на то средства? Не справедливо ли, напротивъ, вознаградить теперь себя за прежніе годы лишеній? Не надобно ли показать этимъ людямъ, которые тщеславились предъ нами своею роскошью и удобствами жизни, что мы умѣемъ жить не хуже, но лучше ихъ»? И вотъ на самыхъ первыхъ порахъ мы подвергаемся опасности предаться праздности, разсѣянности, тщеславію. Сколько искушеній приносятъ также съ собою преимущества власти, когда они вдругъ поставляютъ въ зависимость отъ насъ людей, которые прежде являлись нашими недоброжелателями или къ которымъ мы питали враждебныя чувства! «Вотъ случай, думается тогда, заставить ихъ поплатиться за все, въ чемъ мы думали видѣть недоброжелательство или обиду съ ихъ стороны»! И мы подвергаемся опасности предаться мщенію, несправедливостямъ и т. под. При неожиданныхъ успѣхахъ въ чемъ бы то ни было

нѣтъ ничего легче, какъ убѣдить себя въ такихъ собственныхъ способностяхъ или достоинствахъ, какихъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ, признать себя избраннымъ любимцемъ счастія: новое искушеніе предаться гордому самомнѣнію и самонадѣянности. Итакъ, чтобы постигшее васъ счастіе не было для васъ опасною западнею и не обратилось во вредъ, старайтесь въ пору счастія съ особенною строгостью соблюдать умѣренность, учитесь управлять вашею радостію и обуздывать ваши наклонности. Будьте тѣмъ смиреннѣе, чѣмъ болѣе возвышаетъ васъ Господь, тѣмъ осторожнѣе, чѣмъ болѣе благъ довѣряется вамъ. Не забывайте, что вмѣстѣ съ счастіемъ возрастаетъ и ваша отвѣтственность, и что новое положеніе ваше должно напоминать вамъ слова Премудраго: *во одѣяніи ризъ не похвалися, и въ день славы не превозносися: яко дивна дѣла Господня, и тайна дѣла его предъ человѣки. Мнози мучители сѣдоша на земли, нечаемый же увязеся вѣнцемъ. Мнози сильніи укорени быша зѣло, и славніи предани быша въ руки инѣхъ* (Сир. 11, 4—6). Помните, что никакое счастіе и никакія внѣшнія преимущества не измѣняютъ вашихъ существенныхъ отношеній къ Богу и ближнему, и что ваше истинное блаженство не въ этихъ временныхъ дарахъ счастія. Прими это къ сердцу и ты, пораженный внезапнымъ несчастіемъ: то, что ты стоишь такъ неподвижно, какъ очарованный, не принимаешь никакихъ мѣръ противъ постигшаго тебя бѣдствія, отвергаешь всякое утѣшеніе и надежду и считаешь себя погибшимъ,—это малодушіе, это недостойное христіанина уныніе будетъ для тебя вреднѣе, чѣмъ самое бѣдствіе; не бѣдствіе, а это малодушіе можетъ быть источникомъ твоей гибели. Вспомни, откуда исходитъ

постигшій тебя ударъ: онъ посылается Господомъ, и, значитъ, цѣль его—твое же собственное благо. Взгляни ближе на новое свое положеніе: не всѣ средства и радости жизни отняты у тебя. Оставляя тебѣ жизнь, Господь не отниметъ вовсе ни средствъ, ни радостей жизни, и не пошлетъ искушенія выше силъ. *Есть труждаяйся и потяся и тщася, и толико паче лишается. Есть слабъ и требуяй заступленія, лишаяйся силы, и нищетою изобилуетъ. И очи Господни призрѣста ему во благая, и воздвиже и отъ смиренія его, и вознесе главу его, и дивишася о немъ мнози. Благая и злая, животъ и смерть, нищета и богатство отъ Господа суть* (Сир. 11, 11—14).

Чтобы не только пройти невредимо среди внезапныхъ перемѣнъ жизни, но и выдти изъ нихъ съ пользою для души, на васъ лежитъ, наконецъ, обязанность не оставлять безъ вниманія тѣхъ нравственныхъ обязанностей, которыя возникаютъ для васъ изъ вашего новаго положенія. Не безъ цѣли, конечно, устроеетъ перемѣны въ нашей жизни Господь, у котораго ничего не дѣлается безъ цѣли. Всякая перемѣна имѣетъ, между прочимъ, цѣлію воспитать въ насъ ту или другую добродѣтель или удержать отъ того или другаго порока, и потому должна служить для насъ урокомъ благочестія. Итакъ, благословляетъ ли Господь домъ твой богатствомъ: *помяни время глада во время сытости, нищету и убожество въ день богатства* (Сир. 18, 25). Ввѣряется ли тебѣ власть: знай, что это—высшее призваніе къ самоотверженію. Пусть мысль о высокой нравственной цѣли всѣхъ перемѣнъ въ жизни и происходящихъ отсюда обязанностяхъ не оставляетъ никогда васъ и среди такъ-называемыхъ ударовъ

судьбы. При свѣтѣ слова Божія изслѣдуйте внимательно ваше прежнее поведеніе, чтобы узнать, что могло навлечь на васъ посѣщеніе Божіе, и какъ должно воспользоваться даннымъ урокомъ. Вы лишились сына или дочери, которые были предметомъ вашихъ нѣжнѣйшихъ попеченій и привязанностей. Припомните: любовь къ дѣтямъ не была ли въ васъ сильнѣе любви къ Богу, не увлекала ли васъ до забвенія или сознательнаго нарушенія вашихъ обязанностей къ Нему, не была ли причиною, что ради ея вы дѣлали несправедливости и притѣсненія вашимъ ближнимъ. Пусть же ваша потеря напомнитъ вамъ слова Спасителя: *иже любитъ отца или матерь паче мене, нѣсть мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче мене, нѣсть мене достоинъ* (Матѳ. 10, 37). Васъ огорчаетъ потеря прежняго положенія въ обществѣ, лишающая прежней власти и вліянія на людей и поставляющая васъ безучастнымъ свидѣтелемъ новыхъ распоряженій. Всмотритесь ближе въ самихъ себя: прежнее положеніе не породило ли и не утвердило ли въ васъ властолюбія, преувеличеннаго понятія о своихъ достоинствахъ, презрѣнія къ достоинствамъ и заслугамъ другихъ, пылкаго и нетерпѣливаго нрава и т. под. Быть можетъ, новое положеніе, въ которое вы поставлены, назначено служить для васъ урокомъ послушанія, смиренія, терпѣнія. Какое либо непредвидѣнное несчастіе лишило васъ имущества, и вамъ, привыкшимъ къ нѣгѣ и роскоши, недостаетъ средствъ для удовлетворенія самыхъ неприхотливыхъ потребностей жизни. Въ другихъ ваше настоящее положеніе скорѣе способно возбудить состраданіе, нежели обличеніе. Но будьте строги къ самимъ себѣ и съ полнымъ безпристрастіемъ произне-

сите судъ надъ прежнею жизнію въ нѣгѣ и роскоши. Конечно, вы не были похожи на того евангельскаго богача, у вратъ котораго истаявалъ голодною смертію жалкій и бѣдный Лазарь: но, среди роскошной обстановки, не забывали ли и вы о бѣдныхъ вашихъ братіяхъ, которые также были невдалекѣ отъ васъ и которымъ, быть можетъ, нечѣмъ было иногда утолить своего голода? Пусть вы не злоупотребляли вашимъ имуществомъ, не пользовались вашими средствами для какихъ либо недостойныхъ и порочныхъ цѣлей: но, подъ вліяніемъ богатства, превышающаго существенныя ваши нужды, не дали ли вы развиться въ себѣ множеству, положимъ, невинныхъ, но совершенно излишнихъ потребностей, а удовлетвореніе этимъ потребностямъ, поглощая все ваше вниманіе и время, не заставило ли забывать о вашихъ существенныхъ обязанностяхъ? Если такъ: то настоящее положеніе имѣетъ цѣлію отъ суетныхъ и пустыхъ заботъ жизни обратить ваше вниманіе къ важнѣйшей заботѣ о благѣ вашей души, напоминая вамъ слова Спасителя: *не пецытеся душею вашею, что ясте или что піете, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся: не душа ли больши есть пищи и тѣло одежди* (Матѳ. 6, 25)? Ничто столько въ подобныхъ случаяхъ не препятствуетъ намъ примириться съ новымъ положеніемъ, какъ постоянное воспоминаніе о прежнемъ положеніи, порождающее въ насъ мысль о себѣ, какбы объ обиженныхъ, и поддерживающее надежду, что новое положеніе будетъ только временное и должно измѣниться на лучшее. Противопоставляйте этому опасному направленію мыслей христіанскій образъ воззрѣній на вещи. Пусть постоянно будетъ присуща вамъ мысль: на что̀, не исключая самой жизни, мы можемъ

смотрѣть, какъ на свою неотъемлемую собственность, и на что можемъ объявлять свои безусловныя права предъ Богомъ, раздаятелемъ всѣхъ даровъ? Нѣтъ у насъ ничего собственно нашего, ничѣмъ не пользуемся мы по праву, все дается намъ, какъ даръ, и потому все, великое и малое, съ благодарностію должно быть пріемлемо отъ щедротъ Божіихъ. Не въ нашей власти ни наша жизнь, ни наша временная участь: Господь, податель жизни и благъ, указуетъ намъ жребій и спасительный путь нашей жизни. Предадимся же Его водительству со всѣмъ упованіемъ; будемъ въ теплыхъ молитвахъ къ Нему взывать подобно Давиду: *законоположи мнѣ, Господи, путь оправданій твоихъ... Вразуми мя, и испытаю законъ твой.... Настави мя на стезю заповѣдей твоихъ... Приклони сердце мое въ свидѣнія твоя... Отврати очи мои, еже не видѣти суеты... Постави рабу твоему слово твое въ страхъ твой* (Псал. 118, 33—38). Къ тому же Господу, отъ котораго исходитъ всякъ даръ совершенъ, будемъ возсылать непрерывныя молитвы о томъ, да подастъ намъ и утвердитъ въ насъ живую вѣру въ Него, да низпошлетъ намъ благодатныя силы для противодѣйствія порочнымъ движеніямъ нашей души, да просвѣтитъ насъ свѣтомъ своимъ и даруетъ мужество во время искушеній. *На тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣкъ.*

НЕСЧАСТНЫЕ ЛЮДИ.

Вѣрите ли вы людскому счастью? Не очень? И не удивляюсь: кто скажетъ, что вы не правы? То, что называютъ люди счастьемъ, такая странная, такая неуловимая, такая неопредѣлимая вещь, что указать на нее, описать ее, вѣрить въ нее нѣтъ никакой возможности. Одно поколѣніе передаетъ другому только слово—счастье, не указывая ни предмета, ни пути. Безразсудные вѣрятъ! Тутъ толпа сидитъ, сложа руки, въ ожиданіи необыкновенныхъ событій, въ убѣжденіи, что счастье ищетъ того, кто его не ищетъ. Здѣсь другая, въ безумномъ обаяніи, ставитъ послѣднее вѣрное достояніе на вызовъ счастью, готовая продать душу за свою мечту, бросается изъ крайности въ крайность, въ надеждѣ наскочить на счастье. Тамъ мѣняютъ понятія и одежды, труды и забавы, цѣлые милліоны людей, не увѣренныхъ ни въ чемъ, недовольныхъ ничѣмъ,—бѣгутъ, гонятся за чѣмъ-то, старое мѣняютъ на новое, новому измѣняютъ для стараго, то за совѣтами обращаются къ старинѣ, то безъ размышленія вдаются въ потокъ новыхъ выдумокъ: все для счастья! И—умираютъ, успѣвъ только убѣдиться, что ловили—мечту, не успѣвъ, можетъ быть, только сказать своему сыну, брату, другу, что напрасно потратятъ

они жизнь, если будутъ усиливаться поймать—мечту... Остановитесь, бѣдные люди; остановите хотя на минуту свой безполезный бѣгъ за одною вещью по тысячѣ противоположныхъ направленій; сойдитесь, поразспросите другъ у друга, всмотритесь вмѣстѣ въ жизнь, которая у всѣхъ васъ одна... Кто это такъ зло смѣется надъ вами, кто это такъ дерзко морочитъ васъ днемъ, на-яву, кто это съ такою злобою сѣетъ васъ, какъ пшеницу въ ситѣ, перемѣшивая ваши понятія и желанія, убѣжденія и навыки, стремленія и обычаи?.. Какъ хотите, но посмотрѣть на эту массу живыхъ, разумныхъ существъ, которыхъ не приводитъ къ довольству и миру ни богатство, ни бѣдность, ни ученость, ни невѣжество, ни дѣятельность, ни лѣнь и бездѣйствіе, которыхъ и избытокъ удовольствій, и избытокъ лишеній, одинаково гонятъ къ новымъ желаніямъ, которыхъ дѣлаетъ несчастными и недостатокъ, и избытокъ ума, — посмотрѣть на эту массу нельзя безъ жалости. Какъ хотите, но, когда, прислушавшись къ безъискусственной пѣсни простеца, подслушаешь звуки неразумной грусти о волѣ, о золотѣ, о счастливой долѣ золоченыхъ стѣнъ, гдѣ не знаютъ словъ: нужда и слеза,— а потомъ послушаешь горькой, желчной рѣчи богача и счастливца, готоваго въ иную пору промѣнять все свое счастье на тихій кровъ деревенскаго дома съ дымнымъ очагомъ и простымъ, скуднымъ ужиномъ подъ святымъ угломъ: невольно скажешь: нѣтъ, люди сами не знаютъ, чего ищутъ, гоняясь за счастьемъ. Поймешь, отъ чего вы не вѣрите въ счастье людское!..

Я, въ свою очередь, не вѣрю въ людское несчастье. Въ этомъ словѣ такъ же мало бываетъ смысла, какъ и

въ словѣ: счастье. *Бываетъ*..... Я не говорю, что нѣтъ совсѣмъ на дѣлѣ того, что, по справедливости, можетъ быть названо горемъ и несчастьемъ, какъ и не утверждаю, что нѣтъ и счастія—въ строгомъ и достойномъ человѣка смыслѣ слова. Но не утаю, что не вижу смысла въ тѣхъ возгласахъ о горѣ жизни, которые такъ часто слышатся въ нашъ вѣкъ.

Простите мнѣ, герои терпѣнія, которыхъ тысячами распложаетъ наше время, порождающее милліоны искателей счастія и проповѣдниковъ пути къ невозмутимому блаженству на землѣ! Слышу ваши стоны и вопли; слова: «страдалъ, страдаю, я выстрадалъ эту мысль и убѣжденіе, я не вижу конца моимъ страданіямъ»,— эти слова постоянно звучатъ въ ушахъ моихъ; слезы и жалобы ваши на жизнь трогаютъ самыя чувствительныя струны моего сердца... Но я только жалѣю о васъ—не о вашихъ несчастіяхъ—безъ сочувствія, безъ состраданія, безъ раздѣла съ вами вашихъ страданій; я скорблю—не объ вашей участи, а объ васъ; плачу объ васъ, хотя не вмѣстѣ съ вами; молюсь за васъ, хотя въ моей молитвѣ о васъ нѣтъ, можетъ быть, ни одного слова, подобнаго словамъ вашей ропотливой мольбы. Я вижу въ васъ людей несчастныхъ; только несчастье ваше вижу не въ томъ, въ чемъ вы указываете его. Я вижу въ васъ несчастныхъ—грѣшниковъ. Грѣхъ — вотъ наше несчастье, наша бѣда, наша болѣзнь, — несчастье, отъ котораго спасти насъ можетъ только Богъ; бѣда, которая упорно преслѣдуетъ насъ на всѣхъ путяхъ жизни, не даетъ покою въ минуту смерти, не отстанетъ отъ не очищенной покаяніемъ души и за гробомъ; болѣзнь, которая, незамѣтно вкрадываясь въ душу, вноситъ порчу и растлѣніе въ самую

глубину существа нашего, портитъ наши понятія и чувства, въ превратномъ видѣ представляетъ намъ внѣшнія событія жизни нашей, вноситъ горечь въ самыя радости наши, налагаетъ отвратительную печать растлѣнія на душу, дѣлая ее и недостойною, и неспособною наслѣдовать вѣчныя радости неба. Другъ мой, братъ мой! Вижу, что ты несчастенъ; вѣрю, что ты страдаешь. Но удержи, сколько можешь, слезы твои; оставь на нѣсколько минутъ горькую думу о своемъ горѣ. Подумаемъ немножко о себѣ... Есть, о чемъ подумать. Бываютъ страданія очистительныя: таковы ли твои страданія? Бываютъ и душевныя болѣзни—смертныя: не таковы ли болѣзни твоей души?

Не холодный только разсудокъ влагаетъ въ уста мои эти просьбы къ тебѣ, эти вопросы о тебѣ. Нѣтъ, возлюбленный братъ мой во Христѣ, спасшемъ насъ своею божественною кровію! Не холодныя капли рѣчной воды вижу я въ слезахъ твоихъ; въ твоихъ стонахъ слышу не мертвые, грустные звуки безчувственнаго инструмента, способнаго также и къ веселымъ мотивамъ, какъ и къ грустнымъ, смотря по тому, кто играетъ на немъ, и одинаково не чувствующаго и не помнящаго ни тѣхъ, ни другихъ. Нѣтъ; несчастнаго животнаго, которое, молча, льетъ слезы подъ ударами жестокаго вожатаго, я не могу видѣть безъ слезъ жалости и негодованія вмѣстѣ: человѣческой ли нуждѣ и слезѣ не отзовется мое сердце, не отвѣтитъ моя слеза?.. Но что бы сказали объ насъ съ тобою, еслибъ мы стали плакать вмѣстѣ съ дитятею, оплакивающимъ свое великое горе—потерю любимой игрушки,—вмѣстѣ съ несчастнымъ больнымъ, который съ горькими рыданіями сталъ бы жаловаться намъ на свое горе, что

ему не дают ѣсть, чего бы онъ хотѣлъ, отнимают возможность броситься изъ окна, чего бы ему такъ хотѣлось?... Вдали отъ тебя, предъ лицемъ только единаго Бога, моего и твоего, я плакалъ о тебѣ, когда ты смѣялся безумнымъ смѣхомъ счастливца, плачу теперь, когда ты плачешь безразсудными слезами несчастнаго. Но тебѣ я не покажу еще слезъ моихъ, потому что не могу плакать съ тобою. Сдерживаю слезы, терпѣливо выжидая минуты, когда мнѣ можно будетъ сказать тебѣ доброе слово отъ сердца, скорбящаго о тебѣ, когда мнѣ можно будетъ поплакать вмѣстѣ съ тобою. Теперь, когда ты указываешь мнѣ на твои слезы, только на свои слезы, которыхъ я не долженъ видѣть равнодушно, я еще вижу близъ тебя художника, который затрогиваетъ въ тебѣ слезливыя струны и вызываетъ вопли ропота въ оскорбленіе Богу, какъ прежде вызывалъ вопли веселія въ оскорбленіе же Богу; вижу въ тебѣ жертву адской хитрости и, сколько могу спокойнѣе, говорю тебѣ: перестань роптать; ты не несчастенъ, а виновенъ; ты не страдалецъ, а самоубійца своей души; пощади себя, пощади себя!

«Страдалецъ»: какое странное слово въ устахъ большинства людей, прилагающихъ его къ себѣ! Къ какимъ предметамъ, къ какимъ чувствамъ не прилагаютъ словъ: «страдаю и страданіе»? Прислушаешься къ воплямъ людскаго ропота: потеряешь, наконецъ, всякую вѣру въ страданія людей. Страдаютъ и отъ любопытства безмѣрно возбужденнаго и неуправляемаго ума, и отъ стыда скудости своего образованія; страдаютъ и отъ пресыщенія, и отъ нужды; страдаютъ и отъ скуки одиночества, и отъ утомленія разсѣянной

жизни; страдаютъ отъ бездѣлья, страдаютъ отъ тягости отвѣтственныхъ обязанностей, страдаютъ отъ любви, отъ ненависти, отъ зависти, отъ чувствительности сердца, отъ холодности души, отъ несправедливости и невнимательности людской, отъ обязательныхъ одолженій и благодѣяній, которыя налагаютъ долгъ благодарности; страдаютъ отъ неисполненія желаній и похотѣній, которыя не даютъ покою; страдаютъ и отъ исполненія желаній и похотѣній, которыя, по удовлетвореніи, кажутся особенно низкими и недостойными и ложатся камнемъ на совѣсть; страдаютъ отъ скуки однообразной жизни, не поражающей нечаянностями, страдаютъ и отъ борьбы съ случайностями жизни... Отъ чего же, наконецъ, не страдаютъ люди? Что такое, наконецъ, страданіе человѣческое?.. Другъ человѣчества, волнуемый каждою слезою человѣческою, достанетъ ли у тебя слезъ для всѣхъ несчастливцевъ, найдется ли у тебя довольно словъ утѣшенія для всѣхъ страдальцевъ въ мірѣ? Холодный свидѣтель дѣлъ человѣческихъ, посмотрѣвъ на эту неисчислимую, пеструю толпу несчастливцевъ, отвернется отъ нихъ съ невольною улыбкою, одушевленною чувствомъ, похожимъ на презрѣніе. Человѣкъ вѣрующій и по-евангельски любящій братій своихъ пожалѣетъ о своихъ несчастныхъ братіяхъ и помолится Господу Богу усердно и тепло, да вразумитъ Онъ заблуждающихъ и въ заблужденіи гибнущихъ.

Да, именно объ этомъ, о вразумленіи несчастныхъ помолится онъ Господу Богу со всею горячностію христіанской любви къ ближнимъ: потому что спокойнымъ, свѣтлымъ взоромъ своимъ проникая въ самую сущность вещей, онъ видитъ подъ личиною не-

счастія чаще всего неразуміе, а нерѣдко и нравственную вину, которая здѣсь привлекаетъ на человѣка кары Божіи, какъ предвѣстіе и начало будущихъ наказаній. И что скажутъ противъ молитвы истиннаго друга человѣчества? Разберите дѣло, увидите сами, какъ онъ правъ.

Сотни искусственныхъ потребностей развили мы въ себѣ, придумавъ тысячи искусственныхъ средствъ къ удовлетворенію ихъ, къ достиженію счастія въ жизни; тысячи искусственныхъ удовольствій изобрѣли мы для услажденія жизни своей, считая себя въ правѣ непремѣнно обладать тѣмъ изъ нихъ, которое особенно нравится. Такія понятія о вещахъ, такой порядокъ жизни, — къ чему они приводятъ? Къ безконечному множеству желаній, неудовлетворимыхъ по самому ихъ множеству; къ безчисленному множеству огорченій и лишеній, неизбѣжныхъ при этомъ неудержимомъ стремленіи къ разнообразнымъ забавамъ, при этой безумной гоньбѣ за удовольствіями, которыя мы, закрывъ глаза, ловимъ руками, бросаемъ то туда, то сюда, и предполагая, что непремѣнно нападемъ на счастливый случай, на желаемое удовольствіе. Смотришь и дивишься, до какой степени несмыслія доходятъ люди въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ, въ своихъ предначертаніяхъ и усиліяхъ въ поискѣ счастія. Бѣдный, тебя обманули, когда внушили мысль, что ты не можешь быть счастливъ безъ множества этихъ бездѣлокъ, этихъ прихотливыхъ удовольствій твоего вкуса, слуха, глаза: все это можно имѣть и не быть счастливымъ; все наскучитъ. Неосторожный, ты самъ обманываешь себя, когда опредѣляешь свои потребности и нужды только примѣромъ другихъ, перенимая у другихъ при-

вычки жизни, желая добиться того или другаго потому только, что ты видѣлъ это у своего сосѣда. Что мудренаго, если поиски твои за воображаемымъ счастьемъ будутъ неудачны, если и удача не приведетъ тебя къ желанному довольству и покою? Что мудренаго, если чрезъ нѣсколько времени, наскучивъ безплодными трудами, а можетъ быть, и добытыми трудомъ благами жизни, которыя окажутся не стоившими трудовъ, ты, въ чувствѣ досады и огорченія, будешь роптать на свою судьбу? Я съ жалостью о тебѣ буду смотрѣть на твою досаду и огорченіе, слушать слова твоего ропота, — съ жалостью о твоемъ несмысліи. Милліоны людей обходятся безъ искусственно-приготовленной пищи, и отъ этого не становятся менѣе счастливы, напротивъ, бываютъ еще болѣе здоровы, — безъ мягкихъ сѣдалищъ, безъ разукрашенныхъ стѣнъ и потолковъ, безъ пышныхъ нарядовъ, и отъ этого не становятся менѣе счастливы, напротивъ, бываютъ еще болѣе покойны. Спроси у нихъ, какъ много смысла въ твоихъ вздохахъ о мечтательныхъ удобствахъ жизни. Но ты не послушаешь ихъ, измѣряя нужду и потребность не достоинствомъ вещи, а силою своего желанія. Послушай же тѣхъ, съ кого ты хочешь взять примѣръ для себя: присмотрѣвшійся къ этимъ мелкимъ удобствамъ жизни богачъ, которому они достаются легко, посмѣется надъ тобою, когда увидитъ, что ты выбиваешься изъ силъ для пустой мечты, когда услышитъ твою жалобу, что тебѣ недостаетъ для счастья жизни лакомаго блюда или куска какой нибудь ткани, подъ которою стѣна твоего дома смотрѣла бы на тебя веселѣе... Скажешь ли, что онъ не правъ? Но въ такомъ случаѣ поостерегись же

судить другихъ, поудержи твою невольную улыбку, когда увидишь гдѣ нибудь неутѣшныя слезы надъ запачканнымъ праздничнымъ платьемъ, надъ трупомъ любимаго животнаго, надъ завядшею вѣткою любимаго цвѣтка... Другъ мой, другъ мой, на сколько уменьшилось бы число несчастливцевъ въ мірѣ, еслибы люди обсуживали свое горе и лишенія также, какъ обсуживаютъ чужія дѣла, и, съ здравымъ смысломъ смотря на вещи, называли ихъ собственными именами—мелочь мелочью, прихоть прихотью!

Преувеличивая цѣну удовольствій, мы въ такой же мѣрѣ преувеличиваемъ и цѣну непріятностей и лишеній: отсюда новый рядъ несчастій, новый рядъ страданій, которымъ вѣрится съ трудомъ, сочувствуется мало. Послушаешь людскихъ жалобъ: подумаешь, что земля есть разсадникъ злодѣевъ, что жизнь есть не что иное, какъ безъисходная мука. Тутъ вамъ наговоритъ столько дивныхъ вещей сынъ объ отцѣ, припоминая строгость наказаній, которыя пришлось перенести въ молодости; тамъ представятъ вамъ страшную картину неблагодарности брата предъ благодѣтелемъ-братомъ, отплаты за добро неуваженіемъ, злобою; здѣсь не доберешься до конца жалобъ мужа на жену и жены на мужа... Собственныя слова разсказчика воспламеняютъ его воображеніе, вызываютъ, съ каждымъ новымъ разсказомъ о людской злобѣ и неблагодарности, новыя черты низости со стороны обидчика вмѣстѣ съ новыми чертами справедливости и великодушія въ обиженномъ, новыя чувства горечи и злобы, которыя возрастаютъ по мѣрѣ повторенія постоянно-разукрашающагося разсказа объ оскорбленіи. Вы разбираете дѣло, видите, что обѣ стороны не правы, видите, что тутъ все пре-

увеличено, тогда какъ въ существѣ дѣла все ограничивалось, можетъ быть, однимъ только недоразумѣніемъ... О, нѣтъ, не говорите этого раздраженному несчастному... Нѣтъ, если вы не покажете ему, что вы—человѣкъ сторонній—всѣми силами души ненавидите этого грубаго и недостойнаго оскорбителя, вы прибавите новую язву къ ранамъ больнаго сердца, новую причину ненависти къ людямъ, которые умѣютъ только оскорблять и никогда не умѣютъ довольно сочувствовать горю оскорбленнаго... Тамъ смиренная скорбь начинаетъ рисовать предъ вами цѣлую картину жизни, уже минувшей, картину несчастій, изъ которыхъ слагалась вся жизнь страдальца: сколько мраку, сколько тѣней! Вы немножко съ недовѣріемъ спрашиваете себя: нѣтъ ли здѣсь нѣкотораго самообольщенія, желанія порисоваться своимъ терпѣніемъ, ошибки въ судѣ о другихъ съ забвеніемъ всего, чѣмъ самъ страдалецъ виноватъ предъ другими — своею недовѣрчивостью, подозрительностью, скрытностью, мстительностью,—не слишкомъ ли много въ этихъ жалобахъ на прошлое игры воображенія въ настоящемъ, не слишкомъ ли много искусства слова въ этомъ ропотѣ, который изображаетъ предъ вами въ самомъ мрачномъ видѣ тысячи мелкихъ непріятностей, какія у насъ передъ глазами проходятъ незамѣченными? О, нѣтъ, не говорите этого страдальцу: онъ очень хорошо знаетъ, что говоритъ; онъ очень глубоко чувствуетъ истину словъ своихъ. Недовѣріе ваше покажетъ только, что вы сами не жили, не пережили ничего, ничего не испытали. Молчите и слушайте: иначе вы не увидите горькихъ слезъ, какими плачутъ безвинные страдальцы, не дадите возможности выплакаться этому тяжкому

горю, которое никакъ не выплачется вотъ уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ тысячи случаевъ пожаловаться людямъ на людей и на судьбу... Не знаю, водилось ли у тебя, другъ мой, такое неоплаканное горе. Но знаю, что, еслибъ я услышалъ отъ тебя подобную повѣсть страданій, въ которой не знаешь, чему отдать преимущество, хвастливости ли страдальца, или его жолчной непріязни къ прежнимъ друзьямъ и къ почившимъ роднымъ, я пожалѣлъ бы о твоемъ словѣ, за которое ты дашь отвѣтъ Богу, о твоей душѣ, въ которой ты, пробуждая старыя раны, производишь новыя, болѣе глубокія, болѣе неисцѣльныя.

Подумай, другъ мой, самооправдываемый страдалецъ, самохвальная жертва несправедливости людской, жестокости судьбы, — подумай о словахъ, которыми ты пятнаешь людей и жизнь. Вѣрю твоимъ страданіямъ. Но на сколько ты былъ виновенъ въ нихъ самъ? Не былъ ли ты испорченъ воспитаніемъ? Сколько несчастныхъ въ мірѣ обязаны несчастіями своими именно своему воспитанію, своимъ ложнымъ понятіямъ о жизни, какъ будто обязанной доставлять намъ только наслажденія, о людяхъ, о всѣхъ отношеніяхъ житейскихъ! Мечтательная голова, снабженная для жизни только призраками воображенія, не можетъ не быть въ разладѣ съ дѣйствительностью. Но кто виновенъ въ ея несчастіяхъ? Люди ли? жизнь ли?.. Не вредило ли тебѣ всегда и во всемъ одно только твое самолюбіе? Сколько несчастныхъ въ мірѣ отъ того только, что они не знаютъ ни мѣры уваженія къ своимъ достоинствамъ, ни мѣры уваженія къ правамъ другихъ! Самолюбивая душа, жадная до услугъ и сама

неспособная къ желанію добра другимъ, требующая вниманія къ себѣ и никогда не считающая себя обязанною оказывать вниманіе другимъ, всегда будетъ недовольна, всегда будетъ несчастна. Но кто виновенъ въ ея несчастіяхъ? Люди ли? жизнь ли?.. О, другъ мой, несчастный братъ мой! Людямъ можно наговорить, что угодно, и представить вещи, какъ хочешь, особенно когда нѣтъ уже лицъ, на которыя падаетъ твое обвиненіе. Но—обманешь ли Бога? обманешь ли себя тамъ, на ожидающемъ насъ страшномъ судѣ предъ Богомъ, когда мы соберемся всѣ вмѣстѣ, когда каждый изъ насъ припомнитъ каждое слово свое и каждое дѣло свое увидитъ въ истинномъ свѣтѣ, безъ прикрасъ, безъ искусственныхъ покрововъ?

Вѣрю, что во многихъ случаяхъ несправедливостей человѣческихъ мы были правы, многихъ ударовъ судьбы мы не вызывали явной виной. Но не убѣжденъ, что мы остаемся правы, когда позволяемъ себѣ хвастать своими страданіями, своимъ терпѣніемъ. Съ кѣмъ вступаемъ мы въ судъ въ такихъ случаяхъ? На кого жалуемся другъ другу? На жизнь? на судьбу? Христіанинъ! останови потокъ рѣчей своихъ, оскорбляющихъ Бога. Всему мѣра! Поплачь надъ своею бѣдою; но побереги свою душу отъ горечи ропотливаго слова... Ты не входилъ въ договоръ съ Богомъ о твоей жизни, о твоей судьбѣ. Принимай, что Онъ даетъ; Онъ знаетъ, что даетъ. Ты не доволенъ? Жалуйся Ему—въ слезной, смиренной молитвѣ, проси помощи, пощады, милости. Но да не произноситъ языкъ твой слова: страдаю! Грѣшникъ, молящійся предъ крестомъ Божественнаго Страдальца, Искупителя твоего! Осмѣлишься ли ты сказать здѣсь: страдаю,—здѣсь, предъ лицемъ искупитель-

ныхъ страданій Богочеловѣка? Возлюбленный сынъ Отца небеснаго, воспитываемый Имъ для неба, отвергнешь ли простирающуюся къ тебѣ отеческую руку, какъ руку враждебную, назовешь ли то, что подаетъ она тебѣ, зломъ?.. Остановись. Когда ты говоришь: я страдалецъ, ты произносишь хулу. Пусть говоритъ это, если хочетъ говорить, тотъ, кто вѣритъ въ слѣпой рокъ и неизбѣжную судьбу. У насъ съ тобою есть Отецъ небесный, который наказываетъ насъ, но не мучитъ, посылаетъ искушенія, но вмѣстѣ съ ними подаетъ и свою помощь, утѣшаетъ обѣтованіями, подкрѣпляетъ благодатію.

Знаю, что бываютъ и бѣдствія въ жизни, несчастные случаи, столько же часто неожиданные, сколько и горестные; бываютъ скорби, отъ которыхъ невольно стонетъ душа. Но быть въ несчастіи и быть несчастнымъ—двѣ вещи различныя. На мой взглядъ въ словахъ: «христіанинъ—несчастный» нѣтъ смысла. Истинный христіанинъ не можетъ быть несчастнымъ: отъ этого огражденъ онъ стѣною своей вѣры, забраломъ Божія закона. Съ вѣрою въ живаго Бога исходитъ онъ на трудъ жизни, которая впереди и для него темна. Ни излишнихъ желаній, ни мечтательныхъ надеждъ и плановъ въ отношеніи къ своему будущему не таитъ онъ въ душѣ своей: все свое упованіе возлагаетъ онъ на Того, изъ-подъ чьей власти не высвободитъ его никто и ничто, чьей волѣ не можетъ противиться никто и ничто. Онъ увѣренъ, что подъ управленіемъ Бога, всеблагаго и премудраго, ничего въ жизни его не случится напрасно и все, что ни случится, будетъ вести къ лучшему, не къ тому, что онъ самъ считаетъ для себя лучшимъ, а что найдетъ лучшимъ для него Тотъ,

предъ кѣмъ открыты всѣ тайны души человѣческой, предъ кѣмъ открыта вся судьба человѣка отъ первой минуты его явленія на землѣ и — на всю вѣчность. Неожиданностей для него нѣтъ: онъ знаетъ, что не въ силахъ угадать, что будетъ съ нимъ завтра, и ждетъ съ довѣріемъ и спокойствіемъ всего, что угодно будетъ Богу. Несчастныхъ случаевъ для него нѣтъ: могутъ быть у него лишенія и скорби, которыя, по немощи человѣческой, при первомъ ударѣ, можетъ быть, выжмутъ изъ глазъ его горькую слезу: но тотчасъ же обратитъ онъ слезящійся взоръ свой къ своему Отцу небесному, въ молитвѣ повѣдаетъ Ему тугу сердечную, будетъ просить пощады или помощи и успокоится. Успокоится: этотъ покой у христіанина—не безчувствіе, а живое и живительное успокоеніе сердца въ Богѣ. Нежданная неудача, потеря, скорбь, отнимающія силу у души невѣрующей и не твердой, для христіанина служатъ началомъ дѣятельности. Закроетъ онъ гробъ своей подруги и понесетъ отъ могилы ея не одну скорбь, но и глубокую мысль, глубокій вопросъ: къ чему это ведетъ, къ чему обязываетъ меня Господь своимъ посѣщеніемъ? Невѣрующій коснѣетъ въ такихъ случаяхъ въ памяти о прежнемъ; вѣрующій устремляется впередъ своею мыслію, а потомъ и дѣломъ, извлекая только изъ прошедшаго урокъ для будущаго, улучшая себя послѣ даннаго ему Промысломъ урока. Встрѣтитъ христіанинъ несправедливость и оскорбленіе отъ своихъ ближнихъ: чуждый самолюбія, не замедлитъ онъ на непріязненномъ чувствѣ, которое возникло въ его сердцѣ въ первую минуту оскорбленія; законъ скажетъ ему, что дѣлать въ такомъ случаѣ, пошлетъ его къ обидчику для примиренія,

заставитъ употребить всѣ возможныя мѣры къ склоненію врага на миръ: и онъ послушается закона, найдетъ оправданіе врагу своему, найдетъ въ душѣ своей довольно мужества простить врагу, привлечь его къ себѣ, и подавитъ въ себѣ гнѣвъ, и найдетъ покой, котораго никогда не найдетъ неукротимый самолюбецъ, раздражаемый воспоминаніями хуже дѣйствительности, судящій людей не по мѣрѣ ихъ слабости, не по мѣрѣ вины ихъ, а по мѣрѣ своего раздраженія. Посѣтитъ истинно-вѣрующаго скорбь раскаянія и недовольства собою, своими недостатками, своими грѣхами и паденіями: чуждый самолюбія, но искренно преданный добру, онъ не падетъ подъ тяжестію этой скорби, какъ падаютъ люди, чуждые вѣры, въ отчаяніи впадающіе или въ презрѣніе къ себѣ и бездѣйствіе, или въ глубочайшую пучину золъ. Въ памяти о Богѣ, оскорбляемомъ чрезъ грѣхъ, но и милующемъ грѣшника, онъ тотчасъ же обратится къ Богу съ слезною молитвою раскаянія: сколько сладости въ этихъ слезахъ, сколько живительной силы въ этой молитвѣ! Отъ молитвы перейдетъ онъ къ усильнѣйшимъ дѣламъ угожденія прогнѣванному Богу, къ усильнѣйшимъ подвигамъ наблюденія надъ собою, исправленія себя: сколько теплоты и усердія въ этихъ усиліяхъ; сколько успокоенія и надеждъ въ этихъ трудахъ!.. О, нѣтъ, нѣтъ! У христіанина могутъ быть несчастія, но онъ не можетъ быть несчастенъ!

Что же сказать о васъ, слезливые несчастливцы, которые съ какою-то радостью, съ какимъ-то нетерпѣніемъ готовы каждую минуту, при всякой встрѣчѣ, повторять: «мы столько страдали; нѣтъ, для насъ потеряно въ жизни всякое утѣшеніе; мы потеряли, на-

конецъ, всякое терпѣніе»? Да, вы, дѣйствительно несчастны; вы истинно, и только вы одни несчастны. Не ваши скорби и лишенія—несчастье ваше. Ваше несчастіе — скудость вѣры, холодность къ вашей душѣ, къ вашей вѣчной судьбѣ. Съ душею невѣрующею, съ сердцемъ страстнымъ и нечистымъ, съ умомъ и руками праздными, скучающими безъ дѣла, вы были бы несчастны во всякихъ обстоятельствахъ, во всякомъ обществѣ. Еслибы дѣлалось все по вашему: вы считали бы себя вправѣ требовать отъ жизни больше и больше удовольствій и удовлетворенія вашимъ страстямъ, и всегда были бы недовольны, какъ люди пресыщенные, какъ люди, не знающіе ни въ чемъ мѣры. Все бы прискучивало вамъ, и люди, и вещи; жажда новаго, требованія лучшаго и лучшаго измучила бы, наконецъ, васъ гораздо хуже, чѣмъ всѣ ваши теперешнія лишенія и скорби, охраняющія васъ, по крайней мѣрѣ, отъ новыхъ прихотей и ложныхъ надеждъ. Но бѣда не вся еще въ этомъ: несчастье ваше пойдетъ за вами дальше, ляжетъ съ вами на смертный одръ вашъ, пойдетъ съ вами въ другую жизнь, гдѣ обратится въ вѣчную муку. Это не мечтательная угроза: я съ трепетомъ и слезами высказываю ее моему брату, за котораго молюсь, но не могу не высказать. Нѣтъ, потерять жизнь изъ-за ложныхъ понятій и надеждъ, жить для того только, чтобы осуждать всѣхъ и все — отъ неосторожнаго слова ближняго до великихъ дѣлъ промышленія о насъ Божія, отдать въ жертву огорченному или раздраженному самолюбію убѣжденія вѣры, долгъ совѣсти, обязанности жизни, плодить въ жизни только слова ропота и суда, — нѣтъ, это не значитъ приготовлять себя къ блаженству съ Богомъ... Не до-

скажу, что это значитъ. Мнѣ страшно сказать это... Я буду повторять только: други мои, смотрите за собою, въ вѣрѣ ли вы, на пути ли вы ко спасенію? Отцы и матери, воспитывающіе дѣтей своихъ для жизни, смотрите за ними, въ вѣрѣ ли они, на пути ли они ко спасенію? Бойтесь несчастья внушить имъ ложныя мечты и надежды, развить въ нихъ самолюбіе, подавляющее вѣру и упованіе христіанское. Не остережетесь, вы сдѣлаете ихъ на вѣкъ несчастными, на всю вѣчность несчастными, истинно, неисправимо несчастными, —и вина ихъ несчастія падетъ на васъ. Несчастныхъ людей въ мірѣ образуютъ люди, а не жизнь, не Богъ.

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1856.

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

$9^3/_4$ листовъ

Подписка на *Христіанское Чтеніе* принимается въ Правленіи С. Петербургской Духовной Академіи, во всѣхъ Правленіяхъ иногородныхъ Семинарій, въ духовныхъ уѣздныхъ и приходскихъ Училищахъ. Цѣна за годовое изданіе безъ доставки 6 р. с., а съ доставкою и пересылкою 7 р. 50 к. сер.

Въ Редакціи *Христіанскаго Чтенія* и въ Канцеляріи Правленія С. Петербургской Духовной Академіи еще продаются полные экземпляры *Христіанскаго Чтенія* за прежніе годы, именно: 1822, 1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1833, 1836, 1837, 1839, 1840, 1841, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853 и 1854. Каждый экземпляръ отдѣльно — по 6 р. сер. безъ пересылки, а съ пересылкою по 7 руб. 50 к. с. Кто пожелаетъ выписать имѣющіеся экземпляры за всѣ годы въ совокупности, или съ 1822 по 1827, и съ 1833 по 1847 включительно; тому будетъ уступленъ каждый экземпляръ одного года по 4 р. 40 к. с. безъ пересылки, за которую нужно прилагать на пять фунтовъ для каждаго экземпляра. Цѣна за экземпляръ *Христіанскаго Чтенія* 1849, 1850, 1851, 1852, 1853 и 1854 годовъ остается прежняя.

Въ Редакціи же *Христіанскаго Чтенія* и въ Канцеляріи Правленія С. Петербургской Дух. Акад. продаются книги:

1) Исторія Русскаго Раскола, извѣстнаго подъ именемъ Старообрядства, соч. *Макарія*, Епископа Винницкаго, Ректора С. Петербургской Духовной Академіи. Цѣна 2 р. с. съ перес.

2) Введеніе въ Православное Богословіе, соч. того же автора. *Второе, исправленное изданіе*. Цѣна 2 р. 50 к. с. съ перес.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО, ЗЛАТОУСТАГО,

БЕСѢДЫ

НА ДѢЯНІЯ АПОСТОЛЬСКІЯ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

1856.

От Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Іюля 22 дня, 1856 года.

Цензоръ *Архимандритъ Кириллъ.*

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО, ЗЛАТОУСТАГО,

БЕСѢДЫ НА ДѢЯНІЯ АПОСТОЛЬСКІЯ (*).

БЕСѢДА 1.

Первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, о Ѳеофиле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити, даже до дне, въ онь же заповѣдавъ апостоломъ Духомъ Святымъ, ихже избра, вознесеся. (Дѣян. 1, 1. 2).

Многіе не знаютъ даже и того, что эта книга существуетъ, (не знаютъ) ни самой книги, ни того, кто ее написалъ и составилъ. Посему-то въ особенности я и разсудилъ заняться этимъ сочиненіемъ, дабы и научить не знающихъ, и не допустить, чтобы такое сокровище таилось и оставалось въ неизвѣстности. Эта книга можетъ принести намъ пользы не меньше самаго евангелія: такого исполнена она любомудрія, такой чистоты догматовъ и такого обилія чудесъ, въ особенности совершенныхъ Духомъ Святымъ. Не будемъ же оставлять ее безъ вниманія, но станемъ тщательно изслѣдовать. Здѣсь можно видѣть исполненіе на дѣлѣ тѣхъ пророчествъ, которыя Христосъ возвѣщаетъ въ евангеліяхъ, истину, сіяющую въ самыхъ событіяхъ, и ве-

(*) Настоящія бесѣды произнесены Святителемъ въ Константинополѣ, въ 400—401 годахъ.

ликую въ ученикахъ перемѣну къ лучшему, совершенную Духомъ Святымъ. Христосъ сказалъ ученикамъ: *всякъ вѣруяй въ мя, дѣла, яже азъ творю, и той сотворитъ, и больши сихъ сотворитъ* (Іоан. 14, 12), и предсказалъ имъ, что они *предъ владыки и цари ведени* будутъ, что ихъ будутъ бить *на сборищахъ ихъ* (Мат. 10, 17. 18), что они подвергнутся жесточайшимъ мукамъ и надъ всѣмъ восторжествуютъ, и что *евангеліе проповѣстся* во всемъ мірѣ (Мат. 24, 14):—все это, равно какъ и еще многое другое, что Онъ говорилъ, обращаясь съ учениками, представляется въ этой книгѣ исполнившимся со всею точностію. Здѣсь же увидишь и то, какъ сами Апостолы какбы на крыльяхъ обтекали землю и море, какъ они, нѣкогда боязливые и немудрые, вдругъ сдѣлались другими людьми, стали презирать богатство и славу, были недоступны ни гнѣву, ни зависти, и сдѣлались рѣшительно выше всего; (увидишь), что они имѣли великое единомысліе, и что между ними никогда уже не было, какъ прежде, ни зависти, ни спора о первенствѣ, а напротивъ, въ нихъ водворилась всякая совершенная добродѣтель, и въ особенности просіяла любовь, о которой и (Христосъ) много заповѣдывалъ имъ, говоря: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35). Можно также найти здѣсь и догматы, которые, еслибы не было этой книги, никому не были бы такъ хорошо извѣстны; да и то, что составляетъ осно-

ваніе нашего спасенія, какъ по отношенію къ жизни, такъ и по отношенію къ догматамъ,— было бы темно и не ясно. Но преимущественно здѣсь описываются дѣянія Павла, болѣе всѣхъ потрудившагося; это по тому, что составителемъ книги былъ его ученикъ, блаженный Лука, котораго добродѣтель можно видѣть какъ изъ многаго другаго, такъ въ особенности изъ того, что онъ неразлучно былъ съ учителемъ и постоянно за нимъ слѣдовалъ. Такъ, когда Димасъ и Ермогенъ оставили (Павла), и одинъ пошелъ въ Галатію, а другой въ Далматію,—послушай, что Павелъ говоритъ о немъ: *Лука единъ есть со мною* (2 Тим. 4, 11). И въ посланіи къ Коринѳянамъ о немъ же говоритъ: *егоже похвала во евангеліи по всѣмъ церквамъ* (2 Кор. 8, 28). Также, когда повѣствуетъ, что (Христосъ) *явися Кифѣ*, потомъ двѣнадцати, и говоритъ: по благовѣствованію, *еже пріясте* (1 Кор. 15, 1. 5); то разумѣетъ евангеліе Луки. Посему не погрѣшитъ тотъ, кто ему припишетъ это твореніе; а когда я говорю: ему, разумѣю—Христа. Если же кто спроситъ: почему же (Лука) не все описалъ, оставаясь съ Павломъ до конца?—то я отвѣчу, что и этого довольно для тѣхъ, которые хотятъ быть внимательными, что (Апостолы) всегда заняты были дѣлами нужнѣйшими, и что главная забота ихъ состояла не въ томъ, чтобы писать книги, такъ какъ они многое сообщили и посредствомъ неписаннаго преданія. Такимъ образомъ все, что заключается въ этой книгѣ, достойно удив-

денія, но въ особенности — то снисхожденіе Апостоловъ, которое внушилъ имъ Духъ Святый, приготовляя ихъ на служеніе слову о домостроительствѣ спасенія. Поэтому-то, говоря столько о Христѣ, они не многое сказали о божествѣ Его, а больше говорили о Его человѣчествѣ, страданіяхъ, воскресеніи и вознесеніи. Теперь имъ прежде всего нужно было удостовѣрить въ томъ, что Онъ воскресъ и вознесся на небо. Посему, какъ самъ Христосъ преимущественно старался показать, что Онъ пришелъ отъ Отца, такъ и Лука (въ особенности доказываетъ), что Онъ воскресъ и вознесся, и отшелъ къ Отцу, и отъ Него пришелъ. Если не вѣрили этому прежде, то тѣмъ болѣе теперь, когда присоединилось воскресеніе и вознесеніе, все ученіе (о Христѣ) казалось Іудеямъ невѣроятнымъ. Поэтому постепенно и мало по малу возводитъ ихъ къ высшему. А въ Аѳинахъ Павелъ назвалъ Его даже просто человѣкомъ (Дѣян. 17, 31), не сказавъ ничего больше, и—поступилъ, какъ слѣдовало. Ибо, если (Іудеи) часто покушались побить камнями самаго Христа, когда Онъ говорилъ о равенствѣ своемъ съ Отцемъ, и называли Его за то хульникомъ; то едва ли бы приняли слово объ этомъ отъ рыбарей, и особенно тогда, когда уже предшествовалъ крестъ.

2. Но зачѣмъ говорить объ Іудеяхъ, когда и сами ученики, внимая высшимъ догматамъ, часто смущались и соблазнялись? — Поэтому Христосъ и говорилъ: *много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (Іоан.

16, 12). Если же не могли они, несмотря на то, что столько времени обращались съ Нимъ, и были участниками столькихъ таинъ, и видѣли столько чудесъ; то какъ могли люди, только что отставшіе отъ капищъ, идоловъ и жертвоприношеній, отъ кошекъ и крокодиловъ (таково было языческое богопочтеніе) и отъ прочихъ золъ, тотчасъ принять высокія вѣщанія о догматахъ? Да и самые Іудеи, которымъ ежедневно заповѣдуетъ и внушаетъ законъ: *слыши, Израилю, Господь Богъ твой Господь единъ есть*, и кромѣ Его нѣтъ другаго (Втор. 6, 4), которые видѣли Христа пригвожденнымъ къ древу крестному, которые даже сами распяли и погребли Его, но не видѣли воскресшимъ, — и Іудеи, слыша, что Онъ-то и есть Богъ и что Онъ равенъ (Отцу), не должны ли были скорѣе всѣхъ отступить и удалиться? Поэтому-то (Апостолы) постепенно и мало по малу возводятъ ихъ къ понятіямъ высшимъ и, съ одной стороны, выказываютъ великое снисхожденіе, а съ другой, пользуются обильнѣйшею благодатію Духа и именемъ (Христа) творятъ чудеса еще бо̀льшія, нежели какія Онъ самъ сотворилъ, чтобы посредствомъ того и другаго воздвигнуть лежащихъ долу и удостовѣрить въ словѣ о воскресеніи. И настоящая книга, дѣйствительно, содержитъ въ себѣ по преимуществу доказательства воскресенія, такъ какъ увѣровавшему въ это уже легко было принять и все прочее. Итакъ вотъ въ чемъ, говоря вообще, преимущественно состоитъ содержаніе и главная цѣль

этой книги! Послушаемъ теперь самое ея вступленіе. *Первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, о Ѳеофиле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити* (ст. 1). Для чего (Лука) напоминаетъ Ѳеофилу о евангеліи?—Чтобы показать свою точность, такъ какъ въ началѣ той книги онъ говоритъ: *изволися и мнѣ, послѣдовавшу выше вся испытно, поряду писати тебѣ* (Лук. 1, 3), и не довольствуется своимъ только свидѣтельствомъ, но все возводитъ къ Апостоламъ, говоря: *якоже предаша намъ иже исперва самовидцы и слуги бывшіи Словесе* (ст. 2). Поэтому-то, сдѣлавъ достовѣрнымъ свое слово тамъ, онъ и не нуждается здѣсь въ новомъ удостовѣреніи, такъ какъ однажды пріобрѣлъ уже себѣ довѣріе (Ѳеофила) и тѣмъ сочиненіемъ показалъ ему свою точность и истинность. Ибо, кто былъ достоинъ вѣры и кому дѣйствительно вѣрили, когда онъ писалъ то, что слышалъ; тому тѣмъ справедливѣе вѣрить, когда онъ излагаетъ не то, что принялъ отъ другихъ, но— что самъ видѣлъ и слышалъ. Если, говоритъ, ты принялъ (мое повѣствованіе) о Христѣ, то тѣмъ больше (примешь повѣствованіе) объ Апостолахъ. Что же? Развѣ то его сочиненіе (евангеліе) есть только (обыкновенная) исторія, и слово его не причастно Духа? Отнюдь нѣтъ. Почему? По тому, что то, что предали ему *иже исперва самовидцы и слуги бывшіи Словесе*, было отъ Духа. Но почему же онъ не сказалъ: *якоже предаша намъ* удостоившіеся Духа Святаго, но:—*иже исперва самовидцы быв-*

тіи? По тому, что это, то есть, знаніе отъ самовидцевъ, въ особенности придаетъ достовѣрность (повѣствованію), а то для людей неразумныхъ показалось бы даже гордостію и хвастовствомъ. Потому-то и Іоаннъ такъ говорилъ: *азъ видѣхъ и свидѣтельствовахъ, яко сей есть Сынъ Божій* (Іоан. 1, 34). Да и Христосъ также говоритъ Никодиму, когда тотъ былъ еще грубъ: *еже вѣмы, глаголемъ, и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ, и свидѣтельства нашего* никто не пріемлетъ (Іоан. 3, 11). Равнымъ образомъ, желая показать, что о многомъ можно говорить, основываясь и на свидѣтельствѣ зрѣнія, Онъ говорилъ ученикамъ: *и вы свидѣтельствуете* о Мнѣ, *яко искони со мною есте* (Іоан. 15, 27). И сами Апостолы часто такъ говорятъ: свидѣтели мы и Духъ Святый, котораго Богъ далъ повинующимся Ему (Дѣян. 2, 32). А Петръ впослѣдствіи, чтобы увѣрить въ воскресеніи, говорилъ: *иже съ нимъ ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. 10, 41). Вообще (Іудеи и язычники) скорѣе принимали свидѣтельство людей, которые обращались (со Христомъ): потому что были еще очень далеки отъ познанія Духа. Вотъ почему и Іоаннъ въ своемъ евангеліи, повѣствуя о крови и водѣ, говоритъ, что онъ самъ это видѣлъ (Іоан. 19, 45), выставляя свое видѣніе, какъ самое достовѣрное свидѣтельство. Конечно, внушенія Духа несомнѣннѣе (свидѣтельства) зрѣнія, но—не у невѣрныхъ. А что (Лука) былъ причастенъ Духа, это видно изъ многаго:—изъ

знаменій, которыя теперь совершаются, изъ того, что въ то время и простые люди имѣли Духа Святаго, изъ свидѣтельства Павла, который говоритъ о немъ: *егоже похвала во евангеліи* (2 Кор. 8, 18), наконецъ изъ того, что онъ былъ удостоенъ рукоположенія: ибо Павелъ, сказавъ эти слова, прибавилъ: *но и освященъ* (χειροτονηθεις) *отъ церквей съ нами ходити со благодатію сею, служимою нами* (ст. 19).

3. И смотри, какъ онъ далекъ отъ хвастовства. Не говоритъ: первое евангеліе, которое я благовѣстилъ, но: *первое убо слово сотворихъ*,—считая наименованіе евангелія слишкомъ высокимъ для себя. Апостолъ (Павелъ) именно за евангеліе и прославляетъ его, говоря: *егоже похвала во евангеліи;* но самъ онъ смиренно говоритъ: *первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, о Ѳеофиле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити*. Не просто говоритъ: *о всѣхъ*, но—(о всемъ) отъ начала до конца: *даже до дне*, говоритъ, *въ онь же... вознесеся*. Но вѣдь Іоаннъ замѣчаетъ, что невозможно было описать всего, и, чтобы доказать это, говоритъ: *яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню всему міру вмѣстити пишемыхъ книгъ* (Іоан. 21, 35). Какъ же, скажешь, Лука говоритъ о всемъ? Но онъ не сказалъ: все, а: *о всѣхъ*, а это значитъ тоже, что—вообще и сокращенно; или иначе: онъ говоритъ обо всемъ, что особенно важно и нужно. Далѣе показываетъ, въ чемъ именно состоитъ это все. *Яже*, (говоритъ), *начатъ Іисусъ творити же*

и *учити*,—тѣмъ указываетъ на Его чудеса и ученіе, а также и на то, что Онъ училъ самымъ дѣломъ.—Замѣть еще и то, какъ человѣколюбива апостольская душа его: и для одного человѣка онъ столько потрудился, что написалъ цѣлое евангеліе: *да разумѣеши*, говоритъ, *о нихъ же научился еси словесѣхъ, утвержденіе* (Лук. 1, 4),—такъ какъ онъ слышалъ слова Христа: *нѣсть воля* Отца моего, *да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ* (Мат. 18, 14). Но почему онъ составилъ не одну книгу, между тѣмъ какъ посылалъ къ одному Ѳеофилу, а раздѣлилъ ее на двѣ части? Для ясности, а также для того, чтобы дать слушателю время отдохнуть; притомъ же эти писанія различны и по самому содержанію.—Но смотри, какъ Христосъ дѣлами придавалъ достовѣрность своимъ словамъ. Онъ наставлялъ въ кротости и—говорилъ: *научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Маѳ. 11, 29). Училъ быть нестяжательнымъ и—показывалъ это самымъ дѣломъ: *Сынъ человѣческій*, говорилъ Онъ, *не имать, гдѣ главы подклонити* (Мат. 8, 20). Опять, заповѣдывалъ любить враговъ и—наставлялъ этому, молясь на крестѣ за распинателей. Говорилъ: *хотящему судитися съ тобою и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу* (Мат. 5, 20), а Самъ—отдалъ не только свои одежды, но и кровь. Такъ повелѣлъ Онъ поступать и ученикамъ; почему Павелъ и говорилъ: *якоже имате образъ насъ* (Фил. 3, 17). Ибо нѣтъ ничего безполез-

нѣе учителя, который любомудрствуетъ только на словахъ; это свойственно не учителю, а лицемѣру. Поэтому Апостолы прежде учили жизнію, а потомъ словами; да имъ даже и не нужны были слова, потому что громко говорили самыя ихъ дѣла. Не погрѣшитъ также и тотъ, кто самое страданіе Христа назоветъ дѣйствіемъ: ибо чрезъ страданіе Онъ сотворилъ великое и чудное дѣло—разрушилъ смерть и совершилъ все прочее. *Даже до дне, въ оньже заповѣдавъ апостоломъ Духомъ Святымъ, ихже избра, вознесеся* (ст. 2). *Заповѣдавъ духомъ*, то есть, сказавъ имъ слова духовныя, (въ которыхъ не было) ничего человѣческаго. Или такъ надобно понимать эти слова, или такъ, что Онъ заповѣдалъ имъ по внушенію Духа. Видишь, какъ еще уничиженно (Лука) выражается о Христѣ? Такъ и самъ Христосъ говорилъ о Себѣ: *аще ли же азъ о Дусѣ Божіи изгоню бѣсы* (Мат. 12, 27), —такъ такъ и Духъ Святый дѣйствовалъ въ томъ храмѣ. Что же Онъ заповѣдалъ? *Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мат. 28, 19). Великую для Апостоловъ похвалу составляетъ то, что имъ поручено было такое дѣло, то есть, спасеніе вселенной, что имъ ввѣрены были слова, исполненныя Духа,—какъ на это и указываетъ (Лука), когда говоритъ: *Духомъ Святымъ*, разумѣя (слова Христовы): *глаголы, яже азъ глаголахъ вамъ, духъ суть* (Іоан. 6, 63). А говоритъ онъ это для

того, чтобы возбудить въ слушателѣ желаніе— узнать заповѣди, и чтобы сдѣлать Апостоловъ достовѣрными, такъ какъ они будутъ возвѣщать слова Духа и заповѣди Христовы. *Заповѣдавъ, вознесеся* (ἀνελήφθη). Не сказалъ (Лука): возшелъ (ἀνέβη), потому что все еще говоритъ о Немъ, какъ о человѣкѣ. Итакъ Христосъ училъ учениковъ и послѣ воскресенія, но никто не изложилъ намъ съ подробностію всего, что происходило въ то время. Болѣе другихъ повѣствуютъ объ этомъ Іоаннъ и писатель настоящей книги, но всего никто не разсказалъ ясно: потому что всѣ заботились о другомъ. Узнали же мы объ этомъ отъ Апостоловъ, такъ какъ они, что слышали, то и говорили. *Предъ нимиже и постави себе жива* (ст. 3). Сказавши сначала о вознесеніи, говоритъ теперь и о воскресеніи. Такъ какъ сказалъ: *вознесеся*, то, чтобы ты не подумалъ, что Онъ вознесенъ былъ другими,—прибавилъ: *предъ нимиже и постави себе жива:* ибо, если Онъ самъ совершилъ дѣло большее, то тѣмъ болѣе—меньшее.

4. Видишь, какъ незамѣтно (повѣствователь) привсѣваетъ эти великіе догматы? *Денми четыредесятми являяся имъ* (ст. 3). Въ то время Христосъ уже не постоянно былъ съ Апостолами,—не такъ, какъ до воскресенія. Замѣть, не сказалъ (Лука): четыредесять дней, но: *денми четыредесятми*, такъ какъ Христосъ являлся и опять скрывался. Для чего такъ? Дабы возвысить мысли учениковъ и не допустить ихъ обращаться съ Нимъ по прежнему.

И не безъ причины Онъ являлся имъ, но по тому, что тщательно заботился объ устроеніи двухъ вещей,—о томъ, чтобы повѣрили воскресенію, и чтобы, наконецъ, думали о Немъ выше, чѣмъ о простомъ человѣкѣ. Хотя эти (два дѣла) были противоположны одно другому,—такъ какъ для увѣренія въ воскресеніи надлежало быть многому человѣческому, а для убѣжденія въ томъ, (что Онъ выше человѣка)—напротивъ; тѣмъ не менѣе однакожъ и то и другое сдѣлано было въ надлежащее время. Почему же Онъ явился не всѣмъ, а только Апостоламъ? По тому, что народу, не знавшему неизреченнаго таинства, Онъ показался бы привидѣніемъ. Если и сами Апостолы сначала не вѣрили, приходили въ смущеніе и нуждались въ прикосновеніи рукою и въ (общеніи) трапезы, то чего слѣдовало ожидать отъ народа? Поэтому-то воскресеніе неопровержимо доказывается чудесами, для того, чтобы оно было несомнѣнно не только для современниковъ, но и для всѣхъ родовъ послѣдующихъ. Что у первыхъ происходило оттого, что они видѣли чудеса, то у всѣхъ послѣдующихъ должно было происходить отъ вѣры. Поэтому отсюда заимствуемъ мы доказательства и противъ невѣрныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ не воскресъ, но пребываетъ умершимъ, то какимъ образомъ Апостолы совершали чудеса Его именемъ? Но они не совершали чудесъ? Въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ составился нашъ (христіанскій) родъ? Этого невѣрные, конечно, уже не станутъ отвергать и не будутъ спорить

противъ того, что видятъ; а потому, когда они говорятъ, что знаменій не было, то тѣмъ еще больше опровергаютъ сами себя. Въ самомъ дѣлѣ, то было бы величайшее чудо, еслибы безъ чудесъ вся вселенная прибѣгла (ко Христу), бывъ уловлена двѣнадцатью бѣдными и неучеными людьми. Не множествомъ богатства, не мудростію слова, не другимъ чѣмъ нибудь подобнымъ побѣдили (рыбари), такъ что по неволѣ надобно признать, что въ нихъ была сила божественная, такъ какъ сила человѣческая никогда не могла бы столько сдѣлать. Поэтому-то и самъ (Христосъ) оставался (на землѣ) послѣ воскресенія сорокъ дней, давая видѣть Себя въ теченіе продолжительнаго времени, дабы (ученики) не считали видимаго привидѣніемъ. Да и этимъ Онъ не удовольствовался, но присовокупилъ еще и трапезу, о чемъ далѣе и говоритъ (Лука): *съ нимиже и ядый* (ст. 4). Это всегда и Апостолы поставляли свидѣтельствомъ воскресенія, говоря: *иже съ нимъ ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. 10, 41). А что̀ Христосъ дѣлалъ во время своихъ явленій, это показано въ послѣдующихъ словахъ: *являяся имъ и глаголя яже о царствіи Божіи* (ст. 3). Поелику же Апостолы были опечалены и устрашены тѣмъ, что прежде совершилось, а между тѣмъ, имъ надлежало уже выступить на великіе подвиги; то Онъ, ободряя ихъ словами о будущемъ, *повелѣ имъ отъ Іерусалима не отлучатися, но ждати обѣтованія Отча* (ст. 4). Сначала, когда они еще боялись и страшились, Онъ извелъ ихъ въ Га-

лилею, чтобы они безъ страха могли слушать слова Его; потомъ, когда они выслушали и провели съ Нимъ сорокъ дней,—*повелѣ (имъ) отъ Іерусалима не отлучатися*. Для чего такъ? Какъ воинамъ, намѣревающимся напасть на толпу, никто не позволитъ выступить прежде, чѣмъ они будутъ вооружены; какъ конямъ не позволятъ выбѣжать на ристалище прежде, чѣмъ у нихъ будетъ возница: такъ и имъ (Господь) не дозволяетъ выступить на борьбу прежде сошествія Св. Духа, дабы множество (враговъ) легко не одолѣло и не плѣнило ихъ. И не только поэтому (повелѣваетъ не отлучаться отъ Іерусалима), но и по тому, что тамъ многіе имѣли увѣровать. Къ тому же, чтобы не сказалъ кто-нибудь, что они, оставивъ своихъ знаемыхъ, пошли хвастать къ иноземцамъ, — и для этого они предъ тѣми самыми, которые умертвили (Христа), представляютъ доказательства Его воскресенія,—предъ тѣми самыми, которые распяли и погребли Его, въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ дерзнули совершить это беззаконное дѣло, такъ что чрезъ это заграждены были уста и всѣмъ иноземцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если сами распявшіе Его явятся въ числѣ увѣровавшихъ, то, очевидно, это будетъ явнымъ знакомъ и креста, и беззаконія поступка (Іудеевъ), и великимъ доказательствомъ воскресенія. А чтобы ученики не сказали: какъ мы, когда насъ такъ мало и мы такъ ничтожны,—какъ мы въ состояніи будемъ жить среди такого множества людей нечестивыхъ и дышущихъ убійствомъ,—

смотри, какъ Онъ избавляетъ ихъ отъ этого страха словами: *но ждати обѣтованія Отча, еже слышасте отъ мене* (ст. 4). Когда же, скажешь, они слышали? Тогда, какъ Онъ говорилъ: *уне есть вамъ, да азъ иду: аще бо не иду азъ, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ* (Іоан. 16, 7). И опять: *азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя* пошлетъ *вамъ, да будетъ съ вами* (Іоан. 14, 16).

5. Но почему (Духъ Святый) пришелъ не тогда, какъ Христосъ былъ еще (на землѣ), и не тотчасъ послѣ Его отшествія, но между тѣмъ, какъ Христосъ вознесся въ сороковой день, Духъ Святый пришелъ, *егда скончавашася дніе пятдесятницы* (Дѣян. 2, 1)? И какимъ образомъ, когда Духа еще не было, Христосъ говорилъ: *пріимите Духъ Святъ* (Іоан. 20, 22)? Это для того, чтобы приготовить учениковъ и сдѣлать ихъ способными къ Его принятію. Ибо, если Даніилъ пришелъ въ изнеможеніе отъ того, что долженъ былъ увидѣть Ангела (Дан. 8, 17), то тѣмъ больше (изнемогли бы) они, имѣвшіе принять столь великую благодать. Или такъ нужно понимать эти слова, или такъ, что Христосъ говорилъ о будущемъ, какъ уже о совершившемся, подобно тому, какъ говорилъ: наступайте *на змію, и на скорпію, и на всю силу вражію* (Лук. 10, 19). Но почему же Духъ Святый не тотчасъ пришелъ? Апостолы должны были воспламениться желаніемъ этого событія и тогда уже получить благодать; поэтому Духъ Святый пришелъ тогда, когда Хри-

стосъ отошелъ. А еслибы Онъ пришелъ въ то время, какъ (Христосъ) былъ еще на (земле),—въ нихъ не было бы такого ожиданія. По той же причинѣ Онъ пришелъ и не тотчасъ послѣ вознесенія Христова, но спустя восемь или девять дней. Такъ и мы тогда особенно обращаемся къ Богу, когда бываемъ поставлены въ какую нибудь нужду. Поэтому и Іоаннъ тогда посылаетъ учениковъ ко Христу, когда они въ особенности должны были нуждаться въ Іисусѣ, такъ какъ самъ онъ былъ уже въ темницѣ. А съ другой стороны, надлежало, чтобы сначала наше естество явилось на небесахъ, и вполнѣ совершилось примиреніе, и потомъ уже пришелъ Духъ, и (ученики) исполнились чистой радости. Еслибы по пришествіи Духа Святаго Христосъ удалился, а Духъ Святый пребылъ (на землѣ), то въ этомъ не было бы для нихъ столько утѣшенія, такъ какъ они были очень привязаны ко Христу,—почему Онъ и говорилъ, утѣшая ихъ: *уне есть вамъ, да азъ иду* (Іоан. 16, 7). Поэтому Онъ и отлагаетъ на нѣсколько дней (ниспосланіе Св. Духа), чтобы они, испытавъ печаль и почувствовавъ, какъ я сказалъ, нужду, вполнѣ насладились чистою радостію. А еслибы Духъ былъ меньше Его, то этого утѣшенія было бы недостаточно. Да и какъ бы Онъ могъ сказать: *уне есть вамъ?* Для этого и предоставлена Духу Св. большая часть ученія, чтобы не считали Его меньшимъ. Замѣть, въ какую необходимость—быть въ Іерусалимѣ Христосъ поставилъ учениковъ

тѣмъ, что обѣщалъ даровать тамъ Духа. Чтобы они опять не разбѣжались послѣ Его вознесенія,—этимъ ожиданіемъ, какбы нѣкіими узами, Онъ всѣхъ ихъ тамъ удерживаетъ. Сказавши же: *ждати обѣтованія Отча, еже слышасте отъ мене*, прибавилъ: *яко Іоаннъ убо крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ не по мнозѣхъ сихъ днехъ* (ст. 5). Здѣсь, наконецъ, Онъ показываетъ различіе между Собою и Іоанномъ, и уже не прикровенно, какъ прежде. Прежде Онъ очень прикрылъ свою рѣчь, сказавъ: *мній во царствіи небеснѣмъ болій его есть* (Мат. 11, 11); но теперь говоритъ гораздо яснѣе: *Іоаннъ крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ*. Уже не приводитъ самаго свидѣтельства его (Мат. 3, 11. 12), но только указываетъ на его лице и тѣмъ самымъ напоминаетъ о томъ, что было имъ сказано, и показываетъ, что они стали уже выше Іоанна, такъ какъ и они имѣли крестить Духомъ. И не сказалъ: васъ же Я крещу Духомъ Святымъ, но: *имате креститися*, научая насъ смиренномудрію. А что именно Онъ крестилъ, это уже очевидно было изъ свидѣтельства Іоанна, который сказалъ: *той вы крестить Духомъ Святымъ и огнемъ* (Лук. 3, 16),—почему Христосъ и упомянулъ о немъ одномъ. Итакъ евангелія повѣствуютъ о томъ, что сдѣлалъ и сказалъ Христосъ, а Дѣянія—о томъ, что сказалъ и сдѣлалъ другой Утѣшитель. Конечно, Духъ Св. многое совершилъ и прежде,

такъ какъ и Христосъ дѣйствуетъ и нынѣ, какъ (дѣйствовалъ) прежде; но прежде—чрезъ храмъ, а теперь—чрезъ Апостоловъ. Тогда Онъ вошелъ въ дѣвственную утробу и образовалъ (въ ней) храмъ, а теперь—въ души апостольскія; тогда (низшелъ) въ видѣ голубя, а теперь—въ видѣ огня. Почему такъ? Тамъ показывалъ кротость, а здѣсь строгость, напоминая благовременно о судѣ. Ибо, когда надлежало простить грѣхи, нужна была великая кротость; а какъ скоро мы получили этотъ даръ, время уже суда и испытанія. Но почему Христосъ говоритъ: *имате креститися*, когда въ горницѣ не было воды? — Потому что самое главное (въ крещеніи) есть Духъ, чрезъ котораго дѣйствуетъ и вода. Подобнымъ образомъ и о самомъ Христѣ говорится, что Онъ былъ помазанъ, хотя Онъ никогда не былъ помазанъ елеемъ, а получилъ СвятагоДуха. Впрочемъ, можно видѣть, что они были крещены и водою, и (крещены) въ различныя времена. У насъ то и другое (крещеніе, т. е., водою и Духомъ) бываетъ вмѣстѣ, а тогда (было) раздѣльно. Въ началѣ они крещены были отъ Іоанна, — и это не удивительно. Если блудницы и мытари шли къ этому крещенію, то тѣмъ скорѣе (пришли) тѣ, которые послѣ должны были креститься Духомъ Святымъ. Потомъ, чтобы они не сказали: «это все еще только обѣщаніе», — такъ какъ Онъ и прежде много говорилъ объ этомъ, и чтобы не подумали, что это дѣйствіе не осуществимое,— Онъ отводитъ ихъ отъ такого предположенія

словами: *не по мнозѣхъ сихъ днехъ.*—Когда именно, этого не объявилъ, чтобы они всегда бодрствовали; сказалъ, что будетъ скоро, чтобы они не ослабѣли, но не присоединилъ, когда именно, чтобы всегда были бдительны. И не этимъ только увѣряетъ ихъ, то есть, не краткостію только времени, но и словами: *обѣтованія, еже слышасте отъ мене* (ст. 4). Это значитъ: не теперь только Я сказалъ вамъ, но и прежде обѣщалъ это, и непремѣнно исполню. Итакъ, что же ты удивляешься, что Онъ не сказалъ дня кончины (міра), когда и этого дня, столь близкаго, не восхотѣлъ объявить? И это Онъ сдѣлалъ совершенно справедливо,—дабы они всегда бодрствовали, ожидали и заботились.

6. Невозможно, поистинѣ невозможно сподобиться благодати тому, кто не бодрствуетъ. Развѣ не знаешь, что говоритъ Илія своему ученику? *Аще узриши мя вземлема (отъ тебе), будетъ ти тако* (4 Цар. 2, 10),—то есть, дастся тебѣ то, чего ты просишь. И Христосъ всегда говорилъ приходящимъ къ Нему: вѣруешь ли? Ибо, если мы не освоимся съ тѣмъ, что даруется, то не будемъ вполнѣ чувствовать и благодѣянія. Такъ и на Павла не тотчасъ сошла благодать, но напередъ прошло три дня, въ которые онъ былъ слѣпъ, томился страхомъ и приготовлялся. Какъ тѣ, которые окрашиваютъ багряницу, сначала нѣкоторыми другими веществами подготовляютъ матерію, назначаемую для краски, чтобы цвѣтъ вышелъ не линючій: такъ и здѣсь Богъ сначала уготовляетъ

содрѣтвенную душу, и тогда уже поливаетъ благодать. Поэтому-то и не тотчасъ Онъ послалъ Духа, но въ пятьдесятницу. Если же кто спроситъ: почему же и мы не крестимъ въ это время; то я отвѣчу, что благодать и въ пятьдесятницу, и нынѣ, одна и таже, но душа теперь бываетъ возвышеннѣе, потому что приготовляется постомъ. Да и время пятьдесятницы имѣетъ также не несообразное съ этимъ значеніе. Какое же именно? Отцы наши считали крещеніе достаточною уздою для злаго вожделѣнія и великимъ урокомъ—жить цѣломудренно и во время самаго веселія. Поэтому, какбы вкушая съ самимъ Христомъ и участвуя въ Его трапезѣ, не станемъ ничего дѣлать просто, но пребудемъ въ постѣ, молитвѣ и въ великомъ воздержаніи. Если тотъ, кто хочетъ получить мірское начальство, приготовляетъ для себя все необходимое для жизни и, чтобы достигнуть какого либо достоинства, тратитъ деньги, не жалѣетъ времени, переноситъ безчисленныя труды: то чего достойны мы, когда съ такимъ нерадѣніемъ приступаемъ къ царству небесному, не заботимся о немъ прежде, чѣмъ получимъ, и нерадимъ, когда получимъ? А отъ того мы и бываемъ нерадивы послѣ полученія, что не были бдительны до полученія. Поэтому-то многіе тотчасъ послѣ полученія возвратились на *свою блевотину* (2 Петр. 2, 22), сдѣлались худшими и навлекли на себя тягчайшее наказаніе. Они освободились отъ прежнихъ грѣховъ, но потому-то особенно и прогнѣвали Судію, что, и

освободившись отъ такого недуга, не исправились, но потеряли то, чѣмъ Христосъ угрожалъ разслабленному, говоря: *се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5, 14), и что Онъ предсказывалъ объ Іудеяхъ, показывая, что они неисцѣльно пострадутъ за свою неблагодарность: *аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли* (Іоан. 15, 22). Такъ грѣхи, совершаемые послѣ (крещенія), бываютъ вдвое и вчетверо тяжелѣе. Почему? Потому что, сподобившись чести, мы являемся неблагодарными и злыми. Поэтому-то купель (крещенія) нисколько не облегчаетъ для насъ наказанія. Замѣть: имѣлъ ли кто тяжкіе грѣхи (до крещенія), совершилъ ли, напримѣръ, убійство, или прелюбодѣяніе, или сдѣлалъ что нибудь другое, еще тягчайшее,—все это отпускается чрезъ купель крещенія. Нѣтъ, подлинно нѣтъ никакого грѣха и нечестія, которое бы не уступило этому дару и не было его ниже, потому что это — божественная благодать. Но если кто опять впалъ въ прелюбодѣяніе и совершилъ убійство, то, хотя прежнее прелюбодѣяніе разрѣшено и то убійство отпущено, и уже не воспоминается, такъ какъ *нераскаянна дарованія и званія Божія* (Рим. 11, 29),—тѣмъ не менѣе за эти грѣхи, содѣланные послѣ крещенія, мы подвергаемся такому же наказанію, какбы и прежніе были воспомянуты, и даже гораздо большему. Ибо это уже не просто грѣхъ, но грѣхъ двойной и тройной. А что за эти грѣхи (ожидаетъ) боль-

шее осужденіе, — послушай, что говоритъ Павелъ: *отвергся кто закона Моисеова, безъ милосердія при двоихъ или тріехъ свидѣтелехъ умираетъ. Колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый, и кровь завѣтную скверну возмнивъ, и Духа благодати укоривый* (Евр. 10, 28. 29). Можетъ быть, я многихъ отвлекъ теперь отъ принятія крещенія? Но я сказалъ это не съ тою цѣлію, а для того, чтобы принявшіе (крещеніе) пребывали въ цѣломудріи и воздержаніи. Но я боюсь, скажетъ кто нибудь? Еслибы ты боялся, то принялъ бы и сталъ бы хранить. Но по тому-то самому, скажешь, я и не принимаю, что боюсь (не сохранить)? А такъ (безъ крещенія) отойти не боишься? Богъ, скажешь, человѣколюбивъ. Потому-то и прими крещеніе, что Онъ человѣколюбивъ и помогаетъ намъ. Но ты, когда нужно позаботиться (о крещеніи), не представляешь себѣ этого человѣколюбія; а когда хочешь отложить его, тогда объ немъ вспоминаешь, между тѣмъ, какъ это человѣколюбіе имѣетъ мѣсто въ первомъ случаѣ, и мы въ особенности удостоимся его тогда, когда и съ своей стороны привнесемъ, что слѣдуетъ. Кто во всемъ положился на Бога, тотъ, если и согрѣшитъ, какъ человѣкъ, послѣ крещенія, чрезъ покаяніе сподобится человѣколюбія; а кто, мудрствуя о человѣколюбіи Божіемъ, отойдетъ (отсюда) чуждымъ благодати, тотъ подвергнется неизбѣжному наказанію. Зачѣмъ же ты поступаешь такъ противъ своего спасенія?

Невозможно, совершенно невозможно, какъ я, по крайней мѣрѣ, думаю, чтобы человѣкъ, который отлагаетъ (крещеніе), обольщая себя такими надеждами, сдѣлалъ что нибудь возвышенное и доброе. Для чего ты принимаешь на себя такой страхъ и прикрываешься неизвѣстностію будущаго? Почему не перемѣнишь этого страха на трудъ и стараніе, чтобы быть великимъ и достославнымъ? Что лучше—бояться, или трудиться? Еслибы кто нибудь посадилъ тебя безъ всякаго дѣла въ разваливающемся домѣ и сказалъ: «берегись, чтобы не упалъ на твою голову потолокъ, такъ какъ онъ уже гнилъ: можетъ быть, онъ упадетъ, а можетъ быть, и не упадетъ; если же ты не хочешь этого, то трудись и живи въ зданіи крѣпкомъ»,—что̀ бъ ты предпочелъ? Праздность ли ту, соединенную со страхомъ, или этотъ трудъ—съ увѣренностью въ безопасности? Поступай же такъ точно и теперь. Неизвѣстное будущее, это — какбы истлѣвшій домъ, всегда угрожающій паденіемъ; а этотъ трудъ, хотя соединяется съ утомленіемъ, но обѣщаетъ безопасность.

7. Итакъ, не дай Богъ, чтобы мы подверглись великому несчастію — грѣшить послѣ купели. Но если и случится что нибудь подобное, то и въ этомъ случаѣ не будемъ отчаяваться. Богъ человѣколюбивъ и открылъ намъ много путей къ полученію прощенія и послѣ (крещенія). И какъ тѣ, которые грѣшатъ послѣ купели, по тому самому наказываются больше оглашенныхъ, такъ и тѣ, которые знаютъ, что есть

врачевство покаянія и не хотять имъ пользоваться, подвергнутся тягчайшему наказанію. Ибо, чѣмъ больше расширяется человѣколюбіе Божіе, тѣмъ больше умножится наказаніе, если мы должнымъ образомъ не воспользуемся человѣколюбіемъ. Что ты говоришь, человѣкъ? Ты былъ исполненъ такого множества золъ, ты былъ безъ всякой надежды на спасеніе,—и внезапно сдѣлался другомъ (Божіимъ) и возведенъ на высшую почесть—не за свои подвиги, но по дару Божію. Ты опять возвратился къ прежнимъ постыднымъ дѣламъ, за что и заслуживалъ бы тяжкаго наказанія; но Господь и при этомъ не отвратился отъ тебя, далъ безчисленныя средства ко спасенію, чрезъ которыя (опять) можешь сдѣлаться Его другомъ. Такъ (поступаетъ) Богъ, а ты и при этомъ не хочешь потрудиться? Какого же, наконецъ, ты будешь достоинъ прощенія? И не справедливо ли будутъ смѣяться надъ тобою язычники, какъ надъ какимъ нибудь трутнемъ, живущимъ попусту и напрасно? Если ваше любомудріе, скажутъ они, имѣетъ силу, то объясните, что значитъ это множество не посвященныхъ? Прекрасны и вожделѣнны таинства, но пусть никто не принимаетъ крещенія, когда уже разлучается съ душею. Тогда—время не таинствъ, но завѣщанія; а время таинствъ—здравіе ума и цѣломудріе души. Скажи мнѣ: если никто не рѣшится написать завѣщаніе, находясь въ такомъ состояніи, а если и напишетъ, то дастъ возможность впослѣдствіи опровергнуть его, — почему и начинаютъ завѣ-

щанія вотъ этими словами: «я, при жизни, находясь въ полномъ и здравомъ разумѣ, дѣлаю распоряженіе о своемъ имуществѣ»; то какъ возможно тому, кто потерялъ сознаніе, быть правильно посвященнымъ въ таинства? Если мірскіе законы не позволяютъ составлять завѣщанія о житейскихъ вещахъ человѣку, не вполнѣ владѣющему разумомъ, и несмотря на то, что онъ будетъ распоряжаться своимъ имуществомъ; то какъ ты, наставляемый (въ ученіи) о небесномъ царствіи и о тѣхъ неизреченныхъ благахъ, въ состояніи будешь ясно все узнать, когда отъ болѣзни часто теряешь и разсудокъ? Да и какъ ты скажешь Христу, спогребаясь съ Нимъ, тѣ слова, когда ты уже отходишь? И въ дѣлахъ, и въ словахъ, надобно выказывать къ Нему расположеніе. А ты дѣлаешь тоже, какъ еслибы кто захотѣлъ записаться въ число воиновъ, когда война уже оканчивается, или какъ еслибы борецъ сталъ снимать съ себя платье, когда бывшіе на зрѣлищѣ уже встали. Ты берешь оружіе не для того, чтобы тотчасъ отступить, но чтобы, взявши, одержать побѣду надъ противникомъ. Пусть никто не считаетъ слова объ этомъ безвременнымъ по тому, что теперь не четыредесятница. О томъ-то я и сокрушаюсь, что вы наблюдаете время въ подобныхъ дѣлахъ. Вѣдь евнухъ (Дѣян. 8, 27), несмотря на то, что былъ варваромъ, путешествовалъ и находился среди большой дороги, не разсуждалъ о времени. Такъ точно (поступилъ) и темничный стражъ (Дѣян. 16, 29), хотя находился среди узниковъ,

видѣлъ учителя избитымъ и связаннымъ, и полагалъ, что онъ еще останется въ темницѣ. А теперь многіе, несмотря на то, что живутъ не въ темницѣ и не въ пути находятся, отлагаютъ (свое крещеніе), и отлагаютъ до послѣдняго издыханія.

8. Итакъ, если ты еще сомнѣваешься въ томъ, что Христосъ есть Богъ, то стой внѣ (церкви), не слушай божественныхъ словъ и не считай себя въ числѣ оглашенныхъ. Если же не сомнѣваешься и ясно знаешь это; то зачѣмъ медлишь? Зачѣмъ уклоняешься и откладываешь? Боюсь, говоришь, какъ бы не согрѣшить. А не боишься того, что страшнѣе,—какбы не отойти туда съ такимъ тяжкимъ бременемъ? Вѣдь не все равно—не принять благодати предлагаемой и, рѣшившись жить добродѣтельно, — погрѣшить. Скажи мнѣ: если станутъ обвинять тебя, зачѣмъ ты не приступилъ (къ крещенію), почему не жилъ добродѣтельно,—что ты скажешь? Тамъ ты еще можешь, пожалуй, сослаться на тяжесть заповѣдей и добродѣтели; но здѣсь нѣтъ ничего такого, здѣсь — благодать, туне дающая свободу. Ты боишься, какъ бы не согрѣшить? Говори это послѣ крещенія, тогда имѣй этотъ страхъ,—для того, чтобы сохранить дерзновеніе, которое ты получилъ, а не для того, чтобы уклоняться отъ такого дара. А то, до крещенія ты благочестивъ, а послѣ крещенія—нерадивъ. Но ты ожидаешь времени четыредесятницы? Для чего? Развѣ это время имѣетъ что нибудь особенное? Апостолы не въ пасху удостоились

благодати, но въ другое время; также не пасхальное было время, когда крестились три тысячи и пять тысячъ, равно какъ Корнилій, евнухъ и весьма многіе другіе. Итакъ не будемъ выжидать времени, чтобы чрезъ медленность и отлагательство не лишиться такихъ благъ и не отойти безъ нихъ. Какъ, думаете вы, я скорблю, когда слышу, что кто нибудь отошелъ отсюда, не бывъ посвященъ въ таинства, и представляю себѣ тѣ нестерпимыя муки и неизбѣжное наказаніе! Какъ опять я сокрушаюсь, когда вижу другихъ, дошедшихъ до послѣдняго издыханія, но и тѣмъ не вразумляющихся! Посему-то и происходитъ многое, недостойное этого дара. Слѣдовало бы веселиться, ликовать, радоваться и украшаться вѣнцами, когда кто нибудь посвящается въ таинства; а (у насъ) жена больнаго, когда услышитъ, что врачъ присовѣтовалъ это, сокрушается и плачетъ, какъ о какомъ нибудь несчастіи; вездѣ въ домѣ вопли и стенанія, какъ будто бы преступника отводили на казнь. Да и самъ больной тогда въ особенности печалится; а если выздоровѣетъ, то еще больше сокрушается, какъ будто ему сдѣлали великое зло. Такъ какъ онъ не былъ приготовленъ къ добродѣтели, то лѣнится и уклоняется отъ слѣдующихъ затѣмъ подвиговъ. Видишь, какія козни устрояетъ діаволъ, какому (подвергаетъ) стыду, какому посмѣянію? Освободимся же отъ этого посмѣянія. Будемъ жить, какъ Христосъ заповѣдалъ. Не для того Онъ далъ крещеніе, чтобы мы, принявши его, отошли (въ вѣчность),

не чтобы, поживши, показали плоды. Какъ скажешь: «приноси плоды» тому, кто уже отходитъ, кто уже отсѣченъ? Не слышалъ ли, что *плодъ духовный есть любы, радость, миръ* (Гал. 5, 22)? Какъ же происходитъ противное? Жена стоитъ въ слезахъ, когда бы слѣдовало радоваться; дѣти рыдаютъ, когда бы нужно было веселиться; самъ больной лежитъ мраченъ, въ страхѣ и смущеніи, когда бы должно было торжествовать: онъ весь въ печали отъ мысли о сиротствѣ дѣтей, о вдовствѣ жены, о запустѣніи дома. Такъ ли, скажи мнѣ, приступаютъ къ таинствамъ? Такъ ли пріобщаются священной трапезы? Можно ли это снести? Если царь пошлетъ указъ объ освобожденіи узниковъ изъ темницы,—бываетъ веселіе и радость; а когда Богъ посылаетъ съ небесъ Духа Святаго и прощаетъ не денежныя недоимки, но всѣ вообще грѣхи, — вы всѣ плачете и сокрушаетесь! Что это за несообразность? Не говорю еще о томъ, что и на мертвыхъ была изливаема вода, и на землю была повергаема святыня; но не мы въ этомъ виноваты, а люди безразсудные. Посему умоляю васъ,—оставимъ все, обратимся къ себѣ самимъ и со всею ревностію приступимъ ко крещенію, чтобы, показавъ и въ настоящей жизни великое стараніе, получить и будущее дерзновеніе, котораго и да сподобимся всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 2.

Они же убо сошедшеся вопрошаху его, глаголюще: Господи, аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево (Дѣян. 1, 6);

Ученики, намѣреваясь о чемъ-нибудь спросить (Господа), приступаютъ къ Нему всѣ вмѣстѣ,— и это дѣлаютъ для того, чтобы самою многочисленностію своею склонить Его къ отвѣту. Они знали, что прежнія слова Его: *о дни томъ никтоже вѣсть* (Мат. 24, 36), сказаны Имъ для отклоненія отъ Себя вопроса,—не по незнанію, но по нежеланію отвѣчать. Поэтому-то опять приступаютъ къ Нему и спрашиваютъ; а они не спросили бы, еслибы дѣйствительно были убѣждены (въ Его незнаніи). Такъ какъ они услышали, что получатъ Духа Святаго, то хотѣли узнать (то время), какъ уже достойные того и готовые избавиться (отъ бѣдъ). Они не хотѣли повергнуть себя въ опасности, но (желали) насладиться покоемъ, такъ какъ не маловажно было то, что уже съ ними случилось, а напротивъ, они находились въ крайней опасности. Поэтому-то, ничего не сказавъ о Духѣ, они спрашиваютъ: *Господи, аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Исраилево?* Не сказали: когда, но: не нынѣ ли?—такъ желали они узнать

этотъ день. Поэтому-то и приступаютъ съ великою почтительностію. А мнѣ кажется, что они не совсѣмъ ясно и понимали, что такое это царствіе, такъ какъ не были еще научены Духомъ. И не сказали: когда это будетъ?—но что? *Аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево*,—какъ будто оно уже разрушилось. Такъ спрашивали они по тому, что все еще привязаны были къ предметамъ чувственнымъ, хотя и не столько, сколько прежде. Они еще не сдѣлались лучшими; впрочемъ, о Христѣ думали уже выше. А такъ какъ они возвысились, то и Онъ бесѣдуетъ съ ними возвышеннѣе; уже не говоритъ имъ, что *о дни томъ* даже и Сынъ не знаетъ (Марк. 13, 32), но что?—*Нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти* (ст. 7). Слишкомъ многаго, говоритъ, домогаетесь,—хотя, впрочемъ, они знали уже и то, что было гораздо важнѣе. А чтобы ты въ этомъ увѣрился,—смотри, сколь многое я перечислю. Скажи мнѣ, что важнѣе того, что имъ было открыто? Они узнали, что Христосъ есть Сынъ Божій, и что Богъ имѣетъ Сына равночестнаго; узнали, что будетъ воскресеніе; узнали, что Христосъ вознесся и возсѣлъ одесную Отца. Узнали и то, что еще изумительнѣе, — что плоть сѣдитъ горѣ и что ей поклоняются Ангелы. Узнали, что Господь опять придетъ судить весь міръ и что тогда и они сядутъ судіями двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ; узнали, что Іудеи отвержены и что вмѣсто ихъ войдутъ въ царствіе Божіе язычники. Знать,

что это будетъ,—дѣло великое; а знать, что кто нибудь или когда нибудь будетъ царствовать,—въ этомъ нѣтъ ничего великаго. Павелъ узналъ то, чего *не лѣть есть человѣку глаголати* (2 Кор. 12, 4), узналъ все, что предшествовало этому міру. Что труднѣе узнать: начало или конецъ? Очевидно,—первое. А это узналъ Моисей и, исчисляя годы, показываетъ, когда (это было) и за сколько времени. Зналъ это и Соломонъ, почему и говорилъ: *помяну яже отъ вѣка* (Пр. 8, 21). Итакъ, что (то время) близко, объ этомъ впослѣдствіи узнали и Апостолы, какъ Павелъ и говоритъ: *Господь близъ, ни о чемъ же пецытеся* (Фил. 4, 5); но тогда еще не знали, хотя имъ и были указаны признаки. И Христосъ, какъ (прежде) сказалъ: *не по многихъ сихъ днехъ* (ст. 5), но точно не означилъ времени, для того, чтобы они всегда бодрствовали; такъ поступаетъ и теперь. Съ другой стороны, и они здѣсь спрашиваютъ не о кончинѣ (міра), но о царствіи, почему и говорятъ: *аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево?* Но Онъ и этого не открылъ имъ. А о концѣ (міра) они также спрашивали Его еще прежде; но тогда Онъ отвѣчалъ имъ съ суровостію, дабы они не думали, что освобожденіе ихъ близко, и подвергъ ихъ опасностямъ, а теперь не такъ, но—съ большею кротостію. И чтобы (слова Его) не показались имъ обидными и только отговоркою,—послушай, какъ Онъ тотчасъ обѣщаетъ даровать имъ то, о чемъ они будутъ радоваться,—и именно, Онъ прибавляетъ:

но пріимете силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете мй свидѣтели во Іерусалимѣ же и во всей Іудеи, и Самаріи, и даже до послѣднихъ земли (ст. 8). Затѣмъ, чтобы они опять не стали спрашивать Его, Онъ тотчасъ вознесся. Поэтому, какъ тамъ Онъ огорчилъ ихъ страхомъ и тѣмъ, что сказалъ: не знаю; такъ и здѣсь — тѣмъ, что послѣ этихъ словъ вознесся. Они имѣли великое желаніе знать объ этомъ и не отступили бы (отъ Христа), а между тѣмъ было весьма нужно, чтобы они не знали. Скажи мнѣ: чему больше не вѣруютъ язычники, — тому ли, что будетъ кончина, или тому, что Богъ содѣлался человѣкомъ, происшелъ изъ утробы Дѣвы и явился къ человѣкамъ съ плотію? Не послѣднему ли? Безъ сомнѣнія, такъ скажешь и ты. Но я стыжусь часто говорить объ этомъ, какъ о какомъ-нибудь безразличномъ предметѣ. А чтобы они не сказали еще: для чего Ты такъ высоко цѣнишь это дѣло, — Онъ говоритъ: *яже Отецъ положи во своей власти*. Но вѣдь власть Отца и власть Его одна и таже, какъ это видно изъ того, что Онъ говоритъ: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ* (Іоан. 5, 21). Если тамъ, гдѣ должно творить, Онъ дѣйствуетъ съ тою же властію, какъ и Отецъ; то ужели тамъ, гдѣ надобно знать, Онъ знаетъ не съ тою же властію? Воскрешать мертвыхъ, — очевидно, дѣло гораздо большее, чѣмъ знать тотъ день. Если же Онъ совершаетъ со властію дѣло

важнѣйшее, то не гораздо ли больше — дѣло менѣе важное?

2. Но чтобы сдѣлать это для васъ понятнымъ, я объясню примѣромъ. Какъ мы, когда видимъ, что дитя плачетъ и постоянно проситъ у насъ какой нибудь не нужной ему вещи, подальше спрятавъ эту вещь, показываемъ пустыя руки и говоримъ: видишь, у насъ нѣтъ; такъ и Христосъ поступилъ съ Апостолами. Но дитя, хотя мы и не показываемъ (просимой вещи), продолжаетъ плакать, зная, что его обманываютъ. Тогда мы оставляемъ его и уходимъ, говоря: меня зоветъ такой-то, а ему даемъ что нибудь другое, чтобы отвлечь его отъ избранной имъ вещи, при чемъ хвалимъ свою вещь больше той, и, давши ее, уходимъ. Такъ сдѣлалъ и Христосъ. Ученики просили: Онъ сказалъ, что у Него нѣтъ, и на первый разъ даже устрашилъ ихъ. Когда же они опять стали просить, Онъ опять сказалъ, что у Него нѣтъ, но только теперь не устрашаетъ ихъ, а показавъ то, что сдѣлалъ, высказываетъ и благовидную причину, именно: *Отецъ положи во своей власти*. Что же? Ты не знаешь того, что принадлежитъ Отцу? Его самаго знаешь, а того, что принадлежитъ Ему, не знаешь? Ты самъ сказалъ: *ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ* (Матѳ. 11, 27). Притомъ (сказано): *Духъ вся испытуетъ, и глубины Божія* (1 Кор. 2, 10); а Ты и этого не знаешь? Отнюдь нѣтъ. Онъ сказалъ это не для того, чтобы мы такъ подумали; Онъ показываетъ Себя не знающимъ, дабы отвлечь уче-

никовъ отъ неумѣстнаго вопроса. Снова спросить они побоялись, чтобы не услышать: *ужели и вы неразумливи есте* (Марк. 7, 17)? Ибо теперь они страшились Его гораздо больше, нежели прежде. *Но пріимете силу, нашедшу Святому Духу на вы.* Какъ тамъ Онъ отвѣчалъ не на то, о чемъ спрашивали, — потому что дѣло учителя—учить не тому, что хотѣлъ бы знать ученикъ, но—тому, что полезно для него; такъ и теперь предсказываетъ то, что имъ нужно было знать, чтобы не бояться. Они были еще немощны, и, чтобы внушить имъ дерзновеніе, Онъ ободряетъ ихъ души и прикрываетъ трудности. Такъ какъ Онъ скоро уже долженъ былъ оставить ихъ, то, бесѣдуя съ ними, не говоритъ прямо ничего скорбнаго; но какъ? Къ словамъ скорбнымъ присоединяетъ похвалу, какбы говоря: не бойтесь; потому что вы *пріимете силу нашедшу Святому Духу на вы, и будете ми свидѣтели во Іерусалимѣ же и во всей Іудеи и Самаріи.* Прежде Онъ сказалъ: *на путь языкъ не идите, и во градъ самарянскій не внидите* (Мат. 10, 5), а теперь хочетъ, чтобы они проповѣдывали *во всей Іудеи и Самаріи;* поэтому, чего тогда не сказалъ, то теперь присовокупилъ, говоря: *и даже до послѣднихъ земли.* И послѣ того, какъ сказалъ имъ о томъ, что всего страшнѣе,—чтобы они опять не стали спрашивать Его,—*зрящимъ имъ взятся, и облакъ подъятъ его отъ очію ихъ* (ст. 9). Видишь ли,—они проповѣдали и исполнили евангеліе! Поистинѣ, вели-

кое дѣло Онъ далъ имъ! Гдѣ, говоритъ, вы боялись, въ Іерусалимѣ, тамъ сначала проповѣдуйте, а потомъ — *даже до послѣднихъ земли*. Затѣмъ опять удостовѣреніе въ сказанномъ: *зрящимъ имъ*, говоритъ (писатель), *взятся*. Они не видѣли, когда Онъ воскресъ, но видѣли, когда Онъ *взятся;* такъ какъ и здѣсь не все могло сдѣлать зрѣніе. Воскресенія они видѣли конецъ, но не видѣли начала; а вознесенія видѣли начало, но не видѣли конца. Излишне было видѣть начало воскресенія, когда присутствовалъ Самъ возвѣщавшій его, и когда гробъ показывалъ, что Его тамъ нѣтъ; а что послѣдовало за вознесеніемъ, то надобно было узнать изъ слова. Такъ какъ глаза не могли проникнуть въ высоту и показать,—вознесся ли Онъ точно на небо, или—только какбы на небо; то смотри, что совершается. Что это былъ именно Іисусъ, они знали изъ того, что Онъ разговаривалъ съ ними,—такъ какъ зрѣніемъ, по дальности разстоянія, они не могли уже распознавать Его; а что Онъ взимается на небо, это уже объяснили имъ сами Ангелы. Смотри, какъ устроено, чтобы не все извѣстно было отъ Духа, но (нѣчто)—и отъ зрѣнія. Для чего же *облакъ подъятъ его?* И это служитъ знакомъ, что Онъ вознесся на небо. Не огонь, не колесница огненная, какъ было съ Иліею, *но облакъ подъятъ его*; а это было символомъ неба. Такъ и Пророкъ говоритъ: *полагаяй облаки на восхожденіе свое* (Пс. 103, 3), — хотя это сказано объ Отцѣ. Поэтому выраженіе: «на облакѣ»

значитъ: на символѣ божественной силы; такъ какъ на облакѣ нигдѣ не представляется никакая другая сила. Послушай опять, что говоритъ другой Пророкъ: *Господь сѣдитъ на облацѣ легцѣ* (Ис. 19, 1).

3. Это случилось тогда, когда шла рѣчь о предметѣ важномъ, когда ученики были очень внимательны къ тому, что говорилось, когда они были возбуждены и не дремали. И на горѣ (синайской), когда Моисей вошелъ въ мракъ (Исх. 24, 15), облако было также ради Христа, а не ради Моисея. (Христосъ) не просто сказалъ: Я отхожу, чтобы ученики опять не стали сѣтовать; но вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ: Я посылаю Духа. А что Онъ отходилъ на небо, это они видѣли своими глазами. О, какого видѣнія удостоились они! *И егда*, сказано, *взирающе бяху на небо, идущу ему, и се мужа два стаста предъ ними во одежди бѣлѣ, иже и рекоста: мужіе галилейстіи, что стоите зряще на небо*; *сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо* (ст. 10. 11). Употребляютъ слово указательное: *сей*, говорятъ, *вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте его идуща на небо* (ст. 11). Опять свѣтлый образъ! Нѣкіе Ангелы, облекшись въ образъ человѣковъ, внезапно предстали и говорятъ: *мужіе галилейстіи.* По тому самому, что сказали: *мужіе галилейстіи*, они уже казались ученикамъ достойными вѣры. А еслибы не это было ихъ цѣлію, то къ чему бы имъ нужно было указывать ученикамъ на ихъ

естество? И самымъ видомъ своимъ они привлекали къ себѣ учениковъ и показывали, что они — съ неба. Почему же не самъ Христосъ говоритъ это ученикамъ, но (говорятъ) Ангелы? Онъ самъ обо всемъ сказалъ имъ прежде, такъ что чрезъ Ангеловъ только напоминаетъ имъ то, что они уже слышали. И не сказали (Ангелы): кого вы видѣли вознесеннымъ, но: кого видѣли *идуща на небо*, — дабы показать, что Его вознесеніе есть восшествіе; а плоти свойственно быть возносимой. Поэтому говорятъ: *вознесыйся отъ васъ, такожде пріидетъ*, — не посланъ будетъ, но *пріидетъ*. Гдѣ же меньшинство (Сына)? *Облакъ подъятъ его*. Справедливо; ибо Онъ самъ возшелъ на облако, такъ какъ возшедшій есть тотъ же самый, который и нисшелъ (Еф. 4, 10). Но ты смотри, какъ иное говорится примѣнительно къ ихъ мыслямъ, а иное — сообразно съ достоинствомъ Божіимъ. Впрочемъ, и умъ зрящихъ теперь возвысился; Господь сообщилъ имъ не малое познаніе втораго пришествія. Слова: *такожде пріидетъ* означаютъ то, что Онъ придетъ съ тѣломъ, — такъ какъ это желали они слышать, и что опять пріидетъ на судъ такимъ же образомъ, — на облакѣ. *И се*, сказано, *мужа два стаста*. Почему сказано: *мужа*? По тому, что (Ангелы) приняли совершенный образъ мужей, чтобы (ученики) не испугались. *Иже и рекоста: что стоите, зряще на небо?* Такими словами они и ласкаютъ ихъ, и не допускаютъ тотчасъ же ожидать Его возвращенія. Что важнѣе, о томъ

они говорятъ, а о менѣе важномъ умалчиваютъ. Что Онъ *также прiидетъ*, и что Его должно ожидать съ небесъ, это говорятъ; а когда, о томъ умалчиваютъ. Такимъ образомъ они отвлекли учениковъ отъ того зрѣлища и обратили ихъ къ своимъ словамъ, чтобы ученики, не имѣя уже возможности видѣть Христа, не думали, что Онъ не вознесся, но остановились мыслiю на ихъ рѣчи. Если и прежде ученики говорили: *камо идеши* (Iоан. 13, 36); то тѣмъ больше сказали бы нынѣ. *Аще въ лѣто сiе устрояеши царствiе Исраилево?* Столько знали они Его кротость, что и послѣ страданiй спрашиваютъ Его: *аще устрояеши?* Правда, Онъ уже прежде сказалъ имъ: *услышати имате брани и слышанiя бранемъ, но не тогда есть кончина*, и Iерусалимъ еще не будетъ взятъ (Матѳ. 24, 6); но теперь они спрашиваютъ о царствiи, а не о кончинѣ. Впрочемъ, послѣ воскресенiя Онъ уже не продолжительное простираетъ къ нимъ слово. Они спрашиваютъ, полагая, что и они будутъ въ славѣ, если это сбудется; но Онъ не объявилъ, устроитъ ли (это царство), или нѣтъ. Для чего имъ было знать о томъ? Поэтому-то, убоявшись, они уже не сказали: *что есть знаменiе твоего пришествiя и кончины вѣка* (Матѳ. 24, 3); но: *аще устрояеши царствiе Исраилево?* Они думали, что оно уже открылось; между тѣмъ, Онъ и въ притчахъ показалъ, что оно не близко, и когда спросили Его, то отвѣчалъ: *прiимете силу нашедшу Святому Духу на вы*. Смотри: не сказалъ, что (Духъ

будетъ посланъ, но: *нашедшу*, — чтобы показать Его равночестность. Какъ же ты, духоборецъ, дерзаешь называть Его тварію? *И будете ми свидѣтели.* Намекаетъ на вознесеніе, — или лучше, и теперь снова напоминаетъ имъ о томъ, что они уже слышали. Уже было показано, что Онъ возшелъ на небо. *Облакъ и мракъ,* сказано, *подъ ногама его* (Пс. 96, 2; 17, 10); а это и значатъ слова: *облакъ подъятъ его*, то есть, Владыку неба. Какъ колесница царская указываетъ царя, такъ и къ Нему послана была царская колесница, чтобы ученики не говорили ничего скорбнаго и не потерпѣли того же, что Елисей, растерзавшій ризу, когда учитель его вознесся. Что же говорятъ (Ангелы)? *Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ.* Притомъ (сказано): *се мужа два стаста предъ ними.* Такъ и слѣдовало: ибо *при устѣхъ двою свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ* (2 Кор. 13, 1). Такъ именно они и говорятъ. *Во одеждахъ*, сказано, *бѣлахъ*. Какъ прежде при гробѣ (жены) видѣли Ангела *въ ризахъ блещащихся* (Лук. 24, 4), который и возвѣстилъ имъ то, о чемъ они думали; такъ и свидѣтелемъ вознесенія Христова является Ангелъ. Впрочемъ объ этомъ, какъ и о воскресеніи, многократно предсказывали и Пророки.

4. Ангелы вездѣ являются вѣстниками: напримѣръ, при рождествѣ Христовомъ, при (благовѣщеніи) Маріи, при воскресеніи; такъ точно — и при вознесеніи; да и при второмъ прише-

ствія Ангелы явлися предтечами. Такъ какъ они сказали: *сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ*; то, чтобы не привести учениковъ въ недоумѣніе, — присовокупили: *такожде пріидетъ*. Ученики нѣсколько успокоились, услышавъ, что Онъ опять придетъ, и придетъ также, и не будетъ недоступенъ. Не безъ причины поставлено и слово: *отъ васъ*, но оно показываетъ любовь Христа къ ученикамъ, ихъ избраніе и то, что Онъ не оставитъ тѣхъ, кого избралъ. Такимъ образомъ о воскресеніи свидѣтельствовалъ самъ Христосъ, такъ какъ послѣ рождества, — или лучше, и до рождества всего удивительнѣе было то, что Онъ воскресилъ самъ Себя; *разрушите*, говорилъ Онъ, *церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Іоан. 2, 19); а о будущемъ пришествіи свидѣтельствуютъ Ангелы, говоря: *такожде пріидетъ*. Итакъ, если кто желаетъ видѣть Христа, кто скорбитъ, что не видѣлъ Его, тотъ, слыша о Его будущемъ пришествіи, пусть покажетъ совершенную жизнь, и тогда непремѣнно увидитъ Его, и не обманется въ надеждѣ. Онъ придетъ съ большею славою, но также на облакѣ, также съ тѣломъ; и гораздо чуднѣе видѣть Его сходящимъ съ неба, нежели восходящимъ отъ земли. Что Онъ придетъ, Ангелы сказали; но—для чего, этого не присовокупили. Это служитъ подтвержденіемъ воскресенія; ибо, если Онъ съ тѣломъ вознесся, то тѣмъ болѣе съ тѣломъ воскресъ. Гдѣ невѣрующіе воскресенію? Кто они, скажи мнѣ? Язычники, или христіане? Я не знаю или, лучше,

я вполнѣ знаю. Это—язычники, не вѣрующіе въ самое созданіе твари. Это ихъ дѣло — не допускать, что Богъ творитъ что нибудь изъ ничего, и не признавать, что Онъ воскреситъ погребенное. Но они стыдятся не признавать силы Божіей, и потому, во избѣжаніе этого упрека, говорятъ: не по тому мы это говоримъ, но по тому, что нѣтъ нужды въ тѣлѣ. Пожестинѣ благовременно сказать: *юродъ юродивая изречетъ* (Исх. 32, 6). Вы не стыдитесь, когда не допускаете, что Богъ творитъ изъ ничего? Но если Онъ творитъ изъ чего либо существующаго, то чѣмъ различается отъ людей? Но откуда, говорятъ, зло? Ужели же по тому, что не знаешь, откуда зло, ты долженъ привносить другое зло — въ познаніи зла? Здѣсь двѣ несообразности: первая—та, что ты смѣешь говорить такъ; ибо, если ты не признаешь, что Богъ творитъ изъ ничего, то тѣмъ болѣе не узнаешь, откуда зло; а вторая—та, что, говоря такъ, ты вводишь зло нерожденное. Подумай, какъ худо —желать найти источникъ зла, но, не узнавъ его, привнесть другой! Ищи, откуда зло, и не хули Бога. Но какъ, скажешь, я хулю? Что ты говоришь? Развѣ ты не хулишь, когда вводишь нерожденное зло, когда допускаешь, что оно равномощно Богу, что оно имѣетъ такую же силу, что оно нерожденно? Смотри, что говоритъ Павелъ: *невидимая его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть* (Рим. 1, 20); а діаволъ, напротивъ, сказалъ, что то и другое изъ вещества, чтобы мы ни откуда

уже не познали Бога. Что труднѣе, скажи мнѣ: злое ли по естеству сдѣлать добрымъ (если только оно существуетъ:—говорю сообразно съ вашимъ мнѣніемъ; потому что нельзя сдѣлать ничего, по естеству злаго, содѣйствующимъ добру), или — сотворить изъ ничего? Что удобнѣе —говорю о качествѣ—ввести ли несуществующее качество, или существующее превратить въ противное? Что легче — не существующій домъ построить, или домъ разоренный вновь перестроить? Очевидно, — первое. Но это (по вашему мнѣнію) невозможно. Слѣдовательно, какъ невозможно это, такъ невозможно и то, то есть, —превращать что нибудь въ противное.

5. Скажи мнѣ: что труднѣе—приготовить ли мvро, или заставить грязь производить дѣйствія мvра? Что изъ двухъ удобоисполнимѣе, скажи мнѣ (мы подчиняемъ Бога нашимъ умозаключеніямъ, но это не мы—нѣтъ, а вы): устроить ли глаза, или сдѣлать, чтобы слѣпой, оставаясь слѣпымъ, видѣлъ, былъ острѣе зрячаго, пользовался слѣпотою для того, чтобы видѣть, и глухотою, чтобы слышать? Мнѣ кажется, первое. Значитъ, что труднѣе, то, скажи мнѣ, предоставляешь ты Богу, а что удобнѣе, того—нѣтъ? Но что я говорю объ этомъ? Самыя души, по ихъ мнѣнію, происходятъ изъ существа Божія. Но смотри, сколько (въ ихъ ученіи) нечестиваго и безсмысленнаго. Во первыхъ, желая показать, что зло отъ Бога, они вводятъ другое зло, нечестивѣе этого: говорятъ, что зло современно Богу, и что Богъ нисколько не старше

его, — дерзая таким образомъ приписывать и злу столь великое преимущество. Во вторыхъ, говорятъ, что зло и безсмертно; потому что нерожденное не погибаетъ. Видите, какая хула? Отсюда необходимо (слѣдуетъ) или то, что отъ Бога ничто не произошло, или то, что и Бога нѣтъ. Въ третьихъ, этимъ, какъ я уже сказалъ, они противорѣчатъ сами себѣ и воздвигаютъ на себя еще большій гнѣвъ Божій. Въ четвертыхъ, веществу, которое не можетъ само по себѣ существовать (ὕλη ἄστατος), они приписываютъ такую великую силу. Въ пятыхъ, говорятъ, что причиной благости Божіей было зло, и что безъ этого Благій не былъ бы Благимъ. Въ шестыхъ, они преграждаютъ для насъ пути къ познанію Бога. Въ седьмыхъ, Бога низводятъ въ людей, въ растенія и дерева. Ибо, если наша душа изъ существа Божія, а при переселеніи она переходитъ и въ тыквы, и въ дыни, и въ луковицы; то, очевидно, существо Божіе будетъ и въ тыквѣ. Когда мы говоримъ, что Духъ Святый образовалъ храмъ въ Дѣвѣ, — они смѣются; когда говоримъ, что Онъ обиталъ въ храмѣ духовномъ, — опять смѣются: а сами не стыдятся низводить существо Божіе въ тыквы, дыни, въ мухъ, гусеницъ и ословъ, изобрѣтая нѣкоторый новый образъ идолослуженія. «Но не луковица, (говорилъ), въ Богѣ, а Богъ въ луковицѣ, — да не будетъ луковица Богомъ». Отъ чего ты не допускаешь переселенія Бога въ тѣла? Низко, говоришь. Въ такомъ случаѣ, еще болѣе низко то, (что ты говоришь). «Нѣтъ,

не «низко»? Возможно ли? По крайней мѣрѣ, у насъ,—еслибы это было,—понестинѣ низко. Видите ли сборъ нечестія? Но почему не хотятъ они, чтобы тѣло воскресло? Что они скажутъ? Что тѣло — зло? Какъ же, скажи мнѣ, знаешь ты Бога? Какимъ образомъ имѣешь познаніе о сущемъ? Какимъ образомъ и философъ бываетъ философомъ, если тѣло нисколько ему не содѣйствуетъ? Повреди чувства и узнай что нибудь изъ того, что нужно знать. Что было бы несмысленнѣе души, еслибы она съ самаго начала имѣла поврежденныя чувства? Если поврежденіе одного только члена, то есть мозга, бываетъ для ней совершенно пагубно; то къ чему она будетъ годна, если и другіе будутъ повреждены? Покажи мнѣ душу безъ тѣла. Развѣ не слышишь, что говорятъ врачи: постигшая болѣзнь совершенно омрачаетъ душу? Долго ли вы не задавитесь? Скажи мнѣ: тѣло изъ вещества? Хорошо. Поэтому слѣдовало бы ненавидѣть его. Зачѣмъ же ты питаешь его, зачѣмъ грѣешь? Тебѣ бы поэтому должно было умертвить себя; должно было бы освободить себя изъ узилища. Притомъ еще (говорятъ): Богъ не можетъ побѣдить вещества (ὕλη), если не смѣшается съ нимъ; Онъ не можетъ повелѣвать ему, доколѣ не будетъ вмѣстѣ съ нимъ и не распространится по всему его составу. Какое безсиліе! И царь все творитъ, давая повелѣнія; а Богъ не можетъ повелѣвать зломъ? Вообще же, еслибы вещество (ὕλη) не было причастно какому нибудь добру,—оно не могло бы существовать.

Ибо зло, по своей природѣ, не можетъ существовать, если не будетъ соединено съ какимъ нибудь добромъ; поэтому, еслибы оно не было смѣшано съ добромъ, оно давно бы погибло, — таково уже свойство зла. Пусть кто нибудь будетъ сластолюбивъ и пусть нисколько не воздерживаетъ себя: проживетъ ли онъ десять дней? Пусть будетъ кто разбойникомъ, безсовѣстнымъ въ отношеніи ко всѣмъ, даже и въ отношеніи къ другимъ разбойникамъ: будетъ ли онъ живъ? Пусть будетъ кто безстыднымъ воромъ, который, не краснѣя, публично воруетъ: долго ли онъ проживетъ? Зло не можетъ существовать само по себѣ, если не будетъ въ немъ, хотя не много, чего нибудь добраго; слѣдовательно, по ихъ ученію, оно получило начало отъ Бога. Пусть будетъ городъ, населенный людьми злыми: можетъ ли онъ существовать? И пусть эти люди будутъ злы не для добрыхъ только, но и для себя самихъ: очевидно, (такому городу) невозможно существовать. Поистинѣ, *глаголющеся быти мудри, обьюродѣша* (Рим. 1, 22). Если тѣло — зло, то и все безъ различія видимое, — и вода, и земля, и солнце, и воздухъ, — также зло; потому что и воздухъ — тѣло, хотя не плотное и не твердое. Посему благовременно сказать: *повѣдаша мнѣ законопреступницы глумленія* (Пс. 118, 85). Но не будемъ внимать имъ; напротивъ, заградимъ отъ нихъ слухъ. Есть, подлинно есть воскресеніе мертвыхъ. Это показываетъ гробъ въ Іерусалимѣ; это (показываетъ) древо, къ кото-

рому Христосъ былъ привязанъ, когда былъ бичуемъ. *Съ нимъ*, говорили (о Христѣ Апостолы), *ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. 10, 41). Будемъ же вѣровать воскресенію и поступать достойно его, чтобы сподобиться и будущихъ благъ во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Св. Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

И это явствуетъ изъ позволительной грамматы: потому что, еслибы это было (дѣло) пресвитера, то не давалось бы ему на это позволенія и наставленія. Итакъ, если такая внимательность и такой порядокъ (соблюдается) по правиламъ въ отношеніи къ пресвитеру: то какъ предоставлять (служеніе духовничества) тому, кто не имѣетъ степени священства? Ибо принимающему исповѣданіе грѣховъ нужно и благословлять, и говорить разрѣшительную молитву, и разрѣшать, и налагать эпитимію, и достойныхъ пріобщать божественныхъ Таинъ. Какъ же будетъ совершать это тотъ, кто не имѣетъ священства? Можетъ быть, кто нибудь скажетъ: (онъ будетъ это дѣлать такъ), что будетъ передавать и представлять о грѣхахъ архіерею; но что̀ за необходимость? Ктому же, это противно правиламъ. Ибо, если правила о пресвитерахъ говорятъ такъ, что они могутъ исполнять это по необходимости, въ отсутствіе епископа и съ дозволенія епископа: то какъ будетъ исполнять это не получившій священства? Благодать эта, говорятъ Отцы, — апостольская; а благодать апостольскую имѣютъ епископы, а не пресвитеры; пресвитеры же пріемлютъ благодать семидесяти (учениковъ),—говорятъ они же. А потому на вѣрныхъ, крещенныхъ Филиппомъ, однимъ изъ семи діаконовъ, въ Самаріи, Петръ и Іоаннъ, *сошедше, возложиша руцѣ, яко да пріимутъ Духа Святаго* (Дѣян. 8,

15—17),—что соотвѣтствуетъ миру, совершаемому только епископомъ, котораго благодати не имѣетъ пресвитеръ. А о діаконѣ правила даже вовсе не упоминаютъ при величайшемъ этомъ служеніи (т. е., отпущенія грѣховъ въ покаяніи). Итакъ, если пресвитеры не имѣютъ на это права безъ позволенія, а о діаконахъ правила не упоминаютъ: то какъ иной простецъ, вовсе не получившій священства, будетъ совершать это таинство и священнодѣйствовать святое покаяніе? — Объ немъ и скажемъ, сколько можемъ, по связи рѣчи: такъ какъ уже и дошли до него, по волѣ Божіей, истолковавши сначала, сколько могли, (то, что относится) къ священнымъ рукоположеніямъ.

Клир. Такъ, владыко святый: слѣдуетъ научить насъ и сему, и нужно.

О покаяніи.

Арх. И я готовъ на это, и не полѣнюсь изложить, сколько мнѣ по силамъ: потому что покаяніе, послѣ крещенія,—и главизна спасенія для всѣхъ вѣрныхъ, и другое очистилище, и второе крещеніе, совершаемое, посредствомъ исповѣди и сокрушенія, посильными трудами и слезами. Предначатокъ этого покаянія — мытари и грѣшники, и блудницы, приходившіе въ покаяніи ко Христу и не отринутые; также разбойникъ на крестѣ, увѣровавшій и исповѣдавшій (Христа), и (возопившій): *помяни мя;*

равно и первый изъ учениковъ, горько плакавшій послѣ паденія отреченіемъ и помилованный, и тройственнымъ вопрошеніемъ возстановленный въ то, чѣмъ былъ, или еще болѣе, поставленный пастыремъ овецъ Христовыхъ, дабы пасъ овецъ съ внимательностію и снисходительностью, научившись изъ того, что палъ и былъ принятъ, принимать раскаявающихся падшихъ;—и съ нимъ всѣ, потому что не падшаго нѣтъ между людьми вовсе, и первый падшій и болѣе всѣхъ изъ всѣхъ вѣрныхъ — *я*, и прошу помилованія и спасенія.

Клир. Поистинѣ, владыко, всѣ мы въ этомъ имѣемъ нужду: потому что всѣ постоянно согрѣшаемъ.

216. О томъ, что покаяніе (состоитъ въ томъ), чтобы постоянно сокрушаться, называть и считать себя грѣшникомъ, и притекать къ исповѣди,—и что между людьми никто не чистъ.

Арх. Правда, братъ. Ибо кто похвалится *чисто имѣти сердце? Или кто чистъ отъ скверны*, какъ написано, *аще и единъ день житія его на земли* (Іов. 14, 4. 5), тогда какъ всякій грѣшенъ или отъ грѣха первороднаго, или, и послѣ просвѣщенія крещеніемъ, тотчасъ и невольно какъ нибудь впадая въ грѣхъ: ибо для этого (стоитъ) согрѣшить случайно кому нибудь,—родителю, или другу, или родственнику, чему невозможно не случиться;—если это случится и при несмысліи младенца, все же становится причиной грѣха, и ему тот-

часъ сообщается скверна и грѣхъ. *И сіе всякъ человѣкъ*, при всемъ томъ, что онъ пріялъ благодать; тотчасъ, какъ родится, желаетъ плотскаго неразумно и несмысленно, и это—вслѣдствіе преступленія (прародителей); почему грѣшитъ, едва только родившись и еще не понимая: потому что, по Давиду, и зачинается *во грѣхахъ* (Псал. 50, 7). Итакъ, если невозможно, чтобы не гнѣздился какой нибудь грѣхъ въ новорожденномъ и новопросвѣщенномъ младенцѣ; то тѣмъ болѣе—во всѣхъ насъ, и вольно, и невольно, а въ особенности вольно—во всѣхъ, какъ существахъ словесныхъ и добровольно нерадящихъ о томъ, что постоянно грѣшимъ. Самые (грѣхи) забвенія и невѣдѣнія—отъ нашего нерадѣнія; и невозможно найти (въ нихъ) извиненія.

217. *О томъ, что всѣмъ должно каяться, — освященнымъ и мірянамъ.*

Итакъ нужно каяться, какъ проповѣдали Креститель и Господь, и ученики Его. И нужно каяться всѣмъ, мірскимъ и монашествующимъ, клирикамъ и іереямъ, и архіереямъ, и никому не отстранять себя отъ покаянія, потому что всѣ согрѣшили и согрѣшаемъ, и должны каяться всѣ. Часто и Спаситель нашъ говорилъ, и Креститель Его: *покайтеся, приближибося царствіе небесное* (Мат. 3, 2; 4, 17),—т. е., самъ Царь небесный, близъ бывающій къ кающимся, потому что *близъ Го-*

сподь всѣмъ, призывающимъ его во истинѣ (Псал. 144, 18). А я громогласно взываю ко всѣмъ, вмѣстѣ съ самимъ собою: покаемся по благодати Спасителя нашего, чтобы спастись: близко царствіе Божіе и, скажу съ божественнѣйшимъ Павломъ: *нынѣ ближайшее намъ спасеніе* (Рим. 13, 12), потому что грядетъ Спаситель и Судія нашъ. *Отложимъ убо дѣла темная и облечемся во оружіе свѣта* (Рим. 13, 12). А что исповѣдь и покаяніе необходимы и іереямъ также, какъ и монахамъ и мірянамъ, объ этомъ и Апостолъ свидѣтельствуетъ, говоря: *исповѣдайте другъ другу согрѣшенія и молитеся другъ за друга, яко да исцѣлѣете* (Іак. 5, 16),—словами: *исповѣдайте другъ другу и молитеся другъ за друга*, научая, какъ нужна всѣмъ исповѣдь и покаяніе въ томъ, чѣмъ пали. Его проповѣдывалъ и Креститель, какъ мы сказали, и совершалъ Спаситель, когда принималъ исповѣданіе грѣшниковъ, и въ особенности—мытаря, блуднаго, блудницы и разбойника на крестѣ, и исповѣдь весьма многихъ другихъ согрѣшившихъ. Тоже Онъ внушаетъ и притчами, и въ особенности (притчей) о блудномъ, который выполняетъ все, что относится къ покаянію. Говоря: *согрѣшихъ на небо и предъ тобою* (Лук. 15, 18),—онъ совершаетъ исповѣданіе; а (словами): *нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой* (—ст. 19), обнаруживаетъ сокрушеніе и самонаказаніе съ самоукореніемъ; (говоря же): *сотвори мя, яко единаго отъ наемникъ твоихъ*,—смиренное мо-

ленie, (соединенное) съ надеждою: ибо никому не должно отчаяваться. А вотъ, по Евангелiю, и плоды покаянiя, которыхъ требуетъ Креститель (Матѳ. 3, 8): это—отвращенiе отъ грѣха: ибо такъ сдѣлалъ и помилованный блудный. Оставивъ развратъ, онъ притекъ къ Отцу съ исповѣданiемъ: *согрѣшихъ*, откровенно говоритъ онъ,—и не просто, но: *на небо и предъ тобою*,—послику, т. е., творилъ (дѣла) беззаконныя и враждебныя небесамъ;—*и предъ тобою*,—такъ какъ явился презрителемъ Тебя и нисколько не убоялся, не устрашился и не устыдился Тебя, Святаго Творца моего. (Потомъ)—истинное самоосужденiе: *нѣсмь достоинъ*, говоритъ онъ, *нарещися сынъ твой*. Затѣмъ—молитва и стремленiе къ дѣламъ, (которыя свойственны) уничиженнымъ, виновнымъ и должникамъ: *сотвори мя*, говоритъ, *яко единаго отъ наемникъ твоихъ*. Также творилъ и училъ и соборъ Апостоловъ, и даже болѣе: для этого они ходили, несмотря на утомленiе, и бѣгали, будучи при смерти, имѣя въ виду и поспѣшая обращать грѣшниковъ. Ихъ и наказывали они, и утѣшали, и отлучали, когда было нужно, и принимали, и были готовы служить всѣмъ ко спасенiю.

218. О томъ, что проповѣдать покаянiе было и собственнымъ дѣломъ Спасителя, и Апостоловъ, и что это, прежде всего, долгъ архiереевъ и iереевъ.

Объ этомъ должно заботиться и намъ,—т. е., намъ, освященнымъ. И объ этомъ я взываю и

къ себѣ, и къ іерархамъ, которые со мною, — что мы, преимущественно предъ всѣми другими, обязаны къ этому прекрасному дѣлу, (т. е.) приводить къ покаянію, и что это — служеніе проповѣдничества, подобно какъ обращеніе безбожныхъ къ вѣрѣ: потому что прекрасно — привлекать невѣрныхъ къ вѣрѣ, и это — (дѣло) Спасителя и Его Апостоловъ. Но нынѣ оно рѣдко, и потому, что не стало ревности мужей апостольскихъ, и потому, что недавно бывали большія гоненія ([1]). Но послѣ него всего прекраснѣе и равно ему — охранять вѣрныхъ и всею силою и со всею ревностію обращать къ покаянію. А потому не должно оставлять ихъ приходить и ожидать отъ нихъ обращенія; но совершители (таинства) покаянія должны обтекать, развѣдывать и искать падающаго, всѣми способами привлекать — спѣшить къ Богу, отводить отъ грѣха и приводить къ Богу.

219. О томъ, что дѣло возбужденія вѣрныхъ къ покаянію есть истинная проповѣдь.

И это да будетъ для іерарха вмѣсто проповѣданія Евангелія — или лучше — самымъ проповѣданіемъ. Ибо какая другая (цѣль) проповѣди, какъ не спасеніе только погибшихъ, возбужденіе падшихъ и обращеніе къ лучшему удалившихся отъ него? Такимъ образомъ, что

([1]) Не забудемъ, что это писано въ XV вѣкѣ, когда Церковь восточная подвергалась тяжкимъ гоненіямъ отъ магометанъ и когда среди страданій ослабѣвало и благочестіе, какъ свидѣтельствуетъ блаж. Симеонъ во многихъ и другихъ мѣстахъ своего «Разговора».

(значитъ обращеніе) въ отношеніи къ заблуждающимъ въ вѣрѣ,—что обратившій ихъ къ Богу есть какбы уста Божіи, такъ какъ содѣлалъ достойныхъ изъ недостойныхъ: тоже—и обращеніе согрѣшившаго. Ибо обратившій грѣшника отъ заблужденія пути его подобнымъ образомъ есть какбы уста Божіи и достояніе Христа, какъ спасшій *душу отъ смерти* и покрывшій *множество грѣховъ*, какъ написано (Іак. 5, 20). Поэтому и слово ученія Духа должно проповѣдаться въ Церкви, и оно предано, и необходимо іерарху, и есть долгъ его,—только слово не высокоумное и цвѣтистое, и составленное не изъ изреченій, (изобрѣтаемыхъ) внѣшнимъ искусствомъ; но простое и посильное, (направленное) къ возстановленію душъ, къ исправленію нравовъ и къ доброму состоянію,—къ поддержанію стоящихъ, къ возбужденію падшихъ, къ возвращенію отдалившихся, къ утвержденію смятенныхъ, ко всевозможной для всѣхъ пользѣ: потому что искусства и различные методы (явились) не вмѣстѣ съ природой, но впослѣдствіи изобрѣтены природой; а Богъ, исправляющій природу, исправляетъ ее данными природѣ простыми и безъискусственными (средствами). Потому и воплотился Онъ, чрезъ собственную природу нашу вновь образуя и возсозидая естество. Итакъ учитель долженъ учить простыми словами и, преимущественно, (исполненными) Духа, дабы и исправить, и принести пользу себѣ,—будучи смиреннымъ, не тщеславясь цвѣтистыми (словами), не будучи безполезенъ для

слушателей и удовлетворяя потребности, считая цѣлію всякой проповѣди и ученія то, чтобы или принести пользу слушателямъ и самому себѣ, или удовлетворить потребности. *Горе мнѣ*, говоритъ Павелъ, *аще не благовѣствую* (1 Кор. 16); и часто описывается, что онъ не столько спѣшитъ совершать другія священныя дѣйствія и таинства, и даже самое крещеніе, но—предпочитаетъ проповѣдь, дабы больше обратить, и говоритъ: *не посла мене Христосъ крестити, но благовѣстити* (1 Кор. 1, 17), хотя и крестилъ: крестилъ Тимоѳея и домъ Стефаниновъ, и весьма многихъ другихъ; но предпочитаетъ этому проповѣдь. Почему? Потому, что сначала нужно обратить невѣрнаго къ вѣрѣ, и тогда уже его крестить. Крестить —это (дѣло) всякаго іерея; а обратить—учителя. А нынѣ, увы! вижу, что многіе нерадятъ и о священныхъ таинствахъ, и вмѣстѣ о словѣ ученія богодухновенной и спасительной проповѣди, и вообще священнодѣйствуютъ, выставляясь и съ какимъ-то тщеславіемъ, рѣдко молятся и никогда не проповѣдуютъ; но пышно возсѣдаютъ, заботятся о мірскихъ сужденіяхъ, отъ которыхъ раждаются брани и всякія смуты, вражды и безполезныя,—еще болѣе,—душепагубныя любопренія, и занимаются попеченіемъ о тлѣнныхъ стяжаніяхъ: а о духовной жизни ихъ самихъ, какъ болѣе духовныхъ, и тѣхъ, которые имъ ввѣрены, или объ изученіи священныхъ Писаній и соблюденіи правилъ (церковныхъ), или о другой священной дѣя-

тельности, (указываемой) Отцами, у нихъ вовсе нѣтъ и рѣчи; и ни о церквахъ, ни о стадѣ Спасителя нашего, они не заботятся. И это—тогда, какъ Павелъ говоритъ: *внимайте себѣ и всему стаду, въ немже васъ Духъ Святый постави епископы, пасти церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію своею* (Дѣян. 20, 28); и это—тогда, когда волки не имѣютъ только придти, но уже здѣсь. И многіе много говорятъ о доходахъ и собственности; а о сокровищахъ спасаемыхъ душъ на небесахъ—рѣчь коротка. И я не отдѣляю отъ такихъ себя самаго, потому что и я, нерадя, съ нерадящими дамъ отвѣтъ; а потому, размышляя и о моемъ собственномъ долгѣ, я плачу о себѣ и о братіяхъ моихъ; и, такъ какъ необходимо говорить о долгѣ нашемъ, говорю: потому что мы имѣемъ неизбѣжную нужду—спѣшить приводить братій къ покаянію. Ибо покаяніе есть одно изъ таинствъ, и совершать его для вѣрныхъ—принадлежитъ епископамъ. И нужно подвизаться для этого, и вмѣстѣ съ епископами да стараются объ этомъ тѣ, которые съ разрѣшенія (епископскаго) получили это служеніе, и пусть не имѣетъ въ виду кто нибудь (ибо я не о всѣхъ говорю, какъ и не о всѣхъ епископахъ) плотской прибыли, которая есть ущербъ и въ собственномъ смыслѣ убытокъ; и пусть не судятъ вопреки правиламъ, дабы тотъ, кто дѣйствуетъ противъ правилъ, не навлекъ на себя грѣховъ другаго. Итакъ пусть всякій, въ заблужденіи, не принимаетъ се-

бѣ за правило быть и строже Отцевъ: ибо кто непорочнѣе ихъ въ такихъ (дѣлахъ), внимательнѣе и чище? Пусть, наоборотъ, обманчиво не воображаетъ быть и снисходительнѣе ихъ, будучи слабымъ и безсловесно падая вмѣстѣ съ падающими. Да и кто такъ смѣлъ, чтобы дерзнулъ быть человѣколюбивѣе Отцевъ? И откуда получитъ онъ на это власть, если отвергаетъ ихъ и дѣйствуетъ не въ границахъ, (положенныхъ ими)? Конечно, онъ будетъ дѣйствовать отъ себя; и не будетъ твердо сдѣланное: потому что оно — не по преемству отъ Отцевъ. Итакъ пусть всякій твердо рѣшится ничего не дѣлать вопреки опредѣленіямъ и правиламъ отеческимъ. Ибо онѣ (составлены) разными богоносными (мужами), и приличны, какъ согласныя съ Духомъ, и весьма способны врачевать всякую страсть, и вполнѣ цѣлительны. О нихъ не нужно и говорить намъ, такъ какъ онѣ весьма ясны и во многихъ (мѣстахъ) написаны, и многими объяснены для большаго уразумѣнія ихъ ясности. Итакъ всѣ должны судить по (церковнымъ) правиламъ и не внимать какимъ нибудь другимъ, составленнымъ не по опредѣленіямъ этихъ правилъ: потому что благодать —по преемству; ибо отъ источника благодати Господа и Спасителя нашего она перешла на Его Апостоловъ; отъ Апостоловъ—на Отцевъ, а отъ Отцевъ нашихъ—на насъ. Итакъ, если мы соблюдаемъ (правила) Отцевъ, то и преемство благодати будетъ въ насъ, и приговоръ нашъ (будетъ) твердъ; иначе, если будешь поступать

же по определенному ими, то и приговоръ будетъ не твердъ. Да и что̀ понуждаетъ поступать не по определеніямъ (Отцевъ)? Горячее доказательство чьего-либо раскаянія, совершенное исповѣданіе паденій, сокрушеніе изъ глубины души и уничиженіе, истинное воздержаніе отъ злыхъ дѣлъ, отъ всего сердца ненависть ко грѣху и удаленіе отъ него, и ревность къ дѣламъ покаянія, (обнаруживающаяся) въ воздержаніи и милосердіи? — Это прекрасно; и Отцы научаютъ, (какъ поступать въ такомъ случаѣ). Ты прими такого; утверди въ немъ любовь; поддержи брата и тщательнѣе изслѣдуй покаяніе, и испытай его; и, если послѣ этого ты увидишь истинное покаяніе, и онъ будетъ желать приличной убавки времени (эпитимія) и какого нибудь полезнаго сокращенія; то не останавливайся пріобщить его Блага: потому что и вся цѣль—въ томъ, чтобы всѣмъ соединиться съ Благомъ;—если такъ, то не бойся дозволить: потому что и у Отцевъ найдешь и получишь власть на это, и я самъ вмѣстѣ съ тобою предприму это,—послѣдній сотрудникъ твой и соревнитель; и одобри оказывающаго болѣе ревности, и прими его съ распростертыми объятіями, и послужи, сколько въ силахъ, по мѣрѣ ревности (кающагося).

220. О томъ, что нужно быть внимательнымъ къ тѣмъ, которые говорятъ, что они каются, и искренно приходящихъ принимать, а тѣхъ, которые это дѣлаютъ лицемѣрно, испытывать.

Если же кто изъ кающихся холоденъ и двоедушенъ, на словахъ только показываетъ обра-

щеніе, а дѣлами нисколько, и не только не имѣетъ ревности сдѣлать что либо полезное, но и готовъ обратиться на свою блевотину, какъ наприм., смѣется и издѣвается надъ святынею, или, представляя смиреніе и горячность, и, будучи слегка испытанъ, дѣлается послѣ дара равнодушнымъ и холоднымъ, и опять предается тому, что и прежде: такой да не будетъ съ тобою, чтобы тебѣ не быть участникомъ въ чужихъ грѣхахъ. Не должно вливать мvро въ грязный сосудъ и не должно—получили мы наставленіе—метать бисеръ предъ свиніями и давать *святая псомъ* (Мат. 7, 6), которые представляются дружески расположенными и (дѣйствующими) за господина, а между тѣмъ, нечисты и кровожадны, и хищны. Впрочемъ, и въ нихъ отчаяваться не должно и отвращаться отъ кого-нибудь; но — принимать и стараться, какъ мы сказали, привести въ сознаніе и возбудить къ покаянію, и всегда ожидать, что они придутъ къ нему, потому что и надежда—до конца,—хотя и не сподоблять святыни, дабы она не была въ осужденіе, какъ имъ, такъ и тѣмъ, кто неразумно преподаетъ ее.

221. О исповѣди: какъ она должна происходить?

Исповѣдь же должна происходить не просто, но какъ указалъ Спаситель, когда принялъ Закхея и блудницу. Ибо тотъ торжественно и съ сокрушеніемъ высказалъ все, и обѣщалъ исправить обиды и начать творить дѣла боже-

ственныя. *Се*, говоритъ онъ, *полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ, и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею* (Лук. 19, 8). А та, взявши алавастръ мура и *ставши при ногу его созади плачущися* (ибо не смѣла впереди), *начатъ умывати нозѣ его слезами, и власы главы своея отираше, и облобызаше нозѣ его, и мазаше мvромъ* (Лук. 7, 38). А потому и сказалъ Іисусъ: *отпущаются* тебѣ *грѣси* твои, *яко возлюби много: а емуже мало оставляется, меньше любитъ*, говоритъ Онъ (ст. 48—48). А Закхею (сказалъ): *днесь спасеніе дому сему бысть* (Лук. 19, 9). Видишь, что, ради ревности и истины въ обращеніи, тотчасъ даруется отпущеніе со спасеніемъ? А не раскаявающимся говоритъ (Спаситель): *отъидите отъ мене дѣлающіи беззаконіе* (Мат. 7, 23). И хулящимъ Духа Святаго сказалъ: *не отпустится* никогда (Мар. 3, 28). И не хотящимъ отпускать (согрѣшенія другихъ сказалъ, что и имъ) не отпустятся. И *аще не покаетеся*, говоритъ, *вси такожде погибнете* (Лук. 13, 3). И не вѣровавшимъ въ Него (говорилъ): *се оставляется домъ вашъ пустъ* (Мат. 23, 38). Посему нужно истинно каяться и со смиреніемъ, а не такъ, какъ говорятъ нѣкоторые, — что̀ и смѣшно,—будто во время ядепія и питія отверзается сердце для исповѣданія (грѣховъ), — и поэтому съ похмѣлья,—чтобъ не сказать больше, — осмѣливаются исполнять (обязанности) покаянія, дѣлая противное ему и идя на пере-

коръ Сказавшему; *внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ, и найдетъ на вы внезапу* погибель (Лук. 21, 34). И какъ придетъ въ сокрушеніе тотъ, у кого сердце въ такомъ состояніи? Какъ будетъ печалиться? Съ какимъ вниманіемъ и смиреніемъ исполнитъ долгъ исповѣди?

222. Какъ нужно сидѣть и держать себя принимающему исповѣдь, и какъ—исповѣдующемуся?

Но не должно быть такъ; а принимающему исповѣдь должно въ честномъ и священномъ мѣстѣ, наединѣ и безъ шума, сидѣть съ благоговѣніемъ, быть веселымъ и съ кротостію въ душѣ и во взорѣ, выражая образомъ дѣйствій любовь божественную. А исповѣдующійся (долженъ) съ дерзновеніемъ и страхомъ Божіимъ, и съ благоговѣніемъ, стоять предъ лицемъ принимающаго (исповѣдь),—или лучше,—Самаго Христа: потому что чрезъ того, кто принимаетъ грѣхи, онъ исповѣдуетъ ихъ Христу, который и присуждаетъ прощеніе; и, будучи вопрошаемъ, (долженъ) все говорить,—безъ сомнѣнія, со смиреніемъ и истинно, и ничего не утаивать.

223. О томъ, что въ насъ три (силы), по отношенію къ которымъ мы дѣлаемъ доброе, или согрѣшаемъ: словесная, раздражительная и желательная, которыя (вмѣстѣ) и называются тричастностію души.

И такъ какъ въ насъ три (силы), т. е. словесная, раздражительная и желательная:

то (исповѣдующійся долженъ) подробно исповѣдать паденія по всѣмъ имъ; если же исповѣдующійся не знаетъ, какія онѣ, то исповѣдующій (долженъ) напоминать ему и спрашивать. Ибо этими тремя (силами), какъ говоритъ и великій Григорій Нисскій [1], мы или живемъ хорошо, или погрѣшаемъ. Въ словесной заключается вѣра и все, что производится умомъ. А потому и нужно спрашивать о вѣрѣ, не поколебался ли (въ ней кающійся), или не богохульствовалъ ли?

224. О томъ, что въ насъ другія три (силы), по отношенію къ которымъ мы дѣлаемъ или хорошее, или дурное: умъ, произносимое слово и дѣйствія тѣлесныя.

Это совершается и въ умѣ, и въ словѣ: ибо мы получили и другія три (силы), по отношенію къ которымъ или дѣлаемъ хорошо, или падаемъ: умъ и то, что относится къ уму, слово и что относится къ слову, дѣйствія и (принадлежности) дѣйствій; и во всемъ этомъ дѣйствуетъ и (сила) словесная, и раздражительная, и желательная.

225. Что посредствомъ ума совершается хорошаго въ (силѣ) словесной, раздражительной и желательной у тѣхъ, которые упражняютъ ихъ; и что, напротивъ, бываетъ у тѣхъ, которые къ нимъ невнимательны?

И во первыхъ, умъ, дѣйствуя въ сердцѣ, пораждаетъ или благіе помыслы — при вниманіи,

---

(1) Каноническое посланіе къ Літоію, епископу мелитинскому, прав. 1.

или злые — при невниманіи: отсюда, у внимающихъ себѣ умъ производитъ память о Богѣ и правую вѣру, молитву и вниманіе, славословіе и благодареніе Бога, — что, какъ мы сказали, есть (дѣйствіе силы) ума. А отъ силы раздражительной, чрезъ посредство ума, пораждается пламенная и напряженная ревность и стремленіе къ благочестію и священнымъ пѣснямъ, и благодаренію Бога. Отъ силы же желательной, посредствомъ ума пораждается истинная и искренняя любовь къ Богу и ближнему, и сердечная привязанность къ вещамъ божественнымъ, и добрые и духовные помыслы. Совсѣмъ напротивъ бываетъ у тѣхъ, которые не внимаютъ себѣ. Такъ въ человѣкѣ, который не бодрствуетъ умомъ, (силою) словесной (производится то, что) онъ не право мыслитъ о благочестивой вѣрѣ и о единомъ въ Троицѣ Богѣ, о воплощеніи Слова и о прочемъ, относящемся къ Богу, а также (пораждается) неблагодарность и богохульство, и мечтанія отступническія и демонскія. А раздражительною—то, что онъ ревнуетъ по злымъ (дѣламъ), замышляетъ противъ брата своего, любитъ завидовать, злословить, неистовствовать и мстить, и дѣлать весьма много другаго, по раздраженію. Желательною же—то, что онъ любитъ славу, сребролюбствуетъ въ сердцѣ и желаетъ (принадлежащаго) ближнему, пристрастенъ къ чужимъ благамъ, или къ увядающей красотѣ плоти, размышляетъ о страстномъ и питаетъ въ душѣ нечистоту и всякую скверну, и бываетъ подобенъ скоту и даже хуже скота

помысломъ. Это-то и подобное (производятся) умомъ въ сихъ трехъ силахъ.

226. *Что хорошаго съ трехчастною силою (души) совершаетъ человѣкъ словомъ и въ чемъ, по нерадѣнію, погрѣшаетъ?*

Далѣе, въ словѣ человѣкъ являетъ добродѣтели по отношенію къ уму, когда благочестиво и благоговѣйно говоритъ о вѣрѣ, съ дерзновеніемъ православно исповѣдуетъ Бога и славословитъ Его, и благодаритъ, и воспѣваетъ, изучаетъ и изъясняетъ вещи божественныя, и истину говоритъ во всемъ, судитъ судъ праведный; и вообще говоритъ только о добромъ и божественномъ. А по отношенію къ (силѣ) раздражительной, — когда съ ревностію возбуждаетъ словомъ къ добродѣтелямъ, стоитъ за Бога и за братій, препирается съ противниками, обличаетъ нечестивыхъ и беззаконныхъ, предъ лицемъ царей и начальниковъ говоритъ съ дерзновеніемъ и безъ боязни, и побораетъ по правдѣ. По отношенію къ желательной,—когда восхваляетъ и воспѣваетъ Бога, повѣствуетъ и превозноситъ (дѣла) Божіи, хвалитъ и возвышаетъ братій, молится за нихъ, говоритъ о томъ, что спасительно, умиряетъ братій, примиряетъ ихъ другъ съ другомъ, ходатайствуетъ за нихъ предъ царями и владыками, и все говоритъ въ ихъ пользу. Человѣкъ же, погрѣшающій въ словѣ, по отношенію къ уму — по злымъ движеніямъ сердца, хулитъ языкомъ Бога, отрицается отъ Него, бываетъ неблагодаренъ, ничего не говоритъ по совѣсти, ложно клянется, лжетъ и ни-

чего не говоритъ полезнаго. По отношенію къ силѣ раздражительной,—поноситъ словами, обижаетъ, ябедничаетъ, измѣняетъ, лжесвидѣтельствуетъ, клевещетъ, безчеститъ, унижаетъ и, когда говоритъ, говоритъ только зло для ближняго. По отношенію къ силѣ желательной,—произноситъ блудныя пѣсни, сквернословія, дурныя рѣчи, болтаетъ слова, возбуждающія похоть, изрыгаетъ баснословія и пустословія, произноситъ всякое нечистое слово. Таковы (дѣйствія) слова.

227. Какія добрыя дѣла совершаются трехчастною (силою) души, когда человѣкъ внимаетъ себѣ; и какія злыя, когда онъ не внимаетъ?

Добрыя дѣла человѣка, внимающаго себѣ, суть,—по отношенію къ уму—продолжительныя пѣснопѣнія, усильное славословіе, внимательность къ самому себѣ, сосредоточенность ума въ себѣ самомъ, непрестанная молитва, готовность на трудъ, или даже на мученія за православную вѣру въ Бога, чествованіе и славословіе Его, и неизмѣнное пребываніе въ дѣлахъ добрыхъ и божественныхъ. По отношенію же къ силѣ раздражительной, внѣшнею дѣятельностію (обнаруживается) мужество въ добродѣтеляхъ, справедливый образъ дѣйствій, страданіе за правду, ревность къ исполненію заповѣдей, нещадная милостыня изъ своего имущества, нищета ради Христа, пренебреженіе плотскихъ (влеченій), удаленіе отъ міра и презрѣніе къ тому, что въ мірѣ, служеніе братіямъ, лишеніе сна, нагота, простертіе на землѣ, бодрствованіе, стоянія, колѣнопреклоненія, пощенія, тѣлесныя,

скорби ради Христа, а часто и мученичество, которое есть высшее изъ дѣлъ Христовыхъ. А по отношенію къ силѣ желательной — непорочность ради Христа, дѣвство, милованіе съ любовію убогихъ, посѣщеніе ради Христа больницъ и темницъ, заступничество за сиротъ и вдовъ, пожертвованіе собственностію на помощь брату и, наконецъ, по любви, иногда преданіе и самаго себя за братій, какъ и Христосъ содѣлалъ ради насъ. Напротивъ, когда человѣкъ погрѣшаетъ, то въ дѣйствіяхъ его, по отношенію къ (силѣ) ума, (обнаруживается, что) онъ не притекаетъ къ божественнымъ храмамъ, нерадѣетъ о (дѣлахъ) богопочитанія, не трудится ради Бога и вещей божественныхъ, а еще болѣе—похищаетъ божественное и дѣлаетъ подобное этому, святотатствуетъ и нападаетъ на рабовъ Божіихъ, злословя ихъ и дѣлая имъ зло. А по отношенію къ силѣ раздражительной, — бьетъ братій, убиваетъ, заключаетъ въ темницы и всѣми способами вредитъ имъ. По отношенію же къ желательной, — блудодѣйствуетъ, прелюбодѣйствуетъ, сластолюбствуетъ и дѣлаетъ все, (что относится) къ нечистотѣ, кровосмѣшенію и распутству; а кромѣ того, обижаетъ и похищаетъ по корыстолюбію, воруетъ, пьянствуетъ, объѣдается и совершаетъ многое другое страшное посредствомъ дѣйствій пожеланія.

228. О томъ, что для всякаго необходима исповѣдь: потому что и согрѣшаемъ всѣ.

Во всемъ этомъ всякій изъ исповѣдающихся

должень испытывать себя, а принимающій (исповѣдь) о каждомъ (дѣлѣ) спрашивать и, если исповѣдующійся сдѣлалъ что нибудь доброе, то—хвалить его и утверждать въ этомъ, а если найдетъ, что онъ въ чемъ нибудь погрѣшилъ, то, посредствомъ исповѣди и покаянія, исправлять его, сколько можно, и возводить падшаго къ Богу, слѣдуя правиламъ Отцевъ и духовному разсужденію ихъ. Впрочемъ и тѣ, которые думаютъ, что они не пали (что, какъ я полагаю, невозможно),—всѣ должны каяться.

229. О томъ, что и живущему благоговѣйно нужно жить подъ руководствомъ и принимать отъ отца (духовнаго) епитимію, и не полагаться на себя.

Думать, что не палъ, значитъ — пасть, и это большій изъ всѣхъ грѣховъ, въ которомъ, по безумію своему, повинны и стоящіе ошуюю (Мат. 25, 37 и сл.), говорящіе: *когда тя видѣхомъ?*—то есть: «мы не согрѣшили». А что это — тягчайшій грѣхъ, свидѣтельствуетъ возлюбленный Ученикъ и Дѣвственникъ, говоря: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и аще исповѣдуемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша* (1 Іоан. 1, 8. 9). Видишь силу исповѣди? Поспѣшимъ же къ ней всѣ: потому что и нужду въ ней имѣемъ всѣ. И Братъ Божій свидѣтельствуетъ: *исповѣдайте,* говоритъ, *другъ другу согрѣшенія, и молитеся другъ за друга, яко да исцѣлѣете* (Іак. 5, 16): потому что всѣ—уязвлены и покрыты слѣдами

ударовъ, и нѣтъ никого, кто бы не нуждался во врачеваніи. Одинъ только безгрѣшенъ, Тотъ, кто, пришедши въ уничиженіи, уврачевалъ насъ и въ смиреніи даровалъ намъ врачевство, заповѣдавъ припадать и смиряться другъ предъ другомъ, и взаимно врачеваться. И тотъ, кто, уже уврачевавшись, ревнуетъ о преуспѣяніи въ добродѣтели, — и тотъ не самъ по себѣ долженъ устремляться на это, но дѣйствовать съ благословенія отца (духовнаго), и держать не свой собственный канонъ, но принимать его чрезъ живой голосъ и жить подъ руководительствомъ. И никто никакимъ образомъ не долженъ, полагаясь на себя, управлять самимъ собою: потому что это несообразно съ христіанскою жизнію: ибо жить самовольно — не есть (установленіе) Христово, такъ какъ Христосъ послушенъ былъ Отцу своему до смерти крестной. Итакъ, если Онъ (поступалъ такимъ образомъ), то кто больше Его? И какимъ образомъ тотъ будетъ Христовъ, кто живетъ не по примѣру Христа? Ибо Христовъ—тотъ, кто, по примѣру Христа, живетъ смиренно, не дѣлаетъ ничего отъ себя, но исполняетъ только волю божественную и пребываетъ въ послушаніи, какъ и Спаситель, молившійся: *обаче не моя воля*, т. е., (воля) человѣчества, *но твоя да будетъ* (Лук. 22, 42), — каковая божественная воля есть и воля Его со Отцемъ, и Святаго Духа. Такъ, будучи сугубъ естествомъ и имѣя двѣ естественныя воли, единый Богочеловѣкъ, имѣя естественную волю человѣческую непорочную

и чистую, повиновался Отцу, изглаждая первое добровольное преслушаніе, и, имѣя два естественныя дѣйствія, будучи, выше всякаго описанія, единъ совершенъ vпостасію и сугубъ естествомъ, посредствомъ ихъ всецѣло обновивъ, обожилъ насъ. — Къ покаянію относится и ангельскій образъ покаянія, о которомъ мы выше сказали; впрочемъ, снова нужно разсмотрѣть, какъ онъ совершается и что касается до его обрядовъ.

230. Почему образъ монашескій называется ангельскимъ?

Но, можетъ быть, кто нибудь скажетъ: почему образъ покаянія называется ангельскимъ, тогда какъ Ангелы не падаютъ, потому что падать—не въ ихъ природѣ? Такой пусть знаетъ, что неизмѣняемость и невозможность паденія (свойственна) только Богу, всегда сущему и пребывающему неизмѣняемымъ; а всѣмъ, получившимъ бытіе и созданнымъ, свойственна измѣняемость. Извѣстно, что нѣкоторые изъ Ангеловъ пали; да и быть Ангелами —значитъ внимать себѣ, быть смиренными и послушными Богу, чистыми служителями Его, и исполнять волю Его, какъ написано. Ибо Ангелъ (ἄγγελος) есть вѣстникъ (ἀναγγέλλων) Божій. Такъ и монахъ, хотя имѣетъ склонную къ паденію природу человѣческую, но, возревновавши, пріемлетъ силу наступать на змѣй и скорпій, и на всю силу вражію, и ничто не повредитъ ему. Итакъ, удаляясь отъ житейскихъ заботъ и оставивъ міръ, родственниковъ, жену, дѣтей и

братьевъ, онъ подражаетъ житію Ангеловъ: ибо они не привязаны къ дольнему, не имѣютъ потомства плотскаго. Да и дать обѣтъ воспріять на рамена крестъ Христовъ, идти по стопамъ Его, быть послушнымъ Ему, отречься отъ всего и не исполнять своей воли—дѣло ангельское. *Благословите*, говоритъ (Писаніе), *Господа вси Ангели его, сильніи крѣпостію, творящіи слово его, услышати гласъ словесъ его. Благословите Господа вся силы его, слуги его, творящіи волю его* (Пс. 102, 20). Видите? Вотъ подобіе образа ангельскаго и даже самаго Іисуса Христа, молившагося ко Отцу: *не моя воля, но твоя да будетъ* (Лук. 22, 42). Посему-то Діонисій и говоритъ, что этотъ образъ по чистотѣ выше жизни и епископовъ, (живущихъ) въ мірѣ.

231. Отъ чего нынѣ возводимые на епископство бываютъ сперва монахами?

Посему и Церковь Христова бо̀льшую часть возводимыхъ на епископство еще прежде украшаетъ этимъ божественнымъ образомъ и потомъ поставляетъ Епископами, обезопасивая великое и святое святыхъ этимъ всесвятымъ и священнымъ образомъ. Но смотри, какъ совершается во Христѣ божественное священнодѣйствіе монашескаго образа.

232. О монашескомъ посвященіи.

Желающій быть монахомъ добровольно приходитъ и, давши обѣтъ жизни по Богу, испы-

тывается въ теченіе опредѣленнаго времени, и, когда докажетъ вѣру своею жизнію и станетъ самъ искать посвященія въ образъ (монашескій), дабы не казалось, что (это дѣлаетъ онъ) по принужденію и насилію,—тогда приводится ко храму: потому что, самъ себя удаляя отъ міра, онъ приносится подобно дару;—и останавливается предъ вратами, такъ какъ онъ еще не принадлежитъ къ Ангеламъ и людямъ равноангельнымъ, но, какъ кающійся, стоитъ предъ раемъ и небомъ, умоляя о входѣ. И какъ скоро начнется священное тайноводство (т. е., литургія), то послѣ перваго входа во святое, который указываетъ на приведеніе нашего естества къ горнему міру, приводится и онъ, какъ обрѣтенное (овча) погибшее, воспринятое и принесенное на раменахъ обрѣтшаго его Господа.

235. Что значитъ, что (постригаемый) бываетъ босъ, нагъ и непокровенъ?

А потому онъ и обнаженъ отъ мірскихъ одеждъ, босъ и непокровенъ. Первое—потому, что онъ сбросилъ съ себя все излишнее и мірское; а второе—потому, что онъ бѣденъ и нищъ, какъ лишенный богатства разбойниками, страшно избитый и израненный, оставленный нагимъ и лежащій полумертвымъ, и притомъ лишенный злыми гражданами имѣнія и изсохшій отъ голода и не доброй пищи отъ рожецъ (Лук. 15, 13—16).

234. Что означаетъ такое приведеніе нагаго, держимаго въ объятіяхъ, припаданіе и прочее?

Во время приведенія (постригаемаго) нагаго добрыми рабами, подобными Ангеламъ, ведущими жизнь равноангельскую, громогласно поется: «*объятія Отча отверзти ми потщися*», и зажигаются свѣтильники, изображающіе даруемую благодать и просвѣщеніе, и радость небесную. Приводимый припадаетъ трижды, въ честь Троицы и въ свидѣтельство рѣшительности приведенія; и три также раза встаетъ, въ знаменіе возстанія отъ паденія. Подошедши къ священнымъ вратамъ, какъ къ небу, онъ припадаетъ предъ настоятелемъ, какъ Отцемъ небеснымъ, и радостно пріемлется, какъ сынъ блуждавшій. Потомъ онъ встаетъ и поклоняется братіямъ, прося прощенія и умоляя, какъ старшаго сына (Лук. 15, 12), не гнѣваться на него за то, что оскорбилъ ихъ своею безсловесною жизнію, и вмѣстѣ съ ними обращается къ Отцу небесному.

235. Зачѣмъ обѣты (предлагаются) въ вопросахъ и отвѣтахъ, тогда какъ они—дѣло добровольное?

Затѣмъ ему повелѣвается отверзть уши и уста; и нелицемѣрно и безъ притворства, но искренно, исповѣдать истинное покаяніе. На вопросъ: «зачѣмъ пришелъ», онъ отвѣчаетъ: затѣмъ, что желаетъ житія подвижническаго и хочетъ пріобщиться къ лику монашествующихъ, и что онъ приступаетъ по доброй волѣ, а не по принужденію;—обѣщается соблюдать

себя въ дѣвствѣ, цѣломудріи и воздержаніи, и хранить до смерти послушаніе настоятелю, терпѣть всякую скорбь и тѣсноту ради царствія небеснаго, и оставаться въ монастырѣ и подвижничествѣ до послѣдняго издыханія. Когда онъ произнесетъ такіе обѣты предъ Богомъ и людьми, то оглашается, какъ принесшій Творцу добровольную жертву, живую и словесную. Іерей изъясняетъ ему образъ жизни совершеннѣйшей и—что онъ имѣетъ алкать, жаждать и терпѣть наготу ради Христа, за насъ потерпѣвшаго это,—терпѣть обиды, насмѣшки, гоненія и все ради Него, и притомъ радоваться, что все это потерпѣлъ ради Христа (потому что это—величайшій даръ). Тогда онъ принимаетъ второе крещеніе, очищается отъ грѣховъ и является сыномъ свѣта, и Господь нашъ радуется о немъ съ своими Ангелами, закалая для него тельца упитаннаго, который есть тѣло и кровь Его. (Іерей внушаетъ ему) удаляться отъ прекословія, непослушанія, превозношенія и всѣхъ другихъ порочныхъ (наклонностей), преуспѣвать же въ смиреніи, покорности, братолюбіи, должномъ прилежаніи, чтеніи божественнаго слова, блюденіи сердца отъ скверныхъ помысловъ; къ тому еще—въ посильномъ дѣланіи (внѣшнемъ) и исповѣданіи сокровенныхъ (движеній) сердца, какъ внушаютъ священные и божественные завѣты. Отсюда видно, какъ хорошо сказано, что святый образъ состоитъ въ покаяніи.

236. Что знаменуетъ постриженіе волосъ?

Итакъ, когда онъ исповѣдуетъ все это въ надеждѣ на силу Христову и рѣшится пребывать въ этомъ до конца своей жизни, — такъ какъ добровольно посвящаетъ себя Христу, — на головѣ его крестообразно постригаются волосы, во имя Троицы. Троицею онъ освящается, а посредствомъ креста являетъ мертвенность для міра и знаменуется Распятымъ за насъ. Чрезъ отнятіе же и постриженіе волосъ приноситъ Господу, какъ жертву, начатки отъ тѣла: ибо всего себя приноситъ и посвящаетъ Христу, и отвергъ все излишнее и мірское.

237. Въ чемъ сила молитвъ, читаемыхъ предъ стриженіемъ власовъ?

Предъ стриженіемъ власовъ, послѣ (произнесенія) обѣтовъ, (постриженный) принимаетъ отъ іерея священныя молитвы. И вопервыхъ, (іерей молится), да Всещедрый Богъ пріиметъ его, какъ обратившагося, и объиметъ его, какъ блуднаго, и защититъ отъ присно ратующихъ враговъ, и пребудетъ съ нимъ всегда, веселя и услаждая сердце его утѣшеніемъ Божественнаго Духа, сподобляя его и части Преподобныхъ, въ образъ которыхъ онъ облекается, чтобы вмѣстѣ съ ними наслѣдовалъ и царство небесное въ самомъ Христѣ, котораго онъ (іерей) и благословляетъ вмѣстѣ съ Отцемъ и Духомъ: потому что такое призываніе подаетъ всѣ божественные (дары) и освящаетъ посвящаемаго. Потомъ, знаменовавъ его

и обратившись къ востоку, (iерей) произноситъ совершеннѣйшую молитву, между тѣмъ, какъ посвящаемый лежитъ на землѣ: «Сый Владыко Господи съ Живымъ и Υпостаснымъ Словомъ Твоимъ и отъ Тебя исходящимъ Духомъ истины» (iерей) нарицаетъ его и Богомъ Ангеловъ), «и предъ которымъ и Серафимы, пѣснословя, предстоятъ»; — свидѣтельствуетъ, что Онъ есть истинный Свѣтъ, просвѣщающiй всяческая, что Его умоляетъ вся небесная Церковь первородныхъ на небеси. (Онъ) молится, чтобы Господь призрѣлъ на смиренiе посвящаемаго, исповѣдавшаго предъ народомъ обѣты; чтобы чрезъ этотъ ангеловидный образъ прiобщилъ его даннаго во святомъ крещенiи дара сыноположенiя; чтобы (посвящаемый) сохранился въ немъ и укрѣпился на брань противъ невидимаго врага, силою Духа низложилъ возстанiя плоти и, отложивши ветхаго человѣка, облекся въ новаго; молится, чтобы онъ, укрѣпившись во всемъ и, посредствомъ молитвы, прiобрѣтши силу для жизни въ преподобiи и правдѣ, и содѣлавшись орудiемъ Божiимъ и жилищемъ Духа, вмѣстѣ со всѣми избранными сподобился царства небеснаго. Затѣмъ, возглашая, славословитъ Троицу, отъ которой намъ подается всякъ даръ совершенъ. И, когда священникъ возгласитъ: «миръ всѣмъ», а также: «приклоните главы», — всѣ приклоняютъ ихъ въ знаменiе подчиненiя вмѣстѣ съ посвящаемымъ монахомъ, на которомъ во время чтенiя надъ нимъ священныхъ молитвъ простерта не рука iерарха, такъ какъ

онъ не хиротонію пріемлетъ, но на главѣ его (лежитъ) только молитвословъ. Далѣе іерей прибавляетъ другую молитву: «Святый Господи сильъ, Отче Господа нашего Іисуса Христа, пріими раба твоего *имярекъ*»;—и запечатлѣваетъ его трижды въ знакъ и посвященія его, и во славу Троицы. Освящая его этимъ знаменіемъ и произнесши остальную часть молитвы, (іерей) дѣлаетъ возгласъ и славословитъ, и, обратившись къ лежащему, поднимаетъ его, показывая этимъ, что онъ всталъ отъ грѣха и получилъ прощеніе,—что Отецъ принялъ его и опять усыновляетъ, возвращаетъ ему прежнюю одежду чистоты и пріобщаетъ къ Ангеламъ. Посему, взявши его за правую руку и указавши на евангеліе, какъ на Спасителя, іерей повелѣваетъ облобызать его, чѣмъ знаменуется, что онъ пришелъ въ объятія и облобызалъ Отца. Затѣмъ говоритъ: «се Христосъ невидимо предстоитъ здѣсь», и завѣщаетъ быть внимательну, чтобы не пасть, такъ какъ никто не принуждаетъ его идти противъ воли, но онъ приходитъ самъ, по своей волѣ. (Посвящаемый) исповѣдуетъ это,—что онъ идетъ по своему изволенію. Потомъ іерей опять говоритъ: «се Христосъ невидимо предстоитъ здѣсь»; смотри, къ кому приступаешь, т. е., ко Христу,—съ кѣмъ сочетаваешься, т. е., съ Самимъ Христомъ;—отъ кого отвращаешься,—именно: отъ міра и что въ мірѣ. И, давши ему ножницы, іерей говоритъ: «возьми и подай мнѣ», чтобы онъ показалъ свое изволеніе. И если постригающій іерей есть и

воспріемный отецъ, онъ самъ беретъ ножницы отъ постригаемаго монаха, который напередъ лобызаетъ ихъ. А если же беретъ ихъ воспріемникъ (отдѣльный), то онъ и подаетъ ихъ іерею. И іерей снова даетъ ихъ посвящаемому, который снова лобызаетъ и даетъ ихъ воспріемнику, а этотъ снова подаетъ іерею. И это бываетъ до трехъ разъ, въ честь Троицы и въ увѣреніе совершающагося. Подавая въ третій разъ, іерей говоритъ: *се отъ руки Христовы пріемлеши я!* Страшное слово и приводящее слышащихъ въ трепетъ. Потомъ, взявъ ножницы, прибавляетъ: *Благословенъ Богъ, хотяй всѣмъ спастися,* и пр.: ибо нужно благодарить Бога за всѣ спасительныя дѣла. Вслѣдъ за тѣмъ іерей постригаетъ его, во имя Троицы, крестообразно остригая сверху, и волосы полагаетъ на жертвенникѣ, выражая этимъ, что они суть начатокъ и даръ Богу, какъ и (посвящаемый) всецѣло приносъ себя, и есть жертва живая и богоугодная. Потомъ (іерей) надѣваетъ и принадлежности образа (монашескаго), каждую запечатлѣвая крестнымъ знаменіемъ и приговаривая: облекается рабъ Божій, или препоясуется, или: покрывается, или что другое,— во имя Отца и Сына и Святаго Духа: *рцемъ о немъ: Господи, помилуй,*—что и говорится всѣми каждый разъ трижды, въ знакъ того, что (посвящаемый) обрѣтаетъ себѣ защиту въ Троицѣ и что на немъ милость Божія, и что молитва та по преимуществу прилична монаху, такъ какъ испрашиваетъ милости отъ Іисуса Христа,

238. Что означают одежды священнаго образа монашескаго?

Облекается прежде всего, говорит (иерей), ***в ризу правды и радованія***, в замѣн той наготы и стыда, и послѣдовавшей за преслушаніем и грѣхом тлѣнности, смерти и скорби, которую чрез послушаніе и жизнь нетлѣнную удаляет святой монашескій образ. Потом— в паллій великаго образа, ***во одежду***, говорит (иерей), ***нетлѣнія и чистоты***, как знак Божія покровительства, дарующій за святость жизни принимающему его жизнь вѣчную, и в (знаменіе) божественнаго одѣянія, которое благодать Духа дает в замѣн кожаных риз. Потом—***в кукуль беззлобія, шлем спасительнаго упованія***,—ради осѣненія Божіею благодатію и преобладанія владычественной силы (т. е., ума), посредством смиренномудрія и свойственнаго невинным младенцам незлобія, в знаменіе охраненія Божія и осѣненія главы со всѣми чувствилищами. Этот кукуль свѣшается и спереди на персях—ради (силы) мысленной и сердца, и сзади, и обшит вокруг червлеными крестами, для того, чтобы этим царственным и страшным знаменіем отгонять врагов, спереди и сзади нападающих на нас. Затѣм—***аналав***, (сшитый) из кожи животнаго, в знаменіе смерти для міра, и спереди и сзади от плеч крестообразно имѣющій знаменія креста, или, лучше сказать, изображающій самый крест. Іерей говорит: ***восприемляй крест свой на рамѣх и по-***

елпдуній Владыцп, какъ исповѣдалъ самъ (посвящаемый). Потомъ сверхъ этихъ одеждъ пріемлетъ поясъ кожаный—*препоясуетъ*, (говоритъ іерей), *чресла своя* въ умерщвленіе плоти и въ обновленіе духа, ради цѣломудрія и чистоты, и въ умерщвленіе, сколько возможно, движеній плоти, и въ укрѣпленіе противу страстей, и во утвержденіе въ исполненіи заповѣдей. Потомъ — сандаліи, *во уготованіе*, (говоритъ), *благовпствованія мира*, дабы онъ не повредилъ мысленныхъ ногъ души и не былъ уязвленъ мысленными зміями въ пяту помысловъ, но чтобы наступалъ на нихъ и попиралъ льва и змія, невидимыхъ и губительныхъ звѣрей злобныхъ,—чтобы неуклонно поспѣшалъ по пути евангельскому, постоянно востекая горѣ, гдѣ уготована намъ жизнь небесная. А наконецъ, облекается въ мантію, которою объемлется весь, при чемъ іерей громогласнѣе говоритъ: *братъ нашъ имярекъ пріятъ великій и ангельскій образъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, — такъ какъ мантія есть (одежда) совершительная и объемлетъ всего, и выражаетъ и знаменуетъ охранительную и промыслительную силу Божію, а также строгость, благоговѣніе и смиреніе жизни монашеской, и— что у монаха ни руки, ни другіе члены не живутъ и не свободны для мірской дѣятельности, но всѣ мертвы: свободна только голова, взирающая къ Богу—Главѣ всяческихъ и мыслящая о божественномъ, и къ Богу стремящаяся; но и та покрыта кукулемъ—ради смиренномудрія

и не имѣетъ открытыми (находящихся) въ ней чувствилищъ.

259. О томъ, что монахъ и внѣшнимъ видомъ подражаетъ смерти Христовой.

Такъ какъ (монахъ) называется мертвымъ для жизни (мірской) и какбы уже пребываетъ во гробѣ: то мантія и есть какбы гробъ, а погребальныя (принадлежности) внутреннія—это риза (нижняя) и прочія (одежды). Аналавомъ и прочими одеждами изображается страданіе крестное, потому что монахъ распялся для міра и въ этомъ далъ обѣтъ. Кукулемъ же—сударь головной, а весь вообще (монахъ) уподобляется распятому за насъ, умершему и повитому погребальными пеленами и сударемъ Господу. Для того это, чтобы, сраспявшись съ Нимъ для жизни (мірской) и соумерши для ней, онъ совосталъ, совознесся и явился снаслѣдникомъ Отчаго царства Его, и содѣлался общникомъ тѣхъ благъ, которыя уготованы намъ прежде сложенія міра. Объ этомъ и молится надъ нимъ іерей, послѣ принятія имъ святаго образа. Ибо тотчасъ снова присовокупляетъ молитву и молится, дабы Благій Богъ, вѣрный въ своихъ обѣтованіяхъ и нераскаянный въ дарованіяхъ, далъ ему жизнь благообразную, жительство добродѣтельное и незазорное, да соблюдетъ, поживъ въ освященіи, несквернымъ образъ, въ который облекся. И (іерей) перечисляетъ силу и значеніе каждой одежды. Съ хитономъ облекся онъ въ божественную правду вмѣсто преступленія;

вмѣстѣ съ поясомъ обложилъ себя умерщвленіемъ плоти и цѣломудріемъ: такъ какъ (препоясался) около чреслъ, чтобы быть мертву для пожеланія и мужественну въ добродѣтели. Съ кукулемъ возложилъ на себя смиренномудріе во спасеніе, дабы владычественною (силою, т. е., умомъ) смиренномудрствовать и хорошо управлять чувствами: почему (постригающій) и называетъ кукуль шлемомъ спасенія. Съ аналавомъ, говоритъ (іерей), онъ украсился крестомъ и вѣрою: такъ какъ аналавъ имѣетъ видъ креста, которымъ свидѣтельствуется вѣра во Христа и мертвенность. Съ одѣяніемъ, разумѣется, палліемъ и мантіей онъ облекся въ одежду нетлѣнія и какбы въ крѣпкія латы, и, вмѣсто кожаныхъ ризъ, украшенъ и освѣщенъ божественною благодатію. Съ сандаліями получилъ силу шествовать по пути, ведущему ко спасенію и миру, обязанъ будучи, по Евангелію, шествовать и стремиться по (стезямъ) мира, благовѣствовать миръ, потому что и онъ явился ученикомъ Христа, все оставившимъ и Ему послѣдовавшимъ; а миръ нашъ, путь къ Отцу и истина, жизнь и свѣтъ есть Христосъ, и идущій по стопамъ Его получитъ свѣтъ животный и достигнетъ жизни. Кромѣ того, (монахъ) называется (въ молитвѣ) подражателемъ Иліи и Крестителя, какъ начальниковъ отшельнической жизни; (говорится), что онъ облечется нетлѣніемъ ангельскимъ, сподобится предстоять одесную Христа и услышитъ блаженный гласъ Его: *пріидите*, *благословенніи Отца моего*

(Матѳ. 25, 34),—котораго и всѣмъ сподобиться услышать проситъ (іерей). Сдѣлавши возгласъ и произнесши обыкновенное славословіе Троицѣ, сказавши: *миръ всѣмъ* и повелѣвши приклонить главы Господеви, какъ служебныя, дабы получить благословеніе свыше,—онъ опять молится Богу, да введетъ Онъ постригаемаго въ свой божественный и духовный дворъ, т. е., да содѣлаетъ его собственнымъ Себѣ, причтетъ его къ друзьямъ своимъ и къ своему лику (σύγκλητος), да содѣлаетъ чистѣйшимъ и высшимъ всего житейскаго его помыслъ, *во еже непрестанно поминати предлежащихъ благъ распеншимъ себе житію сему ради Христа*. И опять возгласно прославляетъ Бога въ Троицѣ, яко Пастыря и Посѣтителя душъ нашихъ: потому что отъ Него и руководительство намъ къ лучшему, промышленіе и управленіе. Потомъ іерей беретъ отъ діакона святое евангеліе и говоритъ: *рече Господь: аще кто хощетъ по мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ* (Лук. 9, 23). И предлагаетъ ему взять, если онъ освященный, а если нѣтъ, то подаетъ ему крестъ. А этотъ, принимая, покланяется и лобызаетъ его, показывая тѣмъ, что онъ послѣдовалъ Христу и пріемлетъ долгъ слѣдовать. Затѣмъ іерей подаетъ ему свѣчу, въ знаменованіе свѣта, который получилъ (посвящаемый), и какъ обязанному проводить чистую жизнь. Посему (іерей) говоритъ ему слова Спасителя: *рече Господь: тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ*

человѣки, и проч. (Мато. 5, 16). Потомъ поставляетъ его предъ святыми дверьми, какъ приближающагося ко вратамъ небеснымъ и примирившагося съ Господомъ; а (посвящаемый) держитъ евангеліе и зажженную свѣчу, такъ какъ онъ долженъ жить по-евангельски и чисто во славу Бога, который призвалъ его въ чудный свой свѣтъ. Тотчасъ вслѣдъ затѣмъ іерей, облобызавши его, ради любви и единенія во Христѣ, и въ ознаменованіе лобзанія Отца небеснаго, послѣ того, какъ нашелъ Онъ погибшаго сына и весьма возрадовался,—становится близъ него, такъ какъ онъ сдѣлался близкимъ къ Богу. А всѣ братія вмѣстѣ съ отцемъ (настоятелемъ), держа въ рукахъ свѣчи въ знаменіе веселія и Божіей благодати, и радости Ангеловъ, отходятъ и, поочередно лобызая священное евангеліе и іерея, носящаго образъ Христа, и самый крестъ Его, и пріявшаго образъ (монашескій), съ веселіемъ воспѣваютъ. А то, что поютъ они,—это: *познаимъ, братіе, таинства силу.* Въ чемъ же эта сила? Въ томъ, что *отъ грѣха къ Отеческому дому востекшаго преблагій Отецъ предусрѣтъ лобызаетъ* и, возвративъ ему прежнее достоинство, радуется и ликуетъ съ вышними силами, заклавъ тельца упитаннаго.

240. О томъ, что послѣ лобзанія и всѣхъ (обрядовъ) посвященія (бываетъ) завершеніе благъ—пріобщеніе.

А посему послѣ лобзанія совершается священнодѣйствіе Живаго Тельца и по чину чи-

тается приличное зачало Апостола и божественнаго Евангелія. Принявшій образъ (монашескій) со свѣчею идетъ впереди евангелія и святыхъ (даровъ), такъ какъ онъ сталъ воиномъ и слугою Христовымъ; и въ прошеніяхъ удостоивается упоминанія, какъ написанный на небесахъ и причтенный къ лику братій. Наконецъ, онъ сподобляется причащенія божественнѣйшихъ (даровъ), такъ какъ содѣлался общникомъ пренебесной и живой трапезы. И такимъ образомъ съ веселіемъ, между тѣмъ, какъ всѣ поютъ и молятся о томъ, что онъ прилѣпился къ винограду Господню, онъ приступаетъ и къ чувственной трапезѣ, раздѣляя веселіе съ единочинными себѣ. Отселѣ онъ упражняется въ молитвахъ, послушаніи и работѣ, въ смиреніи проходитъ путь жизни и идетъ по стопамъ Христа, котораго славы и общенія, по милости Его, да сподобимся всѣ мы.

Такимъ образомъ вотъ мы изложили, какъ умѣли, и (обряды таинства) покаянія и священнаго образа (монашескаго), хотя и ангельскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и образа покаянія. Далѣе скажемъ вкратцѣ и о двухъ остальныхъ таинствахъ Церкви, чтобы выполнить свое обѣщаніе, и приведемъ рѣчь къ концу.

Клир. Хорошо для насъ, святѣйшій владыко, узнать и объ этихъ (таинствахъ), какъ и о другихъ.

О ХРИСТІАНСКОЙ ЛЮБВИ КЪ БЛИЖНИМЪ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ 13-Й ГЛАВЫ 1-ГО ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА КЪ КОРИНѲЯНАМЪ (*).

Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ и ученики Его св. Апостолы многократно и многообразно восхваляютъ христіанскую любовь къ ближнему: они представляютъ ее, какъ *новую заповѣдь* новаго завѣта (Іоан. 13, 34; 1 Іоан. 2, 8), какъ истинно-отличительный признакъ учениковъ Христовыхъ (Іоан. 13, 35), какъ *исполненіе закона* и *союзъ совершенства* (Рим. 13, 8—10; Кол. 3, 14), какъ несомнѣнное свидѣтельство нашего тѣснѣйшаго общенія съ Богомъ (1 Іоан. 3, 24; 4, 7. 12. 16), и т. под. Но нигдѣ въ св. Писаніи не изображаются любовь и ея высокія свойства и дѣйствія съ такою обстоятельностію, какъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ. По причинѣ значительнаго оскудѣнія этой добродѣтели у многихъ изъ коринѳскихъ вѣрующихъ, Апостолъ старается расположить къ ней своихъ читателей особенно-продолжительною бесѣдою. Онъ называетъ христіанскую любовь другъ къ другу

(*) Отрывокъ изъ приготовленнаго къ изданію въ свѣтъ сочиненія экстраординарнаго профессора с.-петербургской Д. Академіи *Моѵсея Голубева*, подъ заглавіемъ: «Обозрѣніе посланій св. ап. Павла къ Коринѳянамъ».

превосходнѣйшимъ путемъ ко спасенію (12, 31) и затѣмъ, въ подтвержденіе и раскрытіе такого названія любви, восхваляетъ ее: 1) въ отношеніи къ другимъ нашимъ благамъ и подвигамъ благочестія—какъ необходимое условіе для сохраненія ихъ достоинства (13, 1—3); 2) въ ея свойствахъ и дѣйствіяхъ—какъ *исполненіе закона* или вѣрнѣйшее средство къ частному и общему благу вѣрующихъ (13, 4—7; ср. Рим. 13, 10); 3) въ продолженіи ея существованія—какъ благо никогда непрестающее (8—13).

1) По ученію Апостола, безъ любви, во первыхъ, ничего не значатъ предъ Богомъ никакія дарованія наши, никакое знаніе, никакая вѣра, никакая добродѣтель (13, 1—3).

Безъ любви ничтожны всѣ чрезвычайные дары духовные, не исключая и того, который считался (у Коринѳянъ) всего бо́льшимъ и чуднымъ [1] и о которомъ поэтому упоминается здѣсь прежде другихъ, — даръ языковъ, хотя бы онъ сообщенъ былъ въ самой обширной степени. *Аще языки человѣческими глаголю и ангельскими!*—если я говорю всѣми возможными языками, не только человѣческими языками «всѣхъ народовъ, какіе существуютъ во вселенной» [2], но, что́, конечно, гораздо больше (Гал. 1, 8; Рим. 8, 39), и ангельскими, *любве же не имамъ, быхъ* (*яко*) *мѣдь звенящи, или кимвалъ звяцаяй* (ст. 1). Наименованіями *человѣковъ и Ангеловъ* объемлется здѣсь, какъ и въ другомъ мѣстѣ (1 Кор. 4, 9), весь кругъ живыхъ и разумныхъ существъ, и *языками человѣческими и ан-*

---

[1] *Злат.* in 1 Cor. p. 338, E.

[2] Πάντων τῶν πανταχοῦ τῆς οἰκουμένης ἐθνῶν. *Злат.* p. 338.

гельскими означаются всѣ возможные языки. Наименованіе *языка*, въ отношеніи къ Ангеламъ, собственно означаетъ свойственный Ангеламъ способъ взаимно сообщать свои мысли при хваленіи Бога и размышленіи о дѣлахъ и совѣтахъ многоразличной премудрости Божіей (1 Петр. 1, 12; Еф. 3, 10) (3), такъ какъ эти «свѣты вторые мысленные, отъ того перваго и безначальнаго Свѣта (Бога) освѣщеніе имѣющіе, не нуждаясь ни въ языкѣ, ни въ слухѣ, но безъ произношенія словъ сообщаютъ другъ другу свои мысли и совѣты» (4). «О языкѣ ангельскомъ говоритъ здѣсь (Апостолъ), не тѣло приписывая Ангеламъ, но слова его значатъ слѣдующее: хотя бы я такъ говорилъ, какъ обычно (νόμος) Ангеламъ бесѣдовать между собою, безъ нея (любви) я ничто, но становлюсь еще тягостнымъ и нестерпимымъ. Вотъ также онъ и въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ, что *поклонится ему всяко колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Фил. 2, 16), не колѣна и кости приписывая Ангеламъ, говоритъ это,— да не будетъ!—но величайшее (ἐπιτεταμένην) поклоненіе хочетъ обозначить тою формою, въ какой оно у насъ

---

(3) *Аѳанас. Вел.* De commun. ess. Patr., Fil. et Spir. S. n. 52. «Престолы, Серафимы и Херувимы поучаются непосредственно отъ Бога, «какъ высшіе изъ всѣхъ и ближайшіе къ Богу; потомъ они поучаютъ и «прочіе чины, и такимъ образомъ по порядку высшіе учатъ низшихъ». *Ефр. Сир.:* «когда небесные духи желаютъ что либо узнать о Сынѣ: то обращаются «съ вопросами своими къ высшимъ, а эти поучаются по мановенію отъ «Духа». Adv. scrutat. serm V.—См. *Діон. Ареоп.* о Неб. Іер. стр. 21. 27. 35. 39.

(4) *Іоанн. Дамаск*. Точн. Изл. Прав. Вѣры, кн. II, гл. 3.—«Безтѣлесными устнами и умными усты ангельстіи чини непрестанное пѣніе приносятъ твоему неприступному Божеству, Господи». Служб. 8 ноябр. безплотн. Силамъ, на лит. стих. глас. 2.

совершается. Такъ и здѣсь употребилъ слово: *языкъ*, не на органъ тѣлесный указывая, но желая бесѣдованіе ихъ другъ съ другомъ обозначить извѣстнымъ у насъ (въ такомъ дѣлѣ) способомъ» (5). Св. Пророки Божіи—Исаія (6, 3), Даніилъ (7, 10) и другіе сподобились быть свидѣтелями бесѣдованія Ангеловъ на свойственныхъ имъ языкахъ (6); и этихъ же языковъ *неизреченные глаголы, ихже не лѣть есть человѣкомъ глаголати*, слышалъ божественный Апостолъ языковъ, когда былъ восхищенъ *до третьяго неба* (2 Кор. 12, 2—4). Высокая слава уже и слышать эти глаголы (ст. 5); еще выше—говорить на ангельскихъ языкахъ, на которыхъ они были слышаны, значитъ—неизмѣримо выше, нежели говорить на человѣческихъ языкахъ, чѣмъ такъ хвалились иногда вѣрующіе (Коринѳа) предъ не имѣвшими этого чрезвычайнаго дара, къ ихъ уничиженію: и однако и самое высокое дарованіе, при отсутствіи любви, ничтожно и безполезно. *Любве же не имамъ*. Подъ *любовію* разумѣется здѣсь и во всей главѣ любовь къ ближнему, такъ какъ на нее указываютъ всѣ качества ея, выхваляемыя далѣе: любовь *отъ чиста серд-*

---

(5) *Злат.* in. 1 Cor. p. 338. — «*Языками Ангеловъ* не чувственные, но мысленные (языки) называетъ, посредствомъ которыхъ они и Бога всяческихъ восхваляютъ, и другъ со другомъ бесѣдуютъ. Исаія слышалъ, какъ они хвалятъ Бога, а Іезекіиль и Даніилъ — какъ они между собою говорятъ, равно какъ Захарія и Михей»—*Ѳеодорит.* in. h. l.—«Говоря: *языками ангельскими*, не тѣло приписываетъ Ангеламъ, но означаетъ бесѣдованіе Ангеловъ между собою. Потому что и они имѣютъ нѣкоторые знаки (σημασίαν), посредствомъ которыхъ взаимно бесѣдуютъ»—*Экумен.* in h. l.—«*Ангельскій языкъ* есть разумная сила передавать другъ другу божественныя помышленія». *Ѳеофилакт.* in h. l.

(6) *Ѳеодор.* въ примѣч. 5.

ца и совѣсти благія и вѣры нелицемѣрныя (1 Тим. 1, 5; Рим. 12, 9), полная, безкорыстная: такъ какъ только такая любовь способна освятить тѣ жертвы, которыя мы иногда готовы бываемъ принести для пользы ближнихъ (1 Кор. 13, 3); слѣд. любовь къ ближнему, но основанная на любви къ Богу, который есть *Богъ* истинной *любви* (2 Кор. 13, 11; ср. 1 Сол. 3, 12) и сама Любовь (1 Іоан. 4, 16); короче: любовь *въ Дусѣ* Святѣ (Кол. 1, 8; Филим. ст. 16) (7) или «духовная *о Христѣ Іисусѣ*» (ср. 1 Кор. 16, 24) (8), осуществляемая, т. е., въ жизни, какъ заповѣдь Спасителя и отличительный признакъ учениковъ Его (Іоан. 13, 31. 35). О всякой иной любви, которая, въ сущности, есть только болѣе или менѣе утонченный эгоизмъ, нѣтъ здѣсь рѣчи у Апостола. *Бѣхъ яко мѣдь звѣнящи, или кимвалъ звяцаяй*. Какъ мысль сравненія здѣсь, конечно, должна быть таже, какая безъ сравненія высказывается въ непосредственно слѣдующихъ словахъ: то приведенныя слова значатъ: я не болѣе достоинъ похвалы (*ничтоже есмь*—ст. 2; ср. 1 Кор. 3, 7; Гал. 6, 3) и имѣю также мало пользы (*никая польза ми есть*—οὐδὲν ὠφελοῦμαι—ст. 3), какъ «какая либо безчувственная и бездушная вещь», или какой либо (музыкальный) инструментъ, который, будучи ударяемъ, издаетъ стройные или нестройные звуки (9); или: *инымъ*

---

(7) *Злат.* hom. 1 in Ep. ad. Coloss. 1, 8; homil. 2 in 1 Ep. ad Timoth. in princip.; *Theophyl.* ad h. l.; *Wetsten.* N. T. ad. Coloss. 1, 8.

(8) *Злат.* in 1 Cor. 16, 24; бес. 44 на 2 Кор. стр. 592, по русс. пер.

(9) *Злат.* in h. l. Cfr. *Gregor. Mag.* l. XXXII, 30, Moral. in Iob. Другіе изъясняютъ это мѣсто такъ: безъ любви я произносилъ бы пустыя слова, безъ разумѣнія и пользы для другихъ, подобно издающему звукъ музыкальному инструменту. Но а) ничто не заставляетъ думать, чтобы Апостолъ здѣсь имѣлъ намѣреніе разсуждать о дарѣ языковъ со стороны его невразумительности, подобно какъ онъ разсуждаетъ объ этомъ ниже (14, 6 и д.);

проповѣдуя, самъ я остаюсь *неключимымъ*—недостойнымъ (1 Кор. 9, 27).

Безъ любви ничтожны всѣ наши познанія, какъ бы ни были широки ихъ предѣлы; ничтожно и могущество нашей воли, какъ бы ни были чрезвычайны дѣлаея, совершаемыя вѣрою: *и аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь* (ст. 2). Велико уже въ области нашего познанія и *пророчество* или даръ пророчества (ср. ст. 10), какъ сообщеніе какой либо тайны Божіей къ созиданію Церкви (14, 3): но Апостолъ выставляетъ еще большій даръ—знаніе не одной тайны, но *всѣхъ таинъ* и обладаніе *всякимъ знаніемъ* (10). Выраженіями: *вся тайны,*

б) въ этомъ стихѣ (ст. 1), какъ и въ другихъ слѣдующихъ, рѣчь идетъ о пользѣ какого либо дарованія для *самаго* лица, владѣющаго имъ, а не о пользѣ его *для другихъ*; в) имѣвшій даръ языковъ могъ приносить своимъ даромъ пользу для Церкви, и не имѣя *любви*, если не чрезъ собственное истолкованіе непонятной рѣчи, то, по крайней мѣрѣ, при помощи кого-либо изъ присутствовавшихъ въ молитвенномъ собраніи, имѣвшаго *даръ сказанія языковъ* (14, 5; 13, 27); наконецъ, г) избранное Апостоломъ сравненіе не вынываетъ необходимо къ такому толкованію: потому что *и бездушная гласъ дающая* не всегда *разнствія писканіемъ не даютъ* (14, 7), и слѣд. не всегда бываютъ непонятны и безполезны для слушающихъ. *Мѣдь звѣнящи* (метонимія)—вмѣсто мѣднаго музыкальнаго инструмента; *кимвалъ*—мѣдный, дугою согнутый тазъ, который, будучи ударяемъ, издавалъ звукъ; глаголъ *звяцать* — ἀλαλάζειν, собственно употребляемый о крикѣ устремлявшагося въ сраженіе или возвращавшагося съ побѣдою войска, иногда былъ употребляемъ и о звукѣ музыкальныхъ инструментовъ (отсюда: *кимвалы восклицанія* κύμβαλον ἀλαλαγμοῦ—Пс. 150, 5). См. *Schleusn.* N. Lex. s. v. κύμβαλον, ἀλαλάζω et χαλκός.

(10) Такъ и *Злат.* связываетъ понятія этого стиха—p. 339, D. Онъ же, *Злат.*, по всей справедливости слова: πᾶσαν τὴν γνῶσιν соединяетъ съ ἔχω (τὸ εἰδέναι τὰ μυστήρια καὶ τὴν γνῶσιν ἔχειν ἅπασαν—p. 339, E.), а не съ εἰδῶ, какъ нѣкоторымъ казалось. Впрочемъ, и при этомъ способѣ соединенія словъ мысль остается одна.

весь разумъ, какъ и далѣе: *вся вѣра,* Апостолъ означаетъ не всѣ всякаго рода тайны, познанія и вѣру, но *полноту* извѣстнаго рода таинъ, извѣстнаго рода познаній и извѣстнаго рода вѣры ([11]), подобно какъ и въ началѣ посланія, говоря о томъ, какъ коринѳскіе вѣрующіе *обогатились* во Іисусѣ Христѣ *всякимъ разумомъ* (1, 9), не выставляетъ тѣмъ своихъ читателей знающими все безъ исключенія, но только имѣющими полную степень такого познанія, которое дается вѣрующимъ отъ Св. Духа, отъ Его *помазанія,* какъ *богатство* во Христѣ (ср. 1 Іоанн. 2, 20. 21. 27). Подобно и Іисусъ Христосъ, говоря Апостоламъ, что Святый Духъ — Утѣшитель *наставитъ* ихъ *на всяку истину,* разумѣлъ только всякую истину, касающуюся *грѣха, правды и суда* (ст. 8—11), или нашего спасенія, въ познаніе которой Господь хочетъ привести людей всѣмъ дѣломъ искупленія (1 Тим. 2, 4), слѣдовательно — *всякую истину,* касающуюся богопознанія, которое ведетъ ко спасенію (Іоанн. 20, 31), или касающуюся благовѣствованія — вѣры христіанской, которая потому и называется иногда *истиною* (Іоан. 8, 32; 17, 19; 2 Кор. 4, 2; Гал. 2, 5. 14; 3, 1; Еф. 1, 13; Колос. 1, 6; 2 Сол. 2, 10. 12; 1 Тим. 3, 15; 2 Тим. 2, 18; Тит. 1, 14; 1 Петр. 1, 22; 2 Іоанн. 1, 2). *Тайны* разумѣются здѣсь тѣже, къ которымъ относится и тайна, сообщаемая даромъ пророчества къ назиданію Церкви (ср. 14, 3), и о которыхъ только и училъ Апостолъ и Апостолы въ своей проповѣди, вслѣдъ за единымъ Учителемъ Христомъ: *тайны цар-*

([11]) Πᾶς въ этомъ значеніи употребляется въ Еванг. Матѳ. 6, 29; 8, 32; 13, 2; 18, 16. 32. — Дѣян. 5, 21; 7, 14; 8, 27. — 2 Тим. 3, 13. *Schleusen* s. v. πᾶς.

ствія Божія, царствія небеснаго (Матѳ. 13, 11; Марк. 4, 11; Лук. 8, 10), *тайны вѣры* Христовой (1 Тим. 3, 9) и *благочестія* (1 Тим. 3, 16) или *евангелія* (Еф. 6, 19; Кол. 1, 26. 27), *тайны Бога и Отца и Христа* (Кол. 2, 2), или *тайны Божіи* (1 Кор. 4, 1; Прем. 2, 22), тайны *премудрости Божіей, въ тайнѣ сокровенной* (1 Кор. 2, 7. 8 и д.), *лѣты вѣчныя умолчанной* (Рим. 16, 25), явленной же во времени къ человѣческому спасенію *Духомъ Святымъ*, единымъ испытующимъ *вся, и глубины Божія* ([12]) (1 Кор. 2, 10). Подобно и *разумомъ* здѣсь означается чрезвычайный даръ Св. Духа (12, 9), даръ глубочайшаго познанія (1 Кор. 8, 7. 10. 11) не какихъ либо иныхъ предметовъ, а Евангелія или вѣры Христовой (ср. Лук. 9, 52; Рим. 15, 14; 1 Кор. 1, 5; 8, 1; 14, 6; 2 Кор. 11, 6; Кол. 2, 3), которая и называется иногда *разумомъ Божіимъ, разумомъ Христа Іисуса Господа* и т. п. (2 Кор. 2, 14; 4, 6; 10, 5; Фил. 3, 8; 1 Тим. 6, 20); и *всякимъ разумомъ* означается возможно-полное на землѣ (ср. 13, 9) обладаніе глубокимъ знаніемъ всего, что нужно знать о вѣрѣ (ср. наприм. 1 Сол. 5, 1. 2; Дѣян. 1, 7; Сирах. 3, 21—23). И все это разумѣніе таинъ, какъ оно ни велико, безъ любви къ ближнимъ ничто: *ненавидяй брата своего*, говоритъ и другой Апостолъ и проповѣдникъ любви, *во тмѣ есть и во тмѣ ходитъ, и не вѣсть, камо идетъ, яко тма ослѣпи очи ему* (1 Іоан. 2, 11).— *Вѣрою* называется здѣсь не вѣра, вмѣняемая *въ правду* (Рим. 4, 5): эта послѣдняя *вѣра* подается всѣмъ вѣрующимъ; упоминаемая же здѣсь Апостоломъ сооб-

---

([12]) См. *Suic. et. Schleus.* s. v. Μυστήριον.

щается только нѣкоторымъ (какъ сказалъ онъ и выше: *другому же вѣра*—12, 9); у кого та вѣра, у того тѣснѣйшее общеніе съ Спасителемъ и спасеніе; у кого эта вѣра, отъ тѣхъ можетъ и отречься Христосъ въ послѣдній день, какъ отъ людей неизвѣстныхъ Ему (Матѳ. 7, 22), и, значитъ, для тѣхъ эта вѣра можетъ быть и безполезною (*никая польза ми есть*—ст. 3); та вѣра непремѣнно поспѣшествуется, какъ своимъ естественнымъ и необходимымъ выраженіемъ, *любовію* (Гал. 5, 6); упоминаемая здѣсь Апостоломъ можетъ быть и безъ нея (*любве же не имамъ*). Выраженіе: *яко и горы преставляти* (ὄρη μεθιστάνειν), употреблявшееся у Іудеевъ для означенія дѣйствія чрезвычайнаго и совершенно превышающаго человѣческія силы (Матѳ. 17, 20; 21, 21; Лук. 17, 6) ([13]), опредѣляетъ здѣсь эту вѣру, какъ чудотворную: итакъ здѣсь разумѣется полное обладаніе чудотворною вѣрою, способною, т. е., совершать всякія чудеса безъ исключенія. И она, эта вѣра, безъ любви также — *ничто*... Но возможны ли, спросятъ, безъ любви эти дарованія, притомъ въ такой высокой степени (*весь разумъ, вся вѣра*)? Рѣшительная, а не условная рѣчь Апостола не позволяетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Дѣйствительно, грѣхъ такъ извратилъ нашу природу, что такое раздѣленіе вещей, кажущихся нераздѣлимыми, хотя и противно ей, сдѣлалось однако возможнымъ: возможнымъ стало полное несогласіе между умомъ и сердцемъ, такъ что сила Божія

([13]) *Buxtorf.* Lexic. Talmud. *Lighfoot.* hor. Hebr. ad Math. 21, 21. У Евреевъ *oker harim*. Въ жизни св. Григорія Чудотворца представляется примѣръ и буквальнаго исполненія обѣтованія Спасителя. См. *Четьи-Мин.* подъ 17 числ. ноября.

можетъ пребывать еще и въ умѣ и даже въ волѣ въ то время, какъ сердце съ своимъ искреннимъ расположеніемъ уже уклонилось отъ нея — силы Божіей и не почерпаетъ любви въ ея истинномъ источникѣ. Валаамъ и Каіафа представляютъ замѣчательнѣйшіе примѣры пророчества безъ любви (Числ. гл. 22); болѣе подобныхъ примѣровъ усмотрится тогда, когда міръ услышитъ, по слову Спасителя: *многи рекутъ мнѣ въ онъ день: Господи, Господи, не въ твое ли имя пророчествовахомъ, и твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ: и тогда исповѣмъ имъ: яко николиже знахъ васъ, отъидите отъ мене дѣлающіи беззаконіе* (Матѳ. 7, 22. 23). Примѣрами *знанія* безъ любви могутъ служить для насъ фарисеи и іудейскіе законники, которые взяли *ключъ разумѣнія*, но и сами не входили, и желавшимъ войти, по зависти, возбраняли, за что и услышали *горе* отъ Спасителя (Лук. 11, 52; ср. 42. 46);—Іуда, бывшій въ ликѣ Апостоловъ, которымъ *дано* было *вѣдати тайны царствія Божія* (Лук. 8, 10), и, какъ врагъ любви, предавшій своего Божественнаго Учителя и Господа; — діаволъ, бывшій *въ сладости рая Божія* и украшенный *всякимъ каменіемъ драгимъ*, т. е., познаніемъ таинъ небесныхъ, но также, по оскудѣнію любви, впавшій въ погибельную гордость (Іезек. 28, 13—17 и д.) (14). Впрочемъ, въ нашъ вѣкъ положительный и хвалящійся знаніемъ, всякій и безъ особаго исчисленія подобныхъ примѣровъ знаетъ, что знаніе безъ любви всегда

---

(14) ..... charitatis immemor. *Ambros.* Comm. in 1 Cor. col. 392—393. Сн. *Кирилл. Іерус.* Оглас. Поуч. II, п. 4, стр. 27—28; *бл. Ѳеодор.* Крат. изл. божест. догм. гл. 8.

было и есть самое обыкновенное явленіе между христіанами, а потому довольно напомнить, что его замѣчалъ уже и Апостолъ въ коринѳскихъ ученикахъ своихъ (1 Кор. 8, 1. 3). Наконецъ, и *вѣра* безъ любви встрѣчается не рѣдко—въ изувѣрахъ, которые по совѣсти преслѣдуютъ ближняго, думая *службу приносити Богу*, или сами становятся жертвами своего заблужденія ([15]). Будемъ же всегда помнить, что высокія дарованія отъ Духа Божія не составляютъ несомнѣннаго залога спасенія и что они могутъ иногда открываться и въ людяхъ недостойныхъ: потому что у Бога, если нужно, и *каменіе возопіетъ* (Лук. 19, 40), *и подъяремникъ безгласенъ* заговоритъ *человѣческимъ гласомъ* (2 Петр. 2, 16; Числ. 22, 28—30) ([16]).

Безъ любви ничтожны и наши добродѣтели, какъ бы высоки онѣ ни казались: *и аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое во еже сожещи и, любве же не имамъ, никая польза ми есть* (ст. 3). Первыми словами означается полное предоставленіе нашего достоянія въ пользу ближнихъ, соединенное, какъ дополняетъ Златоустъ, съ собственнымъ нашимъ личнымъ попеченіемъ о раздѣленіи его. «Не сказалъ: если *дамъ* (δῶ) бѣднымъ половину моего имѣнія, или двѣ, или три части, но: *аще вся имѣнія моя*. И не сказалъ:

([15]) Назидательный примѣръ вѣры, готовой на всѣ пожертвованія и мученія, но не соединенной съ любовію и отъ того безполезной, можно читать въ описаніи страданія св. мученика Никифора. Чет.-Мин. февр. 9 дн. и въ Воскр. Чт. II, 385—386. См. *Макар. Египет.* Духовн. бесѣд. стр. 282. 289., изд. пр. М. Д. Ак.

([16]) См. *Злат.* in 1 Cor. p. 340, E., hom. XXXV., ed. Paris 1837; homil. in Act. Ap., ed. Benedict., t. III., p. 60.

дамъ, но: *раздамъ* (ψωμίσω), чтобы къ щедрости приложить и служеніе со всякимъ попеченіемъ» ([17]). Добродѣтель—дѣйствительно великая и по мнѣнію всякаго здравомыслящаго человѣка, и въ особенности по ученію закона Божія, въ которомъ съ малыхъ лѣтъ былъ воспитанъ Апостолъ: *блаженъ разумѣваяй на нища и убога, въ день лютъ избавитъ его Господь* (Псал. 40, 1); *милостыня отъ смерти избавляетъ, и тая очищаетъ всякъ грѣхъ: творящіи милостыни и правды исполнятся жизни* (Товит. 12, 9; ср. Ос. 6, 6). Не довольствуясь симъ, Апостолъ представляетъ еще высшее дѣло благочестія — преданность на пользу ближняго, готовую безстрашно встрѣтить самыя жестокія мученія ([18]). Два представленные здѣсь Апостоломъ подвига, «нестяжаніе и мученичество» ([19]), и Іисусъ Христосъ выставлялъ, какъ самыя высокія дѣла нравственнаго совершенства: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси* (Матѳ. 13, 21; Лук. 11, 41); и потомъ: *больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13). Изъ обозрѣваемаго теперь мѣста посланія научаемся, какимъ духомъ должны оживляться всѣ эти восхваляемыя Господомъ добродѣтели, чтобы имѣть какое ни-

---

([17]) p. 340. *Ψωμίζω—а)* собственно—раздѣляю на небольшіе куски, употребляется особенно о хлѣбѣ (отъ ψωμίον — кусокъ хлѣба: Іоан. 13, 26. 27. 30); отсюда б) питаю—Рим. 12, 20; Сирах. 29, 29; в) раздаю: въ послѣднемъ значеніи находимъ его у Исаіи 58, 14. См. *Schleusn.* s. h. v.

([18]) См. *Schleus.* s. v. *χάιω*; *Clem. Alex.* Str. IV, 518. 519, ed. Par. для ст. 2. 3.

([19]) *Злат.* p. 340, A.

будь значеніе или *мзду* отъ *Отца нашего, иже есть на небесѣхъ* (Матѳ 6, 1): то вѣрно, что онѣ вѣнчаются иногда (впрочемъ, не всегда) какою либо похвалою *отъ человѣкъ* (Матѳ. 6, 2), но предъ Богомъ онѣ совершенно безполезны (*никая польза ми есть*), если совершаются не по чистой христіанской любви, а по какимъ нибудь инымъ причинамъ, которыхъ можетъ быть также много, какъ много страстей у человѣка ([20]).

Заключимъ это отдѣленіе замѣчаніемъ о постепенномъ усиленіи рѣчи у Апостола въ названіи сравниваемыхъ предметовъ: добродѣтель здѣсь исчисляется послѣ *знанія*, потому что она выше его, по мнѣнію Апостола (ср. 8, 1—3) и по самой вещи; и между знаніями *даръ языковъ* прежде всего—не безъ отношенія къ тщеславію этимъ даромъ первыхъ читателей.

2) «Показавъ, что нѣтъ большой пользы ни отъ вѣры, ни отъ знанія, ни отъ пророчества, ни отъ дара языковъ, ни отъ дарованій, ни отъ исцѣленій, ни отъ совершенной жизни, ни отъ мученичества, когда нѣтъ ея (любви), — (Апостолъ), по необходимости, за симъ изображаетъ ни съ чѣмъ несравнимую (ἀμήχανον) красоту ея, раскрашивая какбы какими красками — чертами добродѣтели изображеніе ея и всѣ члены ея тщательно соединяя». Такъ говоритъ св. Златоустъ, приступая къ раскрытію второй части ученія Апостола о христіанской любви, и прибавляетъ: «но не проходи мимо этихъ словъ, возлюбленный, а каждое изъ

([20]) Timeo dicere martirium ipsum, si ideo fiat, ut admirationi et laudi habeamur a fratribus, frustra effusus est sanguis. *Hieron.* in Ephes. V.

нихъ со всѣмъ усердіемъ изслѣдуй, чтобы видѣть тебѣ и сокровище предмета, и искусство живописца ([21])».

Превосходство любви Апостолъ показываетъ теперь въ томъ, что она, по выраженію его въ другомъ мѣстѣ, есть *исполненіе закона* (Рим. 13, 10; ср. Колосс. 3, 14) или, по выраженіямъ Учителей Церкви, есть «основаніе совершеннаго любомудрія ([22]), мать и корень всего добраго, главизна правой жизни, виновница и совершительница, начало и конецъ всѣхъ добродѣтелей» и т. п. ([23]). Въ исчисленіи ихъ нельзя не замѣтить съ св. Златоустомъ, по крайней мѣрѣ отчасти, особеннаго указанія на нравственные недостатки коринѳскихъ читателей посланія ([24]). *Любы долготерпитъ, милосердствуетъ* (μακροθυμεῖ, χρηστεύεται): терпѣливо сноситъ обиды и оскорбленія (Кол. 3, 13; сн. Еф. 4, 2) ([25]) и медлитъ предаваться гнѣву грѣховному или не грѣховному (Іак. 1, 19; Еф 4, 16) и *воздавать зломъ за зло* ([26]) (Рим. 12, 17); медлитъ впрочемъ не для того, чтобы лучше отмстить оскорбителю ([27]), — нѣтъ: напротивъ, удерживаясь отъ гнѣва, *любы искреннему зла не творитъ*

([21]) *Злат.* in 1 Cor. homil. XXXIII, p. 349.

([22]) Φιλοσοφιάς ἀκριβοῦς ὑπόθεσις: *Злат.* in 1 Cor. homil. XXXIV, p. 361.

([23]) Ἀρχη καί τέλος ἀρετῆς ἁπάσης, ἡ ἀγάπη... Ἐςι πασῶν τῶν ἀρετῶν τό κεφάλαιον, τό ἅλας τῶν ἀρετῶν (*Chrysost.* hom. LXXI, t. V.); τὸ κεφάλαιον καί ἡ πηγή τοῦ ορθοῦ βίου ἡ ἀγάπη. *Theophil.* in 1 ad. Tim. c. II. p. 762.

([24]) *Злат.* p. 362.

([25]) *Злат.* in Ephes. 4, 2. hom. IX.

([26]) «Какъ искра, упавшая въ бездну, ее не повреждаетъ, сама же легко погасаетъ: такъ, если что и въ долготерпѣливую душу впадетъ неожиданно, само легко пропадаетъ, ея же не возмущаетъ. Потому что долготерпѣніе тверже всего». *Злат.* in 1 Cor. p. 349.

([27]) *Злат.* p. 350, A.

(Рим. 11, 10), но къ этому еще доброжелательно, кротко и снисходительно поступаетъ со всѣми, не только съ людьми любящими и добрыми, — ибо это дѣлаетъ и не-христіанская любовь (Матѳ. 5, 48; Лук. 6, 32. 33), но и съ самыми оскорбителями и людьми иномыслящими (1 Кор. 1, 10. 11) ([28]). Такъ и въ Богѣ *долготерпѣніе* нераздѣльно отъ *благости* (Рим. 2, 4. 11, 22). Потому и въ другихъ мѣстахъ Апостолъ соединяетъ *долготерпѣніе* съ *благостію, кротостію* или *милосердіемъ* (2 Кор. 6, 6; Гал. 5, 22; Еф. 4, 2; Кол. 3, 12; 2 Тим. 3, 10) и внушаетъ заповѣдь о любви въ выраженіяхъ не только отрицательныхъ: *ни единому-же зла за зло воздающе* (Рим. 12, 17), *не себе отмещающе, возлюбленніи, но дадите мѣсто гнѣву* (ст. 19),— но и положительныхъ: *братолюбіемъ другъ ко другу любезни* (ст. 10); *аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его: аще ли жаждетъ, напой его* (ст. 20), и т. под. *Любы не завидитъ* (οὐ ζηλοῖ) — не имѣетъ зависти и недоброжелательства со всѣми ихъ выраженіями и слѣдствіями,—тѣхъ движеній самолюбія, какія раждаются при взглядѣ на благосостояніе и преимущества ближнихъ ([29]) и которыя такъ обыкновенны были между коринѳскими учениками Апостола (1 Кор. 3, 3. 4): напротивъ, еще радуется *съ радующимися* о своихъ благахъ ближними (ср. Рим. 12, 15),—дѣло очень великое и требую-

---

([28]) *Злат.* ibid. et p. 362, C. Между *долготерпѣніемъ* и *милосердіемъ* можно положить здѣсь такое же различіе, какое *Ѳеофилактъ* полагаетъ между *долготерпѣніемъ* и *кротостію* (πραότης), разумѣя первое о медленности въ отищеніи за оскорбленіе, послѣднюю—о совершенномъ прощеніи обиды». In Gal. 5, 22.

([29]) Ζηλόω—въ такомъ смысл. Дѣян. 7, 9, 17, 5.

щее сердца, обученнаго любомудрію ([30]). Такъ Іонаѳанъ не завидовалъ Давиду, къ которому уже отходило царство Саула: напротивъ, еще спасалъ Давида отъ гнѣва отца своего и укрѣплялъ гонимаго въ надеждѣ на Бога, потому что сильно любилъ его: *душа Іонаѳаня съ душею Давидовою сопряжеся, и возлюби его Іонаѳанъ отъ души своея* (1 Цар. 18, 1; 2 Цар. гл. 1.) ([31]). *Любы не превозносится* (οὐ περπερεύεται), *не гордится* (ὐ φισιοῦται): т. е., не усиливается всячески уловить одобреніе другихъ изъ тщеславія, какими бы то ни было средствами (напр. употребляя для этого не для этого свыше данный даръ языковъ) ([32]); *не*

([30]) *Злат.* бес. 7 на посл. къ Рим. стр. 138. «Много найдется людей, которые выполняютъ труднѣйшее, а для сего не имѣютъ достаточныхъ силъ. Многіе плачутъ съ плачущими, но не радуются съ радующимися; а напротивъ, когда другіе радуются, они плачутъ изъ недоброжелательства и зависти. Посему не мала заслуга радоваться, когда братъ въ радости; напротивъ, важнѣе какъ той, чтобы помогать въ бѣдахъ, такъ и той, чтобы плакать съ плачущими. Многіе, видя бѣдствующихъ, сами подвергаются съ ними бѣдамъ: но, какъ скоро увидятъ успѣвающими въ дѣлахъ своихъ, терзаются тѣмъ. Такова сила зависти. Хотя тамъ нужны труды и потъ, а здѣсь одно произволеніе, одно расположеніе: впрочемъ многіе, перенося тягчайшее, не вынесли легчайшаго; напротивъ, сохнутъ и сами себя губятъ, когда видятъ успѣхи другихъ, когда всему обществу оказана услуга или словомъ, или инымъ чѣмъ. Что можетъ быть хуже такого человѣка? ..... «Посему, кто совершитъ чудеса, сохранитъ дѣвство, соблюдаетъ постъ, будетъ молиться въ землю и сравнится съ Ангелами въ добродѣтели, но имѣетъ сей недостатокъ: тотъ всѣхъ нечестивѣе, беззаконнѣе и прелюбодѣя, и клеветника, и блудника, и разбойника, и гробокопателя». Стр. 139. 141; ср. стр. 541; hom. XI in Ep. ad. Coloss. sub fin.

([31]) *Злат.* in 2 Tim. c. 3, hom. 7.

([32]) Значеніе слова περπερεύομαι, однажды только встрѣчающагося въ новомъ завѣтѣ, опредѣляется здѣсь на основаніи употребленія его у класс. писателей и объясненія его у схоліастовъ (См. ap. *Suicer.* et *Wahl.* s. h. v. *Wetsten.* ad h. l.), а также и примѣнительно къ состоянію коринѳскихъ вѣрующихъ.

гордится — не надмѣвается ([33]) уже пріобрѣтенными преимуществами (напр. знаніемъ (4, 6; 5, 2; 8, 1) и вниманіемъ другихъ ([34]); напротивъ, гдѣ любовь, тамъ вѣрующіе не бываютъ *мудри о себѣ, но братолюбіемъ другъ ко другу любезни, честію другъ друга больше себе творяще* (Рим. 12, 10. 16). «Въ любви, говоритъ св. Климентъ римскій въ 1-мъ посланіи къ Коринѳянамъ, можетъ быть, имѣя въ виду слова Апостола, въ любви нѣтъ ничего низкаго, ничего надмѣннаго; любовь не имѣетъ раздѣленія, любовь не заводитъ возмущенія, любовь все дѣлаетъ въ согласіи, любовію всѣ избранные Божіи достигли совершенства, безъ любви нѣтъ ничего благоугоднаго Богу» ([35]).—*Не безчинствуетъ* (οὐκ ἀσχημονεῖ)—не поступаетъ вопреки приличію, порядку и благочинію (какъ напр. поступали нѣкоторыя женщины въ церкви 1 Кор. 11, 2 и сл.; 14, 34. 35—40): потому что такое поведеніе, противное духу апостольскаго ученія (1 Кор. 10, 32; Фил. 4, 8; Кол. 4, 5. 6; 2 Сол. 4, 11. 12; Тит. 2, 2; 1 Тим. 3, 8. 11), можетъ происходить или отъ гордости, соединенной съ желаніемъ уничиженія ближнихъ, или отъ непромышленія *о добромъ и предъ всѣми человѣками* (Рим. 13, 17; 2 Кор. 8, 21) *во благое къ созиданію* (15, 2), не только предъ Богомъ (2 Кор. 8, 21); а любви противно то и другое ([36]).

([33]) Φυσιόω—ср. 1 Кор. 4. 6. 18. 19; 5, 2; 8, 1; Кол. 2, 18.

([34]) *Злат.* p. 364, C.

([35]) *Клим. рим.* 1-е посл. къ Кор. въ Хр. Чт. 1824, ч. 14, стр. 287; сн. *Злат.* in 1 Cor. p. 348; толк. на п. къ Рим. стр. 542—544.

([36]) «Мы должны дѣлать добро не изъ тщеславія, но чтобы не подать повода укорять насъ тѣмъ, которые ищутъ сего. Посему Апостолъ въ

Не ищетъ своихъ си—мысли и попеченія о себѣ не простираетъ до забвенія о ближнихъ (какъ дѣлали напр. тѣ изъ вѣрующихъ, которые, получивъ какое-либо духовное дарованіе, не соображали употребленія его съ благомъ всей Церкви: имѣя *знаніе*, что идолъ ничто, вкушали отъ идоложертвеннаго даже предъ не имѣвшимъ этого знанія христіаниномъ, чрезъ что немощная совѣсть его сквернилась, и могъ погибнуть тотъ, за кого Христосъ умеръ—1 Кор. 8, 7. 11; 9, 19 и сл.; или, имѣя даръ языковъ отъ Духа Божія, неограниченно предавались Его наитію и влеченію духовнаго восторга въ собесѣдованіи съ Богомъ на иноземномъ языкѣ, не заботясь, будетъ ли такая бесѣда вразумительна для присутствующихъ въ церковномъ собраніи, и не оставляя ея въ случаѣ невразумительности, молясь *духомъ* и не молясь *умомъ*—14, 2—19. 27—32); напротивъ, все направляетъ къ пользѣ ближняго (10, 23. 24. 32), въ особенности же то, что сообщается Богомъ болѣе для общаго, нежели для частнаго блага вѣрующихъ (каковы чрезвычайныя дарованія) ([37]). Такъ Апостолъ, *свободенъ сый отъ всѣхъ, всѣмъ себе поработилъ,* чтобы для всѣхъ всегда оставаться *безпреткновеннымъ и всяко нѣкія спасти* (Кор. 9, 1.

другомъ мѣстѣ говоритъ: *безпреткновенни бывайте Іудеемъ и Еллиномъ и Церкви Божіей* (1 Кор. 10, 32)». *Злат.* толков. на посл. къ Рим. стр. 544.

([37]) *Augustin.* Regul.: charitas, de qua scriptum est, quod non quaerit, quae sua sunt, sic intelligitur, quia communia propriis, non propria communibus anteponit, et ideo, quanto plus rem communem, quam propria vestra curaveritis, tanto vos amplius profecisse noveritis, ut in omnibus, quibus utitur transitura necessitas, superemineat, quae permanet charitas.—Сн. *Злат.* in 1 Cor. p. 353. 354.

19—23; ср. 8, 13. 32); такъ, *благодаря Бога*, онъ *паче всѣхъ* своихъ читателей *языки глаголалъ*, но въ церкви *хотѣлъ пять словесъ умомъ своимъ глаголати, да и ины пользуетъ, нежели тмы словесъ языкомъ* (1 Кор. 14, 18. 19); такъ, онъ *желаніе имѣлъ разрѣшитися и со Христомъ быти*, потому что это *много паче лучше*, но готовъ былъ *пребывати во плоти*, потому что это *нужнѣйше* было *ради* вѣрующихъ (Фил. 1, 23. 24): *сего ради вся терплю избранныхъ ради, да и тіи спасеніе улучатъ еже о Христѣ Іисусѣ, со славою вѣчною* (2 Тим. 2, 10).—*Не раздражается* (ὀυ παροξύνεται): не только не предается порывамъ гнѣва (*долготерпитъ*), любящій не даетъ даже мѣста гнѣву въ своемъ сердцѣ, ни мало не возмущается духомъ (сн. Дѣян. 17, 8) отъ оскорбленій (наприм. среди вражды партій—10, 11; 6, 7. 8) (38).—*Не мыслитъ зла* (οὐ λογίζεται τὸ κακὸν)—выраженіе сильнѣйшее предыдущаго и вмѣстѣ его объясняющее: любовь не вмѣняетъ (39) (не считаетъ) причиненнаго зла, чтобы мстить за него, или не помнитъ зла. Вотъ причина, почему она и не раздражается.—*Не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ. Неправда* (ἀδικία) означаетъ здѣсь не частный какой-либо грѣхъ, но общее нравственное или, точнѣе, без-

---

(38) *Злат.* in 1 Cor. hom. XXXIII, n. 4, p. 354—355.

(39) Λογίζομαι—въ Рим. 4, 3. 4. 5. 6. 8; 2 Тим. 4, 16. Τὸ κακὸν указываетъ на зло уже существующее. Другіе изъясняютъ: а) *не думаетъ худо* о ближнемъ,—ссылаясь на Матѳ. 9, 4: но тамъ иной глаголъ (ἐνθυμεῖσθαι πονηρὰ); притомъ для справедливости такого объясненія нужно бы множеств. число (κακὰ), какъ въ приводимомъ мѣстѣ изъ Евангелія; или б) *не замышляетъ зла* (λογίζομαι—въ Рим. 4, 8): но для этого лучше шелъ бы другой глаголъ (βουλεύω), и это свойство любви уже выше замѣчено (*милосердствуетъ*). См. *Schleus.* et *Wahl.* s. his. voc.

*

нравственное состоянie, какъ употребляется это слово во многихъ мѣстахъ св. Писанія (Лук. 13, 27; Дѣян. 8, 23; Рим. 1, 29; 2, 8; 3, 5; 6, 13; 2 Тим. 2, 19; Іаков. 2, 6; 2, Петр. 2, 13; Езек. 21, 27; Прит. 11, 5; Сир. 17, 23); и подъ *истиною*, въ противоположность *неправдѣ*, также разумѣется осуществляемая не въ частномъ какомъ либо дѣйствіи, но во всемъ умѣ и жизни (Іоан. 3, 21; ср. 20; 8, 44; ср. 1 Іоан. 3, 8; Рим. 2, 8; Іак. 5, 19; ср. ст. 20; Тов. 3, 5; 1 Кор. 5, 8), *истина о Іисусѣ* Христѣ (Еф. 4, 21), состоящая въ томъ, какъ извѣстно было всѣмъ, слышавшимъ ученіе Его, чтобы *отложити, по первому житію, ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ: обновлятися же духомъ ума и облещися въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. 4, 22—24). Какъ *истина*, такъ, значитъ, и *неправда* разумѣются здѣсь — *ближнихъ* (συγχαίρει τῇ ἀληθείᾳ): любовь не радуется, видя безнравственность ближняго (какъ, можетъ быть, радовались члены одной изъ коринѳскихъ общинъ, видя развращеніе въ другой—1 Кор. 5, 1, или *соизволяя* ему—Рим. 1, 32); напротивъ, раздѣляетъ его радость (συγχαίρει) объ обращеніи его къ благочестію или о пребываніи въ немъ: «потому что своими, скажемъ съ св. Златоустомъ, считаетъ чужія блага. Видишь, какъ любовь мало по малу дѣлаетъ ангеломъ своего питомца» [40]! Такъ, Павелъ *радовался и сорадовался* со всѣми вѣрующими, вѣрно содержавшими слово жизни (Фил. 2, 16, 18); радовались и другіе Апостолы, находя *чадъ своихъ въ истинѣ ходящихъ* (2 Іоан. ст. 4).—*Вся по-*

([40]) *Злат.* in h. l. p. 355.

крываетъ (πάντα στέγει): чтобы только обратить ближняго къ вѣрѣ и благочестію, или удержать въ нихъ и потомъ *радоваться о истинѣ*, любовь прикрываетъ, (какъ употребляется этотъ глаголъ въ Притч. 10, 12; Сир. 8, 20) ([41]) въ ближнемъ *все*, всѣ слабости и недостатки, какіе только можетъ перенести благая совѣсть, но не все безъ исключенія: такъ, прикрывать *вся* любовь не можетъ, ибо *не радуется о неправдѣ*, но *ненавидитъ злое и прилѣпляется благому*, какъ выражается Апостолъ въ другомъ мѣстѣ ([42]) (Рим. 13, 9).—*Всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ*. Какъ рѣчь идетъ здѣсь только о свойствахъ или дѣйствіяхъ любви, и именно любви къ ближнему: то *вѣру* и *упованіе* должно разумѣть здѣсь, какъ плоды этой любви, и личнымъ предметомъ ихъ почитать ближняго (а не Бога): любовь *не имѣетъ* оскорбительнаго для ближнихъ *недовѣрія* (подразумѣвается—въ той мѣрѣ, въ какой этотъ видъ угожденія ближнему можетъ служить *во благое къ созиданію*—Рим. 15, 2: самъ Апостолъ не считалъ противнымъ любви вѣрить и не добрымъ слухамъ о коринѳскихъ ученикахъ своихъ—1 Кор.

([41]) Другіе: *все терпитъ* (στέγειν—1 Кор. 9, 12; 1 Солун. 3, 1): но какое же отличіе будетъ этого качества отъ сейчасъ слѣдующаго: πάντα ὑπομένει?

([42]) *Злат.* на эт. м. «Поелику многіе, хотя не дѣлаютъ зла, но имѣютъ злыя помышленія; то Апостолъ сказалъ: отвращайтесь съ ужасомъ. Онъ хочетъ, чтобы наши помышленія были чисты, чтобы мы объявили пороку явную вражду, ненависть и войну. Поелику я предписалъ вамъ, говоритъ Апостолъ, любить другъ друга: то не заключайте изъ моихъ словъ, что велю и въ худыхъ дѣлахъ содѣйствовать другъ другу. Я предписываю вамъ совершенно противное,—чуждаться зла не только дѣломъ, но и расположеніемъ, и не только чуждаться, но и всячески отвращаться зла и ненавидѣть оное». Толков. на посланіе къ Римлян. стр. 527 по русс. пер.

1, 11 и сл.; 5, 1; 11, 18); если же довѣріе къ нимъ не оправдывается: любовь все еще *надѣется* отъ нихъ *всего*, т. е., добраго (1 Кор. 4, 14); и чтó бы ни встрѣтилось — болѣзнь ли, или скорбь, или клевета, или безуспѣшность отъ внушеній ближнему, ничто не можетъ отнять у любви ея существеннаго свойства— любить: любовь *вся терпитъ* (43), только бы привести ближияго къ истинному благу, помышляя, *еда како дастъ* ему *Богъ покаяніе въ разумъ истины* (2 Тим. 2, 25; ср. Рим. 9, 3; 10, 1; 11, 14). Судя по такому изображенію любви, немного уже нужно труда, чтобы доразумѣть, что поистинѣ *любяй друга законъ исполни. Еже бо: не прелюбы сотвориши, не убіеши, не украдеши, не лжесвидѣтельствуеши, не похощеши, и аще кая ина заповѣдь въ семъ словеси совершается, во еже: возлюбиши искренняго, якоже самъ себе* (Рим. 13, 9), *работая Господеви* (12, 11). «Когда она есть, говоритъ св. Златоустъ о любви: то стяжавшій ее не имѣетъ никакого недостатка ни въ какой части

---

(43) «*Вся уповаетъ:* всего добраго, говоритъ, ожидаетъ отъ возлюбленнаго, ни мало не отчаяваясь (*πάντα τὰ χρηςὰ, φησὶν, οὐκ ἀπογινώσκει*); но хотя бы онъ былъ и не хорошъ, (любовь) продолжаетъ исправлять, промышлять и заботиться. *Всему вѣру емлетъ*. Не только, говоритъ, *уповаетъ*, но и *вѣру емлетъ*, потому что сильно любитъ: хотя бы и не случилось соотвѣтственно надеждѣ это доброе, и тотъ остается еще безъ исправленія,—она и это переноситъ. Ибо *вся*, говоритъ, *терпитъ*». *Злат.* p. 355. Слова: *вся терпитъ* изъясняютъ еще (*Гроцій*): *всего ожидаетъ* въ будущемъ; но такое свойство любви или ничѣмъ не будетъ отличаться отъ предыдущихъ (*вся уповаетъ*—ожидаетъ всего добраго отъ ближняго), или будетъ принадлежать скорѣе вѣрѣ и надеждѣ, нежели любви: не говоримъ уже о томъ, что глаголъ *ὑπομένω* рѣдко употребляется въ Н. З. въ смыслѣ ожиданія (*ὑπομονή*—только однажды 2 Сол. 3, 5); см. *Schleus.* sub his. voc.

любомудрія, но обладаетъ всецѣлою, всесовершенною и всеобъемлющею добродѣтелію; напротивъ, когда ея нѣтъ, то нѣтъ уже и всѣхъ добродѣтелей. Посему-то Павелъ восхваляетъ и превозноситъ ее. Впрочемъ, чтó бы онъ ни говорилъ, никакъ не исчерпаетъ ея достоинства. Ибо что можетъ быть равно любви, которая заключаетъ въ себѣ и Пророковъ, и законъ, безъ которой не могутъ спасти человѣка ни вѣра, ни знаніе таинствъ, ни самое мученичество и ничто другое» (44)? «Всѣмъ пространствомъ и величіемъ божественныхъ словесъ обладаетъ безопасно любовь, которою мы любимъ Бога и ближняго, пишетъ бл. Августинъ: потому что учитъ насъ единый небесный Учитель и говоритъ: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всею мыслію твоею: и возлюбиши искренняго твоего, якоже самъ себе. Въ сію обою заповѣдь весь законъ и пророцы висятъ* (Матѳ. 22, 37—40). Итакъ, если тебѣ не свободно испытывать всѣ священныя страницы, раскрывать всѣ свитки словесъ, проникать во всѣ тайны Писаній: имѣй любовь, отъ которой все зависитъ; ты будешь имѣть и то, что ты изучилъ въ нихъ, и даже то, чего ты не изучилъ. Ибо, если знаешь любовь: знаешь и нѣчто такое, чего ты еще не узналъ; въ томъ, что разумѣешь въ Писаніи, любовь является, и въ томъ, чего не разумѣешь, любовь же скрывается. Итакъ, тотъ имѣетъ и

---

(44) *Злат.* «О непостижимомъ» противъ Аномеевъ сл. 1. Хр. Чт. 1841, 3, стр. 366. См. hom. 7 in 2 ep. ad Tim. c. 2. sub fin.; hom. 1 in ep. ad Coloss. in fin.; hom. 4 in 1 Thessal. sub fin. (гдѣ, между прочимъ, примѣчателенъ отвѣтъ Злат. нѣкоему лицу, вопрошавшему его о связи между 7-ю заповѣдію и апостольскимъ ученіемъ о хр. любви); in Ephes. hom. 9.

что открыто, и что сокрыто въ божественныхъ Писаніяхъ, кто имѣетъ любовь въ своемъ поведеніи, Посему, братія, держитесь любви, этого сладостнаго и спасительнаго союза душъ, безъ котораго богатый бѣденъ, а съ которымъ и бѣдный богатъ. Она (любовь) въ несчастіяхъ терпѣлива, въ счастіи умѣренна; въ жестокихъ страданіяхъ мужественна, въ благихъ дѣяніяхъ благодушна (hilaris); въ искушеніи безопасна, въ гостепріимствѣ прещедра; среди братій истинныхъ пресчастлива (laetissima), среди ложныхъ претерпѣлива. Она въ Авелѣ пріятна жертвою, въ Ноѣ безопасна среди потопа, въ странствованіяхъ Авраама превѣрна; въ Моvсеѣ претиха среди огорченій, въ Давидѣ прекрасна среди гоненій. Она въ трехъ отрокахъ съ невинностію ожидаетъ и отъ огня кротости (blandas ignes), а въ Маккавеяхъ мужественно переноситъ его жестокости. Она въ Сусаннѣ цѣломудренна съ мужемъ, въ Аннѣ послѣ мужа, въ Маріѣ безъ мужа. Она въ Павлѣ дерзновенна для обличенія, въ Петрѣ смиренна для повиновенія, въ христіанахъ человѣколюбива при исповѣданіи, во Христѣ божественна въ прощеніи. Но что могу я сказать о любви болѣе и обильнѣе того, что въ похвалу ея возглашаетъ Господь устами Апостола, указующаго *путь по превосходству* и говорящаго: *аще языки человѣческими и ангельскими глаголю, любве же не имамъ.....* (1 Кор. 13, 1 — 8)! Вотъ какова любовь! Она душа Писанія, сила пророчества, спасеніе въ таинствахъ, основаніе знаній, плодъ вѣры, бѣдныхъ богатство, умирающихъ жизнь. Что великодушнѣе, какъ умереть за нечестивыхъ? Что милостивѣе, какъ любить враговъ? Ее одну не тяготитъ чуждое счастіе, ибо она не завидуетъ; ее одну

не возноситъ счастіе собственное, ибо она не гордится; ее одну не угрызаетъ совѣсть, ибо она не поступаетъ безразсудно. Среди поношеній она благодушна; среди ненавидящихъ она благодѣтельна; среди гнѣвныхъ тиха; среди коварствъ невинна; среди несчастій воздыхаетъ, а въ истинѣ утѣшается. Что сильнѣе ея не къ отмщенію, а къ прощенію обидъ? Что вѣрнѣе ея не суетѣ, а вѣчности? Ибо потому все переноситъ въ жизни настоящей, что вѣруетъ всему о жизни будущей, и потому терпитъ все, что̀ здѣсь насылается, что ожидаетъ всего, что̀ тамъ обѣщается», и т. дал. (45).

3) Превосходство любви Апостолъ выставляетъ наконецъ въ томъ, что любовь есть единое никогда непрестающее благо, тогда какъ ни одно изъ прочихъ не вѣчно — *ни языки* или *роди языковъ* (ср. 12, 10), ни пророчество, ни знаніе: *любы николиже отпадаетъ*, —ничѣмъ не побѣждаемая (*вся терпитъ*), не побѣждается и самымъ временемъ, «не разрушается, не отсѣкается, никогда не перестаетъ, не ниспровергается, но пребываетъ и въ будущемъ вѣкѣ, когда все другое упразднится, всегда твердая и непоколебимая (46), никогда не теряетъ своего значенія (47), никогда не измѣнитъ» (48), *аще же* и *пророчествія упразднятся, и языки умолкнутъ, и разумъ упразднится* (ст. 8). Даръ *язы-*

---

(45) *August*. Serm. 350, t. V. col. 1349. 1350. — Чит. и *Gregor. M.* Moral. Lib. X. c. 8.

(46) Ἐκπίπτω—Іов. 15, 30. 33.—*Theophyl.*: οὐ διαλύεται, οὐ διακόπτεται, οὐδέποτε παύεται, ἀλλὰ καὶ εν τῷ μέλλοντι αἰῶνι μένει τῶν ἄλλων ἀπάντων κατηργημένων.—*Theodoret*: οὐ διασφάλλεται, ἀλλ᾽ἀεὶ μένει βεβαία καὶ ἀσάλευτος καὶ ἀκίνητος ἐς ἀεὶ διαμένουσα.

(47) *Phot.* ep. 106: οὐδέποτε ἡ ἀγάπη τῆς οἰκείας ἕδρας καὶ ἀρετῆς εκπίπτει.

(48) *Григор. Богосл.* Т. II., стр. 21.

ковъ или бывшій въ первенствующей Церкви даръ говорить на разныхъ *языкахъ*, не учившись имъ (ср. ст. 1; 12, 10. 28. 30), и даръ пророчества—«оба они явились для вѣры, потому съ распространеніемъ ея повсюду ихъ употребленіе уже излишне. Но любовь другъ къ другу не перестанетъ, а еще и болѣе будетъ возрастать и здѣсь, и въ будущемъ вѣкѣ, и тогда еще болѣе, чѣмъ теперь» ([49]). «Что *пророчествія упразднятся и языцы умолкнутъ*, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго: потому что эти дарованія, принесши въ свое время пользу и прекратившись, ничѣмъ не могутъ вредить слову. Вотъ наприм. нынѣ нѣтъ ни пророчествъ, ни дарованія языковъ, однако слово о благочестіи не встрѣчаетъ никакого препятствія» ([50]). Что касается до *разума* или знанія, то и апостолъ Павелъ, какъ видно изъ дальнѣйшей рѣчи его (ст. 12), не ожидалъ прекращенія знанія въ блаженной будущности, и другіе Апостолы учили, что все дѣло творенія и искупленія совершилось, *да познаемъ Бога истиннаго* (1 Іоан. 5, 20; ср. Рим. 1, 20), что въ знаніи Бога заключается *животъ вѣчный* (Іоан. 17, 3; ср. Матѳ. 5, 8), и что знаніе тождественно съ любовію (1 Іоан. 4, 7. 8), никогда не престающею. «Если прекратится знаніе, то дѣло будетъ клониться не къ лучшему, а къ худшему: потому что вмѣстѣ съ нимъ мы совершенно утратимъ самую возможность быть людьми. *Бога бойся*, говоритъ, *и заповѣди его храни, яко сіе всякъ человѣкъ* (Еккл. 12, 13). Но если быть человѣкомъ зна-

---

([49]) *Злат.* in 1 Cor. p. 362.

([50]) *Злат.* О непостижимомъ противъ Аномеевъ сл. 1. Хр. Чт. 1841, 3, стр. 367.

чить бояться Бога, а бояться Бога зависитъ отъ знанія, знаніе же *упразднится*, какъ говоритъ Апостолъ: то мы безъ знанія совершенно погибли; въ насъ все исчезнетъ, и мы сдѣлаемся не только ничѣмъ не лучше безсловесныхъ, даже гораздо хуже ихъ. Потому что въ знаніи-то и преимущество наше предъ ними, а во всемъ другомъ тѣлесномъ, чего у нихъ весьма много, мы имъ уступаемъ. Итакъ, что такое, что́ говоритъ Павелъ, и чье знаніе разумѣетъ, когда говоритъ объ упраздненіи его» ([51])?—Когда говорится о прекращеніи знанія, то подъ нимъ разумѣется или а) знаніе, какъ одинъ изъ тѣхъ чрезвычайныхъ даровъ, какіе Святый Духъ сообщалъ въ первенствующей Церкви, соотвѣтственно ея особеннымъ потребностямъ, и слѣдовательно прекращеніемъ знанія означается прекращеніе его по отношенію *къ способу*, какимъ оно было сообщаемо, а не по отношенію *къ предмету*, который есть Богъ и въ отношеніи къ которому оно никогда не прекратится, такъ какъ Богъ вѣченъ и познаніе Его есть *животъ вѣчный*. Съ этой стороны можно сказать, что въ блаженной будущности и *языки*, т. е., *роди языковъ* (разные языки, не сказано—языкъ), *умолкнутъ и пророчествія упразднятся*—какъ особенные способы, чрезъ которые человѣкъ *глаголалъ величія Божія* (Дѣян. 2, 11) и сподоблялся отъ Бога чрезвычайныхъ откровеній (1 Кор. 14, 3. 4), хотя несомнѣнно, что и тамъ будетъ какой нибудь языкъ для призыванія имени Господня: *яко гласъ народа многа на небеси глаголющаго: аллилуіа, спасеніе, и честь, и слава, и сила Господу нашему... и яко гласъ водъ многихъ, и яко гласъ громовъ крѣпкихъ,*

([51]) *Злат.* О непост. пр. Аном. сл. 1. Хр. Чт. 1841, стр. 367—368.

глаголющихъ: аллилуіа: яко воцарися Господь Богъ Вседержитель (Апок. 19, 1. 3. 4—6; 5, 9; 7, 12; ср. Соф. 3, 9); и тамъ будетъ постоянное и полнѣйшее откровеніе Бога, или величайшее *пророчество*. Или разумѣется здѣсь б) вообще знаніе о Богѣ, возможное христіанину въ здѣшней жизни, которое, сколько бы ни было обширно, всегда остается знаніемъ отрывочнымъ и прикровеннымъ, какбы ничего не значущимъ и исчезающимъ предъ полнымъ *во свѣтѣ* (Псал. 35, 10) лица Божія созерцаніемъ божественной истины въ будущемъ вѣкѣ, подобно какъ легкій блескъ зари исчезаетъ предъ свѣтомъ солнца, и прекращеніе знанія, значитъ, разумѣется со стороны его *объема* и *степени*. Такъ, (употребляя приводимое далѣе Апостоломъ сравненіе и имъ подтверждая такое разумѣніе мѣста) *знаніе*—удѣлъ отрока, конечно, остается еще и въ *знаніи* мужа; но можно сказать, съ другой стороны, что нѣтъ ни одного изъ понятій отрока, которое не исчезло бы въ знаніи, принадлежащемъ зрѣлому возрасту (ст. 11. 12): наша жизнь, въ сравненіи съ жизнію на небесахъ, безконечно-меньше, чѣмъ первое дѣтство (*младенчество*—νή-πιος), въ сравненіи съ самою зрѣлою опытностію, и христіанинъ на самой высшей степени духовной жизни на землѣ все еще ходитъ только *вѣрою, а не видѣніемъ* (ср. 2 Кор. 5, 7). «Не знаніе упразднится, а отрывочный характеръ знанія, по выраженію Златоуста. Потому что не только будемъ знать множество такихъ предметовъ, но и гораздо больше [52]. А чтобы и примѣромъ пояснить это,—(вотъ), мы теперь знаемъ, что Богъ вез-

---

[52] Οὐκ ἄρα ἡ γνῶσις καταργῆται, ἀλλὰ τὸ μερικὴ εἶναι γνῶσις. Οὐκέτι γὰρ τοσαῦτα εἰσόμεθα μόνον, ἀλλὰ καὶ πολλῷ πλείονα,—in 1 Cor. p. 363.

дѣ, но—какъ? не знаемъ. Что изъ не сущаго создалъ Онъ сущее, знаемъ, а образа (созданія) не знаемъ; что родился отъ Дѣвы, (знаемъ), а какъ—неизвѣстно. Тогда же узнаемъ нѣчто большее и яснѣйшее объ этомъ» ([53]). «Онъ (Апостолъ) говоритъ это (т. е. 13, 8) не о совершенномъ, а о частномъ, называя *упраздненіемъ* переходъ къ лучшему; такъ что, по упраздненіи частнаго, будетъ не частное, а совершенное. Ибо какъ дѣтскій возрастъ упраздняется не чрезъ уничтоженіе существованія, а чрезъ увеличеніе роста и совершенную возмужалость: такъ бываетъ и съ знаніемъ. Малое, по словамъ Апостола, сдѣлавшись великимъ, уже не можетъ быть малымъ; вотъ что значитъ: *упраздниться*, и это онъ лучше объяснилъ намъ въ слѣдующемъ далѣе стихѣ. Чтобы ты, слыша объ упраздненіи, не подумалъ, что оно есть совершенное уничтоженіе, но зналъ, что это только возрастаніе и поступаніе къ лучшему, онъ прибавилъ: *отъ части бо разумѣваемъ и отъ части пророчествуемъ: егда же пріидетъ совершенное, тогда еже отъ части упразднится* (1 Кор. 13, 9), такъ что будетъ уже не *отъ части*, но совершенное. Такимъ образомъ несовершенное упразднится, и произойдетъ не несовершенное, а совершенное. Слѣдовательно упраздненіе есть исполненіе и поступаніе къ лучшему» ([54]).

Не считая нужнымъ доказывать то, что понятно и безъ доказательствъ,—прекращеніе дара языковъ, Апостолъ переходитъ къ рѣчи о прекращеніи другихъ упо-

---

([53]) Ibid.—Ср. *Іоан. Дам.* Точн. Изл. Пр. Вѣр. кн. 1, гл. 2.

([54]) *Златоуст.* О непостижимомъ прот. Аномеевъ сл. 1. Хр. Чт. 1841, 3, стр. 368. 369.

минутыхъ даровъ: *отъ части бо* (а не вполнѣ (⁵⁵), *якоже зерцаломъ въ гаданіи, а не лицемъ къ лицу*) *разумѣваемъ и отъ части пророчествуемъ*, и нѣкогда въ отношеніи къ знанію наступитъ состояніе совершенства, о которомъ *не лѣть есть человѣкомъ глаголати* (2 Кор. 12, 4) и при которомъ теперешнее знаніе исчезнетъ: *егда же пріидетъ совершенное, тогда еже отъ части упраздиится* (ст. 9, 10). *Совершенное* (τὸ τέλειον), или такое состояніе вещи, при которомъ не оказывается въ ней недостатка ни въ чемъ, совершенство нашего знанія (ср. ст. 12), о которомъ говоритъ Апостолъ, послѣдуетъ тогда, когда всѣ вѣрующіе во Іисуса Христа, при посредствѣ Богомъ сообщенныхъ и сообщаемыхъ дарованій и служеній, достигнутъ *въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 13), когда *пріидетъ кончина* вѣка. Въ подтвержденіе высказаннаго теперь положенія (ст. 8) Апостолъ обращаетъ вниманіе своихъ читателей на сходство, какое находится между совершеннымъ и несовершеннымъ состояніями человѣчества съ одной стороны, и между дѣтскимъ и мужескимъ возрастами съ другой стороны: *егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смышляхъ: егда же бѣхъ мужъ, отвергохъ младенческая* (ст. 11). У дитяти иной образъ рѣчи (или лепетаніе), иныя чувства и стремленія, иныя мысли, нежели у мужа. Приложенія этого сравненія, впрочемъ очень понятнаго, Апостолъ не дѣлаетъ, предоставляя сдѣлать его своимъ читателямъ, *яко мудрымъ* (ср. 1 Кор. 10, 15). Мысль сравненія есть слѣдующая: и мы теперь дѣти, дѣти съ

(⁵⁵) См. сл. *Злат.* въ примѣч. 57.

нашими понятіями о вещахъ, и, какъ дѣти, считаемъ себя умнѣе и лучше другихъ потому только, что болѣе получили дарованій, чѣмъ другія дѣти. Но наступитъ время зрѣлаго возраста: тогда узнаемъ, что здѣсь на землѣ у насъ была только дѣтская мудрость, и не будемъ ни цѣнить, ни имѣть ея болѣе (*отвергохъ младенческая*), потому что наступитъ *совершенное* ([56]). «Люди, украшенные проницательностію и мудростію, по наступленіи зрѣлаго возраста, говоритъ бл. Θеодоритъ, не нуждаются уже въ дѣтскомъ знаніи. Поэтому Апостолъ знаніе, какое дается намъ въ настоящей жизни, сравнилъ съ знаніемъ дѣтскимъ, а которое ожидается, съ знаніемъ мужей совершенныхъ» ([57]). Апостолъ съ любовію останавливается на этой блаженной будущности и изъясняетъ свое понятіе о здѣшней жизни, какъ о дѣтскомъ возрастѣ, и о будущей, какъ о возрастѣ мужескомъ: *видимъ убо нынѣ яко зерцаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу: нынѣ разумѣю отъ части, тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ* (ст. 12). *Ви-*

([56]) Этимъ общимъ и простымъ изъясненіемъ словъ Апостола достаточно изъясняется мысль Апостола. Потому нѣтъ нужды прибѣгать къ другому болѣе частному, ничѣмъ не доказанному и во всякомъ случаѣ искусственному объясненію тѣхъ толкователей, которые видѣли въ словахъ настоящаго мѣста указаніе на чрезвычайные дары духовные, поставленные Апостоломъ ниже любви, какъ-то: на даръ *языковъ* (*яко младенецъ глаголахъ*—ἐλάλουν), на даръ *пророчества* (*яко младенецъ мудрствовахъ* — ἐφρόνουν) и на даръ *разума* (*яко младенецъ смышляхъ* — ἐλογιζόμην). См. *Calov*. in h. l. p. 381.

([57]) *Theodoret*. in h. l. Подобно и *Златоустъ*: «сколь велико различіе между познаніемъ будущимъ, которое мы получимъ, и познаніемъ настоящимъ, которое дано намъ?—Такое же, какое между мужемъ совершеннымъ и младенцемъ, сосущимъ млеко. Столь же велико и превосходство знанія будущаго предъ настоящимъ» и т. д. (*Злат*. сл. 1 пр. Аном. стр. 370—372).

дѣніемъ здѣсь означается познаніе (какъ далѣе: *нынѣ разумѣю* и пр.—ст. 13) ([58]): первое слово употреблено въ соотвѣтствіе предмету, съ которымъ сравнивается образъ или степень нашего познанія на землѣ (*якоже зерцаломъ въ гаданіи*). Предметъ *видѣнія* составляютъ Богъ и дѣла Божіи: итакъ здѣсь говорится о богопознаніи въ обширнѣйшемъ смыслѣ (какъ у ев. Іоан. 17, 3). Образъ нашего видѣнія опредѣляется выраженіемъ: *якоже зерцаломъ*. Слово: *зерцало* (ἔσοπτρον) означало у древнихъ и зеркало, дѣлаемое изъ металла или изъ стекла (Іак. 1, 23; Прем. 7, 26; Сирах. 12, 11), и вещество, употреблявшееся въ окнахъ вмѣсто стеколъ, хотя и пропускавшее свѣтъ, впрочемъ, не такъ сильно, какъ наши стекла, иначе—тусклое стекло ([59]). Въ послѣднемъ значеніи это слово употреблено и здѣсь, какъ усматривается изъ того, что а) при такомъ значеніи совершенно естественнымъ оказывается и выраженіе: *якоже зерцаломъ* или *чрезъ зерцало* (δὶ ἐσόπτρου), при первомъ же значеніи лучше было бы: *якоже въ зерцалѣ* (ἐν ἐσόπτρῳ); что б) здѣсь Апостолъ хочетъ выразить степень нашего познанія, и у Іудеевъ, дѣйствительно, для такой цѣли употреблялось выраженіе: *видѣть сквозь стекло:* такъ о Моνсеѣ говорили, что онъ одинъ только видѣлъ сквозь свѣтлое стекло, прочіе же Пророки только сквозь тусклое ([60]). Словомъ: *гаданіе* означается рѣчь, состоящая изъ образовъ и потому указываю-

---

([58]) Или какъ у Іоан. 1, 18. См. *Злат.* пр. Аном. сл. 4. Хр. Чт. 1841, 4, стр. 201—205.

([59]) См. *Schleusner.* s. h. v. *Wetst.* II ad h. l. *Iahn* Biblisch. Archaeol. 1 Th., II B., s. 155; Ausgab. 1818 Wien.

([60]) См. *Wetst.* ad. h. l. t. II. p. 157. 158. *Schottg.* Hor. Hebr. ad h. l.

щая на предметъ только намекомъ, а не прямо; слѣдовательно рѣчь всегда болѣе или менѣе темная и непонятная; выраженіемъ: *въ гаданіи* (εν αἰνίγματι) означается образъ явленія видимаго или познаваемаго предмета (а не образъ видѣнія, такъ какъ о видѣніи такое выраженіе не употребляется, и *загадочное*—αἰνιγματῶδες—всегда лежитъ въ предметѣ зрѣнія, а не въ органѣ его): итакъ этимъ выраженіемъ означается явленіе предмета въ загадкѣ, *не явѣ* (ср. Чпсл. 12, 8). Мысль Апостола можно выразить въ слѣдующемъ перифразѣ: Богъ и дѣла Божіи (или все, что составляетъ предметъ богопознанія) созерцаются нами теперь не сами по себѣ, непосредственно, но какбы въ какой книгѣ, которой рѣчь темна и покрыта образами (*въ гаданіи*—въ загадкѣ), и даже здѣсь мы читаемъ ее только сквозь тусклое стекло (*якоже зерцаломъ*). Такъ является намъ Богъ въ своемъ твореніи (61) (Римл. 1, 20; Дѣян. 17, 25—28; Псал. 18, 2—5; Прем. 13, 1—5), въ естественномъ законѣ (Рим. 2, 15) и положительномъ откровеніи (Ис. 65, 1; 1 Тим. 3, 16; 1 Іоан. 5, 20; Евр. 1, 1), т. е., въ ветхомъ завѣтѣ или темномъ *законѣ сѣни* и въ новомъ завѣтѣ благодати, являющемъ славу Господню открыто (2 Кор. 3, 16. 18) (въ сравненіи съ ветхимъ завѣтомъ, хотя также только *отъ части*, въ сравненіи съ будущимъ вѣчнымъ созерцаніемъ Святой и Царственной Троицы) (62). Выраженную метафорически мысль Апостолъ далѣе выражаетъ безъ метафоры:

---

(61) *Вас. Вел.* послан. 232. — *Григор. Богосл.:* Тв. Св. От. 3, стр. 18. 19.

(62) Св. *Григор. Богословъ*, приведши изъ ветх. завѣта нѣкоторые примѣры видѣнія Бога, замѣчаетъ: «ни тѣ, о которыхъ у насъ слово, ни кто другой послѣ нихъ, не были, по Писанію, *въ совѣтѣ Господни* (Іер.

Нынѣ разумѣю отъ части, т. е., и не всю истину, а только части ея, и не вполнѣ, а нѣсколько: *тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ* (ст. 12). Здѣсь указывается: а) степень нашего богопознанія въ будущей жизни, сравнительно съ нынѣшнимъ. Такъ узнаю Бога и дѣла Его, какъ Онъ знаетъ меня ([63]) (не о себѣ только говоритъ Апостолъ, но и о всѣхъ *сущихъ* Божіихъ, которыхъ *позна Господь* (2 Тим. 2, 19), такъ какъ въ этой главѣ для всѣхъ христіанъ показывается *путь по превосходству*), или *узримъ его*, по слову св. апостола и евангелиста Іоанна, *якоже есть* (1 Іоан.

23, 18): никто не видѣлъ и не повѣдалъ естества Божія. Еслибы Павелъ могъ выразить, что̀ заключало въ себѣ третіе небо и шествіе къ оному (или постепенное восхожденіе, или мгновенное восхищеніе): то, можетъ быть, узнали бы мы о Богѣ нѣсколько больше (если только сего касалась тайна Павлова восхищенія). Но поелику сіе было неизреченно: то и мы почтимъ молчаніемъ; выслушаемъ же самого Павла, который говоритъ: *отъ части разумѣваемъ и отъ части пророчествуемъ* (1 Кор. 13, 9). Такъ и подобно сему сознается тотъ, кто не невѣжда разумомъ (2 Кор. 11, 6), кто угрожаетъ представить доказательство, что говоритъ въ немъ Христосъ (2 Кор. 13, 3); такъ сознается великій поборникъ и учитель истины. А потому все дольнее знаніе, какъ простирающееся не далѣе малыхъ подобій истины, ставитъ онъ не выше зерцалъ и гаданій (1 Кор. 13, 12). А еслибы не опасался я иныхъ подать о себѣ мысль, что до излишества и безъ нужды занимаюсь такими изслѣдованіями, то сказалъ бы: о семъ же самомъ, а не объ иномъ чемъ, можетъ быть сказано: *не можете носити нынѣ* (Іоан. 16, 12), чѣмъ само Слово давало разумѣть, что со временемъ возможемъ понести и уяснить себѣ это. И сіе же самое Іоаннъ, Предтеча Слова, великій гласъ истины, призналъ невозможнымъ *самому міру вмѣстити*» (Іоан. 21, 25). Т. 3. стр. 35. 36. ср. 37. 38.

([63]) *Григор. Богосл.* III, 145. Указаніе на высокое совершенство знанія въ будущей жизни находится и въ употребленномъ здѣсь у Апостола глаголѣ: ἐπιγνώσομαι, который болѣе значитъ, нежели γινώσκω, какъ видно уже и изъ этого же мѣста. См. *Wahl. s. v.* ἐπιγινώσκω.

3, 2),—выраженіе совершеннѣйшаго знанія человѣка о Богѣ, разумѣется, такого, какое возможно существу ограниченному о ничѣмъ неограниченномъ: потому что, какъ бы мы ни были блаженны, водворившись у Господа, *егда пріидетъ совершенное*, мы будемъ все только подобны Ему: *вѣмы, яко егда явится, подобни ему будемъ* (1 Іоан. 3, 2). Вообще, состояніе знанія будетъ таково, что его для самыхъ тайнозрителей и Апостоловъ невозможно было ни словомъ выразить (ср. 2 Кор. 12, 4), ни мыслію постигнуть (1 Іоан. 3, 2) ([64]). «Видишь ли, говоритъ св. Златоустъ на эти слова Апостола, видишь ли, какъ двоякимъ образомъ онъ смирилъ ихъ надмѣніе?—(Сказавши, т. е.), что и отрывочно знаніе ихъ, и что не сами отъ себя имѣютъ его. Потому что не я, говоритъ, позналъ Его, но Онъ самъ позналъ меня. Посему, какъ самъ Онъ теперь позналъ меня первый и самъ дошелъ (ἐπέδραμεν) до меня: такъ и я достигну до Него тогда гораздо больше, чѣмъ теперь... Это и значитъ выраженіе: *якоже и познанъ быхъ*. Не потому, что мы такъ узнаемъ Его, какъ Онъ (знаетъ) насъ, но что, какъ самъ Онъ достигъ до насъ нынѣ, такъ и мы достигнемъ (ἀνεξόμεθα) Его тогда, и узнаемъ многое изъ того, что нынѣ неизреченно, и блаженнѣйшею тою насладимся бесѣдою и мудростію» ([65]). «Бога, что Онъ по естеству и сущности, богословствуетъ св. Григорій Богословъ, никто изъ людей никогда не находилъ и, конечно, не найдетъ. А если и найдетъ когда нибудь: то пусть разыскиваютъ и любомудрству-

---

([64]) См. Пр. Христ. Кат. 1839, С.-пб. стр. 102.

([65]) *Злат*. р. 363—340.

ютъ о семъ желающіе. Найдетъ же, какъ я разсуждаю, когда сіе богоподобное и божественное, т. е., нашъ умъ и наше слово, соединятся съ сроднымъ себѣ, когда образъ взойдетъ къ Первообразу, къ которому теперь стремится. И сіе, какъ думаю, выражается въ томъ весьма любомудромъ ученіи, по которому познаемъ нѣкогда, сколько сами познаны (1 Кор. 13, 12). А что въ нынѣшней жизни достигаетъ до насъ,—есть тонкая струя и какбы малый отблескъ великаго свѣта. Посему, если кто позналъ Бога, и засвидѣтельствовано, что онъ позналъ: то познаніе сіе приписывается ему въ томъ отношеніи, что сравнительно съ другимъ, не столько просвѣщеннымъ, оказался онъ причастникомъ бо́льшаго свѣта. И такое превосходство признано совершеннымъ, не какъ дѣйствительно совершенное, но какъ измѣряемое силами ближняго» ([66]). «Богъ есть свѣтъ и свѣтъ высочайшій, такъ что всякій другій свѣтъ, сколько бы ни казался осіявающимъ, есть только малая его струя или разсѣявающійся отблескъ. Но Онъ, какъ видишь, попираетъ *мракъ* нашъ. *И положи тму закровъ свой* (Пс. 17, 10. 12), поставивъ ее между Собою и нами, какъ и Моусей въ древности полагалъ покровъ между собою и слѣпотствующимъ Израилемъ, чтобы омраченная природа не безъ труда видѣла сокровенную красоту, которую не многіе достойны видѣть, чтобы удобно получаемое не было скоро отвергаемо по удобству пріобрѣтенія, но чтобы одинъ свѣтъ входилъ въ общеніе съ Свѣтомъ, непрестанно влекущимъ вверхъ посредствомъ стремленія къ единенію, и только очищенный умъ приближался къ Уму

([66]) *Григ. Богосл.* ч. 3. Тв. Св. От. стр. 33.

чистѣйшему, и чтобы одно открывалось нынѣ, а другое впослѣдствіи, какъ награда за добродѣтель и за обнаруженное еще здѣсь стремленіе къ сему Свѣту, т. е., за уподобленіе Богу; ибо сказано: *видимъ нынѣ якоже зерцаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу: нынѣ разумѣю отъ части, тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ* (1 Кор. 13, 12). Какое наше униженіе и какое обѣтованіе — познать Бога столько, сколько сами мы познаны! Такъ сказалъ Павелъ, великій проповѣдникъ истины, учитель язычниковъ въ вѣрѣ, который наполнилъ обширный кругъ благовѣствованіемъ, жилъ не для кого иного, какъ только для Христа, восходилъ до третьяго неба, былъ зрителемъ рая и для совершенства желалъ разрѣшиться» (Фил. 1, 25) ([67]). «И первые (праведники) наслѣдуютъ неизреченный свѣтъ и созерцаніе Святыя и Царственныя Троицы, которая будетъ тогда озарять яснѣе и чище и всецѣло соединится со всецѣлымъ умомъ (въ чемъ единомъ и поставляю особенно царствіе небесное)» ([68]). Подобно выражается и св. Василій Великій: «намъ дано обѣтованіе, что познаемъ нѣкогда, сколько сами познаны (1 Кор. 13, 12). Если невозможно мнѣ имѣть совершеннаго познанія здѣсь: то что̀ еще остается? Чего могу надѣяться? Безъ сомнѣнія, скажешь: небеснаго царства. Но думаю, что оно не иное что есть, какъ достиженіе чистѣйшаго и совершеннѣйшаго. А совершеннѣйшее изъ всего существующаго есть вѣдѣніе Бога. Сіе-то вѣдѣніе частію да сохранимъ, частію да прі-

---

([67]) *Григ. Богосл.* Тв. Св. От. т. 3. стр. 146. 147.

([68]) *Григ. Богосл.* Т. 2, стр. 56.

обрѣтаемъ, пока живемъ на землѣ, а частію да сберегаемъ для себя въ тамошнихъ сокровищницахъ, чтобы въ награду за труды пріять всецѣлое познаніе Святыя Троицы, что́ Она, какова и колика (если позволено будетъ выразиться такъ)» ([69]). Вмѣстѣ съ симъ Апостолъ б) показываетъ еще своимъ выраженіемъ, что степени нашего богопознанія въ будущей жизни будутъ соотвѣтствовать познанію Божію о насъ въ настоящей жизни или степенямъ нашей любви къ Богу (ср. 1 Кор. 8, 3). Потому что, и дѣйствительно, если *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Матѳ. 5, 8): то и степени блаженнаго лицезрѣнія Божія должны состоять въ прямомъ отношеніи къ степенямъ нашего нравственнаго очищенія *отъ всякія скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1). «Говорить о Богѣ — великое дѣло, но гораздо большее—очищать себя для Бога, потому что *въ злохудожну душу не внидетъ премудрость* (Прем. 1, 4). Намъ повелѣно сѣять въ правду и собирать плодъ живота, чтобы просвѣтиться свѣтомъ вѣдѣнія (Осіи 10, 12). И Павелъ хочетъ, чтобы мы, по любви нашей ко Господу, были познаны отъ Господа (1 Кор. 8, 8), а чрезъ сіе познаніе и сами научались (1 Кор. 13, 13); и сей путь вѣдѣнія почитаетъ онъ лучшимъ, нежели надмѣнное мнѣніе, которое кичитъ» ([70]). Всѣ праведные *во свѣтѣ* Божіемъ *узрятъ свѣтъ* (Пс. 35, 10). Но, «какъ

([69]) Тамъ же стр. 174. 175. *Св. Васил. Велик.*: «царство небесное есть созерцаніе. Теперь, какъ въ зеркалѣ, видимъ тѣни вещей; а впослѣдствіи, освободившись отъ сего земнаго тѣла и облекшись въ тѣло нетлѣнное и безсмертное, увидимъ ихъ первообразы. Увидимъ же, если жизнь свою управимъ по прямому пути и будемъ заботиться о правой вѣрѣ, безъ чего никто не узритъ Господа». Пис. къ Кесар. мон. VIII. Тв. Св. X. 42.

([70]) *Григ. Богосл.* т. 3. стр. 144. 145.

отъ одного свѣтильника, освѣщающаго одинъ домъ, каждый лучъ бываетъ различенъ, между тѣмъ какъ свѣтъ не дѣлится на многіе свѣтильники: такъ въ будущій вѣкъ всѣ праведные водворятся нераздѣльно въ одной радости, но каждый въ своей мѣрѣ озаряется мысленнымъ Свѣтомъ и по степени достоинства получаетъ радость и веселіе, какбы въ одномъ воздухѣ и мѣстѣ, сѣдалищѣ, созерцаніи и образѣ» ([71])...

Но все это будетъ только впослѣдствіи — *тогда; а нынѣ*, въ теченіе настоящей жизни, есть ли что либо у христіанина способное поддержать его въ ожиданіи блаженной будущности и привести къ ней? *Нынѣ пребываютъ*, на все время ожиданія не прекращаясь (ср. ст. 8. 9), постоянно остаются (какъ залогъ того, что мы нѣкогда можемъ достигнуть блаженнаго состоянія, или какъ лѣствица восхожденія къ нему—ср. 1 Сол. 5, 8), *вѣра, надежда, любы, три сія*, впрочемъ, такъ, что между ними преимуществуетъ опять тоже величайшее благо, которому посвящено все это похвальное слово Апостола,—*любовь: больши же сихъ любы* (ст. 13). Вотъ духовныя сокровища, доступныя во всякое время всякому христіанину и совершенно необходимыя для того, чтобы *утвердить* его *даже до конца неповинным въ день Господа нашего Іисуса Христа* (1 Кор. 1, 8; ср. 1 Сол. 5, 8): только *дѣла*, совершенныя во свѣтѣ вѣры, въ силѣ упованія и по внушеніямъ любви (ср. Евр. 10, 21—24), *ходятъ въ слѣдъ* праведныхъ и приводятъ къ вѣнцу правды (Ап. 14, 13; 2 Тим. 4, 7. 8), а потому и заботиться должно всего болѣе объ этихъ плодахъ Духа, а не о дарѣ чудотворенія, дарѣ проро-

---

([71]) *Ефр. Сир.* О бл. обит., въ Т. Св. От. XIV, 496.

чества (Мате. 6, 33), дарѣ языковъ и т. п. *Вѣра*, по опредѣленію Апостола, *есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. 11, 1): невидимыя и высочайшія блага, которыя, *егда пріидетъ совершенное*, дарованы будутъ во Іисусѣ Христѣ всѣмъ, *возлюбившимъ пришествіе его*, вѣра уже здѣсь созерцаетъ, какъ присущія ей; *надежда* основывается на вѣрѣ, всецѣло направляется къ будущему и состоитъ въ живомъ увѣреніи, что наступитъ нѣкогда, по обѣтованію Божію, откровеніе славы чадъ Божіихъ, достигшихъ совершенства (Евр. 11, 40), и что мы *не у явися что будемъ*. *Вѣра* утоляетъ голодъ души нашей (Іоан. 6, 35), *надежда* возбуждаетъ его (Рим. 8, 19. 25). *Вѣра* даруетъ общеніе со Христомъ, миръ съ Богомъ и дерзновеніе къ Нему; *надежда* поддерживаетъ въ насъ чувство, что на землѣ во всѣхъ духовныхъ плодахъ вѣры мы имѣемъ только залогъ того, что соблюдается для насъ на небесахъ (2 Кор. 1, 22), и есть немолчное воздыханіе о безконечномъ. Въ духовномъ всеоружіи *вѣра* есть *щитъ и броня* (Еф 6, 16; 1 Сол. 5, 8) къ сохраненію истины и правды (Еф. 6, 14), къ побѣдѣ надъ міромъ (1 Іоан. 5, 4) и діаволомъ (1 Петр. 5, 9; Еф. 6, 15); *упованіе спасенія*, т. е., упованіе *на приносимую намъ благодать откровеніемъ Іисусъ Христовымъ* (1 Петр. 1, 13), упованіе, что *не положи насъ Богъ во гнѣвъ, но въ полученіе спасенія, Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ* (1 Сол. 5, 9), или что *самъ Отецъ* небесный *любитъ насъ* (Іоан. 16, 27),—есть *шлемъ*, необходимый для всегдашней нашей безопасности и сохраняющій насъ невредимо среди величайшихъ искушеній самой вѣры. *Больши же сихъ любы*—очевидно, не во всемъ: потому что есть отношенія, въ которыхъ и вѣра со-

храняетъ всѣ свои преимущества: такъ *вѣра* есть причина самой любви (Гал. 5, 6); *вѣра наша*, а не любовь, *есть побѣда, побѣдившая міръ* (1 Іоан. 5, 3); *вѣрою* оправдываемся, а не любовію (Рим. 5, 1); *безъ вѣры невозможно угодити Богу* (Евр. 11, 6), *и всяко еже не отъ вѣры грѣхъ есть*, хотя бы то было дѣло величайшей любви (Рим. 14, 23). *Больши же сихъ любы*—въ отношеніяхъ, прямо указываемыхъ обозрѣваемою главою посланія, именно: или потому, что одна лишь любовь *николиже отпадаетъ*, тогда какъ съ наступленіемъ *спасенія душамъ*, предмета надежды, наступитъ *кончина вѣры* (1 Петр. 1, 9; ср. 1 Сол. 5, 8), и обѣ онѣ престанутъ ([72]), одна, чтобы уступить мѣсто обладанію, другая—видѣнію (2 Кор. 5, 7); или потому, что собственно любовь есть *по превосхожденію путь* къ нашему благу частному и общему ([73]) и она одна даетъ достоинство вѣрѣ и надеждѣ; или по той и другой причинамъ вмѣстѣ. Блаж. Августинъ такъ изображаетъ отношеніе этихъ трехъ даровъ Божіихъ къ созиданію человѣческой души въ жилище Божіе Духомъ: «основаніе дома Божія въ вѣрѣ, возведеніе его въ надеждѣ, довершеніе (красота или вѣнецъ) въ любви» ([74]).

Поставляя любовь выше всего, Апостолъ прилично этому и заключаетъ: *держитеся любве* — съ величайшимъ усердіемъ достигайте любви (14, 1), все устроя любовію, почитая ее долгомъ, котораго никогда нельзя выплатить вполнѣ, какъ онъ выражается въ другихъ мѣстахъ: *вся вамъ любовію да бываютъ* (1 Кор. 16, 14);

([72]) *Злат.* in. h. l.

([73]) Μείζων въ этомъ смыслѣ 1 Кор. 14, 5.

([74]) *August.* Serm. XXVII de verb. Psalm. 95, tom. V. col. 143.

ни единому же ничимже должни бывайте, точію еже любити друг друга (Рим 13, 8) ([75]). «Итакъ, если такова сила любви, замѣчаетъ Златоустъ на слова Апостола: то справедливо прибавляетъ (Апостолъ), говоря: *держитеся* (διώκετε) *любве*. Потому что потребно и преслѣдованіе (διώξεως), и нѣкоторое сильное стремленіе: такъ отлетѣла она отъ насъ и столько препятствій въ стремленіи къ ней! Посему и нужно намъ большое усиліе, чтобы достигнуть ея. Это показывая, Павелъ не сказалъ: *слѣдуйте* (ἀκολουθεῖτε) любви, но: *держитесь ея*,—возбуждая насъ и воспламеняя къ ея полученію» ([76]). «Ибо, кто преслѣдуетъ (διώκων), тотъ смотритъ только на предметъ преслѣдуемый (διωκόμενον) и устремляется къ нему, и не оставляетъ его, доколѣ не получитъ... Станемъ и мы это дѣлать... Потомъ, когда достигнемъ (любви), не будемъ оставлять ее, чтобы опять отъ насъ не убѣжала она. Ибо она постоянно отъ насъ отступаетъ, потому что пользуемся ею не какъ должно, но все ей предпочитаемъ. Посему все нужно дѣлать, чтобы удержать ее со тщаніемъ. Ибо, если это будетъ, намъ не будетъ нужды въ большомъ трудѣ, ни даже въ маломъ, но съ наслажденіемъ и праздничнымъ торжествомъ пойдемъ мы по тѣсному пути добродѣтели» ([77]).

([75]) См. *Злат.* Толк. на п. къ Римл. стр. 562—563 по рус. пер.

([76]) *Злат.* p. 365. 366.

([77]) *Злат.* p. 374. *Suic.* s. v.: διώκω 1, 931. Подобнымъ образомъ выражается *Фотій* ap. Oecum. p. 468, *Феофил.* in. h. l.

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ НЕДѢЛЮ 10-Ю ПО ПЯТЬДЕСЯТНИЦѢ.

Преосвященнѣйшаго Елпидифора, епископа вятскаго и слободскаго.

Отвѣщавъ Іисусъ рече: о роде невѣрный и развращенный, доколѣ буду съ вами, доколѣ терплю вамъ (Матѳ. 17, 17)?

Слышите, братіе, какое негодованіе изъявляетъ Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ на невѣріе и обыкновенно соединяющееся съ нимъ развращеніе. И можетъ ли не возбуждать праведнаго Его гнѣва наше невѣріе, когда Онъ такъ ясно даетъ намъ познавать Себя и какбы осязать въ дивныхъ дѣлахъ Его во всемъ мірѣ, въ безчисленныхъ благодѣяніяхъ, ежеминутно на насъ изливаемыхъ; когда Онъ такъ вразумительно вѣщаетъ намъ о Себѣ въ откровенномъ словѣ своемъ, проповѣдуемомъ св. Церковію? *Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Пс. 13, 1), говоритъ Псалмопѣвецъ. И подлинно, надобно не имѣть вовсе здраваго смысла въ душѣ и добраго чувства въ сердцѣ, чтобы впасть въ совершенное невѣріе. И среди насъ, украшающихся именемъ вѣрующихъ, такого страшнаго и пагубнаго недуга въ комъ либо и предполагать не

можемъ. Но есть недугъ не менѣе страшный и опасный, которымъ, къ несчастію, одержимы бываютъ многіе изъ христіанъ: это есть холодность въ вѣрѣ.

Мы имѣемъ вѣру, и притомъ вѣру христіанскую: ибо рождены и воспитаны въ ней. Мы знаемъ Бога, что Онъ есть всемогущій и всеблагій Творецъ и Промыслитель міра; знаемъ и Господа Іисуса Христа, что Онъ есть нашъ Спаситель; не отчуждаемся вовсе и отъ св. Церкви, но по временамъ приходимъ въ храмы Божіи для молитвы и приступаемъ къ священнымъ таинствамъ. Но стремится ли къ Богу живому и крѣпкому душа наша, какъ елень, палимый жаждою, на источники водные? Прилѣплено ли сердце наше къ сладчайшему Господу Іисусу такъ, чтобы оно все какбы исчезало въ любви и преданности къ Нему, чтобы Онъ былъ Богомъ сердца нашего и частію нашею во вѣкъ, чтобы мы страшились оскорблять и прогнѣвлять Его какимъ либо отступленіемъ отъ Его ученія и заповѣдей? Такъ ли почитаемъ св. Церковь Христову, чтобы охотно принимать и свято исполнять всѣ ея уставы и законоположенія? Нельзя не сознаться, что далеко всего этого нѣтъ въ насъ, что сердце наше очень холодно ко всему священному и божественному. Мы часто и легко измѣняемъ правиламъ вѣры и закона евангельскаго; а объ уставахъ церковныхъ и говорить нечего, какъ иные мало къ нимъ уважительны. Очень лѣнивы мы молиться, а когда и молимся или приступаемъ даже къ святымъ и спасительнымъ таинствамъ, то нѣтъ въ насъ духа благоговѣйнаго умиленія. Кромѣ Бога и Господа Іисуса, все прочее гораздо больше занимаетъ наши мысли и чувствованія, привлекаетъ и привязываетъ къ себѣ нашу душу и сердце.

Можетъ ли же такая вѣра наша удовлетворять и быть пріятна Богу, а намъ служить во спасеніе? Не падаетъ ли на такихъ вѣрующихъ тотъ же упрекъ Божій, который нѣкогда устами Пророка изреченъ былъ на Іудеевъ: *приближаются ко мнѣ людіе сіи усты своими и устнами чтутъ мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ мене, всуе же чтутъ мя* (Исаіи 29, 13)? Сердце, бр., сердце наше паче всего нужно Богу, чтобы оно всегда къ Нему стремилось и Ему принадлежало: *даждь ми, сыне, твое сердце* (Прит. 23, 26), такъ взываетъ Господь ко всякому вѣрующему.

Отъ чего же происходитъ эта усматриваемая въ насъ, Богу противная и для насъ опасная, слабость и холодность въ вѣрѣ?

Начало этой губительной язвы болѣе всего полагается въ самой ранней юности нашей чрезъ воспитаніе. Всѣмъ извѣстно, какъ легко дѣти воспринимаютъ въ себя всѣ впечатлѣнія, и какъ глубоко врѣзываются эти впечатлѣнія въ нѣжныхъ сердцахъ ихъ. Можно сказать, что дѣти во всю послѣдующую жизнь свою приносятъ другимъ и сами пожинаютъ такіе плоды, какія сѣмена посѣяны были въ нихъ въ младенчествѣ. А какъ обыкновенно содержатъ и воспитываютъ нынѣ дѣтей? Въ одномъ классѣ общества христіанскаго мало чему учатъ ихъ, а потому и понятій о вѣрѣ мало внушаютъ; въ другомъ же классѣ очень многому учатъ, но при этомъ всего менѣе занимаютъ ихъ предметами вѣры. Отъ чего же тутъ возродится въ сердцѣ дитяти не только твердая и горячая, но и какая либо вѣра? Правда, нынѣ учатъ многихъ дѣтей, какъ говорится, закону Божію еще въ домахъ родительскихъ, то есть, заставляютъ ихъ твердить катихизисъ и нѣкоторыя

молитвы: но что пользы отъ этого, когда дитя ежеминутно видитъ, что родители его и всѣ другіе въ домѣ поступаютъ совсѣмъ не такъ, какъ повелѣваетъ законъ Божій и какъ законоучитель показываетъ ему въ катихизисѣ? Когда, напримѣръ, законоучитель говоритъ, что надобно свято исполнять всѣ постановленія Церкви, а дитя прямо отъ такого урока садятъ за не постный столъ во дни поста, и при этомъ еще произносятъ разныя шутки надъ предметами и лицами священными: что тогда болѣе подѣйствуетъ на душу дитяти и чему оно охотнѣе будетъ послѣдовать? Не такъ надобно учить и содержать дѣтей: отцы и матери, желающіе дѣтямъ своимъ истиннаго добра, должны твердо памятовать слово апостольское: *не въ словеси царствіе Божіе, но въ силѣ* (1 Кор. 4, 20). Для утвержденія въ сердцѣ дѣтей живой и горячей вѣры не то нужно, чтобы только выучили они на память катихизисъ и нѣкоторыя молитвы, но чтобы напитались духомъ вѣры, чтобы, такъ сказать, самая атмосфера, въ которой они живутъ и дышатъ, благоухала истиннымъ благочестіемъ, чтобы они видѣли въ родителяхъ своихъ и во всѣхъ другихъ, кто окружаетъ ихъ, искреннее благоговѣніе къ Богу и уваженіе ко всему священному. Тогда пусть они и не много будутъ знать на память молитвъ и положеній касательно предметовъ вѣры, но душа и сердце ихъ будутъ проникнуты и согрѣты живою покорностію, любовію и преданностію къ Богу и Христу Спасителю. А родясь и живя среди своеволія, вольномыслія, суесловія и неблагоговѣинства, рѣдко слыша или и вовсе не слыша имени Божія и особенно имени Христова, не видя въ домѣ никакихъ священныхъ предметовъ и дѣйствій, дитя

чѣмъ инымъ напитается и чѣмъ послѣ будетъ водиться, какъ не духомъ вольномыслія, своеволія и отчужденія отъ всего священнаго и божественнаго?

Такъ, горькій корень маловѣрія и холодности въ вѣрѣ насаждается въ насъ и глубоко внѣдряется еще въ дѣтствѣ нашемъ. Но и послѣ, когда вступаемъ уже въ зрѣлый возрастъ, когда сами должны располагать своими дѣйствіями, замѣчать и исправлять въ себѣ недостатки, а укоренять и возращать добродѣтели, какъ мы обыкновенно держимъ себя въ отношеніи къ вѣрѣ? Вмѣсто того, чтобы истреблять насажденный въ юности злой корень, мы бережемъ его, какбы еще удобряемъ и разнымъ образомъ способствуемъ къ его развитію и горькому плодоприношенію. Извѣстно, что, чего мы не знаемъ или о чемъ мало думаемъ, къ тому не влечется и не привязывается наше сердце; напротивъ, къ самымъ любимымъ предметамъ самая горячая привязанность ослабѣваетъ и вовсе пропадаетъ, когда они удаляются отъ глазъ и затѣмъ теряются изъ мыслей нашихъ. А о комъ или о чемъ мы такъ мало думаемъ, какъ о Богѣ? Видимъ, что солнце сіяетъ на насъ благотворно, небо дождитъ и земля даетъ намъ плоды свои: а помышляемъ ли, что все это есть даръ всемогущаго и всеблагаго Творца и Промыслителя нашего, что безъ Него мы и одного мгновенія не могли бы существовать? Съ утра до ночи мы заняты бываемъ заботами и попеченіями житейскими; всѣ мысли и желанія наши устремляются къ тому, что или *добро въ снѣдь*, или *угодно очима видѣти*, или *красно еже разумѣти:* когда же при этомъ и думать о Богѣ? И можетъ ли душа, одебелѣвшая отъ чувственныхъ вожделѣній и наслажденій, и, подобно кро-

ту, роющаяся только въ землѣ,—можетъ ли, подобно орлу, воспарять къ небу, чтобы зрѣть тамъ незаходимое Солнце правды? Нѣтъ; *блажени чистіи сердцемъ*, свободные отъ земныхъ пристрастій, *яко тіи Бога узрятъ*. Надобно, подобно Давиду, выну предзрѣвать предъ собою Господа, яко всеблагаго, премилосердаго, всесвятаго, премудраго, вездѣсущаго, чтобы ни на небѣ, ни на землѣ, ничего болѣе не желать, какъ только чтобъ Онъ былъ Богомъ сердца нашего и частію нашею во вѣкъ. Если же мысли наши не обращаются и не возносятся къ Богу: то и сердце не устремится и не повлечется къ Нему: *идѣже сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Матѳ. 6, 21).

Рѣдко и мало мы помышляемъ вообще о Богѣ и предметахъ духовныхъ и божественныхъ: а дражайшій нашъ Спаситель Господь Іисусъ Христосъ когда приходитъ намъ на мысль? Когда мы углубляемся въ самихъ себя, познаемъ и чувствуемъ, какъ мы немощны, грѣховны и тяжко виновны предъ Богомъ, и что, еслибы не Господь Іисусъ Христосъ былъ нашимъ Спасителемъ и Подателемъ спасительной благодати, то самая плачевнѣйшая была бы участь наша? Когда мы мысленно становимся на Голгоѳѣ при подножіи креста Христова, дабы видѣть, какъ Онъ, Сынъ Божій единородный, во плоти нашей, умираетъ въ жесточайшихъ страданіяхъ, проливаетъ кровь свою на крестѣ, во очищеніе грѣховъ нашихъ? Ахъ, во мглѣ суеты мірской, въ обаяніи страстей, рѣдко, очень рѣдко находятъ на насъ эти свѣтлыя и свѣтоносныя минуты такого самоуглубленія и погруженія души нашей въ животочныхъ язвахъ Христовыхъ! Дивно ли же при этомъ, что мы такъ слабы и холодны въ вѣрѣ, что

въ сердцѣ нашемъ не горитъ постоянно животворный пламень любви къ сладчайшему Господу Іисусу?

Не любимъ мы сами въ себѣ размышлять о Богѣ и Господѣ Іисусѣ и вообще о предметахъ духовныхъ и божественныхъ: не любимъ и отвнѣ возбуждаться къ этому. Слово Божіе есть наилучшая и животворнѣйшая пища для души и дѣйственнѣйшее руководство къ познанію и люблепію Господа Бога. Но, къ стыду и прискорбію нашему, съ жадностію читаются нами всякаго рода, даже самыя вздорныя книги: а писанія Пророковъ и Апостоловъ и другихъ богопросвѣщенныхъ и благочестивыхъ мужей, говорящія о Богѣ и добродѣтели, не многимъ изъ насъ едва по имени только извѣстны. Св. Церковь есть живое училище благочестія, и мы иногда приходимъ во храмы: но какъ? Неохотно, съ разсѣяніемъ, мало внимаемъ тому, что здѣсь совершается, а блуждаемъ мыслями своими далеко-далеко отъ храма! Можетъ ли же быть при этомъ для насъ какая польза отъ посѣщенія св. храмовъ? Ученикъ изъ училища выходитъ съ пустою головою, ежели бываетъ невнимателенъ къ преподаваемымъ тамъ урокамъ. *Тлятъ обычаи благи бесѣды злыя* (1 Кор. 15, 33), говоритъ Апостолъ: а мы такія-то злыя бесѣды болѣе и любимъ; напротивъ, сообщества и собесѣдованія съ мужами степенными и благоговѣйными боимся и бѣгаемъ, какъ нѣкоего страшилища. Откуда же при этомъ въ насъ возгорится и чѣмъ поддержится пламень вѣры и любви ко Господу? Напротивъ, не погаснетъ ли оный, еслибы какимъ либо образомъ и возженъ былъ? Холодный уголь среди горячаго разжигается: напротивъ, и горящій среди холоднаго погасаетъ и охлаждается

Теперь видите, бр., гдѣ начало и причина столь обычной намъ слабости и холодности въ вѣрѣ. Болѣзнь сія очень широко и глубоко распространила корни и вѣтви свои во всѣхъ слояхъ общества, и крайне опасна: она легко можетъ привести къ совершенному омертвенію—къ совершенному безвѣрію, убійственному для душъ нашихъ. Что же дѣлать при этомъ? Тоже, что дѣлаемъ въ тѣлесныхъ своихъ болѣзняхъ: то есть, надобно врачевать душевный свой недугъ. Для сего родители прежде и паче всего должны блюсти дѣтей своихъ, такъ содержать и воспитывать, чтобы не изъ катихизиса только, а паче изъ жизни и примѣровъ въ домѣ научались познавать и любить Бога и Господа Іисуса Христа. Затѣмъ мы сами, всѣ и каждый, да удаляемъ отъ себя все то, чѣмъ ослабляется и охлаждается вѣра, но да пользуемся тѣми средствами, которыя служатъ къ возбужденію и утвержденію живой и горячей вѣры и любви къ Богу и Господу Іисусу Христу. Будемъ болѣе размышлять о Богѣ, о Его величіи, всемогуществѣ, премудрости и благости, явленныхъ и являемыхъ намъ въ дѣлахъ творенія и промышленія божественнаго. Будемъ чаще мыслями своими переноситься на Голгоѳу, къ распятому за насъ на крестѣ Господу Іисусу, и повергать къ спасительнымъ язвамъ Его душу свою, покрытую ранами грѣховными и врачуемую живоносною Его кровію. Будемъ прилежнѣе читать и слушать Слово Божіе и затѣмъ писанія нравственныя и назидательныя, а не басни и сказки, исполненныя лжемудрованій и растлѣнія душевнаго. Будемъ чаще и охотнѣе притекать во храмы святые, усерднѣе здѣсь молиться и быть внимательнѣе къ священнодѣйствіямъ.

Будемъ избѣгать дурныхъ сообществъ, а искать и посѣщать собранія и бесѣды съ мужами благочестивыми и благоговѣйными. *Всяку повѣсть божественную восхощи слышати*, такъ заповѣдуетъ мудрый сынъ Сираховъ; *размышляй въ повелѣніихъ Господнихъ, и въ заповѣдехъ его поучайся присно: съ мужемъ благоговѣйнымъ присно буди, егоже аще познаеши соблюдающа заповѣди Господня: и о всѣхъ сихъ помолися Вышнему, да управитъ во истинѣ путь твой* (Сир. 6, 35. 37; 37, 15. 19). При этомъ самый *Духъ Божій* будетъ *спослушествовать духу нашему* (Рим. 9, 16) и способствовать намъ въ немощахъ нашихъ; утвердитъ и укрѣпитъ въ насъ вѣру; очиститъ, возвыситъ и освятитъ любовь къ Богу, и приведетъ насъ въ полноту совершенства христіанскаго. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Буди убо, Господи, рабомъ твоимъ смерть, исходящимъ намъ отъ тѣла и къ тебѣ Богу нашему приходящимъ, не преставленіе отъ печальнѣйшихъ на полезнѣйшая и сладостнѣйшая, и на упокоеніе и радость.

(Молитв. на веч. Пятдесятниц.).

Кто не задумывался когда нибудь о смерти, среди размышленій о своей судьбѣ или надъ гробами своихъ ближнихъ, которыхъ тѣла опускалъ въ могилу? Кто не озабочивался, по крайней мѣрѣ, по временамъ лучше устроить свою жизнь, чтобы не бояться смерти, чтобы въ мирѣ души встрѣтить неизбѣжный конецъ въ мірѣ?

Христіанинъ! Не тебѣ задумываться надъ вопросами о жизни и смерти. Послѣ всего, что проповѣдуетъ намъ слово Божіе, послѣ всѣхъ внушеній святой Церкви Божіей, среди каждодневныхъ празднествъ кончины,— по преимуществу, кончины Святыхъ Божіихъ, какія совершаетъ Церковь, задумываться надъ смертію и съ мрачнымъ недоумѣніемъ оставлять не рѣшенными для

себя вопросы о жизни—не значитъ ли быть не только неразумнымъ, но и неблагодарнымъ и виновнымъ?

Пріидите, чада Христовой Церкви, пріидите сюда—къ гробу Матери *всѣхъ живущихъ* о Христѣ (Быт. 3, 20), къ празднеству Успенія Матери Жизнодавца; приблизьтесь къ святѣйшему лику Пренепорочной Дѣвы—Царицы небесной, со всѣми недоумѣніями вашими о жизни и смерти, со всѣми вашими скорбями и желаніями въ отношеніи къ жизни и смерти. Здѣсь найдете утѣшеніе, какого никогда не выдумаете сами; здѣсь получите наставленія, какія внушаетъ и слово вѣры, оживленныя примѣромъ Матери всѣхъ христіанъ, право исповѣдающихъ имя Христово.

И Матерь Жизнодавца—во гробѣ! И отъ Пречистой приняла свою дань—смерть!.. Такъ, нѣтъ исключеній: путь смерти содѣлался путемъ всея земли; раждающіеся одни за другими умираютъ, раждаясь какбы для того, чтобы умереть. Не боимся напомнить это здѣсь христіанамъ; здѣсь-то и напоминать имъ о томъ, о чемъ они должны всегда помнить, но что не часто имъ вспоминается среди суеты житейской. Не усумнимся къ общему уроку о смерти, какъ общемъ достояніи всѣхъ, прибавить еще замѣчаніе, которое можетъ имѣть приложеніе ко многимъ, — замѣчаніе о неравномѣрности жизни, о случайностяхъ болѣзней, о внезапности смерти. Не нынѣ, завтра, не завтра, въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, которые мы проживаемъ такъ безпечно, придетъ наша очередь пойти въ путь всея земли, сомкнуть на вѣки свои очи, лечь во гробъ, низпуститься въ могилу и смѣшать свой прахъ съ прахомъ милліоновъ, отъ вѣка населившихъ подземный міръ могилъ. Придетъ... Намъ отсчитано только опредѣленное

число дней земнаго странствованія, которое должно кончиться съ послѣднимъ изъ отсчитанныхъ намъ дней. Скоро придетъ... Самое длинное продолженіе этого временнаго срока очень не длинно: шестдесятъ, семдесятъ, аще же въ силахъ, восемдесятъ лѣтъ — вотъ все продолженіе жизни. Спросите у старца, доживающаго послѣдніе дни восемдесятаго года: дологъ ли срокъ? долга ли жизнь? Придетъ наша очередь, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ мы думаемъ. Никому напередъ не сказано, когда онъ умретъ; но спросите у кладбища, гдѣ почиваютъ наши отцы и праотцы, — оно скажетъ вамъ: есть и здѣсь младенцы, и ихъ здѣсь больше, чѣмъ на землѣ, между живыми; и здѣсь есть юноши, которыхъ красота тлѣетъ во мракѣ могилъ, и ихъ здѣсь больше, чѣмъ на землѣ, между живыми; здѣсь каждый день отверзаетъ земля свои объятія, чтобы принять по нѣскольку тѣлъ людей всякаго возраста и всякаго состоянія... Жизнелюбивый плотоугодникъ отвратитъ отъ этой картины взоръ свой, отклонитъ отъ своего слуха подобный урокъ. И все же — умретъ и онъ, когда не чаетъ, и увѣрится, — жаль только, что поздо, — что въ картинахъ смерти, пишемыхъ дѣйствительностью, гораздо больше правды, чѣмъ въ картинахъ жизни и удовольствій жизни, рисуемыхъ нашимъ воображеніемъ. Бѣжать отъ мысли о смерти не значитъ отгонять или отдалять отъ себя смерть. Боголюбивый и озабочивающійся судьбою души своей христіанинъ намѣренно напомнитъ себѣ свою смерть, чтобы приготовить себя къ смерти. Потому-то и не боимся мы здѣсь напомнить объ общемъ удѣлѣ нашемъ; не усумнимся сказать христіанину: напечатлѣй въ умѣ, вмѣстѣ съ мыслію о томъ, что ты живешь, мысль,

что и умрешь. Помни о смерти, жди смерти: она не измѣнитъ, придетъ; готовься къ смерти: живутъ и умираютъ на землѣ только однажды.

Не боимся нарушить и свѣтлости торжества церковнаго, напоминая нынѣ о смерти. Самое торжество нынѣшнее даетъ урокъ о смерти,—не грозный, какой даютъ намъ послѣднія минуты умирающихъ собратій нашихъ или ихъ гробы и могилы, но урокъ утѣшительный, успокоительный, ободрительный. Приступи, взысканный милостями Богоматери, спасающійся подъ кровомъ Ея всемощнаго заступленія, христіанинъ, къ безсмертному лику твоей Заступницы; облобызай его со всею любовію и благодарностію сына; повѣрь, если имѣешь, Предстательницѣ христіанъ свои житейскія нужды и скорби; а затѣмъ останови благоговѣйный взоръ свой на Ея смертномъ одрѣ и вопроси его: что же такое смерть?

Что такое смерть? Когда мы приникаемъ къ тлѣющимъ останкамъ скончавшихся братій нашихъ: не мудрено, что возникаетъ въ душѣ грустное и тяжелое недоумѣніе: ужели тутъ конецъ всего? При смертномъ одрѣ Богоматери не испытаешь этого недоумѣнія, не возникнетъ въ душѣ безпокойнаго вопроса. Она и по смерти жива, Царица неба и земли, Владычица міра, наша Заступница и Ходатаица предъ Господомъ, наша Помощница и Поборница въ жизни и при смерти нашей, спасающая присно наслѣдіе свое! Что же было смерть Ея? Нѣсть, поистинѣ нѣсть рабомъ твоимъ смерть, исходящимъ намъ отъ тѣла и къ Тебѣ Богу нашему приходящимъ, но — преставленіе! Пришло предопредѣленное время, когда, совершивъ на землѣ свое призваніе, пренепорочная душа Пречистой должна была

взойти на небо—къ вѣчнымъ вѣнцамъ. Ангелы нисходятъ къ смертному одру Матери Жизнодавца, чтобы сопровождать ея душу въ селенія горнія. Самъ Господь приходитъ и пріемлетъ душу своея возлюбленныя Матери. Еще три дня, и прославленное пречистое тѣло Пренепорочной Дѣвы возносится туда же — въ горнія обители, къ вѣчной славѣ. Съ словомъ: смерть мы привыкли соединять представленіе неподвижнаго молчанія, холоднаго мрака: видите ли, сколько, напротивъ, здѣсь жизни, сколько свѣта? Есть великая разность между нравственными совершенствами Пречистой и внутреннимъ состояніемъ душъ у насъ грѣшныхъ; будетъ великая разность и въ вѣчномъ воздаяніи, соотвѣтствующемъ призванію и подвигамъ нашимъ въ жизни; есть, несомнѣнно, разность и въ самомъ переходѣ нашемъ въ другую жизнь. Но, въ существѣ дѣла, и для насъ, возрожденныхъ благодатію Божіею, охраняемыхъ заступленіемъ св. Ангеловъ и Святыхъ Божіихъ, что такое должна быть смерть? Преставленіе! Перемѣна произойдетъ. Душа отдѣлится отъ тѣла. Но тѣло останется пока безчувственнымъ, чуждымъ и для впечатлѣній видимаго міра, и для ощущеній вѣка будущаго. А душа? Живая перейдетъ она въ другой міръ, съ тѣми свойствами и чувствами, съ какими за нѣсколько мгновеній обитала въ тѣлѣ. Также, что за нѣсколько мгновеній, съ тѣмъ же чувствомъ бытія, съ тѣмъ же сознаніемъ своего внутренняго достоинства или недостоинства, она только будетъ видѣть себя среди совершенно иныхъ, чѣмъ прежде, предметовъ и впечатлѣній. Тутъ надъ безчувственнымъ тѣломъ наклонятъ слезящіяся лица оставшіеся братія и други, потрясаемые молчаніемъ гроба и мракомъ могилы; тамъ надъ

душею будетъ совершаться тайна вступленія ея въ новый, вѣруемый на землѣ, міръ, тайна приближенія къ Богу—Судіи и Мздовоздаятелю. А потомъ придетъ предназначенный день, когда и тѣло созрѣетъ для воскресенія, и каждая душа снова найдетъ свое тѣло, и тѣла вмѣстѣ съ душами наслѣдуютъ вѣчную жизнь...

Что же потомъ, послѣ этого перехода въ другой міръ, послѣ этого преставленія? Смотря на бездыханныя тлѣющія тѣла, опускаемыя нами въ могилу, безмолвныя, неподвижныя, мы часто воображаемъ себѣ усопшихъ какбы омертвѣвшими и душою, безмолвными узниками и страдальцами, подавляемыми неодолимою силою мертвящей смерти. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, мы и не обманываемся, угадываемъ истину, хотя и не совсѣмъ. Есть, дѣйствительно, несчастные узники — узники грѣха, блюдомые *на судъ великаго дне*, связанные *узами вѣчными подъ мракомъ* (Іуд. 6), хотя и тамъ нѣтъ омертвенія, нѣтъ забытья, котораго, можетъ быть, желали бы тѣ, кому въ прошедшемъ нечего вспомнить добраго, а впереди предстоитъ только вѣчная мука: тамъ — вопли хулы или безплоднаго самообличенія, тамъ скрежетъ зубовъ, предначинающій вѣчную казнь противниковъ Божіихъ. Но это несчастныя исключенія, противныя первоначальному назначенію людей, противныя благосердой волѣ Божіей о чадахъ Церкви Христовой. Возведемъ взоры горѣ, къ лику почившихъ отъ вѣка избранныхъ Божіихъ. Думаете ли, что эти цѣлыя поколѣнія праведниковъ, проживших на землѣ по нѣскольку десятковъ или,—если воспомянуть и праведниковъ—родоначальниковъ человѣчества,—и по нѣскольку сотъ лѣтъ, но почивающихъ костями своими въ землѣ впродолженіе

вѣковъ и тысячелѣтій, — думаете ли, что они безъ дѣла, живутъ только воспоминаніями и ожиданіями?— что у нихъ нѣтъ даже и той доли дѣла, какую каждый изъ насъ находитъ себѣ здѣсь—на первой ступени бытія, едва явившись въ міръ, едва-едва приходя въ сознаніе и нравственный бытъ существа разумнаго? Нѣтъ, истинный, православный христіанинъ, вѣрующій во Святыхъ Божіихъ, какъ ходатаевъ своихъ предъ Богомъ и Чудотворцевъ, не скажетъ этого. Что же? Мы не можемъ описать всего, что нѣкогда увидимъ тамъ, если окажемся достойными. Тамъ и таинники откровеній, возносимые туда благодатію, слышали глаголы, которыхъ не могли передать на языкѣ человѣческомъ, которые считали невозможнымъ передать на языкѣ человѣческомъ (2 Кор. 12, 4). Тамъ уготованы любящимъ Бога блага, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). Но то доступно и нашимъ понятіямъ, что смерть есть «преставленіе отъ печальнѣйшихъ на полезнѣйшая и сладостнѣйшая, и на упокоеніе и радость».

Бѣдный страдалецъ земли! Придетъ время, когда кончатся всѣ печали твои, посылаемыя теперь на тебя любовію Отца небеснаго для отторженія тебя отъ любви къ землѣ, произращающей, по твоей же винѣ, волчцы и тернія. Есть другой міръ, населенный болѣе видимаго тобою міра; есть другая жизнь, въ которой нѣтъ ни печали, ни воздыханія. Еще день, еще мѣсяцъ, еще годъ,—и ты будешь тамъ и упокоишься отъ печалей временной жизни, какъ уже упокоились цѣлые роды и поколѣнія.

Скорбный подвижникъ добродѣтели, изнемогающій въ борьбѣ съ искушеніями и грѣхомъ, годами слезъ

выплакивающій себѣ милость, да возметъ тебя Господь изъ этого міра искушеній и борьбы! Потерпи Господа! Не тебѣ первому приходится ожидать желаннаго часа отшествія ко Господу цѣлые десятки годовъ. Не вдругъ послѣ своего вознесенія возвелъ Господь Спаситель въ обители рая Пречистую и возлюбленную Матерь свою: а для нея что̀ могло быть вожделѣннѣе отшествія къ Сыну и Богу, и кто достойнѣе ея былъ блаженства райскаго? Потерпи Господа! Время борьбы и подвига кончится: но не кончится день упокоенія и радости, имѣющей возсіять тебѣ въ день смерти!

И вотъ всѣмъ намъ урокъ! Хочетъ ли кто жить такъ, чтобы жизнь не была потеряна даромъ, чтобы смерть не страшила насъ, какъ страшитъ уродливое изображеніе ея дѣтей? Постарайся понять, какъ жила Пресвятая Дѣва до своего успенія; какъ жилъ возлюбленный ученикъ Христовъ, прилѣпившійся къ Нему всею душею; какъ жили всѣ св. Апостолы, считавшіе смерть пріобрѣтеніемъ; какъ жили всѣ Святые Божіи, умѣвшіе цѣнить и время, которымъ спѣшили пользоваться, и вѣчность, которую постоянно имѣли въ виду, разумно предпочитая вѣчную судьбу души временнымъ утѣшеніямъ тѣла. Стяжи ихъ вѣру, ихъ упованіе, ихъ любовь: о, какъ свята и блаженна будетъ твоя жизнь, какъ вожделѣнна будетъ для тебя смерть—время упокоенія отъ трудовъ, время наслѣдія вѣчныхъ радостей въ ликѣ почившихъ отъ вѣка Святыхъ Божіихъ, подъ кровомъ Богоматери, въ обителяхъ Отца небеснаго, гдѣ и намъ уготовалъ мѣсто Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ. Аминь.

НЕБРЕЖЕНІЕ О БЛАГОДАТИ.

Св. апостолъ Павелъ писалъ нѣкогда христіанамъ кориѳской Церкви, а съ ними вмѣстѣ и ко всѣмъ вѣрующимъ всѣхъ церквей во вселенной: *молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ* (2 Кор. 6, 1). Напрасное принятіе благодати Божіей или злоупотребленіе благодатію есть преступленіе, достойное величайшаго осужденія отъ Бога и, по своимъ послѣдствіямъ, самое гибельное для христіанина. Чѣмъ драгоцѣннѣе благо и чѣмъ менѣе заслужено оно, тѣмъ болѣе достоинъ осужденія тотъ, кто не пріемлетъ благаго даянія, какъ должно. Таковъ высокій даръ нашего примиренія съ Богомъ во Христѣ и *божественныхъ силъ къ животу и благочестію,* именуемый *благодатію.* Можно сказать, что нѣтъ ничего драгоцѣннѣе, даже необходимѣе благодати, и нѣтъ бóльшаго грѣха противъ Бога, какъ оскорбленіе благодати.

Благодать даруется намъ для того же, для чего даруется самая жизнь. Всѣ мы созданы всеблагою волею Божіею для блаженнаго общенія съ Богомъ во свѣтлостяхъ Святыхъ Его или для царствія Божія. Но этой высокой цѣли мы никогда не могли бы достигнуть

нашими естественными силами, растлѣнными грѣхомъ, — и вотъ таже всеблагая воля Божія даруетъ намъ для этого помощь сверхъ-естественную, вполнѣ приличную цѣли, — благодать, восполняющую наши слабости и немощи. Безъ божественной благодати мы никогда не могли бы получить небеснаго блаженства: потому что она одна даруетъ необходимыя для полученія его вѣру въ Іисуса Христа и силы къ исполненію Его заповѣдей: *никтоже можетъ пріити ко мнѣ*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *аще не Отецъ, пославый мя, привлечетъ его* (Іоан. 6, 44). *Безъ мене*, говоритъ Онъ же въ другомъ мѣстѣ, *не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5). По слову Апостола, мы такъ слабы, что не въ состояніи даже помыслить что либо доброе, и вся наша сила отъ Бога: *не яко доволни есмы помыслити что, яко отъ себе, но довольство наше отъ Бога* (2 Кор. 3, 5). Если же мы не можемъ имѣть даже доброй мысли для благочестія: то тѣмъ болѣе не можемъ сами собою преодолѣть всѣ препятствія, которыя находятся на пути благочестія, или совершить подвиги, требуемые для полученія небеснаго вѣнца правды. Можно уже судить по этому, какое зло для христіанина — пренебреженіе дарами милости Божіей.

Въ чемъ состоитъ существо благодати или каковы ея свойства и дѣйствія, которыми она приводитъ людей ко спасенію? Благодать главнымъ образомъ имѣетъ два свойства и дѣйствія: она просвѣщаетъ нашъ умъ свѣтомъ истиннаго богопознанія, наставляетъ насъ на всякую истину, умудряющую во спасеніе, указываетъ намъ истинное зло, котораго должно избѣгать, и истинное добро, котораго должно искать и совершать; научаетъ насъ нашимъ обязанностямъ, открываетъ намъ

побужденія къ нимъ и опасности на пути спасенія, козни нашихъ враговъ видимыхъ й невидимыхъ и средства къ побѣдѣ надъ ними. Она дѣйствуетъ и на наше сердце и волю, всячески побуждая насъ къ благочестію, имѣющему *обѣтованіе живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8), и даруя всѣ необходимыя силы къ преуспѣянію въ законѣ Господнемъ. Когда мы послѣ чтенія какой либо святой и назидательной книги или послѣ трогательной бесѣды съ пастыремъ Церкви и инымъ благочестивымъ человѣкомъ, или при видѣ внезапной смерти и другаго какого нибудь печальнаго событія, или даже независимо ни отъ какой посторонней причины, когда мы чувствуемъ въ себѣ добрыя движенія и расположенія, такъ что готовы бываемъ оставить грѣхъ, противиться всякимъ соблазнамъ ко грѣху, отказаться отъ міра, который *преходитъ* также, какъ *и похоть его*, подвизаться въ добродѣтели, творить милостыню, посѣщать храмы Божіи, распинать свою плоть и благоговѣйно пріобщаться божественныхъ таинствъ: мы должны знать, что всѣ эти святыя движенія и благочестивыя внушенія производитъ въ насъ благодать Божія, и что внимающимъ ей она еще помогаетъ выполнить всѣ ея требованія. Она обращаетъ грѣшника отъ нечестиваго пути его, чтобы онъ жилъ блаженною жизнію, служа Богу единому и истинному; она даруетъ твердость праведнику и соблюдаетъ его отъ паденія. Сколько же виновны тѣ, которые закрываютъ глаза, чтобы не видѣть свѣта благодати, и противятся ей! Богъ, единственно по своей благости, хочетъ сдѣлать блаженными людей, безъ которыхъ Онъ можетъ обойтись и которыхъ также легко могъ бы обратить въ ничтожество, какъ легко воззвалъ ихъ

изъ него: *отвращшу же тебѣ лице, возмятутся: отъимеши духъ ихъ и исчезнутъ, и въ персть свою возвратятся* (Псал. 103, 29). Онъ даруетъ людямъ благодать съ цѣлію даровать имъ мѣсто во царствіи своемъ, куда они не могутъ придти безъ благодати; Онъ, при всѣхъ прегрѣшеніяхъ нашихъ, неотступно продолжаетъ предлагать ее намъ въ самыхъ многоразличныхъ видахъ, сообразуясь съ нашею пріемлемостію: а люди, неблагодарные къ Богу, слѣпые и безчувственные къ своей истинной пользѣ, презираютъ даромъ небеснымъ! Они предпочитаютъ мракъ свѣту, блага тлѣнныя — вѣчнымъ, состояніе смерти и несчастія — состоянію жизни и блаженства: какое преступленіе, какое оскорбленіе Бога, такъ много возлюбившаго насъ!

Вспомнимъ и то, чѣмъ пріобрѣтена для насъ благодать Божія. Это — кровь Сына Божія. Ея-то *цѣною куплени есте,* говоритъ Апостолъ (1 Кор. 7, 23): *не вѣдѣвшаго бо грѣха* нашего Искупителя Богъ *по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о немъ* (2 Кор. 5, 21). Для доставленія намъ благодати нужно было смиреніе и уничиженіе Богочеловѣка, послушаніе Его *даже до смерти, смерти же крестныя*: это значитъ, что благодать стоила Богу гораздо больше, чѣмъ цѣлый міръ: потому что для сотворенія міра достаточно было только слова Его, а для пріобрѣтенія намъ благодати потребны были Его уничиженіе и смерть. Итакъ, что значитъ пренебрегать благодатію? Это значитъ презирать страданія и смерть Іисуса Христа, попирать достопокланяемую кровь Сына Божія, *второе распинать его себѣ и обличать*, какъ выражается Апостолъ (Евр. 6, 6). Такая мысль наводитъ на насъ ужасъ, а между тѣмъ, именно это самое и дѣлаютъ, когда не извлека-

ютъ пользы изъ внушеній благодати, когда противятся ея дѣйствіямъ и слѣдуютъ требованіямъ поврежденной природы, влекущей ко грѣху и богопротивленію! Для поступающихъ такимъ образомъ кровь Сына Божія, умершаго для спасенія грѣшниковъ, остается безполезною, какъ она была безполезна для Іудеевъ, распявшихъ Господа. Для такихъ людей безцѣнная кровь Спасителя послужитъ еще къ большему осужденію: потому что они оскорбляютъ ее въ такое время, когда имѣютъ несравненно болѣе средствъ и побужденій къ познанію истины и совершенію добра, каковы: благодать Евангелія, благодать добрыхъ примѣровъ, представляемыхъ жизнію святыхъ Угодниковъ Божіихъ, особенно же благодать божественныхъ таинствъ. Къ такимъ людямъ можно отнести и слова Спасителя: *горе тебѣ Хоразине, горе тебѣ Виѳсаидо: яко аще въ Тирѣ и Сидонѣ быша силы были бывшія въ васъ, древле убо во вретищи и пепелѣ покаялися быша* (Матѳ. 11, 21). *Мужіе Ниневитстіи востанутъ на судъ съ родомъ симъ и осудятъ его: яко покаяшася проповѣдію Іониною, и се болѣ Іоны здѣ* (Матѳ. 12, 41)!

Будучи само по себѣ большимъ грѣхомъ, пебреженіе о благодати есть вмѣстѣ большое зло и по своимъ гибельнымъ послѣдствіямъ. Таковы: отступленіе благодати отъ людей, недостойныхъ благодати и оскорбляющихъ ее; ослѣпленіе ихъ ума и ожесточеніе ихъ сердца.

Отступленіе благодати отъ пренебрегающаго и злоупотребляющаго ею человѣка-грѣшника изображено рѣзкими чертами въ св. Писаніи. Для исцѣленія Вавилона Я сдѣлалъ все, что могъ, говоритъ Богъ чрезъ одного изъ своихъ Пророковъ: и этотъ неблагодарный городъ не хотѣлъ воспользоваться моимъ попеченіемъ,

а потому оставляю его собственной несчастной судьбѣ его: *врачевахомъ Вавилона и не исцѣлѣ: оставимъ его* (Iер. 51, 9). Въ другомъ мѣстѣ слова Божія представляется намъ виноградникъ, о которомъ Богъ, послѣ всѣхъ напрасно приложенныхъ заботъ, не хотѣлъ болѣе заботиться. *Что сотворю еще*, говоритъ Онъ, *винограду моему, и не сотворихъ ему*, чтобы онъ принесъ добрые плоды? *На мѣстѣ тучнѣ... насадихъ его.., и огражденіемъ оградихъ, и окопахъ, и создахъ столпъ посредѣ его и предточиліе ископахъ въ немъ, и ждахъ, да сотворитъ гроздіе*. Я ждалъ много времени, и послѣ всего этого онъ не произвелъ ничего добраго: *ждахъ, да сотворитъ гроздіе, сотвори же терніе*. Но такъ какъ этотъ виноградникъ не соотвѣтствуетъ моему ожиданію, то вотъ что Я сдѣлаю съ нимъ: Я его оставлю; *отъиму огражденіе его и будетъ въ разграбленіе, и разорю стѣну его и будетъ въ попраніе: и оставлю виноградъ мой, и ктому не обрѣжется, ниже окопается, и взыдетъ на немъ, якоже на лядинѣ, терніе, и облакомъ заповѣмъ, еже не одождити на него дождя* (Ис. 5, 1—6). Кто не призпаетъ въ этой картинѣ изображенія несчастной участи грѣшника, оставленнаго Богомъ, и ея причины? Богъ воспиталъ и воспитываетъ насъ—христіанъ, какъ виноградную лозу, которая Ему драгоцѣнна; Онъ насадилъ эту лозу на доброй почвѣ, давъ намъ родиться въ нѣдрахъ Церкви Христовой; Онъ орошаетъ ее спасительными водами своей благодати; согрѣваетъ ее лучами Солнца правды; укрѣпляетъ ее противъ всякихъ бѣдствій своею сильною помощію; и послѣ всѣхъ такихъ заботъ Божіихъ многіе, вмѣсто того, чтобы благодати своего призванія соотвѣтствовать дѣлами благочестія, производятъ только плоды неправды. Богъ находитъ

въ своемъ виноградникѣ терніе и волчцы—преступныя страсти съ ихъ преступными дѣйствіями. Какая же судьба ожидаетъ за это? Предоставленіе невнимательныхъ и неблагодарныхъ грѣшниковъ своимъ собственнымъ путямъ, ведущимъ въ пагубу, омраченіе и извращеніе ума, о какомъ говоритъ Апостолъ: *якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ, сего ради предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная* (Рим. 1, 28). Грѣшникъ мало по малу забываетъ и теряетъ изъ виду цѣль, для которой онъ сотворенъ, и средства, данныя къ ея достиженію. Богъ не ниспосылаетъ болѣе на него небесной росы благодати, и душа его дѣлается подобною сухой землѣ, на которой никогда не растутъ добрые плоды. Встрѣчаясь съ опасностями, грѣшникъ не замѣчаетъ ихъ; подвергаясь искушеніямъ діавола и владычеству своихъ страстей, онъ дѣлается ихъ игралищемъ, слѣдуетъ за ними по всѣмъ путямъ нечестія и изъ бездны грѣха впадаетъ въ бездну ада.

Это же бѣдствіе, проистекающее отъ небреженія о благодати Божіей, представляетъ намъ Іисусъ Христосъ въ своемъ Евангеліи, предрекая паденіе Іерусалима. Еслибы *ты разумѣлъ*, со слезами говорилъ Богъ Спаситель, приближаясь къ этому городу, еслибы, хотя *въ день сей*, въ который Я говорю, *ты разумѣлъ, еже къ миру твоему! Нынѣ же скрыся отъ очію твоею. Яко пріидутъ дніе на тя*, когда *обложатъ врази твои острогъ о тебѣ, и обыдутъ тя, и обимутъ тя отвсюду. И разбіютъ тя и чада твоя въ тебѣ, и не оставятъ камень на камени въ тебѣ: понеже не разумѣлъ еси времене посѣщенія твоего* (Лук. 19, 42—44). Несчастные дни наступили, сбылось пророчество Христа Спасителя: неблагодарный Іерусалимъ, находившійся подъ управ-

ленiемъ самаго Бога и Его законовъ, преисполненный Его милостями, разоренъ и разрушенъ до основанiя, потому что онъ не узналъ Того, кто приходилъ для его спасенiя, потому что онъ закрылъ глаза отъ свѣта, пришедшаго къ его просвѣщенiю, и не принялъ Мессiи, посланнаго отъ Бога..... Но не столько разоренiе города Iерусалима, разрушенiе домовъ его, извлекли слезы изъ очей Сына Божiя, сколько ослѣпленiе, въ какое были погружены жители города, не желавшiе узнать Его, и состоянiе мрака и отчаянiя, въ какомъ имѣлъ находиться народъ iудейскiй въ послѣдующiе вѣка. На это-то особенно указывалъ Господь, когда говорилъ: *нынѣ же скрыся отъ очiю твоею.* Объ этомъ несчастiи Онъ предсказалъ имъ также и тогда, когда возвѣщалъ, что *мнози отъ востокъ и западъ прiидутъ и возлягутъ со Авраамомъ и Исаакомъ и Iаковомъ во царствiи небеснѣмъ: сынове же царствiя изгнани будутъ во тму кромѣшную* (Матѳ. 8, 11. 12). И прежде замѣчали, и теперь видятъ исполненiе этого пророчества въ отверженiи Iудеевъ и призванiи язычниковъ. Iудеи были сыны царствiя; они составляли богоизбранный народъ, преисполненный благословенiй Божiихъ: но не познали они посѣщенiя Господня, смежили очи предъ этимъ свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка, грядущаго въ мiръ,—и вотъ они исключены изъ царствiя Iисуса Христа, которое сдѣлалось доступнымъ для язычниковъ. Христiане суть сыны этого царствiя, которыхъ Богъ призвалъ въ чудный свой свѣтъ по своей особенной благодати. Но если и мы, подобно Iудеямъ, закроемъ глаза отъ этого свѣта, если мы не воспользуемся посѣщенiемъ Господа: то Онъ отниметъ и отъ насъ благодатные дары для того, чтобы передать ихъ

другимъ, умѣющимъ сдѣлать изъ нихъ лучшее употребленіе. Душа, невѣрная благодати, будетъ рано или поздно окружена и осаждена, какъ нѣкогда Іерусалимъ, своими врагами, — діаволомъ, міромъ и плотію; и какъ она не познала посѣщенія Божія, презрѣла благодатные дары Божіи и лишилась помощи свыше: то эти враги совершенно овладѣютъ ею и низринутъ ее въ глубину бѣдствій.

Крайняя степень зла, проистекающаго отъ небреженія о благодати, есть ожесточеніе сердца. Какъ бы ни было строго правосудіе Божіе въ отнятіи благодатныхъ даровъ,—чѣмъ оно наказываетъ грѣшника, злоупотребляющаго ими, — оно никогда однако не простираетъ своей строгости до того, чтобъ отнять ихъ у человѣка совершенно. Въ какомъ бы состояніи ни былъ грѣшникъ, онъ всегда можетъ и долженъ надѣяться на спасеніе: несчастное положеніе его зависитъ не столько отъ лишенія благодати, сколько отъ страшной безчувственности, въ которую впадаетъ онъ, противясь благодати. Закоренѣвши въ преступленіи, онъ становится глухимъ ко гласу Божію, какимъ бы образомъ Богъ ни взывалъ къ нему: *егда пріидетъ нечестивый во глубину золъ, нерадитъ* (Прит. 18, 3). Слышитъ онъ слово Божіе, и нисколько не трогается имъ. Видитъ онъ добрые примѣры, и не дѣлается отъ того лучше. Онъ часто приступаетъ къ таинствамъ, и не получаетъ отъ нихъ никакой пользы: потому что приступаетъ безъ надлежащаго приготовленія и благоговѣнія, изъ приличія или людскаго страха. Онъ равнодушенъ къ величію богослуженія и обрядовъ церковныхъ, иногда же обращаетъ ихъ и въ поруганіе. Молитвы вѣрующихъ не производятъ на душу его никакого впечатлѣ-

нія. Онъ не страшится угрозъ за свое нечестіе, не прельщается наградами, какія обѣщаны за благочестіе. Нѣтъ въ немъ ни страха Божія, ни любви къ ближнему. Не исправляется несчастіемъ и совершенно забываетъ о Богѣ въ счастіи, какъ безумный: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Пс. 13, 1). Онъ не знаетъ ни вѣры, ни совѣсти, не стыдится самыхъ постыдныхъ дѣлъ, а еще оправдываетъ ихъ, и часто не только самъ *творитъ, но и соизволяетъ творящимъ* (Рим. 1, 32). Въ своемъ ожесточеніи, подобно Фараону, онъ видитъ чудеса всемогущества Божія и не видитъ въ нихъ перста Божія, и не обращается къ Богу. Скорѣе камни и скалы распадутся, чѣмъ сердце такого человѣка, нечувствительное къ голосу служителей Божіихъ, проповѣдающихъ о покаяніи и исправленіи: такъ въ исторіи Іеровоама, введшаго идолослуженіе въ землѣ Израильской, читаемъ, что по слову *человѣка Божія алтарь разсѣдеся*, а между тѣмъ, *не обратися Іеровоамъ отъ злобы своея* (3 Цар. 13, 4. 5. 33).

Таково зло, противъ котораго направлено увѣщаніе Апостола: *молимъ не вотще благодать Божію пріяти вамъ*; и другое увѣщаніе: *днесь, аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ* (Евр. 3, 7. 8). Послѣдуемъ же этому молитвенному слову. Если вы доселѣ всего болѣе служили грѣху и всего менѣе думали о Богѣ и благочестіи: не пренебрегайте впредь богатствомъ *благости Божіей и кротости и долготерпѣнія;* страшитесь, чтобы *по* своей *жестокости и непокаянному сердцу* не собрать себѣ *гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія* (Рим. 2, 4. 5). Пользуйтесь благопріятнымъ временемъ щедротъ Божіихъ и, при свѣтѣ благодати, оставьте путь грѣха и *яко чада*

свѣта ходите (Еф. 5, 8). *Ходите, дондеже свѣтъ имате, да тма васъ не иметъ* (Іоан. 12, 35) и *не пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати* (—9, 4). Если вы уже служите закону Божію: старайтесь избѣгать даже самыхъ легкихъ ошибокъ, чтобы не удалить отъ себя благодати, и будьте точны въ исполненіи самыхъ малыхъ обязанностей вашего званія. Слѣдуйте всѣмъ внушеніямъ, нисходящимъ къ намъ съ неба, всецѣло предаваясь водительству Св. Духа благодати—Духа Божія, и будете сынами Божіими, наслѣдниками Богу и сонаслѣдниками Христу: *елицы бо Духомъ Божіимъ водятся, сіи суть сынове Божіи...... Аще же чада, и наслѣдницы: наслѣдницы убо Богу, снаслѣдницы же Христу* (Рим. 8, 14. 17).

---

3) Православно-Догматическое Богословіе, соч. *его же*,
— Т. I *(новое изданіе)*: ц. 1 р. 25 к. с.; на перес. за 2 ф.
— Т. II: ц. 1 р. 50 к. с.; на перес. за 2 ф.
— Т. III: ц. 1 р. 50 к. с.; на перес. за 2 ф.
— Т. IV: ц. 1 р. 50 к. с.; на перес. за 2 ф.
— Т. V: ц. 1 р. 50 к. с.; на перес. за 2 ф.

4) Пастырское Богословіе, соч. *Архим. Кирилла*. Изд. *второе*. Цѣна 1 р. сер.; на перес. за 2 ф.

5) Минуты уединенныхъ размышленій христіанина, соч. *его же*. Ц. 1 р. 25 к. с.; на перес. за 2 ф.

6) О Заслугахъ св. Аѳанасія В. для Церкви въ борьбѣ съ аріанствомъ, соч. *Ловягина*. Цѣна 1 р. на перес. за 2 ф.

7) Указатель сочиненій, содержащихся въ 88 частяхъ Христіанскаго Чтенія. Цѣна (съ пересылкою) 50 коп. сер.

8) Жизнь Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, въ иночествѣ Алексія *(съ хромолитографическимъ изображеніемъ Угодника)*. Цѣна 1 р. с.; на перес. за 1 фун.

9) Разборъ римскаго ученія о главенствѣ въ Церкви, сдѣланный на основаніи св. Писанія и Преданія Церкви первыхъ трехъ вѣковъ. Соч. баккалавра С. П-бургской Д. Академіи с. іером. *Никанора*. Выпускъ 1. Цѣна 1 р., на перес. за 2 фун.

10) Исторія прав. Церкви въ Финляндіи и Эстляндіи, принадлежащихъ къ С. П.-бургской епархіи. Соч. *И. Чистовича*. Цѣна 1 р., на перес. за 1 фун.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Печатать позволяется. Цензоръ *Архимандр. Кириллъ.*

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1856.

СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

10¼ листовъ

Подписка на *Христіанское Чтеніе* принимается въ Правленіи С. Петербургской Духовной Академіи, во всѣхъ Правленіяхъ иногородныхъ Семинарій, въ духовныхъ уѣздныхъ и приходскихъ Училищахъ. Цѣна за годовое изданіе безъ доставки 6 р. с., а съ доставкою и пересылкою 7 р. 50 к. сер.

Въ Редакціи *Христіанскаго Чтенія* и въ Канцеляріи Правленія С. Петербургской Духовной Академіи еще продаются полные экземпляры *Христіанскаго Чтенія* за прежніе годы, именно: 1822, 1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1833, 1836, 1837, 1839, 1840, 1841, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853 и 1854. Каждый экземпляръ отдѣльно — по 6 р. сер. безъ пересылки, а съ пересылкою по 7 руб. 50 к. с. Кто пожелаетъ выписать имѣющіеся экземпляры за всѣ годы въ совокупности, или съ 1822 по 1827, и съ 1833 по 1847 включительно; тому будетъ уступленъ каждый экземпляръ одного года по 4 р. 40 к. с. безъ пересылки, за которую нужно прилагать на пять фунтовъ для каждаго экземпляра. Цѣна за экземпляръ *Христіанскаго Чтенія* 1849, 1850, 1851, 1852, 1853 и 1854 годовъ остается прежняя.

Въ Редакціи же *Христіанскаго Чтенія* и въ Канцеляріи Правленія С. Петербургской Дух. Акад. продаются книги:

1) Исторія Русскаго Раскола, извѣстнаго подъ именемъ Старообрядства, соч. *Макарія*, Епископа Винницкаго, Ректора С. Петербургской Духовной Академіи. Цѣна 2 р. с. съ перес.

2) Введеніе въ Православное Богословіе, соч. того же автора. *Второе, исправленное изданіе*. Цѣна 2 р. 50 к. с. съ перес.

БЕСѢДА 3.

Тогда возвратишася во Іерусалимъ отъ горы, нарицаемыя Елеонъ, яже есть близъ Іерусалима, субботы имущія путь (Дѣян. 1, 12).

Тогда возвратишася. Когда же *тогда*? Когда выслушали (слова Ангеловъ). Ученики не перенесли бы (разлуки съ Господомъ), еслибъ имъ не было обѣщано, что Онъ придетъ въ другой разъ. И мнѣ кажется, что это было въ субботу: иначе писатель не обозначилъ бы такимъ образомъ разстоянія, не сказалъ бы: *отъ горы, нарицаемыя Елеонъ, яже есть близъ Іерусалима, субботы имущія путь*, — еслибы не въ день субботній прошли они опредѣленное для этого дня пространство пути. *И егда внидоша, взыдоша на горницу, идѣже бяху пребывающе* (ст. 13). Значитъ, теперь уже въ Іерусалимѣ они оставались послѣ воскресенія. *Петръ же*, сказано, *и Іаковъ и Іоаннъ.* Уже не одинъ Іоаннъ съ братомъ упоминаются, но и Андрей съ Петромъ:—*и Андрей, Филиппъ и Ѳома, Варѳоломей и Матѳей, Іаковъ Алфеовъ и Симонъ Зилотъ, и Іуда Іаковль.* Не безъ причины упомянулъ (Лука) поимянно объ

ученикахъ: такъ какъ одинъ изъ нихъ сдѣлался предателемъ, другой отрекся, третій не повѣрилъ, то онъ показываетъ, что, кромѣ одного предателя, всѣ были цѣлы. *Сіи вси бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи съ женами* (ст. 14). Прекрасно! Молитва—сильное оружіе противъ искушеній. Этому, съ одной стороны, они уже были достаточно научены самимъ Учителемъ, а съ другой—къ тому же ихъ располагало и настоящее искушеніе: по тому они и восходятъ на горницу, что сильно боялись Іудеевъ. *Съ женами,*—разумѣетъ женъ, о которыхъ (въ Евангеліи) сказалъ, что онѣ слѣдовали за Христомъ. *И Маріею, матерію Іисусовою, и съ братіею его.* Но какъ же (Іоаннъ) говоритъ, что тогда ученикъ *поятъ ю во своя-си?* Послѣ того, какъ Христосъ снова собралъ учениковъ, и она была опять съ ними. *Съ братіею его,*—говоритъ о тѣхъ, которые прежде не вѣрили Христу. *И во дни тыя, воставъ Петръ посредѣ ученикъ, рече* (ст. 15). Петръ всегда первый начинаетъ говорить, частію по живости своего характера, а частію по тому, что Христосъ ввѣрилъ ему свое стадо и онъ былъ первымъ въ ликѣ (Апостоловъ). *Бѣ же именъ народа вкупѣ яко сто и двадесять: мужіе братіе, подобаше скончатися писанію сему, еже предрече Духъ Святый* (ст. 16). Почему онъ не отъ своего только лица просилъ Христа избрать кого нибудь вмѣсто Іуды? Или почему Апостолы (всѣ вмѣстѣ) не дѣлаютъ выбора сами собою? Петръ сдѣлался теперь лучше, чѣмъ

былъ прежде: — такъ можно отвѣтить на первый вопросъ. Что же касается до того, почему не просто, а посредствомъ откровенія они просятъ восполнить свое собраніе, — на это я укажу двѣ причины: первая — та, что они заняты были другимъ дѣломъ; а другая — та, что это служило лучшимъ доказательствомъ, что Христосъ былъ съ ними. Хотя (видимымъ образомъ) Онъ уже не присутствовалъ съ ними, но и теперь Самъ избралъ также точно, какъ и тогда, когда былъ съ ними: а это служило для нихъ не маловажнымъ утѣшеніемъ. Но смотри, какъ Петръ все дѣлаетъ съ общаго согласія и не распоряжается ничѣмъ самовластно и какъ начальникъ. И онъ не сказалъ просто такъ: «на мѣсто Іуды мы избираемъ такого-то»; но, чтобы успокоить учениковъ на счетъ совершившагося, посмотри, какъ начинаетъ свою рѣчь. Это событіе, дѣйствительно, произвело въ нихъ не малое недоумѣніе; и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: если и теперь многіе разсуждаютъ о немъ, то что слѣдовало говорить имъ тогда? — *Мужіе*, говоритъ онъ, *братіе*. Если Господь назвалъ ихъ братіями, то тѣмъ приличнѣе было такое обращеніе Петру; а потому-то онъ и восклицаетъ такъ въ присутствіи всѣхъ. Вотъ достоинство Церкви и ангельское ея состояніе! Никто тогда не былъ отдѣленъ отъ другихъ, ни мужчина, ни женщина. И мнѣ желательно, чтобы таковы были церкви и теперь. Никто тогда не заботился о чемъ либо житейскомъ, никто не безпокоился о домѣ. Вотъ какъ

полезны искушенія! Вотъ какое благо—напасти! *Подобаше скончатися писанію сему, еже предрече Духъ Святый*. Всегда утѣшаетъ ихъ пророчествомъ. Такъ при всякомъ случаѣ поступалъ и Христосъ. Такимъ же точно образомъ и Петръ показываетъ, что въ этомъ событіи нѣтъ ничего страннаго, но что оно уже было предсказано. *Подобаше*, говоритъ онъ, *скончатися писанію сему, еже предрече Духъ Святый усты Давидовыми*. Не говоритъ: сказалъ Давидъ, но:—Духъ чрезъ Давида. Вотъ замѣть уже въ самомъ началѣ книги, какимъ пользовался онъ ученіемъ. Видишь ли, я не напрасно сказалъ въ началѣ настоящаго сочиненія, что эта книга (изображаетъ) правительство (πολιτεία) Духа. *Еже предрече Духъ Святый усты Давидовыми*. Смотри, какъ усвояетъ себѣ Пророка и выставляетъ на видъ его изреченіе, зная, что для нихъ будетъ полезно то, что это изреченіе принадлежитъ Давиду, а не другому пророку. *О Іудѣ, бывшемъ вожди*. Замѣть и здѣсь любомудріе этого человѣка: онъ не поноситъ и не безчеститъ (Іуду), не говоритъ, что онъ былъ злодѣй и самый ужасный злодѣй, но просто высказываетъ, что было. Не называетъ даже его и предателемъ, а старается, сколько это было для него возможно, сложить вину на другихъ. Впрочемъ, и другихъ не слишкомъ сильно обвиняетъ: *бывшемъ*, говоритъ, *вожди емшимъ Іисуса*. И прежде, чѣмъ указалъ мѣсто, гдѣ находится это изреченіе Давида, напоминаетъ объ участи, постигшей Іуду,

дабы чрезъ настоящее удостовѣрить и въ будущемъ и показать, что (Іуда) уже получилъ наказаніе. *Яко причтенъ бѣ съ нами и пріялъ бяше жребій службы сея. Сей убо стяжа село отъ мзды неправедныя* (ст. 17. 18). Изображаетъ нравъ (Іуды) и непримѣтно обнаруживаетъ (его) вину, достойную наказанія. Не говоритъ: «Іудеи (стяжали)», но: «онъ стяжалъ село». И такъ какъ люди съ слабой душею смотрятъ не столько на будущее, сколько на настоящее, — онъ разсказываетъ о наказаніи, постигшемъ его въ настоящей жизни. *И ницъ бывъ просѣдеся посредѣ.* Прекрасно поступилъ, остановивъ свою рѣчь не на преступленіи Іуды, а на постигшемъ его наказаніи. *И излія ся вся утроба его.* Это служило для нихъ утѣшеніемъ. *И разумно бысть всѣмъ живущимъ во Іерусалимѣ, яко нарещися селу тому своимъ ихъ языкомъ Акелдама, еже есть село крове* (ст. 19).

2. Іудеи дали такое названіе селу не ради села, а ради Іуды; а Петръ перенесъ его на самое село и въ свидѣтели привелъ самихъ враговъ. И тѣмъ, что сказалъ: «назвали», и тѣмъ, что присовокупилъ: *своимъ ихъ языкомъ,* — онъ, дѣйствительно, хочетъ именно это выразить. Затѣмъ, указавъ сначала на событіе, онъ прилично приводитъ пророчество и говоритъ: *пишется бо въ книзѣ псаломстѣй: да будетъ дворъ его пустъ и да не будетъ живущаго въ немъ* (ст. 20. Пс. 68, 28). Это (говорится) о селѣ и о домѣ. *И епископство его да прі-*

иметъ инъ, т. е., начальство, священство. Слѣдовательно, не по моей мысли это совершается, а по волѣ Того, Кто это предрекъ. Чтобы не показалось, будто онъ берется за дѣло слишкомъ великое, за такое дѣло, которое совершалъ Христосъ,—онъ въ свидѣтели приводитъ Пророка. *Подобаетъ убо отъ сходившихся съ нами мужей во всякое лѣто* (ст. 21). Зачѣмъ онъ совѣтуется съ ними? Чтобы избраніе не сдѣлалось предметомъ спора, чтобы между ними не вышло распри. Если это случилось съ самими (Апостолами), то тѣмъ легче (могло случиться) съ этими людьми. Этого онъ всегда избѣгалъ; потому и сказалъ въ самомъ началѣ: *мужіе братіе,* — нужно избрать изъ насъ. Онъ предоставляетъ это дѣло на судъ большинства, а чрезъ то и избираемыхъ дѣлаетъ достопочтенными, и отъ себя отклоняетъ вражду со стороны другихъ, такъ какъ это всегда порождаетъ большое зло. Итакъ, что надобно такъ поступить (избрать), этому въ свидѣтели онъ приводитъ Пророка; а изъ какихъ лицъ надобно (сдѣлать выборъ), это онъ объясняетъ самъ, говоря: *отъ сходившихся съ нами мужей во всякое лѣто*. Еслибы онъ сказалъ: надобно, чтобы это были люди способные,—онъ оскорбилъ бы другихъ; а теперь онъ все предоставилъ времени, сказавъ не просто: *сошедшихся*, но:—*во всякое лѣто, въ неже вниде и изыде въ насъ Господь Іисусъ, наченъ отъ крещенія Іоаннова даже до дне, въ онь же вознесеся (на небо) отъ*

насъ, свидѣтелю воскресенія его быти съ нами единому отъ сихъ (ст. 21. 22). Для чего это?—Чтобы ликъ (апостольскій) не оставался не полнымъ. Что же? Развѣ самому Петру нельзя было избрать? Очень можно. Но онъ этого не дѣлаетъ, чтобы не показаться пристрастнымъ; а съ другой стороны,—онъ не получилъ еще и Святаго Духа. *И поставиша*, сказано, *два, Іосифа, нарицаемаго Варсаву, иже нареченъ бысть Іустъ, и Матѳія* (ст. 23). Не Петръ поставилъ ихъ, но—всѣ; а мнѣніе подалъ Петръ, показавъ впрочемъ, что и оно принадлежитъ не ему, а издревле уже (возвѣщено) въ пророчествѣ, такъ что онъ былъ лишь толкователь, а не наставникъ. *Іосифа, нарицаемаго Варсаву, иже нареченъ бысть Іустъ*. Писатель поставилъ и то и другое названіе, быть можетъ, по тому, что (у Іосифа) были соименники, такъ какъ и между Апостолами было много соименниковъ, напримѣръ: Іаковъ Зеведеевъ и Іаковъ Алфеевъ, Симонъ Петръ и Симонъ Зилотъ, Іуда Іаковлевъ и Іуда Искаріотскій. Съ другой стороны, это названіе могло быть дано ему и вслѣдствіе перемѣны жизни, а, можетъ быть, и по его желанію. *И поставиша два, Іосифа, нарицаемаго Варсаву, иже нареченъ бысть Іустъ, и Матѳія. И помолившеся, рѣша: ты, Господи, сердцевѣдче всѣхъ, покажи, егоже избралъ еси отъ сею двою единаго, пріяти жребій служенія сего и апостольства, изъ негоже испаде Іуда, ити въ мѣсто свое* (ст. 23—25).

Прилично упоминаютъ о преступленіи (Іуды) и тѣмъ показываютъ, что ищутъ свидѣтеля не для того, чтобъ увеличить число (Апостоловъ), но для того, чтобы не дать ему уменьшиться. *И даша жребія има*, такъ какъ Святаго Духа еще не было съ ними, *и паде жребій на Матѳія, и причтенъ бысть ко единонадесяти апостоломъ* (ст. 26). *Тогда*, сказано, *возвратишася во Іерусалимъ отъ горы, нарицаемыя Елеонъ, яже есть близъ Іерусалима, субботы имущія путь* (ст. 12). Такъ говоритъ (писатель), желая показать, что они не дальній предпринимаютъ путь, чтобы не подвергнуться какой либо опасности, такъ какъ они все еще трепетали и боялись. *И егда внидоша, взыдоша на горницу* (ст. 13). Они не смѣли появиться въ городѣ и не напрасно взошли на горницу, но затѣмъ, чтобы не легко было захватить ихъ въ расплохъ. *И бяху терпяще единодушно въ молитвѣ* (ст. 14). Видишь ли, какъ они бодрствовали, *терпяще въ молитвѣ*, и притомъ *терпяще единодушно*, какбы одною душею? — Въ этихъ словахъ заключается свидѣтельство о томъ и другомъ. Іосифа, вѣроятно, уже не было въ живыхъ; поэтому о немъ (здѣсь) и не упоминается. Невозможно, чтобы этотъ человѣкъ, который прежде всѣхъ увѣровалъ (во Христа), не былъ вѣрующимъ теперь, когда и братья увѣровали. Поэтому-то конечно, нигдѣ и не видно, чтобы онъ когда либо смотрѣлъ на Христа, какъ на (простаго) человѣка, между тѣмъ какъ Матъ гово-

рила: *се отецъ твой и азъ боляще искахомъ тебе* (Лук. 2, 48). Итакъ онъ позналъ Его прежде всѣхъ; а братьямъ Христосъ говорилъ: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ, мене же ненавидитъ* (Іоан. 7, 7). Посмотри и на скромность Іакова: онъ принялъ епископство въ Іерусалимѣ, и, несмотря на то, — въ настоящемъ случаѣ не говоритъ ничего. Замѣть также глубокое смиреніе и другихъ учениковъ: они уступаютъ ему престолъ и не спорятъ уже между собою. Эта Церковь была, какъ на небѣ; въ ней не было ничего житейскаго; она блистала не стѣнами и не мраморомъ, но усердіемъ лицъ, ее составлявшихъ. *Яко сто и двадесять*, сказано, было ихъ. Въ томъ числѣ, вѣроятно, были седмьдесятъ учениковъ, которыхъ избралъ самъ Христосъ, а равно и другіе ревностнѣйшіе по вѣрѣ, каковы Іосифъ и Матѳій; были и многія жены, которыя слѣдовали за Нимъ и всегда были вмѣстѣ.

3. Такова заботливость наставника! Онъ первый поставилъ учителя. Не сказалъ: достаточно и насъ,—такъ онъ былъ чуждъ всякаго тщеславія, и стремился лишь къ одной цѣли, хотя и не одинаковое со всѣми имѣлъ значеніе. Впрочемъ, это было совершенно естественно по причинѣ добродѣтели этого человѣка, а также и по тому, что въ то время начальство составляло не честь, а заботу о подчиненныхъ. Отсюда происходило, что и тѣ, которыхъ избирали, не гордились, потому что были призываемы на опасности; и тѣ, которые не были избраны, не скор-

бѣли и не считали для себя того безчестіемъ. Но теперь это уже бываетъ не такъ, а совершенно напротивъ. Смотри: ихъ было сто двадцать человѣкъ, и отъ всего этого множества онъ требуетъ (чтобы они избрали) одного, — и (требуетъ) справедливо. Онъ первый распоряжается въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ ему ввѣрены всѣ. Извѣстно, что ему сказалъ Христосъ: *и ты нѣкогда обращся, утверди братію твою* (Лук. 22, 31). *Яко причтенъ бѣ*, говоритъ, *съ нами;* а потому надобно назначить другаго, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ на мѣсто Іуды. И смотри, какъ онъ подражаетъ своему Учителю: всюду разсуждаетъ на основаніи Писанія и отнюдь не говоритъ еще о Христѣ, что Онъ часто это предсказывалъ. Не указываетъ и на тѣ мѣста Писанія, гдѣ упоминается о предательствѣ Іуды, напр.: *уста грѣшнича и уста льстиваго на мя отверзошася* (Псал. 108, 2); но приводитъ только то мѣсто, гдѣ упомянуто о его наказаніи, такъ какъ теперь только объ этомъ и полезно было имъ узнать. Здѣсь опять особенно видно человѣколюбіе Господа. *Яко причтенъ бѣ*, говоритъ, *съ нами и пріялъ бяше жребій службы сея*. Вездѣ называетъ его жребіемъ и тѣмъ показываетъ, что здѣсь все— дѣло благодати Божіей и дѣло избранія, — и вмѣстѣ напоминаетъ имъ о временахъ древнихъ, выражая мысль, что Богъ сдѣлалъ его своимъ жребіемъ такъ же, какъ и Левитовъ. Затѣмъ, продолжая говорить о немъ, замѣчаетъ, что награда за его предательство сдѣлалась торже-

ственною вѣстницею и его наказанія. *Стяжа*, говоритъ, *село отъ мзды неправедныя*. Замѣть, какъ это событіе совершилось по устроенію Божію. *Неправедныя*. Много неправдъ: но никогда не было ничего неправеднѣе этой неправды; это—по преимуществу дѣло неправедное. И это сдѣлалось извѣстнымъ не однимъ лишь современникамъ, но и всѣмъ, жившимъ послѣ. Іудеи невольно, сами того не зная, дали названіе (селу), подобно тому, какъ и Каіафа предрекъ, не зная самъ о томъ. Самъ Богъ побудилъ ихъ назвать его по еврейски: Акелдама. Отсюда уже можно было предусматривать и тѣ бѣдствія, какія имѣли постигнуть самихъ Іудеевъ. Далѣе показываетъ, что отчасти уже сбылось предсказаніе, которое говоритъ: *добро было бы ему, аще не бы родился человѣкъ той* (Матѳ. 26, 24). Это же самое можно приложить и къ Іудеямъ: потому что, если бывшій вождь (подвергся такой участи), то еще съ большею справедливостію (должны были испытать ее) эти люди. Но (Петръ) пока еще не говоритъ ничего такого. Затѣмъ, дабы показать, что (это поле) по всей справедливости названо Акелдама, онъ приводитъ изреченіе Пророка: *да будетъ дворъ его пустъ*. И что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть пустыннѣе села, обращеннаго въ кладбище? И это село по всей справедливости можетъ быть названо *его селомъ*. Кто внесъ слѣдующую за него плату, тотъ и долженъ считаться настоящимъ господиномъ этого великаго запустѣнія, хотя бы и другіе купили его. Это

запустѣніе, — если внимательно вникнуть въ дѣло, служитъ уже началомъ іудейскаго запустѣнія. Извѣстно, что Іудеи губили себя голодомъ и многихъ умертвили, и что самый городъ ихъ обратился въ кладбище для чужестранцевъ, для воиновъ: имъ не позволяли погребать (умершихъ), потому что ихъ считали недостойными даже погребенія. *Подобаетъ убо*, говоритъ, *отъ сходившихся съ нами мужей.* Видишь,—онъ хочетъ, чтобы это были очевидные свидѣтели. Хотя и имѣлъ прійти къ нимъ Духъ Святый, при всемъ томъ на это дѣло обращена была крайняя заботливость. *Отъ сходившихся съ нами мужей*, говоритъ, *во всяко лѣто, въ неже вниде и изыде въ насъ Господь Іисусъ.* Этимъ показываетъ, что они жили вмѣстѣ съ Нимъ, а не просто только находились при Немъ, какъ Его ученики. Дѣйствительно, и съ самаго начала многіе слѣдовали за Нимъ. Смотри, какъ на это указываетъ (Іоаннъ), когда говоритъ: *бѣ единъ отъ обоихъ, слышавшихъ отъ Іоанна и шедшихъ* за Іисусомъ (Іоан. 1, 40).—*Во всяко*, говоритъ, *лѣто, въ неже вниде и изыде въ насъ Господь Іисусъ, наченъ отъ крещенія Іоаннова.* Справедливо: такъ какъ, что̀ было прежде, того никто не зналъ чрезъ наученіе, но о томъ узнали отъ Святаго Духа. *Даже до дне*, говоритъ, *въ оньже вознесеся на небо отъ насъ, свидѣтелю воскресенія его быти съ нами единому отъ сихъ* (ст. 22). Не сказалъ: *свидѣтелю* чего нибудь другаго, но: *свидѣтелю*

одного *воскресенія:* потому что тотъ (свидѣтель) былъ достовѣрнѣе, кто могъ сказать, что Тотъ самый воскресъ, Кто ѣлъ, пилъ, былъ распятъ. Не надобно было свидѣтеля ни для того, что было прежде, ни для того, что было послѣ, ни для чудесъ: вопросъ заключался именно въ воскресеніи, такъ какъ все то было явно и всѣми признано, а воскресеніе произошло тайно и только имъ однимъ было извѣстно. И они не говорятъ: намъ сказали Ангелы, но: мы видѣли. Откуда это видно? Изъ того, что мы творимъ чудеса. Посему тогда-то особенно имъ и слѣдовало быть достовѣрными. *И поставиша*, говоритъ (писатель), *два.* Зачѣмъ не больше? Чтобы не увеличивать между ними печали и не распространять этого дѣла на многихъ. И не безъ причины онъ ставитъ (Матѳія) послѣ (Іосифа): этимъ показываетъ, что, кто пользуется почтеніемъ у людей, тотъ часто бываетъ меньшимъ предъ Богомъ. И всѣ вмѣстѣ молятся такимъ образомъ: *ты, Господи, сердцевѣдче всѣхъ, покажи* (ст. 24). Ты, говорятъ, а не мы. Благовременно призываютъ и Сердцевѣдца: надлежало, чтобы Онъ сдѣлалъ избраніе, а не люди посторонніе. Такъ они были увѣрены, что одному непремѣнно слѣдовало быть избраннымъ. И не сказали: избери; но *покажи*, говорятъ, избраннаго, *егоже избралъ еси*; они знали, что у Бога все напередъ опредѣлено. *Отъ сею двою единаго пріяти жребій служенія сего и апостольства* (ст. 24. 25), — потому что было и другое служеніе. *И даша жребія*

има (ст. 26). Они еще не считали себя достойными того, чтобы самимъ сдѣлать выборъ, а потому и хотятъ узнать (объ этомъ выборѣ) посредствомъ какого нибудь знака.

4. Съ другой стороны, если тамъ, гдѣ не было ни молитвы, ни достойныхъ людей, жребій имѣлъ столь великую силу, потому что былъ слѣдствіемъ справедливаго, по отношенію къ Іонѣ, рѣшенія: то тѣмъ болѣе — здѣсь, гдѣ нужно было восполнить сонмъ, возстановить чинъ (апостольскій). И другой (Іосифъ) не опечалился (тѣмъ, что не былъ избранъ): иначе Апостолы сказали бы объ этомъ, такъ какъ они не скрывали своихъ недостатковъ. Извѣстно, что и о самыхъ даже первоверховныхъ Апостолахъ они не отказались замѣтить, что иногда они были недовольны; и это не однажды, но дважды, или и чаще. Будемъ же и мы подражать имъ. Слова мои относятся не ко всѣмъ, а къ тѣмъ лишь, кто домогается власти. Если ты вѣришь, что выборъ дѣлается Богомъ, то не огорчайся: иначе ты Имъ бываешь недоволенъ, противъ Него раздражаешься, потому что Онъ избралъ. Если же, несмотря на Его избраніе, ты осмѣливаешься огорчаться, то ты поступаешь такъ же, какъ Каинъ. Ему надлежало бы одобрить (приговоръ Божій), а онъ изъ-за того, что жертвѣ брата сдѣлано предпочтеніе, оскорбился; вознегодовалъ, когда бы слѣдовало умилиться. Но впрочемъ, не объ этомъ рѣчь, но о томъ, что Богъ знаетъ, какъ лучше устроять дѣла. Часто бываетъ, что по характеру, напримѣръ,

ты скромнѣе, но не соотвѣтствуешь цѣли. Опять, жизнь твоя безукоризненна и характеръ у тебя благородный, но не это только нужно въ Церкви. А притомъ, и пригоденъ бываетъ одинъ къ одному, а другой къ другому. Развѣ не видишь, какъ много объ этомъ сказано въ священномъ Писаніи? Но я открою, отъ чего епископство сдѣлалось предметомъ домогательствъ: причина—въ томъ, что мы домогаемся его, не какъ обязанности управлять другими и заботиться о братіяхъ, а какъ чести, какъ покойной жизни. А еслибы ты зналъ, что епископъ долженъ принадлежать всѣмъ и носить тяготы всѣхъ, что другимъ, когда они гнѣваются, прощаютъ, а ему—никогда, что другихъ, если они согрѣшатъ, охотно извиняютъ, а его—нѣтъ: ты не добивался бы этого начальства, не стремился бы къ нему. Епископъ подлежитъ приговору всякаго, суду всѣхъ—и умныхъ, и неразумныхъ; каждый день, каждую ночь онъ изнуряется въ заботахъ; у него много недоброжелателей, много завистниковъ. Не говори мнѣ о тѣхъ, которые всѣмъ угождаютъ, которые хотятъ спать, которые идутъ на это дѣло, какъ на покой; — не объ нихъ рѣчь, но о тѣхъ, которые бдятъ о душахъ нашихъ, которые спасеніе подчиненныхъ предпочитаютъ своему собственному. Скажи мнѣ: если тотъ, кто имѣетъ десятерыхъ дѣтей, которые подвластны ему и живутъ вмѣстѣ съ нимъ, принужденъ бываетъ непрестанно о нихъ заботиться, — то какимъ слѣдуетъ быть тому, у кого такъ много лицъ, не подчиненныхъ ему,

не живущихъ вмѣстѣ съ нимъ, но свободно располагающихъ собою? За то, скажешь, онъ пользуется честію. Какою честію! Самые послѣдніе нищіе поносятъ его на площади. — Такъ зачѣмъ же онъ не заставитъ ихъ замолчать? Хорошо; но вѣдь это ужъ не дѣло епископа. И опять, не подавай онъ всякому, — и тому, кто (проводитъ время) въ праздности, и тому, кто трудится,—тысячи упрековъ со всѣхъ сторонъ; никто не боится обвинить и оклеветать его. Осуждать (мірскихъ) начальниковъ боятся; а этихъ (епископовъ) — нѣтъ: потому что страхъ Божій у такихъ людей не имѣетъ никакой силы. А что сказать касательно заботы о словѣ, о ученіи? О трудности при рукоположеніяхъ? Или ужъ я крайне немощенъ, жалокъ и ничтоженъ, или это дѣйствительно такъ, какъ я говорю. Душа священника ничѣмъ не разнится отъ корабля, обуреваемаго волнами; со всѣхъ сторонъ она уязвляется отъ друзей и отъ враговъ, отъ своихъ и отъ чужихъ. Не вселенною ли управляетъ царь, между тѣмъ какъ епископъ—однимъ только городомъ? Но заботы послѣдняго на столько же больше, на сколько воздымающееся и бѣснующееся море разнится отъ рѣки, приводимой лишь въ движеніе вѣтромъ. Отъ чего бы это такъ? Отъ того, что тамъ много помощниковъ, и все дѣлается по закону и по указу; а здѣсь нѣтъ ничего такого, и нельзя приказывать по своему усмотрѣнію. Если будешь дѣйствовать сильно, прослывешь жестокимъ; а если не сильно, — холоднымъ. Надобно совмѣщать и

то, и другое, такъ, чтобы и не быть въ пренебреженіи, и не заслужить ненависти. Съ другой стороны, и самыя дѣла здѣсь особенно трудны. Какъ многихъ (епископъ) вынужденъ бываетъ огорчать, волею или неволею! Какъ со многими вынужденъ бываетъ поступать сурово, хотѣлъ бы того, или не хотѣлъ! Говорю не иначе, а именно такъ, какъ думаю и чувствую. Не полагаю, чтобы между священниками было много спасающихся; напротивъ — гораздо больше погибающихъ, и именно по тому, что это дѣло требуетъ великой души. У епископа много нуждъ, которыя заставляютъ его выходить изъ своего дома; ему нужна тысяча глазъ со всѣхъ сторонъ. Не видишь ли, какъ много надобно имѣть ему? Онъ долженъ быть учительнымъ, терпѣливымъ, твердо держаться *вѣрнаго словесе по ученію* (Тим. 1, 9). А какъ это трудно! И тогда, когда другіе грѣшатъ,— вина падаетъ на него. Не говоря ни о чемъ другомъ, скажу только, что, если и одинъ кто отойдетъ (отъ этой жизни) безъ посвященія въ таинства, — не ниспровергнетъ ли это всего его спасенія? Извѣстно, что и погибель одной души составляетъ такую потерю, которой не можетъ выразить никакое слово. Если спасеніе ея имѣетъ такую цѣну, что и Сынъ Божій сдѣлался для этого человѣкомъ и столько претерпѣлъ; то подумай, какое наказаніе повлечетъ за собою ея погибель. Если тотъ, чрезъ кого гибнетъ другой, достоинъ въ настоящей жизни смерти; то тѣмъ больше—тамъ. Не говори мнѣ:

согрѣшилъ пресвитеръ или діаконъ,—вина всѣхъ ихъ падаетъ на главу рукополагавшихъ. Укажу еще на другой случай: случится кому нибудь изъ людей не хорошихъ быть принятымъ въ клиръ, — является недоумѣніе: какое надобно принять рѣшеніе касательно его прежнихъ грѣховъ? Здѣсь двѣ пропасти: надобно и его не оставлять безъ наказанія, и другимъ не подать соблазна. Такъ надобно ли его извергнуть? Но въ настоящее время нѣтъ повода. Или оставить его безъ наказанія? Да, скажешь: потому что виноватъ рукоположившій. Такъ что же? Не нужно, по крайней мѣрѣ, рукополагать его и возводить въ другую степень? Но тогда для всѣхъ будетъ ясно, что онъ дурной человѣкъ, и, значитъ, — отсюда опять произойдетъ соблазнъ. Или ужъ возвести его на высшую степень? Но это еще хуже.

5. Итакъ, еслибы всѣ стремились къ архіерейству, какъ къ обязанности заботиться о другихъ, то никто не рѣшился бы скоро принять его. А то мы гоняемся за нимъ такъ же точно, какъ за мірскими должностями. Изъ-за того, чтобы быть въ славѣ, чтобы достигнуть почестей у людей, мы погибаемъ предъ очами Божіими. И что пользы въ почестяхъ? Какъ ясно доказано, что онѣ — ничто! Когда ты сильно возжелаешь священства, то противопоставь геенну, противопоставь отчетъ, какой тамъ нужно дать, противопоставь покойную жизнь, противопоставь степень наказанія. Если ты согрѣшишь просто, какъ человѣкъ, ты столько не потерпишь; если же ты

священникъ,—ты погибъ. Подумай, сколько перенесъ, сколько любомудрствовалъ, сколько добраго выказалъ въ себѣ Моисей; и однакожъ за то, что сдѣлалъ одинъ только грѣхъ, потерпѣлъ строгое наказаніе. И справедливо: потому что это соединено было со вредомъ для другихъ. Итакъ онъ наказанъ былъ съ особенною строгостію не потому только, что его грѣхъ былъ явный, но и потому, что это былъ грѣхъ священника. А вѣдь не одинаковому подвергаемся мы наказанію за грѣхи явные и за грѣхи тайные. Грѣхъ одинъ и тотъ же, но вредъ отъ него не одинаковъ, или, лучше сказать, и грѣхъ не одинаковъ: потому что не все равно грѣшить тайно, незамѣтно, и—грѣшить явно. А епископу нельзя грѣшить тайно. Хорошо уже и то, если онъ свободенъ отъ упрековъ, когда не грѣшитъ; а ужь нечего говорить о томъ, когда онъ грѣшитъ. Разсердится ли онъ, посмѣется ли, захочетъ ли дать себѣ отдыхъ сномъ, — является много насмѣшниковъ, много соблазняющихся, много законодателей, много такихъ, которые припоминаютъ прежнихъ (епископовъ) и охуждаютъ настоящаго; и это дѣлаютъ не потому, что хотятъ похвалить тѣхъ, — нѣтъ, вспоминаютъ о прежнихъ епископахъ и пресвитерахъ только для того, чтобы уязвить этого. Пріятна, говорятъ, война для тѣхъ, кто не испыталъ ея. Это же прилично сказать и теперь; или лучше, мы такъ и говоримъ, пока не вступили въ подвигъ; а коль скоро вступимъ, мы не бываемъ даже извѣстны народу. Тутъ у насъ уже нѣтъ ника-

кой борьбы съ тѣми, кто угнетаетъ бѣдныхъ; мы не беремъ на себя труда ратовать за свое стадо, но подобно тѣмъ пастырямъ, о которыхъ упоминается у Іезекіиля (34, 2), мы лишь закалаемъ и ѣдимъ. Кто изъ насъ выказываетъ такую же заботливость о стадѣ Христовомъ, какую имѣлъ Іаковъ о стадахъ Лавана? Кто можетъ похвалиться чѣмъ нибудь такимъ, что могло бы равняться перенесенію ночнаго холода? Не называй мнѣ всенощныхъ бдѣній наравнѣ съ этою великою заботливостію. Нѣтъ, нынѣ совсѣмъ другое дѣло. Начальники округовъ и мѣстные правители не пользуются такою честію, какою—начальствующій въ Церкви. Войдетъ ли онъ въ царскій дворецъ,—кому первое мѣсто? Будетъ ли у женщинъ или въ знатныхъ домахъ,—никому другому нѣтъ бо́льшаго передъ нимъ почета. Все погибло, все испорчено! Это говорю я не съ тѣмъ, чтобы васъ пристыдить, а для того, чтобы удержать васъ отъ этой страсти. Съ какою ты будешь совѣстію, если ты домогался (этого сана) или самъ собою, или чрезъ кого нибудь другаго? Какими глазами будешь смотрѣть на того, кто былъ твоимъ сообщникомъ? Какое будешь имѣть оправданіе? Кто (принялъ этотъ санъ) по неволѣ, по принужденію, противъ желанія, тотъ имѣетъ еще нѣкоторое оправданіе; хотя и ему по большей части отказываютъ въ прощеніи, но все же онъ имѣетъ нѣкоторое извиненіе. Подумай, чему подвергся Симонъ? Что нужды, что ты не даешь сребра, но, въ замѣнъ сребра, льстишь и упо-

требляешь разнаго рода происки и хитрости? *Сребро твое съ тобою да будетъ въ погибель* (Дѣян. 8, 20),—сказано было ему; и этимъ людямъ также будетъ сказано: домогательство ваше да будетъ съ вами въ погибель за то, что вы вздумали пріобрѣсть даръ Божій происками человѣческими. Но такихъ нѣтъ никого? Дай Богъ, чтобы и не было. Я и не желаю, чтобы слова мои относились къ вамъ; и теперь только по теченію рѣчи мнѣ пришлось сказать объ этомъ. Да когда я говорю и противъ любостяжанія, слова мои тоже не относятся къ вамъ, и даже ни къ одному изъ васъ. Дай Богъ, чтобы мы по напрасну приготовляли лекарства. И желанія врачей точно таковы же: не другаго чего они хотятъ, а именно того, чтобы, послѣ всѣхъ ихъ трудовъ, лекарства были брошены даромъ. Того же и мы желаемъ, то есть, чтобы наши слова говорились просто — на воздухъ, такъ, чтобы оставались одними словами. Я готовъ на все въ свѣтѣ, лишь бы не быть въ необходимости говорить объ этомъ. Впрочемъ, если угодно, мы и замолчимъ; только пусть наше молчаніе будетъ безопасно: ибо я не думаю, чтобы кто либо, какъ бы ни былъ онъ тщеславенъ, захотѣлъ говорить безъ всякой надобности и только для того, чтобы себя выказать. Мы предоставимъ вамъ учить; ученіе дѣлами— это самое великое ученіе. И лучшіе врачи, несмотря на то, что недуги больныхъ приносятъ имъ доходъ, желаютъ, чтобы ихъ друзья были здоровы: такъ и я хочу, чтобы всѣ вы были

здоровы. Я не желаю, чтобы меня хвалили, а васъ осуждали. Я желалъ бы, если возможно, самымъ взоромъ выказывать ту любовь, какую я питаю къ вамъ: тогда уже никто не сталъ бы упрекать меня, еслибы даже слово мое было и слишкомъ жестко. Что говорится между друзьями, то легко переносится, хотя бы тутъ было что нибудь и обидное: потому что *достовѣрнѣе суть язвы друга, нежели вольная лобзанія врага* (Притч. 27, 6). Для меня нѣтъ ничего дороже васъ, — не дороже даже самый этотъ свѣтъ. Тысячу разъ я желалъ бы лишиться зрѣнія, еслибы только чрезъ это можно было обратить ваши души,—такъ спасеніе ваше для меня пріятнѣе самаго свѣта. Да и что мнѣ пользы отъ лучей солнечныхъ, когда скорбь изъ-за васъ наводитъ глубокій мракъ на мои очи? Свѣтъ тогда хорошъ, когда онъ является во время радости; а для скорбной души онъ кажется даже тягостнымъ. А что я не лгу, — въ этомъ не дай Богъ когда нибудь убѣдиться на опытѣ! Но впрочемъ, еслибы случилось, что кто нибудь изъ васъ грѣшитъ,—придите ко мнѣ спящему: пусть я погибну, если я не похожу на разслабленныхъ, если не похожу на изступленныхъ;—тогда, по словамъ Пророка, *и свѣтъ очію моею, и той нѣсть со мною* (Псал. 37, 10). Какая для меня надежда, когда вы не показываете успѣховъ? А если вы заслуживаете похвалу, какая возможна для меня печаль? Мнѣ кажется, я летаю (отъ радости), когда слышу о васъ что нибудь хорошее. *Исполните*

мою радость (Филипп. 2, 2). Вотъ все, о чемъ я прошу васъ, потому что я желаю вамъ успѣха. А я никому не уступлю въ томъ, что я люблю васъ; я сроднился съ вами, вы для меня все — и отецъ, и мать, и братья, и чада. Такъ не думайте же, что хоть что нибудь говорится мною по непріязни къ вамъ; нѣтъ,— (я говорю) для вашего исправленія. *Братъ*, говоритъ Писаніе, *отъ брата помогаемъ яко градъ твердъ* (Притч. 18, 19). Итакъ не пренебрегайте моими словами. Вѣдь и я не отказываюсь слушать васъ; нѣтъ, я хотѣлъ бы, чтобы вы исправляли меня, хотѣлъ бы учиться у васъ. Вѣдь мы всѣ братья, и одинъ у насъ Наставникъ; но и между братьями надобно, чтобы одинъ давалъ приказанія, а другіе — слушались. Такъ не пренебрегайте же моими словами. Впрочемъ, будемъ дѣлать все во славу Бога, такъ какъ Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 4.

И егда скончавашася дніе пятьдесятницы, бѣша вси апостоли единодушно вкупѣ. И бысть внезапу съ небесе шумъ (Дѣян. 2, 1, 2).

Что это за пятьдесятница? Это—время, когда нужно было наложить серпъ на жатву, когда надобно было собирать плоды. Видѣлъ образъ?

Смотри теперь и на самую истину. Когда надобно было наложить серпъ слова, когда нужно было собрать жатву; тогда, какъ изощренный серпъ, появляется Духъ. Послушай, въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ Христосъ: *возведите очи ваши и видите нивы, яко плавы суть къ жатвѣ уже* (Іоан. 4, 35); и еще: *жатва многа, дѣлателей же мало* (Лук. 10, 2). Итакъ Христосъ первый наложилъ серпъ: ибо Онъ вознесъ на небеса начатки плодовъ, воспріявъ наше естество; потому-то Онъ и называетъ это жатвою. *Егда скончавашася*, сказано, *дніе пятьдесятницы*, то есть, не прежде пятьдесятницы, но около самой, такъ сказать, пятьдесятницы. Надлежало, чтобы и это совершилось также во время праздника, дабы тѣ, которые присутствовали при крестѣ Христовомъ, увидѣли и это событіе. *И бысть внезапу съ небесе шумъ*. Почему это событіе не совершилось безъ всякихъ чувственныхъ явленій? Потому, что, если и при этомъ Іудеи говорили, *яко виномъ исполнени суть*, то чего не сказали бы, еслибы ничего такого не было? И не просто произошелъ шумъ, но — *съ небесе*. А своею внезапностію онъ возбудилъ учениковъ. *И исполни весь домъ*. Это показываетъ величайшую стремительность Духа. Замѣть: здѣсь всѣ были собраны, для того, чтобы и присутствующіе увѣровали, и (всѣ) ученики оказались достойными. И не только это (говоритъ Лука), но присовокупляетъ и то, что еще поразительнѣе: *и явишася*, говоритъ, *имъ раздѣлени*

языцы, яко огнени (ст. 3). Хорошо вездѣ прибавлено: *яко*, чтобы о Духѣ ты не представлялъ себѣ ничего чувственнаго: *яко огнени*, сказано, и: *якоже дыханію*. Значитъ, это былъ не вѣтеръ, обыкновенно разливающійся въ воздухѣ. Когда Іоанну нужно было узнать Святаго Духа,—Онъ пришелъ на главу Христову въ видѣ голубя; а теперь, когда надлежало обратиться всему народу, Онъ является въ видѣ огня. *Сѣде же на единомъ коемждо ихъ*, т. е., остановился, почилъ: сѣсть значитъ утвердиться, остаться на мѣстѣ. Что же? На однихъ лишь двѣнадцать учениковъ пришелъ (Святый Духъ), а не на всѣхъ? Нѣтъ,—Онъ пришелъ и на всѣхъ сто двадцать человѣкъ. Петръ не безъ основанія привелъ свидѣтельство Пророка, говоря: *и будетъ въ послѣдніе дни, глаголетъ Господь* Богъ, *излію отъ Духа моего на всяку плоть, и прорекутъ сынове ваши и дщери ваша, и юноши ваши видѣнія узрятъ, и старцы ваши сонія видятъ* (ст. 17). И замѣть: такъ было, чтобы не только поразить ихъ, но и исполнить благодати; поэтому и (сказано): *Духомъ Святымъ и огнемъ* (Матѳ. 3, 11). *И исполнишася*, говорится далѣе, *вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати* (ст. 4). Прежде всякаго другаго знаменія получаютъ они именно это, такъ какъ оно было необыкновенно, и не было нужды въ другомъ знаменіи. *Сѣде*, сказано, *на единомъ коемждо ихъ*, — слѣдовательно и на томъ, кто не былъ

избранъ; потому-то онъ уже и не скорбитъ, что не избранъ подобно Матѳію. *И исполнишася вси.* Не просто пріяли благодать Духа, но исполнились. *И начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати.* Не сказалъ бы: *вси*, хотя тутъ были и Апостолы, еслибы и другіе не участвовали. Съ другой стороны, сказавъ о нихъ прежде отдѣльно, поимянно, онъ и теперь не сказалъ бы о нихъ на ряду съ прочими. Если тамъ, гдѣ нужно было сказать только, что тутъ были Апостолы, онъ упоминаетъ о нихъ отдѣльно; то тѣмъ больше (упомянулъ бы) здѣсь. Но замѣть, прошу тебя, какъ Духъ приходитъ именно тогда, когда они пребываютъ въ молитвѣ, когда имѣютъ любовь. А слова: *яко огнени* напоминали и о другомъ видѣніи: потому что, какъ огонь, Онъ явился и въ купинѣ. *Якоже Духъ даяше имъ провѣщавати*; ихъ слова, дѣйствительно, были провѣщаніями (ἀποφθέγματα). *Бяху же во Іерусалимѣ живущіи Іудеи, мужіе благоговѣйніи* (ст. 5). Что они были благоговѣйны, свидѣтельствомъ тому служитъ именно то, что они тутъ жили. Какимъ образомъ? Принадлежа къ столь многимъ народамъ, они оставили свое отечество, свои домы, свою родню, и жили тутъ. *Бяху же*, сказано, *въ Іерусалимѣ живущіи Іудеи, мужіе благоговѣйніи отъ всего языка, иже подъ небесемъ. Бывшу же гласу сему снидеся народъ и смятеся* (ст. 5. 6). Такъ какъ это событіе случилось въ домѣ, то, естественно, сбѣжались находившіеся внѣ дома.

Смятеся народъ. Что значитъ: *смятеся?*— Смутился, удивился. Затѣмъ (писатель) показываетъ, чему удивлялись: *яко слышаху*, продолжаетъ онъ, *единъ кійждо ихъ своимъ языкомъ глаголющихъ ихъ*. Итакъ собрался народъ *и другъ ко другу* говорили: *не се ли вси сіи суть глаголющіи Галилеане* (ст. 7)? Тотчасъ же обратили взоры на Апостоловъ. *И како*, говорятъ, *мы слышимъ кійждо свой языкъ нашъ, въ немже родихомся, Парѳяне, и Мидяне, и Эламите, и живущіи въ Месопотаміи, въ Іудеи же и Каппадокіи, въ Понтѣ и во Асіи, во Фригіи же и Памфиліи, во Египтѣ и странахъ Ливіи, яже при Киринiи, и приходящіи Римляне, Іудеи же и пришельцы, Критяне и Аравляне, слышимъ глаголющихъ ихъ нашими языки величія Божія; Ужасахуся же вси и недоумѣвахуся другъ ко другу глаголюще: что убо хощетъ сіе быти* (ст. 8—12)? Видишь, какъ они стремятся отъ востока къ западу? *Иніи же ругающеся глаголаху, яко виномъ* (γλεύκους) *исполнени суть* (ст. 13).

2. Какое безуміе! Какая великая злость! Теперь было вовсе не время для молодаго вина (γλεῦκος), потому что была пятьдесятница. И что еще хуже,— въ то время, какъ всѣ признаютъ (чудо), и Римляне, и пришельцы, и, можетъ быть, даже тѣ, которые распяли (Господа),—эти люди и послѣ всего этого говорятъ, *яко виномъ исполнени суть*. Но возвратимся къ тому, что сказано выше. *Исполни домъ*. Бурное ды-

ханіе было какбы купѣлію водною; а огонь служитъ знакомъ обилія и силы. Этого никогда не случалось съ Пророками; такъ было только теперь — съ Апостолами, а съ Пророками — иначе. Напримѣръ, Іезекіилю дается свитокъ и онъ снѣдаетъ то, что долженъ былъ говорить: *и бысть*, говоритъ онъ, *во устѣхъ* его *яко медъ сладокъ* (Іез. 3, 3). Или еще: рука Божія касается языка другаго Пророка (Іер. 1, 9). А здѣсь (все дѣлаетъ) самъ Духъ Святый и такимъ образомъ является равночестнымъ Отцу и Сыну. Опять и въ другомъ мѣстѣ (Пророкъ) говоритъ: *рыданіе и жалость и горе* (Іез. 2, 10). Пророкамъ справедливо (подавалась благодать) въ видѣ книги: для нихъ еще нужны были образы; притомъ они имѣли дѣло съ однимъ только народомъ, съ людьми своими, а Апостолы—съ цѣлой вселенной, съ людьми, которыхъ никогда не знали. Елисей получаетъ благодать посредствомъ милоти; другой, какъ напримѣръ Давидъ, посредствомъ елея; Моусей призывается посредствомъ горящей купины; но здѣсь—не такъ, а самый огонь *сѣде* на Апостолахъ. Почему огонь не наполнилъ дома?—Это поразило бы ихъ ужасомъ. Впрочемъ, изъ словъ (писателя) видно, что это такъ и было; надобно только обратить вниманіе не на слова: *и явишася имъ раздѣлени языцы*, но на слова: *яко огнени*. Такое множество огня можетъ объять пламенемъ огромный лѣсъ. И хорошо сказано: *раздѣлени;* они были отъ одного корня, дабы ты зналъ, что это—сила,

посланная Утѣшителемъ. Но смотри: и Апостолы сначала показали себя достойными, и тогда уже сподобились Духа. Такъ и Давидъ: какъ поступалъ онъ, когда еще находился при стадахъ, такъ же точно велъ себя и послѣ побѣды и послѣ торжества, чѣмъ показалъ свою простую вѣру. Посмотри опять на Моvсея: и онъ (сначала) презираетъ царскія палаты и, спустя сорокъ лѣтъ, получаетъ управленіе народомъ; или—на Самуила, воспитывающагося въ храмѣ; или—на Елисея, покинувшаго все; или опять—на Іезекіиля. А что дѣйствительно такъ было и съ (Апостолами), это видно изъ послѣдующаго: извѣстно, что и они оставили все, что было у нихъ. Посему они тогда получаютъ Святаго Духа, когда обнаружили свою добродѣтель. Они узнали и человѣческую немощь изъ того, что претерпѣли; узнали, что не напрасно совершены ими эти подвиги. Равнымъ образомъ и Саулъ сначала имѣлъ о себѣ свидѣтельство, что онъ хорошъ, и потомъ уже получилъ Святаго Духа. Но никто, даже и величайшій изъ Пророковъ—Моvсей, не получилъ такъ, какъ Апостолы. Моvсей, когда нужно было другимъ сдѣлаться духовными, самъ претерпѣвалъ уменьшеніе; а здѣсь—не такъ. Напротивъ, какъ огонь, сколько бы кто ни захотѣлъ зажечь отъ него свѣтильниковъ, нисколько не уменьшается; такъ было тогда и съ Апостолами. Посредствомъ огня не показывалось лишь обиліе благодати, а каждый получилъ (неизсякаемый) источникъ Духа, какъ и самъ (Христосъ) сказалъ, что вѣрующіе въ

Него будутъ имѣть источникъ воды, текущей въ животъ вѣчный (Іоан. 4, 14). И это весьма справедливо: потому что они шли не говорить съ Фараономъ, но сражаться съ діаволомъ. И что особенно удивительно: бывъ посылаемы, они нисколько не противорѣчили, не сказали, что они худогласны и косноязычны,—въ этомъ вразумилъ ихъ Моѵсей;—не сказали, что они молоды,—въ этомъ умудрилъ ихъ Іеремія. Хотя они слышали много страшнаго, и гораздо больше, чѣмъ тѣ (Пророки), однакожъ боялись противорѣчить. Изъ этого видно, что это были Ангелы свѣта и высшихъ дѣлъ служители. Пророкамъ никто не является съ неба, потому что они еще заботятся о томъ, что на землѣ; но послѣ того, какъ человѣкъ восшелъ на высоту,—и Святый Духъ сходитъ съ высоты: *якоже носиму*, сказано, *дыханію бурну*. Это показываетъ, что имъ ничто не въ состояніи будетъ противиться, но что они развѣятъ, какъ прахъ, всѣхъ своихъ противниковъ. *И исполни* весь *домъ*. Домъ служитъ символомъ міра. *Сѣде же на единомъ коемждо ихъ, и снидеся народъ и смятеся*. Видишь благочестіе этихъ людей,—(видишь), какъ они не тотчасъ произносятъ приговоръ, но недоумѣваютъ? А тѣ неразумные произносятъ приговоръ, говоря, *яко виномъ исполнени суть*. Такъ какъ по закону можно было три раза въ годъ являться въ храмѣ; поэтому тутъ жили благочестивые люди отъ всѣхъ народовъ. Замѣть изъ настоящаго случая, какъ писатель не льститъ имъ: не ска-

залъ, что они подали свой голосъ, но что? — *бывшу гласу сему снидеся народъ и смятеся*. Это и естественно; они думали, что настоящее событіе грозитъ имъ погибелью за то, что они дерзнули сдѣлать со Христомъ. А съ другой стороны, и совѣсть потрясала ихъ душу, такъ какъ убійство было еще, такъ сказать, у нихъ въ рукахъ, и все ихъ пугало. *Не се ли*, говорятъ, *вси сіи суть глаголющіи Галилеане?* Хорошо это сказано; значитъ, они признавали это. И до такой степени поразилъ ихъ этотъ шумъ, что сюда собрались люди большей части вселенной. Между тѣмъ, для самихъ Апостоловъ это служило подкрѣпленіемъ; они не знали, что значитъ говорить по-пареянски, а теперь отъ этихъ людей узнали. А о народахъ имъ враждебныхъ, — Критянахъ, Аравлянахъ, Египтянахъ, Персахъ, — писатель упоминаетъ для того, дабы показать, что они одолѣютъ ихъ всѣхъ.

3. Такъ какъ Іудеи были въ то время и въ плѣну, то вѣроятно, вмѣстѣ съ ними явились сюда и многіе изъ язычниковъ; а съ другой стороны, и слухъ о догматахъ могъ уже въ это время распространиться между народами, а потому многіе и изъ этихъ народовъ присутствовали здѣсь, по воспоминанію о томъ, что слышали. Такимъ образомъ свидѣтельство со всѣхъ сторонъ было непререкаемое, — со стороны гражданъ, со стороны иноземцевъ, со стороны пришельцевъ. *Слышимъ глаголющихъ ихъ нашими языки величія Божія*. Они не просто

говорили, но говорили нѣчто дивное; и потому справедливо эти люди недоумѣвали, такъ какъ никогда еще не было ничего подобнаго. Замѣть разсудительность этихъ людей: они изумлялись и недоумѣвали, говоря: *что хощетъ сіе быти; Иніи же ругающеся глаголаху, яко виномъ исполнени суть* (ст. 12. 13). Какое безстыдство, если они изъ-за этого смѣялись! И что же, впрочемъ, тутъ удивительнаго, если и о самомъ Господѣ, когда Онъ изгонялъ бѣсовъ, они говорили, что Онъ *бѣса имать?* Гдѣ господствуетъ наглость, тамъ заботятся лишь о томъ, чтобы что нибудь сказать; не о томъ, чтобы сказать что нибудь разумное, а — лишь бы что нибудь сказать. *Виномъ исполнени суть*. Вѣрно, такъ: потому что люди, окруженные столькими опасностями, трепещущіе за самую жизнь, находящіеся въ такой печали, смѣютъ говорить подобнымъ образомъ! И смотри: такъ какъ это было невѣроятно, то, чтобы ввести въ заблужденіе слушателей и показать, что (Апостолы) дѣйствительно пьяны, — все приписываютъ качеству (напитка) и говорятъ: *виномъ* (γλεύκος) *исполнени суть. Ставъ же Петръ со единонадесятми, воздвиже гласъ свой и рече имъ*. Тамъ ты видишь его попечительность, а здѣсь — мужество. Пусть они удивлялись, пусть они были поражены; но и при этомъ не удивительно ли, что человѣкъ не ученый и простой могъ подать голосъ среди такого множества народа? Если и тогда, когда говоришь между своими, приходишь въ смущеніе; то тѣмъ

больше,—когда говоришь между врагами, между людьми, дышущими убійствомъ. А что (Апостолы) не пьяны, это сейчасъ же сдѣлалось очевиднымъ изъ ихъ голоса; они не пришли, подобно прорицателямъ, въ изступленіе, они не были лишены свободы владѣть собою. По что значитъ: *со единонадесятми?* Это значитъ, что они защищались общимъ голосомъ: Петръ служилъ устами всѣхъ, а прочіе одиннадцать (учениковъ) предстояли, подтверждая его слова своимъ свидѣтельствомъ. *Воздвиже гласъ свой,* т. е., сталъ говорить съ великимъ дерзновеніемъ. А поступаетъ онъ такъ для того, чтобы познали благодать Духа. Въ самомъ дѣлѣ, прежде онъ не вынесъ вопроса ничтожной служанки, а теперь среди толпы народной, когда всѣ дышатъ убійствомъ, говоритъ съ такимъ дерзновеніемъ! Это было несомнѣннымъ свидѣтельствомъ воскресенія, такъ какъ онъ поступаетъ съ такою смѣлостію среди людей, которые смѣялись и глумились надъ такимъ великимъ событіемъ. Подумай, сколько нужно наглости, сколько нечестія, сколько безстыдства,—чтобы необыкновенный даръ языковъ считать дѣломъ опьянѣнія! Но все это нисколько не смутило Апостоловъ и не отняло у нихъ смѣлости, хотя они и слышали эти насмѣшки. Съ пришествіемъ Духа они измѣнились и стали выше всего плотскаго: потому что, гдѣ является Духъ Святый, тамъ и бренные становятся золотыми. Посмотри, напримѣръ, прошу тебя, на Петра и узнай въ немъ человѣка боязливаго, человѣка неразумнаго,

какъ и Христосъ сказалъ: *еще ли и вы безъ разума есте* (Матѳ. 15, 16), — человѣка, который послѣ своего дивнаго исповѣданія названъ былъ сатаною (Матѳ. 16, 23). Обрати также вниманіе и на единодушіе Апостоловъ: они уступаютъ ему говорить къ народу, потому что не слѣдовало говорить всѣмъ. *И воздвиже*, сказано, *гласъ свой* и сталъ говорить къ нимъ съ великимъ дерзновеніемъ. Вотъ что значитъ сдѣлаться человѣкомъ духовнымъ! Представимъ же и мы себя достойными вышней благодати, и тогда все для насъ будетъ легко. Какъ огненный человѣкъ, попавъ въ солому, не потерпитъ никакого вреда, а напротивъ, самъ причинитъ вредъ, потому что самъ онъ нисколько не страдаетъ, а стебли, которые приражаются къ нему, уничтожаютъ сами себя: такъ было и теперь. Или лучше, какъ человѣкъ, у котораго въ рукахъ огонь, смѣло вступаетъ въ борьбу съ тѣмъ, кто несетъ на себѣ сѣно: такъ точно и Апостолы выступили противъ этихъ людей съ великимъ мужествомъ. И какой, въ самомъ дѣлѣ, вредъ причинила имъ эта многочисленная толпа? Скажи мнѣ: не боролись ли они съ нищетою и голодомъ? Не сражались ли съ безчестіемъ и дурною славой? Вѣдь ихъ считали за обманщиковъ. Не должны ли были слушать насмѣшки и ругательства со стороны присутствующихъ? Вѣдь на нихъ обрушилось и то, и другое: одни смѣялись надъ ними, а другіе ругались. Не были ли они подвержены ярости и неистовству цѣлыхъ городовъ, возстаніямъ и злоумышленіямъ? Не

угрожали ли имъ и огонь, и желѣзо, и звѣри? Не со всѣхъ ли сторонъ предстояла имъ борьба съ безчисленными врагами? Не въ такомъ ли они были расположеніи, какъ будто бы видѣли эти бѣдствія во снѣ или на изображеніи? И что же? Не истощили ли они ярости враговъ? Не поставили ли ихъ самихъ въ затрудненіе? Не были ль эти люди больше всѣхъ одержимы и гнѣвомъ, и страхомъ? Не были ль они въ безпокойствѣ, въ боязни и трепетѣ? Послушай, что говорятъ они: *хощете навести на ны кровь человѣка сего* (Дѣян. 5, 28). И что удивительно,—Апостолы, совершенно безоружные, ополчились противъ вооруженныхъ, противъ начальниковъ, имѣвшихъ власть надъ ними; неопытные, неискусные въ словѣ и совершенно простые, они противостояли и вели борьбу съ искусниками, обманщиками, съ толпою софистовъ, риторовъ, философовъ, перегнившихъ въ Академіи и въ школѣ Перипатетиковъ. И тотъ, кто прежде упражнялся лишь около озеръ, одолѣлъ ихъ такъ точно, какъ будто бы имѣлъ дѣло съ безгласными рыбами; да, онъ побѣдилъ ихъ, какъ истый рыболовъ—безгласныхъ рыбъ. И Платонъ, который такъ много бредилъ, умолкъ; а этотъ говоритъ, и не передъ своими только, а и передъ Парѳянами, передъ Мидянами, передъ Эламитянами, и въ Индіи, и повсюду на землѣ до послѣднихъ предѣловъ вселенной. Гдѣ нынѣ гордость Греціи? Гдѣ слава Аѳинъ? Гдѣ бредъ философовъ? Галилеянинъ, Виѳсаидянинъ, простолюдинъ, побѣдилъ ихъ всѣхъ. Не стыдно ли вамъ, скажите мнѣ, при

одномъ имени той страны, которая была отечествомъ вашего побѣдителя? А если вы еще услышите имя его, узнаете, что его звали Кифа,— вамъ будетъ еще стыднѣе. Вотъ то-то именно и погубило васъ, что вы считаете это для себя унизительнымъ, что вы находите всю славу въ краснорѣчіи, а неискусство въ дарѣ слова считаете позоромъ. Не по тому пути шли вы, по какому слѣдовало идти; вы оставили царскій путь — удобный и ровный, и пошли по пути неровному, крутому и трудному. Потому-то вы и не достигли царствія небеснаго.

4. Но почему же, скажешь, Христосъ дѣйствовалъ не чрезъ Платона и не чрезъ Пиѳагора? По тому, что душа Петрова была гораздо способнѣе къ любомудрію, чѣмъ души этихъ людей. Это были настоящіе дѣти, которые всюду увлекались пустою славою; а Петръ былъ мужъ любомудрый, способный къ пріятію благодати. А что ты смѣешься, когда слышишь это,—въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго. Вѣдь и Іудеи тогда также смѣялись и говорили, будто Апостолы напились молодаго вина. Но послѣ, когда потерпѣли тѣ тяжкія и самыя жестокія бѣдствія, когда увидѣли, что городъ гибнетъ, что огонь разливается и стѣны падаютъ на землю, когда увидѣли и тѣ разныя неистовства, которыхъ никто не можетъ изобразить словомъ,—тогда уже больше не смѣялись. Такъ и вы тогда не будете смѣяться, когда наступитъ время суда, когда воспламенится огонь геенны. Но для чего я говорю о будущемъ?

Хочешь ли, я покажу, каковъ Петръ и каковъ Платонъ? Изслѣдуемъ покуда, если угодно, ихъ нравы и посмотримъ, чѣмъ занимался тотъ и другой. Этотъ послѣдній употребилъ все время жизни на занятія предметами безполезными и пустыми. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза знать, что душа философа становится мухою? Подлинно, (душа Платонова)—муха; не въ муху превратилась, но муха вошла въ душу, обитавшую въ Платонѣ. Что это за пустословіе! Откуда могло придти въ голову—говорить подобныя бредни? Это былъ человѣкъ, полный насмѣшливости и всѣмъ завидовавшій. Онъ какъ будто бы старался о томъ, чтобы ни отъ себя не произвести, ни отъ другаго не позаимствовать ничего полезнаго; такимъ образомъ отъ другаго онъ заимствовалъ переселеніе душъ, а самъ представилъ ученіе о гражданскомъ обществѣ, гдѣ предписываетъ гнуснѣйшія правила. Пусть, говоритъ онъ, жены будутъ общія, пусть обнаженныя дѣвицы борятся предъ глазами любовниковъ, пусть будутъ общими и отцы, и раждающіяся дѣти. Не выше ли это всякаго безумія? Таковъ-то Платонъ съ своимъ ученіемъ! А здѣсь не природа дѣлаетъ отцевъ общими, но любомудріе Петра. Что же касается до ученія (Платонова), то оно даже уничтожало (общихъ отцевъ): потому что оно ничего другаго не производило, кромѣ того, что настоящаго отца почти не знали, а не настоящаго признавали отцемъ. Платонъ повергъ душу въ какое-то опьянѣніе и въ грязь. Пусть всѣ, говоритъ онъ,

безъ всякаго опасенія пользуются женщинами. Я не стану разбирать ученія поэтовъ, чтобы не подумали, будто я занимаюсь баснями; но я скажу о другихъ басняхъ, которыя гораздо смѣшнѣе этихъ. Сказали ль гдѣ-нибудь поэты какую-либо подобную нелѣпость? А тотъ, кто почитался главою философовъ, облекаетъ женщинъ даже въ оружіе, въ шлемы и поножи, и утверждаетъ, что родъ человѣческій ничѣмъ не разнится отъ собакъ. Такъ какъ между собаками, говоритъ онъ, и самка и самецъ имѣютъ одинаковое участіе въ дѣлахъ; то пусть и женщины также принимаютъ участіе во всемъ, и пусть все перевернется вверхъ дномъ! Діаволъ всегда старался черезъ посредство этихъ людей доказать, что нашъ родъ не имѣетъ никакого преимущества передъ животными. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ нихъ дошли до такого суемудрія, что утверждали, будто и между безсловесными животными есть разумныя. И смотри, какъ разнообразно діаволъ неистовствовалъ въ ихъ душахъ. Главные между ними говорили, будто наша душа переходитъ и въ мухъ, и въ собакъ, и въ животныхъ: а ихъ преемники, устыдившись этого, впали въ другую гнусность, приписали животнымъ всякое разумное знаніе и постоянно показывали, что существа, созданныя для насъ, по достоинству выше насъ. И не это только говорятъ они, но и то, будто у животныхъ есть предвѣдѣніе и благочестіе. Воронъ, говорятъ они, знаетъ Бога, равно какъ и ворона; они имѣютъ даръ про-

рочества и предвѣщаютъ будущее; есть, говорятъ, у животныхъ правосудіе, есть общество, есть законы, и собака между ними, по мнѣнію Платона, завистлива. Вы, можетъ быть, не вѣрите словамъ моимъ? Это и естественно, потому что вы воспитаны въ здравыхъ догматахъ: кто векормленъ этою пищею, тотъ никогда не повѣритъ, что есть люди, которые съ удовольствіемъ ѣдятъ нечистоты. А между тѣмъ, когда говоришь имъ, что все это басни и совершенное безуміе,—они отвѣчаютъ: вы не понимаете. Да никогда не захотимъ и понимать столь смѣшнаго вашего ученія. Да, смѣшнаго! Вѣдь не много нужно ума для того, чтобы увидѣть, что̀ значитъ все это нечестіе и эта путаница. Ужъ не по вороньи-ли, безумные, говорите вы, какъ дѣлаютъ мальчики? По истинѣ, вы настоящія дѣти, какъ и они! Но Петръ не сказалъ ничего подобнаго; напротивъ, онъ подалъ голосъ, и его голосъ, какъ обильный свѣтъ, просіявшій въ какомъ нибудь темномъ мѣстѣ, разсѣялъ мракъ вселенной. А какъ кротокъ, какъ скроменъ его нравъ! Какъ онъ стоялъ выше всякой пустой славы! Какъ онъ имѣлъ въ виду лишь одно небо и былъ чуждъ хвастовства, несмотря на то, что воскрешалъ мертвыхъ! Случись кому нибудь изъ этихъ неразумныхъ людей совершить что нибудь подобное, хотя бы даже только призрачно: не тотчасъ ли онъ сталъ бы требовать себѣ жертвенника и храма, не захотѣлъ ли бы быть въ числѣ боговъ? Вѣдь и теперь, когда нѣтъ ничего такого, они всегда мечтаютъ

объ этомъ. Что значитъ у нихъ Минерва, или Аполлонъ, или Юнона? Это у нихъ—роды духовъ. Есть у нихъ и царь, который хотѣлъ умереть для того, чтобы его почитали равнымъ Богу. Но Апостолы (поступаютъ) не такъ, а совершенно напротивъ. Послушай, что говорятъ они при исцѣленіи хромаго: *мужіе Израильтяне, что на ны взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити* (Дѣян. 3, 12); и въ другомъ мѣстѣ: *и мы подобострастни есмы вамъ человѣцы* (—14, 14). Но тамъ — великое хвастовство, великая гордость: все — только для почестей отъ людей, и ничего—для любомудрія. А когда дѣйствуютъ для славы, тогда все бываетъ низко: пусть человѣкъ имѣетъ все, но не имѣетъ этого (презрѣнія славы),—онъ чуждъ любомудрія и одержимъ сильнѣйшею и гнуснѣйшею страстію. Презрѣніе славы можетъ научить всему доброму и изгнать изъ души всякую губительную страсть. Посему убѣждаю и васъ—употреблять великое стараніе на то, чтобы исторгнуть эту страсть съ корнемъ; иначе и нѣтъ возможности благоугодить Богу и снискать благоволеніе передъ этимъ неусыпнымъ окомъ. Итакъ будемъ всячески стараться снискать небесную помощь, дабы не испытать и настоящихъ горестей, и сподобиться будущихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О честном законном бракѣ.

Арх. Теперь поговоримъ о бракѣ, который, по Божію снисхожденію, совершается у людей, желающихъ жить по мірскому, единственно для дѣторожденія, и дозволенъ по причинѣ послѣдовавшей за преслушаніемъ смерти, чтобы длилась настоящая тлѣнная жизнь, до тѣхъ поръ, пока не придетъ жизнь и безсмертіе чрезъ Христа,—чтобы и зачатіе, и начало, и продолженіе жизни людей не были безъ благословенія, и чтобы, такъ какъ бракъ получаетъ благословеніе отъ непорочной Церкви, то и вступившіе въ бракъ старались, сколько возможно, быть въ немъ нескверными,—чтобы они сочетавались законнымъ образомъ и безъ укоризны и нареканія, и могли сохранить бракъ, такъ сказать, непорочнымъ и какбы дѣвственнымъ.

241. Для чего во время совершенія брака (употребляются) вѣнцы?

Потому-то возлагаются и вѣнцы, какъ на дѣвственныхъ и чистыхъ: ибо они сочетаваются нескверными,—и ради того, что до брака они соблюли дѣвство; и сама природа свидѣтельствуетъ, что это прекрасно: женихъ, сочетавающійся съ невѣстою, прежде всего желаетъ найти въ ней то, чтобы она была дѣвою чистою и называлась женою не другаго кого, но его, и его одного только. Равнымъ образомъ, и онъ долженъ знать, что нужно ему соблюдать себя

женихомъ чистымъ для невѣсты и быть мужемъ ея, а не другой. Если это такъ: то супружество благословенно и ложе, — скажу, какъ Павелъ,—непорочно и нескверно; и на такомъ бракѣ (почиваетъ) совершенное благословеніе и соприсутствуетъ ему Христосъ. Если бракъ незаконенъ и не чуждъ укоризны: какъ будетъ тамъ Христосъ, единый Чистѣйшій и Святый, и непорочный Женихъ душъ? Итакъ, да будутъ далеки отъ честнаго брака всякое прелюбодѣяніе и насиліе; да удалится всякій блудъ, а съ нимъ вмѣстѣ нечистое и сливающее родъ кровосмѣшеніе и многоженство; да сохранятся ненарушимыми (постановленія) священнаго закона, дабы онъ былъ закономъ единенія, а не расторженія: такъ какъ незаконно сочетавающіеся скорѣе удаляются и разлучаются отъ Бога, и такъ какъ отъ расторженія брака происходитъ смятеніе для Церкви. Второбрачный да исполняетъ канонъ (епитимію), какъ повелѣли Отцы; а вступающій въ третій бракъ—тѣмъ болѣе. И этотъ пусть вступаетъ въ третій (бракъ), если не имѣетъ дѣтей и ему нѣтъ еще 40 лѣтъ; а имѣющему дѣтей и прожившему 40 лѣтъ не дозволяется третій бракъ, гласитъ священное законоположеніе. Такимъ образомъ все, что касается до (брака) этихъ лицъ, должно быть совершаемо съ осмотрительностію и со вниманіемъ со стороны предстоятелей Церкви.—Но посмотримъ, какъ бракъ законнымъ образомъ начинаетъ совершаться. Если у брачущихся есть родители, то они соглашаются между со-

бою и полагаютъ свои мнѣнія о дѣлѣ. Потомъ, когда настанетъ день, когда нужно написать условія, бываетъ собраніе почетныхъ лицъ для засвидѣтельствованія совершаемаго и—что производится соглашеніе о законномъ бракѣ. Для этого назначенъ и чиновникъ, который пишетъ условія и полагаетъ печати договаривающихся въ видѣ креста, показывая, что дѣло это отъ Бога и начинается о Христѣ; а будущіе супруги и ихъ родители подписываютъ тростію, выражая этимъ добровольное согласіе и свободную волю, и то, что Христосъ сочетаваетъ ихъ. Посему сперва они и поклоняются Ему, и потомъ уже берутся за трость: это—именно ради того, что Христосъ соединяетъ ихъ, и контракты эти называются крестными, и ихъ нельзя расторгнуть безъ какихъ нибудь законныхъ причинъ—такихъ, какія требуются и (для расторженія) уже совершившагося брака; въ противномъ случаѣ, расторженіе будетъ незаконно. Когда настанетъ время (совершенія) брака, женихъ и невѣста являются въ храмъ: такъ какъ мужъ принимаетъ жену отъ Бога и Его Церкви. Іерей, облекшись въ священныя одежды, полагаетъ сперва на священной трапезѣ желѣзный перстень, въ знакъ силы мужа, и перстень золотой, въ знакъ нѣжности и чистоты жены; потомъ — преждеосвященные святые (дары): такъ какъ дѣло это совершается предъ Христомъ, и Онъ будетъ для нихъ общеніемъ и единеніемъ въ освященіи и правой вѣрѣ въ Него, и цѣломудріи.

242. О томъ, что не должно сочетать бракомъ православнаго съ иновѣрнымъ.

А посему отнюдь не должно сочетать бракомъ православнаго съ иновѣрнымъ. Ибо *кая часть*, говоритъ (Апостолъ), *вѣрну съ невѣрнымъ* (2 Кор. 6, 15). — На какомъ нибудь столикѣ (священникъ) ставитъ чашу вина, называемую потому общею чашею, такъ какъ она являетъ единомысліе, общеніе въ жизни и цѣломудріе. И такимъ образомъ, вышедши въ притворъ, или внутрь вратъ храма, такъ какъ дается начало благословенія и дѣло еще только въ преддверіи, совершаетъ обрядъ обрученія; къ сему-то и предназначены прежде положенные перстни, служащіе символомъ согласія и запечатлѣнія сватовства.

243. Объ обрученіи.

Итакъ іерей благословляетъ Бога и, послѣ мирныхъ (прошеній, т. е., ектеніи), которая возглашается здѣсь потому, что миръ отъ Бога необходимъ (брачущимся), и они сочетаваются въ мирѣ и для мира и единомыслія, поставляетъ мужа съ правой стороны, потому что онъ начальникъ и глава жены, а жену — съ лѣвой, какъ подвластную и (произшедшую) изъ ребра его: потому что виновникъ ея мужъ. Послѣ ектеніи (іерей) молится, чтобы Богъ, *разстоящаяся собравый въ соединеніе и благословивый Исаака и Ревекку*, благословилъ и сочетаваю-

щихся благословеніемъ духовнымъ. Онъ упоминаетъ объ Исаакѣ и Ревеккѣ, а не объ иной изъ древнихъ (женъ), потому, что другая съ Исаакомъ не сочеталась, и ее взялъ онъ въ супружество изъ своего рода, законнымъ образомъ, по договору, и цѣломудренно жилъ съ нею одною, — а съ другой стороны, и потому, что онъ былъ единственный законный сынъ Авраама, (рожденный) по обѣтованію и благословенный Богомъ. А изъ лицъ новозавѣтныхъ никто не упоминается при совершеніи брака: потому что бракъ—не высшее состояніе христіанъ, хотя и благословляется Христомъ ради немощи человѣческой и ради продолженія бытія тлѣннаго міра; крайняя цѣль Евангелія — дѣвство и нетлѣніе, къ которому призываетъ оно тѣхъ, кто имѣетъ къ тому силу. Потомъ, громогласно прославивши милостиваго Бога, іерей дастъ женѣ железное кольцо, такъ какъ оно мужнино, а мужу золотое, такъ какъ оно женино, и до трехъ разъ перемѣняетъ ихъ, чествуя Троицу, которая все совершаетъ и утверждаетъ. Потомъ сопрягаетъ ихъ правыя руки, въ знакъ того, что они соединились во Христѣ и стали одно, и что мужъ получилъ жену отъ руки Церкви. Іерей, возгласивши: «миръ всѣмъ», чѣмъ выражаетъ единеніе и единомысліе, и повелѣвъ приклонить главы, молится, чтобы *отъ языкъ предобручивый себѣ церковь дѣву чисту*, т. е., насъ вѣрныхъ, благословилъ и это обрученіе, и сохранилъ обручающихся въ мирѣ и единомысліи. Затѣмъ,

громко прославивъ державу, царство, силу и единую власть Троицы, какъ единой и вседѣйственной Началосовершительницы, при пѣніи приличнаго псалма: *блажени вси боящіися Господа* и такъ далѣе до конца, (іерей) вводитъ ихъ, какъ чадъ Церкви, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, срединою храма къ олтарю предъ святыя врата, приводя какбы предъ лице Божіе, такъ какъ они чистыми въ Немъ сочетаваются.

244. О совершеніи брака.

Ставъ предъ олтаремъ, брачущіеся разнимаютъ руки, держа ихъ напереди, какъ стоящіе предъ Богомъ, выражая тѣмъ рабство; они держатъ свѣчи, которыми знаменуется ихъ цѣломудріе и пребывающая въ нихъ благодать Божія; подобнымъ образомъ держатъ свѣчи и всѣ клирики, въ знаменіе божественнаго просвѣщенія и веселія. Какъ скоро скажутъ прошенія о мирѣ (такъ какъ онѣ произносятся прежде всего и говорятся во всякомъ священнодѣйствіи, ради мира свыше, и потому, что необходимо, чтобы во всякомъ священнодѣйствіи была молитва о всѣхъ), іерей произноситъ первую молитву брака, умоляя Святаго Бога, безтѣлеснаго и чистаго, сотворившаго человѣка и изъ него жену въ помощницу,—послать свыше руку свою и соединить ихъ другъ съ другомъ. И опять сопрягаетъ ихъ руки, въ знаменіе окончательнаго соединенія, и молитъ (Бога) соче-

тать ихъ въ единомысліи, дать имъ плодъ чрева, благочадіе и житіе незазорное. Послѣ сего возгласно славословитъ Бога милости и щедротъ—Троицу: потому что это дѣло Его милости и человѣколюбія. Потомъ, взявши съ престола вѣнцы и благословивши ихъ, одинъ изъ нихъ налагаетъ на голову мужа, а другой — на голову жены, моля Господа и Бога всяческихъ вѣнчать ихъ славою и честію, такъ какъ они въ чистотѣ сочетаваются въ Немъ.

245. О воспріемникѣ при бракѣ.

Вѣнцы эти принимаетъ стоящій позади воспріемникъ цѣломудрія и единомыслія, который замѣняетъ имъ отца и наставника въ единомысліи и добромъ супружествѣ; почему онъ долженъ быть изъ православныхъ и боголюбивыхъ. Снова испросивши миръ, іерей присовокупляетъ вторую молитву, какъ дѣлаетъ іерархъ и во время хиротоній.

246. О томъ, что совершеніе брака—дѣло собственно архіерея.

Ибо и это — дѣло іерарха, и онъ совершаетъ его у царей, вельможъ и другихъ лицъ. Впрочемъ, оно предоставляется и іереямъ: потому что оно — только таинство и не имѣетъ силы передать благодать, (какъ таинство священства). Предоставляется однакожъ іереямъ съ разрѣшенія (архіерейскаго), и притомъ на каждый случай брака: такъ какъ (совершать бракъ) —

дѣло собственно епископа, и безъ согласія его бракъ не можетъ состояться. Ибо отецъ Церкви—только архіерей. Во второй молитвѣ (іерей) молится, чтобы Самъ, своимъ присутствіемъ показавшій бракъ въ Канѣ честнымъ, когда пришелъ на него, и нынѣ сочетавающихся бракомъ сохранилъ въ мирѣ и единомысліи, сотворилъ бракъ честнымъ и ложе соблюлъ нескверньмъ,—(чтобы сподобилъ) ихъ сохранить жительство непорочное, чтобы, достигнувъ маститой старости, исполнили они божественныя заповѣди, — и возглашаетъ, что Онъ все благословляетъ и освящаетъ. Потомъ, обратившись къ востоку, проситъ сподобить неосужденно призвать небеснаго Бога Отца, и всѣ вмѣстѣ произносятъ молитву Спасителеву, въ знакъ благодаренія за (настоящее) дѣло, въ ознаменованіе рабства, для испрошенія благъ и ради общенія съ Духомъ, чрезъ святую плоть Сына Его, который есть небесный хлѣбъ, чрезъ котораго и сочетавающіеся будутъ живы, если станутъ вести жизнь благочестивую и цѣломудренную, и потому, что Богъ, какъ Творецъ, есть Отецъ всѣхъ, и сочетавающихся. Послѣ молитвы іерей дѣлаетъ возгласъ, прославляя царство Божіе и силу, и славу, и, преподавши миръ, повелѣваетъ приклонить главы предъ Создавшимъ тварь. И совершаетъ молитву надъ общею чашею, говоря: «Боже, вся сотворивый крѣпостію твоею и утвердивый небо, и благословивый вѣнецъ твоихъ тварей», т. е., все, такъ какъ Онъ—во всемъ и надъ всѣмъ,—Самъ и об-

щую чашу рабовъ твоихъ сихъ благослови благословеніемъ духовнымъ, дабы они всегда были благословенны», — и, знаменуя рукою, возглашаетъ и причину: *яко благословися имя и прославися царство Святыя Троицы*,—такъ какъ Она все благословляетъ и освящаетъ.

247. О томъ, что сочетавающіеся бракомъ должны быть чистыми и получить благословеніе во святомъ храмѣ, и пріобщиться (святыхъ) Таинъ.

Вслѣдъ затѣмъ іерей прикасается къ священной чашѣ преждеосвященныхъ (даровъ) и возглашаетъ: «преждеосвященная святая святымъ». И, когда всѣ запоютъ: *единъ святъ, единъ Господь*, — потому что Онъ—единое освященіе, и миръ, и единеніе сочетавающихся рабовъ своихъ, — (іерей) пріобщаетъ новобрачныхъ, если они достойны. Они должны быть приготовлены, чтобы и достойно повѣнчаться, и честно вступить въ супружество: потому что конецъ всякаго священнодѣйствія и запечатлѣніе всякаго божественнаго таинства — священное причащеніе. И прекрасно дѣлаетъ Церковь, что приготовляетъ божественные дары въ умилостивленіе и благословеніе сочетавающихся, какбы присутствовалъ на бракѣ Самъ, подающій и Сый, и—для мирнаго единенія ихъ и единомыслія. Поэтому вступающіе въ бракъ должны быть достойны причащенія, и, какъ чада Божіи, должны сочетаться во святомъ храмѣ— домѣ Божіемъ, какбы предъ лицемъ Божі-

имъ: такъ какъ въ дарахъ присутствуетъ Самъ священнодѣйствуемый, и предлагается и является посредникомъ между нами. Потомъ (іерей) преподаетъ имъ изъ общей чаши, между тѣмъ, какъ поютъ: *чашу спасенія пріиму*. Это дѣлается ради всесвятыхъ даровъ и въ знаменіе единенія въ благомысліи о Богѣ, и потому, что благомысліе ихъ будетъ происходить отъ мира и единомыслія. Недостойнымъ причащенія, какъ напр. двоеженцамъ и подобнымъ, не преподаются божественные дары, а только общая чаша —въ освященіе отчасти, благое общеніе и единеніе въ благословеніи Божіемъ. Потомъ, когда совершено будетъ продолжительное моленіе (сугубая эктенія), на которой поминаются и оба новобрачные, какъ уже составляющіе одно, и воспріемникъ, какъ споспѣшникъ въ дѣлѣ, (іерей) возглашаетъ: *яко милостивъ*, испрашивая имъ божественную милость, а съ другой стороны—внушая, что это (совершилось) по Божіей милости. Послѣ того, какъ преподастъ наставленіе и вразумленіе, и испроситъ миръ, (іерей) присовокупляетъ (чтеніе) словъ апостольскихъ: *братіе, радуйтеся всегда о Господѣ*, и т. д. до: *Богъ мира будетъ съ вами*. Тотчасъ послѣ этого, взявъ ихъ за руки, онъ ведетъ къ олтарю и, дѣлая кругъ, въ веселіи о Христѣ поетъ съ пѣвчими пѣснь: *святіи мученицы*, какъ при хиротоніи, и другую: *слава тебѣ, Христе Боже, апостоловъ похвало*, потому, что благочестиво и цѣломудренно жившіе — общники Христа и Святыхъ Его; и еще пото-

му, что должно сочетаваться не только по плоти, но особенно по душѣ, посредствомъ правой вѣры нашей и боголюбезныхъ дѣлъ благочестія, дабы и супружество было истинно, и бракъ нескверненъ, и чтобы (новобрачнымъ) содѣлаться общниками Христа и Святыхъ Его, особенно тѣхъ, которые презрѣли плоть до мученичества. Потомъ (іерей) присовокупляетъ молитву на разрѣшеніе вѣнцовъ: дабы Давшій имъ вѣнцы въ знаменіе цѣломудрія и въ награду за непорочность и чистоту ихъ до брака,—такъ какъ они приступили къ браку непорочными,—Самъ благословилъ и разрѣшеніе вѣнцовъ, и сохранилъ ихъ супружество и сочетаніе неразрушимымъ, чтобы они всегда согласно благословляли имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, потому что Онъ по благости устрояетъ все на пользу. Наконецъ, призвавъ Христа, чтобы Онъ ради Своея Матери и Святыхъ своихъ подалъ всѣмъ милость и спасеніе, (іерей) разрѣшаетъ (вѣнцы), и новобрачные, получивши отъ него благословеніе, съ радостію отходятъ домой.—Итакъ вотъ что о бракѣ, а больше этого нѣтъ нужды говорить. Ибо, хотя и есть нѣкоторые вопросы касательно брака, но время намъ не дозволяетъ говорить объ нихъ, тѣмъ болѣе, что Отцы ясно научили насъ о всемъ. Одно только нужно знать, что сочетавшихся бракомъ Богъ сочеталъ и они очищены—призываніемъ Чистаго. А потому да соблюдаютъ они взаимно бракъ нескверным, да пребываютъ въ мирѣ и благочестіи, и, что пріяли отъ Бога,—единеніе въ чистотѣ, любовь

въ цѣломудріи, сожитіе въ единомысліи и мирѣ, —да соблюдают взаимно, какъ залогъ, дабы не потребовали съ нихъ отвѣта за цѣломудріе и другія дѣла божественныя. И да пекутся они не только о плоти, но и о душахъ своихъ, такъ какъ они и сами двойственны, и состоятъ изъ тѣла и души, которая много превосходнѣе тѣла,— столько превосходнѣе, сколько нетлѣнное превосходнѣе тлѣннаго. Посему да имѣютъ они попеченіе о добродѣтеляхъ, и особенно о правдѣ и истинѣ,—о молитвахъ въ благодареніе Богу и о внимательномъ общеніи въ божественнѣйшемъ причащеніи: и тогда Богъ будетъ съ ними. Да воспитываютъ они чадъ своихъ въ *наказаніи и ученіи Господни*, какъ учитъ божественный Павелъ. Изъ того, что получаютъ отъ Бога, да подаютъ они милостыню бѣднымъ братіямъ, дабы получить помилованіе и самимъ, и вмѣстѣ съ чадами сподобиться царствія Божія. Вотъ, что мы могли сказать о честномъ и цѣломудренномъ бракѣ.

О священномъ таинствѣ святаго елея, или о елеосвященіи.

Такъ какъ въ жизни неизбѣжны болѣзни, и это у всѣхъ вообще людей, то должно сказать и о таинствѣ святаго елея, дарованнаго во отпущеніе грѣховъ и исцѣленіе наше, и ради подаянія божественной милости (ἐλέους). Это (таинство), преданное отъ Спасителя Апостоламъ, въ знаменіе человѣколюбія и милосердія, Церковь свято блюдетъ, какъ научены мы отъ Іакова,

котораго Павелъ называетъ братомъ Господнимъ, который былъ братомъ Божіимъ и по родству плотскому, и по подражанію дѣлами, получилъ величайшій даръ и первый послѣ Христа былъ нареченъ и содѣлался іерархомъ. Именно, какъ скоро кто нибудь изъ братій впадетъ въ немощь тѣлесную, или только душевную,—тотчасъ созываетъ пресвитеровъ Церкви, потому что они, а не діаконы, получили силу совершать таинства.

248. Для чего при елеосвященіи (бываетъ) седмь пресвитеровъ, или иногда, за недостаткомъ іересовъ,—трое?

Братъ Божій не говоритъ о числѣ ихъ, но обычаемъ предано призывать семерыхъ, я думаю,—въ соотвѣтствіе седмеричному числу даровъ Духа, исчисляемыхъ у Исаіи (11, 2), или въ соотвѣтствіе тѣмъ седми священникамъ ветхаго закона, которые, по повелѣнію Божію, седмь разъ обходили съ трубами Іерихонъ и разрушили стѣны его, такъ, какъ будто бы и эти (іереи) хотятъ низложить градъ лукавый и твердыя стѣны высотъ грѣховныхъ; — или, какбы, по подражанію Пророку, простершемуся надъ дѣтищемъ той жены Соманитяныни, и іереи, семь разъ помолившись о мертвой душѣ, имѣли возбудить ее, какъ отрока Елисей, который семь разъ простирался надъ нимъ и семь разъ молился;—или, какбы, подобно Иліи, который седмикратно помолившись, снова отверзъ небо, которое заключилъ ради грѣховъ, и низвелъ

дождь, имѣли они разрѣшить засуху грѣховную и отверзть, подобно Петру, небо, подавши ключъ благодати, и, какъ дождь, низвести отъ Бога милость отпущенія. Таковъ, по моему мнѣнію, смыслъ седмеричнаго числа (пресвитеровъ). А иные, по недостатку семерыхъ, призываютъ всего троихъ; и этого не должно порицать: потому что, во первыхъ, это—ради силы Троицы, а потомъ — и въ воспоминаніе свидѣтельства и проповѣданія Троицы, бывшаго нѣкогда чрезъ Илію, когда воскресилъ умершаго сына Сарептской жены, трижды помолившись и трижды простершись надъ нимъ. Нѣкоторые созываютъ и больше семи (священниковъ), въ свидѣтельство большей вѣры и усердія. Но нѣтъ нужды много углубляться въ изслѣдованія о числѣ, такъ какъ о числѣ не написано (въ Писаніи). А впрочемъ, хотя и не написано, тѣмъ не менѣе необходимо соблюдать древнее преданіе; и должны быть семь, какъ (требуетъ) древній обычай, а въ случаѣ нужды — и менѣе трехъ, но все должно быть произносимо, что предано произносить, потому что всѣ отеческія (преданія) — отъ Духа.

249. О томъ, что сила св. елея—величайшая.

Что же будетъ отсюда? Смотри, — (послѣдствіе) величайшее. *Да призоветъ*, сказано, *пресвитеры церковныя и молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ. И молитва вѣры*, говоритъ, *спасетъ болящаго и воздвигнетъ его Господь*,—не люди, а Господь:

потому что (больной) облекается благодатію освященія Господня. Но больной получитъ еще нѣчто большее: *и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему.* Видите силу этого священнодѣйствія?—и болѣзни разрѣшаетъ, и больныхъ возставляетъ, и грѣхи отпускаетъ.

250. О нововведеніи Латинянъ относительно елеосвященія.

Но Латиняне, введшіе во всемъ новизны, извратили (ученіе) и объ этомъ таинствѣ. Они говорятъ, что не должно совершать елеосвященія надъ болящими, а только надъ умирающими, такъ какъ оно отпускаетъ грѣхи, дабы кто нибудь, оживши, снова не началъ грѣшить. О, безуміе! Братъ Божій говоритъ: *молитва вѣры спасетъ болящаго и воздвигнетъ его Господь;* а Латиняне говорятъ,—что онъ умретъ. Смотри, вѣдь зависящее (слово) всегда относится къ реченію послѣдующему:—*аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему*,—очевидно, чтобы исцѣлился и446 восталъ. Это показываетъ и Спаситель, сказавшій разслабленному: *отпущаются тебѣ грѣси твои. Востани и ходи.* И: *се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5, 14). А они умствуютъ вопреки Спасителю и Его Апостоламъ, и говорятъ, что (елей) нужно преподавать не тѣмъ, которые могутъ востать, а умирающимъ. А потому, будучи призываемы нуждающимися, они не по апостольскому преданію совершаютъ это (таинство), но соблюда-

ють его, совершая по своему произволу. Священное Евангеліе говоритъ: *и мазаху масломъ многи недужныя, и исцѣлѣваху* (Мар. 6, 13); а они говорятъ, что его нужно преподавать не для того, чтобы (больные) исцѣлялись, но чтобы были неизлечимы и умирали. Человѣкъ! Не знаешь ты смысла таинствъ и, къ своему вреду, заблуждаешься. Ибо Евангеліе и Братъ Давшаго его говорятъ, что этотъ елей (преподается) больнымъ и для того, чтобы они, чрезъ помазаніе получивши прощеніе во грѣхахъ, востали, какъ сказано и первому, и второму разслабленному: потому что Спаситель сказалъ двоимъ: *отпущаются тебѣ грѣси твои*, показывая, что болѣзнь бываетъ по причинѣ грѣховъ.

251. О томъ, что елей, (употребляемый) при елеосвященіи, не таковъ, какимъ помазуются умершіе.

Впрочемъ, и мертвые умащаются елеемъ, какъ говоритъ божественный Діонисій, во образъ помазанія первоначальнымъ елеемъ — въ крещеніи; и онъ приводитъ причиною этого то, что свято и честно почившій во Христѣ совершилъ подвигъ, на который былъ помазанъ и прежде, и ради котораго и теперь умащается елеемъ. Все это дѣлается въ знаменіе Христово и въ знаменованіе запечатлѣнія отшедшихъ во Христѣ, и во освященіе усопшихъ тѣлъ подвизавшихся ради Христа и здѣсь благочестиво поживщихъ, и въ честь ихъ: потому что онѣ

жили по Христѣ, знаменіемъ чего служитъ освященный елей помазанія. Поэтому на мощи Мучениковъ, положенныя какбы во гробѣ, подъ божественнымъ престоломъ, возливается вмѣсто этого елея и святое мvро: потому что на совершенныхъ должно возливать совершеннѣйшее.

252. О томъ, что на монаховъ (усопшихъ) возливается елей, а на мірянъ сыплется пепелъ изъ кадильницы.

Мы такъ и поступаемъ. На умершихъ во Христѣ братій мы возливаемъ елей. Впрочемъ—не тотъ святый елей, который преподается живымъ и о которомъ говоритъ братъ Божій, но —изъ лампады, (находящейся) въ храмѣ, и преимущественно — въ алтарѣ. Мы ни одного монаха не погребаемъ иначе, какъ когда выльемъ на его останки елея изъ лампады, который освященъ, горя предъ Господомъ; а на мірскихъ во Христѣ братій, скончавшихся, прежде, нежели посыплемъ простой земли, крестообразно мы сыплемъ пепелъ изъ кадильницы, какъ священный и освященный крестнымъ знаменіемъ посредствомъ ѳиміама, — предавая, по божественному приговору, освященнаго во Христѣ освященной землѣ, въ которой онъ имѣетъ оставаться до воскресенія. Другіе изъ людей болѣе благочестивыхъ еще заживо совершаютъ надъ собою таинство елеосвященія, въ умилостивленіе за себя и ради окончательнаго отпущенія грѣховъ; и, если они близки къ смерти, то

это все-таки выполняется, и лежащихъ, ихъ помазываютъ сродники, ради священнѣйшаго запечатлѣнія преподобныхъ останковъ отшедшаго и чести, и освященія: потому что подвизавшіеся достойны того, чтобы ихъ почтить священнымъ помазаніемъ, и жившихъ по Христѣ нужно запечатлѣвать печатію Христовою; и потому при погребеніи ихъ возливаютъ на нихъ елей, призывая Божію милость. Такова цѣль святаго елея, когда онъ преподается живымъ, чтобы имъ оставляема была жизнь и сообщалось очищеніе, а отнюдь не то, чтобы эти живые непремѣнно умерли и не думали о выздоровленіи: потому что (елей) преимущественно съ тою цѣлію и преподается, чтобы Господь возстановилъ помазанныхъ и отпустилъ имъ грѣхи. И совершать елеосвященіе (надъ однимъ и тѣмъ же лицемъ) можно во всякое время, а не одинъ только разъ: потому что сказано: *исповѣдайте другъ другу согрѣшенія*,—очевидно, —во всякое время, а не однажды, и—*молитеся другъ за друга, яко да исцѣлѣете*,—не одинъ только разъ, но постоянно, потому что мы и падаемъ постоянно. Для послѣдняго помазанія елей берется изъ горящей въ храмѣ лампады, ради запечатлѣнія и освященія останковъ отшедшаго, такъ какъ они прежде были очищены и освящены въ таинствахъ Христовыхъ—крещеніи, мѵропомазаніи и страшномъ причащеніи. Нѣкоторые, впрочемъ, совершаютъ священнодѣйствіе елея и надъ усопшими во Христѣ, что одни изъ архіереевъ запрещаютъ, такъ какъ

это не предано въ Писаніи, а другіе — нѣтъ, потому что оно совершается надъ душами. Я, съ своей стороны, сколько могъ, изслѣдывалъ и нашелъ, что совершать его похвально, и желающимъ это дѣлать не должно препятствовать. Впрочемъ, это не тотъ елей, который преданъ Спасителемъ и Апостолами, о которомъ говоритъ, какъ мы упомянули, Евангеліе: *и мазаху масломъ многи недужныя, и исцѣлѣваху*;— объ этомъ елеѣ пишетъ въ своемъ соборномъ посланіи Братъ Божій. Ибо святый елей одинъ, а не много, и священнодѣйствіе его одно, и одно изъ семи таинствъ. Но за усопшихъ приносится елей въ умилостивленіе и славу Божію, для испрошенія помилованія и прощенія отшедшимъ, подобно какъ въ храмѣ и въ гробницахъ ихъ приносятъ за нихъ восковыя свѣчи, ѳиміамъ и проч. Принося все это, какъ дары, мы ходатайствуемъ за отшедшихъ, и они получаютъ божественную милость, какъ учитъ совершающая это Церковь и какъ пишутъ почти всѣ Отцы, а особенно истинно великій и священный Аѳанасій, который о восковыхъ свѣчахъ и елеѣ пишетъ, что ихъ должно приносить за умершихъ, хотя бы отъ огня они обратились въ пепелъ или дымъ: первыя означаютъ всеплодіе, а второй есть какбы жертва Богу за усопшихъ; и потому повелѣваетъ приносить ихъ. Не запрещается также возжигать свѣчи при гробахъ умершихъ и вмѣстѣ съ священными молитвами о нихъ приносить елей: потому что, возжигая свѣчи и принося ѳиміамъ, молимся за нихъ предъ

Богомъ, и это въ обычаѣ въ Церкви.—Но разсмотримъ то, что относится къ елеосвященію.

253. *О совершеніи елеосвященія.*

Собираются, какъ мы сказали, семь пресвитеровъ, и, когда облачатся въ священныя свои одежды, знаменующія благодать Духа, почивающую въ нихъ, и когда первый изъ нихъ, представляющій образъ Христа—Главы всѣхъ, благословитъ, начинается канонъ за того, надъ кѣмъ совершается святый елей. По окончаніи канона бываетъ эктенія за болящаго и отпустъ, послѣ котораго онъ у всѣхъ проситъ прощенія, дѣлая три земныхъ поклона въ честь Троицы, отъ которой всякъ даръ совершенъ, и въ утвержденіе прощенія, полученнаго въ покаяніи, такъ какъ все утверждаетъ Троица;—и іереи трижды изрекаютъ ему прощеніе. Потомъ, когда снова благословитъ первый іерей, читается эктенія: *миромъ Господу помолимся*, которая провозглашается при всякомъ священнодѣйствіи, какъ объемлющая все, о чемъ должно молиться, упоминающая и о самомъ совершаемомъ священнодѣйствіи, и испрашивающая миръ и милость отъ Бога. Послѣ возгласа и славословія Милостиваго, во время пѣнія нѣкоторыхъ тропарей, содержащихъ въ себѣ умилостивительныя моленія къ Богу, первый изъ пресвитеровъ, а за нимъ и другіе по порядку, произносятъ молитву о елеѣ, и елей вливается въ лампаду, или въ какой нибудь другой сосудъ. Надъ

нимъ возжигаются семь свѣтильниковъ, по числу іереевъ и во образъ даровъ Духа, и въ знакъ того, что посредствомъ святаго елея совершается какбы божественное просвѣщеніе, и что Богу приносится всеплодіе и чистая жертва, дабы мы получили милость Его. (Іерей) читаетъ слѣдующую молитву: *Господи, милостію и щедротами твоими исцѣляяй язвы наши*: потому что (это таинство) напоминаетъ намъ исцѣленіе того избитаго человѣка, котораго Іисусъ, родившійся отъ Дѣвы Маріи, взявъ отъ Самаріи, исцѣлилъ виномъ и елеемъ—кровію Своею и щедротами. Поэтому нѣкоторые въ сосудъ прежде елея наливаютъ вина, и читается молитва о томъ, чтобы снизошло благословеніе на елей, чтобы онъ былъ помазующимся во исцѣленіе, во удаленіе всякой страсти, тѣлесной болѣзни и скверны плотской и духовной,—и вообще (въ удаленіе) всякаго зла, или всякаго грѣха и лукавства, дабы и на немъ прославилось имя самаго Бога въ Троицѣ. По окончаніи тропарей и когда всѣ (іереи) произнесутъ молитву, опять возстаетъ первый іерей и прибавляетъ вторую молитву, совершительную.

257. Почему во всѣхъ таинствахъ двоякія молитвы?

Ибо и здѣсь (въ елеосвященіи), какъ и во всѣхъ таинствахъ,—двѣ совершительныя молитвы, знаменующія два естества въ Іисусѣ, который, будучи неописуемъ, безтѣлесенъ и неизреченевъ, воспріялъ ради насъ тѣло и явился до-

ступнымъ осязанію, и обращался съ людьми, неизмѣнно пребывая Богомъ, дабы и насъ освятить двояко: и по отношенію къ невидимой сторонѣ нашей, и къ видимой, т. е., по отношенію къ душѣ, разумѣю я, и тѣлу.

255. *О томъ, что таинства двойственны—вещественны и духовны, соотвѣтственно намъ, которые двойственны.*

(Господь) установилъ и таинства двойственныя,—съ одной стороны, видимыя и сложенныя изъ стихій — ради нашего тѣла, а съ другой,— мысленныя, таинственныя, исполненныя невидимой благодати — ради нашего духа: потому что въ этихъ таинствахъ мы и тѣлами, и душами, очищаемся и просвѣщаемся, и дѣлаемся причастниками и исцѣленія, и вмѣстѣ освященія. Поэтому, какъ въ св. крещеніи, въ освященіи воды, въ мѵропомазаніи—по двѣ молитвы, и при рукоположеніяхъ двѣ, и при монашескомъ пострижевіи—первыхъ совершительныхъ двѣ молитвы: такъ равно и въ таинствѣ св. елея,— какъ скоро всѣ (іереи) произнесутъ первую молитву и совершатъ божественное знаменіе креста,—первый іерей читаетъ вторую молитву, съ тѣмъ, чтобы запечатлѣть елей, а вмѣстѣ съ нимъ запечатлѣваютъ его и всѣ іереи. Молитва читается такъ: «*Безначальне, Вѣчне, Святе Святыхъ*», — дивное начало! Ты отъ начала и всегда милостивъ, и не имѣешь преемства, потому что Ты съ Сыномъ своимъ и Духомъ всегда—Отецъ неизмѣнный. Ты—Святый

Святыхъ, т. е., единъ Святый и освященіе освящаемыхъ, а мы—грѣшники и полны всякой нечистоты, такъ какъ мы получили начало и измѣняемы.—Итакъ Ты, по милости, *«единороднаго Сына низпославый,* исцѣляющаго всякія болѣзни и страсти наши, *низпосли Святаго твоего Духа и освяти елей сей».* Тотчасъ первый іерей запечатлѣваетъ его, а за нимъ и прочіе, и продолжаетъ: *сотвори и помазующемуся твоему рабу въ совершенное избавленіе грѣховъ его*: даръ по истинѣ величайшій! — *Въ освященіе души и тѣла:* вотъ и вторая величайшая благодать! *Въ наслѣдіе царства небеснаго:* вотъ и послѣдній даръ— наше спасеніе и наслѣдіе царства и славы Божіей. Откуда же намъ такое благодѣяніе?—*Яко Богъ милости и человѣколюбія еси*, говоритъ (іерей) и возгласно славословитъ Отца съ Сыномъ и Духомъ. Такимъ образомъ елей уже освященъ и обладаетъ божественною силою, и все, (просимое) въ молитвѣ, даруетъ тѣмъ, которые помазуются имъ съ вѣрою. Ибо дѣйствительны всѣ слова молитвы, когда онѣ произносятся іереемъ, имѣющимъ благодать Божію по силѣ рукоположенія. Послѣ же молитвы тотчасъ читаются апостольскія слова Брата Божія, ясно свидѣтельствующія намъ, откуда мы пріяли это преданіе. Потомъ поется аллилуія, въ знакъ того, что совершилось низшествіе Божіей благодати и что въ Евангеліи грядетъ Господь. Посему во славу Ему и въ освященіе намъ приносится ѳиміамъ, въ воню благоуханія и ради

сообщенія божественной благодати. Вслѣдъ за тѣмъ первый іерей читаетъ евангеліе надъ главою того, для кого совершается священнодѣйствіе, въ отвращеніе отъ него всего противнаго, въ его благословеніе, въ очищеніе ума и всѣхъ чувствъ. Послѣ евангелія читается молитва прошенія объ оставленіи грѣховъ его и ради исцѣленія тѣла и души;—это первая молитва и произносится въ слухъ; въ это время молятся и прочіе іереи; а послѣ нея, по образцу, объясненному выше, тайно читается другая молитва—также о здравіи и отпущеніи грѣховъ. Въ ней призывается Святый Отецъ, Врачъ душъ и тѣлесъ, пославшій въ міръ Сына своего единороднаго, исцѣляющаго всякую болѣзнь и освобождающаго отъ смерти; — (призывается) исцѣлить припадающаго раба своего отъ всякой обдержащей его болѣзни, благодатію Христа своего, и оживотворить его, предстательствомъ Богоматери и всѣхъ Святыхъ своихъ. Молитву эту произноситъ онъ, положивъ руку на голову кающагося, показывая симъ, что и онъ, по подражанію Владыкѣ, возлагавшему руку на немощныхъ и прикосновеніемъ врачевавшему, совершаетъ исцѣленіе, и что онъ дѣйствуетъ силою благодати Божіей, будучи освященъ рукоположеніемъ и очищая и освящая прикосновеніемъ руки. При концѣ молитвы онъ крестообразно помазуетъ елеемъ чело больнаго —ради внутреннихъ помысловъ; помазуетъ чувственные органы, находящіеся на лицѣ, и, наконецъ, руки, очищая его отъ лукавыхъ намѣ-

реній и дѣйствій,—укрѣпляя святымъ елеемъ и крестнымъ знаменіемъ, и всецѣло освящая; при каждомъ запечатлѣніи онъ присовокупляетъ слова: «помощь наша о имени Господнемъ», свидѣтельствуя, что помощь (приходитъ) не отъ кого либо другаго, но только отъ милостиваго Бога. Знаменовавъ помазуемаго рукою, іерей отходитъ, между тѣмъ, какъ тотъ лобызаетъ преподавшую ему освященіе руку. Потомъ и другіе іереи по порядку дѣлаютъ тоже. Итакъ первыя двѣ молитвы (произносятся) для совершенія и освященія елея, а двѣ послѣднихъ суть молитвы просительныя за помазуемаго и возносятся къ Богу объ исцѣленіи души и тѣла. Первая молитва читается громко однимъ за другимъ слѣдующими іереями, подобно, какъ (читаются) зачала Апостола и Евангелія; и всѣ онѣ приспособлены къ дѣлу. А вторая молитва: *Отче Святый*, произносимая всѣми, какъ сказано, тайно, свидѣтельствуетъ тѣмъ объ единодушномъ прошеніи всѣхъ и призываетъ въ помощники всѣхъ Святыхъ съ общей Ходатаицею—Всесвятою Богородицею. Потомъ (произносится) окончательный возгласъ, завершающій священнодѣйствіе и выражающій предметъ моленій: *яко ты еси источникъ исцѣленій, Боже нашъ*. Такимъ образомъ, когда помазуется чело, какъ сказано, всѣми іереями, то освящается умъ; потомъ крестообразно помазуется лице—въ освященіе чувственныхъ органовъ; и наконецъ, когда іереи, во имя милосердаго Христа, очищаютъ святымъ елеемъ руки: то очищаютъ этимъ помра-

26

ченныя чувства, а молитвами — душу, и крестнымъ знаменіемъ и благодатію преподаютъ всецѣлое освященіе. Итакъ каждый іерей совершаетъ, какъ мы сказали, весь чинъ; діаконъ, или чтецъ, прочитываетъ Апостолъ, а іерей Евангеліе, затѣмъ первую священную молитву въ слухъ, а вторую, при помазаніи,—тайно. Наконецъ, запечатлѣвъ помазаннаго правою рукою, которую получившій благословеніе лобызаетъ, отходятъ. А послѣ совершенія всѣми обряда, во время великой эктеніи, опять первый іерей читаетъ надъ главою пріемлющаго окончательную молитву, разрѣшительную, а всѣ другіе іереи прикасаются къ нему руками, какъ сотрудники и сомолитвенники. Посему въ молитвѣ упоминаетъ онъ и объ нихъ, какъ сослужителяхъ и сопресвитерахъ. Потомъ, громогласно возгласивъ о Богѣ, яко Богѣ кающихся и кающемся о злобахъ нашихъ, и воздавъ должное славословіе, совершаетъ молитву отпуста. Тотъ, кто созвалъ ихъ и надъ кѣмъ совершено было священнодѣйствіе, опять послѣ этого поклоняется іереямъ и трижды испрашиваетъ у нихъ прощенія, отъ всѣхъ получаетъ его и долженъ быть увѣренъ въ томъ, что получилъ отпущеніе. Послѣ всего отъ перваго іерея выслушиваетъ и поученіе, что онъ, такъ какъ получилъ прощеніе, долженъ быть внимателенъ и не грѣшить болѣе. Таково обращеніе Спасителя къ первому разслабленному; а потому и этотъ, наклонивъ голову, какъ внимающій поученію, принимаетъ отъ всѣхъ благослове-

ніе, и іереи удаляются. Вотъ что о святомъ елеѣ.

256. Что совершается чрезъ святый елей?

Всякій христіанинъ долженъ стараться совершать его надъ собою и призывать іереевъ Божіихъ, и просить ихъ, чтобы они молились за него и помазали его елеемъ. Ибо извѣстно, сколько величайшихъ божественныхъ даровъ заключаетъ въ себѣ онъ: въ немъ — избавленіе отъ болѣзней, отпущеніе грѣховъ; онъ—орудіе освященія, божественнаго подкрѣпленія и, наконецъ, онъ приводитъ въ царство небесное. И никто изъ неблагомыслящихъ пусть не говоритъ: «это — елей, и какую силу можетъ имѣть елей, заимствуемый отъ масличнаго растенія»? Да, это елей, но елей, облагодатствованный призываніемъ имени Божія: потому что, гдѣ призываніе Бога, тамъ все божественно и все заключаетъ силу Божію, а особенно тамъ, гдѣ призываніе Бога совершается (людьми) богоосвященными. А іереи суть лица богоосвященныя, получившія въ рукоположеніи силу Божію. Посему елей, какъ благословенный іереями чрезъ призываніе Бога, божественъ и святъ, и исполненъ божественной благодати Святаго Духа; точно такъ, какъ и вода крещенія есть, конечно, вода, но она исполнена Духа, очищаетъ души и преобразуетъ человѣка, усыновляетъ его Богу и дѣлаетъ безгрѣшнымъ. Простая вода, по природѣ

своей, можетъ только очищать тѣло отъ нечистоты и утолять жажду; но вода освященная вмѣстѣ съ тѣломъ очищаетъ душу, освящаетъ и преобразуетъ ее, и духовно орошаетъ и усыновляетъ Богу. Точно также и всякое обыкновенное мvро благоухаетъ и услаждаетъ только чувство, когда имъ помазуются, или держатъ его; но мvро святое вдыхаетъ божественную жизнь, а особенно оживляетъ и обновляетъ въ Духѣ, исполняетъ насъ благоуханіемъ даровъ Его и даруетъ намъ печать и дыханіе благодати во Христѣ—живомъ мvрѣ, не какъ простое мvро, но какъ чрезъ священнодѣйствіе содѣлавшееся мvромъ святымъ, заключающимъ въ себѣ благодать Духа. Такъ и этотъ елей есть елей святый по силѣ священнодѣйствія, и исполненъ божественной силы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ умащаетъ чувственно, онъ просвѣщаетъ и освящаетъ и души, укрѣпляетъ силы, какъ тѣлесныя, такъ и духовныя, исцѣляетъ раны, уничтожаетъ болѣзни, очищаетъ отъ нечистоты грѣховной и имѣетъ силу подавать намъ милость Божію и умилостивлять Его.

257. О томъ, что оставшееся послѣ помазанія св. елеемъ должно сберегать.

А посему и должно сберегать его и чтить, а отнюдь не пренебрегать имъ. Ибо я узналъ и объ этомъ, какъ и о божественнѣйшей водѣ крещенія, что нѣкоторые, не понимающіе тайны,

или нерадивые, употребляютъ эти остатки, какъ случилось, и часто ихъ бросаютъ, какъ не нужное, или отдаютъ животнымъ; и заботы о томъ нѣтъ у многихъ. Но пусть узнаютъ, небрежные, какая тяжкая здѣсь вина; пусть размыслятъ вотъ о чемъ. Если освященная вода возраждаетъ и преобразуетъ человѣка, и безъ нея никто не можетъ быть христіаниномъ; если и елей исцѣляетъ и даруетъ отпущеніе грѣховъ, и ради меня Духъ Святый не неудостоиваетъ нисходить на нихъ (воду и елей), и для моего исцѣленія и исправленія благоволитъ соединяться съ водами и елеемъ, и съ другими разными сотворенными предметами и веществами: то развѣ не стóитъ осужденія и наказанія тотъ, кто выливаетъ ихъ и попираетъ?—или тотъ, кто пренебрегаетъ и небрежно выливаетъ, и истребляетъ ихъ, какъ попало, не почитаетъ того, что ихъ осѣняла сила Божія и что надъ ними призываемо было имя Божіе, а освященною рукою было сдѣлано знаменіе креста Его? Пусть знаетъ небрежный, что онъ осужденъ будетъ и услышитъ «увѣдайте, презрители, и удивитесь; исчезните, глаголетъ Господь». Но чтобы этого не было, а напротивъ, дабы, прославляя Бога въ дарахъ Его, мы сами были воспрославлены Богомъ, котораго славитъ небо и земля, и котораго славы исполнено все, какъ воспѣваютъ Ангелы, и дабы намъ изобильно участвовать въ наградѣ за благоговѣніе и почитаніе предметовъ божественныхъ,—будемъ почитать эти вещества, какъ святыя, и обращать-

ся съ ними должнымъ образомъ, стараясь полагать ихъ въ отдѣльномъ и приличномъ мѣстѣ. Ибо *будетъ покой его честь*, говоритъ (Писаніе). Воспитывайте въ благоговѣніи и дѣтей своихъ. Церковь молится, чтобы любящіе божественное и благолѣпіе дома Божія и его принадлежностей были воспрославлены божественною силою и славою.

Клир. Такъ, святый владыко, необходимо и для насъ полезно и должно, какъ научилъ ты насъ, чтить святыя и божественныя, освященныя вещи; и весьма тяжкій грѣхъ—пренебрегать столь божественными и священными предметами!

Арх. Весьма необходимо, братъ, какъ и мы сказали, и васъ увѣщаваемъ; а посмѣяніе надъ тѣмъ, что относится къ святынѣ, есть величайшее небреженіе и тяжкая вина. Но не только объ этихъ предметахъ небрегутъ многіе, а и о благолѣпіи храма и амвона, о страшномъ жертвенникѣ, о священныхъ сосудахъ и о самыхъ, я думаю, страшныхъ Тайнахъ. Ибо, во время священнаго причащенія, многіе, безъ всякаго вниманія и должнымъ образомъ не понимая, какъ божественны (св. дары), вкушаютъ ихъ, какъ случится, безъ всякаго вниманія, оставляютъ въ священныхъ сосудахъ частицы и капли даровъ, или, безъ должнаго вниманія, вынимаютъ ихъ. Также и преждеосвященные дары, сберегаемые ради нуждъ вѣрныхъ и называе-

мые божественными запасными дарами, составляющіе, дѣйствительно, истинный, живой и единственный запасъ, они почитаютъ, или принимаютъ, или, сколько возможно, сохраняютъ, не какъ живой и требуемый запасъ, но (хотя это и страшно, однако должно сказать) попускаютъ имъ тлѣть и прикасаются къ нимъ, какъ случилось, и кладутъ ихъ, куда не должно. И у многихъ мало объ этомъ рѣчи, и едва нѣкоторые заботятся объ этомъ.

Клир. Насъ страшитъ это, владыко: что будетъ, если противъ воли случится что нибудь неожиданное?

258. О томъ, что ошибки іереевъ должны исправлять архіереи.

Арх. Если случится при этомъ что нибудь неприличное для служителя (Церкви): то это попущеніе Божіе. Но, хотя бы онъ дѣлалъ, какъ могъ, и былъ внимателенъ къ самому себѣ и остороженъ, и случилось что нибудь неожиданно,—и тогда онъ долженъ покаяться и исповѣдаться архіерею: потому что это—долгъ іереевъ, и они должны быть исправляемы архіереями. Впрочемъ, такому должно быть оказано снисхожденіе, потому что онъ не вовсе нерадѣлъ и не былъ невнимателенъ, но случившееся произошло неожиданно и вслѣдствіе наважденія. Если же это случилось по нерадѣнію, пренебреженію, вслѣдствіе недостаточнаго вниманія къ дѣлу и по совершенной безпечности, то

это—тяжкая вина, и согрѣшившій долженъ быть исправляемъ большой эпитиміею, бы хотя надлежащимъ образомъ раскаялся и искренно оплакалъ согрѣшеніе свое. Но перейдемъ теперь къ священнымъ молитвамъ, чтобы привести къ концу наши изслѣдованія.

Клир. Намъ остается еще, святый владыко, узнать объ этомъ,—узнать число и цѣль преданныхъ священныхъ молитвъ: исполни наше доброе желаніе (узнать) объ нихъ.

Арх. Хороша ваша ревность и любознательность; это—дѣло самое доброе, такъ какъ и цѣль добра; только мои-то силы недостаточны, какъ я часто говаривалъ. Рѣшаясь, изъ любви къ вамъ, на то, что выше силъ моихъ, я боюсь, что буду мудрствовать о томъ, что мнѣ не по силамъ, касаться вещей недосязаемыхъ и разсуждать о томъ, что превышаетъ мои способности. Впрочемъ, ради любви, я не замедлю отвѣтомъ на вашъ вопросъ, сколько то позволятъ мнѣ мои скудныя свѣдѣнія и мой бѣдный умъ, хотя, быть можетъ, и покажется кому-нибудь, что я говорю болѣе надлежащаго и не зная дѣла. Свято всякое дѣло, совершаемое ради любви ко Христу и братіямъ. Съ своей стороны, я умоляю всѣхъ, бесѣдующихъ объ этомъ, любовію,—принять ради любви то, что будетъ написано мною, и давать для прочтенія братіямъ, если въ написанномъ окажется что-нибудь полезнымъ и сказаннымъ согласно съ боже-

ственными Учителями Церкви; если же примѣчено будетъ что нибудь неправильное, прошу хорошо знающаго дѣло исправить. Я искренно желаю, чтобы меня поправляли, и усердно прошу объ этомъ, желая пребывать въ послушаніи у Матери нашей Церкви и у отцевъ и братій нашихъ о Христѣ. Не то, чтобы самихъ братій считали мы не имѣющими нужды въ исправленіи; мы только не хотимъ передавать имъ своего знанія, какъ совершенные,— нѣтъ; мы говоримъ ради братій, вынуждаемыхъ необходимостію къ вопросамъ, какъ имѣющіе долгъ давать отвѣты по силѣ пребывающей въ насъ, хотя и превосходящей насъ, великой благодати Духа. Отъ Церкви Христовой, по божественному избранію, мы на то и поставлены, чтобы словами Духа говорить о священныхъ постановленіяхъ и догматахъ, разсуждать о священнѣйшихъ церковныхъ чинахъ, раскрывать ихъ смыслъ и значеніе, обращающимся съ вопросами братіямъ отвѣчать отъ Писанія и увѣщавать ихъ къ спасительнымъ дѣламъ. Потому-то мы и рѣшаемся говорить объ этомъ отъ священнѣйшаго Писанія. Если же кто нибудь изъ братій, наиболѣе свѣдущихъ, сочтетъ нужнымъ поправить сказанное: то пусть исправитъ; этого мы желаемъ, смиренно и охотно покаряясь Церкви Христовой, и объ этомъ любовію умоляемъ. Итакъ, согласно съ вашимъ вопросомъ, мы скажемъ прежде всего о божественныхъ молитвахъ Церкви.

О молитвѣ, братія, надобно бы говорить много и долго: потому что она, по истинѣ, есть дѣло, преданное намъ самимъ Богомъ, и составляетъ вѣнецъ всякаго другаго. Молиться значитъ—быть въ союзѣ съ Богомъ, постоянно пребывать съ Нимъ, прилѣпляться, какъ говоритъ Давидъ, къ Богу душею, не отступая отъ Него и имѣя умъ, неотступно устремленный къ Нему. *Прилпе*, говоритъ, *душа моя по тебѣ* (Пс. 62, 9); *возжада тебе душа моя* (41, 3); *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ тебѣ, Боже* (41, 1); *возлюблю тя, Господи, крѣпосте моя* (17, 1); *душа моя въ руку твоею выну* съ Тобою (118, 109). Ради сего-то, говоритъ, *благословлю Господа на всякое время, выну хвала его во устѣхъ моихъ* (33, 2). Молящійся вступаетъ и въ общеніе съ Ангелами, возносясь къ нимъ силою любви и желанія. *Хвалите*, говоритъ, *Господа съ небесъ, хвалите его въ вышнихъ. Хвалите его вси ангели его, хвалите его вся силы его* (Пс. 148, 1. 2). Не для того, чтобы побудить ихъ къ хваленію, какъ будто-бы они не совершали хваленій, говоритъ онъ это, но чтобы восхвалить Ангеловъ за то, что они усвоили себѣ молитву, по любви къ Богу, какъ свое особенное и непрестающее дѣло;—чтобы еще сильнѣе возбудить ихъ, присоединяя къ нимъ и себя самаго, такъ какъ у нихъ молитва и

хваленіе Бога — неумолчны и непрестанны. Къ сему же добрый и ангельскій псалмопѣвецъ этотъ, Давидъ, призываетъ и всю вселенную, предуказуя, по моему мнѣнію, на спасительное Богоявленіе и на дарованное чрезъ него язычникамъ познаніе Троицы, и непрестанное Ея славословіе. *Хвалите*, говоритъ, *Господа вси языцы, похвалите его вси людіе* (Пс. 116, 1). А что у Ангеловъ пѣснь Богу немолчная, этому научаетъ Исаія, видѣвшій славу Божію и Ангеловъ, непрестанно поющихъ трисвятую пѣснь. Также—и Іезекіиль. Это—дѣло и первыхъ чиновъ, Серафимовъ и Херувимовъ. Одни изъ нихъ, по своей любви и ревности къ пѣснословію, называются огненными и пламенѣющими: это—чинъ Серафимовъ. Другіе—разливающимися, по богатству вѣдѣнія и хваленія: это—чинъ Херувимовъ. Они называются и многоочитыми, по многосторонности, тонкости и глубинѣ созерцанія, и немолчности славословія. Есть и между нами люди святые, согрѣтые и пламенѣющіе любовію къ Богу и ревностію, и сердечною молитвою, какъ сказано: *возгорѣся сердце мое во мнѣ и въ поученіи моемъ разгорится огнь* (Пс. 38, 4); или: *не сердце ли наше горя бѣ въ насъ* (Лук. 24, 12); *кто ны разлучитъ отъ любве* ко Христу (Рим. 8, 35); *духомъ горяще, Господеви работающе, въ молитвѣ пребывающе* (12, 11. 12).— И между нами многіе имѣютъ широту богопознанія и любовь къ Богу изливаютъ, какъ обильную воду, какъ сказано: *изліяся благо-*

дать во устнахъ твоихъ (Пс. 44, 3); *расширилъ еси сердце мое* (Пс. 118, 32); *проліяся милость твоя на насъ.* И между нами нѣкоторые обращаютъ очи свои всегда къ Богу, какъ сказано: *очи мои выну ко Господу* (Пс. 24, 15); *предзрѣхъ Господа предо мною выну;* и: *чистіи сердцемъ узрятъ* Господа (Матѳ. 5, 8). Есть между нами и такіе, которые подражаютъ третьему чину—чину Престоловъ. Какъ на нихъ почиваетъ Богъ (престолъ есть мѣсто покоя и сѣдалище), такъ и на тѣхъ: такъ какъ они чтятъ Бога памятованіемъ о Немъ, пѣніемъ, словами и дѣлами; а почитаніе и есть покой для Бога, по волѣ котораго они живутъ, какъ сказано: *воскресни Господи въ покой твой* (Пс. 131, 8); *престолъ твой, Боже, въ вѣкъ вѣка* (Пс. 44, 7); *таковыми благоугождается Богъ* (Евр. 13, 16). *Вселюся въ нихъ*, говоритъ Онъ, *и похожду* (2 Кор. 5, 16); *Азъ и Отецъ пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23); *не вѣсте ли, яко* Христосъ пребываетъ въ насъ (1 Кор. 3, 16; 6, 15); *тако ли несмысленни есте* (Гал. 3, 3)? Итакъ, имѣть Христа, носить Его въ сердцѣ и умѣ, непрестанно памятовать о Немъ, помышлять о Немъ и воспламеняться желаніемъ Его, какъ Серафимы, созерцать Его всегда, какъ Херувимы, и имѣть Его почивающимъ въ сердцѣ, какъ Престолы, значитъ молиться. И потому дѣло молитвы для рабовъ Христовыхъ выше всѣхъ другихъ. Всѣ другія дѣла — служебныя

и второстепенныя. Отсюда и къ прочимъ Ангеламъ, имѣющимъ наименованія божественныхъ служеній, Давидъ говоритъ: *благословите Господа вси ангели его, сильніи крѣпостію, творящіи слово его, услышати гласъ словесъ его* (Пс. 102, 20). Ибо, хотя они и пламенны, и ревностны въ исполненіи повелѣннаго имъ, и оказываютъ истинное послушаніе и смиреніе: однакожъ Давидъ говоритъ къ нимъ и это: *благословите* и: *славословите его* всегда, — не предписывая имъ, но обращаясь къ нимъ, какъ исполняющимъ непрестанно, при другихъ видахъ служенія и почитанія, и этотъ, и присоединяя къ нимъ себя и всѣхъ. Это только и относится къ Богу. Служенія—ради насъ, потому что мы въ нихъ имѣемъ нужду; Богъ же не имѣетъ нужды ни въ чемъ и, какъ Благодѣтель, только достоинъ быть воспѣваемъ; а это—дѣло пріемлющихъ благодѣянія.—За тремя высшими чинами, остальные чины имѣютъ наименованія, взятыя отъ ихъ служеній. И одни называются Силами: потому что получаютъ силы отъ Бога и высшихъ себя чиновъ, и передаютъ ихъ чинамъ низшимъ. Другіе — Властями: потому что подобнымъ образомъ находятся подъ властію Бога и первыхъ чиновъ, и сами властвуютъ надъ чинами, которые подъ ними. Иные—Господствами: потому что надъ ними господствуетъ Богъ и первѣйшіе чины, — первый по природѣ, послѣдніе по достоинству и превосходству званія; и сами они господствуютъ надъ низшими ихъ чинами. Есть также и третій, по-

средствующій чинъ, примыкающій къ послѣднему: потому что онъ возносится къ Богу, творящему Силы, Власти и Господства, и въ свою очередь умножаетъ любовь и хваленіе (въ людяхъ). Между ними, одни называются Началами: такъ какъ находятся подъ начальствомъ и управленіемъ перваго единаго Начала, начальственнѣйшей Троицы, и сами начальствуютъ надъ подчиненными имъ. Другіе—Архангелами, какъ первые провозвѣстники божественныхъ судебъ и повелѣній, и правители находящихся подъ ними. Послѣдніе изъ всѣхъ прочихъ—Ангелами, какъ посылаемые для нашего спасенія и возвѣщающіе божественныя хотѣнія. Всѣ они — Божіи служители для хотящихъ наслѣдовати спасеніе (Евр. 1, 14). Они имѣютъ притомъ и дѣло непрестанной молитвы. Поэтому, когда они служатъ нашему спасенію и являются намъ, то являются не безъ пѣсней и молитвы, возвѣщая намъ виновника нашего Бога и повелѣвая воспѣвать Его единаго. Такъ и явившійся Моисею Ангелъ сказалъ ему: *иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ* въ честь Богу (Исх. 3, 5). Слышалъ поющихъ (Ангеловъ) и Исаія, и Іезекіилъ, и Даніилъ. И пастыри, по рожденіи Христа, видѣли *множество вой ангельскихъ, хвалящихъ Бога и глаголющихъ: слава въ вышнихъ* (Лук. 2, 13. 14). А въ Апокалипсисѣ Іоаннъ слышалъ и другихъ поющихъ — двадцать четырехъ старца и закланныхъ за агнца, который есть Іисусъ Христосъ, живой Агнецъ Божій. Слышалъ онъ еще и посвящавшаго его въ

тайны откровенія Ангела, который сказалъ ему: не кланяйся мнѣ,—*клевретъ ти есмь: Богу поклонися* (Апок. 19, 10). Видишь ли, что всѣ воздаютъ честь Богу и при дѣлахъ служенія постоянно и болѣе всего возносятъ Ему пѣсни? Потому и говоритъ намъ ангельскій, серафимскій, восходившій даже до третьяго неба, богоглаголивый Павелъ: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17). И этому онъ научаетъ насъ, имѣя въ виду наставленія Владыки всего: *бдите, на всяко время молящеся* (Лук. 21, 36); *бдите убо, яко не вѣсте, въ кій часъ Господь вашъ пріидетъ* (Мато. 24, 42); *бдите и молитеся, да не внидете въ напасть* (Лук. 22, 46); *да будутъ чресла ваша препоясани и свѣтильницы горящи, и вы подобни человѣкомъ, чающимъ господа своего, когда возвратится отъ брака, да пришедшу и толкнувшу, абіе отверзутъ ему* (Лук. 12, 35. 36). Это Онъ говоритъ о внутренней молитвѣ и храненіи ума, и непрестанной молитвѣ, и присовокупляетъ: *блаженъ рабъ, егоже пришедъ Господь его обрящетъ творяща тако* (ст. 43). Замѣчаетъ и о дарахъ за бдѣніе и молитвы: *надъ всѣмъ имѣніемъ своимъ поставитъ* ихъ (—44), содѣлаетъ богами, небесными царями и сіяющими свѣтлѣе солнца, и какбы Самъ послужитъ имъ. Препояшетъ, сказано, и посадитъ ихъ, и, пришедъ, послужитъ имъ, т. е., все свое отдастъ имъ (Лук. 12, 37). Видишь ли, какія награды отъ Бога ожидаютъ трезвенно молящихся? Ихъ да сподобимся и

мя, всегда бодрствуя и непрестанно молясь, какъ научены.

259. *О спасительномъ именованіи и призываніи Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія, въ священной, по истинѣ, и боготворной молитвѣ.*

Есть весьма много молитвъ. О каждой изъ нихъ въ отдѣльности мы скажемъ, сколько позволятъ намъ силы. Но выше всѣхъ молитвъ— данная намъ въ Евангеліи Спасителемъ, вкратцѣ обнимающая всѣ евангельскія тайны и силу. Это—спасительное призываніе Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія. Надъ нею потрудились многіе изъ святыхъ нашихъ Отцевъ: и Златоустый Отецъ, преподавшій ученіе объ этой божественной молитвѣ въ трехъ словахъ, и Лѣствичникъ, и Никифоръ подвижникъ, и Діадохъ святый, епископъ фотикійскій, и св. Симеонъ, новый богословъ, и другіе, излагавшіе ученіе объ ней достойно обитавшаго въ нихъ Божественнаго Духа: такъ какъ и молитва самая произносится Духомъ Святымъ, какъ говоритъ Павелъ: *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3). Кто произноситъ ее, тотъ отъ Бога: ибо сказано: *всякъ духъ, иже исповѣдуетъ* Господа *Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога есть* (Іоан. 4, 2).

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ ИННОКЕНТІЕМЪ, АРХІЕПИСКОПОМЪ ХЕРСОНСКИМЪ И ТАВРИЧЕСКИМЪ,

2-го іюля 1856 года, при освященіи города Севастополя по оставленіи его непріятелями, послѣ молебствія по сему случаю на соборной площади.

Пророкъ изведенъ былъ нѣкогда *въ дусѣ* рукою Господнею на поле:—и *се оно полно костей человѣческихъ* (Іезек. 37, 1)! Таже всемогущая десница, какбы для большаго указанія видимаго, обвела его окрестъ всего поля и костей:—*и се многи зѣло и сухи зѣло!* Когда, пораженный ужаснымъ образомъ смерти и запустѣнія, Пророкъ недоумѣвалъ, что значитъ видѣніе и какая участь ожидаетъ видѣнныя имъ кости: то услышалъ свыше гласъ, повелѣвающій вступить въ бесѣду съ ними и возвѣстить имъ тайну предстоящаго пакибытія: *сыне человѣчь, прорцы на кости сія и речеши имъ: кости сухія, слышите слово Господне! Сія глаголетъ Адонаи Господь: се азъ введу въ васъ духъ животенъ и дамъ на васъ жилы, и возведу на васъ плоть, и простру по васъ кожу, и дамъ духъ мой въ васъ, и оживете и*

узрите, яко азъ есмь Господь! Еще Пророкъ не кончилъ своего пророчества, какъ *бысть* снова *гласъ и трусъ, и совокупляхуся кость къ кости, каждая къ составу своему, и быша имъ жилы, и плоть растяше, и восхождаше кожа верху,* только *духа не бяше въ нихъ.* Для сего послѣдняго надлежало потомъ Пророку, по повелѣнію Божію, воззвать еще къ духу отъ четырехъ вѣтровъ, и онъ воззвалъ: *пріиди душе и дуни на мертвыя сія, и оживутъ!* И пришелъ *духъ жизни въ кости, и ожиша, и сташа на ногахъ своихъ соборъ многъ зѣло....*

Символическое видѣніе сіе означало будущее изведеніе изъ плѣна народа іудейскаго, который въ это время, по слабости и безнадежію своему, подобенъ былъ мертвымъ костямъ.

И предъ нами, братія мои, теперь уже не городъ, а обширное поле съ костями и развалинами:—и се, какъ видите сами, *многи зѣло и сухи зѣло!* Но, какъ ни безжизненны и сухи кости павшихъ здѣсь защитниковъ отечества, мы—благодареніе Евангелію Христову—не имѣемъ уже никакой нужды дѣлать вопроса, слышаннаго Пророкомъ: *оживутъ ли кости сія?* Оживутъ въ свое время, оживутъ непремѣнно: ибо *грядетъ часъ, егда вси, сущіи во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. 5, 28).

Тогда на святѣй горѣ Сіонской явятся въ *ризахъ бѣлыхъ* (Апок. 7, 13), какъ побѣдители смерти силою креста Христова, и наши мужественные защитники, коихъ костями усѣяны теперь всѣ окрестности града сего,—явятся и пріимутъ сторицею мзду за свое самоотверженіе: ибо, по словамъ Спасителя, нѣтъ больше любви, *да кто душу свою положитъ за други своя,* какъ сдѣ-

лано ими. Сія мысль или, лучше сказать, сія вѣра и св. истина утѣшают теперь насъ, кои иначе не могли бы воззрѣть безъ горькихъ слезъ на это ужасное поле костей человѣческихъ: онѣ же да служатъ въ утѣшеніе и всѣмъ тѣмъ, коихъ присные и други пожаты здѣсь рукою смерти. Мнѣ кажется, я слышу, какъ говорятъ они ко мнѣ теперь изъ могилъ своихъ: «служитель Бога, обладающаго живыми и мертвыми, возвѣсти и скажи сродникамъ и друзьямъ нашимъ на земли, чтобы они не сѣтовали о насъ безотрадно, а молились усердно: мы живы — жизнію лучшею, чѣмъ на земли, и увидимся съ ними нѣкогда. Скажи, что мы окрестились, въ очищеніе грѣховъ и недостатковъ нашихъ, собственною кровію своею; да крестятся для того же и они своими слезами, дабы и имъ и намъ совокупиться нѣкогда на вѣки въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца небеснаго».

Что сказать симъ развалинамъ? Тутъ невольно вопросишь: *оживутъ ли кости сія?* Поднимутся ли изъ праха эти, такъ ужасающія самымъ видомъ своимъ, развалины?.... Но, къ утѣшенію нашему, мы можемъ и на сей вопросъ отвѣчать утвердительно. Почему можемъ? Уже потому, что рука Господня, отличившая мѣсто сіе на всемъ земномъ шарѣ такимъ рѣдкимъ удобствомъ пристанища воднаго, не могла предназначить града сего къ столь непродолжительному существованію, какъ было его. Можемъ и по тому соображенію, что Россія, возлюбленное отечество наше, не подвиглась бы съ такимъ единодушіемъ изъ края въ край на защиту такого мѣста, которое впослѣдствіи не было бы нужно для ея благосостоянія; можемъ, наконецъ, потому, что Августѣйшій Монархъ,

Коего сердце въ руцѣ Божіей, изрекъ уже касательно судьбы града сего Свое державное: *да будетъ!*

Итакъ, кости сухія — развалины мертвыя, слышите и вы слово Господне! И вамъ предстоитъ возстать изъ праха, въ который повергла васъ сокрушительная рука брани. И къ вамъ, какъ на поле, видѣнное Пророкомъ, пріидетъ оживляющій духъ отъ четырехъ вѣтровъ, то есть, отъ востока и запада, отъ сѣвера и юга. Какъ многіе народы должны были совокупиться на раззореніе ваше: такъ еще множайшіе возъимѣютъ участіе въ возсозданіи вашемъ, принося вамъ для сего, посредствомъ купли и продажи, обильную дань отъ избытковъ, даже отъ самыхъ нуждъ и недостатковъ своихъ. Да, братія мои, Севастополю, за его терпѣніе и безпримѣрный подвигъ, предлежитъ не одна слава: онъ прославился уже на весь свѣтъ ужаснымъ громомъ брани, но долженъ прославиться еще всюду и благословенными плодами мира.

Одно при семъ желаніе и едина молитва ко Господу, чтобы новый, имѣющій пріити отъ четырехъ вѣтровъ и оживить сіи развалины духъ былъ не духомъ міра, который, и созидая что либо, постоянно носитъ въ себѣ сѣмена разрушенія для созидаемаго, а духомъ Божіимъ, чистымъ и святымъ, который, среди самаго разрушенія, попускаемаго имъ иногда за грѣхи человѣческіе, всегда полагаетъ основаніе къ будущему возсозданію разрушаемаго.

Но это, послѣ милости Божіей, будетъ зависѣть и отъ тебя, возсозидаемый теперь градъ! Ибо самъ Господь таковъ къ намъ, каковы мы къ Нему: любитъ и благословляетъ любящихъ Его, казнитъ и отребляетъ не исполняющихъ заповѣдей Его. Посему, воздыхая о

скорѣйшемъ исправленіи развалинъ вещественныхъ, первѣе всего потщимся исправить развалины душевныя. Тогда никакое зло и разрушеніе не приближится къ тебѣ; тогда будетъ, аки рѣка, миръ твой и, аки море, благоденствіе твое; тогда богатство близкихъ и дальнихъ странъ пріидетъ къ тебѣ, и сама слава Господня возсіяетъ на тебѣ.

Съ сими благожеланіями и совѣтами снова осѣняемъ всѣ стогны и концы твои, Севастополь, животворящимъ крестомъ Господнимъ, и снова воскропляемъ на развалины твои воду живу и оживляющую! *Да рекутъ* при семъ, въ духѣ вѣры и молитвы, *вси людіе: буди, буди!* Аминь.

СОСТОЯНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ СО ВРЕМЕНИ ИЗБРАНІЯ МИТРОПОЛИТА КЛИМЕНТА ДО МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА II.

III.

БОГОСЛУЖЕНІЕ.

Кромѣ храмовъ Божіихъ, построенныхъ въ монастыряхъ, о которыхъ мы уже говорили, много и другихъ храмовъ воздвигнуто тогда въ нашемъ отечествѣ. Всего болѣе явилось ихъ въ странѣ суздальской, потомъ въ Новгородѣ и его области, а сравнительно менѣе, по крайней мѣрѣ, замѣчено лѣтописями, въ прочихъ городахъ Россіи.

Еще Юрій Долгорукій, бывши удѣльнымъ княземъ земли суздальской, построилъ въ ней (ок. 1152 г.) «церкви многы» и въ числѣ ихъ каменныя: св. Спаса въ Суздалѣ, св. Георгія во Владимірѣ, св. Георгія въ Юрьевѣ Повольскомъ и св. Спаса въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Послѣднюю докончилъ уже сынъ Долгорукаго Андрей ([139]). Самъ Андрей Боголюбскій, сдѣлавшись великимъ княземъ владимірскимъ и суздальскимъ,

---

([139]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 149; II, 82; IV, 8; Степ. Кн. 1, 251; *Карамз.* II, 276, изд. 2.

создалъ въ своемъ княженіи также «церкви многы каменны»: первое мѣсто въ ряду ихъ занималъ великолѣпный по времени и богатѣйшій каѳедральный владимірскій соборъ во имя Успенія Пресв. Богородицы (1158—1160), который, хотя съ значительными измѣненіями, сохранился донынѣ, и потомъ церковь Положенія Ризы Богоматери на золотыхъ воротахъ (1164), которыя, по примѣру древлепрестольнаго Кіева, вел. князь соорудилъ въ своей новой столицѣ ([140]). «Многы церкви» создалъ и братъ Боголюбскаго, вел. князь владимірскій Всеволодъ III: лучшая изъ нихъ, которую онъ воздвигъ (между 1191—1197 г.) на своемъ княжемъ дворѣ во имя своего Ангела—великомученика Димитрія Солунскаго, стоитъ донынѣ и служитъ однимъ изъ наиболѣе уцѣлѣвшихъ памятниковъ нашей церковной старины. Кромѣ того, Всеволодъ не только обновилъ, но распространилъ пристройкою съ трехъ сторонъ другихъ стѣнъ и открытіемъ боковыхъ придѣловъ владимірскій Успенскій соборъ послѣ пожара, постигшаго соборъ въ 1185 г. ([141]). «Многы церкви» создалъ и сынъ Всеволода Константинъ, князь ростовскій и потомъ вел. князь владимірскій; между прочимъ: а) церковь св. Михаила во Владимірѣ на дворѣ своемъ (1207 г.); б) церковь Успенія Пресв. Богородицы въ Ростовѣ каменную, соборную, которую за-

---

([140]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 149—150. 156; II, 81. 88. 112. Построеніе ризположенской церкви на золотыхъ воротахъ, равно какъ и многихъ другихъ церквей, приписывается Андрею Боголюбскому въ надписи, какая положена была на гробѣ его еще въ началѣ XIII в. владимірскимъ соборнымъ духовенствомъ (*Доброхотъ.* Древн. Боголюб. городъ, стр. 88—89, М. 1852).

([141]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 165. 171. 184.

ложилъ въ 1213 г. на мѣстѣ прежней, обвалившейся, и которая, потерпѣвъ впродолженіе вѣковъ многія перемѣны, существуетъ еще нынѣ; в) церковь св. мученикъ Бориса и Глѣба каменную въ Ростовѣ на княжемъ дворѣ (1214); г) церковь Успенія Пресв. Богородицы каменную въ Ярославлѣ на княжемъ дворѣ (1215); д) церковь Воздвиженія честнаго креста каменную во Владимірѣ на торговищѣ (1218) ([142]). «Многы церкви» создалъ и братъ Константина, великій князь владимірскій Георгій Всеволодовичъ; въ числѣ ихъ каменныя: церковь Рождества Пресв. Богородицы въ Суздалѣ соборную (1222—1225) и церковь св. Спаса въ Нижнемъ Новгородѣ ([143]). Другой братъ Константина, Святославъ Всеволодовичъ, соорудилъ каменный соборный храмъ св. Георгія въ Юрьевѣ Повольскомъ, на мѣстѣ созданнаго Юріемъ Долгорукимъ, существующій донынѣ (1233) ([144]). Вообще, чтобы составить приблизительное понятіе о количествѣ церквей, существовавшихъ тогда въ разныхъ городахъ страны суздальской, довольно снести замѣтки лѣтописей о церквахъ погорѣвшихъ. Такъ, во Владимірѣ на Клязьмѣ погорѣло церквей: въ 1185 г.—32, въ 1193 г.—14, въ 1199 г.—16, въ 1227 г.—27; въ Ростовѣ, въ 1211 г.—15; въ Ярославлѣ, въ 1221 г.—17 ([145]).

Тогда какъ въ предѣлахъ княжества владимірскаго церкви устроялись преимущественно князьями, въ Новгородѣ и его области созидателями храмовъ были не

([142]) Тамъ же I, 183. 185. 186. 187. 191.
([143]) Тамъ же I, 189. 190. 193. 199. 200.
([144]) Тамъ же I, 193. 196.
([145]) Тамъ же I, 165. 172. 175. 184. 189. 191.

столько князья, сколько архипастыри, а еще болѣе простые міряне. Изъ князей новгородскихъ лѣтописи именуютъ только Святослава, построившаго въ 1165 г. деревянную церковь св. Николая на городищѣ, и Ярослава, который въ 1191 г. построилъ другую деревянную церковь св. Николая на томъ же городищѣ, вѣроятно, по сгорѣніи первой ([146]). Изъ числа новгородскихъ владыкъ—Нифонтъ воздвигъ каменную церковь св. Климента въ Ладогѣ (1153); Илія съ братомъ своимъ Гавріиломъ—каменную церковь св. Іоанна на торговой сторонѣ въ Новгородѣ (1184); тотъ же Гавріилъ —еще двѣ церкви деревянныя: во имя трехъ св. отроковъ и пророка Даніила на Жатунѣ въ Новгородѣ (1189), и Срѣтенія Господня на собственномъ дворѣ (1191); наконецъ, Мартирій—каменную церковь на городскихъ воротахъ въ честь Положенія Ризы Пресв. Богородицы (1195) ([147]). Изъ міранъ—какіе-то Шетеничи построили въ Новгородѣ церковь Пресв. Троицы (1165); Сотко Сытиничъ — церковь св. муч. Бориса и

([146]) Поли. Собр. Р. Лѣт. III, 13. 20.

([147]) Тамъ же III, 11—12. 18. 20. 22. 23. Третья новгор. лѣтопись говоритъ, будто въ 1153 г. Нифонтъ заложилъ церковь св. Климента въ Новгородѣ на торговой сторонѣ (—III, 214), тогда какъ по первой, древнѣйшей новгор. лѣтописи, въ этомъ году Нифонтъ заложилъ церковь св. Климента именно въ Ладогѣ (—III, 11—12). Въ рукописномъ житіи св. Іоанна новгородскаго читаемъ, что онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Гавріиломъ «въ великомъ Новѣградѣ церкви созда: 1) Благовѣщеніе Святыя Богородицы і украсиста ю чюдно и сотвориста монастырь во спасеніе инокомъ и всѣмъ християномъ; 2) святое Богоявленіе; 3) святаго пророка Иліи; 4) преподобнаго Ѳеодора игумена студійскаго; 5) святыхъ тріехъ отрокъ, Ананія, Азарія, Мисаила, и святаго пророка Даніила; 6) святаго праведнаго Лазаря четверодневнаго; 7) святаго архіерея Николы» (Сборн. моей библ. № 14, л. 6 об.). Откуда заимствованы эти показанія, неизвѣстно.

Глѣба каменную (1167—1173); Михаилъ Степановичъ —церковь св. Михаила, а Моусей Доманѣжецъ—Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, на Чюдинцовой улицѣ (1176); Радько или Родка съ братомъ—церковь св. Ипатія на Рогатой улицѣ (1183); Милонѣгъ тысяцкій —св. Вознесенія на Прусской улицѣ, каменную (1185 —1191); Незднничъ—церковь Нерукотвореннаго Образа, а Константинъ съ братомъ—св. Пятницы на торговой сторонѣ (1191); Еревша или Арефа—церковь св. пророка Иліи на холмѣ во Славнѣ, каменную (1198—1202); Вячеславъ Прокшиничъ, внукъ Малышевъ,—церковь св. сорока Мучениковъ, каменную (1199—1211); Твердиславъ съ Ѳеодоромъ—церковь св. Михаила каменную (1219—1224) ([148]). Между тѣмъ, многія другія церкви построены въ Новгородѣ неизвѣстными лицами. Напримѣръ: въ 1151 г.—двѣ: св. Василія и св. Константина и Елены; въ 1170 г.—одна, каменная, св. Іакова въ Неревскомъ концѣ; въ 1181 г.—пять деревянныхъ; въ 1195 г. —три деревянныхъ, и пр. и пр. ([149]). Во время пожаровъ, опустошавшихъ Новгородъ, не разъ страдали и церкви: въ 1152 г. сгорѣло въ немъ восемь церквей, въ 1175 — три церкви, въ 1177 г.—пять церквей, въ 1181 г.—три церкви, въ 1194 г.—десять церквей, въ 1211 г. — пятнадцать и въ 1217 г. еще пятнадцать церквей ([150]).

Что касается другихъ городовъ, то, по сказанію лѣтописей, церкви построены были: а) въ Кіевѣ — св.

([148]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 13. 14. 16. 18. 19. 20. 24. 25. 26. 30. 31. 37. 41. 126. 127.

([149]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 11. 15. 18. 22. 42. 49.

([150]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 11. 16. 17. 18. 21. 22. 26. 31. 35.

Василія княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ на Великомъ дворѣ (1183), и другая св. Василія княземъ Рюрикомъ на Новомъ дворѣ (1197); б) въ Черниговѣ — св. Михаила княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ на княжемъ дворѣ (1174) и св. Благовѣщенія тѣмъ же княземъ (1186); в) въ Бѣлгородѣ—св. Апостолъ княземъ Рюрикомъ (1197); г) въ Смоленскѣ — св. Іоанна княземъ Романомъ Ростиславичемъ (1180) и св. архангела Михаила княземъ Давидомъ Ростиславичемъ (ок. 1197) ([151]).

Судя по каменнымъ церквамъ, сохранившимся, болѣе или менѣе, до настоящаго времени (каковы: спасская близъ Полоцка; успенская и дмитріевская во Владимірѣ на Клязьмѣ, покровская въ бывшемъ Боголюбовѣ, спасская въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, борисоглѣбская въ мѣстечкѣ Кидекши, георгіевская въ Старой Ладогѣ, новгородскія—петропавловская на Синичей горѣ, архангела Михаила на Прусской улицѣ, пророка Иліи и др.), архитектура нашихъ храмовъ во второй половинѣ XII и въ первой XIII вѣка оставалась таже самая, какая была и въ XI. На сооруженіе церквей употреблялся простой и частію обтесанный камень — плитнякъ и булыжникъ, а по мѣстамъ и кирпичъ, и все это заливалось чрезвычайно вязкою известью, смѣшанною съ мелко-набитымъ камнемъ. Нѣкоторыя изъ владимірскихъ церквей: дмитріевскій соборъ, покровская—боголюбская и другія построены были изъ бѣлаго мягкаго камня, вывезеннаго изъ Болгаріи по завоеваніи ея Боголюбскимъ. Связи въ церквахъ кла-

---

([151]) П. Собр. Р. Лѣт. II, 106. 123. 128. 134. 151. 152.

лись деревянныя, а не желѣзныя. Толстота стѣнъ простиралась отъ полутора до двухъ съ половиною аршинъ. Видъ церквей большею частію квадратный, а иногда столпообразный. Вообще онѣ малы, тѣсны, не высоки и темны: потому что освѣщаются небольшимъ количествомъ узкихъ, продолговатыхъ оконъ, на подобіе щелей. Наружныя стѣны многихъ храмовъ обстановлены колоннами и полуколоннами съ рѣзными вѣточными капителями и по срединѣ пересѣкаются поясомъ. Алтарь состоитъ изъ трехъ полукружій: собственно алтаря, жертвенника и діаконика, раздѣленныхъ между собою стѣнами. Главный куполъ церкви утверждается на четырехъ столпахъ, которые стоятъ по срединѣ церкви и даютъ ей видъ крестообразный. Вдоль западной стѣны на аркахъ помѣщаются хоры или палати. Иногда при церквахъ устроялись придѣлы съ особыми престолами, иногда такіе придѣлы устроялись и на хорахъ. У большей части церквей было по одному куполу или главѣ, а у нѣкоторыхъ по пяти: самый великолѣпный изъ тогдашнихъ храмовъ—успенскій владимірскій, построенный Андреемъ Боголюбскимъ, имѣлъ сначала одну главу; но послѣ пожара въ 1185 г., когда къ этому собору, по волѣ вел. князя Всеволода, сдѣланы были придѣлы, на немъ явилось пять главъ. Куполъ увѣнчивался крестомъ, вверху котораго утверждался иногда металлическій голубь—въ знаменованіе Духа Святаго, осѣняющаго церковь, а внизу двурогая луна — въ знаменіе побѣды христіанства надъ язычествомъ и магометанствомъ. Церкви крылись свинцомъ, оловомъ, а иногда и позлащались: такъ Нифонтъ, епископъ новгородскій, «поби св. Софію свинцемъ» (1151); ростовскій епископъ Іоаннъ покрылъ суздальскій соборъ

«оловомъ отъ верху до комаръ и до притворовъ»; владимірскій Успенскій соборъ и Рождественская церковь въ Боголюбовѣ позлащены были Боголюбскимъ и назывались златоверхими ([152]). О художникахъ, строившихъ наши церкви, въ лѣтописяхъ находимъ только два краткихъ извѣстія. Первое—то, что, когда Андрей Боголюбскій рѣшился создать соборную владимірскую церковь Богоматери, по вѣрѣ его «приведе ему Богъ изъ *всѣхъ* земель (или, какъ въ другихъ спискахъ, изъ *многихъ* земель) мастеры»: во всякомъ случаѣ это значитъ, что мастера были не русскіе, а иноземные, и не изъ одной Греціи, откуда они издавна приходили къ намъ, но, вѣроятно, изъ Германіи. Второе извѣстіе еще болѣе заставляетъ предполагать, что обыкновенными строителями церквей были у насъ тогда Нѣмцы: лѣтописецъ считаетъ подобнымъ чуду то, что ростовскій епископъ Іоаннъ, обновляя суздальскую соборную церковь Богоматери, не искалъ «мастеровъ отъ Нѣмецъ», но нашелъ «мастеры отъ клевретъ св. Богородицы и отъ своихъ», изъ которыхъ одни лили олово, другіе крыли церковь,

---

([152]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 150. 173; II, 111. 112; III, 11. 19. 21. 25. 41. 219; Историческія свѣдѣнія о жизни преп. Евфросиніи полоцкой, стр. 7, С.-пб. 1841; Истор. Росс. Іерарх. IV, 136—139; *Доброхотов.* Памятн. древности во Владимірѣ клязенскомъ, стр. 3—9 и 140—149, Москв. 1849; *Доброхот.* Древній Боголюбовъ городъ и монастырь, стр. 17—21. 71—80, Москв. 1852. Длина покровской церкви въ Боголюбовѣ—16½ аршинъ, ширина 11½ аршинъ, высота 10 сажень и 2 аршина. Въ Новгородѣ Петропавловская церковь на Синичей горѣ въ длину 21 арш., въ ширину 7 арш; Михайловская на Прусской улицѣ въ длину 13½ арш., въ ширину 7 арш. и 13½ вершковъ. Георгіевская церковь въ Старой Ладогѣ въ длину 6 сажень, въ ширину около 3. Голубь на крестѣ у средней главы доселѣ остается въ новгородскомъ софійскомъ и владимірскомъ димитріевскомъ соборахъ.

третьи бѣлили ее известію. Такъ рѣдки, слѣдовательно, были мастеры изъ русскихъ! Изъ нихъ извѣстенъ по имени одинъ — Петръ Милонѣгъ, который въ 1199 г. соорудилъ каменную стѣну въ Кіевѣ вокругъ выдубицкаго монастыря; впрочемъ, строилъ ли Милонѣгъ и церкви, сказать не можемъ ([153]). Строители нашихъ церквей не отличались большимъ искусствомъ, судя потому, что нѣкоторыя изъ нихъ скоро обваливались и разрушались ([154]). Постройка церквей происходила иногда очень быстро: деревянныя воздвигались въ нѣсколько дней, а каменныя — въ три, четыре мѣсяца, хотя бывали случаи, когда сооруженіе послѣднихъ продолжалось отъ двухъ до шести лѣтъ и болѣе ([155]).

Многіе каменные храмы были украшаемы тогдашнею

([153]) П. Соб. Р. Лѣт. I, 150. 173; II, 153. Въ новгор. лѣтописи упоминается еще какой-то Милонѣгъ, бывшій тысяцкимъ, который въ 1185—1191 г. создалъ церковь Вознесенія Господня; но былъ ли онъ самъ художникъ, или только соорудилъ церковь на свое иждивеніе, и одно ли это лице съ Петромъ Милонѣгомъ, не видно (III, 19. 20).

([154]) Такъ обрушились: соборная церковь въ Ростовѣ, соборная въ Суздалѣ и церковь св. Георгія въ Юрьевѣ (П. Собр. Р. Лѣт. I, 185. 189. 193).

([155]) Напримѣръ, въ 1219 г. построена въ Новгородѣ церковь св. трехъ отроковъ въ четыре дня, разумѣется, деревянная. А изъ каменныхъ — церковь Благовѣщенія въ Новгородѣ заложена 21-го мая, окончена 25-го августа 1179 г.; церковь св. Кирилла тамъ же начата въ апрѣлѣ, окончена 8-го іюля 1196 г.; церковь Преображенія тамъ же начата 8-го іюня, окончена въ сентябрѣ 1198 г.; церковь Преображенія въ Русѣ начата 21 мая, кончена 31-го іюля того же года (П. Собр. Р. Лѣт. III, 17. 23. 24. 37). Владимірскій соборъ Боголюбскаго строился два года (1158—1160); церковь св. Бориса и Глѣба въ Ростовѣ строилась четыре года (1214—1218); церковь тѣхъ же св. Мученикъ въ Новгородѣ—шесть лѣтъ (1167—1173); церковь Вознесенія тамъ же—шесть лѣтъ (1185—1191); церковь архангела Михаила тамъ же—около двѣнадцати лѣтъ (—I, 1. 149. 150. 185. 187; III, 14. 16. 19. 20. 37. 41).

стѣнною иконописью, т. е., по сырому грунту—al-fresco. Такъ расписаны были: соборъ ростовскій епископомъ Лукою (1187), дмитріевскій во Владимірѣ — вел. княземъ Всеволодомъ (ок. 1197), суздальскій—епископомъ Митрофаномъ (1230); въ Новгородѣ—церкви: благовѣщенская (1189), ризположенская на городскихъ воротахъ—архіепископомъ Мартиріемъ (1196), преображенская (1199), сорока Мучениковъ—Вячеславомъ, внукомъ Малышевымъ (1227), въ Старой Русѣ—спасская (1199), въ Старой Ладогѣ—георгіевская, близъ Полоцка—спасская. Три изъ этихъ церквей доселѣ сохранили на стѣнахъ своихъ древнія изображенія. Именно: а) церковь спасская близъ Полоцка: она вся расписана священными ликами альфреско; б) церковь георгіевская въ Ладогѣ: здѣсь замѣчательны изображенія св. Аверкія и святителя Николая; в) соборъ дмитріевскій владимірскій: тутъ недавно открыты фрески только подъ сводами хоровъ, представляющія Божію Матерь, Ангеловъ, ветхозавѣтныхъ праотцевъ—Авраама, Исаака и Іакова, двѣнадцать Апостоловъ и проч. Изъ иконописцевъ того времени упоминается только какой-то Грьцинъ (мірское имя) Петровичъ, расписавшій (1196) ризположенскую церковь въ Новгородѣ. Очень вѣроятно, что въ расписаніи спасской церкви близъ Полоцка участвовали и русскіе иконописцы, судя по сохранившимся русскимъ надписямъ. Нѣкоторые храмы, напримѣръ, дмитріевскій во Владимірѣ, покровскій въ Боголюбовѣ, георгіевскій въ Юрьевѣ Повольскомъ, построенные изъ бѣлаго, мягкаго камня, вывезеннаго изъ Болгаріи, украшены были еще, какъ внутри, такъ особенно снаружи, разными рѣзными изображеніями по стѣнамъ. Съ наружной стороны дмитріевскаго собора, отъ половины

до самаго верха, нѣтъ камня, на которомъ не было бы нарѣзано изображеній Ангеловъ, людей, львовъ, вообще звѣрей, птицъ, грифоновъ и разныхъ іероглифическихъ животныхъ. По другимъ мѣстамъ видны рѣзныя изображенія благословляющаго Вседержителя, Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, многихъ Святыхъ и въ числѣ ихъ равноапостольнаго князя Владиміра. Такія же каменныя изображенія, хотя въ меньшемъ количествѣ, но болѣе выпуклыя, доселѣ видны на наружныхъ стѣнахъ покровской церкви и георгіевскаго собора въ Юрьевѣ Повольскомъ. Внутри пе́рвыхъ двухъ храмовъ, равно какъ успенскаго владимірскаго собора, сохранились только на столбахъ рѣзныя изображенія львовъ, можетъ быть, служившія символами бывшаго здѣсь великаго княженія ([156]).

Нѣкоторыя церкви отличались необыкновеннымъ богатствомъ украшеній и утвари, такъ что составляли предметъ удивленія для современниковъ. Успенскій владимірскій соборъ, построенный Боголюбскимъ, блисталъ весь золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Амвонъ и трое дверей церковныхъ обиты были золотомъ и серебромъ. Иконы были обложены золотомъ, жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями. Многочисленныя паникадила и подсвѣчники были серебряные и золотые. Служебные сосуды, рипиды, три ковчега для храненія св. даровъ были вылиты изъ

([156]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 171. 184. 196; III, 20. 23. 25. 42; *Сахаров.* Изслѣд. о русск. иконописаніи кн. II, стр. 45—49, С.-пб. 1849; *Доброхотов.* Памятн. древности во Владимірѣ клязем. 140—148; Древн. Боголюбовъ городъ и монастырь, 19. 20. 74. Объ имени *Грѣцинъ* см. выше примѣч. 111.

чистаго золота и украшены многоцѣнными камнями. Подобнымъ же образомъ описываетъ лѣтописецъ и Рождество-Богородицкую церковь, созданную Боголюбскимъ въ Боголюбовѣ: мало того, что въ ней были золотые сосуды, рипиды и прочая утварь, многоцѣнныя иконы, обдѣланныя крупнымъ жемчугомъ и другими дорогими камнями, двери, обитыя золотомъ,—она вся отъ верху до низу, по стѣнамъ и по столбамъ, окована была золотомъ. О позлащеніи куполовъ и главъ на обѣихъ этихъ церквахъ мы замѣчали. Ростовскій епископъ Кириллъ, по словамъ очевидца, украсилъ (1231) ростовскую соборную церковь такими многоцѣнными иконами, что нельзя и описать; онъ устроилъ въ ней два многоцѣнныхъ кивота, многоцѣнную одежду на престолъ, сосуды, рипиды и множество другой утвари, сдѣлалъ прекрасныя церковныя врата съ полуденной стороны, которыя назывались золотыми; внесъ въ церковь честные кресты и многія мощи Святыхъ въ прекрасныхъ ракахъ. Жители окрестныхъ мѣстъ нарочито стекались въ Ростовъ, чтобы подивиться на эту чудную, благоукрашенную церковь ([157]).

Замѣчательнѣйшія иконы, дошедшія до насъ отъ того времени, кромѣ иконы владимірской Богоматери, принесенной въ Россію еще прежде и перенесенной Боголюбскимъ изъ Вышгорода во Владиміръ, суть: 1) икона Божіей Матери, такъ называемая ефесская: по преданію, она писана св. евангелистомъ Лукою и на-

---

([157]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 150. 165. 195; II, 111—112. О владимірской иконѣ Богоматери лѣтопись замѣчаетъ, что Боголюбскій «вкова въ ню болѣ тридесять гривенъ золота, кромѣ серебра и каменья драгаго и женчюга» (—I, 148; II, 78).

ходилась въ Ефесѣ; но, по просьбѣ преп. Евфросиніи, княжны полоцкой, бывшей въ родствѣ съ греческимъ Дворомъ, прислана ей отъ императора Мануила, за благословеніемъ патріарха Луки Хрисоверга. Первоначально икона поставлена была въ Спасской обители преп. Евфросиніи: но впослѣдствіи, по случаю брака благовѣрнаго князя Александра Невскаго съ дочерью полоцкаго князя Брячислава, перенесена въ торопецкій соборный храмъ, гдѣ бракъ совершался (1239), и тамъ остается донынѣ ([158]). 2) Икона Божіей Матери Боголюбской или Боголюбимой: та самая, которая написана по повелѣнію вел. князя Андрея Боголюбскаго, вслѣдствіе явленія ему Богоматери, и поставлена имъ въ рождественскомъ Боголюбовомъ монастырѣ, гдѣ пребываетъ доселѣ. 3) Икона Покрова Пресв. Богородицы, по преданію, написанная также во дни Боголюбскаго для другой, основанной имъ, обители—Покровской: съ 1764 года, когда послѣдняя обитель упразднена, икона эта находится въ рождественскомъ Боголюбовѣ монастырѣ ([159]). 4) Икона Всемилостиваго Спаса: одна изъ тѣхъ, которыя носимы были при войскѣ Боголюбскаго въ 1164 г., когда онъ одержалъ знаменитую побѣду надъ Болгарами. Нынѣ она помѣщена въ нижнемъ ярусѣ главнаго иконостаса московскаго Успенскаго собора, между алтарными сѣверными и входными въ петропавловскій придѣлъ дверьми. Нель-

---

([158]) *М. Евген.* Истор. Княжества Псков., ч. IV, Кіевъ, 1831. Въ торопецкомъ соборѣ сохранился письменный актъ о перенесеніи этой иконы изъ Полоцка въ Торопецъ (Историч. свѣд. о жизни преп. Евфросиніи, княжны полоцкой, стр. 10—12, С.-пб. 1841).

([159]) *Доброхот.* Древн. Боголюб. городъ и монастырь, стр. 22—23 и 105.

зя не остановиться на томъ, что сложеніе перстовъ у благословляющаго Спасителя здѣсь именословное ([160]). 5) Икона Знаменія Божіей Матери, находящаяся въ новгородскомъ Знаменскомъ монастырѣ. Въ первый разъ она прославлена въ 1169 г., по случаю нападенія на Новгородъ безчисленной рати Боголюбскаго. Не надѣясь на собственныя силы, Новгородцы спѣшили только огородить свой городъ острогомъ и пламенно молились Господу и Его Пречистой Матери о помощи. На третью ночь архіепископъ Іоаннъ во время молитвы услышалъ голосъ, который повелѣвалъ идти въ церковь св. Спаса на Ильиной улицѣ, взять оттуда икону Богородицы и вынести на городскую ограду. Архіепископъ съ наступленіемъ дня послалъ было за иконою одного діакона съ клирошанами: но икона не подвиглась съ мѣста. Потомъ отправился за нею самъ со всѣмъ соборомъ, и, послѣ всенароднаго молебствія, икона подвиглась съ мѣста и была торжественно изнесена на городскую ограду. Въ это время Суздальцы приступали уже къ Новгороду и пустили на него цѣлую тучу стрѣлъ. Икона чудесно обратилась лицемъ на народъ, и архіепископъ увидѣлъ текшія изъ очей Богоматери слезы, которыя всѣ приняли за *знаменіе* Ея небесной милости. Дѣйствительно, на Суздальцевъ напалъ внезапный страхъ и слѣпота, они начали биться между собою, и Новгородцы, вышедъ изъ-за ограды,

---

([160]) На иконѣ есть нѣсколько славянскихъ надписей. Одна изъ нихъ на краю нижняго поля говоритъ, что эта икона находилась въ 1164 г. при войскѣ Андрея Боголюбскаго въ сраженіи противъ Болгаръ и что князь «съ воинствомъ его видѣша отъ сего образа лучи огненны, и весь полкъ покры».

стремительно ударили на нихъ, однихъ истребили, другихъ прогнали, третьихъ взяли въ плѣнъ. Съ того времени икона прославилась и другими чудесами ([161]). 6) Икона св. великомученика Димитрія солунскаго: эта икона писана на гробовой доскѣ св. Великомученика и принесена изъ Солуня во Владиміръ клязем̃скій въ 1197 г. по желанію вел. князя Всеволода-Димитрія, который и поставилъ ее въ созданной имъ на княжемъ дворѣ Димитріевской церкви. Въ 1380 г. великій князь Димитрій Іоанновичъ Донской перенесъ икону эту въ Москву, гдѣ она остается и нынѣ въ Успенскомъ соборѣ ([162]). 7) Икона святителя Николая Зарайская, находящаяся въ городѣ Зарайскѣ, въ соборномъ Николаевскомъ храмѣ. Прежде она находилась въ Корсунѣ, въ церкви св. Іакова, въ которой крестился св. равноапостольный князь Владиміръ. Потомъ въ 1224 г. одинъ корсунскій священникъ, по имени Евстафій, повинуясь гласу не однократно являвшагося ему святителя Николая, взялъ эту икону и отправился, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, въ землю рязанскую. Идя для безопасности отъ Половцевъ водянымъ путемъ, соединявшимъ тогда Черное море съ Балтійскимъ, Евстафій сначала прибылъ въ Ригу, оттуда въ Новгородъ и изъ Новгорода достигъ земли рязанской, неся съ собою честную икону. Здѣсь встрѣтили ее въ городѣ Зарай-

---

([161]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 15. 215; IV, 12. Подробнѣе—V, 9—10. Отдѣльная повѣсть объ этомъ событіи встрѣчается въ рукописяхъ XV и XVI в. (новгор. Соф. библ. въ 4-ку, № 8, л. 1—5; Сборн. моей библ. № 2, л. 188; № 14, л. 100) и въ печати (Временникъ Моск. Истор. Общ. кн. XVI, отд. III, стр. 26—28).

([162]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 174; Никон. Лѣт. II, 313; Степ. кн. I, 290; *Снегирев*. о соборѣ Успенск. въ Памяти. Москов. Древн. стр. 12.

скѣ самъ князь рязанскій Ѳеодоръ Юрьевичъ и епископъ Евфросинъ Святогорецъ, и, видя многочисленныя чудеса отъ иконы, создали во имя чудотворца Николая храмъ, гдѣ первоначально она и была поставлена ([163]).
8) Икона Божіей Матери Ѳеодоровская: она явилась въ 1239 г. костромскому князю Василію Квашнѣ. Августа 16, выѣхавъ, по обычаю, на ловлю изъ города, князь увидѣлъ эту икону на сосновомъ деревѣ и хотѣлъ взять, но не могъ. Немедленно поспѣшилъ онъ въ городъ, разсказалъ тамъ о случившемся и съ соборомъ духовенства, при великомъ стеченіи народа, возвратился на мѣсто, гдѣ явилась икона. Она торжественно была перенесена въ Кострому и поставлена въ соборной церкви св. великомученика Ѳеодора Стратилата. Тогда многіе изъ народа начали говорить, что они видѣли, какъ эту самую икону переносилъ вчера черезъ городъ какой-то воинъ, похожій видомъ на Ѳеодора Стратилата. На мѣстѣ новоявленной иконы князь построилъ монастырь въ честь нерукотвореннаго образа Христа Спасителя (Спасо-Запруденскій). Спустя нѣсколько времени, пришли въ Кострому нѣкоторые изъ жителей Городца и, увидѣвъ новоявленную икону, разсказали, что прежде она находилась въ ихъ городѣ, прославилась многими чудесами и во время нашествія Батыева на Городецъ, неизвѣстно куда, сокрылась. Чудеса повторились и въ Костромѣ. Руководимый вѣрою, костромскій князь Василій Квашня повелѣлъ взять

([163]) Сказаніе о перенесеніи этой иконы помѣщено въ Русск. Временникѣ....., Москв. 1790, стр. 77. Другая редакція сказанія недавно напечатана во Временникѣ Москов. Истор. Общ. кн. XV, отд. III, стр. 11—21. Встрѣчается тоже сказаніе и въ рукописяхъ (Сборн. моей библ, № 14, л. 151).

эту чудотворную икону и носить предъ своимъ войскомъ, когда выступалъ изъ города для отраженія приближавшихся къ нему Татаръ. И Татары, помощію небесной Заступницы, были прогнаны и поражены. Послѣ того князь соорудилъ въ Костромѣ каменный соборъ во имя Успенія Богоматери съ придѣломъ въ честь Ѳеодора Стратилата. Здѣсь-то и поставлена была новоявленная икона и начала называться Ѳеодоровскою ([164]).

Вмѣстѣ съ св. иконами сохранились отъ того времени и нѣкоторые честные кресты, которые свидѣтельствуютъ, что это священное орудіе нашего спасенія было чтимо тогда у насъ, какъ и прежде, во всѣхъ своихъ видахъ. Въ полоцкомъ каѳедральномъ соборѣ находится крестъ, который пожертвовала своей Спасской обители преп. Евфросинія въ 1161 году. Этотъ крестъ, содержащій въ себѣ разную святыню, есть шестиконечный, но на немъ придѣланы еще два небольшихъ креста: четвероконечный по срединѣ верхней перекладины, покрывающій собою капли безцѣнной крови Христа Спасителя, и шестиконечный по срединѣ нижней перекладины, покрывающій часть животворящаго древа Господня. Весь крестъ обложенъ золотыми и серебряными вызолоченными листами, на которыхъ находится нѣсколько священныхъ изображеній, и на этихъ образахъ представлены—св. Георгій Побѣдоносецъ съ четвероконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ, св. мученица Софія съ четвероконечнымъ,

([164]) «Повѣсть о иконѣ Пресв. Богородицы Одигитрія Ѳеодоровскія»—въ рукоп. Сборн. библ. С.-пб. Дух. Акад. № 280, л. 83, и въ Сборн. моей библ. № 7, л. 82.

св. Іоаннъ Златоустый съ шестиконечнымъ, св. великомученикъ Пантелеимонъ съ четвероконечнымъ ([165]). Около сѣверовосточнаго угла Покровской церкви бывшаго Покровскаго монастыря въ Боголюбовѣ лежитъ снятый съ своего фундамента древній четвероконечный крестъ, высѣченный изъ бѣлаго камня: этотъ крестъ, по преданію, устроенъ еще во дни вел. князя Андрея Боголюбскаго ([166]). Въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ есть воздвизальный крестъ, пожертвованный св. Софіи новгородскимъ архіепископомъ Антоніемъ (1212—1229),—крестъ шестиконечный, но на немъ по самой срединѣ положена подъ стекломъ часть животворящаго древа въ видѣ четвероконечнаго креста ([167]). Въ Хутынскомъ монастырѣ сохраняется мѣдный литой крестъ преп. Варлаама Хутынскаго (1193)—осмиконечный. Ко всему этому не можемъ не присовокупить, что въ новгородской Софійской библіотекѣ есть харатейное евангеліе, писанное около половины XII вѣка попиномъ Максимомъ; въ концѣ евангелія изображены красками во весь ростъ св. Пантелеимонъ и св. Екатерина; у послѣдней въ рукахъ четвероконечный крестъ, а къ ней отъ ногъ до пояса наклоненъ другой

([165]) Описаніе и изображеніе этого креста см. въ Истор. извѣст. о жизни преп. Евфросиніи, кн. полоцкой, стр. 22—28. Достойно замѣчанія, что крестъ сей сдѣланъ, кажется, русскимъ художникомъ, который въ надписи самъ назвалъ себя Лазаремъ Богшею: такъ какъ фамилія Богши доселѣ существуетъ въ слуцкомъ уѣздѣ минской губерніи (*Кеппен*. Списокъ русск. памятн., стр. 44, М. 1822).

([166]) *Доброхот*. Древн. Боголюб. гор. и монаст., стр. 80.

([167]) На крестѣ надпись: «Господи, помози рабу своему Антону архіепископу новогородьскуму, давшюму крьстъ святой Софии». Снимокъ съ этого креста помѣщенъ въ Древност. Росс. Государства, отд. I, № 25.

большій крестъ—осмиконечный ([168]). Еще: въ Императорской Публичной Библіотекѣ, на оборотѣ перваго листа одного изъ харатейныхъ Апостоловъ XIII вѣка (въ четв. № 5) изображена пятиглавая церковь: и кресты на главахъ четвероконечные.

Мощи и другіе подобные предметы благоговѣйнаго чествованія христіанъ находились въ Россіи уже въ не маломъ количествѣ. Въ крестѣ преп. Евфросиніи полоцкой, кромѣ частицъ крови Христовой и животворящаго древа, заключены частицы отъ гроба Господня и отъ гроба Пресв. Богородицы и частицы мощей: св. первомученика Стефана, св. Димитрія солунскаго и св. Пантелеимона. Великій князь Всеволодъ (1212) получилъ изъ города Солуня срачицу своего Ангела— св. Димитрія солунскаго и положилъ ее въ своемъ придворномъ Димитріевскомъ соборѣ. Одинъ сановитый Новгородецъ, Добрыня Адрѣнковичъ (впослѣдствіи архіепископъ Антоній), принесъ съ собою изъ Константинополя въ 1211 г. «гробъ Господень», вѣроятно, часть отъ камня гроба Господня. Къ великому князю Константину Всеволодовичу принесены въ 1218 г. изъ Константинополя какимъ-то епископомъ полоцкимъ: «часть отъ страстей Господнихъ», (т. е., вѣроятно, или капли безцѣнной крови Спасителя, или часть отъ Его животворящаго креста), мощи св. мученика Логгина сотника, обѣ руки, и мощи,—вѣроятно, часть мощей, —св. Маріи Магдалины. Ростовскій епископъ Кириллъ поставилъ (1231) въ обновленномъ имъ соборѣ ростов-

---

([168]) Объ этомъ евангеліи сказано будетъ далѣе (см. примѣч. 190). О спискѣ съ находящейся при немъ иконы упоминаетъ Кеппенъ—въ Списк. Русск. памятн. стр. 49.

скомъ «многы мощи Святыхъ» ([169]). Кромѣ того, въ русской Церкви сдѣлались извѣстными мощи нѣкоторыхъ новыхъ Угодниковъ Божіихъ.

Въ 1150 г. черниговскій князь Святославъ Ольговичъ перенесъ изъ Кіева въ Черниговъ «мощи» брата своего схимонаха Игоря, который вкусилъ (1147) мученическую смерть отъ Кіевлянъ и погребенъ былъ въ кіевскомъ Симеоновскомъ монастырѣ: по перенесеніи въ Черниговъ, мощи положены въ Спасскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ теремѣ. Очень вѣроятно, что съ этого времени или даже со дня самой кончины св. Игоря память его была чтима мѣстно: потому что, едва только онъ былъ умерщвленъ, «многіе благовѣрные люди собирали капли крови его себѣ на исцѣленіе и спасеніе, и надъ тѣломъ его въ первую же ночь по смерти Богъ сотворилъ знаменіе, о которомъ немедленно дано было знать митрополиту ([170]).

Въ 1164 г., при заложеніи въ Ростовѣ вел. княземъ Андреемъ Боголюбскимъ каменнаго собора на мѣстѣ сгорѣвшаго (1160) деревяннаго, обрѣтены были нетлѣнныя мощи св. Исаіи, епископа ростовскаго, подъ южною стѣною. Когда потомъ жители Ростова упросили князя распространить основаніе заложеннаго храма: то, продолжая копать далѣе тотъ же южный ровъ, нашли другой гробъ, покрытый двумя досками, и въ немъ увидѣли нетлѣнныя мощи другаго Святителя ро-

([169]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 184. 187. 195; III, 31. О крестѣ преп. Евфросиніи—въ примѣч. 165.

([170]) П. Собр. Р. Лѣт. II, 34, 53. Замѣчательно, что древній лѣтописецъ выражается именно: «принесе *мощи*»... Срав. *Востоков*. Опис. рук. Рум. Муз. стр. 611.

стовскаго—Леонтія. Тѣ и другія мощи тогда же прославлены разными чудесами. Первоначально онѣ поставлены были открыто въ церкви св. Іоанна на епископскомъ дворѣ. И такъ какъ соборъ, основанный Боголюбскимъ, едва только бывъ оконченъ, обрушился: то онѣ торжественно перенесены были уже въ новый соборъ, заложенный, на мѣстѣ упавшаго, вел. княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ (1213) и украшенный ростовскимъ епископомъ Кирилломъ (1231), гдѣ почиваютъ и доселѣ ([171]).

Въ 1192 г. обрѣтены нетлѣнныя мощи псковскаго князя Всеволода — Гавріила, при новгородскомъ князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ, который именно въ 1192 г. княжилъ въ Псковѣ, и при новгородскомъ архіепископѣ Гавріилѣ (†1193). По открытіи, мощи торжественно были перенесены изъ Димитріевской церкви, гдѣ былъ погребенъ Всеволодъ, въ основанный имъ псковскій каѳедральный соборъ, гдѣ почиваютъ и нынѣ ([172]).

Къ концу XII или въ началѣ XIII вѣка обрѣтены и прославлены чудесами мощи преп. Авраамія ростовскаго при внукѣ Мономаха, вел. князѣ Всеволодѣ Георгіевичѣ (1176—1212), и донынѣ покоятся въ ростовскомъ Богоявленскомъ, основанномъ самимъ Преподобнымъ, монастырѣ ([173]).

([171]) Никон. Лѣт. II, 191; Житія св. Леонтія и Исаіи Ростов.—въ рукоп. Сборникѣ моей библ. № 39, л. 163. 170. Время открытія мощей въ Никон. лѣтописи относится къ 1162 г, а въ житіи св. Исаіи къ 1164 г. А о томъ, что мощи со времени открытія находились въ епископской церкви св. Іоанна и уже впослѣдствіи перенесены въ ростовскій соборъ, говорится въ рукоп. Кирилловск. лѣтописи (Московск. Синод. библ. № 351).

([172]) Степ. кн. I, 262. Снес. П. Собр. Р. Лѣт. III, 20,

([173]) Истор. Росс, Іерархіи III, 64,

Въ 1229 г. вкусилъ мученическую смерть св. Авраамій, родомъ Болгаринъ. Будучи человѣкомъ богатымъ и производя торговлю въ разныхъ городахъ, онъ прибылъ въ главный болгарскій городъ, называемый Великимъ. Здѣсь соплеменники, исповѣдывавшіе магометанство, схватили Авраамія и принуждали его впродолженіе многихъ дней то ласками, то угрозами, отречься отъ Христовой вѣры, и, видя его непреклонность, наконецъ отсѣкли ему голову въ 1 день апрѣля. Русскіе христіане, прилучившіеся въ Великомъ, погребли тѣло Мученика въ общей могилѣ, которая отведена была въ городѣ для христіанъ. Но въ слѣдующемъ году мощи св. Авраамія были перенесены изъ болгарской земли въ городъ Владиміръ. Здѣсь торжественно встрѣтили ихъ епископъ Митрофанъ со всѣмъ духовенствомъ, самъ великій князь Георгій съ супругою и дѣтьми и всѣ жители столицы, и положили въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ онѣ и донынѣ почиваютъ ([174]).

Новыхъ праздниковъ явилось въ русской Церкви четыре. Три изъ нихъ имѣли только мѣстное значеніе, т. е., въ одной русской Церкви или даже только въ нѣкоторыхъ областяхъ ея. Таковы: а) праздникъ 18 іюля въ память явленія Богоматери Андрею Боголюбскому, установленный по волѣ его ок. 1158 г. ([175]); б) праздникъ 27 ноября въ воспоминаніе чудеснаго знаменія отъ иконы Божіей Матери, бывшаго въ Новгородѣ при отраженіи Суздальцевъ, установленный новгородскимъ свя-

([174]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 192.

([175]) Выписка изъ житія Боголюбскаго—у *Доброхот.* Древн. Боголюб. городъ и монастырь, стр. 7.

тителемъ Іоанномъ въ 1169 г. ([176]); в) праздникъ 23 мая въ память открытія честныхъ мощей св. Леонтія, епископа ростовскаго, въ 1164 г., установленный спустя нѣсколько лѣтъ ростовскимъ епископомъ Іоанномъ (1190—1214) ([177]). Очень вѣроятно, что подобнымъ же образомъ у насъ установлено тогда нѣсколько и другихъ мѣстныхъ праздниковъ въ память явленія прочихъ чудотворныхъ иконъ и открытія св. мощей, о которыхъ мы говорили, хотя свѣдѣній о томъ не сохранилось. Праздникъ, съ самаго начала получившій значеніе не только въ русской Церкви, но и въ греческой, установленъ по взаимному сношенію нашего вел. князя Андрея Боголюбскаго и греческаго императора Мануила. Случилось такъ, что оба они въ одинъ и тотъ же день—1 августа 1164 г. выступали съ войсками противъ враговъ креста Христова, Боголюбскій—противъ Болгаръ, Мануилъ—противъ Сарацинъ, и оба одержали надъ врагами рѣшительныя побѣды, которыя единогласно приписали помощи небесной: потому что, совершая въ тотъ же день благодарственное молебствіе за побѣды предъ иконами Всемилостиваго Спаса и Его Пречистой Матери и честнымъ крестомъ, которые находились при войскахъ, оба удостоились видѣть огненные лучи отъ иконы Спасителя, покрывшіе ихъ полки. Въ память такого чудеснаго событія и положено было, съ обоюднаго согласія Церквей греческой и русской, со-

---

([176]) «Святый же архіепископъ Иванъ створи праздникъ свѣтелъ, и начаша праздновати всѣмъ Новымъ городомъ, вси мужи Новгородци, жены и дѣти, честному знаменію Святыя Богородица» (Изъ сказ. о чудѣ: см. примѣч. 161).

([177]) «Іоаннъ же епископъ праздновати устави мѣсяца мая въ 23 день» (Изъ жит. св. Леонтія: см. примѣч. 171).

вершать въ 1-й день августа праздникъ во славу Всемилостиваго Спаса и Его Пречистой Матери, а также поклоненіе честному и животворящему кресту, которое прежде совершалось въ Константинополѣ впродолженіе нѣсколькихъ дней сряду въ концѣ іюля и въ началѣ августа, вмѣстѣ съ крестными ходами по всему городу. Этотъ новый праздникъ Всемилостивому Спасу извѣстенъ по несомнѣннымъ нашимъ памятникамъ XII или начала XIII вѣка, и въ Церкви доселѣ употребляется въ 1 день августа служба, составленная, неизвѣстно кѣмъ, по сему случаю ([178]). Въ соблюденіи прежнихъ праздниковъ, постовъ и вообще священныхъ временъ Церковь русская была согласна съ греческою, въ чемъ легко убѣдиться изъ сохранившихся русскихъ мѣсяцеслововъ XII и XIII

([178]) О побѣдѣ Боголюбскаго надъ Болгарами въ 1164 г.—П. Собр. Р. Лѣт. I, 151. Объ установленіи праздника—Степ. кн. I, 299; Никон. Лѣт. II, 159—160; Прологъ подъ 1 числомъ августа. Составитель послѣдней статьи, помѣщенной въ Прологѣ, замѣчаетъ: «азъ же написахъ сіе малое писаніе повелѣніемъ царя Мануила и всего причта церковнаго, да празднуемъ вси обще праздникъ сей, мѣсяца августа въ 1-й день, *во славу Всемилостиваго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистыя Его Матери*». Слѣд. статья эта написана современникомъ и переведена съ греческаго, хотя въ нынѣшнемъ печатномъ греческомъ Синаксарѣ или Прологѣ не находится. Прежде бывшее въ Царьградѣ поклоненіе честному кресту значится въ нѣкоторыхъ древнихъ греческихъ мѣсяцесловахъ (*Morcelli* Calend. Constantinop. v. I, p. 63, Rom. 1788) и въ нашемъ славянскомъ при Остромировомъ Евангеліи подъ 31 днемъ іюля; но оно начиналось за три, иногда за пять, за шесть, даже за семь дней до этого числа и продолжалось до 13 августа, какъ видно изъ подробнаго описанія Константина Багрянороднаго (De ceremon. aulae Byzant. II, cap. 8, in vol. 1, pag. 538, ed. Bonn.). Праздникъ Всемилостивому Спасу подъ 1-мъ числомъ августа значится въ Кондакарѣ XII вѣка Троицкой Сергіевой Лавры (см. *Ундольск.* Замѣч. для исторіи церковн. пѣнія въ Россіи, снимокъ 2-й изъ означенн. Кондакаря, въ Чтен. Москов. Истор. Общ. 1846, № III, отд. I, послѣ стр. 46).

вѣка ([179]). Кромѣ того, о нѣкоторыхъ древнихъ праздникахъ и постахъ, соблюдавшихся въ нашей Церкви, упоминаютъ и лѣтописи, напримѣръ: о праздникахъ— Пасхи, Пятьдесятницы, Рождества Богородицы, Благовѣщенія, Рождества Іоанна Предтечи, св. апостоловъ Петра и Павла, Воздвиженія креста; о недѣляхъ — сыропустной, крестопоклонной, вербной; о постахъ — великомъ, Филипповомъ ([180]).

Одно только важное разногласіе касательно свящ. временъ возникло было въ русской Церкви около половины XII вѣка: но и это разногласіе перешло къ намъ изъ Церкви греческой. Вопросъ состоялъ въ томъ: должно ли соблюдать постъ въ среду и пятокъ, когда въ эти дни случится какой либо великій праздникъ— Господскій, Богородичный или нарочитаго Святаго? По древнимъ правиламъ Церкви, постъ въ среду и пятокъ соблюдался впродолженіе всего года и разрѣшался только втеченіе семи недѣль пятидесятницы, т. е., съ пасхи до дня сошествія Св. Духа и для праздника Рождества Христова ([181]). Позднѣйшіе монастырскіе уставы св. Саввы, Евѳимія великаго, Ѳеодора Студита, Аѳанасія

([179]) Извѣстны мѣсяцесловы—не полные при Евангеліяхъ XII и XIII в. (Опис. рук. Рум. Муз. стр. 171. 173); полные—въ церковномъ Обиходѣ Рум. Муз. XIII в., № 284, л. 90—97 (тамъ же—405), и въ церковномъ Обиходѣ новгор. Соф. библ. XIII, № 13 или 15, въ 4-ку, л. 170—193; самые полные и подробные—въ Прологахъ новгор. Соф. библ., XIII в., въ лист. на 132, и Импер. Публичн. библ.—того же вѣка (Опис. рукоп. графа Толстова, стр. 62).

([180]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 190. 192—194; II, 81. 86. 95. 101. 107. 111. 114. 121. 136; III, 12. 13. 32 и др.

([181]) *Bingham*. Antiqu. Eccles. XX, c. VI, § 3; XXI, c. I, § 11; c. III, § 3.

аѳонскаго разрѣшали постъ въ среду и пятокъ не только для Рождества Христова, но и для другихъ великихъ праздниковъ Господскихъ, Богородичныхъ и нѣкоторыхъ Святыхъ, и притомъ такъ, что въ означеніи самыхъ праздниковъ были несогласны между собою (182). Такое разногласіе позднихъ уставовъ съ древними правилами и между собою неизбѣжно должно было произвести разногласіе мнѣній между вѣрующими и рано или поздно возбудить споры. И вотъ въ XI вѣкѣ споры эти дѣйствительно обнаружились въ Греціи и перешли въ вѣкъ XII: константинопольскіе патріархи Николай Грамматикъ, Лука Хрисовергъ и другіе святители нашлись вынужденными писать посланія для рѣшенія спорнаго вопроса (183). Въ одиннадцатомъ же вѣкѣ вопросъ сдѣлался извѣстнымъ и у насъ, какъ видно изъ посланія преп. Ѳеодосія печерскаго къ вел. князю Изяславу, хотя и не обращалъ на себя особеннаго вниманія. Въ двѣнадцатомъ онъ былъ повторенъ извѣстнымъ Кирикомъ въ его бесѣдахъ съ новгородскимъ епископомъ Нифонтомъ, но также не представлялся важнымъ (184). Уже во второй половинѣ XII вѣка вопросъ этотъ возбудилъ сильные толки и произвелъ

---

(182) Выписки изъ этихъ уставовъ представлены въ Типикѣ преп. Никона Черногорца, гл. 14 и особенно 57 (рук. моей библ. № 63, л. 86 обор. и 469).

(183) Кормч. кн. гл. 53 или 54; *Oudin*. Commentar. de scriptor. Eccles. t. II, p. 342. 1180.

(184) На вопросъ Кирика: «можно ли людямъ, не состоящимъ подъ эпитиміею, разрѣшать употребленіе мяса въ среду и пятокъ, если случится въ эти дни какой либо праздникъ Господскій, или Богородичный, или Іоанна Предтечи»?—Нифонтъ отвѣчалъ: «аще ядятъ, добро; аже ли не ядятъ, а луче» (Памятн. Росс. Слов. XII вѣка, стр. 193. 194).

волненія въ русской Церкви. Въ 1157 г. Ростовцы изгнали отъ себя епископа своего Нестора за то, что онъ не дозволялъ имъ разрѣшать постъ среды и пятка для Господскихъ праздниковъ, кромѣ двухъ: Рождества Христова и Богоявленія. Соперникомъ Нестору былъ какой-то пришлецъ, племянникъ смоленскаго епископа Мануила, пользовавшійся особеннымъ благоволеніемъ князя ростовскаго и владимірскаго, Андрея Боголюбскаго, по имени Ѳеодоръ. Онъ, напротивъ, училъ, что должно разрѣшать постъ среды и пятка не только для всѣхъ Господскихъ праздниковъ, но и для праздниковъ нарочитыхъ Святыхъ и въ теченіе всей пятидесятницы. Изгнанный Несторъ дождался прибытія въ Кіевъ новаго митрополита Ѳеодора (1161) и былъ имъ оправданъ. Но такъ какъ въ это время Боголюбскій, замысливъ открыть во Владимірѣ особую митрополитскую каѳедру и возвесть на нее любимца своего Ѳеодора, отправилъ посла своего съ просьбою о томъ къ константинопольскому патріарху: то и Несторъ, не надѣясь быть принятымъ въ Ростовѣ, счелъ нужнымъ отправиться въ Царьградъ вмѣстѣ съ посломъ кіевскаго митрополита. Патріархъ Лука Хрисовергъ разсмотрѣлъ дѣло и, не соглашаясь на желаніе Боголюбскаго открыть въ Россіи новую митрополію, писалъ къ нему въ защиту Нестора, убѣждалъ принять этого епископа, какъ совершенно праваго, и излагалъ ученіе, что постъ среды и пятка дѣйствительно должно разрѣшать вполнѣ только для двухъ великихъ праздниковъ: Рождества Христова и Богоявленія, а для прочихъ праздниковъ Господскихъ, Богородичныхъ и нарочитыхъ Святыхъ можно допускать только большее или меньшее ослабленіе поста, и что вообще въ такихъ случаяхъ, какъ

не опредѣленныхъ правилами Церкви, надобно спрашивать своего мѣстнаго епископа и поступать сообразно съ его волею ([185]). Неизвѣстно, какъ принято это рѣшеніе Боголюбскимъ и жителями Ростова и Владиміра: но епископъ ростовскій Леонъ, бывшій преемникомъ Нестора еще съ 1158 г., не хотѣлъ согласиться съ патріархомъ и началъ проповѣдывать новое ученіе, что не должно разрѣшать постъ среды и пятка вообще ни для какихъ Господскихъ праздниковъ, даже для Рождества Христова и Богоявленія,—ученіе, которое, какъ открыто противное ученію патріарха, показалось нѣкоторымъ ересію ([186]). Съ жаромъ отстаивалъ Леонъ свои мысли предъ вел. княземъ Андреемъ Боголюбскимъ и предъ всѣми людьми, но былъ изгнанъ и отправился сперва въ Черниговъ къ тамошнему князю Святославу, потомъ въ Кіевъ. Вѣроятно, здѣсь-то «упрѣ (т. е., обличилъ) его владыка (т. е., митрополитъ) Ѳеодоръ», хотя митрополитъ могъ обличить его и во Владимірѣ, прилучившись тамъ во время самыхъ споровъ ([187]).

([185]) Никон. лѣт. II, 161. 179. 189. Патріархъ въ своемъ посланіи подробно обозначаетъ, что именно вкушать въ тотъ или другой праздникъ, когда онъ случится въ постные дни (тамъ же 187). Изъ того же посланія узнаемъ, какъ учили Несторъ и Ѳеодоръ и кто былъ послѣдній.

([186]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 150; II, 91. Лѣтописецъ выражается: «воста ересь леонтіаньская».

([187]) О путешествіи Леона въ Черниговъ и Кіевъ говоритъ ипатіевская лѣтопись подъ 1162 г., когда еще былъ живъ кіевскій митрополитъ Ѳеодоръ, скончавшійся въ слѣдующемъ году (—II, 91. 92). А потому слова лаврентіевской лѣтописи: «упрѣ его (Леона) владыка Ѳеодоръ», какъ кажется, слѣдуетъ относить къ митрополиту Ѳеодору, тѣмъ болѣе, что у него же и долженъ былъ просить себѣ суда и защиты изгнанный изъ епархіи епископъ, какъ не у своего архипастыря? И какъ бы потомъ Леонъ осмѣлился идти на судъ къ константинопольскому патріарху, не испро-

Недовольный судомъ митрополита, Леонъ отправился въ Грецію. На пути встрѣтилъ онъ императора Мануила, при которомъ находился болгарскій епископъ Адріанъ; вздумалъ оправдывать предъ ними свое дѣло, но былъ обличенъ Адріаномъ въ присутствіи русскихъ пословъ—кіевскаго, суздальскаго, переяславскаго и черниговскаго, и за дерзкія рѣчи противъ царя едва не погибъ въ рѣкѣ ([188]).

Какова была послѣдующая судьба Леона, не знаемъ: но мнѣніе его о постѣ въ среду и пятокъ, заклейменное именемъ ереси, было отвергнуто всѣми въ Россіи, тогда какъ два другія мнѣнія — ростовскаго епископа Нестора, утвержденное патріархомъ, и противника Несторова Θеодора — нашли себѣ новыхъ защитниковъ на югѣ Россіи и возбудили новые споры. Въ 1168 г. кіево-печерскій архимандритъ Поликарпъ, согласно съ мнѣніемъ Θеодора, разрѣшилъ въ своей обители постъ среды и пятка для всѣхъ праздниковъ Господскихъ, Богородичныхъ и нарочитыхъ Святыхъ и впродол-

---

сивъ себѣ прежде суда у своего митрополита? Татищевъ называетъ этого владыку Θеодора епископомъ черниговскимъ (III, 138), но ошибочно: потому что черниговскимъ епископомъ былъ тогда Антоній (см. выше примѣч. 38). Карамзинъ (III, 32, изд. 2) и другіе видѣли въ этомъ Θеодорѣ епископа суздальскаго и владимірскаго: но ни откуда неизвѣстно, чтобы въ Суздалѣ и Владимірѣ уже открыта была тогда особая епархія. Напротивъ, изъ самаго же сказанія лѣтописи о ереси леонтіанской ясно, что суздальскимъ епископомъ былъ тогда самъ Леонъ и что въ Суздалѣ-то онъ и началъ проповѣдывать свое лжеученіе (—I, 150), хотя Боголюбскій, принявъ его къ себѣ послѣ перваго изгнанія, и повелѣлъ ему имѣть пребываніе въ Ростовѣ, а не въ Суздалѣ (—II, 91). Притомъ, извѣстный епископъ владимірскій и вмѣстѣ ростовскій Θеодоръ, бывшій прежде любимцемъ Боголюбскаго, сдѣлался епископомъ уже въ 1169 г. (*Татищевъ* III, 160. 161. 167. 168).

([188]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 150; *Татищ*. III, 138.

женіе всей пятидесятницы, ссылаясь на уставъ студійскій, который былъ введенъ въ обитель еще преп. Θеодосіемъ. Митрополитъ кіевскій Константинъ, напротивъ, согласно съ мнѣніемъ Нестора и цареградскаго патріарха, утверждалъ, что не должно разрѣшать этого поста ни для какихъ праздниковъ, кромѣ Рождества Христова и Богоявленія, и порицалъ Поликарпа. Для прекращенія возникшихъ споровъ Мстиславъ, князь кіевскій, предложилъ созвать въ Кіевѣ соборъ епископовъ и другихъ священнослужителей. На соборъ явилось до ста пятидесяти лицъ: между прочимъ, отъ Боголюбскаго прибылъ самъ Θеодоръ или Θеодорецъ, любимецъ его, уже игуменъ суздальскій, мнѣніе котораго усвоилъ Поликарпъ. При открытіи соборныхъ разсужденій всѣ присутствовавшіе раздѣлились на три партіи: одни держались мнѣнія митрополита, въ числѣ ихъ два епископа — Антоній черниговскій и Антоній переяславскій; другіе держались мнѣнія Поликарпа и слѣдовательно Θеодора суздальскаго, — въ главѣ ихъ три епископа — смоленскій, владимірскій и галицкій; третьи не объявляли своего мнѣнія, выжидая соборнаго рѣшенія, или предлагали отослать дѣло на судъ патріаршій. Много состязались на соборѣ, но не могли согласиться. И уже тогда, какъ защитники Поликарпа, епископы—смоленскій, владимірскій и галицкій удалились съ собора въ свои епархіи, митрополитъ съ единомысленными ему двумя епископами осудилъ Поликарпа на заточеніе. За то, съ другой стороны, черниговскій князь Святославъ, раздѣлявшій мнѣніе Поликарпа, изгналъ изъ епархіи епископа своего Антонія, единомысленника митрополитова. Многіе и послѣ сего не переставали сочувствовать Поликарпу и считали его

невинно осужденнымъ, такъ что, когда въ 1169 г. Кіевъ былъ взятъ и разоренъ войсками Боголюбскаго, видѣли въ этомъ наказаніе Божіе «за митрополичью неправду» противъ Поликарпа; да и самъ Поликарпъ вскорѣ (1170) былъ возвращенъ изъ заточенія. Но мнѣніе митрополита, что постъ среды и пятка должно разрѣшать только для двухъ великихъ праздниковъ — Рождества Христова и Богоявленія, какъ утвержденное еще прежде вселенскимъ патріархомъ Лукою Хрисовергомъ и принятое въ Церкви греческой, мало по малу сдѣлалось господствующимъ и въ русской Церкви, и остается донынѣ ([189]).

О священнодѣйствіяхъ нашей Церкви можемъ судить по богослужебнымъ книгамъ, дошедшимъ до насъ отъ XII и особенно отъ XIII вѣка въ значительномъ количествѣ. Сюда относятся:

1) Евангелія, употреблявшіяся при богослуженіи. Ихъ сохранилось всего болѣе, — намъ извѣстно до двѣнадцати. Четыре изъ этихъ Евангелій — XII или начала XIII столѣтія, именно: а) Евангеліе новгородской Софійской библіотеки XII—XIII в., писанное священникомъ предтеченской церкви Максимомъ ([190]); б)

([189]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 151; II, 98; Никон. Лѣт, II, 201; *Татищев*. III, 260.

([190]) Пис. на пергам. въ листъ на 224 л. На послѣднемъ листѣ этого Евангелія изображены красками во весь ростъ св. Пантелеимонъ и св. Екатерина съ греческими надписями. На крайней боковой сторонѣ подлѣ рисунка, которая нѣсколько обрѣзана, сохранились слѣдующія слова приписки безъ начала: «и дажь ему, Господи, съ др... и съ подружиемъ с...имъ и всѣмъ, яже... дому его, а въ оно... вѣцѣ причястье царст... небеснаго и слуша...щимъ его, аминь. Яко много мужь тъ учини, еже на потрѣбу церкви. Прем... учини икону св...ю Богородицю, потомь ко... колъ,

Евангеліе Императорской Публичной библіотеки XII в. — не полное ([191]); в) Евангеліе Румянцевскаго Музеума, извѣстное подъ именемъ Добрилова, написанное въ 1164 г. дьякомъ церкви св. Апостолъ Константиномъ или Добрилою (№ 103); г) Евангеліе того же Музеума XII — XIII вѣка (№ 104). Восемь Евангелій принадлежитъ XIII вѣку: а) четыре—новгородской Софійской библіотеки ([192]); б) три—Императорской Публичной, изъ которыхъ такъ называемое Милятино писано въ 1215 или 1230 г. священникомъ Лазаревской церкви Домкою ([193]), и в) одно—Румянцевскаго Музеума (№ 106). Само собою разумѣется, что нѣкоторыя изъ Евангелій XIII вѣка, можетъ быть, писаны уже не въ первой половинѣ этого вѣка. Всѣ исчисленныя Евангелія расположены по праздникамъ

потомь съ ц... и написа прологъ,... томъ же и сия к... гы. *А се имена ею ... писана суть* (вѣроятно, указываетъ на изображенія Пантелеимона и Екатерины). *Азъ же попинъ святаго Предтеча Максимъ* ..... тъшиниць напи....хъ 4 еуангѣлия... суя. Аже кде блази..., а исправя чечьтъте: блазнъ бо не х ..тию написане, нъ диаволею пакостію. А благословите, а не кльнѣте. Азъ же грѣшны... и мини попинъ святого Възнесения Господня написахъ сию грамотиц..., да нѣкто, ее вн...въ, паки при... дится на ... дѣло въ ... е свое. Аминь».

([191]) In Qu., Отд. 1, № 1. Собственно древнѣйшая часть Евангелія начинается здѣсь съ 20-го листа. А въ началѣ и концѣ позднѣйшій почеркъ XIII—XV в.

([192]) Первое великопостное тетръ, въ листъ, на 136 л. Второе—апракосъ, въ л. на 156 л., въ доскахъ, крытыхъ холстинною набойкою. Третье—апракосъ, въ л. на 178 л., въ доскахъ, крытыхъ синимъ сукномъ. Четвертое—только часть апракосъ, въ л. на 31 л., въ доскахъ, крытыхъ холстинною набойкою.

([193]) Первое — in F. № 6; второе — in F. № 7; третье—in F. № 8. О времени написанія Евангелія Милятина (№ 7) см. соображенія у *Калайдов*. Іоаннъ, Экз. Болгар., примѣч. 69, стр. 111.

и днямъ недѣли, начиная со дня пасхи; одно только Евангеліе великопостное XIII в., находящееся въ новгородской Софійской библіотекѣ, расположено по Евангелистамъ. Чтобы дать болѣе близкое понятіе объ этихъ Евангеліяхъ, остановимся на одномъ изъ первыхъ и на этомъ послѣднемъ. Евангеліе XII—XIII вѣка, писанное священникомъ Максимомъ, содержитъ въ себѣ чтенія на весь церковный годъ, отъ недѣли пасхи до вечера великой субботы, приспособительно къ счету недѣль греческому. Въ частности, здѣсь содержатся: а) евангелія отъ пасхи до пятидесятницы, б) — отъ недѣли Всѣхъ Святыхъ до 17-й включительно, в) — отъ недѣли первой по новому ряду недѣль, начинающемуся послѣ 17-й, до недѣли сыропустной; г) евангелія субботъ и недѣль великопостныхъ; д) евангелія страстной седмицы утреннія и литургійныя отъ понедѣльника до четверга, двѣнадцать евангелій на страсти Господни, евангелія великаго пятка на часахъ и на литургіи (наше вечернее), евангелія великой субботы утреннее и вечернее (наше литургійное). Послѣ этого слѣдуютъ: е) одиннадцать евангелій утреннихъ воскресныхъ и ж) мѣсяцесловъ съ сентября по 2-е февраля (остальное отрѣзано), съ указаніемъ Святыхъ не на всѣ числа, мало отличный отъ настоящаго ([194]), равно какъ и

([194]) Особенности: 1) 10, 11, 12, 13 Сент. поклоненіе кресту; 23 сентября въ память труса на поле исходятъ; 2) октября 23, кромѣ Маркіана и Мартирія, есть еще Нестора; 30 — св. Павла первопостника; 3) ноября 26 св. мученика Хр. Георгія. Есть субботы и недѣли предъ и по Воздвиженіи, по Рождествѣ Христовѣ, по Просвѣщеніи и недѣля Праотецъ. Первая недѣля поста посвящена пророку Моусею, Аарону и прочимъ. Суббота Лазарева называется цвѣтною, равно какъ и Вербное Воскресенье. Недѣлямъ поста не усвоено воспоминаній, какія усвояются нынѣ.

самыя евангелія на нѣкоторыя числа. Евангелія по мѣсяцеслову иногда тѣже, какія и у насъ нынѣ, иногда другія, а по недѣлямъ и днямъ, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ и самыхъ незначительныхъ отступленій, тѣже самыя. Изъ сличенія разсмотрѣннаго нами Евангелія съ нынѣшнимъ нашимъ и съ греческими кодексами IX и X вѣка оказывается, что, отступая по мѣстамъ въ порядкѣ и назначеніи чтеній отъ нашего, оно сходится съ древними греческими, а отступая отъ греческихъ, сходится съ нашимъ ([195]). Великопостное Евангеліе новгородской Софійской библіотеки, XIII вѣка, содержитъ въ себѣ всѣ четыре евангелія по порядку отъ начала до конца, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ рединѣ, затерянныхъ. Эти евангелія не имѣютъ ни главъ, ни стиховъ, а раздѣлены на большія чтенія по днямъ великаго поста, кромѣ субботъ и воскресеній. И именно: евангеліе отъ Матѳея раздѣлено на пять чтеній—въ понедѣльникъ, вторникъ, среду, четвертокъ и пятокъ первой недѣли поста (два послѣднія чтенія затеряны); евангеліе отъ Марка — также на пять чтеній въ тѣже самые дни второй недѣли; евангеліе отъ Луки—на десять чтеній въ тѣже дни третьей и четвертой недѣль; евангеліе отъ Іоанна— на девять чтеній въ тѣже дни четвертой недѣли и въ первые четыре дня пятой (два предпослѣднія чтенія затеряны). Чтеніемъ въ четвертокъ шестой недѣли оканчивается евангеліе отъ Іоанна и все постное четвероевангеліе. Такимъ образомъ въ древней русской Церкви всѣ четыре евангелія прочитывались постепенно впродолженіе великаго поста, между тѣмъ какъ

([195]) Греч. кодекс. см. у *Шольца*— Nov. Test. Graec., Cod. K. M.

нынѣ этого не бываетъ, и они прочитываются только въ три первые дня страстной седмицы.

2. Апостолы. Одинъ списокъ Апостола XII или начала XIII вѣка есть въ новгородской Софійской библіотекѣ, впрочемъ не полный: содержитъ только дневныя чтенія изъ Дѣяній Апостольскихъ отъ среды второй недѣли до среды шестой недѣли по пасхѣ (въ 4-ку на 24 л.). Два списка Апостола XIII вѣка находятся въ Императорской Публичной библіотекѣ. Первый (in F. № 22) заключаетъ въ себѣ чтенія отъ пасхи до пятка 6-й недѣли и указаніе чтеній на всѣ дни и праздники года. Замѣчательно, что каждая недѣля здѣсь начинается не съ воскресенья, а съ субботы предшествовавшей недѣли: такъ, послѣ пятка 11-й недѣли слѣдуетъ суббота 12-й недѣли, потомъ уже воскресенье, понедѣльникъ... той же недѣли. Второй списокъ (in Qu. № 5) содержитъ: а) посланія св. Апостола Павла; б) посланія соборныя; в) Дѣянія Апостольскія и г) указаніе чтеній изъ Апостола отъ пасхи до пятидесятницы. Посланія и Дѣянія Апостольскія раздѣлены въ этомъ спискѣ на главы несравненно меньшія нынѣшнихъ.

3. Псалтыри. Два списка такихъ Псалтырей XII—XIII вѣка находятся въ новгородской Софійской библіотекѣ ([196]) и—одинъ XIII в. въ Императорской Публичной библіотекѣ (in F. № 1). Въ нихъ, кромѣ собственно псалмовъ, помѣщены къ концу девять пѣсней церков-

---

([196]) Первый — на 188 л.; вторый безъ начала и конца — въ 4-ку на 114 л. Еще описаніе одного списка Псалтыри XIII — XIV вѣка той же библіотеки сдѣлано г. *Купріановымъ* въ Ж. М. Н. Пр. 1855, декабрь, отд. II, ст. 157,

ныхъ, нѣкоторыя молитвы и каноны, напримѣръ, на исходъ души и под. Кромѣ того, извѣстенъ отрывокъ изъ Псалтыря отъ псалма 17-го по 21-й, писанный въ XII или въ началѣ XIII вѣка ([197]).

4. Служебники. Въ московской Синодальной библіотекѣ хранится Служебникъ (№ 604), приписываемый преп. Варлааму Хутынскому (ск. 1193). Въ новгородской Софійской — два Служебника XII—XIII вѣка и одинъ XIII вѣка. Первый изъ новгородскихъ Служебниковъ (въ 4-ку на 120 листахъ), принадлежавшій Антоніеву монастырю, содержитъ въ себѣ: а) литургію св. Іоанна Златоустаго безъ послѣдняго листа; б) литургію св. Василія Великаго безъ начальныхъ листовъ; в) службу св. поста, т. е. литургію преждеосвященныхъ даровъ; г) чинъ на Богоявленіе и освященіе воды; д) чинъ крещенія; е) молитвы дѣтямъ духовнымъ на Петровъ день, на Рождество Христово, на пасху; ж) чинъ, какъ пріобщать больныхъ запасными дарами. Въ чинѣ проскомидіи упоминается объ одной просфорѣ, изъ которой вынимается агнецъ, а далѣе говорится только о вынутіи частицъ: «въ честь и славу Святому», потомъ «въ здравие и спасение», наконецъ, «за упокой». Въ чинѣ крещенія излагается подробно, какъ совершалъ таинство крещенія и за нимъ таинство мѵропомазанія самъ святитель, при содѣйствіи священника и діаконовъ ([198]). Второй изъ новгородскихъ Служебни-

([197]) *Востоков.* Опис. Евгеніев. рукоп., въ Учен. Записк. втораго отд. Импер. Акад. Наукъ, кн. II, вып. II, стр. 67.

([198]) Служебникъ этотъ, очевидно, писанъ вскорѣ послѣ учрежденія въ Новгородѣ архіепископіи (1163), когда еще не утвердился обычай называть новгородскаго владыку архіепископомъ: оттого въ Служебникѣ и поминается на ектеніяхъ то архіепископъ (л. 8. 12. 100. 107), то гораздо чаще епископъ (л. 23. 38 об. 48 об. 56. 65).

ковъ (въ 4-ку на 46 л.) заключаетъ въ себѣ: а) молитвы вечернія, б) молитвы заутреннія, в) молитвы предъ службою, в) литургію св. Златоуста, г) службу св. поста. Здѣсь въ чинѣ проскомидіи также говорится только о просфорѣ, изъ которой вынимается агнецъ, а далѣе — только о вынутіи частицъ: «а се проскумисая выемлетъ въ честь и славу святыя Богородица.... и святыхъ небесныхъ силъ.... и святаго Предтеча...» и проч., потомъ: «а се въ здравие», наконецъ: «а се за упокой» ([199]). Третій Служебникъ новгородской библіотеки (въ 4-ку 63 л.) содержитъ: а) литургію св. Златоуста безъ начала и б) литургію св. Василія Великаго безъ конца. Всѣ чины въ этихъ трехъ Служебникахъ, при сходствѣ въ существенныхъ частяхъ между собою и съ чинами нынѣшними, имѣютъ и свои особенности ([200]).

([199]) Копія съ этого Служебника, снятая отъ слова до слова, изъ страницы въ страницу, и засвидѣтельствованная митрополитомъ новгородскимъ с.-петербугскимъ Гавріиломъ (3 сент. 1799 г.), есть въ библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи за № 125.

([200]) Напримѣръ, въ Служебникѣ XII — XIII в. (въ 4-ку на 46 л.)—а) есть молитвы предъ службою три, какихъ нѣтъ у насъ; б) нѣтъ чина восхожденія на горнее мѣсто и чина чтенія Апостола и Евангелія; в) послѣ Херувимской—омовеніе рукъ съ молитвою: *умыю въ неповинныхъ...*; г) чинъ причащенія отличенъ отъ нынѣшняго; д) слова при раздробленіи даровъ, при вліяніи воды въ чашу и молитва предъ причащеніемъ — другія; е) возгласа: *спаси, Боже, люди...* нѣтъ и проч. Въ Служебникѣ XIII в. (въ 4-ку на 63 л.) — а) есть молитва, *по дары идуще,* предъ молитвою: *никто же достоинъ...*, чего нѣтъ у насъ; б) молитва *по поставленіи даровъ;* в) молитва съ воздѣяніемъ рукъ во время символа вѣры; г) чинъ раздробленія даровъ и причащенія отличенъ отъ нашего и во многомъ сходенъ съ чиномъ предыдущаго Служебника XII — XIII в.; д) послѣ заамвонной молитвы идетъ *молитва кончавше литургію, молитва даровъ откровенія,*—чего нѣтъ у насъ, и проч.

5. Кондакари и Стихирари нотные, т. е. содержащіе въ себѣ кондаки и стихиры избраннымъ Святымъ и праздникамъ по мѣсяцеслову съ 1-го сентября по 31-е августа. Списокъ Кондакаря XIII вѣка находится въ московской Синодальной библіотекѣ (№ 774). Списковъ Стихираря извѣстно шесть, и всѣ они XII вѣка. Четыре находятся въ московской Синодальной библіотекѣ (за №№ 589. 572. 279. 278): первый писанъ въ 1157 г. и изъ русскихъ Святыхъ содержитъ въ себѣ стихиры только св. Борису и Глѣбу подъ 24 числомъ іюля (201); во второмъ и третьемъ есть стихиры преп. Θеодосію печерскому подъ 2 числомъ мая. Одинъ списокъ Стихираря принадлежитъ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ и содержитъ въ себѣ стихиры изъ русскихъ Святыхъ только св. Борису и Глѣбу(202). Еще одинъ такой же списокъ, впрочемъ безъ начальныхъ листовъ, —въ новгородской Софійской библіотекѣ: онъ писанъ при новгородскомъ епископѣ Аркадіѣ (1156—1163) и изъ русскихъ Святыхъ содержитъ стихиры преп. Θеодосію и св. Борису и Глѣбу, а въ концѣ и цѣлый канонъ этимъ св. Мученикамъ (203).

---

(201) Свѣдѣнія объ этомъ Стихирарѣ сообщены г. *Буслаевымъ* въ статьѣ: Палеограѳ. и филолог. матеріалы для исторіи письменъ славян., стр. 18 (см. Матеріалы для исторіи письменъ...., Москв., 1855).

(202) Описанъ г. *Востоковымъ* въ Учен. Зап. втор. отд. Импер. Акад. наукъ, кн. II, вып. II, стр. 121 — 126.

(203) Этотъ Стихирарь значится въ каталогѣ подъ именемъ «Обихода церковнаго», писанъ въ бол. 4-ку на 113 л. Первыхъ осьми тетрадей въ немъ недостаетъ, на которыхъ помѣщались стихиры съ 1 сент. по 12 декабря. На л. 99-мъ, изъ числа сохранившихся, сдѣлана слѣдующая приписка рукою самаго писца: «коньцашася книгы сия мѣсяца сентября въ 13 день на канон Въздвижения отъ мѣсяца іюня при епископѣ Аркадии и при тиюнѣ Тупочелѣ». Послѣ этой приписки помѣщены еще на оставшихся листахъ стихиры и канонъ св. Борису и Глѣбу и канонъ ап. Петру

6. Октоихи. Два Октоиха XIII вѣка есть въ новгородской Софійской библіотекѣ, одинъ полный (въ 4-ку на 164 л.), другой безъ начала и конца (въ малый листъ на 117 л.).

7. Минеи мѣсячныя и праздничныя. Въ московской Синодальной библіотекѣ сохранились десять книгъ Минеи мѣсячной XII вѣка за десять мѣсяцевъ, кромѣ марта и іюня (№№ 159—168): въ нихъ изъ русскихъ Святыхъ помѣщена служба только преп. Θеодосію печерскому. Въ новгородской Софійской библіотекѣ есть Минеи XII—XIII в. за сентябрь и октябрь (въ листъ на 253 л.), за апрѣль (—на 48 л.), май (въ 4-ку на 136 л.) и іюнь (въ л. на 114 л.). Въ той же библіотекѣ есть и праздничная Минея XIII в. безъ начала и конца (въ 4-ку на 114 л.): здѣсь, между прочимъ, помѣщена служба св. равноапостольному князю Владиміру.

8. Тріоди постная и цвѣтная. Постная Тріодь на нотахъ XII в.—въ московской Синодальной библіотекѣ (№ 319); цвѣтная Тріодь XIII вѣка безъ конца — въ новгородской Софійской (въ мал. листъ на 137 л.); постная и цвѣтная вмѣстѣ XII — XIII в. въ той же библіотекѣ, и еще такая же на нотахъ, впрочемъ, безъ начальныхъ листовъ,—въ той же библіотекѣ (въ 4-ку на 187 л.): писана попиномъ новгородской церкви св. Константина и Елены Саввою, а по мірскому имени

и Павлу, писанные сначала крупнѣе, а потомъ тѣмъ же почеркомъ, какъ и вся книга. Слова въ Стихирарѣ хотя по мѣстамъ растянуты вставками для нотъ, но гораздо менѣе, нежели въ нижегородскомъ Кондакарѣ XI—XII в.; самыя ноты нѣсколько отличны отъ нотъ этого Кондакаря: менѣе многосложны и писаны не прямо, а больше вкось надъ буквами. Нѣкоторымъ Святымъ помѣщено въ Стихирарѣ только по одной стихирѣ,. другимъ по двѣ, по три, по пяти, а на Господскіе праздники—на Рождество, Обрѣзаніе, Крещеніе—стихиръ очень много.

Грециномъ, слѣд. прежде 1226 г., когда этотъ Савва избранъ во игумена Юрьевскаго монастыря ([204]).

9. Праздники нотнаго пѣнія и Ирмологи. Книга перваго рода, подъ заглавіемъ: «каноны праздникамъ», заимствованные изъ Миней мѣсячныхъ и Тріодей постной и цвѣтной, и положенные на крюковыя ноты, есть въ новгородской Софійской библіотекѣ (въ 4-ку на 151 л.): писана въ XII—XIII в. и, не имѣя ни начала, ни конца, содержитъ въ себѣ только 26 каноновъ. Другая нотная книга, подъ заглавіемъ: «Ермолой съ Богомь починаемъ», XII или нач. XIII в., находится въ той же библіотекѣ (въ 4-ку на 154 л.) и излагаетъ ирмосы, расположенные на восемь гласовъ, изъ Октоиха, Миней и Тріодей. Ирмосовъ здѣсь вообще меньше, нежели въ нынѣшнихъ греческихъ и нашемъ славянскомъ Ирмологахъ; но во вторыхъ пѣсняхъ — больше. Ирмосы, которыхъ нѣтъ въ нынѣшнемъ греческомъ Ирмологѣ и которые печатаются у насъ обыкновенно въ концѣ каждой пѣсни, встрѣчаются и здѣсь, хотя не всѣ. Порядокъ ирмосовъ въ каждомъ гласѣ и пѣсни отличенъ отъ порядка нынѣшнихъ—греческаго и славянскаго Ирмологовъ и хуже: потому что не одинаковъ во всѣхъ пѣсняхъ. За ирмосами слѣдуютъ эксапостиларіи съ богородичными, отличными отъ нынѣшнихъ, и стихиры евангельскія — до пятой (рукопись безъ конца). Ноты вообще во всѣхъ нотныхъ книгахъ,

---

([204]) Въ каталогѣ значится подъ именемъ: «Тріодь постная», но содержитъ въ себѣ церковное пѣніе подъ крюковыми нотами съ четверга сыропустной недѣли (первые листы затеряны) до недѣли Всѣхъ Святыхъ включительно. Нѣкоторыя пѣсни въ срединѣ книги оставлены безъ нотъ. Въ концѣ книги сдѣлана приписка киноварью, намъ уже извѣстная (см. примѣч. 111). Снес. П. Собр. Р. Лѣт. III, 42. 47.

о которыхъ мы упоминали, суть крюковыя и похожи на греческія XI—XII вѣка и на наши XIII—XIV ([205]).

10. Обиходы, впрочемъ не нотные, содержащіе въ себѣ разныя послѣдованія. Таковъ Обиходъ XIII в. новгородской Софійской библіотеки (въ 4-ку на 295 л.), заключающій въ себѣ, между прочимъ, обѣдницу, чинъ вечерни, великое повечеріе, чинъ полунощницы и чинопослѣдованія общей Минеи ([206]). Таковъ и Обиходъ Румянцевскаго Музеума, XIII в., содержащій стихиры, каноны и вообще службы на разные праздники года ([207]).

11. Уставы церковные. Изъ нихъ одинъ — студійскій XII в. — въ московской Синодальной библіотекѣ (№ 330), другой XIII в.—въ новгородской Софійской (въ мал. л. на 105 л.).

12. Прологи. Несомнѣнно, что Прологи переписывались у насъ еще въ XII—XIII в. и дошли до насъ отъ того времени ([208]). Прологъ за первую, т. е. сентябрскую половину года, XII—XIII в., впрочемъ безъ начала и конца, есть въ новгородской Софійской библіотекѣ (въ

([205]) Образчикъ этихъ нотъ изъ Стихираря 1157 г. москов. Синод. библіотеки можно видѣть при вышеупомянутой (прим. 201) статьѣ г. *Буслаева* въ снимкѣ X. Снес. *Gerberti* De cantu et musica sacra, t. II, Tab. VI et VII ad fin. libri; *Востоков*. Опис. рук. Рум. Муз. стр. 650.

([206]) Въ немъ же заключаются: молитвы утренніи, тропари и антифоны воскресные, евангелія утренніи воскресныя, троичны на *Богъ Господь*, мѣсяцесловъ съ тропарями, канонъ на св. пасху, канонъ за благотворителей, канонъ за болящихъ, канонъ молебный—покаянный *Кирилла грѣшнаго*, правило ко св. причащенію, и проч. и проч.

([207]) *Востоков*. Опис. рук. Рум. Муз. стр. 405.

([208]) О перепискѣ *Пролога* упоминается въ припискѣ къ Евангелію XII—XIII в. (см. примѣч. 190).

листъ, на 132 л.) ([209]). Прологъ за вторую половину года, XIII в., также безъ начала и конца,—въ Императорской Публичной библіотекѣ ([210]).

Остается упомянуть о чинѣ елеосвященія, XIII в. (въ 4—ку на 31 л.), находящемся въ новгородской Софійской библіотекѣ, чтобы, по возможности, очертить кругъ всѣхъ, извѣстныхъ намъ, богослужебныхъ книгъ обозрѣваемаго періода, хотя,—повторимъ,—нѣкоторыя изъ нихъ, писанныя въ XIII столѣтіи, можетъ быть, къ этому періоду и не относятся.

О нѣкоторыхъ священнодѣйствіяхъ мимоходомъ говорятъ и лѣтописи, какъ-то: о вечернѣ, заутренѣ и литургіи ([211]), о совершеніи таинствъ—крещенія, священства, брака ([212]), объ освященіи церквей, о постриженіи въ монашество ([213]), объ отпѣваніи умершихъ, о крестныхъ ходахъ и проч. ([214]). При этомъ узнаемъ, что у насъ сохранялся еще обычай, особенно между князьями, кромѣ имени, даваемаго при крещеніи, давать дѣтямъ и другія, мірскія имена ([215]); что князей нерѣдко вѣнчали сами епископы, и князья вступали

([209]) Начинается съ 5-го сент. и оканчивается 6-мъ февраля; не имѣетъ нѣсколькихъ листовъ и въ срединѣ. Отличается отъ нынѣшняго Пролога тѣмъ, что въ началѣ праздниковъ и нѣкоторыхъ нарочитыхъ дней представляетъ тропарь и краткій уставъ службы праздника, а иногда только одинъ тропарь. Состоитъ, подобно нынѣшнему, изъ краткихъ житій, словъ, поученій, сказаній и под.: но нѣкоторыхъ статей не имѣетъ. Изъ русскихъ праздниковъ упомянуты только убіеніе св. Глѣба сент. 2-го и освященіе к—софійскаго собора ноября 4-го.

([210]) По Опис. рукоп. гр. Толстова, от. 1, № 113, стр. 62.

([211]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 187. 103; II, 72. 79.

([212]) Тамъ же I, 165. 172. 184. 185. 193; II, 93. 105. 107. 117 и др.

([213]) Тамъ же I, 150. 171. 174. 178. 186. 191; II, 128 и др.

([214]) Тамъ же I, 157. 179. 185. 187. 188. 194.

([215]) Тамъ же I, 185; II, 107. 117. 122. 136. 141. 143. 152.

въ бракъ очень рано, женихъ иногда одиннадцати, а невѣста даже осьми лѣтъ ([216]); что освященіе церквей и постриженіе въ монашество иногда совершались весьма торжественно—цѣлымъ соборомъ епископовъ ([217]); умершихъ хоронили очень скоро послѣ ихъ смерти, иногда на другой день; родственники и ближніе умершаго князя облекались въ трауръ — надѣвали черное платье и черныя шапки ([218]); князей и іерарховъ, а иногда и мірянъ, какъ было и прежде, хоронили въ церквахъ и монастыряхъ ([219]).

Для исторіи церковнаго пѣнія можно сдѣлать только двѣ замѣтки. Существовали еще при нѣкоторыхъ церквахъ, наприм. при соборной владимірской, доместики, управлявшіе хоромъ пѣвчихъ, и поддерживался еще старый обычай пѣть нѣкоторыя краткія пѣсни по-гречески. Такъ, въ 1151 г., когда войска великаго кн. кіевскаго Изяслава нашли его послѣ сраженія живымъ, хотя и истекающимъ кровію, то въ радости взывали: Киріе елеисонъ (Господи, помилуй), — предполагается, что такую пѣснь воины не разъ слышали во храмахъ ([220]).

При описаніи замѣчательнѣйшихъ церквей лѣтописи довольно подробно перечисляютъ разныя церковныя вещи, и все цѣнныя: сосуды золотые и серебряные, одежды или ризы, шитыя золотомъ и жемчугомъ, іерусалимы, т. е. ковчеги для храненія запасныхъ даровъ, золотые съ драгоцѣнными камнями, лампады,

---

([216]) Тамъ же I, 184. 193; II, 136.

([217]) Тамъ же II, 126. 128.

([218]) Тамъ же II, 72.

([219]) Тамъ же I, 151. 154. 156. 161. 164. 173. 176. 185. 186. 190 и др.

([220]) Тамъ же II, 64. 115.

паникадила, рипиды — золотыя и серебряныя, раки, кивоты, пелены и проч. ([221]). Нѣтъ сомнѣнія, что, по крайней мѣрѣ, при нѣкоторыхъ храмахъ, какъ и прежде, у насъ употреблялись колокола ([222]). Изъ церковныхъ одеждъ донынѣ сохранились—въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ мантія служебная св. Іоанна, архіепископа новгородскаго, и въ Хутынскомъ монастырѣ—фелонь, подризникъ, епитрахиль и поручи преп. Варлаама Хутынскаго. Мантія святителя Іоанна шита изъ матеріи василькового цвѣта на подобіе рытаго бархата: источники на ней атласные двухъ цвѣтовъ — краснаго и бѣлаго, а скрижали изъ краснаго бархата и на нихъ два креста изъ золотосеребряной парчи. Фелонь преп. Варлаама—изъ кофейнаго мухояра, оплечье у ней вишневаго атласа, а на задней сторонѣ крестикъ изъ полосатой матеріи. Подризникъ того же Преподобнаго—изъ матеріи кофейнаго цвѣта на крашенинной подкладкѣ. Епитрахиль его же—изъ кофейнаго мухояра, шитъ золотомъ и украшенъ жемчугомъ. Поручи его же — шиты золотомъ и шелкомъ по тафтѣ и украшены мелкимъ жемчугомъ.

---

(221) Тамъ же I, 165. 195; II, 111—112. 175.

(222) О колоколѣ, устроенномъ неизвѣстнымъ, упоминается въ припискѣ къ Евангелію XII—XIII в. (см. выше примѣч. 190).

НОУЧЕНІЕ

ВЪ НЕДѢЛЮ ПО ВОЗДВИЖЕНІИ.

Преосвященнѣйшаго Елпидифора, епископа вятскаго и слободскаго.

Кая польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь и отщетитъ душу свою (**Марк. 8, 36**)?

Такъ говоритъ самъ Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ. Смотрите же, какъ дорога душа человѣческая: она дороже цѣлаго міра, и потеря или погибель ея ничѣмъ въ мірѣ не можетъ вознаградиться. Подлинно, братіе, душа наша есть безцѣнное сокровище, которое мы всемѣрно должны беречь, дабы не утратить его. Она есть дыханіе отъ устъ Вседержителя; она носитъ въ себѣ образъ и подобіе Божіе и служитъ къ ближайшему нашему общенію и единенію съ Богомъ. Она даетъ намъ превосходство надъ всѣми прочими существами видимаго міра и дѣлаетъ насъ причастниками вѣчной, нескончаемой жизни. Она, однажды бывъ уже погублена въ лицѣ прародителей нашихъ, вновь искуплена цѣною крови единороднаго Сына Божія, воплотившагося и пострадавшаго за спасеніе наше. Какъ же намъ не беречь такое сокровище, ко-

торымъ самъ Богъ такъ дорожитъ? Какъ не блюсти души своей въ цѣлости и неповрежденности? Но мы, къ стыду и сожалѣнію нашему, очень мало о ней заботимся, губимъ ее, сами не замѣчая того, губимъ тогда, когда, по видимому, хотимъ сберечь ее.

Вещь какая нибудь, говоримъ, потеряна или погублена для насъ, когда она изъемлется изъ рукъ нашихъ или, хотя и остается еще въ нашемъ обладаніи, но не можетъ уже служить намъ для тѣхъ цѣлей, для которыхъ она предназначена. Душа наша есть существо неразрушимое, котораго бытіе никогда не можетъ прекратиться. Слѣдовательно, въ собственномъ смыслѣ потерять или утратить душу свою невозможно. Но она теряется въ насъ, когда перестаетъ обнаруживать жизнь и дѣятельность, свойственную существу духовному. Жизнь души, какъ духа, состоитъ въ постоянномъ стремленіи къ Богу, въ живой вѣрѣ и горячайшей любви къ Нему, и дѣятельность ея должна быть чистая, святая, богоподобная и богоугодная, непричастная сквернамъ плоти и міра и возвышающая насъ надъ всѣмъ видимымъ и тлѣннымъ. Посему все, чѣмъ душа наша удаляется отъ Бога, что подавляетъ въ насъ вѣру и любовь святую, что вредитъ чистотѣ нравовъ нашихъ, возбуждаетъ и питаетъ страсти и похоти плотскія, что приводитъ насъ ко грѣху и утверждаетъ въ богопротивной жизни,—все это служитъ къ погибели души нашей, влечетъ за собою потерю ея. Такъ, губимъ мы душу свою не только дѣлами беззаконными, но и словами праздными или соблазнительными, помышленіями суетными или низкими, намѣреніями преступными, желаніями нечистыми и чувствованіями грѣховными. Губимъ душу праздностію своею, уклоняясь

отъ должнаго исполненія лежащихъ на насъ обязанностей и чрезъ то давая въ душѣ своей свободное мѣсто различнымъ *похотямъ несмысленнымъ и вреждающимъ* (1 Тим. 6, 9); губимъ и дѣятельностію своею, когда она управляется не закономъ божественнымъ, а тщеславіемъ, любочестіемъ, своекорыстіемъ, любостяжательностію или другою какою либо страстію. Губимъ душу въ уединеніи, когда ищемъ его не для богомыслія и молитвы, не для безпрепятственнаго размышленія о предметахъ божественныхъ и спасительныхъ, не для приготовленія къ какимъ либо важнѣйшимъ дѣламъ на поприщѣ общественнаго служенія, а для какого либо самоугожденія, для воспитанія и утвержденія въ себѣ мрачныхъ мыслей и нечистыхъ пожеланій, для составленія и исполненія какихъ либо преступныхъ замысловъ и предпріятій; губимъ и въ сообществахъ, когда наши собранія и собесѣдованія служатъ не ко взаимному назиданію и утвержденію въ вѣрѣ и благочестіи, а къ возбужденію и поощренію на дѣла богопротивныя. Губимъ душу въ домахъ своихъ, когда предаемся праздности, разсѣянію, забавамъ и наслажденіямъ непозволительнымъ и соблазнительнымъ, или когда занимаемся дѣлами, чуждыми вѣры и любви христіанской; губимъ и въ храмахъ святыхъ, для того преимущественно и предназначенныхъ, чтобы въ нихъ душа наша освящалась, врачевалась отъ недуговъ своихъ, подкрѣплялась въ немощахъ, обновлялась и восходила отъ силы въ силу,—и здѣсь мы губимъ душу свою, когда приходимъ сюда, не отлагая житейскихъ попеченій, но въ разсѣяніи мыслей, въ смятеніи чувствъ и желаній, приходимъ не для молитвы благоговѣйной, а для согляданій, для смѣховъ и разглагольствій,—не

по усердію и чувству долга, а только по обычаю принятому, по лицемѣрію или по другимъ какимъ либо нечистымъ побужденіямъ. Губимъ душу свою играми и зрѣлищами, питающими одну праздность, растлѣвающими нравы, разстроивающими домашнее спокойствіе и благосостояніе; губимъ чтеніемъ книгъ, дышущихъ вольномысліемъ и распаляющихъ страсти; губимъ высокоуміемъ и многовѣдѣніемъ, чуждымъ духа евангельскаго; губимъ и маловѣдѣніемъ, легко увлекающимъ жертвы свои въ пагубныя заблужденія. Кратко сказать, едва ли не каждый шагъ обычной намъ жизни, проводимой *въ похотяхъ прелестныхъ*, *по вѣку міра сего*, *по князю власти воздушныя* (Еф. 2, 2), приводитъ насъ въ область смерти духовной; едва ли не все, что наиболѣе мы дѣлаемъ, служитъ на погибель души нашей, подавляя духовную ея дѣятельность, порабощая ее плоти, омрачая сквернами грѣховными.

Такъ, братіе, легко погубить и какбы потерять душу свою. Но какова эта потеря? Чего она стóитъ? Земля, на которой теперь живемъ, не есть всегдашнее и единственное наше жилище, и смертію не оканчивается бытіе наше; а напротивъ, за предѣлами этой земли и гроба нашего только начинается истинная, Творцемъ намъ предназначенная, никогда непрестающая жизнь наша. Только эта жизнь не одинакова для всѣхъ: для однихъ она будетъ продолжаться въ свѣтлыхъ обителяхъ небесныхъ, а для другихъ — въ мрачныхъ узилищахъ адовыхъ. Какой же мы желали бы себѣ тамъ жизни? Конечно, никто не откажется отъ наслѣдія блаженства вѣчнаго. Но кому оно въ удѣлъ можетъ достаться? Мы же сами, съ тою же душею, которую здѣсь въ себѣ носимъ, и туда перейдемъ послѣ смерти;

и жизнь загробная будетъ продолженіемъ нашей же жизни, какую здѣсь ведемъ. Явится туда душа наша съ грѣховными навыками, съ суетными помышленіями, съ плотскими вожделѣніями, съ преступными страстями, чуждая благихъ дѣлъ, безъ вѣры и любви къ Богу: чего мы при этомъ можемъ и должны ожидать себѣ отъ всеправеднаго и всесвятаго Бога нашего? Въ срамномъ рубищѣ грѣховномъ можемъ ли войти въ благоукрашенный чертогъ небесный и вкусить вечерю блаженства вѣчнаго? Нѣтъ, братіе; всякій изъ насъ понимаетъ, что блаженство есть удѣлъ душъ чистыхъ, Богу угодившихъ, *подвигомъ добрымъ подвизавшихся и теченіе* свое *скончавшихъ* въ вѣрѣ и благочестіи (2 Тим. 4, 7). Души грѣхолюбивыя и во грѣхахъ скончавшія земное бытіе свое не достойны и не способны наслаждаться благами небесными. Онѣ здѣсь удалялись отъ Бога, и тамъ не могутъ видѣть лица и славы Его; здѣсь любили мракъ и смрадъ грѣховный, и тамъ обыметъ ихъ мракъ адскій; здѣсь горѣлъ въ нихъ пламень страстей порочныхъ, и тамъ возгорится для нихъ пламень геенскій; здѣсь онѣ не жили, а были мертвы для Бога и добродѣтели, и тамъ встрѣтитъ ихъ смерть вторая и вѣчная. *Не льститеся,* говоритъ Апостолъ, *Богъ поругаемъ не бываетъ: еже бо аще сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ: яко сѣяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе, а сѣяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал. 6, 7. 8).

Итакъ, погибель души здѣсь — во времени влечетъ за собою погибель нашу вѣчную; потеря души стóитъ потери блаженства небеснаго. Что же при этомъ должны значить для насъ, какую имѣть цѣну всѣ блага міра, всѣ сокровища земныя? Не купимъ на нихъ спа-

сенія своего, какъ пріобрѣтаемъ какія либо вещи земныя и тлѣнныя; не уврачуемъ язвъ души, не закроемъ срамоты своей грѣховной, не принесемъ жертвы достойной для удовлетворенія оскорбленной нами правдѣ Божіей. Единая для насъ довлѣющая умилостивительная предъ Богомъ жертва есть Іисусъ Христосъ; Его только всеочистительная кровь, на крестѣ пролитая, можетъ омыть грѣховныя скверны души нашей; въ Его только язвахъ мы можемъ обрѣсти для себя источникъ исцѣленія душевнаго, въ Его смерти — животъ свой. *Имѣяй Сына Божія, имать животъ: а не имѣяй Сына Божія, живота не имать* (1 Іоан. 5, 12). Если же мы вѣрою и любовію своею не пріобщаемся смерти Его, не почерпаемъ отъ Него благодати спасенія, а продолжаемъ истлѣвать въ похотяхъ прелестныхъ и умремъ во грѣхахъ своихъ нераскаянными: тогда никто и ничто уже не избавитъ насъ отъ смерти вѣчной, отъ осужденія на нескончаемыя мученія: *волею бо согрѣшающимъ по пріятіи разума истины, ктому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва* (Евр. 10, 26). *Кая* убо *польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь и отщетитъ душу свою?*

Для неба нѣтъ никакой пользы человѣку отъ обладанія цѣлымъ міромъ, когда погублена, умерщвлена въ немъ небожительница—душа, и живетъ онъ только плотскою, грѣховною жизнію: но не много ему при этомъ пользы отъ того и на землѣ, въ настоящей нашей жизни. Блага земныя, по назначенію самаго всеблагаго Творца нашего, тогда имѣютъ цѣну въ глазахъ нашихъ, когда служатъ къ нѣкоторому услажденію жизни нашей (1 Тим. 6, 17): въ противномъ случаѣ, мы ни мало не дорожимъ ими. Одержимаго какою либо

болѣзнію не привлекаютъ никакія утѣхи и наслажденія, не веселятъ никакія богатства и сокровища, не радуютъ никакія почести и слава: можетъ ли же все это доставить истинную и животворную радость тому, чья душа одержима тяжкими недугами грѣховными? *Нѣсть радоватися нечестивому* (Исаіи 48, 22), глаголетъ самъ Господь нашъ: и слово Его истинно. Ищемъ мы въ благахъ земныхъ радостей и удовлетворенія своимъ желаніямъ, но не находимъ искомаго: это естественно и неизбѣжно. Почему? Потому, что въ единомъ Богѣ источникъ всякаго блага и совершенства, истинной радости и утѣшенія. А чье сердце не отверзто для Бога, не обращено къ Нему вѣрою и любовію, для того закрытъ и источникъ душевнаго мира и радости. Посему-то среди видимаго изобилія во всемъ ощущаемъ внутрь себя мучительную бѣдность и пустоту, среди утѣхъ и веселія снѣдаемся скорбію, на высотѣ честей и славы поникаемъ духомъ и крушимся сердцемъ: *нѣсть мира въ костехъ нашихъ*, по слову Псалмопѣвца,—отъ чего это? *Отъ лица грѣхъ нашихъ* (Пс. 37, 4). *Сѣясте много, и взясте мало: ядосте, и не въ сытость: писте, и не въ піянство: облекостеся, и не согрѣястеся въ нихъ* (Агг. 1, 6). Такъ обличалъ нѣкогда Пророкъ древняго Израиля, забывшаго Бога и отступившаго отъ путей правды Его: не сбывается ли тоже самое и на сынахъ новаго Израиля, кои, забывая Бога, посвящаютъ жизнь свою только на угожденіе плоти и на служеніе міру? Что они получаютъ отъ міра, заботясь столько о собраніи и пріумноженіи различныхъ благъ земныхъ? Они ищутъ счастія, веселія и радостей: а обрѣтаютъ только суету и крушеніе духа. *Кая* убо *польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь и отщетитъ душу свою?*

Престанемъ же, братіе, гоняться за обольстительными, но обманчивыми призраками благъ земныхъ; а всю свою заботу и усиліе да устремляемъ къ тому, чтобы соблюсти душу свою въ чистотѣ и нерастлѣніи, преспѣвать въ вѣрѣ и благочестіи. Если же, по немощи плоти, осквернимъ душу какими либо прегрѣшеніями: то да спѣшимъ всегда немедленно очищать ее слезами покаянія и исправленія. Тогда и здѣсь — на землѣ блага земныя будутъ имѣть для насъ цѣну, и тамъ — на небѣ не воспрепятствуютъ наслѣдовать животъ вѣчный. *Се нынѣ*, доколѣ живемъ на землѣ, *время благопріятно, се нынѣ день спасенія* (2 Кор. 6, 2): да не теряемъ этого времени для сѣянія добрыхъ дѣлъ, дабы по смерти пожать плоды блаженнаго безсмертія. Пропустимъ это время,—погубимъ здѣсь душу свою: придетъ время пожинать плоды, — и мы тогда, подобно дщери Сіоновой, прогнѣвавшей Бога въ изваянныхъ своихъ и въ суетныхъ чуждихъ, будемъ вопіять: *пройде жатва, мимоиде лѣто и мы нѣсмы спасени* (Іерем. 8, 20): но вопль сей будетъ уже позденъ и напрасенъ. Аминь.

———

СТАРОЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ.

(РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ ОТЦОМЪ, СЫНОМЪ И СВЯЩЕННИКОМЪ).

Сынъ. Нѣтъ, что ни говорите, а человѣчество идетъ впередъ, и слѣдующее поколѣніе всегда непремѣнно должно быть совершеннѣе прежняго. Что было добраго у старины, новое поколѣніе возьметъ себѣ; потомъ само выдумаетъ что нибудь такое, о чемъ и мечтать не смѣли праотцы: вотъ оно и впереди, вотъ оно и лучше.

Отецъ. Очень любезно въ отношеніи къ будущимъ поколѣніямъ; поучительно и для насъ—стариковъ. Брать бы намъ теперь уроки у нашихъ внуковъ въ расплату за то, чему когда-то учили ихъ отцовъ: внуки наши теперь уже далеко впереди насъ... Вотъ разсудите насъ съ сыномъ, батюшка! Все ему хочется доказать мнѣ и убѣдить меня, что мы — старики не умѣли жить, попусту потратили свои долгіе годы; что въ наше мудрое время сѣдина есть только признакъ отсталости; что отжившимъ свой вѣкъ старикамъ теперь остается только одно — благоговѣть предъ мудростью и преуспѣяніемъ поколѣній, которыя мы выростили...

С. Опять крайности и преувеличенія! Разумѣется, если мы такъ будемъ понимать другъ друга, никогда не дойдемъ до конца: что и толковать безъ пользы? Когда изъ двухъ вещей одну называютъ лучшею, это не значитъ еще, что другая совсѣмъ худа: въ свое время и она была хороша. И рѣчь у насъ о цѣломъ человѣчествѣ: зачѣмъ тутъ примѣшивать частныя лица?

О. Человѣчество, человѣчество... только и слышишь отъ васъ. Но человѣчество составляютъ люди; предъидущее вамъ поколѣніе людей составляемъ—мы. Такъ я и думаю, что, хоть вы толкуете и о цѣломъ человѣчествѣ, все же дѣло-то близко и къ намъ. И, что прежде было, не все и не совсѣмъ худо: скажи же пожалуйста, что тебѣ нравится изъ старины? Начиная съ прически волосъ и оканчивая убѣжденіями разума, все бы вы пересмотрѣли и передѣлали.

С. Передѣлываетъ время! Время приноситъ намъ съ собою новые взгляды, новыя понятія, потребности, удобства жизни. И станете ли спорить, что это не къ лучшему? Сравните старое время, когда на камнѣ или деревѣ съ трудомъ чертили безобразныя фигуры, чтобы по-дѣтски передать другому свою мысль, какбы пальцемъ указывая на предметъ, о которомъ хотѣли сказать,—сравните это время съ нашими днями, когда милліоны печатныхъ листовъ разносятъ по всему міру сокровище мысли съ быстротою полета птицы, дѣлая мысль или открытіе необыкновеннаго ума или труда общимъ достояніемъ человѣчества? Ужели тутъ нѣтъ разности? Ужели такіе успѣхи не дѣлаютъ чести нашимъ временамъ? Будете ли говорить, что человѣчество не ушло впередъ, не стало лучше теперь, когда оно завладѣло свѣтомъ солнца и заставило его списывать

съ насъ портреты, — когда мы взяли въ свои руки тайныя силы природы и по проложенному пути заставляемъ ихъ бѣжать съ одного конца свѣта на другой съ быстротою молніи, чтобы доносить вѣсти отъ однихъ людей къ другимъ? А успѣхи самосознанія—въ наукѣ, въ общественныхъ отношеніяхъ, въ самыхъ наслажденіяхъ жизни? Ужели послѣ всего этого станутъ еще утверждать, что человѣчество не стало лучше, умнѣй, счастливѣй? Нѣтъ, мы переживаемъ чудное время, когда каждый день приноситъ человѣчеству новый успѣхъ, съ каждымъ днемъ человѣчество становится лучше и лучше!

О. Бѣдная старина! За нѣсколько минутъ отодвигали ее отъ нашихъ временъ поколѣніями. Теперь каждый день враждебно или презрительно отталкиваетъ ее на неизмѣримыя разстоянія отъ теперешнихъ чудныхъ временъ. Еще часъ такой бесѣды: окажется, что люди, жившіе лѣтъ за пятьдесятъ до насъ, едва ли понимали, что они—люди, а тѣ, что жили тысячъ за пять лѣтъ, были только развѣ нѣкоторыя подобія людей... Ужели жъ, наконецъ, у людей нѣтъ ничего общаго, въ мірѣ нѣтъ ничего прочнаго, постояннаго, что составляло бы неизмѣнную принадлежность человѣческой жизни, что старики съ любовію передавали бы своему потомству, какъ залогъ своей любви, какъ залогъ взаимнаго союза, а молодыя поколѣнія принимали бы съ почтеніемъ и благодарностію, какъ завѣтъ предковъ?

С. Нельзя же вѣчно стоять и на одномъ: человѣчество живетъ, а жизнь—движеніе, преемство перемѣнъ, поступаніе впередъ и впередъ.

Свящ. Двигаться можно по разнымъ направленіямъ: есть движеніе и круговое на одномъ мѣстѣ; перемѣны

въ жизни бываютъ и не къ лучшему, особенно когда дѣлаютъ ихъ люди на-удачу; слово: «впередъ» выражаетъ только особенность новаго положенія сравнительно съ прежнимъ, но само по себѣ не значитъ—«къ совершенству»; оно получаетъ опредѣленный смыслъ, смотря только потому, откуда человѣкъ пошелъ и куда шелъ.

С. О, тутъ есть свои законы — неизмѣнные законы природы человѣческой. Сама природа говоритъ, что́ нужно дѣлать; наука придумываетъ средства; терпѣніе и искусство препобѣждаютъ трудности; жизнь произноситъ оцѣнку; время и нужда возбуждаютъ новые вопросы; отсюда опять—усилія науки, трудъ терпѣнія человѣческаго, исправленіе старыхъ ошибокъ и заблужденій, новые успѣхи...

О. Успѣхи, которые тоже со временемъ могутъ оказаться ошибками и заблужденіями?..

С. Конечно.

О. Жалкая игра, унижающая людей, возмущающая сердце!

С. Но изъ заблужденій вырабатывается истина; ошибки наводятъ на истинный путь — преуспѣянія.

О. Какая смѣлая ложь! Какія превратныя,—извини, — уродливыя понятія! Нѣтъ, мнѣ кажется, мудрецы нынѣшнихъ дней совсѣмъ отказались отъ здраваго смысла человѣческаго.

Свящ. Зачѣмъ такъ горячо принимать къ сердцу каждое слово? Зачѣмъ такъ немилосердо судить и осуждать незрѣлую мысль и пылкое слово молодости, когда и старость имѣетъ свои увлеченія и свои ошибки?

О. Не хотите ли вы сказать, что и мы столько же неправы, отстаивая преданія и обычаи отцовъ, завѣты

предковъ, добро старины, сколько и нынѣшнія молодыя поколѣнія, для которыхъ все не новое — ошибка и заблужденіе, все, ими выдуманное,—совершенство?

Свящ. Въ томъ и другомъ случаѣ могутъ быть крайности...

О. Укажите же средину.

Свящ. Укажу сначала крайности. Вы простите мнѣ, духовному отцу вашему, если сорвется съ устъ и рѣзкое слово, слово истой правды. Вы простите мнѣ, если ни та, ни другая сторона, не найдетъ у меня защиты, найдетъ только обличеніе. Мнѣ дороги души, и та и другая душа одинаково: обѣимъ скажу правдивое слово. Начнемъ съ слѣпой привязанности къ старинѣ.

О. Мы—старики больше виноваты? Съ насъ надобно начинать судъ?

Свящ. Не говорю, кто виноватъ больше; не называю виновнымъ никого и не сужу, а разсуждаю и бесѣдую. Начинаю съ привязанности къ старинѣ потому, что и въ увлеченіяхъ молодости нерѣдко виновна бываетъ неосторожность старшихъ.

О. Въ этой, напримѣръ, необузданной страсти—выдумывать новости?

Свящ. Да, и въ ней. Двѣ существенныя ошибки дѣлаютъ поклонники старины во вредъ старинѣ въ глазахъ молодыхъ поколѣній. Одна изъ этихъ ошибокъ—неразборчивость. Говорить, что все старое хорошо, также неразумно, какъ и хвалить только одно новое. Что было бы съ нами, еслибъ у насъ всегда оставалось только старое? Жили бы мы до сихъ поръ дикарями, какъ за тысячу лѣтъ жили наши предки. Оставались бы мы до сихъ поръ язычниками несчастными, еслибы наши праотцы не имѣли мужества отречься

отъ языческихъ заблужденій предковъ. Или вотъ вышло бы изъ насъ то, что сдѣлали изъ себя отдѣлившіе себя отъ Церкви раскольники, на букву промѣнявшіе духъ вѣры, за букву отдавшіе благодать Христову, сберегшіе старыя книги, но не умѣющіе уберечь своихъ душъ. Они тоже твердятъ, что только въ старинѣ спасеніе. Но, по совѣсти, кто не пожалѣетъ о нихъ? Кто не скажетъ, что они — въ страшномъ заблужденіи? Тутъ и добро старины теряетъ цѣну подъ вліяніемъ неразборчиваго упорства въ заблужденіи.

О. Да, это правда.

Свящ. Но это еще меньшее зло. Есть другое, болѣе важное: это — неискренность. Обманывая себя, обманываютъ другихъ: какого ждать отсюда добраго плода? Вы по привычкѣ привязались къ обычаю, который въ ваши дни не былъ еще старъ, и не легко бы отстали отъ него потому, что уже пріобрѣли привычку. Вашъ сынъ былъ поставленъ въ другихъ обстоятельствахъ; привычки вашей пріобрѣсти не могъ; достоинства въ старомъ обычаѣ особаго не видитъ: чего же вы, наконецъ, хотите отъ него? Подражанія обезьяны, лукаваго лицемѣрія? Смотрите, къ чему поведетъ его, если онъ, съ насиліемъ себѣ, сдѣлаетъ разъ—два угодное вамъ? Онъ потеряетъ довѣріе къ вамъ и, тяготясь вашею волею въ одномъ случаѣ не безъ основанія, со временемъ отвергнетъ всѣ ваши преданія старины безъ основанія. А если при этомъ подмѣтитъ молодой человѣкъ лицемѣріе и неискренность въ самомъ защитникѣ старины?

О. Какое жъ лицемѣріе?

Свящ. О, оно встрѣчается весьма часто и, если укрывается иногда отъ самыхъ лицемѣровъ, то никогда не

скроется отъ чистаго взора дитяти, отъ свѣтлыхъ очей юноши—свидѣтеля жизни старшихъ. Я разскажу вамъ нѣсколько опытовъ такого лицемѣрія изъ множества видѣнныхъ мною. Иной постоянно твердитъ о старинѣ, о старыхъ обычаяхъ, о старыхъ добродѣтеляхъ. А въ жизни? О, это другое дѣло. Покрой платья—святыня. Но платьемъ стараго покроя не покроешь пороковъ, какъ не покроешь ихъ и модною одеждою послѣднихъ дней. А подъ старымъ платьемъ иногда кроются очень свѣжія страсти. Я зналъ одного старовѣра, непреклоннаго въ любви къ старинѣ, когда шла рѣчь о старинѣ. Но это былъ изнѣженнѣйшій человѣкъ, заботившійся только о томъ, чтобы ему было сытно и покойно. Лѣствица для молитвы висѣла у божницы на показъ всѣмъ: но молитва ему и на умъ не шла. Старыя книги лежали подъ святымъ угломъ, но въ нихъ не заглядывали никогда. А еще стоялъ человѣкъ за старую вѣру. Внуки у него вышли — безбожники.

О. Ну, то совсѣмъ другой классъ людей.

Свящ. Нѣтъ, люди все люди. Поприсмотришься къ нимъ, въ разныхъ концахъ увидишь очень много похожаго одно на другое. Толкуютъ о трезвости старыхъ временъ, и безумно упиваются моднымъ виномъ, приговаривая только: «такого старики наши не пивали». Толкуютъ о скромности и расчетливости старыхъ временъ, и тщеславію предоставляютъ опредѣлять мѣру расходовъ. Толкуютъ о строгихъ обычаяхъ старыхъ временъ въ отношеніи къ взаимнымъ сношеніямъ въ обществѣ, и первые подаютъ примѣръ пересудовъ, ропота, насмѣшливости... Молодые люди, еще не совсѣмъ испорченные, по встрѣчаемымъ примѣрамъ судятъ о старинѣ и не уважаютъ ея, не вѣря красному слову,

опровергаемому дѣломъ. И бьются бѣдные, не зная, за что взяться... Пастырь духовный указалъ бы на примѣръ старшихъ, какъ бы слѣдовало: но ему чаще приходится защищать стариковъ отъ укоровъ, чѣмъ выставлять въ примѣръ...

О. Горькій урокъ!

Свящ. Далъ бы только Богъ, чтобы онъ пошелъ въ пользу. Учиться никогда не стыдно; для исправленія жизни Господь и даетъ намъ иногда лишніе годы. Сѣдина почтенна. Но не дай Богъ, чтобы на судѣ Божіемъ послужила она къ вящшему осужденію; не дай Богъ предъ смертью услышать отъ своей совѣсти: «доживая до старости, ты только умножалъ грѣхи; сѣдина не принесла тебѣ опытности и христіанскаго благоразумія; рѣдкою сѣтью прикрывая непростительныя въ старости немощи, она только вводила въ соблазнъ другихъ, вмѣсто того, чтобы поучать и исправлять ихъ: худо будетъ тебѣ»!

О. Страшный урокъ!

Свящ. Страшенъ судъ совѣсти и Божій; уроки никогда не могутъ быть страшны...

О. Но много ли остается намъ жить?

Свящ. Господь съ вами, старче! Я не говорилъ, что нынѣ вамъ послѣдній часъ; я не сказалъ, что ужъ вы погибли, указалъ только, что́ иногда бываетъ худаго и въ неразумной привязанности къ старинѣ. Но и это указалъ для того, чтобы имѣть случай сказать, какъ бы и сѣдину, и любовь къ старинѣ, можно было употребить во спасеніе души и во благо ближнихъ, родныхъ, кровныхъ вашихъ.

О. Какъ это, какъ это, скажите, батюшка?

Свящ. Позвольте, мы оставили въ сторонѣ вашего сына, у котораго въ словѣ тоже видятся свои крайности. Посмотримъ теперь съ нимъ на любовь къ новому, на вѣру въ успѣхи человѣчества, на торжество новаго времени...

С. Насъ, по крайней мѣрѣ, нельзя упрекнуть въ крайности.

Свящ. Въ ней-то прежде всего и можно упрекнуть новое поколѣніе; неискренностью убѣжденій оно страдаетъ больше всего...

С. Не понимаю. Мы готовы отдать жизнь за убѣжденія: довольно, кажется, доказательствъ искренности!

Свящ. Для общества молодыхъ людей, которые въ пылу разгоряченной бесѣды стараются превзойти другъ друга чѣмъ кто можетъ, довольно и весьма довольно. Нынѣ такъ дешева стала жизнь, что ею рискуетъ каждый, и каждый готовъ вѣрить другому, что онъ искренно жертвуетъ жизнію, лишь бы только и сосѣдъ въ свою очередь вѣрилъ ему. Но съ духовнымъ отцемъ, какъ и съ своею совѣстью, можно говорить спокойнѣе и правдивѣе. Жизнь — великое дѣло! Въ употребленіи ея отдадимъ мы отчетъ Господу Богу и за злоупотребленіе должны будемъ расплатиться всею вѣчностію. Оцѣните это и потомъ скажите: можно ли за каждое слово платить жизнію?

С. Но развѣ мы платимъ за слово?

Свящ. Да, за слово!

О. И мнѣ часто приходило на мысль тоже.

Свящ. Будемъ искренни между собою: въ такомъ случаѣ легко доищемся правды. Съ чего бы начать?

О. Да вотъ хоть съ успѣховъ человѣчества, о кото-

рыхъ безпрестанно и такъ громко трубятъ поклонники новаго времени.

Свящ. Пусть такъ. Вопросъ тутъ имѣетъ двѣ стороны: одною онъ касается стараго времени; другою обращенъ къ теперешнимъ временамъ. Въ старое время было худо? Кто же сказалъ это? Не тѣже ли люди, которые горячо превозносятъ все новое? А они хорошо ли знаютъ старину, которую осуждаютъ? Возьмутъ для сравненія сторону древности, какую вздумается, склеютъ, какъ придется, взглядъ на то, чего и остатковъ не видали, и слѣдовъ не нашли: вотъ и начало для сужденія. Добросовѣстно ли это? Не игра ли это только словами?

С. Но вѣдь можно сказать несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, чего встарь не было?

Свящ. Но зачѣмъ не говорить о томъ, что было? Приводите сравненіе точнѣе: можетъ быть, подивитесь старинѣ. Не говорю о литературѣ, объ искусствахъ, которымъ доселѣ не надивится просвѣщенный міръ, обращаясь къ незапамятнымъ временамъ глубокой древности. Нынѣ имѣютъ обычай больше говорить о пользѣ, о полезныхъ изобрѣтеніяхъ. Такъ я и хочу напомнить именно о томъ, что болѣе важно и полезно. Отдаю честь печатнымъ станкамъ—великому изобрѣтенію новѣйшихъ временъ; но простите—больше удивляюсь тому, кто придумалъ средство зерно превращать въ чистую муку и изъ ней приготовлять здоровую и питательную пищу—во благо, въ собственномъ смыслѣ, всего человѣчества...

С. Что жъ изъ этого?

Свящ. Изъ этого, по крайней мѣрѣ, вотъ что: и у ста-

рины есть свои заслуги, свои успѣхи, свои изобрѣтенія, которыя переживаютъ цѣлыя тысячелѣтія; и отъ старины не слѣдуетъ отдѣлять себя молодымъ поколѣніямъ, для которыхъ старое время подготовило то, что есть необходимѣйшаго и существенно полезнаго въ жизни. Безусловно порицать все старое значитъ только обличать свое невѣдѣніе или легкомысліе.

С. Но бытъ человѣчества духовный, умственная жизнь, нравственное начало: ужели вы найдете въ старинѣ что либо подобное нашимъ временамъ?

Свящ. Отвѣтъ будетъ зависѣть отъ того, какіе брать во вниманіе періоды времени и на какихъ останавливаться сторонахъ умственной и нравственной жизни. Есть въ жизни человѣчества различные періоды по отношенію къ духовной сторонѣ, различные, какъ время тьмы и свѣта, какъ время гнѣва и милосердія Божія; но различіе положено здѣсь не людьми, не человѣческими усиліями, не вдругъ и не случайно, ко спасенію, а не къ надменію людей. То, что собственно принадлежитъ людямъ, не думаю, чтобы ушло слишкомъ далеко отъ старины. Во внѣшнихъ изобрѣтеніяхъ и пріобрѣтеніяхъ, въ иной разъ, новое время уходитъ впередъ, хотя старина имѣетъ свои тайны, которыя доселѣ не разгадаютъ мудрецы нашихъ дней. Въ отношеніи къ внутренней жизни люди едва ли бродятъ не по однимъ и тѣмъ же изворотамъ. Философія и нынѣ точно также путается въ вопросахъ и предположеніяхъ, какъ и прежде, часто наталкиваясь на старыя положенія и ничего не прибавляя къ самосознанію человѣчества, не улучшая людей. Искусства, не

сдѣлавшись тоньше, сдѣлались изнѣженнѣе и не столько образуютъ вкусъ, сколько разслабляютъ воображеніе. Самыя удовольствія жизни, сохранивъ все, что было дурнаго въ забавахъ всѣхъ временъ, сдѣлались только искусственнѣе, и священнику, имѣющему случай видѣть болѣзни душъ, можно сказать смѣло,—вреднѣе и для тѣла, которое они разслабляютъ, пораждая болѣзни и сокращая вѣкъ, и для души, которой не успокоиваютъ, не насыщаютъ, а только раздражаютъ и дѣлаютъ болѣзненно-ненасытимою: источникъ того разнообразія забавъ, какое отличаетъ наши времена...

О. Неоспоримая истина! Она такъ и отпечатлѣвается сама собою на лицахъ нашихъ молодыхъ людей: въ веселыя минуты жизни они выражаютъ какое-то безчувствіе и разочарованіе не по лѣтамъ; въ важныхъ дѣлахъ чаще встрѣтишь легкомысліе.

Свящ. Однакожъ мы забыли еще другую сторону вопроса—о дивныхъ успѣхахъ человѣчества въ новѣйшее время.

С. Что, и тутъ больше играютъ словами?

Свящ. Правда заставляетъ сказать: да! Великія изобрѣтенія остаются неприкосновенны, и, что человѣчество нынѣ владѣетъ ими, никто этого отвергать не станетъ. Но возгласы о торжествѣ человѣчества, но легкомысленныя мечты о невообразимой еще будущности человѣчества... какъ хотите, противъ нихъ возстаетъ и смыслъ, и доброе чувство христіанское.

С. Что же тутъ худаго?

Свящ. Много, куда ни посмотришь. Хвастовство и самохвальство въ частномъ человѣкѣ, кто бы онъ ни былъ, — порокъ, который осуждается не только стро-

гимъ нравственнымъ судомъ, но и чувствомъ приличія. Не понимаю, какимъ образомъ этотъ порокъ пересталъ бы быть порокомъ, когда бы сдѣлался недостаткомъ общимъ? Мнѣ кажется, здѣсь принимаетъ онъ только большіе размѣры и дѣлаеття особенно недостойнымъ. По крайней мѣрѣ, служитель живаго Бога не можетъ не трепетать, слыша непрестанные клики самохвальства изъ устъ людей. Предъ кѣмъ выхваляемъ мы себя, воздавая неумѣренныя хвалы мудрости человѣческой, съ какой-то злобной радостью стараясь преувеличить успѣхи человѣческой изобрѣтательности?... Страшно сказать, но мнѣ приходилось съ скорбнымъ сердцемъ примѣчать, что люди, преувеличивавшіе вѣру въ человѣчество, мало-по-малу теряли вѣру въ Бога и съ этою вѣрою теряли все, что только есть лучшаго въ человѣкѣ: свѣтлый разумъ, благородство чувствъ, силу воли, чистоту совѣсти и жизни... И изъ-за чего все это? Изъ-за однихъ словъ!

С. Не утверждайте, по крайней мѣрѣ, этого.

Свящ. Нѣтъ, не могу не утверждать того, что составляетъ сущую правду, что, при моемъ посредствѣ, высказывали предъ Богомъ раскаявающіяся совѣсти... Успѣхи человѣчества: здѣсь я вижу только два слова, безъ того великаго смысла, какой даетъ имъ неосторожное самохвальство человѣческое. Успѣхи: да, они есть, они видимы; но что жъ это за успѣхи, что за предметъ гордости для человѣчества? Половина, и большая половина такъ-называемыхъ дивныхъ изобрѣтеній—совершенно случайна. Человѣчество не выдумало ихъ по преднамѣренному плану; оно набрело на нихъ безъ всякаго предварительнаго ожиданія, встрѣ-

чало ихъ неподготовленное—не только безъ сочувствія, но и съ предубѣжденіемъ, съ насмѣшкою, съ ненавистью. Великая честь человѣчеству и его успѣхамъ! Другая часть открытій и изобрѣтеній принадлежитъ наукѣ, кропотливому труду человѣка, напряженнымъ усиліямъ ума человѣческаго. Но оставимъ, если хотите, въ сторонѣ ту значительную долю открытій, въ которыхъ слѣдующій день открываетъ только произвольныя теоріи, нескладныя гипотезы, смѣлыя, но потому-то и не надежныя мечты. То, что есть прочнѣйшаго между плодами кропотливой науки, таково ли оно, чтобы этимъ гордиться? Тысячелѣтія пролетаютъ надъ цѣлыми поколѣніями тружениковъ знанія; трудъ растетъ вмѣстѣ съ поколѣніями, но плодъ не растетъ вмѣстѣ съ успѣхами труженика. Еще нужны усилія, еще надобятся поколѣнія... и вотъ тысячелѣтіями выработывается наконецъ мысль. Счастливецъ-изобрѣтатель видитъ только успѣхъ; собратія рукоплещутъ торжеству; бѣдныя прежнія поколѣнія, со всѣмъ ихъ трудомъ, забыты; они трудились, другіе вошли въ трудъ ихъ; они сѣяли, другіе пожинаютъ плоды! Дѣти по легкомыслію, хотя не дѣти по искренности души, по незлобію сердца, не видятъ того, что доставшееся легко имъ подготовлено прежде трудомъ, столько же долгимъ и неутомимымъ, сколько и неблагодарнымъ... Нѣтъ, не клики самохвальства, въ нихъ нѣтъ смысла,—а воздыханія болѣе умѣстны здѣсь, теплая слеза въ память прежнихъ тружениковъ, вздохъ о падшей природѣ человѣческой... Боже мой, Боже мой! Что сдѣлалъ изъ себя человѣкъ! На какой трудъ обрекъ онъ себя, съ своими прекрасными силами осудивъ себя на мученіе

вѣками усилій вырабатывать одну мысль! На какую низкую ступень опустился онъ, нисшедши до малодушія ребячески хвастать каждою новою мыслью, каждымъ успѣхомъ, стоившимъ труда вѣковъ!..

С. Конечно, если смотрѣть на все такъ глубоко, можно все осуждать.

Свящ. Нынѣшнія поколѣнія любятъ проникать въ глубину, хвалятся страстію и умѣньемъ разбирать все до послѣднихъ оснований, до малѣйшихъ подробностей: отъ чего же съ ними и не посмотрѣть поглубже на такой вопросъ, каковъ вопросъ объ успѣхахъ человѣчества. Осуждать? О, нѣтъ; мы призваны къ тому, чтобы служить только благу душъ, примирять ихъ съ Богомъ, вспомоществовать дѣлу спасенія. Если и сорвется иногда горькое слово: ей, только отъ боли сердца... Бѣдная юная душа, напитанная мечтами, разсѣянно бродитъ взоромъ по міру, ища пищи своей гордости, оправданія своимъ страстямъ. Бездѣятельная, она сама не привнесла ничего въ общую сокровищницу знанія или благоустройства быта человѣческаго; разслабленная, она и не обѣщаетъ ничего впереди, она сдѣлалась неспособна принести какую нибудь лепту во благо ближнихъ; ослѣпленная, она не видитъ, какъ съ каждымъ днемъ ниспускается она все ниже и ниже, хотя, дѣйствительно, каждый день погружается больше и больше въ тину страстей—лѣности, самоугодія... А между тѣмъ, человѣкъ съ такою несчастною душою только и твердитъ объ успѣхахъ человѣчества, о надеждахъ на человѣчество. Не поскорбитъ ли о немъ душа пастыря, отца, всякаго добраго христіанина? Другъ мой! Человѣчество владѣетъ нынѣ многими сча-

стливыми изобрѣтеніями: много ли мы съ тобою сдѣлали или сказали полезнаго для человѣчества? Исторія вписывала и вписываетъ много именъ, о которыхъ хочетъ сохранить память: кто эти люди? Тамъ, гдѣ нибудь, въ тиши своего скромнаго угла терпѣливо трудится добрый человѣкъ, и—не даромъ; новый трудъ приноситъ ему новый успѣхъ, новый успѣхъ вызываетъ на новый трудъ; полезный плодъ идетъ на пользу общую, а труженикъ все продолжаетъ свой трудъ и идетъ къ новымъ успѣхамъ. Другіе дивятся ему; онъ дивится только празднымъ возгласамъ, а самъ продолжаетъ свой трудъ... Такихъ-то людей записываетъ у себя на память исторія... А тѣ, которые трубятъ о чужой славѣ? Ихъ исторія принимаетъ только въ сотрудники къ себѣ, предоставляя ихъ вѣщимъ устамъ современниковъ, себѣ предоставляя потомство... А эти самохвалы человѣчества? Тотъ, кто съ истинною пользою и честію трудится для человѣчества, съ сожалѣніемъ только посмотритъ на нихъ и отклонится отъ ихъ празднаго общества...

С. Ужели же всѣмъ идти однимъ путемъ?

Свящ. Признаюсь, не совсѣмъ разумѣю этотъ вопросъ... Если вы спрашиваете о пути преуспѣянія, то вы уже сами дали отвѣтъ еще прежде, когда говорили, что человѣчество идетъ впередъ. Человѣчество,—слѣдовательно, всѣ должны идти впередъ.

С. Но не всѣмъ же быть геніями и благодѣтелями человѣчества...

Свящ. Оставимъ, прежде всего, громкія фразы. Человѣчество—слово звучное, но, согласитесь, недовольно опредѣленное. Геніи—дѣло исключительное; объ нихъ

нѣтъ рѣчи, когда дѣло идетъ объ успѣхахъ всего человѣчества, если не принимать людей за стадо безсловесныхъ, которыя могутъ идти только туда, куда ихъ поведутъ. Благодѣтели человѣчества... Я думаю, что для всего человѣчества можетъ быть только одинъ благодѣтель—Тотъ, кто свыше приникаетъ на сыновъ человѣческихъ и, управляя судьбами міра, хранитъ бытіе всѣхъ людей, которое Самъ даровалъ, всѣмъ подаетъ необходимое для жизни временной, о благѣ всѣхъ душъ печется, какъ Отецъ...

О. О, по истинѣ такъ, по истинѣ такъ!

Свящ. Вотъ теперь, съ мыслію о Немъ, нашемъ единомъ Отцѣ и Благодѣтелѣ, обратимся, если хотите, къ слову о путяхъ преуспѣянія, общихъ для всѣхъ, для старыхъ и юныхъ, для просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ, для богатыхъ и бѣдныхъ. Отецъ небесный откроетъ намъ эти пути въ словѣ своемъ, въ Евангеліи спасенія о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ.

С. Но мы говоримъ объ успѣхахъ... какъ сказать?.. объ успѣхахъ не то, чтобы видимыхъ, внѣшнихъ, однимъ словомъ, объ успѣхахъ науки, гражданственности...

Свящ. Я не выпускаю изъ виду и этихъ успѣховъ: но думаю, что тотъ, кто останавливается только на нихъ, не правъ. Наука не для всѣхъ; можетъ быть, и не несправедливо бы сказать: не для большинства. Гражданственность, привязываясь къ гражданству, которое безсмертія не имѣетъ, принадлежитъ только временному быту человѣка, и успѣхи ея имѣютъ цѣну только относительную и временную. Кругъ этихъ успѣховъ

слишкомъ тѣсенъ для человѣчества, не удовлетворитъ вполнѣ человѣка.

О. Да, правду сказать, какъ доживешь до старости лѣтъ, какъ увидишь, что впереди только смерть и отвѣтъ предъ Господомъ Богомъ: такъ ужъ тутъ и не до успѣховъ человѣчества; успѣть бы омыть свою совѣсть, достойно приготовиться къ христіанской кончинѣ, спасти душу свою.

Свящ. Великая и сущая истина! Надобно бы только желать, чтобы она памятовалась всегда—отъ первыхъ дней юности до послѣднихъ дней старости. Да, истинно такъ, вотъ нашъ путь преуспѣянія: постоянное приготовленіе себя на землѣ для неба. Поприще этого преуспѣянія—вся жизнь. Предметъ попеченій — душа безсмертная. Цѣль труда—вѣчное блаженство въ царствѣ славы Божіей. Руководство въ подвигѣ — законъ Господень. Съ этого нужно начинать; это должно составлять предметъ нашихъ постоянныхъ заботъ, и въ этомъ всегда и всякій можетъ преуспѣвать при помощи Божіей. Что ѣшь и пьешь, во что одѣваешься, въ какихъ стѣнахъ живешь, все это вещи внѣшнія и преходящія, которыя и тутъ скоро прискучиваютъ и забываются. Но не погибнутъ убѣжденія, которыми напитана душа безсмертная; не умрутъ добрыя свойства, которыми облечетъ ее добрый христіанинъ; не истлѣетъ вѣчный градъ Божій—небесныя селенія душъ праведныхъ. Добро и спасеніе — вотъ цѣли, для которыхъ дарована намъ жизнь; тотъ только постоянно идетъ впередъ вѣрнымъ путемъ, кто преуспѣваетъ въ добрѣ и приближается къ Богу: изъ-за другихъ успѣховъ не стоило бы жить; они ниже жизни, ниже души.

С. Но нельзя же всю жизнь только и думать о небѣ.

Свящ. Еслибы у насъ было довольно разума для того, чтобы цѣнить небо, довольно благоразумія, чтобы понимать значеніе нѣсколькихъ лѣтъ земной жизни, какъ срока приготовленія къ блаженству небесному, довольно чистоты совѣсти, чтобы понимать, что мы отнимаемъ у души, отнимая день у служенія Богу, отнимая у себя случаи сдѣлать добро: мы бы никогда не сказали этого. Боже мой, что сдѣлали съ собою люди! Имъ скучно, имъ тяжко думать о небѣ, о святости души, о блаженствѣ Святыхъ... А еще говорятъ о преуспѣяніи человѣчества! Знаютъ, что здѣсь не вѣчны, что смерть такъ и ждетъ своего часа, и только и находятъ нужнымъ думать о землѣ. Говорятъ, что вѣруютъ въ блаженство вѣчное, по крайней мѣрѣ, боятся вѣчности, и не хотятъ думать о ней, боятся думать о ней. И это—христіане, принимающіе благодать таинствъ въ обновленіе и укрѣпленіе души, въ обрученіе жизни и царствія! Жалкіе успѣхи!

С. Но какъ же, наконецъ, совмѣстить то, чего требуетъ жизнь временная со всѣми ея условіями, съ тѣмъ, что нужно для жизни вѣчной?

Свящ. Въ томъ-то и бѣда, что мы раздѣлили двѣ эти вещи своевольно, насильственно, отдѣливъ человѣка отъ Бога, забывъ человѣка для воображаемаго человѣчества, замѣнивъ заботу о себѣ, о своей душѣ, о своемъ спасеніи, праздными толками объ общемъ благѣ. О, Господи, сколько на насъ лежитъ труда — очистить каждому свою душу; сколько усилій нужно пріобрѣсти себѣ что нибудь на вѣчность, а мы хлопочемъ о другихъ! Други мои! Спросите у своей совѣсти:

положилъ ли въ нее Господь обязательство для васъ— безпокоиться о людяхъ, которые живутъ на той половинѣ земнаго шара? Поищите въ писанномъ законѣ Господнемъ: есть ли хотя одно повелѣніе о томъ, чтобъ вы придумали для своихъ ближнихъ лучшіе кровы, благообразнѣйшія украшенія стѣнъ, болѣе удобныя ложа? Но и совѣсть, и законъ скажутъ вамъ, что Господь спроситъ у васъ вашей души. Други мои! Не въ томъ сила, чтобы сложить руки и ждать, пока съ неба свалится какое нибудь доброе свойство, или случай натолкнетъ на какое нибудь доброе дѣло. Душа живетъ; есть у ней свои живыя потребности и добрыя движенія; есть у ней и зародышъ болѣзни, и злыя наклонности. Развивайте добро, питайте добрыя стороны души; ослабляйте зло, которое таится въ душѣ, боритесь съ нимъ, препобѣждайте его: какой обширный кругъ дѣятельности и преуспѣянія! Здѣсь открывается потребность вѣры: безъ ней невозможно угодить Богу. Изучите же вѣру, сколько можете; усвойте вѣру сердцемъ: трудъ не легкій, а преуспѣяніе столько же необходимо, сколько и сладостно! Вѣра пролагаетъ путь христіанскому упованію, ободряющему душу: преуспѣйте въ немъ! Въ духѣ вѣры и упованія надобно дѣятельно преуспѣть въ любви къ Богу, безъ чего не наслѣдуешь блаженства въ Богѣ: потрудитесь надъ своимъ самолюбивымъ, страстнымъ сердцемъ, внѣдрите въ него любовь къ Богу: вотъ трудъ! вотъ преуспѣяніе!

О. О, еслибы Господь далъ успѣхъ! Сколько бы жизнь имѣла сладости! Сколько бы добра можно было сдѣлать!..

Свящ. Да, добра и ближнимъ. Отецъ семейства, вѣ-

рующій и уповающій, съ жаромъ, и вмѣстѣ и съ непобѣдимымъ терпѣніемъ, устремился бы на подвигъ воспитанія дѣтей своихъ и въ этомъ святомъ трудѣ, съ каждымъ днемъ подвигая дѣтей своихъ впередъ по пути добра, и самъ подвигался бы впередъ, утверждаясь больше и больше въ добрѣ: вотъ прочное, доброе преуспѣяніе! Еслибы всѣ отцы дѣйствовали такъ: преуспѣяніе росло бы, расширялось бы, обнимало бы собою всѣхъ. Не видѣли бы мы толпы этихъ несчастныхъ, которые изъ домовъ родительскихъ выпущены въ жизнь безъ руководства, безъ основаній добра, и цѣлую жизнь бродятъ во тьмѣ, не зная, за что взяться, непримѣтно склоняясь къ злу и преуспѣвая только во злѣ.

О. Несчастные отцы! Какой грѣхъ уносятъ они иногда съ собой въ могилу!

Свящ. Христіанинъ, преисполненный упованія, терпѣливо несетъ свой трудъ, какой наложила на него жизнь. Въ этомъ трудѣ видитъ онъ свое единственное во временной жизни призваніе и дѣлаетъ свое дѣло, какъ дѣло Божіе, въ которомъ отдастъ Богу отчетъ. Сколько пріобрѣтаетъ отъ этого самый трудъ, самое дѣло! Еслибы всѣ труженики трудились такъ, одушевляясь упованіемъ христіанскимъ: какъ бы быстро пошло все впередъ, къ лучшему, къ совершенству, хотя и безъ громкихъ возгласовъ! Вотъ вамъ и преуспѣяніе общее! Каждый становится лучше за добросовѣстнымъ трудомъ; всѣ пріобрѣтаютъ лучшій плодъ достойнаго труда.

О. Что скажешь противъ этого? Такой порядокъ принесъ бы больше пользы, чѣмъ всѣ разсужденія непризванныхъ благодѣтелей человѣчества.

Свящ. Вотъ это прекрасно сказано: разсужденія непризванныхъ благодѣтелей человѣчества. Эти разсужденія — болѣзнь нашего времени. Нельзя и безъ разсужденій, какъ дѣлаютъ слѣпые ревнители старины: но и общество, какъ и человѣкъ, имѣетъ свой умъ — въ предержащей Власти, умудряемой Богомъ: рукамъ и ногамъ не слѣдъ разсуждать. Каждый обсуживай свое дѣло и свое душевное состояніе; усовершайся въ дѣлѣ; усовершай себя внутренно: будетъ порядокъ, будетъ и успѣхъ. А то какого ожидать добра, когда неопытный юноша тратитъ время на праздныя обсужденія всего, что его не касается; когда всякій на удачу, не видя ни начала, ни конца, щедро бросаетъ случайные взгляды и идеи, думая опытомъ надъ людьми извѣдывать прочность случаiйныхъ находокъ своей неустроенной мысли; когда только и слышишь толки объ общемъ, о чужомъ, а вокругъ себя не скоро отыщешь человѣка, который бы подвигался впередъ самъ въ своемъ дѣлѣ? Удержи, мой другъ, слово осужденія надъ другимъ, надъ чужимъ дѣломъ. Тебя никто не призывалъ въ судьи; а судьи безъ призванія, безъ началъ—язва общества, а сами—не весьма достойные люди.

С. Однакожъ есть что нибудь хорошее и въ нашемъ времени?

Свящ. О, много и очень много, благодаря Господу Богу, пекущемуся о насъ. Будетъ и еще больше, если мы будемъ вѣрны тому, что составляетъ вѣчное сокровище и совершенство наше—вѣру и вѣрность Богу; если, крѣпко держась добра старины, оправданнаго вѣками, сами не будемъ кружиться въ водоворотѣ

праздныхъ мыслей и предположеній, не будемъ насильственно выжимать событій и успѣховъ у времени, которымъ владѣетъ Богъ, которое имѣетъ свои законы. Можетъ быть, и не придется намъ увидѣть, что пріобрѣтутъ себѣ люди изъ нашихъ трудовъ: доброму христіанину утѣшительнѣе всего—перейти въ вѣчность съ мыслію, что онъ въ жизни подвизался подвигомъ добрымъ и можетъ чаять вѣчнаго вѣнца. А добрымъ человѣкомъ, вѣрнымъ христіаниномъ можно быть всегда: это не зависитъ отъ времени и отъ удобствъ или неудобствъ времени. Наша православная старина оставила намъ много памятниковъ доблестей: дай Богъ, чтобы новыя времена умножали плоды вѣры и добродѣтели!

ПОУЧЕНІЕ

КЪ ПОСЕЛЯНАМЪ, ПО СЛУЧАЮ НЕУРОЖАЯ (*).

Нынѣшнее лѣто у меня съ ума нейдетъ, православные, и сердце такъ и обливается кровью, какъ вспомню, что скоро зима; Богъ знаетъ, какъ прожить намъ зиму и чѣмъ прокормить скотинушку. У насъ нынѣ— ни хлѣба, ни сѣна; хлѣбъ выгорѣлъ, а сѣно сгнило. Велитъ же Господь быть такому несчастію: когда нужно дождя,—жаръ невыносимый; когда нужно ведра,— сплошь дождь,—и утро и вечеръ, и день и ночь!

Вспомнишь, по неволѣ вспомнишь, что разсказываютъ старые люди: въ старину, говорятъ, всего было довольно; тогда, говорятъ, не знавали тѣхъ бѣдъ, какія насъ постигаютъ. Но что удивительнаго? — тогда и народъ-то какой былъ?—претрудолюбивый, пребогобоязненный — не то, что мы грѣшные!

Я слышалъ отъ стараго, стараго старика, что въ старину и не слыхали о тѣхъ грѣхахъ, какіе есть

(*) Получено редакціею еще въ прошломъ году отъ одного приходскаго священника томской епархіи — *I. С—ва.*

между нами, православные. Вотъ, напримѣръ, слышалъ я: старинные люди въ будни, бывало, какъ пчелки, безъ дѣла не посидятъ; а какъ насталъ праздникъ Господень, — всѣ до одного въ церковь Божію, какъ ласточки въ гнѣздышко, и всѣ по свѣчѣ, и богатый и бѣдный, и старъ и младъ; ну, разумѣется, у кого какой достатокъ, у того такая и свѣча: Господь многаго не требуетъ, лишь было бы отъ чистаго сердца.

Такъ вотъ какъ было въ старину, а нынѣ ужъ не то: пріидетъ воскресенье, — пойдутъ работать, а въ будни лежатъ, или сидятъ, сложивъ руки. Что удивительнаго, если и солнышко свѣтитъ, и дождикъ льетъ не въ свое время, не тогда, когда нужно намъ? Что, говорю, удивительнаго,—вѣдь и мы часто не во время отдыхаемъ, и не во время трудимся! Трудъ — дѣло законное и богоугодное: но трудъ не во время—тяжкій грѣхъ; трудъ въ праздникъ Господень — никогда, никогда не пойдетъ въ пользу; Господь не благословляетъ такихъ трудовъ, а безъ благословенія Божія ничто въ прокъ не пойдетъ.

Еще одинъ примѣръ: въ старину, говорятъ, каждое доброе дѣло начинали, благословясь, молитвою, а молясь, прощали всѣмъ и всѣ обиды, всѣ оскорбленія и большія и малыя. Нынѣ этотъ святый обычай нашихъ дѣдовъ почти вывелся; кой-гдѣ увидишь его, и, какъ увидишь, сердце такъ и обрадуется; но радость какъ въ воду канетъ, когда узнаешь, что иной, прости Господи, не хочетъ и перекреститься хорошенько, не только помолиться отъ души, когда начинаетъ что либо дѣлать. Больно сердцу, но что грѣхъ на душу класть, —не утаю,—видалъ я иногда—идутъ на пашню либо на покосъ мимо самыхъ церковныхъ воротъ, и не пере-

крестятся, не снимутъ шапки передъ храмомъ Божіимъ, передъ св. иконами! Слыхалъ также — молится иной да приговариваетъ: «*такому-то*, врагу моему — чтобъ ему ни дна, ни покрышки».

Грѣхъ, тяжкій грѣхъ такая молитва: не думай получить никакого блага отъ Бога, если молишься и мыслишь зло на ближняго; чего желаешь другому, то самъ скорѣй получишь; не рой ямы другому, самъ упадешь. Вотъ что я вычиталъ въ церковныхъ книгахъ: въ древнемъ персидскомъ царствѣ первый по царѣ чиновникъ за что-то осердился на другаго, маленькаго чиновника, и насказалъ про него царю всякой веячины, всякой небывальщины; царь, не развѣдавъ хорошенько дѣла, приговорилъ было оклеветаннаго на смертную казнь, а клеветникъ приготовилъ ужъ и висѣлицу и ждалъ только минуты, чтобъ умертвить несчастнаго; но не рой ямы другому, самъ упадешь: Богъ открылъ царю, что осужденный имъ оклеветанъ, и царь тотчасъ же приказалъ повѣсить клеветника на ту самую висѣлицу, которую онъ приготовилъ для врага своего.

Теперь что ни говорите, православные, а неурожай нашъ —попущеніе Божіе, и, вѣрно, не даромъ попустилъ Господь такое несчастіе; вѣрно, мы прогнѣвали Бога. Исповѣдайте же предъ Нимъ все, что знаете за собой худаго, и молитесь, чтобъ Онъ, милосердый, простилъ и помиловалъ васъ: молитесь, и я буду молиться, чтобъ Господь облегчилъ наше бѣдствіе и помогъ намъ провесть зиму благополучно. Какъ усердна будетъ молитва наша: Царь небесный услышитъ насъ, непремѣнно услышитъ и благословитъ то, что удалось намъ собрать съ опаленныхъ полей и согнившихъ покосовъ. Съ бла-

гословеніемъ Божіимъ — давно замѣчено—и не многое бываетъ споро.

Господь милостивъ; Онъ не отвергнетъ усердныхъ молитвъ нашихъ, и мы, съ помощію Божіею, какъ нибудь проживемъ зиму; а тамъ наступитъ весна, скотинушка пойдетъ на свѣжую травку и поправится, а вы пойдете работать, во славу Божію, на пользу себѣ и ближнимъ. А чтобъ не трудиться по напрасну, вотъ вамъ совѣтъ: пойдете на поле—молитесь Господу Богу, чтобъ благословилъ труды ваши; приметесь за дѣло— не лѣнитесь, — и у насъ сердце не лежитъ къ лѣнивымъ, а тѣмъ болѣе Богъ не любитъ таковыхъ; наступитъ праздничный день—спѣшите въ святую церковь, спѣшите возблагодарить Господа за успѣхи въ трудахъ вашихъ. Не забывайте моего совѣта и дайте себѣ обѣтъ—исполнить его: но бойтесь нарушить обѣщаніе; иначе, чего избави Боже, опять постигнетъ насъ гнѣвъ Божій! Аминь.

---

3) **Православно-Догматическое Богословіе**, соч. *его же*,

— Т. I *(новое изданіе)*: ц. 1 р. 25 к. с. съ перес.

— Т. II: ц. 1 р. 50 к. с. съ перес.

— Т. III: ц. 1 р. 50 к. с. съ перес.

— Т. IV: ц. 1 р. 50 к. с. съ перес.

— Т. V: ц. 1 р. 50 к. с. съ перес.

4) **Пастырское Богословіе**, соч. *Архим. Кирилла*. Изд. *второе*. Цѣна 1 р. сер.; на перес. за 2 ф.

5) **Минуты уединенныхъ размышленій христіанина**, соч. *его же*. Ц. 1 р. 25 к. с.; на перес. за 2 ф.

6) **О Заслугахъ св. Аѳанасія В. для Церкви въ борьбѣ съ аріанствомъ**, соч. *Ловягина*. Цѣна 1 р. на перес. за 2 ф.

7) **Указатель сочиненій, содержащихся въ 88 частяхъ Христіанскаго Чтенія**. Цѣна (съ пересылкою) 50 коп. сер.

8) **Жизнь Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, въ иночествѣ Алексія** *(съ хромолитографическимъ изображеніемъ Угодника)*. Цѣна 1 р. с.; на перес. за 1 фун.

9) **Разборъ римскаго ученія о главенствѣ въ Церкви, сдѣланный на основаніи св. Писанія и Преданія Церкви первыхъ трехъ вѣковъ**. Соч. баккалавра С. П-бургской Д. Академіи с. іером. *Никанора*. Выпускъ 1. Цѣна 1 р., на перес. за 2 фун.

10) **Исторія прав. Церкви въ Финляндіи и Эстляндіи, принадлежащихъ къ С. П.-бургской епархіи**. Соч. *И. Чистовича*. Цѣна 1 р., на перес. за 1 фун.

Печатать позволяется. Цензоръ, *Архимандр.* Кириллъ.

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1856.

ОКТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

10 листовъ

Подписка на *Христіанское Чтеніе* принимается въ Правленіи С. Петербургской Духовной Академіи, во всѣхъ Правленіяхъ иногородныхъ Семинарій, въ духовныхъ уѣздныхъ и приходскихъ Училищахъ. Цѣна за годовое изданіе безъ доставки 6 р. с., а съ доставкою и пересылкою 7 р. 50 к. сер.

Въ Редакціи *Христіанскаго Чтенія* и въ Канцеляріи Правленія С. Петербургской Духовной Академіи еще продаются полные экземпляры *Христіанскаго Чтенія* за прежніе годы, именно: 1822, 1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1833, 1836, 1837, 1839, 1840, 1841, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853 и 1854. Каждый экземпляръ отдѣльно — по 6 р. сер. безъ пересылки, а съ пересылкою по 7 руб. 50 к. с. Кто пожелаетъ выписать имѣющіеся экземпляры за всѣ годы въ совокупности, или съ 1822 по 1827, и съ 1833 по 1847 включительно; тому будетъ уступленъ каждый экземпляръ одного года по 4 р. 40 к. с. безъ пересылки, за которую нужно прилагать на пять фунтовъ для каждаго экземпляра. Цѣна за экземпляръ *Христіанскаго Чтенія* 1849, 1850, 1851, 1852, 1853 и 1854 годовъ остается прежняя.

Въ Редакціи же *Христіанскаго Чтенія* и въ Канцеляріи Правленія С. Петербургской Дух. Акад. продаются книги:

1) Исторія Русскаго Раскола, извѣстнаго подъ именемъ Старообрядства, соч. *Макарія*, Епископа Винницкаго, Ректора С. Петербургской Духовной Академіи. Цѣна 2 р. с. съ перес.

2) Введеніе въ Православное Богословіе, соч. того же автора. *Второе, исправленное изданіе*. Цѣна 2 р. 50 к. с. съ перес.

БЕСѢДА 5.

Мужіе Іудейстіи и живущіи во Іерусалимѣ вси, сіе вамъ разумно да будетъ, и внушите глаголы моя (Дѣян. 2, 14).

Апостолъ обращаетъ свою рѣчь къ тѣмъ, которые выше называются иноземцами; говоритъ, по видимому, только къ нимъ, а между тѣмъ исправляетъ и тѣхъ, которые смѣялись. А что нѣкоторые смѣялись, это было устроено (Богомъ) для того, чтобы (Петръ) началъ говорить въ защиту (Апостоловъ) и, защищая ихъ, научилъ другихъ. Итакъ эти люди считали для себя похвалою и то, что они жили въ Іерусалимѣ. *Сіе вамъ*, говоритъ (Апостолъ), *разумно да будетъ, и внушите глаголы моя.* Этимъ пока возбуждаетъ ихъ вниманіе, а далѣе начинаетъ уже защищать. *Не бо, якоже вы непщуете, сіи піяни суть* (ст. 15). Видишь, какъ скромно его защищеніе? Хотя онъ имѣлъ на своей сторонѣ бо̀льшую часть народа, однакожъ говоритъ съ ними весьма кротко; и сперва опровергаетъ ихъ лукавое предположеніе, а затѣмъ уже приступаетъ къ защищенію. Потому-то онъ и не сказалъ: какъ вы говорите, издѣваясь и смѣясь надъ нами; но: *якоже вы непщуете*,—желая показать, что они говорятъ

это неумышленно, и приписывая это скорѣе ихъ невѣдѣнію, нежели злому умыслу. *Не бо, якоже вы непщуете, сіи піяни суть: есть бо часъ третій дне.* Къ чему онъ говоритъ это? Развѣ нельзя быть пьянымъ и въ третьемъ часу? Конечно, можно; но онъ не хотѣлъ долго на этомъ останавливаться, такъ какъ (Апостолы) были совсѣмъ не въ такомъ положеніи, какъ говорили въ насмѣшку эти люди. Отсюда мы научаемся, что безъ нужды не надобно много говорить. А съ другой стороны, и дальнѣйшія слова его служатъ этому подтвержденіемъ. Теперь рѣчь его обращается уже вообще ко всѣмъ: *Но сіе есть реченое пророкомъ Іоилемъ: и будетъ въ послѣднія дни, глаголетъ Господь* Богъ (ст. 16. 17). Пока нигдѣ еще (не видно) имени Христа, и обѣтованіе это — не Его обѣтованіе, а — Отца. Замѣть благоразуміе (Апостола). Онъ не опустилъ (этого обстоятельства) и не сталъ тотчасъ же говорить о томъ, что касается собственно Христа, — именно, что Онъ обѣщалъ это послѣ своего распятія: иначе, если бы онъ сказалъ такъ, — онъ все бы испортилъ. Но вѣдь этого, скажешь, было бы достаточно для доказательства Его Божества. Такъ, — когда этому вѣруютъ; а пока о томъ только была еще забота, чтобы этому повѣрили; а когда не вѣруютъ, то слѣдствіемъ этого было бы то, что ихъ побили бы камнями. *Излію отъ Духа моего на всяку плоть.* Подаетъ и имъ благія надежды, если только они сами того захотятъ; не допускаетъ ихъ до мысли, что это лишь пре-

имущество Апостоловъ, такъ какъ отсюда возникло бы неудовольствіе, — и такимъ образомъ устраняетъ зависть. *И прорекутъ*, говоритъ, *сынове ваши*. Не вамъ, говоритъ, принадлежитъ это великое дѣло и не вамъ эта похвала; къ вашимъ дѣтямъ перешла благодать. Дѣтьми называетъ себя вмѣстѣ съ прочими Апостолами, а ихъ — отцами. *И юноши ваши видѣнія узрятъ и старцы ваши сонія видятъ: ибо на рабы моя и на рабыни моя во дни оны излію отъ Духа моего, и прорекутъ* (ст. 17. 18). Продолжаетъ показывать, что Апостолы снискали благоволеніе (Божіе), такъ какъ удостоились Святаго Духа, а они — нѣтъ, потому что распяли Христа. Такъ и Христосъ, желая укротить ихъ гнѣвъ, говорилъ: *сынове ваши о комъ изгонятъ бѣсы* (Матѳ. 12, 27)? Не сказалъ: мои ученики, чтобы не показалось, будто Онъ льститъ Себѣ. Равнымъ образомъ, и Петръ не сказалъ, что они не пьяны, но что они говорятъ по внушенію Духа, и не просто (сказалъ это), а прибѣгнулъ къ Пророку и, оградившись имъ, говоритъ съ совершенною увѣренностію. Такимъ образомъ отъ обвиненія онъ освободилъ ихъ самъ, а касательно благодати приводитъ въ свидѣтели Пророка. *Излію отъ Духа моего на всяку плоть*. Такъ сказано потому, что на однихъ благодать изливалась во снѣ, а на другихъ на яву. Извѣстно, что и во снѣ Пророки имѣли видѣнія и получали откровенія. Затѣмъ (Апостолъ) продолжаетъ пророчество, которое заключаетъ въ себѣ нѣчто и

страшное. *И дамъ*, говоритъ, *чудеса на небеси горѣ и знаменія на земли низу* (ст. 19). Этими словами намекаетъ и на будущій судъ, и на разрушеніе Іерусалима. *Кровь, и огнь, и куреніе дыма.* Смотри, какъ изобразилъ разрушеніе. *Солнце преложится во тьму и луна въ кровь* (ст. 20). Это сказано примѣнительно къ положенію страждущихъ. Впрочемъ разсказываютъ, что много такого и дѣйствительно было на небѣ, какъ свидѣтельствуетъ Іосифъ (Флавій). Въ тоже время (Апостолъ) этимъ и устрашилъ ихъ, напомнивъ имъ о бывшемъ мракѣ и заставивъ ожидать того, что будетъ. *Прежде даже не пріити дню Господню великому и просвѣщенному.* Если теперь, говоритъ, вы грѣшите безнаказанно, такъ еще не считайте себя въ безопасности. Вѣдь это начало нѣкоего великаго и тяжкаго дня. Видишь ли, какъ онъ потрясъ и поколебалъ ихъ души, и смѣхъ обратилъ въ оправданіе? Въ самомъ дѣлѣ, если это начало того дня, то естественно, что имъ угрожала величайшая опасность. Что же? Продолжаетъ ли онъ говорить о томъ, что наводило страхъ? Нѣтъ. А что? Онъ снова даетъ имъ отдохнуть и говоритъ: *и будетъ всякъ, иже аще призоветъ имя Господне, спасется* (ст. 21). Это сказано о Христѣ, какъ говоритъ Павелъ (Рим. 10, 13); но Петръ не рѣшается высказать этого ясно. Но возвратимся къ тому, что сказано выше. Прекрасно возстаетъ Петръ противъ смѣющихся и издѣвающихся, говоря: *сіе вамъ разумно*

да будетъ, и внушите глаголы моя. А въ началѣ онъ сказалъ: *мужіе Іудейстіи,* называя, какъ мнѣ кажется, Іудеями тѣхъ, которые жили въ Іудеи. Предложимъ, если угодно, и самыя слова Евангелія, чтобы ты узналъ, какимъ вдругъ сдѣлался Петръ. Вышла, говоритъ (Евангелистъ), рабыня, *глаголющи: и ты былъ еси со Іисусомъ Назореомъ;* а онъ отвѣчалъ: *не вѣмъ человѣка,* и когда снова спросили его, — *начатъ ротитися и клятися* (Матѳ. 26, 69. 74).

2. А здѣсь смотри, съ какимъ говоритъ онъ дерзновеніемъ, съ какою великою свободою. Онъ не похвалилъ тѣхъ, которые сказали: *слышимъ глаголющихъ ихъ нашими языки величія Божія;* а напротивъ, на ряду съ другими отягощаетъ и ихъ своими словами, желая сдѣлать ихъ болѣе ревностными и представить свое слово чуждымъ лести. Это и всегда слѣдуетъ наблюдать, такъ, чтобы при снисходительности слово было чуждо всякой лести, равно какъ и всякаго оскорбленія; а это — не легко. Не безъ причины также устроено и то, что это совершилось въ третьемъ часу: когда показывается блескъ свѣта, тогда люди еще не заняты бываютъ хлопотами о обѣдѣ, тогда ясный день, тогда все—на площади. Видишь ли слово, исполненное свободы? *И внушите глаголы моя.* Сказавъ это, Петръ ничего не прибавилъ (отъ себя), а присовокупилъ: *сіе есть реченое пророкомъ Іоилемъ: и будетъ въ послѣднія дни.* Этимъ показываетъ, что уже близка и

кончина. Отъ того-то слова: *въ послѣднія дни* имѣютъ нѣкоторую особенную выразительность. Затѣмъ, чтобы не подумали, будто это дѣло касается однихъ сыновъ, онъ присовокупляетъ: *и старцы ваши сонія видятъ*. Замѣть порядокъ: сначала сыны, какъ и Давидъ говоритъ: *вмѣсто отецъ твоихъ быша сынове твои* (Псал. 44, 17), и опять Малахія: *иже устроитъ сердце отца къ сыну* (Мал. 4, 6). *И на рабы моя и на рабыни моя.* И это — знакъ добродѣтели: потому что мы стали рабами Божіими, освободившись отъ грѣха. Да обиленъ и даръ, когда дарованіе переходитъ и на другой полъ и не ограничивается однимъ или двумя лицами, какъ было въ древности, напримѣръ— Девворою и Олданою. И не сказалъ (Петръ), что это—Духъ Святый, и не объяснилъ словъ Пророка, но привелъ лишь одно пророчество, предоставивъ ему говорить самому за себя. Ничего пока не говоритъ онъ и объ Іудѣ, потому что всѣмъ было извѣстно, какая казнь его постигла. Онъ молчитъ, зная, что ничто на нихъ такъ сильно не дѣйствуетъ, какъ то, когда говорятъ съ ними на основаніи пророчества; это сильнѣе даже самыхъ дѣлъ. Когда Христосъ творилъ чудеса, Ему часто противорѣчили; а когда Христосъ привелъ имъ слѣдующія слова изъ пророчества: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене* (Пс. 109, 1), — они умолкли, такъ что не могли уже сказать Ему въ отвѣтъ ни одного слова. Да и во многихъ мѣстахъ Онъ напоминаетъ имъ Писанія: напри-

міръ, когда говоритъ: *аще сихъ рече боги, къ нимже бысть слово Божіе* (Іоан. 10, 35); или лучше,—это можно встрѣтить вездѣ. Потому-то и Петръ здѣсь говоритъ: *излію отъ Духа моего на всяку плоть,* т. е., на (всѣ) народы; но еще не раскрываетъ и не объясняетъ (пророчества), потому что это не было полезно. Такъ точно не ясны и эти слова: *дамъ знаменія на небеси горѣ*; потому что своею неясностію они еще больше устрашали. Еслибы онъ объяснилъ имъ (пророчество),—онъ болѣе вооружилъ бы ихъ противъ себя. Потому-то онъ и обходитъ его, какъ будто бы оно было ясно, желая внушить такое понятіе. Но послѣ онъ объясняетъ, когда бесѣдуетъ съ ними о воскресеніи; когда приготовилъ ихъ къ тому своимъ словомъ. Онъ охотно обходитъ (это пророчество), потому что благодѣянія не въ силахъ были привлечь ихъ: этого никогда не было. Извѣстно, что тогда никто не спасся; а теперь вѣрные спаслись при Веспасіанѣ. Вотъ это и означаютъ слова (Спасителя): *и аще не быша прекратилися дніе оны, не бы убо спаслася всяка плоть* (Матө. 24, 22). Что было особенно тяжко, то случилось напередъ: такъ какъ сначала жители были взяты въ плѣнъ, и тогда городъ былъ разрушенъ и сожженъ. Затѣмъ (Петръ) останавливается на иносказаніи, чтобы ближе представить предъ взоры слушателей раззореніе и плѣнъ. *Солнце превратится во тьму и луна въ кровь.* Что значитъ выраженіе: луна превратится въ кровь? Мнѣ кажется,

онъ означаетъ чрезъ это чрезмѣрность кровопролитія и намѣренно говоритъ такъ, чтобы внушить имъ великій страхъ. *И будетъ всякъ, иже аще призоветъ имя Господне, спасется. Всякъ*, говоритъ, будетъ ли то священникъ (хотя этого еще не высказываетъ), или рабъ, или свободный: потому что *о Христѣ Іисусѣ нѣсть мужескій полъ, ни женскій, нѣсть рабъ, ни свободь* (Галат. 3, 28). И справедливо: это различіе, дѣйствительно, имѣетъ мѣсто лишь здѣсь, гдѣ все — тѣнь. Если въ царскихъ чертогахъ нѣтъ ни благороднаго, ни неблагороднаго, но всякаго обозначаютъ его дѣла; если и въ искусствахъ каждый цѣнится по своимъ произведеніямъ: то тѣмъ больше—въ томъ состояніи. *Всякъ, иже аще призоветъ. Призоветъ* не просто,—ибо *не всякъ*, говоритъ (Христосъ), *глаголяй ми Господи, Господи*, (внидетъ въ царствіе Божіе) (Матѳ. 7, 22), — но призоветъ съ усердіемъ, при хорошей жизни, съ должнымъ дерзновеніемъ. Такимъ образомъ слово его пока еще не тягостно, такъ какъ онъ вводитъ рѣчь о вѣрѣ, хотя не скрываетъ и страха наказанія. Почему? Потому что показываетъ, что есть спасеніе въ призываніи.

3. Что ты говоришь, скажи мнѣ? Говоришь о спасеніи послѣ распятія? Потерпи немного. Человѣколюбіе Божіе велико; и то самое, что Господь ихъ призываетъ, доказываетъ Его божественность не меньше самаго воскресенія, не меньше чудесъ. Въ чемъ выражается чрезвычайная благость, то по преимуществу свойствен-

но Богу. Потому-то и говоритъ (Христосъ): *никтоже благъ, токмо единъ Богъ* (Лук. 18, 19). Но эту благость мы не должны обращать для себя въ поводъ къ безпечности: потому что Онъ и наказываетъ, какъ Богъ. Такъ вотъ и это сдѣлалъ Тотъ самый, кто сказалъ: *иже аще призоветъ имя Господне, спасется*, — говорю о томъ, что совершилось надъ Іерусалимомъ, — о томъ тягчайшемъ наказаніи. Объ этомъ я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ, которыя будутъ полезны вамъ для обличенія Маркіонитовъ и многихъ другихъ еретиковъ. Такъ какъ они утверждаютъ, что Христосъ — Богъ добрый, а тотъ (который наказываетъ) — злой; то посмотримъ, кто это сдѣлалъ. Кто же это сдѣлалъ? Злой ли въ отмщеніе за Него? Не можетъ быть; иначе какъ же онъ будетъ совершенно чуждъ Ему? Или добрый? Но (изъ Писанія) оказывается, что это совершилъ и Отецъ, и Сынъ. Касательно Отца, это видно изъ многихъ мѣстъ, напримѣръ, гдѣ говорится, что Онъ посылаетъ въ вертоградъ свои воинства, а касательно Сына, — изъ словъ: *обаче враги моя оны, иже не восхотѣша мене, да царь быхъ былъ надъ ними, приведите сѣмо и изсѣцыте предо мною* (Лук. 19, 27). А съ другой стороны, и самъ Христосъ говоритъ о предстоящихъ скорбяхъ, которыя, по своей жестокости, превосходятъ все, что только когда либо было, и самъ же возвѣстилъ о нихъ. Хочешь ли послушать, что было? Ихъ пронзали рожнами. Можетъ ли быть зрѣлище болѣе

ужасное? Или хочешь, — я разскажу о страданіяхъ женщины, — объ этомъ печальномъ событіи, которое выше всякаго бѣдствія? Или сказать о голодѣ и заразѣ? Я опускаю, что еще ужаснѣе этого. Тогда люди не признавали природы, не признавали закона, — самыхъ звѣрей превзошли жестокостію; и все это совершилось вслѣдствіе необходимостей войны, потому что такъ угодно было Богу и Христу. На это прилично указывать и Маркіонитамъ, и тѣмъ, которые не вѣрятъ геенѣ; и этого будетъ довольно, чтобы обуздать ихъ безстыдство. Эти бѣдствія не ужаснѣе ли тѣхъ золъ, какія были въ Вавилонѣ? Этотъ голодъ не гораздо ли невыносимѣе тогдашняго? Объ этомъ и самъ Христосъ сказалъ такъ: *будетъ скорбь велія, яковаже не бысть отъ начала, ниже имать быти* (Лук. 24, 21). Какъ же нѣкоторые говорятъ, будто Христосъ простилъ имъ грѣхъ? Можетъ быть, этотъ вопросъ считается обыкновеннымъ; но вы въ состояніи разрѣшить его. Никто нигдѣ не найдетъ и не укажетъ вымысла подобнаго тому, что было на самомъ дѣлѣ. И еслибы писавшій это былъ христіанинъ, — слова его еще могли бы быть подозрительны; если же это Іудей, и Іудей самый ревностный, явившійся уже послѣ Евангелія, то эти событія не должны ли быть достовѣрны для всѣхъ? Вѣдь ты всюду увидишь, какъ онъ превозноситъ все іудейское. Итакъ и геенна есть, и Богъ благъ. Не ужаснулись ли вы, слыша о тѣхъ страданіяхъ? Но страданія здѣшнія — ничто въ

сравненія съ тѣмъ, что будетъ тамъ. Я опять вынужденъ казаться вамъ непріятнымъ, тягостнымъ и несноснымъ. Что жъ мнѣ дѣлать! Я на то поставленъ. Какъ строгій воспитатель, по самой обязанности своей, неизбѣжно навлекаетъ на себя ненависть воспитанниковъ: такъ точно и мы. Иначе, не странно ли будетъ, если люди, назначенные царями въ какую-нибудь должность, будутъ исполнять данныя имъ приказанія, хотя бы они были и непріятны, а мы, для избѣжанія упрековъ съ вашей стороны, станемъ пренебрегать обязанностію, на которую поставлены? У всякаго свой долгъ: изъ васъ большая часть обязаны имѣть сострадание и человѣколюбіе, быть любезными и ласковыми съ тѣми, кому вы оказываете благодѣяніе; а мы, съ своей стороны, для пользы тѣхъ, кому служимъ, являемся тягостными, жестокими, несносными и непріятными, такъ какъ мы приносимъ пользу не тѣмъ, что нравится, а тѣмъ, что уязвляетъ. Таковъ и врачъ. Впрочемъ, врачъ еще не слишкомъ непріятенъ, потому что онъ сейчасъ же даетъ чувствовать пользу своего искусства; а мы—въ будущемъ. Таковъ и судья: онъ тягостенъ для преступниковъ и мятежниковъ. Таковъ и законодатель: онъ непріятенъ тѣмъ, которые должны подчиняться его законамъ. Но не таковъ тотъ, кто призываетъ къ удовольствіямъ, кто устрояетъ общественныя празднества и торжества, кто увѣнчиваетъ народъ; нѣтъ, эти люди нравятся, потому что увеселяютъ городъ разнообразными зрѣлищами, не жа-

лѣя расходовъ и издержекъ. Потому-то получившіе отъ нихъ удовольствіе и награждаютъ ихъ похвалами, занавѣсами, множествомъ свѣтильниковъ, вѣнками, вѣтвями, блистательною одеждою. Между тѣмъ больные, лишь только увидятъ врача, становятся печальны и унылы. Равнымъ образомъ и мятежники, какъ скоро увидятъ судью, приходятъ въ уныніе, а не радуются и не торжествуютъ, развѣ когда и самъ судья перейдетъ на ихъ сторону. Теперь посмотримъ, кто больше приноситъ пользы городамъ, тѣ ли, которые устрояютъ эти празднества, эти пиршества, роскошные обѣды и разнообразныя увеселенія, или тѣ, которые, отвергнувъ все это, приносятъ съ собою палку и бичъ, приводятъ палачей и страшныхъ воиновъ, произносятъ грозныя слова, дѣлаютъ строгіе выговоры, наводятъ печаль и разгоняютъ палкой народъ на площади; посмотримъ, говорю, на которой сторонѣ окончательно бываетъ выгода. Вѣдь этими послѣдними тяготятся, а тѣхъ очень любятъ. Что же бываетъ отъ тѣхъ, которые увеселяютъ народъ? Одно пустое удовольствіе, которое остается лишь до вечера, а на слѣдующій день пропадаетъ,—безчинный смѣхъ, непристойныя и невоздержныя слова. А что отъ этихъ? Опасеніе, воздержность, скромность въ образѣ мыслей, кротость души, удаленіе отъ безпечности, обузданіе внутреннихъ страстей, огражденіе себя отъ тѣхъ, которыя извнѣ вторгаются въ душу. Благодаря этимъ, каждый изъ насъ владѣетъ своимъ иму-

ществомъ, а чрезъ тѣ празднества мы теряемъ его, и притомъ со вредомъ для себя,—теряемъ не по тому, чтобы къ намъ вторглись разбойники, но по тому, что, къ нашему же удовольствію, насъ грабитъ тщеславіе. Всякій видитъ, какъ этотъ грабитель выноситъ все его имущество, и — этимъ наслаждается. Вотъ новаго рода грабежъ, который заставляетъ веселиться тѣхъ, кто подвергается грабежу!

4. Но тамъ нѣтъ ничего подобнаго; тамъ мы ограждены Богомъ, какъ общимъ Отцемъ, отъ всего видимаго и невидимаго: *внемлите*, говоритъ Онъ, *милостыни вашея не творити предъ человѣки* (Матѳ. 6, 1). Тамъ душа научается избѣгать неправды. Вѣдь неправда заключается не въ одной преступной жадности къ деньгамъ, но и въ томъ, когда мы даемъ чреву пищи больше, чѣмъ нужно, и въ наслажденіи удовольствіями преступаемъ положенную для нихъ мѣру и доходимъ до неистовства. Тамъ душа научается цѣломудрію, а здѣсь—распутству. Вѣдь распутство состоитъ не въ совокупленіи только съ женою, но и въ томъ, если мы смотримъ сладострастными глазами. Тамъ научается кротости, а здѣсь — надменности: ибо *вся ми лѣть суть*, говоритъ (Апостолъ), *но не вся на пользу* (Кор. 6, 12). Тамъ—благопристойности, здѣсь — безстыдству. Не хочу говорить о томъ, что бываетъ на зрѣлищахъ; но здѣсь даже нѣтъ и никакого удовольствія, а скорѣе — печаль. Въ самомъ дѣлѣ, укажите мнѣ по прошествіи дня праздничнаго и на тѣхъ, ко-

торые несли издержки (по устройству праздника), и на тѣхъ, кого увеселяли зрѣлищами, — и мы увидимъ, что всѣ они унылы, а особенно тотъ, кто тратилъ деньги. Это и естественно. Въ предшествующій день онъ забавлялъ простолюдина, и простолюдинъ, дѣйствительно, былъ счастливъ и наслаждался большимъ удовольствіемъ, потому что его радовала блистательная одежда; но онъ не могъ всегда ею пользоваться и оттого скорбѣлъ и снѣдался печалію, когда видѣлъ, что ее съ него снимаютъ. Что же касается того, кто тратился, то, кажется, и счастіе его было мало въ сравненіи со счастіемъ перваго. Потому-то на слѣдующій день они мѣняются другъ съ другомъ, и большее недовольство достается на долю послѣдняго. Если же въ дѣлахъ людскихъ то, что радуетъ, имѣетъ въ себѣ столько непріятнаго, а что тягостно,—приноситъ такую пользу: то тѣмъ больше—въ дѣлахъ духовныхъ. Потому-то никто не жалуется на законы, напротивъ всѣ считаютъ ихъ общеполезными: такъ какъ не со стороны пришедшіе иноземцы и не враги постановили ихъ, но сами же граждане, надзиратели, попечители. И это почитается знакомъ благоденствія и благожелательства, когда постановлены законы, несмотря на то, что законы наполнены наказаніями, и нельзя найти закона безъ наказанія. Не странно ли послѣ этого, если людей, излагающихъ тѣ законы, будете называть спасителями, благодѣтелями, заступниками, а насъ будете считать людьми жестокими и несносными, хотя

мы сказываемъ законы Божіи? Вѣдь, когда бесѣдуемъ мы о гееннѣ, мы приводимъ эти самые законы. Какъ свѣтскіе законодатели излагаютъ законы объ убійствахъ, покражахъ, о бракахъ и о всемъ подобномъ; такъ и мы приводимъ законы о наказаніяхъ, законы, которые постановилъ не человѣкъ, но самъ единородный Сынъ Божій. Безжалостный, говоритъ Онъ, потерпитъ наказаніе, какъ это и означаетъ притча (о должникѣ) (Матө. 17, 23—35); злопамятный подвергнется крайнему мученію; гнѣвающійся по напрасну будетъ ввержевъ въ огонь; злословящій потерпитъ казнь въ гееннѣ. Если же вамъ думается, что вы слышите законы странные,—не смущайтесь. За чѣмъ было бы и приходить Христу, еслибы Онъ не имѣлъ постановить законы не обыкновенные? Вѣдь то уже извѣстно намъ, что убійцу и прелюбодѣя надобно наказывать; слѣдовательно, еслибы мы должны были услышать тоже самое, то какая была бы нужда въ небесномъ Учителѣ? Потому-то Онъ не говоритъ: прелюбодѣй будетъ наказанъ, но—(будетъ наказанъ) тотъ, кто смотритъ блудными глазами, присовокупляя и то, гдѣ и когда онъ подвергнется наказанію. И не на доскахъ, и не на столпахъ изобразилъ Онъ свои законы; не столпы мѣдные поставилъ Онъ и не на нихъ начерталъ письмена; нѣтъ, Онъ воздвигъ для насъ двѣнадцать душъ апостольскихъ и на нихъ Духомъ Святымъ написалъ эти письмена; и мы, по всей справедливости, читаемъ ихъ вамъ. Если у Іудеевъ это были за-

конно, дабы никто не могъ отговариваться незнаніемъ: то тѣмъ больше—у насъ. Если же кто скажетъ: я не слушаю и не буду отвѣчать передъ судомъ; то за это подвергнется еще большему наказанію. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы никто не училъ, то еще можно было бы этимъ отговариваться; но если есть учители, то—уже нельзя. Посмотри, какъ Христосъ отнимаетъ у Іудеевъ это извиненіе, когда говоритъ: *аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли* (Іоан. 15, 22). Опять и Павелъ (говоритъ): *но глаголю: еда не слышаша; но паче во всю землю изыде вѣщаніе ихъ* (Рим. 10, 18). Тогда было бы прощеніе, когда бы никто не говорилъ; но когда сидитъ надзиратель и имѣетъ это своею обязанностію, тогда уже нѣтъ прощенія. А между тѣмъ, Христосъ не того хотѣлъ, чтобы мы только смотрѣли на эти столпы, но—чтобы и сами были столпами; но такъ какъ мы сдѣлали себя недостойными этихъ письменъ, то будемъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣть на эти столпы. Какъ столпы другимъ угрожаютъ, а сами не подлежатъ отвѣтственности, равно какъ и самые законы: такъ точно и блаженные Апостолы. И смотри: не на одномъ мѣстѣ стоитъ этотъ столпъ, но вездѣ распространены эти письмена. Пойдешь ли въ Индію, ты услышишь о нихъ; пойдешь ли въ Испанію или до самыхъ крайнихъ предѣловъ земли,—не встрѣтишь никого, кто бы не слыхалъ о нихъ, — развѣ по собственному своему нерадѣнію. Такъ не сердитесь же, а будьте

внимательны къ тому, что здѣсь говорится: тогда вы въ состояніи будете приняться за дѣла добродѣтели и получить вѣчныя блага о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 6.

Мужіе Израильстіи, послушайте словесъ сихъ (Дѣян. 2, 22).

Не изъ лести это сказано (Апостоломъ); но, такъ какъ выше онъ сильно обличилъ (Іудеевъ), то теперь дѣлаетъ имъ послабленіе и благовременно напоминаетъ о Давидѣ. Онъ опять начинаетъ вступленіемъ, дабы они не пришли въ смятеніе, такъ какъ онъ намѣренъ былъ напомнить объ Іисусѣ. До сихъ поръ они были спокойны, потому что слушали Пророка; но имя Іисуса тотчасъ же вооружило бы ихъ. И не сказалъ (Апостолъ): повѣрьте, но: *послушайте*, — что̀ было не тягостно. И замѣть, какъ онъ ничего не говоритъ высокаго, а начинаетъ свою рѣчь съ крайне уничиженнаго. *Іисуса*, говоритъ, *Назорея*, — сейчасъ же упоминаетъ объ

отечествѣ, которое считалось презрѣннымъ. И ничего пока еще не говоритъ о Немъ великаго, —даже и того, что иной сказалъ бы о Пророкѣ. *Іисуса*, говоритъ, *Назорея*, *мужа*, *отъ Бога извѣствованна въ васъ*. Замѣть, какъ много значило сказать, что Онъ былъ посланъ отъ Бога. Это всегда и вездѣ старались доказать и самъ (Христосъ), и Іоаннъ, и Апостолы. Послушай, напримѣръ, что говоритъ Іоаннъ: *той мнѣ рече*: *надъ негоже узриши Духа сходяща и пребывающа на немъ*, *той есть* (Іоанн. 1, 33). А самъ Христосъ даже по преимуществу внушаетъ это, говоря: *не о себѣ пріидохъ*, *но той мя посла* (— 8, 42). Да и вездѣ въ Писаніи объ этомъ преимущественная забота. Потому-то и сей святый вождь въ блаженномъ ликѣ, приверженецъ Христовъ, пламенный ученикъ, которому ввѣрены были ключи неба, который пріялъ духовное откровеніе, сначала смирилъ ихъ страхомъ и показалъ, что (Апостолы) сподобились великихъ даровъ, и сдѣлалъ ихъ достовѣрными, и тогда уже бесѣдуетъ о Іисусѣ. Ахъ, какъ онъ осмѣлился среди убійцъ сказать, что Онъ воскресъ! Но не тотчасъ говоритъ: Онъ воскресъ, но сначала: Онъ пришелъ къ вамъ отъ Бога, какъ это видно изъ того, что Онъ сдѣлалъ. Но не говоритъ: Онъ (сдѣлалъ), но: Богъ черезъ Него, для того, чтобы скромностію лучше привлечь ихъ, при чемъ ихъ же самихъ призываетъ въ свидѣтели и говоритъ: *мужа*, *отъ Бога извѣствованна въ васъ силами*, *и чудесы*, *и знаменіи*, *яже*

сотвори тѣмъ Богъ посредѣ васъ, якоже и сами вѣсте (ст. 22). Потомъ, когда дошелъ до ихъ ужаснаго преступленія, — смотри, какъ старается освободить ихъ отъ вины. Вѣдь, не смотря на то, что это было предопредѣлено, все же они были душегубцы. *Сего*, говоритъ онъ, *нарекованнымъ совѣтомъ и проразумѣніемъ Божіимъ предана пріемше, руками беззаконныхъ пригвоздше, убисте* (ст. 23). Говоритъ почти тѣми же самыми словами, какъ и Іосифъ, который также говорилъ своимъ братьямъ: не бойтесь; не вы меня продали, но Богъ меня послалъ сюда (Быт. 45, 5). А такъ какъ онъ сказалъ, что на это была воля Божія; то, чтобы не сказали: значитъ, мы хорошо поступили, — онъ предупреждаетъ эту мысль тѣмъ, что присовокупилъ: *руками беззаконныхъ пригвоздше, убисте*. Здѣсь намекаетъ на Іуду и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ имъ, что они не въ силахъ были бы это сдѣлать, еслибы Богъ не попустилъ и самъ не предалъ Его; это и значитъ слово: *предана*. Такимъ образомъ всю вину слагаетъ на главу Іуды предателя, такъ какъ онъ предалъ Его лобзаніемъ. Или это означаютъ слова: *руками беззаконныхъ*, или онъ говоритъ здѣсь о воинахъ, выражая такую мысль: не просто вы убили Его, а чрезъ посредство беззаконныхъ людей. Замѣть, какъ повсюду (Апостолы) заботятся о томъ, чтобы прежде всего признавали Его страданія. Что же касается до воскресенія, — такъ какъ это было дѣло великое, —(Петръ)

до времени прикрываетъ его и уже потомъ выставляетъ на видъ. Страданія, именно—крестъ и смерть были всѣми признаны, а воскресеніе еще нѣтъ; потому-то онъ и говоритъ о немъ послѣ, присовокупляя: *егоже Богъ воскреси, разрѣшивъ болѣзни смертныя, якоже не бяше мощно держиму быти ему отъ нея* (ст. 24). Здѣсь онъ указалъ на нѣчто великое и высокое. Слова: *не бяше мощно* — показываютъ, что Христосъ самъ и позволилъ (смерти) удержать Себя, и что смерть, держа Его, мучилась какбы болѣзнями рожденія и тяжко страдала. Извѣстно, что болѣзнями смертными Писаніе повсюду обыкновенно называетъ опасности. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь выражается мысль, что Онъ воскресъ такъ, что больше уже не умретъ; или же словами: *яко не бяше мощно держиму быти ему отъ нея*—(Апостолъ) показываетъ, что воскресеніе Христово было не таково, какъ воскресеніе другихъ людей. Затѣмъ прежде, чѣмъ въ умѣ ихъ могла родиться какая нибудь мысль, онъ выставляетъ имъ Давида, отстраняющаго всѣ помыслы человѣческіе. *Давидъ бо*, говоритъ, *глаголетъ о немъ* (ст. 25). И смотри, какое опять уничиженное свидѣтельство! Для того онъ и привелъ его съ начала, сказавъ то, что особенно уничиженно, дабы показать, что смерть (Христова) не была событіемъ горестнымъ. *Предзрѣхъ*, говоритъ, *Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся. Яко не оставиши души моея во адѣ* (ст. 25. 27). Затѣмъ, до-

кончивъ свидѣтельство пророческое, присовокупляетъ: *мужіе братіе* (ст. 29). Когда хочетъ сказать что нибудь особенно важное, всегда употребляетъ такое вступленіе, чтобы тѣмъ возбудить ихъ вниманіе и привлечь къ себѣ. *Достоитъ*, говоритъ, *рещи съ дерзновеніемъ къ вамъ о патріарсѣ Давидѣ*. Какая великая скромность! Такъ онъ всегда снизходитъ, когда это безвредно. Потому и не сказалъ: это сказано о Христѣ, а не о Давидѣ; а напротивъ, весьма благоразумно выказываетъ глубокое уваженіе къ блаженному Давиду, чтобы тѣмъ тронуть ихъ, и о томъ, что всѣмъ извѣстно, говоритъ такъ, какъ будто это было дерзко сказать, стараясь расположить ихъ въ свою пользу тѣми похвалами (Давиду), какія незамѣтно вводитъ въ свою рѣчь. Потому и не просто говоритъ: *о Давидѣ*, но: *о патріарсѣ Давидѣ. Яко и умре*, *и погребенъ бысть*. Не говоритъ пока: и не воскресъ; но другимъ образомъ сейчасъ же высказываетъ и это, говоря: *и гробъ его есть въ насъ даже до дне сего*. Теперь онъ доказалъ то, что ему было нужно; но и послѣ этого не перешелъ еще ко Христу, а снова говоритъ съ похвалою о Давидѣ: *пророкъ убо сый и вѣдый, яко клятвою клятся ему Богъ* (ст. 30).

2. Такъ говоритъ онъ съ тою цѣлію, чтобы они, по крайней мѣрѣ, хоть изъ уваженія къ Давиду и къ его роду, приняли слово о воскресеніи,—такъ какъ будто бы въ противномъ случаѣ пострадаетъ пророчество и ихъ честь. *И вѣ-*

дый, говоритъ, *яко клятвою клятся ему Богъ*. Не сказалъ просто: обѣщалъ, но, что сильнѣе, *клятвою клятся отъ плода чреслъ его по плоти воздвигнути Христа и посадити его на престолѣ его*. Смотри, какъ опять указалъ на высокую истину. Такъ какъ онъ смягчилъ ихъ своими словами, то смѣло предлагаетъ это изреченіе Пророка и бесѣдуетъ о воскресеніи. *Яко не оставися душа его во адѣ, ни плоть его видѣ истлѣнія* (ст. 31). Это опять удивительно; отсюда видно, что воскресеніе (Христово) не было похоже на воскресеніе другихъ людей. Смерть держала Его и въ тоже время не сдѣлала того, что ей свойственно дѣлать. Такимъ образомъ о грѣхѣ (Іудеевъ) Петръ прикровенно сказалъ, а о наказаніи ничего не присовокупилъ; показалъ, что они умертвили (Христа), и вслѣдъ затѣмъ переходитъ къ знаменію Божію. Но, когда доказано, что умерщвленный былъ Праведникъ и другъ Божій, то, хотя бы ты и молчалъ о наказаніи, грѣшникъ самъ себя осудитъ, и еще больше, чѣмъ ты. Итакъ (Петръ) все приписываетъ Отцу, для того, чтобы они приняли его слова. Затѣмъ приводитъ изъ пророчества выраженіе: *невозможно*. Но посмотримъ снова на то, что сказано выше. *Іисуса*, говоритъ (Петръ), *Назорея, мужа, отъ Бога извѣствованна въ васъ*, т. е., человѣка, о которомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, но за котораго говорятъ дѣла. Такъ и Никодимъ говорилъ: *никтоже можетъ знаменій сихъ творити, яже*

ты творши (Іоанн. 3, 2). *Силами,* говоритъ, *и чудесы, и знаменіи, яже сотвори тѣмъ Богъ посредѣ васъ*; значитъ, не тайно, если — *посредѣ.* Сначала говоритъ о томъ, что имъ извѣстно, и потомъ уже переходитъ къ неизвѣстному. Затѣмъ словами: *совѣтомъ Божіимъ* —показываетъ, что не они могли (это сдѣлать), но что это было дѣломъ премудрости и смотрѣнія Божія, такъ какъ было отъ Бога. И что было для нихъ непріятно, то онъ прошелъ скоро. Апостолы вездѣ старались показать, что (Христосъ) умеръ. Хотя бы вы, говоритъ (Петръ), стали отрицать, — они засвидѣтельствуютъ. А Кто привелъ въ затрудненіе самую смерть, тотъ, конечно, еще больше бѣдъ могъ причинить тѣмъ, которые Его распяли. Однакожъ Петръ не говоритъ ничего такого, то есть, — что Онъ могъ васъ умертвить, а просто только далъ имъ понять это. А между тѣмъ, изъ этихъ словъ узнаемъ и мы, что значитъ то, что смерть держала его. Кто мучится тѣмъ, что держитъ что нибудь, тотъ уже не держитъ и не дѣйствуетъ, а страдаетъ и старается скорѣе бросить (что держитъ). Хорошо также сказалъ (Петръ): *Давидъ бо глаголетъ о немъ,*—чтобы ты не отнесъ этихъ словъ къ самому Пророку. Видишь ли, какъ онъ наконецъ объясняетъ и разоблачаетъ пророчество, показывая, какимъ образомъ Христосъ возсѣлъ на престолѣ своемъ? Вѣдь царство духовное — на небесахъ. Замѣть, какъ вмѣстѣ съ воскресеніемъ онъ указалъ и на царство, сказавъ, что (Христосъ) воскресъ. (Далѣе)

показываетъ, что Пророкъ былъ въ необходимости (говорить такъ), потому что это было пророчество о Христѣ. Почему же онъ не сказалъ: о царствѣ Его, но: *о воскресеніи его* (ст. 31)? Это было слишкомъ высоко (для нихъ). Но какъ Онъ возсѣлъ на престолѣ? Будучи царемъ надъ Іудеями. А если — надъ Іудеями, то тѣмъ больше надъ тѣми, которые Его распяли. *Ни плоть его*, говоритъ, *видѣ истлѣнія*. Это, по видимому, меньше воскресенія, но на самомъ дѣлѣ это—одно и тоже. *Сего Іисуса воскреси Богъ*. Смотри, какъ (всегда) не иначе называетъ Его. *Емуже вси мы есмы свидѣтели. Десницею убо Божіею вознесеся* (ст. 32. 33). Опять обращается къ Отцу, хотя довольно было и того, что сказалъ уже прежде; но онъ зналъ, какъ это важно. Здѣсь онъ намекнулъ и на вознесеніе, и на то, что Христосъ пребываетъ на небесахъ; но ясно и этого не высказываетъ. *И обѣтованіе Святаго Духа пріемъ*. Смотри: въ началѣ сказалъ, что не Христосъ послалъ Его (Святаго Духа), но Отецъ; а когда напомнилъ имъ о Его чудесахъ и о томъ, какъ поступили съ Нимъ Іудеи, когда сказалъ о воскресеніи, то уже смѣло начинаетъ говорить и объ этомъ и опять ихъ самихъ приводитъ въ свидѣтели, ссылаясь на то и другое ихъ чувство (т. е., на зрѣніе и слухъ—ст. 33). И о воскресеніи упоминаетъ часто, а объ ихъ преступленіи только однажды, чтобы не быть для нихъ тягостнымъ. *И обѣтованіе*, говоритъ, *Святаго Духа пріемъ*. Это опять—(истина) великая;

и я думаю, что онъ говоритъ теперь о томъ обѣтованіи, которое было до страданія. Смотри, какъ наконецъ все это онъ усвояетъ Христу и дѣлаетъ это незамѣтно. Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ излилъ (Святаго Духа), то, очевидно, о Немъ сказалъ Пророкъ выше: *въ послѣднія дни излію отъ Духа моего на рабы моя и на рабыни моя, и дамъ чудеса на небеси горѣ*. Видишь, какія (истины) онъ незамѣтно высказываетъ въ своихъ словахъ! Но такъ какъ это было дѣло великое, то онъ опять прикрываетъ его, сказавъ, что Христосъ принялъ отъ Отца. Онъ сказалъ объ оказанныхъ Имъ благодѣяніяхъ и о чудесахъ; сказалъ, что Онъ—Царь и что Онъ пришелъ къ нимъ; сказалъ, что Онъ даетъ Святаго Духа. Но вѣдь что̀ бы кто ни сказалъ,—все будетъ напрасно, если онъ не будетъ имѣть въ виду пользы. Подобно Петру поступаетъ и Іоаннъ, когда говоритъ: *той вы креститъ Духомъ Святымъ* (Матѳ. 3, 11). Вмѣстѣ съ тѣмъ (Петръ) показываетъ, что крестъ не только не умалилъ Христа, а напротивъ, еще болѣе прославилъ Его, такъ какъ, что прежде Богъ обѣщалъ Ему, то теперь даровалъ. Или иначе: Петръ говоритъ здѣсь о томъ обѣтованіи, которое Онъ намъ далъ. Такимъ образомъ Онъ напередъ уже зналъ о будущемъ обѣтованіи и послѣ креста даровалъ намъ еще большее. *И излія*. Здѣсь (Апостолъ) показываетъ Его достоинство, равно какъ и то, что Онъ не просто (даровалъ Духа), но—въ изобиліи. И, чтобы сдѣлать это (достоинство) очевиднымъ,—присо-

вокупляетъ и дальнѣйшія слова. Сказавъ о даровании Святаго Духа, онъ теперь уже смѣло говоритъ и о вознесеніи (Христовомъ) на небеса, и (говоритъ) не просто, но опять приводитъ свидѣтеля и напоминаетъ о томъ самомъ лицѣ, на которое и Христосъ указывалъ. *Не бо Давидъ*, говоритъ, *взыде на небеса* (ст. 34).

3. Здѣсь (Апостолъ) говоритъ уже безъ стѣсненія, одушевляясь тѣмъ, что сказалъ выше; уже не говоритъ: *достоитъ рещи*, или что нибудь подобное; но говоритъ прямо: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ*. — А если Онъ Господь Давида, то тѣмъ болѣе — ихъ. *Сѣди одесную мене*. Этимъ высказалъ все. *Дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ*. Этими словами возбудилъ въ нихъ великій страхъ, подобно тому, какъ и въ началѣ показалъ, какъ Богъ поступаетъ съ своими друзьями, и какъ — съ врагами. А чтобы они лучше ему повѣрили, онъ опять власть приписываетъ Отцу. И такъ какъ онъ сказалъ истину высокую, то теперь опять низводитъ слово свое къ уничиженному. *Твердо убо да уразумѣетъ*, говоритъ, *весь домъ Израилевъ*: т. е., не сомнѣвайтесь и не возражайте. А за тѣмъ говоритъ уже со властію: *яко и Господа и Христа его Богъ сотворилъ есть*. Это онъ привелъ изъ псалма Давидова (Пс. 2,2.) Ему слѣдовало бы сказать: *твердо убо да уразумѣетъ весь домъ Израилевъ*, что Онъ сѣдитъ одесную: но

такъ какъ это было слишкомъ высоко, то онъ, оставивъ это, приводитъ другое, что гораздо уничиженнѣе,—говоритъ: *сотворилъ есть*, т. е., поставилъ. Слѣдовательно онъ здѣсь ничего не говоритъ о существѣ, но все объ этомъ предметѣ (т. е., о воплощеніи). *Сего Іисуса, егоже вы распясте*. Прекрасно этимъ заключилъ свое слово, дабы чрезъ то потрясти ихъ душу. Сначала показалъ, какъ велико это преступленіе, и потомъ уже открыто сказалъ о немъ, чтобы лучше представить его важность и преклонить ихъ страхомъ. Вѣдь люди не столько привлекаются благодѣяніями, сколько вразумляются страхомъ. Но дивные и великіе мужи и други Божіи ни въ чемъ этомъ не нуждаются. Таковъ, напримѣръ, былъ Павелъ: онъ не думалъ ни о царствѣ, ни о гееннѣ. Вотъ это значитъ любить Христа; это значитъ не быть наемникомъ, не смотрѣть (на благочестивую жизнь), какъ на промыселъ и на торговлю, а быть истинно добродѣтельнымъ и дѣлать все изъ одной любви къ Богу. Какихъ же достойны мы слезъ, когда на насъ лежитъ такой великій долгъ, а мы не стараемся, и какъ купцы, пріобрѣсть царство небесное! Такъ много намъ обѣщано, а мы и при всемъ томъ не слушаемъ! Съ чѣмъ сравнить такое ожесточеніе? Люди, одержимые безумною страстію къ деньгамъ, кого бы ни встрѣтили, враговъ ли, или рабовъ, или самыхъ злыхъ своихъ противниковъ, самыхъ негодныхъ людей,—коль скоро только надѣются получить чрезъ нихъ деньги,—рѣшают-

ся на все, и льстятъ, и услуживаютъ, и становятся рабами, и считаютъ ихъ самыми почтенными людьми, лишь бы что-нибудь получить отъ нихъ: надежда получить деньги производитъ то, что они ни на что не смотрятъ. А царство не имѣетъ того значенія у насъ, какое имѣютъ деньги; или лучше,— не имѣетъ и одной доли того значенія! Между тѣмъ, и обѣщано оно не какимъ нибудь обыкновеннымъ лицемъ, а Тѣмъ, Кто несравненно выше самаго царства. Если же и обѣщано царство, и даетъ его самъ Богъ; то, очевидно, уже много значитъ и получить его отъ такого лица. А у насъ, между тѣмъ, бываетъ тоже, какъ еслибы царя, который, послѣ безчисленнаго множества другихъ благодѣяній, хочетъ сдѣлать (насъ) своими наслѣдниками наравнѣ съ собственнымъ своимъ сыномъ, мы стали презирать; а начальнику разбойниковъ, который былъ причиною весьма многихъ бѣдъ и для насъ, и для нашихъ родителей, который самъ исполненъ зла и посрамилъ и нашу славу, и наше спасеніе,—стали кланяться, если онъ покажетъ намъ хотя одинъ оволъ. Богъ обѣщаетъ намъ царство, и мы пренебрегаемъ Его; діаволъ готовитъ намъ геенну, и мы чтимъ его! То—Богъ, а это—діаволъ! Но посмотримъ на самую разность ихъ заповѣдей. Еслибы даже ничего этого не было, — еслибы, то есть, то не былъ Богъ, а это—діаволъ, еслибы первый не уготовлялъ намъ царства, а послѣдній—геенны,—самаго свойства ихъ заповѣдей не до-

вольно ли было бы для того, чтобы побудить насъ быть въ союзѣ съ первымъ? Что же заповѣдуетъ тотъ и другой? Одинъ—то, что покрываетъ насъ стыдомъ, а другой—то, что дѣлаетъ насъ славными; одинъ—то, что подвергаетъ безчисленнымъ бѣдствіямъ и безславію, другой—то, что доставляетъ великую отраду. Въ самомъ дѣлѣ, посмотри:—одинъ говоритъ: *научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Мат. 11, 29); а другой говоритъ: будь жестокъ и суровъ, гнѣвливъ и раздражителенъ, будь скорѣе звѣремъ, чѣмъ человѣкомъ. Посмотримъ же, что полезнѣе, что благотворнѣе. Но не это только (имѣй въ виду), а помышляй о томъ, что одинъ изъ нихъ діаволъ. Тогда въ особенности обнаружится то (что полезнѣе), да и торжество будетъ больше. Вѣдь не тотъ заботливъ, кто даетъ повелѣнія легкія, а кто заповѣдуетъ полезное. И отцы даютъ приказанія тягостныя, равно какъ и господа своимъ слугамъ; но по тому-то именно одни изъ нихъ—отцы,а другіе—господа; а поработители и губители заповѣдуютъ все противное. Впрочемъ, что (заповѣди Божіи) доставляютъ и удовольствіе, это видно изъ слѣдующаго. Каково, по твоему мнѣнію, состояніе человѣка раздражительнаго, и человѣка незлобиваго и кроткаго? Не правда ли, что душа послѣдняго похожа на уединенное мѣсто, гдѣ царствуетъ великая тишина, а душа перваго—на шумную площадь, гдѣ страшный крикъ, гдѣ погонщики верблюдовъ, лошаковъ,

ословъ кричатъ изо всей силы на проходящихъ, чтобы ихъ не задавить? Или еще, не походитъ ли душа послѣдняго на средину городовъ, гдѣ сильный шумъ то съ той стороны отъ серебренниковъ, то съ другой—отъ мѣдниковъ, гдѣ одни обижаютъ, другіе терпятъ обиду? А душа перваго похожа на вершину горы, гдѣ вѣетъ легкій вѣтеръ и куда падаетъ чистый лучъ (солнца), откуда льются прозрачныя струи потоковъ и гдѣ встрѣчаешь множество прелестныхъ цвѣтовъ, какъ на весеннихъ лугахъ и въ садахъ, красующихся растеніями, цвѣтами и струящимися потоками. Если здѣсь и бываетъ какой звукъ, то это—звукъ пріятный, доставляющій большое удовольствіе тому, кто его слышитъ. Здѣсь или пѣвчія птицы сидятъ вверху на вѣтвяхъ деревъ, и кузнечики, соловьи и ласточки стройно воспѣваютъ какой-то одинъ концертъ; или тихій вѣтеръ, слегка касаясь вѣтвей деревъ, часто производитъ звуки, похожіе на звукъ флейты или на крикъ лебедя: или лугъ, покрытый розами и лиліями, которыя склоняются другъ къ другу и отливаютъ синевою, представляетъ какбы синее море въ минуту легкаго волненія. Однимъ словомъ, здѣсь можно найти много подобій: посмотришь на розы,—подумаешь: видишь радугу; посмотришь на фіалки,—подумаешь: видишь волнующееся море; посмотришь на лиліи,—подумаешь: видишь небо. И не зрѣніемъ только наслаждаешься здѣсь при видѣ такого зрѣлища, но и самымъ тѣломъ. Здѣсь человѣкъ по преимуществу находитъ для

себя отраду и отдыхъ, такъ что скорѣе считаетъ себя на небѣ, чѣмъ на землѣ.

4. Есть здѣсь и другой звукъ,—когда вода непринужденно катится съ вершины по разсѣлинамъ и, слегка ударяясь о встрѣчающіеся камешки, тихо журчитъ и такую разливаетъ сладость по нашимъ членамъ, что скоро и сонъ, отъ котораго невольно опускаются члены, нисходитъ на глаза наши.—Вы съ удовольствіемъ слушали мой разсказъ и, можетъ быть, даже плѣнились пустынною мѣстностію? А вѣдь душа великодушнаго человѣка еще несравненно пріятнѣе, чѣмъ эта пустынная мѣстность. И я не съ тѣмъ коснулся этого подобія, чтобы описать вамъ лугъ, или чтобы похвалить сіе краснорѣчіемъ, но чтобы вы, увидѣвъ изъ описанія, какъ велико наслажденіе людей великодушныхъ, — увидѣвъ, что и обращеніе съ человѣкомъ великодушнымъ доставляетъ несравненно больше и удовольствія, и пользы, чѣмъ жизнь въ подобныхъ мѣстахъ, старались подражать такимъ людямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если отъ такой души не выходитъ и дыханіе бурное, но одни кроткія и привѣтливыя слова, истинно подобныя тихому вѣянію легкаго вѣтра, одни убѣжденія, въ которыхъ нѣтъ ничего грубаго, а напротивъ слышится нѣчто похожее на пѣніе птицъ; то не правда ли, что это лучше? Вѣяніе слова вѣдь ужъ не на тѣло падаетъ, а оживляетъ душу. Не такъ скоро врачъ, какое бы онъ ни прилагалъ стараніе, освободитъ больнаго отъ горячки, какъ человѣкъ великодушный дуновені-

емъ словъ своихъ охлаждаетъ человѣка раздражительнаго, пламенѣющаго гнѣвомъ. Но что я говорю о врачѣ? И раскаленное желѣзо, опущенное въ воду, такъ скоро не потеряетъ своей теплоты, какъ человѣкъ вспыльчивый, если встрѣтится съ душею терпѣливою. Но какъ пѣвчія птицы на рынкѣ не имѣютъ почти никакой цѣны; такъ точно и наши убѣжденія считаются пустыми словами у людей раздражительныхъ. Итакъ кротость пріятнѣе, чѣмъ гнѣвъ и ярость. Но не это только (нужно имѣть въ виду), но и то, что одно заповѣдано діаволомъ, а другое—Богомъ. Видите,—я не напрасно сказалъ, что, еслибы то не былъ діаволъ и Богъ, самыя заповѣди были бы уже достаточны для того, чтобы отвлечь насъ (отъ діавола). Человѣкъ кроткій и самъ себѣ пріятенъ, и другимъ полезенъ; а гнѣвливый—и самъ себѣ непріятенъ, и другимъ вреденъ. Дѣйствительно, ничего нѣтъ хуже человѣка гнѣвливаго, ничего нѣтъ тягостнѣе, ничего несноснѣе, ничего постыднѣе; равно какъ и на оборотъ,—нѣтъ ничего пріятнѣе человѣка, который не умѣетъ гнѣваться. Лучше жить съ звѣремъ, чѣмъ съ такимъ человѣкомъ: звѣря только разъ укротишь, и ужъ онъ навсегда остается такимъ, какимъ его пріучили быть; а этого, сколько ни укрощай, онъ опять ожесточается, потому что только на одинъ разъ смирится. Какъ отличенъ ясный и свѣтлый день отъ времени ненастнаго и крайне печальнаго; такъ и душа человѣка гнѣвающагося — отъ души человѣка кроткаго.

Но мы теперь еще не будемъ разсматривать тотъ вредъ, который происходитъ (отъ людей раздражительныхъ) для другихъ, а посмотримъ на вредъ, какой они причиняютъ самимъ себѣ. Конечно, и то уже не маловажный вредъ, если мы сдѣлаемъ какое либо зло другому; но на это мы пока не будемъ обращать вниманія. Какой палачъ можетъ истерзать до такой степени бока? Какіе раскаленные рожны могутъ такъ исколоть тѣло? Какое сумасшествіе можетъ на столько лишить насъ здраваго смысла, сколько (лишаютъ) гнѣвъ и бѣшенство? Я знаю многихъ, которые сдѣлались больными отъ гнѣва; и жесточайшія горячки, по большей части, бываютъ отъ гнѣва. А если (эти страсти) такъ вредны для тѣла, то подумай, (какъ вредны) для души. Не разсчитывай на то, что ты этого не видишь; но подумай, что если и то, что принимаетъ зло, терпитъ такой вредъ, — какой же вредъ получитъ то, что его раждаетъ? Многіе (отъ гнѣва) потеряли глаза; многіе впали въ самую тяжкую болѣзнь. Между тѣмъ, человѣкъ великодушный легко перенесетъ все. Но, не смотря на то, что (діаволъ) даетъ намъ такія тягостныя повелѣнія и въ награду за то предлагаетъ геенну, не смотря на то, что онъ—діаволъ и врагъ нашего спасенія, все же мы больше слушаемъ его, чѣмъ Христа, хотя Христосъ— нашъ Спаситель и благодѣтель, и предлагаетъ намъ такія заповѣди, которыя и пріятнѣе, и полезнѣе, и благотворнѣе, которыя приносятъ ве-

личайшую пользу и намъ, и тѣмъ, кто съ нами живетъ. Нѣтъ ничего хуже гнѣва, возлюбленный; нѣтъ ничего хуже неумѣстной раздражительности. Гнѣвъ не терпитъ дальняго отлагательства; это—бурная страсть. Часто случается, что въ гнѣвѣ иной скажетъ такое слово, для вознагражденія котораго нужна цѣлая жизнь; или сдѣлаетъ такое дѣло, которое ниспровергнетъ всю его жизнь. Вѣдь то-то и ужасно, что въ короткое время, чрезъ одинъ поступокъ, чрезъ одно даже слово, (эта страсть) часто лишаетъ насъ вѣчныхъ благъ и дѣлаетъ напрасными безчисленные труды. Посему умоляю васъ, употребите всѣ мѣры къ тому, чтобы обуздать этого звѣря. Это я сказалъ о кротости и гнѣвѣ. Но если кто станетъ разсуждать и о другихъ (качествахъ), напр. о любостяжаніи и презрѣніи богатства, о распутствѣ и цѣломудріи, о зависти и добродушіи, и сравнитъ ихъ одно съ другимъ; тотъ узнаетъ, что и здѣсь есть различіе. Видѣли, какъ ясно изъ однихъ заповѣдей открывается, что одинъ—Богъ, а другой—діаволъ? Будемъ же повиноваться Богу и не станемъ ввергать себя въ бездну, но, пока есть еще время, постараемся омыть все, что оскверняетъ душу, чтобы сподобиться вѣчныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 7.

Слышавше же слова сіи, *умилишася сердцемъ, и рѣша къ Петру и прочимъ Апостоломъ: что сотворимъ, мужіе братіе* (Дѣян. 2, 37).

Видишь ли, какое великое благо—кротость? Она больше жестокости уязвляетъ сердца наши и причиняетъ рану болѣе чувствительную. Какъ тотъ, кто наноситъ ударъ тѣламъ затвердѣлымъ, производитъ ощущеніе не столь сильное, а кто напередъ смягчитъ ихъ и сдѣлаетъ нѣжными, тотъ поражаетъ сильнѣе: такъ точно и здѣсь—прежде надобно смягчить, и тогда уже поразить. Смягчаетъ же не гнѣвъ и не сильное обвиненіе, и не порицаніе, но кротость: гнѣвъ еще увеличиваетъ ожесточеніе, а кротость уничтожаетъ. Итакъ, если хочешь тронуть кого-либо обидѣвшаго тебя, обращайся къ нему съ величайшею кротостію. Вотъ смотри, и здѣсь что̀ дѣлаетъ (кротость). Петръ кротко напомнилъ Іудеямъ о ихъ преступленіи и ничего

больше не прибавилъ; сказалъ о дарѣ Божіемъ, указалъ на благодать, какъ на свидѣтельство о минувшихъ событіяхъ, и еще далѣе простеръ слово. Іудеи устыдились кротости Петра, потому что онъ съ людьми, распявшими его Владыку и замышлявшими убійство противъ самихъ (Апостоловъ), говорилъ какъ отецъ и заботливый учитель. Они не просто убѣдились, но и осудили самихъ себя,—пришли въ сознаніе того, что сдѣлали. Это по тому, что онъ не далъ имъ увлечься гнѣвомъ и не допустилъ ихъ разума до омраченія, но своимъ смиренномудріемъ разсѣялъ, какъ нѣкоторый мракъ, ихъ негодованіе, и тогда уже выставилъ на видъ ихъ преступленіе. Вѣдь такъ обыкновенно бываетъ: когда мы говоримъ, что насъ обидѣли,—обидѣвшіе стараются доказать, что они не обижали; а когда говоримъ, что насъ не обидѣли, но скорѣе мы сами обидѣли,—они поступаютъ напротивъ. Посему, если хочешь привесть обидѣвшаго въ затрудненіе,—не обвиняй его, но вступись за него, и онъ самъ будетъ обвинять себя: ибо родъ человѣческій любитъ спорить. Такъ сдѣлалъ Петръ. Онъ не осудилъ (Іудеевъ) со всею силою, а напротивъ, постарался еще съ возможною кротостію почти защитить ихъ и потому тронулъ ихъ душу. Откуда же видно, что они умилились?—Изъ ихъ словъ. Ибо что говорятъ они?—*Что сотворимъ, мужіе братіе?* Тѣхъ, которыхъ называли обманщиками, теперь называютъ братьями, не столько для того, чтобы

сравнить себя съ ними, сколько для того, чтобы расположить ихъ къ любви и попеченію. А съ другой стороны, такъ какъ Апостолы удостоили ихъ этого названія, то и они говорятъ: *что сотворимъ?* Не сказали тотчасъ: итакъ покаемся; но предали себя на ихъ волю. Какъ человѣкъ, застигнутый кораблекрушеніемъ или болѣзнію, увидя кормчаго или врача, все предоставляетъ ему и во всемъ слушается его: такъ и они признались, что находятся въ крайнемъ положеніи и не имѣютъ даже надежды спасенія. И смотри: не сказали они: какъ мы спасемся, но: — *что сотворимъ*? Что же Петръ? Здѣсь опять, хотя спрошены были всѣ (Апостолы), отвѣчаетъ Петръ. *Покайтеся*, говоритъ онъ, *и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа*(ст. 38). Еще не говоритъ: вѣруйте, но: — *да крестится кійждо васъ*. Вѣру они получили въ крещеніи. Потомъ показываетъ и пользу (крещенія): *во оставленіе грѣховъ: и пріимете даръ Святаго Духа* (ст. 38). Если вы получите даръ, если крещеніемъ дается *оставленіе* (грѣховъ): то зачѣмъ медлите? Затѣмъ, чтобы удостовѣрить въ своемъ словѣ, присовокупляетъ: *вамъ бо есть обѣтованіе* (ст. 39). И здѣсь разумѣетъ тоже обѣтованіе, о которомъ говорилъ выше. *И чадомъ вашимъ*. Значитъ, особенно великъ даръ, когда у нихъ есть и наслѣдники благъ. *И всѣмъ далнимъ*: если дальнимъ, то тѣмъ болѣе вамъ — близкимъ. *Елики аще призоветъ Го-*

сподь Богъ нашъ (ст. 39). Смотри, когда говоритъ: *далнимъ*; — тогда, когда они были уже расположены къ нему и осудили себя; ибо душа, когда осудитъ себя, уже не можетъ завидовать. *И иными словесы множайшими засвидѣтельствоваше и моляше ихъ, глаголя* (ст. 40). Смотри, какъ вездѣ (писатель) говоритъ кратко, какъ далекъ честолюбія и хвастовства. *Засвидѣтельствоваше*, говоритъ, *и моляше, глаголя.* Вотъ совершенное ученіе, внушающее и страхъ, и любовь! *Спаситеся*, говоритъ (Петръ), *отъ рода строптиваго сего* (ст. 40). Ничего не говоритъ о будущемъ, но — о настоящемъ, чѣмъ люди особенно и руководятся, и показываетъ, что проповѣдь освобождаетъ и отъ настоящихъ, и отъ будущихъ золъ. *Иже убо любезно пріяша слово его, крестишася: и приложишася въ день той душъ яко три тысящи* (ст. 41). Какъ думаешь, во сколько разъ больше знаменія это одушевило Апостоловъ? *Бяху же терпяще* единодушно *во ученіи Апостолъ и во общеніи* (ст. 42). Двѣ добродѣтели: и то, что терпѣли, и то, что—единодушно. *Во ученіи*, говоритъ, *Апостолъ*, потому что и послѣ Апостолы ихъ учили. *И во общеніи и въ преломленіи хлѣба и въ молитвѣ.* Все, говоритъ, дѣлали вмѣстѣ, все—съ терпѣніемъ. *Бысть же на всякой души страхъ: многа бо чудеса и знаменія Апостолы быша* (ст. 43). Это и естественно. Они уже не презирали ихъ, какъ

какихъ нибудь простыхъ людей, и внимали уже не тому, что видѣли, но умъ ихъ возвысился. А какъ выше Петръ говорилъ весьма многое, излагалъ обѣтованія и показывалъ будущее; то они справедливо поражены были страхомъ; свидѣтельствомъ же тому, что говорилъ онъ, служили чудеса. Какъ у Христа—прежде знаменія, потомъ ученіе, затѣмъ чудеса: такъ и теперь. *Вси же вѣровавшіи бяху вкупѣ, и имяху вся обща* (ст. 44). Смотри, какой тотчасъ успѣхъ: не въ молитвахъ только общеніе и не въ ученіи, но и въ жизни. *И стяжанія и имѣнія продаяху, и раздаяху всѣмъ, егоже аще кто требоваше* (ст. 45). Смотри, какой страхъ появился у нихъ. *И раздаяху* ихъ. Это сказалъ (Апостолъ), чтобы показать, какъ они распоряжались имуществомъ. *Егоже аще кто требоваше.* Не просто (раздавали), какъ у язычниковъ философы, изъ которыхъ одни оставили землю, а другіе много золота бросили въ море: это было не презрѣніемъ къ деньгамъ, но глупостію и безуміемъ. Діаволъ всегда и вездѣ старался оклеветать созданія Божіи, какъ будто нельзя хорошо пользоваться имуществомъ. *По вся же дни терпяще единодушно въ церкви* (ст. 46). Здѣсь указываетъ на то, какимъ образомъ они принимали ученіе.

2. Замѣть, какъ Іудеи ничего другаго не дѣлали, ни малаго, ни великаго, а только пребывали въ храмѣ. Такъ какъ они сдѣлались ревностнѣе, то и къ мѣсту имѣли больше благо-

говѣнія; и Апостолы пока еще не отвлекали ихъ, чтобы не причинить имъ вреда. *И ломяще по домомъ хлѣбъ, пріимаху пищу въ радости и въ простотѣ сердца, хваляще Бога и имуще благодать у всѣхъ людей* (ст. 46. 47). Когда говоритъ: *хлѣбъ*, то, мнѣ кажется, указываетъ здѣсь и на постъ, и на строгую жизнь, — такъ какъ они принимали пищу, а не предавались роскоши. Отсюда научись, возлюбленный, что не роскошь, но пища приноситъ наслажденіе, и что роскошествующіе (живутъ) въ печали, а не роскошествующіе—въ радости. Видишь ли, что слова Петра приводили и къ этому — къ воздержанію въ жизни? Такъ-то не можетъ быть радости, когда нѣтъ *простоты*. Почему же, скажешь, они имѣли *благодать у всѣхъ людей?* — По своимъ дѣламъ, по своей милостынѣ. Такъ не смотри же на то, что архіереи возстали на нихъ по зависти и ненависти, но — на то, что они имѣли *благодать у людей. Господь же прилагаше по вся дни церкви спасающіяся* (ст. 47). *Вси же вѣровавшіи бяху вкупѣ.* Такъ вездѣ хорошо единомысліе. *И иными словесы засвидѣтельствоваше.* Это сказалъ (Апостолъ), дабы показать, что не довольно было сказаннаго; или еще: прежнія слова были сказаны для того, чтобы привести къ вѣрѣ, а эти показывали, что̀ долженъ дѣлать вѣрующій. И не сказалъ: о крестѣ, но: *во имя Іисуса Христа да крестится кійждо васъ.* Не напо-

минаетъ имъ постоянно о крестѣ, чтобы не подумали, будто онъ поноситъ ихъ; но просто говоритъ: *покайтеся, и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ.* Въ здѣшнихъ судахъ бываетъ иначе; но въ (дѣлѣ) проповѣди грѣшникъ спасется тогда, когда признается во грѣхахъ. Смотри, какъ Петръ не пропустилъ того, что особенно важно; но, сказавъ напередъ о благодати, присовокупилъ потомъ и это: *пріимете даръ Святаго Духа.* И слово его было достовѣрно по тому, что сами (Апостолы) получили (Духа). Сначала говоритъ о томъ, что легко и что подаетъ великій даръ, и потомъ уже ведетъ къ жизни, зная, что для нихъ поводомъ къ ревности будетъ то, что они уже вкусили столько благъ. А такъ какъ слушатель желалъ узнать, что составляло сущность его многихъ словъ,—онъ присоединяетъ и это, показывая, что это—даръ Святаго Духа. Такимъ образомъ тѣ, которые приняли слово его, одобрили сказанное имъ, хотя слова его и были исполнены страха, и послѣ одобренія приступаютъ къ крещенію. Но посмотримъ, что сказано было выше. *Бяху терпяще во ученіи.* Изъ этого видно, что не одинъ день, и не два, и не три, но въ теченіе многихъ дней они учились, такъ какъ перешли къ другому образу жизни. *И бысть на всякой души страхъ.* Если *на всякой*, то—и на не вѣровавшихъ. Вѣроятно, они чувствовали страхъ, видя столь внезапное обращеніе, а можетъ быть,

(это происходило) и отъ знаменій. Не сказалъ (Лука): вмѣстѣ, но—*единодушно*: потому что можно быть и вмѣстѣ, но не единодушно, раздѣляясь въ мысляхъ. *И словесы моляше*. И здѣсь не излагаетъ ученія, заботясь о краткости; но отсюда можно видѣть, что (Апостолы) питали ихъ, какъ дѣтей, духовною пищею, и вотъ они вдругъ сдѣлались Ангелами. *И раздаяху, егоже аще кто требоваше*. Они видѣли, что духовныя блага общи и что одинъ имѣетъ не больше другаго,—и потому скоро пришли къ мысли раздѣлить между всѣми и свое имущество. *Вси же вѣровавшіи бяху вкупѣ*. А что не по мѣсту они были *вкупѣ*, видно изъ слѣдующихъ за тѣмъ словъ: *и имяху вся обща*. *Вси же*, говоритъ; а не такъ, что одинъ имѣлъ, а другой нѣтъ. Это было ангельское общество, потому что они ничего не называли своимъ. Отсюда исторгнутъ былъ корень золъ, и своими дѣлами они показали, что слышали (слово проповѣди). Говорилъ же (Апостолъ) вотъ что: *спаситеся отъ рода строптиваго сего. И приложишася въ день той яко три тысящи*. Такъ какъ ихъ было теперь три тысячи, то (Апостолы) уже извели ихъ вонъ, и они съ великимъ дерзновеніемъ ежедневно приходили въ храмъ и пребывали въ немъ. Такъ точно, не много послѣ, поступаютъ и Петръ съ Іоанномъ, потому что они еще не отвергали ничего Іудейскаго; да и самое почтеніе къ мѣсту переходило къ Владыкѣ храма.

Видѣли ли успѣхъ благочестія? Отказывались отъ имущества и радовались, и велика была радость: потому что пріобрѣтенныя блага были гораздо больше. Никто не поносилъ, никто не завидовалъ, никто не враждовалъ; не было гордости, не было презрѣнія: всѣ, какъ дѣти, принимали наставленія, всѣ были какъ новорожденные. Но зачѣмъ я говорю въ темномъ образѣ? Помните, какъ всѣ были скромны, когда Богъ поколебалъ нашъ городъ? Въ такомъ же точно состояніи находились тогда они: не было коварныхъ, не было лукавыхъ. Вотъ что значитъ страхъ, вотъ что значитъ скорбь! Не было холоднаго слова: мое и твое; поэтому была радость при трапезѣ. Никто не думалъ, что ѣстъ свое; никто (не думалъ), что ѣстъ чужое, хотя это и кажется загадкою. Не считали чужимъ того, что принадлежало братіи, — ибо то было Господне; не считали и своимъ, но—принадлежащимъ братіи. Ни бѣдный не стыдился, ни богатый не гордился: вотъ что значитъ — радоваться. И тотъ считалъ себя облагодѣтельствованнымъ и чувствовалъ, что онъ больше пользуется благодѣяніями, и эти находили въ томъ свою славу; и всѣ были крайне привязаны другъ къ другу. Вѣдь случается, что при раздаяніи имущества бываетъ и обида, и гордость, и скорбь; поэтому Апостолъ и говорилъ: *не отъ скорби, ни отъ нужды* (2 Кор. 9, 7). Смотри, сколь многое (Лука) прославляетъ въ нихъ: искреннюю вѣру, правую жизнь, посто-

янство въ слушаніи, (постоянство) въ молитвахъ, въ простотѣ, въ радости.

3. Двѣ (вещи) могли повергнуть ихъ въ печаль: постъ и раздаяніе имущества. Но они радовались и тому, и другому. Кто же людей съ такими чувствами не полюбилъ бы, какъ общихъ отцевъ? Никакого зла не замышляли они другъ противъ друга и все предоставляли благодати Божіей. Не было страха между ними, не смотря на то, что они находились среди опасностей. Но всю ихъ добродѣтель, гораздо высшую и презрѣнія къ имуществу, и поста, и постоянства въ молитвахъ, (Апостолъ) выразилъ (словомъ): *въ простотѣ.* Такимъ-то образомъ они неукоризненно хвалили Бога; или лучше, въ этомъ-то и состоитъ хвала Богу. Но смотри, какъ они тотчасъ же получаютъ и награду: то, что они имѣли *благодать у людей*, показываетъ, что они были любимы и были достойны любви. Да и кто не изумится, кто не подивится человѣку, простому нравомъ? Или кто не привяжется къ тому, въ комъ нѣтъ ничего коварнаго? Кому другому, какъ не имъ, принадлежитъ спасеніе? Кому, какъ не имъ, — великія блага? Не пастыри ли первые услышали Евангеліе? Не Іосифъ ли, этотъ простой человѣкъ, — дабы подозрѣніе въ прелюбодѣяніи не устрашило его и не побудило сдѣлать какое-либо зло? Не простыхъ ли поселянъ (αγροίκους) избралъ (Господь въ Апостолы)? Ибо сказано: *душа бла-*

гословенна всякая простая (Притч. 11, 26). *Иже ходитъ просто, ходитъ надѣяся* (—10, 9). Такъ, скажешь, но надобно и благоразуміе. Да что же такое и простота, какъ не благоразуміе? Когда не подозрѣваешь ничего злаго, тогда не можешь и замышлять зла. Когда ничѣмъ не огорчаешься, тогда не можешь быть и злопамятнымъ. Обидѣлъ ли кто тебя? Ты не опечалился. Оклеветалъ ли? Ты ничего не потерпѣлъ. Позавидовалъ ли тебѣ? И отъ этого ты нисколько не пострадалъ. Простота есть нѣкоторый путь къ любомудрію. Никто такъ не прекрасенъ душею, какъ человѣкъ простой. Какъ по отношенію къ тѣлу человѣкъ печальный, унылый и угрюмый, хотя бы онъ былъ и красивъ собою, теряетъ много красоты, а беззаботный и кротко улыбающійся увеличиваетъ красоту: такъ точно—и по отношенію къ душѣ. Угрюмый, хотя бы имѣлъ тысячи добрыхъ дѣлъ, отнимаетъ у нихъ всю красоту; а открытый и простой — напротивъ. Съ такимъ человѣкомъ и сдружиться безопасно, и, если онъ сдѣлается врагомъ, (не опасно) примириться. Не нужны для такого (человѣка) ни стражи и караулы, ни узы и оковы; онъ и самъ будетъ пользоваться великимъ спокойствіемъ, и—всѣ, живущіе съ нимъ. Что же, скажешь, если такой человѣкъ попадетъ въ общество злыхъ людей?—Богъ, повелѣвшій намъ быть простыми, простретъ ему руку. Что проще Давида? Что лукавѣе Саула? А между тѣмъ, кто остался

побѣдителемъ? Чтожъ (сказать) объ Іосифѣ? Не въ простотѣ ли сердца пришелъ онъ къ госпожѣ своей, а та не имѣла ли коварнаго намѣренія? И однакожъ, скажи мнѣ, потерпѣлъ ли онъ какой-либо вредъ? Что проще Авеля? Что коварнѣе Каина? И тотъ же, опять, Іосифъ не просто ли обращался съ своими братьями? Не по тому ли онъ прославился, что все говорилъ съ довѣрчивостію, между тѣмъ какъ братья (все) принимали съ злымъ умысломъ? Онъ разъ сказалъ (имъ) о сновидѣніяхъ, сказалъ и въ другой разъ, и не остерегался. И онъ же опять пошелъ къ нимъ отнести пищу, и нисколько не остерегался, полагаясь во всемъ на Бога. Чѣмъ больше они поступали съ нимъ, какъ съ врагомъ, тѣмъ больше онъ обращался съ ними, какъ съ братьями. Богъ могъ и не допустить, чтобы онъ впалъ (въ руки братьевъ), но допустилъ для того, чтобы показать чудо и то, что, хотя они и поступятъ съ нимъ, какъ враги, онъ будетъ выше ихъ. Такимъ образомъ, если (простой человѣкъ) и получитъ рану, то получитъ не отъ себя, а отъ другаго; лукавый же наноситъ ударъ прежде всего себѣ и больше никому, такъ что онъ врагъ самому себѣ. Душа такого человѣка всегда исполнена печали, мысли его всегда угрюмы. Если онъ долженъ выслушать или сказать что-нибудь, то все дѣлаетъ съ нареканіями, все обвиняетъ. Дружба и согласіе далеки отъ такихъ людей; у нихъ ссоры, вражда и непріятности; такіе люди и себя подозрѣваютъ. Имъ

даже сонъ непріятенъ, равно какъ и ничто другое. Если же они имѣютъ жену,—о! тогда они всѣмъ враги и непріятели: безконечная ревность, постоянный страхъ! Лукавый (πονηρὸς) по тому такъ и называется, что онъ находится въ трудѣ (παρὰ τὸ πονειν). Такъ и Писаніе всегда называетъ лукавство трудомъ, когда, напримѣръ, говоритъ: *подъ языкомъ его трудъ и болѣзнь* (Псал. 9, 28); и еще въ другомъ мѣстѣ: *беззаконіе и трудъ посредѣ ихъ* (Пс. 54, 11). Если кто удивится, отъ чего вначалѣ (христіане) были такими, а теперь уже не таковы, — тотъ пусть знаетъ, что причиною тому была скорбь, учительница любомудрія, мать благочестія. Когда было раздаяніе имущества, тогда не было и лукавства. Такъ, скажешь; но объ этомъ именно я и спрашиваю: отъ чего теперь такое лукавство? Отъ чего эти три и пять тысячъ вдругъ рѣшились избрать добродѣтель и такимъ образомъ всѣ сдѣлались любомудрыми, а теперь едва найдется одинъ? Отъ чего тогда такъ были они согласны? Что сдѣлало ихъ сильными и возбужденными? Что такъ воспламенило ихъ? Это—по тому, что они приступили съ великимъ благоговѣніемъ; по тому, что (тогда) не было почестей, какъ теперь; по тому, что они переселились мыслію въ будущее и не ожидали ничего настоящаго. Душѣ воспламененной свойственно жить въ скорбяхъ: это почитали они христіанствомъ,—они, но не мы; ибо теперь мы ищемъ здѣсь покойной жизни, поэтому и не дости-

гаемъ, хотя бы и слѣдовало, тѣхъ (добродѣтелей). *Что сотворимъ?*—спрашивали они, считая себя въ отчаянномъ положеніи; мы, напротивъ, говоримъ: что сотворимъ, — хвастаясь предъ присутствующими и много думая о себѣ. Они дѣлали то, что слѣдовало дѣлать, а мы поступаемъ напротивъ. Они обвинили себя, отчаявались въ своемъ спасеніи; поэтому и сдѣлались такими. Они оцѣнили, какой великій даръ получили.

4. Какъ же вамъ быть такими, когда вы все дѣлаете напротивъ? Они, какъ скоро услышали, тотчасъ крестились. Не сказали этихъ холодныхъ словъ, которыя мы теперь говоримъ, и не думали объ отлагательствѣ, хотя слышали еще не всѣ оправданія, а только это: *спаситеся отъ рода сего*. Они не стали изъ-за этого медлить, но приняли эти слова, и что приняли,—доказали дѣлами и показали, каковы они были. Они, лишь только вступили въ борьбу, тотчасъ сняли съ себя одежды; а мы, вступая (въ борьбу), хотимъ бороться въ одеждахъ. Поэтому противникъ нашъ не имѣетъ нужды въ трудахъ, и мы, запутавшись въ своихъ (одеждахъ), часто падаемъ. Мы дѣлаемъ такъ же, какъ еслибы кто, увидѣвъ настоящаго борца, запыленнаго, чернаго, обнаженнаго, покрытаго грязью и отъ пыли, и отъ солнца, и облитаго масломъ, потомъ и грязью, вышелъ сразиться съ нимъ,

а самъ, между тѣмъ, издавалъ бы запахъ благовонныхъ мазей, надѣлъ бы на себя шелковыя одежды и золотую обувь, платье, ниспадающее до пятъ, и золотыя украшенія на голову. Такой человѣкъ не только будетъ препятствовать себѣ, но и, обращая всю свою заботу на то, чтобы не замарать и не разорвать одеждъ, тотчасъ падетъ отъ перваго нападенія и, чего боялся, то сейчасъ потерпитъ, бывъ пораженъ въ главныхъ частяхъ тѣла. Пришло время борьбы, — а ты одѣваешься въ шелковыя одежды! Время упражненія, время состязанія,—а ты украшаешь себя, какъ на торжествѣ! Какъ же быть тебѣ побѣдителемъ? Не смотри на внѣшнее, но на внутреннее: ибо заботами о внѣшнемъ, какъ тяжкими узами, душа отвсюду связывается; тогда мы не можемъ ни поднять руку, ни устремиться на врага, дѣлаемся слабыми и изнѣженными. Хорошо было бы, еслибы мы, и освободившись отъ всего (этого), могли побѣдить ту нечистую силу. Поэтому и Христосъ,—такъ какъ не довольно отвергнуть только имущество, — смотри, что говоритъ: *елика имаши, продаждь и даждь нищимъ: и ходи въ слѣдъ мене* (Марк. 10, 21). Если же и тогда, когда оставимъ имущество, мы еще не безопасны, но имѣемъ нужду еще въ другомъ упражненіи и въ неусыпныхъ трудахъ; то тѣмъ болѣе, владѣя (имуществомъ), не сдѣлаемъ ничего великаго, но будемъ осмѣяны и зрителями, и самимъ духомъ злобы. Вѣдь еслибы даже не было діавола,

еслибы и никто не ратовалъ противъ насъ,—и въ такомъ случаѣ безчисленные пути отвсюду ведутъ сребролюбца въ геенну. Гдѣ же теперь говорящіе: зачѣмъ сотворенъ діаволъ? Вотъ здѣсь діаволъ ничего не дѣлаетъ, но все (дѣлаемъ) мы. И пусть бы говорили это живущіе въ горахъ, — тѣ, которые, по цѣломудрію, по презрѣнію къ богатству и по пренебреженію другихъ (благъ), тысячу разъ рѣшились бы оставить отца, и домы, и поля, и жену, и дѣтей; но они-то особенно не говорятъ этого, а говорятъ тѣ, которымъ никогда бы не слѣдовало говорить. Тамъ, поистинѣ, борьба съ діаволомъ: а сюда не слѣдуетъ и вводить его. Но вѣдь это сребролюбіе, скажешь, внушаетъ діаволъ. Убѣгай же отъ него и не принимай его, человѣкъ! Вѣдь если ты увидишь, что кто нибудь изъ-за ограды выбрасываетъ нечистоту и что (другой), видя, какъ его обливаютъ, стоитъ и все принимаетъ на свою голову,—ты не только не пожалѣешь о немъ, но еще будешь негодовать на него и скажешь, что онъ справедливо страдаетъ. Да и всякій скажетъ ему: не будь безуменъ, и не столько будетъ обвинять того, кто бросаетъ, сколько того, кто принимаетъ. Между тѣмъ, ты знаешь, что сребролюбіе—отъ діавола, знаешь, что оно причиною безчисленныхъ золъ, видишь, что діаволъ бросаетъ, какъ грязь, нечистые и постыдные помыслы,—и, обнаженною головою принимая нечистоту его, ты не думаешь о томъ,—не считаешь нужнымъ, постеро-

нившись нѣсколько, освободиться отъ всего этого. Какъ тотъ, еслибы посторонился, избавился бы отъ грязи: такъ и ты не принимай такихъ помысловъ, и избѣжишь грѣха; отвергни пожеланіе. Да какъ же, скажешь, мнѣ отвергнуть? Еслибы ты былъ язычникомъ и цѣнилъ бы только настоящее,—можетъ быть, это было бы весьма трудно, хотя и язычники дѣлали это. Но ты — человѣкъ, ожидающій неба и того, что на небѣ,—и говоришь: какъ отвергнуть? Еслибы я говорилъ противное, тогда бы слѣдовало затрудняться. Еслибы я говорилъ: пожелай денегъ; ты могъ бы сказать: какъ мнѣ желать денегъ, когда я вижу такія (блага)? Скажи мнѣ: еслибы въ то время, когда лежатъ предъ тобой золото и драгоцѣнные камни, я сказалъ тебѣ: пожелай олова, — развѣ не было бы затрудненія? Ты, конечно, отвѣчалъ бы: какъ могу я (желать этого)? А еслибы я сказалъ: не пожелай,—это было бы легче. Не удивляюсь тѣмъ, которые пренебрегаютъ (деньгами), но (удивляюсь) тѣмъ, которые не пренебрегаютъ. Это—признакъ души, исполненной крайней лѣности, ничѣмъ не отличающейся отъ мухъ и комаровъ, привязанной къ землѣ, валяющейся въ грязи, не представляющей себѣ ничего великаго. Что ты говоришь? Хочешь наслѣдовать жизнь вѣчную и говоришь: какъ буду презирать для нея настоящую? Ужели можно это сравнивать? Хочешь получить одежду царскую и говоришь: какъ презрѣть рубище? Ожидаешь,

что тебя введутъ въ домъ царя, и говоришь: какъ презрѣть настоящую бѣдную хижину? Подлинно, мы виновны во всемъ, потому что не хотимъ сколько нибудь возбудить себя. Всѣ, которые хотѣли, поступали, какъ должно, и дѣлали это съ большою ревностію и легкостію. Дай Богъ, чтобъ и вы, послушавшись нашего увѣщанія, исправились и были ревностными подражателями пожившихъ добродѣтельно, по благодати и человѣколюбію единороднаго Его Сына, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

260. О блаженныхъ нашихъ отцахъ Каллистѣ патріархѣ и Игнатіѣ.

Особенно же въ наши дни объ этой молитвѣ написали Духомъ, какъ и сами отъ Бога, богоглаголивые, богоносные, христоносные и поистинѣ вдохновенные, во Святыхъ отецъ нашъ Каллистъ, отъ Бога патріархъ царствующаго города новаго Рима, и единомысленникъ и сподвижникъ его, святый Игнатій. Въ составленной ими книгѣ они въ сотнѣ главъ представили свои духовныя, богомудрыя и весьма возвышенныя разсужденія о ней, въ соотвѣтствіе съ совершеннымъ числомъ изложивъ совершенное о ней ученіе. Хотя они были отраслями царственнаго города; но, оставивъ все и поживъ сперва дѣвственно и одиноко въ подчиненіи, а потомъ подвижнически и по небесному вмѣстѣ и неразлучно, и сохранивъ въ себѣ вполнѣ единеніе во Христѣ, о которомъ самъ Христосъ молился ко Отцу о всѣхъ насъ, явились, по словамъ Павла, свѣтилами въ мірѣ, владѣющими словомъ жизни. Едва ли не болѣе другихъ освященныхъ они показали единенія во Христѣ и любви, такъ что нельзя было никогда подмѣтить и небольшаго разногласія въ мнѣніяхъ и нравахъ того и другаго, или на минуту какого-нибудь огорченія, что въ людяхъ почти неизбѣжно. Такимъ образомъ, содѣлавшись ангелоподобными, сохранивъ и стяжавъ миръ Божій, какъ молился объ этомъ Христосъ [а миръ нашъ, по словамъ Павла, есть Іисусъ Хри-

стосъ, *сотворивый обоя едино* (Еф. 2, 14), и этотъ миръ превосходитъ всякій умъ (Филип. 4, 7)] они преставились мирно и теперь наслаждаются высочайшею тишиною. Чище видятъ Іисуса, котораго возлюбили душею и котораго поистинѣ искали; составляютъ едино съ Нимъ и съ преизбыткомъ наслаждаются сладчайшимъ и божественнымъ свѣтомъ. Отсюда они взяли съ собою и залоги своего блаженства, очистившись созерцаніемъ и дѣятельностію. Они основались на горѣ божественнаго свѣта, какъ и Апостолы. И многимъ это было явлено ясно во свидѣтельство, когда они просіявали лицами, подобно Стефану, и благодать изливалась не только отъ сердца ихъ, но и отъ лица. Они, какъ засвидѣтельствовали видѣвшіе, казались подобными великому Моvсею, съ лицами, блиставшими, какъ солнце. Они, какъ доблестно понесшіе блаженное страданіе и на опытѣ дознавшіе, ясно раскрываютъ ученіе о божественномъ свѣтѣ естественнаго Божія дѣйствія и благодати, приводя во свидѣтели Святыхъ, — а равно и о священной молитвѣ.

261. Какова священная молитва?

Эта божественная молитва — призываніе Спасителя нашего: ***Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя,*** есть и молитва (προσευχή), и обѣтъ (ευχη), есть исповѣданіе вѣры, орудіе общенія со Св. Духомъ, проводникъ божественныхъ даровъ, очищеніе сердца, отгнаніе демо-

новъ, вселеніе Христа, источникъ духовныхъ мыслей и божественныхъ помысловъ, освобожденіе отъ грѣховъ, врачевство душъ и тѣлесъ, посредница божественнаго озаренія, привлеченіе Божія милосердія, раздаятельница откровеній и божественныхъ таинъ для смиренныхъ и источникъ спасенія, такъ какъ носитъ въ себѣ и спасительное имя Бога нашего. А намъ одно только имя и слѣдуетъ призывать — имя Іисуса Христа, Сына Божія, и *нѣсть иного, о немже подобаетъ спастися намъ*, какъ говоритъ Апостолъ. Такимъ образомъ она есть и молитва: потому что въ ней мы испрашиваемъ божественнаго милосердія; — и обѣтъ: потому что чрезъ призываніе Христа мы обѣщаемъ себя самихъ Христу; — и исповѣданіе: потому что, исповѣдавъ это, Петръ былъ названъ блаженнымъ; — и дарованіе Духа: потому что *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (Кор. 12, 3); — и проводникъ божественныхъ даровъ: потому что за нее Христосъ сказалъ Петру: *дамъ ти ключи царствія небеснаго* (Матѳ. 16, 17. 19); — и очищеніе сердца: потому что молящійся такъ видитъ и призываетъ Бога и, взирая на Него, очищается; — и отгнаніе демоновъ: потому что именемъ Іисуса Христа демоны и были прогоняемы, и нынѣ прогоняются; — и вселеніе Христа: потому что Христосъ, при памятованіи о Немъ, въ насъ пребываетъ, за памятованіе вселяется и исполняетъ насъ веселіемъ: *помянухъ*, сказано, *Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4); — и

источникъ духовныхъ мыслей и помышленій: потому что Христосъ есть сокровище всякой мудрости и знанія, и даруетъ ихъ тѣмъ, въ комъ обитаетъ; — и освобожденіе отъ грѣховъ: потому что ради ея сказано: *еже разрѣшиши, будетъ разрѣшено на небесѣхъ* (Матѳ. 16, 19);— и врачевство душъ и тѣлъ: потому что сказано: *во имя Іисуса Христа возстани и ходи* (Дѣян. 3, 6,), и еще: *Енее, исцѣляетъ тя Іисусъ Христосъ* (—9, 34); — и проводникъ божественнаго озаренія: потому что Христосъ есть свѣтъ истинный и свою свѣтлость и благодать сообщаетъ призывающимъ Его: *и буди*, сказано, *свѣтлость Господа Бога нашего на насъ* (Пс. 89, 17), и еще: *ходяй по мнѣ имать свѣтъ животный* (Іоан. 8, 12); — и привлеченіе Божіей милости: потому что мы просимъ милости, а Господь милостивъ, милосердъ ко всѣмъ призывающимъ Его и скоро творитъ отмщеніе вопіющимъ къ Нему; — и раздаятельница божественныхъ откровеній и таинъ для смиренныхъ: потому что сама молитва дана была рыбарю Петру чрезъ откровеніе Отца небеснаго, и Павелъ Христомъ былъ восхищенъ и слышалъ откровенія, и всегда эта молитва имѣетъ такое дѣйствіе; — и источникъ спасенія: потому что, говоритъ Апостолъ, *нѣсть иного, о немже подобаетъ спастися намъ*, и еще: *сей есть Спасъ міру Христосъ* (Іоан. 4, 43), такъ что въ послѣдній день *всякъ языкъ* волею или неволею *исповѣсть*, и воспоетъ, *яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца*

(Филип. 2, 11);—и знаменіе нашей вѣры: такъ какъ мы—христіане и христіанами называемся;—и свидѣтельство того, что мы отъ Бога: потому что, какъ мы выше сказали, *всякъ духъ, иже исповѣдуетъ* Господа *Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога есть*; не исповѣдующій же отъ *Бога нѣсть и сей есть антихристовъ* (Іоан. 4, 3). Посему всѣмъ вѣрующимъ надлежитъ непрестанно исповѣдывать это имя ради провозвѣщенія вѣры, ради любви ко Господу нашему Іисусу Христу, отъ которой ничто никогда совершенно не можетъ отдѣлить насъ, ради благодати, проистекающей отъ Его имени, оставленія и отпущенія грѣховъ, врачеванія, освященія, озаренія и, болѣе всего, ради спасенія. О семъ божественномъ имени Апостолы учили и совершили дивныя дѣла. И божественный Евангелистъ говоритъ: *сія же писана быша, да вѣруете, яко Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій:* вотъ вѣра! — *и да вѣрующе животъ имате во имя его* (Іоан. 20, 31): вотъ спасеніе и жизнь!

262. *О томъ, что всѣ христіане — лица священнаго сана, монахи и міряне должны по возможности молиться о имени Іисуса Христа, по крайней мѣрѣ, въ опредѣленныя времена.*

Такое призываніе, какъ молитву, всякій благочестивый христіанинъ пусть произноситъ всегда и своимъ умомъ, и языкомъ, стоя и ходя, сидя и возлежа, разговаривая и трудясь, и пусть къ этому принуждаетъ себя постоянно. Такой

обрѣтетъ величайшую тишину и веселіе, какъ по опыту знаютъ это люди, упражняющіеся въ ней. Но такъ какъ это не всегда вполнѣ удобно для людей, живущихъ въ мірѣ, и для самыхъ монаховъ, находящихся среди молвы: то каждый долженъ посвящать молитвѣ, по крайней мѣрѣ, опредѣленныя времена, и всѣ должны имѣть эту молитву за образецъ, и совершать ее по возможности,—какъ священныя лица, такъ и монахи, и міряне. И монахи, какъ на то обрекшіе себя и въ отношеніи къ этой молитвѣ имѣющіе безусловный долгъ, хотя бы находились среди молвы служебныхъ занятій, пусть принуждаютъ себя совершать эту молитву, будучи обязаны совершать ее и молиться Господу непрестанно, хотя бы находились въ смущеніи и смятеніи ума, когда онъ бываетъ увлеченъ чѣмъ нибудь. Пусть они не предаются безпечности, чтобы не быть окраденными врагомъ, но пусть обращаются къ молитвѣ; въ ней найдутъ они для себя отраду. Лица священныя пусть заботятся объ этомъ дѣлѣ, какъ объ апостольскомъ и божественномъ проповѣданіи, какъ о дѣлѣ, производящемъ божественные плоды, свидѣтельствуя тѣмъ свою любовь ко Христу. Живущіе въ мірѣ пусть совершаютъ сію молитву, сколько позволяютъ силы, видя въ ней печать и знаменіе своей вѣры, охраненіе, освященіе и орудіе отгнанія всякаго искушенія. Такимъ-то образомъ всѣ — и священныя лица, и міряне, и монахи, возставъ отъ сна, должны первымъ дѣломъ помыслить о Христѣ и прежде

всего воспомянуть о Немъ, — и въ этомъ представить Христу начатокъ и жертву всякаго помышленія. Прежде всего мы должны воспомянуть о Христѣ: потому что Онъ спасъ насъ и столько возлюбилъ насъ. Мы — христіане и называемся христіанами, мы облеклись во Христа въ божественномъ крещеніи, мы запечатлѣны Его мνромъ, пріобщены и пріобщаемся святой Его плоти и крови, мы Его члены и храмы, въ Него облечены и Онъ обитаетъ въ насъ: мы должны Его любить и памятовать о Немъ всегда. Посему пусть каждый вмѣнитъ себѣ въ обязанность, по возможности, совершать эту молитву въ опредѣленное время и опредѣленное число разъ. И объ этомъ довольно: такъ какъ еще весьма многое остается сказать въ наставленіе предложившимъ намъ вопросы. Прежде всего намъ нужно сказать, какъ уже было предположено, о божественныхъ моленіяхъ Церкви, которыя совершаются по чину: такъ какъ насъ спрашивали и объ этомъ. По возможности, мы и разсмотримъ это. Итакъ прежде всего мы говоримъ, что молитва, какъ мы и выше сказали, — дѣло ангельское, и объ ней Церковь заботится, какъ о дѣлѣ самомъ святомъ. Ибо всякое другое дѣло, какъ-то: милостыня, служеніе братіямъ, посѣщеніе немощныхъ, забота о заключенныхъ въ темницѣ, выкупъ плѣнныхъ и тому подобныя дѣла, совершаемыя изъ любви къ братіямъ, чрезъ нихъ только доходятъ до Бога; равно и (произвольная) нищета, постъ, лежаніе на голой землѣ, колѣнопреклоненіе, бдѣ

ніе и другіе подвиги, предпринимаемые для удрученія тѣла, для очищенія, приближенія къ Богу и угожденія Ему, хороши, какъ жертва Богу, но относятся не непосредственно къ Нему: а молитва восходитъ къ самому Богу, возносится прямо къ Нему, дѣлаетъ молящагося другомъ Его, вводитъ въ бесѣду съ Нимъ, внушаетъ дерзновеніе предъ Нимъ, умоляетъ и творитъ едино съ Нимъ. Итакъ молитвѣ надлежало бы быть немолчною и непрестанною, какъ у Ангеловъ: такъ какъ того только Богъ и требуетъ отъ насъ, чтобы мы памятовали о Немъ и пребывали съ Нимъ, Его единаго искали, любили и созерцали, дабы такимъ образомъ и блага Его получали отъ Него прямо и непосредственно. Но поелику, по причинѣ покрова и необходимыхъ требованій плоти, это для насъ невозможно, и этотъ даръ Божій сообщается изрѣдка и только нѣкоторымъ—равноангельнымъ людямъ, то Церковь, по необходимости, установила времена для молитвы опредѣленныя и безусловно обязательныя: и молиться въ эти времена уже обязанъ каждый вѣрующій.

263. О томъ, что, кромѣ литургіи, въ Церкви находится семь нощеденственныхъ хваленій.

Молитвенныхъ временъ семь, по числу даровъ Духа, такъ какъ священныя молитвы Духомъ и поданы. Они таковы и такъ называются: полунощница, утреня совокупно съ первымъ часомъ, третій часъ, шестой, девятый, вечерня

и повечеріе. Объ нихъ говоритъ и пророкъ Давидъ: *седмерицею днемъ хвалихъ тя* (Псал. 118, 164), и въ-частности, упоминаетъ о каждомъ времени. *Полунощи востахъ* (—118, 62); *Боже, Боже мой, къ тебѣ утренною* (—62, 2); *заутра услыши гласъ мой, заутра предстану ти и узриши мя* (Пс. 5, 4). О третьемъ и шестомъ часѣ и вечернѣ такъ говоритъ: *вечеръ и заутра и полудне повѣмъ и возвѣщу, и услышитъ гласъ мой* (—54, 18). О повечеріи же такъ: *измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (—6, 7).

264. Почему существуетъ семь хваленій?

Причины каждаго времени моленія таковы. Полунощница — ради бодрствованія и немолчнаго хваленія Ангеловъ, ради тишины и мира ума при божественномъ славословіи, во славу воскресенія Господа, такъ какъ Онъ возсталъ *зѣло рано во едину отъ субботъ*, и ради Его втораго пришествія, котораго ожидаемъ всѣ мы вѣрующіе, когда Онъ возбудитъ насъ отъ смерти, какбы отъ сна, и когда сей Женихъ душъ, какъ сказано, придетъ въ полунощи, что обязываетъ насъ бодрствовать. Утреня — ради наступленія дня и для благодаренія Того, кто произвелъ свѣтъ, разсѣялъ мракъ заблужденія и ниспослалъ намъ свѣтъ благочестія. Потому съ утренею соединяется и славословіе перваго часа — ради начала дня и для

того, чтобы это славословіе принести вмѣстѣ съ утренею въ даръ и жертву хваленія Богу за то, что всѣ созданія озарились свѣтомъ. Потому мы и призываемъ ихъ вмѣстѣ съ Ангелами къ хваленію Бога. Третій часъ мы поемъ въ честь Троицы и потому, что изъ четырехъ частей дня четвертая уже прошла, также—ради сошествія Всесв. Духа (на Апостоловъ) въ третій часъ. Подобнымъ образомъ и шестой часъ—во славу Троицы, произведшей все, и за то, что прошла и другая четверть дня для четверочастнаго міра, обнимающая собою три часа и составляющая ровно половину дня. Но въ этомъ же часу Воплотившійся былъ распятъ ради насъ. Славословіе девятаго часа—въ честь Троицы — за то, что послѣ шестаго часа прошло еще три. Подобнымъ образомъ и вечерня въ двѣнадцатый часъ—за три часа, прошедшихъ послѣ девятаго. Особенно же славословіе третьяго часа, какъ мы сказали,—въ честь святой Троицы, Бога всего и единаго Бога нашего, въ память отреченія Петрова отъ Спасителя и сошествія въ этотъ часъ на Апостоловъ Св. Духа, которымъ мы, вѣрующіе, просвѣщены. Благодареніе же шестаго совершается за преполовеніе дня и ради распятія въ этомъ часу Господа, и тьмы, покрывшей всю землю, когда Спаситель страдалъ за насъ плотію. Пѣніе девятаго часа — ради того, что день приходитъ къ концу, ради Троицы, славимой трочично девятью ангельскими чинами, особенно же—ради того, что въ этомъ часу умеръ Спаситель нашъ, предалъ свою бо-

жественную душу, принесъ за насъ совершенную жертву и вознесъ Себя за всѣхъ душею и тѣломъ Богу Отцу, при чемъ *и земля потрясеся, и каменіе распадеся, и* изъ гробовъ, отверзшихся въ предвареніе общаго воскресенія, *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа* (Мѳ. 27, 51. 52), такъ какъ смертію Господа была умерщвлена смерть и находившіеся въ адѣ были освобождены. Чрезъ душу Спасителя нашего, которую предалъ Онъ Отцу, и плоть, добровольно принесенную въ жертву на крестѣ, наши души были исторгнуты изъ рукъ діавола и наши тѣла, съ воскресеніемъ Господа, получили безсмертіе. Итакъ въ девятомъ часѣ мы благодаримъ Умершаго ради насъ плотію и съ своею святою душею предавшаго въ руки Отца наши души, и своею смертію оживотворившаго насъ. Пѣніе вечерни само собою указываетъ на то, что мы въ немъ славословимъ Создателя нашего за то, что достигли окончанія дня, и весь остатокъ его хотимъ посвятить Богу. При этомъ мы благодаримъ за нашу жизнь, за пищу, мысли, слова и дѣла; просимъ же ночи мирной, безгрѣшной и свободной отъ соблазновъ, которая предъуказываетъ на конецъ нашей жизни, такъ какъ смерть приходитъ къ намъ, подобно ночи.

265. Почему мы пѣнія на дни Святыхъ и священные праздники начинаемъ съ вечера?

Потому съ вечера мы начинаемъ пѣть хваленія Святымъ, что они, поживъ впродолженіе

дня этой жизни при свѣтѣ благодати Божіей и окончивъ этотъ день, душами пребываютъ въ неприступномъ свѣтѣ, а тѣлами находятся еще во власти смерти, ожидая послѣдняго и невечерняго дня, когда, получивъ ихъ обратно по гласу (трубы) и воскреснувъ съ нами, съ нами явятся тамъ и съ плотію. Что же касается до повечерія, то оно есть благодареніе за ночь, за отдохновеніе отъ трудовъ, и напоминаніе смерти, которая ходитъ за нами по пятамъ, а равно и благодареніе за начало ночи,—потому что и она—даръ Божій и одно изъ созданій Его ради насъ и ради прочей твари, — и моленіе о томъ, чтобъ пройти намъ ночь безъ искушенія отъ враждебныхъ, завистливыхъ, темныхъ и мрачныхъ демоновъ, отъ которыхъ освободилъ насъ Христосъ Богъ нашъ. Это тѣ чины пѣній, которые называются у Давида семью хваленіями. Совершеніе же и послѣдованіе каждаго изъ нихъ бываетъ такъ, какъ написано въ церковномъ уставѣ. А уставъ двоякаго рода: одинъ уставъ въ православной Церкви тотъ, по которому соблюдается, какъ изложенъ, чинъ собственно священной литургіи.

266. О томъ, что божественная литургія есть служба особенная, отъ самаго Спасителя ввѣренная священникамъ, и не сливается, и не сопричисляется къ другимъ моленіямъ.

Эта божественная и священнѣйшая изъ службъ служба не находится въ числѣ семи славословій, но есть служба особенная, учреж-

деніе единаго Іисуса и дѣло священниковъ. О ней мы потому и не упомянули между славословіями, что она не причисляется къ нимъ, такъ какъ она есть нѣчто преимущественное, есть превосходное дѣло Божіе и совершается не кѣмъ либо другимъ, но только священниками Божіими. Другія послѣдованія устава великой церкви въ настоящее время не соблюдаются въ другихъ церквахъ, даже въ самомъ христолюбивомъ и царственномъ городѣ: потому что, по взятіи его нѣкогда Латинянами, этотъ хорошій и древнѣйшій обычай былъ оставленъ. Впрочемъ, мнѣ кажется, — и потому, что для этого нужно много священниковъ и пѣвцевъ. Однакожъ и церковь константинопольская соблюдаетъ этотъ чинъ на праздникъ Воздвиженія, если только совершаетъ она хвалебное (ασματικην) послѣдованіе, и въ Успеніе Богоматери, и въ память Златоустаго. Впрочемъ, на него указываютъ молитвы свѣтильничныя и утреннія, которыя называются также εώθιναι, расположенныя и соблюдаемыя по древнему уставу, а также такъ называемыя молитвы Всенощнаго и самая молитва вечерни, взятая изъ того послѣдованія: такъ какъ при этомъ возносимыя къ Богу чрезъ священника молитвы поютъ пѣвцы. Это показываетъ и молитва пятидесятаго псалма, и молитва на хвалитѣхъ. Но самое послѣдованіе хвалебное оставлено въ другихъ городахъ, хотя оно хорошо составлено и возносится къ Богу въ псалмахъ и пѣсняхъ. Въ одномъ только нашемъ благочестивѣйшемъ городѣ

Өессалоникѣ, въ великой его церкви, какъ ты знаешь, братъ, этотъ прекрасный обычай великихъ церквей,—разумѣю, столичной и антіохійской, и весьма многихъ другихъ, соблюдается и остается.

267. О соблюденіи такъ называемаго хвалебнаго послѣдованія.

И я именемъ Христа умоляю васъ — соблюдать этотъ чинъ всегда и это преданіе Отцевъ сохранять, какъ нѣкую божественную искру. Между тѣмъ, желая, чтобы онъ былъ соблюдаемъ и оставался въ цѣлости, мы присоединили къ нему, какбы пріятную приправу, пѣніе каноновъ, чтобы кто нибудь, любя роптать на хорошее и не имѣя понятія объ этомъ чинѣ, а между тѣмъ, будучи лѣнивъ и нерадивъ, не нашелъ предлога думать объ отмѣненіи этого чина и сказать, что мы слушаемъ не употребительные и обыкновенно не поемые каноны: такъ какъ теперь и они освящены обычаемъ, и это послѣдованіе людямъ умнымъ и усерднымъ кажется благочиннымъ и пріятнымъ болѣе послѣдованій, бывающихъ въ обителяхъ.

268. Объ іерусалимскомъ уставѣ.

Въ обителяхъ и почти во всѣхъ церквахъ соблюдается чинъ одного іерусалимскаго устава св. Саввы: потому что его можно совершать и одному, такъ какъ онъ и составленъ для монаховъ, и онъ часто выполняется въ киновіяхъ

безъ пѣнія. Конечно, это учрежденіе вызвано необходимостію и есть дѣло отеческаго благоусмотрѣнія. И св. отецъ нашъ Савва начерталъ этотъ уставъ, принявъ его отъ святыхъ Евфимія и Өеоктиста, а они приняли его отъ бывшихъ прежде нихъ и отъ исповѣдника Харитона. Начертаніе устава Саввы Освященнаго, затерянное, при опустошеніи того мѣста варварами, впослѣдствіи, при своемъ трудолюбіи, изложилъ патріархъ святаго града, святый отецъ нашъ Софроній. Послѣ него этотъ уставъ возобновилъ божественный отецъ нашъ и богословъ Іоаннъ Дамаскинъ и, написавъ, предалъ его (для употребленія). Такимъ образомъ ему послѣдовали всѣ священные монастыри и церкви; только нѣкоторые изъ нихъ оставили у себя на извѣстныя времена свой уставъ, издревле заимствованный у великой константинопольской церкви, и въ мірскихъ церквахъ не читаютъ псалтири, кромѣ одной великой четыредесятницы, такъ какъ выполнять все по уставу— не по силамъ людей, живущихъ въ мірѣ. Такъ дѣлаютъ только всѣ священныя обители.

269. О полунощницѣ, и для чего ударяютъ въ доску?

Въ полночь, или спустя немного, когда пробьютъ въ доску, во образъ послѣдней трубы Ангела, всѣ пробуждаются отъ сна, какъ отъ смерти. Потомъ, когда священникъ, образующій Христа и имѣющій его священство, въ притворѣ храма, какбы на землѣ передъ небомъ,

благословитъ, — такъ какъ священнику должно начинать молитвы, притомъ же и ему, какъ и всѣмъ, надлежитъ начинать отъ Бога, — братія всѣ вмѣстѣ говорятъ: *слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ*,—и читаютъ, что слѣдуетъ по порядку. Первымъ дѣломъ должно воздать славу Богу и потомъ уже продолжать, что слѣдуетъ.

270. Что значитъ, при отсутствіи священника, читаемое въ началѣ: молитвами святыхъ Отецъ нашихъ?

Когда нѣтъ священника, то начинаетъ первый, или кто нибудь одинъ изъ братіи, и не говоритъ: *благословенъ Богъ нашъ*,—потому что не имѣетъ на то благодати; но молитъ Христа помиловать молитвами Отецъ, смиряясь о Христѣ и не надѣясь на себя, но на молитвы Отцевъ, къ которымъ принадлежатъ архіереи и священники, и всего лика Святыхъ, которыхъ и называетъ Отцами. Затѣмъ призываютъ Святаго Духа, совершающаго молитвы, пріити и вселиться, очистить и спасти насъ: ибо, если мы не будемъ путеводимы Божественнымъ Духомъ, то *о чесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы*, такъ какъ Имъ мы живемъ, чрезъ Него молимся, по словамъ Павла, *и о немъ вопіемъ: авва, Отче* (Рим. 8, 15. 27)! Послѣ этого сряду, въ подражаніе Ангеламъ, говорятъ *трисвятое* и *Пресвятая Троице*, ради милости, проистекающей отъ Троицы, ради хваленія, одинаковаго съ ангельскимъ, и исповѣданія еди-

наго Бога въ Троицѣ. Потомъ читаютъ преподанную Господомъ молитву, которой изъясненіе мы, по возможности, представимъ въ другомъ мѣстѣ (а многіе изъяснили смыслъ этой божественной молитвы, особенно же св. Григорій Нисскій), и, когда священникъ произнесетъ конецъ молитвы ради славословія, говорятъ двѣнадцать разъ: *Господи помилуй*, въ соотвѣтствіе двѣнадцати часамъ ночи, какъ и днемъ— въ соотвѣтствіе двѣнадцати часамъ дня. Далѣе, трижды сказавъ: *пріидите, поклонимся Цареви нашему Богу*,—какъ поетъ Давидъ и какъ научаетъ дѣлать это при началѣ нашихъ молитвъ Аѳанасій Великій, для выраженія того, что единъ только вѣчный Царь нашъ — Христосъ со Отцемъ и Духомъ,—и покланяясь при этомъ, въ означеніе своего рабства, мы читаемъ псалмы по уставу.

271. О пятидесятомъ псалмѣ.

И прежде всего читаемъ пятидесятый псаломъ, который есть пѣснь исповѣданія и умилостивленія, и молитъ о помилованіи согрѣшившаго и о томъ, чтобы не отступилъ отъ него Духъ Святый, но чрезъ сокрушеніе и смиреніе сердца болѣе обновился въ немъ. Потому-то этотъ псаломъ мы читаемъ и въ началѣ многихъ пѣній, такъ какъ онъ какбы говоритъ о судьбѣ Адама и всего нашего рода, и Церкви отъ языкъ,—о томъ, какъ она сперва, какъ невѣрная, допустила прелюбодѣяніе—отступленіе

отъ Бога, убійство и умерщвленіе, и была умерщвлена сластію и преслушаніемъ, а потомъ была взыскана Божіею милостію и получила Духа Святаго, богатно въ ней обновленнаго.

272. О псалмахъ: «Непорочніи».

Послѣ того мы читаемъ по стиху псалмы Непорочнаго, приводящіе на память царство Бога и Его суды, оправданія, свидѣтельства, слова и законы. Эти псалмы мы читаемъ потому и въ дни памяти Святыхъ, и надъ отшедшими отсюда вѣрующими, приводя на память Святыхъ и путь Спасителя: такъ какъ Онъ одинъ непороченъ въ пути и непорочны подражавшіе Ему, чрезъ то умилостивлявшіе Бога и получавшіе освященіе.

273. Почему и утромъ, и вечеромъ, читается Символъ Вѣры?

Сряду послѣ Непорочныхъ, по преданію отеческому, мы читаемъ исповѣданіе вѣры, потому что св. Отцы наши говорятъ: возставъ (отъ сна), воздай славу Богу, потомъ исповѣдуй вѣру, а эту вѣру содержитъ священный Символъ. Другой же изъ св. Отцевъ говоритъ, что должно исповѣдывать вѣру утромъ и вечеромъ, чтобы, если найдетъ смерть, она нашла насъ въ исповѣданіи. Непосредственно за Символомъ слѣдуетъ молитва *Трисвятаго* и *Отче нашъ*. Ибо Троицу должно воспѣвать и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ, такъ какъ Она—вина всего,

чрезъ Нее мы совершаемъ все, во всемъ совершаемся и очищаемся. Потомъ: *се Женихъ грядетъ*,—указывая и цѣль славословія полунощницы, и: *Господи помилуй* сорокъ, при чемъ мы приносимъ Богу какбы десятинную жертву отъ нашихъ дней и часовъ. И это дѣлаемъ на всѣхъ моленіяхъ, призывая Божію милость на все: потому что Онъ , нъ силенъ спасти насъ, а мы стараемся быть достойными Его милости и не иначе можемъ спастись, какъ только Божіею милостію, не имѣя ничего у себя для умилостивленія Бога, или, точнѣе сказать, оскорбляя Его своими дѣлами, словами и помышленіями. Поэтому мы недостойны ни благодарить, ни славословить, ни просить, а можемъ только развѣ говорить: *Господи, помилуй*, и надѣяться на единаго милосердаго Бога. Послѣ *Господи помилуй* мы совершаемъ призываніе Богоматери, какъ поистинѣ честнѣйшей Серафимовъ, такъ какъ Она есть и Ходатайца за всѣхъ. И сейчасъ слѣдуетъ, какъ печать, молитва священника: *Боже, ущедри ны*, которую отъ имени Божія заповѣдалъ Аарону говорить Моусей. Яснѣе же высказалъ ее въ псалмѣ Богоотецъ Давидъ (Пс. 66, 2). За нею произносится отъ лица всѣхъ другая молитва— къ Троицѣ. Она есть какбы исповѣданіе и ее мы читаемъ трижды въ день: теперь, на третьемъ часѣ и на славословіи повечерія. Какъ извѣстно, ее пѣли и древніе, какъ, напр., при страданіи великомученика Евстратія: *Владыко Боже Отче Вседержителю, Господи Сыне еди-*

нородный Іисусе Христе и Святый Душе, *едино Божество*, *едина сила*, и т. д. По окончаніи ея, читается какбы междучасіе полунощницы, что нѣкоторые дѣлаютъ и на послѣдованіяхъ часовъ. Но они, какъ имъ угодно, пусть совершаютъ и другія послѣдованія по своему усмотрѣнію и разсужденію Отцевъ,—таковъ у нихъ обычай. Что же касается до упомянутой молитвы, то я думаю, что она составлена объ отшедшихъ о Христѣ. Потому, послѣ этой молитвы, мы тотчасъ читаемъ: *пріидите поклонимся*, два псалма, молитву Трисвятаго и сряду же тропари за усопшихъ: *Господи помилуй* двѣнадцать, молитву за нихъ: *помяни, Господи*. Затѣмъ бываетъ отпустъ. Необходимо воспомянуть и объ умершихъ: потому что и мы умремъ. Особенно на полунощницѣ, въ надеждѣ воскресенія мертвыхъ, необходимо ради любви молиться о сродникахъ по плоти и всѣхъ отшедшихъ. Потомъ бываетъ молитва и прошеніе о всѣхъ вообще, при чемъ священникъ начинаетъ, а всѣ съ нимъ молятся о благовѣрныхъ царяхъ, православныхъ архіереяхъ, объ отцѣ настоятелѣ, всемъ о Христѣ братствѣ нашемъ и другихъ христіанахъ, а также и о почившихъ въ православіи отцахъ и братіяхъ нашихъ. При концѣ молитвъ весьма полезно воспомянуть обо всѣхъ: потому что, дѣлая это всѣ всюду, мы молимся другъ за друга и такимъ образомъ, по словамъ Брата Божія, можемъ волею, или неволею, исцѣлять себя и спасать (Іак. 5, 16). Общія же молитвы запечатлѣваетъ

первый молитвами святыхъ Отецъ нашихъ, призывая Христа Бога нашего на милость.

274. О послѣдованіи утрени и, прежде всего, о томъ, что значитъ отверстіе дверей храма, входъ внутрь его и виміамъ.

Итакъ, полунощное пѣніе окончилось. Двери храма отверзаются, какъ небо, и мы входимъ въ него, какбы возносясь отъ земли, подобно тому, какъ тогда рабы Христовы будутъ восхищены на облакахъ *и тако всегда съ Господемъ будемъ* (2 Сол. 4, 17). Ѳиміамъ же, какъ облако, изображаетъ Св. Духа и сообщеніе Его божественной благодати и благоуханія. Тотчасъ по входѣ всѣхъ, когда настоятель пройдетъ чрезъ царскія врата, подобно Христу, прошедшему чрезъ затворенныя врата, нареченныя въ насъ, — чрезъ Богородицу, и отверзшему намъ врата небесныя, а прочіе — по его сторонамъ, какбы находясь подъ крылами его и служа ему,— священникъ у престола произноситъ возгласъ, какъ служитель Христовъ, благословляя Его со Отцемъ и Духомъ предъ престоломъ и Святыми Его. И всѣ поютъ *трисвятое* и по *Отче нашъ,* воспѣвая съ Ангелами Троицу и произнося преданную (отъ Отцевъ) молитву. О молитвѣ Трисвятаго стоитъ на память сказать вкороткѣ, что это—молитва древняя и сложена древними Отцами; почему Церковь и поетъ ее постоянно и на божественной литургіи, и въ концѣ другихъ молитвословій; древнихъ еретиковъ, прибавляющихъ нѣчто къ Трисвятому,

поражаетъ анаѳемою, сама же припѣваетъ эту пѣснь небесную, пріятую ею съ неба чрезъ восхищеннаго туда отрока. Таково-то «трисвятое» и вся молитва, вмѣстѣ съ нимъ возносимая къ единому въ Троицѣ Богу нашему. Сложено Трисвятое изъ ангельской пѣсни и словъ Давида. Ангелы поютъ: *святъ, святъ, святъ* (Ис. 6, 3); а Давидъ говоритъ: *возжада душа моя къ Богу, крѣпкому, живому*, и въ псалмѣ пятидесятомъ взываетъ: *помилуй мя* (Пс. 41, 3; 50). Эта пѣснь ясно проповѣдуетъ о троичности Лицъ и единствѣ существа и силы Троицы. Подобно ей и: *пресвятая Троице, помилуй насъ*, поучаетъ троичности и единству: *Господи, очисти*—указываетъ на Отца, *Владыко, прости*—на Сына, *Святый, посѣти*—на Св. Духа, а слова: *имене твоего ради*—указываютъ на нераздѣльность Ихъ по существу. И хорошо мы говоримъ къ Отцу: *очисти*, имѣя между Нимъ и нами посредника въ Сынѣ;—къ Сыну: *прости* (συγχώρησον), такъ какъ Онъ снисшелъ къ намъ, пострадалъ за насъ и претерпѣлъ за людей мученія, а мы, облекшіеся въ Него въ крещеніи и мѵропомазаніи, и соединяющіеся съ Нимъ въ пріобщеніи и другихъ таинствахъ, прогнѣвляемъ и оскорбляемъ Его; съ другой стороны,—и потому, что Онъ даровалъ власть вязать и рѣшить, и узаконоположилъ прощеніе;—къ Духу же Святому: *посѣти*, потому что Онъ животворитъ, исцѣляетъ и укрѣпляетъ насъ, и безъ Его силы и дарованія въ насъ не бываетъ ничего добраго. И *Господи*

помилуй напоминаетъ о Троицѣ. Единъ Господь—Троица. Троекратное повтореніе «Господи помилуй» указуетъ на Нее и призываетъ на милость къ намъ. Также: *слава Отцу, и Сыну, и Св. Духу*, очевидно, есть исповѣданіе единой Троицы и славословіе, вѣчно Ей воспѣваемое. Потому мы и читаемъ его часто, и въ концѣ пѣній, и въ началѣ. И *Отче нашъ*, хотя и относится къ Отцу и дано чрезъ Сына, но, такъ какъ Троица нераздѣльна и имя Отца, Сына и Св. Духа одно, и Богъ (ὁ Θεὸς) есть Отецъ свѣтовъ—Сына и Духа, и Отецъ въ Сынѣ и Духѣ, какъ Сынъ и Духъ во Отцѣ: то и эта молитва относится и къ Троицѣ, и словомъ: *Отче* напоминаетъ Сына и Духа. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и Церковь, говоря: *яко твое есть царство Отца, и Сына, и Св. Духа*. Священникъ, между тѣмъ, кадитъ престолъ, храмъ и всѣхъ, священнымъ вещамъ воздавая честь, какъ вещамъ божественнымъ, а предстоящихъ освящая. Потому, начиная съ святаго святыхъ—престола, онъ кадитъ все по порядку, не просто воскуряя ѳиміамъ, но запечатлѣвая и освящая его, и чрезъ молитву принося и вознося его ко Христу съ моленіемъ о томъ, да пріято будетъ кадило горѣ и да ниспослется намъ благодать Всесвятаго Духа; такимъ образомъ чрезъ ѳиміамъ мы пріемлемъ благодать, и никто пусть не пренебрегаетъ кажденіемъ. Обошедши поспѣшно весь храмъ и внѣшнія его принадлежности, онъ, подъ конецъ молитвы: *Отче нашъ*, входитъ во врата храма и, дѣлая кадильницею

знаменіе креста, говоритъ: *яко твое есть царство,* запечатлѣвая тѣмъ молитву, какъ научилъ Христосъ, и славословя Троицу. Потомъ опять кадитъ настоятеля, воздавая ему честь, какъ Христу, а также—и находящіяся посреди (иконостаса) иконы. Затѣмъ, вошедши въ алтарь и ставъ предъ святою трапезою, какбы предъ божественнымъ престоломъ и священнымъ гробомъ Христовымъ, послѣ того, какъ внѣ алтаря скажутъ: *благослови, отче,*—возглашаетъ возвышеннымъ тономъ и съ благоговѣніемъ: *слава святѣй, единосущнѣй и животворящей и нераздѣльнѣй и всесильнѣй Троицѣ всегда,* —прежде всякой пѣсни богословствуя о Виновникѣ всего и Владыкѣ, единомъ въ Троицѣ Богѣ всяческихъ, и славословя Его, и такимъ образомъ полагая началомъ пѣснословія Того, кто есть начало и конецъ всего. Когда потомъ скажутъ: *аминь*, который имѣетъ значеніе утвержденія и значитъ тоже, что — *такъ*, при молчаніи всѣхъ, знаменующемъ богодухновенное вѣщаніе Ангеловъ о судьбахъ Божіихъ и благоговѣніе, одинъ изъ стоящихъ тамъ и нарочитыхъ (чтецовъ), во образъ Ангела, посланнаго отъ Бога, предначинаетъ пѣснь ангельскую, воспѣтую при рожденіи Господа, которую тогда предвоспѣлъ одинъ Ангелъ, явившись пастырямъ. И внезапу *множество вой небесныхъ,* явившись, воспѣло: *слава въ вышнихъ Богу* (Лук. 2, 13. 14). Для Ангеловъ это есть начало славословія о нашемъ спасеніи. Потому и здѣсь одинъ предначинаетъ этою пѣснію и говоритъ

трижды во славу преславной Троицы: *слава въ вышнихъ Богу*, и, сряду сказавъ дважды: *Господи, устнѣ мои отверзеши*, въ третій разъ говоритъ слѣдующее, также въ честь Троицы: *Господи, что ся умножишася стужающіи ми*, и читаетъ шесть псалмовъ утрени, послѣ каждой троицы псалмовъ совершая славословіе, во славу Троицы. Между тѣмъ, священникъ возноситъ про себя утреннія молитвы Богу, являясь ходатаемъ о томъ, что читается, и дѣлая дѣйствительнымъ то, что поется: такъ какъ священствомъ совершается все. Потому-то священникъ и начинаетъ, священникъ и оканчиваетъ. Совершивъ предъ Богомъ утреннія молитвы, по окончаніи шестопсалмія, онъ читаетъ *мирныя прошенія*, молясь о всѣхъ, чтобы слава Господня осіяла ихъ, въ знаменіе чего всѣ свѣтильники зажигаются. При этомъ на гласъ поется: *Богъ Господь*, поочередно, по подражанію славословію Ангеловъ. И хорошо сказано въ этой пѣсни: *Богъ Господь и явися намъ* — Слово Божіе воплощенное; *благословенъ грядый*—Онъ, какъ Богъ во плоти; *во имя Господне*—во имя Отца и свое. Затѣмъ, если праздникъ, поется тропарь праздника; если же память Святаго, — тропарь Святаго: такъ какъ чрезъ Воплотившагося освящено естество. И весьма прилично изображаются ночью обстоятельства рожденія и явленія Спасителя во плоти: такъ какъ Онъ родился ночью и, по словамъ Исаіи, намъ, *сѣдящимъ во тмѣ и сѣни* невѣдѣнія, *возсія свѣтъ велій* (Матѳ. 4, 16;

Ис. 9, 2). И мы въ этой жизни, какбы въ нощи, ожидаемъ среди ночи пришествія возлюбленнаго намъ и любящаго насъ Жениха душъ. Вслѣдъ затѣмъ совершается стихословіе псалтири и послѣ трехъ псалмовъ бываетъ славословіе и аллилуіа, при чемъ словами: *слава Отцу, и Сыну, и Св. Духу* славословится Троица, а словомъ: *аллилуіа*, которому даютъ значеніе: *Богъ грядетъ*, — воплощеніе. Въ этомъ случаѣ *аллилуіа* означаетъ пришествіе Бога на землю,—и первое—въ нищетѣ плоти, и второе—послѣднее во славѣ, ожидаемое нами съ неба. Полагается и чтеніе св. Писанія для наученія объ этомъ таинствѣ и въ похвалу празднуемыхъ Святыхъ: такъ какъ и въ торжество будущаго вѣка будутъ славословимы тайны Бога, особенно тайны Его воплощенія, и съ ними побѣды подвизавшихся за Него, какъ и на побѣдныхъ празднествахъ Царя увѣнчиваются и сражавшіеся за него, какъ часто говоритъ Златоустый. Послѣ чтенія поется пѣснь полѵелея, какъ пѣснь побѣдная и возвѣщающая дивныя дѣла Божіи, особенно же переходъ душъ нашихъ изъ Египта грѣха и заблужденія къ вѣрѣ во Христа, освобожденіе наше отъ Фараона и Египтянъ, т. е., діавола и демоновъ, нашъ исходъ, по умноженіи скорбей, изъ моря искушеній жизни на сухую, твердую и непоколебимую землю жизни, совершенный силою Божіею вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы въ крещеніи укрѣпились силою Креста, какъ жезломъ, — освобожденіе отъ пустыннаго озлобленія, бывшаго за наше нерадѣніе объ

исполненія заповѣдей и ропотъ на Бога за труды, несмотря на то, что мы вмѣсто манны питаемся хлѣбомъ жизни и пьемъ токи крови, истекшей изъ ребра Христова, т. е. отъ настоящей жизни свободу,—освобожденіе Церкви отъ Діоклитіана, Максимина и богоотступника, и другихъ нечестивѣйшихъ властителей, какбы отъ Амалика, Сіона, Ога и имъ подобныхъ, и, съ паденіемъ царства этихъ невѣрныхъ, вмѣстѣ и освобожденіе отъ властительства демоновъ, которые причиняютъ Святымъ въ этой жизни скорби и разнообразныя искушенія, и послѣ искушеній и трудовъ—вселеніе въ обѣтованную землю и небесное наслѣдіе чрезъ Іисуса, Сына Бога живаго, который будетъ и распорядителемъ наслѣдія, и нашимъ наслѣдіемъ, который изводитъ насъ изъ среды невѣрныхъ и вводитъ въ небесный Іерусалимъ,—какъ великій Священноначальникъ, даетъ права священства и приношенія жертвы жизни, и, какъ единый Царь по естеству, имѣетъ распредѣлить будущее царство, — и царствію Его не будетъ конца. Послѣ этихъ пѣсней поются другіе псалмы, примѣнительно къ празднику или памяти Святаго, заключающіе въ себѣ провозвѣстія чудныхъ дѣлъ Божіихъ,—и все это запечатлѣваетъ и заключаетъ, и возвѣщаетъ тайны, чтеніе Евангелія. Какъ скоро чрезъ него явлена тайна воплощенія, составляется хоръ и поются побѣдныя пѣсни въ канонахъ.

275. О девяти пѣсняхъ каноновъ.

Потому поются и всѣ пѣсни, воспѣтыя свя-

тыми Пророками. Первая пѣснь—Маріамы, сестры Моvсея, при переходѣ Израиля (чрезъ Чермное море). Вторая — Моvсея, по прошествіи пустыни. Третья — пѣснь Анны, по разрѣшеніи неплодства, и есть благодарственная молитва за священный плодъ—Самуила, во образъ Церкви, сперва неплодствовавшей, а послѣ, по благовѣстію, зачавшей и родившей священниковъ, какъ Самуила, чрезъ священниковъ царей, какъ Давида и произшедшихъ отъ него Апостоловъ и священноначальниковъ, и чрезъ нихъ христіанскихъ царей; четвертая пѣснь — Аввакума, который видѣлъ Бога, шедшаго отъ Ѳемана, отъ осѣненной горы, или незаходимое солнце Христа, произшедшаго отъ востока — отъ Дѣвы. Пятая — Исаіи, который предвозвѣстилъ это чудо: *се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ* Еммануила (Ис. 7, 14), предвозвѣстилъ и другія дѣла Возлюбленнаго, и воскресеніе изъ мертвыхъ. Шестая — пѣснь Іоны, который прообразилъ тридневно Погребеннаго и Воскресшаго чрезъ свое пребываніе во чревѣ китовѣ. Седьмая — пѣснь Богу трехъ отроковъ, не опаленныхъ въ пещи, во образъ божественнаго воскресенія. Осьмая—ихъ славословіе, которое они возносили Богу со всею тварію, ясно выражая вѣдѣніе вселенной о снисшедшемъ Богѣ и оросившемъ ихъ въ пещи, прообразовавшей священнѣйшее крещеніе. Девятая — пророчество Захаріи о сынѣ, при рожденіи его сына, Крестителя, который, по призванію, былъ предшественникомъ и предтечею благодати. Съ этою

пѣснію соединяется и другая, которая выше этой и всѣхъ, пѣснь единой всенепорочной, пресвятой и чистой Богородицы, и преславной Маріи, пѣснь пророческая, богословская, священная, выражающая блаженство и завершающая всѣ пѣсни, какъ воспѣтая о неискусомужномъ рожденіи отъ Нея, въ которомъ Воплотившійся отъ Нея воспріялъ насъ, новаго Израиля, какъ обѣтовалъ Аврааму. Итакъ, эти девять пѣсней, какъ пѣсни побѣдныя и благодарственныя, Церковь поетъ на канонахъ каждый разъ, въ тройственный образъ божественной Троицы. И изъ нихъ дѣлаетъ три отдѣла — одинъ каждый разъ, по окончаніи трехъ пѣсней, воздавая тѣмъ честь Троицѣ, при чемъ священникъ славословитъ.

276. О сѣдальніяхъ.

Потомъ садятся и поютъ, съ одной стороны — для нѣкотораго отдохновенія плоти, съ другой — потому, что и сидя, и стоя, должно воспѣвать Бога. Между тѣмъ, для общаго назиданія, изъ твореній святыхъ Отцевъ читается объ обстоятельствахъ праздника.

277. О кондакѣ и икосѣ.

По шестой пѣсни, какъ скоро священникъ возгласитъ славослословіе, читается кондакъ, какъ сокращенная въ тропарѣ похвала празднику, и такъ называемый икосъ, какъ содержащій въ себѣ всѣ обстоятельства праздника, или жизнь каждаго Святаго, и помѣщаемый послѣ

кондака въ видѣ малой пѣсни. Читается затѣмъ такъ называемый синаксарь, повѣствующій вкратцѣ или объ обстоятельствахъ праздника, или о дѣлахъ почившихъ въ этотъ день Святыхъ, и вкратцѣ перечисляющій подвиги празднуемаго Святаго и другихъ, и восхваляющій каждаго изъ нихъ въ стихахъ. Послѣ же восьмой, предъ девятою пѣснію, величается выше всѣхъ Святыхъ Богородица, чрезъ которую Богъ совершилъ поистинѣ великія и дивныя дѣла, такъ какъ отъ Нея воплотился и тѣмъ явилъ Ее высшею Серафимовъ и Херувимовъ. Въ Ея божественной пѣсни эти дѣла и воспѣваются. По окончаніи девятой пѣсни, священникъ, вмѣстѣ съ Ангелами, восхваляетъ Троицу.

278. Объ ексапостиларіи, хвалитѣхъ и великомъ славословіи.

Потомъ читается предъ хвалитными ексапостиларій, называемый такъ отъ словъ: *ниспосли свѣтъ твой*, какъ пѣснь свѣтоводственная. Затѣмъ слѣдуетъ пѣніе хвалитныхъ, въ которыхъ призывается вся тварь — Ангелы и всѣ созданія къ хваленію ихъ Творца, и возвѣщается, что всѣ дѣла Божіи произведены Словомъ и Духомъ. *Той рече*, сказано, *и быша той повелѣ, и создашася* (Пс. 32, 9): *рече* — Словомъ, *повелѣ* — силою Духа. Послѣ приличныхъ пѣсней хвалитныхъ и *слава и нынѣ* въ честь Троицы, совершается великое славословіе, которое вкратцѣ было высказано прежде: *слава въ вышнихъ Богу*; только теперь оно поет-

ся раздѣльнѣе и по частямъ, и отъ всѣхъ вмѣстѣ, какбы таинство открылось уже всему міру, не пастырямъ только, а и всѣмъ народамъ. Потому и говорится: *хвалимъ тя*, *благословимъ тя*, *кланяемтися*, *славословимъ тя*, *благодаримъ тя*, *великія ради славы твоея*. Ибо *исполнь небо и земля славы его*. Чьей?— Бога въ Троицѣ. Потому Церковь и богословствуетъ, взывая: *Господи Царю небесный, Боже Отче Вседержителю*, *Господи Сыне единородный Іисусе Христе и Святый Душе*. Вотъ она возвѣщаетъ три Лица въ единомъ Божествѣ: ибо, говоря: *въ вышнихъ Богу* и *хвалимъ тя*, она указываетъ на единство, а числомъ опредѣляетъ Лица. Далѣе она ясно воспѣваетъ и воплощеніе Бога, когда взываетъ: *Господи Боже*, *Агнче Божій*, взявъ такое названіе Его у Исаіи и Предтечи (Ис. 53, 7; Іоан. 1, 29), по причинѣ Его страданія и закланія; *Сыне Отчій* — заимствовавъ изъ Евангелія,—*вземляй грѣхъ міра*, *помилуй насъ*, *вземляй грѣхи міра*, *пріими молитву нашу*—изъ Исаіи (Ис. 53, 5), *сѣдяй одесную Отца*, *помилуй насъ* — изъ Евангелія, а *пріими и помилуй* — изъ Давида; *яко ты еси единъ святъ*, *ты еси единъ Господь Іисусъ Христосъ*, *въ славу Бога Отца*, *аминь*—изъ Павла (Филип. 2, 11). *На всякъ день благословлю тя и восхвалю имя твое во вѣки и въ вѣкъ вѣка* — изъ божественнаго Давида (Пс. 33, 2); остальное же въ молитвѣ и прошеніи — изъ книгъ пророческихъ.

279. О трисвятой пѣсни.

Въ заключеніе поется ангельская пѣснь, которая есть печать всякой пѣсни: потому что она возносится къ единому Богу — Святой Троицѣ: *Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ.* Эта пѣснь, какъ мы сказали выше, сложена издревле Отцами и называется, какъ сказано, великимъ славословіемъ. И каждому вѣрующему должно вникать въ нее и разумѣть ее, и каждый день утромъ и вечеромъ возносить къ Богу: потому что она есть исповѣданіе и славословіе единаго Бога во Святой Троицѣ, и хвала воплощенія и искупленія, распятія и вознесенія Слова Божія, одного изъ Лицъ Троицы, и благодарное моленіе о томъ, чтобы намъ каждый день и ночь сохранить себя безгрѣшными, чтобы на насъ, какъ мы надѣемся, была милость Божія, и Господь, содѣлавшійся чрезъ воплощеніе прибѣжищемъ нашимъ, помиловалъ насъ, вопіющихъ съ Давидомъ: *помилуй и исцѣли душу мою, яко согрѣшихъ тебѣ* (вотъ исповѣданіе); *къ тебѣ прибѣгохъ*, прибѣжищу всѣхъ, *научи мя творити волю твою, яко ты еси Богъ мой* — Отецъ съ Сыномъ и Духомъ. Потому и присовокупляется: *яко у тебе источникъ живота* — Духъ Св., *во свѣтѣ твоемъ* — въ Духѣ Св. *узримъ свѣтъ* — Сына; *пробави милость твою вѣдущимъ тя* — истиннаго Бога и Отца съ Словомъ твоимъ и Духомъ, по силѣ воплощенія твоего

Сына. По этой причинѣ сряду и поется трисвятая пѣснь.

280. Что значитъ въ трисвятомъ: **Святый, Святый, Святый,** *и проч.?*

У Ангеловъ эта пѣснь, какъ мы узнали отъ Исаіи, поется такъ: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы его* (Ис. 6, 3). Ея значеніе—слѣдующее, какъ этому мы научены отъ Аѳанасія и другихъ Отцевъ: святъ—Отецъ, святъ—Сынъ, святъ—Духъ Святый,—вотъ три Лица. Господь Саваоѳъ, — вотъ единство Божества, тождество естества и равенство славы. Такимъ образомъ говорится трижды: Святъ, для означенія троичности Лицъ, — и однажды: Господь, для означенія единства Божества. *Исполнь небо и земля славы его* — по причинѣ познанія трисвятаго Бога, всесвятой Троицы, дарованнаго, по божественному домостроительству, народамъ чрезъ Ангеловъ и Апостоловъ Христовыхъ, и наполнившаго горнее и дольнее. *Славы его*, сказано: потому что едина слава Троицы, едина сила и хотѣніе и дѣйствіе, и единъ Богъ въ Троицѣ.

281. Что значитъ въ трисвятомъ: Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ?

Хорошо издревле составили Отцы трисвятую пѣснь, взявъ изъ пѣсни ангельской: *святый, святый, святый*, изъ словъ же Давида, воспѣвающаго Бога въ Троицѣ и говорящаго: *воз-*

жада душа моя къ Богу, крѣпкому, живому, — (Боже, крѣпкій, безсмертный), и опять изъ Давида же заимствовавъ для молитвы: *помилуй насъ* (Пс. 50). Они говорятъ: *святый Боже,—святый* со словъ Ангеловъ, *Боже* — со словъ Давида; также: *святый крѣпкій*, — *святый* со словъ Ангеловъ, *крѣпкій* со словъ Давида; и въ третій разъ: *святый безсмертный,—святый* со словъ Ангеловъ, *безсмертный* со словъ Давида, употребляя: *безсмертный* вмѣсто: *живый; помилуй насъ*—со словъ его же: такъ какъ Давидъ изрекъ это Святымъ Духомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Спаситель, говоря: сказалъ Давидъ Духомъ (Мато. 22, 43). Далѣе, — *Боже* сказано объ Отцѣ: потому что Онъ есть источникъ и корень Божества, и виновникъ Сына и Духа; *крѣпкій* — о Сынѣ: потому что Онъ есть мышца Отца и ѵпостасная сила, такъ какъ Христосъ, по словамъ Павла, есть *Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24); *безсмертный* — о Духѣ Св.: потому что жизнь отъ Духа, *Духъ*, какъ сказано, *животворитъ* (2 Кор. 3, 6) и есть крѣпкая сила крѣпкаго Бога, и безсмертная жизнь живущаго всегда.

282. О Петрѣ Кнафеѣ.

Къ этой трисвятой пѣсни было сдѣлано еретиками весьма важное и вмѣстѣ безсмысленное прибавленіе чрезъ нѣкоего безчестнаго Петра Кнафея, который захотѣлъ къ пѣсни безстра-

стной Троицѣ прибавить: *распныйся за ны.* Прибавленіе въ высшей степени богохульное: потому что Троица безстрастна, неизмѣнна и безтѣлесна, и Богъ Слово, единый воплощенный, одно изъ Лицъ нераздѣльной Троицы, пострадалъ не Божествомъ, но плотію, между тѣмъ, какъ Божество Его осталось безстрастнымъ и не распятымъ, какъ при ковкѣ и каленіи желѣза, огонь не терпитъ ничего вмѣстѣ съ нимъ, не измѣняется и не подвергается превращенію, а скорѣе очищаетъ и раскаляетъ желѣзо, какъ говоритъ божественный Василій. Однако же эта ересь, на долгое время возжегшая въ Церкви огненное испытаніе, была опять погашена силою Божіею, совершившею въ христолюбивомъ городѣ Константина, въ царствованіе Ѳеодосія младшаго, во время церковнаго молебствія, чудо — то именно, что одинъ отрокъ изъ среды народа былъ поднятъ на воздухъ и, возвратившись опять, объявилъ, что Ангелы поютъ такъ: *Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ.* Сказавъ это, онъ умеръ. Итакъ вотъ, Церковь пріяла трисвятую пѣснь отъ Духа Св. не только чрезъ Пророковъ, но и чрезъ своихъ чадъ во Св. Духѣ. Богъ Троица далъ свидѣтельство, что эта ангельская пѣснь немолчно поется той же Троицѣ. И съ тѣхъ поръ, когда эта пѣснь, получивъ опредѣленный составъ, немедленно остановила бывшее тогда землетрясеніе, Церковь тѣмъ болѣе поетъ ее, какъ богодарованную, вмѣстѣ съ Ангелами во всѣ времена молитвы, особенно же съ бого-

духновенною пѣснію и великимъ славословіемъ въ концѣ утрени и на священной литургіи. Великое же славословіе поется каждый разъ въ праздники и памяти празднуемыхъ Святыхъ; а въ другіе дни, какъ и въ дни скорби, по чиноположенію устава, оно читается однимъ и за нимъ молитва Трисвятаго, о которой намъ необходимо было вкратцѣ сказать ради тѣхъ, которые спрашивали насъ.

289. О трисвятомъ и потомъ толкованіе молитвы: Отче нашъ.

Эта молитва читается и въ началѣ, и въ серединѣ, а часто и въ концѣ каждаго послѣдованія: потому что вся она относится къ единому нашему Богу въ Троицѣ. Начинается она ангельскою пѣснію, а заканчивается молитвою Спасителя. Составъ этой молитвы вы знаете, а смыслъ она заключаетъ такой. Трижды говорится Трисвятое, чтобы трижды восхвалить святую Троицу, какъ мы сказали.

284. О пѣсни: слава Отцу и Сыну и св. Духу, и о томъ, кѣмъ она составлена.

И другая пѣснь во славу святой Троицы составлена святыми Отцами, и именно, какъ горятъ, святыми Мелетіемъ и Флавіаномъ, антіохійскими патріархами: *слава Отцу, и Сыну, и Св. Духу, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.* Это—противъ Арія и Савеллія, нечести-

во мыслившихъ. *Слава*—противъ Аріанъ: потому что едина слава святой Троицы и Троица единосущна; *Отцу и Сыну и Св. Духу* — противъ Савеллія, богохульно проповѣдывавшаго, что Св. Троица есть единое Лице. *Нынѣ и присно*, и пр.,—потому что Троица одна и таже, существуетъ всегда и есть неизмѣнна, и слава Троицы есть нынѣ и всегда, и будетъ вѣчно. Потомъ: *пресвятая Троице, помилуй насъ*. И эта молитва составлена Отцами. И вопервыхъ, въ ней упоминаются три Лица вмѣстѣ: потому что у Нихъ едино Божество и едино существо, и едина сила, и Троица нераздѣльна. Потомъ число Лицъ опредѣляется ихъ особенностями. Объ Отцѣ говорится: *Господи, очисти грѣхи наша;* о Сынѣ: *Владыко, прости беззаконія наша;* о Св. Духѣ: *Святый, посѣти и исцѣли немощи наша*. И непосредственно за тѣмъ выражается единеніе трехъ Лицъ: *имене твоего ради*. Отецъ—Господь равно какъ по единосущію, и Сынъ—Господь, и Духъ—Господь, такъ какъ едино господство у Трехъ, и единая Троица—единъ Господь. Сынъ—Владыка: потому что и Отецъ владычествуетъ надъ всѣмъ, и Святый Духъ. Духъ—Святый: потому что Отецъ и Сынъ—Святый. *Помилуй насъ*—взято у Давида; *очисти грѣхи наша*,—вопль мытаря, — изъ божественнаго евангелія; *прости беззаконія наша* — изъ евангельскихъ словъ: *остави намъ*, пророческихъ и отеческихъ; *посѣти и исцѣли немощи наша*—изъ евангелія и псалмовъ; *имене твоего*

ради — также изъ псалмовъ. Далѣе, — *Господи помилуй* трижды. Это—въ честь Святой Троицы, такъ какъ Троица единъ Господь и трижды говорится въ честь Троицы: *святъ святъ, святъ* (Господь). Потомъ сряду: *слава Отцу* и пр.—въ честь единосущной Троицы. Наконецъ, читается молитва Спасителя, которой смыслъ мы вкратцѣ покажемъ, сколько намъ возможно.

285. *Краткое толкованіе священнѣйшей моилтвы: Отче нашъ.*

Отче нашъ! — потому что Онъ нашъ Создатель, сотворившій насъ изъ ничего, и чрезъ Сына своего по естеству содѣлался для насъ Отцемъ по благодати. *Иже еси на небесѣхъ*,— потому что Онъ почиваетъ во Святыхъ, будучи святъ, какъ написано; святѣе же насъ Ангелы, пребывающіе на небѣ, и чище земли небо. Потому Богъ преимущественно и есть на небесахъ. *Да святится имя твое*. Поелику Ты святъ, то освяти имя свое и въ насъ, освяти и насъ, такъ, чтобы мы, содѣлавшись твоими, могли святить твое имя, возвѣщать его, какъ святое, прославлять его въ себѣ, а не хулить. *Да пріидетъ царствіе твое*. Будь нашимъ Царемъ ради нашихъ добрыхъ дѣлъ, а не врагомъ ради нашихъ злыхъ дѣлъ. И да пріидетъ царствіе твое, — послѣдній день, когда Ты пріимешь царство надъ всѣми, и надъ врагами, и царство твое будетъ вѣчно, каково оно и есть;

ожидаетъ оно, впрочемъ, достойныхъ и готовыхъ къ тому времени. *Да будетъ воля твоя, яко на небеси, и на земли.* Утверди насъ, какъ Ангеловъ, чтобы воля твоя была исполняема въ насъ и нами, какъ и въ нихъ; да будетъ не наша воля страстная и человѣческая, но твоя, безстрастная и святая; и, какъ Ты соединилъ земное съ небеснымъ, такъ и въ насъ, находящихся на землѣ, да будетъ небесное. *Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.* Хотя мы просимъ и объ небесномъ, но мы смертны и, какъ люди, просимъ для поддержанія нашего существа и хлѣба, зная, что и онъ— отъ Тебя, и Ты одинъ ни въ чемъ не имѣешь нужды, а мы связаны нуждами и въ Тебѣ полагаемъ дерзновеніе свое. Прося только хлѣба, мы не просимъ излишняго, но необходимаго для насъ на настоящій день, такъ какъ мы научены не заботиться и о завтрашнемъ днѣ, потому что Ты печешься о насъ и въ настоящій день, будешь пещись и завтра, и всегда. Но и другой *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь* — хлѣбъ живой, небесный, всесвятое тѣло живаго Слова, котораго не ядущій не будетъ имѣть ни мало жизни въ себѣ. Это—хлѣбъ насущный: потому что онъ укрѣпляетъ и освящаетъ душу и тѣло, и *не ядый его не имать живота въ себѣ,* а *ядый его живъ будетъ во вѣкъ* (Іоан. 6, 51. 53. 54). *И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* Въ этомъ прошеніи выраженъ весь смыслъ и вся сущность божествен-

наго Евангелія: ибо Слово Божіе и пришло въ міръ для того, чтобы оставить намъ наши беззаконія и грѣхи, и, воплотившись, для этой цѣли совершило все, пролило свою кровь, даровало таинства во оставленіе грѣховъ и это заповѣдало и законоположило. *Отпущайте и отпустятъ вамъ*, говоритъ Оно (Лук. 6, 37). И на вопросъ Петра, сколько разъ отпускать согрѣшившему въ день, отвѣчаетъ: *до седьмидесятъ кратъ седмерицею*, вмѣсто: безъ счета (Мѳ. 18, 22). Кромѣ того, Оно опредѣляетъ этимъ успѣхъ самой молитвы, свидѣтельствуя, что, если молящійся отпуститъ, отпустится и ему, и если оставитъ, оставится и ему, и оставится въ той мѣрѣ, въ какой онъ оставитъ (Лук. 6, 36. 38),—разумѣется, грѣхи противъ ближняго и Создателя: потому что этого хочетъ Владыка. Ибо всѣ мы равны по природѣ и всѣ вмѣстѣ рабы, всѣ погрѣшаемъ, отпуская не много, получаемъ весьма много и, давая прощеніе людямъ, сами получаемъ прощеніе отъ Бога. *И не введи насъ во искушеніе:* потому что весьма много у насъ искусителей, полныхъ зависти и всегда враждебныхъ, и много искушеній отъ демоновъ, отъ людей, отъ тѣла и отъ безпечности души. Искушеніямъ подвергаются всѣ—и подвизающіеся, и нерадящіе о спасеніи, праведники даже больше, для своего испытанія и возвышенія, и они тѣмъ болѣе имѣютъ нужду въ терпѣніи: потому что духъ, хотя и бодръ, но плоть немощна. Искушеніе также, если ты презришь брата, если соблазнишь его, оскор-

бишь, или покажешь безпечность и нерадѣніе о дѣлахъ благочестія. Потому, чѣмъ бы мы ни согрѣшили предъ Богомъ и братомъ, мы просимъ Его помиловать насъ, сами милуя и отпуская, и не ввести насъ во искушеніе. Если кто даже и праведенъ, пусть не надѣется на себя самаго: потому что праведнымъ можно быть только при смиреніи, милосердіи и отпущеніи другимъ ихъ грѣховъ. Но *избави насъ отъ лукаваго:* потому что онъ—непримиримый, неутомимый и неистовый врагъ нашъ, а мы предъ нимъ слабы, такъ какъ онъ имѣетъ тончайшую и неусыпную природу, — врагъ лукавый, изобрѣтающій и сплетающій намъ тысячи козней, и всегда измышляющій намъ опасности. И если насъ не исхитишь изъ нихъ Ты, Создатель и Владыко всего и самаго лукаваго, діавола съ его клевретами, равно и Ангеловъ, и насъ: то кто возможетъ исторгнуть насъ? У насъ нѣтъ силъ постоянно противоборствовать этому невещественному, столько завистливому, коварному и хитрому врагу. Избави же насъ Самъ отъ него. *Яко твое есть царство, и сила, и слава во вѣки, аминь.* И кто искуситъ и оскорбитъ находящихся подъ твоимъ владычествомъ, Боже всего и Владыко, владѣющій и Ангелами? Или кто противостанетъ твоей силѣ? — Никто: поелику всѣхъ Ты сотворилъ и соблюдаешь. Или кто противустанетъ славѣ твоей? Кто дерзнетъ? Или кто можетъ объять ее? Ея исполнены небо и земля, и она превыше небесъ и Ангеловъ: потому что Ты единъ—всегда сущій

и вѣчный. И твоя слава, царство и сила Отца, и Сына, и Св. Духа во вѣки вѣковъ, *аминь*, т. е., поистинѣ, несомнѣнно и подлинно. Ты Царь сильный и славимый во вѣки. Вотъ вкратцѣ смыслъ трисвятаго и священной молитвы: *Отче нашъ*. И ее всю долженъ знать непремѣнно всякій православный христіанинъ, и возносить къ Богу, возставъ отъ сна, выходя изъ дома, отправляясь въ святый храмъ Божій, предъ вкушеніемъ и послѣ вкушенія пищи, вечеромъ и отходя ко сну: ибо молитва Трисвятаго и *Отче нашъ* содержитъ въ себѣ все—и исповѣданіе Бога, и славословіе, и смиренномудріе, и исповѣданіе грѣховъ, и мольбу объ оставленіи ихъ, и надежду благъ будущихъ, и прошеніе необходимаго, и отреченіе отъ излишняго, и упованіе на Бога, и молитву о томъ, чтобы не постигло насъ искушеніе и мы были свободны отъ діавола, чтобы творили волю Божію, были сынами Божіими и сподобились царствія Божія. Потому-то Церковь совершаетъ эту молитву многократно днемъ и ночью. Вотъ мы отчасти, сколько позволили наши силы, и сказали объ этой молитвѣ. Заключимъ же со Христомъ наши разсужденія объ утрени.

286. Почему во всѣхъ молитвахъ и прежде всякой молитвы мы испрашиваемъ у Бога милости?

После великаго славословія, или, въ простые дни, послѣ молитвы Трисвятаго и *Отче нашъ*, совершается священникомъ усильное моленіе

(эктѐнія), въ которомъ онъ прежде всего испрашиваетъ намъ отъ милостиваго Бога милости, говоря: *помилуй насъ, Боже, по велицѣй милости твоей*, и пр. Не должно ни о чемъ другомъ просить, какъ только о помилованіи: такъ какъ было бы дерзостію съ нашей стороны указывать Богу на что-нибудь наше, хвалиться, или думать, что мы не согрѣшили. Поэтому мы, какъ грѣшники и осужденные, ничего не можемъ, или не дерзаемъ говорить милосердому Владыкѣ нашему, какъ только: *помилуй*,—Ему, котораго мы столько оскорбляли и оскорбляемъ всегда, такъ что и священнику, и народу, не остается ничего, какъ только взывать: *помилуй*. Священникъ и говоритъ: *помилуй насъ, Боже, по велицѣй милости твоей, молимся ти, услыши насъ и помилуй*. Что значитъ: *молимся ти, услыши и помилуй?*—Мы не достойны быть услышаны и тогда, когда вопіемъ о помилованіи: но молимся Тебѣ, *услыши и помилуй*. Говоря: *молимся ти, услыши*, священникъ является посредникомъ между Богомъ и народомъ; а народъ возноситъ моленіе: *Господи помилуй:* ибо дѣло твоего величайшаго человѣколюбія — миловать, а наше дѣло молить Тебя и взывать: помилуй. По этой причинѣ, прежде всякой другой молитвы, священникъ говоритъ: *Господу помолимся*, а предстоящіе, выражая, что они совершаютъ моленіе, взываютъ: *Господи, помилуй*. Этимъ они, кромѣ того, содѣйствуютъ священникамъ: *много бо можетъ молитва*

праведнаго споспѣшествуема (Іак. 5, 16). Видишь ли, какъ чиноположенія Церкви проникнуты смиреніемъ и какъ она приводитъ къ единому Богу своихъ чадъ чрезъ покаяніе и смиреніе? Но мы, братія, не думаемъ и не чувствуемъ того, что говоримъ, произносимъ слова одними устами по привычкѣ и спѣшимъ сбросить съ себя трудъ молитвы, какъ какое нибудь бремя, а иногда даже не говоримъ: *помилуй*, и мысли не имѣемъ о томъ, что говорится. За то не получаемъ и милости. Смотри же, почему Церковь на всѣхъ моленіяхъ и прежде всякой молитвы испрашиваетъ милости, и замѣть это себѣ ты, братъ, и всякій благочестивый христіанинъ.

Клир. Замѣчу, владыка святый, и, дивясь сказанному, сильно сокрушаюсь о томъ, что мы, сподобившись такихъ великихъ даровъ, вовсе не чувствуемъ ихъ.

Арх. Но да вразумитъ насъ Господь, давшій человѣку разумъ, да укрѣпитъ и помилуетъ насъ! Однакожъ замѣть, что и на вечернѣ, и на священной литургіи, изъ-за нашего нерадѣнія Церковь не оставляетъ научать и возбуждать насъ, но говоритъ: *рцемъ вси* (отъ всея души) *и отъ всего помышленія нашего рцемъ*, — и затѣмъ продолжаетъ, что слѣдуетъ.

287. *Что значитъ:* премудрость, вонмемъ, *и:* премудрость, прости?

Слова: *рцемъ вси* и пр. служатъ напоминаніемъ и наставленіемъ, какъ и слова: *премуд-*

роҫть, вонмемъ, и: *премудрость, прости*. Это значитъ: стойте въ премудрости, такъ какъ и слова Божіи, теперь читаемыя,—премудрость и изречены живою Премудростію Божіею. А поелику начало премудрости страхъ Божій, то будемъ смотрѣть и слушать съ мудростію и благоговѣніемъ, будемъ внимать себѣ въ чувствѣ страха Божія и стоять прямо и душами, и тѣлами, съ мудростію и разумѣніемъ, прямо въ вѣрѣ и мысляхъ. Понимаешь ли, что въ Церкви и малыя вещи имѣютъ значеніе?

Клир. Понимаю и дивлюсь.

Арх. Не дивись. Церковь есть дѣло ѵпостасной и живой Премудрости Божіей, которая въ этомъ божественномъ своемъ тѣлѣ создала Себѣ храмъ и людей безумныхъ призвала къ вѣдѣнію. Поэтому и незначительныя, по-видимому, въ ней вещи полны мудрости, и, чѣмъ незначительнѣе онѣ кажутся, тѣмъ болѣе заключаютъ въ себѣ смысла, такъ какъ *буее Божіе*, по взгляду людей, на самомъ дѣлѣ *премудрѣе человѣкъ есть* (1 Кор. 1, 25), и *немощное крѣпчае*. Мудрость Божія живая одна и проста, но въ ней находятся сокровища мудрости и разума.— Послѣ великой ектеніи слѣдуютъ «прошенія» и молитва главопреклоненія, при которой всѣ наклоняютъ головы и стоятъ въ молчаніи, что означаетъ особенное благоговѣніе, которымъ мы обязаны Богу, и есть выраженіе нашего рабства предъ Богомъ. Испросивъ отъ единаго святаго Господа, пребываю-

щаго въ вышнихъ своею славою, но назирающаго все, которому мы приклонили и души, и тѣла, — испросивъ у Него божественнаго благословенія, отпущенія вольныхъ и невольныхъ грѣховъ, и ниспосланія мірныхъ и премірныхъ благъ, священникъ восклоняется, какъ укрѣпленный силою Божіею, и, восклонившись вмѣстѣ съ народомъ и вознося благодареніе, возглашаетъ: *твое бо есть еже миловати и спасати.* Затѣмъ дѣлается отпустъ. Священникъ при этомъ опять взываетъ: *премудрость,* для приготовленія къ слѣдующей затѣмъ молитвѣ, чтобы мы были внимательнѣе. Какая же это молитва? *Сый благословенъ Богъ нашъ всегда. Сый* — взято изъ книги Моусея, означаетъ вѣчное и неизмѣнное бытіе Божіе, и сказано самимъ Богомъ: *Азъ есмь Сый: Сый посла мя* (Исх. 3, 14. 15). Потомъ всѣ призываютъ честнѣйшую Ангеловъ Богородицу, какъ Ходатайцу за всѣхъ насъ предъ Богомъ, послѣ того, какъ священникъ скажетъ: *пресвятая Богородице, спаси насъ*, а предстоящіе предъ тѣмъ возгласятъ, чтобы въ послѣдній разъ вознести славословіе Св. Троицѣ: *слава Отцу, и Сыну, и Св. Духу.* Священникъ дѣлаетъ заключеніе молитвою, что собственно и называется отпустъ, такъ какъ никто не имѣетъ права оставлять божественныя пѣнія и уходить безъ разрѣшенія священника. Такимъ образомъ священникъ, какъ начинаетъ пѣнія, такъ и заключаетъ ихъ, и запечатлѣваетъ молитвы.

288. *О молитвѣ отпуста.*

Эта печать—не другое что, какъ имя Пришедшаго къ намъ и ради насъ во плоти. Итакъ, призвавъ самаго Христа, истиннаго Бога, какъ говоритъ ученикъ Его Іоаннъ: *сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный* (Іоан. 5, 20), призвавъ молитвами святой Его Матери, отъ которой Онъ воплотился, и всѣхъ Его Святыхъ (поелику Его воплощеніе и то, что Онъ стяжалъ Себѣ Матерь и ликъ Святыхъ, благоугодившихъ Ему, есть доказательство неизмѣримой Его благости), священникъ говоритъ: *помилуетъ и спасетъ насъ*, имѣя въ виду то, что мы сами собою ничего не можемъ пріобрѣсть; если же Онъ содѣлался человѣкомъ и изъ среды насъ явилася Матерь и Святые Его, то этимъ мы обязаны Его человѣколюбію. Затѣмъ сряду мы совершаемъ молитвы за усопшихъ — храмоздателей, отцевъ нашихъ и сродниковъ по плоти, и вообще—за кого обязаны дѣлать. И намъ надобно поминать ихъ, потому, что мы отъ нихъ, съ ними будемъ и погребены, и Спаситель нашъ пострадалъ и умеръ, какъ за живыхъ, такъ и умершихъ. Притомъ отсюда проистекаетъ весьма много пользы и для поминаемыхъ, и для поминающихъ. Самое же поминовеніе бываетъ послѣ пѣнія перваго часа.

289. *О первомъ Часѣ.*

Славословіе перваго часа совершается или сряду послѣ утрени—по праздникамъ, или вмѣстѣ съ утренею, при чемъ отпустъ бываетъ послѣ: потому что, какъ мы выше сказали, первый часъ составляетъ одно пѣснословіе вмѣстѣ съ утренею. Итакъ, мы говоримъ: *пріидите, поклонимся Цареви нашему Христу Богу* трижды: потому что Онъ нашъ единый и вѣчный Царь, и единый по естеству Владыка со Отцемъ и Духомъ, ниспровергшій державу и власть діавола, и освободившій насъ отъ тьмы смерти. Потомъ читаются три псалма въ честь Троицы, изреченные нѣкогда Давидомъ поутру, содержащіе благодареніе Богу и молитву о томъ, чтобы пришелъ на насъ Его божественный свѣтъ, чтобы наши дѣла были благопоспѣшны, и мы оставили всякое зло, исполнились же всякаго добра. За псалмами слѣдуютъ тропари въ томъ же смыслѣ и одинъ въ честь Богоматери, который прославляетъ Ее, обрадованную Ангеломъ, какъ небо: ибо Она возсіяла Солнце правды,—какъ рай: ибо Она произрастила древо жизни—Христа,—и какъ Дѣву: ибо Она пребыла присно Дѣвою. И благовременно это говорится тогда: потому что въ это время востокъ освѣщается солнцемъ, а рай на востокѣ. Потомъ —молитва Трисвятаго и *Отче нашъ:* такъ какъ нельзя не обращаться къ ней когда бы то ни было.

290. Почему на каждомъ часѣ и на другихъ послѣдованіяхъ полагается «Господи помилуй» сорокъ?

Господи помилуй — читается сорокъ разъ въ освященіе всего времени жизни нашей: потому что сорокъ дней, какъ говорятъ нѣкоторые, составляютъ десятину трехъ сотъ шестидесяти пяти дней, и въ теченіе ихъ бываетъ великій постъ. *Господи помилуй*—сорокъ полагается и на каждомъ времени молитвы во отпущеніе нашихъ безчисленныхъ грѣховъ, допускаемыхъ нами каждый день и часъ. Потому послѣ: *Господи помилуй*, мы читаемъ самую приличную для всякаго времени молитву: *иже на всякое время и на всякій часъ*. Она содержитъ все, простирается на всѣхъ насъ съ нашими душами и тѣлами, мыслями, помышленіями и дѣлами, и молитъ Бога все освятить въ насъ, избавить насъ отъ всякаго искушенія, оградить и сохранить святыми Ангелами, и привести насъ въ разумѣніе славы Божіей и допустить насъ, по мѣрѣ возможности, къ наслажденію неприступнымъ свѣтомъ Божіимъ и даровать благодать Бога, который благословенъ во вѣки. Потомъ мы воспѣваемъ Богородицу, какъ честнѣйшую Серафимовъ, и священникъ читаетъ о народѣ молитву, данную Аарону, высказанную и Давидомъ: *Боже, ущедри ны*. Затѣмъ сряду слѣдуетъ молитва, приспособленная къ первому часу: *Христе Свѣте истинный*, и затѣмъ священникомъ дѣлается отпустъ.

291. О прочихъ часахъ—третьемъ, шестомъ и девятомъ, вмѣстѣ съ первымъ.

Подобно послѣдованію перваго часа, поются съ различными обычными псалмами и тропарями и послѣдованія третьяго и шестаго часа; только на третьемъ часѣ, послѣ благословенія священническаго, полагается Трисвятое и *Господи помилуй*—двѣнадцать. Трисвятое бываетъ и на девятомъ часѣ, и на повечеріи, и на утрени, какъ молитва, по преимуществу относящаяся къ Святой Троицѣ, какъ сказано. А *Господи помилуй* — двѣнадцать разъ читается въ соотвѣтствіе съ двѣнадцатью часами дня и двѣнадцатью часами ночи, во освященіе наше и очищеніе отъ паденій, допускаемыхъ нами днемъ и ночью. Почему на каждомъ часѣ читается и *Господи помилуй*—сорокъ. Объ этомъ мы уже сказали.

292. О псалмахъ третьяго, шестаго и девятаго часа.

На каждомъ часѣ — первомъ, третьемъ, шестомъ и девятомъ, послѣ *пріидите, поклонимся*, повторяемаго трижды ради Святой Троицы, полагаются три, приспособленныхъ къ часу, псалма—въ честь Троицы и для означенія таинства, которое имѣется въ виду на томъ или другомъ часѣ. И какъ упомянутые выше псалмы перваго часа говорятъ о божественномъ свѣтѣ отъ солнечнаго восхода, такъ псалмы третьяго

часа—о коварствѣ Іудеевъ и ихъ замыслѣ противъ Христа; впрочемъ, послѣдній изъ нихъ — пятидесятый говоритъ о сошествіи Божественнаго Духа. Псалмы шестаго часа указываютъ на возстаніе Іудеевъ, ихъ покушеніе на жизнь Господа и происки о томъ, чтобы умертвить Его, на ихъ оскорбленія Ему—насмѣшки и ругательства, на ихъ ярость и гнѣвъ, на бывшее землетрясеніе, мракъ, покрывшій тогда землю, и пр., — такъ какъ Іудеи распяли Господа въ шестомъ часу. Последній изъ этихъ псалмовъ, именно: *живый въ помощи Вышняго*, указываетъ на помощь отъ Отца Сыну въ Его скорби, и въ словахъ: *на аспида и василиска наступиши* и пр. — на Его побѣду надъ адомъ. Псалмы же девятаго часа указываютъ на спасеніе насъ, совершенное чрезъ смертъ Христа и разореніе Его святаго храма, и на то, что Онъ есть Богъ живый, хотя и умеръ ради насъ плотію, что Онъ былъ жертвою за насъ и цѣною искупленія за живыхъ и находившихся во адѣ—въ мѣстѣ плача, и пріобрѣлъ благоволеніе для земли, что Онъ возвратилъ изъ плѣна насъ —наши души, оставивъ наши беззаконія, и, возвративъ, оживилъ насъ, своимъ воскресеніемъ возвеселилъ людей своихъ, изрекъ миръ, — что такимъ образомъ *милость и истина срѣтостѣся*, *правда съ небесе приниче* (Пс. 84, 11. 12): такъ какъ Христосъ смертію разрушилъ смерть, — и *земля дала плодъ свой* — Воскресшаго плотію. Псаломъ же последній: *приклони*, *Господи*, означаетъ все это и то,

что Распятый и Умершій за насъ святъ, безгрѣшенъ, щедръ, многомилостивъ, истиненъ, что Онъ далъ намъ и Себѣ самому, содѣлавшемуся Сыномъ рабы своея Богоматери, силу, крѣпость и знаменіе во благо — свой крестъ, которымъ посрамлены Его враги. Затѣмъ—тропари и пр., и наконецъ молитвы, приспособленныя, какъ мы сказали, къ часу. Вечерня же совершается такъ: вмѣстѣ съ нею и предъ нею поется девятый часъ, и еще прежде его поются такъ называемыя изобразительныя. И смотри, какъ велико и сообразно съ благочестіемъ благочиніе и благоустройство Церкви. Частое пѣніе, чрезъ извѣстные промежутки и разстоянія часовъ, раждаетъ нѣкоторымъ образомъ разлѣненіе и вялость, особенно въ слабѣйшихъ душахъ. Поэтому божественные Отцы наши, движимые Божественнымъ Духомъ, прекрасно придумали то, о чемъ мы сейчасъ сказали. Въ этомъ случаѣ они, съ одной стороны, выказали заботливость о томъ, чтобы совершались всѣ, перешедшія къ намъ по преданію, славословія, съ другой, — мудро устранили предлоги для лѣности и нерадѣнія.

293. О томъ, что всѣ послѣдованія, по чиноположенію, совершаются въ три времени — и въ честь Троицы, и въ предупрежденіе нашей лѣности.

Поэтому же Отцы постановили и то, чтобы всѣ послѣдованія совершались въ три, обязывающія безусловно и побуждающія необходимо къ нимъ, времени—въ честь Бога нашего, пресуще-

ственной Троицы. И во первыхъ—они постановили читать въ славу и честь Троицы три послѣдованія между полночью и утромъ. Это — полунощница, утреня и первый часъ, составляющій особое послѣдованіе, но соединяемый съ утренею и не причисляемый къ семи хваленіямъ. Послѣ третьяго часа дня поются третій часъ и шестой, вмѣстѣ съ послѣдованіемъ изобразительныхъ, представляя собою также троицу славословій въ честь Троицы, хотя и чинъ изобразительныхъ не принадлежитъ къ числу семи хваленій, поемый всегда съ шестымъ или девятымъ часомъ, составляющій, впрочемъ, отдѣльное и особое послѣдованіе. Объ немъ мы еще скажемъ не много. Подъ конецъ же дня совершаются послѣдованія девятаго часа, вечерни и повечерія, соединенныя вмѣстѣ, но особыя и поемыя одно за другимъ въ одно время. И онѣ указываютъ на Троицу. Такъ какъ три нощеденственныхъ времени, то три въ каждое время и пѣнія. Въ этомъ случаѣ Церковь подражаетъ великому Даніилу, который каждый день молился Богу трижды, какъ написано въ видѣніяхъ его; въ совершеніи же трехъ послѣдованій въ каждое изъ трехъ временъ она имѣетъ въ виду девять чиновъ, составляющихъ своимъ числомъ три троицы и немолчно воспѣвающихъ Бога.

294. О послѣдованіи такъ называемыхъ изобразительныхъ.

Послѣдованіе изобразительныхъ такъ называется потому, что изображаетъ нѣкоторымъ

образомъ священную литургію, когда поется безъ литургіи; если же совершается и при литургіи, то всегда предшествуетъ ей. На немъ сначала поются два псалма, заключающіе въ себѣ славословіе Богу и напоминающіе о благахъ, дарованныхъ Имъ намъ, особенно чрезъ воплощеніе Слова: *благослови душе моя Господа*, и: *хвали душе моя Господа*; затѣмъ— пѣснь воплощенія: *единородный Сыне*.

295. Краткое толкованіе блаженствъ Спасителя.

Блаженства Спасителя изображаютъ намъ Его Господомъ единымъ блаженнымъ, истинно ради насъ обнищавшимъ, показавшимъ въ Себѣ кротость и смиреніе сердца, единымъ праведнымъ, алкавшимъ и жаждавшимъ правды и творившимъ ее, милостивымъ и щедрымъ, единымъ чистымъ сердцемъ, святымъ и несквернымъ, миротворцемъ и начальникомъ мира и самымъ миромъ, Сыномъ Божіимъ по естеству, гонимымъ, поистинѣ, правды ради, невинно поносимымъ, преслѣдуемымъ и безчестимымъ, пострадавшимъ за насъ ради славы Отца своего и нашего спасенія, имѣющимъ неизглаголанную радость и веселіе; съ другой стороны,—эти блаженства указываютъ въ подражателяхъ Спасителя людей, облаженствованныхъ Имъ. Они достигаютъ блаженствъ по порядку. Сдѣлавшись нищими ради Христа, они являются кроткими; явившись кроткими и безстрастными, алчутъ правды; отъ правды переходятъ къ милости;

отъ милости же—къ чистотѣ души, отъ чистоты души — къ любви къ ближнему и заботливости о мирѣ его; потомъ возводятся и къ совершеннѣйшей любви—любви къ Богу, и, ревнуя объ Его истинѣ и правдѣ, терпятъ гоненія, еще болѣе страдаютъ, подвергаются поношенію и изгоняются за благочестіе и вѣру; переносятъ клевету за Господа и, страдая, радуются. И возрадуются, и взыграютъ тогда: потому что ихъ *мзда многа на небесѣхъ* (Лук. 6, 23). Итакъ, эти блаженства читаютъ, какъ ученіе Спасителя и Евангеліе, и вмѣсто отрывковъ изъ Апостола и божественнаго Евангелія. Затѣмъ поютъ трижды богословіе разбойника, высказанное на крестѣ, и его молитву, чрезъ которую онъ обрѣлъ рай, относя его вопль къ Троицѣ и прося у Ней рая. Далѣе читаютъ то, что читается всѣми внѣ алтаря и на литургіи,—троичное славословіе Ангеловъ: Святъ, Святъ, Святъ, Символъ Вѣры, молитву объ оставленіи намъ всѣхъ согрѣшеній, молитву, данную Спасителемъ, за которою слѣдуютъ сообразные съ днемъ тропари, *Господи помилуй* сорокъ, по чину послѣдованій, —и сряду идутъ псалмы въ благодареніе за всѣ дары Божіи и потребное для пищи: *благословлю Господа*: и: *вознесу тя, Боже мой*. Между тѣмъ, раздается для нашего освященія антидоръ и дѣлается отпустъ.

296. О вечернѣ и о томъ, что преимущественно три службы начинаются у престола и у него оканчиваются: утреня, божественная литургія и вечерня.

Вечерня, какъ и утреня, совершается торже-

ственнѣе и важнѣе: такъ какъ трижды днемъ три славословія Святой Троицы, какъ мы только что сказали, возносятся для Ея исповѣданія и прославленія, начинаемыя у престола, у престола же священникомъ и оканчиваемыя. Это— утреня, таинство таинствъ — священная литургія, и вечерня. Эти славословія долженъ потому слушать непремѣнно каждый изъ вѣрующихъ каждодневно, заботиться и о другихъ по возможности. Итакъ, когда священникъ благословитъ у престола, какбы стоя па небѣ предъ лицемъ Бога, читается трижды: *пріидите поклонимся* однимъ—ради благоговѣнія и лучшаго усвоенія того, что читается. Если день простой, читается весь псаломъ, въ которомъ благословляется Господь, повѣствуется обо всемъ Его созданіи и возносится Ему благодареніе за все: такъ какъ, по окончаніи дня, прилично благодарить за все. Если же день праздничный, онъ читается до словъ: *отверзшу тебѣ руку*, и потомъ торжественно поется всѣми, при чемъ за каждымъ стихомъ всѣ славословятъ Троицу, которая есть Создатель всего. Когда же священникъ прочитаетъ *мирныя прошенія* и сдѣлаетъ возгласъ: прибавляются и другіе псалмы Псалтири, какъ полагаются они и на утрени, если день простой, чтобы такимъ образомъ книга Псалтири, распредѣленная на пѣнія, оканчивалась вся въ недѣлю, а въ четыредесятницу—дважды, для бо̀льшаго умиленія насъ, во славу Божію и для умилостивленія Бога за насъ.

296. О томъ, что три первые псалма Псалтири относятся преимущественно къ Господу.

Если день праздничный, то послѣ троичныхъ и краткой ектеніи поются три первые псалма Псалтири, которые относятся преимущественно къ Господу. Ибо вочеловѣчившееся Слово Божіе само было поистинѣ единымъ блаженнымъ мужемъ и не сотворило грѣха; Оно есть древо жизни и дало многъ плодъ — насъ, увѣровавшихъ въ Него; Оно оживетъ, не увядая, какъ безсмертное: Оно не отвергнетъ насъ, какъ имѣющее вѣчно-зеленѣющій листъ и плодъ, но развѣетъ, какъ прахъ, нечестивыхъ и демоновъ. Возстали на Него цари и князи, но, побѣдивъ ихъ, Оно посмѣялось имъ и содѣлалось Царемъ своей Церкви. Оно есть Сынъ Божій, имѣетъ своимъ наслѣдіемъ народы, обдержитъ концы земли и есть пастырь сильный. Умножились стужающіе Ему, поносители и гонители Его—тѣ, которые и умертвили Его на крестѣ. Но, страдая плотію, будучи же безстрастенъ по Божеству, Сынъ Божій былъ со Отцемъ и явился нашею помощію и славою и, если смертію почилъ, за то всталъ, какъ отъ сна. Потому и сказано: *воскресни, спаси мя, Боже мой, яко ты поразилъ еси вся враждующія ми*, и: *отъ Господа спасеніе и на людехъ твоихъ* — насъ вѣрующихъ, чрезъ крестъ, *благословеніе твое* (Пс. 3, 8. 9). Послѣ этихъ псалмовъ, когда священникъ воздастъ обычное благодареніе и скажетъ совокупную эктенію(συναπτὴν),

или *мирныя прошенія*, и сдѣлаетъ возгласъ во славу Троицы, поютъ: *Господи воззвахъ*, съ соединенными съ нимъ псалмами, встрѣчая вечеръ и возсылая Богу какбы мысленный ѳиміамъ. Между тѣмъ и чувственно приносятъ Богу ѳиміамъ, начиная отъ престола и наполняя имъ весь храмъ во славу Божію и наше освященіе, и потому, что отъ воспѣваемаго Бога намъ даруется божественная благодать. Здѣсь намъ кстати сказать, сколько можно, и о такъ называемыхъ *мирныхъ прошеніяхъ*, или совокупной и малой эктеніяхъ, также о сугубой эктеніи и прочихъ прошеніяхъ. Такъ какъ онѣ читаются священникомъ или діакономъ, во всякое время службы и на священной литургіи, то должно намъ, по возможности, имѣть понятіе и объ нихъ, и не смотрѣть на нихъ безразлично. И вопервыхъ, скажемъ о томъ, почему называются мирныя прошенія совокупною эктеніею. Потому, т. е., что въ ней прежде всего испрашивается намъ у Бога миръ съ Нимъ и между нами взаимно, притомъ совершается моленіе о всѣхъ насъ вмѣстѣ. Благословивъ Бога,—поелику слѣдуетъ прежде всего возвѣстить, и восхвалить Его какъ виновника всего и подателя всякаго блага, — священникъ тотчасъ говоритъ: *миромъ Господу помолимся*. Эти слова научаютъ насъ имѣть миръ съ Богомъ въ правой вѣрѣ и совѣсти: ибо въ этомъ состоитъ миръ съ Богомъ и миръ со всѣми,—и стоять *безъ гнѣва и размышленія*, какъ говоритъ Павелъ, *воздѣюще преподобныя руки* (1 Тим. 2, 8),

и какъ говоритъ Спаситель: *егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого* (Марк. 11, 25), и еще: — *миръ оставляю вамъ*, и: *миръ вамъ*. Онъ-то и долженъ быть прежде всего въ насъ (Іоан. 14, 28), и въ мирѣ мы должны совершать молитву; потому-то священникъ въ самомъ началѣ и говоритъ: *миромъ Господу помолимся*, какбы такъ: если вы не отпущаете, то и Отецъ вашъ не отпуститъ вамъ грѣхопаденій вашихъ. Потомъ, поелику истинный миръ отъ Бога, отпускающаго намъ грѣхи и дающаго по милости своей спасеніе: то священикъ присовокупляетъ: *о свышнемъ мирѣ и спасеніи душъ нашихъ*. Потомъ молится объ общемъ мирѣ и говоритъ: *о мирѣ всего міра*, такъ какъ миръ исходитъ отъ Бога, когда мы къ принятію его совершенно готовы. Видишь, сколь великое дѣло— миръ: ради него низшелъ Богъ! *О благостояніи святыхъ Божіихъ церквей*. И это также для мира въ вѣрѣ и для церковнаго жительства, равно какъ и слѣдующее: *и соединеніи всѣхъ* въ правой вѣрѣ, любви и богоугодной жизни. Потомъ воспоминаетъ *о святомъ домѣ и входящихъ въ онъ*, ради благочестія и любви къ благолѣпію дома Божія, ради единодушнаго и благоговѣйнаго собранія въ немъ, и принесенія (части) изъ того, что мы получаемъ отъ Бога. Потомъ воспоминаетъ *объ архіереѣ*, какъ источникѣ священства и всего христіанства,—*пресвитерствѣ*, какъ сослужащемъ при святыхъ таинствахъ,— *во Христѣ діакон-*

ствѣ, какъ служителяхъ таинства, — *о всемъ клирѣ*, какъ слугахъ пѣснопѣнія и всего чина,— *и о людехъ*, такъ какъ они вѣрны и соединены съ освященными вѣрою и жизнію, и освящаются чрезъ нихъ. Видишь ли, почему она называется совокупною (συναπτη)? Всѣхъ она сводитъ вь одно, какъ и Спаситель молился. Съ людьми же (Церковь) соединила и царей, и правителей, и воинство. Впрочемъ, поелику сіи подвизаются за общее, — упоминаетъ о нихъ и отдѣльно, если только православны. Церковь, строго храня законъ Павла, молится о царяхъ и властяхъ, и особенно нынѣ, когда они вѣрны, и о томъ, чтобы споборалъ имъ Богъ и покорилъ имъ враговъ, чтобы и мы проводили жизнь тихую и безмятежную, соблюдая въ чистотѣ свое благочестіе. Поелику же намъ нужно и охраненіе, нужны и правители охраняющіе: то мы молимся и объ охраняющемъ насъ *градѣ*, а по любви, — и о всякомъ другомъ *градѣ* и *о всякой странѣ*: ибо живемъ не въ городахъ только, но и въ селеніяхъ. Притомъ, такъ какъ цѣль городовъ суть живущіе, то Церковь говоритъ и о *вѣрою живущихъ въ нихъ*, (о нечестивыхъ, то есть, молиться не слѣдуетъ). Поелику же опять, для состоянія (городовъ и живущихъ въ нихъ) мы имѣемъ нужду въ тѣлахъ, которыя, какъ и сами мы—отъ Бога: то она говоритъ *о благорастворенiи воздуховъ* для здравія тѣлъ, *о изобиліи плодовъ земныхъ* для потребы ихъ въ пищу, *и временѣхъ мирныхъ*, чтобы они благопріят-

ствовали жизни, нашей пользѣ и общежитію ибо возмущенія сопровождаются стѣснительностію и разрушеніемъ. Такъ какъ, опять, у живущихъ очень много случайностей, различны бываютъ роды жизни и потребности, различны и обстоятельства; то, молясь вообще о всѣхъ, она говоритъ *о плавающихъ*, имѣя въ виду тѣхъ, которые на морѣ, *путешествующихъ*, то есть, странствующихъ по сушѣ, *недугующихъ*, какою бы кто ни одержимъ былъ болѣзнію, *страждущихъ и труждающихся, и плѣненныхъ*, т. е., въ рабствѣ находящихся, и, собирая всѣхъ, молится *о спасеніи ихъ*. Видишь ли, что Церковь подражаетъ Богу и промышляетъ о всѣхъ? Понимаешь ли, какъ она все соединяетъ и о всѣхъ молится? Потому-то и самая молитва называется совокупною (συναπτή). Потомъ, призвавъ всѣхъ къ моленію о всѣхъ и, по апостольской заповѣди, повелѣвъ молиться другъ за друга предъ Тѣмъ, кто можетъ дать все, она обращается къ Господу и громогласно говоритъ: *заступи*, ибо Ты единъ заступленіе для насъ слабыхъ и погибающихъ; *спаси*, ибо Ты единъ Спаситель бѣдствующихъ и отчаянныхъ; *помилуй*, ибо ничего не имѣешь отъ насъ, если не помилуешь насъ, Милостиве; *и сохрани*, ибо много нападающихъ и притѣсняющихъ, и Ты единъ можешь сохранить насъ, *Боже, твоею благодатію*,—не по дѣламъ нашимъ и не по моленію нашему: ибо мы нечисты и все наше нечисто,—но по единой твоей благости. Особенный же даръ — вочеловѣченіе

единороднаго; Онъ-то и называется благодатію. Склонивъ на милость Бога этою—произносимою имъ самимъ, или діакономъ,—молитвою и тайною молитвою внутри (алтаря), іерей повелѣваетъ намъ представить себя въ приношеніе Богу. Уразумѣй спасительность и дивность (сей молитвы). Говоритъ: *Пресвятую, Пречистую* и пр. (присоединяя похвалы всепѣтой Богородицѣ, какъ умѣстно) *со всѣми святыми помянувше*. Се началоводительница Святыхъ, путеводительница освѣщенія, общая посредница и божественное орудіе, чрезъ которое спасены мы со всѣми, посредствомъ Ея освященными, какъ имѣющими наше естество и пекущимися о насъ, и могущими (пещися), поколику они подвизались за славу Божію. (Вмѣстѣ съ сими), говоритъ, *помянувше*, вмѣсто — призвавше или воспомянувъ (Святыхъ), памятующихъ о насъ, *сами себе*, какъ обязанные сами себя предать Богу, *и другъ друга*, какъ пріявшіе заповѣдь взаимной любви, *и весь животъ нашъ*, какъ происходящій отъ Бога,—именно, все въ немъ — и помышленія, и слова наши, и дѣянія, и души, и тѣла, *Христу Богу предадимъ*. Онъ пожренъ за насъ,—принесемъ и себя Ему въ жертву живую; Онъ далъ себя намъ,—принесемъ и себя Ему всецѣло, и будемъ имѣть дерзновеніе у Того, кто душу свою положилъ за насъ и далъ въ пищу Себя намъ, кто промышляетъ о насъ и любитъ насъ, кто всегда печется и спасаетъ, и единъ есть Спаситель: ибо безъ Него невозможно ни жить, ни мыслить, ни вовсе дѣлать что либо. Предавша-

гося же Ему никто не можетъ исхитить изъ рукъ Отца Его. А руки — самъ Онъ — мышца Его, и Духъ Святый. Вотъ величайшія и совершеннѣйшія изъ всѣхъ блага отъ сей молитвы людямъ, приближающимся къ Нему! Посему при другихъ (моленіяхъ) предстоящіе взываютъ только: *Господи помилуй*, призывая Божіе милосердіе; а здѣсь говорятъ: *тебѣ, Господи*, то есть, Тебѣ предаемъ себя, Христе Боже. Эту преданность весьма необходимо исповѣдывать и словами: потому что она выражаетъ правую нашу вѣру во Христа, а по вѣрѣ въ Него — и самое наше приношеніе. Она соединяетъ насъ съ Богомъ и привлекаетъ Его помощь, она связуетъ насъ съ Пресвятою Матерію Слова и со Святыми, и посредничество ихъ за насъ творитъ дѣйственнымъ. И дѣлами оправдывать оную для насъ также весьма необходимо. Оправдывать же дѣлами значитъ—право вѣровать и христіански— въ истинной чистотѣ и справедливости жить, и упражняться въ молитвахъ: потому что, возносясь къ Богу, мы усовершаемся, бываемъ освящены таинствами, посвящены Ему исповѣданіемъ, и, какъ преданные Христу и искупленные Имъ, обязываемся ничего другаго не дѣлать, кромѣ дѣлъ Христовыхъ. Ради сей-то преданности воспоминаются всѣ Святые; и Спаситель, вступая на путь страданій, самъ первый сотворилъ преданіе, предавъ насъ Отцу и говоря: *соблюди ихъ во имя твое, святи ихъ во истину твою*, и сл.; а *истина*—Онъ. Совершивъ это моленіе, іерей запечатлѣваетъ его воз-

гласомъ и произноситъ славословіе Троицы: *яко тебѣ подобаетъ*, богословіемъ и славословіемъ утверждая все вышесказанное, и свидѣтельствуя, что это будетъ намъ отъ Бога. Потомъ поются тропари и самогласны, называемые стихирами, въ недѣлю (κυριακῇ) поставляемые въ числѣ десяти стиховъ, ради совершенства сего числа, а въ праздники Святыхъ— въ числѣ осьми—ради восьмаго нескончаемаго дня, въ который (Святые) пребудутъ съ Богомъ всегда, какъ уже и теперь пребываютъ со Христомъ въ Духѣ; а въ простые дни — въ числѣ шести, ради того, что святые пребываютъ нынѣ выше пятеричныхъ чувствъ и въ знаменіе Троицы, взятой дважды, что составляетъ шесть. Въ недѣли, или въ другіе праздники и дни Святыхъ, онѣ поются обоими ликами поперемѣнно. При послѣднемъ же стихѣ лики сходятся, показуя согласіе и единеніе, совершенное Спасителемъ всего міра. Потомъ, вмѣстѣ преклоняясь предъ алтаремъ, взываютъ: *яко утвердися милость его на насъ*, и симъ указуютъ на содѣянное Христомъ спасеніе языковъ, и что, по милости своей пострадавъ за насъ и крестомъ своимъ утвердивъ свою державу, и побѣдивъ, привелъ насъ къ Себѣ. А вслѣдъ за симъ опять поютъ: *слава и нынѣ*, нераздѣльно славословя Троицу нераздѣльную. Напослѣдокъ же (величаютъ) еще Богоматерь Дѣву, ради исповѣданія воплощенія Воплотившагося отъ Нея и ради многаго и сильнаго ея посредничества.

СЛОВО,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ АНАТОЛІЕМЪ, АРХІЕПИСКОПОМЪ МОГИЛЕВСКИМЪ И МСТИСЛАВСКИМЪ, ВЪ ЦЕРКВИ ПРИХОДА, НАПОЛНЕННАГО МНИМЫМИ СТАРООБРЯДЦАМИ.

> *Послетъ имъ Богъ дѣйство лести, во еже вѣровати имъ лжи: да судъ пріимутъ вси невѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи въ неправдѣ* (2 Сол. 2, 11. 12).

Такъ караетъ Богъ отвергающихъ ученіе Церкви Христовой, противоборствующихъ учрежденному въ ней Господомъ и Спасителемъ нашимъ священноначалію. Когда люди, увлекшись какими нибудь лживыми мнѣніями, съ упорствомъ отвергаютъ очевидныя истины вѣры, не хотятъ внимать ученію пастырей св. Церкви, поставляемыхъ Духомъ Святымъ: тогда Богъ оставляетъ противниковъ произволу сердца ихъ и допускаетъ, что они обольщаются неправдою, вѣруютъ лжи, какъ истинѣ, а умственныя ихъ очи омрачаются такою слѣпотою, что не видятъ уже истины, которой вѣруя, могли бы спасти душу свою отъ вѣчной гибели. *Послетъ имъ Богъ*, предсказалъ апостолъ Павелъ,

дѣйство лсти, во еже вѣровати имъ лжи: да судъ пріимутъ вси невѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи въ неправдѣ. Это изреченіе великаго Учителя божественныхъ истинъ всегда приходитъ мнѣ на мысль, когда, при посѣщеніи моемъ сей страны, вижу здѣсь съ болѣзнію сердца, что цѣлыя тысячи душъ блуждаютъ по распутіямъ лживаго мудрованія, чуждаются Церкви Христовой, ходятъ строптивыми путями самочинія: *да судъ пріимутъ благоволившіи въ неправдѣ.* Но чѣмъ опаснѣе душевное состояніе противоборствующихъ св. Церкви, тѣмъ искреннѣе должны мы, братіе, слѣдовать ея руководству, охранять въ сердцѣ нашемъ благодать Св. Духа и, при содѣйствіи ея, благоугождать Богу нашею жизнію, чтобы не увлечься дѣйствомъ лжи, которой поработились чуждающіеся св. Церкви, до такого помраченія ума и сердца, что не сознаютъ уже пагубнаго состоянія душъ своихъ!

Такъ, для всякаго человѣка, одареннаго здравымъ смысломъ, пріобрѣвшаго хотя начальныя понятія истинно христіанскаго ученія, очевидно, что уклонившіеся отъ церковнаго единенія отступники превратили у себя порядокъ учрежденнаго Богомъ церковнаго священноначалія. Ибо, кому изъ христіанъ не извѣстно, что Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ съ самаго основанія св. Церкви далъ ей *пастырей и учителей,* т. е., епископовъ и пресвитеровъ, коихъ Духъ Св. посредствомъ преемственнаго рукоположенія, переходящаго отъ самыхъ св. Апостоловъ, доселѣ не престаетъ и не престанетъ поставлять во св. Церкви *къ совершенію святыхъ: дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познаніе Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. 4, 13)? Но

отчуждившіеся отъ св. Церкви, отвратившись отъ учрежденнаго Богомъ церковнаго священноначалія, будучи простыми мірянами, большею частію безграмотными и вообще мало что смыслящими въ божественномъ Писаніи, самозванно дерзаютъ осуждать пастырей Церкви, порицаютъ ихъ укоризненными названіями, какъ будто простые міряне, чуждающіеся не только Церкви св., но и всякаго образованія, просвѣщеннѣе пастырей ея, полнѣе знаютъ христіанское вѣроученіе и лучше понимаютъ божественное Писаніе, нежели пастыри Церкви, издѣтства образуемые на служеніе ей, ежедневно поучающіеся въ оправданіяхъ и заповѣдяхъ Господнихъ.

Но, какъ душа всякаго человѣка требуетъ духовной, свойственной ей пищи: то и уклоняющіеся отъ св. Церкви ощущаютъ гладъ душевный, только утоляютъ его такою пищею, которая, въ сравненіи съ истинно христіанскимъ вѣроученіемъ, похожа на кормъ, которымъ питаются нечистыя животныя. Такъ и въ обществахъ, отторгшихся отъ церковнаго единенія, проявляются самозванные учители, которые берутся учить другихъ, даже составляютъ на прельщеніе простыхъ душъ такъ называемые *цвѣтники* и разнообразныя *тетради*, наполняя ихъ искаженными выписками изъ разныхъ книгъ, а большею частію нелѣпыми вымыслами. Спрашивается, что за достовѣрность такихъ сочиненій? Какая Богомъ учрежденная власть засвидѣтельствовала ихъ истину? Никакая. Поэтому, хотя бы такіе учители постоянно учились, они никогда сами собою не могутъ дойти до познанія истины и навсегда останутся въ отношеніи къ ней слѣпцами: потому что не разумѣютъ ни того, о чемъ говорятъ, ни того,

что доказываютъ. Но, когда слѣпецъ слѣпца водитъ, то оба впадаютъ въ яму: да яма-то, къ несчастію, въ которую низвергаются противники св. Церкви, не что иное, какъ преисподняя геенна огненная. И не удивительно, что они въ нее низвергаются: давно божественный Апостолъ предсказалъ, что въ послѣднія времена появятся отступники, которые *здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотямъ изберутъ себѣ учителей, чешеми слухомъ* (2 Тим. 4, 3). При всемъ томъ, отлучившіеся отъ св. Церкви утверждаютъ въ своемъ ослѣпленіи, будто они слѣдуютъ старымъ церковнымъ книгамъ. Неправда! Ни въ одной книгѣ, когда бы она ни была напечатана, не говорится, что учителями христіанскаго вѣроученія могутъ быть необразованные, не свидѣтельствованные св. Церковію міряне. Напротивъ того, въ старой, напечатанной при святѣйшемъ патріархѣ Іосифѣ книгѣ, именуемой Кормчая, именно сказано: «мірскій человѣкъ да не учитъ. «Толкованіе: всякъ долженъ есть свой чинъ вѣдати и «не творити себе пастыря, овца сый, и да не мнится гла«ва, нога сый: но повиноватися преданному отъ Бога «чину и уши своя отверзати на послушаніе пріемлю«щимъ благодать учительскаго слова» (*). Таково постановленіе истинной Церкви Христовой: но отвергающіеся ея изъ за своихъ толковъ отвергаютъ и священныя правила, изложенныя въ тѣхъ самыхъ книгахъ, которыя ими будто уважаются!

И какія у нихъ странныя понятія! Отвергаютъ утвержденное Богомъ священноначаліе, чуждаются епископовъ, коимъ Духъ Св. сообщаетъ ту полноту бла-

(*) VI вселен. собора правило 64, стр. 198.

годати, по которой епископы, управляя врученнымъ имъ удѣломъ св. Церкви, не только могутъ совершать всѣ таинства, необходимыя для освященія вѣрующихъ, но и сообщать избраннымъ ими высокій даръ священства, а допускаютъ въ своихъ обществахъ священниковъ совершать церковныя таинства. Какихъ же священниковъ принимаютъ общества, отторгшіяся отъ Церкви? Бѣглецовъ, сужденныхъ за пороки, состоящихъ подъ архіерейскимъ запрещеніемъ и даже лишенныхъ благодати священства: почему всякое, совершаемое ими таинство, не только чуждо благодатной силы, но даже есть святотатственное беззаконіе. Что можетъ быть нелѣпѣе сего, преступнѣе предъ Богомъ? Никто здравомыслящій не отдастъ въ сохраненіе своего сокровища рабу, обокравшему прежняго своего господина; всякій честный человѣкъ съ негодованіемъ смотритъ на строптиваго сына, который, оскорбивъ своего отца, своевольно скитается внѣ родительскаго дома; а у чуждающихся св. Церкви только тѣ священники любимы и уважаемы, которые убѣгаютъ изъ дому Отца небеснаго, изъ Церкви Божіей, и не имѣютъ уже благодати священства. Не явно ли, что, если такіе священники, по мнѣнію отступниковъ, не лишены благодати Божіей, то тѣмъ паче благодать Духа Св. присуща архіереямъ Божіимъ и при томъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ у всякаго священника: потому что священники получаютъ благодать священства отъ епископовъ посредствомъ рукоположенія? Значитъ, что, допуская совершать св. таинства бѣглыхъ священниковъ и даже разстригъ, чуждающіеся св. Церкви сами сознаютъ, что епископы нашей Церкви составляютъ Богомъ учрежденное священноначаліе. Вотъ

до какой степени противники св. Церкви осуетились своими толками, что собственными своими дѣйствіями сами противъ себя свидѣтельствуютъ, что они на пути заблужденія, ведущемъ въ вѣчную пагубу!

Что сказать еще о беззаконныхъ бракахъ отступниковъ, о бракахъ, которыми они оскверняютъ души и тѣлеса свои и дѣтей своихъ, обручая себя съ ними вѣчному врагу рода человѣческаго на вѣчную погибель? Кому, сверхъ того, неизвѣстно, какое разногласіе, какія противорѣчія въ безчисленныхъ такъ-называемыхъ согласіяхъ, по которымъ чуждающіеся св. Церкви чуждаются другъ друга до такой степени, что послѣдователи одного согласія не вкушаютъ пищи и не пьютъ изъ однихъ и тѣхъ же сосудовъ, изъ которыхъ ѣдятъ и пьютъ послѣдователи другаго согласія? Будучи въ такомъ раздѣленіи между собою, погруженные во тьмѣ неразумія и невѣдѣнія истинной вѣры Христовой, чтобы никто изъ ихъ братій не видѣлъ свѣта истины, они угрожаютъ еще своимъ клевретамъ всякимъ прещеніемъ и клятвами, запрещая имъ внимать ученію св. Церкви, читать издаваемыя пастырями ея книги къ вразумленію заблудшихъ. До такой степени исконный губитель рода человѣческаго ослѣпилъ умъ, ожесточилъ сердце и опуталъ своими сѣтями чуждающихся св. Церкви, чтобы они не познали истины, не возникли отъ адскаго плѣна и не обратились на путь душевнаго спасенія!

О, сохрани насъ, Господи, отъ столь пагубнаго душевнаго состоянія! Пребудемъ, братіе, вѣрными православному ученію и руководству Церкви Христовой, неуклонно соблюдая святые уставы и учрежденія ея, тѣмъ паче, что, по ученію апостола Павла, Церковь

есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15), а мы испытываемъ, что она печется о насъ, какъ матерь о своемъ отрочати, и очевидно усматриваемъ изъ разногласія и растлѣннаго образа жизни отторгшихся отъ Церкви святой, что внѣ ограды ея суетна надежда на пріобрѣтеніе царства небеснаго. Содѣвая же душевное спасеніе со страхомъ Божіимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не престанемъ, братіе, возносить наши молитвы и воздыханія къ Богу, не хотящему смерти грѣшника: да смягчитъ своею благодатію ожесточеніе сердецъ чуждающихся св. Церкви; да озаритъ душевныя ихъ очи свѣтомъ истины и привлечетъ во ограду стада Христова, да и они съ нами славятъ пречестное и великолѣпное имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, во вѣки вѣковъ. Аминь.

О БОДРСТВОВАНІИ НАДЪ СОБОЮ ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Общество лицъ, окружающихъ насъ, имѣетъ на насъ неотразимое вліяніе. Впечатлѣнія, которыя мы отъ нихъ воспринимаемъ, иногда бываютъ такъ сильны и западаютъ въ сердце такъ глубоко, что измѣняютъ весь порядокъ нашей жизни. Кто не знаетъ примѣровъ, какъ подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній совершались важнѣйшія перемѣны въ мысляхъ и расположеніяхъ людей на цѣлую жизнь? Не говоримъ о мимолетныхъ и скоропреходящихъ радостяхъ и скорбяхъ жизни, которыя весьма часто зависятъ отъ нашей встрѣчи съ такими или другими людьми.

Но, чѣмъ сильнѣе на насъ вліяніе окружающихъ насъ людей, тѣмъ мы должны быть осторожнѣе въ этомъ отношеніи. И св. ап. Павелъ поучаетъ насъ бодрствовать надъ собою въ общественной жизни: *сіе убо глаголю и послушествую о Господѣ, ктому не ходити вамъ, якоже и прочіи языцы ходятъ въ суетѣ ума ихъ.... Тѣмже отложше лжу, глаголите истину кійждо ко искреннему своему: зане есмы другъ другу удове. Гнѣвайтеся и не согрѣшайте: солнце да не зайдетъ въ гнѣвѣ*

вашемъ. Ниже дадите мѣста діаволу. Крадый ктому да не крадетъ, но паче да труждается, дѣлая своима рукама благое, да имать подаяти требующему. Всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ: но точію еже есть благо къ созданію вѣры, да дастъ благодать слышащимъ (Ефес. 4, 17. 22—29).: Сообразно съ сими наставленіями Апостола, мы должны бодрствовать надъ нашими понятіями о справедливомъ и несправедливомъ: потому что легко впасть въ заблужденіе;—надъ нашимъ сердцемъ: потому что оно легко увлекается желаніями и страстями,—и надъ нашею совѣстію: потому что легко потерять миръ души и вмѣстѣ съ нимъ счастіе жизни.

Наше преуспѣяніе въ христіанскомъ благочестіи весьма много можетъ зависѣть отъ того, какія понятія мы имѣемъ объ истинномъ и добромъ; о справедливомъ и несправедливомъ. Между тѣмъ, сколько опасностей угрожаетъ намъ посреди міра въ этомъ отношеніи! Какъ рѣдко люди показываются здѣсь тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ! Какъ искусно и обольстительно порокъ прикрывается одеждою добродѣтели и какъ близко граничитъ истина съ ложью! Что такое извѣстный языкъ вѣжливости, какъ не усиленное соревнованіе превзойти другъ друга въ искусствѣ лицемѣрія и притворства! Начинается тѣмъ, что хотятъ сказать другъ другу пріятное слово, а оканчивается лестію и обманомъ. Не многіе предпочитаютъ чистоту и искренность бесѣды ея внѣшней занимательности. Остроуміе употребляетъ все свое искусство на то, чтобы показаться неистощимымъ въ изобрѣтеніи предметовъ бесѣды, и мало заботится о любви къ истинѣ, которую всякій долженъ питать и обнаруживать въ отношеніи къ своему ближнему. Все принесено въ жертву этому господ-

ствующему духу общества: правда и добродѣтель, чистѣйшіе союзы дружбы и нѣжнѣйшія привязанности. Нужно много вниманія къ самому себѣ и силы воли, чтобы, не колеблясь въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, сохранить тотъ образъ мыслей, который внушенъ намъ совѣстію и Евангеліемъ. Когда юноша еще помнитъ родительскіе уроки и упражняется въ наукахъ, возвышающихъ душу: то цѣль жизни стоитъ передъ его душею и часто даже слишкомъ строги его требованія къ себѣ и другимъ. Едва замѣтная черта безнравственности повергаетъ его въ стыдливость; открытое оскорбленіе истины возбуждаетъ въ немъ отвращеніе; насмѣшка надъ святыней приводитъ его въ негодованіе. Но вотъ онъ вступаетъ въ свѣтъ и удивляется его неожиданной снисходительности. Люди, которыхъ онъ привыкъ уважать, разсуждаютъ о вещахъ не такъ строго; отъ себя и отъ другихъ требуютъ не такъ много, и добродѣтель, набожность, благочестіе понимаютъ не всегда точно: мало по малу онъ спускается съ высоты, на которой стоялъ до того времени; понятія его помрачаются и равновѣсіе жизни теряется.

Сколько опасностей угрожаетъ сердцу, легко понять! Нѣкоторыя чувственныя желанія какбы дремлютъ въ нашей душѣ: но общественная жизнь съ своими удовольствіями возбуждаетъ ихъ. Нѣкоторыя страсти затихаютъ въ уединеніи, потому что нѣтъ предметовъ, которые бы могли возбудить ихъ: но обращеніе съ людьми часто зароняетъ опасную искру въ беззаботное сердце и воспламеняетъ плотскія похоти и страстныя желанія, которыя, вырвавшись изъ тайной засады, стремительно нападаютъ на насъ и дѣлаютъ насъ своими рабами. Въ предостереженіе насъ отъ сего, Апостолъ го-

воритъ: *гнѣвайтеся и не согрѣшайте. Солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ;* умѣряйте невольные порывы вашей души, охлаждайте горячность чувства, дабы оно не воскипѣло сверхъ мѣры, удерживайте впечатлительность, обуздывайте вспыльчивость, погашайте гнѣвъ уступчивостію и миролюбіемъ до захода солнечнаго, дабы, усилившись отъ продолжительности, онъ не перешелъ въ злобу и ненависть. Апостолъ назвалъ здѣсь только одну страсть: но чрезъ указаніе на одну онъ вызываетъ насъ къ бодрствованію надъ всѣми. Мірская жизнь есть поле, на которомъ страсти пустили глубокіе корни и растутъ со всею роскошью. Незамѣтно, какъ воздухъ, онѣ проникаютъ въ не охраняемое бдительностію сердце и разрушаютъ въ немъ теплую любовь къ добродѣтели. Вотъ почему нужна особенная бдительность надъ сердцемъ. Развратный человѣкъ, несчастный игрокъ, гдѣ они потеряли чувство семейныхъ радостей, любовь къ женѣ и дѣтямъ и повергли ихъ въ нищету и бѣдность? Спросите,—и они скажутъ, что потеряли ихъ въ дурномъ обществѣ, потому что ихъ слабое сердце не устояло противъ обольщеній страсти. Отвратительная жадность, которая повсюду раскидываетъ свои сѣти; зависть, которая мучится при видѣ чужаго счастія; животныя наслажденія, которыя подавляютъ въ человѣкѣ благороднѣйшія чувствованія и отравляютъ его жизнь и домашнее счастіе: всѣ эти страсти заражданотся и усиливаются въ различныхъ увеселеніяхъ мірской жизни. О, бодрствуйте надъ вашимъ сердцемъ въ вашемъ ежедневномъ обращеніи съ людьми: потому что оно легко увлекается желаніями, одолѣвается страстями.

Св. Апостолъ говоритъ, чтобы мы не терпѣли въ своемъ обществѣ діавола, а слѣд. и всѣхъ клевретовъ его — клеветниковъ, и тѣмъ предохраняетъ насъ отъ постыднаго обычая лжи и клеветы другъ на друга. Мы часто выслушиваемъ клевету съ величайшимъ участіемъ и вниманіемъ. Насъ обманываетъ суетность: мы думаемъ, что мы тѣмъ выше становимся въ цѣнѣ и достоинствѣ, чѣмъ ниже падаютъ другіе. Мы ловимъ съ жадностію каждое слово клеветника. Иногда намъ будто не вѣрится, что въ разсказѣ его есть правда; одно кажется намъ преувеличеннымъ, другое невѣроятнымъ; мы дѣлаемъ притворное возраженіе, но только затѣмъ, чтобы вызвать его къ сильнѣйшимъ доказательствамъ: жалкая насмѣшка надъ искренностію и истиною! Клевета не успѣетъ закрыть устъ, какъ мы съ поспѣшностію беремъ предательскую рѣчь и разносимъ ее по стогнамъ и распутіямъ. Все забыто. Въ нечестіи сердца и слова мы попираемъ ногами все священное, дружеское, братское; въ слѣпотѣ ума забываемъ, что, нападая такъ злобно на ближняго, мы похищаемъ у него лучшее благо жизни—доброе имя, забываемъ, что поднятое нами оружіе скоро обратится на насъ самихъ. Тайныя ковы наши откроются, и люди самые близкіе къ намъ станутъ презирать насъ. Нѣтъ, оставимъ отца лжи и клеветы чадамъ его: какъ сыны и наслѣдники Любви, да послѣдуемъ Ея гласу и примѣру. Бодрствуйте надъ вашею совѣстію, чтобы она не приняла участія въ преступленіяхъ, которыя разрушаютъ миръ и счастіе жизни. Убѣгайте отъ людей злоязычныхъ, которые находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы тайно чернить ближняго, и не вступайте съ ними ни въ какія связи и сношенія, заградите вашъ слухъ отъ клеветы. Мол-

чаніе или взоръ сострадания пусть будутъ для нея отвѣтомъ и наказаніемъ. Если же она чернитъ дорогое вамъ имя: то заградите ей уста строгимъ обличеніемъ. Наблюдайте за каждымъ своимъ словомъ и движеніемъ; будьте разборчивы въ удовольствіяхъ и каждый свой шагъ и поступокъ измѣряйте возможными ихъ послѣдствіями, чтобы клевета не имѣла никакого повода очернить ваше доброе имя. Избѣгайте самой видимости зла: потому что можно и другимъ повредить, и самому потерпѣть вредъ по одной неосторожности. При недостаткѣ благоразумія, самыя невинныя дѣйствія могутъ подать поводъ къ взаимнымъ огорченіямъ и непріязни: щадите чувствительность людей завистливыхъ и слабость души ихъ покрывайте любовію. Дѣйствуя такъ, сохраните тихій миръ совѣсти и пріобрѣтете отъ близкихъ любовь и отъ всѣхъ довѣріе и уваженіе.

Въ разсужденіи удовольствій общественной жизни долгъ христіанскаго званія требуетъ, чтобы мы выбирали ихъ съ благоразуміемъ, пользовались ими съ умѣренностію и освящали ихъ вѣрою.

Чистому все чисто: но самый чистый между смертными есть человѣкъ и, пока онъ въ тѣлѣ, слабъ и немощенъ. Поэтому надобно выбирать въ свѣтѣ удовольствія съ благоразуміемъ. Не всякое общество всегда благонравно и богобоязненно; и весьма часто то, что безвредно для одного, для другаго опасно. Итакъ, наблюдайте надъ собою. Испытайте и узнайте ваше сердце, съ его особливыми склонностями и направленіями. Веселая чаша, мимо которой одинъ проходитъ равнодушно, другаго влечетъ къ себѣ съ неодолимою силою. Человѣкъ съ крѣпкою душою или отъ природы надѣ-

ленный большимъ запасомъ медлительности и неподвижности минуетъ спокойно многія опасности: а у другаго кровь кипитъ при одномъ ихъ видѣ. Наблюдайте надъ собою. Если вы должны краснѣть отъ разговоровъ, которые господствуютъ въ вашемъ знакомомъ кругу; если юное сердце и горячая кровь приходятъ въ волненіе отъ такъ-называемыхъ невинныхъ удовольствій общественной жизни; если клевета принята въ одномъ домѣ съ вами и злой языкъ имѣетъ участіе въ вашей бесѣдѣ: то отъ сихъ знакомствъ и удовольствій вы ничего не пріобрѣтете для сердца и ума; напротивъ, потеряете тихій миръ души и веселую беззаботность невинности. Оставьте ихъ, — это враги вашего счастія временнаго и вѣчнаго.

Но и въ невинныхъ удовольствіяхъ необходимо наблюдать умѣренность. Постоянныя развлеченія производятъ въ душѣ разсѣянность и разслабленіе и лишаютъ человѣка власти надъ собою. Какъ легко тогда вырывается у насъ неосторожное слово! Откровенность переходитъ въ тщеславную болтливость, которая дѣлаетъ насъ измѣнниками дружескихъ тайнъ. Соревнованіе въ добрыхъ и полезныхъ дѣлахъ смѣняется стараніемъ превзойти другъ друга порокомъ. Съ лживымъ преувеличеніемъ мы хвалимся другъ передъ другомъ дурными склонностями и, очернивъ самихъ себя, чернимъ и нашихъ сообщниковъ въ удовольствіяхъ порока; какъ измѣняются понятія о чести и достоинствѣ человѣка! Нѣтъ, будьте умѣренны въ наслажденіяхъ даже позволенными удовольствіями, чтобы сохранить всегдашнюю готовность души къ подвигамъ христіанскаго званія.

Радости общественной жизни не должны отвлекать насъ отъ ежедневныхъ, неотразимыхъ нуждъ. Только глупые люди могутъ воображать, что мы живемъ для однихъ удовольствій. Въ странѣ труда и слезъ нельзя быть постоянно беззаботнымъ и веселымъ. Наше тѣло требуетъ пищи и одежды: но для снисканія ихъ нуженъ трудъ, часто растворяемый слезами. Несравненно бо́льшихъ заботъ требуетъ душа, для которой земная жизнь есть приготовленіе и путь къ вѣчности. Да и сама природа требуетъ нѣкоторой правильности въ наслажденіи позволенными удовольствіями. Непрерывныя сладостныя ощущенія ослабляютъ душу и, обратившись въ привычку, теряютъ свою пріятность. Но откажите себѣ въ нихъ на нѣкоторое время, и это воздержаніе возвратитъ вамъ потерянный вкусъ, а удовольствіямъ свѣжесть и пріятность. Этотъ законъ сохраняетъ свою силу и въ отношеніи къ тому роду удовольствій, которыя доставляетъ намъ общественное обращеніе. Мы должны безъ увлеченія выходить къ нимъ изъ нашего уединенія и безъ сожалѣнія оставлять ихъ, возвращаясь подъ свой мирный кровъ. Уединеніе и общество имѣютъ каждое свои пріятности, но получаютъ свою цѣну одно отъ другаго. Въ уединеніи мысль дѣйствуетъ свободнѣе, взглядъ становится свѣтлѣе, разсужденіе и оцѣнка вещей справедливѣе. Мы не бываемъ принуждены растекаться мыслію въ малое время по множеству предметовъ, развлекаться впечатлѣніями, иногда мало питательными для души, и на приличія свѣта мѣнять время и чувства, данныя намъ для лучшихъ цѣлей. Великія произведенія ума и высокія явленія нравственнаго характера зараждаются и созрѣваютъ въ уединеніи. Но и общественныя развлеченія могутъ благо-

творно дѣйствовать на душу. Онѣ возвращаютъ ей бодрость, подавленную трудомъ, освѣжаютъ силы, утомленныя напряженіемъ. Продолжительность труда увеличиваетъ сладость отдыха, а пріятность развлеченія возбуждаетъ горячность къ новому труду. Такъ уединеніе и общество должны смѣнять другъ друга въ нашей жизни, и оба будутъ намъ пріятны и любезны. Жалки тѣ люди, которые ничего не находятъ въ самихъ себѣ и своемъ домашнемъ кругу и ищутъ радостей только внѣ себя. Они преслѣдуютъ тѣнь, которая неуловима. Какъ должна быть бѣдна удовольствіями ихъ жизнь, потому что чистѣйшія радости живутъ въ тихомъ и непорочномъ сердцѣ!

Наконецъ, скажемъ еще слово объ удовольствіяхъ общественной жизни. Какъ все въ нашей жизни, они должны быть проникнуты вѣрою и отъ нея получать свое освященіе. Вѣра съ своею божественною силою должна всюду сопровождать насъ, всюду быть намъ присущей. И, если она постоянно освѣщаетъ нашу мысль и согрѣваетъ наше сердце, то мы безопасно пройдемъ путь жизни. Наши желанія будутъ ограничены, порывы чисты, душа полна, сердце спокойно, радости глубоки, удовольствіе неподдѣльно.

НЕ ПЕЦЫТЕСЯ НА УТРЕЙ.

Не пецытеся на утрей, утреній бо собою печется: довлѣетъ дневи злоба его (Матѳ. 6, 34).

Каждый, кто искренно преданъ своему долгу и добросовѣстно исполняетъ обязанности, возложенныя на него Богомъ, обществомъ и природою, безъ сомнѣнія, чувствуетъ всю силу словъ Спасителя: *довлѣетъ дневи злоба его.* Ибо нѣтъ такого состоянія, которое не было бы соединено съ безпрестанными своего рода заботами, и нѣтъ такого человѣка, который бы, благоразумно дѣйствуя въ своемъ состояніи, не имѣлъ у себя ежедневныхъ заботъ. Забота столь же тѣсно сопряжена со всякимъ дѣломъ и всякою обязанностію, какъ тѣнь съ освѣщеннымъ тѣломъ, какъ дыханіе съ воздухомъ. День исполненія дѣла есть день заботъ и, наоборотъ, день съ заботами есть день дѣловой. Но что слѣдуетъ изъ столь общеизвѣстной истины? Божественный Наставникъ нашъ, Господь Іисусъ Христосъ указываетъ намъ правило, которое прямо вытекаетъ изъ этой истины: *не пецытеся убо на утрей,* говоритъ Онъ. Если съ теченіемъ времени каждый день приноситъ намъ новыя заботы: то для чего намъ сегодня, помимо настоящаго, посвящать себя заботамъ дня завтрашняго? Если попеченія текущаго дня требуютъ всего нашего вниманія и дѣятельности всѣхъ нашихъ силъ и способ-

ностей: то для чего намъ увеличивать бремя настоящаго попеченіемъ о будущемъ? Какъ легко понять, что дѣлать это и не благоразумно, и не безопасно, а между тѣмъ, какъ не многіе помнятъ и исполняютъ это въ своей жизни! Если же иные изъ людей не подлежатъ сему упреку: то, къ сожалѣнію, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые не хотятъ знать никакихъ дѣльныхъ заботъ, предаваясь безразсудной праздности и гибельной безпечности; они живутъ въ одномъ настоящемъ, не заботясь о днѣ завтрашнемъ, но столь же мало заботятся и о днѣ сегодняшнемъ, живутъ жизнію людей чувственныхъ, почитающихъ беззаботное существованіе самымъ высшимъ удѣломъ человѣка, или лучше, живутъ жизнію безсловесныхъ тварей, такъ, какбы вовсе не было для насъ никакого будущаго. Это жалкая крайность, противная самой природѣ души человѣческой. Человѣкъ, существо мыслящее и свободное, тогда особенно и являетъ свое превосходство предъ тварями неразумными, когда не живетъ въ одномъ настоящемъ, не преданъ текущей минутѣ и дѣйствующимъ на него въ сію минуту впечатлѣніямъ, но простираетъ умственный взоръ свой и на прошедшее, и на будущее, когда устрояетъ судьбу свою согласно съ своими природными способностями и волею Божіею не только на нѣсколько дней и лѣтъ впередъ, но своею доброю нравственностію полагаетъ основаніе и вѣчному своему блаженству. Что же означаетъ сказанное изреченіе Спасителя: *не пецытеся убо на утрей*? Заповѣдуя оставить попеченіе о днѣ завтрашнемъ, Господь повелѣваетъ не забывать о днѣ настоящемъ, запрещаетъ уноситься излишнею заботливостію въ будущее съ ущербомъ и вредомъ для нашихъ ежедневныхъ, насущныхъ обязан-

ностей, предохраняетъ насъ отъ другой не менѣе жалкой крайности — мечтательности и разсѣянности. *Не пецытеся убо на утрей, утренній бо собою печется: довлѣетъ дневи злоба его* (Матѳ. 6, 34).

Не пецытеся убо на утрей. Чтó заставляетъ васъ обращаться мыслями и сердцемъ къ будущему, оставляя настоящія неизбѣжныя ваши заботы? Все, чтó окружаетъ васъ или составляетъ вашу собственность, вамъ не нравится; все дѣйствительное вамъ кажется не такъ хорошимъ, какимъ представляется все возможное; вы считаете себя достойными бóльшаго, нежели чѣмъ теперь владѣете, чѣмъ Промыслъ Божій одарилъ васъ въ настоящую минуту. Такова у большей части людей бываетъ причина излишней заботливости о днѣ завтрашнемъ, соединенная съ нерадѣніемъ о днѣ текущемъ! Во многихъ людяхъ эта заботливость, обратившись въ навыкъ, производитъ то, что они никогда не живутъ въ дѣйствительныя минуты своей жизни, но всегда живутъ душею своею въ будущемъ, сегодня въ завтрашнемъ днѣ, завтра въ послѣзавтрашнемъ, и т. д. Исполнивъ одно желаніе и достигнувъ одной цѣли, легкомысліе ихъ созидаетъ другія новыя и забываетъ о томъ, чего прежде столько домогалось. Недовольство настоящимъ овладѣваетъ ихъ душею, дѣлается болѣзнію ихъ сердца и, причиняя имъ непрестанное мученіе, уподобляетъ ихъ путнику, который мучится отъ жажды на берегу свѣтлаго ручья, потому что постоянно отыскиваетъ удобнѣйшаго мѣста для утоленія своей жажды, не довольствуясь тѣмъ, что предъ самыми его глазами. Посмотрите и вы, недовольные своимъ настоящимъ состояніемъ: не находитесь ли вы точно въ такомъ же положеніи? Не это ли самое стремленіе къ

благамъ только возможнымъ уменьшаетъ въ вашихъ глазахъ цѣну благъ дѣйствительныхъ, которыми Господь наградилъ васъ? Не желаніе ли *создать большія житницы* обманываетъ васъ на счетъ тѣхъ, какія уже есть у васъ? Опасайтесь: это корыстолюбивое желаніе можетъ довести до погибели душу вашу, какъ случилось съ богачемъ, упоминаемымъ въ Евангеліи (Лук. 12, 16—21). Не желаніе ли быть выше своего положенія заставляетъ васъ не довольствоваться своими природными дарованіями и настоящими своими обстоятельствами? Опасайтесь, чтобы это горделивое желаніе не лишило васъ дарованнаго вамъ по достоинству вашему *рая сладости*, какъ было съ первозданными нашими прародителями (Быт. 3, 5). Не желаніе ли чрезмѣрнаго угожденія своей чувственности побуждаетъ васъ, не довольствуясь своимъ, простирать взоры и руки на чужое? Смотрите, это сластолюбивое желаніе можетъ лишить васъ и того, чѣмъ вы теперь обладаете, какъ случилось съ нечестивымъ царемъ израильскимъ Ахаавомъ и женою его Іезавелью (3 Цар. гл. 21). Снимите покрывало, омрачающее душу вашу, и вы увидите, что строите пустые планы на развалинахъ своего дѣйствительнаго блага; посмотрите внимательнѣе вокругъ себя, и вы навѣрное въ самомъ настоящемъ состояніи своемъ откроете источники радостей, которые остаются вамъ неизвѣстными по причинѣ постоянныхъ мечтаній о будущемъ; пользуйтесь своимъ настоящимъ, какъ дѣти, не уносясь далеко въ будущее, и многихъ лишнихъ горестей не будетъ у васъ, много дѣйствительныхъ радостей прибудетъ у васъ. Ибо нѣтъ такого состоянія, въ которомъ не было бы ничего отраднаго, ничего успокоительнаго и утѣшительнаго для человѣка; нѣтъ

состоянія совершенно ни къ чему негоднаго; а главное, нѣтъ такого состоянія, въ которомъ нельзя было бы дѣлать добро и быть полезнымъ членомъ общества. Часто самъ человѣкъ бываетъ ниже своего состоянія; чаще все окружающее, которымъ человѣкъ бываетъ недоволенъ, имѣетъ полное право быть недовольно имъ самимъ. Посему, вмѣсто того, чтобы преждевременно считать себя достойнымъ лучшей будущности, прежде всего не должно ли человѣку заботиться о томъ, чтобы быть достойнымъ своего настоящаго состоянія? Почувствовавъ недовольство своимъ настоящимъ, недовольство, которое одно, конечно, не даетъ никакого права на лучшую будущность, не долженъ ли каждый спросить себя: исполнилъ ли я сегодня все, что требуется отъ меня моимъ настоящимъ положеніемъ въ отношеніи къ Богу, къ ближнимъ моимъ и къ самому себѣ? Воздалъ ли я всю дань любви и благодарности Отцу небесному, который даровалъ мнѣ жизнь и въ каждую минуту хранитъ ее, такъ что каждое дыханіе мое есть новый даръ Его благости, каждое мгновеніе моего бытія есть выраженіе любви Его ко мнѣ, требующей съ моей стороны ежечасныхъ и ежеминутныхъ чувствованій благоговѣнія и непрестанной молитвы (1 Сол. 5, 17)? Все ли добро доставилъ я ближнимъ своимъ, какое могъ доставить по дарованнымъ отъ Бога силамъ и средствамъ своимъ, и не упустилъ ли хотя одного случая сдѣлать имъ благодѣяніе или предохранить ихъ отъ какого нибудь зла, случая, который въ другой разъ, можетъ быть, и не представится, и за упущеніе котораго я буду виновенъ предъ Богомъ и ближними? И по отношенію къ самому себѣ, такъ ли я внимателенъ, чтобы каждая моя мысль клонилась

къ добру, къ постепенному усовершенствованію природныхъ моихъ силъ и способностей; не зарылъ ли я въ землю хотя одинъ талантъ или какую либо часть таланта, дарованнаго мнѣ отъ Верховнаго Владыки для безпрестаннаго приращенія и умноженія (Матѳ. 25, 25—27)? О, еслибы мы надлежащимъ образомъ вникли во всю глубину и широту нашихъ существенныхъ обязанностей, лежащихъ на насъ постоянно, и захотѣли исполнять ихъ не по одной наружности и не слушаясь нашей слабости и самолюбія: то увидѣли бы, что каждая минута, посвященная излишнимъ заботамъ о будущемъ, есть истинная потеря въ настоящемъ, каждая мечта о завтрашнемъ днѣ непремѣнно есть нѣкоторое нарушеніе нашего долга въ день нынѣшній, — уразумѣли бы, что и безъ попеченія о времени, еще только ожидающемъ насъ, для насъ очень, очень довольно попеченій въ минуты настоящія, что именно для каждаго дня, какъ говоритъ Спаситель, довольно своей собственной заботы: *довлѣетъ дневи злоба его*.

Не пецытеся убо на утрей. Что̀ увлекаетъ мысли ваши въ будущее и отторгаетъ отъ настоящаго, въ которомъ вы существуете? Не правда ли, что бо̀льшая часть вашихъ заботъ происходитъ изъ опасенія—подвергнуться непріятнымъ послѣдствіямъ вашихъ же собственныхъ слабостей, вкусить горькіе плоды вашихъ страстей, пріобрѣтенныхъ въ прошедшей жизни, вашей несправедливости къ другимъ и къ самимъ себѣ, или просто одного легкомыслія, которое часто ведетъ къ такимъ же дурнымъ слѣдствіямъ, какъ и самые пороки? Несчастный примѣръ другихъ подобныхъ вамъ людей, которыхъ дурныя ихъ наклонности довели до дурнаго конца, находится у васъ въ свѣжей памяти

и внушаетъ невольный страхъ и за вашу будущность. Ваша собственная совѣсть говоритъ вамъ о дѣлахъ и мысляхъ, которыя, можетъ быть, остались незамѣтными и неизвѣстными для другихъ, но запечатлѣлись чернымъ пятномъ на душѣ вашей, и заставляетъ васъ подумать, что̀ выйдетъ изъ того впослѣдствіи времени. Подлинно, все, посѣянное въ настоящее время, должно возрасти въ будущемъ; зло, неосторожность, ошибка, сдѣланныя или допущенныя сегодня, непремѣнно отродятся завтра, если же не завтра, то послѣ завтра, и т. д., и притомъ часто отрождаются, какъ худая трава на плодоносной почвѣ, съ избыткомъ пагубныхъ послѣдствій. Вы вполнѣ понимаете и чувствуете это; ваше воображеніе живо представляетъ все, что̀ еще не случилось, но можетъ случиться; ваше сердце уже сжимается отъ заботы, тяжкой и мучительной заботы о томъ: что-то будетъ, что-то выйдетъ изъ вашихъ собственныхъ дѣяній? Но когда уже у васъ не достало страха—совершить грѣхъ или допустить неосторожность въ началѣ: то какую пользу принесетъ вамъ позднее опасеніе горькихъ послѣдствій ихъ въ будущемъ? Остановитъ ли оно, или предовратитъ ли раскрытіе плодовъ дурнаго сѣмени, посѣяннаго вами въ вашей жизни? Нѣтъ, и да: нѣтъ, если вы останетесь при одномъ болѣзненномъ ожиданіи послѣдствій зла, а сами будете продолжать дѣлать тоже, что и прежде; да, если это опасеніе, это еще оставшееся въ васъ доброе чувство страха предъ грѣхомъ и его *оброками* (Римл. 6, 23), вы обратите въ оружіе противъ самаго грѣха. Посему, вмѣсто того, чтобы безплодно помышлять о послѣдствіяхъ своихъ невольныхъ или произвольныхъ слабостей, не слѣдуетъ ли лучше обратить свою заботливость

на самую причину опасенія? Если въ васъ самихъ скрывается сѣмя зла, которое можетъ принести гибельные плоды: то постарайтесь немедленно вырвать его изъ своего сердца, пока оно еще не пустило глубокихъ корней, исправить дурную наклонность, пока она еще не совсѣмъ овладѣла вашею душею, побороться съ порочными движеніями своей воли, пока они не обратились въ несокрушимый навыкъ и пагубную страсть. Здѣсь-то нужно употребить все возможное попеченіе, чтобы не дозволить своимъ слабостямъ управлять нами, но самимъ управлять ими; здѣсь-то для васъ дорогà должна быть каждая минута, чтобы не оставить какой нибудь дурной стороны въ душѣ своей не замѣченною и не исправленною, чтобы не опустить какого либо средства или случая дѣйствовать противъ всѣхъ слабостей вмѣстѣ и каждой порознь, чтобы, пощадивъ которую нибудь изъ нихъ сегодня, не остаться самому рабомъ ея навсегда. Въ настоящемъ поврежденномъ состояніи нашемъ каждая мысль ума требуетъ бодрствованія, при каждомъ движеніи сердца должно стоять на стражѣ заботливое попеченіе, дабы они не уклонились на сторону зла вмѣсто добра и не принесли плодовъ горькихъ вмѣсто ожидаемыхъ отъ нихъ плодовъ сладкихъ. Ибо вспомните, съ какою быстротою возрастаетъ зло въ сердцѣ человѣческомъ, слишкомъ воспріимчивомъ для зла; не годы нужны для его раскрытія, не мѣсяцы и дни: одна минута часто бываетъ достаточна для того, чтобы склонность, теперь едва замѣтная въ насъ, сдѣлалась неисцѣльною, чтобы страсть, теперь едва совращающая насъ съ пути добродѣтели, совершенно ослѣпила насъ, чтобы даже искра зла, едва тлѣющая въ нашемъ сердцѣ, обратилась въ пламень,

не угасимый въ цѣлой вѣчности. Вспомните все это, и вы увидите, какъ опасно терять время въ безполезномъ попеченіи о будущемъ, какъ дорого для васъ настоящее для вашего же блага и спасенія отъ вашихъ же собственныхъ недуговъ, какъ много предстоитъ вамъ совершать въ каждую минуту дня текущаго, не заботясь о днѣ завтрашнемъ. *Довлѣетъ дневи злоба его.*

Не пецытеся убо на утрей. Что, наконецъ, побуждаетъ васъ переноситься мыслями своими въ будущее, помимо времени текущаго, сегодняшняго? Самая неизвѣстность будущаго, неизвѣстность того, что случится съ нами послѣ сегодня, въ день будущій, даже только завтрашній. Будущность часто приноситъ съ собою такія событія, которыхъ мы вовсе и не воображали, а иногда приноситъ даже совершенно противное тому, чего надѣялись и ожидали. Смѣна дней за днями и однихъ обстоятельствъ за другими увлекаетъ насъ, подобно какъ потокъ увлекаетъ песчинки, такъ что мы и не знаемъ, съ какими переворотами она понесетъ насъ впередъ по потоку времени и куда, наконецъ, вынесетъ утлый челнокъ нашей жизни. Неужели же намъ предаваться этому потоку беззаботно? Неужели не приготовлять себя къ встрѣчѣ непредвидимыхъ обстоятельствъ предварительнымъ размышленіемъ, предугадательною мыслію? Такъ спрашиваютъ многіе изъ людей, а еще большая часть такъ дѣйствуетъ въ своей жизни. Но вмѣсто отвѣта на такой образъ мыслей, спросимъ себя: будущія непредвидимыя обстоятельства сдѣлаются ли для насъ болѣе извѣстными, чѣмъ болѣе мы станемъ объ нихъ думать и заботиться? Можемъ ли мы, при всѣхъ своихъ усиліяхъ и напряженіяхъ, разгадать ихъ, когда они не предвидимы и не-

ожиданны? И слѣдовательно, пецись о неизвѣстномъ будущемъ на томъ основаніи, что оно неизвѣстно, не значитъ ли нелѣпо отвергать его неизвѣстность или усиливаться стать выше своей природы, ограниченной опредѣленнымъ временемъ? Мы можемъ простирать свой умственный взоръ не только на время завтрашнее, но и въ самую отдаленную будущность: а въ самомъ дѣлѣ мы рабы настоящаго, которымъ принадлежитъ одно текущее мгновеніе; какъ прошедшее уже не наше, потому что оно уже прошло и не въ нашихъ силахъ возвратить его: такъ и будущее не наше, потому что оно еще не пришло и находится въ десницѣ Того, который *положилъ времена и лѣта въ своей власти* (Дѣян. 1, 7). Потому и всѣ наши попеченія о будущемъ—что иное, какъ не одни мечты и предположенія, которыя въ существѣ своемъ не уясняютъ намъ, что родитъ намъ *находяй день* (Притч. 27, 1), а въ отношеніи къ намъ самимъ могутъ быть гораздо опаснѣе, нежели одна только потеря времени текущаго? Ибо, уносясь мыслями въ будущее, мы или мечтаемъ о счастливыхъ послѣдствіяхъ своихъ дѣлъ и начинаній, созидаемъ великолѣпные планы счастливой будущности, или предаемся ожиданію непредвидѣнныхъ несчастій, которыя могутъ разстроить наше настоящее состояніе, но могутъ никогда не случиться. Что же, если воображаемое благополучіе не будетъ нашимъ удѣломъ? Въ такомъ случаѣ наша мечтательность, которая и сама по себѣ есть одна изъ опаснѣйшихъ болѣзней души, располагающая къ праздности и разсѣянности, приведетъ насъ къ горькому разочарованію. Во второмъ случаѣ, если вмѣсто ожидаемаго бѣдствія будущее пройдетъ для насъ благополучно, мы, зна-

чить, преждевременно навлекаемъ на себя мнимыя скорби, изнуряемъ свою душу напрасными страданіями. Но во всякомъ случаѣ, излишняя забота о будущемъ есть признакъ души самолюбивой и маловѣрной; худо же готовится къ неизвѣстному будущему тотъ, кто идетъ на встрѣчу къ нему съ такими чувствованіями; не много хорошаго можетъ ожидать себѣ отъ будущаго тотъ, кто не знаетъ или не помнитъ самыхъ простыхъ уроковъ смиренія и вѣры касательно будущности. Будущее неизвѣстно: но извѣстно то, что никакія заботы наши не могутъ разгадать тайны будущаго и разрѣшить для насъ вопроса, что постигнетъ насъ въ теченіе времени; тѣмъ менѣе могутъ онѣ предотвратить что-нибудь изъ ожидающихъ насъ непредвидимыхъ событій: ибо опытъ прошедшаго и настоящаго доказываетъ, что часто непредвидѣнный случай разрушаетъ заботы годовъ и цѣлыхъ десятилѣтій; и св. Апостолъ Іаковъ говоритъ: *вы не вѣсте, что утрѣ случится: кая бо жизнь ваша; пара бо есть, яже вмалѣ является, потомъ же исчезаетъ* (Іак. 4, 14). Будущее неизвѣстно: но извѣстно то, что у насъ есть высшій Промыслъ, который управляетъ всѣмъ будущимъ, также, какъ прошедшимъ и настоящимъ, и котораго *судове неиспытани и путіе неизслѣдовани* (Римл. 11, 33); все то, чего мы сами ни видѣть, ни предотвратить не можемъ, есть Его дѣло по отношенію къ намъ; Онъ по своей премудрости и благости подастъ всѣмъ со скорбію и утѣшеніе, съ тѣнію свѣтъ, съ розами и терніе, и всегда устрояетъ нашу участь лучше, нежели мы сами при всѣхъ своихъ заботахъ. Неизвѣстно будущее: но извѣстно и несомнѣнно то, что для насъ самихъ оно принесетъ и постоянно будетъ

приносить новыя и новыя заботы; заботы настоящаго дня смѣнятся заботами дня завтрашняго и, можетъ быть, труднѣйшими и тягчайшими, которыя никакъ нельзя будетъ совмѣстить съ заботами дня нынѣшняго. *Утренній бо собою печется*, говоритъ Спаситель.

Итакъ, заповѣдуя намъ не пещись о днѣ завтрашнемъ, Господь обращаетъ наше вниманіе къ кругу ежедневныхъ существенныхъ нашихъ обязанностей, научаетъ сочетавать настоящее съ будущимъ, надлежащимъ образомъ раздѣляя между ними заботы и дѣла свои. «Не мѣняйте вѣрнаго настоящаго на неизвѣстное будущее, но съ усердіемъ употребляйте текущее время на удовлетвореніе своихъ насущныхъ потребностей, на исправленіе недостатковъ прошедшаго и на достойное приготовленіе къ будущему; все остальное предоставьте Тому, кто неусыпно промышляетъ о васъ во всѣ минуты вашей жизни, благословляетъ успѣхомъ добрыя дѣла ваши и изъ самаго зла, вами сдѣланнаго или допущеннаго, можетъ извлекать добро для васъ самихъ и для другихъ, если только излишнія и недостойныя заботы ваши о будущемъ не воспрепятствуютъ совершиться благой о васъ волѣ Существа всевидящаго и премудраго». Вотъ урокъ, преподанный всѣмъ намъ Божественнымъ Учителемъ въ краткихъ и простыхъ словахъ: *не пецытеся убо на утрей, утренній бо собою печется: довлѣетъ дневи злоба его*,—урокъ, исполненіе котораго, поистинѣ, можетъ каждому доставить то отрадное спокойствіе въ желаніяхъ и чувствованіяхъ, тотъ душевный миръ во всѣхъ обстоятельствахъ и перемѣнахъ жизни, которые составляютъ удѣлъ людей истинно мудрыхъ и истинно счастливыхъ!

СМЕРТЬ ПРАВЕДНИКА.

Съ какой бы стороны ни смотрѣли мы на смерть, она всегда представляетъ много страшнаго для человѣка. Смерть есть разлученіе со всѣмъ, что для насъ дорого и любезно; есть какбы нѣкоторое разрушеніе насъ самихъ: потому, сколько бы ни была прискорбна жизнь для самаго несчастнаго изъ людей, онъ всегда желаетъ лучше жить, чѣмъ умереть. Еще страшнѣе смерть по своимъ послѣдствіямъ: за нею послѣдуетъ судъ, опредѣляющій нашу вѣчную участь къ небесному блаженству или къ адскимъ мученіямъ. Все это всегда дѣлало смерть страшною даже для величайшихъ праведниковъ. Впрочемъ, при всѣхъ ужасахъ смерти, умирающій праведникъ всегда находитъ довольно предметовъ, способныхъ успокоить его послѣднія минуты: мысль о томъ, что смерть полагаетъ конецъ всѣмъ его бѣдствіямъ; представленіе жизни, проведенной въ благочестіи; твердое упованіе ожидающей его награды на небесахъ,—вотъ что успокоиваетъ праведника и дѣлаетъ смерть его вожделѣнною для всякаго христіанина и драгоцѣнною предъ очами Божіими. *Честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ его* (Пс. 115, 6)!

Какъ многочисленны и разнообразны бѣдствія, какимъ подвергается человѣкъ въ настоящей жизни! *Человѣкъ рожденъ отъ жены малолѣтенъ и исполнь гнѣва* (скорбей), говоритъ Іовъ (14, 1). Есть бѣдствія тѣлесныя: изнуреніе голодомъ или жаждою, утомленіе отъ трудовъ, ослабленіе отъ болѣзней. Есть бѣдствія душевныя: удрученіе скорбію, возмущеніе страхомъ, отягощеніе печалію, напрасное исканіе спокойствія среди самаго счастія. Есть бѣдствія внѣшнія, каковы: превратности судьбы, потеря имѣнія, измѣна друзей, преслѣдованія враговъ, насмѣшки и презрѣніе, которымъ часто подвергается праведникъ за благочестіе. Есть бѣдствія внутреннія: искушенія, представляемыя врагами нашего спасенія, постоянныя опасности, среди которыхъ можно погубить свою душу и плоды многолѣтнихъ подвиговъ духовныхъ. Можно сказать, что *хотящихъ благочѣстно жити о Христѣ Іисусѣ бѣды* отвсюду окружаютъ: *бѣды* въ счастіи, всего чаще увлекающемъ къ надменію и богопротивной гордости; *бѣды* въ несчастіи, всего легче располагающемъ къ унынію и отчаянію; *бѣды* въ обществѣ, способномъ увлечь и развратить худыми примѣрами и ложными правилами человѣка самаго мудраго; *бѣды* въ уединеніи, которое никогда не избавляетъ насъ отъ нападеній исконнаго врага нашего діавола и въ которомъ всегда съ нами собственный врагъ нашъ — наша плоть, противляющаяся духу и Божію закону. Увы! всѣ мы носимъ благодать Божію въ скудельныхъ сосудахъ, готовыхъ каждую минуту разбиться. Смерть освобождаетъ праведника отъ всѣхъ бѣдствій жизни: она полагаетъ конецъ его скорбямъ и осушаетъ его слезы; она избавляетъ его отъ всѣхъ опасностей и приводитъ къ ти-

кому пристанищу спасенія. Съ какою радостію видитъ этотъ человѣкъ, что *пришельствію* его пришелъ уже конецъ давно желаемый! Какъ странникъ, перенесшій много затрудненій и опасностей во время своего продолжительнаго или кратковременнаго путешествія, радостно вспоминаетъ о пути благополучно пройденномъ: такъ и умирающій праведникъ, подобно страннику жившій въ здѣшнемъ мірѣ, съ удовольствіемъ видитъ себя при концѣ своего земнаго поприща. Онъ уже не чувствуетъ больше ни тягостей, ни трудовъ, которые терпѣлъ: онъ, напротивъ, видитъ въ нихъ источникъ вѣчнаго утѣшенія, потому что онъ переносилъ ихъ съ терпѣніемъ. Онъ видитъ, что Богъ оставлялъ его въ горнилѣ испытаній для того, чтобы болѣе приблизить его къ Себѣ; что скорби и гоненія, которымъ онъ подвергался отъ враговъ, служили только къ большему упражненію и усовершенію его въ благочестіи. Какое утѣшеніе доставляютъ ему теперь побѣды, одержанныя имъ, при помощи благодати Божіей, надъ всѣми своими противниками—діаволомъ, міромъ и плотію! Восторжествовавъ надъ ними, онъ уже не боится болѣе ихъ козней и нападеній: смерть прекращаетъ всѣ его бѣдствія и всякій страхъ бѣдствій и прелагаетъ печаль его на радость, радость вѣчную, которой никто у него не отниметъ.

Воспоминаніе о жизни, проведенной въ страхѣ Божіемъ, служитъ также источникомъ утѣшенія для праведника при его кончинѣ. Что бы ни имѣлъ человѣкъ въ жизни, чѣмъ бы ни наслаждался онъ, какъ бы ни былъ онъ славенъ, — все, всѣ богатства, всѣ наслажденія, всякую житейскую славу придется оставить ему, оставляя жизнь: *дѣла* благочестія—вотъ единственныя

блага, которыя всегда остаются у людей и которыхъ смерть, при всей своей жестокости, не можетъ отнять у нихъ: *дѣла ихъ ходятъ въ слѣдъ за ними* (Апок. 14, 13). Мысль объ этихъ-то дѣлахъ предстаетъ праведнику въ послѣднюю минуту, къ успокоенію его противъ ужасовъ смерти. Онъ знаетъ, что эти добродѣтели записаны въ книгѣ жизни и что Богъ твердо памятуетъ о нихъ: поэтому, съ какимъ умиленіемъ и благодарностію къ Богу вспоминаетъ онъ о своихъ подвигахъ покаянія, поста и умерщвленія плоти, о милостынѣ, какую подавалъ бѣднымъ отъ праведныхъ трудовъ своихъ, о постоянномъ пребываніи въ молитвѣ, о благоговѣйномъ принятіи таинствъ, о посильномъ стремленіи быть вѣрнымъ всякому долгу, внушаемому вѣрою. Тогда только онъ начинаетъ вполнѣ понимать цѣну добровольной нищеты, уничиженія, терпѣнія, страданій за имя Христово и полной преданности въ волю Божію. Правда, отходя отъ міра, онъ оставляетъ всѣ блага и наслажденія міра: но онъ и не прилагалъ къ нимъ никогда своего сердца, и, если по милости Божіей имѣлъ ихъ, то, по заповѣди, пользовался ими, какбы не пользуясь ими (1 Кор. 7, 31): какую же привязанность можетъ онъ чувствовать ко всѣмъ этимъ предметамъ въ то время, когда нужно оставить ихъ? Подобно тому же Апостолу, онъ впродолженіе всей своей жизни готовился къ смерти, добровольно отказываясь отъ всѣхъ преходящихъ благъ жизни: *по вся дни умираю* (1 Кор. 15, 31): можетъ ли же онъ печалиться, лишаясь ихъ? Подобно царю и пророку Давиду, онъ никогда ничего не желалъ ни на небѣ, ни на землѣ, кромѣ Бога, которому служилъ во всѣ дни своей жизни: *что ми есть на небеси, и отъ тебе что вос-*

хотѣхъ на земли? Исчезе сердце мое и плоть моя: Боже сердца моего, и часть моя Боже во вѣкъ (Пс. 72, 25. 26). Потому и не страшится онъ часа смерти, а напротивъ, еще молится о приближеніи его, *желаніе имый разрѣшитися и со Христомъ быти* (Филип. 1, 23): *увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися* (Пс. 119, 5); *скажи ми Господи кончину мою, и число дней моихъ кое есть, да разумѣю, что лишаюся азъ* (Пс. 38, 5); *когда пріиду и явлюся лицу Божію* (Пс. 41, 3)? *Кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ, и полещу и почію* (Пс. 54, 7)?

Новое утѣшеніе для праведника, при его успеніи, представляетъ надежда блаженнаго воздаянія ему за гробомъ. Въ сей надеждѣ удостовѣряютъ его, съ одной стороны, смиренная память добраго подвига, которымъ онъ подвизался въ жизни, съ другой—вѣрность Божія въ награжденіи всѣхъ, любящихъ Его, и сила благодати и молитвы, какими напутствуетъ его Церковь. Умирающій праведникъ съ точностію соблюдалъ заповѣди Господни, вѣрно исполнялъ обязанности своего званія, слѣдовалъ уставамъ церковнымъ, распиналъ *плоть* свою *со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24), употреблялъ всѣ усилія, чтобы восхитить царствіе Божіе (Матѳ. 11, 12), стяжать вѣнецъ, обѣщанный тѣмъ, кто законно подвизался; онъ былъ бѣденъ среди изобилія, смирялся среди почестей; до конца претерпѣлъ всѣ бѣды, гоненія, лишенія, страданія ради имени Божія, чтобы спастись; онъ зналъ, что подъ этими только условіями обѣщано небесное царство. Итакъ, онъ можетъ сказать, подобно Апостолу: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ: прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ мнѣ Господь въ день онъ, праведный*

судія (2 Тим. 4, 7. 8),—потому что и Апостолъ прибавилъ къ сему еще: *не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе его*. Праведникъ тѣмъ съ большимъ дерзновеніемъ можетъ надѣяться на полученіе этого безсмертнаго вѣнца, что онъ подвизался для Бога, вѣрнаго въ обѣтованіи рабамъ своимъ. Я знаю, можетъ онъ присовокупить съ тѣмъ же Апостоломъ,—знаю, Кому я ввѣрялъ себя: *вѣмъ, емуже вѣровахъ* (2 Тим. 1, 12). И увѣренъ я, что Господь можетъ и хочетъ сохранить залогъ мой до того дня, когда я долженъ явиться предъ Нимъ: *извѣстихся, яко силенъ есть предаріе мое сохранити въ день онъ* (2 Тим. 1, 12). Правда, на пути благочестія благочестивый человѣкъ не изъятъ былъ отъ грѣхопаденій: но его успокоиваетъ то, что онъ всегда приносилъ въ нихъ чистое покаяніе, и что Богъ милостивъ къ сердцу сокрушенному и смиренному. Я согрѣшилъ, вопіетъ праведникъ, умирая,—я согрѣшилъ, великій Боже!—но уповаю, что Ты благъ и простилъ мнѣ грѣхи мои. Если твое правосудіе еще зритъ во мнѣ нечистоты грѣховныя: воззри на лице возлюбленнаго Сына своего, просящаго мнѣ благодати: *призри на лице Христа твоего* (Пс. 83, 10). Какъ много основаній для своей надежды и утѣшенія находитъ въ сладчайшемъ Іисусѣ тотъ, кто всегда любилъ Его и ходилъ по заповѣдямъ и оправданіямъ Его!

Святая Церковь, какъ чадолюбивая мать, съ своей стороны представляетъ своему вѣрному сыну, отходящему *въ путь всея земли* (3 Цар. 2, 2), твердое увѣреніе въ его блаженномъ предназначеніи, напутствуя его въ послѣднія минуты жизни св. таинствами и молитвами. Какъ во всей своей жизни праведникъ съ благоговѣніемъ приступалъ къ таинствамъ и не вотще

сподоблялся благодати ихъ: то Богъ, въ воздаяніе за такое его благочестіе, даруетъ ему эту благодать и при смерти. Въ таинствѣ покаянія онъ очищаетъ себя отъ грѣховъ; въ таинствѣ елеосвященія совершенно врачуется отъ нихъ; въ таинствѣ причащенія пріемлетъ несомнѣнный залогъ милости Божіей и вѣчной жизни, и вступаетъ въ послѣднее и дальнее странствіе, уже ни мало не страшась *страшныхъ путей и истязаній* князя власти воздушныя. Потому и можетъ говорить онъ съ Давидомъ: *просвѣти очи мои, да не когда усну въ смерть, да не когда речетъ врагъ мой: укрѣпихся на него* (Пс. 12, 4. 5); *аще пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко ты со мною еси: жезлъ твой и палица твоя, та мя утѣшиста. Уготовалъ еси предо мною трапезу сопротивъ стужающимъ мнѣ: умастилъ еси елеомъ главу мою, и чаша твоя упоевающи мя яко державна: милость твоя поженетъ мя вся дни живота моего, и вже вселитимися въ домъ Господень, въ долготу дній* (Пс. 22, 6). Къ предсмертнымъ молитвеннымъ желаніямъ праведника присоединяется молитвенный голосъ посылаемаго къ нему Церковію служителя вѣры; онъ молитъ Владыку Господа Вседержителя, Отца Господа нашего Іисуса Христа, не хотящаго смерти грѣшному, но обращенія и жизни, разрѣшить его отъ всякія клятвы, оставить ему всѣ прегрѣшенія, принять въ миръ душу раба Его и упокоить въ вѣчныхъ обителяхъ со Святыми... Праведникъ упокоивается въ Господѣ, и Ангелы несутъ душу его на лоно Авраама.

Кто изъ насъ, смотря на людей, такъ умирающихъ, не выразилъ бы желанія умереть ихъ смертію? *Да умретъ душа моя въ душахъ праведныхъ* (Числ. 23, 10). Но, чтобы умереть смертію праведныхъ, нужно жить

жизнію праведныхъ, нужно бояться Господа и вѣрно служить Ему: *боящемуся Господа благо будетъ напослѣдокъ* (Сир. 1, 13). Изъ мертвыхъ *блаженны* только *мертвіи, умирающіи о Господѣ* (Апок. 14, 13); но умираетъ *о Господѣ* тотъ, кто всю жизнь жилъ для Господа, удалялся отъ всего противнаго Господу, старался дѣлать одно то, о чемъ не страшно, а напротивъ, вожделѣнно вспомнить при смерти. Помышляйте же чаще о вашихъ послѣднихъ минутахъ и, сообразно съ этимъ помышленіемъ, управляйте всею своею дѣятельностію; памятуйте, что каждый шагъ приближаетъ васъ къ могилѣ, и что нѣтъ ни одного мгновенія, которое не могло бы быть послѣднимъ въ вашей жизни. Въ начинаніяхъ и дѣлахъ вашихъ всегда спрашивайте у самихъ себя: какъ поступилъ бы я въ настоящихъ обстоятельствахъ, еслибы мнѣ пришлось умереть сегодня? Во всей жизни поступайте подобно Іисусу Христу и Святымъ Божіимъ,—и вы сподобитесь *честной* и блаженной *предъ Господемъ смерти преподобныхъ его.*

РѢЧЬ

ПРЕДЪ ВЫНОСОМЪ ТѢЛА ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО НИКАНОРА, МИТРОПОЛИТА НОВГОРОДСКАГО, С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО, ЭСТЛЯНДСКАГО И ФИНЛЯНДСКАГО, ИЗЪ АРХІЕРЕЙСКАГО ДОМА ВЪ СОБОРЪ СВ. АЛЕКСАНДРО-НЕВСКІЯ ЛАВРЫ (*).

Аще пребудетъ, пріусвоитъ себѣ, и аще почіетъ, имя оставитъ паче тысящъ (Сир. 39, 14).

Онъ уже не *пребудетъ* болѣе съ нами, отецъ нашъ! Не *пріусвоитъ* еще себѣ заслугъ предъ Богомъ доброю жизнію среди насъ; болѣе уже не *пріусвоитъ себѣ* насъ — своихъ чадъ: поприще жизни его кончено! видимая связь его съ нами прервана навсегда!

Мы не того ждали, ожидая только того, чего желали! Мы чаяли видѣть отеческое лице его, всегда сіявшее добротою и любовію, особенно свѣтлымъ и благостнымъ послѣ свѣтлѣйшаго торжества Благостнѣйшаго Монарха: мы не увидимъ болѣе сего лица! Мы предупреждали время надеждами скорой встрѣчи нашего Архипастыря — Ангела; пріученныя къ слову любви сердца̀ усиливались предугадать западающія глубоко

(*) Произнесена 20 сентября 1856 г. Инспекторомъ Академіи А. К.

слова любви, какія нашла бы для каждаго изъ насъ его неизмѣнная, неистощимая любовь: болѣзнь предупредила наши надежды; смерть запечатлѣла на вѣки медоточивыя уста! Нашъ Ангелъ-Хранитель поспѣшилъ сюда за тѣмъ только, чтобы *почить* среди насъ!

Остается только его прошедшее—для благодарныхъ нашихъ воспоминаній; открывается необъятная будущность—для сыновнихъ молитвъ!

Мы слышали много словъ любви въ этихъ стѣнахъ: въ послѣднія минуты твоего безмолвнаго пребыванія здѣсь позволь намъ, отецъ нашъ, огласить временный кровъ твоей любви словомъ непритворной благодарности. Почивъ рано для нашей любви, не рано для нашей признательности, ты *оставилъ* въ памяти сердецъ нашихъ *имя паче тысящъ*, имя Архипастыря—Ангела, давно уже благословляемое паствами—калужскою, минскою, волынскою и варшавскою...

Да воздастъ тебѣ за всѣхъ насъ, за всю любовь твою къ намъ, Тотъ, кто въ любви указалъ *путь по превосхожденію* (1 Кор. 12, 31), *кроткимъ* обѣтовалъ *въ наслѣдіе* новую, чаемую нами, *землю* (Матѳ. 5, 5), *чистыхъ сердцемъ* обѣтовалъ возвести *къ лицезрѣнію Божію* (— 8)!

СЛОВО

ПРЕДЪ ПОГРЕБЕНІЕМЪ ТѢЛА ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО НИКАНОРА, МИТРОПОЛИТА НОВГОРОДСКАГО, С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО, ЭСТЛЯНДСКАГО И ФИНЛЯНДСКАГО, ВЪ СВЯТО-ДУХОВСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. АЛЕКСАНДРОНЕВСКІЯ ЛАВРЫ (*).

Господь даде, Господь отъятъ: буди имя Господне благословенно (Іов. 1, 21).

Не удивляйтесь, братіе, если надъ гробомъ нашего архипастыря и отца, посреди его духовныхъ чадъ, такъ глубоко сѣтующихъ о своей величайшей потерѣ, если и самъ, переполненный тѣми же горестными чувствами, я, однакожъ, начинаю бесѣду не словами скорби и слезъ, а тихими словами преданности волѣ Божіей, словами даже благодаренія Господу. Довольную уже мы принесли дань природѣ и влеченіямъ своего сердца, оплакивая впродолженіе нѣсколькихъ дней кончину незабвеннаго Іерарха: принесемъ же теперь подобающую дань нашей св. вѣрѣ—истинной утѣшительницѣ страждущихъ, послѣдуемъ ея кроткому гласу, и она научитъ

(*) Произнесено 21 сентября 1856 г. Ректоромъ Академіи М. Е. В.

насъ, что и здѣсь, у гроба нашего архипастыря и отца, какъ ни тяжка наша потеря, мы не только не должны безплодно сѣтовать или роптать, напротивъ, съ совершенною покорностію Вседержителю должны еще благословлять Его святое имя, повторяя слова ветхозавѣтнаго страдальца: *Господь даде, Господь отъятъ: буди имя Господне благословенно!*

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, посмотримъ ли мы въ духѣ вѣры на протекшую жизнь почившаго и, хотя со всею краткостію, обозримъ то, что нѣкогда *даде* ему Господь: мы невольно на каждомъ шагу будемъ изрекать благословенія Господу.

Господь даровалъ ему нѣкогда бытіе, какъ и всѣмъ намъ; но вмѣстѣ даровалъ ему способности и таланты, какіе даруетъ только не многимъ,—только избраннымъ своимъ, которыхъ видимо предназначаетъ къ высокому служенію въ мірѣ: *буди имя Господне благословенно*! Господь судилъ ему потомъ, когда онъ пришелъ въ возрастъ, получить воспитаніе въ самомъ лучшемъ изъ нашихъ тогдашнихъ духовныхъ училищъ, подъ кровомъ и руководствомъ просвѣщеннѣйшаго изъ тогдашнихъ нашихъ іерарховъ—знаменитаго Платона, приготовившаго въ своемъ небольшомъ разсадникѣ столькихъ великихъ святителей для православной Церкви: *буди имя Господне благословенно!* Господь судилъ своему избраннику, по окончаніи собственнаго воспитанія, содѣлаться воспитателемъ и наставникомъ другихъ, сперва юношей, потомъ и иноковъ, въ томъ святомъ мѣстѣ, гдѣ, образуя другихъ, онъ имѣлъ особенныя побужденія и средства продолжать и свое нравственное образованіе у мощей св. Угодниковъ Божіихъ: *буди имя Господне*

благословенно! Когда пришла чреда для почившаго вступить на высокое поприще архипастырскаго служенія въ Церкви: Господь судилъ ему начать это многотрудное поприще здѣсь, подъ руководствомъ другаго изъ нашихъ достойнѣйшихъ іерарховъ — приснопамятнаго Серафима, и такимъ образомъ воспользоваться его мудростію и опытностію на дальнѣйшій путь жизни: *буди имя Господне благословенно!* Исчислять ли, братіе, что̀ затѣмъ судилъ ему Господь, когда онъ созрѣлъ для самостоятельнаго управленія духовными паствами? Пять іераршескихъ каѳедръ: церкви калужской, церкви минской, церкви волынской, церкви варшавской и наконецъ церкви новгородской и с.-петербургской — онъ преемственно, впродолженіе слишкомъ тридцати лѣтъ, украшалъ собою. Какое продолжительное и вмѣстѣ величественное шествіе! Сколько случаевъ въ этотъ періодъ онъ имѣлъ для того, чтобы показать во всемъ свѣтѣ свою пламенную и просвѣщенную ревность по вѣрѣ православной и благочестію! Сколько совершилъ онъ подвиговъ и трудовъ для своихъ духовныхъ чадъ! Сколько принесъ жертвъ на олтарь Церкви и отечества! И, въ тоже время, сколько имѣлъ радостей духовныхъ отъ Господа за свои неусыпные труды, сколько сладостнѣйшихъ воздаяній и отъ Помазанниковъ Божіихъ! Особенно же въ послѣдніе годы, когда Господь десницею Благочестивѣйшаго Монарха поставилъ его въ челѣ правительствующаго собора іерарховъ нашей отечественной Церкви!.. О, за такую ли жизнь, братіе, не благодарить Жизнеподателя? По окончаніи такой ли жизни, бывшей столько многоплодною и благотворною не только для самаго почившаго, но и для его духовныхъ чадъ, намъ не воскликнуть изъ глубины

сердца предъ Господомъ, который нѣкогда *даде* ее: *буди имя Господне благословенно!*

Посмотримъ ли теперь въ духѣ вѣры и на самую смерть нашего архипастыря и отца, чрезъ которую Господь *отъятъ* у него жизнь: мы и здѣсь не въ состояніи будемъ удержаться отъ славословій Господу. Когда Господь отъялъ у него жизнь? Тогда, когда онъ успѣлъ достигнуть почти семидесяти лѣтъ, т. е., почти послѣдняго предѣла, положеннаго человѣку во времени (Пс. 89, 10); успѣлъ извѣдать довольно и радости и скорби нашего земнаго странствованія; успѣлъ совершить для славы Божіей и спасенія ближнихъ столько, сколько могъ совершить по дарованнымъ ему отъ Бога силамъ и способностямъ, и когда, быть можетъ, дальнѣйшее существованіе на землѣ было бы для него только цѣпію болѣзней и страданій по немощамъ дряхлѣющей плоти: *буди имя Господне благословенно!* Какъ Господь отъялъ у него жизнь? Отъялъ тихо, медленно и постепенно, такъ что почившій имѣлъ возможность приготовиться вполнѣ для перехода въ страну вѣчности, нѣсколько разъ сподоблялся пріобщиться тѣлу и крови Господней и съ чувствами искренняго покаянія и живѣйшей вѣры во Христа Спасителя, пріискреннѣ соединившись съ Нимъ въ таинствѣ, мирно и безболѣзненно предалъ душу свою въ Его объятія: *буди имя Господне благословенно!* И что такое это самое отъятіе жизни? Господь не столько здѣсь отнялъ у почившаго, сколько даровалъ ему: отнялъ жизнь временную, а даровалъ жизнь вѣчную; отнялъ жизнь у плоти, а даровалъ высшую и совершеннѣйшую жизнь для души; отнялъ немощи, скорби и страданія земныя, а открылъ предъ почившимъ радости нескончаемыя,

неизглаголанныя, небесныя: *буди имя Господне благословенно!* Жаль намъ самаго тѣла усопшаго нашего архипастыря, которое доселѣ наслаждалось жизнію, а теперь, бездыханное, должно лечь въ холодной могилѣ и возвратиться въ землю, откуда нѣкогда взято? Но и тутъ какая благость Господа! Это тѣло отходитъ въ землю для того, чтобы, подобно сѣмени, произрастить со временемъ свой плодъ и ожить въ лучшемъ и совершеннѣйшемъ видѣ: *сѣется оно въ тлѣніе, востанетъ въ нетлѣніи: сѣется не въ честь, востанетъ въ славѣ: сѣется въ немощи, востанетъ въ силѣ* (1 Кор. 15, 42. 43). Оно воскреснетъ нѣкогда, по слову Господа, преобразованное, подобно *тѣлу славы его* (Фил. 3, 21), и снова соединится съ своею душею: *буди имя Господне благословенно!* Прискорбна для насъ, братіе, разлука съ нашимъ архипастыремъ и отцемъ? Но на долго ли эта разлука? Можетъ быть, одни изъ насъ скоро, скоро отправятся вслѣдъ за нимъ въ страну загробную, а другіе отойдутъ туда же черезъ годъ или черезъ два, чрезъ десять или двадцать лѣтъ... Да что значитъ и тысяча лѣтъ предъ цѣлою вѣчностію, когда мы, по волѣ Господа, если только будемъ достойны, соединимся со всѣми, кого здѣсь любили, уже навсегда и неразлучно? *Буди имя Господне благословенно!*

Но, благословляя Господа и за твою жизнь, и при размышленіи о самой твоей кончинѣ, нашъ возлюбленный и доблестный первосвятитель, можемъ ли мы, прощаясь съ тобою, не благословить и тебя? Господь надѣлилъ тебя богатыми силами и талантами, поставлялъ тебя въ особыхъ, благопріятныхъ обстоятельствахъ; указалъ тебѣ особое, высокое служеніе въ жизни. Но употребить эти силы и таланты, воспользоваться

зоваться этими обстоятельствами, совершить это служеніе—*для* блага ближнихъ—зависѣло отъ тебя. И ты сдѣлалъ все, чтобы *память* твоя осталась *во благословеніихъ* (Сир. 46, 17),—повсюду, гдѣ только протекала твоя жизнь и совершалось твое служеніе. Твоя неусыпная архипастырская ревность о преуспѣяніи въ вѣрѣ и благочестіи преемственно ввѣрявшихся тебѣ паствъ; твоя истинно-ангельская кротость и радушіе, съ какими ты обходился всегда съ духовными твоими чадами; твоя отеческая, неистощимая любовь, съ какою ты принималъ участіе въ ихъ разнообразныхъ нуждахъ; твоя терпѣливость и мудрость, съ какими ты переносилъ наши слабости и недостатки и умѣлъ исправлять заблуждающихъ и виновныхъ; твои милости и благодѣянія, которыя ты разсыпалъ такою щедрою рукою и которыми услаждалъ жизнь однихъ, поощрялъ дѣятельность другихъ, возвышалъ счастіе третьихъ: — о, все это не изгладится никогда, никогда изъ памяти признательныхъ тебѣ душъ! Да воздастъ тебѣ самъ Господь, нашъ верховный Судія и Мздовоздаятель, за все то добро, которое ты совершилъ въ жизни для насъ и для всей Его Церкви, и для всего нашего возлюбленнаго отечества! Да благословитъ Онъ тебя по ту сторону гроба всѣми благословеніями небесными въ свѣтлыхъ обителяхъ царствія своего! Это наше послѣднее и самое искреннее тебѣ благожеланіе; объ этомъ не престанемъ молить Господа дотолѣ, пока будемъ имѣть возможность молиться Ему! Аминь.

---

3) **Православно-Догматическое Богословіе**, соч. *его же*,
— Т. I *(новое изданіе)*: ц. 1 р. 25 к. с. съ перес.
— Т. II: ц. 1 р. 50 к. с. съ перес.
— Т. III: ц. 1 р. 50 к. с. съ перес.
— Т. IV: ц. 1 р. 50 к. с. съ перес.
— Т. V: ц. 1 р. 50 к. с. съ перес.

4) **Пастырское Богословіе**, соч. *Архим. Кирилла*. Изд. *второе*. Цѣна 1 р. сер.; на перес. за 2 ф.

5) **Минуты уединенныхъ размышленій христіанина**, соч. *его же*. Ц. 1 р. 25 к. с.; на перес. за 2 ф.

6) **О Заслугахъ св. Аѳанасія В. для Церкви въ борьбѣ съ аріанствомъ**, соч. *Ловягина*. Цѣна 1 р. на перес. за 2 ф.

7) **Указатель сочиненій, содержащихся въ 88 частяхъ Христіанскаго Чтенія**. Цѣна (съ пересылкою) 50 коп. сер.

8) **Жизнь Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, въ иночествѣ Алексія** *(съ хромолитографическимъ изображеніемъ Угодника)*. Цѣна 1 р. с.; на перес. за 1 фун.

9) **Разборъ римскаго ученія о главенствѣ въ Церкви, сдѣланный на основаніи св. Писанія и Преданія Церкви первыхъ трехъ вѣковъ**. Соч. баккалавра С. П-бургской Д. Академіи с. іером. *Никанора*. Выпускъ 1. Цѣна 1 р., на перес. за 2 фун.

10) **Исторія прав. Церкви въ Финляндіи и Эстляндіи, принадлежащихъ къ С. П.-бургской епархіи**. Соч. *И. Чистовича*. Цѣна 1 р., на перес. за 1 фун.

Печатать позволяется. Цензоръ, *Архимандр. Кириллъ.*

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1856.

НОЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

9¾ листовъ

Подписка на *Христіанское Чтеніе* принимается въ Правленіи С. Петербургской Духовной Академіи, во всѣхъ Правленіяхъ иногородныхъ Семинарій, въ духовныхъ уѣздныхъ и приходскихъ Училищахъ. Цѣна за годовое изданіе безъ доставки 6 р. с., а съ доставкою и пересылкою 7 р. 50 к. сер.

Въ Редакціи *Христіанскаго Чтенія* и въ Канцеляріи Правленія С. Петербургской Духовной Академіи еще продаются полные экземпляры *Христіанскаго Чтенія* за прежніе годы, именно: 1822, 1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1833, 1836, 1837, 1839, 1840, 1841, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853 и 1854. Каждый экземпляръ отдѣльно — по 6 р. сер. безъ пересылки, а съ пересылкою по 7 руб. 50 к. с. Кто пожелаетъ выписать имѣющіеся экземпляры за всѣ годы въ совокупности, или съ 1822 по 1827, и съ 1833 по 1847 включительно; тому будетъ уступленъ каждый экземпляръ одного года по 4 р. 40 к. с. безъ пересылки, за которую нужно прилагать на пять фунтовъ для каждаго экземпляра. Цѣна за экземпляръ *Христіанскаго Чтенія* 1849, 1850, 1851, 1852, 1853 и 1854 годовъ остается прежняя.

Въ Редакціи же *Христіанскаго Чтенія* и въ Канцеляріи Правленія С. Петербургской Дух. Акад. продаются книги:

1) Исторія Русскаго Раскола, извѣстнаго подъ именемъ Старообрядства, соч. *Макарія*, Епископа Винницкаго, Ректора С. Петербургской Духовной Академіи. Цѣна 2 р. с. съ перес.

2) Введеніе въ Православное Богословіе, соч. того же автора. *Второе, исправленное изданіе*. Цѣна 2 р. 50 к. с. съ перес.

БЕСѢДА 8.

Вкупѣ же Петръ и Іоаннъ восхождаста во святилище на молитву въ часъ девятый (Дѣян. 3, 1).

Вездѣ являются Петръ и Іоаннъ въ великомъ между собою согласіи. Іоанну Петръ подаетъ знакъ (на вечери); вмѣстѣ идутъ они ко гробу; объ Іоаннѣ (Петръ) говоритъ Христу : *сей же что* (Іоан. 21, 21)?—Другія знаменія опустилъ писатель этой книги, а о томъ, которое произвело великій ужасъ и всѣхъ поразило, говоритъ. И замѣть опять, что (Апостолы) шли собственно не для того, чтобы совершить это (чудо):—такъ они были далеки честолюбія и подражали своему Учителю. Зачѣмъ же они шли въ храмъ? Развѣ они жили еще по-іудейски? Нѣтъ; однакожъ этотъ поступокъ ихъ сопровождался пользою. Ибо опять происходитъ чудо, которое и ихъ утверждаетъ, и другихъ привлекаетъ, — чудо, какого они еще не совершали. Болѣзнь (хромаго) происходила отъ природы и была выше врачебнаго искусства. Уже

сорокъ лѣтъ онъ провелъ въ хромотѣ, какъ говорится далѣе, и во все это время никто не исцѣлилъ его. Вѣдь вы знаете, что тѣ (болѣзни) особенно трудны, которыя бываютъ отъ рожденія. Болѣзнь была столь ужасная, что (хромой) не могъ даже доставать себѣ необходимую пищу и былъ всѣмъ извѣстенъ и по мѣсту, и по болѣзни. А какъ (совершилось чудо) — слушай. *И нѣкій мужъ*, сказано, *хромъ отъ чрева матере своея сый носимъ бываше, егоже полагаху по вся дни предъ дверми церковными, рекомыми красными, просити милостыни отъ входящихъ въ церковь* (ст. 2). Итакъ онъ желалъ получить милостыню и не зналъ, кто были — Петръ и Іоаннъ. *Иже видѣвъ Петра и Іоанна хотящыя внити въ церковь, прошаше милостыни. Воззрѣвъ же Петръ нань со Іоанномъ, рече: воззри на ны* (ст. 3. 4). Онъ слышитъ это, но и при этомъ не встаетъ, а все еще продолжаетъ просить. Такова бѣдность: когда и отказываются дать, она настаиваетъ и понуждаетъ. Устыдимся же мы, такъ поспѣшно удаляющіеся при просьбахъ! Смотри, какую кротость тотчасъ выказалъ Петръ, сказавъ: *воззри на ны*. Такъ самый внѣшній видъ ихъ обнаруживалъ ихъ душевное свойство. *Онъ же прилѣжаше имъ, мня нѣчто отъ нихъ пріяти. Рече же Петръ: сребра и злата нѣсть у мене: но еже имамъ, сіе ти даю* (ст. 5. 6). Не сказалъ: я дамъ тебѣ то, что гораздо лучше сребра; но что? — *Во имя Іисуса Христа Назо-*

рея, востани и ходи. И емь его за десную руку воздвиже (ст. 6. 7). Такъ поступалъ и Христосъ. Часто Онъ исцѣлялъ словомъ, часто дѣломъ, а часто простиралъ и руку, гдѣ были слишкомъ слабые въ вѣрѣ,—дабы не подумали, что (чудо) совершилось само собою. *И емь его за десную руку воздвиже.* Этимъ показалъ воскресеніе, такъ какъ это было образомъ воскресенія. *Абіе же утвердистѣся его плеснѣ и глезнѣ. И вскочивъ ста, и хождаше* (ст. 7. 8). Можетъ быть, онъ испытывалъ себя и много разъ пробовалъ, дѣйствительно ли это сдѣлалось? Ноги у него были слабы, но не отняты; а нѣкоторые говорятъ, что онъ и не умѣлъ ходить. *И вниде съ ними въ церковь, ходя* (ст. 8). Поистинѣ, это достойно удивленія! Не они ведутъ его за собою, но онъ слѣдуетъ за ними и тѣмъ, что слѣдуетъ, показываетъ благодѣтелей, а тѣмъ, что, вскочивъ, хвалитъ Бога, прославляетъ не ихъ, но Бога, чрезъ нихъ дѣйствовавшаго. Такъ благодаренъ былъ этотъ человѣкъ! Но посмотримъ, что сказано было выше. *Восхождаста на молитву въ часъ девятый.* Можетъ быть, въ это время приносили и полагали хромаго (при храмѣ) по тому, что теперь особенно много людей входило въ храмъ. А чтобы кто не подумалъ, что его приносили для чего нибудь другаго, а не для полученія (милостыни), — смотри, какъ (писатель) ясно представилъ это словами: *егоже полагаху просити милостыни отъ входящихъ въ церковь.* Для того упоминаетъ и о

мѣстѣ, чтобы представить доказательство на то, о чемъ пишетъ. Почему же, скажешь, не привели его (хромаго) ко Христу? Можетъ быть, сидѣвшіе при храмѣ были люди невѣрующіе, такъ какъ они не привели его и къ Апостоламъ, хотя видѣли, что они входятъ (въ храмъ) и творятъ столько чудесъ. *Прошаше*, говоритъ, *милостыни*. Можетъ быть, по виду, онъ принялъ ихъ за людей благочестивыхъ, а потому и *прилѣжаше имъ*. Но смотри, какъ Іоаннъ вездѣ молчитъ, а Петръ отвѣчаетъ и за него. *Сребра*, говоритъ, *и злата нѣсть у мене*. Не сказалъ: не имѣю при себѣ, какъ мы говоримъ; но—совсѣмъ не имѣю. Что же хромой? Ужели, (говоритъ), презираешь мою просьбу? Нѣтъ, отвѣчаетъ (Петръ); что я имѣю, то и возми. Видишь ли, какъ Петръ чуждъ надменности, какъ онъ не тщеславится даже предъ тѣмъ, кто получаетъ отъ него благодѣяніе? И вотъ (его) слово и рука сдѣлали все. Таковы-то были и храмлющіе Іудеи! Надлежало просить здоровья,—а они лежатъ на землѣ, и все же лучше просятъ денегъ. Для того они и сидѣли при храмѣ, чтобы собирать деньги. Что же Петръ? — Онъ не презрѣлъ (хромаго); онъ не искалъ человѣка богатаго; не сказалъ: если не надъ такимъ человѣкомъ совершится чудо, то не будетъ ничего великаго; не ожидалъ отъ него никакой почести и не въ чьемъ либо присутствіи исцѣлилъ его, такъ какъ онъ былъ при входѣ, а не въ самомъ храмѣ, гдѣ находился народъ. Ничего этого Петръ не искалъ и, когда

вошелъ (въ храмъ), не объявилъ (чуда). Однимъ видомъ своимъ онъ расположилъ хромаго къ просьбѣ, и удивительно, что хромой тотчасъ увѣровалъ. Вѣдь освободившіеся отъ продолжительныхъ болѣзней съ трудомъ вѣрятъ даже самому зрѣнію. Получивъ исцѣленіе, хромой находился уже съ Апостолами и благодарилъ Бога. *И вниде*, сказано, *съ ними въ церковь, ходя и скача и хваля Бога.*

2. Видишь, какъ онъ не остается въ покоѣ, частію отъ удовольствія, а частію для того, чтобы заградить уста Іудеямъ. А мнѣ кажется, что онъ скачетъ и для того, чтобы не подумали, будто онъ притворяется, такъ какъ это уже не могло быть дѣломъ притворства. Въ самомъ дѣлѣ, если прежде онъ не могъ даже просто ходить, несмотря на то, что его принуждалъ (къ тому) голодъ, — иначе онъ не захотѣлъ бы дѣлить милостыню съ носившими его, еслибы самъ могъ ходить; то тѣмъ болѣе (не могъ скакать) тогда. Да и къ чему было бы ему притворяться въ пользу тѣхъ, которые не подали милостыни? Нѣтъ, это былъ человѣкъ благодарный и по выздоровленіи. Итакъ и то, и другое обстоятельство являетъ его вѣрнымъ, — и его благодарность, и то, что съ нимъ случилось. Онъ такъ былъ всѣмъ извѣстенъ, что его (всѣ) узнавали. *И видѣша его*, сказано, *вси людіе ходяща и хваляща Бога. Знаху* (ἐπεγίνωσκον) *же его, яко сей бяше, иже милостыни ради сѣдяше при красныхъ дверехъ церковныхъ* (ст. 9. 10). И хорошо сказано:

узнавали; такъ какъ послѣ того, что случилось съ нимъ, можно было и не узнать его. Это выраженіе мы обыкновенно употребляемъ о тѣхъ, кого едва узнаемъ. Итакъ слѣдовало повѣрить тому, что имя Христово отпускаетъ грѣхи, если оно совершаетъ и столь великія дѣла. *Держащуся же исцѣлѣвшему Петра и Іоанна, притекоша вси людіе въ притворъ, нарицаемый Соломоновъ, ужасни* (ст. 11). По благорасположенію и любви къ нимъ, (хромой) не разлучался съ ними, а можетъ быть, и благодарилъ и прославлялъ ихъ. И *притекоша*, сказано, *вси людіе. Видѣвъ же ихъ Петръ отвѣщаваше* (ст. 12). Опять Петръ и дѣйствуетъ, и проповѣдуетъ. Прежде возбудило Іудеевъ къ слушанію чудо (огненныхъ) языковъ, а теперь—это. И тогда Петръ началъ рѣчь съ ихъ обвиненій, а теперь—съ ихъ тайной мысли. Посмотримъ же, чѣмъ эта проповѣдь отличается отъ той и что̀ имѣетъ общаго съ нею. Та (сказана) была въ домѣ, когда никто еще не присоединился (къ Апостоламъ) и когда они ничего еще не сдѣлали, а эта — когда всѣ удивлялись, когда подлѣ (нихъ) стоялъ исцѣленный, когда никто не сомнѣвался, какъ (было) въ то время, когда говорили, *яко виномъ исполнени суть* (Дѣян. 2, 13). И тогда Петръ говорилъ, находясь вмѣстѣ со всѣми Апостолами; а теперь—съ однимъ Іоанномъ: онъ уже не боится и говоритъ сильнѣе. Такова-то добродѣтель: получивъ начало, она идетъ впередъ и нигдѣ не останавливается. Смотри же, какъ (Промысломъ) устроено было

и то, что чудо произошло при храмѣ, чтобы и другіе получили дерзновеніе. Не въ сокровенномъ какомъ либо мѣстѣ (Апостолы) совершаютъ его и не тайно; но также — и не внутри храма, гдѣ было много народа. Какъ же, скажешь, этому повѣрили? — (Повѣрили) по тому, что самъ исцѣленный возвѣщалъ о благодѣяніи. А онъ, конечно, не сталъ бы лгать и не пришелъ бы къ людямъ постороннимъ. Итакъ Апостолы или по тому совершили тамъ чудо, что то мѣсто было пространное, или по тому, что то было мѣсто отдѣленное. И замѣть, какъ это случилось. Пришли они по одному дѣлу, а дѣлаютъ другое. Такъ и Корнилій, постясь, молился объ одномъ, а видитъ другое. До сихъ поръ они вездѣ называютъ Христа Назореемъ: *во имя Іисуса Христа Назорея*, говоритъ (Петръ), *востани и ходи*, потому что теперь они только еще заботились о томъ, чтобы увѣровали въ Него.—Но не будемъ утомляться началомъ разсказа, а напротивъ, еслибы кто, сказавъ о какомъ либо великомъ дѣлѣ, остановился, — станемъ снова повторять начало. Если такъ всегда будемъ поступать, то скоро придемъ къ концу, скоро станемъ на вершинѣ; потому что отъ усердія, какъ говорятъ, родится усердіе, а отъ лѣности—лѣность. Кто сдѣлалъ, какъ должно, что либо малое, тотъ получилъ побужденіе приступить къ дѣлу болѣе важному, а отсюда—идти еще далѣе. Какъ огонь, чѣмъ больше объемлетъ дровъ, тѣмъ становится сильнѣе; такъ и ревность, чѣмъ больше возбуждаетъ благо-

честивыхъ помысловъ, тѣмъ больше вооружается противъ инаго рода мыслей. Скажу примѣръ. Есть въ насъ, подобно терніямъ, клятвопреступленіе, ложь, лицемѣріе, коварство, обманъ, злословіе, насмѣшки, смѣхотворство, срамословіе, кощунство; съ другой стороны,—любостяжаніе, грабительство, несправедливость, клевета, навѣты; далѣе — похоть злая, нечистота, сладострастіе, блудъ, прелюбодѣяніе; а также — зависть, ревнованіе, гнѣвъ, ярость, злопамятство, мстительность, хула и тысячи подобныхъ пороковъ. Если мы исправимся отъ первыхъ (пороковъ), то мы уже исправимся не только отъ нихъ, но чрезъ нихъ—и отъ слѣдующихъ за ними; потому что наша душа пріобрѣтаетъ отъ того новыя силы къ уничтоженію ихъ. Напримѣръ, если тотъ, кто часто клянется, оставитъ эту діавольскую привычку; то въ немъ не только исправится этотъ порокъ, но появится и другаго рода благоговѣніе. Ибо, мнѣ кажется, никто изъ не клянущихся не захочетъ сдѣлать какое либо другое зло, но устыдится той добродѣтели, которой онъ уже достигъ. Какъ носящій хорошую одежду стыдится валяться въ грязи, такъ точно — и онъ. А отсюда онъ придетъ къ тому, что не будетъ ни сердиться, ни драться, ни браниться. Такъ, если только однажды будетъ сдѣлано и малое доброе дѣло, то уже будетъ сдѣлано все. Часто, впрочемъ, случается и противное: поступивъ однажды хорошо, мы по лѣности опять впадаемъ въ прежніе пороки, такъ что отъ этого и самое исправленіе

становится даже невозможнымъ. Напримѣръ, мы положили себѣ законъ не клясться; въ теченіе трехъ или даже четырехъ дней мы исполняли его; но потомъ встрѣтилась какая либо нужда — и мы расточили всю собранную прибыль. Тогда мы впадаемъ въ безпечность и отчаяніе, такъ что даже не хотимъ снова коснуться того же. И это естественно. Кто построитъ себѣ какое либо зданіе и потомъ увидитъ, что его строеніе обрушилось, тотъ съ меньшимъ стараніемъ приступаетъ вновь къ строенію. Но и въ этомъ случаѣ не надобно быть безпечнымъ, а напротивъ, надобно опять употреблять все стараніе.

3. Итакъ положимъ себѣ ежедневные законы и начнемъ пока съ легкаго. Отсѣчемъ отъ устъ своихъ частую клятву, обуздаемъ языкъ,—пусть никто не клянется Богомъ. Не требуетъ это издержекъ, не требуетъ труда, не требуетъ продолжительнаго обученія: достаточно захотѣть и—все сдѣлано; потому что это—дѣло привычки. Да, прошу и умоляю, приложимъ къ этому стараніе. Скажи мнѣ: еслибы я велѣлъ (вамъ) внесть (за меня) деньги,—не охотно ли каждый изъ васъ принесъ бы по мѣрѣ силъ своихъ? Еслибы вы увидѣли меня въ крайней опасности, не отдали ль бы вы даже часть своего тѣла, еслибы можно было отнять ее? И теперь я въ опасности, и въ большой (опасности), такъ что, еслибы я былъ въ темницѣ, или получилъ тысячу ударовъ, или находился въ рудокопняхъ,— и тогда я не скорбѣлъ бы болѣе. Прострите

же руку помощи. Подумайте, какъ велика опасность, когда вы не можете сдѣлать и этого крайне малаго дѣла: называю его малымъ по труду, какого оно требуетъ. Что скажу тогда въ отвѣтъ на обвиненія? Отчего не обличилъ? Отчего не повелѣлъ? Отчего не положилъ закона? Отчего не удержалъ непослушныхъ? Не довольно будетъ, если я скажу: я увѣщевалъ. А надобно было, сказано будетъ мнѣ, употребить и сильнѣйшее порицаніе. Вѣдь увѣщевалъ и Илій, — но не дай Богъ сравнивать васъ съ дѣтьми его! И онъ увѣщевалъ, и онъ говорилъ: *ни, чада, не творите тако, не добры слухи азъ слышу* о васъ (1 Цар. 2, 24); а между тѣмъ, Писаніе далѣе говоритъ, что онъ не вразумлялъ сыновей своихъ (1 Цар. 3, 13), и говоритъ такъ по тому, что онъ вразумлялъ не строго и не съ укоризною. Не странно ли, что въ іудейскихъ синагогахъ законы имѣютъ такую силу, хотя все заповѣдуетъ тотъ, кто учитъ, а здѣсь мы въ такомъ пренебреженіи и презрѣніи! Не о своей славѣ забочусь я: моя слава—ваша добрая жизнь; но—о вашемъ спасеніи. Каждый день мы вопіемъ, возглашаемъ въ слухъ вамъ, и между тѣмъ, какъ никто не слушаетъ, мы не выказываемъ никакой строгости. Боюсь, чтобы за это неумѣстное и крайнее снисхожденіе не дать намъ отвѣта въ день будущаго суда. Посему громкимъ и яснымъ голосомъ объявляю всѣмъ и настоятельно требую, чтобы тѣ, которые виновны въ этомъ преступленіи и произносятъ слова, происходящія *отъ непріязни* (Матѳ.

8, 37),—а это и есть клятва,—не переступали за порогъ церковный. Но настоящій мѣсяцъ пусть будетъ назначенъ вамъ для исправленія. Не говори мнѣ: меня заставляетъ необходимость, потому что мнѣ не вѣрятъ. Оставь пока клятвы, произносимыя по привычкѣ. Знаю, что многіе будутъ смѣяться надъ нами, но лучше вамъ быть осмѣянными теперь, чѣмъ горѣть тогда. Да и смѣяться будутъ люди безумные; ибо кто, скажи мнѣ, съ здравымъ умомъ, станетъ смѣяться надъ тѣмъ, что соблюдается заповѣдь? Если же и будутъ смѣяться, то будутъ смѣяться не надъ нами, но надъ Христомъ. Вы ужаснулись этихъ словъ? Я вполнѣ вѣрю этому. Вѣдь, еслибы я ввелъ этотъ законъ, то смѣхъ относился бы ко мнѣ; если же есть другой Законодатель, то осмѣяніе переходитъ на Него. Нѣкогда и плевали на Христа, и били Его по ланитамъ, и заушали: такъ и теперь Онъ терпитъ это, и нѣтъ здѣсь ничего не сообразнаго. Поэтому-то уготована геенна, поэтому — червь нескончаемый. Вотъ я опять говорю и настоятельно требую. Пусть, кто хочетъ, смѣется; пусть, кто хочетъ, издѣвается: на то мы поставлены, чтобы надъ нами смѣялись и издѣвались, и чтобы мы все терпѣли. Мы *отреби міру*, по слову блаженнаго Павла (1 Кор. 4, 13). Если кто не захочетъ исполнять этого приказанія, то я настоящимъ словомъ, какбы нѣкоторою трубою, запрещаю такому человѣку переступать за порогъ церковный, хотя бы то былъ начальникъ, хотя бы самъ носящій діадиму. Или отнимите у меня

эту власть, или, если я остаюсь съ нею, не окружайте меня опасностями. Я не могу восходить на этотъ престолъ, не дѣлая (ничего) великаго. А если это невозможно, то лучше стоять внизу; потому что нѣтъ ничего хуже начальника, который не приноситъ подчиненнымъ никакой пользы. Постарайтесь же, еще прошу васъ, и будьте внимательны; или лучше сказать, будемъ стараться вмѣстѣ, и тогда непремѣнно будетъ какая либо польза. Поститесь, молите Бога, а вмѣстѣ съ вами (будемъ молиться) и мы, чтобы Онъ уничтожилъ въ насъ эту гибельную привычку. Великое дѣло — сдѣлаться учителемъ вселенной; не мало значитъ, когда вездѣ услышатъ, что въ этомъ городѣ никто не клянется. Если это будетъ, то вы получите награду не только за свои подвиги, но и за попеченіе о братьяхъ: ибо вы будете тѣмъ же для вселенной, чѣмъ я теперь для васъ. Тогда, вѣрно, и другіе поревнуютъ вамъ, и вы поистинѣ будете свѣтильникомъ, стоящимъ на свѣщницѣ. И это, скажешь, все? Нѣтъ, это не все, но это начало другихъ (добродѣтелей). Кто не клянется, тотъ волею или неволею, изъ стыда или боязни, но непремѣнно придетъ и къ другимъ дѣламъ благочестія. Но многіе, скажешь, не согласятся и отступятъ? Но лучше одинъ творящій волю Господню, нежели тысячи беззаконныхъ (Сир. 16, 3). Оттого-то все ниспровержено, все въ крайнемъ безпорядкѣ, что мы, какъ на зрѣлищахъ, ищемъ множества людей, а не множества людей добрыхъ. Какую пользу,

скажи мнѣ, можетъ принесть тебѣ толпа народа? Хочешь ли знать, что народъ составляютъ Святые, а не толпа людей? Выведите на войну сотни тысячъ и одного Святаго: посмотримъ, кто сдѣлаетъ больше? Іисусъ Навинъ вышелъ на брань и одинъ сдѣлалъ все; другіе не принесли никакой пользы. Толпа людей, возлюбленный, когда они не творятъ воли Божіей, ничѣмъ не разнится отъ ничтожества. Я молюсь и желаю, чтобы Церковь украшалась множествомъ людей, но—множествомъ людей добрыхъ: ради этого я охотно позволилъ бы растерзать себя на части. Если же это невозможно, то я хотѣлъ бы, чтобы не многіе были добрыми. Не видите ли, что лучше имѣть одинъ драгоцѣнный камень, нежели тысячи мелкихъ монетъ? Не видите ли, что лучше имѣть здоровый глазъ, нежели, потерявъ его, отяготить себя тучностію тѣла? Не видите ли, что лучше имѣть одну овцу здоровую, нежели тысячу шелудивыхъ? Не видите ли, что лучше не много дѣтей добрыхъ, чѣмъ много дурныхъ? Не видите ли, что въ царствѣ — не многіе, а въ гееннѣ — многіе? Что̀ мнѣ отъ множества людей? Какая польза? Пользы никакой, а скорѣе—вредъ для другихъ. Вѣдь это тоже, какъ еслибы кто, при возможности имѣть или десять здоровыхъ, или тысячи больныхъ, привелъ эти тысячи къ тѣмъ десяти. Многіе, когда они не дѣлаютъ ничего добраго, не принесутъ намъ ничего другаго, кромѣ наказанія тамъ и безславія здѣсь. Вѣдь никто не скажетъ, что насъ много, но (всякій) будетъ

порицать за то, что мы безполезны. Такъ именно (язычники) всегда говорятъ намъ, когда мы говоримъ, что насъ много. Но вы, говорятъ,— злы. Вотъ я опять запрещаю и громкимъ голосомъ возвѣщаю вамъ: пусть никто не считаетъ этого шуткою. Я удалю и не допущу непослушныхъ. И пока я буду сидѣть на этомъ престолѣ,—я не откажусь ни отъ одного изъ правъ его. Если кто низвергнетъ меня, я буду уже невиненъ. А пока я подлежу отвѣтственности, до тѣхъ поръ не могу пренебрегать (вами), не ради собственнаго наказанія, но ради вашего спасенія, такъ какъ я пламенно желаю вамъ спасенія. Объ этомъ я терзаюсь и болѣзную. Но послушайтесь меня: тогда и здѣсь, и въ будущемъ (вѣкѣ), вы получите великую награду, и мы (всѣ) вмѣстѣ насладимся вѣчными благами, по благодати и человѣколюбію единороднаго Сына Божія, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

297. Что знаменуетъ вечерній входъ, что—преклоненіе іерея и поднятіе главы, — восхожденіе къ алтарю и входъ?

За симъ уже и іерей дѣлаетъ входъ: онъ непокровенный исходитъ изъ алтаря съ кадиломъ и ѳиміамомъ, преклоняется среди храма и молится, потомъ востаетъ, дѣлаетъ знаменіе креста рукою и ѳиміамомъ, и опять возвращается въ алтарь. Что выражаетъ онъ этимъ?—То, что единородный Сынъ Божій, сошедши къ намъ съ небесныхъ круговъ, снова восшелъ и насъ возвелъ на небо. Поссму и исхожденіемъ симъ, и преклоненіемъ главы, и поднятіемъ (ея), и возглашеніемъ: *премудрость, прости*, и крестообразнымъ кажденіемъ, и возвышеніемъ евангелія (если это входъ съ евангеліемъ), и восхожденіемъ къ престолу,—всѣмъ этимъ являетъ онъ дѣла домостроительства: исходомъ его и низшествіемъ знаменуется сошествіе Христа и уничиженіе, священническою его одеждою—воплощеніе, стояніемъ по срединѣ съ преклоненною главою — пригвожденіе за насъ посредѣ земли и смерть, и сошествіе во адъ Спасителя. Потому-то онъ и молится молча и преклоняясь, что (Христосъ), предавъ Себя Отцу, сошелъ во адъ и исхитилъ насъ оттуда; для того-то іерей несетъ и ѳиміамъ, что имъ изображается поистинѣ благоухающая душа и жизнь Спасителя, и держитъ евангеліе, какбы самаго Господа, и съ нимъ преклоняется, какъ и Онъ снизшелъ, и востаетъ, какъ и Христосъ воскресъ, и насъ

совоздвигъ. Это проповѣдуетъ онъ и показываетъ, и кадя крестообразно ѳиміамомъ, и говоря: *премудрость, прости*, и возвышая евангеліе. А обратный восходъ и вшествіе въ алтарь означаетъ то, что Христосъ взялся отъ земли и съ воспринятою Имъ плотію возшелъ туда, гдѣ былъ, и, принесши Себя въ жертву за насъ, вознесъ и освятилъ насъ. Итакъ весь входъ знаменуетъ это. И сіе весьма необходимо прежде всего и всегда намъ знать, и всегда должно объ этомъ помнить: ибо чрезъ то мы и спасены, что сошелъ къ намъ Богъ.

298. Для чего вечерній входъ бываетъ торжественнѣе въ субботу и въ прочіе Господскіе праздники, и въ праздники Святыхъ?

Вечернимъ входомъ означается бывшее въ послѣдокъ вѣковъ сошествіе Бога. Посему-то мы и дѣлаемъ его преимущественно въ субботы, ради сошествія во адъ и воскресенія, — и въ праздники, такъ какъ Сошедшій совершилъ празднуемое таинство,—и при воспоминаніи Святыхъ, такъ какъ, восшедши, Онъ вознесъ и души ихъ, и имѣетъ ихъ съ Собою, и воскреситъ тѣла ихъ, чтобы всегда имѣть ихъ съ Собою во всемъ ихъ составѣ.

299. Что означаетъ входъ утренній?

Утренній же входъ въ великой церкви означаетъ и это, и особенно сошествіе Христа во адъ душею, и воскресеніе плотію, и ангель-

скую проповѣдь о Его востаніи. Посему-то въ утрени, стоя на амвонѣ, какбы на камени, іерей, будто Ангелъ, или лучше, какъ сущій Ангелъ, благовѣствуетъ о воскресеніи.

500. О томъ, что и въ монастыряхъ въ день недѣльный утренній входъ бываетъ во образъ воскресенія.

Этотъ же входъ и въ обителяхъ бываетъ предъ пѣніемъ каноновъ и чтеніемъ божественнаго евангелія, именуемаго утреннимъ, такъ какъ оно поучаетъ о событіяхъ воскресенія Христова, совершившихся поутру, предъ зарею, или предъ разсвѣтомъ дня. Іерей выходитъ изъ святаго алтаря, какбы изъ погребальной пещеры, и отъ гроба—святой трапезы, держа евангеліе, какъ Ангелъ, проповѣдавшій о Христѣ. Тогда всѣ подходятъ и покланяются, какъ ученики и мvроносицы — жены, и цѣлуютъ евангеліе, а потомъ поютъ пѣснь: *воскресеніе Христово видѣвше*. Итакъ это бываетъ поутру. Имѣя въ виду здѣсь говорить о входѣ, мы вспомнили и о сказанномъ. При совершеніи же входа вечерняго, когда поется священная, древняя и приноровленная къ вечернему входу пѣснь: *свѣте тихій*, которая, говорятъ, сложена святымъ священномученикомъ Аѳиногеномъ и которая хорошо проповѣдуетъ и Троицу, и воплощеніе Слова, — діаконъ говоритъ: *премудрость*, а архіерей, сѣдши, преподаетъ миръ; потому что Христосъ и предъ страданіемъ оста-

вилъ его намъ, и по воскресеніи даровалъ, и, возшедши на небеса, непрестанно низпосылаетъ.

301. О дневныхъ прокимнахъ: что они значатъ?

И тотчасъ громогласно поется прокименъ. А прокименъ есть относящееся къ празднику пророчество, слово псаломское, объясняющее значеніе дня. Въ субботу вечеромъ онъ свидѣтельствуетъ о воскресеніи: и посему тогда поется: *Господь воцарися*, такъ какъ Воскресшій одержалъ побѣду и воцарился надъ смертію, и наше естество облекъ въ благолѣпіе нетлѣнія, и воскресеніемъ утвердилъ увѣровавшую въ Него вселенную. Въ недѣлю же на вечерни: *се нынѣ благословите Господа*, — ради непрестанно благословляющихъ Его Ангеловъ и душъ рабовъ Его. Во второй день на вечерни, ради того, что и вѣрные взываютъ къ Нему въ покаяніи, и проповѣдникъ покаянія—Предтеча, (Церковь) говоритъ: *Господь услышитъ мя, внегда воззвати ми къ нему*. Въ третій день на вечерни, ради помощи отъ спасительнаго страданія и милосердія, явленнаго намъ чрезъ крестъ, она говоритъ: *милость твоя, Господи, поженетъ мя вся дни живота моего*. На вечерни четвертаго дня мы воспоминаемъ Апостоловъ, говоря: *Боже, во имя твое спаси мя:* ибо чрезъ нихъ именемъ Господнимъ совершилось наше спасеніе, такъ какъ они благовѣствовали и, явившись божественными про-

повѣдниками, спасли насъ, по Писанію, *Господу содѣйствующу и слово утверждающу*. Въ пятый день на вечерни мы предвосхваляемъ великую помощь креста: ибо Самъ, сотворившій небо и землю, помогъ намъ, бывъ пригвожденъ ко кресту плотію. Въ пятокъ на вечерни взываемъ: *Боже, заступникъ мой еси*, ради сонма Святыхъ, собраннаго заступленіемъ Умершаго за насъ и воздвигшаго насъ и души прежде отшедшихъ вѣрныхъ: ибо Богъ былъ заступленіемъ и Святыхъ, а отшедшимъ самъ Онъ есть милость, поспѣшающая во спасеніе. Во дни же постовъ полагается, вмѣсто прокимна, *аллилуіа*, что означаетъ уже хвалу Богу и пришествіе Бога, и поется: *Господь грядетъ*, благовѣствующее о первомъ и второмъ Его пришествіи, и предзнаменующее событія Его страданія и востанія, — что Господь грядетъ, напримѣръ, пострадать за насъ и воскреснуть, и что напослѣдокъ Онъ снова пріидетъ судить всю землю, дабы, то есть, имѣя попеченіе о себѣ и болѣя о своихъ грѣхахъ, и пріемля Господа, мы очистились и не спѣшили торжествовать или праздновать, но съ сокрушеніемъ взывали къ Богу, восхваляли Его и призывали, и принимали Его пришествіе. А прокимны, напротивъ, поются, какъ преднапутія праздниковъ и наступающихъ дней.

302. О сугубой ектеніи и о молитвахъ прошеній, какъ о дѣлѣ совершенно необходимомъ.

Послѣ сего іерей совершаетъ сугубую ектенію и возноситъ прошенія. Въ ектеніи онъ мо-

лится о милости ко всѣмъ, какъ-то: о вѣрныхъ царяхъ, о мѣстномъ іерархѣ, о предстоятелѣ монастыря, о попечителяхъ храма, о предстоящихъ православныхъ и повсюду вѣрныхъ. А прошенія возсылаетъ о томъ, чтобы вечеръ и всю ночь, либо день,—если просимъ на утрени,—провести намъ безгрѣшно и мирно; чтобы имѣть *Ангела мирна, хранителя души и тѣла*; чтобы получить прощеніе и отпущеніе прегрѣшеній; чтобы даровано было наилучшее и полезнѣйшее намъ, и миръ міру; чтобы остальную жизнь провесть намъ въ покаяніи и мирно; чтобы, какъ подобаетъ христіанамъ, было вѣрно, свято и безмятежно скончаніе нашего жительства, и оказаться намъ благоотвѣтными, когда пріидетъ Христосъ; и потомъ, чтобы чрезъ Богородицу, которая все можетъ, и чрезъ всѣхъ Святыхъ, которые своими трудами и подвигами стяжали дерзновеніе,—*и себя*, такъ какъ самими собою мы обязаны Богу, получивъ отъ Него бытіе,—и *другъ друга*, такъ какъ мы обязаны быть полезными и для ближнихъ (ибо (Писаніе) говоритъ: *возлюбиши Бога и ближняго твоего, яко самого себе*), *и весь животъ нашъ*, такъ какъ онъ дарованъ намъ Богомъ, Христу Богу предали. Это мы тогда же и дѣлаемъ словами, говоря: *тебѣ, Господи*, то есть, самихъ себя предаемъ; но должны исполнять и дѣлами: ибо предавшій себя долженъ находиться подъ властію Того, кому предается, чтобы богатѣть Его охраненіемъ и покоиться подъ Его промысломъ. Видишь, сіи прошенія ис-

прашиваютъ намъ весьма многое и душамъ доставляютъ великія (блага). И знаемъ мы нѣкоторыхъ святыхъ мужей, которые какбы ими только ограничивались, объ этомъ вседушно молились и предавали себя Богу, тогда какъ другіе, по безчувственности души, и не слушаютъ этихъ словъ. Потомъ іерей въ возгласѣ, по обычаю, славословитъ (Троицу) и, испросивъ *миръ всѣмъ*, и возгласивъ о преклоненіи главъ, во образъ порабощеннаго и молитвеннаго духа, самъ первый преклоняется, исповѣдуя себя смиреннымъ рабомъ, и молится о своемъ священствѣ: потому что, имѣя нужду въ милости, не полагается на самаго себя, — молится благоговѣйно и, приступая къ собесѣдованію съ Богомъ и ходатайству за другихъ, молчаливо сосредоточивается въ себѣ, сокрушается сердцемъ и говоритъ слѣдующее: «Господи Боже (нашъ), приклонивый небеса и сошедый на спасеніе человѣковъ: не наше предлагаемъ, но твоей любви дѣло и твоего уничиженія; Ты призри на наслѣдіе твое, ибо не человѣкомъ, а Тебѣ главы своя преклонили (человѣки), прося отъ Тебя спасенія. Сохрани ихъ и во всякое время, и въ настоящее, отъ всякаго мысленнаго и чувственнаго сопротивника». Потомъ, получивъ дерзновеніе, какъ услышанный, онъ востаетъ и возглашаетъ хвалу. *Буди держава царствія твоего благословенна*, и такъ далѣе; можно также: *ты царь единъ прославленный и благословенный*, или: *и вся можеши*, — и тотчасъ совершаетъ литію.

503. О литіи въ притворѣ и о прочихъ внѣ храма молитвословіяхъ.

Литія внѣшняя, въ притворѣ, совершается по субботамъ и въ праздники, также во время какого либо постигшаго насъ бѣдствія, или обстоянія, при многочисленномъ собраніи народа среди города, или внѣ его, за стѣнами. А литанія есть моленіе предъ Богомъ и общественное прошеніе, приносимое по чувству сердечнаго расположенія и благодарности за дарованныя блага. Посему она бываетъ внѣ храма, указываетъ на наше отпаденіе отъ рая и на заключеніе для насъ самаго неба. Что, (совершая литію), мы переходимъ чрезъ городъ съ плачевными взываніями,—это показываетъ, что и онъ, и все въ немъ, осквернено нашими прегрѣшеніями. А что мы выходимъ за городъ взывать и совершать литанію, — этимъ выражаемъ свое уничиженіе, почитая себя недостойными взывать изъ среды города, который, населяя, осквернили и что чрезъ преступленіе мы какъ бы выведены изъ божественнаго отечества. Въ семъ городѣ, гдѣ созданы, паче же возсозданы и удостоились даровъ отъ Бога, мы, обольщенные зміемъ, безумно растлились и вмѣнились ни во что, осквернили священное мѣсто, вышедши изъ подъ Божія смотрѣнія, блуждаемъ въ мѣстахъ не охраняемыхъ. Итакъ, тогда совершаемъ мы литію въ притворѣ потому, что долу, до предѣловъ нашего (ничтожества), сошелъ

Спаситель, и чтобы въ этомъ же мѣстѣ и умилостивлять Его. Здѣсь мы молимся, стоя предъ вратами святаго храма, какбы предъ вратами небесными (ибо недостойны смотрѣть прямо на высоту неба, если, возвратившись, не будемъ взывать: *согрѣшихомъ*), пока самъ Онъ, исшедши къ намъ и встрѣтивъ насъ, благоутробно призоветъ къ Себѣ. Такимъ образомъ сіе предъ вратами моленіе и сія молитва іерея есть знакъ нашего желанія, чтобы отверзлись намъ эдемъ и небо, особенно же Божіе благоутробіе, которое мы *для* себя заключили. Посему, когда мы стоимъ внѣ храма, поются обычные псалмы, а іерей совершаетъ положенныя моленія о всѣхъ людяхъ и о наслѣдіи Божіемъ, чтобы спастися ему и чтобы возвысился рогъ христіанъ. *Спаси, Господи, люди твоя* и проч. взываетъ онъ, и между тѣмъ, какъ поется общая молитва: *Господи помилуй*, возсылаетъ прошенія опять о царяхъ, какъ предстоящихъ благочестивымъ и подвизающихся за вѣрныхъ, о мѣстномъ архіереѣ или настоятелѣ, о всякой душѣ христіанской, о мирѣ церквей, о прежде усопшихъ вѣрныхъ, объ избавленіи плѣненныхъ и укрѣпленіи немощныхъ, о труждающихся во Христѣ и вмѣстѣ о всѣхъ братіяхъ. А *Господи помилуй* во время сей полунощной и крѣпкой молитвы поется по чину учащательно, и наконецъ, во славу Троицы, такъ какъ молитва Ей возсылается, произносится трижды.

504. О послѣдней молитвѣ на литіи.

Іерей молитъ благаго и человѣколюбиваго Бога услышать всѣхъ, ко всѣмъ быть милостивымъ и благодѣющимъ, и послать всѣмъ свою милость. Потомъ говоритъ, чтобы (молящіеся) смиренно и раболѣпно приклонили главы, и, обратившись къ западу, какъ (священнослужитель), испрашивающій у Бога благъ преклонившимся, призываетъ многомилостиваго Владыку и Бога нашего Христа, и, въ посредство представивъ ходатайство Святыя Дѣвы Матери Богородицы, также Ангеловъ и Апостоловъ, святыхъ Мучениковъ и Іерарховъ, и вкупѣ всѣхъ Святыхъ, проситъ, чтобы ради ихъ, а не ради насъ, благопріятна была наша молитва, даровано было намъ отпущеніе грѣховъ, покрыты мы были отъ нихъ Его крылами, удалены были отъ насъ враги наши, умирена была наша жизнь, помилованы были міръ и мы, и спасены Имъ, человѣколюбивымъ и благимъ,—такъ какъ ради единой благости Онъ вочеловѣчился и есть единый милостивый.

505. Для чего всегда предносятся свѣтильники?

Совершивъ это, онъ, предшествуемый свѣтильниками, которые и прежде, какъ и во всемъ входѣ, предносимы были ему, идетъ чрезъ царскія врата и, дѣлая сіе во образъ божественнаго свѣта и Святыхъ, и во образъ предводя-

щаго его Отца, какбы входитъ въ небо. За предстоятелемъ, подъ его вожденіемъ, слѣдуютъ прочіе, шествуя какбы за Іисусомъ Христомъ. А оба лика, соединившись въ одинъ и ставъ посрединѣ, въ знаменіе того, что отверзлось намъ небо и чрезъ Христа пришли въ единеніе съ нами Ангелы, поютъ стихиры «на стиховнѣ». И поемые при этомъ стихи приноровлены къ празднику: если бываетъ недѣля (κυριακή), поются стихи воскресные: *Господь воцарися*; если другой праздникъ,—приспособляются къ нему также, какъ и самогласныя стихиры. Если какой день Святыхъ, — берутся по уставу приличные ему псаломные стихи и стихиры либо Святителя, либо Мученика, либо Святаго. Потому-то они и именуются стихирами: ибо внѣ (церкви), на литіи, поются стихиры безъ стиховъ; а эти потому и называются «на стиховнѣ». Потомъ поются самогласны на *слава и нынѣ*. Первая заимствуется отъ праздника, или отъ нѣкоего изъ Святыхъ; а послѣднею бываетъ Богородиченъ, ради дѣйственнѣйшей о насъ молитвы Богородицы. И тотчасъ: *нынѣ отпущаеши*—молитва, которую благоговѣйно воспѣлъ Симеонъ, воспринимая Бога. Сей, видя спасеніе Божіе, проситъ отпустить душу отъ плоти; а мы (должны просить) отпущенія души отъ страстей, отъ искушеній врага и отъ сугубыхъ болѣзней — души и тѣла; не дивно, впрочемъ, молиться и объ отрѣшеніи отъ плоти, чтобы оно, если Богу благоугодно, даровано было намъ мирнымъ и спасительнымъ. Этимъ предзнаменуется и окончаніе дѣла пѣсно-

пѣній, указуется и на свѣтъ благодати, дарующій намъ спасеніе и славу. А потомъ слѣдуетъ молитва *Трисвятаго* и *Отче нашъ*, какъ божественная печать. Когда же іерей восхвалитъ царство Бога, поется и тропарь праздника, съ пѣснію зачатія: *Богородице Дѣво, радуйся, благодатная Маріе*. Это — гласъ Архангела при божественномъ зачатіи Дѣвы. А такъ какъ сіе начало спасительнаго домостроительства совершилось въ недѣлю, отчего она называется и воскресеніемъ, то архангельское привѣтствіе читается особенно въ недѣльныя бдѣнія и въ праздники Святыхъ, исключая только праздники владычніе: потому что Богородица Дѣва есть Началоводительница всѣхъ Святыхъ и священіе Святымъ чрезъ дѣвственный Плодъ ея.

506. *О такъ называемомъ благословеніи хлѣбовъ.*

Тогда бываетъ и другое священнодѣйствіе, преподанное свыше самимъ Спасителемъ. На нѣкоей трапезѣ полагаются пять хлѣбовъ и въ приличныхъ сосудахъ—не много пшеницы, вина и елея. Іерей кадитъ это вокругъ крестообразно, при пѣніи: *Богородице Дѣво*, не какъ святое, но какъ имѣющее освятиться, или лучше, предосвящаемое крестомъ и ѳиміамомъ; потомъ, переставъ кадить, преклоняетъ главу и, отдавъ кадило, становится. Подражая Спасителю, коего и изображаетъ, и призвавъ Его, беретъ одинъ изъ хлѣбовъ. И между тѣмъ, какъ діаконъ го-

воритъ: *Господу помолимся*, іерей возглашаетъ: *Господи Іисусе Христе Боже нашъ, благословивый пять хлѣбовъ и пять тысящъ насытивый, самъ благослови и хлѣбы сія*, — и, говоря это, однимъ хлѣбомъ дѣлаетъ знаменіе креста надъ прочими четырьмя, чѣмъ показываетъ, что тоже совершилъ Христосъ, взявъ въ свои руки подобнымъ образомъ пять хлѣбовъ. Потомъ, положивъ хлѣбъ, благословляетъ ихъ крестообразно рукою и свидѣтельствуетъ, что Христосъ благословляетъ ихъ, равно какъ пшеницу, вино и елей, и, запечатлѣвая также это, говоритъ: *умножи сія во святѣй обители сей и во всемъ мірѣ твоемъ*: ибо самъ Онъ, отверзая руку, какъ написано, исполняетъ всякое животное благоволенія; и сію молитву заключаетъ приличнымъ славословіемъ: *яко ты еси благословляяй и освящаяй всяческая*, и Хлѣбъ жизни прославляетъ со Отцемъ и Духомъ. Потомъ произносится благодареніе отъ всѣхъ, читаемое у Іова: *буди имя Господне благословенно*, и: *благословлю Господа* — самый приличный псаломъ, изреченный Давидомъ (Богу) за подаяніе потребной пищи. Запечатлѣвъ такимъ образомъ всѣхъ и всѣмъ испросивъ благословеніе Бога, который есть истинная пища и питіе, тогда какъ чувственная снѣдь не поставляетъ насъ предъ Богомъ, и который есть податель всякаго блага, іерей уходитъ, не дѣлая отпуста: ибо, между тѣмъ, какъ исполняется положенное чтеніе, начинается утреня. Хлѣбы же и вино, какъ освященные

благословеніемъ, раздаются присутствующимъ, которые принимаютъ ихъ съ вѣрою, что отъ нихъ истекаютъ дарованія и исцѣленія, и другіе многіе дары. Это совершается, если бываетъ всенощное бдѣніе. Если же нѣтъ, то послѣ преклоненія главъ не бываетъ ни литіи, ни благословенія хлѣбовъ. Поются только стиховны и читается *нынѣ отпущаеши*, молитва Трисвятаго и отпустъ. У иныхъ же ревностныхъ, когда либо по немощи, либо по недостатку братій, не бываетъ бдѣнія, совершеніе литіи производится на вечерни; затѣмъ поются стиховны и тотчасъ отпустъ. Но благословенія хлѣбовъ они не дѣлаютъ: потому что это соединяется исключительно съ трудомъ бдѣнія, чтобы братія, ради труда получивъ и благословеніе Христово, и малое утѣшеніе, имѣли довольно молитвеннаго вниманія къ страшнымъ тайнамъ общенія, а особенно освященные. Итакъ вечерню мы обозрѣли; остается сказать о повечеріи. О немъ скажемъ кратко.

Клир. Исполни, святый владыко, и о семъ мзду твою, чтобы все ученіе твое для насъ было окончено.

307. *О послѣдованіи повечерій.*

Арх. Повечерія въ великихъ обителяхъ поются, какъ мы сказали, вмѣстѣ съ вечернею, предъ вратами храма, какъ общія моленія; а въ киновіяхъ и у каждаго изъ монаховъ, мірскихъ

іереевъ и благочестивыхъ мірянъ, — послѣ вечерней трапезы; во святую же четыредесятницу и въ великихъ обителяхъ, и во всѣхъ, — особо, послѣ вечерни и трапезы, которая тогда бываетъ однажды въ день. Итакъ, повечерія святой четыредесятницы, называемыя также великими, раздѣляются на три части, во образъ Святыя Троицы и въ умилостивленіе за насъ. Это видно и по уставу, и потому не нужно говорить обширно, тѣмъ болѣе, что мы изъяснили почти всѣ молитвословія. На повечеріяхъ читаются псалмы и молитвы сокрушенія и исповѣданія, объ оставленіи (грѣховъ) и о милосердомъ помиловании, о препровожденіи ночи мирно, не мечтательно, нескверно и невозмущенно, о легкомъ востаніи къ умиленной и сердечной молитвѣ во время полунощницы и утрени. Говоримъ не много, чтобы сказать короче: это — не три послѣдованія, а одно, читаемое ежедневно. Такое же значеніе имѣютъ и его псалмы, весьма умѣстные въ великомъ повечеріи. Три псалма читаются ради Троицы, и потомъ святѣйшій Символъ Вѣры— ради исповѣданія благочестія, и *достойно есть* — ради воплощенія Слова и ходатайства Богоматери. Послѣ же Символа, какъ приняли отъ Отцевъ нашихъ, мы призываемъ къ ходатайству о насъ Богородицу, Ангеловъ и Святыхъ, что бываетъ и на великихъ повечеріяхъ. Да и весьма необходимо призывать близкихъ къ Богу посредниковъ и помощниковъ. Потомъ —молитва Трисвятаго, какъ начало, средина и

конецъ пѣсней; *Господи помилуй* сорокъ разъ —для освященія временъ и дней нашей жизни; благодарственная молитва Богородицѣ нескверной и нетлѣнной, возносимая о всемъ—и о настоящемъ, и о скончаніи нашей жизни, и о будущихъ благахъ; и опять обычное призываніе Ея, честнѣйшей Херувимовъ, чтобы мы ограждены были кровомъ крылъ Ея. Послѣ сего — обычная молитва іерея, да умилосердится надъ нами Богъ, и такимъ образомъ произносится послѣдняя молитва: *и даждь намъ*, *Владыко*, *на сонъ грядущимъ*. Или, послѣ *Господи помилуй* — *Иже на всякое время*, *Честнѣйшую*, и *Боже ущедри ны*. Потомъ молитва Богородицѣ: *Нескверная*, и вмѣстѣ съ нею: *и даждь намъ*, *Владыко*. Это — обычный чинъ для всѣхъ.

308. О томъ, что должно сохранять общіе уставы.

Иные, по усердію, поютъ и нѣчто другое, однакожъ не въ общемъ собраніи, но особо: потому что общіе уставы по необходимости должно соблюдать чисто, невозмутимо и неблазненно. Особенность бываетъ въ отношеніи къ какому нибудь отеческому канону, который усердные принимаютъ смѣлость пѣть по кельямъ, либо частно съ своими учениками, либо съ соревнующими кому братіями. И это дѣлается съ одобренія и совѣта отцевъ: ибо спасеніе, какъ мы знаемъ, бываетъ *во многомъ совѣтѣ*. Если же каноны, ради сердечнаго со-

крушенія поются и на повечеріяхъ, то знайте, что поется канонъ великій; а на вечерни нѣкоторые въ святыхъ обителяхъ поютъ каноны Богородицы; послѣдованіе же Акаѳіста весьма многіе совершаютъ въ каждый вечеръ пятка. Всякій усердный и труждающійся, по мѣрѣ своего труда, получитъ и бо́льшую награду. Это, однакожъ, зависитъ отъ желанія и готовности каждаго. Но того, что явно постановлено, никому безъ крайней необходимости и немощи преступать не слѣдуетъ. Да и у немощныхъ есть въ умѣ молитва, нужнѣйшая изъ всѣхъ молитвъ; а для стѣсненныхъ обстоятельствами и необходимостію призываніе Бога и молитва тѣмъ болѣе полезны: ибо кто, кромѣ Бога, исторгнетъ насъ изъ тѣсноты? Суетно всякое спасеніе человѣческое. *Въ Бозѣ сотворимъ силу*; *воззоветъ ко мнѣ, и услышу его*, и подобно сему говоритъ (Писаніе). Но есть такіе, которые къ постановленіямъ (общимъ) прибавляютъ еще особое и душею всегда сочетаваются съ Богомъ, а тѣло сокрушаютъ воздержаніемъ и постомъ, бдѣніемъ, возлежаніемъ на землѣ и наготою, многими неудобствами и частыми колѣнопреклоненіями. Сіи причтутся къ Мученикамъ, и симъ, сколько возможно и вмѣстимо, слѣдуетъ подражать, чтобы за малый свой трудъ и мы, по милости Божіей, были причтены къ нимъ: ибо, если, не имѣя силъ совершить все, мы чрезъ подражаніе усвоимъ малое и неважное изъ всего: то Богъ либо дастъ

ревностнымъ силу для всего, какъ и тѣмъ, потому что и ихъ сила — отъ Бога же, либо, по снисхожденію къ немощи, помилуетъ и за малое дѣло, и благоизволитъ причислить къ нимъ. Таковъ Владыка: будучи благъ, Онъ только ищетъ съ нашей стороны повода и, совершая все самъ, спасаетъ насъ, и, какъ преблагій, причисляетъ къ своимъ рабамъ. Въ этомъ состоитъ уставъ іерусалимскій.

309. Начало постановленій и чиноположеній такъ называемаго пѣсненнаго послѣдованія.

Посмотримъ на особенно выразительнѣйшія постановленія Христова домостроительства въ хорошо называемомъ пѣсненномъ послѣдованіи, которое, какъ мы сказали, предано намъ издревле отъ Отцевъ. Всѣ каѳолическія церкви во вселенной, отъ начала ихъ, совершали сіе послѣдованіе пѣсненно и не произносили ничего, кромѣ пѣсней, исключая молитвы іерея и прошенія діаконовъ, особенно же великія церкви — константинопольская, антіохійская и ѳессалоникійская. На это только послѣдованіе остается намъ теперь обратить вниманіе, какъ оно совершалось въ одномъ святомъ храмѣ Божіей Премудрости. О немъ надобно имѣть слѣдующее понятіе.

310. О пѣсненной вечерни.

На вечерни прежде былъ обычай, чтобы слу-

жители предъ послѣдованіемъ наполняли храмъ ѳиміамомъ — во славу Бога и во образъ божественной славы Божіей, которая нѣкогда наполнила скинію, такъ что Моvсей и Ааронъ не могли вступить въ нее, пока слава Божія не подъялась. Тоже было и въ храмѣ Соломоновомъ, когда отъ наполнившей храмъ славы Божіей іереи не могли стоять и служить предъ Господомъ, пока то облако не сдѣлалось невидимымъ. И на утрени подобнымъ образомъ сперва наполняли храмъ дымомъ ѳиміама.

311. Что значитъ ѳиміамъ, предъ вечернею и утренею распространяемый молча?

Нынѣ этого не бываетъ, развѣ только діаконъ, или іерей на литургіи, по проскомидіи, молча кадитъ жертвенникъ, или и весь храмъ, во образъ оной славы. Но это бываетъ въ монастыряхъ предъ великою вечернею, когда іерей знаменуетъ божественную славу и благодать, изливаемую чрезъ Ангела, и когда домъ Господа исполняется славы Его. Итакъ, на пѣсненной вечерни іерей, ставъ предъ святою трапезою, какбы на небѣ предъ престоломъ Божіимъ, благословляетъ Бога въ Троицѣ, не говоря: *благословенъ Богъ*: ибо не обычно это въ чинѣ пѣсненномъ, такъ какъ такое имѣетъ отношеніе только къ ветхозавѣтному писанію, но возглашая, какъ на святой литургіи: *благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа всегда*, то

есть—богословствуя о единствѣ царства и естества, и о троичности Бога; а это есть проповѣдь благодати, признаніе и исповѣданіе единаго Бога въ Троицѣ. И, преподавая миръ отъ Господа и научая всѣхъ просить его, іерей немедленно начинаетъ великую эктенію. Надобно знать, что одно послѣдованіе литургіи осталось, совершенно вѣрнымъ древнему чину. Посему-то іерей такъ и благословляетъ Бога, и тотчасъ говоритъ великую эктенію, и поются три антифона во образъ Троицы, что относится къ древнему послѣдованію пѣсненному. Слыша пѣніе трехъ антифоновъ и потомъ Трисвятаго, нѣкоторые, по незнанію пѣсненной вечерни, думаютъ, что это литургія. Особенно же удивляются этому теперь принявшіе отъ древности сіе послѣдованіе Константинопольцы, не зная, что это суть прекрасные обычаи, оставшіеся отъ гоненія Латинянъ, что къ симъ остаткамъ относится также священное и древнее служеніе и чиноположеніе третьешестія (τριτοέκτης) въ посты, и бывшая нѣкогда каждый вечеръ служба такъ называемаго всенощнаго бдѣнія, а особенно на святой великой четыредесятницѣ, на первой ея и великойс едмицѣ. Изъ этихъ службъ молитвы, написанныя въ видѣ паннихиды,—необходимы, равно какъ и молитвы третьешестія, по древнему преданію, имѣющаго образъ часовъ и отъ нихъ называемаго такъ, а равнымъ образомъ и образъ святой литургіи. О сихъ службахъ мы вскорѣ скажемъ коротенько; а теперь будемъ говорить о вечерни. Когда іерей

благословитъ и произнесетъ всѣ мирныя прошенія и *заступи, спаси, помилуй*,—пѣвцы тотчасъ поютъ: *услыши мя*; *слава тебѣ, Боже*,—это важная пѣснь, содержащая вмѣстѣ моленіе и славословіе Бога,—потомъ изъ псалма: *приклони, Господи, ухо твое и услыши мя*, также славословіе Ангеловъ: *слава въ вышнихъ Богу, исполнь небо и земля славы твоея*, и: *благословенна слава Господня*. Потомъ іерей говоритъ: *Пресвятую, Пречистую*, и громогласно восхваляетъ Бога въ Троицѣ, говоря: *яко подобаетъ тебѣ всякая слава, честь и поклоненіе*. Далѣе читается весь псаломъ, за которымъ *слава тебѣ, Боже; услыши мя*. Этотъ обычай, удержанный, какъ сказано, и въ другихъ послѣдованіяхъ, есть и въ пѣсненномъ: ибо въ немъ произносимый псаломъ предначинается нѣкоторою частію стиха, соединяемою либо съ *аллилуіа*, либо съ *слава тебѣ, Боже*, либо съ какимъ нибудь припѣвомъ. А припѣвъ называется потому припѣвомъ, что поется вмѣстѣ съ псалмомъ по стиховно, такъ что сперва стихъ, потомъ припѣвъ; напримѣръ: *приклони, Господи, ухо твое и услыши мя, слава тебѣ, Боже*. Подобнымъ образомъ и въ прочихъ. Во всѣхъ вечернихъ псалмахъ поется: *приклони, Господи, ухо твое*. Ибо Солнце правды преклонило небеса и сошло, пребывая незаходимымъ, подобно солнцу чувственному, склоняющемуся и погружающемуся, которое своимъ склоненіемъ, погруженіемъ и возсіява-

ніемъ возвѣщаетъ о невечернемъономъ Солнцѣ, явившемся намъ плотски; это значитъ, что сошелъ съ неба на землю самъ Богъ—Слово Божіе и освѣтилъ насъ днемъ перваго Его пришествія, и сошелъ подъ землю даже до ада, и опять воскресъ и возшелъ, и снова явился съ неба и возсіялъ, и совершилъ день невечерній, и озарилъ весь міръ. Посему весь этотъ псаломъ: *приклони, Господи,* произносится по стиховно обоими ликами, и *слава тебѣ, Боже,* поется при каждомъ стихѣ. А что сей обычай послѣдованія древенъ,—показываютъ и молитвы: ибо первая изъ такъ называемыхъ свѣтильничныхъ молитвъ содержитъ въ себѣ мысль всего псалма и самыя слова изъ него. Ты найдешь, что и *Господи милосерде и милостиве*, и прочія равномѣрно имѣютъ мысли примѣнительно къ псалмамъ антифоновъ и слова заимствовали изъ нихъ, что показываетъ ясно и молитва вечерняго входа, которой начало: *вечеръ, заутра и полудне*: ибо, когда бываетъ входъ и поются стихи на *Господи воззвахъ*, тогда читается молитва, содержащая и псаломскія слова изъ поемыхъ стиховъ, и мысли, чтобы чрезъ іерея все вознесено было къ Богу. Напримѣръ: *исправи молитву нашу, яко кадило предъ тобою*; и: *не уклони сердце мое въ словеса лукавствія*, также: *къ тебѣ, Господи, Господи, очи наши*, —если только вхожденіе іерея длится до сего стиха. Этотъ стихъ, думаю, показываетъ молитву Пророковъ и вмѣстѣ пророчество о томъ, что

Господь пришелъ и вочеловѣчился, и чрезъ страданіе и востаніе спасъ насъ отъ ада и истлѣнія. Посему первый изъ псалмопѣвцевъ называетъ Его Іереемъ, какъ и Давидъ: *Господи, преклони небеса и сниди, и посли силу твою, и пріиди во еже спасти насъ*, и какбы изъ ада взываетъ: *яко къ тебѣ, Господи, очи мои, на тя уповахъ, не отъими душу мою.* Для того-то и іерей тогда выходитъ къ этому стиху: онъ указываетъ на Христа, сошедшаго къ намъ даже до ада, и на востаніе Его, чрезъ которое мы исторгнуты изъ ада, также на Его возшествіе на небеса. Итакъ, на вечерни и прежде читаема была Псалтирь, какъ нынѣ на утрени, чему подражая, обители на вечерни читаютъ одну каѳисму Псалтири, а на утрени непремѣнно двѣ. Нынѣ же на пѣсненной вечерни, по немощи и нерадѣнію, антифоны Псалтири не читаются, развѣ только во святую четыредесятницу и на всякой субботней вечернѣ въ одной святой Софіи, гдѣ, ради ропота нѣкоторыхъ лѣнивыхъ, мы постановили читать только *блаженъ мужъ* — одинъ псаломъ съ пѣснями на гласъ. Во святую же четыредесятницу читаются опять, по обычаю, шесть антифоновъ, или одна цѣлая каѳисма. А псаломъ: *приклони, Господи, ухо твое* содержитъ и молитву, и славословіе къ Богу, и восхваляетъ пострадавшаго за насъ Господа Іисуса Христа, называетъ Его щедрымъ, многомилостивымъ и истиннымъ, и проситъ Его дать намъ *знаменіе во благо*, то

есть, крестъ, къ которому пригвожденный плотію вечеромъ, Спаситель умеръ, также умоляетъ Его даровать намъ державу и спасти насъ. Потомъ поютъ *слава*, а другой ликъ—*и нынѣ*, вмѣстѣ съ *слава тебѣ Боже*. За симъ іерей опять говоритъ малую эктенію: *паки и паки*, и *заступи*; а пѣвецъ на напѣвъ *вселенную—аллилуіа*. Ибо, когда первый воззвалъ къ Богу: *заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, твоею благодатію*,—послѣдній продолжаетъ: вселенную, Боже, заступи, спаси, помилуй и сохрани пришествіемъ твоимъ,—что означаетъ аллилуіа: потому что аллилуіа толкуется, какъ пришествіе Бога, хожденіе и явленіе Божіе, и есть особенная хвала домостроительству. Посему оно у насъ непрестанно поется. Аллилуіа произносится и предъ евангеліемъ, какъ слово, означающее присутствіе Христово. Оно выражаетъ, что грядетъ Богъ, который и пришелъ, и опять съ небесъ пріидетъ. Потомъ іерей, сказавъ *Пресвятую, Пречистую*, и предавъ всѣхъ Богу чрезъ всѣхъ Святыхъ, возглашаетъ: *яко твоя держава* и славословитъ единаго Бога въ Троицѣ. А пѣвецъ тотчасъ поетъ дневный прокименъ, который называется и послѣднимъ антифономъ, ради другихъ антифоновъ, читавшихся прежде, нынѣ же оставленныхъ. Итакъ, въ субботу на вечерни говорится одинъ стихъ: *воскресни, Боже*, потомъ *слава и нынѣ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ — *Господи, воззвахъ* съ припѣвомъ: *живоносное твое во-*

станіе, Господи, славимъ, что читается въ одну недѣлю, въ другую же — *спасительное твое востаніе, Господи, славимъ*, и тогда, какъ читаютъ дальнѣйшіе стихи, іерей дѣлаетъ входъ, или и многіе съ нимъ, и по обычаю діаконъ съ предносимыми свѣтильниками и съ ѳиміамомъ въ кадилахъ, во образъ вышняго чина, и изъ алтаря преподаетъ благодать Божію, чтобы вознести молитву нашу горѣ къ благоухающему и чистому Ѳиміаму, о чемъ говоритъ и поемый псаломъ, и молитва, читаемая при преклоненіи іереевъ: *вечеръ и заутра и полудне*, и имѣющая, какъ сказано, близкое отношеніе къ тому, что поется. Ибо *исправи*, говоритъ, *молитву нашу, яко кадило предъ тобою*, и: *не уклони сердца наши, и исхити насъ отъ всѣхъ ловящихъ души*, также: *къ тебѣ, Господи, Господи, очи наши* и: *да не постыдиши насъ, Боже нашъ*. Потомъ возгласъ. Когда же іереи востанутъ, совершается крестное осененіе, и іерей говоритъ: *благословенъ входъ святыхъ твоихъ, Господи*; за симъ *премудрость, прости*, съ крестнымъ знаменіемъ посредствомъ кадила. Все это указываетъ на пришествіе съ неба Спасителя въ послѣдніе вѣка, при закатѣ сей жизни, на освященную Его, яко кадило, жизнь и на приведеніе насъ ко Отцу чрезъ всесвятое тѣло Его, что совершилъ Онъ, смирившись даже до креста и смерти, сошелъ во адъ и воскресъ, побѣдивъ (смерть) крестомъ, и вошелъ во Святое Святыхъ, сдѣлавъ доступнымъ

для насъ (царство) небесное. Посему и пѣвецъ на стихѣ: *яко къ тебѣ, Господи, Господи*, обращается къ западу и, кланяясь, призываетъ іерея, носящаго образъ Господа, и громогласно поетъ: *яко къ тебѣ, Господи, Господи, очи мои, на тя уповахъ, не отъими душу мою*. Этимъ выражается упованіе на Господа, избавленіе отъ Него и спасеніе душъ нашихъ, какъ предречено было. Такимъ образомъ іерей, возвращаясь въ алтарь, входитъ въ него, какъ Спаситель на небеса. Между тѣмъ, на амвонѣ поются хвалебныя пѣсни воскресенія, во образъ Ангеловъ, восхвалявшихъ востаніе Спасителя, и во образъ Апостоловъ, проповѣдавшихъ міру. Во время сего хваленія іерей, или діаконъ, дѣлаетъ кажденіе: потому что воскресшій и возшедшій Христосъ послалъ намъ благодать Духа. Потомъ, послѣ *слава и нынѣ*, поется прокименъ: *яко Господь воцарися*, побѣдивъ смерть и діавола со всѣми демонами, и въ благолѣпіе облекся—въ безсмертіе и нетлѣніе плоти, и вселенную утвердилъ вѣрою въ Него. И тотчасъ іерей, или діаконъ, говоритъ ектенію о всѣхъ вѣрныхъ, царяхъ и іереяхъ, и по молитвѣ возгласъ: *яко милостивъ еси*: ибо у Него много милости, чтобы всѣхъ помиловать, а самъ по себѣ никто не имѣетъ права на помилованіе. Послѣ ектеніи,—тотчасъ малая ектенія и возгласъ: *твое бо есть, еже миловати*.

ОЧЕРКЪ

ЖИЗНИ ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО МИТРОПОЛИТА НИКАНОРА.

Особаго рода чувства раждаются въ душѣ, когда въ тихую лунную ночь смотришь на струи одной изъ величественныхъ рѣкъ, какихъ не мало въ нашемъ отечествѣ, обтекающихъ нѣсколько отдѣльныхъ странъ его и всюду разносящихъ довольство и благосостояніе. Тутъ не увидишь и не припомнишь поразительныхъ, но и разрушительныхъ, бурь моря; не остановится здѣсь напряженный взоръ на отдаленныхъ громадахъ скалъ, на неожиданно встрѣчаемыхъ островахъ, возникающихъ изъ безднъ моря: все здѣсь тихо и близко; тихи текущія равномѣрно струи; близокъ цвѣтущій берегъ, прильнувшій къ рѣкѣ, какъ дитя къ лону матери. Но здѣсь становится тихо и на душѣ зрителя, сладостно-тихо; здѣсь чувствуетъ особенную отраду сердце, способное цѣнить миръ и счастіе.

Подобнаго рода чувства наполняютъ нашу душу теперь, когда, въ полусвѣтѣ воспоминаній о недавно покинувшемъ насъ архипастырѣ, мы обращаемся мыслію къ жизни его, поникая главою надъ гробомъ его.

Господь судилъ этой жизни долгое и разнообразное теченіе. Шестьдесятъ восемь лѣтъ ея продолженія раздѣлены были между годами воспитанія и первоначальнаго служенія Церкви подъ сѣнію святой обители преподобнаго Сергія, и тридцатилѣтіемъ архипастырскаго служенія почившаго святителя, въ званіи викарія с.-петербургскаго и въ паствахъ калужской, минской, волынской, варшавской и, наконецъ, новгородской и с.-петербургской — въ санѣ уже митрополита и первенствующаго члена Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода: поприще, по истинѣ, долгое и разнообразное. Но всегда и вездѣ вѣренъ былъ себѣ избранникъ Божій. Вездѣ величественный видъ его привлекалъ къ себѣ взоры; всюду кроткая душа его разливала миръ, сердечное слово его умѣло находить путь къ душамъ и любящее, доброе сердце его умѣло покорять сердца. Тихо, но плодотворно, протекла его жизнь, мирно и тихо кончившаяся безъ стона на нашихъ глазахъ.

Преосвященный Никаноръ былъ сынъ священника московской епархіи, Сергіева Посада, состоявшей при лаврѣ церкви Успенія Божіей Матери, что въ Клементьевѣ, Стефана Алексѣева. Родился 1787-го года 26 ноября и при крещеніи названъ былъ Николаемъ. Отецъ далъ ему, при опредѣленіи въ лаврскую семинарію въ 1797 году, прозваніе Клементьевскаго. Въ семинарію принятъ былъ девятилѣтній сынъ о. Стефана прямо во 2-й, переименованный изъ фары въ низшій грамматическій, классъ, потому что дома былъ уже подготовленъ, обученъ чтенію и письму и «латинскому языку первоначальнымъ литерамъ обучался». Въ тотъ же самый день представленъ былъ въ семи-

нарію и Константинъ Богословскій, нареченный потомъ въ монашествѣ Кирилломъ и скончавшійся въ санѣ архіепископа подольскаго, съ малолѣтства сдружившійся и до конца жизни сохранившій дружескія отношенія съ преосвященнѣйшимъ Никаноромъ. Товарищами ихъ по семинаріи были: Матѳей Богдановъ, впослѣдствіи Моѵсей — экзархъ Грузіи, Георгій Постниковъ — нынѣ высокопреосвященнѣйшій Григорій, митрополитъ новгородскій и санктпетербургскій, и Петръ Пѳдлинскій — нынѣ преосвящ. Павелъ, архіепископъ Черниговскій.

Въ низшемъ и высшемъ грамматическихъ классахъ Николай Клементьевскій обучался по два года и въ 1801 переведенъ былъ въ поэзію. Въ это время, по случаю посѣщенія лавры блаженныя памяти Государемъ Императоромъ Александромъ I-мъ, Клементьевскій, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, удостоился, вмѣстѣ съ Константиномъ Богословскимъ и Матѳеемъ Богдановымъ, произносить предъ Императоромъ въ семинарской залѣ составленный на этотъ случай разговоръ въ стихахъ и въ награду за то получилъ отъ Монаршихъ щедротъ 20 рублей ([1]). Чрезъ годъ послѣ того онъ переведенъ былъ въ классъ риторики, въ которомъ оставался три года. Въ философіи пробылъ два года, а въ богословіи одинъ, удѣляя въ продолженіе этихъ курсовъ, по собственному желанію и усердію,

([1]) Преосвященный сохранилъ память объ этомъ до послѣднихъ годовъ и любилъ разсказывать про этотъ случай, въ подробности описывая тогдашній костюмъ гратулянтовъ — синіе сюртуки съ красными отложными воротниками и такими же обшлагами на рукавахъ, шолковые малиноваго цвѣта кушаки и на головахъ вѣнки изъ цвѣтовъ, повергнутые, въ концѣ разговора, къ стопамъ Монарха.

время занятію русскою исторіею и языками греческимъ и еврейскимъ — съ такимъ успѣхомъ, что по гречески могъ говорить и сочинять, а съ еврейскаго дѣлать переводы. Значительные успѣхи въ изученіи языковъ греческаго и еврейскаго, при добромъ и кроткомъ поведеніи, обратили на Клементьевскаго вниманіе начальниковъ семинаріи и въ особенности митрополита Платона. По его назначенію, Клементьевскій, по окончаніи курса, опредѣленъ былъ 1809 г. 8 января учителемъ греческаго и еврейскаго языковъ въ троицкую семинарію. Въ 1811 году, оставаясь учителемъ еврейскаго языка, онъ перемѣщенъ былъ на должность учителя въ высшемъ грамматическомъ классѣ. Въ 1812 лаврское Семинарское Правленіе ходатайствовало предъ митрополитомъ Платономъ объ опредѣленіи въ должность учителя высшаго краснорѣчія и риторики Клементьевскаго, «и по особенной наклонности къ монашеству, и по отличнымъ дарованіямъ, и по практическому знанію языковъ и словесности испытаннаго и надежнаго къ высшимъ должностямъ». 10 января того года состоялась резолюція преосвященнаго митрополита: «риторика Клементьевскому»,—написанная дрожащею рукою изнемогавшаго старца-святителя.

Здѣсь мы прощаемся съ именемъ Николая Клементьевскаго и встрѣчаемъ новое имя—Никанора, сорокъ три года носимое почившимъ архипастыремъ. Новоопредѣленный учитель высшаго краснорѣчія и риторики, вѣроятно, тотчасъ же по опредѣленіи своемъ на новую должность, на 25 году возраста изъявилъ давно питавшееся и уже примѣчаемое со стороны желаніе вступить въ иноческій санъ. Отъ 4-го февраля 1812 года преосвященный Платонъ ходатайствовалъ предъ

Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи постричь учителя Клементьевскаго въ монашество. Указъ послѣдовалъ отъ 6-го марта. 9-го апрѣля послѣдовало постриженіе. 21-го числа того же мѣсяца совершено было преосвященнымъ митрополитомъ Платономъ рукоположеніе новопостриженнаго во іеродіакона,—послѣднее рукоположеніе, совершенное знаменитымъ митрополитомъ. Во іеромонаха рукоположилъ новопостриженнаго уже преосвященный Августинъ, епископъ Дмитровскій, 16 ноября 1812 г., въ день погребенія митрополита Платона. Новопосвященному іеромонаху Никанору суждено было произнести послѣднее надгробное слово надъ тѣломъ почившаго іерарха (2).

Іеромонахъ Никаноръ не долго оставался на прежнемъ мѣстѣ и при прежнемъ назначеніи. Въ іюлѣ слѣдующаго (1813) года онъ сдѣланъ былъ проповѣдникомъ академіи и соборнымъ іеромонахомъ московскаго Донскаго монастыря, и получилъ назначеніе, сообразное съ своими дарованіями. Черезъ годъ послѣ этого новаго назначенія, преосвященный Августинъ, которому поручено было собрать нужныя свѣдѣнія и сдѣлать свои соображенія объ открытіи московскаго духовно-учебнаго округа и московской дух. академіи, рекомендовалъ проповѣдника іеромонаха Никанора, какъ «имѣющаго отличныя способности и свѣдѣнія», въ баккалавры историческихъ наукъ въ академію, вновь учреждаемую. Рекомендація преосвященнаго принята во вниманіе, и іеромонахъ Никаноръ въ 1814 году является уже баккалавромъ академіи (съ 19 августа) и членомъ цен-

(2) Прекрасное слово это напечатано въ «Житіи Платона митрополита Московскаго», Москв. 1831, ч. 2, стр. 137.

сурнаго комитета, учрежденнаго при академіи (съ 22 октября). Чрезъ нѣсколько дней послѣ послѣдняго опредѣленія, (31 октября) ему дано новое назначеніе, дѣлавшее ему честь, какъ человѣку, который былъ способенъ «поддержать одобреніе и оправдать выборъ», но налагавшее новыя заботы и новые труды,— назначеніе въ намѣстники Троицко-Сергіевой Лавры, съ оставленіемъ при академіи въ должности баккалавра. Правда, начальство не оставляло его и безъ ободренія, тотчасъ же почти послѣ назначенія въ намѣстники лавры возведши въ санъ архимандрита и настоятеля Спасо-Виѳанскаго второкласснаго монастыря; въ особенности преосвященный Августинъ, архіепископъ московскій, поддерживалъ его своими доброжелательными совѣтами и самымъ благосклоннымъ вниманіемъ. Но во всякомъ случаѣ предполагать можно, что совмѣстное служеніе въ лаврѣ и въ академіи было не легко, хотя не имѣемъ основаній заключать, что оно было очень трудно: за успѣхи ручаются награды — драгоцѣнными камнями украшенный наперсный крестъ, Всемилостивѣйше пожалованный 1818 г. января 18 дня, и назначеніе Коммиссіею Духовныхъ Училищъ въ члены конференціи московской духовной академіи 27 апрѣля того же года.

Въ 1818 же году, 18 августа, намѣстникъ Сергіевой Лавры опредѣленъ былъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ виѳанскую семинарію, съ оставленіемъ при этомъ членомъ конференціи, внѣшняго академическаго правленія и цензурнаго комитета, и, сверхъ того, назначенъ въ члены московской духовной консисторіи, съ перемѣщеніемъ изъ Спасо-Виѳанскаго въ Новолутвинъ, что въ Коломнѣ,

второклассный монастырь. Не долго оставалось за архимандритомъ Никаноромъ и это новое назначеніе: Промыслъ Божій какбы хотѣлъ въ короткое время провести, путемъ опыта, по всѣмъ путямъ духовной службы того, кому судилъ впослѣдствіи святительское служеніе въ пяти епархіяхъ и первенство въ Правительствующемъ Соборѣ Россійскихъ Іерарховъ. Въ 1819 году (апрѣля 17) онъ переведенъ былъ въ московскій Высокопетровскій монастырь. Проповѣдникъ академіи и тутъ не оставилъ своего любимаго дѣла: проповѣдью его оглашались своды храмовъ Высокопетровскаго монастыря, какъ свидѣтельствуютъ оставшіяся послѣ покойнаго рукописи. Членъ академической конференціи, обозрѣвавшій прежде этого (въ 1816 г.) московскую духовную семинарію, не былъ чуждъ дѣлъ академическаго правленія и въ это время: въ 1820 году онъ снова былъ командированъ по предписанію Коммиссіи Духовныхъ Училищъ для обозрѣнія семинарій рязанской и тульской. Достойный служитель Церкви въ должностяхъ баккалавра академіи, намѣстника лавры и ректора семинаріи, заслужилъ и здѣсь достойную награду—знаки ордена св. Анны 2-й ст., Всемилостивѣйше пожалованные ему въ сентябрѣ (8 ч.) 1820 года.

Здѣсь оканчивается первый періодъ жизни преосвященнаго Никанора, предшествовавшій святительскому тридцатилѣтнему служенію его, періодъ приготовительный, начальный, положившій начала тому, чему въ послѣдствіи судилъ Господь развиться и раскрыться на болѣе обширномъ, видномъ и полезномъ поприщѣ. О четырехъ-пяти годахъ, прошедшихъ отъ этого времени до назначенія архимандрита Высокопетровскаго монастыря въ викарія с.-петербургской митрополіи,

мы не имѣемъ свѣдѣній. Переходимъ къ 1826 году, началу святительскаго служенія преосвященнаго Никанора.

Въ январѣ 1826 года настоятель Высокопетровскаго монастыря архимандритъ Никаноръ, по докладу Святѣйшаго Синода, Высочайше утвержденъ епископомъ ревельскимъ, викаріемъ с.-петербургской митрополіи, съ порученіемъ въ управленіе его второклассной Сергіевой Пустыни ([3]). «Получивъ указъ изъ Святѣйшаго Синода ([4]), — писалъ новоназначенный викарій с.-петербургскій къ преосвященному митрополиту Серафиму, — о назначеніи меня въ викарнаго с.-петербургскаго, епископа ревельскаго, не могу не открыть предъ вашимъ высокопреосвященствомъ тѣхъ чувствъ, какія произвело во мнѣ назначеніе меня въ епископскій санъ. Живо чувствуя свое недостоинство, исполнился я страхомъ и трепетомъ и, представляя трудность великаго служенія, пришелъ въ смятеніе и скорбь. Какъ могу быть пастыремъ Церкви Христовой, когда не живу по духу Его? Какъ могу проходить великое служеніе, ко-

---

([3]) 23 марта совершено было нареченіе его во епископа, а 28-го и рукоположеніе—въ лаврской Духовской церкви, гдѣ нынѣ почиваютъ останки его.

([4]) За два мѣсяца до полученія сего указа, архим. Никаноръ разсказывалъ преосвященному Кириллу, бывшему въ то время викаріемъ московскимъ, замѣчательный сонъ. Представилось ему, что онъ—въ пути къ С.-Петербургу, идущемъ чрезъ Тверь и Новгородъ, — что, пріѣхавъ въ Петербургъ, остановился въ Александроневской Лаврѣ. Преосв. Кириллъ пораженъ былъ подробностями разсказа о мѣстности и наружномъ видѣ Твери и Новгорода, а особенно зданій св. Софіи въ Новгородѣ и Лавры въ С.-Петербургѣ, которыхъ никогда до этого не видалъ а. Никаноръ, и предсказалъ ему его назначеніе, дѣйствительно состоявшееся въ непродолжительномъ времени.

гда я еще не уготовалъ себя служить Господу въ совершенной правдѣ и преподобіи? Но Господь, по благости своей, призрѣвъ на недостойнаго раба своего, поставляетъ меня подъ руководительствомъ твоимъ: ободряюсь и утѣшаюсь, что ты научишь меня всему въ дѣлѣ великаго служенія своимъ назидательнымъ словомъ и святымъ примѣромъ, укрѣпишь и утвердишь меня силою Божіею, которая въ тебѣ крѣпка». Дѣйствительно, не даромъ прошло пятилѣтіе, которое провелъ преосвященный Никаноръ въ С.-Петербургѣ въ санѣ викарія с.-петербургскаго, подъ руководствомъ преосвященнѣйшаго Серафима, оставившаго по себѣ память мудраго архипастыря. Усердіе преосвященнаго митрополита, вспомоществуемое благопріятными обстоятельствами времени, сдѣлало все, чтобы научить новаго священноначальника «всему въ дѣлѣ великаго служенія». Съ перваго раза повелѣно было Консисторіи всѣ безъ изъятія дѣла представлять на предварительное разсмотрѣніе преосвященнаго викарія. Въ маѣ того же 1826 года, по особому представленію митрополита, преосвященный Никаноръ Высочайше назначенъ членомъ Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Семинарія с.-петербургская, съ подвѣдомственными ей училищами, ввѣрена была ближайшему вѣдѣнію преосвященнаго по особой инструкціи. Духовная академія, членомъ конференціи которой преосвященный Никаноръ сдѣланъ былъ въ 1827 году, два раза видѣла его въ стѣнахъ своихъ въ качествѣ ревизора—въ 1827 и 1829 годахъ. Есть памятники, что преосвященный митрополитъ Серафимъ знакомилъ своего викарія и съ поручавшимися его ближайшему разсмотрѣнію дѣлами Святѣйшаго Синода: какъ будто

предусматривалъ онъ въ своемъ тогдашнемъ помощникѣ будущаго преемника! Особенныя событія 1826 года содѣйствовали преосвященному Серафиму въ наставленіи его викарія въ дѣлахъ служенія, которыя, по преимуществу, лежатъ на архипастыряхъ первопрестольной столицы. 3-го іюля 1826 года преосвященный Никаноръ, по Высочайше утвержденному докладу Святѣйшаго Синода, отъ 24-го мая, назначенъ членомъ Синодальной Конторы, временно открытой въ С.-Петербургѣ по случаю отбытія Свят. Синода въ Москву для священнаго помазанія Государя Императора Николая Павловича. Вслѣдъ затѣмъ, вмѣстѣ съ управленіемъ с.-петербургскою епархіею, предоставлено было ему, на время отсутствія преосвященнѣйшаго митрополита, исправленіе должности главнаго попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и исполненіе обязанностей помощника главнаго попечителя, вмѣсто кн. П. С. Мещерскаго, также отбывшаго въ Москву ([5]).

Опытъ пастырскаго благоразумія и кротости, всегда впослѣдствіи отличавшихъ преосвященнаго Никанора, показалъ онъ въ своемъ путешествіи по Финляндіи, куда былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, въ августѣ 1827 года для освященія соборной церкви въ Гельсингфорсѣ ([6]). Тогдашній военный генералъ-

---

([5]) Послѣднее порученіе повторялось въ 1829-мъ г., по случаю увольненія кн. Мещерскаго въ отпускъ за границу.

([6]) Въ С.-Петербургѣ преосв. Никаноромъ, въ бытность его викаріемъ, освящены: Свято-Духовская церковь при кондукторской школѣ—25 марта 1827 г.; Александроневская при школѣ военныхъ кантонистовъ — 11 сент. того же года; церковь во имя св. великом. Георгія въ технологическомъ институтѣ—11 октября 1831 г.; совершена закладка церкви и дома призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ граждалъ — 21 іюня 1831 г.

губернаторъ Финляндіи гр. З. писалъ въ благодарственномъ письмѣ своемъ къ митрополиту Серафиму отъ 17-го августа: «викарій вашего высокопреосвященства, преосвященный Никаноръ, епископъ ревельскій, прибывъ въ Гельсингфорсъ 12 сего августа, 14 числа, въ воскресенье, совершилъ освященіе новоустроенной здѣсь Свято-Троицкой церкви съ духовенствомъ, сопровождавшимъ его изъ С.-Петербурга и пребывающимъ въ предѣлахъ финляндскихъ. Его преосвященство исполнилъ сіе священнодѣйствіе со всѣмъ тѣмъ благолѣпіемъ, какое только видѣть можно въ архіерейскомъ служеніи по чину нашего вѣроисповѣданія, и самъ произнесъ къ народу поучительное слово, коимъ истинно тронулъ сердца слушателей, благоговѣйно въ храмѣ семъ предстоявшихъ. Онъ принялъ еще на себя служить въ сей церкви въ тотъ же вечеръ на всенощной и 15 числа въ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы литургію, а 16-го, склонясь на приглашеніе обитателей свеаборгской крѣпости, благоволилъ совершить литургію и въ тамошней морскаго вѣдомства церкви. Вообще его преосвященство весьма терпѣливо и охотно перенесъ труды сего трехдневнаго священнодѣйствія; образомъ же обращенія своего плѣнилъ не только грекороссійскихъ здѣшнихъ исповѣдниковъ, но и лютеранъ, коихъ великое стеченіе всюду и уважительно его сопровождало. Можно сказать, что прибытіе сюда россійскаго архіерея есть еще первое не только въ Гельсингфорсѣ, но даже во всей новой Финляндіи, и я пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю принести вашему высокопреосвященству искреннѣйшую благодарность мою за избраніе къ таковому сей страны посѣщенію преосвященнаго Никанора, который въ глазахъ иноплемен-

никовъ здѣшнихъ поддержалъ съ полнымъ достоинствомъ и санъ свой, и благочестіе, и священнослуженіе нашея православныя вѣры (7)». По засвидѣтельствованію Святѣйшаго Синода объ усердіи и трудахъ преосвященнаго Никанора для блага св. Церкви, онъ Всемилостивѣйше сопричисленъ былъ въ 1827 году къ ордену св. Анны 1-й ст., знаки коего получилъ 25 декабря, въ праздникъ Рождества Христова.

Въ послѣдней трети 1831 года открылось для преосвященнаго Никанора поприще самостоятельной дѣятельности въ служеніи архипастырскомъ. Двадцатипятилѣтній подвигъ на этомъ поприщѣ въ разныхъ концахъ Россіи стяжалъ преосвященному самую добрую и благословенную память Перемѣна положенія не измѣнила въ немъ всегда отличавшихъ его свойствъ — кротости и неистощимой любезности. Во всѣхъ мѣстахъ своего управленія всегда онъ былъ доступенъ для всѣхъ, всякаго сторонняго человѣка умѣлъ привязать къ себѣ своимъ обхожденіемъ, всякаго изъ подчиненныхъ имѣлъ непобѣдимое терпѣніе выслушать, въ случаяхъ просьбъ или жалобъ, до малѣйшихъ подробностей, наставить въ случаѣ нужды, уговорить въ случаѣ упорства, утѣшить въ несчастіи и скорби. Отъ предшествовавшихъ годовъ преосвященный перенесъ въ свое самостоятельное архипастырское служеніе обращавшій на себя вниманіе паствъ пріобрѣтенный навыкъ и сердечное расположеніе къ священнослуженію. Ни одного праздника или торжественнаго дня, ни одного даже дня воскреснаго, не оставлялъ онъ, доко-

(7) Въ 1829 г. преосвященный обозрѣвалъ церкви въ уѣздахъ царскосельскомъ, лугскомъ, гдовскомъ и ямбурскомъ.

лѣ былъ въ свѣжихъ силахъ, безъ священнодѣйствія; ни одной положенной для соборныхъ церквей панни-хиды не предоставлялъ совершить кому либо, до тѣхъ, по крайней мѣрѣ, поръ, доколѣ не имѣлъ у себя викарія. Но преосвященный не ограничивалъ симъ исполненія своего долга. Вступивъ на подвигъ самостоятельнаго служенія, онъ не замедлилъ воспользоваться случаемъ къ доброму употребленію на пользу паствъ своихъ и дара, отличавшаго его еще въ первомъ періодѣ служенія Церкви,—дара проповѣдническаго. Памятникомъ ревностныхъ трудовъ его въ дѣлѣ проповѣди слова Божія остались шесть томовъ рукописныхъ поученій (8). Здѣсь находимъ 52 проповѣди на праздники Господскіе и Богородичные, 62 слова на св. четыредесятницу, 21 поученіе на дни недѣльные, 18 словъ на дни Святыхъ, 42 слова на дни высокоторжественные и 40 словъ и рѣчей на разные случаи: довольно плодовъ и свидѣтельствъ ревностнаго труда (9)! Прибавимъ и еще одну черту, отличавшую

---

(8) Всѣ эти поученія завѣщаны почившимъ архипастыремъ Александроневской Лаврѣ. Чтобы познакомить читателей нашего журнала съ духомъ и тономъ поученій преосвященнаго Никанора, мы помѣщаемъ въ этой же книжкѣ два его слова.—Вмѣстѣ съ шестью томами «словъ и рѣчей» преосвященнѣйшій Никаноръ завѣщалъ библіотекѣ Александроневской Лавры три тома записокъ по различныхъ богословскимъ наукамъ, которыя преподавалъ онъ въ виѳанской семинаріи: 1) «Изъясненіе текста въ VII главахъ посланія ап. Павла къ Римлянамъ»; 2) «Institutiones Hermeneuticae Sacrae»; 3) «Delineatio Theologiae contemplativae»: томъ довольно большаго объема; въ началѣ его помѣщенъ конспектъ догматическаго и нравственнаго богословія.

(9) Надобно впрочемъ сказать, что въ этотъ сборникъ не вошло еще много рѣчей, произнесенныхъ преосвященнымъ при разныхъ случаяхъ, но или не записанныхъ, или разсѣянныхъ между дѣловыми бумагами покойнаго.

архипастырское служеніе преосвященнаго Никанора,— его щедрую благотворительность, направленную къ существеннымъ пользамъ паствъ, которыя ему были вв ряемы и изъ которыхъ ни одной не забылъ онъ и не задѣлилъ своимъ архипастырскимъ вниманіемъ. Долго не кончить бы намъ, еслибы мы рѣшились представить перечень всѣхъ пожертвованій, сдѣланныхъ преосвященнымъ Никаноромъ въ продолженіе жизни и предъ кончиною. Для доброй памяти благотворительнаго архипастыря довольно будетъ, если мы перечислимъ только мѣста, куда пожертвованія сдѣланы или предназначены и укажемъ на важнѣйшія изъ всѣхъ пожертвованія. Успенская церковь Сергіевскаго Посада на родинѣ почившаго первосвятителя первая обратила на себя заботливое вниманіе его и еще въ 1834 году получила отъ него парчевую ризницу и священные сосуды, въ 1845 также ризницу бархатную, и наконецъ, въ 1852 году еще ризницу изъ золотаго глазета; въ 1852 же году внесено преосвященнымъ на ея имя въ московскій Опекунскій Совѣтъ 1500 рублей серебромъ на вѣчныя времена. На Волыни подворье почаевской лавры въ Житомирѣ, ризница лавры, архіерейскій домъ, библіотека и типографія, волынскій архіерейскій домъ и каѳедральный соборъ пріобрѣли въ разное время отъ преосвященнаго Никанора множество драгоцѣнныхъ вещей, между которыми не разъ упоминаются полныя архіерейскія облаченія, панагіи, кресты; а библіотека волынской семинаріи—нѣсколько десятковъ номеровъ разныхъ книгъ. Варшавскій архіерейскій домъ и ризница каѳедральнаго собора также хранятъ цѣнныя вещи, оставленныя имъ отъ преосвященнаго. Въ С.-Петербургѣ и Новгородѣ памятниковъ

благотворенія почившаго святителя еще болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Упомянемъ объ устроенной въ 1852 году на счетъ преосвященнаго митрополита сѣни надъ престоломъ главнаго алтаря софійскаго собора, стоившей 1266 р. 95 к. сер.; о весьма значительномъ количествѣ драгоцѣнныхъ вещей, пожертвованныхъ преосвященнымъ въ ризницу Александроневской Лавры, иконъ, крестовъ и т. п., и о книгахъ, въ числѣ болѣе шести сотъ, переданныхъ въ лаврскую библіотеку (10); о пожертвованіяхъ въ библіотеку с.-петербургской семинаріи, между которыми числятся два многотомныя изданія: *Scripturae sacrae cursus completus*, 28 т., и *Theologiae cursus completus* (11), 28 т., и наконецъ, о достойныхъ вниманія пожертвованіяхъ въ библіотеку с.-петербургской духовной академіи (12). Въ 1852 и 1853 годахъ преосвященный митрополитъ положилъ въ с.-петербургскій Опекунскій Совѣтъ по 1000 р. сер.

---

(10) Вмѣстѣ съ книгами пожертвованы разные памятники древности, какъ-то: книги древней печати, древнія рукописи, граматы, медали и монеты. Святѣйшій Синодъ, когда доведено было до свѣдѣнія его о таковъ пожертвованіи, объявилъ преосвященному совершенную признательность.

(11) На I-мъ томѣ перваго изъ этихъ изданій собственноручно написано высокопреосвященнымъ: «полный курсъ свящ. Писанія въ XXVIII томахъ жертвую въ библіотеку с.-петербургской духовной семинаріи въ пособіе преподавателямъ, съ наставленіемъ св. апостола Павла: да испытываютъ *все: добраго*, здраваго ученія да держатся». На I-мъ т. втораго изданія написано: «полный курсъ богословія въ XXVIII томахъ жертвую въ библіотеку с.-петербургской духовной семинаріи, въ пособіе наставникамъ: да извлекаютъ изъ него, что согласно съ словомъ Божіимъ и ученіемъ, еже по благовѣрію.»

(12) Разумѣемъ цѣнныя изданія, пожертвованныя преосвященнымъ митрополитомъ въ академическую библіотеку: 1) Aya Sofia Constantinople, as recently restored by order of H. M. the Sultan Abdul Medjid; 2) Собраніе картъ и рисунковъ къ изслѣдованіямъ о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго Моря, графа Алексѣя Уварова. Спб. 1851 г.

въ пользу бѣдныхъ, призрѣваемыхъ духовными попечительствами въ епархіяхъ: с.-петербургской, новгородской, калужской, минской и волынской, также на имя спасо-виѳанскаго монастыря и с.-петербургскаго воскресенскаго женскаго монастыря. На богадѣльни александроневскую, состоящую при лаврѣ, и знаменскую, что въ Новгородѣ, внесено въ томъ же году по 500 рублей. Въ 1854 г. пожертвовано 2300 р. на имя Правленія с.-петербургской семинаріи и 2200 на имя Правленія семинаріи новгородской — для содержанія на проценты съ этихъ суммъ по одному въ каждой изъ тѣхъ семинарій ученику изъ сиротъ или дѣтей бѣдныхъ родителей; 3000 р. на имя Духовно-Учебнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ — на содержаніе изъ процентовъ въ царскосельскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія двухъ воспитанницъ — сиротъ или дѣтей бѣдныхъ родителей. Въ декабрѣ 1855 года сдано въ канцелярію александроневской лавры два билета, каждый на 1000 руб. сер., съ надписью на пакетѣ: «распечатать послѣ моей смерти»: одна тысяча была, какъ въ свое время оказалось, предназначена на погребеніе, а другая — въ пользу лавры на вѣчное поминовеніе самого преосвященнаго митрополита и его родителей. Въ тоже почти время попечительный архипастырь внесъ въ Опекунскій Совѣтъ по 500 рублей на имя дѣвичьихъ монастырей — староладожскаго Успенскаго, новгородскаго Святодухова, покровскаго — Звѣрина, Десятинскаго, Сверкова и воскресенскаго Горицкаго. На имя Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества положено въ это же время 2000 р. сер. съ тѣмъ, «чтобы проценты раздаваемы были ежегодно, предъ праздникомъ св. пасхи, нуждающимся

въ дневномъ пропитаніи, для которыхъ и малое пособіе, благовременно оказанное, можетъ благопріятно быть и возбудить въ искренно пріемлющихъ благодарныя чувствованія къ Всевышнему Подателю всѣхъ благъ» ([13]).

Любопытно и поучительно было бы прослѣдить въ подробностяхъ подвигъ архипастырскаго служенія, запечатлѣнный въ цѣломъ составѣ своемъ такими прекрасными свойствами. Но, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время сдѣлать это очень трудно, и мы должны ограничиться только краткимъ обзоромъ времени служенія преосвященнаго Никанора въ епархіяхъ калужской, минской, волынской, варшавской и, наконецъ, новгородской и с.-петербургской.

На долю паствы калужской выпало только три года изъ времени святительскаго служенія преосвященнаго. 5 сентября 1831 года преосвященный Никаноръ назначенъ былъ на каѳедру епископа калужскаго и боровскаго. 5 сентября 1834 года состоялось новое назначеніе его — на каѳедру минскую съ возведеніемъ въ санъ архіепископа. Государь Императоръ Николай Павловичъ, прибывъ 17 сентября въ Калугу, 18 ч. лично, на данной преосвященному аудіенціи, поздравилъ его архіепископомъ минскимъ... Это трехлѣтіе архипастырскаго служенія преосвященнаго Никанора въ благоустроенной епархіи калужской пролетѣло для паствы,—

([13]) Въ пользу бѣдныхъ, призрѣваемыхъ Человѣколюбивымъ Обществомъ, бывшій главный попечитель и прежде этого дѣлалъ много частныхъ пожертвованій. Въ новоустроявшуюся, наприм., въ домѣ призрѣнія малолѣтныхъ бѣдныхъ церковь высокопреосвященный пожертвовалъ кругъ богослужебныхъ книгъ. Кромѣ того, въ распоряженіе Совѣта Общества предоставлялъ высокопреосвященный митрополитъ деньги, коими благодарили его за труды священнослуженія при отпѣваніи знатныхъ лицъ.

по выраженію одной изъ прощальныхъ рѣчей, произнесенныхъ предъ преосвященнымъ при его отъѣздѣ изъ Калуги, — «какъ три мгновенія». «Бываютъ минуты,» говорила преосвященному прощавшаяся съ нимъ паства, — бываютъ минуты, кои кажутся продолжительнѣе годовъ, а твои годы короче минутъ. Въ самое короткое время ты успѣлъ сдѣлать то, на что потребны были многіе годы, — ты успѣлъ привязать къ себѣ сердца наши такъ, что мы желали бы жить, желали бы и умереть съ тобою (14)».

Новое назначеніе, указанное преосвященному Никанору державною волею, представило ему еще обширнѣйшее поприще для добраго употребленія свойствъ своего сердца — незлобія и кротости, которыя, дѣйствительно, всѣми были видимы и глубоко цѣнимы въ паствѣ минской. Не безъ нѣкотораго страха отправлялся преосвященный архіепископъ въ новый для него край, въ которомъ предвидѣлъ много для себя «трудностей и столкновеній». Но Богъ помогъ ему и время совершенно оправдало выборъ Монарха. «Пастырская дѣятельность по епархіи, ввѣренной его управленію, и растворенная духомъ любви и мира ревность о утвержденіи православія, сопровождаемая благими

---

(14) Въ мартѣ 1832 года, получивъ отъ предсѣдательствовавшаго въ комитетѣ Высочайше утвержденнаго общества попечительнаго о тюрмахъ кн. Трубецкаго приглашеніе къ принятію званія вицепрезидента калужскаго тюремнаго комитета, преосвященный охотно изъявилъ на это согласіе и, бывъ Высочайше утвержденъ въ этомъ званіи 17 апрѣля, исполнялъ обязанности вицепрезидента во все время пребыванія своего въ калужской епархіи. — Каждый годъ преосвященный обозрѣвалъ, по частямъ, ввѣренную ему епархію. Въ 1834 году, въ іюнѣ (25 ч.), освященъ имъ памятникъ, воздвигнутый въ селѣ Тарутинѣ въ воспоминаніе тарутинской битвы 1812-го года.

успѣхами», обратившія на себя благоволительное вниманіе Государя Императора ([15]), оставили добрый слѣдъ въ памяти и православной паствы минской ([16]), и въ душахъ овецъ, которыя были въ то время еще *не отъ двора сего*. По ходатайству его, въ 1836 году утвержденъ для минскаго каѳедральнаго собора новый штатъ.. Усиліями его открыто нѣсколько новыхъ приходовъ и увеличилось число православныхъ церквей чрезъ обращеніе грекоунитскихъ церквей въ православныя. Мѣрами кроткаго убѣжденія привлечено, въ продолженіе времени служенія преосвященнаго въ минской епархіи, болѣе шестнадцати тысячъ иновѣрцевъ къ православію. Всѣ эти труды на пользу православія въ краѣ, изобиловавшемъ иновѣрцами, даютъ преосвященному Никанору право на имя одного изъ дѣятельнѣйшихъ соучастниковъ въ великомъ дѣлѣ присоединенія уніатовъ, «отторгнутыхъ насиліемъ и возсоединенныхъ любовію», ознаменовавшемъ средину великаго царствованія незабвеннаго Монарха. 11-го іюня 1839 года преосвященный имѣлъ радость видѣть плоды трудовъ, въ которыхъ принималъ живое участіе, въ торжественномъ совокупномъ священнослуженіи своемъ съ преосвященнымъ архіепископомъ (нынѣ митрополитомъ) литовскимъ Іосифомъ въ минскомъ каѳедральномъ соборѣ, и въ томъ умиленіи, съ какимъ нововозсоединенная паства взирала на совмѣстное священно-

---

([15]) См. рескриптъ, при которомъ препровождены были къ преосвященному Никанору знаки ордена св. равноап. князя Владиміра въ апрѣлѣ 1838 г.

([16]) Въ Минскѣ также, какъ и въ Калугѣ, преосвященный несъ званіе и обязанности вицепрезидента тюремнаго комитета, бывъ утвержденъ въ этомъ званіи 18 декабря 1834 г.

дѣйствіе двухъ архипастырей. Съ своей стороны, онъ сдѣлалъ при этомъ все, чтобы глубже запечатлѣть въ народѣ память торжества православія и примиренія разрозненныхъ нѣкогда братій по крови и по вѣрѣ ([17]).

Годъ торжества присоединенія уніатовъ былъ послѣднимъ годомъ святительскаго служенія преосвященнаго Никанора въ епархіи минской. Въ январѣ (28 ч.) 1840 года, именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Синоду, онъ назначенъ архіепископомъ волынскимъ и житомирскимъ и почаевской Успенской лавры архимандритомъ. Новое поприще вызвало новыя заботы и труды, а вмѣстѣ и представило случай къ новымъ заслугамъ. Въ октябрѣ того же года состоялось распоряженіе правительства о перемѣщеніи волынской архіерейской каѳедры изъ почаевской лавры въ Житомиръ. Первому архіепископу волынскому, имѣвшему обязанность устроить мѣстопребываніе архипастырей волынскихъ въ главномъ городѣ Волыни, предстояло, конечно, не мало заботъ. Но заботы о новомъ помѣщеніи не отвлекли вниманія преосвященнаго Никанора отъ нуждъ прежняго мѣстопребыванія владыкъ волынскихъ, почаевской лавры. Лѣтописи ея записали нѣсколько опытовъ попеченій архипастыря объ ея устройствѣ и благосостояніи. Прежде всего обращено было вниманіе на духовныя нужды братіи лаврской. Преосвященный пожертвовалъ въ библіотеку лавр-

---

([17]) Оба святителя облачались вмѣстѣ среди храма. Пришедшія къ этому времени награды духовенству раздаваемы были обоими. Царскія врата и во время причащенія священнослужащихъ были отверзты, какъ въ пасху. По выходѣ изъ собора оба преосвященные шли вмѣстѣ, благословляя народъ, съ алчностью спѣшившій принять благословеніе у того и другаго.

скую не мало книгъ изъ собственной библіотеки. За тѣмъ, попеченіемъ архипастыря устроенъ былъ особый придѣлъ въ главномъ лаврскомъ храмѣ Успенія Богоматери, на хорахъ, во имя святителя и чудотворца Николая, — въ память посѣщенія лавры Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ 25 сентября 1842 года, перваго царскаго посѣщенія лавры. Главнѣйшее сокровище лавры — чудотворная икона Божіей Матери, именуемая почаевскою, украшена въ его время и частію изъ его пожертвованій драгоцѣнною ризою, устроенною изъ каменьевъ въ Екатеринбургѣ. Зданія лавры поновлены или улучшены; лаврскій хоръ пѣвчихъ благоустроенъ... Паства волынская, въ свою очередь, не мало занимала преосвященнаго и не мало получила пользы отъ его мудрыхъ архипастырскихъ распоряженій. Подъ его начальственнымъ руководствомъ приняты въ Волыни дѣятельныя и успѣшныя мѣры къ обученію поселянскихъ дѣтей, которыя, наконецъ, охотно были отдаваемы родителями въ школы при церквахъ, за что Святѣйшій Синодъ нашелъ справедливымъ изъявить ему благодарность ([18]). Подъ его заботливою распорядительностью учреждены въ Волыни катихизическія поученія, которыя съ особеннымъ вниманіемъ и усердіемъ, и съ большою пользою, слушалъ православный народъ, за что также изъявлена ему признательность Святѣйшаго Синода ([19]). Труды преосвященнаго на пользу паствы волынской вознаграждены были Всемилостивѣйшимъ рескриптомъ, при которомъ (въ 1841 г.) препровождены были знаки ордена св. Александра

([18]) Въ указѣ отъ 7 іюля 1849 г.

([19]) Въ указѣ отъ 7-го же іюля 1849 г.

Невскаго: «всегда усердное и отлично полезное служеніе ваше, ознаменованное въ управленіи преемственно ввѣряемыхъ вамъ епархій дѣйствованіемъ успѣшнымъ, миролюбно ревностнымъ о православіи и вполнѣ сообразнымъ съ духомъ святыя Церкви, пріобрѣтаетъ вамъ право на особенное Наше вниманіе и благоволеніе. Во изъявленіе оныхъ Мы сопричислили васъ къ ордену св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, знаки коего препровождая, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію» ([20]). Въ 1842 году мая 17 дня Высочайше повелѣно преосвященному Никанору прибыть въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ.

Отправляясь въ С.-Петербургъ, преосвященный не представлялъ, можетъ быть, что Промыслу Божію благоугодно было призвать его къ мѣсту первоначальнаго его служенія святительскаго для того, чтобы онъ воздалъ послѣдній долгъ своему благодѣтелю и руководителю на поприщѣ пастырскаго служенія — преосвященному митрополиту Серафиму, которому онъ сдѣлался чрезъ нѣсколько времени и преемникомъ. Какъ бы то ни было, только преосвященный архіепископъ волынскій, чрезъ восемь мѣсяцевъ послѣ своего вызова для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, участвовалъ при погребеніи митрополита Серафима, получивъ уже, отъ 17 января 1843 года, дня кончины митрополита, новое назначеніе — быть архіепископомъ варшавскимъ и новогеоргіевскимъ, съ оставленіемъ въ

([20]) Рескриптъ отъ 28 марта 1841 года.

званіи священно-архимандрита почаевской лавры и при управленіи волынскою епархіею ([21]).

Новая паства, ввѣренная преосвященному Никанору, сама по себѣ не обширная, не очень, конечно, много увеличивала труды архипастыря двухъ паствъ по епархіальному управленію. Но она налагала тяготу другаго рода, которую предуказалъ преосвященному самъ Помазанникъ Божій во время прощальной аудіенціи, данной новоназначенному архіепископу варшавскому 10 мая 1843 года, — тяготу быть представителемъ православнаго духовенства въ краѣ, преизобилующемъ иновѣрцами и соприкасающемся съ другими европейскими государствами. Требовалось много достоинствъ, много мудрости, много, наконецъ, доброты сердечной, чтобы на такомъ поприщѣ пріобрѣсти себѣ уваженіе и привязанность окружающихъ. Преосвященному Никанору и то и другое пріобрѣли—неутомимое усердіе къ богослуженію ([22]), ревностное проповѣданіе слова Божія ([23]), кроткое обращеніе со всѣми и всегда готовое участіе въ дѣлахъ общественнаго благотворенія. Въ ободреніе ему среди трудовъ его служенія, мѣсто, ставившее его передъ глазами многихъ тысячъ наблюдателей, представило ему утѣшительную возможность часто встрѣчать благоволительные взоры Государя Императора и всей Августѣйшей Фамиліи. Годы, которые провелъ прео-

---

([21]) Въ тоже самое время сдѣланъ былъ онъ членомъ Святѣйшаго Синода.

([22]) Онъ почти за правило положилъ въ самомъ началѣ службы своей въ Варшавѣ—не только совершать литургію во всѣ праздничные дни, но и участвовать въ совершеніи всенощныхъ бдѣній въ нарочитые праздники.

([23]) Съ самаго также начала служенія тамъ рѣдко оставлялъ онъ литургію безъ проповѣди.

священный въ Варшавѣ, пропитаны, такъ сказать, свѣтлыми событіями встрѣчъ, привѣтствій и представленій преосвященнаго Незабвенному Государю Императору и членамъ его Августѣйшаго Семейства ([24]).

([24]) Въ 1843-мъ году 14 іюня онъ встрѣчалъ въ варш. каѳедр. соборѣ Великаго Князя Михаила Павловича; 9 сентября, въ присутствіи Государя Императора, совершалъ въ лагерѣ на Повонзковскомъ полѣ благодарственный молебенъ по случаю рожденія Великаго Князя Николая Александровича и привѣтствовалъ Государя Императора рѣчью; 10-го имѣлъ аудіенцію у Государя Императора; 12-го совершалъ литургію въ присутствіи Его Величества; 26 декабря совершалъ литургію въ присутствіи Государя Наслѣдника (нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора). Въ 1844-мъ г. 13 апрѣля встрѣчалъ Государя Наслѣдника съ Государынею Цесаревною. Въ 1845-мъ мая 4-го дня представлялся Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ; 9-го совершалъ встрѣчу Государя Императора въ каѳедр. соборѣ; 10-го имѣлъ аудіенцію у Его Величества; 31-го октября представлялся Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ; 24-го декабря совершалъ встрѣчу Государя Императора въ соборѣ, а 25-го, въ присутствіи Его Величества, совершалъ молебенъ въ замковой церкви. Въ 1846-мъ г. мая 6-го встрѣчалъ Государя Императора въ соборѣ, 16-го имѣлъ аудіенцію, 21-го встрѣчалъ въ церкви Лазенковскаго дворца Государя Императора, Государыню Императрицу и Великую Княгиню Ольгу Николаевну, причемъ привѣтствовалъ Государыню Императрицу трогательною рѣчью; октября 20 встрѣчалъ Великаго Князя Константина Николаевича и въ присутствіи Его Высочества совершалъ литургію, 21-го представлялся Великому Князю; ноября 20 встрѣчалъ Великаго Князя Михаила Павловича, 24 Государя Наслѣдника и вторично Великаго Князя Михаила Павловича, 26 представлялся Государю Наслѣднику. Въ 1847-мъ году апрѣля 12 совершалъ въ присутствіи Великаго Князя Михаила Павловича молебенъ по случаю рожденія Великаго Князя Владиміра Александровича, 13-го представлялся Великому Князю, а потомъ и Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, 17 и 21-го совершалъ литургію въ присутствіи Его Высочества; 29 сентября встрѣчалъ Государя Императора, Государя Наслѣдника и Великаго Князя Константина Николаевича; 3 октября совершалъ встрѣчу Государя Императора, Государя Наслѣдника, Государыни Цесаревны, Великой Княжны Маріи Александровны, Великаго Князя Константина Николаевича и Его Высоконареченной Невѣсты, въ церкви Лазенковскаго дворца, причемъ привѣтствовалъ Государя Императора рѣчью.

Драгоцѣннѣйшимъ памятникомъ вниманія Государя Императора къ трудамъ и заслугамъ преосвященнаго Никанора, въ этотъ періодъ его служенія, остались два Высочайшихъ рескрипта, при которыхъ препровождены были къ преосвященному—алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ (въ 1844 г.) и алмазные знаки ордена св. благов. вел. князя Александра Невскаго (въ 1847 г.). Они запечатлѣваютъ память «благоразумной, усердной и кроткой попечительности преосвященнаго, вполнѣ сообразной съ духомъ и пользами православія, по управленію ввѣренными ему епархіями».

Высочайшимъ именнымъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Синоду въ 4-й день ноября 1848 года, преосвященный Никаноръ назначенъ былъ митрополитомъ новгородскимъ съ порученіемъ ему и управленія с.-петербургскою епархіею во время болѣзни тогдашняго митрополита с.-петербургскаго, преосв. Антонія. Онъ не успѣлъ еще выѣхать изъ Варшавы, какъ преосвященный Антоній преставился, и вскорѣ за тѣмъ (20 ч.) состоялось новое Высочайшее повелѣніе—быть митрополиту новгородскому вмѣстѣ и с.-петербургскимъ, эстляндскимъ и финляндскимъ. 17 декабря прибылъ преосвященный митрополитъ въ С.-Петербургъ и вступилъ на новое, обширнѣйшее и послѣднее для него поприще служенія, начавъ его молитвою у гроба св. благ. вел. князя Александра Невскаго и молитвеннымъ воспоминаніемъ своихъ предшественниковъ, къ могиламъ которыхъ поспѣшилъ въ самыя первыя минуты своего пребыванія въ С.-Петербургѣ, прежде вступленія въ митрополичій домъ. Паства, помнившая еще начальные годы святительскаго служенія преосвященнаго Никанора среди ея, съ отрадными надеждами взирала

на любимаго уже архипастыря: бодрый старецъ объщалъ много полезной дѣятельности и много еще годовъ жизни. Въ первомъ не обманулась паства. Второе ожиданіе не сбылось: невступно восемь только лѣтъ продолжалась служба высокопреосвященнѣйшаго Никанора въ званіи Первенствующаго Члена Святѣйшаго Правительствующаго Синода, митрополита новгородскаго, с.-петербургскаго, эстляндскаго и финляндскаго, и священно-архимандрита Александроневской Лавры.

Не имѣемъ возможности и дерзновенія касаться трудовъ первосвятителя по званію Члена Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Всѣмъ извѣстна только неизмѣнная точность его въ исполненіи обязанностей этого званія и постоянно живая ревность къ трудамъ, какіе оно возлагало, занимавшимъ у преосвященнаго весьма значительную долю времени. Благоволительное царственное слово двухъ Помазанниковъ запечатлѣло память «опытовъ усердія къ общему благу Церкви» и «важнѣйшихъ усердно понесенныхъ труловъ», какими ознаменовано было служеніе преосвященнаго Никанора, какъ Члена Святѣйшаго Синода и предстоятеля двухъ старѣйшихъ епархій ([25]). Особенный знакъ отличія — греческій орденъ Спасителя 1-й ст., къ которому король греческій сопричислилъ ([26]) преосвященнаго Никанора (въ апрѣлѣ 1851 года), желая выразить удовольствіе свое по случаю установленія сношеній между

([25]) Въ рескриптахъ — отъ 8 апрѣля 1851 г. и отъ 26-го августа, изъ которыхъ при первомъ препровождены были къ преосвященному знаки ордена св. апостола Андрея Первозваннаго, а при второмъ—знаки ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра 1-й ст.

([26]) Принять и возложить на себя знаки этаго ордена Высочайше разрѣшено преосвященному Никанору 30 Іюня 1851 г.

Святѣйшимъ Всероссійскимъ Синодомъ и Синодомъ Еллинскимъ, останется также памятникомъ высокаго служенія преосвященнаго въ званіи Первенствующаго Члена Святѣйшаго Синода.

Болѣе извѣстна ревностная дѣятельность высокопреосвященнаго въ кругѣ дѣлъ служенія архипастырскаго, не только не ослабѣвавшая подъ вліяніемъ разнообразныхъ трудовъ, которые возлагаемы были на него внѣ круга епархіальнаго управленія, но и какъ будто оживлявшаяся и возраставшая съ каждымъ годомъ. Неизмѣнная точность въ исполненіи обязанностей службы отличала и въ С.-Петербургѣ, до самаго послѣдняго времени, занятія его дѣлами, обыкновенно начинавшіяся съ пяти часовъ по полуночи. Терпѣливый и всегда кроткій пріемъ просителей повторялся у доступнаго всѣмъ владыки каждый день. Богослуженіе никогда не обременяло преосвященнаго ([27]) и иногда сопровождалось поучительнымъ словомъ, хотя уже Петербургъ не такъ часто слышалъ слово ученія изъ устъ его, какъ прежнія паствы, особенно въ послѣднее время. Среди всѣхъ этихъ трудовъ преосвященный находилъ досугъ и для самыхъ заботливыхъ попеченій о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, ввѣренныхъ его начальственному управленію, въ особенности о с.-петербургской духов-

---

([27]) Въ продолженіе 8 лѣтъ службы своей въ С.-Петербургѣ, преосвященный совершилъ освященіе 13 церквей и 9 рукоположеній во епископа — рукоположеніе преосв. Христофора, нынѣ епископа вологодскаго, пр. Антонія — нынѣ епископа оренбургскаго, пр. Макарія, епископа винницкаго, пр. Димитрія, епископа тульскаго, пр. Григорія, епископа калужскаго, пр. Антонія — нынѣ епископа архангельскаго, пр. Никодима, епископа чебоксарскаго, пр. Іоанникія, нынѣ епископа саратовскаго, и пр. Платона — нынѣ епископа ревельскаго.

ной академіи ([28]) и объ устройствѣ Александроневской Лавры, которой онъ былъ священно-архимандритомъ ([29]). Наконецъ, не ограничиваясь и тѣмъ, просвѣщенная заботливость высокопреосвященнаго о назиданіи паствы и успѣхѣ науки нашла время восполнить недостатки Лавры, не имѣвшей дотолѣ ни жизнеописанія св. бл. вел. князя Александра Невскаго, ни Акаѳиста Угоднику, ни описанія своихъ достопримѣчательностей, и сдѣлать нѣсколько другихъ общеполезныхъ литературныхъ предпріятій ([30]). По волѣ и подъ руководствомъ преосвященнаго митрополита составлены и изданы въ 1853 году жизнеописаніе Угодника и Акаѳистъ ему; почти въ тоже время явилось и описаніе достопримѣчательностей Лавры и приступлено къ сбору матеріаловъ для исторіи Лавры. Въ послѣднее уже время, по волѣ архипастыря, обнаруживавшаго особенное распо-

([28]) Преосвященный обозрѣвалъ ее въ 1849 мъ, въ 1851-мъ, въ 1853-мъ и 1855-мъ годахъ. Много полезныхъ предположеній сдѣлалъ онъ послѣ своихъ обозрѣній. Святѣйшій Синодъ, утвердивъ предположенія, изъявлялъ преосвященному нѣсколько разъ совершенную признательность. Академія, въ свою очередь, въ чувствахъ глубокой признательности къ архипастырю, ходатайствовала предъ Святѣйшимъ Синодомъ о возведеніи высокопреосвященнаго митрополита на степень Почетнаго Доктора Богословія, что и состоялось іюля 6 1854 года.

([29]) Его попеченіемъ устроена въ Лаврѣ библіотека, основу которой положилъ самъ же преосвященный своими пожертвованіями. Иноческія обители вообще составляли для него предметъ особыхъ попеченій, какъ это можно видѣть и изъ пожертвованій, сдѣланныхъ преосвященнымъ. Въ 1850-мъ году преосвященный посѣтилъ Валаамскій монастырь и освятилъ тамъ церковь. Не задолго до смерти онъ началъ было писать наставленіе настоятелямъ и настоятельницамъ обителей, къ сожалѣнію, оставшееся не оконченнымъ.

([30]) По его желанію составленъ русскій переводъ богослужебныхъ каноновъ православной Церкви на двунадесятые праздники и св. Четыредесятницу.

ложеніе и сочувствіе къ историческимъ изысканіямъ ([31]), составлена біографія преосвященнаго митрополита с.-петербургскаго Гавріила и предпринято составленіе жизнеописанія преосв. митрополита Амвросія.

Особый кругъ дѣятельности открылся преосвященному Никанору вслѣдъ за назначеніемъ на каѳедру с.-петербургскую, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ его главнымъ попечителемъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и предсѣдателемъ Совѣта Общества ([32]). И въ этомъ кругѣ дѣятельности преосвященный митрополитъ явилъ много усердія и доброты и принесъ отечеству много пользы. Бѣдные, ежедневно сбиравшіеся къ нему въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, помнятъ, конечно, его кроткое христіанское участіе, съ какимъ онъ выслушивалъ ихъ просьбы, никого не отпуская отъ себя не утѣшеннымъ. Заведенія для бѣдныхъ, состоящія въ вѣдомствѣ Человѣколюбиваго Общества, во время восьмилѣтняго управленія высокопреосвященнѣйшаго Никанора, иныя получили, по личнымъ указаніямъ архипастыря, лучшее устройство,

([31]) Ходъ дѣлъ въ коммиссіи, учрежденной для описанія древностей новгородскихъ, особенно занималъ преосвященнаго митрополита въ послѣдніе годы.

([32]) Преосвященный митрополитъ несъ еще званія: почетнаго члена казанской духовной академіи—съ 11-го мая 1844 г.; почетнаго члена Императорскаго с.-петербургскаго университета, съ 17 генв. 1849 г.; почетнаго члена Императорской Академіи Наукъ съ 29 дек. 1849 г.; почетнаго члена конференціи московской дух. академіи съ 31 марта 1850 г.; почетнаго члена с.-петербургской Медико-Хирургической Академіи съ 16 сент. 1850 г.; почетнаго члена Императорскаго Археологическаго Общества съ 23 декабря 1851 г.; почетнаго члена конференціи кіевской духовной академіи съ 14 февр. 1852 г.; почетнаго члена Демидовскаго Дома Трудящихся съ 16 дек. 1853 г.

другія открыты вновь; благотворительныя дѣйствія Общества распространены, между тѣмъ какъ средства его не только не уменьшились, но еще получили значительное приращеніе ([33]). Милостивое царское слово многократно обращалось къ преосвященному Никанору съ выраженіемъ благодарности и многократно запечатлѣвало заслуги его, оказанныя на поприщѣ служенія, въ составѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, на которомъ дѣйствовалъ онъ два раза въ жизни ([34]). Послѣднее слово Монаршей признательности к

([33]) Особенною заботливостію преосв. Никанора домъ призрѣнія малолѣтныхъ убогихъ приведенъ въ отличный порядокъ, увеличенъ въ составѣ и украшенъ устройствомъ церкви во имя св. ап. Никанора; по дому убогихъ сдѣланы разныя улучшенія для успокоенія призрѣваемыхъ тамъ бѣдныхъ, а по дому воспитанія бѣдныхъ дѣтей и дѣвичьимъ школамъ приняты всѣ необходимыя мѣры къ возможно совершенному ихъ благоустройству. При архипастырскомъ попеченіи преосвященнаго Никанора возникли въ вѣдомствѣ Человѣколюбиваго Общества новыя заведенія: 1) богадѣльня, устроенная княгинею Екатериною Васильевною Салтыковою, на собственной ея дачѣ за Малою Охтою, съ церковью во имя св. великом. Екатерины; 2) въ С.-Петербургѣ лечебница для безмезднаго пользованія приходящихъ больныхъ; 3) въ г. Одессѣ богадѣльня сердобольныхъ сестеръ и для помѣщенія ихъ больница; 4) въ г. Мологѣ (Яросл. Губ.) богадѣльня для призрѣнія престарѣлыхъ женщинъ и 5) въ г. Костромѣ попечительный о бѣдныхъ Комитетъ. Издержки Общества на предметы благотворенія въ это осьмилѣтіе превышали издержки предшествовавшаго болѣе, чѣмъ на 700,000, а денежные капиталы пріобрѣли приращенія на сумму около 400,000 руб. сер.

([34]) Какъ члену Совѣта Общества, преосвященному Никанору, вмѣстѣ съ другими членами, изъявлено было Высочайшее благоволеніе за 1826, 1827, 1828, 1829 и 1830-й годы; какъ главному попечителю, — въ рескриптахъ на его имя отъ 9 окт. 1849 г., 3 декабр. 1850 г., 25 ноября 1851 г., 21 декабр. 1852, 20 декабр. 1853, 21 ноября 1854 г., апр. 30 1855 г.. Упомянемъ здѣсь кстати и о двукратномъ изъявленіи преосвященному Никанору Монаршей благодарности и благоволенія за пожертвованія, принесенныя, въ періодъ минувшей войны, чрезъ преосвященнаго на военныя

благоволепія, принятое съ душевнымъ восторгомъ и благоговѣніемъ другими членами Общества, не долетѣло до слуха преосвященнаго Никанора. Оно изречено было въ Москвѣ 15 сентября 1856 года; а 17 — духъ святителя виталъ уже въ другомъ мірѣ.

Такимъ образомъ мы приблизились уже и къ кончинѣ святителя... Дивная была кончина! Тихо приблизилась она къ архипастырю, отъ жизни котораго вѣетъ сладостною тишиною рѣдкаго незлобія, кротости и благоснисходительности. Мирно, какъ у не многихъ, совершилась кончина іерарха, котораго вся жизнь запечатлѣна духомъ миролюбія и миротворенія.

Года за полтора до кончины ([35]), старецъ-святитель сталъ замѣтно ослабѣвать въ силахъ, хотя до послѣдняго времени продолжалъ, по прежнему, свои домашнія занятія и труды епархіальнаго управленія и службы въ Святѣйшемъ Синодѣ, съ прежнею точностію и со всегдашнимъ своимъ благодушіемъ. Паства съ скорбію

потребности отъ духовенства с.-петербургской епархіи и новгородскаго архіерейскаго дома (апр. 6-го 1854 года и 11 мая 1855). Преосвященный лично отъ себя включилъ въ составъ этихъ пожертвованій 9000 рублей серебромъ. 13 Іюля 1855 года объявлена преосвященному Высочайшая Его Императорскаго Величества благодарность за труды по распредѣленію между бѣдными жителями С.-Петербурга 8000 рублей, Всемилостивѣйше пожалованныхъ по случаю кончины въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Николая I-го.

([35]) Почти съ самаго времени кончины Незабвеннаго Государя Императора Николая Павловича, который первымъ, по вступленіи на престолъ, утвердилъ въ санѣ епископа преосвященнаго Никанора и котораго погребеніе Господь судилъ совершить преосвященному же Никанору — въ санѣ уже митрополита с.-петербургскаго.

смотрѣла на изнеможеніе силъ своего архипастыря, но еще не теряла надежды: во время пріемовъ и священнодѣйствія въ немъ проявлялось столько бодрости духа, что немощи тѣла становились почти не примѣтны, и казалось, что впереди у него еще долгій, хотя уже и начавшійся, вечеръ жизни. Самъ высокопреосвященный, не отрекаясь отъ врачебныхъ пособій и ни мало не упадая духомъ подъ бременемъ недуговъ, предчувствовалъ, что конецъ близокъ. «Чувствуя,—писалъ онъ въ своемъ завѣщаніи въ декабрѣ 1855 года,—чувствуя со дня на день болѣе и болѣе возрастающія немощи и недуги старости, а съ ними упадокъ въ силахъ тѣлесныхъ, вижу, сколько можно видѣть омраченному грѣхомъ внутреннему оку души, яко смерть не умедлитъ». Въ это время онъ уже сдѣлалъ послѣднія распоряженія на случай своей смерти.

Въ іюнѣ нынѣшняго года, вскорѣ послѣ праздника Пятидесятницы (36), преосвященный митрополитъ отправился въ Новгородъ для обозрѣнія епархіи и въ надеждѣ освѣжить свои силы путешествіемъ и отдохновеніемъ. По видимому, цѣль была достигнута. Въ Новгородѣ преосвященный былъ веселъ и дѣятеленъ, посѣтилъ всѣ тамошнія обители, совершилъ шесть священнослуженій, занимался дѣлами. Паства новгородская провожала его со слезами, но въ этихъ слезахъ не было и тѣни предчувствія скорой вѣчной разлуки ея съ архипастыремъ: то были слезы любви и

(36) Въ этотъ праздникъ онъ совершилъ послѣднее священнослуженіе въ Лаврѣ.

благодарности къ святителю, который въ это посѣщеніе новгородской епархіи былъ особенно неистощимъ въ любви и ласкахъ. Паства с.-петербургская съ утѣшеніемъ и радостію встрѣтила своего владыку, по возвращеніи его изъ Новгорода, бодрымъ и веселымъ.

Сборы въ Москву, къ торжеству священнѣйшаго мѵропомазанія Ихъ Величествъ, занимавшіе въ это время преосвященнаго, видимо радовали его надеждою еще разъ видѣть святую лавру Сергіеву, подъ кровомъ которой онъ росъ и началъ свое служеніе Церкви и отечеству, родину, не видѣнную имъ въ продолженіе тридцати лѣтъ, — поклониться гробу преподобнаго Сергія и могиламъ родителей. Прощанье преосвященнаго при отправленіи въ Москву было особенно радушно.

Первыя же почти вѣсти о высокопреосвященномъ митрополитѣ изъ Москвы были уже смутны. Съ возвращеніемъ архипастыря въ С.-Петербургъ (5 сентября), недоумѣніе паствы его разрѣшилось, но не радостно. Преосвященный, радушно встрѣченный въ древней столицѣ, поспѣшилъ исполнить желаніе сердца — посѣтить св. лавру Сергіеву и могилы родителей своихъ. Все это сдѣлалъ онъ бодро и благодушно. Но почти вслѣдъ за возвращеніемъ въ Москву силы его стали видимо оскудѣвать. Провидѣніе сохранило остатки силъ преосвященнаго только до времени торжества всероссійскаго. На другой день торжества онъ привѣтствовалъ Ихъ Императорскія Величества отъ лица всего духовенства рѣчью, излившеюся отъ сердца. И это былъ послѣдній уже подвигъ его въ жизни. Каждый изъ послѣдовавшихъ затѣмъ дней приносилъ съ собою только бо́льшій и бо́льшій упадокъ силъ.

Прибывъ въ С.-Петербургъ, преосвященный митро-

политъ не вдругъ еще слегъ на болѣзненный одръ, хотя въ бесѣдахъ его уже часто выражалось убѣжденіе, что надежды на выздоровленіе его нѣтъ. Во все это время, совершенно спокойный въ духѣ, онъ былъ постоянно въ молитвенномъ настроеніи, часто возводилъ къ небу очи свои и глубокими воздыханіями взывалъ къ Отцу небесному, намѣренно удаляя, по временамъ, отъ себя всѣхъ приближенныхъ, чтобы въ уединеніи молитвенно бесѣдовать только съ Богомъ. Съ 12 сентября онъ уже не возставалъ съ своего болѣзненнаго одра, содѣлавшагося для него одромъ смертнымъ: въ этотъ день онъ въ послѣдній разъ былъ исповѣданъ и пріобщенъ святыхъ Христовыхъ таинъ. 16 числа принялъ святое таинство елеосвященія съ живою вѣрою и видимою радостію. Въ продолженіе ночи съ 16 на 17 число ожидали кончины съ минуты на минуту. Въ три часа по полуночи преосвященный викарій пришелъ, чтобы принять послѣдній вздохъ святителя, и прочелъ молитву на исходъ души. Но и еще двѣнадцать часовъ длилась жизнь болящаго, съ сохраненіемъ сознанія почти до послѣднихъ часовъ. Въ два часа по полудни, примѣчая уже послѣднюю борьбу жизни со смертію, преосвященный викарій прочелъ разрѣшительную молитву. Въ исходѣ третьяго часа бывшіе при одрѣ архипастыря преклонили колѣна. Сдерживаемыя слезы и тайныя молитвы не возмущали глубокой тишины въ комнатѣ умирающаго. Вдругъ часы пробили три раза. Въ безотчетномъ чувствѣ трепета сердечнаго присутствующіе невольно усугубили молитвы, и преосвященный викарій тихо произнесъ трогательную молитву извѣстнаго святителя Іоасафа (Горленки): «буди благословенъ день и часъ, въ оньже Господь мой Іисусъ

Христосъ мене ради родися, распятіе и смерть претерпѣ. О, Господи Іисусе! въ часъ смерти пріими духъ раба твоего, въ странствіи суща, молитвами Пречистыя твоея Матере и всѣхъ Святыхъ твоихъ. Аминь». Съ послѣднимъ словомъ молитвы вылетѣлъ послѣдній вздохъ святителя... Было три часа и пять минутъ ([37])...

([37]) Тѣло святителя погребено 21 сентября въ лаврской Духовской церкви, въ царскихъ вратахъ, между могилами преосвященныхъ митрополитовъ Серафима и Антонія.

СЛОВО

ПРЕОСВЯЩЕННАГО МИТРОПОЛИТА НИКАНОРА

ВЪ НЕДѢЛЮ 24-Ю (*).

Въ чтенномъ нынѣ евангеліи слышали мы, братія, о двухъ необыкновенныхъ явленіяхъ въ жизни человѣческой. Одно произошло съ кровоточивою женою и состояло въ чудесномъ исцѣленіи ея отъ неизлечимой болѣзни, другое — съ умершею дщерію князя Іаира и заключалось въ воскрешеніи ея изъ мертвыхъ. Разсмотримъ сіи сверхъестественныя событія подробнѣе для нашего назиданія.

Упоминаемая въ евангеліи жена страдала теченіемъ крове двѣнадцать лѣтъ. Можете представить, какъ она была измучена болѣзнію и озабочена исцѣленіемъ отъ оной. Все, что имѣла она, истощила на лекарства и врачей, и что же? — *не возможе ни отъ единаго исцѣлѣти* (Лук. 8, 43).

Слово Божіе не запрещаетъ намъ употреблять въ болѣзняхъ естественныя средства и прибѣгать ко вра-

---

(*) Произнесено въ 1839 году.

чамъ: ибо мудрый Сирахъ свидѣтельствуетъ, что *Господь созда врачеванія, и мужъ мудрый не возгнушается ими* (Сир. 38, 4). Но тотъ же Сирахъ и преподаетъ наставленіе всѣмъ болящимъ прибѣгать прежде къ Богу съ моленіемъ, потомъ не дѣлать грѣховъ, за симъ принести жертву Богу, и наконецъ уже обратиться и ко врачу. *Чадо*, говоритъ онъ, *въ болѣзни твоей не презирай, но молися Господеви, и той тя исцѣлитъ. Отступи отъ прегрѣшенія, и направи руцѣ, и отъ всякаго грѣха очисти сердце твое: даждь благоуханіе и память семидала, и умасти приношеніе. И даждь мѣсто врачу, Господь бо его созда: и да не удалится отъ тебе, потребенъ бо ти есть* (Сир. 38, 9 — 12). Наставленіе божественное! Какой больной не воспользуется имъ? и какой врачъ не одобритъ его? — Но воспользовалась ли имъ жена кровоточивая? Молилась ли Богу? Уповала ли на Его всесильную помощь? Очищала ли сердце свое отъ грѣховъ? — Нѣтъ. Она молилась врачамъ и уповала на ихъ искусство и знаніе. И потому болѣзнь ея становилась день ото дня неисцѣльнѣе, опаснѣе: *паче же въ горшая пріиде*.

Когда всѣ надежды на помощь человѣческую уже исчезли: тогда страдалица обращаетъ мысленный взоръ свой на помощь небесную. Не поздо ли? — Нѣтъ, братія: можно опоздать только надеждою на врачей, но надежда на Бога никогда не поздна. Слухъ о чудесахъ Христовыхъ производитъ въ душѣ болящей жены вѣру; вѣра возстановляетъ надежду на исцѣленіе; вѣра и надежда влекутъ и мысль ея и чувства къ Спасителю, утѣшая, что, если только прикоснется разъ Его, спасена будетъ. Такъ и сдѣлалось: *и приступивши созади коснуся края ризъ его; и абіе ста токъ крове*

(Лук. 8, 44), *и ощути тѣломъ, яко исцѣлѣ отъ раны* (Мар. 5, 29).

Очевидно, что кровоточивая жена, такъ сказать, похитила исцѣленіе: ибо Іисусъ Христосъ, ощутивъ прикосновеніе, спросилъ въ ту же минуту учениковъ своихъ: *кто есть прикоснувыйся мнѣ? Азъ бо чухъ силу изшедшую изъ мене* (Лук. 8, 46). Но такое похищеніе было дѣйствіемъ смиренія и скромности. Грѣшница стыдилась предстать предъ святѣйшее лице Божественнаго Учителя и Чудотворца; совѣстилась утруждать Его такою просьбою; боялась безпокоить Его своею нуждою и довольствовалась надеждою на одно тайное прикосновеніе къ Его ризѣ.

Для чего спросилъ Іисусъ: кто есть коснувыйся Мене? Неужели Онъ не зналъ и не видѣлъ прикоснувшейся къ Нему жены?—Онъ хотѣлъ заставить тайную похитительницу признаться въ дѣлѣ, ею учиненномъ, хотѣлъ, чтобы она всенародно объявила о своемъ исцѣленіи, и — сдѣлалъ.

Трепещущи пріиде, и падши предъ нимъ, еяже ради вины прикоснуся ему, повѣда ему предъ всѣми людьми, и яко исцѣлѣ абіе (Лук. 8, 47). Іисусъ не оставляетъ трепещущую исповѣдницу безъ утѣшительнаго отвѣта. Сперва освобождаетъ ее отъ страха вожделѣннымъ именемъ дщери: *дерзай, дщи;* потомъ усвояетъ спасеніе ея вѣрѣ: *вѣра твоя спасе тя*; и наконецъ, даруетъ миръ ея душѣ и сердцу: *иди съ миромъ*. Получивъ исцѣленіе, получивъ драгоцѣннѣйшее благо душевнаго мира, могла ли она не одушевиться большею силою вѣры и упованія? Могла ли не возлюбить своего небеснаго Спасителя чистою и святою любовію?

Замѣтимъ при семъ, братія, что исцѣлившаяся чрезъ

прикосновеніе къ ризѣ Христовой едва ли не первая подаетъ намъ примѣръ уваженія, благоговѣнія и вѣрованія къ одеждамъ святыхъ Угодниковъ Христовыхъ, къ ихъ утвари, къ мѣстамъ ихъ жительства. Читая исторію Апостольскихъ Дѣяній, уже находимъ, что на болящихъ клали апостольскіе платы для прекращенія болѣзней, для изгнанія злыхъ духовъ (Дѣян. 19, 12). И чѣмъ далѣе простираемъ мысленный взоръ въ исторію чудесъ, произведенныхъ Угодниками Божіими, тѣмъ болѣе находимъ опытовъ и примѣровъ, доказывающихъ необходимость вѣрованія въ святость вещей, употребляемыхъ Святыми Божіими для спасенія души. Мы не сомнѣваемся въ заразительности платья, носимаго больными людьми. Тѣмъ менѣе должны сомнѣваться въ цѣлебности священныхъ одеждъ, носимыхъ прославленными и на землѣ и на небѣ Угодниками Христовыми. Прикасайся къ нимъ вѣрою, какъ прикоснулась жена къ краю ризы Христовой, и извлечешь силу божественной благодати, извлечешь утѣшеніе въ день скорби и облегченіе во время болѣзни.

Другое чудо произошло съ дщерію князя Іаира. *Приступи ко Іисусу человѣкъ нѣкій, емуже имя Іаиръ, и той князь сонмищу, и падъ при ногу Іисусову, моляше его внити въ домъ свой: яко дщи единородна бѣ ему, яко лѣтъ двоюнадесяте, и та умираше.*

Не удивительно, что люди простые, бѣдные, не знатные, некнижные прибѣгали къ Спасителю съ моленіемъ о помощи: ибо къ симъ-то людямъ Онъ преимущественно и сошелъ на землю, по предреченію пророка Исаіи, *благовѣстити нищимъ, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣненнымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе, и утѣшити вся плачущія.* Но

можно ли не удивляться тому, что къ толпѣ бѣдныхъ людей причелъ себя и такой человѣкъ, который былъ князь сонмищу? Такіе люди не скорѣе ли прибѣгаютъ въ нуждахъ своихъ къ людямъ же, въ заступленіе къ сильнѣйшимъ, въ недостаткахъ къ богатѣйшимъ, въ недоумѣніяхъ къ мудрѣйшимъ, въ болѣзняхъ къ врачамъ искуснѣйшимъ? Что же побудило его сойти въ кругъ простаго народа и кланяться предъ Тѣмъ, котораго и онъ называлъ другомъ грѣшниковъ и мытарей?—Нужда, крайняя нужда: *дщи единородна бѣ ему, и та умираше.*

Іисусъ исполняетъ просьбу Іаирову; приходитъ въ домъ, и что же?—Не дозволяетъ никому быть въ домѣ, кромѣ Петра, Іоанна и Іакова, кромѣ отца отроковицы и матери. Для чего Спаситель, не утаившій вѣры жены и чудеснаго ея изцѣленія отъ всѣхъ учениковъ и даже отъ народа, для чего здѣсь не допустилъ войти въ домъ и быть свидѣтелями своей силы не только народу, но самимъ ученикамъ своимъ? Для того, что не хотѣлъ обнаружить всенародно своего Божескаго величія и силы. Нужно знать о чудѣ ученикамъ?—Скажутъ о томъ Петръ, Іоаннъ и Іаковъ. Народу?—Возвѣстятъ отецъ, мать и сама отроковица.

И емь за руку отроковицу, возгласи: отроковице, востани: и возвратися духъ ея, и воскресе абіе. — Не много словъ сказано, но много силы ими выражено. Взятіемъ руки сообщена была жизнь умершей отроковицѣ, а воззваніемъ она воскрешена. Кто можетъ творить такія чудеса, какъ не одинъ Господь, всемогущій и всесильный?

И дивистася родителя ея: онъ же повелѣ има никомуже повѣдати бывшаго. Но можно ли было родителямъ не хвалиться своимъ счастіемъ въ оживотвореніи дщери своей? И можно ли было утаить воскресшую, которую всѣ видѣли умершею? Для чего же запретилъ? Дабы подать намъ примѣръ скромности, смиренія, и научить, чтобы не хвалились благодѣяніями даже и въ то время, когда облагодѣтельствованные обязаны прославлять благодѣтеля.

Но одно ли сіе нравоученіе преподаетъ намъ нынѣ чтенное евангеліе? Во первыхъ, оно учитъ насъ прибѣгать въ нуждахъ къ Богу съ вѣрою, и чѣмъ пламеннѣе будетъ вѣра, тѣмъ скорѣе исполнится прошеніе. Во вторыхъ — не полагать надежды на людей, если Господь не содѣйствуетъ. Сила Его тѣмъ очевиднѣе совершается, чѣмъ меньше остается надежды на помощь человѣческую. Въ третьихъ, не только самъ Богъ, но и божественныя вещи могутъ подавать намъ помощь и исцѣленіе. Взоры Іисуса Христа спасли Закхея, гласъ воскресилъ сына вдовицы и дщерь князя сонмища и Лазаря четверодневнаго; персты исцѣлили глухонѣмаго; плюновеніе возвратило зрѣніе слѣпому; край ризы уврачевалъ жену кровоточивую. Чего же не можемъ получить мы отъ тѣла Его, предлагаемаго намъ ежедневно въ таинствѣ причащенія? Чего не можемъ ожидать отъ Его Угодниковъ, освященныхъ въ жилища Ему и получившихъ власть помогать страждущимъ и врачевать болящихъ? Чего не можемъ пріобрѣтать въ вещахъ, освященныхъ Богомъ и прославленныхъ чудесною силою? Много, очень много путей, которыми Спаситель идетъ къ намъ на помощь: но много ли

путей у насъ для сообщенія съ нашимъ Спасителемъ? Одинъ — путь креста. Много ли способовъ къ пріятію Его даровъ? Одинъ — вѣра.

Вѣруйте, братія, отъ всего сердца. Такой вѣрѣ обѣщаны чудеса и слава, блаженство и рай, — обѣщано все небо! Аминь.

СЛОВО

ПРЕОСВЯЩЕННАГО МИТРОПОЛИТА НИКАНОРА, ПРОИЗНЕСЕННОЕ ИМЪ ВЪ КОЗЕЛЬСКОЙ ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ, ПРИ ВТОРИЧНОМЪ ПОСѢЩЕНІИ ЕЯ ВЪ 1833-МЪ ГОДУ.

Возлюбленніи мои, со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте (Фил. 2, 12).

Се въ другой разъ сподобляетъ меня Господь священнодѣйствовать въ святой обители вашей, возлюбленная братія, и бесѣдовать съ вами. Но чѣмъ начну бесѣду мою? Чѣмъ инымъ, какъ не симъ апостольскимъ желаніемъ: *возлюбленніи мои, со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте*? Спасайтесь о Господѣ, не озираясь вспять на тотъ міръ, который оставили ради царствія Божія, и укрѣпляйтесь силою Господнею, которая совершается въ немощахъ.

Не излишне ли сіе мое желаніе? Возможно ли, чтобы кто изъ насъ не желалъ себѣ спасенія? Возможно ли, чтобы кто обрекалъ самъ себя на погибель? Нѣтъ, по благодати Божіей, мы не дошли еще до такого ожесточенія. Дѣйствительно желаемъ спастися, и еслибы каждому изъ насъ, также, какъ нѣкогда разслабленному, предложенъ былъ небеснымъ Врачемъ вопросъ:

хощетъ ли быть здоровымъ: то, безъ сомнѣнія, каждый бы изъ насъ отвѣчалъ: *ей, Господи, хощу* (Іоан. 5, 7)! Не правду ли бы отвѣчалъ каждый? О, какъ много нашлось бы такихъ, кои, не думая обмануть Всевѣдущаго, были бы обмануты въ семъ случаѣ сами собою!

Желать спасенія, и желать искренно, значитъ, съ одной стороны, удаляться всего того, что препятствуетъ дѣлу спасенія, съ другой,—исполнять все то, что служитъ ко спасенію. Вотъ предметы бесѣды моей со всѣми вами, благ. слуш., съ вами, которые ищете спасенія, живя здѣсь въ пустынѣ, и съ вами, которые ищете того же, живя въ мірѣ.

Кто искренно желаетъ спасенія своего, тотъ удаляется всего того, что препятствуетъ дѣлу спасенія: вотъ первый предметъ! Подлинно, *любовь къ міру есть вражда на Бога* (Іак. 4, 4), и ищущій спасенія не долженъ любить міра, ни того, что въ мірѣ, не долженъ даже и мыслить о мірскомъ. Плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не могутъ; и ищущій спасенія не долженъ угождать имъ, но *распинать плоть со страстьми и похотьми*. Грѣхи разлучаютъ насъ съ Богомъ; и ищущій спасенія долженъ стараться, сколько возможно, не грѣшить ни мыслію, ни чувствомъ, ни дѣломъ.

Исполняется въ насъ, братія моя, все сіе? — Если исполняется, то наше желаніе спастись есть желаніе искреннее, живое и дѣятельное; а если не исполняется, то мы обманываемъ и себя, и другихъ.

Какъ путешественникъ, если на пути не будетъ воздерживаться въ пищѣ и питіи, не скоро идетъ и не далеко уходитъ: такъ и мы, если не будемъ воздерживаться отъ наслажденія чувственными благами, не

скоро достигнемъ спасенія. Обремененіе пищею и питіемъ погружаетъ обыкновенно въ сонъ; такъ наслажденіе земными благами вводитъ душу въ усыпленіе. И какъ путешественникъ можетъ потерять путь и заблудиться, если будетъ развлекаться разнообразіемъ предметовъ: такъ и мы можемъ погубить себя, если очи свои будемъ вѣшать по благамъ и удовольствіямъ, уши прилагать къ вѣстямъ и разсказамъ, ходить изъ мѣста въ мѣсто, дѣлать то и сё, что попало. Посмотрите, говорилъ нѣкогда апостолъ Павелъ къ Коринѳянамъ (1 Кор. 9, 25), посмотрите на позорище: въ чемъ не отказываютъ себѣ, отъ чего не воздерживаются подвизающіеся на немъ, дабы сдѣлать себя способнѣе къ достиженію вѣнца побѣднаго? И между тѣмъ, какой это вѣнецъ, для достиженія котораго отказываются отъ всего?—Вѣнецъ тлѣнный, который не рѣдко увядаетъ прежде, нежели украситъ главу побѣдителя. Если же они, продолжалъ Апостолъ, воздерживаются отъ всего для полученія вѣнца тлѣннаго: то можно ли не воздерживаться намъ, которые подвизаемся для полученія нетлѣннаго? Можно ли не воздерживаться отъ любви къ благамъ для заслуженія любви Божіей къ намъ? Можно ли не воздерживаться отъ страстей для пріобрѣтенія душѣ и сердцу мира и радости?

Можно и должно! Можно: ибо сіе воздержаніе не превышаетъ нашихъ силъ; должно: ибо не инымъ чѣмъ начинается спасеніе души, какъ воздержаніемъ отъ страстей. Такъ, когда ты сдѣлаешься боленъ, тотчасъ принимаешься за умѣренность въ пищѣ и питіи. И чѣмъ болѣе будешь думать объ исцѣленіи себя отъ болѣзни, тѣмъ менѣе заботишься уже объ удовлетвореніи своихъ прихотей. Подобно сему, чѣмъ чаще бу-

дешь помышлять о спасеніи души, тѣмъ рѣже будешь слышать въ себѣ вопль плоти. Чѣмъ благочестивыя мысли усиленнѣе, тѣмъ нечистыя слабѣе. Чѣмъ подвигъ изнурительнѣе, тѣмъ страсть кротчае. Такъ, кто скорѣе и удобнѣе воздержитъ себя отъ грѣха: тотъ ли, который всегда въ трудахъ, или тотъ, который не знаетъ инаго дѣла, кромѣ насыщенія себя сладкою пищею и преданія себя сну во всякое время? Очевидно, трудолюбивый. Избѣгай же, любезный слушатель мой, избѣгай праздности, если ты искренно желаешь своего спасенія. Что должно дѣлать для сохраненія здоровья, для исцѣленія отъ болѣзней, то надобно дѣлать и для спасенія души. Подаютъ тебѣ врачевство горькое? Не отвращайся отъ него: оно полезно. Оскорбляютъ тебя и унижаютъ? Не скорби: тебя учатъ смиренію и кротости. Накладываютъ на тѣло твое колючій и жгучій пластырь? Не плачь: онъ соберетъ въ одно мѣсто твою болѣзнь, и ты получишь облегченіе. Налагаютъ на тебя тяжкое бремя послушанія? Не ропщи: оно исправитъ твое самолюбіе, и ты спасешься.

Кто искренно желаетъ своего спасенія, тотъ исполняетъ все, что служитъ ко спасенію, — вотъ второй предметъ бесѣды.

Никто не думай, что, сдѣлавъ одно доброе дѣло, можно будетъ получить спасеніе. Всѣ христіанскія добродѣтели менѣе или болѣе связаны между собою. Одна происходитъ отъ другой, одна упрочиваетъ другую и украшаетъ. Ты хочешь спастись нищетою духовною? Дѣло доброе! *Блажени нищіи духомъ*. Но не забывай и дѣлъ любви къ ближнему своему. Не можешь помогать ему въ бѣдности чувственно: помогай духовно, совѣтами и молитвою. Ты хочешь достигнуть

царствія небеснаго цѣломудріемъ? Подвигъ ангельскій! Но не оставляй подвизаться и въ смиреніи себя предъ другими и уничиженіи. Духи поднебесные низвержены съ неба за гордость и самолюбіе. Ты изнуряешь плоть свою постомъ, бдѣніемъ и молитвою? Трудъ спасительный! Но не преставай обуздывать и языкъ свой отъ осужденія брата, не по духу, а по плоти живущаго, да не самъ осужденъ будеши. Ты терпѣливъ, послушенъ? Будь же молчаливъ и одноязыченъ. Что пользы преуспѣвать въ одной, въ двухъ, въ трехъ добродѣтеляхъ, и не очищать сердца отъ помысловъ нечистыхъ и пожеланій гнусныхъ? Что за спасеніе, если спасаешь только внѣшняго человѣка, а не внутренняго?

Правда, мы не можемъ собственными силами исполнить всего, что требуетъ спасеніе души: но можемъ просить и молить Господа, да дастъ намъ силы, яже къ животу и благочестію; и Господь никогда не отринетъ нашихъ прошеній, только были бы на пользу намъ и ближнему, только бы служили ко славѣ имени Его. Мы можемъ сами изыскивать способы къ совершенію всего того, что *истинно, честно, справедливо, чисто, любезно, достохвально* (Фил. 4, 8), и Господь, вѣрно, откроетъ намъ, что нужно для насъ и что по силамъ нашимъ. Чтожъ? Приводимъ ли въ исполненіе сію драгоцѣнную возможность? Питаемъ ли въ себѣ искреннее желаніе сдѣлаться лучшими, нежели каковы мы по природѣ? Стараемся ли быть неукоризненными предъ судомъ совѣсти и соблюдаемъ ли чистоту ея? Мужественно ли исходимъ на брань противу страстей и не уступаемъ ли имъ побѣды надъ собою безъ всякаго сраженія съ ними? Умоляемъ ли Бога о помощи и вѣрно ли употребляемъ средства, дарованныя намъ

для нашего спасенія? Ревностно ли занимаемся чтеніемъ слова Божія? Часто ли исповѣдаемъ грѣхи свои предъ служителями Божіими и пріобщаемся святыхъ Христовыхъ таинъ? Всегда ли посѣщаемъ храмъ Господень съ сердцемъ сокрушеннымъ и духомъ смиреннымъ? Подражаемъ ли святымъ Божіимъ человѣкамъ и находимъ ли утѣшеніе въ примѣрахъ ихъ жизни?

Кто, слуш., исполняетъ все сіе, тотъ искренно желаетъ себѣ спасенія, тотъ смѣло можетъ стучать въ двери божественнаго милосердія и совершенно можетъ быть увѣренъ, что ему будутъ отверзены. Но кто не дѣлаетъ ничего или дѣлаетъ, но мало, и то рабски и принужденно, тотъ не думай, что одною мыслію и однимъ желаніемъ спасетъ себя, что одно, два и три добрыя дѣла введутъ его въ царство небесное. Тогда только св. Апостолъ могъ сказать, что ему соблюдается на небесахъ вѣнецъ правды, когда прошелъ уже все поприще служенія апостольскаго и исполнилъ все, что требовалось для неба.

Вотъ что могъ преподать вамъ, братія моя, при настоящемъ съ вами общеніи. Признаюсь, скудны крупицы слова моего и не могутъ напитать алчущихъ: но утѣшаю себя тою мыслію, что онѣ взяты изъ сокровищницы слова Божія и суть крупицы хлѣба животнаго. Молю Бога, да дастъ имъ силу и дѣйствіе въ вашихъ душахъ и сердцахъ. Аминь.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ МИТРОПОЛИТОМЪ НОВГОРОДСКИМЪ И САНКТПЕРБУРГСКИМЪ ГРИГОРІЕМЪ, ПРИ ВСТРѢЧѢ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА И ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ВЪ КАЗАНСКОМЪ СОБОРѢ, ВЪ ДЕНЬ ТОРЖЕСТВЕННАГО ВЪѢЗДА ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 2-ГО ОКТЯБРЯ.

Благочестивѣйшій Великій Государь Императоръ!

И принявъ божественную святыню Царскаго мѵропомазанія, Ты шествуешь въ сей священный храмъ. Понимаемъ высокоблагодѣтельную для насъ цѣль Твоего шествія.

Сюда же предъ Тобою и вслѣдъ за Тобою неудержимо стремится и православная Церковь съ горячею молитвою къ Божіей Матери, чтобъ Она, издревле возлюбившая русское царство, сохранившая его въ опасное для него смутное время и снова передавшая его въ мудрое управленіе Твоего Царственнаго Рода, на всѣхъ путяхъ хранила Тебя, Богомъ помазанную съ Тобою Благочестивѣйшую Супругу Твою и весь

Твой Августѣйшій Домъ, а всѣмъ Твоимъ подданнымъ по всему Твоему необъятному царству даровала, для ихъ благоденствія, вожделѣннѣйшую благодать всегда со всевозможною ревностію, вѣрностію и безъ всякаго себялюбія исполнять Твою священную волю. Да благословитъ Господь шествіе Твое!

СЛОВО

ПРИ ВСТУПЛЕНІИ НА НОВГОРОДСКУЮ И С.-ПЕТЕРБУРГСКУЮ КАѲЕДРУ, ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ГРИГОРІЕМЪ, МИТРОПОЛИТОМЪ НОВГОРОДСКИМЪ, С.-ПЕТЕРБУРГСКИМЪ, ЭСТЛЯНДСКИМЪ И ФИНЛЯНДСКИМЪ, ВЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ ПЕТРОПАВЛОВСКОМЪ СОБОРѢ, ОКТЯБРЯ 14 ДНЯ 1856 ГОДА.

Живо сознавая мое недостоинство и мои повседневныя немощи, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ къ неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ вступаю на одну изъ самыхъ высшихъ каѳедръ православной Церкви, украшавшуюся многими весьма мудрыми, особенно святыми, самимъ Господомъ Богомъ прославленными Святителями. А при семъ, воспоминая весьма важныя слова св. апостола Павла, которыя у всякаго христіанина должны быть неизгладимо начертаны на сердцѣ и непрерывно сохраняемы въ памяти,—слова: *со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте* (Филип. 2, 12), потрясаюсь всѣмъ существомъ моимъ. Ибо, ежели и всякому христіанину должно содѣвать свое спасеніе со страхомъ и трепетомъ: то съ какимъ страхомъ и трепетомъ должно стараться содѣвать свое спасеніе мнѣ, когда мое спасеніе неразрывно связано со спасеніемъ

величайшаго множества душъ, несравненно болѣе, нежели гдѣ нибудь, подверженныхъ многоразличнымъ случаямъ къ разсѣянности и къ возбужденію различныхъ страстей, которыя обыкновенно препятствуютъ подчиняться не только внушеніямъ пастырей Церкви, но и внушеніямъ самаго Пастыреначальника Господа Іисуса Христа.

Меня успокоиваетъ и ободряетъ только упованіе на Господа Бога, который, по своему изволенію, благоволилъ расположить Его Величество Благочестивѣйшаго Государя Императора поставить меня на сію высокую каѳедру.

Предаюсь Господу Богу въ полное Его распоряженіе со всѣми силами моей души и моего тѣла, въ твердомъ упованіи, что Онъ, какъ всесильный, премудрый и неистощимый въ милости, не оставитъ меня безъ своей необходимой для меня помощи, но и среди величайшихъ неудобствъ и трудностей дастъ мнѣ удобство спасти мою душу и способствовать къ спасенію другихъ. Ибо *на него уповаша вси отцы наши и не постыдѣшася* (Псал. 21, 5. 6).

Уповаю на Господа Бога тѣмъ тверже и несомнѣннѣе, что Онъ, несмотря на мое недостоинство, уже семьдесятъ два года хранилъ и многократно своею милостію извлекалъ меня изъ величайшей опасности потерять не только жизнь, но и душу.

При твердомъ же моемъ упованіи на помощь Господа Бога нахожу, что, съ моей стороны, въ настоящемъ случаѣ и во всей моей послѣдующей жизни мнѣ преимущественно нужно постоянно вѣрное исполненіе ввѣренной мнѣ должности. Ибо св. Апостолъ говоритъ, что *во всѣхъ слугахъ Христовыхъ и строителяхъ таинъ*

Божіихъ ищется, да кто вѣренъ обрящется (1 Коринѳ. 4, 2). А одна изъ главнѣйшихъ моихъ обязанностей заключается въ слѣдующихъ словахъ Господа къ св. Пророку: *ты, сыне человѣчь, въ стража дахъ тя дому Исраилеву, и услышиши отъ устъ моихъ слово, и проповѣси имъ отъ мене* (Іезек. 33, 7).

Посему, при самомъ вступленіи на ввѣренную мнѣ каѳедру, обращаюсь ко всему христолюбивому собранію съ преисполненнымъ любви воззваніемъ св. апостола Петра къ вѣровавшимъ изъ всѣхъ состояній и званій, слѣдующимъ: *братіе, потщитеся извѣстно ваше званіе и избраніе творити, сія бо творяще не имате согрѣшити никогдаже. Сице бо обильно преподается вамъ входъ въ вѣчное царство Господа нашего и Спаса Іисуса Христа* (2 Петр. 1, 10. 11). *По звавшему вы Святому и сами святи во всемъ житіи будете, зане писано есть: святи будете, яко азъ святъ есмь* (1 Петр. 1, 15. 16). *Души ваши очистите въ послушаніи истины, въ братолюбіе нелицемѣрно, и любите другъ друга отъ чиста сердца прилежно* (1 Петр. 1, 32). Т. е., всѣ исполняйте обязанности своего состоянія, въ какомъ кто находится, совершенно вѣрно, своевременно, всеусильно и совѣстно. А при семъ любите другъ друга постоянно, искренно, чистымъ сердцемъ. Живя такъ, вы не согрѣшите никогда, но будете святы, какъ требуетъ Господь Богъ, и, наконецъ, вступите *въ наслѣдіе неувядаемо соблюдено на небесѣхъ васъ ради.*

За симъ обращаюсь къ вамъ, сотрудники мои, Духовные! Одному мнѣ невозможно достигнуть великой цѣли моего званія. Усердная ваша помощь мнѣ необходима. А моя великая цѣль есть вмѣстѣ и ваша цѣль. Ибо и вы слуги Христовы, и вы строители таинъ Бо-

жінхъ. Посему, по слову св. апостола Павла, *и во всѣхъ васъ*, какъ во мнѣ, *ищется, да кто вѣренъ обрящется*.

Итакъ, всегда вѣрно и всеусильно стараясь исполнять сердечное завѣщаніе св. апостола Павла возлюбленному своему ученику Тимоѳею: *образъ вѣрнымъ буди словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тимоѳ. 4, 12), всѣ будемъ неуклонно слѣдовать ученію нашего Господа Іисуса Христа, по истолкованію его св. Отцами и св. Соборами православной Церкви. Ибо, кромѣ Господа Іисуса Христа, *нѣсть иного имене подъ небесемъ, даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. 4, 12). Только Господь нашъ Іисусъ Христосъ *есть путь, истина и животъ* (Іоан. 14, 6), и посему только о Немъ торжественно сказано всѣмъ намъ съ небесъ: *того послушайте* (Лук. 9, 35). Слѣдуя же ученію Господа Іисуса Христа, будемъ непрестанно стараться дѣлаться святыми и другихъ вести къ святости жизни; а за симъ будемъ твердо стоять противъ всего неправославнаго, ложнаго, нечестиваго и безнравственнаго. Будемъ крѣпко стоять противъ всѣхъ, кто бы вздумалъ подрывать Церковь Божію, мечтая разрушить сіе великолѣпное и адскими силами несокрушимое зданіе Божіе. Поступая такъ, мы и самихъ себя сохранимъ въ несомнѣнно православной вѣрѣ, т. е., такой, какую приняли и предали намъ всѣ св. Отцы и св. Соборы; а съ другой стороны, мы ту же истинно православную вѣру предадимъ нашимъ преемникамъ и всему послѣдующему нашему роду. Такъ будемъ поступать: ибо страшно намъ носить имя Духовныхъ, не имѣя истинно духовнаго направленія ума и сердца; да и вообще горе тому чело-

вѣку, который занимаетъ на землѣ мѣсто выше дѣлъ своихъ.

Наконецъ, снова обращаюсь ко всему христолюбивому собранію. Исполняя вѣрно и совершенно совѣстно обязанности нашего состоянія, будемъ съ сердечнымъ усердіемъ молиться Господу Богу о благоденствіи Его Величества, Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Александра Николаевича, Его Благочестивѣйшей Супруги, Его Благочестивѣйшей Матери, о Благовѣрномъ Наслѣдникѣ Его Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Николаѣ Александровичѣ и о всемъ Его Августѣйшемъ Домѣ. Будемъ постоянно оказывать Его Величеству совершенную покорность, вѣрность и всевозможное усердіе въ исполненіи всѣхъ Его распоряженій. Усердно будемъ оказывать надлежащее уваженіе съ должною покорностью и всѣмъ тѣмъ лицамъ, которымъ Его Величество для государственнаго благоденствія благоволилъ и благоволитъ удѣлить нѣчто изъ Своей власти. За симъ единодушно крѣпко будемъ вооружаться противу всѣхъ, кто вздумалъ бы разрушать между нами общій миръ и согласіе, а на мѣстѣ ихъ распространять ненависть, вражду и разстройство. Такъ будемъ поступать, *да тихое и безмолвное житіе поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ во всякомъ благочестіи и чистотѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (1 Тим. 2, 2).

Благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа да будетъ со всѣми нами! (2 Корин. 13, 13). Аминь.

СОСТОЯНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ СО ВРЕМЕНИ ИЗБРАНІЯ МИТРОПОЛИТА КЛИМЕНТА ДО МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА II.

IV.

ДУХОВНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ, УЧЕНІЕ И ПИСЬМЕННОСТЬ.

Для того, чтобы судить о состояніи духовнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, въ обозрѣваемый нами періодъ, мы имѣемъ трояекаго рода данныя. Это, прежде всего, отзывы современниковъ о нѣкоторыхъ нашихъ тогдашнихъ іерархахъ и инокахъ, правда, краткіе и весьма не многіе: митрополитъ Климентъ Смолятичъ былъ такой «книжникъ и философъ», какого въ русской землѣ не бывало; митрополитъ Кириллъ I былъ «учителенъ зѣло и хитръ ученью божественныхъ книгъ»; ростовскій епископъ Кириллъ такъ поучалъ народъ, что многіе даже изъ окрестныхъ городовъ стекались въ ростовскую соборную церковь, чтобы «послушать ученья его отъ святыхъ книгъ» (223). Одинъ изъ игуменовъ смоленскаго Богородицкаго монастыря, неиз-

(223) П. Собр. Р. Лѣт. I 190. 195; II, 29.

вѣстный по имени, гдѣ началъ свои подвиги преп. Авраамій смоленскій, былъ «хитръ божественнымъ книгамъ и вся свѣдый и проходя», такъ что никто не смѣлъ предъ нимъ «отъ книгъ глаголати». Самъ Авраамій смоленскій любилъ съ величайшею ревностію заниматься чтеніемъ священныхъ и отеческихъ книгъ, «отъ всѣхъ избирая и списая ово своею рукою, ово многими писцы», и дана была ему благодать Божія «не токмо почитати, но и протолковати, яже мнозѣмь не свѣдущимъ, и отъ него наказаная всѣмъ разумѣти, и слышащимъ къ сему изъ устъ и памятію сказая, якоже ничтоже ся отъ него не утаитъ божественныхъ писаній, яко николиже умолкнуша уста его ко всѣмъ» (224). Во вторыхъ, это извѣстія о бывшихъ у насъ тогда училищахъ, хотя довольно подробныя, но, къ сожалѣнію, сохранившіяся только въ сводной лѣтописи Татищева. По словамъ его, смоленскій князь Романъ Ростиславичъ, будучи самъ весьма ученымъ, понуждалъ къ ученію многихъ, и особенно, не желая имѣть необразованныхъ священниковъ, устроялъ училища, содержалъ учителей, Грековъ и Латинянъ, и на все это до того истощалъ свои доходы, что, по смерти его (1180), жители Смоленска должны были сдѣлать добровольный сборъ для погребенія своего любимаго князя. Галицкій князь Ярославъ Владиміровичъ (ум. 1188), большой любитель книгъ и знатокъ языковъ, ревнуя о благоустроеніи церковнаго клира, искорененіи въ народѣ суевѣрій и распространеніи правыхъ понятій о

(224) Житіе преп. Авраамія, писанное ученикомъ его Ефремомъ. Рукоп. новг. Соф. библ. XVI в. въ четверть на 164 л., № 322, л. 61 об., 63 б. и 66.

вѣрѣ, вмѣнялъ чернорнзцамъ въ обязанность обучать дѣтей граматѣ и удѣлять на то часть монастырскихъ доходовъ. Еще болѣе замѣчательнымъ ревнителемъ просвѣщенія былъ вел. князь владимірскій и суздальскій Константинъ Всеволодовичъ. Наученный многимъ языкамъ, онъ не щадилъ ничего для пріобрѣтенія книгъ, держалъ при себѣ ученыхъ людей и заставлялъ ихъ переводить съ греческаго языка на славянскій; въ библіотекѣ его находилось однихъ греческихъ книгъ болѣе тысячи, которыя частію были куплены имъ самимъ, а частію получены въ даръ отъ патріарховъ, слышавшихъ о его любомудріи. Предъ своею кончиною (1218) онъ пожертвовалъ собственный домъ во Владимірѣ, всю свою библіотеку и разныя волости для училища, гдѣ иноки, Русскіе и Греки, обучали малолѣтныхъ дѣтей. Училище это продолжало существовать и по смерти князя, хотя въ 1227 г., во время страшнаго пожара владимірскаго, лишилось многихъ книгъ ([225]). Передавая сказаніе о Константинѣ Всеволодовичѣ, Татищевъ ссылается на какую-то лѣтопись св. Симона, епископа владимірскаго (ум. 1125); но такъ какъ эта лѣтопись до насъ не дошла и нѣтъ возможности судить о степени ея подлинности, такъ какъ свидѣтельства Татищева и о другихъ училищахъ неизвѣстно откуда имъ заимствованы: то, не отвергая ихъ совершенно, мы удерживаемся признать ихъ и вполнѣ достовѣр-

([225]) *Татищ.* Истор. Росс. III, 238. 280. 416. 446. О велик. князѣ Константинѣ Всеволодовичѣ Лаврентьевская лѣтопись замѣчаетъ: «мужество и *умъ* въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходяста, *вторый Соломонъ бывъ мудростію*... всѣхъ *умудряя* тѣлесными и духовными бесѣдами; *часто бо чтяше книги съ прилежаньемъ*» (—177—188).

ными. Впрочемъ, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что какія либо школы, по крайней мѣрѣ, для первоначальнаго обученія у насъ существовали: потому что а) всегда были у насъ люди граматные, цѣлый классъ пастырей Церкви, которые у кого нибудь да учились читать и писать; б) въ Житіи преп. Авраамія смоленскаго говорится, что, когда онъ пришелъ въ возрастъ, родители его «даста й книгамъ учити», и что онъ «не унываше, якоже прочая дѣти, но скорымъ прилежаніемъ извыче, сему же на игры со инѣми не исхождаше»: значитъ, въ Смоленскѣ точно было училище ([226]); в) объ учителяхъ, занимавшихся въ Россіи приготовленіемъ людей для церковнаго служенія, упоминаетъ въ своемъ посланіи (1228) константинопольскій патріархъ Германъ къ нашему митрополиту Кириллу ([227]).—Наконецъ, третье и самое важное данное, по которому мы можемъ судить, какъ о просвѣщеніи, такъ и объ ученіи въ нашей Церкви, представляютъ собою сохранившіеся остатки тогдашней нашей духовной литературы. Разумѣемъ —I) довольно многочисленныя и разнообразныя сочиненія св. Кирилла, епископа туровскаго; II) посланія св. Симона, епископа владимірскаго, и Поликарпа, инока кіево-печерскаго, которыя, по единству предмета и внутреннему характеру, составляютъ какбы одно нераздѣльное цѣлое; III) небольшія сочиненія другихъ нашихъ писателей менѣе извѣстныхъ или вовсе неизвѣстныхъ, равно какъ не многіе уцѣлѣвшіе памятники тогдашней церковной письменности.

([226]) Житіе преп. Авраамія, писанное ученикомъ его Ефремомъ. Рук. новг. Соф. библ. № 322, л. 59 об.

([227]) *Востокъ*. Опис. Рум. Муз. 804.

I.

Изъ «множайшихъ» сочиненій св. Кирилла, епископа туровскаго, которыми онъ, по выраженію древняго его жизнеописателя, просвѣтилъ концы россійскіе и, какъ вторый Златоустъ, «паче всѣхъ» въ Россіи возсіялъ ([228]), до насъ дошли: 1) девять словъ, произнесенныхъ имъ въ храмѣ предъ народомъ; 2) три статьи, изложенныя въ формѣ посланій или наставленій къ инокамъ; 3) болѣе двадцати молитвъ и канонъ молебный.

Въ числѣ уцѣлѣвшихъ словъ св. Кирилла находятся восемь на опредѣленные праздники и дни года, именно: а) въ недѣлю Вайй, б) на св. пасху, в) въ недѣлю Ѳомину, г) въ недѣлю о мѵроносицахъ, д) въ недѣлю о разслабленномъ, е) въ недѣлю о слѣпомъ, ж) на Вознесеніе Господне и з) на соборъ 318 св. Отцевъ перваго вселенскаго Собора, и одно слово, не приспособленное ни къ какому празднику и изложенное въ видѣ притчи о слѣпцѣ и хромцѣ ([229]). Каждое изъ

([228]) Прологъ подъ 28 числомъ апрѣля. См. далѣе примѣч. 240.

([229]) Всѣ эти слова помѣщены въ изданіи *Калайдовича*: «Памятники Россійской Словесности XII» в. Подлинность ихъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Первыя два слова приписываются св. Кириллу въ Сборникахъ: XIV вѣка (Опис. рукоп. Царскаго, стр. 344, М. 1848), XV вѣка (тамъ же 660), XVI в. (—137. 417. 671; Опис. рук. Толстов. стр. 52. 165). Слѣдующія за тѣмъ шесть словъ приписываются ему въ Сборникахъ: XIII в. (Опис. рук. Толст. 4—5), XIV в. (Опис. рук. Царск. 344), XV в. (тамъ же 362. 660), XVI в. (76. 139. 372. 382. 418. 672; Опис. рук. Толст. 52—57). Послѣднее слово приписывается ему въ Сборн. XIV—XV в.—«Сборница» новг. Соф. библ., по стар. катал. № 94., л. 1. Истор. Чтен. во II отд. Импер. Ак. Наукъ въ 1854 и 1855 г., стр. 138. 140), XVI в. (Оп. рук. Толст. 215. 220) и XVII в. (Опис. рук. Царск. 504). Во всѣхъ указанныхъ Сборникахъ слова означены именами: *Кюрила мниха*, *Кюрила грѣшнаго мниха*, *Кюрила недостойнаго мниха*, *св. Кюрила мниха*, *преп. отца Кюрила мниха*, или: *блаженаго Кюрила*, *св. Кюрила епископа*, а иногда

этихъ словъ начинается приступомъ, въ которомъ большею частію выражена какая либо общая мысль, не всегда, однакожъ, удачно приспособленная къ послѣдующему изложенію слова. Въ самомъ словѣ обыкновенно изъясняется предметъ праздника, раскрываются обстоятельства воспоминаемаго событія, его значеніе и слѣдствія, или излагается притча. При изъясненіи подробностей событія или притчи проповѣдникъ почти вездѣ старается показать ихъ переносный, таинственный смыслъ, иногда естественно и вѣрно, иногда довольно принужденно и произвольно. Краткія евангельскія сказанія большею частію распространяетъ; нѣкоторыя простыя и не сложныя событія представляетъ въ образной, драматической формѣ, и въ уста дѣйствующихъ лицъ влагаетъ длинныя рѣчи и объясненія, которыя, хотя, разсматриваемыя отдѣльно, иногда прекрасны, но не всегда естественны и не рѣдко дѣлаются утомительными при чтеніи, нарушая единство слова. Всѣ слова оканчиваются или краткимъ назиданіемъ слушателямъ, или

въ тѣхъ же самыхъ рукописяхъ: *Кюрила, епископа туровьскаго*, *блажен. Кюрила епископа турьскаго*, или *туровьска*, *св. Кюрила епископа турскаго*. Нельзя здѣсь не замѣтить, что въ Сборн. XIV в. Царскаго, гдѣ въ оглавленіи слова стоитъ уже имя Кирилла *епископа туровскаго* на ряду съ другими его именами, находится еще: «того же Кюрила наказанье», доселѣ неизвѣстное, которымъ, къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться (Опис. рук. Царск. 344). Кромѣ того, за подлинность всѣхъ означенныхъ словъ, изъ которыхъ одни прямо надписаны именемъ Кирилла туровскаго, а другія только именемъ Кирилла инока или Кирилла епископа и под., ручается то, что всѣ они имѣютъ одинъ внутренній характеръ, одинъ слогъ, одни любимые обороты, одинъ тонъ, которые мы опредѣлимъ далѣе. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ св. Кирилла туровскаго вошли подъ его именемъ въ печатные Сборники, изданные у насъ въ XVI и XVII в., и тамъ слово о слѣпцѣ и хромцѣ назначалось для чтенія въ церкви въ 5-ю недѣлю великаго поста (*Калайд.* Памятн. Росс. слов. XII в. предисл. стр. XXV—XXX).

краткимъ повтореніемъ прежде сказаннаго, или молитвою къ Богу, или похвалою Угодникамъ Божіимъ и молитвою къ нимъ. Вообще о словахъ Святителя туровскаго можно сказать, что отдѣльныя мѣста въ нихъ есть весьма хорошія и даже прекрасныя, но цѣлаго, вполнѣ выдержаннаго и совершеннаго, слова нѣтъ ни одного; что въ нихъ довольно искусственности и изысканности какъ въ сочетаніи мыслей, такъ и въ выраженіяхъ, и очень мало нравственныхъ наставленій, —слѣд. не достаетъ двухъ самыхъ главныхъ свойствъ проповѣдей св. Златоуста: общедоступности и нравственнаго преобладающаго направленія. Перейдемъ къ частностямъ.

Приступъ перваго слова, т. е., въ недѣлю Ваій, вовсе не приспособленъ къ нему. Сначала проповѣдникъ изрекаетъ общую, довольно неопредѣленную мысль: «велики и древни сокровища, дивно и радостно откровеніе добраго и сильнаго богатства, неоскудѣваемы дары, подаваемые ближнимъ, искусны строители славнаго и весьма честнаго дома, обильны и переполнены многіе остатки царской трапезы, отъ которыхъ нищіе питаются пищею не гиблющею, но пребывающею въ животъ вѣчный». Вслѣдъ за тѣмъ Святитель какбы поясняетъ свою мысль: «слова евангельскія, которыя Христосъ многократно изрекалъ ради человѣческаго спасенія, суть пища душамъ нашимъ; Его славный и честный домъ—Церковь имѣетъ искусныхъ строителей: патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ, игуменовъ, іереевъ и всѣхъ церковныхъ учителей, которые чрезъ чистую вѣру сдѣлались ближними Богу и благодатію Духа Святаго пріемлютъ различныя дары ученія и исцѣленія, по мѣрѣ даянія Христова. Потому и мы,

убогіе, взимая крупицы отъ остатковъ той же трапезы, наслаждаемся ими: ибо всякій рабъ своего господина хвалитъ». Послѣ этого сочинитель прямо переходитъ къ предмету слова: «а намъ, братіе, нынѣ радость и веселіе всему міру отъ наступившаго праздника, въ которомъ сбылись пророческія писанія, по случаю совершеннаго нынѣ Христомъ знаменія». Изложеніе обстоятельствъ празднуемаго событія наполнено иносказательными толкованіями: «нынѣ Христосъ отъ Виѳаніи входитъ въ Іерусалимъ, сѣдъ на жребя осле, да исполнится пророчество Захаріи о Немъ: *радуйся зѣло, дщи Сіоня, проповѣдуй дщи Іерусалимля: се царь твой грядетъ тебѣ праведенъ и спасаяй, той кротокъ, и всѣдъ на подъяремника и жребца юна* (Зах. 9, 9). Разумѣя сіе пророчество, мы веселимся: ибо души Святыхъ называются дщерями горняго Іерусалима, а жребя—это увѣровавшіе во Христа язычники, которыхъ Онъ, пославъ Апостоловъ, отрѣшилъ отъ лести діавола... Нынѣ Апостолы возложили на жребя ризы своя, и Христосъ сѣлъ верху ихъ: какое явленіе преславной тайны! Христіанскія добродѣтели суть ризы Апостоловъ, которые своимъ ученіемъ сотворили благовѣрныхъ людей престоломъ Божіимъ и вмѣстилищемъ Св. Духа... Нынѣ народы постилаютъ по пути Господу ризы своя, а другіе, ломая отъ деревъ вѣтви, полагаютъ на пути: добрый и правый путь для міродержителей и всѣхъ вельможъ есть Христосъ, которымъ, постилая его милостынею и незлобіемъ, удобно входятъ въ небесное царство; а ломающіе вѣтви отъ древа суть прочіе люди и грѣшники, которые, уравнивая путь свой сокрушеннымъ сердцемъ и умиленіемъ души, постомъ и молитвами, приходятъ къ Богу, изрекшему:

азъ есмь путь, истина и животъ (Іоан. 14, 6). Нынѣ предыдущіе и послѣдующіе восклицаютъ: осанна Сыну Давидову, благословенъ грядый во имя Господне! Предыдущіе—суть Пророки и Апостолы: тѣ напередъ пророчествовали о пришествіи Христовомъ, а эти проповѣдали во всемъ мірѣ пришедшаго Бога отъ Бога и крестили во имя Его народы. Послѣдующіе—суть Святители съ Мучениками: одни крѣпко борятся за Христа съ еретиками и отрѣшаютъ ихъ, какъ враговъ, отъ Церкви; другіе пострадали за имя Христово даже до крови и, считая все за уметы, текли въ слѣдъ Его, чтобы содѣлаться причастниками Его страданій... Нынѣ подвигся весь Іерусалимъ по случаю входа Господня: старцы шествовали быстро, да поклонятся Іисусу, какъ Богу; отроки текли скоро, да прославятъ Его за чудесное воскресеніе Лазаря; младенцы, какбы крылатые, парили вокругъ Іисуса и вопіяли: осанна Сыну Давидову... Какое откровеніе таинъ и разрѣшеніе пророческихъ писаній! Подъ старцами разумѣются язычники: ибо они явились прежде Авраама и Израиля; тогда, будучи прельщены, они уклонились отъ Бога, а нынѣ поклоняются вѣрою Сыну Божію. Отроки знаменуютъ всечестный, любящій дѣвство, иноческій чинъ, непрестанно славящій Христа и творящій чудеса благодатію Божіею. Младенцы прообразовали всѣхъ христіанъ, которые ничего не испытываютъ о Христѣ, но, Имъ живя и за Него умирая, воздаютъ Ему обѣты и молитвы». Сказавъ потомъ о скорби и смущеніи Анны, Каіафы и вообще священниковъ, которые не уразумѣли Пророковъ, замышляли злой совѣтъ противъ Іисуса и не хотѣли раздѣлить радости народа, проповѣдникъ продолжаетъ: «нынѣ тварь веселится, будучи освобо-

ждаема отъ работы вражіей, а врата и вереи адскія потряслись и силы бѣсовскія ужаснулись. Нынѣ горы и холмы источаютъ сладость, юдоли и поля приносятъ плоды Богу. Горніе воспѣваютъ, а преисподніе рыдаютъ»... И наконецъ обращается къ своимъ слушателямъ: «посему, братіе, намъ подобаетъ, какъ людямъ Божіимъ, прославить возлюбившаго насъ Христа. Пріидите, поклонимся и припадемъ Ему, мысленно лобызая пречистыя ноги Его, подобно блудницѣ. Отстанемъ, подобно ей, отъ злыхъ дѣлъ; излiемъ, яко мvро, на главу Его вѣру и любовь нашу. Изыдемъ любовію, подобно народамъ, во срѣтеніе Ему; сломимъ, какъ вѣтви, укрощеніе нашего гнѣва; постелемъ Ему, какъ ризы, наши добродѣтели; воскликнемъ молитвами и беззлобіемъ, какъ младенцы; предъидемъ Ему милостынями къ нищимъ; послѣдуемъ за Нимъ смиреніемъ и постомъ, бдѣніемъ и блаженнымъ покаяніемъ, и не погубимъ труда сорокадневнаго поста, въ которомъ мы подвизались, очищая себя отъ всякой скверны, да и въ нашъ Іерусалимъ внидетъ нынѣ Христосъ..... Уготовимъ, яко горницу, души наши смиреніемъ, да чрезъ причастіе внидетъ въ насъ Сынъ Божій и пасху сотворитъ со учениками своими»... Вообще, заключеніе— вполнѣ приличное слову и празднику, хотя не чуждое иносказаній.

Слово на св. пасху начинается весьма естественно: «нынѣ сугубая радость всѣмъ христіанамъ и веселіе міру неизреченное, ради наступившаго праздника, вмѣсто скорби прежде бывшаго таинства... Какая же была скорбь предшествовавшаго таинства? Предъ вчерашнимъ днемъ Господь нашъ І. Христосъ, какъ человѣкъ, былъ распинаемъ, а какъ Богъ, помрачилъ солнце и прело-

жилъ луну въ кровь, и тма была по всей землѣ; какъ человѣкъ, возопивъ, испустилъ духъ, а какъ Богъ, потрясъ землю,—и распались камни; какъ человѣкъ, былъ прободенъ въ ребра, а какъ Богъ, раздралъ завѣсу древняго закона; какъ агнецъ, источилъ кровь съ водою и принесъ Собою жертву Богу Отцу за спасеніе міра... Сошелъ Господь во адъ и попралъ бѣсовское царство крестомъ и умертвилъ смерть, и сѣдящіи во тмѣ увидѣли свѣтъ... Нынѣ же воскресъ Христосъ изъ мертвыхъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровалъ, и души Святыхъ отъ ада вселились на небеса. Потому двоякое и трояκое имя имѣетъ настоящій праздникъ». Послѣ этого проповѣдникъ останавливается собственно на двухъ именахъ праздника: на имени пасхи и на имени великаго дня. При раскрытіи первой мысли, онъ сначала объясняетъ, что, какъ ветхозавѣтная пасха напоминала собою кровь закланныхъ агнцевъ, которою Іудеи помазали въ Египтѣ праги домовъ своихъ и тѣмъ спасли своихъ первенцевъ отъ смерти, такъ и новозавѣтная пасха знаменуетъ кровь Агнца Божія Іисуса, закланнаго за спасеніе всего міра; а потомъ приглашаетъ своихъ слушателей причаститься животворящаго тѣла и крови сего Божественнаго Агнца. При раскрытіи второй мысли, сначала говоритъ: «поистинѣ, великъ день сей не потому, чтобы онъ имѣлъ больше часовъ, но ради великихъ чудесъ, совершенныхъ Господомъ Іисусомъ». И какбы въ изъясненіе этихъ словъ излагаетъ, какъ жены мνроносицы, минувшей субботѣ, пришли рано заутра на гробъ Іисусовъ и увидѣли здѣсь двухъ Ангеловъ, возвѣстившихъ имъ воскресеніе Господа (при чемъ въ уста Ангеловъ влагается длинная рѣчь); какъ мνроносицы возвѣстили о томъ единона-

десяти Апостоламъ, и Апостолы не повѣрили имъ; какъ Петръ и Іоаннъ, воставъ, текли ко гробу, и Іоаннъ притекъ скорѣе Петра, однакожъ не вошелъ во гробъ, а Петръ, послѣ пришедшій, вошелъ (тутъ замѣчается, что Іоаннъ образовалъ собою ветхій законъ, который, хотя чаялъ Христа, но, по пришествіи Его, не вошелъ въ вѣру Его; а Петръ представлялъ образъ новаго закона, который, хотя пришелъ послѣ, но прежде увѣровалъ во Христа); какъ Господь явился двумъ ученикамъ своимъ, шедшимъ въ Еммаусъ, и вразумилъ ихъ (при чемъ въ уста Спасителя влагается длинная рѣчь), и какъ эти два возвратились во Іерусалимъ и возвѣстили прочимъ Апостоламъ, яко воистину восталъ Христосъ и явился имъ. Заключеніе слова состоитъ изъ краткой молитвы: «а мы, братіе, видѣвъ воскресеніе Христа, поклонимся Ему и воскликнемъ: Ты еси Богъ нашъ и кромѣ Тебя иного не знаемъ. Человѣче видимый и Боже разумѣваемый! Вся земля да поклонится и да поетъ Тебѣ; помилуй насъ, Господи, вѣрующихъ въ Тебя: Тебѣ молимся, очисти грѣхи наши, отпусти долги душъ нашихъ... Вчера съ разбойникомъ мы распинались Тебѣ, а нынѣ совоскресли съ Тобою; вчера съ Логгиномъ взывали: воистину Сынъ Божій еси Ты, а нынѣ съ Ангелами говоримъ: воистину Христосъ воскресе; вчера съ Никодимомъ со креста снимали Тебя, нынѣ съ Магдалиною видимъ Тебя воскресшаго»... и проч.

Слово въ недѣлю новую или Ѳомину Святитель начинаетъ такъ: «для украшенія праздника Церковь требуетъ великаго учителя и мудраго проповѣдника, а мы нищи словомъ и мутны умомъ, и не имѣемъ огня св. Духа на сложеніе душеполезныхъ словесъ.

Впрочемъ, любви ради сущихъ со мною братій, мало нѣчто скажемъ о поновленіи воскресенія Христова». Въ послѣдующемъ изложеніи двѣ главныя части. Въ первой объясняется значеніе недѣли новой и артоса. Съ этою цѣлію проповѣдникъ, показавъ великіе плоды воскресенія Христова, которое праздновалось въ минувшую недѣлю, замѣчаетъ, что теперь царицею дней уже не суббота, а недѣля, въ которую воскресъ Господь, и что, какъ Іудеямъ заповѣдалъ Богъ поновлять день избавленія ихъ отъ рабства египетскаго, такъ и мы нынѣ поновляемъ день избавленія нашего отъ власти темныя, т. е. день воскресенія Христова; какъ іудейскіе левиты несли изъ Египта по пустынѣ на главахъ своихъ опресноки, пока не перешли Чермнаго Моря, и тогда, посвятивъ хлѣбъ Богу, раздѣлили его всѣмъ и всѣ вкушавшіе бывали здравы и страшны врагамъ: такъ и мы, спасенные воскресшимъ Владыкою отъ работы мысленнаго фараона-діавола, износимъ со дня воскресенія Христова священный хлѣбъ-артосъ впродолженіе цѣлой недѣли, и наконецъ, посвятивъ сей хлѣбъ Богу, вкушаемъ отъ него и хранимъ его на здравіе тѣламъ и душамъ нашимъ. Потомъ снова и съ особенною подробностію изображаются великіе плоды воскресенія Христова и большею частію въ смыслѣ метафорическомъ. Напримѣръ: «нынѣ небеса просвѣтились, совлекшись, какъ вретища, темныхъ облаковъ, и свѣтлымъ воздухомъ исповѣдаютъ славу Господню: не видимыя небеса разумѣю, но разумныя, т. е. Апостоловъ, которые, познавъ нынѣ на Сіонѣ явившагося имъ Господа и забывъ всю печаль и скорбь, и осѣнившись Духомъ Святымъ, ясно проповѣдуютъ воскресеніе Христово. Нынѣ луна, сошедши съ выс-

шей ступени, большему свѣтилу честь отдаетъ: уже ветхій законъ съ субботами престалъ и Пророки отдаютъ честь закону Христову съ недѣлею... Нынѣ красуется весна, оживляя земное естество; бурные вѣтры, тихо повѣвая, благопріятствуютъ плодамъ, и земля, питая еѣмсна, раждаетъ зеленую траву: весна красная — это вѣра Христова, которая крещеніемъ возраждаетъ человѣческое естество; бурные вѣтры — грѣхопаденій помыслы, которые, чрезъ покаяніе претворившись въ добрые, приносятъ душеполезные плоды», и такъ далѣе. Во второй части излагается евангельское сказаніе о явленіи воскресшаго Спасителя апостолу Ѳомѣ и ихъ бесѣда, но только рѣчи, какъ апостола Ѳомы, такъ особенно Спасителя, слишкомъ длинны. Заключеніе слова почти также кратко, какъ и приступъ: «итакъ, братіе, будемъ, вѣровать во Христа Бога нашего; поклонимся Ему распеншемуся, прославимъ воскресшаго, повѣримъ явившемуся Апостоламъ, воспоемъ показавшаго ребра свои Ѳомѣ, похвалимъ пришедшаго оживить насъ, исповѣдаемъ просвѣтившаго насъ, возвеличимъ подавшаго намъ обиліе всѣхъ благъ, познаемъ единаго отъ Троицы Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, емуже слава со Отцемъ и Св. Духомъ и нынѣ и присно».

Слово въ недѣлю третью по пасхѣ есть одно, если можно такъ выразиться, изъ самыхъ поэтическихъ. Сказавъ предварительно, что праздники Господни образуютъ собою какбы золотую цѣпь, украшенную жемчугомъ и многоцѣнными камнями, и упомянувъ о двухъ предшествовавшихъ праздникахъ — пасхѣ и недѣлѣ новой, Святитель выражается: «а нынѣ похвалимъ благо

образнаго Іосифа съ мvроносицами, послужившаго по распятіи тѣлу Христову». Непосредственно за тѣмъ слѣдуетъ картина снятія со креста тѣла Христова. Іосифъ Аримаѳейскій, пораженный знаменіями, сопутствовавшими смерти Христовой, приходитъ во Іерусалимъ ко кресту Спасителя и видитъ здѣсь Пречистую Матерь Его съ однимъ изъ учениковъ, которая со слезами взываетъ: «тварь соболѣзнуетъ мнѣ, Сынъ мой, видя неправду твоего умерщвленія. Увы мнѣ, чадо мое, Свѣте и Творче тварей! Что нынѣ буду оплакивать: заушенія ли, или ударенія по ланитѣ, или заплеваніе пречистаго твоего лица, которыя принялъ Ты отъ беззаконныхъ? Увы мнѣ, Сыне...» и пр. Выслушавъ этотъ плачъ Богоматери, весьма продолжительный, Іосифъ приближается къ ней и слышитъ отъ нея новыя слова: «потрудись, благообразне, сходить къ беззаконному судіи Пилату и испроси у него позволеніе снять со креста тѣло Учителя своего, моего же Сына и Бога; подвигнись и предвари, причастниче Христову ученію, тайный Апостоле, общниче Божію царствію»!... и т. д. довольно продолжительно. Іосифъ приходитъ къ Пилату и произноситъ предъ нимъ весьма длинную рѣчь: «дай мнѣ, о игемоне, тѣло страннаго онаго Іисуса, распятаго между двумя разбойниками, оклеветаннаго архіереями по зависти и поруганнаго отъ воиновъ безъ правды. Дай мнѣ тѣло онаго Іисуса, котораго книжники называли Сыномъ Божіимъ и фарисеи исповѣдывали Царемъ... Дай мнѣ тѣло Того, котораго собственный ученикъ предалъ жрецамъ лестію за сребро и о которомъ пророкъ Захарія, провидя, написалъ: *дадите ми цѣну мою или отрецытеся* (— 11, 12)»... и проч. и проч. Пилатъ съ изумленіемъ выслушалъ Іосифа и,

узнавъ, что Іисусъ уже умеръ, повелѣлъ отдать тѣло Его Іосифу. Іосифъ, приступивъ къ снятію со креста пречистаго тѣла, взываетъ: «Солнце незаходимое, Христе, Творче всѣхъ и Господи тварей! Какъ я коснуся пречистому тѣлу твоему, когда Тебѣ не прикасаются сами силы небесныя, со страхомъ служащія Тебѣ? Какими плащаницами обвію Тебя, покрывающаго землю мглою и небо облаками? Или какое благовоніе возлію на твое св. тѣло, когда цари персидскіе, принесши Тебѣ дары съ благовоніями, поклонялись Тебѣ, какъ Богу, прообразуя твое за весь міръ умерщвленіе»?... и проч. и проч. Наконецъ, Іосифъ вмѣстѣ съ Никодимомъ погребаютъ тѣло Іисусово...Послѣ этой картины открывается новая, менѣе сложная, представляющая путешествіе св. женъ мѵроносицъ ко гробу Христову, и длинную, весьма длинную рѣчь Ангела къ мѵроносицамъ, котораго онѣ увидѣли при гробѣ Господнемъ. Въ остальной части слова содержится обширная похвала Іосифу («блаженъ еси, поистинѣ, преславный и досточудный Іосифе, сподобившійся толикаго блага и великаго богатства на земли и на небеси...» и т. д.), оканчивающаяся краткою молитвою къ нему.

«Неизмѣрима небесная высота, неиспытана преисподняя глубина, недовѣдомо таинство Божія смотрѣнія о насъ,—такъ начинается слово въ недѣлю четвертую по пасхѣ, — ибо велика и неизреченна милость Божія къ роду человѣческому, которою мы спасены. Потому мы должны, братіе, хвалить и пѣть и прославлять Господа Бога и Спаса нашего І. Христа, исповѣдуя Его великія чудеса, какія совершилъ Онъ, неисповѣдимыя ни Ангеламъ, ни человѣкамъ. Нынѣ же побесѣдуемъ о разслабленномъ, котораго нынѣ самъ Богъ воспо-

мянулъ и призрѣлъ и помиловалъ»... Въ словѣ передается извѣстная евангельская исторія объ исцѣленіи разслабленнаго, только передается въ видѣ распространенномъ; особенно обширны рѣчи разслабленнаго къ Спасителю и Спасителя къ разслабленному, потомъ рѣчь исцѣленнаго разслабленнаго къ Іудеямъ и другая рѣчь Господа Іисуса къ исцѣленному. Въ заключеніи обращеніе къ слушателямъ: «и мы, братіе, прославимъ І. Христа Бога нашего, исцѣлившаго насъ отъ недуговъ грѣховныхъ, и припадемъ къ Нему вѣрою, говоря: не помяни прежнихъ беззаконій нашихъ и очисти нынѣшнія согрѣшенія. Ибо Ты еси Богъ всѣхъ, небесныхъ и земныхъ, Творче Ангеловъ, Царь всего міра, Владыко Архангеловъ, Содѣтель Херувимовъ, Украситель Серафимовъ! Помилуй насъ, на Тя уповающихъ, да спасени Тобою, славимъ Тя со Отцемъ и съ Пресв. Духомъ, и нынѣ, и присно, и во вѣки».

Слово въ недѣлю о слѣпомъ, по составу своему, очень похоже на предъидущее. Почти такой же приступъ: «милость Божію и человѣколюбіе Господа нашего І. Христа, благодать же Св. Духа, дарованную обильно человѣческому роду, проповѣдую вамъ, братіе, добрые и христолюбивые послушники, чада Церкви, сыны свѣта и причастники царства небеснаго! Не отъ своего сердца изношу сіи слова, но творимъ повѣсть, взимая изъ нынѣ-чтеннаго Евангелія Іоанна Богослова, бывшаго самовидца чудесъ Христовыхъ». Далѣе подробно разсказывается евангельская повѣсть объ исцѣленіи слѣпорожденнаго со всѣми обстоятельствами, предшествовавшими и послѣдующими, по мѣстамъ показывается переносный смыслъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ и въ уста слѣпца и Іудеевъ влагаются обширныя рѣ-

чи. Слово оканчивается краткою похвалою слѣпцу, какъ прозрѣвшему не только тѣлесными очами, но и душевными, содѣлавшемуся проповѣдникомъ Сына Божія и удостоившемуся на небеси вѣнца апостольскаго.

Слово на вознесеніе Господне болѣе всѣхъ другихъ словъ Святителя туровскаго запечатлѣно игривою фантазіею и не чуждо произвольныхъ предположеній. Въ самомъ началѣ онъ взываетъ къ пророку Захаріи: «пріиди нынѣ духомъ, священный пророче Захаріе, дай начатокъ нашему слову отъ твоихъ прорицаній о вознесеніи на небеса Господа Бога и Спаса нашего І. Христа. Ибо ты не въ притчѣ, а ясно показалъ намъ это, говоря: *и изыдетъ Господь и ополчится.... и станутъ нозѣ его въ день онъ на горѣ Елеонстѣй, яже есть прямо Іерусалиму на востокъ* (14, 3. 4). Желаемъ и прочее увѣдать отъ тебя, а о брани, бывшей на общаго врага — діавола, мы знаемъ отъ Исаіи, видѣвшаго Серафимовъ»... Сказавъ потомъ о крестной смерти Спасителя, о Его побѣдѣ надъ адомъ, объ освобожденіи изъ ада человѣческихъ душъ, о возведеніи ихъ въ разныя мѣста высшихъ обителей, однихъ въ рай, другихъ въ Едемъ, третьихъ въ жилище Авраама и проч., гдѣ онѣ должны пребывать до будущаго послѣдняго мздовоздаянія, о возведеніи собственно на небеса однихъ только Пророковъ и Праведниковъ, Святитель обращается къ слушателямъ и вѣщаетъ: «пойдемъ и мы нынѣ, братіе, на гору Елеонскую и мысленно посмотримъ на совершившіяся тамъ преславныя событія. На ту гору пришелъ нынѣ самъ Господь Богъ нашъ и тамъ собрались чины всѣхъ Святыхъ: соборы Праотцевъ, множество Патріарховъ, полки пророческіе, лики апостольскіе и толпы вѣрныхъ

съ семидесятью учениками Христовыми... Такъ же нынѣ ангельскія силы и архангельскія воинства: однѣ крилами вѣтреными приносятъ облака для взятія отъ земли Христа Бога нашего, другія готовятъ херувимскій престолъ. Богъ Отецъ ждетъ Того, кого отъ вѣка имѣлъ съ Собою въ лонѣ своемъ; Духъ же Святый повелѣваетъ всѣмъ Ангеламъ: возмите врата небесная, да внидетъ Царь славы. Небеса веселятся, украшая свои свѣтила, да удостоятся они благословенія отъ своего Творца, возносимаго съ плотію на облакахъ сквозь небесныя врата; земля радуется, видя на себѣ Бога, явственно ходящаго, и вся тварь красуется, будучи просвѣщаема отъ горы Елеонской, гдѣ совокупились Ангелы вмѣстѣ съ Апостолами, ожидая вознесенія Господня... Ангели призываютъ всѣхъ, говоря: *воскликните Богу вся земля, пойте же имени его* (Пс. 68, 2). Патріархи начинаютъ пѣснь: се Богъ нашъ возносится, совокупивъ обоя во едино, земная съ небесными. Преподобные возглашаютъ: *вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава твоя* (Пс. 56, 6). Праведники велегласно вопіютъ: вознесися, судяй земли, да и мы въ свѣтѣ лица твоего пойдемъ. Давидъ, какъ старѣйшина ликовъ, уясняя пѣсненные гласы, взываетъ: *вси языцы восплещите руками, воскликните Богу гласомъ радованія, да взыдетъ Богъ въ восклиновеніи, Господь во гласѣ трубнѣ* (Пс. 46, 2. 6). Всѣхъ же гласъ оканчиваетъ Павелъ (?), говоря: *кто взыдетъ на небо, сирѣчь Христа свести, или кто снидетъ въ бездну, сирѣчь Христа возвести* (Рим. 10, 6. 7). Но *Той есть сшедый* и паки *возшедый превыше всѣхъ небесъ* (Еф. 4, 10). Все это происходило на Елеонѣ еще предъ вознесеніемъ Христа

на небеса. Но вотъ Онъ, благословивъ Апостоловъ, начинаетъ возноситься на небеса, неся съ Собою въ даръ своему Отцу человѣческія души. Впереди Христа текутъ ангельскія силы со страхомъ и радостію, желая отверсть небесныя врата; но вратари небесные возбраняютъ имъ, пока не узнаютъ отъ Ангеловъ, что возносящійся есть вочеловѣчившійся Сынъ Божій... Тогда и Христосъ возгласилъ: отверзите мнѣ врата правды, да возшедъ, возвѣщу Отцу моему, что содѣлалъ Я на земли и какъ пострадалъ. Познавъ гласъ Господа, всѣ силы небесныя поклонились Ему. Духъ Святый, изшедъ во срѣтеніе Ему, вводитъ равнаго Себѣ Сына Божія и повелѣваетъ: *да поклонятся ему вси Ангели Божіи.* Самъ Отецъ небесный возгласилъ къ грядущему во плоти: *Сынъ мой еси ты, сѣди одесную мене*, и, посадивъ Его на престолѣ, вѣнчалъ славою и честію и помазалъ помазаніемъ Божія существа»... Заключеніе слова соотвѣтствуетъ торжеству: «потому и мы, братіе, пріидите, возрадуемся Господу, вознесшемуся на небеса; поклонимся сѣдящему одесную Отца; помолимся пріявшему всякую власть на небеси и на земли; принесемъ въ даръ вѣру царствующему со Отцемъ; не явимся предъ Нимъ тщи въ день праздника, да пріимемъ Божію благодать. Ибо нынѣ Христосъ всѣмъ раздаетъ свои дары: Отцу даетъ принесенную Имъ въ жертву плоть, Апостоламъ посылаетъ Св. Духа, души св. Пророковъ вводитъ въ небесное царство, Угодникамъ своимъ раздѣляетъ обители горняго града, праведникамъ отверзаетъ рай, страдавшихъ за Него Мучениковъ вѣнчаетъ, Святителямъ даетъ душеполезныя прошенія, благовѣрнымъ князьямъ нашимъ посылаетъ здравіе тѣлесное и душевное и одолѣніе на

враги... Пріидемъ и мы, братіе, во св. церковь; возвеличимъ Христа Бога нашего, вознесемъ имя Его вкупѣ, да низпошлетъ и намъ своего Пресв. Духа».

Слово на соборъ 318 св. Отцевъ начинается слѣдующимъ образомъ: «если историки и витіи приклоняютъ слухъ свой къ бывшимъ между царями ратямъ и ополченіямъ, чтобы возвеличить мужественныхъ воиновъ, крѣпко стоявшихъ за своего царя, и увѣнчать ихъ славою: не тѣмъ ли болѣе прилично намъ приложить хвалу къ хвалѣ храбрымъ и великимъ воеводамъ Божіимъ, крѣпко подвизавшимся по Сынѣ Божіемъ, своемъ Царѣ и Господѣ нашемъ І. Христѣ?... Но, молю вашу любовь, братіе, не зазрите моей грубости: я ничего не пишу здѣсь отъ своего ума, но прошу у Бога дара слова на прославленіе Св. Троицы». Въ слѣдующемъ за тѣмъ изложеніи слова двѣ части. Въ первой части повѣствуется о происхожденіи ереси Аріевой, о созваніи перваго вселенскаго Собора, о томъ, какъ происходило дѣло на Соборѣ, что говорилъ Арій и какъ доказывали противъ него Божество Сына на основаніи писаній апостольскихъ и пророческихъ Отцы Собора (рѣчь весьма длинная), какъ Арій осужденъ, сосланъ въ заточеніе и погибъ лютою смертію, наконецъ исчисляются по именамъ нѣкоторые Отцы Собора. Вторую часть составляетъ похвала св. Отцамъ перваго вселенскаго Собора, соединенная съ молитвою къ нимъ: «о, богоблаженные Отцы, вѣрные правители правовѣрныя вѣры, недремлющіе стражи св. Церкви, за которую вели вы брань даже до крови противъ враговъ...., добрые пастыри Христова стада, за которое положили вы и души своя! О, блаженные Святители, добрые дѣлатели богонасажденнаго винограда!.. Вы есте рѣки разумнаго рая, на-

понвшія весь міръ ученіемъ спасенія и омывшія грѣховную скверну струями вашихъ наставленій. Земные Ангелы, присно предстоящіе престолу Божію! Просите мира всему міру и благовѣрнымъ князьямъ нашимъ тѣлеснаго здравія и душевнаго спасенія... О, богоблаженные наши учители, свѣтильники міра, наставники заблудшихъ, безмездные врачи»..... и проч. и проч. Краткою молитвою къ тѣмъ же Отцамъ и оканчивается настоящее слово.

Приступъ послѣдняго слова св. Кирилла—о слѣпомъ и хромомъ составленъ такъ, что могъ бы идти и ко всякому другому церковному поученію. Здѣсь витія возбуждаетъ слушателей къ чтенію св. Писанія: «хорошо, братіе, и весьма полезно разумѣть ученіе божественныхъ Писаній. Ибо оно и душу содѣлываетъ цѣломудренною, и смиряетъ умъ, и сердце изощряетъ къ добродѣтели, и мысли возводитъ на небеса къ обѣтованіямъ Владыки, и приводитъ къ духовнымъ трудамъ, и избавляетъ отъ житейскихъ печалей свѣта сего. Потому молю васъ, постарайтесь прилежно читать святыя книги, да, насладившись словесъ Божіихъ, стяжаете желаніе и неизреченныхъ благъ будущаго вѣка...... Но не будемъ говорить отъ себя своимъ ненаученнымъ языкомъ, а, взимая отъ божественныхъ Писаній, станемъ бесѣдовать евангельскими словами». Послѣ этого непосредственно проповѣдникъ излагаетъ притчу, которая, однакожъ, заимствована не изъ божественныхъ Писаній, кромѣ нѣсколькихъ начальныхъ словъ: «былъ нѣкто, говоритъ онъ, человѣкъ домовитый, который насадилъ виноградъ, оградилъ его стѣною, ископалъ въ немъ точило, сотворилъ ворота, но не затворилъ ихъ. Отходя въ домъ свой, онъ разсуж-

дадъ: кого оставлю стражемъ моему винограду? Если оставлю изъ служащихъ мнѣ рабовъ: то, зная мою кротость, истребятъ мои блага. Лучше поступлю такъ: приставлю ко вратамъ хромца и слѣпца. Если кто изъ враговъ моихъ захочетъ окрасть мой виноградникъ: то хромецъ увидитъ, а слѣпецъ услышитъ. Если же кто изъ нихъ самихъ захочетъ войти въ виноградникъ: то хромецъ, не имѣя ноги, не можетъ войти, а слѣпецъ, если и пойдетъ, заблудится и впадетъ въ пропасть. И, посадивъ у воротъ, поручилъ имъ охранять виноградникъ, снабдилъ ихъ въ довольствѣ пищею и одеждою, запретилъ только касаться самаго винограда. Потомъ отошелъ, предваривъ о времени своего возвращенія и обѣщавшись воздать тогда мзду за вѣрную службу и наказать за нарушеніе заповѣди. Посидѣли они нѣсколько времени, и вотъ слѣпецъ сказалъ хромцу: что это за благоуханіе вѣетъ на меня отъ воротъ? Хромецъ отвѣчалъ: тамъ у господина нашего много благъ, которыя имѣютъ неизреченную сладость для вкуса; но такъ какъ господинъ нашъ премудръ, то и посадилъ здѣсь тебя—слѣпца и меня—хромаго, чтобы мы не могли дойти до нихъ и насытиться ими. Слѣпецъ замѣтилъ: да что ты не сказалъ объ этомъ прежде? Пусть я слѣпъ: но имѣю ноги и силенъ, могу носить тебя. Садись на меня, я понесу тебя; а ты указывай мнѣ путь, и мы насладимся благами господина. Когда онъ придетъ и спроситъ меня о татьбѣ, я скажу: ты знаешь, господине, я слѣпъ. Если тебя спроситъ, отвѣчай: я хромъ и не могъ войти туда. Такъ они и поступили: хромецъ сѣлъ на слѣпца и вмѣстѣ обокрали виноградникъ. Услышавъ объ этомъ, господинъ повелѣлъ удалить обоихъ отъ виноградника

и, разлучивъ ихъ, потребовалъ къ себѣ сначала слѣпца на испытаніе. Слѣпецъ отвѣчалъ, что онъ, какъ слѣпой, не могъ самъ обокрасть виноградника, да и не слышалъ, чтобы кто со внѣ приходилъ для кражи, а вѣроятно, это сдѣлалъ хромецъ. Тогда господинъ повелѣлъ блюсти слѣпца въ особомъ мѣстѣ, пока не придетъ онъ снова къ винограду своему и не позоветъ на судъ слѣпца и хромца вмѣстѣ. Когда, дѣйствительно, господинъ пришелъ собрать плоды отъ винограда своего и увидѣлъ, что все расхищено: тогда поставилъ предъ собою обоихъ стражей вмѣстѣ, и они начали обличать другъ друга. Хромецъ говорилъ слѣпцу: еслибы ты не носилъ меня, я не могъ бы войти въ виноградникъ для кражи. А слѣпецъ отвѣчалъ: еслибы не ты указывалъ мнѣ путь: и я не могъ бы этого сдѣлать. Тогда господинъ сѣлъ на судномъ престолѣ, началъ судить ихъ и сказалъ: какъ вы крали вмѣстѣ, такъ и теперь пусть сядетъ хромецъ на слѣпца. И затѣмъ повелѣлъ обоихъ ихъ немилостиво казнить предъ всѣми своими рабами и мучить въ темницѣ кромѣшней, гдѣ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ». Эту притчу Святитель передаетъ своимъ слушателямъ не всю разомъ, а по частямъ, и послѣ каждой части дѣлаетъ обширныя на нее толкованія, сущность которыхъ наконецъ выражаетъ кратко въ слѣдующемъ заключеніи: «разумѣйте, братіе, смыслъ предложенной притчи: человѣкъ домовитый есть Богъ Отецъ, Творецъ всего, у котораго единородный Сынъ—Господь нашъ І. Христосъ; виноградникъ—это земля и міръ; оплотъ—это законъ Божій и заповѣди; слуги господина—Ангелы; хромецъ—тѣло человѣка, а слѣпецъ — душа его; ихъ посадилъ господинъ у вратъ: это значитъ, что человѣку предалъ

Богъ во власть всю землю, давъ ему законъ и заповѣди. Когда человѣкъ преступилъ повелѣніе Божіе: тогда тѣло и душа осуждены на смерть и разлученіе. Первая приводится къ Богу душа и отпирается, говоря: не я, Господи, согрѣшила, но тѣло. И потому нѣтъ (полнаго) мученія душамъ до втораго пришествія Господня, но онѣ блюдутся, пока не пріидетъ Господь обновить землю и воскресить мертвыхъ. Тогда души наши снова войдутъ въ свои тѣла и вмѣстѣ пріимутъ воздаяніе по дѣламъ своимъ: праведники отъидутъ въ жизнь вѣчную, а грѣшники въ безконечную муку».

Оканчивая здѣсь обзоръ извѣстныхъ намъ словъ Святителя туровскаго, не излишнимъ считаемъ присовокупить, что всѣ они по объему своему довольно велики, а нѣкоторыя, особенно послѣднее слово, могутъ быть названы даже обширными. Потому не удивительно, если слова эти были издавна сокращаемы, чтобы удобнѣе произносить ихъ въ церкви предъ народомъ. Такъ еще въ Прологѣ XIII—XIV в. встрѣчается въ сокращеніи и безъ имени автора слово о слѣпцѣ и хромцѣ ([230]), а въ Сборникѣ XIV—XV в. слово на соборъ 318 св. Отцевъ ([231]). Помѣщая проповѣди нашего витіи на ряду съ поученіями древнихъ знаменитыхъ Отцевъ Церкви, составители сборниковъ или перепищики ино-

---

([230]) Прологъ новг. Соф. библ. на 132 л. безъ №. Здѣсь означенное слово помѣщено подъ 28 числомъ сентября и озаглавлено: «притча о тѣлѣ человѣцьстѣ, и о души, и о воскресеніи мертвыхъ». Впрочемъ, эта притча могла существовать въ Прологѣ и до Кирилла туровскаго, и, онъ, можетъ быть, взялъ ее изъ Пролога готовую и только подробно изъяснилъ въ своемъ словѣ: такъ какъ въ приступѣ слова онъ и обѣщается говорить не отъ себя, а отъ божественныхъ писаній...

([231]) Сборн. новг. Соф. библ. въ листъ № 578, л. 217.

гда, по ошибкѣ, приписывали эти проповѣди кому либо изъ самыхъ Отцевъ: по крайней мѣрѣ, можно указать на слово въ недѣлю Ваій, которое въ одномъ Сборникѣ приписано св. Кириллу іерусалимскому, а въ другомъ св. Іоанну Златоусту ([232]).

Сочиненія св. Кирилла, обращенныя къ инокамъ, имѣютъ предметомъ своимъ иноческую жизнь, ея значеніе и благоустроеніе. И потому характеръ ихъ двоякій: символическій и, преимущественно, нравственно-аскетическій. Мысли о значеніи иночества въ его разныхъ видахъ, о значеніи иноческихъ обѣтовъ и одеждъ, Святитель выражаетъ въ своей любимой формѣ: въ формѣ притчи и прообразованій, которыя сопровождаетъ толкованіями. Нравственныя наставленія касательно иночества запечатлѣны зрѣлостію и опытностію высокаго подвижника. Въ изложеніи замѣтно здѣсь менѣе витіеватости и искусственности, чѣмъ въ проповѣдяхъ, и тонъ болѣе ровный и спокойный.

Первое изъ этихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: «Сказаніе о черноризьчьстѣмъ чину отъ вътхаго закона и новаго», написано къ какому-то опредѣленному иноку, судя по обращеніямъ въ концѣ, но равно относится и ко всѣмъ инокамъ ([233]). Во всей первой, самой обшир-

---

([232]) Св. Кириллу іерусалимскому — въ Сборн. XVII в. (Опис. рук. Царск. 274), св. Златоусту—въ Сборн. XVI в. (моей библ. № 65, л. 144).

([233]) Еще въ Кормчей XIII в. сказаніе о черноризскомъ чинѣ помѣщено подъ именемъ: «Кюрила епискова туровьскаго» (см. снимокъ съ этого заглавія въ Пам. Росс. Слов. XII в. и *Карамз.* И. Г. Р. III, примѣч. 29). Слѣд. подлинность сказанія не можетъ подлежать сомнѣнію. Не упоминаемъ о позднѣйшихъ спискахъ (Опис. рук. Царск. 175. 443; Толст. 215; Рум. Муз. 287).

ной; части Святитель преподаетъ иноку наставленія, примѣнительно къ разнымъ преобразовательнымъ событіямъ Церкви ветхозавѣтной, особенно послѣ изшествія Израильтянъ изъ Египта: «внимай своему образу и житію, мнише! Подобно ветхозавѣтнымъ агнцамъ, какіе закалались въ пустынѣ на пасху, ты принесъ себя въ жертву Богу. Будь же, подобно этимъ агнцамъ, безъ порока, безъ недостатка (Лев. 22, 22)...... По ветхому закону, вольный обѣтъ, великій и малый, долженъ быть приносимъ Богу отъ чистаго сердца: да не будетъ и въ твоихъ мысляхъ порочнаго колебанія. Ты, какъ свѣча, воленъ въ себѣ до церковныхъ дверей; а потомъ не смотри, какъ и что изъ тебя сдѣлаютъ. Ты, какъ одежда, знай себя до тѣхъ поръ, пока не возмутъ тебя въ руки; а потомъ не заботься, если разорвутъ тебя и на тряпки. Имѣй свою волю только до вступленія въ монастырь; а по принятіи монашескаго образа, всего себя отдай въ послушаніе и не скрывай въ себѣ ни малаго своевольства. Не будь нерадивъ къ своему обѣту, чтобы не сбылось на тебѣ слово Писанія: лучше бы не познать пути правды, нежели, познавъ, уклониться отъ него (2 Петр. 2, 21). Богъ сказалъ Моvсею: изведи изъ Египта люди моя Израиля.... Израильтяне поспѣшно вышли изъ Египта и взяли съ собою кости Іосифовы; перешедши чрезъ Чермное море, они безъ труда питались манною, а ризы на нихъ сохранялись старыя, пока не пришли они къ Синайской горѣ..... А ты, братъ, желая послѣдовать Христу, ведущему тебя на небо, помышляй въ умѣ своемъ, для чего удалился ты изъ міра, мысленнаго Египта...... Если пожелаетъ и старецъ и больной, близкій къ смерти, надлежитъ постричь его въ иноче-

ство: это кости Іосифовы, которыя перенесли Евреи въ землю обѣтованную. Перейди море вѣрою, т. е., забудь дѣла житейскія и, какъ манну, принимай отъ руки келаря хлѣбъ, надъ которымъ ты не трудился. Не люби богатой и мягкой одежды, но сохраняй старую разными заплатами, пока не дойдешь до горы боголюбезныхъ добродѣтелей»... и проч. и проч. Во второй части Святитель изъясняетъ значеніе монашескихъ одеждъ и обѣтовъ: съ этою цѣлію онъ разсматриваетъ священныя одежды первосвященника Аарона примѣнительно къ разнымъ обстоятельствамъ и слѣдствіямъ паденія Адамова и показываетъ соотвѣтствующія имъ, по знаменованію, одежды иноческія; потомъ перебираетъ обстоятельства страданій Христовыхъ и также показываетъ соотвѣтствіе имъ въ одеждахъ и обѣтахъ иноческихъ. Эта часть вообще довольно хитрая и трудная къ уразумѣнію. Въ третьей, кратчайшей части, св. Отецъ объясняетъ, въ какомъ смыслѣ иноки называются носящими образъ ангельскій. Здѣсь, говоритъ онъ, подъ именемъ Ангеловъ разумѣются не духи безплотные, а преподобные мужи ветхаго и новаго завѣта, благоугодно въ тѣлесной чистотѣ послужившіе Богу, и въ подтвержденіе своей мысли приводитъ примѣры изъ свящ. Писанія, гдѣ имя Ангеловъ усвояется людямъ. Наконецъ, въ заключеніи снова обращается съ наставленіями къ иноку: «вотъ и ты, о иноче, избралъ для себя ангельское, священное и чистое житіе: держись же его не на словахъ только, но укрась и добродѣтелію. Ты носишь на себѣ весь образъ священныхъ ризъ Аароновыхъ, обложивъ себя грѣхами преступленія Адамова: постарайся чрезъ терпѣніе Христово содѣлаться сыномъ Божіимъ..... Твердо подвизайся, пере-

носи мужественно всякія скорби, ревнуя Мученикамъ, пролившимъ кровь свою за Христа, да и ты будешь наслѣдникомъ части Преподобныхъ, ангельскаго вѣнца и небеснаго царства. Я говорилъ тебѣ не отъ себя, но отъ святыхъ книгъ. Если кто мудрый иначе истолкуетъ все это, мы не станемъ противорѣчить: мы не жрецы, а класособиратели, и не хитры въ дѣлѣ книжномъ. Мы, грубые, всего болѣе отъ вашего старѣйшинства требуемъ святой молитвы о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ».

Другое сочиненіе св. Кирилла о монашеской жизни написано въ видѣ «притчи о бѣлоризцѣ человѣцѣ», къ печерскому игумену Василію, хотя въ тоже время обращено и ко всѣмъ печерскимъ инокамъ (234). Вотъ содержаніе этой притчи: «въ нѣкоторомъ городѣ жилъ царь кроткій, милостивый и попечительный о своихъ подданныхъ; только въ одномъ онъ былъ неостороженъ,—не принималъ никакихъ мѣръ на случай военныхъ тревогъ и не держалъ ратнаго оружія. Онъ имѣлъ у себя многихъ совѣтниковъ и дочь отличнаго ума. Одинъ изъ совѣтниковъ, скорбя о неосторожности царской, искалъ удобнаго времени предложить ему нужное наставленіе. Однажды, ночью, случился сильный мятежъ въ городѣ. Царь вышелъ съ совѣтниками, чтобы усмирить мятежъ, но не нашелъ виновныхъ; а городъ былъ въ ужасномъ волненіи. Тогда умный совѣтникъ повелъ царя и дочь его къ великой горѣ, гдѣ въ пещерѣ лежало много разнаго оружія. Чрезъ отверстіе взглянули они внутрь пещеры и уви-

(234) Притча эта извѣстна по рукописямъ XVI в., гдѣ и приписывается Кириллу, епископу туровскому (Опис. рук. Толст. 215; Царск. 738).

дѣли тамъ мужа, облеченнаго рубищемъ; возлѣ него сидѣла его жена и пѣла пѣсни слаще всякаго брашна. Предъ ними стоялъ нѣкто высокій и прекрасный на твердомъ камнѣ; онъ подавалъ сидящему вино въ чашѣ. Когда мужъ принималъ пищу, тогда вѣнчали его похвалами. Царь, увидѣвъ это, призвалъ къ себѣ друзей своихъ и сказалъ имъ: что за чудо, друзья мои? Вы видите, какое снаружи худое житье, а лучше нашей державы веселится и свѣтлѣе внѣшняго сіяетъ внутреннее».—А вотъ истолкованіе притчи: «городъ—человѣческое тѣло; люди, живущіе въ немъ,—чувства тѣлесныя; царь — умъ, обладающій тѣломъ; дочь — душа; совѣтники и друзья—житейскія мысли; ночь—мірская, суетливая жизнь; шумъ и тревога — болѣзнь или какое либо внезапное несчастіе; гора—монастырь, въ которомъ есть духовныя оружія противъ діавола, т. е. постъ, молитва, слезы, воздержаніе, чистота, любовь, смиреніе, покореніе, трудолюбіе, нестяжаніе. Къ этой горѣ благоразумный совѣтникъ приводитъ царя,—т. е., печаль направляетъ умъ къ монастырю: ибо онъ есть гора Божія, гора тучная, гора усыренная, гора, юже благоволи Богъ жити въ ней (Пс. 67, 16. 17). Приближеніе къ горѣ — есть изреченіе обѣта Господу. Приниченіе къ оконцу — это слушаніе душеспасительнаго ученія. Христосъ никого силою не влечетъ къ покаянію, но вразумляетъ различными средствами, чтобы познавшихъ Его ввести въ небесное царство. Глубокая пещера—есть церковь монастырская. Свѣтлая заря, сіяющая изъ пещеры, — это богохвальныя воинства, немолчное аллилуіа, гласы псаломскіе. Внутренній вертепъ — это уставъ келейной жизни, по которому никто не имѣетъ своей воли, но у всѣхъ всё

общее, ибо всѣ подъ властію игумена, какъ тѣлесные члены подъ властію единой главы—связуемые духовными жилами. Мужъ, сидящій въ вертепѣ и живущій въ крайней нищетѣ, есть весь иноческій чинъ; сидѣніе означаетъ безмолвіе, а жизнь въ крайней нищетѣ—это осужденье, досады, укоризны, хулы, насмѣшки отъ міранъ, которые не столько считаютъ иноковъ работающими Богу, сколько обманщиками, погубляющими свою душу. Облеченіе въ рубище и безъ притчи означаетъ власяницу, суконныя одежды и облаченіе изъ козьихъ кожъ, ибо всякое украшеніе плоти чуждо монашескому обычаю: вмѣсто сего, иноки облечены цѣломудріемъ, препоясаны правдою, украшены смиреніемъ. Присѣдящая ему присно жена есть неотлучная память смертная, поющая сію сладкую пѣснь: *гласъ радости и спасенія въ селеніихъ праведныхъ* (Пс. 117, 15). *Праведницы во вѣки живутъ и мзда ихъ отъ Господа* (Прем. Сол. 5, 15). Смерть праведнику покой. *Богатство аще течетъ, не прилагайте сердца* (Пс. 61, 11). Предстоящій мужъ есть самъ Христосъ, краснѣйшій паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, Сынъ Божій, сшедшій съ небеси и воплотившійся нашего ради спасенія. Онъ подаетъ пищу и питіе всѣмъ вѣрнымъ — честное свое тѣло, во оставленіе грѣховъ, и святую свою кровь—въ жизнь вѣчную. Хвалы, которыми вѣнчается пріемлющій чашу, означаютъ прославленіе пріобщающагося святаго тѣла и крови Христовой въ покаяніи и очищеніи души и тѣла: ибо самъ Богъ ублажаетъ таковыхъ гласомъ Пророка: *блажени, имже оставишася беззаконія и имже прикрышася грѣси, имже не вмѣнитъ Господь грѣха* (Пс. 31, 1. 2). Вѣнчаетъ ихъ Духъ Святый, потому что почиваетъ на святыхъ

причастникахъ, нашедши ихъ достойными сосудами для Себя, и вселяется въ нихъ, потому что они измыли храмъ Его слезами, устлали люботрудными молитвами, украсили добродѣтелію, покадили частыми воздыханіями. Христосъ со святыми Ангелами веселится многою радостію, ибо радость на небеси бываетъ о грѣшникѣ кающемся: *радуйтеся со мною*, говоритъ Онъ, *яко обрѣтохъ драхму погибшую* (Лук. 15, 9). Усмотря все это, царь призвалъ друзей: усмотрѣніе есть благое намѣреніе отстать отъ грѣховныхъ обычаевъ и научиться богоугоднымъ, отвратить свои помыслы отъ суетной жизни, признать суету удовольствій міра сего и сказать съ Соломономъ: *суета суетъ*! Царь чудится ангельскому, богохранимому иноческому житію, все забываетъ, самую печаль тѣлесную: такъ узнавшій мірское непостоянство обращается, наконецъ, къ попеченію о своей душѣ». Послѣ истолкованія притчи, слѣдуютъ нѣкоторыя общія размышленія и наставленія касательно иноческой жизни: «какъ дерево хвалятъ не за ростъ и листья, а за плодъ, такъ и иноковъ не монастырь дѣлаетъ славными, но добродѣтель иноковъ даетъ славу монастырю: это видно изъ примѣра Ѳеодосія, игумена печерскаго въ Кіевѣ, начальника общаго житія. Поелику онъ нелицемѣрно иночествовалъ, возлюбивъ Бога и свою братію, какъ свои члены: то и Богъ возлюбилъ его и прославилъ ради его сіе мѣсто болѣе всѣхъ монастырей русскихъ. Сіи внутреннія добродѣтели жизни св. иноковъ сіяютъ чудесами, болѣе мірской власти; посему и мірскіе вельможи преклоняютъ главу свою предъ иноками, воздавая имъ достойную честь, какъ угодникамъ Божіимъ, по слову Господню: *пріемляй праведника во имя праведниче, мзду*

праведничу пріемлеть (Мѳ. 10, 41). Еслибы и мы вѣрно хранили обѣтъ нашего постриженія, то не только получили бы очищеніе грѣховъ и честь на землѣ, какъ святые Отцы Чудотворцы, коимъ кланялись, падая ницъ, цари и князи, но и вселились бы въ небесное царство и видѣли лице Божіе; чего бы ни просили въ молитвѣ у Бога, все бы скоро получали. Пріемлющіе на себя обѣты и не преодолѣвающіе своихъ немощей хотятъ получить освященіе, читаютъ Писаніе и думаютъ спастись безъ подвига. Но мы забываемъ, что сказалъ Павелъ: безъ подвига никто не вѣнчается (2 Тим. 2, 5). Спящій не побѣдитъ и лѣнивый не можетъ спастись. Впрочемъ, нераскаянны дары Божіи; вѣренъ Ходатай ихъ на небесахъ, Господь нашъ І. Христосъ, который туне спасаетъ иноческій чинъ. Онъ самъ молится за насъ, говоря: *Отче Святый! Не о мірѣ молю, но о сихъ, ихже далъ ми еси, соблюди я во имя твое, да идѣже буду азъ, ту и сіи будутъ со мною и никтоже отъ нихъ погибнетъ* (Іоан. 17, 9. 11. 12). Иноки, имѣя такія обѣтованія, подвизайтесь; нельзя, чтобы и въ нынѣшнихъ Апостолахъ не было Іуды, но да блюдетъ каждый изъ васъ себя; не продадимъ слова Божія на лжи; крадя, грабя, обижая, мысля злое на игумена, ложно клянясь, недостойно приступая къ причастію святыхъ таинъ, не распнемъ снова Христа, но во всемъ представимъ себе, по Апостолу, яко Божія слуги, *въ терпѣніи мнозѣ* (2 Кор. 6, 4)... Какъ кони бѣгутъ, опережая одинъ другаго: такъ и вы ревнуйте подвигамъ св. Отцевъ, превосходя другъ друга въ алканіи, бдѣніи, молитвахъ, въ дѣлахъ послушанія, дабы, разслабѣвъ объяденіемъ, піянствомъ, плотскими похотями, не остановиться намъ въ адской пустынѣ и

дабы тамъ не быть растерзанными отъ геенскихъ звѣрей, да не разсыплются кости наши при адѣ. Но, расправивъ разумныя крылья, возлетимъ отъ губящаго насъ грѣха». Сочиненіе оканчивается словами: «Богъ же мира многою милостію да сотворитъ, чтобы усвоено было вами настоящее сказаніе, и да соблюдетъ души ваши чистыми и тѣла несквернными и житіе непорочнымъ.... А мене, молю васъ, поминайте въ вашихъ святыхъ молитвахъ»....

Третье сочиненіе о монашествѣ, по крайней мѣрѣ, съ вѣроятностію приписываемое святителю туровскому Кириллу, есть посланіе его къ тому же игумену печерскому Василію, обращенное лично къ нему одному ([235]). Здѣсь, послѣ обычнаго привѣтствія и высокой похвалы достойному преемнику преп. Өеодосія печерскаго, св. Кириллъ пишетъ: «письмомъ твоимъ, ко мнѣ присланнымъ, господинъ мой, ты какбы спрашиваешь меня о великомъ и святомъ образѣ схимы, въ который издавна желаешь облечься. Конечно, не по невѣдѣнію вопрошаешь о семъ, но испытуешь мое убожество, какъ учитель ученика и господинъ раба. И я буду говорить тебѣ о святой схимѣ не отъ себя, но отъ священныхъ книгъ, или лучше — отъ словъ самаго Христа; укажу тебѣ на притчу Его о человѣкѣ, создавшемъ жилище свое на камнѣ (Мө. 8, 24. 25).... Ты создалъ вокругъ всего печерскаго монастыря высокія и прекрасныя каменныя стѣны на твердомъ основаніи. Для сего, во первыхъ, заготовилъ ты денежныя средства; потомъ,

---

([235]) Оно издано въ Прибавл. къ Твор. св. Отц. X, 341—357. Тамъ же предварительно помѣщены соображенія о вѣроятной подлинности этого посланія.

при помощи огня, приготовилъ плинеу, и, наконецъ, совершилъ дѣло при помощи воды и извести. Но это святое зданіе еще не таково, чтобы могло быть храмомъ Богу, чтобы вселился въ него Святый Духъ. Если хочешь устроить такое зданіе, если желаешь положить основаніе обители Святыя Троицы, то есть, обновиться святою схимою: то разочти имѣніе (Лук. 14, 28), то есть, напередъ, помолившись Богу, сядь и напиши со вниманіемъ свой обѣтъ, который намѣреваешься соблюдать до смерти: воздерживаться ли совершенно день или два, въ недѣлю или въ мѣсяцъ, отъ пищи или отъ питія, или проводить ночь въ молитвѣ, или хранить безмолвіе, или не выходить въ обѣтный день изъ монастыря, или раздавать милостыню по рукамъ, или подавать всякому просящему, или воздержаться отъ всякаго гнѣва. Ты исполни напередъ свое; Богъ не умедлитъ довершить свое. Если же вздумаешь возложить на себя аналавъ и кукуль безъ разсужденія, смотря на другихъ, которые только величаются своею схимою и, хотя трудятся въ постѣ и молитвахъ, но не имѣютъ твердой основы, такъ что ихъ храмина падаетъ не отъ дождя и не отъ вѣтра, но отъ собственнаго ихъ неразумія: въ иное время они воздерживаются отъ всего, а въ другое живутъ слабо, говорятъ: «нынѣ праздникъ», или: «хочу разрѣшить на пищу и питіе ради друга», или: «нынѣ звали къ себѣ христіане; послѣ опять наложу на себя постъ»; если, говорю, такъ будешь вести себя: то это будетъ значить тоже, что одною рукою созидать, а другою разрушать, или, омывшись послѣ прикосновенія къ мертвецу, снова прикасаться къ нему.... Ты въ бѣльцахъ и въ иночествѣ велъ жизнь богоугодную и душеполезную. А теперь,

желая воспріять на себя иго совершеннѣйшихъ подвижниковъ,—по Апостолу, задняя забывая, въ предняя простирайся (Филип. 3, 13). Заботы о земномъ считай подѣліемъ и всегда пекися, по правилу своего обѣта, о жизни небесной. Не подражай Лоту въ печаляхъ, но съ трезвеніемъ подражай Христову житію. Господь всѣмъ Апостоламъ даровалъ въ Себѣ общеніе: и ты имѣй все общее со всею братіею. Общій съ нею у тебя Богъ, общая да будетъ любовь, общее воздаяніе, общіе вѣнцы, такъ, чтобы во многихъ тѣлахъ была одна душа,—и ты за всѣхъ получишь награду.... Когда ты хочешь созидать духовную храмину, то положи въ основаніе ея вѣру и на немъ зижди надежду и любовь, какъ плиту; бреніе твоего тѣла смѣшай съ водою—съ цѣломудріемъ, чтобы душа твоя возвышалась, какъ храмъ. Поставь ей опору, какъ столпъ, Божію помощь, чтобы, если и сойдутъ на нее, какого бы-то ни было рода, дождь и рѣки, она пребыла непоколебима, какъ наковальня, ни отъ добрыхъ, ни отъ худыхъ людей. Введи въ свою храмину матерь и жену, т. е., кротость и смиреніе. Кротость Богу угодна; смиреніе возводитъ на небеса. Обнеси свою храмину отъ татей отовсюду оградою, т. е., страхомъ Божіимъ и молитвою, и приставь къ ней стража — умъ любомудрый. Если и случится тебѣ быть въ городѣ, или среди народа, или въ селеніи, или на торжищѣ: не позволяй своему сердцу разсѣяваться въ нихъ мыслями, но, какбы въ келліи, помышляй о разлученіи души отъ тѣла. Такимъ образомъ, внимая себѣ, ты пребудешь, какбы удалившійся въ пустыню. И если все сіе съ Божіею помощію совершишь: не надмѣвайся величаніемъ и не осуждай другихъ» Въ заключеніи Святитель проситъ снисхож-

денія себѣ и своему слабому письму и оканчиваетъ все желаніемъ игумену Василію благъ отъ Бога.

Нельзя здѣсь не замѣтить, что св. Кириллъ, какъ въ своихъ проповѣдяхъ, такъ особенно въ посланіяхъ объ иноческой жизни, очень не рѣдко напоминаетъ о слабости и бѣдности своего ума, о грубости своего слова, а еще чаще о томъ, что онъ говоритъ или пишетъ не отъ себя, но отъ священныхъ книгъ, отъ писаній ветхаго и новаго завѣта. Это, сколько свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о христіанскомъ смиреніи нашего достопамятнаго писателя, столько же, съ другой, предполагаетъ господствовавшее тогда у насъ высокое уваженіе къ слову Божію и только къ тѣмъ духовнымъ сочиненіямъ, которыя отъ него заимствовались или на немъ основывались.

Послѣдній отдѣлъ сочиненій св. Кирилла составляютъ его молитвы и канонъ молебный. Эти молитвы встрѣчаются во многихъ рукописныхъ Сборникахъ XVI в., иногда въ числѣ десяти, одиннадцати, а иногда въ числѣ двадцати двухъ. Въ послѣднихъ Сборникахъ онѣ расположены по порядку дней седмицы, по нѣскольку молитвъ на каждый ([236]). И именно — на воскресенье положены четыре молитвы: по заутрени, послѣ часовъ, предъ вечернею и по вечерни; въ поне-

([236]) Тѣ и другіе Сборники означены у Калайдов. въ предисл. къ твор. св. Кирилла туровскаго (стр. XXX—XXXII). Упомянемъ еще о Сборн. новг. соф. библ. XVI в. (№ 302, въ четверт. на 210 листахъ), которымъ мы пользовались: здѣсь помѣщены (л. 136—186) всѣ двадцать двѣ молитвы по порядку дней и каждая названа твореніемъ Кирилла инока туровскаго. Калайдовичъ (предисл. XXXI) указываетъ и на два печатныя изданія этихъ 22 молитвъ въ XVI и XVII в., которыя, однакожъ, нынѣ сдѣлались библіографическою рѣдкостію.

дѣльникъ—четыре: по заутрени, предъ часами, послѣ часовъ, и по вечерни; во вторникъ три: по заутрени послѣ часовъ и по вечерни; въ среду только двѣ: послѣ часовъ и по вечерни (а по заутрени положена молитва св. Германа цареградскаго); въ четвергъ, пятницу и субботу по три: по заутрени, послѣ часовъ и по вечерни.—Кромѣ того, извѣстна еще молитва св. Кирилла ко всѣмъ Святымъ ([237]). Между молитвами на каждый день недѣли самыя обширныя и характеристическія тѣ, которыя положены послѣ заутрени: онѣ-то, преимущественно, соотвѣтствуютъ содержаніемъ своимъ церковному значенію дней. Такъ въ понедѣльникъ первая молитва обращена къ Ангеламъ, во вторникъ—къ св. Іоанну Предтечѣ, въ четвергъ—ко всѣмъ Апостоламъ. Прочія молитвы болѣе или менѣе кратки и менѣе приспособлены къ знаменованію дней. Находясь въ продолженіе вѣковъ въ народномъ употребленіи и будучи многократно переписываемы, молитвы Святителя туровскаго, естественно, могли подвергнуться нѣкоторымъ перемѣнамъ: но отнюдь нельзя сказать, чтобы древній языкъ въ нихъ былъ искаженъ и не носилъ на себѣ ясныхъ слѣдовъ своего происхожденія, и, какъ на существенныя, несомнѣнныя перемѣны, можно указать только на двѣ маловажныя вставки, находящіяся въ двухъ молитвахъ ([238]). Чтобы судить о достоинствѣ этихъ молитвъ, равно какъ и ка-

([237]) Намъ извѣстна она по Сборн. новг. соф. библ. XVI в. въ четвер. № 498, л. 181—187.

([238]) Именно, въ концѣ молитвы по заутрени въ воскресенье читаемъ: «и спаси, Господи, раба своего благовѣрнаго царя и великаго князя (имярекъ)». А въ молитвѣ ко всѣмъ Святымъ призываются, въ числѣ другихъ Святыхъ, новые чудотворцы русскіе: Петръ и Алексій московскіе, преп. Сергій Радонежскій и Никонъ, Кириллъ, Андроникъ, Савва новгородскій и Исидоръ ростовскій.

нона молебнаго ([239]), понять ихъ силу и влiянiе на душу, надобно читать ихъ на славянскомъ языкѣ, а не въ переводѣ на русскiй. И потому мы представимъ здѣсь для примѣра въ подлинникѣ три молитвы и четыре первыя пѣсни канона.

1) Въ недѣлю по заутрени молитва къ Господу Богу нашему I. Христу, творенiе Кирилла мниха туровскаго.

Слава Тебѣ, Христе Боже мой, яко сподобилъ мя еси видѣти день преславнаго воскресенiя твоего, въ онже свободилъ еси сущая во адѣ связанная праведныхъ душа. Тоя свободы, Владыко, и азъ желаю, да разрѣшиши мя связаннаго многими грѣхи, и да возсiяетъ свѣтъ благодати твоея во омраченѣй души моей. Вѣде бо безчисленыя твоя щедроты и неизреченное твое человѣколюбiе: яко отъ небытiя въ бытiе сотворилъ мя еси и своего образа подобiемъ украси мя, словесемъ и разумомъ превыше скота вознесе мя и твари всей владыку устроилъ мя еси, свѣдый времена и лѣта живота моего, отъ юности и до нынѣ пекiйся мною, дабы спасенъ былъ, и, прекраснаго лика твоихъ Ангелъ соглаголника хотя имѣти, заповѣдь предалъ ми еси, духовное дѣло въ чистотѣ совершити повелѣлъ ми еси. Азъ же, окаянный, запять бывъ умомъ къ своему хотѣнiю любленiемъ плотнымъ, ввергохъ себе въ смрадную тину грѣховную и далече ся сотворихъ

([239]) Канонъ этотъ сохранился въ «Обиходѣ церковномъ разныхъ молежiй» новг. Соф. библ. XIII в., пис. въ 4-ку на 295 л., по старому каталогу № 13 или 15. Канонъ здѣсь занимаетъ листы 219—232 и озаглавленъ: «Канонъ молебенъ Кюрила грѣшнаго», подобно тому, какъ озаглавлены и въ другомъ Сборникѣ XIII в. подлинныя Сочиненiя св. Кирилла туровскаго (*Калайд.* предисл. къ твор. св. Кирилла стр. XXXIII).

отъ твоея благодати; твой сынъ бывъ порожденіемъ купели духовныя, рабъ явихся грѣху. И того ради стеню изъ глубины сердечныя и слежу болѣзнію душевною, судный часъ помышляю, весь изнемогаю. Како убо обрящуся тамо, кое слово изреку за грѣхи моя и кій отвѣтъ будетъ ми отъ Судіи? Гдѣ ли скрыю беззаконій моихъ множество? Яко нѣсть помогающаго ми, ни избавляющаго. И что сотворю, Господи мой, Господи! Не вѣде, кому ся приближу, да спасена ми будетъ душа. Время живота моего мало, но понеже отнынѣ пригвозди страсе твоемъ плоть мою, да не нагъ обращуся отъ добрыхъ дѣлъ, смѣхъ бывая демономъ. Се бо, яко дѣтищъ, запятъ быхъ отъ врага моего, въ послѣднюю погибель впадохъ; инъ человѣкъ не бысть отъ вѣка грѣшенъ, яко же азъ: злыхъ бо ради дѣлъ моихъ прогнахъ Хранителя душа моея Ангела и пріяхъ губителя, неподобная возлагающа на мое сердце. Но не остави мене до конца погибнути, Іисусе — сладкое имя, — отъ земля создавый мя и животъ давый ми! Призри на смиреніе мое: аще бо безъ числа согрѣшихъ, но не воздѣхъ руку моею къ богу чуждему, ни отчаяхся отнюдь, помышляя образъ твоего человѣколюбія, еже имаши на грѣшницѣхъ. Но о Давидѣ помышляю: и, по царстемъ, въ ровъ любодѣянія впадѣ, и убійство сотворивъ, и покаявся къ Тебѣ, Богу и Творцу, достоинъ бысть твоея благости. И за Ахава самъ слово къ Пророку вѣщаеши, глаголя: не имамъ сотворити прежереченнаго зла, яко видѣхъ его, како сѣтуя ходитъ о своихъ грѣсѣхъ. Ей, Владыко мой, и еще приложу, плачася предъ Тобою великихъ и неудобь цѣлимыхъ моихъ струповъ. Како Манассія, по идолослуженіи, пророки твоя изби и Тя, Бога

отецъ своихъ, прогнѣва, преданъ бывъ въ казнь иноплеменнику, егоже въ сосудѣ мѣдянѣ заключше, яко скота, травою питаху, видѣвъ же свое сокрушеніе и разумѣвъ сотворенныя отъ него грѣхи, возопи изъ среды узъ къ Тебѣ, Богу и Творцу, и чрезъ надежду изятъ бысть оттуду преславно: тако же и азъ вся злая въ животѣ моемъ содѣяхъ и недостойна себе сотворихъ твоей милости. И како на высоту къ Тебѣ возрю скверныма очима, како явлюся лицу твоему, раздравъ первую боготканную одежду и оскверннвъ плоти моея ризу? Но очисти мя, яко Спасъ; прости отъ всѣхъ, яко Богъ; призри на смиреніе мое и не помяни злобы и грѣховъ, яже сотвори на убогую мою душу: надѣю бо ся твоея милости, вопію къ Тебѣ воплемъ веліимъ: помяни, Господи, глаголъ пречистыхъ твоихъ устъ, иже рече: ищите, обрящете; просите, дастъся вамъ. Не пришелъ бо еси, Владыко, призвати праведныхъ, но грѣшники на покаяніе, отъ нихъ же первый есмь азъ. И нынѣ исповѣдаю на ся беззаконія моя: и мнѣ бо молчащу Ты свѣси я; но, о премилостиве, пріими мя, яко разбойника и мытаря и блудницу и блуднаго сына. Ти бо бѣша всѣми отчаями; Ты же пріятъ я и раю жителя сотвори я: пріими и мое покаяніе, недостойнаго раба твоего (имя рекъ). Господи, Іисусе Христе! Словомъ очистивъ прокаженныя, очисти скверну души моея и буди ми помощникъ, силою креста твоего огради и Духомъ Святымъ твоимъ утверди мя, и возврати посрамлены борющаяся со мною, и да исповѣдятъ уста моя множество милости твоея, яко бысть помощникъ мой въ день печали моея. И спаси, Господи, раба своего благовѣрнаго царя и великаго князя (имя рекъ) и вся

христіяны помилуй молитвами Пресвятыя Богородица и всѣхъ Святыхъ: яко Ты еси Богъ нашъ и Тебѣ милися дѣемъ, яко Тя хвалятъ вся силы небесныя, Отче и Сыне и Святый Душе, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

2. Въ понедѣльникъ по заутрени молитва ко Ангеломъ о души глаголема, Кирила мниха туровъскаго.

Къ вамъ, яко заступникомъ и хранителемъ живота нашего, азъ, окаянный и многогрѣшный (имя рекъ), припадаю, молящися и просяще вашея милости, видци Божія величества! Святіи Ангели, престолъ честный страшно оступающе и неизреченною свѣтлостію божественныя славы облистаеми, молите милостиваго и всещедраго человѣколюбца Бога, избавите мя отъ всякаго зла, находящаго на мя. Михаиле святый и великій архангеле, первый поклонниче Святыя Троицы, наводяй свѣтъ на вселенную! И мнѣ подаждь дневное пребываніе преити богоугодно — неискусну отъ злыхъ; отверзи слухъ ушію моею слышати Божія словеса—благая, полезная, и да прозрю внутреннима очима и еще тмѣ грѣховней обдержащи мя, въ ней же преходя во вся дни и живота моего, прогнѣвахъ благаго и беззлобиваго и долготерпѣливаго моего Творца и Владыку. Ему же, предстояще со страхомъ, невещественными усты пресвятую взывающа пѣснь, молите за мя, по вся часы согрѣшающаго, да не поястъ мене мечъ ярости Господня: зѣло бо превзыдоша беззаконія главу мою и яко бремя тяжкое отяготѣ души мое. Аще бо помяну мимопрошедшее время живота моего, преступника себе сотворяю: разумѣю бо ся, паче всякаго человѣка злая и неподобная и немилая Богу дѣла сотворихъ, и боюся, егда како сошедъ

огнь съ небесе сожжетъ мя, или преисподняя пропасть жива пожретъ мя. Свѣдый же долготерпѣніе и пучину человѣколюбія Божія, яко не наводитъ казни на достойнаго мученія, но ожидаетъ моего покаянія, припадаю и молюся: святый Гавріиле, радости ходатаю, спасенію благовѣстниче, скорби пременителю и всякаго зла погубителю! Буди ми помощникъ въ годъ, егда побѣжаемъ буду отъ страсти; присѣти присѣщеніемъ благимъ; освѣти душу, омеркшую многими грѣхи, и укрѣпи мя творити добрая дѣла. Вопію къ тебѣ, не презри раба твоего (имя рекъ), скоро подщися, да же не постигнетъ конецъ, даже смерть не варитъ; не восхити окаянныя моея душа, и еще злѣ стражуща въ скверныхъ обычаехъ, и поимеши мя не готова отъ житія, безъ отвѣта поставиши мя предъ Судящимъ по дѣломъ комуждо. Святый Уриле! Виждь бѣду мою и брань вражію, еюже побѣжаемъ присно; помощника тя призываю: варивъ заступленіе мое, да очнется умъ мой отъ сна грѣховнаго. Дивлю бо ся въ себѣ, како крадомъ есмь по вся часы и обрѣгаюся въ вещехъ, ихъ же ненавижу, и, неподобная мысля, аки руками разоряю благодать Божію, ожидающую моего обращенія. Увы мнѣ, како не имамъ тверда основанія покаянію! И кто дастъ очима моима источникъ слезъ, да ся плачу къ щедрому Богу, да послетъ свою милость и исторгнетъ мя изъ моря житейскаго, волнующагося волнами грѣховными, въ немъ же погружаемъ не пріемлю обязанія исцѣленію скорымъ покаяніемъ? Свѣдый бо узы моя, и не хощу изрѣшитися отъ нихъ. Святый Рафаиле! Подвигни легіона святыхъ Ангелъ, да молятъ Владыку Христа за убогую и смиренную мою душу, кающуюся о прежесотворенныхъ ми непо-

добныхъ ми дѣлъ. Вѣмъ бо свое естество, тлѣнно суще и скоро погибающе: егда како не достигну вечера и порадуетмися врагъ мой о мнѣ, глаголя: сей человѣкъ суетѣ уподобися, и день его, яко сѣнь, преидоша. Но Господи мои Іисусе Христе, Сыне Божій! Припадающи, молютися: призри на мя и помилуй мя, и изведи душу мою изъ темницы беззаконныя, прежде даже не пріиду на судъ страшный; пріими молящихъ Тя за ны святыя ангелы и архангелы, херувимы, силы и власти, престола и господства, начала высокая; тѣхъ молитвами и пречистыя Матере твоея избави мя студа оного и тмы кромѣшныя и неусыпающаго ядовитаго черви: Ты бо еси Агнецъ Божій, вземляй грѣхи всего міра, распныйся на крестѣ нашего ради спасенія и принесыйся на жертву Богу и Отцу за ны грѣшныя. Воими молитву мою и посли Ангела Хранителя души моея и тѣлу, да, тѣмъ наставляемъ, избавлюся отъ всѣхъ видимыхъ и не видимыхъ врагъ и сподоблюся твоея милости, егда пріидеши на судъ въ день онъ страшный, егоже трепещетъ душа моя. Ей, Владыко пресвятый, беззлобиве и долготерпеливе, приклони ухо твое и услыши глагола молитвы моея и помилуй мя и вся рабы твоя (имя рекъ), яко Ты еси Богъ нашъ и къ Тебѣ прибѣгаемъ и на Тя надѣемся. Аще и согрѣшимъ много паче человѣкъ, но отъ Тебе не отступихомъ, ни рукъ нашихъ иному Богу воздѣхомъ; но и Тя благословимъ и Тобѣ кланяемся и благодаримъ пресвятое имя твое, Отца и Сына и Святаго Духа, и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь».

3. Въ четвертокъ по заутрени молитва того же Кирила мниха туровъскаго.

Душе моя! Согрѣшающи по вся дни, почто не въ

стягнешися? Преступающе преданныя ти заповѣди, кую пріимеши отъ Бога милость, аще не преже конца останешися сластолюбиваго хотѣнія, удаляющаго тя отъ пути, ведущаго въ жизнь? Вспряни, убогая, отъ сна грѣховнаго, восплачися злыхъ своихъ дѣлъ, имиже прогнѣвахъ своего Владыку живодавца и благодателя, ожидающого моего покаянія; нынѣ останися несытыхъ похотей и горкихъ тлетворныхъ дѣлъ уклонися; припади же вопіюще къ божественнымъ Апостоломъ, да помолятся ко Христу подати ми оставленіе грѣховъ. Святый Петре—первопрестолниче, твердый камень вѣре, недвижимое основаніе Церкви, пастуше словеснаго стада Христова, ключарь небеснаго царствія, ловче глубинѣ неразумія! Тя молю, всечестнѣ, да обыметъ мя божественная мрежа и да извлечеши мя изъ глубины погибельныя. Вѣде бо тя отъ Бога пріимша власть вязати и разрѣшати: разрѣши, молютися, связана мя ужы грѣховными; покажи твою милость на мнѣ, убоземь рабѣ твоемъ (имя рекъ); оживи смиренную ми душу, якоже преже Тавиѳу отъ мертвыхъ воскреси; востави мя на теченіе благо, иже въ красныхъ вратѣхъ словомъ хромаго со одра востави и стѣнемъ своимъ недуги и болѣзни всякія прогониши; да осѣнитъ мя твоя благодать, исцѣляющи душевныя болѣзни и прогоняющи телесныя недуги. Вся бо можеши, пресвяте, силою Христовою, егоже ради вся оставилъ еси и Того возлюбивъ послѣдовалъ еси пречистымъ Его стопамъ, и за Его святое имя узы поносивъ, къ Нему же помолися за мя окаяннаго, да избавлюся отъ всякаго зла твоими молитвами. Святый Павле, возлюблениче Христовъ, небесный человѣче и земный ангеле, проповѣдниче святыя вѣры, всѣхъ

языкъ учителю, церковная труба, высоко летаяй орле, небесныхъ таинъ сказателю, пресловущи вѣтіе, вмѣстилище духовное, многія бѣды пострадавъ за имя Христово, пекыйся всѣми християны, забывая ранъ на тѣлеси, море премѣривъ и землю обшедъ и насъ обративъ отъ льсти идольскія! Тя молю и къ тебѣ вопию: не гнушайся мене скверннаго, не презри мене ослепшаго душевныма очима; востави мя убогаго, разслаблена суща грѣховною лѣностію: ибо ты въ Лустрѣхъ отъ чрева роженнаго хромца съ Варнавою востави, и Евтиха, бывша мертва, оживи. Воскреси мене отъ мертвыхъ дѣлъ, иже молитвою отъ основанія темницу потрясе, и узники разрѣши, и Наасона отъ заколенія спасе: вся бо можеши данною ти отъ Бога властию. Вѣрою прошу: посѣти мене твоею милостію и исторгни мя отъ сѣти вражія, и укрѣпи мя творити добрая дѣла, яко сый великій Христовъ Апостолъ. Святый Іоанне Богословче, сыну громовъ, наперстниче Христовъ, дѣвъственный сосуде, душевная Церкви, медоточный языче, громогласная уста, асійское утверженіе, ефесьская похвало, патмоскій учителю, всего міра хранителю, Христова евангелія списателю, надежа моя и прибѣжище! Не остави мене отъ твоего заступленія, не прогнѣвайся на мя многосогрѣшившаго. Иже сына Діоскоридова въ бани воскреси, и воина изъ моря по семи часъ жива отцу его извлече, прокаженнаго же въ Вофорс прикосновеніемъ руку очисти и Проклиянію отъ душегубнаго похотѣнія избави: избави мя такожe отъ всякаго грѣха, яко къ тебѣ упованіе мое возложихъ. Святый Луко, божественный евангелисте, духовный скорописче, богопустынній врачю! Услыши молитву мою и уврачюй стра-

сти душа моея; не мини мене отъ дѣтства уязвленаго вражіими стрѣлами: можеши мя исцѣлити и отъ сего часа здрава сотворити. Святый Марко, александрьскій свѣтилниче, Христовыхъ таинъ написателю и всѣхъ чудесъ Его благовѣстниче! Работавъ евангелію Христову, моли за мя человѣколюбца Бога, да поработощу тѣло божественнымъ заповѣдемъ Христовымъ и да свобожу душу отъ работы лукаваго твоими молитвами. Святый Матѳею, оставивый мытницу и всѣхъ грѣховное собраніе разсыпавъ, воспріялъ еси на небесѣхъ неизготоваемое богатство, нескончаемое царство, сказавый намъ второе Христово пришествіе. Егда же явится съ небесе во множествѣ Ангелъ, со славою небесною, враги страша и вѣрныя веселя: тогда и вы сядѣте на престолѣ судяще языкомъ. Увы и мнѣ, како явлюся тогда азъ грѣшный, всякаго зла исполненъ? Но буди ми нынѣ помощникъ, укрѣпи мя на теченіе благо, да избавлюся отъ вѣчныя муки горкыя. И вси святіи богоизбранніи апостоли: Андрѣю, Іакове, Ѳомо, Варѳоломѣю, Симоне, Филиппе, Христови угодници, льсти искоренители и вѣры насадители! Услышите мя грѣшнаго, надѣющагося на вы. Уже бо нѣсть ми отъ дѣлъ спасенія, аще не покрыете мене отъ всякого кова вражія: се бо рискає, яко левъ ходить, хотя мя поглотити. Но и сокрушите ему лукавьную главу, растръгнете челюсти его и мене избавите вашими молитвами, да быхъ и еще на семь свѣтѣ моихъ грѣховъ покаялся, елико же сотворихъ на убогую душу мою. И молю Тя, Владыко мой, отъ тайныхъ моихъ очисти мя и даждь благодать разума моему недостоинству: Ты бо еси Христосъ, Сынъ Божій, дая и молитву молящемуся и пріимая покаяніе кающихся.

Пріими и мое покаяніе, и отпусти нечестіе сердца моего, и спаси мя по милости твоей: яко азъ рабъ твой и сынъ рабыня твоея. Не даждь во смятеніе ногу моею, ни да воздремлетъ храняяй мене Ангелъ; но вразуми и ублажи и освяти смиреную ми душу, да не возвращуся уничиженъ, посрамленъ, скорбенъ, но да получу, ихъ же желаю, бзконечныхъ твоихъ благъ. Еще молю Тя, пресвятый Царю, помяни милостію и щедротами рабы твоя (имя рекъ) и отпусти намъ всяко согрѣшеніе молитвами святыхъ Апостолъ и пресвятыя ти Матере, Владычица нашея Богородицы, и всѣхъ Святыхъ молитвами помилуй и спаси души наши: яко Ты еси Богъ нашъ, и Тебѣ ся мили дѣемъ, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь».

4. Канонъ молебенъ Кюрила грѣшнаго. Гласъ 5.

Пѣснь 1. Ирмосъ. Моисѣйскую поминающе, о душе, десницю, бѣжи грѣхолюбиваго Іегипта и разумнаго Фараона отверзися работы, да крестную пріимеши палицю и страстное пройдеши море смѣреньемъ, вопьющи: поимъ Господеви, славно бо прославися.

Азъ есмь обличитель сущихъ во мнѣ золъ дѣяній, имиже прогнѣвахъ Христа, вся Того преступивъ заповѣди, и вся нынѣ писанью предахъ помыслы моя, словеса же и дѣлеса, скверны вся и беззаконья на слышанье всему міру.

Доколѣ вязищи, убогая душе, обьята тѣлесными страстьми, обидою и немилосердьемъ, гордынею и пьянствомъ? Си суть вражья тенета, иже тя живу до

ада сведутъ. Но возпи покаяньемъ: о Христе мой! растергни ми съузъ грѣховьный и спаси мя.

Якоже немолчно славятъ огнедохновеньными гласы серафимстіи полцы тресвятую Троицю, всея твари Сдѣтеля: то и я припадаю, прося отпуста многыхъ ми грѣховъ: о милостивый Творче! поне наконецъ спаси мя.

Яко уродивыя дѣвы, не имамъ покаялнаго свѣтильника, ни стяжахъ масла милостивнаго, но всуе толку затвореномъ отъ мене дверемъ; но, о Мати Божія, избави отъ мукы лютыя убогую ми душю.

Пѣснь 2. Ирмосъ. Вонми небо, рече Моіси, втораго написая закона перваго преступльшимъ: разумѣй, душе, свое паденіе; Богъ истиненъ, судяй праведно и въздая комуждо по дѣломъ его.

Адамьская помысливъ, в бѣсовская впадохъ; по законьная емься, въ безаконьная уклонихся; свѣтъ възненавидѣвъ, во тьмѣ грѣховнѣй заблудилъ есмь.

Грѣхи моя, аки Ламехъ, предъ всѣми исповѣдаю, а своего зла обычая никогда же не останусл. О лютѣ мнѣ, окаяньному, всѣмъ мукамъ повиньному.

Яко Богъ многомилостивъ, пріими мя кающася и даждь ми оставленіе многихъ ми сгрѣшеній, да в Троици прославлю Тя, Отца и Сына и Святаго Духа.

Яко всѣхъ сый грѣшнѣй, на небо воззрѣти не смѣю, но к тобѣ припадая вопью: Мати Божія Пречистая! умилосердися на мя и избави мя вѣчнаго мученія.

Пѣснь 3. Ирмосъ. Яко Богъ всесиленъ, изнемогшую грѣхми душю мою и сердце, злыми запустѣвше, добро-плодно створи: духомъ скрушеномъ молитву Ти принесу.

Аще вспомяну си дѣла, отинудь отчаюся: яко Божія не сотворихъ воля, но всю плотьскую похоть, прельщенъ врагомъ, сдѣяхъ: да кто мене не плачетъ, погибшаго лютѣ.

Зѣло горька, о душе, темница и люта верига, яже о тебѣ злопомнѣнья страсти; и аще сихъ не останешися: злымъ себѣ предаси бѣсомъ и тѣми лютѣ, яко плѣнница, томима будеши.

Яко человѣкъ сгрѣшихъ; но, яко Богъ, прости мя, Отче, Сыне и Святый Душе. Тобѣ вѣрою покланяюся и твоея требую милости и до послѣдняго издыханія.

Явлена отъ вѣка всѣхъ крестьянъ Заступнице и къ Богу Ходатаица Марье, богоизбранная Владычице! Пріими мою молитву и подаждь отпустъ многихъ ми прегрѣшеній молитвами си.

Сѣдаленъ. Гласъ 6. О, всестрастная душе! Како уязвися, како злѣ осквернися и како лютѣ неключима бысть! Подтщися, покайся и припади, вопьющи къ Богу, нѣкли муки избавитъ тя.

Судъ безъ милости, о душе, милости не сотворшимъ: блюди, внимай, Христово слово дѣломъ покажи; масло щедротъ воспріими, и свѣщю покаянья сблюди неугасающю, побди, ожидающи Жениха, да внидеши въ чертогъ спасеныхъ.

Пѣснь 4. Ирмосъ. Провидя духомъ Амбакумъ, еже до моея нищеты, твое, Христе, схоженье, укрѣпляяся

смотрьно вопьяше: яростью напрязи на враги лукъ свой, избавляя отъ плѣна рабы своя, немолчно вопьюща: слава силѣ твоей, Господи.

Въ малъ часъ рабъ Христовъ нарекохся, во вся же дни и донынѣ грѣховный рабъ свѣдѣся, дѣлатель бывъ всякаго беззаконья, всѣми нечистотами осквернився и всякои муцѣ повиненъ бывъ, окаянный.

Горе, грѣшная душе, часто каещися и всегда сгрѣшаеши: почто не бѣжиши змьѣ, ея же губительство вѣси? Како не боишися скоропнѣ, смертное жало имущи? Пролѣй сльзы преже смерти, да ти угаснетъ вѣчный огнь.

Яже пріяхъ мнасу, и тою купля не творяхъ: но мысльную раскопавъ землю и лѣностьнымъ обивь платомь, невѣрьемъ душа посыпахъ. Но Троице Святая! Аще и взя отъ мене свое, нъ въ кромѣшнюю тьму, связана, не посли мене.

Явленыхъ и неявленыхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, и чресъестьственыхъ безаконій, яко Богъ, прости мя молитвами Богородица, яже за вся молиться. Христе многомилостиве! Тоя ради възведи мя изъ пропасти грѣховныя».

Съ перваго взгляда очевидно, что слогъ въ канонѣ Святителя туровскаго, дошедшемъ до насъ въ спискѣ XIII в., сохранилъ на себѣ болѣе признаковъ древности, нежели слогъ въ молитвахъ, которыя извѣстны намъ по рукописямъ уже XVI столѣтія. Но по составу своему и содержанію, какъ канонъ, такъ и молитвы должны

быть равно отнесены къ лучшимъ произведеніямъ въ томъ же родѣ, какія только существуютъ въ православной Церкви, и, безъ сомнѣнія, не столько своими проповѣдями и статьями объ иночествѣ, сколько своимъ канономъ и особенно молитвами, находившимися, такъ сказать, въ ежедневномъ употребленіи у народа, Святитель могъ имѣть на этотъ народъ самое обширное и благотворное вліяніе.

Кромѣ сочиненій св. Кирилла туровскаго, дошедшихъ до насъ и несомнѣнно ему принадлежащихъ, были еще сочиненія его потерянныя или, по крайней мѣрѣ, доселѣ остающіяся въ неизвѣстности, и есть сочиненія сомнительныя, приписываемыя ему безъ достаточныхъ основаній. Древній жизнеописатель нашего Святителя говоритъ о немъ, что онъ, еще будучи простымъ инокомъ, когда подвизался въ столпѣ, «многа божественная писанія изложи», а потомъ, сдѣлавшись епископомъ, «Ѳеодорца, за укоризну тако нарицаема, отъ божественныхъ писаній ересь обличи..., Андрею же Боголюбскому князю многи посланія написа отъ евангельскихъ и пророческихъ писаній, яже суть чтоми на праздники Господскія—ина многа душеполезна словеса, яже къ Богу молитвы и похвалы многимъ Святымъ, ина множайшая, написавъ, Церкви предасть; канунъ великій о покаяніи створи къ Господу по главамъ азбуки» (240). На основаніи этого единственнаго свидѣ-

(240) *Восток.* Опис. рук. Рум. Муз. стр. 457. Снес. тоже житіе, помѣщ. въ печати. Прологѣ подъ 28 числомъ апрѣля. Составитель этого житія жилъ, вѣроятно, въ періодъ самаго тяжкаго господства Монголовъ надъ Россіею (въ XIII или XIV в.): потому что въ концѣ житія отъ лица соотечественниковъ взываетъ къ св. Кириллу: «моли о насъ Вседержителя... отъ настоящія намъ бѣды избавитеся и отъ безбожныхъ *Агарянъ, присно мучащихъ насъ».*

тельства о письменныхъ трудахъ св. Кирилла, къ числу потерянныхъ его сочиненій можно отнести: 1) обличеніе на извѣстную ересь Θеодорца, епископа ростовскаго, отъ божественныхъ писаній; 2) многія посланія къ вел. князю Андрею Боголюбскому отъ евангельскихъ и пророческихъ писаній; 3) нѣкоторыя душеполезныя слова на праздники Господскіе: ибо св. Кириллъ написалъ такія слова «многа», а до насъ дошли изъ нихъ только девять; 4) похвалы или похвальныя слова «многимъ» Святымъ, къ числу которыхъ (похвалъ) изъ сохранившихся Словъ можно отнести только два (въ недѣлю о мѵроносицахъ и на соборъ 318 св. Отцевъ); 5) канонъ великій покаянный къ Господу по главамъ азбуки: ибо сохранившійся молебный канонъ св. Кирилла, хотя выражаетъ и чувствованія покаянныя, но вовсе не расположенъ по буквамъ азбуки и обращенъ не къ одному Господу Іисусу, а часто и ко всѣмъ Лицамъ Св. Троицы; 6) вѣроятно, и многія другія сочиненія, которыми занимался св. Кириллъ, еще подвизаясь въ столпѣ и потомъ въ числѣ «множайшихъ» предалъ Церкви. Думать, будто подъ именемъ посланій къ Андрею Боголюбскому разумѣются собственно извѣстныя слова и поученія Святителя туровскаго, потому только, что посланія эти, по выраженію жизнеописателя, написаны отъ евангельскихъ и пророческихъ писаній, совершенно неосновательно: ибо и посланія къ игумену печерскому Василію, какъ говоритъ самъ св. Кириллъ, написаны тоже отъ святыхъ книгъ и почти въ каждомъ изъ своихъ сочиненій, иногда даже не разъ, онъ повторяетъ, что пишетъ не отъ себя, а отъ евангельскихъ и пророческихъ писаній. Жизнеописатель именно выражается, что св. Кириллъ «Андрею

Боголюбскому князю» многія посланія написалъ; а извѣстныя Слова на праздники написаны св. Кирилломъ *для* произнесенія въ церкви предъ народомъ и обращеній къ Андрею Боголюбскому никакихъ не содержатъ. Могъ, конечно, св. Кириллъ препровождать копіи съ своихъ Словъ къ Андрею Боголюбскому, но уже это самое требовало сопутствовать ихъ посланіями къ князю или письмами (241). Въ рукописяхъ встрѣчаются слова и поученія подъ именами: Кирилла мниха, св. Кирилла епископа, св. отца Кирилла (242): можетъ быть, эти сочиненія принадлежатъ къ числу потерянныхъ или неизвѣстныхъ намъ твореній св. Кирилла туровскаго, тѣмъ болѣе, что подъ двумя первыми именами встрѣчаются и его подлинныя, несомнѣнныя сочиненія: но утверждать это съ рѣшительностію было бы неосновательно.

Сомнительными сочиненіями Святителя туровскаго мы признаемъ два поученія и два слова, помѣщенныя въ числѣ печатныхъ его твореній, именно: шестое—поученіе въ недѣлю пятую по пасхѣ, десятое—поученіе на пятьдесятницу, одиннадцатое—слово о премудрости и двѣнадцатое — слово о мытарствахъ. Относительно трехъ первыхъ статей самъ издатель сознается, что онѣ не надписаны именемъ св. Кирилла въ древнѣйшемъ Сборникѣ (XIII в.), въ которомъ находится бóльшая

---

(241) *Калайдов.* предисл. къ твор. св. Кирилла XXXII.

(242) Напримѣръ: 1, *Кирила мниха* о преступленіи заповѣди Божіи и изгнаніе Адамлю изъ раю (Опис. рукоп. Царск. 505); 2, *Кирила монаха* похвала святыхъ и прен. отецъ нашихъ Евфимія великаго и Савви Освященнаго (тамъ же 68); 3, слово *св. Курила епископа* о томъ, яко не

часть изданныхъ его творенiй; но присовокупляетъ: «одинъ слогъ, тоже величiе и таже простота выраженiй и непосредственная связь означенныхъ статей съ подлинными сочиненiями св. Кирилла дозволяютъ приписать оныя нашему Святителю» (предисл. стр. XXXIII). Основанiя очень недостаточныя! И, во первыхъ: одно то уже, что эти три статьи не надписаны именемъ св. Кирилла въ томъ самомъ Сборникѣ, въ которомъ всѣ прочiя его сочиненiя надписаны его именемъ, заставляетъ предположить, что составитель Сборника или переписчикъ не признавалъ не надписанныхъ статей творенiями Святителя туровскаго. Во вторыхъ, при ближайшемъ сличенiи этихъ статей съ достовѣрными сочиненiями св. Кирилла нельзя не чувствовать значительной разности между ними: въ статьяхъ и по слогу, и по составу, и по тону, болѣе простоты, менѣе витiеватости, искусственности, образности, нежели въ сочиненiяхъ св. Кирилла. Въ третьихъ: въ чемъ состоитъ непосредственная связь этихъ статей съ сочиненiями Святителя туровскаго въ древнемъ Сборникѣ? Въ томъ, что первая статья—поученiе въ недѣлю 5-ю по пасхѣ помѣщено между словами его въ недѣлю 4-ю и въ недѣлю 6-ю по пасхѣ, а статьи вторая и третья слѣдуютъ за словомъ его на соборъ 318 св. Отцевъ и потомъ сопутствуются словами Iоанна Златоустаго, Василiя Великаго и другихъ... Что же это за связь? И кому неизвѣстно, что въ Сборникахъ, въ которыхъ

забывати учителей своихъ (тамъ же, 394); 4, поученiе *св. отца Кирила* (—81); 5, *слово св. отца Кирила* о первосъзданнѣмъ (—84); 6, слово *св. отца Кирила* о страсѣ Божiи (—84. 133); 7, слово *св. отца нашего Кирила* о злыхъ, о невѣрныхъ человѣцѣхъ (Опис. рук. Толст. 601) и др.

расположены слова и поученія по порядку недѣль и праздниковъ церковныхъ, весьма часто помѣщаются въ такой же связи сочиненія совершенно различныхъ писателей? Наконецъ, должно замѣтить, что не только въ спискѣ XIII в., но и въ спискахъ XIV, XV и послѣдующихъ столѣтій всѣ упомянутыя три статьи, сколько намъ извѣстно, ни разу не приписываются св. Кириллу туровскому, напротивъ, или усвояются другимъ писателямъ, греческимъ, или, что гораздо чаще, не приписываются никакому писателю ([243]). Пусть будетъ вѣрнымъ, что эти статьи не принадлежатъ тѣмъ, кому иногда усвояются: но на какомъ же основаніи мы станемъ усвоять ихъ именно нашему Святителю туровскому, когда ему онѣ нигдѣ не приписываются? Перейдемъ къ послѣднему слову,—къ слову объ исходѣ души и о мытарствахъ. Въ большей части списковъ,

([243]) Такъ 1) слово въ недѣлю 5 по пасхѣ—а) въ Сборн. новг. соф. библ. XIV—XV в. (№ 578, л. 219) надписано: «поученіе въ недѣлю 5-ю по пасцѣ» и не усвоено никому; б) въ Сборн. Рум. Муз. XV в. надписано: «поученіе иже во святыхъ отца нашего Василія кесарійскаго въ недѣлю 2-ю поста» (Опис. стр. 620); в) въ Сборникахъ XVI и XVII в. усвояется св. Іоанну Златоусту (Опис. рук. Царск. 372. 786; Рум. Муз. 227. 231); 2) поученіе на пятидесятницу—а) въ Сборн. новг. Соф. библ. XIV—XV в. (№ 578, л. 218 об.) надписано: «поученіе на св. пантикостію» и не усвоено никому; б) въ Сборн. XV, иногда и XVI в. также не усвоено никому (Опис. рук. Царск. 351. 358. 661. 672; Рум. Муз. 620); в) въ двухъ Сборникахъ, изъ которыхъ одинъ XVI, а другой XVII вѣка, приписывается то св. Іоанну Златоусту, то преп. Ѳеодору Студиту (Опис. рук. Царск. 372; Рум. Муз. 700. 701); 3) Наконецъ, слово о премудрости — а) въ Сборн. XIV в. надписано: «слово св. Отецъ о наказаньи» и не усвоено никому лично (Опис. Рум. Муз. 234), б) въ Сборн. XVI в. надписано: «поученіе нѣкоего вѣрнаго человѣка къ духовному брату» и также не усвоено никому (тамъ же 232). Другихъ списковъ этого слова мы не знаемъ.

начинающихся съ XIV столѣтія, оно называется Словомъ вообще *св. Кирилла*, или *св. отца Кирилла* (244); въ нѣкоторыхъ спискахъ XIV—XV и XVI вѣка надписывается именемъ *св. Кирилла философа* (245), и въ нѣкоторыхъ спискахъ XVI и XVII вѣка—именемъ *св. Кирилла, епископа туровскаго* (246). Какому жъ изъ этихъ двухъ Кирилловъ Слово принадлежитъ? Списки перваго рода здѣсь ничего не рѣшаютъ; а сравнивая списки втораго и третьяго рода, естественно болѣе склоняемся приписать Слово св. Кириллу философу, нежели св. Кириллу туровскому: такъ какъ вторые списки по времени начинаются прежде. Но не по надписямъ надъ списками, а по самому содержанію разсматриваемаго Слова, мы доходимъ до полной увѣренности, что оно принадлежитъ св. Кириллу философу. Въ этомъ словѣ только небольшой приступъ придѣланъ неизвѣстнымъ, а все послѣдующее взято изъ сочиненій св. Кирилла философа. Представимъ начало слова: «понеже тайна си не всѣмъ откровена бысть и многими человѣкы несвѣдома; но якоже Кирилъ философъ *рече:* не того ради створени быхомъ, да ямы и піемъ и въ одежи различныя облечемся, но да угодимъ Богови и будущая благая получимъ. Но понеже непытаніемъ божественныхъ Писаній заблудихомъ отъ истиннаго пути: ни помышляемъ, како ны есть почтилъ Богъ и създалъ въ утробѣ матерній и душю вложилъ, и паки и оттуду ны изведе. Егда убо, *рече*, всякъ младенецъ

---

(244) Опис. рук. Рум. Муз. 234. 227; Царск. 88. 142. 381; Толст. 382; Сборн. моей библ. XVI в., № 65, л. 303 об.

(245) Опис. рук. Рум. Муз. 507; Царск. 141.

(246) Опис. рукоп. Рум. Муз. 167; Толст. 412.

крещаемъ бываетъ, тогда посылается отъ Бога Ангелъ на храненіе въ все житіе человѣческое». За тѣмъ непрерывно тянется рѣчь объ отношеніи Ангела-Хранителя къ человѣку впродолженіе жизни, объ исходѣ души изъ тѣла и странствованіи ея по мытарствамъ (очень подробно), о кончинѣ міра и послѣднемъ мздовоздаяніи праведникамъ и грѣшникамъ. Спрашивается: кто же это *рече*, отъ имени котораго излагается все послѣдующее слово? Изъ предыдущаго очевидно, что не кто другой, какъ Кириллъ философъ ([247]). А что мы излагаемъ не одну произвольную догадку,—можемъ указать на самый источникъ, откуда заимствовано настоящее сочиненіе. Въ рукописяхъ встрѣчается Слово иже во святыхъ Отца нашего *Кирилла философа* на соборъ архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ ([248]). Начало этого слова другое, нежели въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, но дальнѣйшее содержаніе объ Ангелѣ-Хранителѣ, о мытарствахъ и прочемъ,—тоже самое, только по мѣстамъ обширнѣе. И, что особенно замѣчательно, въ этомъ словѣ, вмѣсто оборота: «егда убо, *рече*, всякъ младенецъ крещаемъ бываетъ, тогда посылается отъ Бога Ангелъ на храненіе во все житіе человѣческое»,—читаемъ: *глаголю же* убо, егда

([247]) Въ одномъ спискѣ XVI в. это слово о мытарствахъ начинается прямо отъ имени Кирилла философа: «еже тайны не свѣдаютъ мнози, сію намъ Кириллъ философъ повѣда» .. (Опис. рук. Царск. 83).

([248]) Слово это напечатано г. Розовымъ по рукописи XVII или нач. XVIII в. въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, № 8, стд. IV, 1—21. Но, кажется, оно же встрѣчается и въ спискахъ XV и XVI вѣк. (Опис. рук. Царск. 86; Толст. 137).

крещаеми бывають младенцы, тогда посылаемъ бываетъ Ангелъ Господенъ на сохраненіе во все житіе его человѣческое» и т. дал.... Дѣло ясное, что въ словѣ на соборъ св. архистратига Михаила св. Кириллъ философъ говоритъ самъ отъ своего лица, тогда какъ въ словѣ объ исходѣ души и о мытарствахъ говоритъ кто-то отъ имени св. Кирилла философа въ третьемъ лицѣ; слѣдов. первое слово представляется собственнымъ его сочиненіемъ, а послѣдне есть заимствованіе (249). Не скроемъ, что слово на соборъ архистратига Михаила извѣстно намъ въ позднѣйшемъ спискѣ и не чуждо распространеній и вставокъ (такъ, весьма неудачно, посрединѣ помѣщено въ немъ цѣлое *поученіе къ попомъ,* приписываемое митрополиту кіевскому Кириллу). Сознаемся, что мы не въ состояніи рѣшить, какому Кириллу философу принадлежитъ это слово: славянскому ли апостолу, или св. Кириллу, епископу катанскому (костенскому), учителю Сербовъ (XV в.), который также называется философомъ (250), или еще другому Кириллу. Но во всякомъ случаѣ не сомнѣваемся повторить, что слово объ исходѣ души и о мытарствахъ не есть произведеніе нашего святителя туровскаго Кирилла, который никогда не назывался философомъ, а

---

(249) Нельзя не замѣтить, что обширное слово Кирилла философа на соборъ Архангела Михаила послужило источникомъ не только для слова *о мытарствахъ*, но и другаго слова — *о небесныхъ силахъ*, къ которому неизвѣстнымъ придѣланъ тотъ же самый приступъ, какой и къ слову *о мытарствахъ* (Опис. рукоп. Рум. Муз. 227; Сборн. моей библ. № 65, л. 333).

(250) Опис. рук. Царск. 419; *Бодянск.* О врем. происх. славянскихъ письменъ, стр. 66—69, примѣч. 66. 67. М. 1855.

заимствовано все, кромѣ краткаго приступа, изъ другаго слова какого-то св. Кирилла философа ([251]).

Обращаясь снова къ подлиннымъ сочиненіямъ св. Кирилла туровскаго, которыя мы обозрѣли, можемъ, въ заключеніе, сдѣлать о нихъ слѣдующій краткій отзывъ. Въ проповѣдяхъ св. Кирилла преобладаетъ воображеніе и духовная поэзія; въ статьяхъ, обращенныхъ къ инокамъ, виднѣе мысль, подъ сильнымъ однакожъ вліяніемъ воображенія и фантазіи; молитвы и канонъ проникнуты живымъ христіанскимъ чувствомъ. По самому изложенію, въ первыхъ болѣе витіеватости, искусственности, риторизма; во вторыхъ всѣ эти недостатки замѣтно ослабѣваютъ; третьи почти вездѣ запечатлѣны естественностію и простотою. И, кажется, не будетъ несправедливымъ, если на высшемъ мѣстѣ по достоинству поставимъ молитвы св. Кирилла, на среднемъ статьи его къ инокамъ и на низшемъ—его церковныя поученія. Современники и ближайшіе потомки не безъ основанія могли называть Святителя туровскаго русскимъ Златоустомъ, конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобы со-

---

([251]) Не излишнимъ считаемъ присовокупить, что слово о мытарствахъ, приписываемое св. Кириллу, извѣстно намъ въ трехъ видахъ: а) въ самомъ краткомъ, какъ оно напечатано г. Калайдовичемъ; б) въ самомъ обширномъ, какъ оно изложено въ словѣ Кирилла философа на соборъ архистратига Михаила, изд. г. Розовымъ, и в) въ среднемъ между этими двумя видами, какъ оно находится, хотя, къ сожалѣнію, безъ начала, въ Сборн. новг. соф библ. XIV—XV в. по старому каталогу № 94, л. 15—17. Въ этой средней редакціи слово по мѣстамъ болѣе сходно съ краткою редакціею, а по мѣстамъ, особенно въ концѣ, съ обширною, но вставки (т. е. поученія къ попомъ), какая замѣчена нами въ обширной редакціи, не имѣетъ. Можетъ быть, средняя редакція и есть самая близкая къ первоначальному тексту слова, которое въ краткой редакціи сокращено, а въ обширной распространено.

чиненія его равнялись по достоинству и характеру съ твореніями древняго златословеснаго Учителя, а въ томъ, что св. Кириллъ былъ тогда у насъ самымъ лучшимъ витіею и отличался необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Изъ всѣхъ писателей русской Церкви, жившихъ впродолженіе трехъ первыхъ вѣковъ, можно указать только на одного митрополита Иларіона, котораго, по нашему мнѣнію, не превосходилъ св. Кириллъ своими талантами и образованіемъ, хотя и превзошелъ количествомъ сочиненій. Главныя отличительныя свойства Святителя туровскаго, какъ писателя: живое, плодовитое, неистощимое воображеніе; мягкое, доброе, воспріимчивое чувство; легкій, свободный, витіеватый языкъ. А въ твореніяхъ митрополита Иларіона находимъ болѣе твердый и обширный умъ, болѣе зрѣлости и послѣдовательности въ мысляхъ, болѣе точности и правильности въ выраженіяхъ и, по мѣстамъ, самое высокое, истинно-ораторское одушевленіе.

3) **Православно-Догматическое Богословіе**, соч. *его же*,

— Т. I *(новое изданіе)*: ц. 1 р. 25 к. с. съ перес.

— Т. II: ц. 1 р. 50 к. с. съ перес.

— Т. III: ц. 1 р. 50 к. с. съ перес.

— Т. IV: ц. 1 р. 50 к. с. съ перес.

— Т. V: ц. 1 р. 50 к. с. съ перес.

4) **Пастырское Богословіе**, соч. *Архим. Кирилла*. Изд. *второе*. Цѣна 1 р. сер.; на перес. за 2 ф.

5) **Минуты уединенныхъ размышленій христіанина**, соч. *его же*. Ц. 1 р. 25 к. с.; на перес. за 2 ф.

6) **О Заслугахъ св. Аѳанасія В. для Церкви въ борьбѣ съ аріанствомъ**, соч. *Ловягина*. Цѣна 1 р. на перес. за 2 ф.

7) **Указатель сочиненій, содержащихся въ 88 частяхъ Христіанскаго Чтенія.** Цѣна (съ пересылкою) 50 коп. сер.

8) **Жизнь Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, въ иночествѣ Алексія** *(съ хромолитографическимъ изображеніемъ Угодника)*. Цѣна 1 р. с.; на перес. за 1 фун.

9) **Разборъ римскаго ученія о главенствѣ въ Церкви, сдѣланный на основаніи св. Писанія и Преданія Церкви первыхъ трехъ вѣковъ.** Соч. баккалавра С. П-бургской Д. Академіи с. іером. *Никанора*. Выпускъ 1. Цѣна 1 р., на перес. за 2 фун.

10) **Исторія прав. Церкви въ Финляндіи и Эстляндіи, принадлежащихъ къ С. П.-бургской епархіи.** Соч. *И. Чистовича*. Цѣна 1 р., на перес. за 1 фун.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Печатать позволяется. Ценсоръ, *Архимандр. Кириллъ.*

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1856.

ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

11½ листов.

Подписка на *Христіанское Чтеніе* принимается въ Правленіи С. Петербургской Духовной Академіи, во всѣхъ Правленіяхъ иногородныхъ Семинарій, въ духовныхъ уѣздныхъ и приходскихъ Училищахъ. Цѣна за годовое изданіе безъ доставки 6 р. с., а съ доставкою и пересылкою 7 р. 50 к. сер.

Въ Редакціи *Христіанскаго Чтенія* и въ Канцеляріи Правленія С. Петербургской Духовной Академіи еще продаются полные экземпляры *Христіанскаго Чтенія* за прежніе годы, именно: 1822, 1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1833, 1836, 1837, 1839, 1840, 1841, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853 и 1854. Каждый экземпляръ отдѣльно — по 6 р. сер. безъ пересылки, а съ пересылкою по 7 руб. 50 к. с. Кто пожелаетъ выписать имѣющіеся экземпляры за всѣ годы въ совокупности, или съ 1822 по 1827, и съ 1833 по 1847 включительно; тому будетъ уступленъ каждый экземпляръ одного года по 4 р. 40 к. с. безъ пересылки, за которую нужно прилагать на пять фунтовъ для каждаго экземпляра. Цѣна за экземпляръ *Христіанскаго Чтенія* 1849, 1850, 1851, 1852, 1853 и 1854 годовъ остается прежняя.

Въ Редакціи же *Христіанскаго Чтенія* и въ Канцеляріи Правленія С. Петербургской Дух. Акад. продаются книги:

1) Исторія Русскаго Раскола, извѣстнаго подъ именемъ Старообрядства, соч. *Макарія*, Епископа Винницкаго, Ректора С. Петербургской Духовной Академіи. Цѣна 2 р. с. съ перес.

2) Введеніе въ Православное Богословіе, соч. того же автора. *Второе, исправленное изданіе.* Цѣна 2 р. 50 к. с. съ перес.

БЕСѢДА 9.

Видѣвъ же Петръ, отвѣщеваше къ людемъ: мужіе Израилтяне, что чудитеся о семъ; или на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити (Дѣян. 3, 12)?

Въ настоящей рѣчи больше смѣлости, (чѣмъ въ прежней). Это — не потому, чтобы прежде (Апостолъ) боялся, но потому, что тѣ люди — насмѣшники и ругатели—не снесли бы (подобной смѣлости). Посему-то, начиная ту рѣчь, онъ тотчасъ же и возбуждаетъ ихъ вниманіе предисловіемъ, говоря: *сіе вамъ разумно да будетъ, и внушите глаголы моя* (Дѣян. 2, 14). Но здѣсь ему не нужно такое приготовленіе. Эти люди не были безпечны; чудо сдѣлало всѣхъ ихъ внимательными,—почему они и были объяты страхомъ и ужасомъ. Поэтому-то Апостолъ и не имѣлъ нужды начинать (здѣсь) съ того же, но (началъ) съ другаго, чѣмъ особенно и расположилъ ихъ къ себѣ, отклонивъ отъ себя то мнѣніе, какое они себѣ составили. Вѣдь ничто столько не полезно и не пріятно для слу-

шателей, какъ то, если говорящій не только не говоритъ о себѣ ничего великаго, но даже уничтожаетъ и мысль о томъ. Такимъ-то образомъ (Апостолы) больше прославили себя тѣмъ, что презрѣли славу и показали, что то было дѣло не человѣческое, но Божіе, и что они также, наравнѣ съ другими, должны удивляться, а не служить предметомъ удивленія. Видишь ли, какъ (Петръ), будучи чуждъ честолюбія, отвергаетъ отъ себя славу? Такъ поступали и древніе. Напримѣръ, Даніилъ говорилъ: *и мнѣ не премудростію сущею во мнѣ* (Дан. 2, 30). И еще Іосифъ: *еда не Богомъ изъявленіе ихъ есть* (Быт. 40, 8)? И Давидъ: *егда прихождаше левъ или медвѣдица*, во имя Господа я разрывалъ ихъ руками (1 Цар. 17, 34. 35). Такъ теперь и Апостолы: *что взираете на ны, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити?* И это, говорятъ, принадлежитъ не намъ; потому что не по своему достоинству привлекли мы благодать Божію. *Богъ Авраамовъ и* Богъ *Исааковъ и* Богъ *Іаковль, Богъ отецъ нашихъ* (ст. 13). Смотри, какъ часто (Апостолъ) обращается къ предкамъ, чтобы не подумали, будто онъ вводитъ какое нибудь новое ученіе: и тамъ онъ упомянулъ о Давидѣ, и здѣсь — объ Авраамѣ и другихъ патріархахъ. *Прослави отрока своего Іисуса* (ст. 13). Опять (говоритъ) смиренно, какъ въ предисловіи. Затѣмъ уже останавливается на ихъ преступленіи и ясно выставляетъ на видъ то, что они сдѣлали, а не прикрываетъ, какъ

прежде. Поступаетъ же такъ для того, чтобы лучше привлечь ихъ: ибо, чѣмъ больше показывалъ, что они виновны, тѣмъ больше достигалъ этого. *Прослави*, говоритъ, *отрока своего Іисуса, егоже вы предасте и отвергостеся его предъ лицемъ Пилатовымъ, суждшу оному пустити* (тамъ же). Два обвиненія: и то, что Пилатъ хотѣлъ отпустить, и то, что, когда онъ хотѣлъ, вы не захотѣли. *Вы же Святаго и Праведнаго отвергостеся, и испросисте мужа убійцу дати вамъ. Начальника же жизни убисте: егоже Богъ воскреси отъ мертвыхъ, емуже мы свидѣтели есмы* (ст. 14. 15). Онъ какбы такъ говорилъ: вмѣсто Его вы просили о разбойникѣ. Представилъ ихъ поступокъ въ самомъ страшномъ видѣ. Такъ какъ они были уже въ его власти, то онъ и поражаетъ ихъ сильно. *Начальника же*, говоритъ, *жизни*. Этимъ приготовляетъ вѣру въ воскресеніе. *Егоже Богъ воскреси отъ мертвыхъ*. Чтобы не сказалъ кто нибудь: откуда это видно,—для этого онъ ссылается теперь не на Пророковъ, но на самаго себя, потому что уже заслуживалъ вѣру. Прежде, сказавъ, что (Христосъ) воскресъ, онъ привелъ въ свидѣтели Давида, а теперь, сказавъ тоже, (сослался на) ликъ апостольскій: *емуже*, говоритъ, *мы свидѣтели есмы. И о вѣрѣ имене его сего, егоже видите и знаете, утверди имя его: и вѣра, яже его ради, даде ему всю цѣлость сію предъ всѣми вами* (ст. 16). Стараясь доказать это событіе, тотчасъ упоминаетъ и о чудѣ: *предъ*

всѣми, говоритъ, *вами*. Такъ какъ онъ сильно укорилъ ихъ и показалъ, что Распятый воскресъ; то опять смягчаетъ свою рѣчь, даетъ имъ возможность покаяться и говоритъ: *и нынѣ, братіе, вѣмъ, яко по невѣдѣнію* сіе *сотвористе, якоже и князи ваши* (ст. 17). *По невѣдѣнію сотвористе:* это одно оправданіе; а другое: *якоже и князи ваши*. Что Іосифъ говорилъ братьямъ: *посла мя Богъ предъ вами* (Быт. 45, 5), или лучше, что самъ онъ прежде сказалъ кратко: *нарекованнымъ совѣтомъ и проразумѣніемъ Божіимъ предана пріемше* (Дѣян. 2, 23),—тоже самое говоритъ и теперь пространнѣе. *Богъ же, яже предвозвѣсти усты всѣхъ Пророкъ своихъ пострадати Христу, исполни тако* (ст. 18). Доказавъ, что это произошло по опредѣленію Божію, вмѣстѣ съ тѣмъ уже показываетъ, что это не ихъ дѣло. А словами: *яже предвозвѣсти* намекаетъ на тѣ слова, которыми они поносили (Христа) при крестѣ, когда говорили: *да избавитъ его, аще хощетъ ему. Рече бо, яко Божій есмь Сынъ. Упова на Бога. Да снидетъ нынѣ со креста* (Матѳ. 27, 43. 42). Ужели же то—пустыя слова, безумные? Нѣтъ, тому надлежало быть, и этому свидѣтели Пророки. Онъ не по немощи не сошелъ (со креста), но по своей силѣ. Такимъ образомъ (Апостолъ) представляетъ это, какъ оправданіе для Іудеевъ, для того, чтобы они приняли (слова его). *Исполни*, говоритъ, *тако*. Видишь ли, какъ все приписываетъ Богу? *Покайтеся убо*, говоритъ,

и обратитеся; не говоритъ: отъ грѣховъ вашихъ, но: *да очиститеся отъ грѣхъ вашихъ*, чѣмъ показываетъ тоже самое. Потомъ говоритъ и о пользѣ: *яко да пріидутъ времена прохладна отъ лица Господня* (ст. 19). Этимъ показываетъ, что они несчастны и удручены многими бѣдствіями. Потому-то онъ и сказалъ такъ, зная, что эти слова вполнѣ сообразны съ состояніемъ человѣка, страждущаго и ищущаго утѣшенія.

2. И смотри, какъ онъ мало по малу идетъ впередъ. Въ первой рѣчи онъ незамѣтно указалъ на воскресеніе и сѣдѣніе на небѣ, а здѣсь ясно (говоритъ) и о Его пришествіи. *И послетъ пронареченнаго Христа Іисуса* (ст. 20). *Егоже подобаетъ небеси убо пріяти*, то есть, необходимо, *даже до лѣтъ устроенія всѣхъ* (ст. 21). Почему не приходитъ теперь, — причина очевидна. *Яже*, говоритъ, *глагола Богъ усты святыхъ своихъ Пророкъ отъ вѣка* (ст. 21). *Моисей убо ко отцемъ рече: яко Пророка вамъ воздвигнетъ Господь Богъ вашъ отъ братіи вашея, яко мене: того послушайте по всему, елика аще речетъ къ вамъ* (ст. 22). Тамъ упомянулъ о Давидѣ, а здѣсь о Моисеѣ. *Всѣхъ*, говоритъ, *яже глагола Богъ*. Не говоритъ: *яже глагола* Христосъ, но: *яже глагола Богъ*, чтобы прикровенною рѣчью лучше привлечь ихъ мало по малу къ вѣрѣ. Далѣе обращается къ тому, что достовѣрно, и говоритъ: *Пророка вамъ воздвигнетъ Господь Богъ отъ братіи вашея*,

яко мене: *того послушайте по всему*. Затѣмъ (указываетъ) и великое наказаніе. *Будетъ же*, говоритъ, *всяка душа*, *яже аще не послушаетъ Пророка онаго*, *потребится отъ людей*. *И вси же Пророцы отъ Самуила и иже по сихъ*, *елицы глаголаша*, *такожде предвозвѣстиша дни сія* (ст. 23. 24). Здѣсь кстати сказалъ о погибели. Обращаясь (всегда) къ Пророкамъ,—когда говоритъ что нибудь великое,—онъ представилъ (здѣсь) свидѣтельство, въ которомъ содержится и то и другое. Такъ сказалъ и тамъ: *дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (Пс. 109, 2). И удивительно, что въ одномъ мѣстѣ (говорится) о томъ и другомъ—и о подчиненіи, и о наказаніи за непослушаніе. *Якоже*, говоритъ, *мене*. Итакъ, чего вы боитесь? *Вы есте сынове Пророкъ* (ст. 25). Слѣдовательно, вамъ они говорили и все было для васъ. А такъ какъ, по своему преступленію, они считали себя отчужденными,—ибо не естественно думать, чтобъ Тотъ, Кого они распяли, сталъ заботиться о нихъ, какъ о своихъ; то (Апостолъ) показываетъ, что и то и это согласно съ пророчествомъ. *Вы есте*, говоритъ, *сынове пророкъ и завѣта*, *егоже завѣща Богъ ко отцемъ вашимъ*, *глаголя ко Авраму*: *и о сѣмени твоемъ возблагословятся вся отечествія земная* (ст. 25). *Вамъ первѣе*, говоритъ, *Богъ воздвигій Отрока своего посла его* (ст. 26). Значитъ, (послалъ Его) и къ другимъ; но прежде—къ вамъ, распявшимъ Его. *Благословяща васъ*, *во еже*

отвратитися вамъ комуждо отъ злобъ (ст. 26). Но посмотримъ снова и тщательнѣе на то, что прочитано. Сначала (Апостолъ) внушаетъ, что не они сдѣлали чудо, сказавъ: *что чудитеся?* А чтобы не дать возможности сомнѣваться въ словахъ своихъ и чтобы сдѣлать ихъ болѣе достовѣрными, — предупреждаетъ судъ этихъ людей. *На ны*, говоритъ, *что взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ?* Если это безпокоитъ и смущаетъ васъ, то узнайте, кто сдѣлалъ это, и не ужасайтесь. И смотри, какъ всегда безбоязненно порицаетъ ихъ, когда прибѣгаетъ къ Богу и говоритъ, что все—отъ Него. Поэтому и выше говорилъ: *мужа отъ Бога извѣствованна въ васъ* (Дѣян. 2, 22). И вездѣ напоминаетъ имъ объ ихъ злодѣяніи, чтобы и показать чудо, и подтвердить воскресеніе. А здѣсь присоединилъ и нѣчто другое. Не называетъ уже (Христа) Назореемъ, но—какъ? *Богъ*, говоритъ, *отецъ нашихъ прослави Отрока своего Іисуса*. Замѣть и скромность его: не обвинилъ ихъ и не сказалъ тотчасъ: *и нынѣ* вѣруйте,—вотъ человѣкъ, сорокъ лѣтъ бывшій хромымъ, всталъ о имени Іисуса Христа. Не сказалъ такъ,—потому что чрезъ это сдѣлалъ бы ихъ еще болѣе упорными; но сначала хвалитъ ихъ за то, что они дивились случившемуся. И опять даетъ имъ названіе отъ (имени) предка. И не говоритъ: Іисусъ исцѣлилъ хромаго, хотя, дѣйствительно, Онъ исцѣлилъ его. А чтобы не сказали: какъ это возможно, чтобы (Богъ) прославлялъ зако-

нопреступника,—напоминаетъ имъ о судѣ предъ Пилатомъ, показывая, что, еслибы они захотѣли быть внимательными, то (узнали бы, что) Онъ —не законопреступникъ: иначе Пилатъ не захотѣлъ бы освободить Его. И не сказалъ: когда тотъ хотѣлъ, но: *суждшу оному пустити*, вы, говоритъ, просили отпустить того, кто убивалъ другихъ, а Того, который оживотворяетъ убитыхъ, — не захотѣли. А чтобы они еще не сказали: какъ теперь прославляетъ Его Тотъ, Кто тогда не помогъ Ему, — приводитъ Пророковъ, свидѣтельствующихъ, что тому надлежало быть. Затѣмъ, чтобы они не подумали, что оправданіемъ для нихъ служитъ опредѣленіе Божіе,—прежде всего упрекаетъ ихъ. Да и то, что они отреклись (отъ Христа) предъ лицемъ Пилата, когда тотъ хотѣлъ освободить Его, не было дѣломъ случайнымъ. Вамъ невозможно отречься отъ этого, потому что васъ обвиняетъ тотъ, кого вы испросили вмѣсто Его. Такимъ образомъ и въ этомъ было великое смотрѣніе (Божіе). Здѣсь (Апостолъ) показываетъ ихъ безстыдство и наглость, такъ какъ язычникъ, который притомъ видѣлъ Его тогда лишь въ первый разъ, освободилъ Его, а они, бывъ воспитаны среди чудесъ, поступили напротивъ. А что онъ по справедливости полагалъ освободить Его, а не по милости дѣлалъ это, — послушай, что̀ говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: *есть обычай вамъ, да единаго отпущу: хощете ли убо, да отпущу вамъ его* (Іоан. 18, 39; Мато. 27, 15)? *Вы же Святаго и Праведнаго отвергосте-*

ся; не сказалъ: предали, но вездѣ (говоритъ): *отвергостеся*. И — справедливо; потому что такъ и говорили они: *не имамы царя, токмо кесаря* (Іоан. 19, 15). И не сказалъ: вы не просили невиннаго; не (сказалъ) только: *отвергостеся*, но и — *убисте*. Пока они были въ ослѣпленіи, онъ не говорилъ имъ ничего такого; но когда души ихъ были въ особенности потрясены и когда они могли уже чувствовать, тогда поражаетъ ихъ съ особенною силою. Какъ мы людямъ пьянымъ не говоримъ ничего, а когда они отрезвятся и очнутся отъ опьяненія, тогда укоряемъ ихъ: такъ точно — и Петръ. Когда они могли понимать его слова, тогда уже онъ изощряетъ языкъ и исчисляетъ многія ихъ преступленія, именно, что они предали Того, Кого Богъ прославилъ, что отъ Того, котораго Пилатъ освободилъ, они отреклись предъ лицемъ его, что (Христу) предпочли разбойника.

3. Смотри опять, какъ прикровенно говоритъ о Его силѣ, показывая, что Онъ самъ Себя воздвигъ (изъ мертвыхъ). Какъ въ прежней проповѣди говорилъ: *якоже не бяше мощно держиму быти ему отъ нея* (Дѣян. 2, 24); такъ и здѣсь говоритъ: *Начальника же жизни убисте*. Слѣдовательно не отъ другаго лица Онъ получилъ жизнь. Какъ начальникъ злобы— тотъ, кто родилъ злобу, и начальникъ зависти — тотъ, кто первый ввелъ зависть: такъ точно и Начальникъ жизни—Тотъ, Кто имѣетъ жизнь отъ самаго Себя. *Егоже*, говоритъ, *Богъ воскреси*. Сказавъ это, присовокупилъ: *и о вѣрѣ*

имене его сего, егоже видите и знаете, утверди имя его: и вѣра, яже его ради, даде ему всю цѣлость сію. Но, если все сдѣлала вѣра въ Него, потому что (хромой) увѣровалъ въ Него; то отъ чего (Апостолъ) не сказалъ: именемъ, но: *о имени?*—Отъ того, что еще не осмѣливались говорить: вѣра въ Него. А чтобы выраженіе: *его ради* не было унизительно, онъ присоединилъ: *и имя его утверди сего.* И напередъ сказавъ это, онъ затѣмъ говоритъ: *и вѣра, яже его ради, даде ему всю цѣлость сію.* Смотри, какъ онъ показываетъ, что и тѣ слова сказалъ по снисхожденію къ нимъ. Дѣйствительно, чье имя воздвигло хромаго, ничѣмъ не отличнаго отъ мертваго, Тотъ не имѣлъ нужды въ другомъ для своего воскресенія. Замѣть, какъ вездѣ указываетъ на ихъ свидѣтельство. Такъ выше говорилъ: *якоже и сами вѣсте*; и: *посредѣ васъ* (Дѣян. 2, 22); и (здѣсь) опять: *егоже видите и знаете... предъ всѣми вами* (— 3, 16). Хотя они не знали, что (хромой) стоитъ здравъ о имени Христа, но знали то, что онъ былъ хромъ, а теперь здоровъ. Да и сами сдѣлавшіе это исповѣдывали, что онъ укрѣпился не ихъ силою, но силою Христа. А еслибы это было не такъ и еслибы они не были дѣйствительно увѣрены въ томъ, что (Христосъ) воскресъ; то не захотѣли бы славу мертваго ставить выше своей, и особенно тогда, когда Іудеи смотрѣли на нихъ, (какъ на виновниковъ чуда). Затѣмъ Апостолъ тотчасъ успокоилъ устрашенныя ихъ души, назвавъ ихъ братьями и ска-

завъ: *мужіе братіе!* Тамъ онъ ничего не говорилъ о себѣ, но только о Христѣ: *твердо убо да разумѣетъ,* говорилъ онъ, *весь домъ Исраилевъ* (Дѣян. 2, 36); здѣсь же предлагаетъ и увѣщаніе. Тамъ ожидалъ, что̀ Іудеи скажутъ; а здѣсь, когда уже такъ многое (Апостолы) сдѣлали, — зналъ, что они были способнѣе къ принятію словъ его. Безъ сомнѣнія, и то, что сказано выше, происходило не отъ невѣдѣнія. Вѣдь они просили о разбойникѣ, не приняли Того, Кого (Пилатъ) опредѣлилъ освободить, захотѣли даже убить Его:—какое же тутъ невѣдѣніе? Но, несмотря на все это, онъ даетъ имъ возможность отречься и раскаяться въ томъ, что они сдѣлали, и даже представляетъ за нихъ благовидное оправданіе и говоритъ: что вы убили невиннаго, это вы знали, но что (убили) Начальника жизни,—этого, можетъ быть, не знали. И такимъ образомъ не ихъ только оправдываетъ отъ преступленія, но и главныхъ виновниковъ зла. А еслибы онъ обратилъ рѣчь въ обвиненіе, онъ сдѣлалъ бы ихъ болѣе упорными. Вѣдь когда обвиняютъ человѣка, сдѣлавшаго какое либо зло,—онъ, стараясь оправдаться, становится упрямѣе. И не говоритъ уже: вы распяли, убили, но: *сотвористе,* чѣмъ ведетъ ихъ къ прощенію. Если тѣ (сдѣлали) по невѣдѣнію, то тѣмъ болѣе эти; если тѣмъ прощается (ихъ престуленіе), — тѣмъ болѣе этимъ. Но удивительно, что онъ, говоря и выше, и здѣсь, —тамъ: *нарекованнымъ совѣтомъ и прораземѣніемъ,* а здѣсь: *предвозвѣсти весьмъ*

Христа, — нигдѣ не приводитъ свидѣтельства: это по тому, что каждое изъ этихъ (свидѣтельствъ), вмѣстѣ съ обвиненіемъ, возвѣщаетъ и о наказаніи. *И дамъ*, сказано, *лукавыя вмѣсто погребенія его, и богатыя вмѣсто смерти его* (Ис. 53, 9). И опять: *яже*, говоритъ, *предвозвѣсти усты всѣхъ Пророкъ пострадати ему, исполни тако*. Этимъ показываетъ важность опредѣленія, такъ какъ всѣ говорили это, а не одинъ только. Значитъ, хотя это сдѣлано по невѣдѣнію, но совершилось не противъ воли Божіей. Смотри, сколь велика премудрость Божія, когда и злодѣянія другихъ направляетъ къ тому, чему слѣдуетъ быть. *Исполни*. Чтобы не подумали, что еще остается что нибудь, онъ присовокупилъ это (слово), показывая, что совершилось все, что (Христу) надлежало претерпѣть. Но не подумайте, что вамъ для оправданія достаточно того, что объ этомъ сказали Пророки и что вы сдѣлали это по невѣдѣнію. Впрочемъ, онъ говоритъ не такъ, но съ большею кротостію: *покайтеся убо*. Для чего? — *Да очиститеся отъ грѣхъ вашихъ*. Не говорю о томъ, на что вы дерзнули при крестѣ, — то было, можетъ быть, по невѣдѣнію; но—да очистятся другіе ваши грѣхи. Потомъ прибавляетъ: *яко да пріидутъ* (вамъ) *времена прохладна*. Здѣсь прикровенно говоритъ о воскресеніи, ибо то, поистинѣ, времена отрады, которыхъ желалъ и Павелъ, когда говорилъ: *и мы, сущіи въ тѣлѣ семъ, воздыхаемъ отягчаеми* (2 Кор. 5, 4). Затѣмъ, показывая, что Христосъ — ви-

новникъ временъ отрады, говоритъ: *и послетъ пронареченнаго вамъ Христа Іисуса*. Не сказалъ: загладится грѣхъ вашъ, но: *грѣхи*, намекая и на тотъ (грѣхъ). *И послетъ*. Сказавъ это, онъ не говоритъ, откуда (пошлетъ), но только прибавляетъ: *егоже подобаетъ небеси убо пріяти*. Еще только *пріяти*. Отчего же онъ не сказалъ: котораго небо приняло? Это по тому, что онъ говоритъ какбы о временахъ древнихъ: такъ, говоритъ, было опредѣлено, такъ было положено. О вѣчномъ же бытіи Его еще не говоритъ, но останавливается на домостроительствѣ нашего спасенія и говоритъ: *Моѵсей убо ко отцемъ рече: яко Пророка вамъ воздвигнетъ Господь*. Такимъ образомъ сначала сказалъ: *даже до лѣтъ устроенія всѣхъ, яже глагола Богъ усты всѣхъ святыхъ своихъ Пророкъ отъ вѣка*,—и затѣмъ, наконецъ, вводитъ самаго Христа. Ибо, если Онъ многое предсказалъ и Его надобно слушать, то не погрѣшитъ тотъ, кто скажетъ, что это сказали Пророки.

4. Съ другой стороны, (Апостолъ) хочетъ показать, что тоже самое предсказали и Пророки. И если кто тщательно вникнетъ, тотъ найдетъ, что и въ ветхомъ (завѣтѣ) сказано объ этомъ, хотя не ясно, такъ что въ этомъ нѣтъ ничего особенно новаго. *Пронареченнаго*. Этимъ и устрашаетъ ихъ, такъ какъ многому остается еще быть. Какъ же онъ сказалъ: *исполни* то, что надлежало (Христу) претерпѣть? Сказалъ: *исполни*, а не: исполнилось, показывая, что

(Богъ) исполнилъ то, что надлежало (Христу) претерпѣть, но еще не исполнилъ того, чему слѣдуетъ быть потомъ. *Пророка вамъ воздвигнетъ Господь Богъ отъ братіи вашея, яко мене.* Говоритъ то, что особенно привлекало ихъ. Видишь ли, какъ онъ вмѣстѣ сѣетъ и низкое и высокое? Такъ, низко и высоко, — если имѣющій взойти на небо подобенъ Моусею, хотя въ то время это и было (дѣло) великое. Вѣдь къ Моусею не идутъ уже эти слова: *и будетъ всякъ*, который не послушаетъ, *потребится.* Да онъ сказалъ многое и другое, изъ чего видно, что (Христосъ) не подобенъ Моусею. Такимъ образомъ онъ коснулся великаго свидѣтельства. *Богъ*, говоритъ, *воздвигнетъ* Его *отъ братіи вашея.* И самъ Моусей грозилъ тѣмъ, которые не будутъ слушать Его. Все это имѣло силу привлекать ихъ. *И вси же*, говоритъ, *Пророцы отъ Самуила.* Не захотѣлъ выводить каждаго (Пророка) отдѣльно, чтобы не сдѣлать рѣчи слишкомъ длинною; но, упомянувъ о важнѣйшемъ свидѣтельствѣ Моусея, опустилъ свидѣтельства прочихъ. *Вы есте*, говоритъ, *сынове Пророкъ и завѣта, егоже завѣща Богъ.* Вы, говоритъ, сыны, то есть, наслѣдники завѣта. Дабы они не подумали, что получаютъ это по милости Петра, — показываетъ, что это издревле должно было принадлежать имъ, дабы они лучше повѣрили, что это угодно и Богу. *Вамъ первѣе*, говоритъ, *Богъ воздвигій отрока своего посла.* Не просто сказалъ: къ вамъ послалъ отрока своего, но

именно: по воскресеніи, послѣ того, какъ Онъ былъ распятъ. Чтобы не думали, что Сынъ даровалъ это, а Отецъ — нѣтъ, поэтому присовокупилъ: *благословяща васъ*. Если Онъ братъ вашъ и благословляетъ васъ, то это и есть обѣщаніе, т. е., вы не только имѣете участіе въ этихъ (благахъ), но Онъ хочетъ, чтобы и для другихъ вы были ихъ виновниками. Итакъ, не считайте себя отринутыми и отверженными. *Во еже обратитися*, говоритъ, *комуждо отъ злобъ*. Вотъ въ какомъ случаѣ Онъ благословляетъ васъ, а не просто. Какое же тутъ благословеніе?—Великое Ибо обращенія отъ грѣховъ недостаточно и для того, чтобы разрѣшить ихъ. Если же этого недостаточно было и для разрѣшенія (грѣховъ), то какъ могло это дать благословеніе? Кто поступилъ несправедливо, тотъ получаетъ прощеніе въ своихъ грѣхахъ, но еще не благословляется. А выраженіе: *яко мене*, если не принять его въ смыслѣ законоположенія, ни въ какомъ другомъ значеніи не будетъ имѣть основанія. *Того*, говоритъ, *послушайте*. И не просто, но какъ? *Будетъ же, всяка душа, яже не послушаетъ Пророка онаго, потребится отъ людей*. Когда показалъ, что они согрѣшили, когда даровалъ имъ прощеніе и обѣщалъ блага, тогда показываетъ, что и Моvсей говоритъ тоже. Но что за послѣдовательность — сказать: *даже до лѣтъ устроенія*, и затѣмъ приводить Моvсея, который заповѣдуетъ слушать все, что будетъ говорить Христосъ,—и притомъ не просто, но съ страшною

угрозою?—(Послѣдовательность) строгая. Апостолъ показываетъ, что и поэтому они должны повиноваться Христу. Что значитъ: *сынове пророкъ и завѣта*? (То есть), — наслѣдники, преемники. Итакъ, если вы сыны, то зачѣмъ вы на свое смотрите, какъ на чужое? Конечно, вы сдѣлали достойное осужденія; но, несмотря на это, вы можете получить прощеніе. Сказавъ такимъ образомъ, онъ вслѣдъ за тѣмъ справедливо уже говоритъ: *вамъ посла Богъ Отрока своего благословяща васъ*. Не сказалъ: спасающаго, но — что важнѣе — *благословяща*, показывая, что Распятый благословляетъ распявшихъ (Его). — Будемъ же и мы подражать Ему. Отвергнемъ отъ себя убійственное и враждебное расположеніе души. Не довольно не мстить: это было и въ ветхомъ (завѣтѣ); но будемъ дѣлать все для обидѣвшихъ насъ, какъ для искреннихъ друзей, какъ для себя самихъ. Мы — подражатели, мы—ученики Того, который по распятіи употребляетъ всѣ мѣры для (спасенія) распявшихъ и посылаетъ (къ нимъ) Апостоловъ. Да притомъ, мы часто страдаемъ и справедливо, а Его (подвергли страданіямъ) не только несправедливо, но и нечестиво: Іудеи распяли Благодѣтеля, Того, Кто ничѣмъ (ихъ) не обидѣлъ. За что?—скажи мнѣ. Изъ-за славы ли? Но Онъ выставлялъ ихъ достойными уваженія. Какимъ образомъ? — *На Моѵсеовѣ сѣдалищи*, говорилъ Онъ, *сѣдоша книжницы и фарисеи: вся убо, елика аще рекутъ вамъ* творить, *творите*: *по дѣломъ*

же ихъ не творите (Матѳ 23, 2. 3). И опять въ другомъ мѣстѣ: *шедъ покажися іереови* (Матѳ. 8, 4). Онъ могъ погубить ихъ, и однакожъ спасаетъ. Станемъ же подражать Ему и пусть никто не будетъ кому либо врагомъ, никто — непріятелемъ, развѣ только—діаволу.

5. Не мало способствуетъ этому и то, если мы не будемъ клясться и не будемъ гнѣваться. Когда мы не будемъ гнѣваться,—не будемъ имѣть и враговъ. Отними у человѣка клятву,— и ты отсѣчешь крылья гнѣву, погасишь всю ярость. Клятва — это какбы вѣтеръ для гнѣва. Распусти паруса: парусъ ни къ чему не служитъ, когда нѣтъ вѣтра. Итакъ, если мы не будемъ кричать и клясться,—мы отнимемъ всю силу у гнѣва. Если же вы не вѣрите этому, то сдѣлайте опытъ, и тогда узнаете, что это дѣйствительно такъ. Положи гнѣвливому законъ никогда не клясться, и тебѣ не будетъ нужды говорить ему о кротости. Въ этомъ случаѣ все будетъ успѣшно: вы не станете нарушать клятвъ, да и совсѣмъ не будете клясться. Не знаете ли, въ какія несообразности впадаете вы отъ этого? Вы сами на себя налагаете узы и (сами же) всѣми средствами стараетесь о томъ, чтобы освободить отъ нихъ свою душу, какъ будто бы это было какое либо неизбѣжное зло. Но такъ какъ вы не можете (сдѣлать этого), то уже по необходимости проводите жизнь въ скорби и распряхъ и предаетесь гнѣву. А между тѣмъ, все это бываетъ безъ нужды и напрасно. Итакъ грози, предписывай, дѣлай все—

безъ клятвы. Тогда можно, если хочешь, отмѣнить и сказанное и сдѣланное. Вотъ сегодня (мнѣ) необходимо говорить съ вами болѣе кротко. Такъ какъ вы послушались (словъ моихъ, (тои сдѣлались гораздо лучше. Итакъ скажемъ, если угодно, отъ чего появилась клятва и для чего она допущена. Разсказавъ о первоначальномъ ея происхожденіи, о томъ, когда она возникла, и какъ, и отъ кого, мы этимъ разсказомъ возблагодаримъ васъ за послушаніе. Тому, кто поступаетъ, какъ должно, необходимо и любомудрствовать; а кто еще не (таковъ), тотъ недостоинъ и слушать (наше) слово. Авраамъ и бывшіе съ нимъ заключили много договоровъ, закалали жертвы, дѣлали приношенія, а клятвы еще не было. Откуда же явилась клятва? — Когда умножились беззаконія, когда все пришло въ крайній безпорядокъ, когда (люди) склонились къ идолослуженію, вотъ тогда то, тогда, когда они уже оказались недостойными вѣры,—стали призывать Бога въ свидѣтели, представляя какбы вѣрнаго поручителя въ томъ, что говорили. Вѣдь клятва въ этомъ и состоитъ, — въ поручительствѣ, (предлагаемомъ) по тому, что не довѣряютъ (нашимъ) нравамъ. Слѣдовательно, она прежде всего служитъ обвиненіемъ тому, кто клянется, если ему не вѣрятъ безъ поручителя и притомъ безъ поручителя великаго; потому что отъ великаго недовѣрія происходитъ то, что требуютъ въ свидѣтели не человѣка, но Бога. Во вторыхъ, столько же виновенъ бываетъ и тотъ, кто при-

нимаетъ клятву, если онъ, споря объ условіяхъ, влечетъ Бога въ поручительство и говоритъ, что не повѣритъ, если не будетъ имѣть Его (поручительства). Какая чрезвычайная безчувственность! Какое поруганіе! Ты—червь, земля, пепелъ и дымъ, влечешь къ поручительству Владыку своего и принуждаешь Его быть (поручителемъ). Скажи мнѣ: еслибы въ то время, какъ ваши слуги спорятъ между собою и не довѣряютъ другъ другу, одинъ изъ рабовъ сказалъ, что онъ не повѣритъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ имѣть поручителемъ общаго господина; то не получилъ ли бы онъ тысячи ударовъ и не узналъ ли бы, что господиномъ надобно пользоваться для другихъ дѣлъ, а не для этого? Что я говорю о рабѣ (и господинѣ)? Еслибы онъ избралъ (и другаго) почтеннаго человѣка, то не счелъ ли бы тотъ такой выборъ поношеніемъ для себя? Но я , скажешь, не хочу : — хорошо. Въ такомъ случаѣ не принуждай и Бога, когда и между людьми бываетъ такъ, что, если кто скажетъ: я представлю такого-то въ поручители, ты не берешь на себя (этого поручительства). Что же, скажешь, ужели мнѣ потерять то, что я далъ? — Не говорю этого; но (утверждаю), что ты оскорбляешь Бога. Посему-то принуждающій (къ клятвѣ) еще неизбѣжнѣе, чѣмъ тотъ, кто клянется, подвергнется наказанію, равно какъ и тотъ, кто клянется, когда никто не требуетъ. И, что особенно худо,—каждый клянется изъ-за одного овола, изъ-за малой выгоды, изъ-за несправедливости. Это (я

говорю о тѣхъ случаяхъ), когда не будетъ клятвопреступленія; если же послѣдуетъ клятвопреступленіе, то все будетъ въ крайнемъ безпорядкѣ и виною всего будетъ и тотъ, кто принялъ, и тотъ, кто далъ (клятву). Но иногда бываетъ, скажешь, нѣчто неизвѣстное? А ты предусматривай это и не дѣлай ничего легкомысленно; если же сдѣлаешь что-либо легкомысленно, то самъ съ себя и взыскивай за вредъ. Лучше такъ потерпѣть вредъ, чѣмъ какъ нибудь иначе. Скажи мнѣ, когда ты требуешь отъ человѣка клятвы, — чего ты ожидаешь? — Того ли, что онъ нарушитъ клятву? Но это крайнее безуміе, ибо наказаніе обратится на твою голову. Лучше тебѣ потерять деньги, чѣмъ ему погибнуть. Для чего дѣлаешь это во вредъ себѣ и въ оскорбленіе Бога? Это свойственно душѣ звѣрской и человѣку нечестивому. Но я (скажешь) надѣюсь, что онъ не нарушитъ клятвы? Въ такомъ случаѣ повѣрь ему и безъ клятвы. Но многіе, скажешь, безъ клятвы рѣшаются на обманъ, а съ клятвою—нѣтъ. Обманываешься, человѣкъ! Кто привыкъ красть и обижать ближняго, тотъ легко рѣшится попрать клятву. Если же кто благоговѣетъ предъ клятвою, то тѣмъ болѣе убоится сдѣлать обиду. Но онъ сдѣлаетъ это по неволѣ? — Въ такомъ случаѣ онъ достоинъ прощенія. Но что я говорю объ этихъ клятвахъ, оставляя клятвы, (бывающія) на рынкѣ? — Тамъ ты не можешь сказать ничего подобнаго, потому что изъ десяти оволовъ бываютъ клятвы и клятвопреступленія. Такъ какъ не падаетъ съ неба молнія, такъ какъ не все

низпровергается, то ты стоишь и держишь (при себѣ) Бога. Для чего же? — Чтобы получить нѣсколько огородной зелени, чтобы (взять) башмаки. Изъ-за нѣсколькихъ серебряныхъ монетъ ты призываешь Его во свидѣтельство. Но если мы не подвергаемся наказанію, то не будемъ думать, что мы не грѣшимъ. Это зависитъ отъ человѣколюбія Божія, а не отъ нашей добродѣтели. Клянись своимъ сыномъ, клянись самимъ собою; скажи: пусть палачъ приступитъ къ бокамъ моимъ. Но ты (этого) боишься. Такъ ужели Богъ безчестнѣе боковъ твоихъ? Ужели Онъ ничтожнѣе головы твоей? Скажи: пусть я ослѣпну! Но Христосъ такъ щадитъ насъ, что запрещаетъ намъ клясться даже собственною головою: а мы до того не щадимъ славы Господа, что всюду влечемъ Его. Развѣ не знаете, что такое — Богъ и какими устами надобно призывать Его? Разсуждая о какомъ нибудь добродѣтельномъ человѣкѣ, мы говоримъ: умой уста твои и тогда вспоминай о немъ; а между тѣмъ, имя досточтимое, которое выше всякаго имени, — имя, чудное по всей земли, отъ котораго трепещутъ демоны, — мы всюду произносимъ безразсудно!

6. О, привычка! Отъ ней-то произошло то, что (это имя) пренебрегается. Вѣдь еслибы ты заставилъ кого нибудь поклясться святымъ домомъ, — ты, безъ сомнѣнія, считалъ бы это за страшную клятву. А отчего это кажется такъ страшнымъ, какъ не оттого, что ту (клятву) мы употребляемъ безъ разбора, а эту—нѣтъ? Иначе не слѣдовало ли содрогаться, при произнесеніи

имени Божія? У Іудеевъ это имя столь священно, что его писали на дощечкахъ и никому не позволялось носить эти буквы, кромѣ одного первосвященника: а мы теперь вездѣ произносимъ это имя, какъ — обыкновенное. Если и просто называть Бога не всѣмъ дозволено, то, скажи мнѣ, какая дерзость, какое безуміе—призывать Его во свидѣтельство! Еслибы и все надлежало бросить, — не слѣдовало ли бы охотно согласиться на то? Вотъ я говорю и настоятельно требую: оставьте клятвы, бывающія на площади, а всѣхъ, которые не слушаются, ведите ко мнѣ. Вотъ, въ вашемъ присутствіи, я заповѣдую тѣмъ, которые отдѣлены на служеніе домамъ молитвеннымъ, внушаю имъ и объявляю, что никому не дозволяется клясться безразсудно, или даже—какъ бы то ни было. Итакъ ведите ко мнѣ (клянущагося), кто бы онъ ни былъ; потому что и это должно доходить до насъ, какъ будто бы вы были малыя дѣти. Но не дай Богъ, чтобы это было! Стыдно, если вы еще имѣете нужду чему нибудь учиться. Осмѣлишься ли ты, не будучи посвященъ въ тайны, прикоснуться къ священной трапезѣ? Но, что еще хуже, — ты, посвященный въ тайны, дерзаешь прикасаться къ священной трапезѣ, которой и не всѣмъ священникамъ позволено касаться, — и такимъ образомъ клянешься! Ты не коснешься, по выходѣ (изъ дома), и головы дитяти, а касаешься трапезы, — и не трепещешь, и не боишься? Веди ко мнѣ такихъ (людей)! Я произведу судъ и отпущу обоихъ съ радостію. Дѣлайте, что хотите: я полагаю законъ — отнюдь

не клясться. Какая надежда спасенія, когда мы все такъ унижаемъ? Ужели для того записи, для того обязательства, чтобы ты принесъ имъ въ жертву свою душу? Пріобрѣтаешь ли ты столько же, сколько теряешь? Нарушилъ ли клятву (тотъ, кого ты обязалъ ею)? — Ты погубилъ и его и себя. Не нарушилъ?—И въ этомъ случаѣ ты погубилъ его, принудивъ его преступить заповѣдь. Удалимъ отъ души эту болѣзнь. Прежде всего будемъ гнать ее съ рынка, изъ лавокъ и изъ всѣхъ другихъ торговыхъ заведеній. Намъ будетъ отъ этого больше прибыли. Не думайте, что отъ нарушенія божественныхъ законовъ житейскія дѣла идутъ лучше. Но мнѣ, скажешь, не вѣрятъ? Дѣйствительно, мнѣ случалось слышать отъ нѣкоторыхъ и это: если я не произнесу тысячи клятвъ, — мнѣ не вѣрятъ. Ты самъ причиной этому, потому что легкомысленно клянешься. А еслибы этого не было и еслибы всѣмъ было извѣстно, что ты не клянешься; то, повѣрь словамъ моимъ, ты сдѣлалъ бы только знакъ, и тебѣ повѣрили бы больше, нежели тѣмъ, которые поядаютъ тысячи клятвъ. Вотъ, скажи мнѣ, кому вы больше вѣрите: мнѣ ли, хотя я не клянусь, или тѣмъ, которые клянутся? Но ты, скажете вы, — начальникъ и епископъ. Что же, если я докажу, что не по этому только (вѣрите мнѣ)? Овѣчайте мнѣ со всею истиною, прошу васъ: еслибы я часто и всегда клялся, помогло либы мнѣ начальство?—Отнюдь нѣтъ. Видишь ли, что не по этому (вѣрите мнѣ)? Да и какую, скажи мнѣ, пріобрѣтаешь ты наконецъ

выгоду? Павелъ терпѣлъ голодъ: рѣшись и ты лучше терпѣть голодъ, нежели преступить какую либо заповѣдь Божію. Отчего ты такъ невѣренъ? Ужели тогда, какъ ты рѣшишься все сдѣлать и претерпѣть для того, чтобы не клясться,—Богъ не вознаградитъ тебя? Вѣдь Онъ каждый день питаетъ клятвопреступниковъ и (людей) часто клянущихся: ужели же предастъ голоду тебя за то, что ты послушалъ Его? Пусть всѣ знаютъ, что изъ собирающихся въ эту церковь никто не клянется. Пусть мы будемъ извѣстны и этимъ, а не вѣрою только! Да будетъ это нашимъ отличіемъ отъ язычниковъ и отъ всѣхъ (людей)! Да примемъ печать съ неба, чтобы намъ вездѣ являться какбы царскимъ стадомъ! Пусть тотчасъ же узнаютъ насъ, какъ варваровъ, по рѣчамъ и языку, и да отличаемся этимъ отъ варваровъ, подобно знающимъ по-гречески. Скажи мнѣ: почему узнаютъ такъ называемыхъ попугаевъ? Не по тому ли, что они говорятъ по человѣчески? Такъ пусть же и насъ узнаютъ по тому, что мы говоримъ, какъ Апостолы, говоримъ, какъ Ангелы. Если кто скажетъ: клянись, то пусть услышитъ, что Христосъ заповѣдалъ не клясться, и я не клянусь. Этого довольно, чтобы ввести всякую добродѣтель. Это дверь къ благочестію, путь, ведущій къ благоговѣйному любомудрію, это нѣкотораго рода училище. Будемъ соблюдать это, чтобы сподобиться и настоящихъ и будущихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 10.

Глаголющимъ же имъ къ людемъ, наидоша на нихъ священницы и воевода церковный (Дѣян. 4, 1).

Еще не отдохнули (Апостолы) отъ прежнихъ искушеній, а уже тотчасъ впали въ новыя. И смотри, какъ это устрояется. Сначала они были осмѣяны всѣ вмѣстѣ: это—не малое искушеніе; а потомъ сами верховные впадаютъ въ опасности. Но эти два (событія) произошли не сряду одно за другимъ и не просто: сначала (Апостолы) прославились въ рѣчахъ, потомъ сдѣлали великое чудо, и за тѣмъ уже, по допущенію Божію, съ дерзновеніемъ вступаютъ въ борьбу. Ты же замѣть, прошу тебя, какъ тѣ, которые при Христѣ искали предателя, теперь уже сами налагаютъ руки, сдѣлавшись послѣ креста болѣе дерзкими и безстыдными. Такъ-то грѣхъ, пока только еще раждается, бываетъ нѣсколько стыдливъ: но когда совершится, тогда дѣлаетъ безстыднѣйшими тѣхъ, которые совершаютъ его. Но для чего же приходитъ и воевода? Ибо сказано: *наидоша на нихъ священницы и воевода церковный.* — Для того, чтобы опять представить государ-

ственнымъ преступленіемъ то, что сдѣлано было (Апостолами), и наказать за то, не какъ за (дѣло) частное:—такъ вездѣ они стараются поступать. *Жаляще си, за еже учити имъ люди* (ст. 2). Они досадовали не только на то, что (Апостолы) учили, но и на то, что говорили, что (Христосъ) не только самъ воскресъ, но что и мы воскреснемъ чрезъ Него. *За еже учити имъ*, сказано, *люди*, *и возвѣщати о Іисусѣ воскресеніе мертвыхъ* (ст. 2). Воскресеніе (Іисуса) было такъ дѣйственно, что и для другихъ Онъ содѣлался виновникомъ воскресенія. *И возложиша на нихъ руки, и положиша ихъ въ соблюденіе до утрія: бѣ бо вечеръ уже* (ст. 3). О безстыдство! Еще прежней кровію были исполнены ихъ руки, и они тѣмъ не удовольствовались, но опять наложили ихъ, чтобы осквернить другою кровію. Или, можетъ быть, они и боялись, такъ какъ учениковъ было уже много, и поэтому явился вмѣстѣ съ ними воевода: *бѣ бо*, сказано, *вечеръ уже.* Итакъ они это дѣлали и стерегли (Апостоловъ), желая ослабить ихъ, а Апостоламъ эта отсрочка времени придавала болѣе смѣлости. И смотри, кто подвергается задержанію: это—верховные изъ Апостоловъ, которые такимъ образомъ и для другихъ послужили указаніемъ, чтобы они впредь не искали другъ друга и не домогались быть вмѣстѣ. *Мнози же отъ слышавшихъ слово вѣроваша: и бысть число мужей яко тысящъ пять* (ст. 4). Что это значитъ? Развѣ они видѣли (Апосто-

ловъ) въ славѣ? Не видѣли ль, напротивъ, что ихъ связали? Какъ же увѣровали? Видишь ли явную силу (Божію)? Вѣдь и тѣмъ, которые уже увѣровали, надлежало бы сдѣлаться (отъ этого) немощнѣе, но они не сдѣлались. Рѣчь Петра глубоко бросила сѣмена и тронула ихъ душу. А тѣ (священники и Саддукеи) гнѣвались потому, что (эти люди) нисколько не убоялись ихъ и за ничто считали настоящія бѣдствія. Если Распятый, говорили они, дѣлаетъ такія (чудеса) и если Онъ воздвигъ хромаго, то мы не боимся и ихъ. Итакъ и это было дѣломъ Промысла Божія. Поэтому увѣровавшихъ было теперь больше, чѣмъ прежде. Вотъ этого (священники съ Саддукеями) и боялись, и потому-то въ ихъ глазахъ и связали Апостоловъ, чтобы и на нихъ навести страхъ; но случилось совсѣмъ не то, чего они хотѣли. Поэтому-то они и допрашиваютъ Апостоловъ не при нихъ, но отдѣльно, чтобы слушатели не получили пользы отъ ихъ дерзновенія. *Бысть же на утріе собратися княземъ ихъ и старцемъ и книжникомъ во Іерусалимъ, и Аннѣ архіерею и Каіафѣ и Іоанну и Александру, и елицы бѣша отъ рода архіерейска* (ст. 5 — 6). Опять сходятся вмѣстѣ, — ибо въ числѣ другихъ золъ было и то, что уже не соблюдались постановленія закона. Опять придаютъ (своему) собранію видъ суда, чтобы обвинить ихъ неправеднымъ судомъ. *И поставльше ихъ посредѣ, вопрошаху: коею силою, или коимъ именемъ сотвористе сіе вы* (ст. 7)? Но они ужъ знали (это),

потому-что досадовали, какъ сказано, на то, что (Апостолы) проповѣдуютъ въ Іисусѣ воскресеніе. По этому-то именно они и задержали ихъ. Для чего же спрашиваютъ? Они предполагали, что (Апостолы), убоясь множества, отрекутся, и думали, что этимъ все исправятъ. И замѣть, что они говорятъ: *коимъ именемъ сотвористе сіе вы? Тогда Петръ исполнився Духа Свята, рече къ нимъ* (ст. 8). Припомня же теперь слова Христовы и (замѣть), какъ сбылось, что Онъ говорилъ: *егда же приведутъ вы на соборища, не пецытеся, како или что речете: ибо Духъ Отца вашего* будетъ *глаголяй въ васъ* (Лук. 12, 11; сн. Матѳ. 10, 19). Слѣдовательно, они уже пользовались великимъ содѣйствіемъ Божіимъ. Что же именно говоритъ (Петръ), — послушай. *Князи людстіи и старцы Исраилевы* (ст. 8). Замѣть любомудріе мужа: будучи исполненъ дерзновенія, Онъ не произноситъ ничего оскорбительнаго, но говоритъ почтительно: *князи людстіи и старцы Исраилевы, аще мы днесь истязуеми есмы о благодѣяніи человѣка немощна, о чесомъ сей спасеся: разумно буди всѣмъ вамъ и всѣмъ людемъ Исраилевымъ* (ст. 9 — 10). Съ великимъ мужествомъ напалъ на нихъ съ самаго начала и уязвилъ ихъ; а притомъ и напомнилъ имъ о прежнемъ, такъ какъ они судятъ ихъ за благодѣяніе. Онъ какбы такъ говорилъ: за это, конечно, надлежало бы увѣнчать насъ и провозгласить благодѣтелями, а между тѣмъ, насъ судятъ за благодѣя-

ніе человѣку немощному, не богатому, не сильному и не славному. Кто могъ бы позавидовать (намъ) въ этомъ!

2. Много тягостнаго заключаютъ въ себѣ слова (Петра); но изъ нихъ видно, что они сами навязывались на зло. *Яко во имя Іисуса Христа Назорея* (ст. 10). Что особенно опечаливало ихъ, то (Апостолъ) и прибавляетъ. Вотъ это именно и значили слова Христовы: *еже во уши слышите, проповѣдите на кровѣхъ* (Матѳ. 10, 27). *Яко во имя Іисуса Христа Назорея, егоже вы распясте, егоже Богъ воскреси отъ мертвыхъ, о семъ сей стоитъ предъ вами здравъ* (ст. 10). Пе думайте, говоритъ, что мы скрываемъ Его отечество или страданіе. *Егоже вы распясте, егоже Богъ воскреси отъ мертвыхъ, о семъ сей стоитъ предъ вами здравъ.* Опять—страданіе, опять—воскресеніе. *Сей есть камень укоренный отъ васъ зиждущихъ, бывый во главу угла* (ст. 11). Напомнилъ имъ и о словѣ, которое могло устрашить ихъ, ибо сказано: *падый на камени семъ сокрушится: а на немже падетъ сотрыетъ и* (Матѳ. 21,44). *И нѣсть ни о единомъ же иномъ спасенія* (ст. 11). Какія, думаешь, раны получили они отъ этихъ словъ? *Нѣсть бо иного имене подъ небесемъ, даннаго въ человѣцѣхъ, о немже подобаетъ спастися намъ* (ст. 12). Здѣсь возвѣщается и (нѣчто) возвышенное. Когда не было нужды чего либо достигнуть, а надлежало только показать дерзновеніе, тогда (Апостолъ) не щадитъ, потому что

не боялся поразить ихъ. И не сказалъ просто: чрезъ другаго, но: *нѣсть ни о единомъ же иномъ спасенія;* этимъ показываетъ, что Онъ можетъ спасти насъ, а въ тоже время хочетъ и устрашить ихъ. *Видяще же Петрово дерзновеніе и Іоанново, и разумѣвше, яко человѣка не книжна еста и проста, дивляхуся: знаху же ихъ, яко со Христомъ бѣста* (ст. 13). Но какимъ же, скажешь, образомъ люди неученые побѣдили краснорѣчіемъ и ихъ, и первосвященниковъ? Это—по тому, что не они говорили, но чрезъ нихъ—благодать Духа. *Видяще же исцѣлѣвшаго человѣка съ нима стояща, ничтоже имяху противу рещи* (ст. 14). Велика смѣлость этого человѣка, какъ видно изъ того, что Онъ не оставилъ Апостоловъ въ самомъ судѣ. Слѣдовательно, еслибы они сказали, что (дѣло) не такъ было, онъ обличилъ бы ихъ. *Повелѣвше же има вонъ изъ сонмища изыти, стязахуся другъ со другомъ, глаголюще: что сотворимъ человѣкома сима* (ст. 15 — 16)? Смотри, какъ они недоумѣваютъ и какъ опять все дѣлаютъ по страху человѣческому. Какъ при Христѣ они не могли ни опровергнуть, ни скрыть событій, а напротивъ, отъ ихъ противодѣйствія вѣра еще болѣе возрастала: такъ точно—и теперь. *Что сотворимъ?* Какое безуміе, если они думали устрашить тѣхъ, которые уже вкусили подвиговъ, особенно же, если они, не могши ничего (сдѣлать) сначала, надѣялись сдѣлать что-либо послѣ такого краснорѣчія! Чѣмъ больше они хотѣли

препятствовать, тѣмъ дѣла шли успѣшнѣе. *Яко убо нарочитое знаменіе бысть има, всѣмъ живущимъ во Іерусалимѣ явѣ, и не можемъ отврещися. Но да не болѣе прострется въ людехъ, прещеніемъ да запретимъ ктому не глаголати о имени семъ ни единому отъ человѣкъ. И призвавше ихъ заповѣдаша има отнюдь не провѣщавати, ниже учити о имени Іисусовѣ* (ст. 16—18). Замѣть и безстыдство ихъ, и любомудріе Апостоловъ. *Петръ же,* сказано, *и Іоаннъ отвѣщавше къ нимъ рѣста: аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога, судите: не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати. Они же призапрещше има, пустиша я ничтоже обрѣтше, како мучити ихъ, людей ради* (ст. 19—21). Знаменія заградили имъ уста, и они уже не позволили Апостоламъ окончить слово, но весьма оскорбительно прервали ихъ во время самой рѣчи. *Яко вси прославляху Бога о бывшемъ. Лѣтъ бо бяше множае четыредесяти человѣкъ той, на немже бысть чудо сіе исцѣленія* (ст. 21. 22). Но посмотримъ снова на то, что сказано выше. *Что сотворимъ человѣкома сима?* Прежде они все дѣлали для славы человѣческой; а теперь присоединилась и другая (забота), именно о томъ, чтобы не сочли ихъ убійцами, какъ впослѣдствіи и говорили они: *хощете навести на ны кровь человѣка сего* (Дѣян. 5, 28). *Прещеніемъ да запретимъ има ктому не гла-*

голати о имени семъ ни единому отъ человѣкъ. Какое безуміе! Зная, что (Христосъ) воскресъ, и имѣя въ этомъ доказательство Его Божества, они надѣялись своими кознями утаить (славу) того, Кто не удержанъ былъ смертію. Что сравнится съ этимъ безуміемъ? И не удивляйся, что они опять замышляютъ дѣло несбыточное. Таково ужъ свойство злобы: она ни на что не смотритъ, но вездѣ бываетъ въ замѣшательствѣ. Будучи посрамлены, они поступаютъ такъ, какъ будто бы введены были въ обманъ: такъ обыкновенно бываетъ съ тѣми, которые, не достигнувъ чего-либо, подвергаются посмѣянію. Но вѣдь (Апостолы) для того вездѣ и говорили, что Богъ воздвигъ (Іисуса) и что о имени Іисуса хромой стоитъ здоровымъ, дабы показать, что Іисусъ воскресъ. А съ другой стороны, и сами они признавали воскресеніе; хотя въ пустомъ и ребяческомъ видѣ, но все же — признавали: а теперь не вѣрятъ и находятся въ смущеніи, совѣтуясь, что дѣлать съ Апостолами. Да уже одно то, что они говорили съ такою смѣлостію, не достаточно ли было для убѣжденія — ничего не дѣлать съ ними? Почему ты не вѣришь, скажи мнѣ, Іудей? Вѣдь надлежало внимать происшедшему чуду и словамъ (Апостоловъ), а не злобѣ многихъ. Но почему же (Іудеи) не предаютъ ихъ Римлянамъ?—потому что уже были ненавистны для нихъ тѣмъ, что сдѣлали со Христомъ. Такимъ образомъ они вредили сами себѣ, откладывая ихъ обвиненіе. Со Христомъ (было)

не такъ: схвативъ Его среди ночи, они тотчасъ же повели Его на судъ и не откладывали, сильно боясь народа. А съ Апостолами не смѣли поступить такъ: не ведутъ ихъ и къ Пилату, боясь и опасаясь за прежнее, чтобы и за то не обвинили ихъ. *Бысть же на утріе собратися княземъ ихъ и старцемъ и книжникомъ во Іерусалимъ.*

3. Опять собраніе во Іерусалимѣ и (опять) тамъ проливается кровь. Не устыдились и города. (Тутъ были), сказано, Анна и Каіафа. Петръ не перенесъ (нѣкогда) и вопроса служанки Каіафы и отрекся при немъ, тогда какъ другой былъ задержанъ: а теперь, явившись среди ихъ, смотри, какъ говоритъ: *аще мы истязуеми есмы о благодѣяніи человѣка немощна, о чесомъ сей спасеся: разумно буди всѣмъ вамъ.* А они говорятъ: *коимъ именемъ сотвористе сіе?* Зачѣмъ же не называешь этого (имени), но скрываешь? *Коимъ именемъ сотвористе сіе вы?* Но вѣдь (Петръ) говорилъ: не мы сдѣлали это. Замѣть благоразуміе. Не сказалъ тотчасъ: мы сдѣлали именемъ Іисуса, но какъ? *Во имя его сей стоитъ предъ вами здравъ.* Не говоритъ также: сдѣлался здоровъ отъ насъ. И опять: *аще мы истязуеми есмы о благодѣяніи человѣка немощна.* Укоряетъ ихъ, какъ людей, всегда осуждающихъ такія (дѣла) и порицающихъ за благодѣянія, и напоминаетъ о прежнемъ, именно—что они любятъ убійства, а притомъ и обвиняютъ за благодѣянія. Видишь ли, какъ тяжки и слова (Петра)?

(Апостолы) уже упражнялись въ этомъ и были уже неустрашимы. Здѣсь (Петръ) показываетъ имъ, что они сами противъ воли проповѣдуютъ Христа, что они сами, судя и изслѣдуя, распространяютъ ученіе (о Немъ). *Егоже вы распясте*. Ахъ, какая смѣлость! *Егоже Богъ воскреси отъ мертвыхъ*. А это—знакъ еще большаго дерзновенія. Слова его значатъ вотъ что: не думайте, что мы скрываемъ (что нибудь) позорное; нѣтъ, мы не только не скрываемъ, а напротивъ, говоримъ (о томъ) съ дерзновеніемъ. Такъ говоритъ (Апостолъ) и тѣмъ почти порицаетъ ихъ, и не просто (говоритъ), но останавливается на этомъ, говоря: *сей есть камень укоренный отъ васъ зиждущихъ*. Затѣмъ, показывая, что они поступили такъ съ камнемъ драгоцѣннымъ, прибавляетъ: *бывый во главу угла*, то есть, камень по природѣ драгоцѣнный и неподдѣльный,—этотъ (камень) пренебреженъ вами. Такъ-то чудо сообщило имъ великую смѣлость. Но ты замѣть, какъ они, когда надобно учить, приводятъ много пророчествъ, а когда нужно только говорить съ дерзновеніемъ, представляютъ одно свое мнѣніе. *Нѣсть бо*, говоритъ (Апостолъ), *иного имене подъ небесемъ даннаго въ человѣцѣхъ, о немже подобаетъ спастися намъ*: потому что всѣмъ людямъ, а не имъ однимъ, дано было это имя. И въ свидѣтели этому онъ приводитъ ихъ самихъ. Такъ какъ они говорили: *коимъ именемъ сотвористе сіе?*—то (Апостолъ) отвѣчаетъ: *во имя Христа*;—другаго имени нѣтъ. Какъ же вы спрашиваете?

Такъ это вездѣ очевидно! *Нѣсть бо*, говоритъ, *иного имене подъ небесемъ, о немже подобаетъ спастися намъ*. Это—слова души, презирающей настоящую жизнь, какъ это видно изъ ихъ великой смѣлости. Отсюда явно, что и въ то время, когда (Апостолъ) говорилъ о Христѣ уничиженно, (говорилъ) не изъ боязни, но по снисхожденію. А такъ какъ теперь было удобное время, то онъ говоритъ столь возвышенно, что этимъ самымъ устрашилъ даже всѣхъ слушателей. Вотъ и другое доказательство, не менѣе прежняго. *Знаху же ихъ*, сказано, *яко со Іисусомъ бѣста*. Не безъ цѣли Евангелистъ помѣстилъ эти слова, но—чтобы показать и то, гдѣ они были (съ Іисусомъ), то есть, при страданіи. Дѣйствительно, они одни были тогда со Христомъ, и тогда ихъ видѣли смиренными, униженными. Вотъ почему особенно и удивляла (священниковъ) эта внезапная перемѣна; ибо и тамъ были Анна и Каіафа, и предъ ними предстояли и Апостолы. Теперь же они были изумлены ихъ чрезмѣрною смѣлостію. Ибо (Апостолы) не словами только показывали, что не заботятся о томъ, что ихъ судятъ за такія дѣла и что имъ угрожаетъ крайняя опасность, но и видомъ, и голосомъ, и взоромъ, и всѣмъ вообще выказывали предъ народомъ смѣлость въ то время, какъ говорили. А удивлялись (священники), можетъ быть, по тому, что (Апостолы) были люди неученые и простые, такъ какъ можно быть неученымъ и не быть еще простымъ, или быть простымъ и не

неученымъ. Этимъ (писатель) показываетъ, что (въ Апостолахъ) соединилось то и другое. *Разумѣвше*, сказано. Изъ чего? Изъ того, что они говорили. Не много (Петръ) произноситъ словъ, но самымъ выраженіемъ и составомъ рѣчи показываетъ смѣдость. И (священники) обвинили бы Апостоловъ, еслибы не было съ ними этого человѣка (хромаго). *Знаху же ихъ*, сказано, *яко со Іисусомъ бѣста*. Отсюда они приходили къ убѣжденію, что (Апостолы) научились этому отъ Іисуса и что они все дѣлали, какъ Его ученики. И самое чудо издавало не менѣе громкій голосъ, чѣмъ голосъ Апостоловъ: оно-то именно больше всего и заградило имъ уста. *Аще праведно есть*, говорятъ (Апостолы) *предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога, судите?* Когда страхъ уменьшился,—такъ какъ заповѣдать (не говорить о Іисусѣ) не что другое значило, какъ отпустить ихъ; тогда и говорятъ съ большею кротостію: такъ они далеки были отъ дерзости. *Яко нарочитое знаменіе бысть... не можемъ отврещися*. Слѣдовательно, они отреклись бы, еслибы оно было не таково, еслибы не было свидѣтельства многихъ. А оно, дѣйствительно, было извѣстно всѣмъ. Но такова-то злоба,—дерзка и нагла! *Прещеніемъ да запретимъ*. Что вы говорите? Ужели вы надѣетесь угрозою остановить проповѣдь? Такъ вездѣ начальство трудно и неудобно! Вы убили Учителя и не остановили (проповѣди): ужели же теперь своими угрозами надѣетесь удержать насъ отъ ней?

Узы не заставили насъ говорить съ меньшимъ дерзновеніемъ: и вы ли заставите, вы, когда мы считаемъ за ничто и угрозы ваши? *Аще праведно есть*, говорятъ, *предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога?* Здѣсь вмѣсто Христа именуютъ Бога. Видишь ли, какъ теперь сбылось то, что (Христосъ) говорилъ имъ: *се азъ посылаю васъ яко овцы посредѣ волковъ*: *не убойтеся* ихъ (Матѳ. 10, 16. 31)?

4. Затѣмъ опять подтверждаютъ воскресеніе, присовокупивъ эти слова: *не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати*. Итакъ мы—достовѣрные свидѣтели; а вы, присовокупляя угрозы къ угрозамъ, напрасно опять грозите. Имъ, конечно, надлежало бы обратиться по поводу чуда, за которое народъ прославлялъ Бога; а они грозятъ даже убійствомъ: такъ они противились Богу! *Они же призапрещше, пустиша я*. Чрезъ это (Апостолы) сдѣлались болѣе славными и знаменитыми. *Сила моя*, сказано, *въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9,); и это они уже свидѣтельствовали, противоставъ всему. Что значитъ: *не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати*? Это значитъ: если ложны наши слова,—обличи; а если истинны, то зачѣмъ препятствуешь? Таково-то любомудріе! Тѣ въ затрудненіи, а эти въ радости; тѣ исполнены великаго стыда, а эти все дѣлаютъ съ дерзновеніемъ; тѣ въ страхѣ, а эти безбоязненны. Кто въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, боялся? Тѣ ли,

которые говорили: *да не болѣе прострется въ людехъ*, или тѣ, которые говорили: *не можемъ, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати?* Эти—и въ удовольствіи, и въ дерзновеніи, и въ величайшей радости; тѣ въ печали, въ стыдѣ, въ страхѣ: потому что боялись народа. Эти что хотѣли, то и сказали; а тѣ не сдѣлали того, чего хотѣли. Кто былъ въ узахъ и опасностяхъ? Не эти ли по преимуществу? Итакъ, будемъ держаться добродѣтели! Да будутъ слова эти не для удовольствія только и наслажденія! Здѣсь не театръ, возлюбленный, не мѣсто играющихъ на цитрѣ, или представляющихъ трагедіи, гдѣ плодомъ бываетъ только наслажденіе, такъ что прошелъ день и — наслажденіе исчезло. И пусть бы только было наслажденіе и не было другаго вреда вмѣстѣ съ наслажденіемъ! Но каждый идетъ оттуда домой, какъ изъ какого-нибудь зараженнаго мѣста, усвоивъ себѣ многое изъ того, что бываетъ тамъ. Такъ юноша, взявъ оттуда нѣкоторые звуки діавольскихъ пѣсней, какіе только могъ удержать въ памяти, часто поетъ ихъ дома, а старикъ, какъ болѣе степенный, хотя не дѣлаетъ этого, но помнитъ всѣ слова, какія тамъ говорили. Отсюда же вы уходите ни съ чѣмъ. Не стыдно ли это? Мы положили законъ, или лучше, не мы положили,—нѣтъ, ибо сказано: *не зовите учителя на земли* (Матѳ. 23. 8—9);—Христосъ положилъ законъ, чтобы никто не клялся. Что же, скажи мнѣ, сдѣлалось съ этимъ закономъ? Я не перестану говорить объ этомъ, *да не како па-*

ки пришедъ, по слову Апостола, *не пощажду* (2 Кор. 13, 2). Подумали ли вы объ этомъ? Позаботились ли? Было ли у васъ какое нибудь стараніе? Или мы опять должны говорить тоже? Впрочемъ, было ли (у васъ стараніе), или нѣтъ, мы опять станемъ говорить тѣже слова, чтобы вы имѣли о томъ попеченіе; а если вы уже позаботились, то—чтобы опять (и сами) исполняли это постояннѣе, и другихъ склоняли къ тому. Откуда же начать намъ слово? Хотите ли, (начнемъ) съ ветхаго завѣта? Но стыдно намъ, что мы не соблюдаемъ даже того, что (предписано было) въ ветхомъ завѣтѣ и что надлежало бы намъ превзойти. Намъ слѣдовало бы слушать не объ этомъ,—это предписанія іудейской бѣдности,—а о (заповѣдяхъ) совершенныхъ, какъ напримѣръ: брось деньги, стой мужественно, отдай душу за проповѣдь, смѣйся надъ всѣмъ земнымъ, да не будетъ у тебя ничего общаго съ настоящею жизнію. Если кто обидитъ тебя,—окажи ему благодѣяніе; если обманетъ,—заплати благословеніемъ; если будетъ поносить,—окажи почтеніе. Будь выше всего. Вотъ о чемъ и о подобномъ намъ слѣдовало бы слушать; а между тѣмъ, мы говоримъ о клятвѣ! Это тоже, какъ еслибы кто человѣка, который долженъ любомудрствовать, отвлекъ отъ учителей мудрости и заставилъ его читать еще по складамъ и (разбирать) буквы. Подумай, какой стыдъ для человѣка, имѣющаго длинную бороду, носящаго палку и плащъ, идти вмѣстѣ съ дѣтьми къ учителямъ и учить-

ся тому же, чему они учатся! Не крайне ли смѣшно это? Но мы еще смѣшнѣе. Ибо не столько различія между философіею и азбукою, сколько между іудейскимъ образомъ жизни и нашимъ: (здѣсь столько различія), сколько между Ангелами и людьми. Скажи мнѣ: еслибы кто низвелъ Ангела съ неба и велѣлъ ему стоять здѣсь и слушать наши слова, какъ будто бы ему необходимо было поучаться въ нихъ,—не стыдно ли и не смѣшно ли было бы это? Если же смѣшно только еще учиться этому; то, скажи мнѣ, какое осужденіе, какой стыдъ—даже не внимать этому? И въ самомъ дѣлѣ, какъ не стыдно, что христіане только еще учатся тому, что не должно клясться! Подчинимся, однакожъ, этой необходимости, чтобы не подвергнуться еще большему стыду. Такъ станемъ же сегодня говорить вамъ изъ ветхаго (завѣта). Что же говоритъ онъ?—*Заклинанію не обучай устъ своихъ, и клятися именемъ святымъ не навыкай* (Сир. 23, 8—9). Почему?—*Якоже бо рабъ истязуемъ часто, отъ ранъ не умалится, такожде и кленыйся* (Сир. 23, 10).

5. Замѣть благоразуміе этого мудреца. Не сказалъ: *заклинанію не обучай* мысли своей, но: *устъ своихъ*;—ибо онъ зналъ, что (здѣсь) все зависитъ отъ устъ и что (это зло) легко исправляется. Это наконецъ обращается въ невольную привычку, подобно тому, какъ многіе, входя въ бани, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ переступаютъ (чрезъ порогъ) двери, кладутъ на себѣ (крестное) знаменіе. Это обыкновенно дѣлаетъ

рука по привычкѣ, когда даже никто не приказываетъ. Опять, и при возжженіи свѣтильника, часто рука творитъ знаменіе, между тѣмъ какъ мысль обращена на что нибудь другое: такъ точно и уста говорятъ не отъ души, но по привычкѣ, и все (зло) заключается въ языкѣ. *И клятися,* сказано, *именемъ святымъ не навыкай. Якоже бо рабъ истязуемъ часто, отъ ранъ не умалится, такожде и кленущійся.* Не клятвопреступленіе осуждается здѣсь, но клятва, и за нее полагается наказаніе. Слѣдовательно, клясться — грѣхъ. Такова, по истинѣ, душа (клянущагося): много на ней ранъ, много язвъ. Но ты не видишь? Въ томъ-то и бѣда! Между тѣмъ, ты могъ бы видѣть, еслибы захотѣлъ, потому что Богъ далъ тебѣ глаза. Такими глазами смотрѣлъ Пророкъ, когда говорилъ: *возсмердѣша и согниша раны моя, отъ лица безумія моего* (Пс. 37, 6). Мы презрѣли Бога, возненавидѣли благое имя, попрали Христа, оставили стыдъ,—никто не вспоминаетъ съ уваженіемъ имени Божія. Вѣдь если ты кого любишь, ты встаешь и при его имени; а Бога часто призываешь такъ, какъ бы Онъ былъ ничто. Призывай Его, когда благотворишь врагу; призывай Его для спасенія твоей души. Тогда Онъ приблизится къ тебѣ, тогда ты возвеселишь Его, а теперь ты прогнѣвляешь Его. Призывай Его, какъ призывалъ Стефанъ. Что говорилъ онъ? *Господи, не постави имъ грѣха сего* (Дѣян. 7, 60). Призывай Его, какъ призывала жена Елканова, со слезами, съ плачемъ,

съ молитвою. Этого я не запрещаю, напротивъ, къ этому особенно побуждаю. Призывай Его, какъ призывалъ Моусей, когда взывалъ, моляясь за тѣхъ, которые гнали его. Вѣдь еслибы ты безразсудно сталъ упоминать о комъ-нибудь почтенномъ человѣкѣ, это было бы (для него) поношеніемъ: а упоминая въ своихъ рѣчахъ о Богѣ не только безразсудно, но и неумѣстно, считаешь это за ничто? Какого же недостоинъ ты наказанія! Я не запрещаю имѣть Бога непрестанно въ мысляхъ,—напротивъ, объ этомъ и прошу и этого желаю, но—не противъ воли Его, а для того, чтобы хвалить и почитать Его. Это доставило бы намъ великія блага, еслибы мы призывали Его только тогда, когда нужно, и въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ нужно. Почему, скажи мнѣ, при Апостолахъ было столько чудесъ, а въ наше время ихъ нѣтъ, хотя Богъ тотъ же и имя (Его) тоже?—Это по тому, что оно не одинаково (употребляется нами). Какимъ образомъ? Такъ, что они призывали Его только въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ я сказалъ, а мы призываемъ не въ этихъ, но въ другихъ. Если же тебѣ не вѣрятъ и ты поэтому клянешься, то скажи: повѣрь, и даже, если хочешь, клянись самимъ собою. Я говорю это не по тому, чтобы хотѣлъ давать законы противные закону Христову, — отнюдь нѣтъ: ибо сказано: *буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни* (Матѳ. 5, 37); но—по снисхожденію къ вамъ, чтобы больше побудить васъ къ этому и отвлечь отъ той ужасной привычки. Сколь-

ко людей, снискавшихъ себѣ славу въ другихъ дѣлахъ, погибло отъ этой привычки! Хотите ли знать, почему древнимъ позволялось клясться? (Нарушать клятву и имъ было не дозволено). Это потому, что они клялись идолами. Не стыдно ли вамъ оставаться при тѣхъ же законахъ, какими водились люди немощные? Вѣдь и теперь, если я принимаю язычника, я не тотчасъ заповѣдую ему это, но сначала убѣждаю его познать Христа. Но если вѣрующій и познавшій Его и слышавшій о Немъ станетъ требовать себѣ такого же снисхожденія, какое оказывается язычнику,—что пользы въ этомъ, какая прибыль? Но сильна, (скажешь), привычка, и тебѣ трудно оставить ее? Если такъ велика сила привычки, то перемѣни эту привычку на другую. Да какъ, скажешь, это возможно? Я часто уже говорилъ объ этомъ и теперь скажу тоже. Пусть многіе слѣдятъ за нашими словами, пусть изслѣдуютъ и исправляютъ ихъ. Нѣтъ стыда въ томъ, когда насъ другіе исправляютъ, напротивъ, стыдно удалять отъ себя тѣхъ, кто исправляетъ насъ, и дѣлать это во вредъ собственному спасенію. Вѣдь если ты надѣнешь платье на изнанку, ты позволяешь и слугѣ поправить его и не стыдишься того, что онъ учитъ тебя, хотя это и очень стыдно: а здѣсь ты причиняешь вредъ душѣ своей и стыдишься, скажи мнѣ, когда другой вразумляетъ тебя? Ты терпишь раба, который наряжаетъ тебя въ одежду и надѣваетъ на тебя обувь: а того, кто украшаетъ душу твою, не терпишь?

Не крайнее ли это безуміе? Пусть будетъ и рабъ учителемъ въ этомъ, пусть будетъ—и дитя, и жена, и другъ, и родственникъ, и сосѣдъ. Какъ звѣрь, когда его отвсюду гонятъ, не можетъ убѣжать: такъ тотъ, кто имѣетъ столькихъ стражей и столькихъ порицателей и кого отвсюду поражаютъ, не можетъ не быть остороженъ. Въ первый день это будетъ для него тяжело, равно и во второй и въ третій, потомъ будетъ легче, а послѣ четвертаго дня это не будетъ для него и дѣломъ. Сдѣлайте опытъ, если не вѣрите. Позаботьтесь, прошу васъ. Не маловаженъ этотъ грѣхъ, не маловажно и исправленіе отъ него; напротивъ, (здѣсь) важно и то и другое,—и зло и добро. Но дай Богъ, чтобы было добро, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Св. Духомъ слава, держава, честь нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

313. О трехъ малыхъ антифонахъ на пѣсненной вечерни.

Сперва поются три антифона, называемые малыми, потому что содержатъ въ себѣ не цѣлые псалмы, но по выбору четыре стиха изъ каждаго. Потомъ *слава и нынѣ*. Три ихъ—во образъ и честь Святыя Троицы. Первый антифонъ: *возлюбихъ, яко услышитъ Господь*,—призываетъ Богородицу, словами: *молитвами Богородицы, Спасе, спаси насъ*: ибо, возлюбивъ Бога болѣе всякой словесной твари, Она, по своему смиренію и высочайшей своей чистотѣ, явилась достойною имѣть въ Себѣ вселившагося Бога и, послуживъ воплощенію возлюбленнаго Сына, чрезъ Себя содѣлала и насъ присными Богу Отцу. Послѣ же стиховъ, поемыхъ обоими ликами, и послѣ *слава и нынѣ*,—тотчасъ малая ектенія и возгласъ: *благоволеніемъ и благостію*: ибо единородный Сынъ благоволилъ снизойти къ намъ. Второй антифонъ: *вѣровахъ, тѣмже возглаголахъ*, призываетъ Господа воплотившагося и говоритъ: *спаси насъ, Сыне Божій, воскресый изъ мертвыхъ, поющія ти*, или приспособительно къ празднику. Если же будетъ и не недѣля и не праздникъ, а память Святаго, то поется: *во Святыхъ дивенъ*. (Антифонъ): *вѣровахъ, тѣмже возглаголахъ*, указываетъ на вѣру Апостоловъ и Святыхъ, чрезъ которую всѣ язычники отъ невѣрія привлечены къ вѣрѣ. А (антифонъ): *чашу спасенія пріиму и имя Господне призову* означаетъ

общеніе со Христомъ и спасеніе кровію, пролитіемъ которой Святые содѣлались сопричастниками (страданій) Христовыхъ, и, мученіемъ и подвигами достигнувъ спасенія, спасаютъ насъ: чрезъ нихъ мы соединяемся съ Господомъ. Посему-то на *«слава»* говоримъ: *единородный Сыне*, указывая на общеніе Его съ нами; и этотъ стихъ изложенъ святымъ Кирилломъ. А на *«и нынѣ»* ублажаемъ преславную Божію Матерь, такъ какъ чрезъ Нее соединяется съ нами Единородный, и такъ какъ Она есть освященіе и вознесена превыше всѣхъ святыхъ Ангеловъ и человѣковъ. Послѣ же стиховъ: *слава и нынѣ*—опять малая ектенія и возгласъ: *яко святъ еси, Боже нашъ*, и пѣвецъ тотчасъ поетъ третій антифонъ. Этотъ антифонъ—*хвалите Господа вси языцы* есть ангельская хвалебная пѣснь, призывающая весь міръ къ прославленію Троицы. За симъ слѣдуетъ *Святый Боже*, и, когда стихи произнесены обоими ликами, и *слава и нынѣ*, читается еще разъ прибавочное—*Святый Боже*, то есть, послѣ того, которое произносится при *слава и нынѣ*. Трисвятая пѣснь поется громогласно, и въ это время всѣ стоятъ непокровенны, какъ восхваляющіе Бога. Итакъ смотри, какой порядокъ церковныхъ пѣній въ этихъ трехъ антифонахъ. Въ первомъ антифонѣ (Церковь) призываетъ предстательство Богоматери; во второмъ, постепенно возвышаясь, умоляетъ воплотившагося изъ Нея (Господа) молитвами Святыхъ; въ третьемъ же и послѣднемъ вмѣстѣ съ Ангелами вос-

хваляетъ Трисвятаго Бога, испрашивая Его милости и постепенно восходя къ высшему. По окончаніи сего архіерей, изображая Господа, благословляющаго съ небесъ, трижды запечатлѣваетъ (народъ) съ своего престола, или стасидіи. Потомъ слѣдуетъ великая эктенія и эктенія прошеній. Діаконъ говоритъ: *исполнимъ молитву*, а іерей преподаетъ *миръ* и читаетъ молитву главопреклоненія, чѣмъ знаменуется рабство и смиреніе наше предъ Богомъ, и уничиженіе Бога до образа раба. А когда іерей, являя востаніе наше отъ паденія и смерти, и благодаря Спасшаго, подъемлетъ главу и громогласно, отъ всей души, возглашаетъ: *буди держава царствія твоего*,—послѣ этого немедленно бываетъ за-амвонная литія въ умилостивленіе Бога ко всѣмъ вѣрнымъ. По пропѣтіи воскресныхъ постиховно и *слава и нынѣ*, іерей совершаетъ протяженное моленіе, и *Господи помилуй* поется по обычаю, какбы предъ гробомъ Христа, и послѣ: *услыши ны, Боже*, читаютъ отпустительны и бываетъ отпустъ. Но если день общій,—литіи не бываетъ, а отпустителенъ читается, когда іерей выходитъ какбы на литію и становится позади амвона, а пѣвцы пропоютъ: *Богородице Дѣво*. Послѣ сей пѣсни іерей возглашаетъ: *Господу помолимся. Яко ты еси просвѣщеніе наше, Христе Боже нашъ, и тебѣ славу возсылаемъ*, то есть: Ты далъ намъ свѣтъ чувственный и мысленный, Ты повелѣваешь заходить и восходить солнцу, Ты—свѣтъ истинный, явившійся намъ

и взятый отъ насъ, и снова грядущій озаритъ насъ. Такъ бываетъ отпустъ. Послѣдняя изъ всѣхъ молитвъ есть молитва главопреклоненія и отпуста; тоже и на утрени, и во всякомъ другомъ молитвословіи. Изъ этого явствуетъ, что пѣсненное послѣдованіе предпочтительнѣе и древнѣе другаго, и что таково именно его начало. Да смотри и чинъ: за молитвословіемъ онъ предписываетъ знакъ рабской преданности —преклоненіе главъ, и такимъ образомъ оканчиваетъ молитвословіе: ибо должно во всемъ смиряться и преклоняться предъ Владыкою и исповѣдывать предъ Нимъ свое рабство. Если же случится праздникъ, или память празднуемаго Святаго: то послѣ возгласа о главопреклоненіи совершаются установленныя чтенія, чрезъ которыя проповѣдуется и свидѣтельствуется намъ все, что касается праздника, или древнихъ Святыхъ. Посему и въ хвалебныя пѣсни сперва входятъ псалмы Давида и другихъ святыхъ Пророковъ, ибо сіи предварили тѣхъ; а потомъ поются хвалебныя пѣсни изъ временъ благодати. Здѣсь же, по совершеніи всѣхъ хвалебныхъ пѣсней, читаются поученія о совершаемыхъ празднествахъ. Такъ совершается вечерня. Столь же духовно и приспособительно отправляется и утреня. Въ ней дивно изображено все отъ начала творенія. Она изображаетъ и описываетъ, ..ъ одной стороны, событія подзаконныя и про... ...скія, съ другой,—домостроительство Спаси... ...на преподаетъ и раскрываетъ намъ об... ...тва нашего спасенія и въ хвалебныхъ ...

рочес... теля; ... стоятельс...

пѣснопѣніяхъ, и въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ, показывая, что мы чрезъ Спасителя нашего обрѣли входъ и восходъ на небо.

514. О пѣсненной утрени.

Изложу и утреню недѣльную, по подражанію коей отправляются и утрени ежедневныя. Изъ этого изложенія видѣнъ будетъ чинъ ея. Въ то время, какъ бываютъ заперты царскія врата храма, которымъ изображается древній рай и небо, или лучше, который, поистинѣ, есть рай и небо: потому что на стоящемъ посреди престолѣ въ святомъ алтарѣ, какъ въ раю, имѣется древо жизни, священнодѣйствуемый Христосъ и всесвятый крестъ Его, и священная трапеза, какъ небо, есть Его престолъ, гдѣ въ своихъ тайнахъ и евангеліи возсѣдитъ Царь славы Христосъ, а вокругъ Него ангельскія силы, святительскіе чины, святое мѵро, святые останки Мучениковъ, сонмъ апостольскихъ и пророческихъ душъ, часто посылаемыхъ и предстоящихъ, и доселѣ присутствующихъ въ святѣйшихъ писаніяхъ ихъ, также сонмъ Ангеловъ, дѣйствительно приходящихъ какбы сосвященнодѣйствовать намъ, когда они воспѣваютъ туже хвалебную пѣснь, какую воспѣваемъ мы, и когда совершается тоже служеніе горѣ и низу,—итакъ въ то время, какъ бываютъ заперты врата святѣйшаго храма, сего рая и неба, поколику своими преступленіями и рай и небо мы заключили и непрестанно заключаемъ для себя, іерей, какъ

посредникъ и какъ лице, имѣющее образъ Ангела, становится предъ вратами и благословляетъ Бога, единаго въ Троицѣ, говоря: *благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа*, и тотчасъ же возглашаетъ мирныя прошенія и *заступи, спаси, помилуй*. А пѣвецъ немедленно поетъ часть предлежащаго къ пѣнію псалма, по божественнымъ книгамъ: *и спахъ; слава тебѣ, Боже*. Потомъ іерей говоритъ: *Пресвятую, Пречистую*, и, предавъ Богу всѣхъ, громогласно славословитъ Бога и говоритъ: *яко подобаетъ тебѣ всякая слава*. Послѣ пѣнія пѣвецъ читаетъ: *азъ уснухъ и спахъ; слава тебѣ, Боже*. И такимъ образомъ, начавъ псаломъ: *Господи, что ся умножиша*, продолжая слѣдующее по стихамъ, оканчиваетъ его весь; а оба лика попеременно поютъ: *слава тебѣ, Боже*. Читаются сряду три псалма во образъ и честь Всесвятыя Троицы, именно этотъ самый: *что ся умножиша*; *Боже, Боже мой, къ тебѣ утреннюю*, и: *се нынѣ благословите Господа*. Между этими тремя (псалмами) на праздники поются и троичны, то есть: *слава тебѣ, Отче, слава тебѣ, Сыне* и *слава тебѣ, Душе Святый*, и подобные; а въ дни обыкновенные и въ недѣли, кромѣ недѣли Праотцевъ и Отцевъ,—только *слава тебѣ, Боже*; потомъ при *славѣ* опять *слава тебѣ, Боже*, при *и нынѣ* — тоже самое, и наконецъ прибавочное тоже — громогласно. Іерей: *паки и паки*, и *заступи*; пѣвецъ: *вселенную*; *аллилуіа*. Іерей: *Пресвятую* и возгласъ. А пѣ-

вецъ тотчасъ: *непорочніи въ путь, аллилуіа*; *блажени непорочніи въ путь* и слѣдующее въ стихѣ, и *аллилуіа*. Такимъ образомъ, пока совершается вся первая статья, стихи поются попеременно обоими ликами съ *аллилуіа*. Потомъ *слава и нынѣ* и прибавочное *аллилуіа*. Іерей вслѣдъ затѣмъ—малую эктенію; а пѣвецъ: *вразуми мя, Господи*. Іерей: *Пресвятую, Пречистую*, и возгласъ; а пѣвецъ: *руцѣ твои сотвористе мя и создасте мя*, и остальную часть стиха съ припѣвомъ: *вразуми мя, Господи*, и прочіе стихи поютъ оба лика съ припѣвомъ: *вразуми мя, Господи. Слава и нынѣ*, съ прибавленіемъ тогоже — *вразуми мя, Господи*. Потомъ іерей опять малую эктенію; а пѣвецъ: *вселенную, аллилуіа*. Іерей: *Пресвятую* и возгласъ; а пѣвецъ: *призри на мя и помилуй мя, аллилуіа*. Іерей въ это время отверзаетъ одну дверь храма, показывая, что воплощеніемъ Господа, призрѣвшаго на насъ съ небесъ и вочеловѣчившагося изъ небесной и живой двери Богородицы, отверзлось намъ небо; что Господь уже прежде страданія и воскресенія отверзъ намъ небесное, какъ и въ крещеніи Его написано: Онъ, то есть, узрѣлъ отверзшіяся небеса, которыя для насъ прежде были совершенно заключены, и потомъ туда возшедши Самъ, возвелъ и насъ. Итакъ, стихи поются обоими ликами до: *да внидетъ достояніе мое предъ тя, Господи*. А тогда, такъ какъ домостроительство уже совершилось, Спаситель пострадалъ, крестная жертва принесена, воста-

ніемъ Господа всѣ искуплены и вознесеніемъ Его сущіе во адѣ и на землѣ взошли на небо,— тогда іерей отверзаетъ врата и громогласно поетъ глаголемую входную съ *аллилуіа*, и всѣ вступаютъ внутрь (храма), какъ въ самое небо, слѣдуя за іереемъ, держащимъ крестъ и изображающимъ Господа, крестомъ насъ спасшаго. Въ крестѣ утверждены три свѣчи, знаменующія трисолнечный свѣтъ: ибо и чрезъ крестъ открылось и возсіяло вѣдѣніе Святыя Троицы и слава Ея. Вошедши, іерей тотчасъ преклоняетъ главу, благодаря Владыку. Если же присутствуетъ и архіерей, то и онъ преклоняетъ съ іереемъ и оба читаютъ молитву входа; а архіерей запечатлѣваетъ, говоря: *благословенъ входъ святыхъ твоихъ, Господи*. Итакъ, предшествуемый іереемъ и діакономъ, изображающими Ангеловъ, архіерей, носящій, какъ сказано, образъ Христа, который отверзъ намъ двери рая и неба, одинъ входитъ въ великія врата и, вошедши, хвалитъ и благодаритъ Его, что Онъ чрезъ крестъ отверзъ намъ горняя и, какъ Царь и Богъ, есть единый Вождь, чрезъ обращенныя къ востоку врата—чрезъ свою Матерь Приснодѣву единъ вошедшій въ міръ, и чрезъ Нее обновилъ намъ входъ въ горняя. Прочіе же входятъ въ боковыя двери, и позади всѣ: ибо, послѣдуя Христу, чрезъ Него всѣ мы входимъ въ небо. Между тѣмъ, оба лика, ставъ посрединѣ, поютъ попеременно остатокъ псалма, возвѣщая воскресеніе Христово, жизнь и спасеніе наше, и говорятъ; *да будетъ рука твоя еже спасти*

мя; жива будетъ душа моя и восхвалитъ тя; *заблудихъ, яко овча погибшее, взыщи раба твоего*. Потомъ *слава и нынѣ*, и въ славословіе воскресшаго и насъ воскресившаго опять громогласно поется *аллилуіа*, и тотчасъ начинается согласное пѣніе псалма: *благословите вся дѣла Господня Господа*: *пойте и превозносите его во вѣки*. Во время сего пѣнія іерей, какъ Ангелъ, держа крестъ, и архіерей, какъ изображающій Господа,—восходятъ, въ сопровожденіи всѣхъ, въ алтарь, какъ къ престолу Божію, и архіерей вступаетъ на свой престолъ, изображая восхожденіе и сѣдѣніе на небеси. Престоломъ же я называю и стасидію. Крестъ водружается на амвонѣ противъ алтаря, свидѣтельствуя всѣмъ о смерти и востаніи Спасителя, и о проповѣди Троицы, чрезъ возженные предъ нимъ три свѣтильника. За симъ согласно и громко поется вся пѣснь трехъ отроковъ съ припѣвомъ: *благословите*: такъ какъ въ пещи они изображали и славословили Троицу и вочеловѣченіе Слова. Потомъ: *благословимъ Отца, и Сына, и Святаго Духа, Господа. И нынѣ и присно*. И наконецъ, прибавочное: *хвалимъ, благословимъ, воспѣваемъ и покланяемся Господу*: потому что всѣ свои блага мы получили отъ единаго Бога—Всесвятыя Троицы и чрезъ домостроительство Слова, единаго отъ Троицы,—и воззваны отъ великаго грѣхопаденія, и востали, и озарились истиннымъ свѣтомъ, и вознесены на небеса. Посему тотчасъ восхваляемъ Виновницу воплощенія Слова,

Богоматерь, говоря: *тебе необоримую стѣну и утвержденіе спасенія.*

515. О совершаемыхъ въ притворѣ молитвахъ, о бывающемъ тамъ кажденіи и входѣ. Что все это значитъ?

Надобно знать, что впродолженіе первыхъ трехъ псалмовъ іерей возноситъ къ Богу утреннія молитвы. Потомъ, когда начинается пѣніе *непорочныхъ*, беретъ кадило и, положивъ еиміамъ и благословивъ (а если присутствуетъ архіерей, то онъ благословляетъ кадило), начинаетъ кадить съ правой стороны притвора, гдѣ на стѣнѣ находится святая икона Архангела, и кадитъ вокругъ весь притворъ по основанію храма и стѣнамъ, при чемъ стоящіе отходятъ отъ стѣнъ, а потомъ опять становятся (на свои мѣста). Возвратившись же туда, откуда началъ, онъ дѣлаетъ кадиломъ знаменіе креста и говоритъ: *премудрость, прости.* Въ это время по праздникамъ въ обителяхъ предносится ему одинъ свѣтильникъ, и въ притворѣ возжигаются малыя и не многія свѣчи. Тогда пѣвецъ, какбы призывая его, возглашаетъ: *благословенъ еси, Господи*: ибо есть обычай пѣть этотъ стихъ при концѣ кажденія. А іерей тихимъ голосомъ говоритъ: *премудрость, прости*, и тотчасъ идетъ и кадитъ архіерея и по порядку всѣхъ прочихъ. Потомъ, вошедши въ храмъ чрезъ боковыя двери, молча кадитъ весь храмъ, который тогда, какъ сказано, бываетъ запертъ, и, вошедши въ алтарь, кадитъ и тамъ,

и, оставивъ кадило, беретъ честный крестъ, стоящій позади святаго алтаря. Въ это время никто не предшествуетъ ему и не предносятъ свѣтильниковъ; онъ идетъ или одинъ, или съ діакономъ, и, изшедши изъ другихъ боковыхъ дверей, преклоняетъ главу предъ архіереемъ и, принесши крестъ, поставляетъ его съ правой стороны, близъ великихъ вратъ божественнаго храма. Тамъ уже и стоитъ онъ до исполненія псалмовъ. А тогда, по зажженіи трехъ свѣчей предъ крестомъ и по отверстіи вратъ, совершается торжественный входъ. И это дѣлается не безъ намѣренія, но съ дивною и высокою мыслію, объясненною Святыми, которые, водясь божественнымъ вѣдѣніемъ и созерцаніемъ, все прекрасно изобразили. Посему, снова взявшись за сіе дѣло, и мы подробнѣе разсмотримъ это. Стояніе и пѣніе внѣ храма выражаетъ, какъ мы сказали, изгнаніе насъ изъ рая, заключеніе для насъ неба, смерть всѣхъ и пребываніе праведныхъ душами во адѣ. Посему мы становимся съ западной стороны храма, какбы находясь въ мракѣ ада и тлѣнія, и какъ одержимые невѣдѣніемъ и заблужденіемъ. Здѣсь не возжигается очень большаго свѣта, потому что скуденъ былъ тогда у насъ свѣтъ: то былъ свѣтъ естественнаго вѣдѣнія правды, свѣтъ пророчествъ и закона. Онъ не могъ освѣщать насъ вполнѣ: ибо еще не возсіялъ для насъ Свѣтъ великій и неприступный, Солнце правды, еще не явилась намъ спасительная благодать Божія, но какбы сквозь разщелину темницы прони-

кало въ ея мракъ и темноту сіяніе слабое, которое изображается въ притворѣ только облакомъ ѳиміама, знаменующаго подзаконное служеніе сѣни. Тотъ свѣтъ данъ только одному народу іудейскому и былъ уничижаемъ почти всѣми языками. А что сначала кадитъ онъ стѣны и основанія, то это потому, что Церковь наздана на основаніи Апостоловъ и Пророковъ, то есть, начало положилъ законъ, а довершила истина. И если скинія устроена Моисеемъ и Веселеиломъ силою Духа Святаго: тѣмъ болѣе совершенъ и основанъ божественною благодатію храмъ Христовъ, который образуетъ всесвятое Его тѣло, составившееся въ Дѣвѣ изъ святыхъ и божественныхъ Ея кровей, силою Святаго Духа. Изъ этого видна причина отступленія предстоящихъ отъ стѣнъ храма, когда іерей кадитъ основанія, и возвращеніе ихъ на свое мѣсто. Первое знаменуетъ зачатіе Господа въ Дѣвѣ и вочеловѣченіе; а второе—что мы, бывъ далеки отъ Бога, соединились съ Нимъ и освящены Имъ. Сначала освящается храмъ, а потомъ чрезъ храмъ и мы, какъ было и въ скиніи, и въ ветхозавѣтномъ храмѣ, которые прообразовали Господа. Потомъ іерей входитъ въ храмъ, кадя, чѣмъ воздаетъ честь Богу, по подражанію ветхозавѣтному ѳиміаму въ Святомъ Святыхъ, стоя однакожъ выше того іерея, потому что обогащенъ благодатію великаго и единаго архіерея по чину Мелхиседекову. Іерей, по Писанію, есть какбы Ангелъ Бога Вседержителя, умилостивляющій Его ѳиміамомъ, тогда какъ на-

родъ умилостивляетъ Его псалмами, которые суть благодарственныя и умилостивительныя возношенія къ Богу, умоляющія Его пріити и явиться намъ, которые изображаютъ дѣла самаго Спасителя нашего, а особенно непорочную Его жизнь и домостроительство, что ясно внушаютъ и такъ называемые «непорочны»,—также жительство святыхъ Его, равно какъ Его страданія и воскресеніе. Посему сей псаломъ по преимуществу поется въ дни Господни и часто въ дни памяти Святыхъ. Также и первый псаломъ, со вторымъ и третьимъ,—*блаженъ мужъ*: ибо блаженъ мужъ и непороченъ въ пути—одинъ Спаситель: по благодати же Спасителя,—и Святые Его. Итакъ, вошедши внутрь съ кадиломъ, какъ во Святое Святыхъ, или лучше сказать, превыше Святаго Святыхъ, іерей напоминаетъ этимъ о Захаріи и подражаетъ его ѳиміаму, которымъ кадя одинъ недоступное мѣсто храма, Захарія отъ Вѣстника благодати принялъ въ даръ Іоанна, предшествовавшаго Спасителю нашему и Богу проповѣдію и крещеніемъ, и жизнію, и страданіемъ; а потомъ беретъ крестъ и выходитъ не съ торжествомъ, а молча: ибо и Іисусъ Богъ нашъ, когда совершились событія подзаконныя и предвозвѣщенъ былъ крестъ Его страданіями и проповѣдью Пророковъ, самъ пришелъ къ намъ со смиреніемъ, а не съ блескомъ: явилъ образъ крестной жизни, обращался (на землѣ) свято и ангельскимъ жительствомъ показалъ, сколь близка къ небеснымъ вратамъ сія жизнь подъ крестомъ. Посему, совершивъ

всѣ предсказанія Пророковъ, Онъ предалъ Себя распятію, умеръ, воскресъ и послалъ проповѣдывать и крестить во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Для сего-то предъ честнымъ крестомъ вжигаются три свѣтильника. Такъ какъ Воскресшій былъ распятъ, открылся намъ въ своихъ язвахъ, возшелъ на небо и совоздвигъ насъ; то къ являющему это кресту Его, держимому іереемъ, или архіереемъ, стекаются всѣ: ибо самъ Онъ обновилъ намъ недавно проложенный путь чрезъ завѣсу своей плоти, чрезъ Него нашли мы входъ во святое, и самъ Онъ, какъ великій Архіерей, вошелъ единою во святая и, какъ Искупитель, совершилъ вѣчное наше искупленіе. Такимъ образомъ мы входимъ съ Нимъ, нося поношеніе Его, которое Онъ претерпѣлъ за насъ внѣ Іерусалима. Посему-то крестъ Его и износится изъ храма, чтобы ради Его страданій и скорбей, претерпѣнныхъ внѣ за Адама, искушеннаго, побѣжденнаго и умершаго внутри Эдема, изъ котораго онъ былъ изгнанъ, мы, чрезъ Іисуса, пострадавшаго внѣ Іерусалима, вступили внутрь и вмѣстѣ съ Нимъ, какъ съ Царемъ небесъ, взошли на небо. Таковъ чинъ утрени. Если же положено чтеніе, а особенно синаксаря, возвѣщающаго о пострадавшихъ за Христа, или о настоящемъ празднествѣ, и о скончавшихся свято Христа ради подражателяхъ умершаго и воскресшаго Христа: то опять бываетъ протяженное моленіе и поется *помилуй мя, Боже*, съ приличнымъ припѣвомъ, что называется пентикостаріемъ.

316. О пятидесятомъ псалмѣ.

Пентикостарій—тоже, что и пятидесятый псаломъ. Произнесенный по случаю виновности Давида въ убійствѣ и любодѣяніи, этотъ псаломъ идетъ ко всѣмъ благочестивымъ людямъ, какъ псаломъ покаянія, а особенно къ праотцу нашего рода Адаму, который убилъ себя и все свое потомство, и впалъ въ блуженіе, вкусивъ отъ древа, не дозволеннаго ему въ снѣдь, и возмечтавъ о равнобожіи, котораго не имѣлъ по природѣ, такъ какъ былъ не Богъ, а созданіе. Сей псаломъ равно идетъ и ко всѣмъ падшимъ людямъ, и потому поется въ церкви прежде всего, призываетъ милость Божію и отпущеніе грѣховъ, и умоляетъ о чистомъ сердцѣ, объ обновленіи въ насъ Духа Святаго, котораго мы лишились чрезъ растлѣніе, и о неотступленіи Его отъ насъ. Онъ приноситъ въ жертву духъ сокрушенъ, то есть, вмѣсто безсловесныхъ ветхозавѣтныхъ жертвъ, — покаяніе, предзнаменуя здѣсь заповѣди Евангелія и устраняя законъ обрядовый, какъ несовершенный законъ сѣни. Ибо чрезъ принесеніе неразумнаго животнаго не возможно спастись человѣку, имѣющему разумную душу, если онъ не исправится опять чрезъ самую эту душу, если, то есть, не принесетъ глубокаго покаянія и въ жертву за себя не приведетъ человѣка безгрѣшнаго, каковъ Іисусъ Христосъ, вочеловѣчившійся ради насъ Сынъ Божій, давшій Себя въ благопріятную

жертву за всѣхъ (Псаломъ) выражаетъ и надежду создатнія новаго Іерусалима, или церкви, въ которой приносится жертва хвалы — исповѣданіе Христа и упитанный Агнецъ — самъ Господь. Итакъ пентикостарій въ семъ случаѣ прилично произносится по стиху обоими ликами вмѣстѣ съ отпустительнымъ или дня, или праздника, или Святаго. Въ Владычніе праздники *слава и нынѣ* праздника, а въ простые дни—*слава и нынѣ* дня. И на стихъ: *не отверзи мене отъ лица твоего—предстательство христіанъ;* на *слава—Единородный*, на *и нынѣ—Преславную*.... И тотчасъ каноны праздника, или Святаго, которые мы приложили для благолѣпія и благочинія церковнаго, въ славу Бога и Святыхъ Его. Они поются на восемь, если ихъ два; на шесть,если это великій Святый, или на четыре, если ему не положено особеннаго празднества. Каноны положены также ради пользы, утѣщенія и постояннаго упражненія благочестивыхъ, какъ людей, привыкшихъ проводить время въ пѣніи каноновъ. Прежде на пѣсненной утрени не пѣли ихъ, но по пятидесятомъ псалмѣ и по малой ектеніи тотчасъ читали *хвалите;* а теперь уже послѣ каноновъ читаются ексапостиларіи, потомъ малая эктенія и тотчасъ — *хвалите*. Пѣвецъ перваго лика на стихъ: *хвалите Господа съ небесъ* отвѣчаетъ: *тебѣ подобаетъ пѣснь Богу;* а другой — на другой стихъ тоже самое. Такимъ образомъ говорятъ и прочіе шесть стиховъ. Изъ этого явствуетъ, что пѣсненная утреня подала поводъ и

монастырямъ вначалѣ говорить также: *тебѣ подобаетъ пѣснь Богу*, а на стихъ: *хвалите Господа отъ земли—дайте славу Богу;* тоже и на прочіе шесть стиховъ. На стихъ: *вознесеся имя его — ему подобаетъ хвала* и проч.; а на стихъ: *да восхвалятъ имя его—слава тебѣ, святый Отче*, тоже и на другой. На стихъ: *возношенія Божія* (Пс. 149, 6)—*Сыне Божій, помилуй насъ*, тоже и на другой. На стихъ: *связати цари ихъ путы—пощади ны, Господи, ради Духа твоего Святаго* (ибо Духъ Святый, говоритъ Павелъ, есть Господь), да воспѣта будетъ Троица; и подобнымъ образомъ на прочіе стихи. На стихъ: *хвалите Бога во святыхъ его — Сыне Божій, помилуй насъ*, ради воплощенія опять; и дальнѣйшіе подобно сему. На стихъ: *хвалите Господа въ кимвалѣхъ доброгласныхъ — слава тебѣ показавшему свѣтъ*, и на слѣдующій за нимъ. Потомъ—*благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ твоимъ.* И это говорятъ на всѣ стихи: ибо сія пѣснь есть пророчество о воплощеніи Слова, предначатіе его и благодареніе, высказанное незадолго до рожденія Предтечи и Крестителя, и потому Церковь торжественно поетъ эту пѣснь какъ благодарственную. На *слава—благословенъ Господь Іисусъ Царь, яко посѣти*, и проч., поется громогласно. *И нынѣ*—тоже, и прибавляется: *Божію Матерь воспоемъ вси, еюже получихомъ грѣхопаденій прощеніе и заступленіе душъ нашихъ.* Этимъ

величается предвозвѣщеніе домостроительства Христова, и особенно, какъ сказали мы, чрезъ рожденіе Крестителя. За симъ тотчасъ чтецъ, возгласивъ: *слава въ вышнихъ Богу*, беретъ на амвонѣ крестъ въ руки и становится на амвонъ, а пѣвцы присоединяютъ великое славословіе. Это бываетъ всякій разъ. Въ день же воскресный *хвалите* на гласъ, и наконецъ стихиры воскресны, или праздника, или великаго Святаго, если празднуется его память; слава — утренняя стихира, при чемъ бываетъ входъ іереевъ съ крестомъ и святымъ евангеліемъ. Совершаемый на утрени, онъ знаменуетъ воскресеніе Спасителя. Посему, когда іерей, преклоняясь, говоритъ молитву утренняго входа, что означаетъ, какъ мы многократно говорили, уничиженіе Господа, снизшествіе Его къ намъ даже до ада и возстановленіе падшихъ, возвышается евангеліе, проповѣдующее о воскресеніи, и говорится: *премудрость*, *прости*,—тоже, какъ проповѣдь воскресенія. Потомъ на *и нынѣ и присно* поется *Преблагословенна еси*, такъ какъ чрезъ Богородицу даровано намъ спасеніе и разрѣшена клятва Еввы. Когда іереи войдутъ внутрь: сперва чтецъ, держа на амвонѣ крестъ, говоритъ *слава въ вышнихъ Богу*, потомъ пѣвцы поютъ на-распѣвъ. За симъ все славословіе говорятъ: іереи во святомъ алтарѣ, и отъ словъ: *въ человѣцѣхъ благоволеніе* оно совершается единогласно внѣ и внутрь: ибо чрезъ Христа мы содѣлались единою Церковію горѣ и долу,—и это въ проповѣдь и славу воскресенія Христова.

Посему и тропарь воскресный: *днесь спасеніе*, въ одну недѣлю, а *воскресъ изъ гроба* въ другую, трижды сладкогласно поется, какъ пѣвцами внѣ (алтаря), такъ и іереями внутри его; и этотъ чинъ ясно изображаетъ воскресеніе Спасителя. По сей причинѣ тотчасъ же поется: *воскресни, Господи*, и пресвитеръ, являя совершеннѣйшій чинъ Ангеловъ, читаетъ съ амвона утреннее евангеліе. Затѣмъ — сугубая эктенія и эктенія прошеній, главопреклоненіе и отпустъ. Такъ совершается служеніе утрени. А совершеніе литургіи преднаписано было въ другихъ мѣстахъ.

317. *О третьешестомъ (τριθέκτη) часѣ въ посты и о литургіи преждеосвященныхъ.*

Теперь скажемъ о чинѣ третьешестаго часа во время постовъ, мірскими іереями по необходимости соединяемомъ съ литургіею и совершаемомъ во святую четыредесятницу въ соборныхъ церквахъ, и сохраняющемъ чинъ великой святой литургіи до великаго входа. Это придумано древними Отцами по той причинѣ, что во святую четыредесятницу не бываетъ полной литургіи. Третье шестой часъ совершается такъ: взявъ благословеніе, діяконъ говоритъ: *благослови, владыко*. Іерей: *благословенно царство*. Діаконъ *мирныя прошенія*. Іерей—молитву перваго антифона: *Боже, на Херувимѣхъ сѣдяй*, и возгласъ: *яко ты еси Богъ нашъ, Богъ ми-*

вати; а пѣвцы говорятъ весь псаломъ: *къ тебѣ, Господи, возведохъ душу мою*, и поютъ по стихамъ: *молитвами Богородицы*, на *слава и нынѣ* — тоже. Діаконъ опять: *паки и паки*. Іерей — тайно молитву втораго антифона: *молимъ тя, Господи Боже нашъ*, и возгласъ: *яко прославися всесвятое имя твое;* а пѣвцы второй антифонъ—весь псаломъ: *Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой;* оба лика говорятъ по стихамъ: *спаси насъ, Сыне Божій, поющія ти аллилуіа; слава и нынѣ*—тоже. Діаконъ—*паки и паки*. Іерей — тайно третью молитву: *Господи Боже Вседержителю*, и возгласъ: *яко благъ*. И поется третій антифонъ съ прибавленіемъ по стихамъ *аллилуіа*. При пѣніи стиховъ: *ходяй по пути непорочнѣ* подъ конецъ псалма за одинъ стихъ, совершается входъ діакона и іерея къ солеѣ безъ свѣтильниковъ и кадила, знаменующій веденіе Господа на крестную смерть, что происходило въ шестый часъ Посему онъ и совершается на третьешестомъ часѣ. Діаконъ говоритъ: *благослови, владыко, святый входъ*; а іерей молитву: *благословенъ входъ святыхъ твоихъ, Господи, всегда, нынѣ и присно*. Сей входъ, какъ сказано, изображаетъ влеченіе Спасителя на крестную смерть; а когда Его отводили и пригвождали, былъ шестый часъ. Въ тоже время сраспятый съ нимъ разбойникъ, ради не многихъ словъ его покаянія, введенъ былъ въ рай. Діаконъ и іерей бываютъ облечены тогда въ багряныя ризы, знаменуя этимъ страданія и смерть

Господа. Послѣ же входа діаконъ опять говорить *мирныя прошенія*, а іерей читаетъ молитву: *Господи Боже отецъ нашихъ*, относящуюся къ шестому часу, и молится сохранить насъ отъ стрѣлы, летящія во дни, отъ вещи, во тьмѣ преходящей, отъ нападенія и бѣса полуденнаго, и возноситъ къ Богу много другихъ прошеній, потомъ взываетъ: *яко подобаетъ тебѣ*. А пѣвцы тотчасъ поютъ тропарь пророчества. Чтецъ же на амвонѣ читаетъ пророчество, послѣ котораго діаконъ говоритъ: *рцемъ вси*. А іерей — самъ про себя молитву ектеніи и возглашаетъ: *яко милостивъ*. Прочее бываетъ по уставу святой литургіи съ евангеліемъ. Ибо во образъ Апостола и евангелія вмѣстѣ бываетъ чтеніе Исаіи, яснѣе другихъ проповѣдующаго о Спасителѣ, особенно же о страданіяхъ Его. Что это также есть древній обычай Отцевъ, видно изъ того, что въ монастыряхъ на шестомъ часѣ во всю четыредесятницу читается пророчество Исаіи, а пророчество Іезекіиля — на страстной недѣлѣ: потому что и оно проповѣдуетъ о страданіяхъ и воскресеніи Спасителя. Потомъ діаконъ говоритъ: *помолитеся, оглашенніи*. А іерей творитъ молитву объ оглашенныхъ. Отъ среды же четвертой недѣли діаконъ возноситъ прошенія и о приготовляющихся къ святому просвѣщенію; а іерей читаетъ о нихъ молитву: *Господи Боже нашъ, яви милосердіе твое*, и возгласъ: *яко ты еси просвѣщеніе наше*. Потомъ діаконъ опять обычное: *елицы оглашенніи*, а іерей—первую молитву

вѣрныхъ: *Господи Боже нашъ, иже многобожнаго заблужденія.* Діаконъ—*премудрость, прости.* Іерей—*яко ты еси Богъ нашъ.* Діаконъ — мирныя прошенія. Іерей — вторую молитву вѣрныхъ: *Господи Боже нашъ, иже въ малое время.* Діаконъ—*премудрость.* Іерей возглашаетъ: *яко благословися и прославися.* Діаконъ—*исполнимъ молитву нашу Господеви,* и проч. Іерей — великую молитву: *Господи Боже нашъ, единый благій и человѣколюбивый,* въ которой упоминаетъ и о распятіи Спасителя, и о востаніи Его, и о вознесеніи, и возноситъ прошеніе, да пріидетъ на насъ благодать Божія, да укрѣпитъ и освятитъ насъ, и другія многія, также испрашиваетъ у Бога необходимое и полезное, и наконецъ, да будетъ всегда съ нами благодать и милость Бога, и возглашаетъ: *яко твоя держава.* Потомъ говоритъ: *миръ всѣмъ:* а діаконъ тотчасъ—*главы наша.* Іерей же — молитву главопреклоненія: *Господи Боже нашъ, сѣдяй на престолѣ славы,* и возглашаетъ: *да будетъ всесвятое имя человѣколюбія твоего благословенно.* Діаконъ — *съ миромъ изыдемъ.* И когда іерей выходитъ,— оба они идутъ за амвонъ, чтобы славословитъ Бога среди всѣхъ, и начинаютъ вечерню. Діаконъ говоритъ: *Господу помолимся.* Іерей, смотря на востокъ, возглашаетъ: *благословенна слава Господня отъ мѣста святаго его всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.* На литаніяхъ это бываетъ началомъ литаній. Когда архіерей говоритъ сіе за амво-

номъ, — здѣсь начало свѣтильна. И тотчасъ въ сторонѣ храма пѣвцы поютъ вечерню, какъ параклисисъ, тамже читается и псалтирь, и стихиры тріоди и минеи, по уставу монастырей, и *свѣте тихій*, и *сподоби*, такъ какъ это — послѣдованіе сокрушенія, подобное монашескому. И постиховно самогласны, *Нынѣ отпущаеши*, трисвятое, и *Богородице Дѣво*. *Господи помилуй* не говорится, не бываетъ и поклоновъ, и отпуста, не возжигается и свѣтильниковъ до пареміи въ преждеосвященной литургіи. Ибо послѣ *Богородице Дѣво* и прочаго обычнаго, всѣ идутъ на свои мѣста.

318. Почему литаніи совершаются внѣ и для чего въ нихъ носятъ кресты и святыя иконы?

Надобно знать, что всѣ литаніи, совершающіяся внѣ, либо въ притворѣ, либо вокругъ обителей, или городовъ, бываютъ въ воспоминаніе нашего отпаденія, что мы, отпадшіе, находясь какбы внѣ Эдема, должны смиряться и помышлять, что не достойны святыхъ мѣстъ — рая и неба, и подражать мытарю, по глубокому сознанію своей грѣховности стоявшему вдали, и Адаму, изгнанному изъ рая, и блудному сыну, отшедшему въ страну чуждую. На перекресткахъ и площадяхъ возносимъ молитвы, чтобы все, растлѣнное нашими грѣхами, очистилось. Посему износимъ изъ храмовъ святыя иконы, честные кресты, а иногда и священнѣйшіе останки Святыхъ, чтобы вмѣстѣ съ людьми свя-

тилось и все то, чѣмъ они пользуются, — и домы ихъ, и пути, и воды, и воздухъ, и земля, нами оскверненная и какбы попираемая, и городъ, нами населенный, и страна, и чтобы все это удостоилось божественной благодати и освободилось отъ порчи и тлѣнія; чтобы былъ къ намъ милостивъ Воплотившійся ради насъ и пріявшій зракъ раба, который представляютъ и носятъ на себѣ святыя иконы и изображенія чисто поживишихъ на землѣ Святыхъ Его; чтобы ходившій ради насъ на землѣ и распятый за насъ во плоти Богъ спасъ насъ, исповѣдающихъ дѣло высокой Его благости и любви, по которой Онъ излилъ на крестѣ свою кровь и умеръ за насъ, и чтобы насъ, которые собираемся вмѣстѣ и предносимъ тѣ самыя знаменія Его страданія, честные образы креста, Онъ, чрезъ истребленіе врага, умертвившаго насъ древомъ, исхитилъ отъ смерти.—Итакъ, когда діаконъ, по наступленіи времени, говоритъ: *благослови, владыко*, іерей возглашаетъ: *благословенно царство Отца*. А діаконъ—мирныя прошенія и поется пѣсненная вечерня. По возгласѣ поется: *приклони, Господи*, до конца, причемъ іерей читаетъ свѣтильничныя молитвы. Потомъ слѣдуетъ приспособленная къ концу дня пѣснь: *Господи, воззвахъ*, обычные стихи и входъ діакона и іерея, или одного іерея, входящаго безъ свѣтильниковъ и въ молчаніи, знаменующаго первое пришествіе Христово, когда мы сидѣли во тмѣ. И на стихѣ пѣвца, взывающаго: *яко къ тебѣ, Господи*, іерей входитъ въ свя

тый алтарь. Стихи выполняются съ припѣвомъ на каждый стихъ: *гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ*. Потомъ *слава и нынѣ*, и прибавочный припѣвъ. И когда всѣ садятся, на амвонѣ тотчасъ бываетъ чтеніе изъ Бытія. Во время чтенія въ алтарѣ приготовляется два подсвѣчника, а при архіерейскомъ служеніи и большее число ихъ, и кадило. Если служитъ діаконъ съ іереемъ, выходитъ одинъ діаконъ, держа кадило и горящій свѣтильникъ. Чтецы предшествуютъ съ подсвѣчниками. А когда діакона нѣтъ, выходитъ одинъ іерей, держа свѣтильникъ и кадило, и въ предшествіи чтецовъ идетъ стороною алтаря, до конца его.

319. Для чего на вечерни во время паремій возжигаются свѣтильники, и что значатъ слова: «свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ»?

По окончаніи чтенія изъ Бытія, іерей тотчасъ выходитъ съ свѣтильникомъ въ царскія врата,—всѣ востаютъ въ это время,—становится среди храма, дѣлаетъ кадиломъ знакъ креста, громогласно восклицая: *премудрость, прости, свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*, и опять входитъ въ святый алтарь. Затѣмъ чтецъ на амвонѣ читаетъ паремію, а въ храмѣ возжигаются обыкновенные свѣтильники. Симъ знаменуется, что на конецъ вѣковъ возсіялъ намъ, сѣдящимъ во тмѣ, чрезъ воплощеніе, свѣтъ истинный—Іисусъ Христосъ и исполнилъ вселенную свѣтомъ своей благодати. Посему-то въ концѣ всей вечерни говорится: *яко ты еси*

просвѣщеніе наше, Христе Боже нашъ. И это (возженіе свѣтильниковъ) бываетъ послѣ чтенія изъ Бытія, предъ началомъ пареміи: потому что Бытіе повѣствуетъ о томъ, что было въ началѣ, о созданіи всего сущаго и о паденіи Адама, а паремія гадательно учитъ о Сынѣ Божіемъ и увѣщеваетъ пріявшихъ сыноположеніе чрезъ Него, какбы сыновъ. Самаго Сына называя Премудростію, говоритъ, что Премудрость создала Себѣ домъ,—всесвятое Его тѣло, въ которомъ семь столповъ суть всѣ дары Духа, такъ что собственнымъ хлѣбомъ тѣла и чашею крови Она питаетъ и напояетъ всѣхъ, и что Она есть свѣтъ, осіявающій горняя и дольняя. Ибо Богъ премудростію основалъ землю и уготовалъ небо въ разумѣ, говоритъ (Писаніе), да и Давидъ воспѣваетъ, что *вся премудростію сотворилъ еси.* А что сей свѣтъ есть образъ свѣта истиннаго, Іисуса Христа,— явно изъ того, что діаконъ, сослужащій іерею, или архіерею служащему, приходитъ къ нему и, возжигая свѣтильникъ, предъ исхожденіемъ говоритъ: *благослови, владыко, свѣтъ.* Архіерей же, или іерей, благословляя свѣтъ, говоритъ: *яко ты еси просвѣщеніе наше, Христе Боже нашъ, всегда.* И тогда діаконъ выходитъ предъ пареміею. А по пареміи тотчасъ поется *да исправится* и совершается прочее обычное послѣдованіе преждеосвященныхъ.

320 *О томъ, что надобно съ особеннымъ благоговѣніемъ покланяться во время входа преждеосвященныхъ даровъ.*

При входѣ святыхъ (даровъ), мы съ особен-

нымъ благоговѣніемъ должны покланяться: потому что божественные дары освящены и здѣсь истинно присутствуетъ самъ Спаситель нашъ, ибо на дискосѣ возлежитъ всесвятое тѣло Его съ божественною Его кровію. Въ концѣ же литургіи читается заамвонная молитва, какъ умилостивительная и отпустительная, какъ молитва прошенія о томъ, чтобы мы увидѣли воскресеніе и торжествовали его и здѣсь, и тамъ. А читается она за амвономъ, среди храма, для того, чтобы слышали ее и словами ея молились за весь народъ, какъ предъ лицемъ Божіимъ. Когда такимъ образомъ литургія окончена, бываетъ всенощное бдѣніе (παννυχίς). Вотъ посмотри и чинъ его.

321. О всенощномъ бдѣніи въ первую седьмицу святыя четыредесятницы.

Послѣ заамвонной молитвы, на первой седьмицѣ, іерей, или архіерей, если онъ присутствуетъ, благословляетъ пѣвца, и пѣвецъ тотчасъ поетъ: *живый въ помощи*, а іерей, произнося молитву, относитъ въ сосудохранилище священные сосуды, потомъ на *слава и нынѣ* творитъ великую эктенію и дѣлаетъ возгласъ: *яко подобаетъ тебѣ*. Пѣвецъ поетъ первый антифонъ —*ко Господу внегда скорбѣти ми*, съ припѣвомъ: *яко благоутробный Господи*, и вмѣстѣ съ тѣмъ стихи поются обоими ликами. Іерей говоритъ молитву перваго антифона: «иже во время дня». Послѣ *слава и нынѣ* и

прибавочнаго стиха, іерей опять творитъ малую эктенію и дѣлаетъ возгласъ: *яко святися и прославися* Лѣвый ликъ поетъ второй антифонъ: *къ тебѣ, Господи, воздвигохъ душу мою*, съ припѣвомъ: *милосердія двери*. Во время же пѣнія вмѣстѣ съ этимъ стиховъ, іерей читаетъ молитву втораго антифона: *тебе, вѣчный и невечерній Свѣте*, и присоединяетъ другія двѣ молитвы: *иже неусыпное и непрестанное славословіе*, и: *Владыко Вседержителю непостижимое*. Эти дивныя молитвы по преимуществу принадлежатъ панихидѣ. Потомъ послѣ *слава и нынѣ* и прибавочнаго стиха іерей совершаетъ малую эктенію и дѣлаетъ возгласъ: *яко благъ*, и поется третій антифонъ: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ*, съ (припѣвомъ): *помилуй насъ, Господи, помилуй насъ*. Тогда іерей, взявъ зажженную свѣчу и кадило, кадитъ сперва олтарь, потомъ, по древнему обычаю, народъ внѣ храма. Если же есть діаконъ, то онъ держитъ свѣчу и предшествуетъ іерею Послѣ *слава и нынѣ* прибавочный стихъ не говорится, а только конецъ тропаря: *Господи, помилуй насъ*, и пѣвецъ тотчасъ читаетъ пятидесятый псаломъ: *помилуй мя, Боже*, говоря постиховно: *помилуй, насъ, Господи, помилуй насъ*, и обоими ликами поется весь псаломъ, *слава и нынѣ* и прибавочный стихъ. Разсмотри внимательно поемые псалмы и соединенные съ ними тропари, и найдешь, что ихъ положено по три: три антифона и три тропаря, въ честь Троицы. къ которой обращены; посе-

му они исполнены смиренія, исповѣданія и сокрушенія; въ концѣ же читается опять пятидесятый псаломъ съ *Господи, помилуй*, въ сокрушеніи призывающій Бога на милость. Потомъ діаконъ: *Господу помолимся*; іерей—*яко святъ еси*, и поется *всякое дыханіе*; первый же изъ іереевъ читаетъ на амвонѣ евангеліе; и тотчасъ поется пѣснь: *безтѣлесное естество*, которая, будучи составлена изъ стиховъ, славословитъ Троицу и призываетъ къ посредничеству всѣ сонмы Святыхъ. Пѣвецъ непрерывно и громогласно взываетъ трижды: *Господи, помилуй*, которое всѣ за разъ поютъ сто разъ; а іерей тайно говоритъ молитву главопреклоненія: *Господи Боже нашъ, преклони сердца наши*. Когда пѣвцы кончатъ: *Господи, помилуй*, діаконъ—*еще молимся о еже услышати*, и опять трижды *Господи, помилуй*. Іерей—*услыши насъ*. Видишь, сколь дивенъ сей чинъ: тогда какъ іерей, посредствуя, тайно молится внутри алтаря, возносятся къ Богу прошенія народа. Потомъ—*буди имя Господне благословенно*, когда для тѣлесной потребы мы идемъ принимать пищу. Но это бываетъ не безъ освященія: ибо сначала беремъ пищу освященную, и, когда читается *благословлю Господа*, бываетъ раздаяніе антидора и отпустъ. Таково послѣдованіе пѣсненное, необходимѣйшее и древнѣйшее, совершаемое при посредствѣ іерея, который, какъ мы многократно говорили, поставленъ посредникомъ предъ Богомъ, во образъ Іисуса, и по благодати Божіей, принятой при

рукоположенія, имѣетъ право посредничества. Этотъ самый чинъ обнимаетъ собою седмеричное хваленіе. Онъ совершается и въ притворѣ, и—это чинъ полунощницы;—внутри храма—это чинъ утрени; третьешестіе обнимаетъ собою третій и вмѣстѣ шестой часъ; свѣтильничное образуетъ собою девятый часъ; чинъ пѣсненной вечерни—самую вечерню, а чинъ всенощнаго бдѣнія замѣняетъ повечеріе. Но нынѣ по нерадѣнію онъ оставленъ, а его должно бы соблюдать въ соборныхъ церквахъ или всегда, или по временамъ, чтобы древнее преданіе оставалось неприкосновеннымъ. Въ обителяхъ и прочихъ храмахъ онъ совершается, какъ послѣдованіе монашеское, и поется однимъ. Но мы уже изложили его вамъ, которые, по благодати Божіей, еще совершаете и соблюдаете его. Объ этомъ послѣдованіи мы кратко сказали во славу Господа нашего Іисуса Христа.

322. О возвышаемомъ святомъ хлѣбѣ панагіи.

Простерши свое слово даже доселѣ, мы скажемъ теперь не многое и о возвышаемомъ священномъ хлѣбѣ панагіи, и наконецъ, послѣ всего, изложимъ то, что относится къ кончинѣ нашей, чтобы наше слово окончить словомъ о томъ, что относится до кончины нашей. Хлѣбъ, возносимый съ призываніемъ Всесвятыя, поставлено возносить по преимуществу въ концѣ трапезы братской, во освященіе братій, принимающихъ ее, какбы запечатлѣніе пищи, а особенно во славу Богоматери, которая родила

намъ Хлѣбъ небесный, живый и пребывающій, и всегда питающій наши души. Впрочемъ, онъ бываетъ возносимъ и во всякое другое время, когда кому нужно, въ нашу помощь. Возносится онъ, по прошенію чьему либо и при самомъ священнодѣйствіи литургіи; многіе же изъ священнослужителей имѣютъ и всегдашній обычай возносить его, съ желаніемъ призвать и воздать честь Всепѣтой, въ особенности, когда совершаются тайны Сына Ея и Бога нашего, чтобы чрезъ сіе получить намъ отъ Нея вящшую помощь. Возношеніе въ такомъ случаѣ совершается тогда, когда, по божественному тайноводству, положено воспоминать о Ней, когда именно мы говоримъ: *изрядно о Пресвятѣй*, и призываемъ Ее, какъ благонадежнѣйшую помощницу и заступницу во всѣхъ нашихъ нуждахъ и напастяхъ. Ради возношенія сего хлѣба мы сподобляемся вящшей помощи, какъ мы часто испытывали это на себѣ самихъ и слыхали отъ многихъ, достойныхъ вѣроятія людей. Ибо при возношеніи сего хлѣба произносятся не простыя какія нибудь слова, но призывается и прославляется единый въ Троицѣ Богъ всяческихъ и нашъ, и совершается призываніе воистину Всесвятыя Богородицы и молитва о Ея помощи; а въ этомъ—таинство нашей вѣры, исповѣданіе и чаяніе нашего спасенія. Итакъ, во время трапезы братій (такъ какъ сія трапеза совершается, конечно, не безъ благословенія, разума и чина, и иначе возможно ли, тогда какъ она есть трапеза рабовъ Бога-Слова, единаго

чистаго, святаго и живаго Хлѣба, сотворившаго и творящаго словомъ всяческая, — трапеза единой живой Премудрости Божіей?), сперва совершается благодареніе и, ради хлѣба насущнаго, поется молитва: *Отче нашъ*. Во время ея пѣнія, изъ предлежащаго хлѣба изъемлется за всѣхъ тресторонняя частица, изображающая всѣми своими сторонами Троицу и единство Ея: числами угловъ и сторонъ — Троицу, а единымъ средоточіемъ вверху — единство. Посему, какъ ни поверни сей хлѣбъ, — онъ имѣетъ три угла: а остроконечная вершина одна соединяетъ ихъ. Изсѣченную такимъ образомъ, по апостольскому преданію, неписанно перешедшему отъ древнихъ Отцевъ, частицу хлѣба мы каждодневно, по обычаю, приносимъ единому въ Троицѣ Богу нашему во имя Богородицы, такъ какъ чрезъ божественное рождество Ея мы познали Троицу, такъ какъ родила Она плотію Единаго отъ Троицы, и воистину есть и праведно именуется Богородицею, и есть для насъ Подательница живой манны и Матерь божественнаго питія.

523. О благочиніи при трапезѣ братій и о молитвахъ.

Когда сей хлѣбъ положенъ въ нѣкій священный, назначенный для того, сосудъ, и іерей запечатлѣетъ его благословеніемъ: вжигается предъ нимъ свѣтильникъ, и іерей благословляетъ ястіе, призывая Бога нашего Іисуса Христа благословить оное. Во время трапезы читаются

священныя писанія, чтобы, какъ и научены мы, все творить во славу Божію: ибо сказано: *аще ясте, аще ли піете, вся во славу Божію творите*, и что все святится словомъ Божіимъ и молитвою. Посему-то совершается и благословеніе, и молитва, и читаются божественныя писанія, чтобы мы не были, подобно животнымъ, заняты однимъ только чревомъ, но, какъ существа разумныя, облеченныя плотію, плоть укрѣпляли яствами, а душу—словами Писанія. Воставъ же отъ трапезы, мы въ молитвѣ всѣ славословимъ Бога, вмѣстѣ съ Давидомъ, благословляя милующаго и питающаго насъ отъ юности, и говоримъ: слава Тебѣ, Святый, слава Тебѣ, Царю, что Ты далъ намъ брашна въ веселіе, и прочее, что изложилъ касательно сего Златоустъ.

524. О возношеніи хлѣба Пресвятыя (панагіи).

По совершеніи сего съ славословіемъ, чтецъ, отслужившій братіямъ духовную службу, идетъ служить и слѣдующимъ духовнымъ дѣломъ. Испросивъ и получивъ позволеніе (ибо чистые должны служить чистому, а позволеніе очищаетъ), онъ, при всеобщемъ молчаніи, подъемлетъ хлѣбъ и возглашаетъ: *веліе имя*, и всѣ взываютъ: *Святыя Троицы*; то есть, страшно имя единаго всѣхъ Бога, въ Троицѣ сущаго;—потомъ, дѣлая знакъ креста, прибавляетъ: *Пресвятая Богородице, помогай намъ*, и всѣ единогласно говорятъ: *тоя молитвами, Боже, помилуй*

и спаси насъ. Ты еси исповѣдуемый и восхваляемый нами единый истинный Богъ нашъ, Святая Троица: ибо нѣтъ инаго, кромѣ Тебя, сотворившаго и сохраняющаго насъ. И тогда возносятъ хвалебныя пѣсни Богоматери, и, согласно съ Ея пророчествомъ, говорятъ: *ублажаемъ Тя вси роди*. Въ концѣ же сего — гласъ Ангела: *радуйся благодатная, Господь съ тобою*, такъ какъ это слово есть начало нашего спасенія, и вмѣстѣ съ симъ какбы исповѣдуютъ: чрезъ Тебя Господь съ нами своею благодатію. Потомъ начинаютъ благоговѣйное и сладкогласное пѣніе съ главами непокровенными—въ знаменіе того, что Она есть наша глава, родивъ нашу Главу—Христа, что Она есть небесный Покровъ нашъ, Промыслительница и Спасительница,—и поютъ *достойно есть*, исповѣдуя Ее Богородицею и воспѣвая честнѣйшею Херувимовъ, какъ ѵпостасно Бога-Слово зачавшую во чревѣ и нетлѣнно родившую, и ублажаютъ Ее, какъ истинную и сущую Богородицу; слова же: *величаемъ* и *ублажаемъ* заимствуются изъ Ея пѣсни, ибо сама Она сказала: *величитъ душа моя Господа*, и: *се отъ нынѣ ублажатъ мя вси роди*. Итакъ возношеніе (хлѣба) значитъ приношеніе его Богу: слова: *веліе имя Святыя Троицы* — служатъ исповѣданіемъ въ Троицѣ Бога всяческихъ и указуютъ, что Ему приносится хлѣбъ и Его имя величается. А слова: *Пресвятая Богородице, помогай намъ*, служатъ и исповѣданіемъ воплощенія Слова: на это указуетъ слово: *Богородица*,—и призываніемъ

Богоматери: и мы вѣруемъ, что Она соприсутствуетъ намъ, будучи всегда готова на помощь,—и свидѣтельствомъ, что хлѣбъ, какъ даръ, приносится Ей, или лучше, чрезъ Нее Сыну Ея, ради насъ отъ Нея воплотившемуся и ради насъ волею претерпѣвшему крестъ, на что возносящій и указуетъ, дѣлая хлѣбомъ крестъ. Хлѣбъ сей, надъ коимъ призывается божественное имя и сначала совершается крестное знаменіе, а потомъ провозглашается имя Богородицы, исповѣдуется воплощеніе Слова и призывается на помощь сама Богоматерь,—сей хлѣбъ имѣетъ великую силу, избавляетъ отъ многихъ, или лучше, отъ всѣхъ бѣдъ, преисполняетъ всѣхъ благъ и всегда спасителенъ. Посему мы должны дѣлать это и днемъ, и ночью, и, если можно, во всякое время,—должны всегда возглашать сіи слова,—величать Троицу и призывать на помощь Богородицу. Ибо кто сильнѣе Ея заступленія? Кто больше Ея имѣетъ (предъ Богомъ) дерзновенія? Кто болѣе Ея имѣетъ силы — спасти насъ? Я, съ своей стороны, дѣлая это весьма часто, непрестанно произношу сіи божественныя слова и на многихъ налагалъ долгъ, какъ можно чаще, дѣлать тоже самое. Вы знаете, что я учредилъ, чтобы въ соборныхъ церквахъ ежедневно совершаемъ былъ упомянутый обрядъ, чтобы іерей на каждой утрени, въ концѣ девятой пѣсни возносилъ сей хлѣбъ и произносилъ обычныя сіи, преданныя отъ Отцевъ, священныя слова, во исповѣданіе, какъ сказано, Святыя Троицы — единаго нашего Бога всяческихъ и вочеловѣче-

нія Слова, также въ честь Матери Его—единыя Пресвятыя Приснодѣвы и истинной Богородицы, и чтобы призывалъ Ее на помощь. Такъ какъ мы получаемъ чрезъ это великую помощь, то и убѣждаю о Христѣ, завѣщаваю, прошу и умоляю всѣхъ васъ дѣлать это ради нашего спасенія. Если нѣкоторые и изъ иновѣрцевъ полагаютъ за правило произносить поутру и по вечеру: *радуйся, благодатная*, почитая это выраженіемъ чествованія Пренепорочныя Богородицы, хотя сія пѣснь и не ими изобрѣтена, но была древнимъ отеческимъ обычаемъ, какъ вскорѣ узнаешь: то тѣмъ болѣе мы—православныя чада истинной каѳолической Церкви должны дѣлать это неопустительно и ревностно. А что пѣть въ церкви *радуйся, благодатная*, было въ обычаѣ издревле,—это вы можете знать изъ вечерни во святую четыредесятницу, когда прежде всего другаго, въ концѣ, послѣ *Отче нашъ*, мы тотчасъ говоримъ: *Богородице Дѣво, радуйся благодатная, Господь съ тобою*,—и изъ того, что это непремѣнно говорится на вечерни бдѣнія предъ благословеніемъ хлѣбовъ. Да и въ пѣсненномъ чинѣ на всякой вечерни, какъ вы знаете, есть обычай въ великой Ѳессалоникской церкви говорить тоже самое. Итакъ, если *радуйся, благодатная*, говорить необходимо въ честь и славу Богоматери, ради того, что это есть слово Архангела, которымъ разрѣшена клятва и дарована радость, при которомъ вселился въ Ней и принялъ отъ Нея плоть Спаситель всѣхъ Богъ — Слово Бога: то тѣмъ

болѣе должны мы совершать это божественное и древнѣйшее, какъ преданное отъ Отцевъ, дѣло. Сей обычай засвидѣтельствованъ всѣми уставами и древнимъ преданіемъ, дошедшимъ до насъ отъ Отцевъ. Это есть божественное служеніе возносимаго и приносимаго Богу хлѣба; это есть исповѣданіе Троицы, призываніе и хваленіе Святыя Богородицы, совершаемое въ помощь нашу. Посему *ублажаемъ тя вси роди* и *величаемъ* хорошо воспѣвается и будетъ благопріятно Ей, такъ какъ эта пѣснь есть Ея же пророчество, Ею преданное и съ Ея словъ повторяемое. И слова Ангела: «радуйся, благодатная, Господь съ Тобою»,—необходимо говорить Ей: ибо Воплотившійся vпостасно былъ въ Ней и нынѣ пребываетъ въ Ней благодатію преимущественно предъ всѣми; а чрезъ Нее, по Исаіи, и съ нами Богъ былъ и есть. О томъ и молимъ мы Ее, взывая: да будетъ чрезъ Тебя съ нами, чего да сподобляемся мы всегда чрезъ Нее. Аминь.

Клир. Дѣлать это, владыко, поистинѣ нужно, полезно и всѣмъ необходимо, и мы тѣмъ охотнѣе дѣлаемъ сіе, что ты повелѣлъ и предалъ намъ это дѣло. Мы исполняемъ сіе, по твоему приказанію, и въ соборныхъ церквахъ. И да совершаемъ всегда святыми молитвами твоими божественныя службы нелѣностно.

Арх. Предстательствомъ Богоматери да даруетъ сіе Богъ и вамъ, и мнѣ, потому что всѣ мы имѣемъ нужду въ молитвенной помощи. И постоянно нужно и должно молиться и призывать въ ходатаи за насъ Святыхъ, прежде же

всѣхъ — высшую всѣхъ Святыхъ и пренепорочную Богоматерь, могущую паче всѣхъ спасти насъ. Ибо всѣ мы содѣваемъ много грѣховъ.

Теперь перейдемъ и къ самой кончинѣ нашей, чтобы такимъ образомъ выполнить все, что обѣщали.

О кончинѣ нашей и о священномъ чинѣ погребенія, и о совершаемыхъ по обычаю поминовеніяхъ.

О томъ, что касается кончины нашей, страшной и неотвратимой, должны мы заботиться постоянно, непрестанно и во всякое время. Обращать къ этому взоръ свой намъ нужно также часто, какъ и памятовать о Богѣ, т. е., какъ часто мы вдыхаемъ воздухъ. Ибо сказано: *помни послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши. Уготови ко исходищу дѣла твоя.* Къ этому-то должна быть направлена вся наша забота; отсюда — удаленіе отъ міра, и пустынничество, и уединеніе, и подвижничество: чтобы, когда придетъ конецъ, мы обрѣлись готовыми. Ибо такъ учитъ Тотъ, кто пришелъ спасти насъ и спасъ насъ: *будите*, говоритъ, *готови, яко не вѣсте, въ кій часъ Господь вашъ пріидетъ*; также: *аще бы вѣдалъ господинъ храмины, въ кій часъ тать пріидетъ, бдѣлъ убо бы и не бы далъ подкопати дому своего. И вы убо будите готовы, яко въ оньже часъ не мните, Сынъ человѣческій пріидетъ.* Посему всѣ мы и всегда должны быть готовы къ исходу и заботиться не о томъ только, что здѣсь

послѣдовалю съ другими, но о самихъ себѣ и о томъ, что случается съ нами, не будутъ ли нынѣ же восхищены отъ насъ души наши? Тогда какая будетъ намъ польза отъ того, о чемъ мы теперь заботимся? Итакъ мы должны отложить попеченіе о настоящемъ, должны смиряться, каяться, исповѣдываться Богу, призывать Его на милость, стараться быть причастниками таинства причащенія и постоянно совершать сіе со вниманіемъ и въ смиреніи души: ибо это-то и значитъ быть съ Богомъ и Богу быть съ нами, ради чего Онъ и воплотился.

525. О частомъ пріобщеніи страшныхъ Таинъ, какъ дѣлѣ для всѣхъ особенно полезномъ.

Для того Спаситель и преподалъ намъ сіи Тайны, чтобы мы были едино съ Нимъ. Мы— архіереи и іереи, да будемъ всегда причастниками страшныхъ Таинъ, священнодѣйствуя со вниманіемъ, сокрушеніемъ сердца и исповѣданіемъ; что касается и до прочихъ, и они часто да пріемлютъ пріобщеніе съ покаяніемъ, сокрушеніемъ сердца и готовностію души; и никто изъ людей богобоязненныхъ и любящихъ Господа пусть не пропускаетъ четыредесятницы. А у кого довольно силы и вниманія, и чаще пусть приступаетъ такой къ причастію Христову, даже, если можно, и въ каждую недѣлю (κυριακή); особенно же люди престарѣлые и немощные: ибо въ семъ общеніи—наша жизнь и сила. Кому угрожаетъ смерть, тѣ еще болѣе

пусть поспѣшають къ пріобщенію. И не бойся пріобщаться Жизни, какъ боятся нѣкоторые безумные, говоря: какъ бы не умереть; скорѣе умрешь, если не примешь страшныхъ Таинъ: ибо онѣ для тебя — жизнь, крѣпость, сила и напутствіе въ жизнь вѣчную. Если тебѣ надобно еще пожить здѣсь, то скорѣе чрезъ причастіе удержишь ты и жизнь настоящую, хотя въ ней нѣтъ пользы: потому что она есть только многотрудное путешествіе, ведущее тебя къ кончинѣ и тлѣнію, болѣзненный подвигъ, которому не дано опредѣленной мѣры и конца, мзда, въ которой нѣтъ существеннаго пріобрѣтенія, путь, преисполненный страха и безпокойства, образъ существованія, не привлекающій къ себѣ любви мудрыхъ, такъ какъ жизнь объята неизвѣстностію и тлѣнна, всегда можетъ быть похищена и преисполнена заботъ. Въ пріобщеніи Таинъ Христовыхъ ты обрящешь скорѣе источникъ жизни и силы: ибо, прикоснувшись ко Христу, и кровоточивая исцѣлилась, и прокаженные единымъ прикосновеніемъ Его были очищены, и мертвые возставали, когда рука Его касалась ихъ, и тебя Онъ оживитъ, а не умертвитъ. Если же предназначена тебѣ кончина и пришло твое время,—тѣмъ съ большею поспѣшностію иди, чтобы здѣсь пріять Его въ залогъ: ибо тамъ Онъ будетъ для тебя и жизнію, и пищею, и свѣтомъ, и упокоеніемъ. Пріобщившись Ему здѣсь, будешь помилованъ тамъ и здѣсь еще получишь начатки жизни Его, и пребудешь съ Нимъ всегда, и враги твои далеко отбѣгутъ

отъ тебя, не имѣя силъ одолѣть тебя, принявшаго въ себя огнь, для нихъ нестерпимый. Итакъ, кто близокъ къ кончинѣ, да исповѣдуется, да кается, во всемъ да уготовляетъ себя. Не имѣющій полнаго образа (иноческаго) пусть приметъ его, чтобы не отойти несовершеннымъ и безъ совершительнѣйшаго священнодѣйствія схимы. Ибо я знаю, что многіе нерадятъ о семъ точно также, какъ прежде иные медлили приступать ко крещенію и не получали его; а какъ тотъ, кто не принялъ крещенія, не христіанинъ, такъ и не принявшій совершеннаго образа—не монахъ. Послушай, что говорятъ объ этомъ Учители Церкви, особенно Василій и Григорій: слова ихъ о крещеніи нынѣ могутъ быть приложены къ совершенному образу (иноческому) и покаянію. Не успѣвшій сдѣлаться монахомъ да содѣлается имъ предъ кончиною; ибо это — величайшій даръ, царственная печать, второе крещеніе: оно очищаетъ отъ грѣховъ, сообщаетъ дары и подаянія благодатныя, вооружаетъ и запечатлѣваетъ, освобождаетъ отъ враговъ, поставляетъ предъ Царемъ (небеснымъ) и творитъ Его другомъ. Если придешь къ нему, то просвѣщенъ будешь и не постыдишься. Если же боишься, не каешься и медлишь: то какъ воззришь на Царя? Итакъ покайся, по крайней мѣрѣ, помысломъ, призови іерея, доколѣ имѣешь силу, смирись, признайся, истинно покайся: ибо приближается къ тебѣ царствіе небесное,— проси прощенія, сдѣлай, сколько можешь, дѣлъ милосердія, воздай за обиду, покрой, если воз-

можно, обиды четверицею, подобно Закхею, твердо стой въ намѣреніи—не дѣлать болѣе зла; отгони отъ себя блудницу, удали отъ себя прелюбодѣйцу, примирись съ оскорбителемъ, дай миръ, пріими миръ, чтобы быть тебѣ съ другами Христа, твори дѣла милости, чтобы самому получить Божію милость; пріими также помазаніе святымъ елеемъ, по заповѣди Апостола, вѣруя, что обрѣтешь отпущеніе грѣховъ и избавленіе отъ болѣзни. И еслибы, обрѣтши оставленіе (грѣховъ), ты чрезъ божественный елей получилъ исцѣленіе и плоти, и возсталъ, то благодари и исполни то, что обѣщалъ, пребывая въ покаяніи, и опять ожидай кончины: ибо придетъ она, и уже близъ есть; никогда не уйдешь отъ ней; постоянно приготовляй себя къ ней. Я часто повторяю тебѣ это: «будь готовъ»: поелику и Спаситель постоянно проповѣдуетъ это: *будите готови,* т. е., всегда. Если же ты будешь позванъ къ смерти, то да обрящешься готовымъ и пребудешь съ Богомъ, да будешь причтенъ къ Его другамъ и да насладишься вожделѣнною радостію и блаженствомъ: ибо и здѣсь ты обманчиво влечешься за безпокойными удовольствіями, не зная, что такое—удовольствіе. Итакъ, если хочешь удовольствія истиннаго и въ настоящей жизни,—возненавидь удовольствія плотскія, чтобы получить блаженство истинное и непрестающее. Это мы говорили объ отходящихъ, какъ наставленіе имъ нужное.

326. О погребеніи архіереевъ и іереевъ, также монаховъ и мірянъ.

Почившаго въ вѣрѣ брата Церковь приняла погребать такъ: архіерея и іерея, какъ лице освященное, она приготовляетъ къ погребенію руками іереевъ, которые облекаютъ его въ чистыя одежды его сана. Они сперва омываютъ его тѣло, не обнажая, одною водою, посредствомъ губки, водя ею, во образъ святаго крещенія, крестовидно — по челу и очамъ, по устамъ и груди, по колѣнамъ и рукамъ; потомъ, опоясавъ сверху, возлагаютъ на него архіерейское, или іерейское облаченіе, и надѣваютъ на ноги новую обувь, а въ руки даютъ святое евангеліе, которое прежде этого читается надъ нимъ, какъ жившимъ по евангельски, при его кончинѣ, или и послѣ смерти, если есть для этого время, въ умилостивленіе, между прочимъ, и во освященіе его божественными словами. Ибо что другое можетъ служить къ умилостивленію Бога въ отношеніи къ почившему лучше, чѣмъ то, что здѣсь возвѣщается — воплощеніе Бога, ученіе, таинства, даръ оставленія грѣховъ, страданія за насъ, животворящая смерть и востаніе? Евангельское слово — выше всякаго послѣдованія, и его прилично читать надъ освященными, а надъ монашествующими — Псалтирь, что многіе еще соблюдаютъ и до нынѣ. Съ обычною молитвою надъ умершимъ, съ пѣніемъ трисвятаго и съ кажденіемъ ѳиміамомъ свято предается землѣ освященное тѣло, послѣ того, какъ почившій

предалъ Богу свою душу. Приносимый Богу ѳиміамъ служитъ умилостивленіемъ за усопшаго и знаменуетъ благочестивую и православную его жизнь, столь же благоуханную, сколько и чистую. Потомъ тѣло берутъ и несутъ въ храмъ со свѣтильниками, которые изображаютъ собою божественный оный и непрестающій свѣтъ. Если же умершій будетъ монахъ, то, омывъ его губкою крестообразно, одѣваютъ въ монашескія одежды и мантію сверху зашиваютъ, дѣлая изъ нея какбы гробъ ему, сверху же дѣлаютъ кресты—ради Христа, которому онъ распялся.

527. Для чего сверхъ останковъ усопшаго полагается святая икона?

И полагаютъ поверхъ его икону Того, кого онъ возлюбилъ (Христову). Когда іерей прочитаетъ молитву, берутъ его и несутъ въ божественный храмъ со свѣтильниками. Подобное дѣлается и съ мірянами. Ибо и на нихъ надѣваютъ одежды новыя и чистыя, а сверху налагаютъ святый покровъ — въ знакъ того, что усопшій вѣренъ, святъ и находится подъ покровомъ Христовымъ. На покровъ же кладутъ икону, въ знакъ того, что усопшій вѣровалъ во Христа и предалъ Ему душу. Потомъ, когда прочитана будетъ молитва, берутъ его и со свѣтильниками относятъ въ божественный храмъ.

528. Для чего во время несенія усопшихъ въ храмъ поется трисвятая пѣснь?

Когда несутъ освященныхъ и мірянъ, поется

трисвятая пѣснь: потому что умершіе суть рабы Троицы и проповѣдывали Ее, и въ Ней скончались, и въ Ней пребываютъ, и сопричтены Ангеламъ, непрестанно поющимъ трисвятую пѣснь. Въ храмѣ полагаютъ — архіереевъ предъ святыми вратами, или близъ ихъ; а по словамъ святаго Діонисія, они и іереи полагаются въ олтарѣ — мѣстѣ ихъ служенія, монахи — предъ святыми вратами, гдѣ было мѣсто ихъ стоянія, а міряне среди храма, гдѣ они по чину должны были стоять. Впрочемъ, нынѣ бываетъ не такъ: всѣхъ полагаютъ на срединѣ храма, — думаю, для того, что тамъ просторнѣе и чтобы всѣ могли видѣть усопшаго и предстоять ему. Или, какъ освященные, исходя изъ алтаря, обходятъ храмъ при входахъ и хожденіяхъ, и, освящая всѣхъ, самый божественный храмъ посвящаютъ Богу: такъ и эти полагаются на срединѣ, представляемые по смерти какбы на небѣ. Однакожъ, нужно соблюдать и уставъ великаго Діонисія, ясно указывающій на чинъ и мѣсто поставленія каждаго: ибо и Павелъ тоже говоритъ: *кождо же во своемъ чину*.

529. Объ усыпальницахъ, какъ погребаются въ нихъ останки.

Сколь древенъ этотъ чинъ, показываютъ такъ называемыя усыпальницы: ибо еще во времена Константина архіереи, равно какъ и останки Святыхъ, ради благодати божественнаго освященія, полагаемы были сперва внутри алтаря, въ великомъ храмѣ святыхъ Апостоловъ. И

многіе пишутъ, повѣствуя объ останкахъ святительскихъ, что это было такъ. Цари погребаемы были въ храмѣ, или у стѣнъ храма, что показываютъ самыя ихъ могилы. Въ монастыряхъ же отведены усыпальницы, особыя для помѣщенія гробовъ монаховъ, имѣвшихъ священный санъ, помѣщавшіяся подъ алтаремъ, и особыя для монаховъ простыхъ. И здѣсь надобно дѣлать такъ, чтобы архіереи полагаемы были ближе къ жертвеннику, а за ними іереи и всѣ прочіе клирики, міряне же около вратъ храма, что строго еще соблюдается и въ обителяхъ. Усопшихъ настоятельствовавшихъ и освященныхъ отпѣваютъ внутри храма, а монаховъ простыхъ, или мірянъ,—въ притворѣ, что и мы еще видимъ въ нѣкоторыхъ святыхъ обителяхъ. Но нынѣ, по нерадѣнію, все это приличіе презрѣно и сей чинъ оставленъ: все смѣшивается. Ибо такъ отъ начала, всегда безпорядокъ связывался съ гордостію, а гордость—съ корыстолюбіемъ; мірскіе помыслы находятся болѣе подъ вліяніемъ страстей каждаго, чѣмъ подъ управленіемъ святыхъ обычаевъ; и многіе въ атомъ отношеніи любомудрствуютъ неразумно, или, лучше сказать, безсловесно. Что это, говорятъ, и что то? Почему не вносить и мірянина внутрь храма? Развѣ онъ не христіанинъ? Такъ, братъ мой, онъ христіанинъ, но не іерей; а иное дѣло іерей, иное — мірянинъ. А еслибы между ними различія не было, то и мірянинъ крестилъ бы, священнодѣйствовалъ бы и входилъ бы въ алтарь.

330. О тѣхъ, которые дѣйствуютъ безпорядочно и смѣшиваютъ вещи, и о томъ, что это очень опасно.

Но что я говорю объ этомъ? Такіе люди, въ своихъ дѣйствіяхъ все сливающіе и смѣшивающіе, не находящіе никакого различія между святымъ и не святымъ, дерзаютъ дѣлать и то, что позволяютъ входить къ святому престолу людямъ, недостойнымъ престола, и безъ архіерейскаго благословенія повелѣваютъ читать въ церкви священное Писаніе. И это нечестивѣйшее дѣло дошло до такой степени, что безпорядокъ вошелъ въ обычай. Многіе даже не считаютъ нужнымъ святое благословеніе и просятъ его едва не тогда только, когда приступаютъ принять рукоположеніе, да и въ эту минуту принимаютъ его едва ли не по одному только обычаю. Человѣкъ! Не считаешь ли ты этого маловажнымъ, что прелагаешь предѣлы Отцевъ, преданные свыше? Нѣтъ, ничего нѣтъ маловажнаго въ Церкви великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и ничего въ ней не допускается безъ значенія (λόγου): ибо она есть Церковь самаго живаго Слова (λόγου). Все здѣсь имѣетъ глубокій смыслъ. Какъ же дерзать, по собственному произволу, совершенно презирать уставы, положенные въ основаніе Богомъ-Словомъ, и дѣлать самаго себя законоположникомъ для уничтоженія ихъ? Развѣ ты не знаешь, что порядокъ соблюдается во всемъ по тому, какъ сказано? что Богъ, какъ говоритъ Богоглаго-

ливый, *нѣсть нестроенія Богъ*, *но мира* и порядка? что въ Церкви соблюдается тотъ порядокъ, который установленъ на небѣ? Не разрушай же горняго чина; напротивъ, поддерживай его и ревнуй о немъ, сколько есть силъ. Старайся не только сохранить, что принялъ, но и умножить принятое святыми приложеніями и украсить это, какъ дѣлали Отцы наши. Подвизайся за святые уставы, чтобы, любя благолѣпіе дома Господня и соблюдая святый чинъ, получить отъ Бога многоразличную мзду. Принадлежности же алтаря чти преимущественно предъ всѣмъ, соотвѣтственно ихъ степени, какъ имѣющія священную печать, воздавая имъ почтеніе приступаніемъ къ пріобщенію и стояніемъ, и принятіемъ антидора и святой воды, и поклоненіемъ честнымъ иконамъ и всесвятому кресту.

551. О безчинно входящихъ въ олтарь несвященныхъ лицахъ и о чинѣ погребенія усопшихъ.

Входить въ олтарь могутъ только рукоположенные и избранные на служеніе вѣчному Царю. И никому другому не позволяй входить въ олтарь. Послѣ нихъ дай мѣсто монахамъ, а за ними мірянамъ. Людямъ, зараженнымъ тщеславіемъ, не позволяй входить и во святое: входя несмысленно, они вносятъ сюда свои страсти и выказываютъ ихъ близъ безстрастнаго и божественнаго, и вмѣсто того, чтобы получить освященіе, они заслуживаютъ осужденіе и отверженіе. Ибо хотятъ быть и причастниками

божественныхъ Таинъ наравнѣ съ людьми низкими и немощными, и, по причинѣ своего богатства, предсѣдательствовать съ пренебреженіемъ къ бѣднымъ и, по расчетамъ человѣческимъ, величаться предъ всѣми преимуществами мірскими. Но не это избралъ Богъ: *не мнози премудри по плоти, не мнози сильни, не мнози благородни*, говоритъ Апостолъ, то есть, рѣдки между людьми мужи знаменитые и великіе, но не изъ нихъ Богъ избралъ Себѣ служителей: потому что таковы понятія міра, но не таковы мысли Божіи. Богъ сотворилъ одного человѣка и изъ одного—всѣхъ. И чтобы посрамить тѣхъ, которые мыслятъ только о земномъ, *буее міра*, говоритъ, избралъ Богъ, *и немощная міра, и худородная міра, и уничиженная* избралъ Богъ, *и не сущая*, и ничего о себѣ не думающая, чтобы *сущая*, т. е., многодумающее и высящееся упразднить смиреніемъ и истиною. *Яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ*, да не скажетъ какой либо мудрецъ, или благородный, или сильный, или богатый, что онъ устроилъ наше спасеніе. Ибо Смирившій Себя до плоти и воплотившійся отъ смиренной, но святой Жены, названный тектономъ и сыномъ тектона, и осужденный даже на крестъ, Самъ спасъ насъ и міръ чрезъ рыбарей, скинотворцевъ, мытарей и язычниковъ, увѣровавшихъ въ Него. Итакъ не хвались о плоти, кто бы ты ни былъ: ибо ты перстенъ и, чѣмъ больше отъ земли богатѣешь, тѣмъ больше пріобрѣтаешь тлѣнія. Но зная, что ты

принадлежишь къ мірянамъ и не имѣешь священнаго сана, и не избралъ званія монашескаго, смиряй себя и будь истиннымъ судіею, и, не будучи изъ сословія іереевъ и монаховъ, приходи, какъ мірянинъ, къ истинному, непорочному и единому Судіи. Будучи же міряниномъ, когда молишься, смотри, кто изъ мірянъ лучше тебя и кто непорочнѣе,—ибо нѣтъ лицезрѣнія у Бога, —и кто любезнѣе тебя Богу, тѣмъ болѣе, что ты можешь судить объ этомъ по чертогамъ царскимъ: ибо, если къ царю близки друзья его, то тѣмъ ближе будутъ къ Богу Его други. Итакъ, согрѣшая, приходи, какъ согрѣшающій, и не приступай прежде монаховъ, съ пренебреженіемъ къ нимъ. Я знавалъ благороднѣйшихъ въ мірѣ людей, которые, будучи мудры по отношенію къ божественнымъ вещамъ, предпочитали себѣ простыхъ монаховъ, когда подходили къ антидору и освященной водѣ. Не предпочитай себя и клирикамъ, но оставайся въ томъ чинѣ, въ которомъ находишься; со смиреніемъ и сиди, и стой, и приступай ко Господу: ибо *Господь*, сказано, *гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Іак. 4, 6). Но довольно этого о чинѣ, принятомъ въ святой Церкви въ подражаніе небу, и о благоговѣніи къ божественнымъ вещамъ.

Когда умершій положенъ по чину, священникъ благословляетъ Бога: и тогда-то особенно необходимо благословлять Господа, который привелъ человѣка къ концу поприща, принялъ душу его, а тѣло отдалъ землѣ, и чрезъ смерть далъ намъ вниманіе, преложивъ (человѣка) изъ

этой жизни въ другую жизнь, вѣчную, и наказаніе содѣлалъ, поистинѣ, человѣколюбіемъ; и особенно (надобно благословлять Его) потому, что Онъ, воплотившись и умерши за насъ, возстановилъ и спасъ насъ, и опять воскреситъ и спасетъ, какъ человѣколюбецъ. Поэтому поющіе тотчасъ присоединяютъ подобную пѣснь: *благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ*. Потомъ читаются псалмы непорочны. Они раздѣляются на три статьи, во образъ и славу Троицы. Псалмы эти предъизображаютъ царство Спасителя и жизнь Святыхъ, какою долженъ жить и всякій благочестивый. Во время каждой статьи всѣ священники совершаютъ молитву, и опять начинаются псалмы, между тѣмъ, какъ на каждый стихъ говорится: *аллилуіа*, что значитъ *Господь грядетъ*, и указуетъ Его второе пришествіе, въ которое Онъ, явившись, воскреситъ всѣхъ насъ умершихъ. Во время одной статьи возглашается: *упокой раба твоего*, а во время другой: *помилуй мя, Господи*, какбы отъ лица лежащаго, — самая приличная и полезная молитва. Молитва же священниковъ совершается такимъ образомъ. Діаконъ, взявъ кадильницу, положивъ въ нее ѳиміамъ и взявъ благословеніе отъ іерея, становится у головы лежащаго среди (церкви) и, кадя надъ останками, молится о нихъ, приноситъ Богу кадило и говоритъ громко: *паки и паки миромъ Господу помолимся*, научая насъ, чрезъ прилучившуюся смерть, примиренію, потому что и мы умремъ,

и тому, чтобы мы, примирившись между собою, молились объ умершемъ и хотя въ чемъ-нибудь помогли ему своею молитвою, и чтобы былъ миръ съ нимъ, послѣ того, какъ онъ примирился съ Богомъ. Потомъ молится объ упокоеніи души почившаго, о прощеніи ему всѣхъ грѣховъ и о томъ, чтобы Господь учинилъ душу его въ селеніи праведныхъ, — и всѣ единогласно поютъ спасительнѣйшую молитву: *Господи, помилуй.* Онъ также призываетъ всѣхъ испросить у Христа милости Его почившему, царство небесное и оставленіе грѣховъ. Священникъ же, тайно принесши напередъ съ благоговѣніемъ молитву Богу и наименовавъ Его *Богомъ духовъ*, то есть, Ангеловъ и душъ, и *всякія плоти*, то есть, облеченныхъ плотію людей,—упразднившимъ смертію смерть, чрезъ крестъ поправшимъ діавола и чрезъ смерть даровавшимъ жизнь міру,—молитъ Его упокоить и душу усопшаго въ мѣстѣ покоя, откуда *отбѣже*, то есть, удалилась всякая печаль и воздыханіе, и простить ему всякій грѣхъ, совершенный дѣломъ, словомъ и мыслію, потому что *никтоже безгрѣшенъ*, развѣ Онъ одинъ, безгрѣшно вочеловѣчившійся. Онъ праведенъ, и слово Его истина, потому что Онъ есть истина и Онъ сказалъ: *Азъ есмь воскресеніе и животъ* (Іоан. 11, 25). Посему и священникъ, возглашая это, говоритъ къ Богу: *яко ты еси воскресеніе*: ибо мы надѣемся, что и почившій будетъ жить и воскреснетъ, и найдетъ упокоеніе въ Господѣ. Итакъ, это совершается на трехъ

статьяхъ псалмовъ непорочныхъ, и послѣ непорочныхъ читаются за усопшаго тропари, необходимѣйшіе для умоленія Бога. Потомъ — зачало Апостола о надеждѣ воскресенія; поэтому и вѣрныхъ называетъ Апостолъ не умершими, но усопшими, такъ какъ они воскреснутъ. Потомъ— *аллилуіа*, какъ знакъ пришествія Божія и какъ проповѣдь о пришествіи Христа и о нашемъ воскресеніи чрезъ Него изъ мертвыхъ, и кадило— въ знаменіе благодати Божіей, приходящей и на останки усопшаго, какъ вѣрнаго, и (читается) священникомъ евангеліе, которое какбы чрезъ Ангела Божія предвозвѣщаетъ самое воскресеніе наше. Вслѣдъ за этимъ—опять молитва, и послѣ ней—пѣснь цѣлованія.

332. Что означаетъ цѣлованіе, которое мы даемъ умершимъ?

И послѣднее цѣлованіе. Оно (дается) по причинѣ перехода и разлуки съ этою жизнію, и есть какбы общеніе и единеніе: потому что, и умирая, мы не разлучаемся другъ отъ друга. Ибо всѣ мы пойдемъ тѣмъ же путемъ, и будетъ повелѣно намъ быть вмѣстѣ, и мы никогда не разлучимся, потому что будемъ жить во Христѣ, и теперь соединяемся о Христѣ, когда идемъ къ Нему, и завтра будемъ вмѣстѣ другъ съ другомъ; а когда мы — живые умремъ, подобно имъ, и когда совершится воскресеніе, тогда мы—всѣ вѣрующіе будемъ вмѣстѣ со Христомъ въ общеніи правой вѣры. Итакъ, по совершеніи цѣлованія, опять бываетъ на концѣ умо-

мянутая молитва, какъ печать пѣсней, и потомъ отпустъ.

353. Что означаютъ слова: «вѣчная память,» которыя поются въ концѣ погребенія?

Послѣ отпуста возглашается почившему *вѣчная память*, потому, что и объ этомъ, то есть, о цѣлованіи и возглашеніи, говоритъ св. Діонисій. О цѣлованіи онъ говоритъ, что оно означаетъ единеніе во Христѣ насъ—живыхъ съ отшедшими, а о возглашеніи, что они (отшедшіе) сочетались со Святыми и достойны наслѣдія ихъ также, какъ и вѣры, и мы вѣруемъ этому, и поемъ это; равнымъ образомъ, оно есть какбы посвященіе усопшаго Богу и наша молитва за него. Наконецъ, молитва есть какбы даръ и довершеніе всего; она отсылаетъ (умершаго) къ наслажденію Богомъ и какбы предаетъ Богу душу и тѣло отшедшаго. Поэтому мы приходимъ ко гробу съ останками и поемъ трисвятое, во славу единаго въ Троицѣ Бога нашего: И полагаемъ останки во гробъ, и съ молитвою предаемъ ихъ землѣ, исполняя божественное повелѣніе: *земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. 3, 19). Возвѣщаемъ же и воскресеніе, знаменуя останки крестомъ, или выливая на нихъ крестообразно елей изъ лампады, или бросая на нихъ землю какимъ нибудь орудіемъ: потому что, хотя мы сдѣлались смертными, однакожъ воскреснемъ чрезъ (Христа), воплотившагося ради насъ, умершаго и воскресшаго, и даровавшаго намъ воскресеніе. Такъ и этотъ,

предаваемый погребенію, воскреснетъ, какъ и Спаситель нашъ возсталъ изъ мертвыхъ. Посему и послѣ положенія во гробъ, намазается поверхъ его крестообразно елей, какъ предали Апостолы и какъ пишетъ объ этомъ Діонисій. Лучше же, и приготовляя къ погребенію, надобно помазывать умершаго: ибо, какъ въ крещеніи бываетъ вода и елей, такъ въ образъ того надобно совершать это надъ почившими въ вѣрѣ и благочестіи. Поэтому и останки отираются крестообразно губкою съ водою на челѣ, на глазахъ, на устахъ и груди, также на колѣнахъ и рукахъ, и помазываются елеемъ. Елей же служитъ знаменіемъ подвиговъ и того, что усопшій, скончался послѣ славныхъ и благочестивыхъ подвиговъ, и что онъ удостоится божественной милости и свѣтлой радости Божественнаго Свѣта.

534. Почему за усопшихъ полагается только двѣнадцать поклоновъ?

И въ то время, когда бросается земля, читается молитва, имѣющая смыслъ какбы благодаренія отъ лица преданнаго землѣ, а съ другой стороны, составляющая какбы печать и конецъ всего. По совершеніи всѣми двѣнадцати поклоновъ предъ Богомъ за умершаго, въ умилостивленіе за жизнь его, которая распредѣляется по двѣнадцати часамъ дня и двѣнадцати часамъ ночи, отходятъ, каждый помышляя тоже о себѣ,—хотя для нѣкоторыхъ это помышленіе служитъ источникомъ скорби,—молит-

ны же за усопшаго продолжаютъ по вечерамъ и утрамъ. Потомъ совершаютъ и то, что положено, преимущественно же предъ всѣмъ озабочиваются, чтобы приносима была безкровная жертва, благотворнѣе которой для усопшаго нѣтъ ничего, и ничто другое не можетъ послужить источникомъ радости и просвѣщенія, и единенія съ Богомъ, наравнѣ съ симъ священнодѣйствіемъ, въ которомъ за насъ непотребныхъ изливается самая кровь Господня и жертся божественное тѣло. Сію-то жертву, какъ сродники усопшаго по плоти, такъ и соединенные съ нимъ по духу, и, по силѣ соединенія въ Духѣ, любящіе (его) больше, чѣмъ его сродники по плоти, приносятъ постоянно и ежедневно, въ теченіе цѣлаго года и всей своей жизни, и, чѣмъ чаще приносятъ, тѣмъ больше пользы доставляютъ и получаютъ. Ибо что благотворнѣе приношенія въ жертву за насъ Христа? Одни совершаютъ это, когда могутъ и желаютъ, а другіе—ежедневно, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе сорока дней.

355. О томъ, что священнѣйшее жертвоприношеніе благотворнѣе всего для усопшихъ.

Нѣкто изъ святыхъ Отцевъ, именно Григорій папа римскій, написавшій разговоръ, освободилъ нѣкоего брата отъ мученія, принося за него сію жертву въ продолженіе сорока дней. А что жертва сія дивно благотворна для многихъ и что она освобождаетъ отъ узъ смерти,

это показываютъ многія случившіяся и записанныя чудеса.

336. О коливѣ, приносимомъ за усопшихъ.

Въ третій день совершаютъ третины, принося Богу сѣмена пшеницы и разные другіе плоды. Что означаютъ эти плоды? То, что и человѣкъ есть сѣмя и какбы плодъ отъ земли, и что онъ, какъ пшеница, брошенная въ землю, опять возстанетъ силою Божіею и, какбы прозябнувъ, въ будущемъ вѣкѣ предстанетъ Христу совершенный и живый. Ибо, какъ предлежащее сѣмя погребается въ землѣ, а потомъ вырастаетъ и приноситъ обильный плодъ: такъ и человѣкъ, бывъ преданъ смертію землѣ, опять воскреснетъ. Объ этомъ и Павелъ говоритъ, когда подъ образомъ сѣмянъ объясняетъ тайну воскресенія (1 Коринѳ. 15, 36 — 38). Нѣкоторые говорятъ, что это приношеніе плодовъ совершаемъ мы въ память чуда добропобѣднаго мученика Ѳеодора. Нѣтъ, не по этому только, хотя и это—дѣло Божіе и отъ Бога, но больше, какъ мы сказали, по слову Павла, сравнивающаго сѣмена съ тѣлами нашими, которыя и разрушаются, и воскреснутъ, будучи драгоцѣннѣе сѣмянъ. Поэтому приносимъ не пшеницу только, но и многія другія сѣмена, и вино отъ плода винограднаго, потому что оно—плодъ древа и вмѣстѣ съ хлѣбомъ было избрано для жертвы Христовой. Приносимъ же это и въ память Святыхъ: потому что и они—сѣя-

той плодъ, и, будучи преданы землѣ божественными останками, воскреснутъ во Христѣ. Преимущественно же и чаще другихъ сѣмянъ приносятся зерна пшеницы, потому что и Спаситель уподобилъ свое всесвятое тѣло пшеницѣ. *Аще*, сказано, *зерно пшенично, падъ на земли, не умретъ, то едино пребываетъ* (Іоан. 12, 24). Отсюда же взялъ и образъ для ученія о своемъ возстаніи: *аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ* (—13, 24). Видишь ли, почему предлагаемъ пшеницу? Притомъ же изъ пшеницы дѣлается всякій истинный хлѣбъ (ἄρτος). Поэтому-то и единый истинный и живый хлѣбъ Христосъ наименовалъ себя хлѣбомъ жизни (Іоан. 6, 48), по той именно, думаю, причинѣ, что и въ началѣ хлѣбъ данъ былъ намъ—людямъ въ пищу, а еще болѣе потому, что на хлѣбѣ пшеничномъ имѣли совершаться Тайны.

Третины же, девятины и прочія (поминовенія) совершаются преимущественно во славу Троицы, потому что отъ Нея — наше бытіе и жизнь, и, послѣ постигающей насъ въ свое время смерти, воззваніе къ новой жизни. Нѣкоторые, впрочемъ, говорятъ, что это бываетъ и по соотвѣтствію рожденія человѣка,—потому, что на третій день послѣ того, какъ сѣмя принято утробой матернею, образуется младенецъ; въ девятый день сгущается, а въ сороковой—получаетъ жизнь и начинаетъ зрѣть. Можно также думать, что въ третій мѣсяцъ обнаруживаетъ движеніе (Быт. 25, 2; ср. Лук. 1,

44), въ шестой становится уже совершеннымъ, а въ девятый раждается. Совершаютъ также и годичныя каждодневныя поминовенія, потому, что по рожденіи въ третій мѣсяцъ дитя начинаетъ обнаруживать чувствованія и мало по малу растетъ; что человѣкъ перемѣняется съ каждымъ годомъ и съ каждымъ трехлѣтіемъ, особенно же когда начинается третье трехлѣтіе, т. е., въ семь лѣтъ. Ибо человѣкъ есть существо сложное и не можетъ сполна прейти тройственную троицу, что составляетъ девять,—число ангельскихъ чиновъ, которые, какъ существа безплотныя и духовныя, вѣчно живыя, совершеннѣе насъ изображаютъ святую Троицу этимъ именно числомъ своимъ: трижды три составляютъ девять, а у насъ — существъ сложенныхъ и жизнь седмична, седмичны и измѣненія ея. Чрезъ седмицу лѣтъ мы достигаемъ третьей троицы, но, по причинѣ тѣла, не можемъ открыть ее въ себѣ вполнѣ, хотя, съ другой стороны, сколько возможно намъ, являемъ образъ Троицы, нашимъ умомъ, словомъ и духомъ, бывъ созданы по образу Божію. Поэтому и поминовенія, какія бываютъ, третины и прочія, указуютъ и возвѣщаютъ Троицу и то, что отъ Нея все наше—и жизнь, и спасеніе. Мысли эти, конечно, хороши, потому что и рожденіе наше, и бытіе,—отъ Бога, и всѣ эти мысли направляются къ славѣ Его. Но сообразнѣе съ духомъ Церкви все разумѣть духовно и божественно, и учрежденій Церкви не производить отъ чувственныхъ вещей. Поэтому принесе-

ніе умершаго въ храмъ указываетъ, что онъ созданъ отъ Бога и, послѣ кончины, приводится къ Богу.

397. Для чего совершаются третины, девятины, сорочины и прочія поминовенія?

Третины совершаются для того, чтобы показать, что (умершій) получилъ бытіе отъ Троицы и что онъ перешелъ въ блаженную жизнь, возвратившись въ первоначальное, или еще и лучшее состояніе. Девятины—для того, чтобы невещественный духъ его сопричтенъ былъ со святыми духами—Ангелами, которымъ онъ подобенъ по природѣ и которые раздѣляются на девять чиновъ, и такимъ образомъ тройственно возвѣщаютъ и прославляютъ Бога въ Троицѣ, а вмѣстѣ,—чтобы почившій соединился и съ душами всѣхъ Святыхъ. Сорочины—ради вознесенія Спасителя, совершившагося въ сороковой день по воскресеніи,—для того, чтобы и усопшій, воскресши тогда, какбы вознесся, *восхищенный на облацѣхъ*, и предсталъ Судіи, и такимъ образомъ всегда былъ съ Господомъ (1 Сол. 4,17). Точно также мѣсяцы третій, шестой и девятый возвѣщаютъ Троицу—Бога всяческихъ и бываютъ посвящаемы прославленію Его за умершаго: потому что человѣкъ отъ Троицы и получилъ бытіе, и къ Ней возвращается, освободившись отъ тѣла, и отъ Нея паки чаетъ воскресенія. И поминовенія, совершаемыя въ концѣ года, ясно проповѣдуютъ это тройственнымъ числомъ мѣсяцевъ, будучи совершаемы также

въ знаменованіе тамошняго совершенства, такъ какъ Троица—Богъ нашъ есть жизнь всего и причина бытія; Она же воздвигнетъ всѣхъ и обновитъ человѣческую природу.

338. Для чего ежегодно совершаемъ мы память отшедшихъ?

Поэтому-то ежегодно совершается родственниками память по умершемъ, въ знакъ того, что онъ живъ и безсмертенъ по душѣ и нѣкогда совершенно обновится, когда Создатель восхощетъ и воздвигнетъ самое тѣло: совершающіе поминовеніе знаменуютъ это приносимыми сѣменами, которыя напоминаютъ, что, какъ Христосъ, умерши плотію, воскресъ и живъ есть, такъ и мы, какъ сказалъ Павелъ, воскреснемъ и будемъ живы въ Немъ (Римл. 6, 8.). А что Христосъ воскресъ и живъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ дѣла Его и жертва, которая за всѣхъ приносится Ему, яко Живому, и совершается, какъ Онъ повелѣлъ. Итакъ поминовенія въ упомянутыя времена бываютъ, какъ мы сказали, по вышеизложеннымъ причинамъ, и польза, происходящая отъ сего для отшедшихъ, была явлена и открыта многимъ Святымъ. Потому-то эти поминовенія надобно совершать всѣ и съ возможно-большимъ усердіемъ, особенно же страшнѣйшую жертву, потому что для сего и дана она. Ибо за совершаемыя здѣсь молитвы и моленія, чрезъ священныя жертвоприношенія и благотвореніе нищимъ, не только согрѣшившимъ и въ покаяніи отшедшимъ изъ тѣла подается отпущеніе и оставленіе грѣховъ, и

освобожденіе отъ муки, но и праведно пожившимъ и имѣвшимъ благій и богоугодный конецъ даруется большее очищеніе и возвышеніе, какъ полагаетъ и Златоустъ въ изъясненіи Дѣяній (Апостольскихъ),—близость и дерзновеніе къ Богу, и обильнѣйшее просвѣщеніе отъ свѣта Божія. Да памятуетъ же всякъ вѣрный, что, если онъ любитъ своего ближняго, отшедшаго отсюда, то доставитъ ему великія блага приношеніемъ за него жертвы и будетъ для него виновникомъ великой радости, дѣлая подаянія нищимъ, выкупая плѣнныхъ и совершая другія дѣла, которыми умилостивляется Богъ, особенно же усердно совершая за него безкровныя жертвы. Частица, вынимаемая во время страшнаго жертвоприношенія, и помиловеніе надъ нею отшедшаго соединяетъ его съ Богомъ и даетъ возможность невидимо быть причастникомъ Его и имѣть общеніе съ Нимъ. Получая отъ сего величайшую пользу, не только тѣ братія во Христѣ, которые преставились въ покаяніи, утѣшаются и спасаются, но и священныя и боголюбезныя души Святыхъ получаютъ великую радость, когда сіи жертвы совершаются ради нихъ, и въ веселіи ликуютъ ради сей святѣйшей жертвы, тѣснѣе соединяясь со Христомъ и дѣлаясь причастниками высшей чистоты и свѣта, и, пріискреннѣ пріобщаясь даровъ Его, молятся за насъ, потому что ради сего-то и совершилъ Христосъ, и предалъ сіе жертвоприношеніе,—во освященіе и просвѣщеніе всѣхъ, и чтобы всѣ были едино съ Нимъ, какъ Онъ мо-

дился (Іоан. 17, 11.). Потому-то за тѣхъ, которые поминаютъ ихъ и совершаютъ въ честь и память ихъ священнѣйшія жертвы, они постоянно молятся, дѣлаются ихъ ходатаями и молитвенниками, испрашивая, чтобы и они достигли такого же общенія со Христомъ. Итакъ надобно поминать братій нашихъ отшедшихъ, чтобы и насъ поминали другіе; надобно также, по возможности, приносить жертвы и за Святыхъ, чтобы, утѣшая ихъ во Христѣ, имѣть намъ въ нихъ радостныхъ ходатаевъ предъ Христомъ и ради ихъ молитвъ получить спасеніе.

Клир. Итакъ ты, святитель, изъяснилъ намъ все и преподалъ намъ тщательное наставленіе, раскрылъ то, что относится къ нашей кончинѣ, показалъ намъ все, что для насъ полезно и спасительно, и изложилъ правую вѣру: что же воздадимъ тебѣ за любовь твою? Воздадимъ благодареніе единому въ Троицѣ Богу, подвигнувшему насъ къ вопрошеніямъ, а тебѣ давшему слово выше нашего желанія, чтобы ты сказалъ и преподалъ намъ наставленіе, превышающее наши вопрошенія. Отъ Него да будетъ тебѣ воздаяніе великое и, какъ оно происходитъ отъ Бога, многоразличное.

Арх. Возблагодаримъ, братіе, и прославимъ Отца, и Сына, и Святаго Духа, единаго въ Троицѣ Бога нашего, давшаго *слово во отверзеніе устъ* (Еф. 6, 19), въ надеждѣ на котораго и мы осмѣлились говорить объ этихъ вещахъ, высочайшихъ и божественныхъ, превосходящихъ силы наши. Это Божій даръ, и именно для васъ,

а не для меня, если только я сказалъ что нибудь полезное. Ибо я вовсе не думаю,—хотя и желаю говорить истину,—чтобы я сказалъ что нибудь полезнаго и цѣннаго, и служащаго ко благу, такъ какъ я знаю скудость и слабость ума моего, и свое невѣдѣніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, хотя и не совсѣмъ нахожу себя темнымъ. Если же кто спроситъ: за чѣмъ же ты въ такомъ случаѣ и излагалъ это?—то я отвѣчу: ради любви и частыхъ вопрошеній отъ братій, и—что я, по мѣрѣ силъ моихъ, написалъ не свое, но собралъ то, что говоритъ святое Писаніе и святые Отцы, и что можно было извлечь изъ ихъ богопросвѣщенныхъ мыслей. Итакъ, если въ сказанномъ есть что нибудь годнаго и полезнаго,—благодареніе Богу, потому, что это не наше, но принадлежитъ божественнымъ Писаніямъ и святымъ Отцамъ, и сдѣлано ради васъ, весьма часто вопрошавшихъ насъ, и ради нѣкоторыхъ другихъ изъ братій, по временамъ побуждавшихъ насъ къ этому. И воздаяніе большее будетъ вамъ за то, что вы подали поводъ сдѣлать это и отверзли скуднѣйшій и землелюбивый, и смиренный умъ мой смиреніемъ вашимъ и вопрошеніями, одушевленными любовію къ Богу въ Троицѣ и благодатію. Онъ и да содѣлаетъ сказанное полезнымъ для васъ и благотворнымъ для всѣхъ братій, и да обратитъ это къ своей славѣ и къ нашему спасенію своимъ человѣколюбіемъ и благостію: такъ какъ только въ надеждѣ на Него и покусился я коснуться того, что выше меня, и изложилъ, что былъ

въ силахъ, изъ любви къ Нему. Да будетъ все сіе во славу Его и во спасеніе намъ смиреннымъ, такъ какъ Ему—единому въ Троицѣ Богу мы и посвятили это,—молитвами Приснодѣвы и Пресвятыя, Преславныя Богородицы, богопріятныхъ и святыхъ Ангеловъ, богопроповѣдниковъ—блаженныхъ Апостоловъ, богоносныхъ и всеосвященныхъ Іерарховъ, добропобѣдныхъ Мучениковъ, Преподобныхъ и Праведныхъ, и всѣхъ отъ вѣка и до скончанія вѣка святыхъ рабовъ Его. Яко Ему подобаетъ всякая слава, величество и велелѣпіе, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, единому въ Троицѣ Богу, единому естеству, власти и силѣ въ трехъ нераздѣльныхъ и несліянныхъ Ѵпостасяхъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Глава. стр.

О священнодѣйствіи св. мура.

О священной литургіи.

О святомъ храмѣ и освященіи его.

Глава. стр.

О покаяніи.

О честномъ законномъ бракѣ.

О священномъ таинствѣ елея, или о елеосвященіи.

II.

Св. Симонъ, епископъ владимірскій, котораго лѣтописи называютъ учительнымъ, жилъ нѣсколько послѣ св. Кирилла туровскаго, но также принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ писателей Церкви, хотя и въ другомъ родѣ. Отъ него сохранилось только одно нравственно-историческое сочиненіе, которое отличается свѣтлостію взгляда на предметы, вѣрностію сужденій, простотою и безъискусственностію, какъ въ мысляхъ, такъ и въ слогѣ, и глубокою назидательностію ([252]). Это—посланіе св. Симона къ черноризцу печерскому Поликарпу. Поводъ къ написанію посланія подалъ самъ Поликарпъ. Онъ былъ молодой инокъ, постриженникъ кіево-печерскаго монастыря; нѣсколько времени жилъ при св. Симонѣ, пользовался его расположенностію и пастырскими бесѣдами; потомъ возвратился въ родную обитель. Но здѣсь, еще не твердый въ монашескихъ подвигахъ, увлекся видами честолюбія: два раза оставлялъ св. обитель, чтобы игуменить, въ первый разъ въ монастырѣ Космодаміанскомъ, въ другой—въ монастырѣ Димитріевскомъ, и даже желалъ достигнуть сана епископскаго, при содѣйствіи супруги князя Ростислава Мстиславича—Верхуславы. При такомъ настроеніи мыслей, живя снова въ печерской обители по возвращеніи изъ Димитріевскаго монастыря, Поликарпъ

([252]) Татищевъ считаетъ еще св. Симона однимъ изъ продолжателей Несторовой Лѣтописи и говоритъ даже, будто пользовался спискомъ Симоновой Лѣтописи (—1, 58). Но такъ какъ эта лѣтопись до насъ не дошла: то мы и не въ состояніи судить, достовѣрно ли свидѣтельство Татищева.

неохотно покарялся настоятелю, не хотѣлъ принимать участія въ общей церковной молитвѣ, былъ недоволенъ распоряженіями иконома и крайне огорчался разными оскорбленіями отъ нѣкоторыхъ братій. Всѣ эти досады свои онъ изобразилъ въ письмѣ къ св. Симону, и Симонъ съ отеческою любовію подвигся, чтобы уврачевать больную душу юнаго друга, и написалъ (1225—1226 г.) къ нему свое обширное, пастырски наставительное посланіе ([253]). Въ посланіи можно различать три главныя части.

Первая, которая составляетъ какбы вступленіе въ посланіе, почти вся нравоучительная: содержитъ въ себѣ разныя наставленія, направленныя противъ душевныхъ недуговъ Поликарпа, хотя по мѣстамъ ссылается и на исторію. «Братъ, пишетъ св. Симонъ, сядь въ безмолвіи, собери умъ свой и скажи въ себѣ: о, убогій иноче! Не оставилъ ли ты міра и по плоти родителей ради Господа? Если же, и пришедши сюда для спасенія, ты не духовное творишь: то для чего облекся въ иночество? Не избавятъ тебя отъ муки черныя ризы, если живешь не почернечески. Знаешь ты, какъ величаютъ тебя здѣсь князья, бояре и всѣ друзья твои, говоря:

([253]) Посланіе написано или къ концу 1225 г., или въ началѣ 1226: потому что Симонъ здѣсь упоминаетъ уже о созданной имъ въ Суздалѣ соборной церкви, которая, по свидѣтельству Лаврентіевской Лѣтописи, создана и освящена именно въ 1225 г. сентября 8, а въ слѣдующемъ году 22 мая Симонъ скончался (П. Собр. Р. Лѣт. 1, 190). Посланіе Симона сохранилось наиболѣе въ рукописныхъ кіево-печерскихъ Патерикахъ, впрочемъ, по одной редакціи,—безъ первой части, а по другимъ—безъ последней, такъ что полное понятіе объ этомъ посланіи можно получить только чрезъ снесеніе списковъ его разныхъ редакцій (См. мою статью: Обзоръ редакцій кіево-печерскаго Патерика, преимущественно древнихъ, въ Изв. Имп. Ак. Наук. въ отд. Р. яз. и Слов. т. V, 130—158).

«блаженъ онъ, что возненавидѣлъ міръ и славу его, уже не печется ни о чемъ земномъ, желая небеснаго». А живешь не помонашески. Великій стыдъ объемлетъ меня за тебя. Что, если ублажающіе насъ предварятъ насъ въ царствіи небесномъ и будутъ въ покоѣ, а мы, мучимые горько, будемъ вопіять? Кто помилуетъ тебя, когда самъ ты себя погубилъ? Воспряни, братъ, и попекись мысленно о душѣ своей; работай Господеви со страхомъ и со всякимъ смиренномудріемъ. Не будь— нынѣ кротокъ, а завтра яръ и золъ; не надолго молчаливъ, а потомъ опять склоненъ къ роптанію на игумена и его служителей. Не будь лживъ и, подъ предлогомъ болѣзни, не отлучайся отъ собранія церковнаго. Ибо, какъ дождь раститъ сѣмя, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла. Что ни дѣлаешь въ келліи, не имѣетъ такой силы, какъ совершаемое въ церкви. Читаешь ли Псалтирь, или поешь 12 псалмовъ,— это не сравняется съ однимъ соборнымъ пѣніемъ: Господи, помилуй. Вспомни, братъ, что и верховный апостолъ Петръ, самъ церковь Бога живаго, когда былъ взятъ Иродомъ и посаженъ въ темницу, не молитвами ли церковными избавленъ отъ руки Ирода? И Давидъ молитвенно говоритъ: *едино просихъ отъ Господа, то взыщу, еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего и зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ святый его* (Пс. 26, 4). Да и самъ Господь сказалъ: *храмъ мой храмъ молитвы наречется* (Мѳ. 21, 31); *идѣже бо еста два или тріе собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ* (18, 20). А когда собирается такой соборъ — болѣе ста человѣкъ братіи: тѣмъ болѣе вѣруй, что посреди ихъ Господь Богъ нашъ. Отъ церковнаго огня пріуготовляется и обѣдъ ихъ, котораго

одна крупица для меня вожделеннѣе всего, что предо мною. Свидѣтельствуюсь Господомъ, что не желалъ бы вкушать иного брашна, кромѣ укруха хлѣба и гороху, приготовленнаго для святой братіи. А ты, братъ, не дѣлай такъ, что нынѣ хвалишь соучастниковъ трапезы, а завтра ропщешь на повара и служащаго брата и тѣмъ оскорбляешь начальствующаго. Терпи, братъ, и досажденіе: *претерпѣвый бо до конца, той спасется* (Мат. 24, 13). Если и случится тебѣ быть оскорбленнымъ, и кто нибудь прійдетъ и скажетъ тебѣ: такой-то очень не хорошо говорилъ о тебѣ; скажи вѣстнику: хотя онъ и укорилъ меня, но онъ мой братъ, я достоинъ этого, и онъ не самъ собою дѣлаетъ, но врагъ его подучилъ, чтобы разссорить насъ между собою, Господь да поразитъ лукаваго, а брата да помилуетъ. Скажешь: онъ въ лице оскорбилъ меня предъ всѣми. Не смущайся, чадо, и не предавайся скоро гнѣву, но, падши до земли, поклонись брату и скажи ему: прости меня. Исправь въ себѣ прегрѣшеніе, и побѣдишь всю силу вражію. Если на поношеніе будешь отвѣчать грубостію: то вдвойнѣ досадишь себѣ. Развѣ ты болѣе царя Давида, котораго Семей поносилъ въ лице? А онъ намѣревавшемуся отмстить за него слугѣ своему сказалъ: не дѣлай сего, да видитъ Господь смиреніе мое и воздастъ ми благая, клятвы его ради.—Вспомни, чадо, и большее, какъ Господь смирилъ Себя, бывъ послушливъ до смерти Отцу своему; *стражда не прещаше* (1 Петр. 2, 23); слыша хулы: *бѣса имаши*, по лицу біемый, заушаемый, оплеваемый, не гнѣвался, но и за распинающихъ молился и тебя научилъ молиться за враговъ: *любите*, сказалъ, *враги ваша, добро творите ненавидящимъ*

васъ, благословите кленущія вы, молитеся за творящія вамъ напасть (Мѳ. 5, 44). Довольно, братъ, и того, что ты сдѣлалъ по своей гордости: теперь тебѣ слѣдуетъ оплакивать то, что, оставивъ святый монастырь и св. отцевъ Антонія и Ѳеодосія и св. черноризцевъ, которые съ ними, взялся быть игуменомъ въ монастырѣ св. Безмездниковъ. Хорошо ты поступилъ, когда вскорѣ оставилъ это начинаніе и не далъ плещи врагу своему, который хотѣлъ погубить тебя. Развѣ ты не знаешь, что дерево не поливаемое, но часто пересаживаемое, скоро засыхаетъ? И ты, отказавшись отъ послушанія отцу и братіи своей, скоро погибъ бы: овца въ стадѣ безопасна, а отдѣлившись отъ стада, скоро гибнетъ отъ волковъ. Тебѣ бы прежде надлежало размыслить, для чего ты хотѣлъ выйдти изъ святой, блаженной и честной обители печерской, гдѣ такъ удобно всякому желающему спастись. Я думаю, братъ, что самъ Богъ попустилъ сему быть въ наказаніе твоей гордости,—за то, что ты не захотѣлъ служить мужу святому, своему господину, а нашему брату, архимандриту Акиндину, игумену печерскому. Печерскій монастырь, какъ море, не содержитъ въ себѣ гнилаго, но извергаетъ вонъ. А что писалъ ты ко мнѣ о своей досадѣ, — горе тебѣ: ибо ты погубилъ свою душу. Спрашиваю тебя: чѣмъ ты хочешь спастися? Будь ты постникъ, всегда трезвенъ и нищъ, проводи ночи безъ сна: но если не переносишь оскорбленій, не спасешься. Порадовались было о тебѣ игуменъ и вся братія, и мы утѣшились вѣстію о твоемъ обрѣтеніи. Но ты и еще попустилъ быть твоей волѣ, а не волѣ игумена, захотѣлъ еще разъ быть игуменомъ у святаго Димитрія, хотя никто тебя не принуждалъ;

ни игуменъ, ни князь, ни я. И вотъ теперь ты уже испыталъ... Пойми же, братъ, что Богу не угодно твое старѣйшинство, и потому Онъ послалъ тебѣ слабость зрѣнія. Но и этимъ ты не вразумился, чтобы сказать: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научуся оправданіемъ твоимъ*. Я вижу, что ты самолюбецъ и ищешь славы отъ людей, а не отъ Бога. Развѣ я недостоинъ, говоришь ты, такого сана? Чѣмъ я хуже, напримѣръ, иконома или кого другаго?.. Пишетъ ко мнѣ супруга князя Ростислава Верхуслава, желая видѣть тебя епископомъ въ Новгородѣ на мѣсто Антонія, или въ Смоленскѣ на мѣсто Лазаря, или въ Юрьевѣ на мѣсто Алексія, и говоритъ: я готова ради тебя и Поликарпа истратить хотя бы до тысячи серебра. Но я отвѣчалъ ей: дочь моя Анастасія! Дѣло не богоугодное хочешь ты сдѣлать. Еслибы Поликарпъ остался въ монатсырѣ и съ чистою совѣстію, въ послушаніи игумену и всей братіи, въ совершенномъ воздержаніи проводилъ жизнь: то не только во святительскую одежду былъ бы облеченъ, но удостоился бы и небеснаго царства. А ты, братъ, епископства ли пожелалъ? Добра дѣла желаеши, но прочитай, что говоритъ апостолъ Павелъ къ Тимоѳею, и подумай, находишь ли ты въ себѣ тѣ качества, какія долженъ имѣть епископъ. Еслибы ты былъ достоинъ такого сана: я не пустилъ бы тебя отъ себя, но своими руками поставилъ бы тебя намѣстникомъ въ обѣ епископіи: во Владиміръ и въ Суздаль, какъ хотѣлъ князь Георгій; но я не согласился... Братъ, не въ томъ совершенство, чтобы быть славимымъ отъ всѣхъ, но въ томъ, чтобы исправить свое житіе и явить себя чистымъ. Изъ печерскаго монастыря многіе поставле-

ны во епископовъ. Какъ отъ самаго Христа Бога нашего Апостолы посланы были во всю вселенную: такъ отъ Его Матери Госпожи нашей Богородицы, изъ монастыря Ея, многіе поставлены были во епископовъ по всей землѣ Русской. Первый—ростовскій Леонтій, великій святитель, котораго Богъ прославилъ нетлѣніемъ. Это былъ первый престольникъ, котораго невѣрные много мучили и били, и онъ сталъ третьимъ гражданиномъ русскаго міра, получивъ вмѣстѣ съ двумя варягами вѣнецъ отъ Христа, ради котораго пострадалъ. О Иларіонѣ митрополитѣ ты самъ читалъ въ житіи св. Антонія, что имъ онъ постриженъ и послѣ того сподобился священства. Послѣ нихъ поставлены были епископами: Николай и Ефремъ въ Переяславль, Исаія въ Ростовъ, Германъ въ Новгородъ, Стефанъ во Владиміръ, Нифонтъ въ Новгородъ, Маринъ въ Юрьевъ, Мина въ Полоцкъ, Николай въ Тмутараканъ, Θеоктистъ въ Черниговъ, Лаврентій въ Туровъ, Лука въ Бѣлгородъ, Ефремъ въ Суздаль. Если хочешь знать обо всѣхъ: прочти старую лѣтопись ростовскую, и найдешь, что всѣхъ было болѣе 30, а если считать далѣе и до насъ грѣшныхъ, то, думаю, будетъ около 50. Пойми жъ, братъ, какова слава того монастыря, и, утвердившись, покайся и возлюби тихое и безмятежное житіе, къ которому Господь привелъ тебя: я бы радъ оставить епископство и служить игумену въ томъ святомъ печерскомъ монастырѣ, но знаешь, что удерживаетъ меня... Кто не знаетъ, что у меня, грѣшнаго епископа Симона, соборная церковь во Владимірѣ, красота города, а другая въ Суздалѣ, которую я самъ создалъ? Сколько онѣ имѣютъ городовъ и селъ! И десятину собираютъ по всей землѣ той, и всѣмъ этимъ

владѣетъ наша худость. Но предъ Богомъ скажу тебѣ: всю сію славу и власть за уметы вмѣнилъ бы, еслибы мнѣ хоть коломъ торчать за воротами и соромъ валяться въ печерскомъ монастырѣ, и быть попираему людьми. Одинъ день въ дому Божіей Матери лучше тысячи лѣтъ временной чести; въ немъ хотѣлъ бы я жить лучше, нежели въ селеніяхъ грѣшничихъ». Такъ оканчивается первая часть посланія св. Симона, нравоучительная.

Вторую часть можно назвать преимущественно историческою: то, чему прежде онъ училъ Поликарпа общими наставленіями, то самое теперь старается представить ему въ живыхъ назидательныхъ примѣрахъ, которые всѣ заимствуетъ изъ исторіи печерской обители, дѣлая къ нему по мѣстамъ приличныя обращенія. Всѣхъ разсказовъ въ этой части девять. Первый находится въ ближайшей связи съ предыдущею частію, въ концѣ которой св. Симонъ выразилъ такую горячую любовь свою къ печерской обители. «И вотъ, продолжаетъ онъ, теперь я разскажу тебѣ, братъ, почему я имѣю такое усердіе и вѣру къ св. Антонію и Ѳеодосію». Сущность разсказа слѣдующая: при игуменѣ Пименѣ жилъ въ печерской обители великій подвижникъ, пресвитеръ Онисифоръ Прозорливецъ. У него былъ духовный сынъ—одинъ изъ иноковъ, пользовавшійся его любовію, который, хотя по наружности старался подражать своему руководителю, но на самомъ дѣлѣ жилъ весьма недостойно. Этотъ инокъ внезапно скончался, и смрадъ отъ тѣла его былъ такъ великъ, что братія съ трудомъ могли отпѣть его и похоронить въ пещерѣ. На туже ночь явился Онисифору преп. Антоній и сказалъ: «какъ вы осмѣлились погребсти та-

кого беззаконника въ святой пещерѣ? Извергните его вонъ». На слѣдующую ночь повторилось тоже видѣніе. Онисифоръ и игуменъ рѣшились было уже исполнить повелѣніе Антонія, какъ онъ снова явился Онисифору и возвѣстилъ: «я смиловался надъ душею умершаго брата, ибо не могу преступить даннаго мною вамъ обѣта, что всякъ, положенный здѣсь, будетъ помилованъ, хотя я и грѣшенъ». Вскорѣ и игуменъ, пламенно молившійся о спасеніи усопшаго, удостоился услышать отъ Господа гласъ, что этотъ грѣшникъ, дѣйствительно, помилованъ по молитвамъ преп. Антонія и Ѳеодосія и другихъ св. Черноризцевъ печерскихъ, какъ и прежде по тѣмъ же молитвамъ помилованы многіе другіе грѣшные братія, положенные въ пещерахъ. Въ знаменіе же истины, тѣло недавно скончавшагося инока, доселѣ издававшее невыносимый смрадъ, начало разливать отъ себя благоуханіе. «Вотъ почему, заключаетъ повѣствователь, и я, грѣшный епископъ Симонъ, тужу и скорблю, и плачу и желаю скончаться тамъ, чтобы мнѣ положену быть въ божественной той перстн и получить хотя малую ослабу отъ многихъ грѣховъ моихъ по молитвамъ св. Отцевъ». Во второмъ, третьемъ и четвертомъ разсказахъ, желая еще болѣе показать важность печерскаго монастыря, св. Симонъ повѣствуетъ о нѣкоторыхъ великихъ подвижникахъ, просіявшихъ въ этой обители, и именно: о преп. Евстратіѣ—постникѣ, который, будучи взятъ въ плѣнъ и проданъ жидамъ, потерпѣлъ отъ нихъ крестную смерть за имя Христово въ самый день пасхи и потомъ своими чудесами обратилъ ихъ ко Христу; о преп. Никонѣ Сухомъ, который, находясь долгое время въ плѣну у одного Половчанина и чудесно спасшись отъ плѣна, до

того поразилъ бывшаго своего господина, что онъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, не только принялъ вѣру Христову, но и постригся въ печерской обители: о преп. Кукшѣ, сотворившемъ многія чудеса, крестившемъ Вятичей и потерпѣвшемъ отъ нихъ мученическую смерть съ ученикомъ своимъ, и о преп. Пименѣ—постникѣ, обладавшемъ даромъ пророчества и исцѣленій. При этомъ, обращаясь къ Поликарпу, св. Симонъ говоритъ: «но какъ возмогу я, братъ, повѣдать тебѣ о св. мужахъ, бывшихъ въ честномъ и блаженномъ печерскомъ монастырѣ, ради которыхъ и язычники крестились и дѣлались иноками, и Іудеи принимали св. вѣру?. Гораздо болѣе сего ты уже слышалъ отъ меня грѣшнаго Симона, худшаго изъ епископовъ, который недостоинъ быть даже подножіемъ тѣхъ св. Черноризцевъ.... Потому не стану много говорить о нихъ: если для тебя недостаточно того, что передалъ я тебѣ въ устной бесѣдѣ, то и писаніе не убѣдитъ тебя»... Несмотря однакожъ на такой оборотъ рѣчи, Симонъ продолжаетъ убѣждать Поликарпа новыми примѣрами, чтобы онъ не оставлялъ печерской обители, повиновался игумену и не искалъ ни епископства, ни настоятельства въ какомъ либо монастырѣ: къ этому направлены два слѣдующіе разсказа. Въ пятомъ разсказѣ повѣствуется о преп. Аѳанасіѣ затворникѣ, который, скончавшись, чрезъ два дня снова ожилъ, и когда братія просили его преподать имъ наставленіе, то сказалъ: «имѣйте во всемъ послушаніе къ игумену, кайтесь непрестанно и молитесь, чтобы вамъ скончаться здѣсь и быть погребеннымъ въ пещерѣ». Послѣ того онъ подвизался еще двѣнадцать лѣтъ въ затворѣ и предъ смертію повторилъ братіи тоже самое наставленіе. Надъ

гробомъ его нѣкто Вавила получилъ исцѣленіе. «Если же, замѣчаетъ св. Симонъ, сказанное мною покажется кому либо невѣроятнымъ: тотъ пусть прочтетъ житія св. отецъ нашихъ Антонія и Θеодосія, начальниковъ русскаго монашества, и тогда увѣруетъ... А тебѣ, братъ, даю совѣтъ: утвердись благочестіемъ въ св. монастырѣ печерскомъ, не желай ни власти, ни игуменства, ни епископства, и для твоего спасенія достаточно будетъ, если ты скончаешься въ этой обители»... Въ шестомъ разсказѣ излагается подробная исторія о черниговскомъ князѣ Николаѣ Святошѣ, который, оставивъ княженіе и славу, честь и богатство, семейство и всѣхъ слугъ, сдѣлался простымъ инокомъ, проходилъ разныя степени послушанія, начиная съ самыхъ низшихъ, и послѣ многолѣтнихъ подвиговъ свято почилъ въ печерской обители. По окончаніи разсказа читаемъ: «и опять къ тебѣ обращу слово. Что ты такое сдѣлалъ? Богатство ли оставилъ? Но ты не имѣлъ его. Славу ли? Но ты ею не пользовался; напротивъ, изъ убожества ты теперь перешелъ къ славѣ и всему благому. Подумай объ этомъ князѣ: подобнаго ему никто изъ князей русскихъ не сотворилъ... Какъ же сравнится твоя укоризна съ его власяницею?... Вчера ты вступилъ въ иночество и уже измѣняешь ему; не навыкнувъ подвижничеству, желаешь епископства; не научившись самъ покорности, хочешь всѣхъ смирить.... Пробудись, братъ, и внимательно размысли о своемъ житіи, имѣя умъ и сердце неподвижными отъ сего святаго мѣста». Въ седьмомъ и осьмомъ разсказахъ св. Симонъ учитъ Поликарпа нестяжательности или отреченію отъ богатства: въ седьмомъ— примѣромъ черноризца Эразма, который, пожертвовавъ на украшеніе печерской церкви все свое имущество,

стяжалъ себѣ обѣтованіе славы въ царствѣ небесномъ; въ осьмомъ — примѣромъ черноризца Ареѳы, которому украденное у него богатство вмѣнено было въ милостыню, когда онъ, отрекшись отъ пристрастія къ потеряннымъ сокровищамъ, пересталъ роптать, напротивъ благодарилъ Бога, повторяя съ Іовомъ: *Господь даде, Господь отъя, буди имя Господне благословенно*... «Зная это, братъ, говоритъ св. Симонъ, не думай, будто ты всуе истратилъ, что имѣлъ: предъ Богомъ все изочтено, даже до мѣдницы. Ты устроилъ двое дверей въ великой печерской церкви пресв. Богородицы: и тебѣ отверзетъ Богъ двери милости своей..... Ты самъ сказалъ мнѣ: лучше я истрачу, что имѣю, на церковныя нужды, чтобы оно не было взято у меня войною, или татями, или огнемъ. Я похвалилъ твое доброе произволеніе. Обѣщался: такъ исполни... А если случится, что ты или окраденъ будешь татями, или лишишься всего во дни брани: то отнюдь не ропщи, не смущайся, но прославь за сіе Бога и скажи: *Господь даде, Господь отъя*». Наконецъ, девятый разсказъ о Титѣ—попѣ и Евагріѣ—діаконѣ направленъ къ уврачеванію еще одной душевной немощи Поликарпа—нетерпѣливости къ обидамъ. Титъ и Евагрій жили сначала въ величайшей любви между собою, такъ что удивляли всѣхъ; потомъ врагъ—діаволъ смутилъ ихъ, и они до того стали ненавидѣть другъ друга, что многократныя попытки братіи примирить ихъ оставались тщетными. Титъ первый смягчился сердцемъ, подвергшись тяжкой болѣзни, и со слезами просилъ у Евагрія прощенія: но Евагрій съ упорствомъ предъ всѣми сказалъ: «я никогда не примирюсь съ нимъ, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій». И внезапно палъ мертвымъ, невидимо

пораженный Ангеломъ, между тѣмъ какъ опасно больной Титъ вскорѣ совершенно выздоровѣлъ. «Блюдися, братъ, присовокупляетъ Симонъ, отъ этой страсти, не дай мѣста гнѣвному бѣсу: ибо кто кому повинется, тотъ тому и поработаетъ. Но скоро, падши, поклонись враждующему противъ тебя, да не преданъ будешь немилостивому Ангелу. Да сохранитъ тебя Господь отъ всякаго гнѣва, по сказанному: *солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ*» (Еф. 4, 27).

Третья и послѣдняя часть посланія Симонова также вся содержанія историческаго; только обращена уже не къ одному Поликарпу, а и ко всѣмъ вѣрующимъ. «Но перейду,—такъ начинается она,—и къ другимъ сказаніямъ, *да увѣдаютъ вси*, что промысломъ самаго Господа и волею и молитвою Его Пречистой Матери создалась и совершилась боголѣпная и великая церковь св. Богородицы печерская, архимандритія всей земли Русской, лавра св. Ѳеодосія». Въ этой части можно различать шесть отдѣльныхъ сказаній: первое о Шимонѣ—Варягѣ, его сношеніяхъ съ преп. Антоніемъ и Ѳеодосіемъ печерскимъ и о бывшихъ ему чудесныхъ видѣніяхъ касательно будущей великой печерской церкви; второе—о мастерахъ, чудесно присланныхъ изъ Царьграда Божіею Матерію для построенія великой печерской церкви и принесшихъ съ собою для нея мощи св. седьми Мучениковъ и икону Богоматери; третье—о чудесныхъ обстоятельствахъ самаго основанія и сооруженія печерской церкви; четвертое—о живописцахъ, чудесно присланныхъ изъ Царьграда для украшенія этой церкви и о знаменіяхъ, бывшихъ при ея украшеніи; пятое—о чудѣ, совершившемся въ новосозданной печерской церкви отъ иконы Богоматери надъ Кіевляниномъ

Сергіемъ, который хотѣлъ было утаить порученное ему на время умершимъ другомъ сребро и золото; шестое—о чудесныхъ обстоятельствахъ торжественнаго освященія печерской церкви. Должно, однакожъ, сознаться, что, хотя эта третья часть обращена, по видимому, ко всѣмъ христіанамъ и въ ней почти нѣтъ обращеній къ Поликарпу, но она, какъ и предыдущая часть, проникнута тою же главною мыслію—показать Поликарпу высокую важность кіево-печерской лавры и убѣдить его, чтобы онъ не оставлялъ такой святой и чудотворной обители и рѣшился подвизаться въ ней до самой своей кончины. Въ заключеніи св. Симонъ говоритъ: «и еще многое я написалъ бы тебѣ, братъ Поликарпъ; но лѣта мои препятствуютъ мнѣ продолжать повѣсть. Будь здоровъ и спасай душу свою. Господь да сохранитъ тебя во вся дни живота твоего, молитвами св. Богородицы и св. Антонія и Θеодосія».

Особенную цѣну посланію св. Симона, какъ сочиненію историческому, придаетъ то, что онъ почти вездѣ указываетъ источники, которыми пользовался, и источники достовѣрные. Объ однихъ лицахъ и событіяхъ, напримѣръ, объ Ареѳѣ и ужасной смерти Евагрія, онъ говоритъ, какъ очевидецъ; о другихъ, какъ объ Эразмѣ, слышалъ отъ очевидцевъ; о третьихъ слышалъ изъ вторыхъ устъ: напримѣръ объ исцѣленіи Вавилы при гробѣ Аѳанасія Затворника передали ему лица, которыя слышали о томъ отъ самаго Вавилы. Въ нѣкоторыхъ разсказахъ: объ Онисифорѣ, Кукшѣ, Пименѣ, Николаѣ Святошѣ—онъ ссылается на живыя и общеизвѣстныя преданія, сохранявшіяся въ печерской обители. Еще въ нѣкоторыхъ ссылается на синодики этой обители, на иконы, книги и другія вещи,

хранившіяся въ ней отъ извѣстныхъ лицъ. Наконецъ, нѣсколько разъ указываетъ на какое-то Житіе преп. Антонія, до насъ не дошедшее, и на Житіе преп. Өеодосія, составленное Несторомъ ([254]). Потому-то посланіе св. Симона къ Поликарпу, кромѣ литературнаго своего достоинства, имѣетъ для насъ высокую важность и какъ одинъ изъ драгоцѣнныхъ источниковъ нашей церковной исторіи.

Какбы продолженіемъ посланія Симонова къ Поликарпу служитъ посланіе самаго Поликарпа къ кіево-печерскому архимандриту Акиндину. Какбы продолженіемъ: потому что Поликарпъ, дѣйствительно, продолжаетъ писать о томъ же предметѣ, о которомъ писалъ и Симонъ,—о кіево-печерской обители, и повѣствуетъ именно о тѣхъ печерскихъ черноризцахъ, о которыхъ Симонъ еще не написалъ; а съ другой стороны,—и потому, что въ своихъ сказаніяхъ Поликарпъ почти исключительно пользуется тѣмъ, что слышалъ прежде изъ устъ Симона, изрѣдка только ссылаясь на неизвѣстное намъ Житіе преп. Антонія. Слѣд. Поликарпу принадлежитъ это посланіе болѣе по формѣ, а содержаніемъ своимъ оно обязано преимущественно Симону. Трогательныя убѣжденія послѣдняго, вѣроятно, глубоко подѣйствовали на воспріимчивую душу юнаго Поликарпа: онъ остался жить въ печерской обители простымъ черноризцемъ, началъ повиноваться настоятелю своему Акиндину и по его-то желанію принялъ на себя и выполнилъ настоящій письменный трудъ (ок. 1230)

([254]) Всѣ эти ссылки Симона на источники, какими онъ пользовался, напечатаны въ подлинникѣ въ изслѣдованіи г. *Кубарева* о Патерикѣ печерскомъ (Чт. Моск. Истор. Общ. 1847, IX, отд. 1, 12—15).

въ память и наученіе будущимъ инокамъ ([255]). Обстоятельства эти онъ излагаетъ самъ въ предисловіи къ посланію. «При содѣйствіи Господа,—такъ начинаетъ онъ, — къ твоему благоумію слово, пречестный архимандритъ всей Россіи, отецъ и господинъ мой Акиндинъ! Приклони жъ благопріятный слухъ твой, да возглаголю тебѣ о житіи, дѣяніяхъ и знаменіяхъ дивныхъ и блаженныхъ мужей, жившихъ въ святомъ печерскомъ монастырѣ, что слышалъ я о нихъ отъ епископа Симона, владимірскаго и суздальскаго, брата твоего и бывшаго черноризца того же печерскаго монастыря. Онъ разсказалъ мнѣ грѣшному о святомъ и великомъ Антоніѣ, начальникѣ русскихъ монаховъ, и о св. Θеодосіѣ, и о подвигахъ другихъ святыхъ и преподобныхъ Отцевъ, скончавшихся въ дому Преч. Божіей Матери: да послушаетъ твое благоразуміе моего младоумія и несовершеннаго смысла. Нѣкогда ты спросилъ меня и повелѣлъ мнѣ повѣдать тебѣ о дѣяніяхъ тѣхъ черноризцевъ; но самъ знаешь мою грубость и не добрый нравъ, какъ я всегда со страхомъ бесѣдую предъ то-

---

([255]) Опредѣлять съ точностію, когда написано посланіе Поликарпа, невозможно. Поликарпъ, по видимому, самъ даетъ для этого основаніе, когда, изложивъ житія Никиты Затворника, Лаврентія Затворника и Агапита Врача, говоритъ Акиндину: «се же речеся въ патнадесятое лѣто твоего игуменства, еже не бысть помяновено за 60 и 100 лѣтъ, нынѣ же твоея ради любве и утаеная слышана быша». Но въ какомъ году Акиндинъ сдѣлался игуменомъ, неизвѣстно: онъ упоминается только уже въ санѣ игумена и архимандрита подъ 1231 г., когда присутствовалъ при рукоположеніи ростовскаго епископа Кирилла (П. Собр. Р. Лѣт. 1, 194). Равнымъ образомъ, съ какого времени начинать счисленіе этихъ 160 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ оставалось въ забвеніи то, что теперь описано Поликарпомъ, онъ не означилъ. И посланіе Поликарпово, какъ Симоново, съ большею точностію сохранилось въ рукописныхъ Патерикахъ кіево-печерскихъ.

бою о всякой вещи: могъ ли же я пересказать тебѣ ясно о преславныхъ знаменіяхъ и чудесахъ? Кое-что не многое я сказалъ тебѣ отъ тѣхъ чудесъ, но гораздо болѣе я забылъ отъ страха и исповѣдалъ неразумно, стыдясь твоего благочестія. Посему я понудилъ себя теперь изложить тебѣ въ письмени о святыхъ и блаженныхъ Отцахъ печерскихъ, чтобы и будущіе послѣ насъ черноризцы увѣдали благодать Божію, бывшую въ этомъ святомъ мѣстѣ, и прославили Отца небеснаго, показавшаго такіе свѣтильники въ Русской землѣ и въ св. печерскомъ монастырѣ». Послѣ этого слѣдуетъ двѣнадцать отдѣльныхъ разсказовъ о великихъ подвижникахъ печерскихъ,—разсказовъ поучительныхъ и разнообразныхъ, которыхъ, однакожъ, мы пересказывать здѣсь не станемъ: потому что почти всѣми ими мы уже имѣли случай воспользоваться въ разныхъ мѣстахъ нашей исторіи. Здѣсь именно повѣствуется: а) о преп. Никитѣ Затворникѣ, бывшемъ впослѣдствіи епископомъ новгородскимъ; б) о преп. Лаврентіѣ Затворникѣ; в) о св. Агапитѣ, врачѣ безмездномъ; г) о св. Григоріѣ Чудотворцѣ; д) о многотерпѣливомъ Іоаннѣ Затворникѣ; е) о преп. Моусеѣ Угринѣ; ж) о черноризцѣ Прохорѣ Лебедникѣ; з) о блаженномъ Маркѣ Печерникѣ; и) о преп. отцахъ Өеодорѣ и Василіи; і) о Спиридонѣ просфорникѣ и Алимпіѣ иконописцѣ; к) о преподобномъ и многострадальномъ Пименѣ. Вообще, эти разсказы почти всѣ гораздо обстоятельнѣе и обширнѣе разсказовъ св. Симона: такъ какъ Симонъ имѣлъ въ виду опредѣленную цѣль и иногда упоминаетъ лишь объ одномъ или двухъ случаяхъ изъ жизни какого либо подвижника, въ назиданіе Поликарпу, а Поликарпъ старался, по возможности, начертать полныя

житія избранныхъ имъ Святыхъ. Нѣкоторые разсказы Поликарповы оканчиваются обращеніями къ Акиндину и нравственными соображеніями. Такъ, въ концѣ сказанія о Лаврентіѣ Затворникѣ, во дни котораго, по свидѣтельству одного бѣсноватаго, приведеннаго въ печерскій монастырь, жило здѣсь до тридцати черноризцевъ, имѣвшихъ власть надъ бѣсами, Поликарпъ замѣчаетъ: «вотъ почему я написалъ тебѣ, господинъ Акиндинъ, да не покроются тьмою невѣдѣнія дивныя чудеса, знаменія и исправленія тѣхъ блаженныхъ и преподобныхъ нашихъ Отцевъ, да увѣдаютъ и прочіе ихъ святое житіе и то, что въ одно время были такіе мужи, числомъ до тридцати, которые могли словомъ изгонять бѣсовъ. Бѣсноватый сказалъ: «я не смѣю приблизиться къ пещерѣ ради положенныхъ въ ней отцевъ Антонія и Ѳеодосія и прочихъ св. Черноризцевъ, которыхъ имена написаны въ книгѣ животной». Блаженъ, кто удостоится быть положеннымъ вмѣстѣ съ ними! Блаженъ и спасенъ, кто сподобится быть написаннымъ вмѣстѣ съ ними! Да сподобитъ и меня Господь вмѣстѣ съ ними милости въ день судный молитвами твоими». Еще обширнѣе приложеніе въ житіи преп. Агапита: «такія-то, восклицаетъ Поликарпъ, и даже большія дѣла совершены тѣми священными черноризцами. И я, воспоминая добродѣтельное житіе ихъ, дивлюся, какъ доселѣ умолчаны были великія исправленія св. отца нашего Антонія. Если такое свѣтило угаснетъ по нашей небрежности: то какъ возсіяютъ отъ него лучи? Разумѣю препод. Отцевъ нашихъ печерскихъ. Но, по слову Господа: *нѣсть пророкъ честенъ во отечествіи своемъ* (Лук. 4, 24). Я бы готовъ написать тебѣ, честный архимандритъ, господинъ Акиндинъ,

объ упомянутыхъ св. Отцахъ и изобразить однихъ чудотворенія, другихъ исправленія, третьихъ крѣпкое воздержаніе, иныхъ послушаніе, еще иныхъ прозорливость, какъ слышалъ я отъ твоего собрата, а отъ моего господина, епископа Симона. Но нѣкоторымъ кажутся невѣроятными мои сказанія по величію самыхъ дѣлъ; а вина ихъ невѣрованія та, что они знаютъ меня Поликарпа, какъ грѣшника. Впрочемъ, если повелитъ твое преподобіе, я напишу, сколько мой умъ постигнетъ и память пособитъ, хотя и неудачно будетъ, да оставимъ написанное будущимъ послѣ насъ пользы ради, какъ и блаженный Несторъ написалъ въ Лѣтописцѣ о блаж. Отцахъ: Даміанѣ, Іереміи, Матоіѣ и Исакіѣ, и какъ въ Житіи св. Антонія вписаны всѣ житія ихъ, хотя и кратко. Я скажу о преждеупомянутыхъ черноризцахъ ясно, а не въ тайнѣ, какъ сказалъ уже о другихъ: ибо, если я умолчу, то они останутся забвенными навсегда, и имена ихъ не помянутся, какъ было до сего дня. Вотъ я сказалъ объ нихъ въ 15-е лѣто твоего игуменства, а впродолженіе 160 лѣтъ доселѣ не было имъ поминовенія. Нынѣ только, по твоей любви, утаенное сдѣлалось извѣстнымъ, и память любящихъ Бога присно чтится и восхваляется: потому что они Угодники Его и увѣнчались отъ Него. И я, грѣшный Поликарпъ, исполняя твою волю, державный Акиндинъ, написалъ тебѣ это. Но и еще исповѣмъ тебѣ нѣчто о блаженномъ и преподобномъ отцѣ нашемъ Григоріѣ Чудотворцѣ». Нѣкоторые другіе разсказы Поликарповы, не имѣющіе подобныхъ приложеній въ концѣ, имѣютъ ихъ въ началѣ. Напримѣръ, житіе преп. Марка Печерника начинается такъ: «мы, грѣшные, подражаемъ древнимъ жизнеописателямъ. Но

они употребляли много труда, странствовали въ пустыняхъ и горахъ и пропастяхъ земныхъ, и однихъ изъ преподобныхъ мужей, о которыхъ писали, видѣли сами, а о другихъ—о ихъ жизни, чудесахъ и богоугодныхъ дѣлахъ слышали отъ преждебывшихъ Отцевъ, и такимъ образомъ составили Патерикъ, который мы читая, наслаждаемся тѣми духовными словами. Я же, недостойный, и разума истины не постигъ, и ничего такого не видѣлъ, а только послѣдуя мною слышанному отъ епископа Симона, написалъ это твоему отчеству. Я никогда не обходилъ св. мѣстъ, не видѣлъ ни Іерусалима, ни Синайской горы, дабы приложить что нибудь къ моей повѣсти, какъ имѣютъ обычай украшаться хитрословесники. Я же не хочу хвалиться ничѣмъ, какъ только св. монастыремъ печерскимъ и бывшими въ немъ св. Черноризцами, ихъ житіемъ и чудесами, которыя воспоминаю съ радостію: ибо и я, грѣшный, желаю молитвы тѣхъ св. Отцевъ. Отсюда начну повѣсть о преп. Маркѣ Печерникѣ».... Подобныя же краткія вступленія, впрочемъ болѣе нравственнаго содержанія, есть и еще при четырехъ Житіяхъ, помѣщенныхъ въ посланіи Поликарпа.

Какъ памятникъ литературный, это посланіе уступаетъ въ достоинствѣ посланію св. Симона. Разсказъ у Поликарпа также простъ, естественъ, но менѣе проникнутъ теплотою чувства и болѣе растянутъ; слогъ не столько точенъ и правиленъ и замѣтно страждетъ многословіемъ; самыя мысли въ тѣхъ случаяхъ, когда Поликарпъ позволяетъ себѣ говорить отъ своего лица, менѣе зрѣлы и послѣдовательны, нежели у св. Симона. Но, какъ сочиненіе историческое, судя по источникамъ, какими пользовался Поликарпъ, посланіе его можетъ

быть поставлено совершенно наравнѣ съ посланіемъ св. Симона, и, при единствѣ предмета и самыхъ источниковъ, оба посланія представляются какбы двумя частями одного цѣлаго: они-то, какъ извѣстно, и послужили главною основою для кіево-печерскаго Патерика (256).

III

Не многія и не большія сочиненія другихъ нашихъ писателей того времени, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, можно раздѣлить на четыре класса. Къ первому отнесемъ описанія путешествій, ко второму—сочиненія историческія, къ третьему — церковныя поученія, къ четвертому — писанія каноническаго содержанія.

Описанія своихъ путешествій оставили намъ два соотечественника: новгородскій архіепископъ Антоній, въ мірѣ Добрыня Адрѣйковичъ, и кіево-печерскій архимандритъ Досиѳей. Первый находился въ Константинополѣ въ самомъ началѣ XIII в., еще будучи міряниномъ, видѣлъ городъ и знаменитый храмъ Софійскій еще до разграбленія ихъ крестоносцами (1204) и, по возвращеніи въ отечество, изложилъ въ письмени свои главныя впечатлѣнія (257). Онъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ, что видѣлъ въ Софійскомъ соборѣ большое служебное блюдо вел. княгини русской Ольги, обложенное снаружи жемчугомъ, а внутри имѣвшее драгоцѣнный камень съ изображеніемъ на немъ Хри-

(256) Обзоръ редакцій кіево-печерскаго Патерика, въ Изв. Имп. Ак. Наук. по втор. Отд. т. V, 130 и слѣд.

(257) О возвращеніи его изъ Царьграда въ отечество лѣтопись говоритъ подъ 1211 г. (—III, 31).

ста Спасителя; видѣлъ также на правой сторонѣ у алтаря большую икону св. мучениковъ русскихъ — Бориса и Глѣба, служившую цареградскимъ иконописцамъ образцомъ для списыванія; упоминаетъ о славныхъ греческихъ иконописцахъ: древнемъ—Лазарѣ и современномъ Павлѣ Хитромъ и о томъ, что иконописаніемъ занимался самъ цареградскій патріархъ. Къ сожалѣнію, это путешествіе, заключающее въ себѣ такія любопытныя свѣдѣнія, доселѣ не издано вполнѣ ([258]). Досиѳей, кіево-печерскій архимандритъ, былъ на Аѳонѣ въ первой четверти XIII в. и написалъ свое путешествіе въ отвѣтъ на сдѣланные ему кѣмъ-то вопросы о св. горѣ и жизни тамошнихъ иноковъ. Къ сожалѣнію, и изъ этого путешествія извѣстенъ пока одинъ слѣдующій отрывокъ: «послушники живутъ (на Аѳонѣ) по волѣ и благословенію старца. А братія, живущіе отдѣльно по своимъ келліямъ, держатъ во всю жизнь такое правило: всякій день прочитываютъ половину Псалтиря и по 600 молитвъ: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя.* Если кто хочетъ прибавить: въ его волѣ. Сверхъ того, полагаютъ отъ трехъ до пяти сотъ поклоновъ. Но и всякій часъ, сидя, ходя, лежа и дѣлая рукодѣліе, безпрестанно говорятъ съ воздыханіемъ сердечнымъ: Господи Іисусе Христе. Не умѣющіе граматѣ совершаютъ семь тысячъ молитвъ Іисусовыхъ, кромѣ поклоновъ и церковнаго правила. А немощнымъ легчайшее правило. Престарѣлымъ болѣе предписывается совершеніе молитвы Іисусовой и вниманіе умное, а поклоновъ по силѣ. Для Бога свято-

---

([258]) *Сахаровъ.* Изслѣдованіе о русскомъ иконописаніи, кн. II, стр. 10.— Достать копію съ этого путешествія, при всемъ стараніи, мы не могли.

горцы весьма любятъ и держатъ молчаніе и бѣгаютъ молвы, мятежа и бесѣдъ мірскихъ. Святые Отцы на Руси имѣютъ обычай въ великій постъ и въ другіе посты прочитывать всю Псалтирь, а кромѣ поста не читаютъ ни псалма. Но святогорцы живутъ не такъ: они одно правило держатъ во всю жизнь. Всякому брату надобно въ келліи имѣть иконостасъ или крестъ и передъ нимъ совершать установленное правило. Не умѣющій читать долженъ служить рукодѣліемъ, повиновеніемъ къ службѣ, съ отсѣченіемъ своей воли» ([259]).

Въ историческомъ родѣ сочиненій любили упражняться у насъ многіе. Доказательствомъ служатъ лѣтописи, какія велись тогда въ Кіевѣ, Новгородѣ, Суздалѣ и другихъ мѣстахъ Россіи преимущественно, какъ справедливо догадываются по самому характеру лѣтописей, лицами духовнаго званія ([260]). Имена трехъ изъ нихъ — Іоанна попа, пономаря Тимоѳея и игумена Нифонта, впослѣдствіи архіепископа новгородскаго, дошли до насъ, хотя два первые могли быть только переписчиками новгородскихъ лѣтописей, а о Нифонтѣ, какъ волынскомъ лѣтописцѣ, существуетъ одна произвольная догадка ([261]). Собственно по предмету церковной исторіи, кромѣ посланій Симона и Поликарпа,

---

([259]) Списки этого сочиненія есть въ библіотекахъ Троицкой Сергіевой Лавры и москов. Дух. Акад. (*Казанск.* Истор. Русск. мон. стр. 122, М. 1855. Прибавл. къ Твор. св. Отц. VI, 134—136). Снес. прим. 74.

([260]) *Соловьев.* Ист. Россіи, III, 140 и дал.

([261]) Въ первой новг. лѣтописи подъ 1230 г читается—по одному списку: «и мнѣ грѣшному Тимоѳею пономарю», а по другому: «и мнѣ грѣшному Іоанну попови» (П. Собр. Р. Лѣт. III, 47). Несомнѣнно, одинъ изъ нихъ былъ переписчикъ; а можетъ быть, и другой также вписалъ свое имя уже при перепискѣ лѣтописи, составленной неизвѣстнымъ. О Нифонтѣ догадки у *Татищ.* Истор. Росс. 1, 57.

явилось тогда у насъ два сочиненія: Житіе преп. Антонія Римлянина, написанное ученикомъ его Андреемъ, и Житіе преп. Авраамія смоленскаго, написанное ученикомъ его Ефремомъ.

Андрей былъ съ 1147 г. преемникомъ преп. Антонія Римлянина въ основанномъ имъ монастырѣ и подробно описываетъ жизнь своего учителя, намъ уже извѣстную, именно—повѣствуетъ о его рожденіи въ Италіи отъ благочестивыхъ родителей, о его постриженіи въ монашество въ одной изъ тамошнихъ пустынь, гдѣ скрывались православные иноки отъ притѣсненій Латинянъ, о его чудесномъ прибытіи морскимъ путемъ въ Новгородъ въ 1196 г., объ основаніи имъ здѣсь обители и построеніи церквей, о его сосудахъ и сокровищахъ, чудесно вынутыхъ изъ воды, о поставленіи его во игумена, его завѣщаніяхъ предъ кончиною и о кончинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Андрей говоритъ о самомъ себѣ въ первомъ лицѣ, что онъ принялъ ангельскій образъ въ обители Антонія и сначала былъ его послушникомъ и ученикомъ, а потомъ удостоился быть его отцемъ духовнымъ, что отъ него самаго слышалъ все, изложенное теперь въ его Житіи, которое и написалъ по его же завѣщанію и по волѣ новгородскаго архіепископа Нифонта. Должно, однако жъ, сознаться, что это Житіе, еще сохранившее слѣды своего первоначальнаго происхожденія, подверглось новой редакціи въ концѣ XVI вѣка. По открытіи мощей преп. Антонія Римлянина (1597 г.), одинъ инокъ основанной имъ обители, по имени Нифонтъ, которому поручено было описать чудеса новоявленнаго Угодника, написалъ вмѣстѣ и Житіе его, уже существовавшее, придавъ Житію такой видъ, чтобы оно могло быть съ большимъ благопри-

личіемъ читано въ церкви въ день его праздника. Для этого въ началѣ Житія Нифонтъ помѣстилъ обширное витіеватое вступленіе, въ которомъ приглашаетъ всѣхъ вѣрныхъ свѣтло праздновать новое торжество, учитъ, какъ должно праздновать его, и кратко восхваляетъ преп. Антонія; въ концѣ Житія прибавилъ цѣлое похвальное слово Угоднику и въ самомъ Житіи, отнюдь не усвояя его себѣ, напротивъ, предоставляя говорить въ немъ отъ собственнаго лица Андрею, сдѣлалъ однако жъ нѣкоторыя свои соображенія, которыя никакъ не могли принадлежать ученику преп. Антонія (262).

Житіе преп. Авраамія смоленскаго сохранилось въ большей цѣлости и не представляетъ ничего такого, что было бы несообразно съ обстоятельствами его происхожденія. Сочинитель этого Житія, инокъ Ефремъ, видимо подражалъ, особенно въ приступѣ, Житію преп. Ѳеодосія печерскаго, написанному Несторомъ, откуда заимствовалъ даже нѣкоторыя выраженія. Подобно Нестору, онъ начинаетъ свою повѣсть молитвою къ Богу, хотя менѣе искусною: «о, Пресвятый Царю, Отче

---

(262) Опис. рук. Рум. Муз. стр. 209; Опис. рукоп. Царск. стр. 63. Мы пользовались спискомъ Житія пр. Антонія, помѣщ. въ Сборн. новг. Соф. библ. XVI—XVII в. № 758, въ четв., л. 240—285. Сказавъ о томъ, какъ преп. Антоній предлагалъ «гривенный слитокъ серебра» рыболовамъ, прося ихъ закинуть неводъ въ Волховъ, безъ сомнѣнія, позднѣйшій редакторъ Житія присовокупилъ отъ себя: «понеже въ то время у новгородскихъ людей не бысть денегъ, но ліяша слитки сребряные, ово въ гривну, ово въ полтину, ово въ рубль, и тѣмъ куплю дѣяху». Этотъ же, конечно, редакторъ дополнилъ, будто преп. Антоній построилъ и росписалъ каменную церковь въ своемъ монастырѣ при епископѣ Никитѣ (чего въ подлинномъ Житіи, вѣроятно, не было сказано), тогда какъ св. Никита скончался въ 1108 г., а каменная церковь заложена Антоніемъ уже въ 1117 г. и росписана въ 1125 г. (П. С. Р. Лѣт. III, 4—5).

и Сыне и Святый Душе, искони сый, сотворивый вѣки, небо и землю, видимое и невидимое, и насъ отъ небытія въ бытіе приведый! Ты не восхотѣлъ презрѣть насъ во многой прелести міра сего, но послалъ для избавленія нашего своего единороднаго Сына..., который родился отъ Святой и Пречистой и неискусобрачной Приснодѣвы Маріи безсѣменно отъ Св. Духа, пожилъ на землѣ, какъ человѣкъ, потерпѣлъ страсть отъ твари своей и вкусилъ смерть на крестѣ, будучи безстрастенъ и безсмертенъ по Божеству; былъ положенъ во гробѣ, воскресъ въ третій день, явился своимъ ученикамъ, увѣрилъ ихъ многими знаменіями и чудесами, вознесся на небеса, низпослалъ оттуда Св. Духа на св. Апостоловъ и чрезъ нихъ просвѣтилъ и научилъ истинной вѣрѣ всѣ народы, оставивъ имъ обѣтованіе: *се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*. Нынѣ, прежде написанія (Житія), молюсь Тебѣ, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій: молитвами Пресвятыя и Пречистыя Дѣвы Маріи и всѣхъ небесныхъ силъ и всѣхъ Святыхъ, даруй мнѣ разумъ, просвѣщенный твоею благодатію; даруй мнѣ, худому и величайшему изъ всѣхъ грѣшниковъ, начать свѣтлый подвигъ и написать житіе бывшаго игумена монастыря сего — св. Владычицы нашей Богородицы, преп. Авраамія, котораго успеніе мы нынѣ празднуемъ, чтя его память». Затѣмъ жизнеописатель, подобно Нестору, обращается къ своей братіи и выражается почти его же словами: «такъ, братіе, когда я воспоминалъ о житіи Преподобнаго и видѣлъ, что оно не описано никѣмъ,—печаль одержала меня всякій день, и я молился Богу: Господи! Сподоби меня написать все по порядку о житіи богоноснаго отца нашего Авраамія, чтобы и имѣющіе быть послѣ

васъ черноризцы, читая жизнеописаніе и видя такого доблестнаго мужа, восхвалили Бога, прославили Угодника Его и укрѣплялись на дальнѣйшіе подвиги, особенно же въ этой странѣ, гдѣ явился такой мужъ и Угодникъ Божій». Наконецъ, переходя къ самому жизнеописанію, Ефремъ даже буквально повторяетъ молитву Нестора, стоящую на такомъ же мѣстѣ: «Владыко мой и Вседержитель, благихъ Податель, Отче Господа нашего І. Христа! Пріими на помощь мнѣ и просвѣти сердце мое на уразумѣніе заповѣдей твоихъ, и отверзи уста мои на исповѣданіе чудесъ твоихъ и на похваленіе Угодника твоего, да прославится имя твое святое, яко Ты еси помощникъ всѣхъ, уповающихъ на Тя». Слѣдующаго за этимъ приступомъ жизнеописанія преп. Авраамія мы пересказывать не будемъ: потому что сущность его уже изложена нами въ своемъ мѣстѣ. Замѣтимъ только, что здѣсь преп. Ефремъ почти вовсе не подражаетъ преп. Нестору, кромѣ нѣкоторыхъ оборотовъ рѣчи, по естественному различію самыхъ предметовъ, и что жизнеописаніе Авраамія несомнѣнно составлено современникомъ. Такъ, говоря о мѣстѣ постриженія преп. Авраамія, жизнеописатель выражается: «острижеся, яко мнози вѣдятъ, Св. Богородицы монастырь къ востоку, селище нарицаютъ е». Свидѣтельствуя далѣе, что, сдѣлавшись пресвитеромъ, Авраамій ежедневно совершалъ божественную службу, замѣчаетъ: «якоже и мнози вѣдятъ его бывша и до самое смерти». Описавъ наружный видъ Праведника, проситъ извиненія у братіи, оправдываясь тѣмъ, что сдѣлалъ это собственно «многихъ ради, иже его не видѣша и не слышаша». Упомянувъ, что преп. Авраамій украсилъ свой монастырь иконами, завѣсами и

свѣчами, прибавляетъ: «якоже и нынѣ есть видѣти всѣмъ притекающимъ»... и проч. Заключеніе послѣ Житія Авраамiева очень обширно и написано безъ всякаго подражанія Нестору. Здѣсь читаемъ: «я, грѣшный и недостойный Ефремъ, пребываю въ великой лѣности и не совершилъ никакихъ добрыхъ дѣлъ; называюсь именемъ черноризца, но злыми дѣлами далеко отстою отъ того..... И при жизни преп. Авраамія я былъ послѣднимъ изъ его учениковъ: потому что ни мало не слѣдовалъ его житію, терпѣнію, смиренію, любви, молитвѣ и всѣмъ его благимъ нравамъ и обычаямъ.... Онъ въ умиленіи плакалъ, а я веселился; онъ съ ревностію спѣшилъ на молитву, на чтеніе божественныхъ книгъ и славословіе въ церкви Божіей, а я предавался дреманію и глубокому сну....; онъ не празднословилъ и не осуждалъ, а я осуждалъ и празднословилъ; онъ любилъ памятовать страшный день суда, а я помышлялъ о трапезахъ и пирахъ....; онъ старался подражать житію св. Отецъ и уподобляться имъ, а я подражалъ пустымъ и суетнымъ обычаямъ злыхъ; онъ смирялъ себя и уничижалъ, а я увлекался веселіемъ и гордостію; онъ любилъ нищихъ и раздавалъ все требующимъ и сиротамъ, а я только собиралъ и никому не подавалъ, будучи побѣжденъ великою скупостію и немилосердіемъ..... Посему, отцы и братія, я не въ состояніи похвалить дивнаго и божественнаго нашего Отца, будучи грубъ и неразуменъ: его образъ свѣтелъ и радостенъ и достохваленъ, а мой образъ теменъ и лукавъ и безстуденъ»...... Послѣ этого Ефремъ обращается сначала къ Пресв. Богородицѣ и молитъ Ее о себѣ и о всей своей обители, посвященной Ея имени, а потомъ къ Господу Іисусу и говоритъ:

«пріими, Господи Іисусе Христе, и мое худое и умаленное моленіе—грѣшнаго и недостойнаго раба твоего Ефрема; помилуй меня и не отлучи отъ лика Преподобныхъ. Если я и много согрѣшилъ предъ Тобою и прогнѣвалъ Тебя болѣе всѣхъ: но я не знаю иного Бога, кромѣ Тебя, создавшаго всяческая.... Наставь и научи меня, Господи, творить волю твою и пошли благодать и помощь рабу твоему, да всегда сохраняемый Тобою, избавлюсь отъ всѣхъ нападеній врага. Подай и всему граду и рабу твоему руку помощи; не повели, Владыко, взять душу мою безъ покаянія отъ грѣшнаго тѣла, но пріими и малое мое покаяніе; воскреси и оживи меня, находящагося во многихъ грѣхахъ, молитвами Пресв. Богородицы и всѣхъ небесныхъ силъ». Окончивъ молитву къ Богу, Ефремъ снова обращается къ своимъ слушателямъ и продолжаетъ: «а мы нынѣ, празднуя память преподобнаго и блаженнаго отца нашего Авраамія, радуемся и восклицаемъ: радуйся, градъ, твердо оберегаемый и хранимый десницею Бога — Вседержителя! Радуйся, Пречистая Дѣво, Мати Божія: ибо градъ Смоленскъ всегда о Тебѣ свѣтло радуется и хвалится, избавляемый Тобою отъ всѣхъ бѣдъ. Радуйся, градъ Смоленскъ, избавляемый отъ всѣхъ находящихъ золъ молитвами Богородицы! Радуйтеся, Апостолы и Пророки, Мученики и Святители, Преподобные и Праведные и всѣ Святые, въ день успенія преп. отца Авраамія! Радуйтеся, пастыри и наставники Христова стада».... и такъ далѣе подробно призываются къ радости люди всѣхъ сословій и возрастовъ, живые и умершіе, ближніе и дальніе. Вообще, Житіе преп. Авраамія смоленскаго, написанное ближайшимъ ученикомъ его Ефремомъ, хотя достойно замѣчанія,

какъ литературный и вмѣстѣ исторический памятникъ первой половины XIII в., но не показываетъ въ авторѣ ни большихъ дарованій, ни умѣнья выражать свои мысли правильно, послѣдовательно и не многословно ([263]).

Нѣтъ сомнѣнія, что на поприщѣ церковнаго краснорѣчія, кромѣ святителя туровскаго Кирилла, подвизались тогда въ Россіи и другіе просвѣщенные пастыри. Это видно изъ представленныхъ уже нами отзывовъ о митрополитѣ Климентѣ Смолятичѣ и Кириллѣ I, и особенно о епископѣ ростовскомъ Кириллѣ и преп. Аврааміи смоленскомъ. Но поученія этихъ проповѣдниковъ до насъ не дошли, по крайней мѣрѣ, подъ ихъ именами ([264]). За то встрѣчаются въ рукописяхъ поученія

([263]) Мы пользовались спискомъ Житія преп Авраамія, помѣщеннымъ въ Сборн. новг. Соф. библ. XVI в., № 322, въ четв. л. 56—93. Тамъ же предъ Житіемъ помѣщена (л. 31—38) и служба «на память преп. отца нашего Авраамія, смоленскаго чудотворца, и *ученика его Ефрема*», изъ которой видно, что этотъ Ефремъ мѣстно чтился въ Смоленскѣ. Служба составлена, несомнѣнно, во дни господства Татаръ надъ Россіею. Ибо въ одной пѣсни говорится преп. Авраамію: «божественнымъ ти ученіемъ добрѣ наставилъ еси приходящія къ тебѣ, имиже и божественный Ефремъ насладивься, и теченіе скончá съ тобою богомудренно; тѣмъ нынѣ молитеся Христови даровати православнымъ людемъ *избавленіе отъ поганьскыхъ плѣненій* и вашему граду утвръженіе». А другая пѣснь гласитъ: «преподобвіи святіи отци, Аврааміе и Ефреме, съ всѣми Преподобными Бога премилостиваго молите милостивно, яко да насъ избавитъ милостивно отъ *агарянскыхъ еретикъ обьстояній*, въсхваляющія вы».

([264]) Неизвѣстно, на какомъ основаніи въ Словарѣ русскихъ писателей духовн. чина говорится о митрополитѣ Кириллѣ I, будто онъ былъ прозванъ *философомъ*, — чего въ лѣтописяхъ вовсе нѣтъ, и будто «изъ сочиненій его много словъ находится въ библіотекѣ волоколамскаго Іосифова монастыря между рукописями». Вѣроятно, это сказано по одной догадкѣ, и митрополиту Кириллу I приписаны слова, которыя въ рукописахъ волоколамской библіотеки, какъ и другихъ, надписаны именемъ св. Кирилла, епископа Кирилла, Кирилла философа, неизвѣстно какого (см. выше примѣч. 242).

неизвѣстныхъ писателей, которыя, по всей вѣроятности, составлены были въ Россіи въ періодъ до-монгольскій. Такими кажутся намъ двѣнадцать словъ, помѣщенныя въ Прологѣ новг. Софійской библіотеки XII—XIII вѣка, за первую половину года, и потомъ встрѣчающіяся въ другомъ Прологѣ той же библіотеки XIII—XIV в., именно: пять словъ на предпразднства великихъ праздниковъ и семь на самые праздники ([265]). Догадку свою мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: а) славянскій Прологъ, безъ сомнѣнія, переведенъ съ греческаго: но въ греческомъ, какъ онъ нынѣ извѣстенъ, помѣщаются только краткія житія Святыхъ безъ всякихъ словъ и поученій: б) славянскій Прологъ могъ быть принесенъ къ намъ первоначально отъ Славянъ южныхъ: но и тамъ, сколько извѣстно изъ болгаро-сербскаго Пролога XIII в., помѣщались въ Прологахъ только житія безъ поученій ([266]): слѣд. поученія могли быть внесены въ Прологъ только въ Россіи; в) правда, и въ Россіи могли быть внесены въ Прологъ статьи не русскія, а греческія, существовавшія въ славянскомъ переводѣ, какъ, дѣйствительно, и внесены, кромѣ сказаній изъ греческихъ Патериковъ, и нѣкоторыя греческія слова и поученія: но замѣчательно, что эти слова и поученія, внесенныя въ древніе наши Прологи XII—XIV в. безъ имени авторовъ, въ позднѣйшихъ нашихъ Прологахъ прямо усвоены

([265]) *На предпразднства*: а) Рождества пресв. Богородицы, б) Воздвиженія честнаго креста, в) Рождества Христова, г) Крещенія и д) Срѣтенія Господня. На *праздники*: а) Рождество пресв. Богородицы, б) Воздвиженіе честнаго креста, в) Покровъ пресв. Богородицы, г) Зачатіе пресв. Богородицы, д) Рождество Христово, е) Крещеніе и ж) Срѣтеніе Господне.

([266]) *Восток*. Опис. рукоп. Рум. Муз. стр. 454.

своимъ авторамъ ([267]), тогда какъ упомянутыя нами двѣнадцать поученій на препразднства и праздники и въ позднѣйшихъ Прологахъ не усвоены никому; г) всѣ эти двѣнадцать поученій весьма кратки и написаны съ особенною простотою, такъ что видимо приспособлены къ понятіямъ христіанъ, еще недавно обратившихся къ вѣрѣ, какими и были тогда наши предки. Невольно также приходишь къ мысли, читая эти поученія, что они всѣ какъ будто нарочито составлены однимъ кѣмъ-то и по одному образцу, тѣмъ болѣе, что поученія на препразднства даже начинаются всѣ одними и тѣми же словами: «да есте вѣдуще, братіе, яко въ сій день»... и проч. Представимъ для примѣра два поученія:

Поученіе на препразднство Рождества Пресв. Богородицы: «знайте, братіе, что въ сей день есть препразднство (Рождества) Пресв. Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи. Соберитесь на вечернюю молитву и на утреннюю и на литургію. Ибо день сей, братіе, святъ и есть начатокъ нашему спасенію: въ сей день Господь Богъ нашъ восхотѣлъ снизойти на избавленіе преступившаго заповѣдь Его и впадшаго въ глубину золъ, и поработившагося лести, и обновить бытіе, пославъ Ангела своего благовѣстить праведному Іоакиму и Аннѣ рождество Пресв. Богородицы, родившей по плоти Господа нашего Іисуса Христа. И мы, братіе, чая радостно достигнуть этого дня, да по-

---

([267]) Напримѣръ: а) *слово* (въ 13 день окт.) о *мьздоимцихъ и о рѣзоиманіи и о куноимьчихъ*; б) *слово* (въ 15 день окт.) *о дающихъ куны въ рѣзы*; в) *слово* (въ 25 д. окт.) *о гнѣвѣ*,—помѣщенныя въ двухъ означенныхъ древнихъ Прологахъ безъ имени авторовъ, въ Прологахъ XVI—XVII в. и въ печатномъ приписаны св. Антіоху, а—г) *поученіе* (въ 27 день февраля) *о смерти*—приписано св. Іоанну Златоусту.

тщимся просвѣтить свѣтильники свои добрыми дѣлами: милостынею, вѣрою и любовію, которыми прощаются душа и тѣло. *Вѣра безъ дѣлъ мертва есть*; потому нужно къ вѣрѣ приложить милостыню съ любовію: милостыня возводитъ на небо, даруетъ царство, отверзаетъ двери. *Милуяй нища взаимъ даетъ Богу*; и еще сказано: *милости хощу, а не жертвы*. Посему, молю васъ, не будемъ обходить мимо безъ пользы ни алчущаго, ни нагаго, ни странника, но пріимемъ ихъ съ любовію въ домъ свой, какъ самаго Христа, да, по молитвамъ ихъ, пріиметъ и насъ Христосъ Богъ нашъ въ вѣчное царство, которое уготовалъ Богъ любящимъ Его».

Поученіе на Воздвиженіе честнаго креста. «Нынѣ, братіе, воздвизается пресв. крестъ, разрѣшая прегрѣшенія наши и обновляя всякое лѣто воздвиженіемъ своимъ, и претворяетъ обветшавшія отъ грѣха сердца наши. Ибо св. крестомъ мы искуплены отъ клятвы законныя; на немъ пригвожденъ былъ Господь Богъ нашъ и рукописаніе грѣховъ нашихъ раздралъ. Его даровалъ намъ Владыка Господь, какъ орудіе на противнаго врага. Имъ смерть умерщвлена и адъ разрушенъ; имъ издревле умершій Адамъ опять обновился и Евва освободилась отъ клятвы. Вкушеніемъ отъ древа низпалъ онъ изъ рая сладости; древомъ крестнымъ снова вселился въ рай. Узрѣвъ крестъ, смерть вострепетала отъ страха и отпустила всѣхъ, которыхъ пожерла издревле отъ перваго Адама до втораго, пригвоздившагося на крестѣ. Онъ есть наша побѣда, наше оружіе на сопротивныхъ. Знаменуясь имъ, мы не убоимся видимаго и невидимаго врага. Онъ безъ труда насыщаетъ вѣрою сердца наши; онъ есть хранитель и кормитель всѣмъ христіанамъ. Имъ знаменуемъ мы всѣ

тѣло и брашно наше, и не приступитъ къ намъ зло: онъ прогоняетъ отъ насъ напасти и спасаетъ весь міръ. Посему, братіе, со страхомъ лобызая пресв. крестъ и поклоняясь ему, отвергнемъ отъ себя всякую злобу, ярость, гнѣвъ, клевету, лихоимство и студодѣйство, и, повергши все это діаволу, возлюбимъ миръ, кротость, трезвенность, нищелюбіе, страннопріятіе, пощеніе, чистоту, которая есть ангельское житіе и которою всѣ правовѣрные спасаются. Сію-то чистоту и подобныя дѣла возлюбимъ, да будемъ сынами Вышняго и причастниками царства Его, славяще Пресв. Троицу, Отца и Сына и Св. Духа».

Не приводимъ другихъ поученій изъ числа означенныхъ двѣнадцати: потому что всѣ они помѣщены и въ печатномъ Прологѣ, гдѣ легко можетъ найти ихъ желающій. Встрѣчаются также въ рукописяхъ слова, направленныя противъ христіанъ, которые только назывались христіанами, а вѣровали въ Перуна, Хорса, Мокошь и прочихъ боговъ славянской миѳологіи, приносили имъ жертвы, ставили трапезы роду и рожаницамъ и держались разныхъ другихъ языческихъ суевѣрій и обычаевъ ([268]). Слова эти могли быть написаны въ Россіи, и именно въ періодъ до-монгольскій,

---

([268]) Таковы: а) слово нѣкоего христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ (Опис. рук. Рум. Муз. стр. 228; Сборн. новг. Соф. библ. XV—XVI в., въ листъ, № 522, л. 84 об.—87); б) слово Исаія пророка истолковано св. Іоанномъ Златоустомъ о ставящихъ вторую трапезу роду и рожаницамъ (Сборн. новг. Соф. библ. XIV—XV в. № 94, л. 85; № 552, л. 87; моей библ. № 65, л. 133 об.); в) слово св. Григорія Богослова изъобрѣтено въ толцѣ его о томъ, какъ первое, погани суще языци, служили идоломъ, и иже и нынѣ мнози творятъ (Сборн. новг. Соф. библ. № 522, л. 88 об.); г) слово св. отца нашего Іоанна Златоуста о томъ, како первое погании вѣровали въ идолы и требы имъ клали, и нынѣ ихъ

когда у насъ, дѣйствительно, существовали подобные христіане. Но выдавать то за несомнѣнную истину нельзя: потому что такія же языческія суевѣрія и обычаи существовали и у другихъ славянскихъ народовъ, а въ Россіи продолжали по мѣстамъ существовать и послѣ порабощенія ея Татарами ([269]).

Извѣстно еще одно слово безъименнаго автора, которое уже несомнѣнно можно признать произведеніемъ русскимъ до-монгольскаго періода. Это—слово въ честь св. Климента папы римскаго, сказанное, по случаю обновленія кіевской Десятинной церкви, у мощей его, когда Кіевъ былъ еще мѣстопребываніемъ вел. князя всей Россіи и митрополита, а клиръ Десятинной церкви считался старѣйшимъ въ ряду прочихъ. Изложивъ въ словѣ историческія свѣдѣнія о св. Климентѣ, на основаніи греческихъ и болгарскихъ источниковъ, сочинитель въ заключеніе говоритъ отъ себя, между прочимъ, слѣдующее: «такъ сотворилъ Христосъ Богъ нашъ, чтобы это церковное солнце — угодникъ Его, а нашъ заступникъ, св. священномученикъ Климентъ, изъ Рима пришелъ въ Херсонъ, а изъ Херсона въ нашу Русскую страну для спасенія насъ вѣрныхъ. Какое человѣколюбіе! Какая неизмѣримая пучина благости! Не

нарекали, яже и нынѣ мнози тако творятъ и въ крестьянствѣ суще, а не вѣдаютъ, что есть крестьянство (Сборн. новг. Соф. библ. № 94, л. 12); д) поученіе дѣтемъ духовнымъ, въ одномъ изъ Сборн. Болотова безъ №, начинается словами: «се же ти молвлю, сыну, Божіихъ заповѣдей и святыхъ Отецъ не забывай».

([269]) *Срезн.* свидѣтельство Паисіев. Сборн. о языч. суевѣріяхъ Русскихъ, въ Москв. 1831, ч. II, № 5, стр. 52—64; *его же*—Роженицы у Славянъ и др. языческихъ народовъ, въ Архивѣ истор.-юридическихъ свѣдѣній о Россіи, изд. г. Калачев., кн. II, отд. 1, стр. 97—122.

къ присным рабамъ своимъ сотворилъ пріити Угоднику своему, а ко врагамъ и отступникамъ, о которыхъ сказано: *пожроша сыны и дщери своя бњсомъ* (Пс. 105, 37). Но да сбудется реченное: *благодатію есте спасени; идњже умножися грњхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. 5, 20). Гдѣ были жертвенники бѣсамъ, тамъ св. церкви славятъ Отца и Сына и Св. Духа,— что совершилось и утвердилось пришествіемъ св. Климента. Посему и мы славимъ и хвалимъ и кланяемся въ Троицѣ славимому Богу, благодаря вѣрнаго раба Его, который умножилъ талантъ своего Господина не только въ Римѣ, но и въ Херсонѣ и во всемъ Русскомъ мірѣ, и взываемъ: похвала Мучениковъ, украшеніе Святителей, присный Заступникъ страны Русской, драгоцѣнный вѣнецъ славнаго и честнаго града нашего, великой митрополіи, матери градовъ! Тобою русскіе князи хвалятся, святители ликуютъ, іереи веселятся, иноки радуются, люди добродушествуютъ, притекая съ теплою вѣрою къ твоимъ христоносным костямъ, и, почерпая здѣсь святыню, возвращаются во свояси и освящаютъ ею свои домы, храмы и тѣла... Поистинѣ, славнѣе всѣхъ тотъ городъ, который имѣетъ твое всечестное тѣло и весело играетъ, воспѣвая хвалу. Какъ другое небо, явилась на землѣ божественная церковь Божіей Матери, гдѣ лежитъ честное тѣло твое, подобно солнцу, просвѣщающее вселенную. О, сопрестольниче Апостоловъ, равночестный Ангеламъ! Тобою бѣсы прогоняются, болѣзни врачуются, еретики посрамляются, а православная вѣра возрастаетъ болѣе и болѣе... Какъ сохранилъ ты въ морѣ отрока отъ нападенія звѣрей: такъ и любящихъ тебя сохраняй въ мірѣ отъ нападенія невидимыхъ звѣрей. Христолюби-

вому же и вѣрному князю нашему, который, подражая добродѣтелямъ прародительскимъ, обновилъ церковь твою, полезная испроси. Благовѣрный праотецъ его, будучи христолюбивъ и мучениколюбецъ, съ большимъ тщаніемъ и великою вѣрою, любезно и благочестно, перенесъ сюда твои пречестныя мощи на освященіе и на спасеніе себѣ, и всему своему роду, и всей странѣ нашей... И ты, равноапостольный Клименте, потомка его управляй на полезное... Да возвеселится онъ нынѣ, старѣйшинствуя между князьями: ибо воистину блаженъ есть, обладая скипетрами по твоимъ молитвамъ. Да возрадуется и старѣйшинствующій между святителями: ибо онъ блаженъ, прикасаясь твоей святости и освящая вѣрныхъ людей. И да ликуютъ граждане старѣйшинствующаго между градами града нашего: ибо они блаженны твоимъ заступленіемъ. Да празднуетъ свѣтло блаженный твой клиръ: ибо онъ старѣе всего клира твоимъ ходатайствомъ»... и пр. ([270])

Послѣдній родъ сочиненій—каноническихъ мы разсмотримъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ, когда будемъ говорить о состояніи управленія въ нашей Церкви.

Кромѣ сочиненій, появлявшихся въ отечественной Церкви, предки наши пользовались, какъ и прежде, твореніями греческихъ писателей, переведенными на языкъ славянскій. Въ лѣтописяхъ приводятся слова изъ твореній св. Іоанна Златоуста, св. Епифанія кипрскаго и св. Ипполита ([271]); въ посланіяхъ Симона и

([270]) Все это заключеніе слова въ подлинникѣ помѣщено въ статьѣ кн. *Оболенскаго*: О двухъ древнѣйшихъ святыняхъ Кіева, Кіевлян. кн. III, стр. 143—147. Тамъ же свѣдѣнія и о самомъ словѣ.

([271]) П. Собр. Р. Лѣт. II, 3. 115. 375.

Поликарпа—мѣста изъ Отечника или Патерика Скитскаго и Лѣствицы св. Іоанна Лѣствичника ([272]). Въ Житіи преп. Авраамія смоленскаго говорится, что онъ прилежно любилъ читать писанія св. Отцевъ и всего болѣе—писанія св. Ефрема Сирина и св. Златоуста; самъ составитель этого Житія дѣлаетъ выписки изъ житія преп. Саввы, изъ сборника «Златая Цѣпь», содержавшаго въ себѣ писанія разныхъ св. Отцевъ, и изъ повѣсти нѣкоего отца духовнаго къ духовному сыну, хотя послѣднее сочиненіе, можетъ быть, было и русское ([273]). Въ словѣ Даніила Заточника есть указанія на знакомство автора ея съ «Пчелою»—другимъ Сборникомъ, который первоначально составленъ былъ св. Максимомъ Исповѣдникомъ и въ которомъ обыкновенно помѣщались выписки изъ св. Писанія, изъ твореній св. Отцевъ и изъ языческихъ философовъ и мудрецовъ, распредѣленныя на главы по предметамъ ([274]). Не многія тогдашнія рукописи, содержащія

([272]) Св. Симонъ въ первой части своего посланія говоритъ: «якоже во Отечницѣ писано»; а въ концѣ сказанія о князѣ Святошѣ: «но что ишетъ блаженный Иваннъ, иже въ Лѣствицы». Поликарпъ въ началѣ сказанія о преп. Маркѣ Печерникѣ упоминаетъ о древнихъ Святыхъ, которые описали житія и чудеса Отцевъ, «еже есть Патерикъ..., ежо мы почитающе наслаждаемся духовныхъ тѣхъ словесъ».

([273]) «Изъ всѣхъ любя часто почитати ученіе преп. Ефрема и великаго вселенныя учителя Іоанна Златоустаго и Ѳеодосія печерскаго, бывшаго архимандрита всея Русіи, вся же святыхъ богодохновенныхъ книгъ житія ихъ и словеса прохода и вникая почиташе....» И далѣе: «достойно же есть и здѣ помянути слово, яже отъ житія преп. Савы, и о патріарсѣ іерусалимстѣмъ Иліи...» Еще далѣе: «пишетъ бо въ Златыхъ Чепехъ всея вселенныя святыхъ Отецъ, яко бысть нѣкій отецъ отъ Преподобныхъ...» Спустя не много: «и се есть подобно помянути повѣсть нѣкоего отца духовнаго къ сыну духовну»...

([274]) *Сухомлиновъ*. Замѣчаніе о Сборникахъ, изв. подъ названіемъ «Пчелъ», въ Изв. II Отд. Импер. Акад. Наукъ, т. II, стр. 222—234.

переводы разныхъ духовныхъ твореній, дошли до настоящаго времени, именно: 1) Огласительныя Поученія св. Кирилла іерусалимскаго XII вѣка,—рукопись московской Синодальной библіотеки (№ 478); 2) Толкованіе, выбранное изъ разныхъ св. Отцевъ, на посланія св. апостола Павла къ Римлянамъ, Коринѳянамъ, Галатамъ и Ефесеямъ, писанное въ 1220 г. въ Россіи, рукоп. той же библіотеки (№ 7); 3) Бесѣды на воскресныя евангелія, выбранныя изъ поученій св. Златоуста, Кирилла александрійскаго и Исидора Пелусіота и переведенныя на славянскій языкъ пресвитеромъ болгарскимъ Константиномъ, ученикомъ св. Кирилла и Меѳодія, XIII в., рукопись той же библіотеки (№ 262) ([275]); 4) Изборникъ, содержащій въ себѣ отрывки изъ разныхъ сочиненій св. Отцевъ и другихъ писателей, XIII в.,—рукопись Императорской Публичной Библіотеки; 5) другой Сборникъ XIII в., содержащій, кромѣ поученій св. Кирилла туровскаго, одно слово св. Златоуста, 16 огласительныхъ поученій св. Кирилла іерусалимскаго и другія статьи,—рукопись той же библіотеки ([276]); 6) Лѣствица преп. Іоанна Лѣствичника XIII в., — рукопись Румянц. Музеума (№ 199) ([277]).

([275]) *Архим. Савв.* Указат. для обозр моск. Синод. ризницы и библ. стр. 140, М. 1855. Другіе относили эту рукопись къ XI в. *Шафарик.* Разцв. слав. письмен., въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1848, № 7, отд. III, стр. 50,

([276]) По катал. рукоп. Толстова отд. I, № 8, и отд. II, № 6, стр. 5. 213.

([277]) *Восток.* Опис. рук. Рум. Муз. стр. 255.

СЛОВО,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ ОДЕССКОМЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ СѴНОДАЛЬНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ, ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ИННОКЕНТІЕМЪ, АРХІЕПИСКОПОМЪ ХЕРСОНСКИМЪ И ТАВРИЧЕСКИМЪ, ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ИЗЪ МОСКВЫ, ПОСЛѢ ПРИСУТСТВІЯ ТАМЪ ПРИ СВЯЩЕННѢЙШЕМЪ КОРОНОВАНІИ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

По возвращеніи изъ Царствующаго града, мы ни разу еще не побесѣдовали съ вами пастырски о томъ великомъ событіи, которое тамъ совершилось. Между тѣмъ, душа наша досёлѣ преисполнена разныхъ впечатлѣній отъ видѣннаго и слышаннаго при семъ событіи. Поелику же краткая повѣсть о семъ можетъ доставить и вамъ радость и послужить въ общее назиданіе: то мы и предложимъ ее нынѣ вамъ вмѣсто всякаго обыкновеннаго поученія.

По разлукѣ съ вами, мы снова увидѣли древній первопрестольный градъ нашъ и почудились множеству его златоверхихъ храмовъ, изъ коихъ однихъ можетъ составиться городъ не меньше нашего, а еще болѣе почудились набожному расположенію его жителей, ихъ истинно-русскимъ нравамъ и обычаямъ. Какое тамъ всеобщее и неподдѣльное усердіе къ святынѣ! Какая пламенная любовь къ отечеству! Какая искренняя преданность къ Царскому Дому! Какая вѣра въ величіе и святое предназначеніе Россіи!—О, да будетъ и преиз-

будетъ надъ тобою, градъ богоспасаемый, благословеніе Божіе! Не напрасно именуешься ты сердцемъ Россіи: въ тебѣ струится чистая кровь, могущая оживлять все тѣло. Стой же непоколебимо со святыми твоими храмами и нетлѣнными въ нихъ мощами Угодниковъ Божіихъ, стой, какъ русскій Араратъ, на коемъ среди самыхъ всемірныхъ треволненій всегда можетъ найти себѣ надежное пристанище ковчегъ русскаго православія и русскаго духа!

Посѣтили мы въ первопрестольномъ градѣ и тѣ два пресловутыя кладбища, кои, вмѣсто успокоенія тамъ почивающихъ усопшихъ, тревожили и смущали собою только живыхъ едва не по всей Россіи, отвлекая чадъ православной Церкви отъ лона матери своей и утверждая въ упорствѣ противу материнской власти ея прежде отпадшихъ. Давно ли сіи мѣста служили во всеобщій соблазнъ и поношеніе для русскаго духа и нравовъ, составляя собою какбы нѣкія твердыни для противниковъ истины? Теперь, какбы возсіявшу весеннему солнцу особенной благодати Божіей надъ ними, ледъ ожесточенія исчезъ и явилась свѣжая нива, удобная къ пріятію сѣменъ здраваго ученія; теперь тамъ водворилось благое начало единства съ Церковію православною и взаимной любви Христовой, такъ что тѣ, кои составляли собою прежде язву на тѣлѣ Церкви, скоро могутъ составить одно изъ ея украшеній. Да услышатъ сіе всѣ и между нами недугующіе доселѣ духомъ *сѣченія* и удаленія отъ св. Церкви, и, подражая доселѣ неразумно старѣйшимъ столичнымъ собратіямъ своимъ въ не добромъ, да возревнуютъ подражать теперь имъ и въ возвращеніи на путь правый, преставъ, вмѣсто Богомъ устроеннаго и хранима-

го ковчега—Церкви вселенской самочинно созидать свои малыя, не благословенныя ладіи, опрокидывающіяся и потопляющія сидящихъ на нихъ при первомъ порывѣ вѣтра.

Видѣли мы потомъ въ первопрестольной столицѣ сонмъ избранныхъ сыновъ отечества, кои изъ всѣхъ сословій и со всѣхъ концевъ Россіи стеклись для присутствія при священнѣйшемъ короновании Того, Кто, по самому сану своему, есть Отецъ Отечества. Какой величественный и достоуважаемый сонмъ! Какъ напоминалъ онъ собою преждебывавшія всенародныя собранія по случаю разныхъ нуждъ отечества! Какого добра нельзя ожидать отъ таковаго совокупленія талантовъ и мудрости народной! На челѣ каждаго изъ нихъ было видимо, что всѣ они пламенѣютъ чистою любовію къ Царю и отечеству и готовы на всѣ подвиги и жертвы,—только бы стояла непоколебимо св. Церковь, только бы цвѣла и благоденствовала Россія, только бы возвышался и украшался престолъ Царскій.

Видѣли мы въ тоже время и избранный сонмъ сыновъ чужеземныхъ, кои, по гласу повелителей своихъ, явились для привѣтствія отъ имени ихъ Самодержца Всероссійскаго въ день торжественнаго вѣнчанія Его на царство. Каждый изъ нихъ старался блистать свѣтомъ своей страны и своего народа, изъ коихъ многіе, какъ вѣдаете, велики и славны: но этотъ соединенный и усиленный свѣтъ нисколько не затмѣвалъ собою величественное сіяніе солнца русскаго. Несмотря на недавность и ожесточенность прошедшей брани нашей едва не съ цѣлымъ западомъ, ни у кого изъ нихъ ни на лицѣ, ни въ устахъ, не было слѣдовъ прежней вражды. Думаемъ, что ея не было теперь ни

у кого изъ нихъ и въ сердцѣ: ибо за что было враждовать противу насъ и прежде? Только духъ тьмы и злобы могъ кознями своими смутить на время такъ неожиданно и глубоко великую семью народовъ христіанскихъ. Но, послѣ нашей истинно-великодушной готовности къ миру, нужному еще болѣе для нихъ, нежели для насъ, самые недовѣрчивые и мнительные должны были убѣдиться, что мы не тѣ, какими представляла насъ зависть и лукавство, что мы не враги, а ревнители и друзья всемірнаго порядка и спокойствія.

Видѣли мы во всей полнотѣ нашъ Августѣйшій Домъ Царственный и, взирая на эту священную полноту, на стройность, любовь и благолѣпіе, въ немъ царствующія, невольно приводили себѣ на память слова св. Давида, изображающія благословеніе Божіе надъ домомъ человѣка богобоязненнаго: *Блаженъ мужъ бояйся Господа! Сильно на земли будетъ сѣмя его. Слава и богатство въ дому его. Жена его яко лоза плодовита. Сынове его, яко новосажденія масличная окрестъ трапезы его* (Пс. 111, 127). Осуществленіе такой богоначертанной картины отрадно срѣтить и въ хижинѣ: тѣмъ вожделѣннѣе и поучительнѣе для всѣхъ была она на престолѣ!

Наконецъ, мы удостоились быть при совершеніи самаго священнѣйшаго коронованія Августѣйшаго Монарха и Супруги Его и молитвенно участвовать въ ономъ. Ахъ, брат., что было видимо и слышимо тутъ: послѣ того нѣтъ уже, мнѣ кажется, ничего, что можно бы видѣть болѣе величественнаго на этой землѣ— въ нашемъ мірѣ человѣческомъ; остается только уготовлять себя къ видѣнію и слышанію того, что превыше земли и людей.

Какъ свѣтелъ и всеблистающъ былъ на главѣ Монарха тотъ вѣнецъ, который, какъ сами знаете, устроенъ не годами, какъ у другихъ, а цѣлыми вѣками, устроенъ изъ многочисленнаго собранія вѣнцевъ разныхъ царствъ и княженій!

Какъ величественъ и лучезаренъ былъ въ десницѣ Монарха тотъ скипетръ, по манію коего движится столько милліоновъ подданныхъ, направляется въ дѣйствіяхъ своихъ столько народовъ и племенъ!

Какъ видимо тверда и несокрушима казалась въ шуйцѣ Его та держава, на которую уже столько разъ опирались, среди всесвѣтныхъ колебаній, спокойствіе и порядокъ всемірный!

Какъ обширною являлась на раменахъ Его порфира, которая должна осѣнять собою седмь морей и тысящу градовъ, служить убѣжищемъ для каждаго страждущаго и обремененнаго!

Взирая на Царя нашего, вѣнчанна и превознесенна, можно было съ увѣренностію обратиться не къ Россіи токмо, но ко всей вселеннѣй, съ словами Пѣсни Пѣсней: *изыдите и видите Царя нашего въ вѣнцѣ, имъ же вѣнча мати его*—православная Церковь всероссійская, *въ день обрученія его* — съ народомъ своимъ, *въ день веселія сердца его* (Пѣс. Пѣсн. 3, 2).

Но особенно умилительны были въ семъ торжественномъ священнодѣйствіи три минуты:

Первая — когда Благочестивѣйшій Государь, приступая къ принятію вѣнца прародительскаго, въ слухъ всея Церкви произнесъ Сѵмволъ Вѣры Православныя.

Это былъ Константинъ Великій, произносящій исповѣданіе вѣры въ слухъ Собора вселенскаго!

Вторая разительная минута—когда Монархъ, увѣнчанный уже и облеченный во всѣ утвари Царскаго сана, преклонилъ, подобно послѣднему изъ своихъ подданныхъ, колѣна предъ Царемъ царствующихъ и возгласилъ смиренную молитву о дарованіи Ему духа премудрости и разума, во еже судити людемъ своимъ въ правду, духа силы и крѣпости, во еже хранить, устроять и возвышать благоденствіе боговвѣряемой Ему державы Всероссійской.

Это былъ юный Соломонъ, предъ лицемъ храма испрашивающій въ молитвѣ у Бога отцевъ своихъ мудрости правительственной!

Третія изъ самыхъ священныхъ минутъ — когда Самодержецъ, при окончаніи литургіи, отложивъ знаки царскаго величія, въ единой порфирѣ приступилъ къ помазанію св. мѵромъ, для пріятія даровъ Духа Святаго, и вслѣдъ за тѣмъ—ко причащенію божественныхъ Таинъ, для укрѣпленія себя на великій подвигъ царствованія. Въ сіи минуты Онъ весь былъ благоговѣніе, весь—смиреніе христіанское, весь—страхъ Божій. По самому свойству служенія моего, много видѣлъ я всякаго рода причастниковъ св. Таинъ, но никогда не зрѣлъ подобнаго умиленія въ причащающемся. Въ лицѣ Помазанника, казалось, соединялась тогда священнотайнѣ съ Богомъ вся Россія. У многихъ изъ предстоящихъ потекли изъ очей слезы. Отъ избытка чувствъ я едва не забылъ, что мнѣ надлежало послужить послѣ причащенія омовенію устъ и рукъ Державныхъ.

Говорить ли за симъ предъ вами о радости и восторгѣ окружавшаго храмъ народа, когда Боговѣнчанный Помазанникъ, изшедъ изъ храма, какъ Ангелъ Божій, явился предъ нимъ, одѣянъ и преукрашенъ

всѣми знаками сана державнаго? Отъ звука церковныхъ кампановъ въ Кремлѣ содрогается не воздухъ только, а и земля: но и сей поражающій звукъ былъ не разъ заглушаемъ громомъ восклицаній народныхъ.

Разсказывать ли вамъ о той благости, съ которою Боговѣнчанный Царь, во все продолженіе празднествъ народныхъ, обращалъ лице свое ко всѣмъ, великимъ и малымъ, богатымъ и нищимъ? Каждый видѣлъ и чувствовалъ, что сердце Его готово было объять любовію всю Россію, доставить покой и радость всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ, изгнать съ лица земли Русской всѣ печали и бѣдствія.

Къ сказанному развѣ присовокупить единое. На утріе дня вѣнчальнаго, когда все вокругъ престола гласило славу Боговѣнчаннаго и вся Россія, въ лицѣ представителей своихъ, спѣшила съ привѣтствіями предъ лице Самодержца и Супруги Его,—пріемля оное въ ряду Іерарховъ и отъ меня, яко пастыря страны сей, о чемъ,—думаете вы,—между прочимъ, благоволилъ Онъ провѣщать мнѣ? О томъ, что это былъ *послѣдній день* нашего южнаго Севастополя..... Скажите сами, не подобно ли это тому, какъ Богочеловѣкъ, среди самой славы ѳаворской, бесѣдовалъ нѣкогда съ Моисеемъ и Иліею о Голгоѳѣ (Лук. 9, 31), бывшей тогда для Него еще впереди, а теперь—для насъ—уже пройденной?

Таковы, брат., впечатлѣнія и чувства, изнесенныя, безъ сомнѣнія, не мною однимъ изъ первопрестольной столицы во всѣ края Россіи. Не имѣя возможности быть свидѣтелями происходившаго тамъ, вы однакоже сами заранѣе могли судить о семъ уже по чрезвычайному потоку милостей, тотчасъ истекшихъ на всю Рос-

сію отъ престола Царева, и, безъ сомнѣнія, съ радостію замѣтили господствующую въ этихъ милостяхъ черту милосердія, этой боголюбезной добродѣтели, которая наиболѣе уподобляетъ Царей земныхъ Вседержителю небесному. Еще ближе могли судить о томъ же по любвеобильному, можно сказать, четвероевангельскому гласу признательности Царской, простертому къ четыремъ областямъ многострадальной страны нашей, и въ особенности по тѣмъ безпримѣрнымъ словамъ, въ коихъ съ такимъ преизбыткомъ отеческой милости ублаженъ и возвеличенъ градъ нашъ....

Послѣ сего, обнимая единымъ взоромъ все прошедшее, что остается намъ, братіе и сограждане, какъ не пасть въ благодарности предъ Царемъ царствующихъ и словами молитвы церковной возгласить: «благодаримъ Тя, Владыко и Господи, яко, наказавъ насъ краткимъ бывшія печали посѣщеніемъ, се изобильно исполнилъ еси радостію и веселіемъ сердца наша, оправдавъ надъ нами царствовати возлюбленнаго раба своего, Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича!»—Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВВЕДЕНІЯ ВО ХРАМЪ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО НИКИФОРА, ЕПИСКОПА ВЯТСКАГО И СЛОБОДСКАГО.

Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ (Пс. 121, 1).

Для славнаго Царя израильскаго много было предметовъ и источниковъ радости самыхъ разнородныхъ. Но первѣйшее и вожделѣннѣйшее ему удовольствіе доставляло пребываніе въ домѣ Господнемъ. Онъ паче всего любилъ посѣщать храмъ святый и тамъ въ теплыхъ молитвахъ изливать душу свою предъ Богомъ и поучаться въ законѣ Господнемъ; и потому всякой разъ, когда говорили ему, что приспѣло время идти во храмъ, онъ исполнялся живѣйшаго веселія и радованія: *возвеселихся*, говоритъ онъ, *о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ*.

Что говорилъ о себѣ богоотецъ Давидъ, тоже показала на себѣ и богоизбранная Дщерь отъ рода его, Пресвятая Дѣва Марія, и что мы нынѣ празднственно воспоминаемъ. И она, когда родители ея объявили ей, что время имъ исполнить обѣтъ свой — представить ее во храмъ на служеніе Господу, она, богоблагодатная,

будучи только трехъ лѣтъ, не только не смутилась, но и съ великою радостію приняла такую вѣсть и съ веселіемъ потекла въ храмъ Господень. Ей предлежало не временно только посѣтить храмъ святый, но и постоянно жить при немъ, оставивъ домъ родительскій: и она, по пророчественному выраженію Псалмопѣвца, охотно *забыла домъ отца своего*, дабы водвориться въ дому Господни.

На насъ, братіе, не возлагается обязанности постоянно находиться во храмѣ: но мы, по временамъ, только на нѣсколько часовъ сюда призываемся. Какъ же мы принимаемъ и выполняемъ такой призывъ? Охотно ли оставляемъ всѣ прочія свои дѣла и занятія и спѣшимъ ли съ радостію въ домъ Божій, когда слышимъ зовъ церковный къ богослуженію въ храмѣ? Мы не можемъ не сознавать обязанности присутствовать во храмѣ при общественномъ богослуженіи: но мало того, чтобы мы приходили для этого въ церковь; надобно, чтобы мы исполняли это охотно и съ радостію, если желаемъ, чтобы наше предстояніе во храмѣ было и Богу пріятно, и душамъ нашимъ спасительно.

Храмъ святый есть домъ Божій, домъ Отца и Царя нашего небеснаго. Правда, *Господня есть земля и исполненіе ея* (Пс. 23, 1), и *на всякомъ мѣстѣ владычество его* (Пс. 102, 22): но во храмѣ особенно близкимъ къ намъ образомъ обитаетъ Богъ, здѣсь Онъ по преимуществу внемлетъ молитвамъ и прошеніямъ нашимъ, отсюда преизобильно изливаетъ на насъ различные дары своей благости. Всякій подданный за великое для себя счастіе и удовольствіе поставляетъ быть принятымъ въ домъ царевъ; для дѣтей нѣтъ болѣе радости, какъ находиться подъ кровомъ и предъ взорами роди-

тельскими: не тѣмъ ли паче съ сердцемъ, полнымъ веселія, всѣ мы должны притекать въ храмъ святый, какъ въ домъ Божій, предъ лице и подъ кровъ Царя царствующихъ и всеблагаго Отца нашего небеснаго? Только блудный сынъ бѣжитъ вдаль отъ дома отеческаго: ужели же мы хотимъ стать въ ряду такихъ сыновъ?

Храмъ святый есть мѣсто, гдѣ блаженные небожители — Ангелы и Святые и сама Пречистая Матерь Господа нашего невидимо сприсутствуютъ, и гдѣ мы чрезъ молитвы свои можемъ входить въ тѣснѣйшее и приискреннѣйшее общеніе съ ними. Мы любимъ сообщества друзей или мужей, намъ благодѣтельныхъ и пользующихся нашимъ уваженіемъ, охотно и радостно проводимъ время въ сообществѣ съ ними. А кто послѣ Бога столько печется о насъ и благотворитъ намъ, какъ Пречистая Матерь Господа и премилосердая Матерь всего рода христіанскаго? Кто изъ друзей земныхъ столько любитъ насъ, какъ Ангелы небесные? Кто изъ великихъ и славныхъ земли столько заслуживаетъ благоговѣйнаго нашего почитанія, какъ святые Божіи человѣки, выну предстоящіе престолу славы Его и о насъ грѣшныхъ предъ Нимъ молящіеся? Какъ же намъ не искать общенія съ сими нашими небесными друзьями и благодѣтелями? Какъ не любить то мѣсто, какъ не желать быть тамъ, гдѣ они присутствуютъ и мы пріемлемся въ ихъ общеніе? Какъ, то есть, не посѣщать охотно и съ радостію храмовъ святыхъ? Уклоняться отъ богослуженій церковныхъ—значитъ чуждаться общенія съ Ангелами и Святыми, удаляться отъ покрова преблагосердой Матери и всемощной Царицы нашей небесной: хорошо ли же это?

Храмъ святый есть училище вѣры и благочестія. Здѣсь преподаются истины, которыя знать, и правила, которыя исполнять мы должны, дабы благоугодить Богу и наслѣдовать вѣчное спасеніе. И нигдѣ лучше и удобнѣе не можемъ научиться спасительному богопознанію и благочестному житію, какъ во храмѣ, гдѣ и пѣніе, и чтеніе, и священнодѣйствія — все говоритъ намъ только о Богѣ и нашемъ спасеніи. Если дорого для насъ наше спасеніе душевное, если вожделѣнно вѣдѣніе Господа Бога и всѣхъ другихъ душеспасительныхъ предметовъ: то не должны ли мы охотно притекать во храмъ и съ радостію поучаться здѣсь урокамъ спасительнаго богоразумія и благочестія? Тотъ только скучаетъ и тяготится пребываніемъ во храмѣ, кто Бога не любитъ, не хочетъ послужить и благоугодить Ему, кто не ищетъ истиннаго свѣта для души и животворной пищи для сердца своего, чтобы непреткновенно и бодренно ходить по путямъ заповѣдей Господнихъ для достиженія жизни вѣчной: а кто распаляется жаждою духовною, тотъ какъ елень, по слову Псалмопѣвца, неудержимо устремляется къ отверстымъ во святомъ храмѣ *источникамъ спасенія* и *съ веселіемъ почерпаетъ* и піетъ изъ нихъ *воду* (Ис. 12, 3), текущую въ животъ вѣчный.

Храмъ святый есть врачебница духовная. Здѣсь врачуется совѣсть отъ язвъ грѣховныхъ, исправляются и подкрѣпляются немощи душевныя, облегчаются скорби сердечныя. Смущается и смущаетъ тебя совѣсть, омраченная какими либо прегрѣшеніями? Иди во храмъ, съ умиленіемъ и сокрушеніемъ духа припади въ молитвѣ къ олтарю Господню, исповѣдай грѣхъ свой предъ служителемъ олтаря: и ты получишь прощеніе

и разрѣшеніе, и миръ въ совѣсти твоей водворится. Тебя борютъ страсти безстудныя, одолѣваютъ душу твою грѣховные помыслы и вожделѣнія? Иди во храмъ, соедини молитву свою съ общимъ моленіемъ Церкви, которое, какъ ѳиміамъ, возносится къ небу и достигаетъ самаго престола благодати Божіей; внемли слову Божію, которое есть *сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему* (Рим. 1, 16); приступи къ трапезѣ Господней, на которой преподается Хлѣбъ присноживотный: и благодать Божія, немощное врачующая и оскудѣвающее восполняющая, пріосѣнитъ душу твою, буря страстей и помысловъ грѣховныхъ утихнетъ, и разольется въ душѣ твоей особенный свѣтъ, крѣпость и сила къ дѣланію заповѣдей Господнихъ. Сердце твое раздирается лютою скорбію, ни въ комъ и ни въ чемъ въ мірѣ не имѣешь отрады и утѣшенія? Иди во храмъ, излей здѣсь въ теплой молитвѣ предъ Господомъ печаль сердца своего: и Онъ ли всеблагій, *утѣшаяй насъ о всякой скорби нашей* (2 Кор. 1, 4), не пошлетъ тебѣ утѣшенія и не изведетъ тебя изъ самой глубины золъ? *И птица обрѣтаетъ храмину, и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положитъ птенцы своя, у олтаря Господня* (Пс. 83, 4): человѣкъ ли не обрѣтетъ здѣсь мѣста, чтобы успокоить смятенныя свои чувства? *Пріидите*, такъ взываетъ самъ Господь, *пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы* (Мѳ. 11, 28): гдѣ же скорѣе и вѣрнѣе можемъ пріити ко Господу, для полученія этого успокоенія, какъ не во храмѣ, гдѣ очи и уши Его день и ночь отверзты на молитву нашу? Братіе! въ болѣзняхъ тѣлесныхъ мы охотно обращаемся къ врачамъ и въ самыя врачебницы: при недугахъ ли душевныхъ и скорбяхъ сер-

лечныхъ, которыми такъ много и такъ часто обременены бываемъ, не будемъ всегда радостно спѣшить въ самую спасительную врачебницу — храмъ святый? Развѣ душа для насъ менѣе дорога, нежели тѣло?

Мы приходимъ во храмъ *творити молитвы, моленія, прошенія и благодаренія* (1 Тим. 2, 1), славить и воспѣвать пречестное и великолѣпое имя всеблагаго Творца и Господа нашего, благодарить Его за милости и щедроты, преизобильно по всякъ день Имъ на насъ изливаемыя, и испрашивать у Него вновь различныхъ благъ, намъ потребныхъ. Это ли кажется намъ тяжелымъ, чтобы отвращаться и чуждаться святыхъ храмовъ? И что будутъ значить наши молитвы и предстояніе во храмѣ, ежели это совершается нами только по обычаю или по приличію, а безъ участія сердца и безъ свободнаго произволенія? На таковыхъ молитвенниковъ еще древле устами Пророка изреченъ такой приговоръ Божій: *приближаются мнѣ людіе сіи усты своими, и устнами своими почитаютъ мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ мене: всуе же почитаютъ мя* (Ис. 29, 13). И мы не любимъ и мало цѣнимъ, когда другіе дѣлаютъ какое либо добро не охотно, безъ усердія: можетъ ли же это быть пріятно Богу? Надобно, чтобы, по слову Псалмопѣвца, *сердце и плоть наша радовались о Бозѣ живѣ* (Пс. 83, 3), чтобы *вся кости* наши, отъ полноты благоговѣйнаго умиленія и восторга, *вѣщали*: *Господи, Господи*, (Пс. 34, 10), когда мы предстоимъ во храмѣ на молитвѣ. Тогда Господь милостиво призритъ на моленія наши, и мы пріобщимся тѣхъ благъ и даровъ духовныхъ, которые хранятся неоскудно для всѣхъ, нуждающихся въ нихъ, въ богозданной сокровищницѣ святой Церкви. Тогда и

священнослуженія церковныя не покажутся намъ слишкомъ продолжительными, не будутъ приводить насъ въ утомленіе и усталость, какъ это бываетъ съ тѣми, кто приходитъ во храмъ не охотно и предстоитъ здѣсь безъ должнаго вниманія и благоговѣнія.

Итакъ будемъ, братіе, всегда не лѣностно, а съ сердечною охотою приходить во храмъ, стоять въ немъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и молиться съ усердіемъ. Тогда на собственномъ опытѣ познаемъ, сколь сладостно и спасительно для души и сердца молитвенное во храмѣ общеніе съ Господомъ, и для насъ, подобно Псалмопѣвцу, будетъ тогда *день единъ во дворѣхъ Господнихъ лучше тысящъ* дней, проводимыхъ въ мірскомъ разсѣяніи, и мы *изволимъ приметатися въ дому Бога нашего паче, неже жити въ селеніихъ грѣшничихъ* (Пс. 83, 11. 12). Аминь.

РОДСТВЕННОЕ И ДРУЖЕСКОЕ СОБРАНІЕ

ВЪ ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ГОДА.

Еще разъ мы собрались въ этомъ году предъ Отцемъ небеснымъ. Преходящій годъ падаетъ въ вѣчность, напутствуемый благословеніями и молитвою. Торжественны минуты, которыя теперь переживаетъ міръ. Въ тишинѣ этой ночи раздаются и радостныя пѣсни веселья, и тяжкія воздыханія скорби. Къ престолу вѣчнаго Судіи возносятся молитвы о награжденіи человѣческой любви и наказаніи несправедливости. Да, мы стоимъ у прага года. Еще нѣсколько часовъ— и быстрыя волны унесутъ его въ вѣчность съ его радостями и скорбями. Въ послѣдній разъ собрались мы предъ вѣчнымъ Подателемъ благъ, который доселѣ сопутствовалъ намъ съ отеческою любовію. И когда мы благодаримъ белконечное милосердіе за даръ любви, соединившій наши сердца, когда мы полною душею чувствуемъ счастіе взаимной расположенности,

когда предъ нашимъ взоромъ проносятся еще разъ всѣ нѣжныя выраженія любви и сладостныя ощущенія пріязни, когда мы припоминаемъ все, чѣмъ мы были другъ для друга въ этомъ году: то не можемъ отклонить отъ себя вопроса: сохранитъ ли небесная Любовь всѣхъ членовъ нашего родственнаго общества до послѣдней зари новаго года? Можемъ ли мы отвратить свой взоръ отъ гробовъ, которые въ этомъ году приняли любезный намъ прахъ отцевъ нашихъ, матерей, супруговъ, дѣтей и друзей? Можемъ ли не примѣтить плачущихъ, у которыхъ время взяло то, что возвратитъ только вѣчность, и которые сегодня подъ бременемъ слезъ склоняютъ свою утомленную голову? Нѣтъ, мы не разстанемся легкомысленно съ быстротекущимъ временемъ. Всякая разлука въ жизни останавливаетъ на время быстроту нашихъ ежедневныхъ и обычныхъ ощущеній и обращаетъ нашъ взоръ на то, что было и чего нѣтъ болѣе. Пройдемъ и мы воспоминаніемъ ускользающій годъ съ его предпріятіями и дѣлами, съ его надеждами и заботами, съ его радостями и слезами. Поставимъ время предъ лице вѣчности; отъ того, что подвержено дѣйствію времени и превратности человѣческихъ судебъ, обратимъ взоръ на то, что выше человѣческой силы и не подчиняется измѣняемости земныхъ судебъ; устремимъ нашу мысль за предѣлы всего конечнаго и воззримъ въ духѣ вѣры на блаженную землю, которая уготована любящимъ Господа.

Давно ли мы праздновали срѣтеніе новаго года, и вотъ уже конецъ его предъ нашими глазами! Такъ

быстро проходитъ жизнь, которой быстроту мы ускоряемъ нашими желаніями и о краткости которой плачемъ! Мы радовались и страдали, надѣялись и страшились, не видя конца нашимъ чувствованіямъ и предпріятіямъ: но они прошли , какъ быстротекущій призракъ. Прошли часы высокаго духовнаго наслажденія и дни общественныхъ радостей; исчезла скорбь, которая охватывала страшливое сердце; миновались заботы, которыя бременили нѣжное и участливое чувство: и что осталось отъ всего этого? Не тоже ли, что отъ сновидѣній, которыя приходятъ и уходятъ, радуютъ и печалятъ, оставляя по себѣ одно минутное воспоминаніе? Не тоже ли, что отъ полевой травы, которая растетъ, цвѣтетъ, отцвѣтаетъ и вянетъ, не оставляя по себѣ никакого слѣда? О, какъ безотрадна была бы жизнь человѣческая , еслибы въ ней не было ничего, кромѣ сихъ являющихся и исчезающихъ призраковъ! Но благодареніе Господу! Въ основаніи быстротечныхъ явленій жизни лежитъ нѣчто большее и высшее: это человѣческія дѣла, источникъ нашихъ вѣчныхъ радостей или, къ сожалѣнію, и слезъ. Время исчезаетъ, но дѣла, совершенныя во времени, возвышаются надъ всѣмъ преходящимъ. Они постояннѣе самаго времени: потому что время пройдетъ, какъ прошелъ этотъ годъ, но дѣла, совершенныя въ немъ, навсегда останутся съ вами. Вѣра, возбуждавшая васъ къ подвигамъ молитвы и благочестія, духовная мудрость, руководившая васъ въ трудныхъ случаяхъ жизни, любовь, возбуждавшая ваше сердце къ дѣламъ благотворенія, ваше упованіе и терпѣніе, ваша кротость и покорность судьбамъ Божіимъ , будутъ сопровождать васъ, какъ плодъ исчезнувшихъ дней, въ новое время.

Въ часы душевнаго мира они будутъ для васъ пріятнымъ воспоминаніемъ; во дни скорби они подкрѣпятъ вашу вѣру; въ минуты душевной слабости и грѣховнаго волненія они сохранятъ васъ отъ паденія и, когда вы совершите путь земной жизни, они станутъ вмѣстѣ съ вами предъ вѣчнымъ Престоломъ. Это лучшіе друзья ваши на цѣлую жизнь, на всю вѣчность. Они не измѣнятъ вамъ въ нуждѣ и не позавидуютъ вашему счастію. Въ сладости ощущеній, которыя вы испытали при совершеніи ихъ, вы предвкусили радости будущаго вѣка. Если вы искупили ихъ цѣною горькихъ страданій, то и за это благословите небеснаго Отца, который испытаніями очищаетъ васъ для лучшаго міра. Часы грусти и печали прошли, слезы страданій осушились: но остался плодъ, возращенный ими для вѣчности: онѣ согрѣли душу упованіемъ на Бога и отвратили ее отъ земной суеты. Вы узнали силу молитвы и сладость надежды. Ваше сердце сдѣлалось богаче, покой чище, миръ упроченнѣе, душа святѣе. Дѣла благотворенія расположили къ вамъ признательныя сердца вашихъ ближнихъ. Незримо для васъ тысячи молитвъ возносятся къ Отцу свѣтовъ о награжденіи вашей любви и ниспосланіи вамъ счастія. Такъ быстротекущее время даетъ человѣку вѣчныя блага. И чѣмъ быстрѣе исчезаютъ дни, тѣмъ больше и выше является самъ человѣкъ, который среди этой быстроты собираетъ сокровища для безсмертія.

Вотъ для чего дано намъ время, измѣряемое преемствомъ дней и лѣтъ. Суетность легкомысленныхъ людей ускоряетъ его быстроту своими желаніями и

жалуется на краткость дней, проходящихъ во снѣ, и ночей, отданныхъ увеселеніямъ. Не удивительно, что и время, проводимое такимъ жалкимъ образомъ, плодитъ слезы и позднее раскаяніе. Но кто цѣнитъ каждую его минуту, тотъ не найдетъ его ни пустымъ, ни краткимъ даже предъ вѣчностію. Въ священныя минуты возношенія вашего сердца къ небесному Отцу вы насладились радостями, съ которыми ничто не сравнится; вы отерли слезу несчастныхъ, показали участіе страждущимъ, однимъ подали совѣтъ, другихъ поддержали въ борьбѣ съ грѣховными склонностями и — на землѣ собрали сокровище для неба. Пусть время, исчисляемое годами, идетъ своимъ уставомъ: уступая ему часть дней и лѣтъ, вы съ каждымъ его періодомъ увеличиваете ваше вѣчное сокровище.

Такъ должны мы смотрѣть на быстротечное время. Прискорбно было бы думать, что нѣкоторые изъ насъ принуждены считать прошедшій годъ потеряннымъ для себя. Нѣтъ, ты дорогъ для насъ, отдѣляющійся періодъ! Ты стоишь въ тѣсномъ, неразрывномъ союзѣ съ нашею земною и вѣчною будущностію. Мы любимъ тебя такъ, какъ земледѣлецъ свою ниву, которая, принявъ сѣмена, брошенныя съ довѣріемъ, пріумножила ихъ въ десять и во сто кратъ. Да будутъ благословенны дни твои, священные дѣлами вѣры и благочестія. Благословимъ тебя и за множество благодѣяній, ниспосланныхъ намъ отъ Бога въ твоемъ продолженіи. Преклоняемъ колѣна наши предъ небеснымъ Отцемъ, который благословилъ наши родственные и дружескіе союзы взаимною любовію и сохранилъ неразрывными

въ залогъ будущихъ радостей. Благодаримъ вѣчное милосердіе за счастіе отцовъ и матерей, утѣшенныхъ любящими дѣтьми; супруговъ, преданныхъ другъ другу со всею нѣжностію; братьевъ и сестеръ, предупреждающихъ другъ друга выраженіями любви и привѣтливости. И настоящее наше собраніе не есть ли даръ вѣчнаго Отца, который сподобилъ насъ прейти оканчивающійся и встрѣтить наступающій годъ въ родственномъ и дружескомъ кругу, съ чувствами взаимной любви и благожеланіями, переходящими изъ устъ въ уста? Между тѣмъ, Онъ не только сохранилъ нашу жизнь въ прошедшемъ году, но еще окружилъ ее всѣми дарами своей любви. Онъ согрѣлъ для насъ хладную землю и украсилъ ее плодами; Онъ возрастилъ намъ хлѣбъ въ сытость и наполнилъ питательные грозды освѣжающимъ сокомъ; Онъ посылалъ съ неба дождь и росу, чтобы напоить жаждущую землю; Онъ выводилъ вѣтры изъ хранилищъ ихъ, чтобы умѣрить зной отъ палящаго солнца: и кто не наслаждался сими дарами небеснаго Отца? Пройдите землю отъ края до другаго, переплывите моря въ длину и широту ихъ, и вы не найдете страны, въ которой бы безконечная Любовь не явила своихъ благодѣяній. Развѣ надъ какою широтою земли не восходитъ утренняя заря? или не горитъ вечерняя звѣзда на небѣ? или не блещетъ въ тихую ночь свѣтомъ и красотою пламенное воинство Божіе? Гдѣ дождевыя и росныя капли не претворяются чудною силою въ сокъ плодовъ и поля не покрываются тукомъ? Такъ, мы смотримъ отъ востока солнца до запада и повсюду видимъ слѣды божественной благости къ людямъ.

Новые пришельцы на нашей землѣ! Васъ воззвала къ жизни безконечная Любовь, чтобы разлить радость въ тысячахъ семействъ и на васъ, какъ новыхъ предметахъ своего могущественнаго дѣйствія, явить на безконечныя времена свое дивное милосердіе.

И жребій нашихъ возлюбленныхъ, которые, по волѣ Божіей, совершили свой путь въ этомъ году, возбуждаетъ насъ къ благодарной молитвѣ. Вознесшись надъ всѣмъ смертнымъ, они обращаютъ нашъ взоръ къ лучшему міру. Мы плачемъ надъ гробами ихъ: но вѣра въ виду самой смерти торжествуетъ въ нашемъ духѣ надежду безсмертія. Дорогіе намъ гробы! Мы не промѣняемъ васъ на всѣ сокровища міра. Вы сокрыли прахъ и землю: но этотъ прахъ былъ покровомъ безсмертной души: эта земля — мертвенный остатокъ существа, которое живетъ для насъ по ту сторону времени и невидимо содѣйствуетъ намъ въ трудахъ приготовленія къ блаженной жизни. Къ вамъ приходимъ мы дѣлить скорби, въ которыхъ міръ не можетъ насъ утѣшить; васъ дѣлаемъ участниками радостей, которыхъ не можемъ довѣрить міру; къ вамъ обращаемся за наставленіями въ трудныхъ случаяхъ жизни. Здѣсь, подлѣ васъ, мысли становятся возвышеннѣе, желанія умѣреннѣе, чувства спокойнѣе. Здѣсь золото теряетъ свой блескъ, слава свои лучи, честь свое значеніе, сила свое вліяніе, красота свое обаяніе, роскошь свою прелесть, удовольствія свою привлекательность. Множество вещей, которымъ мы придавали значеніе и о потерѣ которыхъ плакали и сокрушались, здѣсь являются намъ въ другомъ свѣтѣ. Мы жалѣемъ о времени,

которое на нихъ истратили: о мысляхъ и чувствахъ, которыя имъ посвятили. Въ дѣйствительныхъ печаляхъ жизни вы посылаете намъ утѣшеніе: потому что вѣра обращаетъ нашъ взоръ къ небу и пробуждаетъ въ насъ сладостныя надежды. Мы видимъ, какъ кратокъ весь путь земной жизни, и прозрѣваемъ въ ту страну, куда не пойдутъ за нами ея страсти и страданія! Да, когда тяжкое горе стѣснитъ грудь, поди къ гробамъ твоихъ возлюбленныхъ, и ты не принесешь съ собою назадъ твоего горя: рука любви невидимо сниметъ съ тебя гнѣтущее бремя. Въ часъ борьбы за святую добродѣтель поди поклониться дорогому праху, и ты принесешь съ собою силу, которая поможетъ тебѣ одолѣть искушеніе и выдти изъ борьбы побѣдителемъ. Нѣтъ другаго мѣста, въ которомъ бы твоя душа была болѣе открытою для прекрасныхъ, великихъ, святыхъ мыслей и внушеній, какъ мѣсто вѣчнаго покоя твоихъ возлюбленныхъ. Что можетъ возмутить твою мысль подлѣ дорогихъ останковъ? Оставь пустые страхи легкомысленнымъ, для которыхъ нѣтъ священныхъ воспоминаній и которые не могутъ равнодушно подумать о послѣднемъ лонѣ человѣчества, которое и ихъ приметъ гостепріимно. Но ты посѣщай могилу любимаго человѣка и весело убирай ее цвѣтами; пусть будетъ тамъ всегда прохлаждающая зелень и освѣжающая тѣнь, чтобы онѣ могли доставить тебѣ пріятность во время посѣщенія, и чтобы твой взоръ съ любовію обращался къ тому мѣсту, которое рано или поздно приметъ и твой прахъ.

Такъ все возбуждаетъ насъ къ благодарной молитвѣ милосердому Отцу. Наши радости и скорби, надежды

и печали, пріобрѣтенія и потери, суть дары Его благости. На всемъ рука Господня, рука любви и милосердія. Итакъ пусть мысли и чувства нашего сердца сольются въ одно радостное и благодарное пѣснопѣніе къ Всевышнему: благодаримъ Бога, благословимъ Его; воздадимъ Ему честь и славу.

Но отъ благодѣяній Божіихъ, отъ радостей и печалей, ниспосланныхъ свыше, обратимъ взоръ на наше сердце и спросимъ самихъ себя: чѣмъ мы сдѣлались чрезъ нихъ? Богъ посылаетъ счастіе и слезы для того, чтобы воспитать душу для неба: такъ ли мы пользовались ими? Время и все временное дано намъ для вѣчности; земля образуетъ насъ для неба; смерть приводитъ къ безсмертію: и вотъ на концѣ малаго періода времени, который мы оканчиваемъ, обозримъ еще разъ наши дѣла, добродѣтели и пороки, подвиги и паденія, пріобрѣтенія и утраты, и—что скажетъ намъ сердце? Сдѣлались ли мы постояннѣе въ добродѣтели, умѣреннѣе въ наслажденіяхъ, благодушнѣе въ испытаніяхъ, богаче любовію, кротче чувствомъ, тверже упованіемъ? Если такъ, то дни этого года не были для насъ днями тьмы и не остались безплодными, какъ сонъ, но привели насъ къ свѣту истины, къ миру добродѣтели, къ предчувствію будущаго блаженства. Испытанныя радости возвысили ль нашу душу? Скорби и печали очистили ль сердце? Узнали ль мы лучше самихъ себя? Можемъ ли съ покойнымъ духомъ взирать на брань, которую ведемъ въ духѣ вѣры? Въ часы радостей, подобные настоящему, можемъ ли съ чистою совѣстію воздѣть наши руки къ небесному Отцу и излить предъ

Нимъ душу, полную благодарности и молитвеннаго восторга? Чѣмъ мы были для нашихъ братій? Пріобрѣли ль ихъ любовь, благодарность и благословеніе? Не вопіетъ ли на насъ какая либо несправедливость, сдѣланная нами? Наконецъ, чѣмъ были мы для нашего родственнаго и дружескаго круга? Отецъ небесный да воздастъ любящимъ насъ за любовь ихъ и да благословитъ счастіе жизни ихъ: а тѣхъ, которые ввели въ искушеніе нашу слабость, простимъ отъ искренняго сердца. Богъ да будетъ со всѣми нами!

Но обратимъ нашъ взоръ еще разъ на вышеземное будущее. Еще похищена часть нашихъ дней: часть нашихъ радостей прошла свою чреду и часть опредѣленныхъ намъ страданій миновалась. Время нашего земнаго сѣянія сократилось, мы стали ближе ко дню жатвы. Юность начинаетъ уже терять свою красоту; мужество—свою бодрость, и старость стала ближе къ своему исходу. Да, въ этотъ часъ разлуки, пусть мысль о краткости жизни, воплотившись въ живые *образы*, станетъ предъ нашею душею! Жизнь—это полевой цвѣтокъ; распускается, цвѣтетъ, услаждаетъ взоры, потомъ блѣднѣетъ, вянетъ и — слѣдъ его исчезаетъ. Преходящій годъ! Ты пощадилъ дрожащую старость и слабое дѣтство: но похитилъ цвѣтущую юность и низвелъ во гробъ мужей полныхъ силы. Сколько семействъ встрѣчали тебя съ надеждою и радостію, а провожаютъ со слезами! Но и годъ, который слѣдуетъ за тобою, въ теченіи своемъ возметъ дань съ каждаго возраста. Въ этой вечерней тиши мы печально смотримъ на васъ, которые отошли отъ насъ въ другую жизнь, на васъ, которые воспѣваете уже въ сонмѣ

Ангеловъ хвалебную пѣснь Безконечному. Могильные камни надъ прахомъ вашимъ возбуждаютъ насъ къ вѣрѣ, надеждѣ, любви, и воззываютъ къ лучшему свѣту. Вы привѣтствовали вмѣстѣ съ нами утро новаго года: но безъ васъ встрѣчаемъ мы его вечеръ. Вы переселились въ священную землю, гдѣ и намъ уготовано мѣсто. Но вы не навсегда отошли отъ насъ; вы не исчезли изъ среды живыхъ: для васъ началась лучшая, прекраснѣйшая жизнь. Рано или поздно взойдетъ и надъ нами священное утро ея. Стоя на предѣлѣ года, мы смотримъ на предѣлъ нашего святаго странствованія яснѣе, спокойнѣе, возвышеннѣе, и радуемся небесному будущему, для котораго мы здѣсь трудимся и пришельствуемъ. Нѣтъ ничего возмутительнаго въ мысли, что мы стали ближе къ часу освобожденія отъ скорбей земныхъ, къ мѣсту вѣчнаго покоя. Пусть всякій изъ насъ въ утро новаго года скажетъ самому себѣ съ благочестивымъ спокойствіемъ: можетъ быть, это послѣдній годъ въ моей жизни. Боже, твой есмь азъ; для Тебя я живу, къ Тебѣ умираю. Мы сокрушаемся, когда наши родные одинъ за другимъ выходятъ изъ нашего круга: но за то остающіеся въ живыхъ тѣмъ пламеннѣе будутъ ожидать безсмертія. Еще нѣсколько лѣтъ земныхъ сновидѣній и—настоящее дружеское общество, прекрасное, крѣпкое и любящее, все соединится тамъ въ дому Отца небеснаго. Доселѣ сопровождали насъ вѣра, любовь и надежда: мы хотимъ соблюсти до конца священную драгоцѣнность жизни—миръ съ Богомъ и молимся Ему за насъ и за всѣхъ братій нашихъ, чтобы Онъ даровалъ намъ силу сохранить вѣрность и мужество въ послѣдней борьбѣ

и озарилъ души наши веселіемъ въ скорбный часъ смерти.

О, ниспосли ихъ намъ, Милосердый, тогда, когда солнце жизни нашей заходить будетъ! Что дала земля, то не можетъ утишить желаній пламеннаго духа. Чѣмъ мы наслаждались въ этомъ году, прошло; что теперь называемъ своимъ,—можетъ быть, скоро пройдетъ. Укрѣпи насъ во дни искушенія, когда сердце будетъ ослабѣвать въ борьбѣ за твою любовь, и въ мирѣ пересели насъ къ Себѣ, когда пробьетъ послѣдній нашъ часъ!

ОГЛАВЛЕНІЕ

второй части Христ. Чт. за 1856-й годъ.

ЦЕРКОВНОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.